РПА
ВСЕРОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ЮСТИЦИИ
1970

СБОРНИК СТАТЕЙ

20

Державинские чтения

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

2026

ВГУЮ | ВГУЮ | ВГУЮ |

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВСЕРОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ЮСТИЦИИ (РПА МИНЮСТА РОССИИ)»
ВГУЮ (РПА МИНЮСТА РОССИИ)

XX МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«ДЕРЖАВИНСКИЕ ЧТЕНИЯ»

(Тула – Москва, 26–30 октября 2026 года)

Сборник статей

г. Москва
ВГУЮ (РПА Минюста России)
2026

УДК 340
ББК 67
Д 22

Ответственный редактор:
Александрова О.И., ректор ВГУЮ (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент

Редакционная коллегия:
Гурьев Д.В., первый проректор ВГУЮ (РПА Минюста России), кандидат экономических наук
Гуреев В.А., проректор по научной работе ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор
Бабенко В.Н., главный научный сотрудник центра научных исследований ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор исторических наук, профессор
Илюшина М.Н., заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Казачкова З.М., заведующая кафедрой административного, финансового и информационного права ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор
Кирсанова Е.В., старший научный сотрудник центра научных исследований ВГУЮ (РПА Минюста России)
Колосова И.М., заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики ВГУЮ (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент
Красиков В.И., главный научный сотрудник центра научных исследований ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор философских наук, профессор
Оганесян Р.Г., младший научный сотрудник центра научных исследований ВГУЮ (РПА Минюста России)
Макеева А.М., помощник ректора ВГУЮ (РПА Минюста России)
Панченко В.Ю., заведующий кафедрой теории, истории государства и права ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор юридических наук, доцент
Сангаджиев Б.В., заведующий кафедрой конституционного и международного права ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор
Яцеленко Б.В., заведующий кафедрой уголовного права и криминологии ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

Д 22 **XX Международная научно-практическая конференция «Державинские чтения»** (Тула – Москва, 26–30 октября 2026 года) : сборник статей / отв. ред. О. И. Александрова ; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)». – Москва : ВГУЮ (РПА Минюста России), 2026. – Текст: электронный. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – 6 Мб. – 500 экз. – ISBN 978-5-00220-597-4

Системные требования: Intel Pentium® или аналогичный с тактовой частотой 1,3 ГГц, 500 Мб HDD, 128 Мб RAM; Windows, Linux, Mac OS; Adobe Acrobat Reader.

В сборнике представлены материалы, подготовленные к проведению XX Международной научно-практической конференции «Державинские чтения». Издание предназначено для студентов высших учебных заведений юридического профиля, аспирантов, всех тех, кто делает первые шаги в научном осмыслении юриспруденции.
Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание статей студентов и аспирантов несут ответственность их научные руководители. Орфография и пунктуация – авторские.

Издание подготовлено при информационной поддержке справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

12+

УДК 340
ББК 67

ISBN 978-5-00220-597-4

© ВГУЮ (РПА Минюста России), 2026
© Коллектив авторов, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ГАВРИИЛ РОМАНОВИЧ ДЕРЖАВИН: ТВОРЧЕСТВО И ЛИЧНОСТЬ ПЕРВОГО МИНИСТРА ЮСТИЦИИ

Литвинова Э. А.
Роль Г. Р. Державина в развитии российской государственности и национальной культуры конца XVIII – начала XIX века.....15

Милешина Н. А.
«Когда народ кого не любит, полки его и деньги – прах»: восприятие власти российским обществом второй половины XVIII – начала XIX столетий в оценках Г. Р. Державина.....23

Стрельникова С. Д.
Г. Р. Державин на пути к справедливости: примирительные процедуры и третейское разбирательство в России конца XVIII – начала XIX века.....29

«ВЕЛИКАЯ РОССИЯ»: ОТ ПЕТРА АРКАДЬЕВИЧА СТОЛЫПИНА ДО НАШИХ ДНЕЙ

Авдышев А. А.
Становление суда присяжных в Российской империи.....37

Владимирова В. А.
Правовые основы борьбы с политическим терроризмом в Столыпинский период и современное антитеррористическое законодательство.....41

Душина С. В.
Роль аграрной реформы П. А. Столыпина в формировании новой политики в сфере землеустройства.....47

Дымченко В. А.
Зарождение системы отбывания наказания для несовершеннолетних в дореволюционной России (1866–1917 гг.).....55

Ерошкина А. В.
«Великая Россия»: от Петра Аркадьевича Столыпина до наших дней.....59

Конева Д. А.
Переселенческая политика в рамках Столыпинских реформ: цели, инструменты, результаты. На примере Сибири и Дальнего Востока.....63

Кошелева А. А., Бахтурова Д. В.
Столыпинская аграрная реформа: мировоззренческие основания и ценностные ориентиры.....70

Лежнев С. А.
Политическая стабильность как ценность.....77

Ляповка П. И.
Наследие реформ П. А. Столыпина в контексте эволюции правового государства в России: от истоков к современности.....81

Нестолий В. Г., Андриянова И. Е.
Анатолий Федорович Кони в истории исполнительного производства (образ А. Ф. Кони на объектах филателистического коллекционирования).....88

Остапчук Е. Е.
Соотношение государственных интересов и личных свобод: историко-правовой анализ (от П. А. Столыпина до наших дней).....93

Хуснуллин Б. Д.
Традиция и закон: правовые механизмы сохранения культурно-исторической преемственности России (наследие П. А. Столыпина и современность).....97

Черненко М. А.
«Великая Россия» как конституционно-правовая категория: рецепция идей П. А. Столыпина в современном российском конституционализме.....102

ДОВЕРИЕ К АЛГОРИТМУ ИИ: МОЖНО ЛИ ЗАМЕНИТЬ СУДЬЮ И СУДЕБНОГО ПРИСТАВА?

Анисимов А. Г.
Искусственный интеллект в российском судопроизводстве: правовое регулирование, перспективы внедрения и риски.....111

Акимочкина С. М.
Этические аспекты и особенности влияния искусственного интеллекта на профессиональную деятельность сотрудников следственных органов.....116

Артемова Е. В.
Перспективы внедрения искусственного интеллекта в судебную систему: правовые пределы и человеческий контроль.....121

Горбунова Ю. П.
Возможности искусственного интеллекта при осуществлении судопроизводства.....127

Жукова П. В.
Использование искусственного интеллекта в деятельности органов прокуратуры.....133

Матвеева М. О.
Цифровой Посейдон против Фемиды: быть ли автоматическому контролю над судьями?.....138

Меркулова Д. О.
Реестровая модель исполнительного производства: основные вызовы и пути их преодоления.....143

Пермякова К. Д.
Использование искусственного интеллекта юристами в ходе представительства интересов в суде: пределы допустимого и перспективы.....151

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Абдульманов Р. А.
Уголовно-правовые меры обеспечения государственной поддержки технологий искусственного интеллекта: ответственность за неправомерное применение.....159

Брисберг С. А.
Правовой режим результатов ИИ, созданных при государственной поддержке: кто становится правообладателем?.....164

Дмитриева В. А.
Модернизация системы «Безопасный город» с использованием технологий искусственного интеллекта.....169

Жилин И. К.
Государственное регулирование развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации: правовые гарантии и перспективы применения в юридической сфере.....175

Исаков Д. Г.
Цифровое безмолвие: почему доктрина административного молчания не применима к ИИ-ассистентам.....180

Калюта У. А.
Суверенная и национальная большая фундаментальная модель искусственного

интеллекта в законе № 243-ФЗ: статус и меры поддержки 186

Ладыгина М. Д.
Цифровой двойник вещи: правовая природа, оборотоспособность и защита прав владельца 193

Лазарев Я. А.
Правовая биоинформатика и геномное редактирование в эпоху искусственного интеллекта 196

Логинов К. В.
Ответственность за ошибки генеративного ИИ: правовой статус недостоверной информации 202

Ревенко В. А.
Проблемы правового регулирования искусственного интеллекта в Российской Федерации 211

Савинкина Л. С.
Снижение барьеров для внедрения ИИ: роль экспериментальных правовых режимов 216

Селеменева В. В.
Налоговые льготы и преференции для *IT*-компаний: влияние на масштабирование технологий искусственного интеллекта 221

Сокиркина А. В.
Правовые аспекты обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации в сфере искусственного интеллекта: баланс открытости и безопасности 228

Шахова Я. Н.
Государственно-правовое регулирование применения искусственного интеллекта в системе обеспечения национальной безопасности 232

Шейкин А. Г.
Организационно-правовые основы управления и контрольно-надзорной деятельности в сфере искусственного интеллекта: сравнительно-правовой анализ 239

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ВЗЫСКАНИЮ ДОЛГОВ: НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИНСТРУМЕНТОВ

Борисов Н. А.
Некоторые аспекты защиты прав должников от недобросовестных действий коллекторов 249

Дудник Э. В., Митяева Д. А.
Проблема «скрытых долгов» в наследственном производстве: информационная функция нотариуса и риски наследников 255

Мельникова Е. А.
Правовые средства обеспечения исполнения денежных обязательств в условиях современных экономических отношений: проблемы эффективности и предупреждения задолженности 262

Ростун И. В.
Мораторий и отсрочка как меры государственной поддержки застройщиков: пределы ограничения прав дольщиков на взыскание неустойки 268

ЗАЩИТА БИЗНЕСА В ПРАВОВОМ ПОЛЕ: БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ И ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТРУМЕНТОВ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Бельтюкова Л. Н.
Мониторинг отчетности бизнеса за грантовую поддержку: баланс интересов и пределы уголовного преследования 277

Губанова В. В., Добровольская А. Д.
Защита бизнеса в правовом поле: баланс интересов и пределы применения инструментов уголовного преследования..... 284

Гурбанов К. В.
Пределы применения механизмов банкротного права в криминальных банкротствах..... 292

Елисеев Д. Э.
Использование переписки в мессенджерах при расследовании преступлений в сфере предпринимательства: проблемы установления автора и проверки подлинности сообщений..... 299

Загородникова В. С.
Дробление бизнеса: между налоговой оптимизацией и уголовной ответственностью..... 304

Малервейн А. П.
Баланс интересов государства и бизнеса: поиск оптимальной модели для Российской Федерации..... 311

Савкина А. С.
Баланс интересов при избрании меры пресечения в отношении предпринимателей: заключение под стражу или запрет определенных действий..... 318

Свищенкова К. А.
Методика обнаружения нелегальных P2P-сервисов, используемых для перевода внутриигрового имущества в безналичный расчет..... 324

Соломонова А. В.
Доступ к реестру исполнительных документов: конфликт публичности и защиты персональных данных..... 329

Сошников И. Д.
Бизнес как объект уголовно-правовой защиты от религиозного экстремизма..... 336

Урумова А. А.
Проблема определения границ уголовной ответственности в предпринимательских отношениях..... 341

Харченко Ю. С.
Цифровое имущество в преступлениях против собственности: современные пределы и пробелы уголовно-правового регулирования..... 346

К 25-ЛЕТИЮ ПРИНЯТИЯ III ЧАСТИ ГК РФ «НАСЛЕДСТВЕННОЕ ПРАВО»

Астапова Т. Ю.
О праве безвозмездного пользования жилым помещением, предоставленным по завещательному отказу, как обременении имущества..... 355

Бандурина Н. В.
Проблемы наследования цифровых активов в современной практике..... 360

Барышников М. Ю.
Частноправовые аспекты наследования объектов предпринимательства..... 365

Батракова В. И.
Институт нотариального удостоверения завещания: 160 лет поиска баланса между свободой завещания и защитой интересов семьи..... 370

Батрова Т. А.
Охрана наследственных прав при осуществлении управления наследственным имуществом: состояние и перспективы правового регулирования..... 375

Белова М. О., Попова Е. Е.
Правовая природа цифровых активов в наследственной массе и способы их защиты..... 381

Васина Е. В.
Наследование цифровых активов: правовые механизмы идентификации и передачи криптовалюты в нотариальной практике.....388

Гладуш И. В.
Проблемы правоприменения и перспективы развития института наследственного договора в российском праве.....394

Жувага А. А.
Цифровое наследство в международном частном праве: судьба аккаунтов, криптоактивов и цифровых прав после смерти.....401

Жукова А. А.
Практика составления завещания в чрезвычайных обстоятельствах.....406

Илюшина М. Н.
Доверительное управление наследственным имуществом, учреждаемое нотариусом, как одна из моделей доверительного управления наследственным имуществом.....410

Козлов М. Ю.
Институт недостойных наследников в гражданском праве.....415

Косоротикова Я. А.
Нотариат и медиация: возможности взаимодействия в гражданском обороте.....418

Лебедь Е. О.
Наследование цифровых активов: идентификация имущества как ключевая проблема нотариальной практики.....422

Маркова О. А.
Цифровизация наследственных правоотношений: цифровое завещание.....428

Мережкина М. С.
Тенденции судебной практики по вопросу признания наследника недостойным.....432

Свищенкова К. А.
К вопросу о наследовании криптовалюты и особенностях ее завещания.....435

Семкина А. С.
К вопросу о некоторых особенностях перехода доли в ООО к наследникам: от универсального правопреемства к корпоративному фильтру.....440

Трускалова С. Р.
Правовые проблемы выявления и наследования ценных бумаг, принадлежавших наследодателю.....446

Щербина Я. Е.
Соотношение государственного регулирования и саморегулирования нотариата в условиях ужесточения законодательства.....451

ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ И ИНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ОКАЗАНИЮ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ УСЛУГ

Зеленюк А. Ю.
Социальная значимость риелторской деятельности как первопричина государственного регулирования данной сферы.....457

Комарова С. И.
Саморегулирование в риелторской деятельности: баланс частных инициатив и государственного контроля в условиях цифровизации рынка.....463

Кривенда А. Д.
Государственное регулирование риелторской деятельности в городе Хабаровске.....468

Крутских Е. В.
Правовые коллизии распоряжения материнским капиталом при разделе имущества супругов и банкротстве.....473

Лебедев Д. А.
Перспективы законодательного регулирования риелторской деятельности в Российской Федерации.....480

Логинов А. В.
Проблемы гражданско-правовой защиты бизнес-сообщества от диффамации в современной России и направления их решения.....486

Матросова А. Е.
Гражданско-правовая ответственность риелтора за ненадлежащую проверку юридической чистоты сделки: процессуальные аспекты.....491

Олейник Р. В.
К вопросу о внедоговорной ответственности иностранного риелтора в международном частном праве.....497

Панов А. С.
Выбор применимого права в договоре с иностранным маркетплейсом: пределы автономии воли и защита российского потребителя.....503

Чикишева Н. А.
Наследование цифровых активов: пробелы правового регулирования и пути их устранения.....509

Шрам Д. В.
Частноправовые аспекты защиты конкуренции на цифровых платформах в условиях развития искусственного интеллекта.....514

РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КИЕВСКОГО РЕЖИМА

Гусейнова М. Г.
Защита культурного наследия в условиях вооруженных конфликтов: проблемы юридической квалификации и доказывания.....523

Иклимян С. А.
Преступления ВСУ в Курской области.....529

Курушина С. А.
Институционализация расследования преступлений киевского режима: от норм гуманитарного права к механизмам правосудия.....532

Лисенкова С. В.
Диверсионно-террористические угрозы современности: как киевский режим вовлекает молодежь в противоправную деятельность и методы борьбы с ней.....537

Симдянкина А. И.
Сравнительный анализ российской и зарубежных методик расследования финансирования терроризма на примере криптовалютных транзакций краудфандинговых платформ киевского режима.....544

Сухоруков А. К.
Государственный террор как форма правления киевского режима.....551

Тетерин А. Ю.
Фоноскопическая экспертиза телефонных переговоров и голосовых сообщений: вклад в расследование преступлений киевского режима.....558

Тхакумачев Б. Ю.
Судебно-экспертное обеспечение использования цифровых знаний в уголовном судопроизводстве по делам о преступлениях против России и ее мирных жителей, совершенных киевским режимом.....562

Ушаков С. А.
Преступность киевского режима: исторические аспекты и современное состояние.....569

Шитиков И. И.
Ложные прецеденты как инструмент

информационной войны Киева:
анализ и способы разоблачения.....573

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТОЛОГИЯ: БАЛАНС ЭВРИСТИК И АЛГОРИТМОВ

Вагапова Е. Д.
Взрывотехническая экспертиза
при расследовании террористических
актов, совершенных с применением
взрывных устройств.....581

Жукова А. А.
Судебная технико-криминалистическая
экспертиза документов как инструмент
защиты бизнеса.....585

Кузакова Т. Н., Минеева Е. В.
К вопросу о проведении экспертизы
порнографических материалов
и предметов, созданных
с использованием искусственного
интеллекта.....591

Леушин Г. О.
Специфика психолого-лингвистической
экспертизы в российской и зарубежной
судебно-экспертной практике по делам,
связанным с террористическим
движением «Колумбайн».....597

Попова М. И.
Противоречия между заключением
судебно-медицинского эксперта
и иными доказательствами по делам
о преступлениях против жизни
малолетних.....606

Пшенникова П. С.
Нейрокриминалистика: пределы
и возможности использования данных
о работе мозга в следственной
тактике.....613

Соболева А. А.
Проблемные вопросы пожарно-
технической экспертизы.....619

Шахверанов Р. В.
К вопросу об использовании специальных
знаний при производстве по уголовным
делам о преступлениях в сфере
экономической деятельности.....624

Шуплецова Д. С.
Некоторые особенности производства
дактилоскопической экспертизы следов
и объектов, подвергшихся
низкотемпературному воздействию.....630

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ: МУЛЬТИОТРАСЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Булгакова Д. А.
Дееспособность без ответственности –
ответственность без дееспособности:
формирование гармоничного правового
статуса несовершеннолетнего.....637

Воложанина А. А.
Административно-правовые меры
противодействия экстремизму в системе
предупреждения терроризма в России
и Франции: сравнительно-правовой
анализ.....642

Гильманова А. Ш., Гаранина П. В.
Состояние аффекта как редкое
смягчающее обстоятельство в уголовном
праве и уголовном процессе.....648

Елкина Д. Д., Жованова К. Н.
Цифровая среда как инструмент
вовлечения несовершеннолетних
в преступления террористического
и диверсионного характера:
уголовно-правовая оценка
и предупреждение.....653

Жирнова З. Д.
Психическое принуждение как
обстоятельство, исключающее
преступность деяния, при совершении
террористического акта.....660

Заседателева Е. И.
Политический террор и уголовно-правовой ответ в Российской империи: правоприменительная практика 1870–1880-х гг. 665

Ибрагимова К. Р.
Правовая культура как фактор устойчивости студенческой молодежи к идеологии терроризма: механизмы формирования 669

Карцева А. Ю.
К вопросу об отдельных способах нарушения тайны переписки лицами, совершающими преступления террористического характера 677

Кисткин Н. В.
Проблемы правового регулирования порядка возбуждения уголовных дел о преступлениях террористического и экстремистского характера 683

Красиков В. И.
Формы современного террористического рекрутинга в виртуальном пространстве современной российской действительности. Возможные меры противодействия 690

Манюк Н. Я.
Когда поиск становится правонарушением: проблемы ответственности за поиск экстремистских материалов 698

Печушкина В. Л.
Пределы правомерности необходимой обороны гражданских лиц при пресечении террористических актов: проблемы теории и практики 702

Потапова Л. А.
«Формула террора» против «формулы безопасности»: криминологический анализ 709

Разгадова О. А., Филькина А. А.
«Геймификация» экстремизма: вербовка и радикализация молодежи через игровые платформы и виртуальные миры 716

Сильченко М. Д.
Скулшутинг: почему подростки приходят к точке невозврата 722

Тихомиров В. В.
Актуальные проблемы квалификации преступлений диверсионно-террористической направленности 727

Тортугаева А. А.
Феномен женского терроризма: недооценка угрозы и ее последствия 732

Шигурова М. А.
Проблемы института уголовной ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма 739

Шуайбова Х. Ш.
Антитеррористическая защищенность образовательных организаций: проблемы и пути решения 746

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ: СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ И ТРАНСГРАНИЧНОГО КОНТУРА

Арнаутова В. А., Пыхалова К. Б.
Правовые основы использования цифрового рубля в Российской Федерации на современном этапе 753

Гагарин А. Ю.
Трансграничные расчеты в цифровых рублях как новый фактор риска легализации доходов, полученных преступным путем 761

Зотиков М. Д., Окань А. Д.
Актуальные вопросы правового регулирования цифрового рубля в Российской Федерации 766

Квеско П. Д.
Цифровой рубль как средство обеспечения суверенитета РФ 771

Кочубей А. В.
Уголовно-правовая характеристика цифрового рубля как предмета преступления.....775

Куликова А. Н.
Цифровой рубль: риск или польза?.....779

Лашкина Д. А.
Экономический эффект внедрения цифрового рубля для предприятий малого и среднего бизнеса.....784

Лустинен Ф. Д.
Роль цифрового рубля в формировании цифрового суверенитета Российской Федерации.....790

Махтиев М. М.
Цифровой рубль в системе национальной безопасности: экономический и технологический суверенитет.....796

Менгель М. А.
Цифровой рубль как расчетный слой федеративного платежно-коммуникационного интерконнекта в ШОС: архитектура, риски и дорожная карта.....803

Мулява А. А.
Цифровой рубль как ключ к цифровому развитию России: правовой аспект, сферы и перспективы применения в Российской Федерации.....809

Насакин П. Н.
Цифровой рубль: плюсы и минусы введения цифровой валюты в России.....816

Перкова Е. В.
Опыт Китая для России: уроки цифрового юаня для трансграничного сценария цифрового рубля.....819

Петрыкина К. А.
Цифровой рубль и криптовалюта: особенности правового регулирования.....823

Пыжьянова А. А.
Цифровой рубль и финансовая доступность: варианты применения в труднодоступных территориях и для социально незащищенных категорий граждан.....829

Смирнова П. К.
Обеспечение баланса инновационного потенциала и устойчивости финансовой системы в сценариях развития цифрового рубля.....835

Утешева Д. Р.
Цифровой рубль в условиях правовой неопределенности: трансграничный потенциал, проблемы и перспективы ее внедрения.....841

Халемендик М. Р.
Правовой режим цифрового рубля как третьей формы денег: разграничение с безналичными денежными средствами, электронными деньгами и цифровыми финансовыми активами.....846

ЭКОСИСТЕМА ДОВЕРИЯ: ЦИФРОВОЙ ФОРМАТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ ФИНАНСОВОГО РЫНКА

Звенигородская А. П.
Предложение модели правового регулирования аутсорсинга в России: от фрагментации к экосистеме.....855

Конов И. В.
Уголовно-правовые меры по противодействию финансированию терроризма в современных условиях.....862

Черницкая Д. Ф.
Экосистема доверия на финансовом рынке: защита прав участников программы долгосрочных сбережений.....870

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНСТРУМЕНТ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА (ОТ СЛОВАРЯ ДАЛЯ К СОВРЕМЕННЫМ ПРАКТИКАМ)

Ахматханов И. И.
Язык уголовного судопроизводства: коллизии и гарантии их преодоления.....877

Выхватень В. Н.
Языковая ситуация в Ямало-Ненецком автономном округе.....883

Гильфанова А. Р.
Язык как ресурс для интеграции мигрантов: роль русского языка в формировании чувства принадлежности к общему сообществу.....888

Клюгина Е. М.
Методика «Культурный код» как средство формирования многонационального единства обучающихся в междисциплинарном образовательном пространстве.....894

Куракина С. С., Рашидова Ч. В.
Некоторые приемы юридической техники составления актов толкования права (на примере постановлений Пленума Верховного Суда).....898

Курышова Е. В.
Эсперанто: может ли искусственный язык стать мировым?.....905

Мешалкин С. С.
Как отличить историческую правду от вымыслов и фальсификаций.....912

Потапова Е. Н.
Языковой барьер при оказании медицинских услуг иностранным гражданам: проблемы правового регулирования и китайский опыт нотариального сопровождения.....917

Степанов И. Л.
Правовые аспекты роли русского языка в практике адвокатов Республики Беларусь в условиях асимметричного двуязычия.....923

Гавриил Романович Державин: творчество и личность первого министра юстиции

УДК 340

Эвелина Алексеевна Литвинова,
студентка 2-го курса юридического факультета
Дальневосточного института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Хабаровск, Россия
litvinovaevelina2808@mail.ru

Научный руководитель:
Андрей Владимирович Самохин,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства
и права, социально-экономических и гуманитарных дисциплин
Дальневосточного института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Хабаровск, Россия
samohin.a.v@mail.ru

РОЛЬ Г. Р. ДЕРЖАВИНА В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА

Аннотация. Фигура Г. Р. Державина важна для понимания того, как в России формировались представления о государственной службе, законности и национальной культурной идентичности. Его опыт показывает связь между этикой чиновника, правовым сознанием и развитием литературы: Державин одновременно был государственным деятелем, требовавшим соблюдения законов и борьбы с коррупцией, и поэтом, который по-новому заговорил о власти, человеке и государстве. Цель статьи. Раскрыть двойную роль Г. Р. Державина – как влиятельного государственного деятеля и как поэта-новатора – и показать, как его гражданская позиция и художественные решения повлияли на развитие российской государственности и национальной культуры в конце XVIII – начале XIX веков. В статье рассмотрены: государственная служба Державина: его работа на постах губернатора, сенатора, генерал-прокурора и первого министра юстиции; конкретные инициативы и конфликты, связанные с борьбой против злоупотреблений и за укрепление законности.

Г. Р. Державин сыграл уникальную двуплановую роль: с одной стороны, он укреплял институты российской государственности, продвигая принципы законности, ответственности чиновников и системной борьбы с коррупцией; с другой – трансформировал национальную культуру, открыв новые возможности для русского литературного языка, жанров и типов лирического высказывания.

Ключевые слова: российская государственность; национальная культура; просвещение; политическое устройство; творчество.

Гавриил Романович Державин (1743–1816) – фигура, в которой с редкой полнотой соединились государственный деятель и поэт, практик управления и новатор художественного слова. Его жизненный путь пришелся на переломную эпоху: время масштабных реформ Екатерины II, бурных перемен при Павле I и первых либеральных ожиданий начала царствования Александра I. В этот период в России активно формировались институты государственного управления, складывались новые представления о службе, законе и ответственности власти, а в культуре шел напряженный поиск собственного языка, способного выразить и величие империи, и внутренний мир человека. Именно в этом двойном движении – в укреплении государственности и в становлении национальной культуры – роль Державина оказалась особенно значимой.

Уникальность его позиции состояла в том, что он не просто занимал важные государственные посты – от губернатора до первого министра юстиции Российской империи, – но и осмыслял службу как нравственный долг. Державин видел в чиновнике не просто исполнителя воли монарха, а ответственного перед законом и обществом служителя государства. Эта установка проявлялась и в его практической деятельности: в борьбе с коррупцией, в попытках упорядочить работу судов и прокуратуры, в разработке предложений по реформированию Сената. Но она же находила отражение и в творчестве: в одах и лирике Державин не отделял поэтическое высказывание от гражданского поступка. Его стихи становились формой общественного контроля, способом формулировать идеалы власти и напоминать о моральной ответственности тех, кто ею обладает.

Такой синтез гражданской позиции и художественного поиска позволил Державину стать своего рода мостом между разными эпохами и традициями. С одной стороны, он опирался на каноны классицизма, унаследованные от Ломоносова и Сумарокова, с другой – смело нарушал их, вводя в поэзию разговорную речь, бытовые детали, личные интонации и даже иронию. В результате он не только расширил выразительные возможности русского стиха, но и подготовил почву для будущих литературных преобразований, повлияв на становление пушкинской эпохи.

Цель данной статьи – проследить, как в деятельности и творчестве Г. Р. Державина переплетались задачи укрепления российской государственности и развития национальной культуры, и показать, каким образом его гражданская и художественная программа отвечала потребностям времени. Для этого в работе рассматриваются ключевые этапы государственной службы Державина, его представления о принципах управления и этике чиновника, а также основные поэтические тексты, в которых эти идеи получили художественное воплощение. Особое внимание уделяется тому, как Державин формировал новый тип публичного дискурса о государстве и обществе, соединяя язык закона и язык поэзии.

Г. Р. Державин родился 3 июля 1743 года близ Казани в небогатой дворянской семье. Рано потеряв отца (1754), он до 14 лет не имел систематического образования, получая частные уроки у дьячка и ссыльного немца Розе. В 1759 году поступил в Казанскую гимназию, где особо преуспел в рисовании.

В 1762 году участвовал в перевороте, возведшем на престол Екатерину II, в составе Преображенского полка. Из-за отсутствия протекции лишь через десять лет получил первый офицерский чин. В 1773–1774 годах как член секретной следственной комиссии участвовал в подавлении восстания Е. Пугачева, оставив ценные свидетельства о нем. В этот период начал литературную деятельность: издал «Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае» и переводы од Фридриха II.

В 1777 году по протекции князя А. А. Вяземского поступил на службу в Правительствующий сенат. С конца 1770-х годов в его творчестве наметился отход от классицизма: «Ода на смерть князя Мещерского» (1779) стала рубежом, а ода «Фелица» (1782) принесла ему известность и чин действительного статского советника.

С 1783 года – член Императорской Российской академии, где участвовал в создании первого толкового словаря русского языка – «Словаря Академии Российской» [1, с. 9].

В 1784 году Державин был назначен первым губернатором Олонецкой губернии. За 13 месяцев работы на этом посту он сумел сделать поразительно много: основал город Кемь, открыл первую больницу и аптеку, создал народные училища, губернский архив и почтовую службу. Он также составил подробное топографическое и этнографическое описание губернии, разработал административные уставы и правила для ряда учреждений. Сам Державин наиболее важными своими достижениями на этой должности считал: пресечение крестьянского возмущения, вызванного изъятием пахотных земель и заменой их «пустопорожними» участками в дремучих лесах, непроходимых болотах и на каменистой почве («чрезвычайно заваленные каменьями») открытие больницы на 40 человек; установление пограничной таможенной стражи между Россией и шведской Лапландией;организацию взаимовыгодной торговли хлебом со шведами.

Однако его деятельность в Олонецкой губернии была прервана из-за конфликта с генерал-губернатором Т. И. Тутолминым, который необоснованно

обвинил Державина в нарушении порядка управления. Сам Державин отмечал, что все обвинения «исчезли перед невинностью и правотой под щитом Екатерины», несмотря на недоброжелательность Вяземского и Тутолмина. Тем не менее, он был вынужден покинуть этот пост [2, с. 9].

В период с 1785 по 1788 год Г. Р. Державин руководил Тамбовской губернией, и именно тогда его управленческие усилия обрели четкую системность. Он серьезно перестроил работу канцелярии: добился стандартизации оформления документов, сделал процесс рассмотрения дел более прозрачным и менее громоздким.

Важным нововведением стали реестры дел – специальные описи в журналах, куда ежедневно заносились резолюции губернатора и советников. При этом соблюдался строгий принцип законности: каждое решение должно было опираться на действующие нормы. Для однотипных дел, требовавших идентичных решений, применяли лаконичную формулу – советник ставил отметку «тоже». Такой прием заметно ускорял обработку бумаг и одновременно закреплял персональную ответственность за исполнение поручений.

Еще одной мерой стало внедрение еженедельного реестра сообщений о делах, которые следовало довести до сведения общественности. Эти листы печатали в типографии и рассылали по государственным учреждениям и земским избам. Писари обязаны были подтвердить, что ознакомились с материалами, – для этого они ставили подписи на экземплярах. Далее заверенные листы публично размещали: их вывешивали у церквей, на базарах и ярмарках, чтобы информация стала доступна всем жителям губернии. По собственному замечанию Державина, благодаря этой системе население оперативно узнавало о важнейших решениях – будь то вопросы имущества, подрядов, откупов или поиска беглых рекрутов. Такой подход позволял избежать путаницы и пресекал возможные злоупотребления.

Тем не менее в Тамбове не обошлось без трудностей: у Державина возник серьезный конфликт с генерал-губернатором И. В. Гудовичем – спор касался расходования государственных средств. Гудович направил в Сенат две жалобы на Державина, однако по итогам разбирательства тот был полностью оправдан и смог продолжить службу.

Помимо административной работы, Державин активно участвовал и в интеллектуальной жизни страны: в 1783 году его избрали членом Императорской Российской академии. Позже его государственная карьера развивалась дальше – в 1791 году он стал кабинет-секретарем Екатерины II, а в 1795 году возглавил Коммерц-коллегию в должности ее президента [3, с. 9].

В 1802 году, при императоре Александре I, Гавриил Романович Державин был назначен на должность министра юстиции Российской империи, став первым, кто занял этот пост после создания министерской системы управления. Однако его пребывание на этой должности оказалось непродолжительным – чуть более года – и сопровождалось теми же принципиальными конфликтами, которые были характерны для всей его административной карьеры.

На посту министра юстиции Державин стремился укрепить законность и порядок в судебной системе, боролся с волокитой и злоупотреблениями чиновников. Он добивался, чтобы решения принимались строго в соответствии с законодательством, а не по произволу. Однако его прямолинейность и нетерпимость к нарушениям вновь стали причиной разногласий – теперь уже с высшими сановниками империи и самим императором.

Одним из ключевых направлений деятельности Державина стало противодействие несправедливым и незаконным решениям, которые пытались провести влиятельные лица. Он также настаивал на открытости и прозрачности судебных разбирательств, считая, что это позволит укрепить доверие к судебной системе. Кроме того, Державин занимался совершенствованием законодательства и подготовкой нормативных документов.

Активная гражданская позиция Гавриила Романовича по вопросам расхищения казны, взяточничества, несоблюдения законодательства, а также его частое нежелание контрассигновать некоторые законы вызывали большое раздражение у министров и самого императора. Это привело к тому, что 7 октября 1803 г. Гавриил Романович Державин был уволен с должности министра юстиции и генерал-прокурора [4, с. 9].

Гавриил Державин видел долг чиновника в честном служении Отечеству и строгом соблюдении законов. В «Рассуждении о достоинстве государственного человека» он обозначил ключевые требования к госслужащему: любовь к Родине и монарху, деловитость, честность, нетерпимость к лицемерию и готовность говорить правду.

В стихотворении «Властителям и судиям» Державин особо выделял приверженность законам как главное качество образцового чиновника, а их нарушение считал преступлением, требующим неотвратимого наказания. По его убеждению, мерилом заслуг госслужащего должна быть только добросовестная работа на благо страны [5, с. 9].

Эпоха, на которую пришелся творческий путь Г. Р. Державина, отличалась внутренней противоречивостью: каноны классицизма по-прежнему считались образцом, но уже не вмещали тех смыслов и интонаций, которые стремился выразить поэт. В обществе нарастал интерес к личности, к ее внутреннему миру и праву на собственное слово – и это напрямую влияло на литературу. Державину становилось тесно в устоявшихся жанровых границах, и он искал способы их раздвинуть.

Поэт действовал в двух направлениях: с одной стороны, он по-новому раскрывал потенциал традиционных форм, выявляя в них неожиданные смысловые и стилистические возможности; с другой – смело соединял в одном произведении элементы разных жанров и стилей. В результате возникали тексты, не укладывающиеся в привычные схемы, – они несли в себе черты сразу нескольких литературных структур и тем самым формировали оригинальные жанровые решения.

При этом историческая судьба наследия Державина сложилась парадоксально: его масштаб сегодня почти стерт из массового восприятия. Чаще

всего имя поэта всплывает в связи с известной пушкинской строкой «старик Державин нас заметил», но за этой цитатой редко видят ее глубокий историко-литературный смысл – речь шла о смене художественных эпох. Сегодня немногие способны вспомнить хотя бы несколько строк из произведений самого Державина.

Не менее недооцененным остается и его государственный вклад: годы службы на постах губернатора, сенатора и первого министра юстиции, где он последовательно отстаивал принципы законности и ответственности власти, известны преимущественно специалистам – историкам и правоведам, а не широкой публике [6, с. 9].

Именно здесь пролегает главный нерв державинского феномена: новатор-художник и суровый администратор были единым целым. Вечным идеалом для него, как и для подавляющего большинства просвещенных людей того времени, оставалась сильная монархическая власть. Он был абсолютно солидарен с Екатериной II, утверждавшей в статьях 8 и 9 своего Наказа, что «пространное государство» может существовать только при самодержавии, тогда как любая другая форма правления была бы для России «и вредна, и крайне разорительна» [7, с. 9].

Но служа этой власти, Державин требовал от нее главного условия – законности. Его реформаторский гений проявился в стремлении подчинить абсолютную волю монарха букве закона, искоренить коррупцию и сделать государственную машину прозрачной. Этот же бескомпромиссный этический императив пронизывает и его поэзию. Соединяя торжественную оду с гневной сатирой, философскую лирику с бытописанием, он создавал тот самый индивидуальный жанр, где государственное величие измерялось не блеском двора, а гражданской честностью.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что Г. Р. Державин – фигура исключительного масштаба, чье наследие охватывает сразу две важнейшие сферы жизни российского общества конца XVIII – начала XIX веков: государственное строительство и культурное развитие. Его деятельность не сводится к отдельным заслугам на чиновничьем поприще или к ряду поэтических новаций – она представляет собой целостный гражданский проект, в котором этическое понимание служения государству неразрывно связано с художественным поиском и преобразованием языка культуры.

В сфере государственного управления Державин последовательно отстаивал принцип верховенства закона и личной ответственности чиновника. Его административные практики – от упорядочивания делопроизводства в Тамбовской губернии до реформ в высших органах власти – были направлены на преодоление бюрократической рутины и пресечение злоупотреблений. Он стремился не просто исполнять распоряжения сверху, а выстраивать систему, где служба осмысляется как нравственный долг, а не как путь к личным привилегиям. В этом смысле его позиция опережала свое время: идеи прозрачности управления, подотчетности должностных лиц и строгого следования правовым нормам сохраняют актуальность и сегодня.

Одновременно в литературе Державин стал катализатором глубоких перемен. Оставаясь в поле классических традиций, он радикально переосмыслил их изнутри: разрушал жесткие границы «трех штилей», вводил в высокую поэзию разговорные интонации, бытовые детали и личностное начало. Соединение в одном тексте оды и сатиры, торжественного пафоса и иронического наблюдения, философской глубины и житейской конкретики рождало новые жанровые формы и расширяло выразительные возможности русского слова. Именно этот синтез подготовил почву для пушкинской эпохи и в целом определил вектор развития национальной поэзии.

Парадоксально, но именно эта двуплановость – одновременное присутствие в истории и как государственного деятеля, и как поэта-новатора – привела к частичной утрате масштаба его фигуры в массовом сознании. Сегодня Державина нередко вспоминают лишь в связи с пушкинской строкой, а его многогранный вклад оказывается затененным. Между тем именно в единстве этих двух сторон – в способности одинаково честно служить и государству, и искусству – и заключается его подлинное значение. Державин показал, что гражданская позиция и художественный поиск могут не противоречить друг другу, а взаимно усиливать общественный резонанс: его поэзия становилась формой общественного контроля, а административная деятельность – проявлением той же требовательности к себе и другим, которая звучала в его стихах.

Таким образом, наследие Г. Р. Державина – это не только важный этап в становлении российской государственности и национальной культуры, но и устойчивый нравственно-эстетический ориентир. Его опыт напоминает о том, что подлинное служение обществу требует не только профессиональных навыков, но и внутренней ответственности, смелости мыслить и действовать вне шаблонов – качества, востребованные в любые времена.

Пристатейный список литературы

1. *Державин, Г. Р. (*1743–1816). ФГБУ «Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина» : сайт. – URL: https://www.prlib.ru/collections/1159980.
2. *Александрова, О. И.* Роль Г. Р. Державина в государственно-правовом развитии России в конце XVIII – начала XIX вв. Вестник Российской правовой академии. – 2023. – № 2.
3. *Милованова, Д. Б.* Деятельность Г. Р. Державина в качестве губернатора в 1784–1788 гг. // Вестник Российской правовой академии. 2023. – № 2.
4. Никитин, П. В. Деятельность Г. Р. Державина на посту министра юстиции и генерал-прокурора» // Вестник Российской правовой академии. – 2023. – № 2.
5. *Державин, Г. Р.* Стихи // Культура.РФ : сайт. – URL: https://www.culture.ru/literature/poems/author-gavriil derzhavin?ysclid=mu8ftgh49c266591403

6. *Ларкович, Д. В.* Феномен авторского сознания Г. Р. Державина в контексте русской художественной культуры второй половины XVIII – начала XIX Века» // ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» : сайт. – URL:https://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/112799/0794209.pdf?sequence=-1
7. *Овчаренко, А. Ю.* Г .Р. Державин – первый российский министр юстиции и генеральный прокурор // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 4. – С. 84–89.

УДК 930

Наталья Александровна Милешина,
доктор исторических наук, профессор кафедры теории,
истории государства и права и социально-экономических дисциплин
Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
natmil@mail.ru

«КОГДА НАРОД КОГО НЕ ЛЮБИТ, ПОЛКИ ЕГО И ДЕНЬГИ – ПРАХ»: ВОСПРИЯТИЕ ВЛАСТИ РОССИЙСКИМ ОБЩЕСТВОМ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – НАЧАЛА XIX СТОЛЕТИЙ В ОЦЕНКАХ Г. Р. ДЕРЖАВИНА

Аннотация. Актуальность проблемы определяется востребованностью управленцев «державинского типа» в современной России и перманентных запросах общества на справедливую, гуманную и эффективную власть. Цель исследования заключается в сравнительном анализе идеального и реального образа власти екатерининской эпохи на основе наследия Г. Р. Державина. Анализ мемуаров, рабочих тетрадей пугачевского периода, литературных произведений Г. Р. Державина, позволил сделать вывод о том, что обозначенные источники отразили восприятие власти как прогрессивным дворянством, так и бунтовщиками Е. Пугачева. Главной проблемой власти изучаемого периода стало нравственное разложение чиновников, которое повлекло за собой «колебания народные» и протестные настроения, а также угрозу «новой пугачевщины» в конце XVIII – начале XIX веков.

Ключевые слова: власть; «пугачевщина»; государственный служащий; «просвещенный монарх; идеальный правитель.

Гавриил Романович Державин в оценках взаимоотношений власти и общества второй половины XVIII – начала XIX столетий, выражаясь языком Н. И. Павленко, словно «соткан из противоречий» [1, с. 281]. Как и всякий пред-

ставитель дворянского сословия, которое во время правления Екатерины Великой переживало свой «золотой век», он считает императорскую власть непреложной, обожествляет ее, пишет хвалебные оды и, как верноподданный гражданин, рассчитывает на монаршую милость. Одновременно он известен жесткой критикой пороков чиновничества и защитой интересов угнетенных слоев населения. В этой связи вопрос об оценках Г. Р. Державиным восприятия власти различными слоями российского общества в контексте ее «обратных связей» с обществом остается открытым.

Поставленную проблему невозможно анализировать без учета «фона эпохи» – эпоха «просвещенного абсолютизма» Екатерины II была не менее противоречивой, чем Гавриил Романович. Здесь причудливо уживались знаменитый «Наказ» императрицы с его либеральными идеями и упразднение гетманства на Украине, создание Вольного экономического общества для обмена новаторскими практиками помещиков и розги Салтычихи, ироничная переписка «республиканки на троне» с Н. И. Новиковым и ссылка «бунтовщика» А. Н. Радищева [1, с. 315]. Дворянство как традиционная опора трона было щедро осыпано привилегиями и неоднократно получало от императрицы доказательства монаршей милости в виде многочисленных подарков, исчисляемых в тысячах крестьянских душ, введения дворянского самоуправления на местах, «Жалованной грамоты дворянству» 1785 года, закрепляющей особый статус первого сословия и его исключительные права. Либеральные начинания Екатерины II сопровождались усилением крепостного гнета и ликвидацией автономии казацкой вольницы, что привело к восстанию Е. Пугачева 1773–1775 года. Советская историография окрестила этот громкий бунт «Крестьянской войной», но современные историки доказывают, что это скорее был казацкий протест против ликвидации их самоуправления, по инерции поддержанный другими слоями населения. Именно в процессе подавления этого выступления Г. Р. Державин не только впервые проявляет себя как государственный деятель, но и дает весьма объективные оценки этому конфликту власти и общества. Поскольку он служил при штабе генерал-аншефа А. И. Бибикова и имел достаточно широкий круг обязанностей – от составления рапортов и списков мятежников до сбора их показаний, организации дворянского ополчения и агентурной работы, то был не просто непосредственным очевидцем восстания, а находился в самой гуще событий. Не случайно его рабочие тетради («Черные мои отпуска по комиссии Пугачева», «Ордера по комиссии бунтовщика Пугачева») [2], составленные в этот период, стали ценными историческими источниками и неоднократно использовались исследователями при изучении восстания. Для нас особую важность приобретает тот факт, что Г. Р. Державин родился и вырос в Поволжье, поэтому хорошо знал территорию, на которой вспыхнул пугачевский бунт. Это часто использовалось властями и Гавриилу Романовичу приходилось много общаться с местным населением, собирая у него сведения о восстании. Поэтому его рабочие тетради отразили информацию о восприятии бунта разными слоями населения буквально из первых уст. Из этих же источников мы можем получить данные о восприятии восстания самим Г. Р. Державиным,

которое было двойственным: как его прямой очевидец он понимал его значимую угрозу для престола и дальнейшей судьбы российского общества, поэтому был сторонником жестких методов его подавления, что хорошо прослеживается в его собственных приказах о наказаниях бунтовщиков и их сторонников. Так, он нередко устраивал публичные казни мятежников с целью устрашения других людей. С другой стороны, он прекрасно осознавал истинные причины восстания и понимал, что его истоки кроются в масштабных проблемах во всех сферах российского общества, главной из которых было сохранение крепостного права и реакционных тенденций в государственной политике. В частности, в донесении казанскому губернатору Я. Л. Брандту Г. Р. Державин пишет о том, что «разбойник, распренник, грабитель» и «вселенной всей злодей» появился не просто так. Восстание стало естественной реакцией общества на казнокрадство, взяточничество и произвол чиновников. В частности, он призывал Брандта: «Надобно остановить грабительство… которое почти совершенно истощает людей… это лихоимство производит в жителях наиболее ропота» [2, с. 189]. В письмах и донесениях, посвященных оценке восприятия восстания в разных социальных слоях, Г. Р. Державин постоянно выделяет одну общую черту: «колебание народное», нестабильность общественного настроения. На практике такая нестабильность выливалась в малоприятную для властей историю: многие при появлении пугачевцев переходили на их сторону. Постоянно сталкиваясь с подобной ситуацией, Г. Р. Державин становится более осторожным при выборе наказаний для мятежников: так, он советовал не арестовывать сразу всех священников, опасаясь новых всплесков недовольства, призывал не мстить, а действовать милостиво, напоминая, что враги – это такие же люди. В целом, Гавриил Романович, несмотря на последующие резкие оценки Е.Пугачева в своих одах, не идеализировал восстание, но и не сводил его только к «злодейству» одного человека. «Колебания народные», на которые он указывал, были тревожным сигналом для власти и свидетельствовали о наличии серьезных проблем в государстве, игнорирование которых могло бы привести к новым кризисам власти.

Оценка Г. Р. Державиным восстания Е. Пугачева стала отправной точкой для его дальнейших рассуждений о взаимоотношениях власти и общества. Этот вопрос, учитывая все перипитии его непростого служения Отечеству стал для него глубоко личным и острым. В оценках Г. Р. Державиным обозначенной проблемы можно выделить несколько ключевых аспектов:

1. Власть = закон. Будучи монархистом, он был сторонником истинной монархии. Власть монарха не должна быть абсолютной – ее необходимо ограничивать, чтобы удержать от произвола. Чтобы приносить пользу обществу, правитель должен действовать строго в рамках закона и обязательно быть «просвещенным». С точки зрения Г. Р. Державина, «государи-философы служат залогом блаженства народов» [3, с. 174]. Интересно, что на опору самодержавия – дворянство он при этом возлагал особую миссию. Благородное сословие должно «умерять» власть монарха, в противном случае она рискует превратиться в тиранию. С другой стороны, дворянство как наи-

более образованное сословие через собственный пример и влияние должно транслировать верноподданнические настроения в другие слои населения. При всем пиетете перед властью, общество не должно иметь страха перед ней. Основная роль дворянства заключается в том, что оно «приучает глаза народа определять и поддерживать блеск государственной власти, не ужасаясь оной» [3, с. 183].

2. Законность и правосудие = социальная стабильность и порядок.

Г. Р. Державин искренне верил: только строгое следование закону способно обезопасить страну от новых вызовов и потрясений. При этом он был приверженцем идей естественного права и доказывал, что государственные законы должны основываться на принципах справедливости.

3. Власть = долг перед обществом. Для Г.Р. Державина власть – это не привилегия, это служение. В своей нашумевшей оде «Властителям и судий» (1780) поэт резко и эмоционально обличает пороки власти и четко формулирует, в чем заключается долг правителя перед обществом: не взирать на знатность происхождения и «лица сильных», освобождать от наказания невинных, от сильных защищать бессильных («сирот и вдов не оставлять»), исторгнуть бедных из оков [3, с. 225]. Но, оценивая современное ему общество XVIII столетия, Г. Р. Державин вынужден констатировать, что власть не выполняет предписанные ей функции. «Земные боги», которыми возомнили себя власть имущие, погрязли в пороках – не карает злых и неправедных, и покрыв «мздою очеса», не видит и не хочет видеть несправедливость, бесчувственна и слепа к страданиям простых людей. В результате такого порочного управления обществом, «злодействы землю потрясают, неправда зыблет небеса». Интересно, что ода является вольным переводом 81 Псалма царя Давида, входящего в Псалтирь. Понимая, как власти сложно справиться со множеством ее пороков, Г. Р. Державин обращается к самому мощному – христианскому средству воздействия на пороки власти: он напоминает правителям, что их божественность – это фикция, они – так же грешны и смертны, как все люди («Но вы, как я подобно, страстны, / И так же смертны, как и я»). Поэт предупреждает «земных богов, что когда-то и они покинут этот мир: «И вы подобно так умрете, / Как ваш последний раб умрет!». Им придется предстать перед Судом Божьим и ответить за все свои прегрешения: «Приди, суди, карай лукавых / И будь един царем земли!» [3, с. 226].

4. Правитель = личный пример для подданных. Г. Р. Державин подчеркивал, что образ правителя во многом определяет то, как сложатся отношения власти и общества. Так, в своей знаменитой оде «Фелица» (1782) он списывает с Екатерины II, основываясь на либеральном «Наказе» императрицы, образ идеального, просвещенного монарха. Идеальный государь в его представлении – милосерден и добродетелен, его законы и наказания основываются на принципах гуманизма. Для него важно мнение подданных, он прислушивается к ним, а также с уважением относится к сложившимся в стране обычаям и традициям: «Там можно пошептать в беседах / И, казни не боясь, в обедах / За здравие царей не пить». Образ жизни такого правителя мало чем отлича-

ется от рядового человека, он скромен и прост: «Почасту ходишь ты пешком, / И пища самая простая / Бывает за твоим столом» [3, с. 226]. Г. Р. Державин называет и другие качества, необходимые идеальному правителю – справедливый, «добрый, благонравный, пекущийся за государство», отличающийся «любомудрием и прозорливостью». Однако ни один самый лучший правитель не добьется успеха без поддержки, большую роль играет его окружение. Г. Р. Державин впервые смело противопоставляет мудрость Фелицы порокам ее вельмож, которые увязли в праздности, лени, нежелании заниматься государственными делами и показной роскоши. Он иронично рисует облик Потемкина – гурмана и любителя пиров; братьев Орловых, для которых главная радость жизни – пляски и кулачные бои; Панина, променявшего государственные дела на охоту; Вяземского, который «над Библией, зевая, спит», зато с удовольствием читает «Полкана и Бову» [3, с. 245].

5. Привилегированные сословия = опора власти. Г. Р. Державин понимал, что устойчивость власти во многом определяется теми социальными слоями, которые ее поддерживают. Подобно одному из классиков социологии Г. Спенсеру, он сравнивал различные социальные слои с определенными органами и системами человеческого организма [4, с. 89]. Если дворяне выступали в качестве «подпоры престола», купцы представляли собой «кровеносные сосуды» государства, то земледельцы были его «питательной» системой. Для гармонии в обществе и предупреждения социальных волнений поэт считал важным искать компромиссы: развивать торговлю, ограничивать роскошь высших сословий, регулировать цены, поддерживать умеренные, разумные налоги.

6. Власть = ответственность. В «Рассуждении о достоинстве государственного человека» Г. Р. Державин обозначил основные качества чиновника: честность, деловитость, правдолюбие, нетерпимость к лицемерию. Одним из главных качеств государственного служащего он считал и право правдиво указывать на недостатки вышестоящим, не боясь последствий.

Г. Р. Державин не просто теоретически воплотил идеи прогрессивного дворянства в созданном им идеальном облике власти, он стремился личным примером призывать государственных служащих соответствовать обозначенным идеалам. На любом высоком государственном посту, который ему довелось занимать в конце XVIII – начале XIX столетия – губернатора, статс-секретаря, министра юстиции или генерал-прокурора – он пытался воплощать свои идеи, прямо и честно указывал вышестоящим лицам на их ошибки, вел непримиримую борьбу с казнокрадством и взяточничеством. Показательно, что на посту статс-секретаря Екатерины II в 1791–1793 гг. он следовал следующему принципу: «Чем высокопоставленнее был человек, тем взыскательнее становился Державин. К императрице он был беспощаден» [5, с. 111]. В 1802 году Г. Р. Державин, прославившийся своей принципиальностью и неподкупностью, уже на посту министра юстиции беспристрастно расследует одно из самых громких коррупционных дел в истории имперской России – дело калужского губернатора Лопухина.

В целом, суть взаимоотношений власти и общества, согласно запискам, рабочим тетрадям, литературным произведениям и личному примеру Г. Р. Державина сводилась к одному. Власть должна честно служить народу, основываться на законе, нести ответственность за свои действия перед обществом и Богом, руководствоваться принципами справедливости и гуманизма. Главная проблема власти согласно Г. Р. Державину – не в ее институтах, а в нравственном разложении управленцев. Общество, в свою очередь, имеет право требовать от власти исполнения этого долга. Если правители не будут управлять государством по совести и заповедям Божьим, власти грозит новая пугачевщина, которую уже не удастся подавить ни подкупом, ни силой оружия: «Когда народ кого не любит, полки его и деньги – прах».

Пристатейный список литературы

1. *Павленко, Н. И.* Екатерина Великая / Н. И. Павленко. – Москва : Проспект, 2026. – 768 с.
2. *Державин, Г. Р.* Записки 1743–1812: полный текст. Серия «Из классического наследия» / Г. Р. Державин. – Москва : Мысль, 2000. – 334 с.
3. *Державин, Г. Р.* Избранное / ред.-сост. В. Т. Дорожкина / Г. Р. Державин. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. – 303 с.
4. *Спенсер, Г.* Основания социологии. Серия «Из наследия мировой социологии» / Г. Спенсер. – Москва : Либроком, 2013. – 432 с.
5. *Ходасевич, В. Ф.* Державин / В. Ф. Ходасевич. – Москва : Книга, 1988. – 384 с.

УДК 347.918

Софья Дмитриевна Стрельникова,
студентка 2-го курса колледжа
Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Сочи, Россия
wantssleep@gmail.com

Научный руководитель:
Владимир Александрович Тер-Акопьян,
кандидат социологических наук, доктор философских наук,
доцент, преподаватель колледжа
Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Сочи, Россия
2790491@mail.ru

Г. Р. ДЕРЖАВИН НА ПУТИ К СПРАВЕДЛИВОСТИ: ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ И ТРЕТЕЙСКОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В РОССИИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА

Аннотация. В статье рассматривается участие Г. Р. Державина в примирительных процедурах и третейском разбирательстве в России конца XVIII – начала XIX в. На основе архивных материалов и опубликованных источников реконструируются формы посреднической деятельности, категории рассматривавшихся споров и правовые аргументы, использовавшиеся Державиным. Обосновывается положение о том, что его медиативная и арбитражная практика являлась не эпизодом биографии, а устойчивым элементом национальной юридической традиции, интегрированным в судебную систему Российской империи. Особое внимание уделено наследственным, земельным, брачно-семейным, долговым и вексельным делам, а также проектам модернизации третейского разбирательства.

Ключевые слова: история российского права; примирительные процедуры; медиация; посредничество; третейский суд; мировая сделка; Г. Р. Державин; судебная система Российской империи.

В российской хозяйственной и юридической традиции примирительные механизмы – посредничество (медиация), третейское разбирательство и их классический результат в виде мирового соглашения – на протяжении веков выступали органичной составляющей правовой культуры. Однако их история изучена неравномерно. Особый исследовательский интерес представляет период конца XVIII – начала XIX в., когда посредничество не существовало изолированно, а взаимодействовало с государственными судами, встраиваясь в их деятельность как примирительный модуль.

С конца XVIII до середины XIX столетия посредничество, или медиация, не существовало изолированно. Оно взаимодействовало с государственными судами и применялось параллельно с иными публично-правовыми механизмами урегулирования конфликтов. В правление императора Павла I, являвшегося сторонником мирного урегулирования, институт примирительных процедур пережил заметный расцвет. По указу самодержцев, а также по взаимному согласию конфликтующих сторон судебные споры нередко передавались на рассмотрение частных арбитров – третейских судей.

Посредническая деятельность Гавриила Романовича Державина, поэта и государственного деятеля, включала примирение противоборствующих сторон и урегулирование общественных конфликтов. Она занимала значительную часть его жизненного пути, но до сих пор остается на периферии исследовательского внимания по сравнению с его поэтическими и административными достижениями.

После конфликта с Павлом I в 1796 г. за Державиным закрепилась репутация неподкупного, совестливого и беспристрастного человека. Это открыло перед ним новое поприще. К поэту и сенатору все чаще обращались как к авторитетному третейскому судье по сложным имущественным тяжбам; ему доверяли попечительство над обширными дворянскими имениями и контроль за сохранностью капиталов.

В годы правления Павла I Державин стал одним из наиболее востребованных арбитров эпохи. Представители знатнейших фамилий поручали ему урегулирование наследственных, земельных, брачно-семейных и иных дел, опасаясь произвола государственных канцелярий. Поток прошений рос настолько стремительно, что к 1800 г. Державин пристроил к своему петербургскому дому дополнительный флигель, разместил там штат писарей и организовал регулярные приемы, фактически создав собственную «малую палату правосудия».

Державин имел опыт участия в совестных и третейских судах задолго до этих событий. В частности, он рассматривал тяжбу уральских промышленников братьев Демидовых, связанную с имением, оцененным в миллион рублей, и сумел завершить конфликт примирительным соглашением. Наибольший объем примирительной практики пришелся на конец 1790-х гг.

Выступая арбитром-третейским судьей, Державин урегулировал свыше ста запутанных тяжб: семейных, наследственных, земельных, долговых и вексельных. Размер предъявляемых исков нередко исчислялся многомил-

лионными рублями. Среди его доверителей фигурировали многие сановные персоны Российской империи. Помимо судебной работы по спорам, на Державина легло восемь официальных опек и попечительств: шталмейстера великой княгини Екатерины Павловны князя И. А. Гагарина, представителей рода Голицыных, графа Г. И. Чернышева, бывшего фаворита Екатерины II С. Г. Зорича и других. Опекунские функции он исполнял бескорыстно, обеспечивая подопечным материальную и правовую поддержку [1; 2].

Все рассмотренные Державиным дела условно делятся на пять категорий: семейные споры, наследственные вопросы, земельные конфликты, долговые и вексельные обязательства.

Работая в Межевом департаменте Сената, Г. Р. Державин регулярно сталкивался с конфликтами, неизбежно вспыхивавшими после Генерального межевания, и выступал в них признанным арбитром.

В 1797 г. он взял на себя посредничество в тяжбе майора Извекова с государственными крестьянами села Дьяконова Курской губернии, споривших о праве собственности на 4 тыс. десятин пустоши Черемонь. Разбирая материалы, Державин сопоставил нормы Уложения, межевые инструкции, долговые и «полюбовные» записи, купчие грамоты и прочие акты, что позволило выявить самовольный захват земли крестьянами [3; 4]. В 1798 г. столь же детально он рассматривал земельный спор тульских помещиков Черепова, Челищева, Гамалеи и Константинова.

Показательным является также дело об угодьях дворцовых сел Ярославской губернии, где спор между обер-камергером И. И. Шуваловым и графом А. И. Мусиным-Пушкиным демонстрировал масштабы самовольных захватов и пробелы в регламентации межевых работ. Державин проверил расположение и правовой статус всех 41 оспариваемой пустоши. Выяснилось, что причина многолетнего конфликта крылась в ошибках местных землемеров, неверно вынесших границы, а также в халатности межевой канцелярии, утвердившей дефектные планы. Впоследствии документы были исправлены и проведено повторное, уже нормативное межевание.

Самым запутанным из всех споров, оказавшихся на столе Державина, стало наследственное дело семьи Лопухиных. Личное повеление императора Павла I предписывало передать материалы именно ему и «рассудить по существу», минуя обычную тяжбу.

Изучив заявления сторон, представленные в третейский суд, а также архивные бумаги, медиатор реконструировал цепочку событий. Первоначально предмет спора – несколько деревень и три дома в Москве и Петербурге – принадлежал Александре Никаноровне Лопухиной, супруге вице-адмирала Н. Г. Лопухина. После ее кончины в 1756 г. собственниками стали вдовец и пятеро их детей: Борис, Александр, Николай, Наталья и Анна. Семья владела недвижимостью «сообща, без определенного раздела долей», что было типично для тогдашней дворянской практики. Лишь позднее наследники оформили раздел, и именно этот момент дал почву для дальнейших конфликтов.

Ключевым эпизодом оказалось поведение Николая: «падши в невоздержанную жизнь», он оброс казенными и частными долгами. Чтобы закрыть их, Николай в 1770-х гг. уступил брату Александру свою часть имения в селе Спасском Тверской губернии. Истцы – его вдова Мария и малолетний сын Александр, действующий через мать, – утверждали, будто передача была фиктивной, «безвременной и безденежной», призванной скрыть имущество от кредиторов с обязательством вернуть его после урегулирования долгов.

Державин, однако, представил письмо Александра к отцу, в котором недвусмысленно говорилось о покупке; более того, из приходно-расходных книг следовало, что за участок уплачено почти 25 тыс. руб. и дополнительно покрыты долги Николая. После смерти Николая в 1780 г. Мария обвинила деверя в незаконной опеке над ее сыном и в присвоении доходов на сумму 800 тыс. руб. Запрошенные из Опекунского совета документы показали: официальная опека Александром не открывалась, денег племянника он не трогал, напротив – выплатил остаточные долги умершего и содержал вдову с ребенком.

Отдельно Мария настаивала, что Анна, жена Александра, забрала ее драгоценности, платья и белье стоимостью 60 тыс. руб. Державин сослался на отсутствие описи имущества и напомнил норму Соборного уложения 1649 г.: украшения, подаренные супруге, после смерти мужа возвращаются в его род. Не нашлось подтверждений и требованию о доле в старых владениях Лопухиных в Галицком и Ростовском уездах – те земли при жизни вице-адмирала были легально отчуждены Евреиновой и Загряжской.

Анна Лопухина подала встречное заявление: ее вдовью седьмую часть захватила Мария с сыном. Проверка показала, что юный Александр уже унаследовал основные недвижимые активы дяди – имения с 1600 крепостных душ – и находится под материнской опекой. Если бы истцы возвратили Анне ее долю и возместили выплаченные братские долги с процентами, у них оставалось бы около 1000 душ, подчеркивал Державин. Он резюмировал: все претензии Марии «равны наглой клевете», ибо без поддержки Александра ее сыну едва ли досталось бы больше после расточительства отца [5].

В итоговом постановлении по конфликту Лопухиных Державин указал: Мария и Александр обязаны вернуть Анне седьмую часть наследственного имущества, выплатить пеню за насильственное присвоение имения, погасить за Николая принятые на себя долги, компенсировать казенные расходы на свое содержание и разделить спорное поместье поровну. Завершая изложение, он подчеркивал, что руководствовался голосом совести, как того требовал император Павел I [6].

Урегулирование сложных имущественных претензий и семейных коллизий требовало от посредника тонкой наблюдательности, психологической чуткости, гибкости, выдержки и житейской прозорливости. Эта корпоративно-общественная медиация почти не вознаграждалась материально, поглощала массу времени и энергии, однако Державин неизменно откликался на просьбы сторон и гордился сотнями успешно завершенных процессов.

Для него эта правотворческая миссия оставалась бескорыстным занятием, продиктованным нравственными побуждениями.

Характерный пример – спор графа М. Ф. Апраксина с супругой Е. И. Апраксиной (урожденной Гендриковой), требовавшей реституции приданого с начисленными процентами за пользование капиталом и доходами имений. Проанализировав имущественные отношения супругов, Державин мотивировал свое арбитражное определение: графиня на протяжении брака получала полноценное содержание, а граф фактически не извлек выгоды из ее активов; следовательно, взыскание стоимости приданого с процентами является юридически необоснованным и несоразмерно обременительным для ответчика.

В 1800 г. Державин завершил тяжбу о наследстве Александры, дочери новороссийского помещика Терентия-Владислава Надаржинского, сына духовника Петра I. Хотя помещик еще при жизни публично признал девочку и обвенчался с ее матерью, после его смерти ближайшие родственники попытались аннулировать ее притязания на обширные вотчины и оспорить родовое достоинство.

Взяв на себя защиту юной Надаржинской, Державин составил развернутый юридико-публицистический трактат «Рассуждение о браке», где обосновал ее права, и сумел убедить Правительствующий сенат. Итоговым вердиктом высшей инстанции за Александрой закреплялись дворянское звание, отцовская фамилия и полное наследственное право на имения.

В своем трактате Державин развил представление о двойственной сущности брачного союза. Первая, «естественная», трактуется им как плотское содружество мужчины и женщины; вторая, «политическая», утверждается церковным или гражданским обрядом, превращая семейную связь в публично признанный и охраняемый законом институт. По мнению Державина, именно эта огласка дает браку правовую устойчивость, но само по себе свободное сожительство не является ни противозаконным, ни «неполноценным». Поэтому он настаивал: дети, рожденные как в освященном, так и в свободном браке, должны пользоваться равными гражданскими и имущественными правами – разумеется, если они крещены и официально признаны родителями.

Таким образом, дело Надаржинской не только восстановило справедливость в конкретной семье, но и зафиксировало в российской судебной практике более прогрессивное понимание брака и наследования.

Державин, накопивший солидный опыт медиатора, ярко реализовал его, возглавив Министерство юстиции: тогда он подготовил масштабный проект модернизации российского третейского разбирательства, предусматривавший унификацию процедур и расширение компетенции суда. Не менее плодотворной была его деятельность по предотвращению расточительства титулованных фамилий: государству он предложил конкретные механизмы усовершенствования опеки, попечительства и льготного кредитования дворянского сословия.

Примирительная и третейская практика Г.Р. Державина показывает, что в России конца XVIII – начала XIX в. посредничество и третейское разби-

рательство были не периферийным явлением, а органичной частью правовой системы. Деятельность Державина сочетала арбитраж, медиацию, опекунское управление и правотворческую аргументацию. Он действовал как негосударственный арбитр, опираясь на закон, совесть и доверие сторон.

Его опыт способствовал формированию культуры мирного урегулирования споров, защите имущественных прав и развитию третейского законодательства. Вместе с тем институт оставался зависимым от личного авторитета посредника, императорской воли и сословной среды. Дальнейшее изучение архивных дел позволит уточнить место медиации в истории российского права и ее роль в эволюции судебной системы.

Пристатейный список литературы

1. ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 1. Т. 17. Л. 17–18, 94–95.
2. РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 731. Л. 1–13, 27–27 об. ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). Ф. 96. Оп. 10. Д. 9. Л. 3–35 об. РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 721. Л. 69–102.
3. РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 726. Л. 9–16.
4. РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 729. Л. 2–4.
5. РГИА. Ф. 1330. Оп. 1. Д. 58. Л. 9–13, 28–48.
6. РГИА. Ф. 1330. Оп. 2. Д. 24. Л. 22–28, 31–38.
7. РГИА. Ф. 1400. Оп. 1. Д. 734. Л. 1–4 об., 12–15 об., 17–21.
8. *Грот, Я. К.* Жизнь Державина, составленная по его сочинениям, письмам и прочим историческим источникам. – СПб., 1880. – [Т. 1]. – С. 721–722.
9. *Державин, Г. Р.* Записки Гавриила Романовича Державина (1743–1812) в издании с развернутыми литературными и историческими примечаниями, составленными П. И. Бартеневым. – М., 1860.

«Великая Россия»: от Петра Аркадьевича Столыпина до наших дней

УДК 340

Александр Андреевич Авдышев,
студент специалитета 1-го курса факультета высшего образования
Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Санкт-Петербург, Россия
sigal78aa@gmail.com

Научный руководитель:
Ирина Александровна Суслина,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории,
истории государства и права, социально-экономических дисциплин
Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Санкт-Петербург, Россия
suslina0304@gmail.com

СТАНОВЛЕНИЕ СУДА ПРИСЯЖНЫХ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация. Сегодня мы поговорим об одном из самых интересных юридических институтов – суде присяжных. Целью является изучить, как зарождалась эта идея в Российской империи, развивалась, что с ней стало после революции и работает ли она сегодня. Проанализировав труды известных правоведов, общественных деятелей, юристов и историков, мы пришли к выводу, что идея зарождения суда присяжных началась в Российской Империи в 18-ом столетии и была реализована лишь спустя 100 лет.

Ключевые слова: «Наказ»; коллегия присяжных; суд присяжных; судебная реформа; «суд совести».

Суд присяжных – это форма судопроизводства, при которой решение о виновности или невиновности подсудимого принимают не профессиональные судьи, а коллегия обычных граждан (присяжных заседателей). Главная идея данного процесса – это разделение юридической и фактической сторон дела. В такой системе происходит четкое разделение обязанностей. Коллегия

из присяжных оценивает доказательства и отвечает на три основных вопроса в соответствии со статьей 339 УПК РФ [1] «Содержание вопросов присяжным заседателям»: «Доказано ли, что деяние имело место? Доказано ли, что деяние совершил подсудимый? Виновен ли подсудимый?». Судья в это время должен следить за законностью процесса, проверять допустимость обвинений и доказательств, а также выносить вердикт на основании мнений присяжных о виновности или невиновности подсудимого.

«Суд совести» – частое название суда присяжных, так как присяжные опираются не только на содержание законов, но и на человеческую справедливость и обстоятельства произошедшего. Александр Федорович Кони об идеи суда присяжных говорил: «Суд жизненный, имеющий облагораживающее влияние на народную нравственность, служащий проводником народного правосознания, должен не отойти в область преданий, а укрепиться в нашей жизни» [2, с. 282].

Исследователи и правоведы (К. Победоносцев, М. Чельцов-Бебутов, Н. Стус) считали, что народное собрание Вече на Руси, а именно в Новгороде можно частично считать присяжным судом [3]. Вече являлось народным собранием, на котором в том числе выносились судебные решения народного суда. Хоть тот процесс и вряд ли схож с нашим представлением о присяжном суде, но все равно народное собрание в Новгороде можно сравнить с судом присяжных и найти сходства в том, что участвовали обычные граждане, решения принимались строго голосованием и обсуждением, а также участники собрания опирались на обстоятельства преступления и были независимы. Однако речь идет о становлении суда присяжных в Российской Империи.

Екатерина II и ее «Наказ» (1767 год) [4] заложили фундамент присяжного суда в Российской Империи в эпоху «просвещенного абсолютизма». В своем законопроекте «Наказе», предложенным Уложенной комиссии, Екатерина, взяв в основу идеи французского правоведа Шарля Луи де Монтексье и итальянского юриста Чезаре Беккариа, сделала важный вывод о том, что судить человека должны ему равные. По ее мнению, в суде должны были участвовать представители такого же сословия, что и подсудимый. 1775-й – год введения сословных судов в Российской Империи. Например, дворян судил Уездный суд или Верхний земский суд, а крепостных крестьян мог судить помещик. Идея участия представителей того же сословия положила начало появления суда присяжных в Российской Империи.

Проект Михаила Михайловича Сперанского 1807 года [5] предлагал разделить власть на нам сейчас известные три ветви: судебную, законодательную и исполнительную. Что касалось идей о суде, то он предложил полноценный суд присяжных, однако консервативное дворянство возразило, посчитав это опасностью. Из всех предложений Михаила Сперанского император Александр I лишь учредил Государственный Совет.

Декабристы 3-го десятилетия XIX века Никита Муравьев и Павел Пестель в своих произведениях «Конституция» [6] и «Русская Правда» [7] соответственно считали суд присяжных инструментом противодействия коррупции. Их главная идея была в вводе суда присяжных как обязательного органа

в уголовных делах и некоторых гражданских. Суд присяжных, по их мнению, должен был набираться из обычных граждан, а также он должен был быть равным для всех и быть гласным.

В середине XIX века правовед и историк Константин Кавелин писал, что суд чиновников изжил себя и стране нужен состязательный гласный суд.

Мечта стала реальностью при Александре II в 1864 году. Судебная система изменилась: появился суд присяжных, в который входило 12 человек из разных сословий [8]. Правда вводился суд присяжных поэтапно, то есть вводился не сразу по всей территории Российской Империи. Например, в Восточной Сибири и Приамурском крае суд с участием присяжных создан не был. Только в 1909 году Томская и Тобольская губернии, а также Барнаульский окружной суд и еще несколько уездов Архангельской губернии начали рассматривать дела с участием суда присяжных. Несмотря на это процесс стал открытым, гласным и состязательным – с прокурором и адвокатом. В середине 1880-х годов, по мнению Анатолия Федоровича Кони, «суду присяжных в России подсудно втрое больше дел, чем во Франции, и вчетверо больше, чем в Австрии». Присяжным мог стать любой мужчина из любого сословия в возрасте от 25 лет до 70 лет, умеющий читать по-русски и проживавший более 2 лет в том уезде, где проводилось избрание в присяжные.

Наверное, самым главным и известным делом тех годов считается дело Веры Засулич. В 1878 году Засулич стреляла в градоначальника Трепова за жестокое отношение к политзаключенным. Поводом стало наказание народнику Алексею Боголюбову за то, что он не снял шапку при встрече с Треповым, находясь под арестом. Присяжные оправдали ее, посчитав действие ответом на полицейский произвол. Председательствующим судьей как раз-таки являлся ранее упомянутый Анатолий Федорович Кони [9]. Именно после этого дела Кони вписал себя в историю олицетворением независимого суда. Анатолий Федорович отказывался подчиняться требованиям министра юстиции и императора вынести обвинительный приговор Вере Засулич, он строго соблюдал законность процесса, выслушивая сторону защиты и в конце концов Засулич была освобождена из зала суда. После этого дела власть испугалась непредсказуемости «суда совести» и начали постепенно забирать из ведения присяжных политические дела.

После Октябрьской революции 1917 года Совнарком РСФСР принял Декрет о суде № 1, полностью упразднив суд присяжных, объявив его институтом буржуазии. В СССР нашлась альтернатива суда присяжных, которая называлась системой народных заседателей. Однако они сидели в одном президиуме с судьей, выносив решение совместно с ним, и чаще всего просто имели такую же позицию как у судьи. Независимого решения народных представителей в СССР не было до конца 1980-х годов.

В современной России суд присяжных существует. Его начали возрождать с 1993 года, и он закреплен в Конституции РФ. Применяется он в делах только по тяжким и особо тяжким преступлениям (убийства, причинение тяжкого вреда здоровью и др.) и важным нюансом является то, что присяжное судопроизводство будет вестись только тогда, когда об этом попросит сам под-

судимый. Сейчас коллегия присяжных включает в себя меньше людей, чем в Империи – 6 человек в районном суде или 8 человек в областном [10]. Главная особенность осталась той же: процент оправдательных приговоров у присяжных в десятки раз выше, чем у обычных единоличных судей.

Пройдя путь от предложений Екатерины II и проектов XIX века до судебной реформы при Александре II и поэтапного развития [11], полного запрета в советский период [12] и возрождения в Российской Федерации, суд присяжных остается главным символом участия общества в правосудии.

Пристатейный список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921.
2. *Кони, А. Ф.* О суде присяжных и о суде с сословными представителями / Собрание сочинений : в 8 томах. – Москва : Юридическая литература, 1967. – Т. 4. – С. 273–376.
3. *Чельцов-Бебутов, М. А.* Курс уголовно-процессуального права : очерки по истории уголовного процесса. – Санкт-Петербург : Равена, 1995. – 846 с.
4. Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения (1767 г.). – Санкт-Петербург : Сенатская типография, 1767. – 190 с.
5. *Сперанский, М. М.* Проекты и записки / М. М. Сперанский ; под ред. С. Н. Валка. Ленинград : Изд. АН СССР, 1961. – 244 с.
6. *Муравьев, Н. М.* Конституция. Движение декабристов : документы и материалы. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1955. – С. 120–150.
7. *Пестель, П. И.* Русская Правда / Документы покровского архива. – Москва : Соцэкгиз, 1958. – С. 50–80.
8. Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. – Санкт-Петербург : Типография 2 Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1866. – 411 с.
9. *Кони, А. Ф.* Отцы и дети судебной реформы : к 50-летию Судебных Уставов / А. Ф. Кони. – Москва : Изд. Товарищества И. Д. Сытина, 1914. – 296 с.
10. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. №; 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института судей с участием присяжных заседателей» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 26 (ч. 1). – Ст. 3859.
11. *Дудко, Н. А.* Поэтапное введение суда присяжных в Российской Империи по судебной реформе 1864 г. // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 12. – С. 2834–2840.
12. О суде : декрет Совета Народных Комиссаров от 22 ноября 1917 г. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. – 1917. – № 4. – Ст. 50.

УДК 34.05

Виктория Александровна Владимирова,
студентка 3-го курса Иркутского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), Иркутск, Россия
viktoria.vladimirova0806@gmail.com

Научный руководитель:
Николай Андреевич Маслов,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
конституционного права, теории права и общих дисциплин
Иркутского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия
maslovna@mail.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ БОРЬБЫ С ПОЛИТИЧЕСКИМ ТЕРРОРИЗМОМ В СТОЛЫПИНСКИЙ ПЕРИОД И СОВРЕМЕННОЕ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Аннотация. В статье проводится сравнение антитеррористического законодательства в Столыпинский и современный периоды. В работе сделаны выводы о некоторых сходствах сравниваемых явлений. Вместе с тем имеются и серьезные отличия. К примеру, уголовно-процессуальное законодательство регулирующее деятельность военно-полевых судов в Столыпинский период не содержало процессуальных гарантий защиты. Современное же законодательство такой проблемы не имеет.

Ключевые слова: терроризм; террористический акт; противодействие терроризму; антитеррористическое законодательство; Столыпинский период.

Терроризм является крайне сложным явлением. И всякий раз, возникая в каждой новой исторической эпохе, становится неудобным и опасным вызовом для государства. В связи с этим сравнительное изучение законодатель-

ства, посвященного противодействию терроризму, является очень важной задачей. Это законодательство может меняться совершенно непредсказуемо, как и само явление его породившее. Так, весьма странно появление Столыпинских военно-полевых судов в России, если учитывать что до этого была проведена судебная реформа Александра II, в ходе которой были установлены высокие процессуальные стандарты. И, на наш взгляд, весьма интересным было бы сравнение антитеррористического законодательства в Столыпинский и в современный периоды.

В начале XX века Российскую империю охватила волна массового революционного терроризма. Поэтому в этот период разрабатывались реформы, направленные на противодействие терроризму. Изначально законодатель выбрал курс либерально-конституционных реформ, однако, позже сменил его на карательно-репрессивные меры.

Внутриполитический курс П. А. Столыпина можно разделить на два направления: 1) принятия чрезвычайных мер противодействия терроризму; 2) реформирование правоохранительных органов и силовых структур в целях повышения их эффективности [1, с. 104]. Однако эти меры результат дали не сразу. Несколько лет страну «лихорадило», а жестокость, как со стороны властей, так и со стороны революционного движения не утихала.

В особенности, массовый террор был направлен на сотрудников государственного аппарата. Статистика жертв в период с ноября 1905 г. по апрель 1906 г. выглядит ужасающе. За это время было убито 288 и ранено 383 полицейских [2, с. 14]. В целом же за два года (1906–1907 гг.) было убито более 4 тыс., а ранение – около 5 тыс. различных должностных лиц, преимущественно сотрудников правоохранительных органов [2, с. 14]. 12 августа 1906 г. эсерами-максималистами был произведен взрыв дачи Столыпина, в ходе которого были убиты 27 и ранены 30 человек [1, с. 104]. После данного теракта правительство пошло на крайние меры. Было принято Положение о военно-полевых судах» от 19 августа 1906 г., в соответствии с которым, военно-полевые суды наделялись чрезвычайными полномочиями по привлечению к ответственности за террористические акты [3].

Данная реформа наделяла генерал-губернаторов, главноначальствующих и приравненных к ним лиц правом учреждать военно-полевые суды (а также военно-полевые морские суды) в местностях, объявленных на военном положении или положении чрезвычайной охраны. И в период с августа 1906 г. по апрель 1907 г. в 82 губерниях действовало 87 подобных судебных органа [1, с. 104]. Главной целью военно-полевых судов было ускорение судопроизводства, что отразилось на нормах уголовного процесса. Е.В. Лоос об этом пишет следующее: «Судебная процедура была крайне упрощена: предварительное следствие не проводилось, обвинительный акт заменялся приказом о предании суду, функцию прокурора выполнял один из судей, обвиняемый защищал себя сам, свидетели со стороны защиты не приглашались, при этом допускались допросы свидетелей со стороны обвинения» [2, с. 14]. В соответствии с Высочайше утвержденным положением Совета Министров от 19 ав-

густа 1906 г. «Об учреждении Военно-Полевых Судов» судебное разбирательство начиналось не позднее двух суток, а приговор должен был вступать в силу «немедленно по объявлению его в суде» и не позднее суток приводится в исполнение по распоряжению начальника гарнизона или отряда, формировавшего суд [3, п. 3, 5].

В соответствии с пунктом 1 Высочайшего повеления от 19 августа 1906 г. «Об утверждении Военно-Полевых Судов» в этих судах рассматривались дела о тех преступлениях, в которых вина лиц была очевидна и не нуждалась в расследовании [4]. 7 декабря 1906 г. все попытки подать прошение на помилование были исключены распоряжением Военного министерства, которое обязало оставлять поданные прошения без рассмотрения [2, с. 14]. За 8 месяцев своего существования военно-полевые суды вынесли 1102 смертных приговора, однако реально казнено было лишь 683 человека [2, с 14].

При этом смертная казнь рассматривалась П. А. Столыпиным как мера вынужденная и чрезвычайная [5, с. 170]. Рассматривая статистику смертной казни видно, что наибольшее количество казненных было в Варшаве (59 чел.), Екатеринославе и Кельцах (по 28 чел.), Москве (19 чел.), и Кронштадте (17 чел.) [2, с. 14].

Как видно из сказанного в Столыпинский период правовые нормы о противодействии терроризму имели чрезвычайный характер. Они были призваны купировать опасную и резко обострившуюся проблему. При этом сами эти нормы во многом явились отступлением от уже сложившихся и устоявшихся в России стандартов правосудия, заложенных судебной реформой Александра II. Кроме того, нормативные правовые акты, устанавливающие военно-полевые суды были приняты в период между роспуском перового созыва Государственной Думы и началом работы второго созыва. Формально они относились к так называемому «междумскому законодательству» и на рассмотрение парламента не вносились. И думается, что с учетом порядка и обстоятельств их издания не будет преувеличением сказать, что по своей сути эти акты имели подзаконный характер. И самое главное в законодательстве той поры даже не было попытки ответить на вопрос о том, что такое терроризм. Легальной дефиниции не было. Современное же законодательство в этом вопросе ушло далеко вперед.

Рассматривая современное законодательство, необходимо отметить, что Федеральный закон от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействиях терроризму», определяет понятие терроризма как «идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления или международными организациями, связанную с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [6, ст. 3]. Что касается санкций, за совершение преступлений террористического характера, то в главе 24 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) установлены составы преступлений террористического характера: 1) террористический акт (ст. 205 УК РФ), 2) содействие

террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ), 3) публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205.2 УК РФ), 4) прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205.3 УК РФ), 4) организация террористического общества и участие в нем (ст. 205.4 УК РФ), 5) организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205.5 УК РФ) [7].

Определение всех действий террористической направленности и установление за них уголовной ответственности позволяет проводить эффективную работу по противодействию терроризму, ведь опасность представляет не только сам по себе террористический акт, но и все действия, которые в конечном итоге приводят к совершению терактов [8, с. 34].

Статистические данные о преступлениях террористического характера на январь-декабрь 2022 года выглядят следующим образом: 77 преступлений зарегистрировано в Республике Дагестан, 44 – в Самарской области, 36 – Республике Башкортостан и Приморском крае, в иных регионах – менее 36 преступлений в год [9]. Если сравнивать с остальными преступлениями, совершаемыми в Российской Федерации, то преступления террористического характера совершаются значительно реже. Во многом это связано с суровостью наказания за данные деяния.

С одной стороны Столыпинское антитеррористической и аналогичное современное российское законодательство сильно различаются. С другой стороны, при внимательном анализе видно, что они имеют некоторую схожесть. Во-первых, при росте числа преступлений законодатель идет путем репрессивных мер. При совершении действий террористической направленности всегда действует жесткое и строгое наказание. Реформы П. А. Столыпина предусматривали санкции за такие действия от лишения свободы на определенный срок вплоть до смертной казни. Сейчас максимальное наказание – пожизненное лишение свободы. Во-вторых, в соответствии со статьей 5 Высочайшего повеления «Об установлении Правил о Военно-полевом Суде», судебное разбирательство было закрытым [4]. Секретность таких дел присутствовала раньше и наблюдается сейчас. В-третьих, Высочайше утвержденное положение Совета Министров от 24 декабря 1906 г. «Об установлении уголовной ответственности во восхвалении преступных деяний в речи или печати» устанавливало уголовную ответственность за оправдание преступных деяний [10]. Подобную норму мы можем сейчас наблюдать в статье 205.2 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма» [7]. В-четвертых, рассмотрение дел о терроризме военными судами свойственно как Столыпискому, так и современному периодам [11, ст. 31]. Однако здесь следует оговориться о том, что современные военные суды входят в единую судебную систему страны, подчиняются принципам и установлениям, общим для всех судов. К примеру, нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ распространяются на них, как и на все суды общей юрисдик-

ции. Столыпинские военно-полевые суды напротив представляли собой отдельное правовое явление, не входящее в единую судебную систему страны. И подчинялись они особым правилам судопроизводства, которые ни в каких других судах больше не действовали. Фактически данные правила устанавливали инквизиционный судебный процесс. И как уже было отмечено, эти правила для судебной системы Российской империи после судебной реформы 1864 года были чужды.

Если же говорить о целеполагании антитеррористического законодательства в Столыпинский период, то главной целью являлось прекращение революционного терроризма. Лица, совершавшие террористические акты, как правило, совершали их абсолютно сознательно, проповедуя при этом определенные политические взгляды. Сейчас же ситуация совершенно иная. Сегодня мы имеем скорее «диверсионный терроризм», инспирированный из-за рубежа, целью которого является расшатывание политической ситуации в России, что, по мнению наших противников, способствует нанесению нашей стране военного поражения. При этом наши граждане очень часто становятся не самостоятельными акторами и зрелыми исполнителями, а лицами, обманным путем вовлеченными в совершение террористических актов. Среди таковых много молодежи. Таким образом, наносится удар и по моральному духу страны и по ее будущему (молодому поколению). Хотя имеются примеры сознательного участия в террористической деятельности. Реакция государства тоже предсказуема – это снижение возраста уголовной ответственности за террористические деяния. Хотя думается, что здесь нужны не столько репрессивные меры, сколько создание условий, при которых наша молодежь не будет вовлекаться в террористическую деятельность. Надо полагать, что глубинные и стратегические интересы страны никак не могут заключаться в длительном уголовном наказании представителей подрастающего поколения. Именно на это поколение возлагаются наши демографические ожидания. Именно на это поколение возлагаются и иные наши надежды. В связи с этим необходима система мер, направленных на профилактическую работу среди молодежи. Однако это уже предмет совсем другого исследования.

Исходя из сказанного, мы можем сделать вывод о том, что современное антитеррористическое законодательство во многом перекликается с аналогичным законодательством Столыпинского периода, поскольку призвано к решению одной и той же цели. При этом современное антитеррористическое законодательство Российской Федерации, как и антитерристическое законодательство Столыпинской России, решает схожие стратегические задачи – предотвращение террористических актов, пресечение финансирования и вербовки террористов, нейтрализацию пропагандистского влияния, но опирается на принципиально иные правовые подходы, которые не рушат основополагающие правовые принципы.

Пристатейный список литературы

1. *Гугасари, Е. С.* Приоритетные направления антитеррористической правовой политики российского государства в начале XX века // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2013. – № 1 (22). – С. 102–107.
2. *Лоос, Е. В.* Организационно-правовые основы деятельности военно-полевых судов в Российской империи в период революции 1905–1907 гг. // Алтайский юридический вестник. – 2016. – № 2 (14). – С. 13–15.
3. Высочайше утвержденное Положение Совета Министров от 19 августа 1906 г «Об утверждении Военно-Полевых Судов» // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 3. – Т. XXVI. – Отд. 1. – № 28252.
4. Высочайшее повеление, объявленное Военным министром от 20 августа 1906 г. «Об установлении Правил о Военно-полевом Суде» // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 3. – Т. XXVI. – Отд. 1. – № 28257.
5. *Портнягина, Н. А.* С. Ю. Витте и П. А. Столыпин: два взгляда на террор в период революции 1905–1907 гг. // Вестник славянских культур. – 2015. – № 2 (36). – С. 165–178.
6. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. 25.05.2026) «О противодействиях терроризму» // Собрание законодательства РФ. – 2006. № 11. – Ст. 1146.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
8. Денисович, В. В. Обзор зарубежного законодательства о понятии терроризма в современном понимании // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. – 2022. – № 8-3. – С. 33–40.
9. Официальный портал Генеральной прокуратуры РФ. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/activity/crimestat/
10. Высочайше утвержденное Положение Совета Министров от 24 декабря 1906 г «Об установлении уголовной ответственности во восхвалении преступных деяний в речи или печати» // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 3. – Т. XXVI. – Отд. 1. – № 28700.
11. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. 26.07.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

УДК 349.41

Светлана Владимировна Душина,
студентка 1-го курса Северного института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Петрозаводск, Россия
sportsveta11@mail.ru

Научный руководитель:
Светлана Геннадиевна Голенок,
кандидат юридических наук, доцент
Северного института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Петрозаводск, Россия
sf.nauka@mail.ru

РОЛЬ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ П. А. СТОЛЫПИНА В ФОРМИРОВАНИИ НОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА

Аннотация. В статье рассматривается аграрная реформа П. А. Столыпина как ключевая часть его комплексной программы по государственному преобразованию России начала XX века. Проанализированы основные направления реформы – разрушение крестьянской общины, землеустройство, переселенческая политика и деятельность Крестьянского поземельного банка и рассмотрены достижения и противоречия аграрной реформы, ее недостатки и причины незавершенности.

Ключевые слова: П. А. Столыпин; аграрная реформа; землеустройство; переселенческая политика; крестьянская община; Крестьянский поземельный банк.

Реформаторская деятельность Петра Аркадьевича Столыпина, министра внутренних дел и председателя Совета министров (1906–1911), носила комплексный характер и включала такие взаимосвязанные преобразования как судебную, переселенческую, аграрную, вероисповедную, военную,

налоговую реформы, а также реформу местного управления и самоуправления, полиции, образования, культуры и «рабочего законодательства» [1, с. 2].

Наиболее значимой среди социально-политических преобразований оказалась аграрно-крестьянская реформа. Стратегия аграрной модернизации базировалась на комплексной трансформации поземельных отношений, оптимизации землеустройства и целенаправленной переселенческой политике. Первоочередной задачей являлась ослабление крестьянской общины и форсированное становление института частной крестьянской земельной собственности. Данный процесс сопровождался реформированием землепользования, это выражалось в устранении чересполосицы и разделении общинных угодий на хутора и отруба. Параллельно осуществлялось освоение свободных земельных фондов на восточных территориях Российской империи – в Сибири и на Дальнем Востоке. Для того чтобы крестьяне могли покупать земельные наделы, им в помощь предоставлялись субсидии, выдаваемые Крестьянским поземельным банком [4, с. 2].

Начало реформе положил Высочайший указ от 9 ноября 1906 года «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» [2, с. 2]. Получение права на выход из крестьянской общины с закреплением земельных участков в частную собственность домохозяев предоставляла субъектам возможность распоряжаться ими по своему усмотрению, либо создать обособленное хозяйство (хутор).

Смысл реформы заключался в создании в деревне прочного слоя крестьян-собственников, разрушении общины и насаждении частных хозяйств в виде отрубов и хуторов, а избыточные трудовые ресурсы пополнят динамично развивающуюся промышленность. Данный процесс приведет к экстенсивной модернизации сельского хозяйства за счет высвобождения наиболее производительной части крестьянства и создаст необходимые предпосылки для форсированной индустриализации национальной экономики.

Однако, реформа не смогла разрешить ключевые проблемы землеустройства России: не были преодолены ни малоземелье, ни чересполосица, а социальная трансформация в виде создания прослойки зажиточных крестьян-фермеров в общества не привела к снижению уровня революционных настроений крестьян [3, с. 2–3].

Существенная роль в реформировании землеустройства крестьянских хозяйств отводилась новым финансовым институтам. Деятельность Крестьянского поземельного банка в целом была ориентирована на формирование земельного рынка и создание кредитно-финансовых механизмов, обеспечивающих реализацию аграрной реформы. В результате произошел переход от доминирования коллективных форм землевладения к индивидуальному: если ранее основными субъектами операций выступали товарищества и общества, то в дальнейшем кредитование было переориентировано на частных землевладельцев. Следствием подобной политики стал рост задолженности

домохозяйств перед банком, что затрудняло клиентам проведение модернизации собственных хозяйств [1, с. 3].

Недостаточность объема земель в центральных губерниях Империи подтолкнула П. А. Столыпина к необходимости решать вопрос по переселению крестьян на свободные государственные земли, что выразилось в правительственных мерах, способствовавших перемене места жительства крестьян за Урал. Крестьяне-переселенцы получали ссуды для обустройства на новом месте. Правительство принимало меры для наличия необходимого инвентаря, для чего создавали казенные склады. Не оставалось в стороне и просвещение и лечение: крестьянам при необходимости давались агрономические консультации, им предоставлялась медицинская и ветеринарная помощь.

Председатель Совета министров П. А. Столыпин и главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин совершили инспекционную поездку по Сибири в 1910 году, результатом которой стала аналитическая записка, определявшая стратегические направления дальнейшей аграрной политики.

В документе констатировалось наличие значительного резерва свободных земель, пригодных для формирования переселенческих участков. В связи с этим предлагалось не сворачивать, а интенсифицировать переселенческую политику, переведя ее на качественно новый уровень. В частности, для подготовки колонизационного фонда в труднодоступных местностях предусматривалось проведение мелиоративных работ по осушению заболоченных территорий, раскорчевка лесных массивов и развитие транспортной инфраструктуры. Помимо экстенсивного освоения территорий, записка регламентировала комплекс мер по системной поддержке переселенцев, включавший содействие их социально-экономической адаптации, стимулирование единоличных форм крестьянского хозяйства и размежевание общинных земель как среди новоселов, так и старожильческого населения. Документ также предусматривал мероприятия по возведению новых населенных пунктов и увеличению посевных площадей.

П. А. Столыпин рассчитывал использовать земли Западной Сибири и Степного края. По его расчетам, в них был потенциал, способный дать в скором времени значительную прибавку сельскохозяйственной продукции, которую можно было направить на экспорт для получения прибыли.

П. А. Столыпин отстаивал идею приватизации свободных сибирских земель, утверждая, что «главное богатство и мощь государства не в казне и казенном имуществе, а в богатеющем и крепком населении» [4, с. 4].

Была разработана программа приватизации сибирских земель. Ее инициаторами выступили Столыпин и Кривошеин. Благодаря их деятельности в скором времени был разработан пакет законопроектов и постановлений, направленных на введение частной земельной собственности Сибири. Главное управление землеустройства и земледелия в ноябре 1910 года представило в Государственную думу «Положение о поземельном устройстве крестьян и инородцев на казенных землях сибирских губерний и областей». Главная за-

дача данного Положения была предоставлять землю на безвозмездной основе сельскому населению, проживающему в Сибири. Осуществление на практике Положения столкнулось с некоторыми трудностями. В первую очередь не было достаточного объема финансирования. Землеустроительные работы проводили государственные землемеры, а их не было в нужном числе, что тормозило весь процесс. Сама инициатива не встретила воодушевления у депутатов – выходцев из Сибири, предполагавших отрицательное отношение к землеустройству со стороны сибирских старожилов. Размежевание наделов крестьянских общин в Сибири началось довольно поздно – в 1908 году, но законопроект так и не был принят – он обсуждался еще IV Государственной думой [6, с. 3–5].

Анализ экономического состояния аграрного сектора Российской империи в предвоенное десятилетие начала XX века позволяет констатировать наличие устойчивой положительной динамики. В указанный период фиксировался рост валовых сборов и урожайности, а также интенсификация и специализация крестьянских хозяйств, сопровождавшиеся расширением применения минеральных удобрений и сельскохозяйственной техники, что в совокупности привело к повышению общего уровня благосостояния деревни.

В современной историографии выделяется несколько подходов к оценке данных процессов. Часть исследователей связывает указанные достижения с успешной реализацией столыпинской аграрной реформы. Другие авторы придерживаются мнения, что определяющую роль сыграли конформные климатические условия данного периода и благоприятная ценовая политика на сельскохозяйственную продукцию.

При этом фундаментальное значение имеет тот факт, что в данный период государство и общество инициировали системную поддержку аграрного сектора. Финансовое и материально-техническое обеспечение хозяйств осуществлялось в значительной степени через интенсивно развивавшуюся инфраструктуру кредитной, потребительской и закупочно-сбытовой кооперации. Результатом явился рост общего числа кооперативных учреждений за 10 лет с 4000 до 30 000. Объемы кредитования тоже показывали рост: одни кредитные кооперативы в течение пяти лет, предшествовавших 1914 году, выдали примерно 3 млрд рублей ссудами. Все не ограничилось кредитованием – получили серьезное развитие просвещение в сфере сельского хозяйства и научно-исследовательская база. По всей стране открылись сотни новых училищ и свыше тысячи обучающих курсов. Десятки тысяч лекций и бесед стали настоящим прорывом для крестьянства. Важным дополнением к теории стала практика: почти в каждой губернии Европейской России появились опытные поля, где внедрялись передовые методы земледелия [1, с. 5–6].

Включение в структуру земств должности участковых агрономов позволило существенно модернизировать механизмы регулирования земельных вопросов. Параллельно укреплялась техническая оснастка: запасы земских складов были восполнены за счет приобретения передовой сельскохозяй-

ственной техники, инвентаря, посевного материала и удобрений. Для обеспечения доступа производителей к сложной технике была создана сеть прокатных пунктов. Существенное значение для развития аграрного сектора имело строительство элеваторов и складской инфраструктуры.

Согласно концепции реформы, приоритетным направлением в процессе постепенной модернизации деревни определялось техническое и технологическое перевооружение крестьянских хозяйств. Сопутствующая поддержка кооперативного движения рассматривалась как инструмент, способный в долгосрочной перспективе обеспечить положительные социальные трансформации. [1, с. 5–6].

Наряду с достигнутыми результатами реализация реформы выявила наличие ряда нерешенных структурных проблем. Во-первых, несмотря на высокие темпы землеустроительных работ, процент нового типа хозяйств не стал доминирующим в сравнении с общинным хозяйством. Во-вторых, не было равномерного территориального распределения хуторов и отрубов. Единоличные хозяйства в значительной степени были представлены северо-западных, южных и юго-восточных губерниях, где община не преобладала исторически и где уже были предпосылки для успешного реформирования. Центральные земледельческие губернии – главный объект проводимой реформы – не подверглись существенному прогрессу, как следовало и как ожидалось: удельный вес общинного хозяйства не успел снизиться значительно. В-третьих, большинство новых хозяйств испытывало дефицит земли: по оценкам дореволюционных экономистов, для товарного производства требовался значительно больший земельный минимум, чем имелся у типичного хутора или отруба, а немалая доля хозяйств располагала площадью даже ниже потребительской нормы.

Негативным фактором явилось и сохранение сословности крестьянского землевладения: власть опасалась обнищания крестьян и осторожно смотрела на возможное обезземеливание. Кроме того, ограничивалась и свободная мобилизация надельных земель: разрешалось их отчуждение только в крестьянские руки при строгом лимитировании приобретаемой площади. В совокупности указанные факторы оказали прямое влияние на корректировку планов по социально-политической реформе системы местного управления.

Следует отметить, что административное давление властей по внедрению новшеств, разрушающих общинные связи, усиливало социальную напряженность и вызывало сопротивление крестьянства.

Устойчивость общинных отношений объяснялась исторической связанностью ее членов, обусловленной невысоким социально-экономическим развитием деревни, избытком аграрного населения и слабым его оттоком в промышленность. Это служило причиной того, что крестьянство воспринимало общину прежде всего как институт социальной защиты, а не как отживший тип хозяйства.

С течением времени крестьяне-общинники приспособились к новым условиям и добились определенного хозяйственного прогресса.

Реформирование дало толчок к росту кооперативов, сословно-общественных крестьянских учреждений мелкого кредитования (мирских капиталов, сберегательных касс, сельских банков) и тому подобных организаций.

В ходе осуществления реформы отмечался рост оппозиционных настроений со стороны консервативных помещичьих кругов, а также части бывших политических соратников П. А. Столыпина. Так, Всероссийский союз землевладельцев и Объединенное дворянство, изначально выступавшие в поддержку разрушения общины, затем подвергли критике аграрную политику за ее направленность в пользу крестьян, обвиняя правительство в попустительстве ускоренной распродаже дворянских имений. Особо отметился в критическом отношении В. И. Гурко, ранее бывший товарищем министра внутренних дел и выступивший соавтором указа от 9 ноября 1906 года. На одном из съездов Объединенного дворянства он подверг деятельность премьер-министра критике, указав на искажение первоначальной концепции преобразований. Согласно его убеждениям, форсированный темп реализации реформы приводил к ряду негативных макроэкономических и социальных последствий: искусственному ускорению процесса обезземеливания дворянства вследствие масштабной скупки их угодий Крестьянским поземельным банком, что вело к утрате значения дворянства, представлявшего собой культурную элиту в деревне, а также подстегивало обезземеливание крестьянства, а переселение не было панацеей. Решение проблемы В. И. Гурко видел в многоукладной структуре, предполагающую сосуществование трех типов хозяйств: крупных культурных «рентных» имений, зажиточных фермерских хозяйств значительного размера и мелких трудовых крестьянских дворов [1].

Принятые меры не привели к окончательному решению вопроса усугубляющегося аграрного перенаселения, а объем государственной поддержки оставался все же недостаточным. Процесс землеустройства, заключающийся в разграничении земельных угодий, принадлежащих крестьянам и помещикам, не был доведен до конца, что создавало предпосылки для сохранения социальной напряженности в аграрной среде.

Сказанное выше дает возможность сделать следующий вывод: имелся целый комплекс отрицательных факторов, воспрепятствовавших полному претворению в жизнь программы преобразований в сельском хозяйстве. Главнейшее деструктивное воздействие на реформу оказала Первая мировая война, участницей которой Россия стала с самого начала. Мобилизация мужского населения повлекла изъятие из хозяйств трудоспособной рабочей силы, а реквизиции на нужды фронта лошадей и скота спровоцировали возникновение прообщинных настроений в деревне и повели к росту оппозиционных настроений по отношению к власти, чем активно пользовались леворадикальные политические силы.

Революционные события 1917 года восстановили позиции крестьянской общины. Хуторы и отрубы просуществовали недолгое время и не окрепли должным образом, а разрушительный вихрь политических перемен смел

их. Историк А. П. Корелин приводит способ оценки любой реформы. По мнению исследователя, степень эффективности осуществленной реформы следует оценивать по ее необратимости. При такой оценке нельзя сказать о полном успехе аграрных преобразований, что подтверждается в том числе статистикой. Крестьянская община не утратила главенствующей роли до самой революции: в 1905 году в Европейской России насчитывалось около 135 тысяч общин, а к 1917 году в пределах современной территории Российской Федерации их количество составляло не менее 110 тысяч, что не свидетельствует о существенном снижении данного типа хозяйства, но говорит о сохранении им своей устойчивости [1, с. 8].

Таким образом, многие реформаторские инициативы П. А. Столыпина остались незавершенными: аграрная реформа в полной мере не обеспечила разрешение крестьянского вопроса, а проекты по реорганизации местного управления, суда и вероисповедной системы не были реализованы из-за сопротивления консервативных сил и трагической гибели самого реформатора, а начавшаяся война не дала возможности целиком воплотить проект в жизнь.

Однако необходимо признать, что программа по системной модернизации России П. А. Столыпина заложила основы для последующих преобразований государства и аграрной сферы.

С. Е. Крыжановский отмечал: успех Столыпина перед его предшественниками в том, что он сумел найти точки соприкосновения правительства с обществом, повысил легитимность власти. Столыпин своей деятельность воочию показал: существующая монархическая власть может обеспечить прогресс в экономике и совместима с новыми идеями, нет необходимости разрушать устоявшиеся социальные и политические институты для создания новых.

Как отмечают исследователи, именно реформы Столыпина способствовали «разрушению общинного строя в России. При этом в политике российского государства «заселение Сибири» приобрело иной смысл. Несмотря на незавершенность реформ, ее влияние оказало воздействие на формирование принципов управления в виде укрепления «нравственных устоев Престола» и дала «мощный толчок развитию национального сознания» [5, с. 9].

Следовательно, значительная часть положений столыпинской программы, равно как и аграрная реформа, не была реализована в полном объеме. Препятствием к их осуществлению послужили дефицит необходимых ресурсов, ограниченность временного горизонта, недостаточная решимость властных структур, а также отсутствие должной поддержки со стороны общества. Как указывают исследователи, при условии своевременного и последовательного проведения указанных преобразований революция теоретически могла бы быть предотвращена [1].

Однако следует учитывать, что развитие государства зависит не только от объективных факторов, но и от готовности публичной политической власти трансформироваться в зависимости от целей реформирования, а также от готовности общества «принять» эти изменения и приобретать новые качества.

Пристатейный список литературы

1. *Корелин, А. П.* Реформы П. А. Столыпина: исторический опыт и уроки // Труды Института российской истории. Вып. 11 / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории; отв. ред. Ю. А. Петров, ред.-коорд. Е. Н. Рудая. – М., 2013. – С. 88–115. – URL: https://ebookiriran.ru/index.php?view=article&section=8&id=177
2. Высочайший указ о крестьянском землевладении, 1906 // Дилетант : сайт. – 2017. – 18 мая. – URL: https://diletant.media/articles/35695480
3. *Демичев, Д. М.* Некоторые особенности столыпинских преобразований на белорусских землях // Право и государство: теория и практика. – 2017. – № 9. – С. 41–48. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-stolypinskih-preobrazovaniy-na-belorusskih-zemlyah
4. *Шаламов, В. Ю., Малышенко, Г. И.* Аграрная реформа П. А. Столыпина в Западной Сибири (предпосылки, реализация и последствия) // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. – 2018. – № S5. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/agrarnaya-reforma-p-a-stolypina-v-zapadnoy-sibiri-predposylki-realizatsiya-i-posledstviya
5. *Федоров, Б.* Столыпин как историческая личность // Лебедь. Независимый альманах. – 2005. – № 445, 2 октября. – URL: https://web.archive.org/web/20110103163313/http://lebed.com/2005/art4337.htm
6. *Белхароев, Х. У.* Аграрная реформа П. А. Столыпина // Бизнес в законе. – 2009. – № 5. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/agrarnaya-reforma-p-a-stolypina

УДК 343.8

Варвара Александровна Дымченко,
студентка 1-го курса факультета высшего образования
Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Санкт-Петербург, Россия
varya_dymchenko_2008@vk.com

Научный руководитель:
Ирина Александровна Суслина,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории,
истории государства и права, социально-экономических дисциплин
Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Санкт-Петербург, Россия
suslina0304@gmail.com

ЗАРОЖДЕНИЕ СИСТЕМЫ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ (1866–1917 ГГ.)

Аннотация. Актуальность заключается в необходимости изучения зарождения и развития порядка обращения с несовершеннолетними преступниками в дореволюционной России. Цель исследования – проследить развитие данной системы в 1866–1917 гг. Проанализированы основные законодательные изменения и специализированные учреждения. В результате выявлены этапы формирования воспитательного, образовательного и исправительного направлений работы с несовершеннолетними.

Ключевые слова: несовершеннолетние; уголовная ответственность; исправительные учреждения; воспитательно-исправительная система; ювенальная юстиция; Российская империя.

Специализированные формы устройства несовершеннолетних существовали в Российской империи и до 1866 г., поэтому эту дату следует рассматривать не как начало всей истории, а как важный этап законодательного

оформления системы. Созданию зачатков разделения правового положения способствовала Судебная реформа 1864 г. Формальное закрепление такой возможности наказания, как помещение несовершеннолетнего в специализированные исправительные приюты, произошло в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Данный нормативно-правовой акт призывал учитывать возрастные особенности преступников, а также запрещал применение к несовершеннолетним общих видов наказания [1].

Закон Об учреждении приютов и колоний для нравственного исправления несовершеннолетних преступников от 5 декабря 1866 г. являлся важнейшим этапом формирования системы рекреационных учреждений для несовершеннолетних. В качестве цели пребывания несовершеннолетних преступников выдвигалась идея глубокого духовно-нравственного исправления. В подобных заведениях лица мужского и женского пола содержались раздельно, а также обучались базовым дисциплинам. Помимо чтения и письма, в некоторых заведениях подростки даже получали ремесленное образование [2]. Закон от 5.12.1866 впервые законодательно закрепил необходимость перевоспитания, а не изоляции. Можно отследить, как все глубже проникала идея о воспитательном и образовательном воздействии.

Продолжением идеи глубокой нравственной перестройки являлось попечение после освобождения. Закреплялась необходимость патроната над недавно освободившимися несовершеннолетними преступниками, дабы исключить необходимость повторения девиантного сценария. Данная практика являлась подтверждением и укреплением идеи ресоциализации подростков и способствовала снижению рецидивистов.

Переломным моментом в процессе вынесения наказания несовершеннолетним преступникам стал закон от 2 июня 1897 г., ставший опорной точкой формирования ювенальной юстиции начала XX в. В данном нормативно-правовом акте активно поднимались вопросы о психологических особенностях подростков-преступников. Закон призывал рассматривать деяния несовершеннолетних и выносить решение с учетом возрастных особенностей [3].

Четкое ранжирование наказаний было зафиксировано 22 марта 1903 г. Уголовным уложением. Согласно ст. 40 и 41, несовершеннолетние в возрасте от 10 до 17 лет при наличии соответствующих оснований могли помещаться в исправительно-воспитательные заведения; при отсутствии таких заведений предусматривались специальные помещения при тюрьмах и арестных домах, а для лиц женского пола – направление в монастыри соответствующего вероисповедания [4]. Подобная дифференциация свидетельствует о продолжении идеи глубокого перевоспитания подростков. Формальная фиксация различных видов и возрастных рамок наказания в законодательстве способствовало упорядочиванию и гуманизации уголовно-исполнительной системы дореволюционной России.

В начале XX в. появились отдельные суды, в которых рассматривались дела несовершеннолетних преступников. Их называли детские суды. Первым стал суд в Санкт-Петербурге, а за ним открылся суд в Москве. В дальнейшем во многих крупных городах нашей необъятной стали открываться подобные

учреждения [5]. Данное явление способствовало становлению особых процедур рассмотрения дел. Судьи выносили решение с учетом возраста обвиняемого, а также его психофизиологических особенностей. Концепция детских судов являлась достаточно прогрессивной и гуманной моделью.

В связи с необходимостью нравственного исправления и подготовкой к самостоятельной законопослушной жизни, 19 апреля 1909 г. было утверждено Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних. В данных учреждениях подростки обязаны были получить общее образование. Происходила не только практическая подготовка, но и воспитательное воздействие. Нормативным регулированием закреплялись организационные механизмы управления учреждениями и вопросы дальнейшего попечения [6]. В этих воспитательно-исправительных заведениях в несовершеннолетних воспитывалась способность к самоорганизации, а также давались профессиональные навыки. Благодаря этим факторам, после освобождения им было сильно легче устроиться в жизни. Отбывание наказания приобрело более мягкий вид и в какой-то степени стало похоже на интернат или профессиональное училище.

Проанализировав все вышеизложенное, можно отследить, как в дореволюционной России к 1917 г. сложился определенный набор элементов гуманной уголовно-исправительной системы, касающейся несовершеннолетних. Специальные учреждения, дифференциация правового положения несовершеннолетних, образование и профессиональная подготовка, воспитательный труд, особые судебные процедуры и элементы патроната – все это способствовало глубокому изменению мышления подростков. Вместо жестокой изоляции малолетние преступники обязаны были получить базовые навыки существования в обществе, что способствовало снижению рецидивов и возвращению к прежнему образу жизни. Стоит отметить, что система все еще не была полностью завершенной, так как некоторые карательные меры сохранялись и применялись.

Поведенное исследование показывает, что в период 1866–1917 гг. система воздействия на несовершеннолетних в России прошла путь от отдельных специализированных приютов к более сложной совокупности воспитательных, образовательных, трудовых и изоляционных учреждений. В дореволюционный период постепенно закреплялись специальные правила ответственности несовершеннолетних, воспитательно-исправительные учреждения, обучение и элементы патроната [7].

Пристатейный список литературы

1. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. Ч. 4: Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. – 2-е изд., доп. – Санкт-Петербург : Типография 2-го отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. – 201 с.

2. Об учреждении приютов и колоний для нравственного исправления несовершеннолетних преступников: закон от 5 декабря 1866 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собрание 2-е. – Санкт-Петербург, 1868. – Т. 41. – Отд. 1. – № 44077.
3. Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений об их наказуемости: закон от 2 июня 1897 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. – Санкт-Петербург, 1900. – Т. 17. – № 14233.
4. Уголовное уложение: высочайше утверждено 22 марта 1903 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собрание 3-е. – Санкт-Петербург, 1905. – Т. 23. – Отд. 1. – № 2309.
5. О воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних: закон от 19 апреля 1909 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собрание 3-е. – Санкт-Петербург, 1912. – Т. 29. – Отд. 1. – № 31727. – С. 261–266.
6. *Кашуба, Ю. А.* Учреждения для содержания несовершеннолетних правонарушителей в Российской империи / Ю. А. Кашуба // Человек: преступление и наказание. – 2012. – № 4. – С. 25–31.
7. *Харсеева, О. В.* Развитие судопроизводства по делам несовершеннолетних в пореформенной России (вторая половина XIX – начало XX вв.) / О. В. Харсеева // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – С. 1986–1991.

УДК 340.12:94(470)

Александра Владимировна Ерошкина,
студентка 3-го курса колледжа
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
alexeroshkina@gmail.com

Научный руководитель:
Наталья Александровна Жмуркина,
преподаватель 1-й квалификационной категории колледжа
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
Zhmurkinana@mail.ru

«ВЕЛИКАЯ РОССИЯ»: ОТ ПЕТРА АРКАДЬЕВИЧА СТОЛЫПИНА ДО НАШИХ ДНЕЙ

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена необходимостью теоретического осмысления суверенитета и правопорядка в условиях современных геополитических вызовов. Цель исследования – раскрыть преемственность реформаторской мысли П. А. Столыпина и современных задач развития России. Проанализированы ключевые аспекты правовых реформ, институциональной модернизации и национальной безопасности. В результате автор приходит к выводу, что мысль Столыпина о «Великой России» выступает концептуальным фундаментом для укрепления суверенитета и традиционных ценностей Отечества.

Ключевые слова: государственный суверенитет; правопорядок; реформы П. А. Столыпина; национальная безопасность; преемственность.

Что в действительности делает державу по-настоящему великой и суверенной? Только ли внешнеполитический вес и военная мощь, или же нечто более глубокое – внутренняя сила закона, зрелость институтов и способность общества отстаивать свой самобытный исторический путь?

В условиях, когда современная Россия проходит через череду масштабных геополитических испытаний, отстаивая право на независимое развитие перед

лицом неприкрытого внешнего давления, эти вопросы приобретают характер первостепенной юридической важности. В поиске устойчивых ценностных и стратегических ориентиров отечественное правоведение вполне закономерно обращается к реформаторскому наследию Петра Аркадьевича Столыпина. Исторический опыт начала XX века со всей очевидностью доказывает: вызовы суверенитету преодолеваются не отказом от собственных традиций, а внутренней консолидацией и непререкаемым торжеством законности.

Государственная позиция Столыпина формировалась в обстановке острого социального раскола. Великий реформатор четко разграничил два противоположных вектора развития Отечества. Первый путь предполагал слом институтов, господство террора и хаос под предлогом абстрактных лозунгов, когда второй путь утверждал созидательное эволюционное преображение на фундаменте крепкого нерушимого правопорядка. 10 мая 1907 года, выступая перед депутатами II Государственной Думы, Столыпин сформулировал ключевую антитезу отечественного реформаторства: «Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!» [1, с. 62]. Этот манифест ознаменовал победу созидательного государственного начала над деструктивным радикализмом.

Однако возможны ли подлинные права и свободы личности там, где царят террор, институциональное бессилие и правовой нигилизм? Ответ очевиден. Именно поэтому мысль Столыпина «сначала успокоение, а затем реформы» [2, с. 114] стала условием сохранения самого государства. Реформатор понимал, что ни одно прогрессивное преобразование не способно укорениться в атмосфере смуты. Прежде чем совершенствовать правовые механизмы, верховная власть была обязана гарантировать элементарную безопасность каждого подданного.

Преодолев разрушительную волну первой русской революции, правительство Столыпина перешло к глубоким институциональным преобразованиям:

- **Институт частной собственности:** Указ от 9 ноября 1906 года ликвидировал сковывающую круговую поруку крестьянской общины, позволив свыше 2,5 миллионам тружеников закрепить наделы в личную собственность и войти в гражданский оборот в статусе самостоятельных хозяев [3, с. 88];
- **Освоение восточных территорий:** Государственная программа переселения помогла более чем 3 миллионам человек обрести хозяйственную самостоятельность за Уралом, заложив экономическую основу для долгосрочного развития Сибири и Дальнего Востока;
- **Доступное народное просвещение:** Внесенный Столыпиным в 1908 году законопроект о всеобщем начальном образовании утроил ассигнования на школы, открыв более 50 тысяч новых начальных училищ по всей Империи [2, с. 205].

Смысл столыпинской модернизации заключался в воспитании экономически независимого, ответственного гражданина, уважающего закон и осознающего свой патриотический долг. Сильная государственность рассматривалась премьер-министром не как инструмент бюрократического подавления, а как защитная броня созидательной энергии народа.

Преемственность этих государственно-правовых идей зримо ощущается в современной России. Президент Российской Федерации В. В. Путин неизменно подчеркивает созидательный масштаб личности Столыпина, отмечая, что Петр Аркадьевич Столыпин был выдающимся государственным деятелем, истинным патриотом своей страны. Он твердо верил в великое будущее России, в созидательную мощь ее народа [4].

Особое патриотическое звучание сегодня обретает призыв Столыпина к общенациональному единению перед внешней угрозой: «В деле защиты России мы все должны соединить, согласовать свои усилия, свое обязательство и свои права для поддержания одного исторического высшего права – права России быть сильной» [1, с. 129]. Данный завет получил прямое воплощение в Послании Президента Федеральному Собранию 2024 года: «Россия сегодня ведет праведную борьбу за свой суверенитет, за свою безопасность. Защита, укрепление суверенитета идут сегодня по всем направлениям... Мы доказали, что способны отвечать на любые, самые сложные вызовы» [5].

Юридическим закреплением столыпинской доктрины стали масштабные конституционные преобразования 2020 года. В Основном Законе получили признание принцип преемственности поколений, историческая память предков и традиционные ценности. Но главное – статья 79 Конституции РФ установила безусловный приоритет положений отечественного конституционного строя над решениями межгосударственных органов [6].

Ведь если государство слепо копирует чужеродные институты, игнорируя собственные социокультурные корни, способно ли оно сохранить внутреннюю стабильность и правопорядок? На этот счет Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин абсолютно точно утверждает: «Россия не может и не должна развиваться за счет разрушения собственных цивилизационных оснований, ее величие – в органичном сочетании сильной государственной власти, права и народных традиций» [7, с. 45].

Идеалы Столыпина нашли отражение и в Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 года № 400, где народосбережение и укрепление государственного единства, а также социально-экономическая стабильность и технологический суверенитет провозглашены высшими приоритетами [8]. Столыпин просил: «Дайте Государству 20 лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России» [1, с. 183]. В начале прошлого века времени не хватило. Однако современная Россия сумела извлечь уроки истории: преодолев системный кризис рубежа столетий, наша страна уверенно укрепляет суверенитет.

Подводя итог, следует подчеркнуть: идея национального величия – это постоянное, неизменное направление развития нашего государственного бытия. Уроки Петра Аркадьевича Столыпина со всей очевидностью доказывают, что путь институционального нигилизма неизбежно ведет к национальным катастрофам, тогда как верность закону, солидарность общества и опора на собственные цивилизационные основания гарантируют несокрушимый суверенитет Державы перед лицом любых вызовов времени. В свете выше-

сказанного, назрела объективная необходимость дальнейшего глубокого изучения столыпинского наследия в контексте современного законотворчества. Анализ его подходов к институциональной модернизации, защите частной собственности и обеспечению национальной безопасности способен стать ценным методологическим ориентиром для парламентариев и правотворцев. Слияние этого историко-правового опыта в текущую нормотворческую практику позволит не только избежать ошибок прошлого, но и создать надежную правовую базу для обеспечения технологического и экономического суверенитета Отечества. Преодолевая смуты и защищая свое историческое право быть сильной, современная Россия решительно отвергает путь потрясений, выбирая путь созидания, имя которому – «Великая Россия».

Пристатейный список литературы

1. *Столыпин, П. А.* Нам нужна Великая Россия...: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. / П. А. Столыпин. – М. : Молодая гвардия, 1991. – 411 с.
2. *Пожигайло, П. А.* Грани таланта политика / П. А. Пожигайло. – М. : РОССПЭН, 2012. – 320 с.
3. *Рыбас, С. Ю.* Столыпин / С. Ю. Рыбас. – 2-е изд. – М. : Молодая гвардия, 2009. – 421 с. – (Жизнь замечательных людей).
4. Владимир Путин предложил членам правительства поучаствовать в строительстве памятника Столыпину // Первый канал : сайт. – URL: https://www.1tv.ru/news/2011-07-13/117689-vladimir_putin_predlozhil_chlenam_pravitelstva_pouchastvovat_v_stroitelstve_pamyatnika_stolypinu (дата обращения: 27.09.2026).
5. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 года // Российская газета. – 2024. – 1 марта. – № 46.
6. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL:http://pravo.gov.ru (дата обращения: 27.09.2026).
7. *Зорькин, В. Д.* Цивилизация права и развитие России / В. Д. Зорькин. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2016. – 416 с.
8. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (ч. II). – Ст. 5351.

УДК: 94(47).083

Диана Александровна Конева,
студентка 2-го курса юридического факультета высшего образования
Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
konevadyana@yandex.ru

Научный руководитель:
Виктор Викторович Виноградов,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории,
истории государства и права, социально-экономических дисциплин
Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
viktor_vinogradov@mail.ru

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В РАМКАХ СТОЛЫПИНСКИХ РЕФОРМ: ЦЕЛИ, ИНСТРУМЕНТЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ. НА ПРИМЕРЕ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Аннотация. В статье анализируется переселенческая политика П. А. Столыпина на примере Сибири и Дальнего Востока. Рассматриваются предпосылки, официальные цели и механизмы реализации реформы, включая законодательную базу и деятельность Переселенческого управления. Особое внимание уделяется сравнительному анализу результатов переселенческого движения в двух макрорегионах: динамике потоков, особенностям землеустройства, уровню приживаемости и факторам возвращенчества. Автор приходит к выводу, что, несмотря на частичную реализацию аграрных задач, политика имела выраженные региональные диспропорции. Сибирь показала относительно высокие результаты хозяйственного освоения, тогда как на Дальнем Востоке закрепление переселенцев оказалось минимальным из-за природно-климатических, инфраструктурных и организационных проблем. В статье подчеркивается геополитическое значение колонизации восточных окраин и формулируются уроки столыпинского опыта для современной миграционной и региональной политики России.

Ключевые слова: переселенческая политика; столыпинские реформы; Сибирь; Дальний Восток; аграрное перенаселение; колонизация; землеустройство; возвращенчество; миграция; исторический опыт.

Исторический контекст и предпосылки столыпинской переселеческой политики

Аграрное перенаселение в центральных губерниях Европейской России, усугублявшееся малоземельем и отсталыми формами хозяйствования, а помимо этого еще и стратегическая необходимость освоения восточных окраин Российской империи стали ключевыми предпосылками столыпинской переселенческой политики. Однако реализация данного курса столкнулась с серьезными проблемами, включая неорганизованность землеотводных работ и обострение конфликтов с народом, проживающем на данной территории уже длительное время. Как отмечал заведующий отрядом в письме Томскому губернатору, «значительное большинство площадей, вошедших в переселенческие участки, выделено из пользования старожилов» [7, с. 13]. Это создавало напряженность и подрывало эффективность переселенческого движения.

Масштаб землеотвода за Уралом в 1906–1915 гг. был впечатляющим: под переселенческие участки было отведено 36 млн десятин, но качество этих земель неуклонно ухудшалось. Политика Казны и Кабинета, стремившихся сохранить лучшие угодья для сдачи в аренду, помимо этого, исчерпание пригодных территорий вели к тому, что в нарезку попадали малопригодные участки. А. И. Комаров критиковал переселенческое управление за отсутствие планомерности «в отведенные участки замежевывались земли, вовсе непригодные для ведения сельского хозяйства» [8, с. 55], что существенно снижало потенциал удачного водворения переселенцев.

Официальные цели: аграрное перенаселение и освоение восточных территорий Российской Империи. Официально переселенческая политика провозглашалась средством смягчения аграрного перенаселения в центральных губерниях. Однако масштаб переселения оказался незначительным а фоне демографического роста: за 1906–1914 гг. в окраинные районы переместилось около 3,3 млн крестьян, в то время как население пятидесяти европейских губерний увеличилось примерно на 15 млн человек [13, с. 102]. Кроме того, земельный фонд Сибири в силу природно-климатических условий не был безграничен [7, с. 11]. Таким образом, официальная цель снижения аграрного перенаселения в центре не была достигнута в сколько-нибудь заметной степени.

Одновременно с тем правительство преследовало геополитическую цель хозяйственного освоения Сибири и районов Дальнего Востока, что предполагало отказ от сословного принципа наделения землей и переход к народно-хозяйственным ориентирам. В программе Переселенческого управления «Об основаниях размещения населения по сельскохозяйственной территории» в основу миграционной политики были положены именно народно-хозяй-

ственные, а не социально-аграрные соображения [13, с. 104]. Предполагалось даже заменить термин «переселение» на «колонизацию», что отражало бы нацеленность на «количественное и качественное увеличение производительных сил страны» [13, с. 104]. Переселение рассматривалось не столько как способ решения малоземелья, сколько как инструмент интеграции восточных окраин в экономическое пространство Российской империи.

Механизмы реализации: законодательная база и деятельность переселенческого управления

Ключевым законодательным актом стал Указ 9 ноября 1906г., который предоставил крестьянам право свободного выхода из общины и закрепление надела в личную собственность. Разрешение продавать надел в месте выхода давало возможность выручить средства для переселения, поскольку правительственных ссуд и льгот в связи с ростом цен в Сибири на скот и инвентарь явно не хватало [8, с. 55]. Однако практическая реализация реформы столкнулась с серьезными экономическими и организационными трудностями.

Деятельность Переселенческого управления выявила системные недостатки: сократилось количество переселенцев, увеличилось обратное переселение, возросло число неустроенных, поэтому осенью 1910 г. П. А. Столыпин и А. В. Кривошеин предприняли инспекционную поездку в Сибирь [8]. По ее итогам были выдвинуты предложения: свобода передвижения ходоков, ослабление сословных ограничений, поддержка самовольных переселенцев, свобода выбора района заселения [8]. Эти меры были призваны упростить переселенческий процесс и повысить рентабельность.

Особенности землеустройства и хозяйственного освоения в Сибири. Масштабы миграции в Сибирь были значительны, однако процесс землеустройства столкнулся с ограничением земельного фонда: «Почти беспредельное, на первый взгляд, пространство Сибири, на самом деле далеко не представляет собой неисчерпаемого земельного фонда» [8]. Это вынуждало изымать земли у старожилов и коренного населения [7, с. 13]. Ситуация усугублялась политикой Казны и Кабинета, которые «зарабатывали за счет сдачи земли в аренду, как правило, отрезанной у крестьян в ходе землеустройства» [15], оставляя переселенцам менее качественные участки. Тем не менее за 1906–1915 гг. было отведено 36 млн десятин, а ежегодный прирост посевной площади составил приблизительно 1 млн десятин.

Попытки внедрить хуторское и отрубное землевладение в Сибири потерпели неудачу: «Итоговые результаты столыпинской аграрной реформы в Сибири, связанные с разверстыванием надельного землевладения а хутора и отруба, свидетельствуют о полном провале замысла реформаторов» [15, с. 27]. Как старожилы, так и переселенцы предпочитали селиться общинами, что в большей степени соответствовало сибирским традициям, к тому же сам Столыпин признавал необходимость ее сохранения в местных условиях [15, с. 26]. К 1916 г. из примерно 400 тыс. переселенческих семей на хуторах поселились

лишь 5395, а на отрубах – 66 403, причем только 40,9 тыс. имели отруба, сведенные в один участок [13, с. 104].

Вызовы и трудности адаптации переселенцев на Дальнем Востоке. Адаптация переселенцев на Дальнем Востоке осложнялась теми же трудностями, что и в Сибири, хотя и в дальнейшем значительно острее вследствие крайней удаленности региона и суровых природно-климатических условий. Правительственных ссуд и льгот катастрофически не хватало для обустройства [8, с. 55]. Крестьяне оказывались в уязвимой позиции: лишившись земельной собственности на родине, они прибывали на Дальний восток без достаточного капитала.

К 1910 г. системные недостатки проявились с полой очевидностью: резкое сокращение числа переселенцев и рост обратного движения. В 1911 году 189,8 тыс. переехавших в Сибирь переселенцев 116,3 тыс. вернулись обратно [15]. По итогам инспекционной поездки Столыпина и Кривошеина 1910 года были выдвинуты предложения по исправлению недостатков [8], однако на Дальнем Востоке эти меры не смогли кардинально изменить ситуацию.

Сравнительный анализ приживаемости в возвращения в регионах

Доля обратных переселенцев в обоих регионах превышала треть от общего числа мигрантов, однако абсолютные масштабы закрепления в Сибири были значительно выше. В советской историографии данный факт трактовался, как свидетельство краха политики, причем аргументов служило наличие в Сибири до 700 тыс. «непричисленных» переселенцев, пополнявших ряды сельских пролетариев и «бродячей Руси» [2, с. 9–10].

Современные исследователи отмечают, что высокий уровень возвращенчества не обязательно свидетельствует о полном провале: «свыше трети вернувшихся «без денег и надежд» – это факт менее значительный по сравнению с тем, что несколько десятков тысяч человек все же закрепилось на сибирских землях» [13, с. 102]. Ключевым фактором различий выступало качество земельного фонда: В Сибири он был более освоен, тогда как на Дальнем Востоке переселенцы сталкивались с большими трудностями из-за крайне слаборазвитой инфраструктуры и сурового климата. При этом «успех водворения и адаптации крестьян черноземных губерний России в Сибири… касался лишь части наиболее состоятельных переселенческих дворов, но и там носил горизонтальный характер» [14, с. 181].

Факторы, определяющие эффективность переселенческой политики в разных регионах

Одним из главных факторов, подрывавших эффективность политики, было неудовлетворительное качество отводимых земель, а также конфликты с коренным населением и старожилами. Процесс адаптации осложнялся экономической зависимостью новоселов от старожилов, что по мнению М. К. Чуркина, «увеличивало сроки адаптации, требовало масштабных энергетических, производственных и финансовых затрат» [14, с. 182].

Несмотря на локальные неудачи и высокий процент возвращенства, переселенческую политику нельзя оценивать однозначно негативно, в особенности, с точки зрения геополитических задач. Масштабы землеотвода (36 млн десятин) и устойчивый рост посевных площадей свидетельствуют о значительном хозяйственном освоении восточных территорий. Инфраструктурные проекты – строительство Сибирской, Забайкальской и Уссурийской железных дорог – создавались «не из коммерческих, а из военно-политических соображений» [13], что подчеркивает стратегическую направленность реформы. С точки зрения укрепления присутствия в Сибири, а также на Дальнем Востоке политика может считаться успешной.

Долгосрочные демографические и экономические последствия для Сибири и Дальнего Востока

Демографические последствия противоречивы: масштабный приток населения сопровождался высоким уровнем обратной миграции. К 1914 году переселились примерно 3,1 млн человек [10, с. 234], однако в 1911 г. из 189,8 тыс. проследовавших в Сибирь 116,3 тыс. (61,3 %) вернулись обратно [15, с. 26]. Тем не менее общий миграционный прирост за 1906–1914 гг. составил около 2,5 млн человек, превратив регион из слабозаселенной окраины в территорию с устойчивым населением. Экономические последствия выразились в расширении сельскохозяйственного освоения: в хозяйственный оборот введено 26 220 000 га новых земель [10, с. 234], что способствовало формированию товарного зернового производства в Сибири. План колонизации Сибири предполагал интенсивное освоение природных ресурсов данного региона, а также его переход в разряд особого экономического региона, стоит отметить, что реализация данного плана на иной основе осуществлялась в советский [13, с. 102].

Уроки столыпинской реформы для современного регионального развития России

Опыт столыпинской политики демонстрирует необходимость учета природно-географических и социально-экономических условий регионов вселения. Значимым фактором адаптации считалась трансформация экономических стереотипов поведения переселенцев и выбор оптимальной модели хозяйствования, основанной на сочетании традиционных навыковс местными особенностями земледелия [14, с. 180]. Игнорирование этого аспекта приводило к массовым неудачам, особенно в регионах с суровым климатом. Эффективная миграционная политика должна быть комплексной программой, адаптированной к специфике каждой территории [13]. Ключевым уроком является необходимость перехода от узкоаграрной к народно-хозяйственной концепции колонизации, предполагающей синтез сельскохозяйственного и промышленного освоения. Программа Переселенческого управления и план колонизации Сибири предполагали интенсивное промышленное освоение ресурсов для превращения региона в особый экономический реги-

он [13]. Для устойчивого развития необходимо сочетание аграрного заселения с созданием промышленной инфраструктуры, а не решение лишь частных экономических проблем центра.

Официальные цели столыпинской переселенческой политики – снижение аграрного перенапряжения в центральных губерниях и хозяйственное освоение восточных окраин – были реализованы лишь частично. Массовое переселение не разрешило проблему малоземелья в Европейской России, поскольку темпы естественного прироста устойчиво превышали количество выбывающих за Урал крестьян. Колонизационный фонд пригодных участков в Сибири и на Дальнем Востоке оказался ограниченным и к началу Первой мировой войны был практически исчерпан.

Пристатейный список литературы

1. *Афанасенков, В. О.* Зерновое производство губерний Сибири (конец XIX – начало XX в.). К разработке относительных показателей урожайной статистики ЦСК МВД // Крестьяноведение. – 2020. – Т. 5, № 3. – С. 6–46.
2. *Белянин, Д. Н.* «Непричисленные» переселенцы Западной Сибири в 1906–1914 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. – 2011. – Вып. 2. – С. 102–105.
3. *Белянин, Д. Н.* Заготовка колонизационного фонда в Западной Сибири в 1906–1914 гг. // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2008. – № 5. – С. 114–119.
4. *Белянин, Д. Н.* Столыпинская переселенческая политика как национальный проект // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2008. – № 1. – С. 104–109.
5. *Васильченко, О. А., Петрова, О. А.* Реализация государственной политики по организации жизнедеятельности переселенцев на Дальнем Востоке России (1860–1917 гг.) // Власть и управление на Востоке России. – 2009. – № 4. – С. 78–81.
6. *Васильченко, О. А., Васильченко, А. В.* Население Дальнего Востока России (1860–1917 гг.): материалы архивов // The Scientific Heritage. – 2021. – Вып. 76-2. – С. 46–49.
7. *Дорофеев, М. В.* К вопросу о «Столыпинских» аграрных переселениях в Сибирь // Вестник Томского государственного университета. История. – 2012. – Вып. 1 С. 11–13.
8. *Дорофеев, М. В., Семиколенов, М. В.* Влияние природно-географического фактора на переселение в Сибирь в годы Столыпинской аграрной реформы // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2012. – № 3. – С. 54–57.
9. *Морозов, С. Д.* Особенности миграции населения России в 1897–1914 гг. // Траектория науки. – 2016. – № 6.

10. *Нежинская, К. С.* Правовое регулирование переселенческой политики на Дальнем Востоке России: опыт начала XX века // Власть и управление на Востоке России. – 2011. – № 4.
11. *Осипов, Ю. Н., Тютюнников, В. Т.* О периодизации переселения крестьян на Дальний Восток России (1855-1917 гг.): историография вопроса // Вестник Дальневосточного государственного аграрного университета. – 2007. – № 4. – С. 89–94.
12. *Павлов, Ю. А.* Интендантство и русское крестьянство на Дальнем Востоке в конце XIX-начале XX века // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. – 2008. – №2. – С. 80–85.
13. *Смирнов. С. С.* Геополитическая сущность переселенческой политики П. А. Столыпина // Социум и власть. – 2014. – № 5. – С. 101–105.
14. *Чуркин, М. К.* Переселенческие крестьянские хозяйства черноземного центра в Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.): экономическое состояние и адаптивные возможности // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 429. – С. 175–183.
15. *Шиловский, М. В.* А была ли столыпинская реформа в Сибири? // Вестник Томского государственного университета. История. – 2012. – Вып. 1. – С. 25–28.
16. *Янченко, Д. Г.* Амурская экспедиция и Комитет по заселению Дальнего Востока в повестке дня Совета министров России при П. А. Столыпине // Новейшая история России. – 2023. – Т. 13, № 1. – С. 56–75.

УДК 340

Ангелина Александровна Кошелева,
Доминика Владимировна Бахтурова,
студентки 2-го курса Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
angelinakoseleva20@mail.ru
dominikabakh24@gmail.com

Научный руководитель:
Наталья Михайловна Бибина,
доцент кафедры теории, истории государства и права,
социально-экономических дисциплин, канд. ист. наук, доцент
Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
mouse.nata.84@mail.ru

СТОЛЫПИНСКАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА: МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ

Аннотация. Столыпинская реформа опиралась на консервативно–либеральный синтез: личная собственность крестьянина условие гражданственности и порядка, но оставалась неполной и под опекой государства. Ее ценностные ориентиры составили созидательный труд, семья, законность, единство государства; недооценена общинная взаимопомощь. Расхождения в оценках успеха связаны с выбором критерия – хозяйственного, социального или ценностного.

Ключевые слова: столыпинская аграрная реформа; мировоззренческие основания; ценностные ориентиры; крестьянская община; частная собственность; консерватизм; традиционные ценности.

Столыпинскую аграрную реформу, начатую именным Указом «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьян-

ского землевладения и землепользования», от 9 ноября 1906 г. до сих пор оценивают главным образом по хозяйственным итогам, хотя ее замысел вытекал из определенного понимания крестьянина, собственности, закона и государства, сложившегося у П. А. Столыпина задолго до премьерства [1].

Для аграрной империи с преобладанием крестьянского населения масштаб преобразований был значительным. Всего правом на проведение землеустройства в 1907–1915 гг. воспользовались 6,2 млн. домохозяев, общая площадь землеустроенных хозяйств составила 21,3 млн. десятин [2]. Интерес к ценностной стороне реформы поддерживает и действующее право: Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей относят к ним крепкую семью и созидательный труд [3]. Теми же понятиями П. А. Столыпин обосновывал необходимость личной земельной собственности крестьянина.

И. Д. Ковальченко характеризовал реформу как буржуазную по содержанию, но не достигшую поставленных целей: община в большинстве губерний Европейской России устояла, а выход из нее нередко обеспечивался административным давлением [4]. Противоположную позицию занимает М. А. Давыдов: он доказывает успешность преобразований, подчеркивает добровольность участия крестьян и видит в землеустройстве основное содержание реформы, недооцененное предшественниками в советской историографии [5].

П. Н. Зырянов показал устойчивость общины в 1907–1914 гг. и ее способность приспосабливаться к новому законодательству [6]. В политическом портрете реформатора он рассматривал аграрные преобразования в единстве с курсом на успокоение страны после революции [7]. В. Г. Сироткин включил Столыпина в ряд великих реформаторов России [8]. Между тем спор ведется преимущественно о результатах, а представления реформатора о человеке, собственности и порядке реконструируются в нем попутно.

Исходным положением столыпинского мировоззрения была связь между личной земельной собственностью и гражданской свободой крестьянина. Выступая во Второй Государственной думе 10 мая 1907 г., П. А. Столыпин утверждал: пока крестьянин находится «насильно в тисках общины, он остается рабом» [9]. Ту же речь завершала формула «Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия», противопоставлявшая революционный путь эволюционному.

В этой связке личная свобода крестьянина служила средством, а целью оставалась прочность государства; такое соподчинение отличает столыпинский замысел от доктринального либерализма, для которого свобода индивида самоценна.

Сопоставление историографических позиций обнаруживает общее ядро при существенных расхождениях. П. Н. Зырянов связывал реформаторскую деятельность Столыпина с задачей укрепить монархию после революции 1905–1907 гг. [7], тогда как И. Д. Ковальченко подчеркивал буржуазно-помещичий характер курса, оставлявшего нетронутым дворянское землевладение [4]. У М. А. Давыдова та же политика предстает последовательной модернизацией, продолжавшей Великие реформы 1860-х гг. [5]. Совпадают авторы в том, что

осью реформы была личная собственность; расходятся они в вопросе, чьим интересам она служила и насколько крестьянин принимал ее как ценность.

Государственная сторона замысла формулировалась как задача постепенно изменить общинный менталитет крестьянского сознания через частное землевладение, в том числе на малозаселенных землях [7]. Позиции исследователей по двум основаниям сведены в табл. 1.

Таблица 1

Оценка ценностных оснований и итогов столыпинской аграрной реформы в историографии *

Автор	Ценностное основание реформы	Оценка итогов
И. Д. Ковальченко	Буржуазное развитие деревни при сохранении помещичьего землевладения	Цели не достигнуты, община сохранилась
П. Н. Зырянов	Укрепление монархии через слой собственников	Община проявила устойчивость и приспособляемость
М. А. Давыдов	Модернизация и гражданская эмансипация крестьянина	Реформа успешна, ключевую роль сыграло землеустройство
В. Г. Сироткин	Реформа как часть отечественной реформаторской традиции	Столыпин отнесен к великим реформаторам России

* Составлено по источникам: [5; 6; 7; 8; 9].

Расхождение оценок во многом определяется выбором критерия. Если мерой служит доля дворов, вышедших из общины, реформа выглядит незавершенной [4]; если мерой становятся охват землеустройством и смена типа хозяйствования, картина оказывается иной [5]. Ценностный критерий, то есть вопрос о том, стала ли собственность значимой для самого крестьянина, в этих спорах применяется реже прочих.

Установку, сложившуюся еще в годы саратовского губернаторства (1903–1906), Столыпин развил в речи 5 декабря 1908 г. Он говорил о ставке «не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных» [9]. Формулу нередко толкуют как опору на зажиточную верхушку деревни. Полагаем, что речь шла скорее о трудовой самостоятельности хозяина. Речи и акты реформы позволяют выделить четыре ценностных ориентира: личная собственность как условие гражданской свободы; труд хозяина, который отвечает за результат перед семьей; порядок, понимаемый как законность и постепенность перемен; единство государства с переселением как средством освоения окраин.

Юридическую форму ценностная программа реформы получила раньше парламентского одобрения: 9 ноября 1906 г. в обход Государственной думы (в соответствии со ст. 87 Основных законов – ведь Дума была распущена) был принят предложенный Столыпиным указ [1].

Статья 1 указа установила, что каждый домохозяин, владеющий землей на общинном праве, «может во всякое время требовать укрепления за собою в личную собственность причитающейся ему части» [1]. Тем самым воля отдельного домохозяина ставилась выше решения сельского схода, и ценностный приоритет смещался от мира к главе семьи.

Собственность при этом оставалась ограниченной. Большая российская энциклопедия характеризует ее как личную, отмечая, что норма укрепления определялась по числу членов семьи [10]. Собственником становился домохозяин, и прочие члены двора утрачивали самостоятельные права на надельную землю. Для обществ, где в течение 24 лет перед заявлением проводились общие переделы, указ закреплял за выделявшимся домохозяином участки, находившиеся в его постоянном пользовании [1].

Парламентское оформление курса заняло несколько лет. Закон, одобренный Государственной думой в июне 1910 г. [11], признал общества, где со времени наделения землей не было общих переделов, перешедшими к подворному владению, а Положение о землеустройстве позволило создавать хутора и отруба без предварительного укрепления наделов [10]. В Сибири и Степном крае, куда направлялось переселение из центральных губерний [7], частная собственность на надел не вводилась, и вопрос о ней встал лишь после поездки Столыпина и А. В. Кривошеина.

Таблица 2 соотносит основные акты реформы с ценностными установками, получившими в них юридическое выражение.

Таблица 2

Акты столыпинской аграрной реформы и закрепленные в них ценностные установки *

Дата	Акт	Ключевое положение	Ценностная установка
3.11.1905	Манифест об отмене выкупных платежей	Взимание выкупных платежей прекращается с 1 января 1907 г.	Освобождение надела от выкупного долга
9.11.1906	Именной указ о крестьянском землевладении и землепользовании	Право домохозяина требовать укрепления надела в личную собственность	Личная собственность и свобода выбора
14.06.1910	Закон «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении»	Беспередельные общества признаются перешедшими к подворному владению	Законность и парламентская легитимация
29.05.1911	Положение о землеустройстве	Землеустройство без предварительного укрепления, образование хуторов и отрубов	Рациональный труд хозяина на едином участке

* Составлено по источникам: [1; 10; 11].

От издания указа до его законодательного утверждения прошло более трех с половиной лет, и все это время ключевая норма реформы действовала в чрезвычайном порядке. Эта последовательность отражает иерархию ценностей реформатора. Порядок и государственная целесообразность предшествовали парламентской процедуре, хотя сама процедура не отвергалась и в итоге была пройдена. Смещение акцента от укрепления наделов в 1906 г. к землеустройству в 1911 г. показывает, что собственность все больше понималась как условие рационального хозяйства на едином участке.

Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно–нравственных ценностей определяют их в п. 4 как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению» [3]. В центре этого определения стоит преемственность – категория, которой Столыпин обосновывал эволюционный характер преобразований.

Перечень п. 5 Основ, утвержденных Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809, включает среди прочих такие ценности, как «крепкая семья», «созидательный труд», «коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение» [3]. Первые две совпадают с ориентирами реформы, в которой трудовой двор мыслился опорой порядка (табл. 3). С третьей группой реформа находилась в напряжении. Община, которую правительство стремилось ослабить, оставалась для крестьян носителем взаимопомощи и уравнительной справедливости [12].

Таблица 3

*Соотношение ценностей, закрепленных в п. 5 Основ, утвержденных Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809**

Ценность по Указу № 809	**Выражение в реформе**	**Характер соотношения**
Созидательный труд	Хозяйство на едином участке, хутор и отруб	Совпадение
Крепкая семья	Двор как хозяйственная единица при собственности домохозяина	Частичное совпадение
Гражданственность	Собственник как будущий гражданин	Совпадение
Историческая память и преемственность поколений	Эволюционный характер перемен, отказ от «великих потрясений»	Совпадение
Коллективизм, взаимопомощь	Ослабление общины	Напряжение

* Составлено по источникам: [1; 9; 3].

Столкновение личной собственности с общинной взаимопомощью стало той точкой, в которой ценностная программа правительства разошлась

с ценностями значительной части крестьянства; это согласуется с устойчивостью общины в 1907–1914 гг., которую описал П. Н. Зырянов [12].

Прямое перенесение столыпинской модели в современность ограничено. Собственность крестьянина начала XX в. оставалась неполной и опекаемой государством [10], а выход из общины, по оценке И.Д. Ковальченко, нередко стимулировался административно [4]. Современная аграрная политика действует в иной правовой среде: земельный участок является объектом гражданского оборота, хотя для земель сельскохозяйственного назначения сохраняются особые правила.

Для практики значим столыпинский принцип соединения личного участка с государственной поддержкой землеустройства и переселения. Этот принцип воспроизводится в современных программах бесплатного предоставления земли гражданам на окраинах страны.

Федеральный закон от 1 мая 2016 г. № 119-ФЗ предоставляет гражданам участки на Дальнем Востоке и в Арктической зоне и тем самым воспроизводит связку личного участка и освоения окраин. Полагаем, что учет столыпинского опыта требует дополнить такое предоставление поддержкой кооперации получателей участков. Совместные закупки, сбыт и кредит снижают издержки одиночного хозяйства. Это направление требует проверки на данных об освоении участков. Если кооперацию встроить в программы предоставления земли, можно ожидать большей устойчивости новых хозяйств; сугубо индивидуальный подход сохранит известный по переселенческому движению риск отказа от участков.

Мировоззренческое основание реформы – консервативно-либеральный синтез: личная собственность крестьянина как условие гражданственности и прочности государства. Указ 9 ноября 1906 г. и последующие законы закрепили это, поставив волю домохозяина выше схода, но сохранив неполноту собственности и опеку государства. Расхождения в оценках связаны с выбором критерия; ценностный критерий объясняет устойчивость общины.

Ориентиры созидательного труда, семьи, гражданственности и преемственности сближают замысел реформы с действующими Основами государственной политики, а отношение к коллективизму и взаимопомощи создает напряжение. Выводы применимы в аграрной политике и преподавании истории России; дальнейшего изучения требуют региональные различия в принятии личной собственности.

Пристатейный список литературы

1. Именной Высочайший указ от 09.11.1906 «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» // Исторические документы. История.РФ. – URL: https://doc.histrf.ru/20/imennoy-vysochayshiy-ukaz-o-dopolnenii-nekotorykh-postanovleniy-deystvuyushchego-zakona-kasayushchikh/ (дата обращения: 29.09.2026).

2. Столыпинская аграрная реформа // Официальный сайт Национальной библиотеки Республики Татарстан. – URL: https://kitaphane.tatarstan.ru/stolypin/reform.htm (дата обращения: 29.09.2026).
3. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно–нравственных ценностей» // СПС «Гарант».
4. *Ковальченко, И. Д.* Столыпинская аграрная реформа (мифы и реальность) // История СССР. – 1991. – № 2.
5. *Давыдов, М. А.* Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте – Столыпина. – СПб. : Алетейя, 2014.
6. *Зырянов, П. Н.* Крестьянская община Европейской России, 1907–1914 гг. – М. : Наука, 1992.
7. *Зырянов, П. Н.* Петр Аркадьевич Столыпин // Вопросы истории. – 1990. – № 6. – С. 54–75.
8. *Сироткин, В. Г.* Великие реформаторы России. – М., 1991.
9. *Столыпин, П. А.* «Нам нужна великая Россия...»: полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. – М. : Молодая гвардия, 1991.
10. Столыпинская аграрная реформа // Большая российская энциклопедия. – URL: https://bigenc.ru/c/stolypinskaia–agrarnaia–reforma–1e6a77 (дата обращения: 29.09.2026).
11. Петра законотворенье. Как большевики развивали село методами Столыпина // Аргументы и факты. – 2025. – № 26. – URL: https://aif.ru/society/history/petra–zakonotvorene–kak–bolsheviki–razvivali–selo–metodami–stolypina (дата обращения: 29.09.2026).
12. Стратегическая задача столыпинских реформ // Родина. – 2025. – URL: https://rodina–history.ru/2025/02/03/stolypinskaia–programma–modernizacii.html (дата обращения: 29.09.2026).
13. *Сироткин, В. Г.* Великие реформаторы России. – М., 1991.
14. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно–нравственных ценностей» // СПС «Гарант».

УДК 321

Сергей Александрович Лежнев,
студент 2-го курса факультета высшего образования
Тульского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Тула, Россия
sergey.lezhnev09@yandex.ru

Научный руководитель:
Игорь Иванович Бушуев,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории,
истории государства и права, социально-экономических дисциплин
Тульского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Тула, Россия
bushakpravo@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ КАК ЦЕННОСТЬ

Аннотация. Актуальность темы обусловлена высокой значимостью политической стабильности как базового условия устойчивого развития общества и государства. В современных условиях стабильность выступает не просто как отсутствие конфликтов, а как ценность, обеспечивающая предсказуемость институтов, доверие к власти и реализацию долгосрочных стратегий.

Ключевые слова: политическая стабильность; политическая устойчивость; баланс интересов; ложная политическая стабильность.

Вам нужны великие потрясения,
Нам нужна великая Россия
П. А. Столыпин

Единого определения политической стабильности в науке не сложилось. Как отмечают исследователи, «поиски наиболее адекватного определения политической стабильности нестабильны» [1]. Одни трактовали ее как способность политической системы к самосохранению в условиях, угрожающих

ее существованию, другие – как форму легитимности власти, третьи – как результат эффективного управления. Обобщая эти подходы, М. Г. Анохин определял политическую стабильность как «устойчивое состояние политической системы, позволяющее ей эффективно функционировать и развиваться в условиях внешних и внутренних воздействий, сохраняя при этом свою структуру» [2, с. 51].

Несмотря на разброс определений, практически все исследователи сходятся в одном: политическая стабильность традиционно представляет собой «одну из наиболее значимых целей и ценностей как властвующего режима, так и социума в целом» [3]. Именно это состояние политических связей дает власти возможность воспроизводить свою легитимность, а гражданам – пользоваться благами порядка и безопасности.

На наш взгляд, политическая ценность – это динамичное состояние, при котором политическая система сохраняет свою структуру, эффективно функционирует и при этом способна адаптироваться к изменениям, не разрушаясь.

Что входит в это понятие?

– Устойчивость институтов, когда органы власти работают в правовом поле, выполняют свои функции, а механизмы смены элит упорядочены.

– Поддержка общества, когда у значительной части граждан есть доверие к власти, когда они видят, что их интересы учитываются легитимными способами.

– Баланс интересов, когда удается находить компромисс между разными социальными группами и политическими силами, а возникающие противоречия решаются без скатывания в острый конфликт.

Стабильность как ценность обладает следующими признаками:

1) связь с безопасностью и порядком. Стабильность предполагает отсутствие нелегитимного насилия, сохранение территориальной целостности государства, обеспечение правопорядка и личной безопасности граждан. Это то, без чего невозможно функционирование ни одной другой сферы общественной жизни;

2) стабильность есть условие развития. Как пишет О. Е. Гришин, «стабильность политической системы зависит от степени совместимости целей коллективных и индивидуальных субъектов политики» [4, с. 53]. Стабильность – это не застой и не отказ от перемен. Напротив, в долгосрочной перспективе критерии стабильности неразрывно сопрягаются с осуществлением властью позитивных для общества реформ. Политическая стабильность в динамике – это «результат постоянного процесса обновления, основанного на совокупности неустойчивых равновесий между политической системой и обществом» [5, с. 1782–1792];

3) стабильность – ценностный ориентир. К концу XX века «стабильность» стала не просто содержательным требованием к функционированию политической системы, а «этическим условием» для органов государственной власти. Это означает, что стабильность воспринимается обществом как моральная норма, как нечто должное, чего власти обязаны достигать.

Особый интерес представляет связь стабильности с ценностными ориентациями граждан. Масштабное исследование на базе данных *World Values Survey* показало, что страхи относительно стабильности политической системы являются «единственным наиболее значимым фактором изменения ценностей» [5, с. 159]. Там, где люди верят в политическую стабильность, они склонны к секулярным и эмансипативным ценностям; там же, где есть неуверённость, люди цепляются за традиционные установки. Таким образом, политическая стабильность прямо влияет на то, какие ценности формируются в обществе.

Еще не менее важный аспект понимания сущности политической стабильности – ее разграничение с ложной политической стабильностью. «Ложная политическая стабильность» – это ситуация, когда внешне кажется, что в обществе и государстве все спокойно и предсказуемо, но на деле под поверхностью копятся серьезные противоречия, риски и дисфункции, способные в любой момент спровоцировать кризис.

Реальная (настоящая) политическая стабильность опирается на устойчивые институты, доверие граждан к системе, работающие механизмы разрешения конфликтов и способность системы адаптироваться к вызовам. Ее признаки: низкий уровень политического насилия, предсказуемость правил игры, сменяемость власти в рамках закона, наличие легальных каналов для выражения недовольства.

Ложная стабильность держится на подавлении конфликтов, а не на их разрешении: проблемы не решают, а «заметают под ковер». Видимость порядка создают за счет контроля над информацией, ограничения политической конкуренции, административного давления или точечных мер, которые не устраняют причины напряжения. Например, рост жалоб в федеральные органы и обращений к омбудсменам взамен отсутствия открытых протестов, может быть признаком того, что локальные каналы обратной связи заблокированы. Или еще пример. Экономика формально растет, но реальные доходы населения падают, а социальная напряженность копится в «невидимых» формах (текучесть кадров, миграция, снижение доверия к институтам).

Обращаясь к истории, пример ложной политической стабильности мы можем увидеть в период правления Николая I. Хотя власть добилась внешнего, формального спокойствия и укрепила самодержавие, внутренние противоречия и проблемы никуда не исчезли. На политику Николая I сильно повлияло восстание декабристов в декабре 1825 года. Император воспринял выступление дворян, которые должны были быть опорой трона, как прямую угрозу существующему строю. Это событие стало главным мотивом его политики – любой ценой укрепить и стабилизировать устои самодержавия.

Учитывая изложенное, можно сделать вывод, что политическая стабильность как ценность – это комплексное явление. Она одновременно обеспечивает безопасность, создает условия для развития и выступает этическим ориентиром. Но ее ценностный характер требует осмотрительности: стабильность не должна подменять собой развитие, а слово о стабильности не должно

превращаться в инструмент манипуляции. Подлинная политическая стабильность – это не неподвижность, а способность системы сохранять свою структуру, обеспечивая согласование интересов всех социальных групп.

Пристатейный список литературы

1. *Семченко, О. Р.* Научные достижения исследователей политической стабильности // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2015. – Т. 12. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnye-dostizheniya-issledovateley-politicheskoy-stabilnosti (дата обращения: 10.09.2026).
2. *Анохин, М. Г.* Политическая система: переходные процессы. – Москва : РИЦ ИСПИ РАН, 1996.
3. *Балахнин, И.* Информационное измерение стабильности политического режима // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2008. – № 5. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnoe-izmerenie-stabilnosti-politicheskogo-rezhima (дата обращения: 10.09.2026).
4. *Гришин, О. Е.* Политическая стабильность: понятие, факторы, инновации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – Вып. 6-1 (56). – С. 51–54.
5. *Ялманов, Н. И.* Принятие политических решений в стабильных и кризисных политических системах // XVI Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана (90-летие со дня рождения) «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования», 21–22 марта 2013 г. – Екатеринбург : УрФУ, 2013. – С. 1782–1792.

УДК 342.7

Павел Игоревич Ляповка,
студент 5-го курса Иркутского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия

Научный руководитель:
Андрей Геннадьевич Анисимов,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Иркутского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия
7821@mail.ru

НАСЛЕДИЕ РЕФОРМ П. А. СТОЛЫПИНА В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ: ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация. Статья рассматривает наследие реформ П. А. Столыпина в контексте эволюции правового государства в России. На материале думских речей и законодательных актов 1906–1910 годов показано, что формула «правовое государство» сочеталась у П. А. Столыпина с сохранением основ существующего строя. Автор уточняет, что юридическим адресатом земельной реформы был крестьянин-домохозяин, а не любой мужчина в силу пола. Переходя к современности, статья разграничивает формальное равноправие и конкретную правовую гарантию, то есть условия доступа к защите признанного права. На примерах из семейного, уголовного и военного законодательства, а также судебной практики показаны сохраняющиеся правовые асимметрии по половому признаку. Делается вывод, что исторические причины каждого различия требуют отдельного изучения, в том числе на основе правового наследия реформ П. А. Столыпина.

Ключевые слова: фактическое равноправие; реформы П. А. Столыпина; государственное строительство; семейное право; уголовное право.

6 марта 1907 года с думской трибуны прозвучало: «Преобразованное по воле Монарха Отечество наше должно превратиться в государство правовое». Эти слова принадлежали Петру Аркадьевичу Столыпину. В той же речи он защищал монархическую государственность и особое положение Православной церкви. Перед нами сочетание сохранения основ существующего строя с программой юридических преобразований, а не отказ от реформ во имя неизменности порядка [1, с. 50–62].

Столыпин объяснял, почему недостаточно объявить новые начала: пока закон точно не определяет обязанности и не охраняет права, положение человека зависит от чужого толкования и усмотрения. Он прямо упоминал законодательные меры, ведущие к равноправию отдельных слоев населения. Поэтому связь его программы с правовым государством – не позднейшая реконструкция: этот ориентир обозначен самим председателем Совета министров [1, с. 50–62].

Для крестьянства программа получила выражение в изменении конкретных правовых отношений. Указ от 5 октября 1906 года был посвящен отмене части ограничений в правах сельских обывателей и других бывших податных состояний [2]. Указ от 9 ноября того же года предоставлял домохозяину, владевшему надельной землей на общинном праве, возможность требовать закрепления причитающейся ему части в личную собственность. Его преамбула указывала и на практические затруднения при осуществлении ранее признанного права выхода из общины [3]. Речь шла не только о провозглашении самостоятельности, но и о ее юридическом обеспечении.

В речи 10 мая 1907 года Столыпин связывал преобразования с хозяйственной инициативой трудолюбивого крестьянина, устойчивым владением результатами труда и возможностью передать имущество потомкам. Государству отводилась роль помощника: кредит, содействие землеустройству, практические знания. В этой программе крестьянин выступал не только плательщиком и исполнителем повинностей, но и собственником, способным принимать хозяйственные решения [1, с. 86–96].

У этого образа был конкретный семейный облик. Обсуждая крестьянскую семейную собственность 26 марта 1910 года, Столыпин неоднократно обращался к положению отца – главы хозяйства, к его отношениям с сыновьями и к единству распоряжения имуществом. Поэтому мужчина-домохозяин действительно занимает центральное место в его аргументации. Однако юридическим адресатом земельной нормы был домохозяин, а не любой мужчина в силу пола. Реформа расширяла определенные права в сословном обществе, но не устанавливала современного равноправия всех членов семьи [1, с. 253–257; 3].

В той же речи прозвучала формула: «не земля должна владеть человеком, а человек должен владеть землей». Она выражала защиту самостоятельности земледельца в отношениях с общинным и семейным порядком. При этом Столыпин сохранял особые ограничения оборота надельной земли и признавал обязанности государства перед нуждающимися. Его модель не сводилась

ни к неограниченной частной воле, ни к возложению всей заботы о слабых на крестьянское хозяйство [1, с. 253–257].

Именно здесь возникает вопрос, связывающий исторический экскурс с современностью: что означает равноправие не как общий принцип, а как конкретная гарантия? Сегодня статья 35 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) закрепляет право частной собственности, статья 19 – равенство прав и свобод независимо от пола, а статья 38 – государственную защиту материнства, детства и семьи. Однако формальное равенство не всегда означает равенство возможностей. Вопрос о сохранении наследия приобретает конкретный смысл: что происходит с этим принципом, когда человек обращается за защитой своего права?

Чтобы попытаться это понять необходимо сопоставить конкретные ситуации. Одного указания на пол недостаточно ни для признания дискриминации, ни для объяснения, почему применены разные правила. Здесь и проходит граница между общим равноправием и устройством отдельного правового механизма.

Как возникли эти различия? Уже программа Столыпина 1907 года предусматривала запрет ночных и подземных работ для женщин наряду с несовершеннолетними [1, с. 50–62]. Значит, специальная защита по признаку пола существовала в реформаторских предложениях до советского и постсоветского периодов.

Советское регулирование дает другой исторический пример сочетания равенства и специальных гарантий. Статья 122 Конституции Союза Советских Социалистических Республик 1936 года соединяла провозглашение равных прав женщин и мужчин с государственной охраной интересов матери и ребенка [5, ст. 122]. Здесь общее равенство соседствовало с гарантиями, адресованными определенной семейной роли. Из этих двух исторических примеров не следует единая идеологическая причина современной асимметрии; зато возникает вопрос о преемственности способов правового регулирования.

Далее проверяется более узкий вопрос: что происходит, когда гарантия связана с полом родителя, а соответствующую функцию фактически выполняет другой родитель? Беременность и ежедневный уход за уже рожденным ребенком – разные юридические обстоятельства. Их разграничение позволяет обсуждать асимметрию без предположения о чьей-либо злой воле.

Нормативный материал рассматривается по состоянию на 28 сентября 2026 года.

Статьи 61 и 65 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) закрепляют равенство родительских прав и разрешение спора о месте жительства ребенка исходя из его интересов [6, ст. 61, 65]. Однако дополнительное условие может появиться не в законе, а при его применении.

В деле № 16-КГ23-20-К4 дочь проживала с отцом и выражала желание остаться с ним. Первая инстанция определила ее место жительства с отцом. Апелляция отменила решение, сославшись на отсутствие доказанных исключительных обстоятельств для разлучения ребенка с матерью; кассация

согласилась. Получилось, что фактические отношения следовало оценивать не только сами по себе: отцу требовалось обосновать отступление от предварительно принятого варианта проживания с матерью [7, п. 7].

Определением от 20 июня 2023 года Верховный Суд Российской Федерации отменил постановления апелляции и кассации и направил дело на новое рассмотрение. Он указал, в частности, на неучет мнения ребенка и заключений специалистов. Позиция вошла в Обзор судебной практики № 1 (2024). Суд не отменял принцип 6 Декларации прав ребенка 1959 года: он отнес к исключительным обстоятельствам интересы ребенка и его психологическое состояние, подчеркнув необходимость соблюдения равенства родителей [7, п. 7].

Для дискуссии существенно содержание дополнительного требования. Одно дело – сравнить отношения ребенка с каждым родителем. Другое – считать проживание с одним из них исходным вариантом, а от другого требовать доказать исключение. В рассмотренном деле эта разница определила направление судебного спора. Верховный Суд скорректировал подход нижестоящих инстанций, но сам путь дела показывает, почему одной ссылки на формальное равенство родителей бывает недостаточно.

Еще в 2021 году С. В. Зыков описал возможное закрепление первоначального выбора: проживание с матерью сначала обосновывается малолетством ребенка, а впоследствии – сложившимися отношениями [8, с. 48–49]. Этот аргумент помогает поставить вопрос о том, как возникла оцениваемая судом ситуация. При этом равенство родителей не означает распределения решений пополам: предметом рассмотрения остаются интересы конкретного ребенка. Статья 57 СК РФ допускает выяснение его мнения и до десяти лет; с десяти лет прямо закрепляется обязательность учета, если это не противоречит его интересам [6, ст. 57].

Второй пример касается не алиментов ребенку, а содержания супруга, ухаживающего за общим ребенком до трех лет. В прежней редакции соответствующая гарантия прямо адресовалась жене или бывшей жене. Отцу же пункт 44 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 года № 56 позволял обратиться за содержанием по аналогии закона, если он осуществлял уход, а мать устранилась от воспитания и содержания ребенка [9, п. 44].

Здесь различались не объем родительской заботы и не потребности ребенка, а юридические пути к гарантии. Для отца требовалось дополнительно установить поведение матери. Само существование судебного способа защиты не делало условия обращения одинаковыми. Возникает конкретный вопрос: почему выполнение функции ухода одним родителем получало прямое нормативное основание, а другим – требовало аналогии и дополнительного обстоятельства?

Федеральный закон от 31 июля 2023 года № 403-ФЗ изменил статьи 89 и 90 СК РФ. Право требовать содержание прямо закреплено за супругом или бывшим супругом, фактически ухаживающим за общим ребенком в тече-

ние трех лет со дня рождения. Беременность выделена в самостоятельное основание; условие об устранении матери в норме об уходе отсутствует. У обязанного супруга должны иметься необходимые средства [10; 6, ст. 89, 90].

Эта последовательность позволяет увидеть изменение самого критерия: от пола получателя и специального судебного обоснования – к фактическому уходу. Исправление не делает прежнее различие вымышленным, но не позволяет описывать его как действующее. Именно сопоставление редакций, а не предположение о мотивах законодателя, дает здесь доказательный материал.

Иной пример сохраняется в действующем уголовном законодательстве. Часть 1 статьи 82 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) допускает отсрочку для женщины, имеющей ребенка до четырнадцати лет, и для мужчины с ребенком того же возраста, являющегося единственным родителем. Отдельно названа беременная женщина. Решение принимает суд; законом предусмотрены исключения, связанные с назначенным наказанием и совершенным преступлением [11, ст. 82].

Ключевая разница – в дополнительном условии единственного родительства: оно прямо предъявляется мужчине, но не женщине. Для обсуждения связи отсрочки с интересами ребенка важно сопоставить юридический статус единственного родителя и фактическое участие в уходе. Какое значение имеет второй родитель, если он юридически существует, но ежедневную заботу осуществляет осужденный отец? Этот вопрос требует анализа обстоятельств дела и судебного толкования, а не вывода только из пола осужденного.

В военно-правовой сфере различие касается уже не семейной гарантии, а публичной обязанности. Статья 59 Конституции РФ адресует обязанность защиты Отечества гражданину. Однако статья 22 Федерального закона от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ относит к подлежащим обычному призыву мужчин от восемнадцати до тридцати лет, не пребывающих в запасе, состоящих или обязанных состоять на воинском учете. Действуют предусмотренные законом освобождения и отсрочки [4, ст. 59; 12, ст. 22].

Для возникновения такого статуса не требуется предварительного выбора военной профессии или добровольного заключения контракта. Аналогичный обычный призыв женщин законом не установлен. При этом женщины с военно-учетной специальностью также подлежат учету при наличии предусмотренных оснований: статья 8 исключает из него женщин, такой специальности не имеющих [12, ст. 8]. Возникшая обязанность по учету уже не зависит от желания исполнять ее.

Наличие военнообязанных женщин, таким образом, не делает основания возникновения обязанности одинаковыми. В одном случае обычный призыв связан с полом и возрастом независимо от выбора военной профессии; в другом для постановки женщины на учет имеет значение специальность. Это разные юридические ситуации, а не спор о том, кто больше готов служить. Вопрос о соотношении обязанности и гарантий ее носителя остается самостоятельным – он не сводится к выбору модели комплектования вооруженных сил.

Общее право и доступная гарантия – не одно и то же. Столыпин обсуждал, какие юридические изменения позволят крестьянину действовать как самостоятельному хозяину и собственнику. Сегодня вопрос ставится уже при общем конституционном равноправии: какие условия необходимо выполнить, чтобы признанное право стало действующей защитой?

Приведенные примеры различны: судебное требование исключительности было скорректировано, алиментное основание изменено законом, условия отсрочки наказания и обычного призыва остаются дифференцированными. Они подтверждают наличие определенных правовых асимметрий, а не совокупное преимущество одного пола во всех сферах. Исторические причины каждого различия требуют самостоятельного установления.

Тем самым дискуссия о наследии Столыпина возвращает к вопросу о самостоятельном субъекте права. Как соотносятся его реальные обязанности, фактически выполняемая социальная функция и условия доступа к защите? Проверка этого соотношения позволяет обсуждать конкретные механизмы осуществления равноправия в современной России.

Пристатейный список литературы

1. *Столыпин, П. А.* Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911. – Москва : Молодая гвардия, 1991. – С. 50–62, 86–96, 253–257.
2. Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний : Именной Высочайший указ от 5 октября 1906 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. – Т. XXVI. – № 28392. – URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/8418 (дата обращения: 28.09.2026).
3. О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования : Именной Высочайший указ от 9 ноября 1906 г. // П. А. Столыпин. Программа реформ : документы и материалы : в 2 т. – Москва : РОССПЭН, 2011. – Т. 1. – С. 380. – URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/8450 (дата обращения: 28.09.2026).
4. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с последующими изменениями) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик : утв. 5 декабря 1936 г. (с последующими изменениями). – URL: https://hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm (дата обращения: 28.09.2026).
6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (с последующими изменениями) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2024) : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 мая 2024 г. // СПС «КонсультантПлюс».

8. *Зыков, С. В.* Российское отцовство: «поражение в правах» // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25, № 9. – С. 47–60. – DOI: 10.12737/jrl.2021.110.
9. О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 56 // СПС «КонсультантПлюс».
10. О внесении изменений в статьи 89 и 90 Семейного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 31 июля 2023 г. № 403-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с последующими изменениями) // СПС «КонсультантПлюс».
12. О воинской обязанности и военной службе : Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (с последующими изменениями // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 340

Вячеслав Геннадьевич Нестолий,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского права и процесса Иркутского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия
nestoliy1@yandex.ru

Ирина Евгеньевна Андриянова,
юрист 3-го класса, помощник прокурора Прокуратуры
Слюдянского района Иркутской области, г. Иркутск, Россия
ira.andriyanova.02@mail.ru

АНАТОЛИЙ ФЕДОРОВИЧ КОНИ В ИСТОРИИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА (ОБРАЗ А. Ф. КОНИ НА ОБЪЕКТАХ ФИЛАТЕЛИСТИЧЕСКОГО КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ)

Аннотация. Доклад подготовлен в ознаменование 225-летия Министерства юстиции. Цель доклада состоит в изложении позиции А. Ф. Кони по вопросу образовательного ценза судебных приставов. Данной позиции А. Ф. Кони придерживался в дискуссии, имевшей место в ходе подготовки новой редакции Учреждения судебных установлений под руководством министра юстиции и генерал-прокурора Николая Валериановича Муравьева (1850–1908). Доклад сопровождается рассказом о филателистических объектах с изображением Анатолия Федоровича Кони (1844–1927).

Ключевые слова: судебный пристав; образовательный ценз; филателистическое коллекционирование.

Повелением Императора Александра III Миротворца в 1894 г. при министерстве юстиции была образована особая комиссия для реформирования законов о судоустройстве и судопроизводстве. Комиссия была создана по инициативе министра юстиции и генерал-прокурора Николая Валериановича

Муравьева, который возглавил комиссию. Состав комиссии был утвержден императором. В силу занимаемой должности в состав комиссии вошел исполнявший обязанности обер-прокурора Уголовно-Кассационного департамента сенатор Анатолий Федорович Кони [1, с. 1–2].

Комиссия подготовила проекты новых редакций устава гражданского судопроизводства и устава уголовного судопроизводства, а также проект новой редакции Учреждения судебных установлений. Проекты сопровождались объяснительными записками. Докладчику доступна Объяснительная записка к проекту новой редакции проекта Учреждения судебных установлений. Объяснительная записка содержит интересный материал об истории исполнительного производства.

В Объяснительной записке говорится о том, что ко времени подготовки новой редакции Учреждения судебных постановлений в обществе сложилось неправильное убеждение «о несовместимости должности судебного пристава с достоинством развитого и образованного человека» [2, с. 241]. Причину видели в том, что должности судебных приставов занимают лица без высшего юридического образования. Комиссия при министерстве юстиции подчеркнула, что институт судебных приставов крайне важен для защиты нарушенных прав, поскольку «цель всякого иска заключается не только в том, чтобы подвергнувшееся спору право было признано судом, но и в том, чтобы нарушенное право было восстановлено путем приведения последовавшего судебного решения в исполнение» [2, с. 241]. Поэтому было решено повысить статус судебных приставов посредством установления образовательного ценза.

По вопросу об установлении образовательного ценза в комиссии возникли разногласия. Пять членов комиссии, в том числе Анатолий Федорович Кони, указывали, что желательно замещать должности судебных приставов только лицами с высшим юридическим образованием. Однако в глухих уездах не хватает людей не только с высшим образованием, имеющих диплом об окончании университета, не хватает и людей, имеющих среднее гимназическое образование, желающих стать судебными приставами. Поэтому на должности судебных приставов следует назначать не только лиц с высшим юридическим образованием, но и любых лиц, обладающих знаниями, которые необходимы для того, чтобы выполнять функции судебного пристава [2]. Для таких лиц следует устраивать специальные испытания с целью проверки обладают ли они необходимыми знаниями. В свою очередь лиц, имеющих высшее юридическое образование, следует освободить от экзаменационных испытаний, т.к. они неоднократно подвергались испытаниям в ходе университетского обучения.

Председатель и остальные члены комиссии, среди которых можно назвать профессора Николая Степановича Таганцева (1843–1923), остановились на том, что поскольку лиц с высшим юридическим образованием не так много, как хотелось бы, то должности судебных приставов могут занимать лица, имеющее по крайней мере, среднее образование. Однако и лица со средним образованием, и лица с высшим юридическим образованием, желающие получить должность судебного пристава, должны подвергаться испытаниям в особых комиссиях.

Позиция А. Ф. Кони представляется правильной. Если отсутствуют лица с высшим юридическим образованием или средним образованием, желающие стать судебными приставами, должности должны занимать лица, обладающие необходимыми знаниями.

***

Цель настоящего доклада заключается не только в изложении взгляда Анатолия Федоровича Кони по вопросу образовательного ценза судебных приставов, но и представлении филателистических объектов, мотивом которых является образ Анатолия Федоровича Кони. Представление объектов будет правильным предварить объяснением того, что есть филателистическое коллекционирование и что такое филателия.

Что представляет собой филателистическое коллекционирование и каким образом филателистическое коллекционирование связано с правом? Во-первых, оборот объектов филателистического коллекционирования есть предмет правового регулирования, объекты филателистического коллекционирования представляют собой объекты гражданских прав, именуемые вещами (ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ [3]. Во-вторых, известно, что государство и право отражаются в «музыке, живописи, архитектуре, скульптуре и литературе» [4, с. 5]. Обращение к произведениям художественной культуры помогает в познании государства и права.

Заметим, что данное обстоятельство находит отражение в языке. Латинское слово *iudex* одновременно обозначает судью и литературного критика, ценителя и знатока литературных произведений [5, с. 5].

Помимо художественной литературы, произведениями художественной культуре являются творения изобразительного искусства. К числу произведений изобразительного искусства относятся произведения дизайна и графического искусства – почтовые марки и другие филателистические объекты.

Филателией именуется коллекционирование знаков почтовой оплаты, а также система знаний о знаках почтовой оплаты и истории почтовой связи. Представляется, что филателия может претендовать на статус вспомогательной и специальной исторической дисциплины. Для сравнения нумизматика и бонистика обладают таким статусом. В настоящее время нет препятствий к тому, чтобы признать статус вспомогательной и специальной дисциплины за филателией как системой знаний о знаках почтовой оплаты. Однако научные труды по данной дисциплине отсутствуют, невзирая на то, что отечественная и зарубежная библиография предмета очень большая и не поддается исчерпывающему описанию.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 176-ФЗ «О почтовой связи» [6] к числу государственных знаков почтовой оплаты относятся почтовые марки и иные знаки, наносимые на почтовые отправления и подтверждающие оплату услуг почтовой связи.

Помимо почтовых марок государственными знаками почтовой оплаты являются франкотипы, т. е. оттиски клише франкировальных машин, предна-

значенных для нанесения государственных знаков почтовой оплаты на письменную корреспонденцию (ст. 2 Федерального закона «О почтовой связи»). Использование франкировальных машин регламентируется приказом Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 14 марта 2022 г. № 198 «Об определении Порядка применения франкировальных машин» [7].

Государственными знаками почтовой оплаты также являются карточки и конверты с оригинальными марками. Оригинальными именуются почтовые марки, существующие не в качестве отдельных вещей, а только как графические образы, т. е. изображения марок на конвертах и карточках. Конверты и карточки с оригинальными марками именуются в филателии *цельными вещами*. Цельные вещи определяются как объекты филателистического коллекционирования, на которых напечатаны почтовые марки или тексты, заменяющие почтовые марки [8, с. 3].

Цельные вещи следует отличать от *целых вещей*, т.е. конвертов и почтовых карточек с франкотипами или наклеенными почтовыми марками, погашенными почтовыми штемпелями. Среди целых вещей особо выделяют конверты первого дня, выпускаемые в честь эмиссии почтовых марок, и карточки максимального соответствия, иначе именуемые карт-максимумами.

Порядок приема и вручения внутренних регистрируемых почтовых отправлений, утвержденный приказом АО «Почта России» от 21 июня 2022 г. № 230-п [9], определяет карт-максимум следующим образом. Это «почтовая карточка с иллюстрированной (неадресной) стороной, с наклеенной на иллюстрированную сторону маркой (блоком), рисунок которой целиком или частично совпадает с рисунком иллюстрации. Марки (блок) могут быть погашены оттиском календарного почтового штемпеля или специального почтового штемпеля в день какого-либо исторического события или в день выхода в почтовое обращение данной марки (блока)».

Филателисты не столь строги к элементам карт-максимума, считается, что все три элемента, а именно почтовая марка, оттиск почтового штемпеля и изображение на почтовой карточке должны быть связаны между собой общим мотивом или темой.

Анатолию Федоровичу Кони посвящена почтовая марка, увидевшая свет 7 сентября 2012 г. в серии «Выдающиеся юристы России». Марка поступала в продажу листами из восьми марок и одного информационного купона.

Кроме того, в честь А. Ф. Кони в 2024 г. выпущен художественный маркированный конверт. В 1994 г. почтовое ведомство порадовало коллекционеров художественным конвертом с оригинальной маркой.

В состав собрания знаков почтовой оплаты с изображениями А. Ф. Кони входит также карт-максимум с почтовой маркой 2012 г., гашеной специальным почтовым штемпелем «Знаменитые юристы России».

Новизна настоящего доклада заключается в том, что в нем впервые обращается внимание на возможность использования объектов филателистического коллекционирования в ходе преподавания учебного курса «Право

в истории художественной культуры». Кроме того, наш совместный доклад можно использовать на занятиях по исполнительному праву и исполнительному производству, обсуждая статус судебного пристава.

Пристатейный список литературы

1. Объяснительная записка к проекту новой редакции Учреждения судебных установлений / Выс. учрежд. комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Т. 1. Ч. 1 : Введение. Главные основания предполагаемого судоустройства. II, XXI. – Санкт-Петербург : Сенатская типография, 1900. – 63 с.
2. Объяснительная записка к проекту новой редакции Учреждения судебных установлений / Выс. учрежд. комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Т. 1. Ч. 2 : Общие вопросы судоустройства. Главы I–XVI. V, 400. – Санкт-Петербург : Сенатская типография, 1900. – 71 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. *Вишневский, В. Г.* Право и история художественной культуры : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / В. Г. Вишневский и др. ; под ред. М. М. Рассолова. – Москва : ЮНИТИ, 2012. – 431 с.
5. *Ioannis Ziogas, Erica Bexley* (2022). Introduction: Roman Law and Latin Literature // Roman Law and Latin Literature. London : Bloomsbury Academic. – 2022. – P. 1–22.
6. О почтовой связи : Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 176-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 29. – Ст. 3697.
7. Об определении Порядка применения франкировальных машин : Приказ Минцифры России от 14 марта 2022 г. № 198 // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. – URL: http://pravo.gov.ru/
8. *Якобс, В. А.* Цельные вещи в филателии. – Москва : Связь, 1980. – 80 с.
9. Порядок приема и вручения внутренних регистрируемых почтовых отправлений : утв. Приказом АО «Почта России» от 21 июня 2022 г. № 230-п // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 340

Егор Евгеньевич Остапчук,
студент 3-го курса колледжа
Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Санкт-Петербург, Россия
egorostapcuk26@gmail.com

Научный руководитель:
Алиса Денисовна Ковалева,
преподаватель колледжа Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Санкт-Петербург, Россия
kry.alisa@gmail.com

СООТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ И ЛИЧНЫХ СВОБОД: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ (ОТ П. А. СТОЛЫПИНА ДО НАШИХ ДНЕЙ)

Аннотация. Статья посвящена историко-правовому анализу эволюции гражданских прав и свобод в России. На основе сравнительного метода исследуется становление правового статуса личности от периода реформ П. А. Столыпина до современного этапа развития Российской Федерации. Автор рассматривает влияние государственных приоритетов на содержание и механизмы защиты прав граждан в различные исторические эпохи. В результате исследования сделан вывод о преемственности некоторых государственно-правовых идей П. А. Столыпина в современной правовой доктрине России.

Ключевые слова: права; свободы; историко-правовой анализ; правовой статус личности; П. А. Столыпин.

До начала масштабных преобразований П. А. Столыпина правовая система Российской империи характеризовалась глубоким сословным неравенством, закрепленным в Своде законов Российской Империи. Наиболее ущемленным в гражданских правах оставалось крестьянство, поскольку

сословные ограничения и общинный уклад препятствовали свободе передвижения и полноценному участию в гражданском обороте. Назначение П. А. Столыпина в 1906 г. на должность Председателя Совета министров положило начало коренному реформированию основ государственного строя. Основным нормативным правовым актом данного периода стал Указ от 9 ноября 1906 года «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования». Данный документ закрепил за крестьянами право на обособление от общины и обращение земельного надела в личную собственность. Кроме того, был регламентирован порядок заключения и совершения сделок по отчуждению подворных участков. С юридической точки зрения данная реформа разрушила сословную обособленность крестьянства, заложив фундамент для формирования института частной собственности и расширения личных и экономических свобод граждан. Крестьяне, которые хотели и могли работать, увеличивали и развивали свои уделы.

Анализ государственно-правовых взглядов П. А. Столыпина позволяет утверждать, что он выступал сторонником постепенного перехода Российской империи к модели правового государства. В своих выступлениях он подчеркивал, что «пока писаный закон не определит обязанности и не оградит прав отдельных русских подданных, права эти... не будут прочно установлены» [2, с. 24]. Практическим воплощением этой доктрины стал указ «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний», посвященный улучшению гражданско-правового статуса крестьян.

Важное место в реформаторских планах занимал проект закона «О неприкосновенности личности, жилища и тайны корреспонденции». Несмотря на то, что данный документ не был утвержден в качестве действующего закона, заложенные в нем принципы свидетельствовали о стремлении интегрировать подданных империи в единое правовое пространство на принципах законности [3, с. 16]. Деятельность П. А. Столыпина была направлена на решение двух задач. С одной стороны, наделение граждан базовыми правами позволяло включить их в общее правовое поле и сформировать у населения правосознание. С другой стороны, этот процесс строился на том, что расширение прав личности неразрывно связывалось с ее персональной ответственностью перед законом.

Революционные потрясения 1917 года и последующий приход к власти большевиков радикально изменили вектор развития отечественной правовой системы. Советское государство полностью отказалось от преемственности с дореволюционным законодательством. Декреты о суде № 1, 2, 3 последовательно упразднили прежнюю судебную систему и институты права [4, с. 40].

В 1919 г. подчеркивалось, что, «отменив законы свергнутых правительств, Советская власть поручила выбираемым Советами судьям осуществлять волю пролетариата, применяя его декреты, а в случае отсутствия таковых

или неполноты их руководствоваться социалистическим правосознанием». В Советской России роль гражданских прав в регулировании имущественных отношений была снижена, поскольку сама концепция частной собственности противоречила государственной идеологии. Ярким примером данной политики стал Декрет о земле, который ликвидировал частную собственность, что не способствовало решению земельного вопроса, а напротив, негативно сказалось на части крестьянства.

Обращение к первой советской Конституции РСФСР 1918 г. демонстрирует принципиальный разрыв с либерально-правовой традицией. М. В. Баглай обращал внимание на то, что глава 13-я Конституции РСФСР 1918 г. установила дискриминацию, предоставив право избирать и быть избранными только тем, кто «добывает средства к жизни производительным и общественно полезным трудом», а также солдатам и нетрудоспособным [5, с. 60].

Только с принятием Конституции РФ 1993 г. (с учетом последующих конституционных преобразований) в отечественную правовую систему вернулось понимание прав и свобод человека как высшей ценности (ст. 2). Конституция Российской Федерации защищает и закрепляет важнейшие ценности для регулирования общественных отношений.

В частности, конституционная реформа 2020 г. закрепила столыпинский принцип сопряжения личных свобод граждан с их публично-правовыми обязанностями и ответственностью перед обществом. Включение в текст Основного Закона положений о защите исторической правды, сохранении традиционных семейных ценностей и укреплении государственного суверенитета наглядно иллюстрирует современное понимание публичных и частных интересов. Права и свободы личности в современной России рассматриваются в неразрывной связи с необходимостью обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития государства.

Подводя итог историко-правового анализа, можно утверждать, что современная правовая доктрина России во многом унаследовала ключевой вектор столыпинских преобразований – стремление к созданию сильного правового государства, балансирующего общественные интересы и незыблемость фундаментальных прав личности. Если в дореволюционный период реформы П. А. Столыпина представляли собой попытку модернизации страны через расширение свобод граждан при сохранении сильной государственной власти, то советский этап ознаменовал смещение вектора в сторону приоритета государственных и классовых интересов над индивидуальными правами. Лишь современная правовая доктрина России смогла вернуться к поиску баланса между этими началами. Современная модель стремится к созданию сильного правового государства, способного защищать национальные интересы, но одновременно признающего незыблемость и высшую ценность прав и свобод личности.

Пристатейный список литературы

1. *Чолтян, Л. Н., Крикун, В. Г.* Значение аграрной реформы П. А. Столыпина // Аграрное и земельное право. – № 2. – 2025. – С. 134–137.
2. *Могилевский, К. И.* П. А. Столыпин: личность и реформы / К. И. Могилевский, К. А. Соловьев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : РОССПЭН, 2011. – 141 с.
3. *Погарцев, В. В.* Проектная деятельность П. А. Столыпина в сфере изменения правового статуса граждан российской империи в начале XX века // Юридическая наука. – № 3. – 2023. – С. 14–17.
4. *Шпаковский, Ю. Г., Потапчук И. В.* Декреты о суде № 1, 2, 3 // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. –2018. –№ 4 (44). – С. 210–223.
5. *Баглай, М. В.* Конституционное право Российской Федерации : учебник. – Москва, 2018.

УДК 340.15

Булат Дамирович Хуснуллин,
студент 2-го курса факультета высшего образования
Казанского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Казань, Россия
unicodeexe@gmail.com

Научный руководитель:
Валентина Игоревна Кузьменко,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
теории государства и права, социально-экономических дисциплин
Казанского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Казань, Россия
kuzmenko_valya@mail.ru

ТРАДИЦИЯ И ЗАКОН: ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ РОССИИ (НАСЛЕДИЕ П. А. СТОЛЫПИНА И СОВРЕМЕННОСТЬ)

Аннотация. Статья посвящена анализу правовых механизмов сохранения культурно-исторической преемственности России через призму реформаторского наследия П. А. Столыпина. Исследование опирается на несколько источников: земельное законодательство 1906–1911 гг. (указ 9 ноября 1906 г., закон 14 июня 1910 г., Положение о землеустройстве 29 мая 1911 г.), избирательное законодательство (Положение о выборах в Государственную думу от 3 июня 1907 г.). Автор обосновывает тезис о том, что столыпинская модель правового обеспечения реформ содержала внутреннее противоречие: стремление к созданию «правового государства» сочеталось с систематическим использованием чрезвычайных законодательных процедур (ст. 87 Основных законов) и внепарламентским изменением избирательной системы. Это противоречие определило как масштаб реформаторских достижений, так и хрупкость их правовой основы. В результате исследования был проведен анализ деятельности Петра Аркадьевича.

Ключевые слова: П. А. Столыпин; культурно-историческая преемственность; правовые механизмы; землеустройство; чрезвычайное законодательство; избирательное право.

Программа реформ Петра Аркадьевича Столыпина, одного из величайших политиков двадцатого века базировалась на принципе сохранения историко-культурных традиций России. Она говорил о том, что необходимо «черпать свою силу в русских национальных началах». Это не означало отказа от заимствований – речь шла о том, что правовые формы, внедряемые в России, должны соответствовать исторически сложившимся институтам и ценностям народа [1, с. 12].

В выступлении в Государственной Думе 16 ноября 1907 года Столыпин сформулировал это предельно ясно: «Неуклонная приверженность к русским историческим началам в противовес беспочвенному социализму. Это желание, это страстное желание обновить, просветить и возвеличить родину». Важно отметить, что здесь традиция не противопоставляется развитию – напротив, она выступает его основой [2, с. 45].

Правовым выражением этого принципа стала ставка на эволюционное, постепенное внедрение реформ. Столыпин неоднократно подчеркивал необходимость «двадцати лет покоя» для завершения преобразований [3, с. 78]. Законодательство о крестьянском землевладении (указ 9 ноября 1906 года и последующие акты) лишь давала право на выход из общину, при этом не разрушая саму общину как институт. В этом и смысл эволюционного внедрения реформ: закон предоставлял выбор, не разрушая традиционный институт.

При этом указ 9 ноября 1906 года был издан в порядке чрезвычайного законодательства [4, с. 103]. Чрезвычайное законодательство изначально носило временный характер, поскольку зависела от учреждения Думой. Это было проблемой, поскольку реформа была в процессе, при этом фактически не имея правовой базы. Крестьяне, желавшие выхода из общины, не могли быть уверены, что реформу не отменят уже завтра.

Модель Петра Аркадьевича предполагала взаимную ответственность граждан перед государством и власти перед обществом. «Для всех лиц, стоящих у власти, нет греха большего, чем малодушное уклонение от ответственности», – говорил премьер-министр [5, с. 56].

Это предполагало набор кадров из лиц, обладающих патриотическим духом и чувством долга перед страной и обществом. Столыпин стремился создать правовую основу, которая обеспечивала бы устойчивость курса независимо от текущей политической ситуации [6, с. 34].

В наше время множество ученых анализируют деятельность Столыпина. В. П. Данилов отмечал, что у Петра Аркадьевича не было необходимых ему 20 лет покоя – России не удалось избежать участия в Первой мировой войне,

что прервало реформаторский процесс [7, с. 91]. Однако принцип сохранения реформ в долгосрочной перспективе сохраняет актуальность.

Следует добавить, что зачастую реформаторский курс зависит от личного авторитета реформатора. После убийства Столыпина в 1911 году многие его начинания были свернуты, а аграрная реформа фактически остановлена. Это свидетельствует о том, что персонификация реформ ослабляет их правовую устойчивость. В современности можно привести в пример Владимира Вольфовича Жириновского – после смерти популярность его партии сильно упала, а сама партия, несмотря на попытку сохранить курс, проживает не лучшие времена.

Наследие Столыпина в современной России крайне востребовано. Прежде всего, это понимание реформы как длительного правового процесса. Аграрная реформа была обречена не только из-за войны, но также и потому, что правовые механизмы не успели укорениться. Реформа длительное время имела чрезвычайный, временный характер, и по сути в любое время могла быть свернута, и полностью зависела от решения Государственной Думы [8, с. 67].

Показательно, что сам Столыпин не считал свои реформы завершенными. Он говорил о том, что для успеха реформ нужны не только законы, но и люди, способные их исполнять. Это указывает на ключевую проблему: правовая норма сама по себе не создает преемственность, но создает возможность для ее сохранения [9, с. 18].

Современный опыт правовых заимствований показывает, что перенос норм из одной правовой системы в другую без учета культурно-исторического контекста обречен на провал или дает искаженный результат. Показателен пример американского законодательства о свободном ношении оружия: Вторая поправка к Конституции США возникла в конкретных исторических условиях – необходимости ополчения при слабой центральной власти, – и ее действие опирается на устойчивую правовую культуру, основанную на прецеденте и индивидуальной ответственности. Механический перенос этой нормы в российское законодательство, где монополия на применение силы исторически принадлежит государству, привел бы не к расширению свободы, а к социальному хаосу. Обратный пример – правовой статус полиции. Американское полицейское право сформировалось под давлением реальной угрозы: массовое ношение оружия означает, что при любой остановке полицейский исходит из предположения о возможном вооруженном сопротивлении. Отсюда – более широкие рамки применения силы. Российское законодательство о полиции (ФЗ № 3-ФЗ от 07.02.2011) построено на иной логике: меньшая вооруженность населения предполагает меньшую угрозу для сотрудника и, соответственно, более узкие пределы применения силы. Это не «отсталость» и не «недостаток прав» – это иная правовая логика, соответствующая иной культурно-исторической траектории. Таким образом, успешные реформы это те, что основаны на традиционных институтах государства. Именно этот принцип, а не соответствие западным стандартам, должен лежать в основе правовой политики [10, с. 133].

Анализ наследия Столыпина позволяет нам сформулировать несколько принципов, сохраняющих огромное значение.

– Принцип правовой постепенности. Закон должен создавать условия для изменений, но не форсировать их. Опыт столыпинской реформы показал, что даже экономически обоснованные меры не дают результата, если правовая система не готова к их восприятию.

– Принцип исторической укорененности. Правовые институты работают эффективно тогда, когда они основаны на существующих традициях.

– Принцип ответственности власти. Правовая защита долгосрочного курса от политической нестабильности – необходимое условие преемственности. Без этого любые реформы рискуют быть свернуты при смене руководства.

– Принцип кадровой компетентности. Правовые механизмы не работают без людей, способных их применять с учетом местных условий. Законодательное закрепление профессиональных критериев для управленцев – не менее важно, чем содержание реформ.

Столыпинское наследие представляет собой не набор готовых рецептов, а ряд показательных решений для обучения на удачных моментах и ошибках прошлого. Ключевой вывод, который следует из анализа его деятельности, состоит в том, что культурно-историческая преемственность обеспечивается конкретными правовыми механизмами: постепенностью изменений, защитой долгосрочного курса, ответственностью власти и компетентностью управленцев.

Однако столыпинский опыт содержит и предостережение. Регулярное использование чрезвычайных правовых процедур, внепарламентское изменение избирательного законодательства, персонификация реформ – все это ослабило правовую основу преобразований и сделало их уязвимыми перед политическими потрясениями. Правовая преемственность не может быть обеспечена средствами, которые сами нарушают правовую непрерывность.

В современной России мы имеем возможность учиться на ошибках Петра Аркадьевича и хотя бы попытаться не повторять их. При введении новых законов, внедрении реформ мы должны учитывать историко-культурное наследие нашей страны. Основанные на традиционных институтах, эти законы сохранятся и в будущем, соответственно обеспечивая преемственность. При этом это не означает стагнацию: сохранение наследия составляет лишь основу для модернизации, при этом не отменяя возможность заимствований.

Пристатейный список литературы

1. *Никулин, А. М.* В поисках альтернатив российского развития: переосмысливая наследие аграрника В. П. Данилова // Мир России. Социология. Этнология. – 2014. – Т. 23, № 1. – С. 8–33.
2. *Пожигайло, П. А.* Петр Столыпин и его реформы 100 лет спустя // Ценности и смыслы. – 2012. – № 4 (20). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/petr-stolypin-i-ego-reformy-100-let-spustya (дата обращения: 13.09.2026).

3. «Петр Аркадьевич Столыпин – реформатор, патриот, гражданин»: материалы «Круглого стола» // Вестник ТГУ. – 2012. – № 8. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/petr-arkadievich-stolypin-reformator-patriot-grazhdanin-materialy-kruglogo-stola (дата обращения: 13.09.2026).
4. *Пожигайло, П. А.* Реформы П. А. Столыпина и проблемы современной России // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2015. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/reformy-p-a-stolypina-i-problemy-sovremennoy-rossii (дата обращения: 20.09.2026).
5. *Щербакова, И. К.* 20 лет покоя для России: наследие великого реформатора (к 160-летию со дня рождения П. А. Столыпина) // Власть истории – История власти. – 2022. – № 36. – С. 29–36.
6. *Бокова, Я. М.* Петр Аркадьевич Столыпин по воспоминаниям современников // Kant. – 2014. – Декабрь. – № 4 (13). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/petr-arkadievich-stolypin-po-vospominaniyam-sovremennikov (дата обращения: 20.09.2026).
7. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Из закона о землеустройстве. 29 мая 1911 г. // Исторические Материалы : сайт.
9. Положение о выборах в Государственную думу от 3 июня 1907 г. // СПС «Гарант».
10. *Хабибуллина, М. Т.* Итоги и последствия аграрной реформы // Электронная библиотека Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева : сайт. – URL: https://lib.chuvgpu.ru/MegaPro/Web.

УДК 342

Мария Андреевна Черненко,
студент специалитета 3-го курса юридического факультета
Ростовского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия
tcernenko036@gmail.com

Научный руководитель:
Наиба Ханахмедовна Устаева,
кандидат юридических наук, заведующий кафедрой
государственно-правовых дисциплин Ростовского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия
ustaeva.naiba@yandex.ru

«ВЕЛИКАЯ РОССИЯ» КАК КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ: РЕЦЕПЦИЯ ИДЕЙ П. А. СТОЛЫПИНА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу концепции «Великой России» как конституционно-правовой категории и рецепции идей П. А. Столыпина в современном российском конституционализме. Рассматриваются конституционные поправки 2020 года, проблемы соотношения ценностных норм и запрета государственной идеологии, отсутствия социальной опоры суверенитета, коллизий суверенных и правозащитных начал, а также предлагаются пути их решения. Исследование опирается на историко-правовой и формально-юридический методы.

Ключевые слова: П. А. Столыпин; «Великая Россия»; конституционализм; конституционная реформа 2020; рецепция права; суверенитет; традиционные ценности; конституционная идентичность; государственная идеология; принцип соразмерности.

Идея «Великой России» вошла в российский политико-правовой дискурс в начале XX века как ответ на революционный кризис, а ее правовое содержание неразрывно связано с именем П. А. Столыпина, который стал не только автором аграрной реформы, но и выразителем определенной правовой философии, в которой сила государства связывалась с правовым порядком и национальным единством [1].

После конституционной реформы 2020 года, дополнившей Основной Закон положениями о защите суверенитета, территориальной целостности, исторической правды и традиционных ценностей, вновь стал актуальным вопрос о том, в какой мере столыпинское наследие может рассматриваться как источник современного российского конституционализма, поскольку внесенные поправки сформировали новый слой конституционного регулирования, обнаруживающий содержательные параллели с идеями, сформулированными более века назад.

Понимание Столыпиным конституционализма существенно отличалось от западноевропейских образцов, поскольку он последовательно разграничивал «парламентаризм» и «конституционализм», считая первый неприемлемым для России в силу его связи с отказом от традиционных политических институтов, а установившийся после Манифеста 17 октября 1905 года строй определял как «представительный, дарованный самодержавным Монархом», подчеркивая его дарованный характер. При этом Столыпин не был противником конституционного развития как такового, будучи убежденным в необходимости перехода к «полноценному конституционному строю», но не ради торжества абстрактных либеральных ценностей, а «для спасения монархии» и «для создания будущей Великой России», в связи с чем правовой порядок мыслился им не как порождение «свободолюбия», а как потребность самой государственной власти, стремящейся быть «здоровой» и «недеспотической».

Высшее историческое право России он формулировал однозначно – «быть сильной», и эта формула не была отрицанием права, но задавала его цель, поскольку правовые институты должны были служить укреплению государственности, а не подменять ее собой. Показательно, что в своих выступлениях в Государственной думе Столыпин не использовал слово «конституция», подчеркивая, что если в Америке конституционный порядок был установлен самим народом, а в Пруссии – на основании взаимного договора между народом и короной, то в России Основные законы были «дарованы самодержавным государем», и именно на этом он делал особое ударение [2].

Русский народ Столыпин рассматривал как основу государства, а территориальную целостность – как ценность, не подлежащую обсуждению, при этом государство мыслилось как единый организм, скрепляемый «железным обручем» права и управления. Важнейшим элементом его программы было создание правового государства и гражданского общества при содействии верховной власти, и он не видел противоречия в том, что правовые институты формируются «сверху», поскольку для него это было проявлением государственной ответственности, а не деспотизма [3].

Концепция «Великой России» была сформулирована не самим Столыпиным, а П. Б. Струве, опубликовавшим в 1908 году в журнале «Русская мысль» статью под этим названием, однако именно Столыпин стал политическим воплощением этой идеи, и после его гибели Струве связывал с ней «стержневую идею» его реформ. Для Струве «Великая Россия» была не географическим или имперским понятием, а государственной формулой России как национального Государства-Империи, выражающей «силу России, но силу не только внешнюю или материальную, даже не только государственную», причем он разводил идею государства и носителей власти, подчеркивая, что государство не тождественно чиновничьему аппарату. Условием создания «Великой России» Струве считал укрепление правовых и конституционных норм, рассматривая их как необходимое условие «совокупного функционирования государственного и национального начал», и таким образом уже в начале XX века «Великая Россия» мыслилась не как отрицание права, а как его высшая цель – государство, сильное правом и через право. В современной историографии реформаторская деятельность Столыпина рассматривается как комплексный проект модернизации, в котором конституционные преобразования сочетались с охранительными функциями, и именно этот синтез – сила через право и право для силы – составляет ядро той государственно-правовой традиции, которая может быть прослежена в современном российском конституционализме [4].

Поправки 2020 года стали беспрецедентным по масштабу обновлением ценностного слоя Конституции РФ, поскольку если текст 1993 года был ориентирован преимущественно на либеральные ценности прав человека и разделения властей, то новая редакция дополнила его положениями, закрепляющими суверенитет, историческую преемственность и традиционные ценности. Статья 67 Конституции РФ в новой редакции установила, что «Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности», а действия, направленные на отчуждение части территории, не допускаются, и это положение имеет не только охранительный, но и ценностный характер, поскольку территориальная целостность закрепляется как абсолютная ценность, не подлежащая пересмотру. Одновременно в Конституцию были введены нормы о защите исторической правды и памяти защитников Отечества, о традиционных семейных ценностях и институте брака как союза мужчины и женщины, о воспитании патриотизма и гражданственности, и эти положения формируют каркас, который исследователи характеризуют как «ценностный поворот» российского конституционализма. Академик Т. Я. Хабриева отмечает, что российский Основной Закон приобрел свойства программного документа, воспитательные установки и ярко выраженное социально-ценностное наполнение, поскольку поправки закрепляют сложившееся взаимопонимание государства и его граждан по отношению к базовым ценностям, в результате чего Конституция становится нравственным ориентиром для российского общества, отражая его идеалы и традиционные черты коллективного сознания. Существенно, что эти новеллы не отменяют и не ума-

ляют права и свободы человека, а дополняют либеральную конституционную традицию суверенной и национально-культурной составляющей, создавая сложный баланс между правами индивида и интересами государства, и именно этот баланс представляет собой ту проблему, которую Столыпин решал в начале XX века. В научной литературе справедливо обращается внимание на то, что поправки 2020 года стали результатом поиска национальной конституционной идентичности, отражающей исторически сложившиеся традиции и социальные ценности, находящиеся за пределами текста Конституции, а ценностное содержание конституционных норм наполняет идеологическую функцию любой конституции [5].

Анализ конституционных новелл 2020 года позволяет выявить несколько содержательных линий восприятия столыпинской государственно-правовой доктрины, среди которых прежде всего следует назвать суверенитет как конституционную ценность, поскольку Столыпин отстаивал необходимость «усиления русского элемента на западных окраинах» и видел одну из важнейших задач в «скреплении распатанного государственного тела железным обручем», а конституционные положения о защите суверенитета и территориальной целостности воспроизводят эту логику на нормативном уровне.

Вторая линия связана с национально-культурной идентичностью и традиционными ценностями, поскольку Столыпин связывал с установлением нового строя «подъем в обществе патриотизма и национального чувства» и направлял усилия на строительство России, «не стыдящейся быть русской», а конституционные нормы о традиционных ценностях, исторической памяти и воспитании патриотизма представляют собой юридическое выражение той же установки [6]. В научной литературе подчеркивается, что традиционные ценности носят не узкоэтнический или религиозный, но общегражданский характер и являются главным фактором формирования гражданского единства и общероссийской идентичности, а показательно, что в ходе реформы 2020 года впервые в ст. 69 Конституции РФ появилось понятие общероссийской идентичности.

Третья линия – правовое государство как инструмент укрепления государственности, поскольку для Столыпина правовой порядок был «потребностью самой здоровой, недеспотической государственной власти», а современный конституционализм, дополняя либеральные гарантии суверенными и ценностными положениями, воспроизводит эту формулу, согласно которой право не ограничивает государство извне, а является его собственным способом существования [7]. При этом восприятие осуществляется не в форме прямого заимствования конкретных правовых институтов, а в форме усвоения ценностных и целевых установок, поскольку восприятие в конституционном праве представляет собой важнейший юридический способ совершенствования национальной конституционно-правовой системы и инструмент сближения правовых систем [8].

Однако восприятие столыпинских идей в современный конституционализм порождает ряд серьезных проблем, требующих самостоятельного ана-

лиза, и первой из них является проблема соотношения ценностных новелл с конституционным запретом на государственную идеологию, закрепленным в ч. 3 ст. 13 Конституции РФ. Положения 2020 года, закрепляющие традиционные ценности, историческую память и патриотизм, объективно формируют каркас, который по своей природе близок к идеологическому, в связи с чем возникает напряжение между принципом идеологического многообразия, унаследованным от либеральной конституционной традиции 1993 года, и новым ценностно-ориентированным регулированием, а традиционные ценности в условиях конституционного запрета государственной идеологии становятся предметом сложного правового опосредования, поскольку государство не может прямо предписывать их в качестве обязательной идеологии, но может создавать правовые механизмы их защиты и продвижения [9].

Путем разрешения этой проблемы могло бы стать разграничение ценностного и идеологического регулирования, при котором конституционные ценности рассматривались бы не как обязательная идеология, а как объективные основания правопорядка, нуждающиеся в защите, причем такое разграничение должно опираться на критерии, выработанные Конституционным Судом РФ, который, как отмечается в литературе, дает импульс формированию и осмыслению концепции национальной конституционной идентичности.

Вторая проблема носит социально-правовой характер и связана с отсутствием в современной конституционной модели механизмов формирования социальной опоры суверенитета, поскольку идеал «сильной России» предполагал активную социальную базу в лице крестьян-собственников, формирование которых было стержнем аграрной реформы, тогда как современная конституционная модель, провозглашая суверенитет и традиционные ценности, аналогичного механизма не содержит [10]. Вопрос о том, какие социальные группы являются носителями конституционной идентичности и субъектами ее воспроизводства, остается открытым, а без ответа на этот вопрос ценностные новеллы рискуют остаться пустыми декларациями, не получив опоры в социальной практике, поскольку Столыпин понимал, что государственная мощь создается не только правовыми нормами, но и экономически самостоятельным, заинтересованным в стабильности сословием. Путем решения этой проблемы могло бы стать правовое стимулирование формирования широкого слоя экономически самостоятельных граждан через гарантии права собственности, поддержку предпринимательства и развитие местного самоуправления, что соответствовало бы столыпинской логике, согласно которой правовые институты должны создавать социальную опору для государственности, а не просто объявлять ценности [11].

Третья проблема касается соотношения «суверенных» и «правозащитных» начал Конституции и риска использования конституционных ценностей в политических целях, поскольку новая редакция Основного Закона дополнила либеральный перечень прав и свобод суверенными положениями, создав сложную систему конституционных ценностей, между которыми возможны противоречия [12]. Столыпин разграничивал конституциона-

лизм и парламентаризм, отдавая приоритет первому как более широкому и нагруженному понятию, и современный российский конституционализм, по всей видимости, следует той же логике, поскольку он не сводится к процедурам представительства, но включает содержательные представления о достойном государственном бытии, однако вопрос о том, как разрешать конкретные противоречия между суверенными интересами и правами личности, остается дискуссионным.

Дополнительную сложность создает то обстоятельство, что развитие российской конституционной идентичности в условиях международных санкций и геополитического давления становится предметом самостоятельных исследований, а новеллы, будучи по своей природе ценностно нагруженными, создают пространство для различных толкований, в связи с чем возникает риск их упрощенной политизации. Путем решения этой проблемы могла бы стать выработка правовых критериев разрешения противоречий между суверенными и правозащитными началами, основанных на принципе соразмерности и доктрине конституционной идентичности, а также формирование правовой культуры, восприимчивой к ценностям сильного правового государства, поскольку последовательное укрепление конституционализма возможно только в случае распространения его ценностей в правосознании граждан и элиты.

Концепция «Великой России», сформулированная П. Б. Струве и политически реализованная П. А. Столыпиным, представляет собой не только исторический эпизод, но и содержательный источник современного российского конституционализма, поскольку ее ключевые элементы – приоритет сильного государства, правовой порядок как инструмент его укрепления, территориальная целостность как абсолютная ценность, национально-культурная идентичность как основа государственности – обнаруживают преемственность с конституционными новеллами 2020 года [13]. Восприятие столыпинских идей не означает возврата к имперской модели, а свидетельствует о поиске собственного конституционного пути, в котором либеральные гарантии прав человека сочетаются с суверенными и ценностными началами, и «Великая Россия» как конституционно-правовая категория представляет собой не идеологию, а способ осмысления государства, которое мыслит себя одновременно правовым и суверенным, открытым миру и хранящим свою идентичность [14].

Преодоление рассмотренных проблем – разграничение ценностного и идеологического регулирования, формирование социальной опоры суверенитета и выработка критериев разрешения противоречий между суверенными и правозащитными началами – позволит превратить восприятие столыпинского наследия из простого повторения в действенный фактор развития российского конституционализма, и именно в этом состоит актуальность столыпинского наследия для современной юридической науки.

Пристатейный список литературы

1. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества // Русская мысль. – 1908. – Кн. 1. – С. 143–157.
2. *Гришина, Т. М.* Исторические традиции и ценности как основа правовой системы России // Российское право онлайн. – 2024. – № 3.
3. *Хабриева, Т. Я.* Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник РАН. – 2020. – Т. 90, № 5. – С. 403–414.
4. *Дудко, А. И.* Рецепция в конституционном праве: понятие и классификация // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 5. – С. 5–7.
5. *Фадеев, В. И.* П. А. Столыпин и народное представительство (к 150-летию со дня рождения П. А. Столыпина) // Lex Russica. – 2011. – Т. 70, № 4. – С. 628–650.
6. *Форостецкий, М. С.* Политико-правовые взгляды П. А. Столыпина : автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Белгород, 2015.
7. *Форостецкий, М. С.* Политико-правовые взгляды П. А. Столыпина : дис. … канд. юрид. наук. – Белгород, 2015. – 177 с.
8. *Гапоненков, А. А.* П. А. Столыпин в журнале «Русская Мысль» // Известия Саратовского университета. Новая серия. – Серия: Филология. Журналистика. – 2022. – Т. 22, Вып. 2. – С. 210–216.
9. *Кочетков, В. В.* Современный российский конституционализм: рецепция публично-правовых институтов или имплементация ценностей? // Lex Russica. – 2015. – Т. 108, № 11. – С. 47–55.
10. *Писарев, А. Н.* Конституционно-правовые основы взаимодействия государства и гражданского общества в обеспечении защиты государственного суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации // Правосудие/Justice. – 2024. – Т. 6, № 3. – С. 90–103. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.3.90-103.
11. *Руденко, В. В.* Общероссийская гражданская идентичность как конституционно-правовая категория в России / В. В. Руденко // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2022. – Т. 8, № 1 (29). – С. 173–188. DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-1-173-188.
12. *Колесников, Е. В., Сайбулаева. С. А.* Понятие рецепции в конституционном праве // Правовая политика и правовая жизнь. – 2019. – № 2.
13. *Бланкенагель, А.* Конституции, коллективная идентичность и конституционная идентичность: куда мы должны двигаться? // Сравнительное конституционное обозрение. – 2022. – № 1. – С. 43–75 (на англ. яз.).
14. *Виноградова, Е. В.* Современная российская государственность. Контрфорс международных санкций и конституционной идентичности // Государство и право. – 2022. – № 4. – С. 7–12.

Доверие к алгоритму ИИ: можно ли заменить судью и судебного пристава?

УДК 343.10

Андрей Геннадьевич Анисимов,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Иркутского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия
7821@mail.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В РОССИЙСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ И РИСКИ

Аннотация. В статье исследуются теоретико-правовые и процессуальные аспекты интеграции технологий искусственного интеллекта в судебную систему Российской Федерации, включая текущие векторы цифровой трансформации правосудия и ключевые юридические риски. Обосновывается необходимость разработки значительной нормативно-правовой базы для подобного перехода. Рассматриваются фундаментальные риски, связанные с особенностями архитектуры и свойств современных решений в сфере искусственного интеллекта. Автор приходит к выводу, что использование рассматриваемых решений должно носить строго вспомогательный и ассистирующий характер, тогда как окончательная проверка и ответственность за выводы и принятие решений должны оставаться за человеком.

Ключевые слова: искусственный интеллект; цифровизация правосудия; судейское усмотрение; контроль человека.

Современное состояние правовой системы характеризуется глубоким доктринальным кризисом, вызванным беспрецедентной скоростью развития технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ), в особенности генеративных моделей большого масштаба и автономных агентов. Исторически классические институты частного и публичного права формировались на основе антропоцентрического подхода. Человек признавался единственным субъектом,

обладающим автономией воли, сознанием и способностью нести юридическую ответственность. Появление систем ИИ, способных к автономному целеполаганию, самообучению и генерации оригинальных результатов без прямого участия человека, разрушает эти базовые юридические представления.

Цифровизация правосудия в Российской Федерации давно вышла за рамки классического электронного документооборота и автоматизированного распределения дел. Согласно концепции внедрения технологий ИИ, к 2030 году более 95% российских судей будут применять в своей повседневной работе сервисы на базе ИИ, при этом доля процессуальных документов, проекты которых генерируются нейросетями, может составить от 30 до 50%. Эти амбициозные ориентиры свидетельствуют о переходе с точечных технологических экспериментов к системной институциональной реформе всего судебного процесса [1].

На сегодняшний день в пилотных регионах России уже развернуто активное тестирование больших языковых моделей, обученных на правовых позициях высших судебных инстанций. Подобные алгоритмические системы призваны снизить колоссальную нагрузку на аппарат судов и оптимизировать процессуальные сроки рассмотрения дел. Тем не менее, интеграция непрозрачных математических моделей в отправление правосудия актуализирует острейшую профессиональную дискуссию о сохранении фундаментальных принципов законности, независимости судей и реального равенства сторон [2].

Внедрение интеллектуальных систем в российских судах осуществляется по трем основным направлениям.

Первое – это первичная обработка и анализ материалов: На этапе поступления исковых заявлений нейросети берут на себя автоматизированную проверку комплектности документов, верификацию подсудности и расчет государственной пошлины. Программные комплексы осуществляют предварительное реферирование и хронологическую систематизацию представленных доказательств.

Второе – это аудиопротоколирование. Технологии распознавания речи позволяют переводить аудиозаписи судебных заседаний в текстовые протоколы в режиме реального времени, что существенно снижает нагрузку на секретарский корпус и минимизирует человеческий фактор.

Третьим направлением может стать мониторинг судебной практики: Системы ИИ проводят сквозной анализ миллионов ранее принятых судебных актов, предупреждая правоприменителя о рисках необоснованного отклонения от устоявшейся практики, рекомендованной вышестоящими инстанциями.

По оценкам профильных экспертов, реализация таких функций способна сократить сроки рассмотрения дел приказного и упрощенного производства в среднем на треть. Более того, сквозная интеллектуальная аналитика судебных актов позволит сформировать подлинную единообразную практику, снизив уровень судейского субъективизма в типовых коммерческих и гражданских спорах [3, с. 105].

В Российской Федерации государственная политика в области цифровизации правосудия эволюционировала от пассивного наблюдения к жесткому централизованному управлению. Государство в лице Верховного Суда РФ, Совета судей РФ и Судебного департамента выступает не просто заказчиком, а главным архитектором и цензором внедрения технологий ИИ в судопроизводство.

В рамках реализации государственной стратегии ключевым фактором становится построение суверенной цифровой инфраструктуры. Государство ставит задачу системно снизить сроки рассмотрения типовых дел и минимизировать количество отмененных решений за счет алгоритмического контроля. На базе ГАС «Правосудие» и инфраструктуры Информационно-аналитического центра Судебного департамента развернуто закрытое тестирование отечественных больших языковых моделей. Они полностью изолированы от внешнего Интернета и обучаются исключительно на верифицированных массивах данных: правовых позициях ВС РФ и актах кассационных инстанций.

Государство использует ИИ как вынужденный инструмент ответа на системный кризис – колоссальную перегрузку и дефицит кадров в аппаратах мировых и районных судей. Десятки судов в пилотных регионах уже используют ИИ для автоматического распознавания речи и ведения протоколов. Реализуя монополию на судебную власть, государство нормативно закрепляет систему сдержек в использовании ИИ в судах, вводя принцип технологической независимости (полный запрет на использование иностранных закрытых библиотек во избежание утечек данных) и принцип обязательной верифицируемости.

Вместе с тем, делегирование аналитических и подготовительных функций алгоритмам сопряжено с серьезными доктринальными рисками. Выделим наиболее типичные и распространенные из тех, что отмечают эксперты.

Во-первых, проблема «галлюцинаций» и ложных прецедентов: Генеративные языковые модели склонны к вероятностному конструированию текста, из-за чего в мировой юридической практике уже зафиксированы случаи генерации нейросетями несуществующих нормативных актов и вымышленных судебных прецедентов. Без тотальной ручной верификации со стороны судьи или его помощников это ведет к прямой угрозе вынесения неправосудных актов [5].

Во-вторых, психологическое давление жестких процессуальных сроков и высокая загруженность могут приводить к явлению *automation bias* (когнитивное искажение) – ситуации, когда судье психологически проще согласиться с готовым алгоритмическим проектом решения, подменяя живое правосудие и всестороннее исследование доказательств математическим расчетом.

В-третьих, непрозрачность алгоритмов («*Black Box*»): Сложная архитектура современных нейросетей глубокого обучения исключает пошаговую реконструкцию логики формирования выводов. Это лишает стороны возможности полноценно оспорить промежуточные результаты интеллектуального анализа ИИ, нарушая конституционный принцип состязательности сторон [4].

Отдельной прикладной проблемой является определение процессуального статуса материалов, подготовленных или проанализированных ИИ. Согласно действующим нормам ГПК РФ, АПК РФ и УПК РФ, алгоритмический анализ не может быть приравнен к заключению эксперта, поскольку ИИ не является субъектом права и не может быть предупрежден об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения.

Судебная практика сталкивается с необходимостью выработки стандартов верификации ИИ-доказательств. Если сторона представляет суду расчет убытков или оценку активов, выполненную специализированной интеллектуальной системой, оппоненты должны иметь реальную процессуальную возможность заявить о фальсификации и потребовать раскрытия параметров модели. В связи с этим в практику внедряется обязательное требование программно-технической экспертизы самих алгоритмов в случае возникновения неустранимых коллизий.

Для минимизации выявленных рисков в качестве базовых императивов развития законодательства должны быть определены принципы вспомогательного (ассистирующего) характера технологий и безусловного сохранения ведущей роли человека. Окончательное волевое решение, оценка доказательств по внутреннему убеждению и подписание судебных актов, в том числе экспертных заключений, должны оставаться исключительной прерогативой профессионального судьи или эксперта.

Анализ ключевых аспектов показывает, что правовое регулирование ИИ находится в точке тектонического сдвига. Традиционные гражданско-правовые и процессуальные институты не способны эффективно справляться с вызовами автономных технологий в рамках старых догм. Оптимальный вектор развития лежит в плоскости формирования новой комплексной отрасли – цифрового права, строящегося на принципах гибридного регулирования.

Думается, что правоприменительная практика ближайших лет неизбежно пойдет по пути установления презумпции строгой ответственности операторов ИИ в сочетании с обязательным внедрением стандартов объяснимости алгоритмов и обязательным сохранением контроля человека над критически важными решениями.

Правовой вакуум в данной сфере недопустим. Между тем, на начальном этапе нормативного регулирования целесообразно ограничить применение генеративного ИИ исключительно формализованными категориями споров, где цена алгоритмической ошибки минимальна. Необходимо разработать жесткие стандарты сертификации алгоритмов, применяемых в государственном секторе, и закрепить право граждан на человеческое вмешательство в тех случаях, когда автоматизированные системы ИИ затрагивают их фундаментальные права и свободы. Только при таком подходе искусственный интеллект станет надежным профессиональным инструментом для судебной системы, а не рычагом ее разрушения.

Пристатейный список литературы

1. *Корня, А.* Верховный суд ставит на цифру // Коммерсантъ. – 2026. – № 169. – С. 3.
2. *Некрасова, Е.* Российские суды приступили к тестированию четырех больших языковых моделей ИИ // ГАРАНТ.РУ : сайт. – URL: https://www.garant.ru/news/2239620/ (дата обращения: 15.09.2026).
3. *Морхат, П. М.* Искусственный интеллект: правовой взгляд : научная монография / РОО «Институт государственно-конфессиональных отношений и права». – М. : Буки Веди, 2017. – 257 с.
4. *Алферов, А. В., Кирьянова, В. М.* Проблема «черного ящика» искусственного интеллекта в гражданском и арбитражном процессе: между судебным усмотрением и технологическим детерминизмом // Вестник науки. 2025. Т. 4, ч. 2, № 12 (93). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-chernogo-yaschika-iskusstvennogo-intellekta-v-grazhdanskom-i-arbitrazhnom-protsesse-mezhdu-sudebnym-usmotreniem-i (дата обращения: 15.09.2026).
5. Галлюцинации нейросетей: что это такое, почему они возникают и что с ними делать. – URL: https://habr.com/ru/companies/altcraft/articles/764464/ (дата обращения: 15.09.2026).

УДК 343

Софья Михайловна Акимочкина,
студентка 4-го курса юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
rivera81.00@mail.ru

Научный руководитель:
Александр Николаевич Кокорев,
кандидат юридических наук, доцент кафедры юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
alex.kokorev@mail.ru

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ОСОБЕННОСТИ ВЛИЯНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОТРУДНИКОВ СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена стремительным развитием технологий искусственного интеллекта, а также активным внедрением в различные сферы жизни общества, в частности в профессиональную деятельность сотрудников следственных органов. Целью данной статьи является теоретический анализ возможностей применения искусственного интеллекта в деятельности следователей, а также этических проблем его использования. Проанализирована научная литература в рамках рассматриваемой темы и сформулирован вывод о возможном применении искусственного интеллекта в деятельности сотрудников следственных органов.

Ключевые слова: искусственный интеллект; этические проблемы; сотрудники следственных органов; профессиональная деятельность; современные технологи.

На сегодняшний день технологии искусственного интеллекта активно развиваются во многих сферах, их действие распространяется на множе-

ство профессиональных областей деятельности человека. В связи с достаточно бурным и стремительным распространением и развитием искусственного интеллекта возникают различные мнения, а порой даже опасения некоторых исследователей в данной области, а также простых обывателей относительно перспектив его использования. Возникает вопрос о целесообразности применения искусственного интеллекта в профессиональной деятельности людей, поспособствует ли это улучшению качества выполняемой ими работы? Ускорит ли рабочий процесс? Или же наоборот, приведет к тому, что некоторые сферы деятельности, а соответственно, и специалисты в определенных отраслях утратят свою значимость, а их заменят технологии искусственного интеллекта? На все эти вопросы дать однозначный ответ не представляется возможным, остается лишь предполагать результаты применения современных технологий в профессиональной деятельности, искать пути целесообразной и безопасной интеграции искусственного интеллекта в рабочие процессы.

Обратив внимание на изыскания сторонников внедрения искусственного интеллекта в профессиональную деятельность человека, необходимо привести аргументы, которыми они апеллируют в своих исследованиях в целях оправдания необходимости использования искусственного интеллекта на постоянной основе в рабочих процессах. Так, к примеру, Еремина Екатерина Владимировна в учебном пособии «Юридическая техника: использование в современных условиях искусственного интеллекта» приводит следующее положение: «Искусственный интеллект является одной из самых перспективных и быстроразвивающихся областей всей современной науки. Он находит применение во многих сферах человеческой деятельности, и правовые исследования и аналитика не являются исключением» [1, с. 37]. Также, применительно к деятельности государственных служащих в судебных органах, она акцентирует внимание на том, что «внедрение искусственного интеллекта в судебную деятельность может обеспечить повышение качества и эффективности судебной деятельности и судебной защиты прав и законных интересов граждан, организаций, органов государственной власти, способствует снижению конфликтности участников процесса и повышению уровня правосознания граждан» [1, с. 35]. Еще один сторонник применения искусственного интеллекта в профессиональной деятельности Р. Р. Исмаилов утверждает, что искусственный интеллект способствует «значительному уменьшению негативного воздействия таких факторов, как усталость и эмоциональная нестабильность, а также минимизирует коррупционные риски» [2, с. 137]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что ряд исследователей в данной области говорит о том, что внедрение искусственного интеллекта в различные сферы профессиональной деятельности человека значительно улучшает качество проводимой работы, способствует уменьшению ошибок, вызванных, так называемым, «человеческим фактором», а также позволяет обрабатывать огромные объемы информации и быстро получать нужный результат. Однако, необходимо обратить внимание на этический аспект применения искус-

ственного интеллекта в профессиональной сфере. Целесообразнее, на наш взгляд, рассмотреть данный вопрос на примере деятельности сотрудников следственных органов.

Использование технологий искусственного интеллекта может стать важнейшим инструментом по борьбе с преступностью. В рамках расследования преступлений искусственный интеллект может использоваться для анализа больших объемов информации и необходимых данных, а также для изучения, выявления и фиксирования закономерностей и взаимосвязей, которые необходимы для изобличения преступной деятельности. Зачастую, в своей работе следователи сталкиваются с тем, что им необходимо анализировать огромные объемы данных, при этом уделяя колоссальное внимание каждой детали, чтобы не упустить важной для расследования и раскрытия преступлений информации. В связи с этим могут возникнуть непредвиденные ошибки, вследствие снижения концентрации внимания в тот или иной момент, воздействие эмоционального фактора и т.п., что может затянуть процесс расследования, и в конечном счете привести к утере значимой для следствия информации. Всего этого возможно избежать при правильной интеграции в работу технологий искусственного интеллекта.

Еще одним преимуществом использования искусственного интеллекта в работе следователей является анализ доказательств. Например, как отмечает Гущев Максим Евгеньевич в своей работе «Перспективы использования искусственного интеллекта в расследовании преступлений»: «распознавания изображений на базе ИИ может анализировать записи камер наблюдения для определения черт лица и других характеристик подозреваемого, которые затем могут быть сопоставлены с имеющимися в распоряжении следственных органов изображениями» [3, с. 82]. Таким образом, полезность использования технологий искусственного интеллекта при расследовании и раскрытии преступлений подтверждается большой совокупностью фактов, однако если рассмотреть данный вопрос с этической точки зрения, возникает ряд противоречий.

С нравственной точки зрения использование технологий искусственного интеллекта в работе следователей вызывает волну критики. Как известно, в соответствии с частью 1 статьи 23 Конституции Российской Федерации: «Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени» [4]. Однако использование искусственного интеллекта при расследовании преступлений может поставить под угрозу неприкосновенность частной жизни. Использование алгоритмов искусственного интеллекта должно быть полностью прозрачным и подотчетным, чтобы предотвратить дискриминацию определенных групп населения, однако вопрос практической реализации данного положения пока остается неразрешимым, так как на данный момент неясно, каким образом гарантировать прозрачность использования искусственным интеллектом данных о личности человека. Следовательно, это ставит под угрозу конституционные права граждан. Так, например, Воробьева И. Б. говорит о том, что «использование искусственного интеллекта в расследовании пре-

ступлений должно подчиняться этическим и правовым рамкам, регулирующим его использование, включая законы о защите данных и частной жизни» [5, с. 163].

Еще одной этической проблемой использования искусственного интеллекта в деятельности следователей является утеря следователем своих профессиональных навыков. Чрезмерное использование алгоритмов искусственного интеллекта, в конечном счете, может привести к тому, что следователь может утратить способности к критическому мышлению, а также утратить навыки анализа полученной информации. Это касается не только выше обозначенной возможности использования искусственного интеллекта при переработке больших объемов данных, но также и при составлении необходимых процессуальных документов, что, в свою очередь может привести к потере профессиональной компетенции в определенных аспектах.

Разумеется, осветить все возможные этические проблемы использования технологий искусственного интеллекта в деятельности следователей ввиду ограниченности объемов статьи не представляется возможным, однако о некоторых из них удалось упомянуть.

Подводя итог вышесказанному, следует привести мнение В. В. Бирюкова и Т. П. Бирюковой, которые, говоря о перспективной возможности применения искусственного интеллекта в деятельности следователей, утверждают: «важнейшим условием внедрения искусственного интеллекта является алгоритмизация расследования, а для того, чтобы научить машину, надо изначально научить человека, который ее будет обучать, любая ошибка или некомпетентность на этапе обучения машины (формирования базы знаний) или введения данных в базы данных недостоверной, непроверенной информации чревата ошибками в предлагаемых следователю рекомендациях и алгоритмах расследования» [6, с. 95]. Таким образом, безусловно, искусственный интеллект становится неотъемлемой частью жизни современного общества, облегчая работу и рутину огромного количества людей, внося свои коррективы в профессиональную составляющую, в частности в сфере юриспруденции. Однако, несмотря на многие преимущества использования искусственного интеллекта, существует большое количество недостатков, несовершенств, которые могут пагубно сказаться на жизни многих людей, привести к необратимым последствиям и вызвать негативное отношение в обществе.

Пристатейный список литературы

1. *Еремина, Е. В.* Юридическая техника: использование в современных условиях искусственного интеллекта : учебное пособие / Е. В. Еремина. – Москва : Знание-М, 2024. – 99с.
2. *Исмаилов, И. Ш.* Искусственный интеллект: правовой статус, проблемы дефиниции и перспективы использования в юриспруденции / И. Ш. Исмаилов // Проблемы экономики и юридической практики. – 2019. – Т. 15,

№ 5. – С. 135–139. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-pravovoy-status-problemy-definitsii-i-perspektivy-ispolzovaniya-v-yurisprudentsii (дата обращения: 28.09.2026).
3. *Гущев, М. Е.* Перспективы использования искусственного интеллекта в расследовании преступлений / М. Е. Гущев // Вестник науки и образования. – 2023. – № 6 (137). – С. 80–83. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-v-rassledovanii-prestupleniy (дата обращения: 28.09.2026).
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: https://sudact.ru/law/konstitutsiia/?ysclid=muli7asuly953847811.
5. *Воробьева, И. Б.* Этические аспекты использования систем искусственного интеллекта при расследовании преступлений / И. Б. Воробьева // Вестник СГЮА. – 2022. – № 4 (147). С. 162–172. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/eticheskie-aspekty-ispolzovaniyasisteiskusstvennogo-intellekta-pri-rassledovanii-prestupleniy (дата обращения: 28.09.2026).
6. *Бирюков, В. В.* Современные возможности использования потенциала компьютерных технологий в расследовании преступлений / В. В. Бирюков, Т. П. Бирюкова // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 3. – С. 88–96. – URL: https://base.garant.ru/76973379/?ysclid=muli18j26d546288659 (дата обращения: 28.09.2026).

УДК 347.91

Елена Викторовна Артемова,
студентка 3-го курса Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
artmova2006@inbox.ru

Научный руководитель:
Диана Владимировна Егорова,
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
и процесса Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
diana_egorova_84@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДЕБНУЮ СИСТЕМУ: ПРАВОВЫЕ ПРЕДЕЛЫ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы внедрения технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) в судебную систему Российской Федерации. Исследуются ключевые направления применения ИИ, действующая нормативно-правовая база и правовые риски цифровизации правосудия. Особое внимание уделяется сохранению судебного усмотрения, защите персональных данных, прозрачности решений. А также об ответственности за последствия использования ИИ как вспомогательного инструмента судебной деятельности, а не самостоятельного субъекта правосудия.

Ключевые слова: искусственный интеллект; судебная система; цифровизация правосудия; судебная деятельность; электронное правосудие; судейское усмотрение.

Развитие информационных технологий оказывает существенное влияние на различные сферы общественной жизни, в том числе на работу судебной системы. Применение электронного документооборота, видеоконференций,

электронной подачи процессуальных документов, работа государственных информационных систем и официальных сайтов судов, свидетельствуют о внедрении цифровизации в систему правосудия. Следующим этапом становится применение технологий искусственного интеллекта, способных не только хранить и передавать информацию, но и анализировать значительный объем данных, выявлять закономерности и составлять рекомендации. Вместе с тем судебная деятельность имеет особую правовую природу, поскольку связана с реализацией конституционного права на судебную защиту.

В соответствии со ст. 118 Конституции Российской Федерации правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом, а согласно ст. 120 судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону. Поэтому внедрение ИИ не может означать передачу алгоритму полномочий по осуществлению правосудия.

Правовую основу развития технологий искусственного интеллекта в России составляет Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», которым утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [1]. Впоследствии положения Стратегии были пересмотрены Указом Президента РФ от 15 февраля 2024 г. № 124 [2].

В Указе № 490 искусственный интеллект определяется как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека, включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма. Данное определение имеет значение и для судебной сферы, поскольку позволяет рассматривать ИИ не как самостоятельного участника правоотношений, а именно, как технологический инструмент.

Организация судебной власти определяется Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [3], а деятельность судов общей юрисдикции – Федеральным конституционным законом от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ [4]. Эти нормативные акты исходят из осуществления правосудия судами и не предусматривают возможности передачи соответствующих полномочий автоматическим системам.

При использовании ИИ необходимо также учитывать требования Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [5] и Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [6]. Последний особенно важен для судебной системы, поскольку материалы дел могут содержать значительный объем персональной и иной охраняемой законом информации.

Так современное российское законодательство создает общую правовую основу цифровизации и применения информационных технологий, но специальные правила использования ИИ непосредственно при осуществлении правосудия находятся в стадии формирования.

Одним из наиболее перспективных направлений является автоматизация рутинных операций. ИИ может применяться для распознавания документов,

извлечения реквизитов, классификации материалов, поиска законодательства и судебной практики, а также подготовки проектов процессуальных документов.

Как пример практического использования цифровых технологий можно привести эксперимент по автоматизации подготовки судебных приказов, проводившийся в Белгородской области. В данном случае технология применялась для выполнения стандартных операций, а не для самостоятельного принятия судебного решения.

Перспективным также является использование ИИ в качестве аналитического помощника судьи. Система может осуществлять поиск аналогичных дел, систематизировать правовые позиции, выявлять взаимосвязи между документами и обнаруживать противоречия в представленных материалах.

Подобный подход поддерживается рядом российских исследователей. А. Ю. Старицын рассматривает ИИ в гражданском судопроизводстве преимущественно как советника судьи, который способен облегчать аналитическую работу, но не должен самостоятельно оценивать доказательства и обстоятельства дела [7]. С. А. Курочкин также рассматривает технологии искусственного интеллекта применительно к арбитражному судопроизводству с учетом необходимости сохранения процессуальных гарантий [8]. А. П. Спиридонов отмечает перспективность использования ИИ в судебной деятельности, одновременно указывая на необходимость учета специфики правосудия [9].

Следовательно, наиболее обоснованным является применение ИИ там, где он помогает суду обрабатывать информацию, но не подменяет правовую оценку.

Далее перспективы использования ИИ в судебной системе связаны с повышением эффективности работы судов. Судебная деятельность сопровождается обработкой большого количества документов, нормативных материалов и судебных актов. Автоматизация части этих процессов способна сократить временные затраты судей и работников аппарата суда.

Особый интерес представляет интеллектуальный поиск судебной практики. Современные алгоритмы способны анализировать большое количество судебных актов. Это в свою очередь позволяет находить документы, содержащие сходные обстоятельства или правовые позиции, что облегчает подготовку к рассмотрению дела и повышает оперативность поиска необходимой информации.

Другим направлением является прогнозирование судебной нагрузки. Анализ статистических данных может использоваться для определения количества поступающих дел, распределения нагрузки между судами и планирования организационных ресурсов.

В административном судопроизводстве ИИ может использоваться для обработки больших массивов документов. Е. Кулюшин отмечает перспективность применения технологий искусственного интеллекта в административном судопроизводстве, в частности в целях повышения эффективности работы с информацией [10].

А. В. Чудесенко обращает внимание на необходимость учитывать при внедрении ИИ вопросы правового регулирования и информационной безопасности [11]. То есть эффективность цифровой технологии не может рассматриваться отдельно от требований безопасности и защиты прав участников процесса.

Несмотря на преимущества ИИ, его внедрение в судебную систему связано с рядом правовых рисков.

Первостепенный риск связан с возможностью чрезмерной зависимости от запрограммированных рекомендаций. Если судья будет воспринимать результат работы системы как заведомо правильный, это может привести к снижению значения самостоятельной правовой оценки обстоятельств дела. Поэтому окончательное решение должно приниматься исключительно уполномоченным судьей.

Далее отметим проблему прозрачности алгоритмов. Участники процесса должны иметь возможность понимать, использовалась ли цифровая система при подготовке материалов и какое значение имел ее результат. Особенно важно исключить ситуацию, при которой рекомендация ИИ фактически влияет на содержание судебного акта, но остается недоступной для проверки.

Также существует проблема, связанная с персональными данными и информационной безопасностью. Судебные материалы могут содержать сведения о гражданах, состоянии их имущества, семейных отношениях и иных обстоятельствах частной жизни. Передача таких данных в интеллектуальные системы требует строгого соблюдения требований законодательства [5; 6].

Наконец, возникает вопрос об ответственности. Искусственный интеллект не обладает статусом суда и не может нести ответственность за судебный акт. Даже если ошибка возникла вследствие некорректной работы алгоритма, юридически значимое решение остается актом суда. Поэтому использование ИИ не должно приводить к размыванию ответственности судьи за содержание принятого судебного акта. Ключевым принципом внедрения ИИ в судебную систему должен стать принцип человеческого контроля. Правосудие требует не только анализа данных, но и юридической оценки конкретных обстоятельств. Судебное решение должно учитывать не только формальные признаки дела, но и относимость и допустимость доказательств, применимые нормы права и конкретные обстоятельства. Эти элементы не могут быть сведены исключительно к математической обработке данных. Важное значение имеет позиция Совета судей Российской Федерации. В 2025 г. была создана рабочая группа по внедрению технологий искусственного интеллекта в судебную систему. При этом было подчеркнуто, что искусственный интеллект не должен самостоятельно принимать судебные акты, а окончательное решение должно оставаться за судьей [12].

Перспективная модель распределяет функции между человеком и ИИ: искусственный интеллект выполняет информационно-аналитическую и организационную работу, а судья сохраняет полномочия по оценке доказательств, толкованию права и принятию решений. Внедрение ИИ в су-

дебную систему РФ – логичное продолжение цифровизации правосудия, повышающее эффективность обработки информации, облегчение поиска законодательства и снижение нагрузки на судей. Однако специфика судебной деятельности требует законности, прозрачности, безопасности данных и обязательного контроля человека. Российское законодательство уже регулирует цифровизацию, но нуждается в уточнении правил применения ИИ в судопроизводстве. Целесообразная модель – ИИ как помощник суда, а не самостоятельный субъект, с сохранением за судьей окончательного решения и ответственности, что сочетает технологические преимущества с защитой прав участников процесса.

Пристатейный список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Президент России. Банк документов. – URL: https://special.kremlin.ru/acts/bank/44731 (дата обращения: 28.09.2026).
2. Указ Президента Российской Федерации от 15.02.2024 № 124 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490...» // Официальное опубликование правовых актов. – URL: https://publication.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 28.09.2026).
3. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (ред. от 09.04.2026) // Конституционный Суд Российской Федерации. – URL: https://www.ksrf.ru/about/legalbases/JudicialSystem/ (дата обращения: 28.09.2026).
4. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» (ред. от 09.04.2026) // Верховный Суд Российской Федерации. – URL: https://vsrf.ru/about/info/judiciary/craft_activities/ (дата обращения: 28.09.2026).
5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Президент России. Банк документов. – URL: https://special.kremlin.ru/acts/bank/24157 (дата обращения: 28.09.2026).
6. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.06.2025) // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. – URL: https://mintrud.gov.ru/docs/laws/130 (дата обращения: 28.09.2026).
7. *Старицын, А. Ю.* Искусственный интеллект в гражданском судопроизводстве / А. Ю. Старицын // Российский судья. – 2024. – № 11. – С. 57–61. DOI: 10.18572/1812-3791-2024-11-57-61.
8. *Курочкин, С. А.* Арбитражное судопроизводство и технологии искусственного интеллекта // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2023. – № 3. – С. 63–73. DOI: 10.46279/ASMO.2023.73.50.005.

9. *Спиридонов, А. П.* К вопросу об использовании искусственного интеллекта в судебной деятельности // Российский судья. – 2024. – № 2. – С. 49–54. – DOI: 10.18572/1812-3791-2024-2-49-54.
10. *Кулюшин, Е.* О применении технологий искусственного интеллекта в административном судопроизводстве // Российское право: образование, практика, наука. – 2024. – № 2.
11. *Чудесенко, А. В.* Использование технологии искусственного интеллекта в процессе судопроизводства: сравнительно-правовой анализ проблем правового регулирования в условиях обеспечения информационной безопасности РФ // Труды по интеллектуальной собственности. – 2025. – Т. 53, № 2. – URL: https://tis.hse.ru/article/view/27373 (дата обращения: 28.09.2026).
12. Совет судей Российской Федерации. 4 апреля 2025 года состоялось первое заседание рабочей группы по внедрению технологий искусственного интеллекта в судебную систему. – 09.04.2025. – URL: https://ssrf.ru/news/mieropriiatiia/56905 (дата обращения: 28.09.2026).
13. *Момотов, В. В.* Выступление председателя Совета судей Российской Федерации на пленарном заседании Совета судей РФ 20 мая 2025 года. – URL: https://ssrf.ru/ (дата обращения: 28.09.2026).

УДК 343.1

Юлия Павловна Горбунова,
студентка 4-го курса юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
gorbunovajulia2004@mail.ru

Научный руководитель:
Александр Николаевич Кокорев,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры административного, финансового
и информационного права юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
alex.kokorev@mail.ru

ВОЗМОЖНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена постепенным внедрением возможностей искусственного интеллекта во все сферы человеческой деятельности: медицину, бизнес, науку, образование, в том числе юриспруденцию. Цель заключается в изучении возможностей искусственного интеллекта, используемых в судах Российской Федерации. Проанализированы законодательные акты и научные статьи, посвященные теме искусственного интеллекта в судопроизводстве. Результатом является вывод о том, что использование искусственного интеллекта в судопроизводстве в разумных пределах позволяет ускорить процесс судебного разбирательства и снизить нагрузку на судей.

Ключевые слова: судопроизводство; искусственный интеллект; ускорение судопроизводства; внедрение технологий искусственного интеллекта; информация.

Тема искусственного интеллекта приобретает всю большую популярность, поскольку очевидно его использование во многих сферах жизни. Технологии искусственного интеллекта используются в современном мире в различных формах, как в форме ответов на простые текстовые вопросы, так и в различных производственных процессах, что позволяет повысить уровень производительности и снизить объем человеческих усилий. Казалось бы, искусственный интеллект является исключительно положительным явлением, при помощи которого возможно выполнение различных задач на высоком уровне.

На сегодняшний день все чаще ставится вопрос – сможет ли искусственный интеллект полностью заменить человеческие способности? В своей работе А.П. Синельникова однозначно отвечает, что несмотря на то, что искусственный интеллект активно внедряется на производстве, в управлении кораблями, самолетами, автомобилями, все же полностью заменить человека во всех видах деятельности невозможно [1, с. 79].

В современном мире не стала исключением для внедрения искусственного интеллекта и юриспруденция, в том числе судопроизводство. Сегодня вопрос такого внедрения в Российской Федерации стоит на законодательном уровне. Но действительно ли искусственный интеллект несет в себе одни плюсы, и насколько целесообразно его внедрение в судопроизводство?

Поскольку вопрос влияния искусственного интеллекта в Российской Федерации на судопроизводство имеет важное значение, постепенно издаются законодательные и подзаконные акты, которые закрепят базовые положения о самом искусственном интеллекте, вариантах его использования и последствиях такого использования. Так, в п. 5 Указа Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» содержится понятие искусственного интеллекта, под которым понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их [2]. То есть под искусственным интеллектом мы понимаем некую программу, которая получает наш запрос, анализирует его и выдает нам результат, который можно сопоставить с человеческим результатом.

Как для человеческого, так и для искусственного интеллекта свойственны первоначальное обучение (для искусственного интеллекта это происходит через программирование определенного алгоритма действий) для того, чтобы впоследствии выполнять определенные функции; а затем возможность решать сложные задачи, которые перед ними ставятся. Но несмотря на эти свойства, они обладают явными различиями. Так, А. И. Буравлев и В. М. Ветошкин выделяют ряд отличительных свойств искусственного интеллекта:

«– возможность хранить большие массивы разнородной информации в своей памяти и обрабатывать ее с высокой скоростью; переход к квантовым компьютерным системам вообще снимает проблему памяти и быстродействия систем ИИ;

– круглосуточная и всепогодная работоспособность ИИ с использованием только одного вида энергии;

– отсутствие человеческих «страстей» и «пороков», мешающих работе, хотя не исключена возможность возникновения конфликта между ИИ и человеком» [3, с. 36].

Из этих свойств следует вывод, что искусственный интеллект обладает определенными преимуществами в виде способности сохранения большого количества информации и быстроты выполнения заданного алгоритма. Поскольку на судей возлагается множество обязанностей и количество дел на одного судью не ограничено, вышеперечисленные преимущества искусственного интеллекта способны облегчить судейскую работу.

Постепенно суды РФ внедряют искусственный интеллект в свою деятельность. На пленарном заседании Совета судей РФ 20 мая 2025 года Виктор Момотов рассказал об успехах такого внедрения. Например, в судах Республики Башкортостан, Республики Татарстан используют искусственный интеллект для распознавания человеческой речи и перевода ее в текстовый формат при составлении протоколов судебных заседаний.

Вологодский областной суд использует искусственный интеллект для подготовки проектов судебных приказов, анализа документов и краткого изложения их содержания (например, для краткого изложения причин отмены судебного акта), сравнения содержания двух документов (например, для сравнения протокола судебного заседания с приговором), составления проекта судебного решения.

В Амурской области технологии искусственного интеллекта используются в рамках судопроизводства по делам об административных правонарушениях. Специальная программа «Нейромагис» выделяет ключевую информацию из протоколов об административных правонарушениях и заполняет поля в автоматизированной системе, тем самым исключая необходимость ручного ввода данных [4].

То есть суды используют искусственный интеллект для решения каких-либо простых задач, что так или иначе облегчает работу судьи. Поскольку есть возможность снизить нагрузку судей и при этом оставить качество судопроизводства на высоком уровне, перед государством стоит задача создания законодательно установленных пределов использования искусственного интеллекта. В Приказе Верховного Суда РФ от 3 сентября 2026 г. № 59-П «Об утверждении Концепции внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство Российской Федерации» были установлены основные направления внедрения технологий ИИ в судопроизводство:

– интеллектуальная подача и первичная обработка документов;
– интеллектуальный поиск по материалам судебной практики;
– анализ обстоятельств дела, доказательств и материалов;
– интеллектуальная помощь в назначении наказания и другие [5].

Ряд из таких направлений уже реализуется судами на практике, например интеллектуальная поддержка судебного заседания, в которую входит автоматическое протоколирование на основе распознавания речи всех

участников с идентификацией говорящего. Как уже упоминалось выше, такие возможности есть в судах Республики Башкортостан, Республики Татарстан.

Что касается реализации направления интеллектуальный поиск по материалам судебной практики, как пример можно рассмотреть арбитражные суды Казахстана. В них был внедрен сервис «Цифровой помощник судьи», который на основе *NLP*-моделей подбирает аналогичные судебные акты из базы данных. Этот сервис позиционируется как «вспомогательный», он подбирает из базы данных аналогичные судебные акты для упрощения рассмотрения дела, но не принимает решение за судью [6, с. 73].

Ряд предложенных направлений в упомянутом выше Приказе Верховного суда являются полностью целесообразными и действительно способными облегчить осуществление судопроизводства. Однако, реализация некоторых из направлений вызывает вопросы на практике. Например, такое направление как интеллектуальная помощь в назначении наказания не совсем поддерживается авторами. Так, О. А. Степанов и Д. А. Басангов говорят о том, что «существующие на сегодняшний день алгоритмы пока не в состоянии отвечать на вопросы, включающие оценочный элемент. Например, они не могут оценить выводы технической экспертизы и определить размер причиненного вреда, а также соответствующий ему размер компенсации. Не могут определить моральный аспект деликта, выражаемый в причиненных потерпевшему нравственных страданиях. Искусственному интеллекту, в частности, неведомы принципы справедливости и гуманизма при назначении наказания» [7, с. 231]. Польза искусственного интеллекта в рутинных и вспомогательных вопросах очевидна, но такое полномочие судьи как осуществление правосудия все же не может быть возложено на искусственный интеллект, поскольку подразумевает под собой многоаспектную оценку судьей всех обстоятельств дела.

Еще одним важным направлением в ускорении судопроизводства является интеллектуальная подача и первичная обработка документов. И это заключается не только в помощи при подаче самого заявления в суд и проверке документов, но и при некоторых последующих шагах. Как считает С. Пулатов с помощью искусственного интеллекта можно автоматизировать множество задач, таких как анализ больших объемов информации, обработка входящей корреспонденции, подготовка судебных уведомлений и другие рутинные операции. Это не только снижает вероятность человеческих ошибок в повторяющихся задачах, но и позволяет более эффективно анализировать большие массивы данных [8, с. 503].

Таким образом, внедрение искусственного интеллекта в современную жизнь человека невозможно предотвратить, постепенно он проникает во все сферы человеческой жизни. Искусственный интеллект имеет безусловные достоинства и во многом упрощает человеческую жизнь.

Невозможно избежать и влияния искусственного интеллекта на судопроизводство. На сегодняшний день Российская Федерация поддерживает такое внедрение и создает законодательные предпосылки для применения

возможностей искусственного интеллекта. Судопроизводство представляет собой многоступенчатую процедуру, которая подразумевает исполнение судьями множества задач. Не всегда эта процедура происходит быстро, именно поэтому искусственный интеллект, выполняя простые, рутинные задачи, может оказать огромное влияние на упрощение и ускорение судопроизводства.

Проанализировав все вышеперечисленное, следует согласиться с мнением Е. С. Чуканова, А. И. Бабченко о том, что искусственный интеллект не сможет полноценно заменить человека в вопросах отправления правосудия, но возможно его использование как «вспомогательного элемента». Замена судьи искусственным интеллектом может привести не только к нарушению принципов уголовного судопроизводства, но и к изменению сущности справедливости правосудия [9, с. 85]. Именно поэтому необходимо соблюдение определенных пределов при использовании возможностей искусственного интеллекта в судопроизводстве.

Пристатейный список литературы

1. *Синельникова, А. П.* Сможет ли искусственный интеллект заменить человека? // Вестник науки: электрон. журн. – 2020. – Т. 1, № 2 (23). – С. 77–79. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/smozhet-li-iskusstvennyy-intellekt-zamenit-cheloveka/viewer.
2. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС «КонсультантПлюс».
3. *Буравлев, А. И., Ветошкин, В. М.* Искусственный интеллект: сущность, принципы работы, области применения // Вооружение и экономика : электрон. журн. – 2024. – № 2 (68). – С. 33–42. – URL: https://viek.ru/68/vie_24_2(68)-033-042.pdf.
4. Выступление председателя Совета судей Российской Федерации Момотова В. В. на пленарном заседании Совета судей РФ 20 мая 2025 года // СПС «Гарант» : сайт. – URL: https://www.garant.ru/company/cooperation/sudi/1118415/1817136/.
5. Приказ Верховного Суда РФ от 03.09.2026 № 59-П «Об утверждении Концепции внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
6. *Забавко, С. Р.* Фемида в эпоху алгоритмов: искусственный интеллект как новая процессуальная реальность российского судопроизводства // Universum: экономика и юриспруденция : электрон. журн. – 2026. – № 5 (139). – С. 71–77. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/femida-v-epohu-algoritmov-iskusstvennyy-intellekt-kak-novaya-protsessualnaya-realnost-rossiyskogo-sudoproizvodstva/viewer.

7. *Степанов, О. А., Басангов, Д. А.* О перспективах влияния искусственного интеллекта на судопроизводство // Вестник Томского государственного университета : электрон. журн. – 2022. – № 475. – С. 229–237. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-perspektivah-vliyaniya-iskusstvennogo-intellekta-na-sudoproizvodstvo/viewer.
8. *Пулатов, С.* Искусственный интеллект в судебном производстве: тенденции и риски как средство противодействия коррупции // Общество и инновации : электрон. журн. – 2025. – № 1. – С. 497–507. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-sudebnom-proizvodstve-tendentsii-i-riski-kak-sredstvo-protivodeystviya-korruptsii/viewer.
9. *Чуканова, Е. С., Бабченко А. И.* Искусственный интеллект и правосудие: миф или реальность // Уголовная юстиция : электрон. журн. – 2024. – № 23. – С. 83–87. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-pravosudie-mif-ili-realnost/viewer.

УДК 343

Полина Владиславовна Жукова,
студентка 4-го курса юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
zp3860431@mail.ru

Научный руководитель:
Александр Николаевич Кокорев,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры административного, финансового
и информационного права юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
alex.kokorev@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена стремительным развитием цифровых технологий и необходимостью совершенствования работы государственного аппарата в условиях растущего объема информации. В деятельности органов прокуратуры обработка данных носит масштабный характер: ежедневно рассматриваются тысячи обращений граждан, анализируются нормативно-правовые акты, изучаются материалы уголовных дел. Следовательно, внедрение современных *IT* решений позволяющих упростить выполнение рутинных задач прокуроров. Цель исследования изучение процесса использования искусственного интеллекта в деятельности прокуратуры, а также выявление его преимуществ и недостатков. Анализ законодательства и научных изысканий позволяет сформулировать вывод о том, что использование в разумных пределах искусственного интеллекта в органах прокуратуры позволяет снизить нагрузку на прокурорских работников.

Ключевые слова: органы прокуратуры; прокуратура; искусственный интеллект; обращение граждан; преимущества; недостатки.

Искусственный интеллект (ИИ) является актуальной темой в современном обществе. Это одна из тех областей, которая становится неотъемлемой частью нашей повседневной жизни и развивается стремительными темпами, внедряя все больше технологий в нашу жизнь. Искусственный интеллект – это программа, которая умеет делать то, что обычно делает человек, например: выбирать лучший вариант из нескольких или даже придумывать что-то новое. Он помогает автоматизировать обыденные задачи, улучшать качество услуг и открывать новые возможности для человечества. С каждым днем искусственный интеллект находит все более широкое применение в различных сферах: от медицины и образования до транспорта и производства, так и юриспруденция не стала исключением. Сегодня ИИ-инструменты для юристов – это уже не эксперимент, а полноценный рабочий помощник. С ними проще справляться с рутиной, задачи решаются быстрее, а работа становится эффективнее.

Возможность и потенциал применения искусственного интеллекта в системе органов прокуратуры Российской Федерации является весьма значительным, поскольку он умеет быстро обрабатывать большие массивы информации, четко следовать заданным шагам и работать с огромными объемами данных – а это как раз то, что нужно прокурорам. Именно эти особенности делают ИИ полезным инструментом в работе прокуроров: с ним получается добиваться более высокого качества результатов и при этом оставаться в рамках своих полномочий.

В настоящее время действует Приказ Генпрокуратуры России от 11 сентября 2025 г. № 621 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2030 года, а также о внесении изменений в отдельные организационно-распорядительные документы Генерального прокурора Российской Федерации», в Концепции которого можно выделить четыре главных направления:

1. Высокотехнологичный надзор. Формирование единой безопасной цифровой платформы для электронного взаимодействия внутри системы прокуратуры и с другими госорганами. Акцент на использовании технологий (в том числе ИИ) для выявления нарушений, повышения оперативности реагирования, автоматизации оценки работы правоохранительных органов.

2. Цифровая инфраструктура. Оптимизация и взаимосвязанная цифровизация внутренних и межведомственных процессов. Создание безопасной среды для электронного взаимодействия с гражданами, организациями и другими органами власти (включая системы межведомственного электронного документооборота).

3. Среда доверия. Совершенствование правового регулирования для единой цифровой среды. Развитие каналов взаимодействия с обществом, внедрение механизмов мониторинга удовлетворенности граждан, обеспечение открытости и достоверности статистических данных, использование доверенных цифровых коммуникаций.

4. Обеспечение информационной безопасности. Комплекс мер (правовых, организационных, технических) для прогнозирования, обнаружения и нейтрализации информационных угроз [1].

Цель данной концепции – это совершенствовать информационное обеспечение прокуратуры, определить приоритеты и принципы цифрового развития и сделать с помощью цифровых технологий работу ведомства эффективнее.

Внедрение искусственного интеллекта в работу прокуратуры несет в себе не только весомые преимущества, но и определенные недостатки – и этот баланс важно учитывать. Как справедливо отмечают авторы К. М. Пивоваров и М. К. Махмудов, у использования ИИ в надзорной деятельности есть заметные плюсы.

Первым таким плюсом авторы выделяют автоматизацию работы с обращениями граждан. С этим можно согласиться, ведь ежегодно в органы прокуратуры поступают более 50 тысяч жалоб. Прокурорский работник тратит значительную часть рабочего времени на первичный анализ текста, определение его поднадзорности и маршрутизацию. Поэтому помощь искусственного интеллекта здесь просто необходима. Он позволяет определять отрасль права (уголовное, гражданское и т.д.) и предлагать проект ответа или постановления о перенаправлении жалобы в профильное ведомство, что позволяет сократить объем рутинной работы для сотрудников прокуратуры.

Вторым преимуществом является сфера антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов и их проектов. Так, Федеральный закон «О прокуратуре РФ» в ст. 9.1 говорит о том, что прокуроры должны выявлять в документах факторы, создающие почву для коррупции. Для этой задачи также можно применять нейросеть: она автоматически анализирует массивы данных и выделяет для прокурора сомнительные формулировки – такие как необоснованно широкие полномочия чиновников или размытые, трудновыполнимые требования к гражданам и организациям.

Третьим преимуществом считается применение ИИ в предиктивной аналитике для криминологии, что позволяет на основе массивов данных – о совершенных преступлениях, демографической ситуации и экономических показателях региона – прогнозировать всплески конкретных видов правонарушений. Это дает прокуратуре инструмент для более грамотного планирования надзорных мероприятий и эффективной координации работы правоохранительных органов [2].

Также одно из самых интересных преимуществ, на наш взгляд, выделяет автор А. Э. Арзуманян, – ИИ тренажеры. Особенность таких тренажеров в том, что они создают для прокурора живую, но безопасную среду для отработки профессиональных навыков. Например, ИИ имитирует реальных участников процесса – виртуального судью, адвоката, свидетелей или подсудимого, тем самым обучающийся может в деталях отработать допрос, подобрать аргументы для обвинительной речи, научиться быстро реагировать на неожиданные реплики или противоречия в показаниях [3].

Таким образом, позиция авторов относительно преимуществ искусственного интеллекта в деятельности органов прокуратуры представляется обоснованной, и авторы справедливо выделяют данные преимущества, ведь они действительно способны существенно оптимизировать работу прокуратуры,

снизив рутинную нагрузку на сотрудников и повысить эффективность надзорных мероприятий.

Еще одними преимуществами можно выделить:

1. Подготовку текста обвинительных речей, ходатайств и других документов. Это в два раза снизит количество затраченного времени и увеличит время для более важных дел, например для подготовки к допросам ключевых свидетелей или работы с новыми доказательствами.

2. Контроль сроков и исполнения поручения. Система на базе ИИ может отслеживать сроки рассмотрения обращений, исполнения представлений, проведения проверок, автоматически напоминать о приближении дедлайнов и сигнализировать о рисках превышения сроков рассмотрения материалов.

3. Улучшение качества надзора за следствием и дознанием. ИИ может автоматически сопоставлять материалы уголовных дел в соответствии с требованиями УПК РФ и методическими рекомендациями Генпрокуратуры. Например, выделять случаи, когда не выполнены обязательные следственные действия, не опрошены ключевые свидетели или не приложены нужные документы.

Наравне с преимуществами искусственного интеллекта в деятельности прокуратуры также выделяются и недостатки. Так, автор Б. Б. Беков выделил, пожалуй, один из самых главных недостатков – обеспечение конфиденциальности персональных данных. «Сбор, обработка и хранение информации о гражданах требуют строгого соблюдения норм и правил, чтобы избежать нарушений частной жизни и правил обработки личных данных». Проблема состоит в том, что система ИИ может быть неверно настроена или быть слабая защита данных, что напрямую приведет к серьезным проблемам [4].

Следующим немало важным недостатком является недооцененка проблем, с которыми сталкивается прокурор. В ходе обращения граждан, нейросеть может недооценить проблему, с которой обратился человек и отнестись к ней достаточно примитивно (предвзято), сравнивая с другими похожими ситуациями не вникая в их сущность.

Ошибочные выводы. Это еще один недостаток, который может привести к существенным нарушениям и подрыву доверия со стороны граждан к прокуратуре.

Сложности с межведомственным взаимодействием. Если система ИИ задействована в межведомственном электронном взаимодействии, то некорректная работа может парализовать обмен данными или привести к ошибкам в межведомственных решениях.

Таким образом, работа с искусственным интеллектом требует взвешенного и четкого подхода, чтобы минимизировать риски, которые могут возникнуть в связи с его применением.

Подводя итог, следует отметить, что искусственный интеллект играет большую роль в деятельности органов прокуратуры. Он помогает сократить время в решении многих задач, эффективно выполняя надзорные функции, тем самым освобождая значительное время для работников прокуратуры

на выполнение иных, не менее важных заданий. Но не стоит забывать, что это всего лишь система, а не реальный человек. Он не призван заменить – он выступает мощным цифровым помощником, чья сила в усилении, а не в замещении профессионального суждения прокурора, критического анализа сложных ситуаций и формирования внутреннего убеждения.

Пристатейный список литературы

1. Приказ Генпрокуратуры России от 11 сентября 2025 г. № 621 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2030 года, а также о внесении изменений в отдельные организационно-распорядительные документы Генерального прокурора Российской Федерации» // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 28.09.2026).
2. *Пивоваров, К. М.* Внедрение систем искусственного интеллекта в деятельность органов прокуратуры: перспективы и правовые риски / К. М. Пивоваров, М. К. Махмудов. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2026. – № 18 (621). – С. 520-521. – URL: https://moluch.ru/archive/621/135774. (дата обращения: 28.09.2026).
3. *Арзуманян, А. Э.* Применение систем искусственного интеллекта в уголовно-процессуальной деятельности прокурора: преимущества и недостатки // Юридические исследования. – 2025. – № 12. – С. 56–71.
4. *Беков, Б. Б.* Проблемы и преимущества использования искусственного интеллекта и аналитики данных в прокуратуре // Вопросы российского и международного права. – 2024. – Т. 14, № 1А. – С. 599–605.

УДК 343

Мария Олеговна Матвеева,
студентка 4-го курса юридического факультета
Иркутского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия
mari.matveeva.2@mail.ru

Научный руководитель:
Христина Александровна Каландаришвили,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права
и криминологии Иркутского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия
konsuelo1919@mail.ru

ЦИФРОВОЙ ПОСЕЙДОН ПРОТИВ ФЕМИДЫ: БЫТЬ ЛИ АВТОМАТИЧЕСКОМУ КОНТРОЛЮ НАД СУДЬЯМИ?

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о применении автоматизированной системы контроля доходов госслужащих ГИС «Посейдон» к судьям в контексте обновления антикоррупционной политики России. Анализируется функционал системы, объединяющей данные различных ведомств для выявления коррупционных рисков. Подробно разбираются причины, по которым судьи исключены из списка проверяемых лиц. Приводятся аргументы сторонников внедрения «Посейдона» в судейскую среду и их оппонентов, указывающих на угрозу независимости судебной власти.

Ключевые слова: ГИС «Посейдон»; судьи; независимость; антикоррупционный контроль; цифровизация.

Проблема борьбы с коррупцией в современной России остается крайне насущной. Как отмечает Генпрокуратура, по итогам 2025 года зафиксированы самые высокие показатели выявления коррупционных преступлений за по-

следние несколько лет. Примечательно, что трансформации подвергается не только цифровая статистика, но и сам подход к надзору в этой сфере. Во исполнение Указа Президента № 232 от 25 апреля 2022 года, с 1 января 2026 года полностью вводится в действие автоматизированная система контроля доходов госслужащих на базе ГИС «Посейдон», что фактически упраздняет практику публичной подачи деклараций [1, с. 250].

Данная система задумана как средство информационно-аналитической поддержки госорганов в деле профилактики коррупции. Технологическая основа «Посейдона» базируется на объединении данных из различных источников: ФНС, Росфинмониторинга, Росимущества, а также на анализе открытых данных и соцсетей. Такой синтез позволяет формировать «цифровые профили коррупционных рисков» для чиновников, сопоставляя официально заявленные доходы с реальными тратами и активами их родственников [2, с. 52]. Под контроль системы попадает широкий круг лиц: государственные и муниципальные служащие, кандидаты на должности, руководители государственных учреждений и т.д. Нельзя не заметить тот факт, что в Указе Президента не упомянуты судьи, которые по закону также обязаны декларировать свои доходы. Почему же ГИС «Посейдон» не применяется по отношению к судьям?

Анализ действующего законодательства и функционала самой системы позволяет сделать вывод, что основная причина кроется в особом конституционно-правовом статусе судей.

Главным препятствием для автоматической проверки судей через ГИС «Посейдон» является принцип независимости судей и особый порядок привлечения их к ответственности, закрепленный в законодательстве. Судьи в Российской Федерации не являются государственными служащими в обычном понимании. Они обладают особым правовым статусом, призванным обеспечить подлинную независимость судебной власти. Это подразумевает наличие специфических гарантий, включая усложненную процедуру привлечения к дисциплинарной или иной ответственности, которая находится в ведении Высшей квалификационной коллегии судей и квалификационных коллегий судей субъектов РФ [3, с. 75]. ГИС «Посейдон» создана для информационно-аналитического обеспечения деятельности федеральных и региональных государственных органов, иных организаций по профилактике коррупционных правонарушений. Система автоматизирует проверки госслужащих, но ее применение в отношении судей потребовало бы вмешательства в их независимый статус, что противоречит фундаментальным принципам правосудия.

Важно отметить, что система «Посейдон» все же используется в судебной системе, но для проверки работников аппаратов судов и Судебного департамента. Судебный департамент при Верховном Суде РФ с 2022 года использует ГИС «Посейдон» для антикоррупционных проверок кандидатов на должности в системе Судебного департамента и его региональных управлений, а также действующих сотрудников. Это касается работников аппаратов судов (помощников судей, секретарей, специалистов), которые являются государственными служащими. Сотрудники антикоррупционных подразделений Судебного

департамента через «Посейдон» могут направлять запросы в различные ведомства (прокуратуру, ФНС, Росреестр, банки) для проверки достоверности предоставленных сведений. Однако право направлять запросы о проведении оперативно-розыскной деятельности имеет только генеральный директор Судебного департамента.

Вопрос о включении судей в список лиц, проверяемых «Посейдоном», сопровождается серьезной дискуссией.

Сторонники внедрения системы и официальные лица перечисляют технологические и процедурные плюсы. По их мнению, это может сделать антикоррупционную работу в судейском сообществе эффективнее. Главное достоинство «Посейдона» – способность обрабатывать колоссальные массивы информации за считанные минуты [4, с. 20]. Раньше проверка декларации судьи означала запросы в разные ведомства и недели ожидания. Теперь система сопоставляет данные в режиме реального времени. На совещании в Совете Федерации говорили: использование искусственного интеллекта для анализа документов сокращает трудозатраты в 15–20 раз. Кадровые службы Судебного департамента и квалификационные коллегии судей получают информацию для решений быстрее.

Система умеет находить неочевидные связи и закономерности. Те, что проверяющий вполне может пропустить. Речь про связи через аффилированных лиц, родственников, подставные компании. В официальных источниках подчеркивается: «Посейдон» может выявлять сведения о неформальном общении с представителями подконтрольных организаций и возможных конфликтах интересов [5, с. 40]. В теории это дает более полную и объективную картину доходов и расходов судьи и членов его семьи.

Создатели называют систему беспристрастным арбитром. Только алгоритмы. Только математические модели. У искусственного интеллекта нет симпатий или антипатий, которые возникают у проверяющего из-за личного знакомства или корпоративной солидарности. Для судейского сообщества это особенно чувствительно: внутренние связи там порой очень сильны.

И еще один эффект. Если каждое действие, каждая покупка или сделка могут автоматически попасть под анализ закрытой системы, это само по себе давит на человека. Превентивная роль антикоррупционных механизмов не менее важна, чем карательная. Одно лишь наличие «Посейдона» потенциально дисциплинирует судей и заставляет осмотрительнее решать имущественные вопросы.

Но технологическая привлекательность – не индульгенция. Эксперты и правозащитники высказывают серьезные опасения. Особенно когда речь идет о судьях. Риски здесь лежат не столько в технической, сколько в правовой и политической плоскостях.

Самый громкий – угроза независимости судебной власти. Независимость судей – краеугольный камень правосудия. Судья подчиняется только Конституции и федеральному закону. А тут появляется система, где оператор – ФСО, координатор – администрация президента. Исполнительная власть получа-

ет мощный и всеобъемлющий инструмент контроля над судьями. Информация, собранная в «Посейдоне», может служить не только борьбе с коррупцией. Ею можно давить на неугодных или независимо мыслящих судей.

Есть и другой перекос. Публичные декларации заменяют закрытой системой «Посейдон». Общество и СМИ теряют возможность участвовать в антикоррупционном контроле. Эксперты справедливо напоминают: публичность деклараций была важным сдерживающим фактором. Чиновники и судьи понимали, что их доходы может проверить любой гражданин или журналист. Теперь контроль превращается в «черный ящик». Гражданам остается верить отчетам властей на слово – сверить данные нечем.

Централизация данных всегда повышает риск утечек. Взлом системы или несанкционированный доступ грозит раскрытием персональных данных судей. И это не все. Любая сложная система подвержена сбоям и ошибкам. Алгоритм сработал на некорректных данных – и репутация добросовестного судьи уже под ударом. Даже если потом ошибку исправят

До сих пор до конца не урегулирован вопрос о том, могут ли данные, полученные с помощью искусственного интеллекта «Посейдона», служить доказательством в суде. Эксперты РАНХиГС указывают на отсутствие законодательства об искусственном интеллекте и необходимости закрепления его субъектности. Сигнал системы о возможном нарушении сам по себе не является основанием для привлечения к ответственности, но как именно он должен запускать официальную проверку и какова его доказательственная сила – вопросы, требующие правового закрепления.

Применение «Посейдона» к судьям обладает спецификой. С одной стороны, судьи обязаны соблюдать требования антикоррупционного законодательства и декларировать доходы. С другой стороны, в отношении них действуют особые конституционные гарантии. Возникает коллизия: стремление государства к тотальному контролю через закрытую систему ФСО сталкивается с принципом независимости судей. Законодательное закрепление процедуры проверок судей через «Посейдон» не снимает вопроса о том, не является ли это формой вмешательства в судебную деятельность, запрещенного законом.

ГИС «Посейдон» – это мощный и современный инструмент, способный на технологическом уровне повысить эффективность выявления коррупционных нарушений среди госслужащих, включая судей. Вопрос о применении ГИС «Посейдон» в отношении судей будет зависеть не от его технического совершенства, а от того, будут ли созданы правовые гарантии, предотвращающие его превращение из инструмента борьбы с коррупцией в инструмент политического и административного давления. Пока же перевес, судя по экспертным оценкам, остается на стороне минусов, связанных с рисками для независимости правосудия.

Пристатейный список литературы

1. *Фарахиев, Д. М.* Государственная информационная система «Посейдон»: современный взгляд на противодействие коррупции // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – №1. – С. 250–254.
2. *Агеев, В. Н.* Информационные технологии как средство противодействия коррупции в Российской Федерации // Национальная безопасность / nota bene. – 2023. – № 6. – С. 49–60.
3. *Скрипник, В. В.* Правовые основы статуса судей в Российской Федерации // Вестник ТИУиЭ. – 2022. – № 1 (35). – С. 75–78.
4. *Кимский, И. О.* Исследование развития противодействия коррупции в России // Научное обозрение. Экономические науки. – 2022. – № 3. – С. 16–21.
5. *Бабков, Д. И.* Антикоррупционный потенциал системы «Посейдон» // Юридическая наука и практика. – 2023. – Т. 19, № 4. – С. 34–41.

УДК 343

Дарья Олеговна Меркулова,
студентка 3-го курса юридического факультета
Ростовского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия
merkulovadaryna@yandex.ru

Научный руководитель:
Ольга Юрьевна Тархова,
кандидат юридических наук, заведующий кафедрой
гражданско-правовых дисциплин юридического факультета
Ростовского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия
olgna@yandex.ru

РЕЕСТРОВАЯ МОДЕЛЬ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА: ОСНОВНЫЕ ВЫЗОВЫ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена реформе исполнительного производства-переходу к реестровой модели ЕГРИД с 2028 года. Рассмотрены механизм работы реестра и ключевые проблемы: ошибочная идентификация должников, ненадлежащее уведомление через Госуслуги, незащищенность социальных выплат. Предложены решения: верификация по множественным идентификаторам, реформа порядка доставки уведомлений и введение счетов, закрытых для принудительного взыскания.

Ключевые слова: Единый государственный реестр исполнительных документов; реестровая модель; идентификация должников; автоматизация взыскания; защита социальных выплат.

На сегодняшний день в сфере исполнительного производства происходят кардинальные изменения, а именно переход к реестровой модели с созданием

единого государственного реестра исполнительных документов (ЕГРИД). Модель, вводимая с 1 января 2028 года, предусматривает обязательную регистрацию всех исполнительных производств в ЕГРИД, а с 1 января 2031 года исполнение требований будет осуществляться исключительно на основе данных содержащихся в реестре.

ЕГРИД необходим для снижения нагрузки на систему принудительного исполнения, устранения проблем бумажного документооборота, минимизации риска ошибок, обусловленных человеческим фактором, а также повышения прозрачности и исключения возможности фальсификации.

Исследование данной темы актуально, поскольку важно выявить проблемы в правовом регулировании, разработать механизм контроля и обжалования автоматизированных решений, а также сформулировать рекомендации по развитию реестровой модели и по подготовке квалифицированных кадров. Тема отражает две ключевые тенденции: цифровизацию государственного управления и модернизацию сферы принудительного исполнения.

Чтобы понять какой смысл законодатель вкладывает в реформу необходимо разобраться, что именно представляет собой Единый государственный реестр исполнительных документов. Реестр исполнительных документов (реестр, содержащий сведения об исполнительных документах) – государственный информационный ресурс, ведение которого осуществляется в электронной форме, предназначенный для учета сведений об исполнительном документе, его сторонах, ходе его принудительного исполнения [1, с. 28]. Данное определение отражает базовые функции и организационные принципы ЕГРИД, однако цель реформы заключается в том, чтобы модернизировать ЕГРИД, сделав его активным инструментом исполнительного производства, позволяющего обеспечить непрерывный контроль и координацию процессуальных действий.

ЕГРИД является подсистемой Государственной информационной системы о государственных и муниципальных платежах (ГИС ГМП), которая находится в ведении Федерального казначейства. Следует уточнить о том, что это не отдельная информационная система, а модуль внутри уже работающей платформы. механизм работы ЕГРИД будет устроен следующим образом: суд или иной уполномоченный орган формирует исполнительный документ сразу в электронном виде, а также подписывает его усиленной квалифицированной электронной подписью (УКЭП) и размещает в реестре в электронном виде – без выдачи документа на бумажном носителе. Реестр автоматически регистрирует документ без участия человека, присваивает ему уникальный номер, после чего по каналам системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) заращивает у Федеральной налоговой службы (ФНС), социального фонда и банков сведения о должнике- идентификаторы, место работы, наличие счетов, доходов. После всех процедур, перечисленных выше, должник получает уведомление через единую портальную информационно-телекоммуникационную сеть «Госуслуги», и может погасить долг добровольно. Если долг не погашен взыскатель вправе выбрать на портале «Госуслуг», как

действовать дальше: запустить автоматическое взыскание либо обратиться к судебному приставу, либо направить документы в орган бюджетного законодательства [1, с. 29–30]. В автоматическом режиме реестр последовательно по дате открытия счета направляет документ в банки должника, банк арестовывает и списывает средства, сообщая результат в реестр. Если денежных средств не хватило, документ уходит в следующий банк, затем работодателю для удержания заработной платы. Если и этого недостаточно – документ передается приставу для ручной работы (опись имущества, запрет на выезд и т.п.). Когда сумма взыскана полностью, реестр автоматически фиксирует исполнения, уведомляет стороны и закрывает производство.

Реестр обеспечит быстрый и защищенный доступ к данным – информация будет поступать без задержек и потерь, оставаясь при этом всегда актуальной и достоверной. В отличие от открытого Банка данных исполнительных производств на сайте Федеральной службы судебных приставов любой человек, зная определенный набор идентификаторов (Ф.И.О. и дату рождения) сможет посмотреть информацию по исполнительным производствам. ЕГРИД, в свою очередь, будет функционировать на принципе закрытости, т.е. сведения, которые будут содержаться в реестре, станут доступны только кругу лиц, определенных законом. Согласно материалам законопроекта, круг лиц, имеющих доступ к данным конкретного исполнительного документа, включает: должника, взыскателя, их законных представителей (по доверенности), орган или должностное лицо, зарегистрировавший исполнительный документ [1, с. 29–30].

Автоматизация ЕГРИД, действительно, делает процесс взыскания быстрым и эффективным, но у него есть и обратная сторона, которая порождает новые риски и проблемы. Когда решение принимает алгоритм, а не судебный пристав, меняется сама природа возможных сбоев – и разобраться с ними, а тем более оспорить, становится гораздо сложнее. В данной научной работе, мы разобрали, на наш взгляд, основные проблемы, с которыми может столкнуться система.

Одной из наиболее важных проблем является ошибочная идентификация должника. Система опирается на ограниченный набор идентификаторов, таких как Ф.И.О., дата рождения, но их порой недостаточно для уникальной идентификации лица, поскольку высока вероятность совпадения персональных данных. Следовательно, мы можем сделать вывод о том, что это порождает ошибочное взыскание с лиц, имеющих одинаковые идентификационные данные, что в свою очередь подрывает принцип юридической определенности правоприменительных действий и увеличивает нагрузку на судебную систему из-за роста числа споров о возврате неправомерно списанных средств.

Взыскание долга по идентификаторам происходит следующим образом: судебный пристав возбуждает исполнительное производство на основании исполнительного листа, выданного на основе судебного приказа. В таком документе указываются Ф.И.О. должника и дата рождения. До 2022 года этих данных было вполне достаточно, чтобы направить запрос в банк и списать денежные средства. Однако такое устройство исполнительной системы вызва-

ло множество случаев ошибочного списания средств со счетов лиц, немевших долговых обязательств.

Но Федеральным законом от 21.12.2021 № 417-ФЗ (вступил в силу 20 июня 2022 года) внесены изменения в ряд нормативных актов с целью снижения риска ошибочного взыскания с лиц, у которых совпадают идентификаторы [12]. Дополнены требования к содержанию исполнительных документов: заявлении о вынесении судебного приказа, самом приказе, исковом заявлении и исполнительном документе обязательно должен быть указан один из уникальных идентификаторов должника, например: СНИЛС, ИНН, серия и номер паспорта либо иного документа, удостоверяющего личность. Конкретные поправки были внесены в следующие нормы:

1. В статью 6.1 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» – в части сведений о должнике, а именно ч. 4 ст. 5, ч. 3 ст. 6.1, ч. 3 ст. 13 (требования к исполнительному документу), ст. 12 и ст. 14 [2].
2. В Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, а именно ч. 2 ст. 124 (требования к заявлению о выдаче судебного приказа), ст. 127 (содержание судебного приказа), ч. 2 ст. 131 (требования к исковому заявлению) и ч. 5 ст. 198 (резолютивная часть решения суда)[3];
3. В Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации – п. 2 и 3 ч. 2 ст. 125 (требования к исковому заявлению), п. 2 и 3 ч. 2 ст. 229.3 (заявление о выдаче судебного приказа), ч. 5 ст. 170 (резолютивная часть решения), а также ч. 6 ст. 38 и ч. 4 ч. 1 ст. 320 [4].

Перечисленные выше поправки сократили количество ошибок в сфере исполнительного производства, однако данные поправки не устранили их полностью и вот почему: Во-первых, старые производства без идентификаторов (мы говорим про производства заведенные до 20 июня 2022 года) продолжают осуществляется по старым нормам, так как их было огромное количество, и они еще не закрыт риск возникновения ошибки растет. Во-вторых, ошибки в базах данных управляющих компаний и ресурсоснабжающих организаций приводят к тому, что в документ попадает СНИЛС или ИНН другого человека, получается, что идентификатор есть, но он принадлежит абсолютно другому лицу, вследствие чего риск ошибки увеличивается.

Для того, чтобы избежать подобных проблем с введением ЕГРИД, мы предлагаем в первую очередь, нужно усилить проверку достоверности сведений, вносимых в систему, для этого нужно использовать единый федеральный информационный регистр населения как первоисточник данных, верифицировать личность по уникальным идентификаторам – СНИЛС и ИНН, а также включать адрес регистрации в качестве дополнительного верификатора. Кроме того, необходимо автоматически помечать «двойников» при совпадении ФИО и даты рождения – для последующего ручного разбора и устранения расхождений.

Ярким примером для внедрения соответствующих изменений служит решение Кировского районного суда г. Екатеринбурга от 13.02.2025 по делу № 2291/2025, даже после вступления в силу Федерального закона от 21.12.2021

№ 417-ФЗ, данные рекомендации сохраняют свою актуальность [5]. Так судебный пристав наложил арест на счета и запретил регистрационные действия в отношении имущества гражданина, который оказался «двойником» должника: у них совпадали Ф. И. О. и дата рождения, но различались паспортные данные, место рождения и адрес регистрации. Суд признал действия пристава незаконными, указав на ненадлежащее установление личности должника, и взыскал с казны РФ компенсацию морального вреда (5 000 руб.) и расходы на представителя (15 000 руб.). Исходя из выше сказанного мы можем сделать вывод о том, что если бы система автоматически сверяла адрес регистрации и паспортные данные (а не только Ф.И.О. и даты рождения) и помечала такие случаи как «потенциальный двойник», пристав получил бы предупреждение еще до применения мер.

Второй проблемой является электронное уведомление должников через Госуслуги. Извещение от ФССП считается доставленным с момента входа гражданина в личный кабинет, даже если он не открывал само сообщение. Из-за этого автоматически запускается 5-дневный срок на добровольное погашение долга, и должник рискует не узнать о нем, просто зайдя на портал ради другой услуги.

С 2026 года последствия ужесточились: исполнительский сбор вырос с 7% до 12% от суммы долга (минимум 2000 руб. для граждан) и теперь удерживается одновременно с основным долгом – из-за чего даже небольшие задолженности оборачиваются существенными переплатами. При этом механизм не учитывает цифровое неравенство, технические сбои и перегрузку уведомлениями, а суды преимущественно исходят из презумпции доставки на базе ст. 165.1 ГК РФ и Постановления № 606. В результате разрыв между формальным соблюдением процедуры и реальным информированием должника ведет к риску неправомерного взыскания [6; 7].

Для решения данной проблемы следует пересмотреть механизм уведомлений. Предлагаем ввести в законодательство следующие нормы:

1. Уведомление должника через единую портальную информационно-телекоммуникационную сеть «Госуслуги» считается доставленным с момента фактического открытия должником соответствующего сообщения, что фиксируется системой в электронном режиме [7, 8 ч. 2.1 ст. 14, ст. 24].
2. Если сообщение не открыто должником в течение 15 дней со дня его направления, судебный пристав-исполнитель обязан направить должнику альтернативное уведомление – посредством почтовой связи и (или) СМС-сообщения. В этом случае уведомление считается доставленным по правилам, предусмотренным для соответствующего способа связи [7, п. 3 правил].
3. Для приоритетных уведомлений (о возбуждении исполнительного производства, о взыскании исполнительского сбора) применяется *push*-уведомление с подтверждением прочтения, фиксируемое системой [8, ст. 24].

4. Если должник умышленно уклоняется от открытия электронного сообщения – что подтверждается зафиксированными системой данными о неоднократном непочтении сообщений от органов принудительного исполнения при подтвержденной активности учетной записи, – доказательством надлежащего уведомления признается факт направления альтернативного уведомления по пункту 2. Бремя доказывания умысла не возлагается на взыскателя или судебного пристава-исполнителя – достаточно зафиксированных системой данных об отправке и не открытии сообщения.
5. Должник освобождается от исполнительского сбора, если неисполнение требования в установленный срок вызвано техническим сбоем, повлекшим недоставку или невозможность открытия уведомления через «Госуслуги».
6. Доказывание технического сбоя осуществляется судебным приставом-исполнителем на основании автоматизированного протокола системы электронного документооборота, фиксирующего дату и время отправки, попытки доставки, ошибки и статус сообщения. Должник вправе представить дополнительные доказательства (скриншоты, справки оператора связи, обращения в техподдержку). При наличии противоречий вопрос разрешается судом.
7. Срок возврата исполнительского сбора в случае его необоснованного взыскания сокращается до 7 рабочих дней со дня установления соответствующего основания.

Некоторые из упомянутых норм (пункты 1–4) уже закреплены в действующем законодательстве. Остальные пункты сейчас активно обсуждаются в научной среде – мы полагаем, что они представляют собой наиболее эффективное решение данной проблемы.

Третьей проблемой на наш взгляд является защита социальных выплат (алиментов, пособий, пенсий по потере кормильца и т.п.). Защита выплат зависит от кода вида дохода в платеже: без него средства теряют «иммунитет». Риск списания возрастает, если деньги смешались с другими поступлениями на счете или были переведены между собственными счетами-тогда код утрачивается. Изза автоматизации алгоритм не проверяет происхождение средств и просто списывает сумму. В итоге уязвимые категории граждан могут остаться без денег, а возврат списанных средств требует много времени и усилий – и не всегда удается его добиться.

Для устранения данной проблемы мы считаем необходимым перечислять выплаты, не подлежащие взысканию, на специальный счет, закрытый для принудительного списания [9]. С обычных счетов кредитор вправе списывать средства в полном объеме [8, 10 ч. 2 ст. 99]. Российское законодательство ориентировано на защиту интересов в первую очередь кредиторов, поэтому защита будет обеспечиваться через обособленный канал-закрытый для принудительного взыскания, но не через запрет банкам списывать средства с обычных счетов. Плательщик обязан перечислять средства с кодом вида

дохода (КВД) на специальный счет; он же несет ответственность за ошибки [11, ч. 3 ст. 17.14]. Банк, в свою очередь, обязан контролировать режим счета и возвращать платежи без КВД. Со специального счета списание по исполнительным документам не производится. Если получатель переведет средства на обычный счет, они утратят защиту, вследствие чего обжаловать последующее списание будет невозможно. Данный механизм можно реализовать с помощью номинального счета или счета эскроу – ст. 860.1, 860.7 ГК РФ, либо создать отдельный вид социального счета [6]. При ошибочном списании банк возвращает сумму в течение 5 рабочих дней. Дополнительно прожиточный минимум сохраняется автоматически, без заявления должника.

Внедрение указанных мер в сочетании с запуском ЕГРИД позволит существенно сократить количество ошибок при идентификации должников, а в перспективе – снизить число судебных споров, связанных с исполнительным производством.

Пристатейный список литературы

1. Проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части создания Единого государственного реестра исполнительных документов) / Мин-во юстиции Рос. Федерации. – Текст: электронный // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов: [сайт]. – 2021. – URL: (дата обращения: 20.09.2026).
2. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532; 2026. – № 32. – Ст. 4851.
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Решение Кировского районного суда г. Екатеринбурга от 30 января 2025 г. по делу № 2-291/2025 о взыскании компенсации морального вреда [Электронный ресурс] // ЗаконРФ.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ : ст. 165.1 : [в редакции от 10 июня 2026 года] // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 29 июня 2016 г. № 606 «О порядке направления с использованием информационно телекоммуникационных сетей извещения в форме электронного документа, подписанного судебным приставом исполнителем усиленной квалифицированной электронной подписью, и об использовании федеральной государственной информационной системы „Единый портал государственных

и муниципальных услуг (функций)“ для подачи ходатайств, объяснений, отводов и жалоб» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 28. – Ст. 4732.
8. Об исполнительном производстве : федер. закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (в ред. от 04.08.2026) : принят Гос. Думой 14 сент. 2007 г. : одобрен Советом Федерации 19 сент. 2007 г. // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 41. – Ст. 4849.
9. Законопроект № 221778-7 «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации (в целях исключения возможности обращения взыскания на денежные выплаты социального характера в рамках исполнительного производства)» : внесен депутатами ГД В. А. Васильевым, С. И. Неверовым, А. К. Исаевым 10.07.2017 // Система обеспечения законодательной деятельности Госдумы РФ.
10. Об правилах осуществления перевода денежных средств : положение Банка России от 29.06.2021 № 762-П : зарегистрировано Минюстом России 25.08.2021, рег. № 64765 // Вестник Банка России. – 2021. – № 62.
11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
12. Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 417-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 347.963

Карина Денисовна Пермякова,
студентка 3-го курса Ижевского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ижевск, Россия
karinapermiakova2006@mail.ru

Научный руководитель:
Вера Владимировна Ровнейко,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории,
истории государства и права, социально-экономических дисциплин
Ижевского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ижевск, Россия
iji-magistr@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ЮРИСТАМИ В ХОДЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ИНТЕРЕСОВ В СУДЕ: ПРЕДЕЛЫ ДОПУСТИМОГО И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В работе рассматриваются проблемы допустимости использования юристами публичных ИИ-сервисов на основании примеров из судебной практики, мнения экспертов, которые подтверждают необходимость обязательной критической проверки ответов искусственного интеллекта на юридические запросы. Были сформулированы предложения о необходимости внесения изменений в процессуальное законодательство, в «Кодекс профессиональной этики адвоката», а также – разработки нормативного правового акта, регламентирующего применения искусственного интеллекта участниками судопроизводства.

Ключевые слова: искусственный интеллект; неуважение к суду; судебный штраф; представительство в суде.

В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 26.07.2026 № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» искусственный интеллект (далее – ИИ) – это «комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (включая способность самостоятельно совершенствовать свои функции, повышать точность решений за счет анализа новых данных и выполнять поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их» [1].

Согласно результатам исследования факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) около 64% опрошенных практикующих юристов регулярно используют нейросети в своей работе [2]. Искусственный интеллект начинает активно применяться в сфере юриспруденции, что имеет положительные и отрицательные черты.

ИИ применяется юристами преимущественно для первичного анализа информации (57%), составления и проверки стандартных документов и договоров (39%), подготовки черновиков юридических заключений (48%), а также для генерации идей (53%) [3]. ИИ-системы используются юристами для ускорения поверхностного анализа материала и решения малозначительных задач. ИИ становится реальным и эффективным инструментом в работе, так как при большой загруженности специалистов его использование помогает увеличить число решаемых задач и сократить при этом время на их выполнение. В процессе использования юристами различных ИИ-сервисов в профессиональной деятельности выявляются различные проблемы, которые препятствуют доверию к нейросетям, их использованию в сфере юриспруденции и требуют правового решения.

Р. Янковский рассмотрел технические несовершенства языковых моделей, «построенных на основе архитектуры нейронных сетей», которые не позволяют юристам их эффективно и безопасно использовать в своей деятельности [4, с. 7]. Им выделены следующие проблемы:

1) ответ, который предоставляет модель не является результатом понимания смысла вопроса, а формируется как наиболее вероятная комбинация слов, которая статистически часто дается на подобные запросы, поэтому в ответе может появиться «галлюцинация» – это ситуация при которой «модель генерирует убедительный, но ложный ответ», который не соответствует истине, а является вероятным [4, с. 7];
2) предоставление неправильных ответов на запрос, т.к. он основан на устаревшей информации в связи с отсутствием периодического переобучения модели из-за сложности и высокой стоимости процесса [4, с. 12];
3) риск несоблюдения конфиденциальности пользовательских данных, введенных в окно бота при запросе и переданных на сервер, иностранными компаниями-разработчиками моделей [4, с. 23–24].

В судебной практике встречаются ситуации, когда при проверке судом содержания предоставленных материалов бывают выявлены ссылки представителей сторон на несуществующие акты.

В определении Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации № 301-ЭС21-23756(4) содержится решение о необходимости инициировать рассмотрение вопроса о наложении судебного штрафа за неуважение к закону и суду на представителя одной из сторон по причине того, что «в отзыве на кассационную жалобу должника, направленном в суд... дана ссылка на разъяснения, содержащиеся, как указано в отзыве, в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 48», хотя данный документ состоит всего из 14 пунктов [5, с. 28]. Также в определении отмечается, что «подготовка сторонами своей правовой позиции с использованием программного обеспечения осуществляется на свой риск и должна в любом случае сопровождаться проверкой достоверности полученных результатов» [5, с. 17].

В определении по делу № А71-11377/2025 Суд по интеллектуальным правам пришел к выводу о наличии оснований для назначения индивидуальному предпринимателю судебного штрафа на основании неуважения к суду из-за того, что представитель ответчика в кассационной жалобе в обоснование доводов привел судебные акты, которые либо «не существуют в действительности, либо в них полностью отсутствуют процитированные заявителем кассационной жалобы суждения» [6, с. 8]. Ответчик в своих пояснениях сослался на то, что «при подготовке кассационной жалобы представителем использовался сервис «Консультант Плюс», работающий на основе искусственного интеллекта» [6, с. 2].

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.05.2026 № 15 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» в связи с увеличением подобных случаев было закреплено, что теперь «участвующие в деле лица, предоставившие в суд сведения о фактах, полученных с использованием технологий искусственного интеллекта, должны сообщать об этом суду» [7, п. 42]. Важно закрепить эту обязанность – уведомлять суд (устно или письменно) о том, что сведения о фактах, получены с использованием технологий искусственного интеллекта, – в соответствующем процессуальном законодательстве: в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ) [8], Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – АПК РФ) [9], Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) [10], Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) [11].

В процессуальном законодательстве можно предусмотреть и соответствующее наказание – судебный штраф – за предоставление суду **ложной** информации в сведениях о фактах, полученных с использованием технологий искусственного интеллекта, в случае, если лицо НЕ уведомило суд об использовании ИИ, и суд обнаружил ложные факты, вызванные «галлюцинацией» ИИ.

Представительство в суде регламентируется различными процессуальными законами: главой 5 ГПК РФ [8], главой 6 АПК РФ [9], главой 5 КАС РФ [10], ст. 45 УПК РФ [11]. Например, согласно ст. 49, 52 ГПК РФ представителями в суде могут быть:

1) «дееспособные лица, полномочия которых на ведение дела надлежащим образом оформлены и подтверждены» [8, ст. 49];
2) адвокаты [8, ст. 49];
3) «иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности» [8, ст. 49];
4) законные представители [8, ст. 52];

Данный круг лиц с определенными исключениями повторяется во всех процессуальных кодексах.

Распространение случаев выявления в суде ошибок представителей, при составлении письменных пояснений, вызванных использованием ИИ, может не только оказать негативное воздействие на репутацию юристов, но и ввести в заблуждение судебные органы, в связи с этим необходимо на начальном этапе пресекать такие случаи через законодательное регулирование.

Основными документами, регулирующими деятельность адвокатов, являются Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ [12] и «Кодекс профессиональной этики адвоката» (далее – Кодекс этики) [13].

Согласно ч. 2 ст. 5 «Кодекса профессиональной этики адвоката» «адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре» [13]. Перечень таких действий представлен в ч. 1 ст. 9 «Кодекса профессиональной этики адвоката» [13], который можно дополнить пунктом 11, который бы закреплял, что адвокат не вправе «направлять в суд некорректно составленные документы с ошибочными суждениями, которые были подготовлены с использованием искусственного интеллекта». Важно отметить, что целью закрепления нового пункта не является полный запрет на использование ИИ адвокатами. Необходимо отметить, что нарушение требований Кодекса этики может повлечь только дисциплинарную ответственность адвоката. Введение данного ограничения должно способствовать более бдительному отношению представителей к использованию ИИ при формировании и аргументации своей правовой позиции в документах, направляемых в суд.

Следует отметить, что возможность использования ИИ существует не только у участников судебных разбирательств и их представителей, но и у судей. Председатель Верховного Суда Российской Федерации И. В. Краснов предложил сформировать «общие этические принципы применения ИИ в судебной деятельности в виде рамочного документа», регламентирующего недопустимость делегирования принятия решения алгоритму [14]. Это предложение было сделано в дополнение ранее принятой Верховным Судом Российской

Федерации «Концепции внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство Российской Федерации» [15].

Важно закрепить права и обязанности по использованию ИИ для всех участников судопроизводства. Например, особенности деятельности иных представителей в суде не отражены в отдельных нормативных правовых актах, как, например, регламентирована адвокатская деятельность, что затрудняет законодательное регулирование отдельных аспектов их работы. Именно поэтому создание общего нормативного правового акта, который бы регламентировал все ограничения по использованию ИИ для всех участников процесса, способствует избежанию фрагментарности законодательства в этой сфере.

Внедрение ИИ в профессиональную юридическую деятельность – это важное и необходимое решение для последующего усовершенствования работы всей системы. Несмотря на предполагаемые благоприятные результаты такой интеграции, безусловно, нельзя забывать и о рисках. В связи с этим нужно формировать законодательную базу, которая бы поддерживала безопасное внедрение ИИ в работу юристов и закрепляла общие законодательные рамки и единые стандарты.

Пристатейный список литературы

1. Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации : офиц. сайт. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202607260003?ysclid=mu5oi3c6wd612199154 (дата обращения: 15.09.2026).
2. Больше половины российских юристов используют ИИ в работе // Газета.Ru : [сайт]. – 22.03.2026. – URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2026/03/22/28105855.shtml?ysclid=mu5qewgqfi694384435 (дата обращения: 15.09.2026).
3. Девять из десяти российских юристов используют ИИ. Итоги совместного исследования «Авито» и Право.ru // Право.ru : [сайт]. – 2025. – 22.12.2025. – URL: https://pravo.ru/story/261823/ (дата обращения: 15.09.2026).
4. *Янковский, Р. М.* Использование искусственного интеллекта в работе юриста. Практическое руководство / Р. М. Янковский. – Москва : НОУРУТС, 2025. – URL: https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/1015377374.pdf?ysclid=mu5qmaabqy229931731 (дата обращения: 15.09.2026).
5. Определение Верховного Суда Российской Федерации № 301-ЭС21-23756(4) от 03.09.2026 [Электронный ресурс] // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. – URL: https://www.vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2565462 (дата обращения: 15.09.2026).
6. Определение Суда по интеллектуальным правам о наложении судебного штрафа по делу № А71-11377/2025 от 27.08.2026. – URL: https://www.

garant.ru/files/4/2/2223424/a71-11377-2025_20260827_opredelenie.pdf (дата обращения: 15.09.2026).
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.05.2026 № 15 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. – URL: https://www.vsrf.ru/media-proxy/upload/iblock/bfe/kjy7ynmrbpuh6w3p2h0xu6hemb95w0bo.pdf (дата обращения: 15.09.2026).
8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Официальный интернет-портал правовой информации : офиц. сайт. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102078828 (дата обращения: 15.09.2026).
9. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации : офиц. сайт. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102079219&rdk=89 (дата обращения: 18.09.2026).
10. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Официальный интернет-портал правовой информации : офиц. сайт. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073942 (дата обращения: 18.09.2026).
12. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации : офиц. сайт. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102076346&intelsearch=%EE%F2+31+%EC%E0%FF+2002+%E3%EE%E4%E0+%B9+63-%D4%C7 (дата обращения: 17.09.2026).
13. Кодекс профессиональной этики адвоката (принятый I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 18.04.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
14. Краснов предложил этические нормы применения ИИ в правосудии [Электронный ресурс] // РБК : [сайт]. – 05.09.2026. – URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6a9bb45c9a7947c7022f245a (дата обращения: 15.09.2026).
15. Приказ Верховного Суда Российской Федерации от 03.09.2026 № 59-П «Об утверждении Концепции внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство Российской Федерации» // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. – URL: https://www.vsrf.ru/media-proxy/upload/iblock/e6c/it574hdekh7g0wsqywf72r30co2luq2f.pdf

Государственная поддержка технологий искусственного интеллекта

УДК 343.2

Роберт Айратович Абдульманов,
студент 3-го курса факультета высшего образования
Казанского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Казань, Россия
abdulmanov06@list.ru

Научный руководитель:
Борис Васильевич Маслов,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного права и процесса Казанского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Казань, Россия
hors7@yandex.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕПРАВОМЕРНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ

Аннотация. В статье исследуются вопросы уголовно-правового обеспечения государственной политики в области искусственного интеллекта. Анализируются основания ответственности за противоправное использование ИИ при совершении преступлений в сфере компьютерной информации, незаконном обращении с персональными данными и имущественных посягательствах. Определяются проблемы установления субъекта ответственности и направления совершенствования уголовно-правового регулирования.

Ключевые слова: искусственный интеллект; уголовная ответственность; компьютерная информация; персональные данные; киберпреступность; государственная поддержка.

Развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) рассматривается в Российской Федерации как одно из основных направлений госу-

дарственной политики на современном этапе. Отметим, что ИИ применяется в промышленной и финансовой сфере, в сфере здравоохранения, в области образования и в государственном управлении. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года определяет важные направления такого развития [1].

Государственная поддержка ИИ одновременно требует обеспечения безопасности его применения. Технология может использоваться не только в правомерных целях, но и как средство совершения уже известных преступлений либо как инструмент реализации новых способов противоправного поведения. Поэтому развитие ИИ должно сопровождаться эффективной правовой защитой личности, общества и государства.

Цель исследования состоит в определении возможностей действующего уголовного законодательства по противодействию противоправному использованию ИИ и в формулировании направлений его дальнейшего совершенствования.

Государственная политика в сфере ИИ предполагает одновременно стимулирование технологического развития и формирование условий его безопасного использования. Указом Президента Российской Федерации от 15 февраля 2024 г. № 124 в Национальную стратегию развития искусственного интеллекта были внесены уточнения, связанные, в частности, с реализацией федерального проекта «Искусственный интеллект» [1]. В 2025 г. Правительство Российской Федерации создало Центр развития искусственного интеллекта, ориентированный на координацию соответствующих процессов [2].

Базой нормативно-правового регулирования является Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Нормы данного закона предусматривают правовые, организационные и технические меры защиты информации и возможность привлечения нарушителей к ответственности, включая уголовную [3].

При этом сама технология ИИ не должна автоматически рассматриваться как самостоятельный объект уголовно-правовой охраны. Значение имеют конкретные общественно опасные последствия и способы совершения деяния. Уголовно-правовую защиту ИИ необходимо рассматривать в двух направлениях: охрана информационной инфраструктуры и данных и противодействие использованию ИИ в качестве инструмента совершения преступлений.

ИИ расширяет технические возможности человека, совершающего преступление. Прежде всего, это относится к преступлениям в сфере компьютерной информации. Глава 28 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) устанавливает ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации, разработку и распространение вредоносных программ, а также иные посягательства на информационные системы [4]. Использование автоматизированных средств само по себе преступлением не является, однако при умышленном неправомерном доступе к охраняемой информации действия виновного подлежат оценке по соответствующей норме УК РФ.

Отдельное значение имеет охрана персональных данных. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» устанавливает обязанности по обеспечению их безопасности [5]. Федеральным законом от 30 ноября 2024 г. № 421-ФЗ в УК РФ появилась ст. 272.1, определяющая ответственность за незаконные действия с использованием компьютерной информации, содержащей персональные данные, полученной незаконным путем [6]. Данная норма приобретает значение и применительно к ИИ, поскольку незаконно полученные массивы данных могут использоваться для автоматизированной обработки и создания цифрового контента.

ИИ может применяться и при имущественных преступлениях. Так, ст. 159.6 УК РФ предусматривает ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации [4]. Генеративные технологии способны автоматизировать подготовку сообщений и иных материалов, используемых для введения потерпевшего в заблуждение. Однако уголовно-правовое значение имеет не сам факт использования ИИ, а наличие всех признаков конкретного состава преступления.

Исследователи также обращают внимание на использование ИИ для создания синтетического медиаконтента и на связанные с этим вопросы уголовной ответственности [7]. В настоящее время такие ситуации преимущественно получают оценку через уже существующие составы преступлений. Следовательно, ИИ целесообразно рассматривать прежде всего, как способ или средство совершения преступления.

Особую сложность представляет ситуация, когда общественно опасные последствия связаны с функционированием автономной системы ИИ. Согласно ст. 19 УК РФ субъектом преступления является вменяемое физическое лицо, достигшее установленного законом возраста [4]. Поэтому сама система ИИ не может выступать субъектом преступления в рамках действующей российской модели уголовной ответственности.

В научной литературе выделяются различные ситуации, требующие оценки: ошибка при создании системы, неправомерное вмешательство в ее функционирование, принятие системой непредусмотренного решения и создание ИИ для совершения преступлений [7]. Для каждой из них необходимо устанавливать конкретные обстоятельства.

Если ИИ используется человеком как инструмент, ответственность несет соответствующее лицо при наличии всех признаков состава преступления. Если вред связан с нарушением обязанностей разработчика, оператора или иного ответственного лица, необходимо установить содержание этих обязанностей, факт нарушения, форму вины и причинную связь с последствиями. Автоматическое возложение уголовной ответственности на саму систему при действующем законодательстве невозможно.

С учетом темпов технологического развития целесообразно совершенствовать не столько систему наказаний за условные «преступления искусственного интеллекта», сколько механизмы квалификации преступлений, при совершении которых ИИ выступает способом, средством или технологической инфраструктурой.

Во-первых, необходимо обеспечивать терминологическую согласованность законодательства в сфере ИИ. Во-вторых, важно четко распределять обязанности разработчика, владельца и пользователя системы. Для уголовно-правовой оценки недостаточно установить факт возникновения вреда при использовании ИИ; необходимо определить лицо, контролировавшее систему, его обязанности и возможность предвидения последствий.

В-третьих, требуется дальнейшее развитие правовых механизмов защиты данных. В 2025 г. были утверждены требования и правила обезличивания персональных данных, имеющие значение в том числе для технологического развития [8]. В-четвертых, необходимо совершенствовать расследование преступлений с применением ИИ: особое значение приобретают цифровые следы, журналы событий, сведения о доступе пользователей и иные данные, позволяющие установить источник конкретного действия.

Наконец, при дальнейшем совершенствовании уголовного законодательства целесообразно сохранять принцип технологической нейтральности. Норма, ориентированная на конкретный программный продукт, способна быстро устареть. Более устойчивым является регулирование общественно опасного поведения независимо от используемой технологической платформы.

Действующее российское уголовное законодательство уже содержит значительный комплекс норм, позволяющих противодействовать преступлениям, совершаемым с применением технологий ИИ. В зависимости от обстоятельств применимы нормы о преступлениях в сфере компьютерной информации, незаконном обращении с персональными данными, мошенничестве и других посягательствах.

При этом самостоятельная уголовная ответственность искусственного интеллекта в российском праве отсутствует. Ответственность должна возлагаться на конкретное физическое лицо при установлении его вины, обязанностей и причинной связи между поведением и наступившими последствиями. Это особенно важно в ситуациях, когда решение системы ИИ не совпадает с первоначальными действиями разработчика или пользователя.

Перспективным направлением является комплексное развитие информационного и уголовного законодательства, усиление требований к безопасности систем ИИ, защите данных и распределению ответственности между лицами, участвующими в их разработке и эксплуатации. Уголовно-правовое обеспечение государственной поддержки ИИ должно обеспечивать баланс между стимулированием технологического развития и защитой личности, общества и государства.

Пристатейный список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 15.02.2024 № 124 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 “О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации”

и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом» // Официальный сайт Президента Российской Федерации. 2024. – URL: https://www.kremlin.ru/acts/bank/50326 (дата обращения: 20.09.2026).
2. Правительство Российской Федерации. Дмитрий Григоренко: Правительство создает Центр развития искусственного интеллекта // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. – URL: https://government.ru/news/55306/ (дата обращения: 20.09.2026).
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3448.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3451.
6. Федеральный закон от 30.11.2024 № 421-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 20.09.2026).
7. *Хисамова, З. И.* Уголовная ответственность и искусственный интеллект: теоретические и прикладные аспекты / З. И. Хисамова, И. Р. Бегишев // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13, № 4. – С. 564–574. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(4).564-574.
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 01.08.2025 № 1154 «Об утверждении требований к обезличиванию персональных данных, методов обезличивания персональных данных и Правил обезличивания персональных данных» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 20.09.2026).

УДК 347.1

Светлана Артемовна Брисберг,
студентка 4-го курса факультета высшего образования
Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Санкт-Петербург, Россия
sbrisberg@gmail.com

Научный руководитель:
Алексей Вячеславович Зорин,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного права и процесса факультета высшего образования
Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Санкт-Петербург, Россия
a.zorin_cof@mail.ru

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ РЕЗУЛЬТАТОВ ИИ, СОЗДАННЫХ ПРИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКЕ: КТО СТАНОВИТСЯ ПРАВООБЛАДАТЕЛЕМ?

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена широким внедрением технологий искусственного интеллекта и отсутствием определенности в распределении прав на сгенерированные им объекты при государственном финансировании. Цель работы – определить оптимальную модель распределения исключительных прав на результаты искусственного интеллекта, созданные за счет бюджета. В ходе исследования проанализированы нормы части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации и научные подходы к природе автономного творчества. В результате мы пришли к выводу, что исключительное право должно закрепляться за лицом, организовавшим создание объекта или обладающим правами на модель искусственного интеллекта, с возможным переходом прав к публично-правовому образованию в рамках государственного контракта.

Ключевые слова: искусственный интеллект; результаты интеллектуальной деятельности; государственная поддержка; правообладатель; исключительное право; правовой режим.

Масштабное внедрение высокоавтоматизированных систем искусственного интеллекта (далее – ИИ) в сферу научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ (далее – НИОКР), субсидируемых из средств федерального либо региональных бюджетов, ставить перед отечественной цивилистикой фундаментальную научную задачу. Речь идет об определении юридической природы и порядка распределения исключительных прав на объекты, сгенерированные алгоритмами в условиях полного или частичного бюджетного финансирования.

Согласно действующему законодательству Российской Федерации, ключевым признаком охраны объекта авторским правом является присутствие творческого труда гражданина. Как указано в ст. 1257 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ): «Автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат» [1].

В случаях, когда продукт генерируется алгоритмом автономно или при минимальном участии человека (путем ввода текстового запроса – промпта), традиционная доктрина авторского права сталкивается с кризисом. Анализируя данную проблему, отметим, что вопрос о квалификации сгенерированных объектом ИИ результатов упирается в отсутствие творческого характера деятельности самой машины. Следовательно, ИИ как таковой не может признаваться автором или первичным правообладателем, права принадлежат лицу, которое «поставило задачу, организовало процесс, отобрало и доработало результат» [2].

Также, рассматривая гражданско-правовую природу ИИ, заметим, что искусственный интеллект не обладает автономной волей и юридической личностью, необходимыми для признания его автором. Это исключает возможность наделения ИИ субъектностью в системе прав на результаты интеллектуальной деятельности (далее – РИД).

Данная позиция корреспондирует разъяснениям высшей судебной инстанции. В п. 80 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 зафиксирована презумпция творческого характера человеческого участия в создании РИД. При этом техническое, тактическое или организационное содействие само по себе не образует творческого вклада и не квалифицируется в качестве основания для возникновения авторства [3]. Однако в ситуациях, когда государственная поддержка (в форме субсидий, грантов или выполнения госконтракта [4; 5; 6]) направлена на разработку алгоритмов, самостоятельно генерирующих новые РИД, возникновение прав требует специального правового регулирования.

При государственном финансировании возникает конфликт интересов между разработчиком (или пользователем) ИИ и государством как публичным инвестором. При возникновении подобных взаимоотношений между субъектами, то есть при выделении бюджетных средств на разработки с применением ИИ, государство должно четко распределять права между разработчиком и заказчиком.

Если обратиться к существующему механизму, то по ст. 1240.1 ГК РФ право на получение патента и исключительное право на РИД, созданный при выполнении госконтракта для государственных нужд, принадлежат исполнителю [1]. Заметим, что контракт может предусмотреть совместную принадлежность прав исполнителю и РФ (субъекту РФ, муниципалитету).

Российская Федерация, субъект РФ или муниципальное образование становятся правообладателями в силу закона, если: результат необходим для предоставления государственных (муниципальных) услуг либо осуществления госфункций; исполнитель в течение 12 месяцев с даты приемки работ не обеспечил совершение всех зависящих от него действий для признания за ним исключительного права; результат создан для реализации международных обязательств РФ; в иных случаях, установленных законом [1]. Если исключительное право остается у исполнителя, по требованию заказчика он обязан предоставить безвозмездную простую (неисключительную) лицензию для государственных нужд [7, п. 56]; если же право принадлежит публичному образованию, исполнитель сам вправе использовать результат на условиях безвозмездной лицензии. Согласно практике Верховного Суда РФ права на РИД, созданные за счет бюджетных средств, принадлежат Российской Федерации, если это предусмотрено госконтрактом; в противном случае у правообладателя возникает обязанность безвозмездной лицензии для госнужд [7, п. 56].

Если результат создан работником в пределах трудовых обязанностей (например, программистом-разработчиком государственного учреждения), исключительное право принадлежит работодателю, если трудовым или гражданско-правовым договором не предусмотрено иное; автор сохраняет право авторства и право на вознаграждение [1; 7]. При этом само по себе бюджетное финансирование (в том числе в форме гранта с казенного или бюджетного учреждения) не меняет этот порядок – передача прав государству должна быть прямо предусмотрена контрактом или иным договором. Однако применительно к объектам, созданным самим ИИ, правовой режим остается неурегулированным.

Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта» не устанавливает, что результаты ИИ «принадлежат государству», но: обязывает лиц, предоставляющих возможность применения больших фундаментальных моделей ИИ, уведомлять пользователя о принадлежности прав на результаты, полученные с помощью модели (ст. 10); определяет статус суверенных и национальных больших фундаментальных моделей (разработчик – российское юридическое лицо с контролем российских лиц, размещение данных в РФ и пр.) (ст. 6); предусматривает меры государственной поддержки разработчиков таких моделей, не перенося права на результаты на публичное образование (ст. 7); регулирует маркировку информационного материала, созданного с применением моделей ИИ (ст. 9) [8].

Вместе с тем данный закон не решил фундаментальную цивилистическую проблему: как квалифицировать и за кем закреплять права на результаты, полностью созданные ИИ без прямых признаков творческого труда человека.

В текущем правовом поле такие объекты либо объявляются находящимися в общественном достоянии, либо их имущественная охрана остается юридически уязвимой.

Для устранения возникшего доктринального вакуума и формирования устойчивой нормативной базы в сфере генеративных технологий представляется необходимым внесение системных изменений в часть четвертую ГК РФ. Предлагаемый ниже комплекс новелл призван модернизировать традиционный институт права интеллектуальной собственности с учетом специфики машинного генерирования и дифференцированного характера финансирования НИОКР.

Первая фундаментальная новелла заключается в институционализации самостоятельного режима правовой охраны результатов, сформированных алгоритмами без непосредственного творческого участия человека. С этой целью предлагается дополнить подраздел 3 части 4 ГК РФ новой ст. 1308.1, сфера действия которой охватывает объекты, сгенерированные системами искусственного интеллекта. В рамках данного института предлагается закрепить за изготовителем (организатором процесса генерации – инвестором, разработчиком или законным пользователем модели) первичное исключительное смежное право на сгенерированный результат со сроком охраны от 10 до 15 лет. Закрепление такого решения позволит ввести сгенерированные машиной массивы данных в легальный гражданский оборот, обеспечить надежную защиту имущественных инвестиций в инфраструктуру ИИ, а также предотвратить необоснованное монопольное распространение авторско-правового режима на неохраноспособные объекты.

Второе изменение направлено на нормативное отграничение авторского творчества от технического содействия и промпт-инжиниринга, что предлагается реализовать путем внесения изменений в ст. 1257 ГК РФ. Законодательное уточнение должно прямо зафиксировать, что ввод текстовых команд, формулирование общих параметров запроса или администрирование работы системы ИИ сами по себе не квалифицируются в качестве творческого труда и не влечет возникновения авторского права у пользователя, за исключением случаев последующей существенной творческой переработки результата гражданином. Данная норма создаст четкий критериальный аппарат для правоприменительной и судебной практики, предотвратит злоупотребления, связанные с фиктивным приписыванием авторства машинному контенту, и сохранит ценность традиционного человеческого творчества.

Третье предлагаемое нововведение решает проблему распределения прав при выполнении работ с привлечением публичных средств и предусматривает дополнение ст. 1240.1 ГК РФ положением, регулирующим статус сгенерированных ИИ-объектов в сфере государственного заказа. Предлагаемый порядок устанавливает презумпцию закрепления исключительных смежных прав на сгенерированные результаты за исполнителем госконтракта (или получателем гранта) с одновременным возникновением у публично-правового образования права на безвозмездную простую (неисключительную) лицензию для го-

сударственных или муниципальных нужд. Практическая реализация данной новеллы обеспечит соблюдение баланса интересов: государство гарантированно получает правовую возможность использовать инновации для выполнения публично-значимых функций, а частные разработчики сохраняют коммерческую мотивацию к масштабированию и внедрению решений на базе ИИ.

В совокупности предложенные законодательные новеллы формируют завершенный гражданско-правовой механизм, который снимает риски неопределенности для участников рынка, гармонизирует нормы классического авторского права со смежными институтами и обеспечивает эффективное правовое сопровождение государственных инвестиций в высокие технологии.

Пристатейный список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52 (1 ч.). – Ст. 5496.
2. Глава Роспатента: ИИ не может быть автором патента // IT-Юрист: сайт. – URL: https://it-jurist.ru/news/ii-ne-mozhet-byt-avtorom-patenta/ (дата обращения: 17.09.2026).
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2019. – 6 мая.
4. Разработчикам российского ИИ предоставили субсидии и налоговые льготы // Sostav : сайт. – URL: https://www.sostav.ru/publication/razrabotchikam-rossijskogo-ii-predostavyat-subsidii-i-nalogovye-lgoty-86851.html (дата обращения: 15.09.2026).
5. Разработчики российских ИИ-моделей смогут получить налоговый вычет – господдержку будут предоставлять ежегодно // Russian Business : сайт. – URL: https://rb.ru/news/razrabotchiki-rossijskih-ii-modelej-smogut-poluchit-nalogovyj-vychet-gospodderzhku-budut-predostavlyat-ezhegodno/ (дата обращения: 16.09.2026).
6. Власти одобрили меры поддержки разработчиков ИИ // Frank Media : сайт. – URL: https://frankmedia.ru/304303?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f (дата обращения: 17.09.2026).
7. Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав : утв. Президиумом Верховного Суда Рос. Федерации 23 сент. 2015 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 12.
8. Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2026. – № 30. – Ст. 4089.

УДК 338.47

Валерия Анатольевна Дмитриева,
студентка специалитета 5-го курса
Иркутского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия
lera18d@gmail.com

Научный руководитель:
Евгений Геннадьевич Усов,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного права и криминологии Иркутского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия
usov.evgeniy@list.ru

МОДЕРНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ «БЕЗОПАСНЫЙ ГОРОД» С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. С развитием искусственного интеллекта значительно расширяются возможности цифрового контроля. Несмотря на внедрение автоматизированной информационной системы «Безопасный город» в ряде крупных центров, ее функционал используется не в полной мере, а территориальное распространение ограничено преимущественно городами федерального значения. Целью работы выступает анализ потенциала модернизации аппаратно-программного комплекса (далее – АПК) «Безопасный город» с использованием технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ), выявление перспективных направлений применения видеоаналитики для реализации государственных задач по обеспечению безопасности. В статье раскрывается опыт применения видеоаналитики, ее существующие функции, потенциал развития и возможные риски и проблемы. Автор приходит к выводу о высокой эффективности систем видеоаналитики в предотвращении угроз на раннем этапе, однако необходима их модернизация.

Ключевые слова: видеоаналитика; Безопасный город; искусственный интеллект и цифровой контроль; безопасность; государство.

С появлением и развитием современных информационных технологий значительно расширились возможности цифрового контроля. Одним из наиболее перспективных направлений является видеоаналитика, основанная на искусственном интеллекте (далее – ИИ) и машинном обучении. Правильное применение систем видеоаналитики может не только способствовать предотвращению угроз, но и качественно трансформировать подходы к обеспечению безопасности государства.

На данный момент в ряде крупных городов России, таких как Москва, Санкт-Петербург уже внедрена автоматизированная информационная система «Безопасный город», **направленная на обеспечение правопорядка и предупреждения** возникновения чрезвычайных ситуаций на раннем этапе. Аппаратно-программный комплекс включает в себя: видеонаблюдение – камеры фиксируют события и передают данные в режиме реального времени; аналитические системы – программные средства обрабатывают информацию и выявляют угрозы; оповещение – автоматизированные инструменты информируют службы и население о происшествиях. Однако сфера использования технологий системы «Безопасный город» значительно меньше, чем на данный момент нам позволяют возможности искусственного интеллекта, также территориальная распространенность ограничена в основном лишь городами федерального значения.

Положительный опыт применения систем видеоаналитики в России зафиксирован в 2018 году, когда Российская система распознавания лиц *FindFace Security* во время чемпионата мира по футболу помогла задержать большое количество лиц, находящихся в розыске, сообщил генеральный директор госкорпорации «Ростех» Сергей Чемезов. Также он отметил, что болельщик, которому по решению суда было запрещено посещать спортивные мероприятия, пять раз пытался пройти на фанзону, используя различные аксессуары, но система каждый раз его распознавала [1]. Помимо этого известен случай использования в Москве системы «Безопасный город» в период пандемии *COVID*-19. С помощью нее осуществлялся контроль за соблюдением карантинного режима, в том числе для выявления нарушителей самоизоляции, в результате чего было выявлено более 200 граждан без индивидуальных средств защиты [2]. Тем самым, мы видим, что эффективность использования данной системы высока, что позволяет говорить о необходимости ее внедрения в других регионах страны и модернизации для борьбы с современными вызовами.

Принимая во внимание вышеизложенное, следует рассмотреть некоторые иные примеры возможного использования данных технологий. При этом бенефициаром внедрения подобных инноваций выступит государство, так как комплексная модернизация системы «Безопасный город» напрямую способствует выполнению его ключевых функций: защиты прав и свобод граждан, обеспечения общественной безопасности, охраны общественного порядка, профилактика и пресечение преступлений. Внедрение проекта позволяет автоматизировать рутинные контрольно-надзорные процессы, снизить нагрузку на правоохранительные органы за счет активного выявления угроз

и повысить общую эффективность государственного управления в сфере безопасности. В связи с вышеуказанным финансирование проекта должно осуществляться за счет государства.

Так, в рамках улучшения системы «Безопасный город» предлагаем следующие направления применения видеоаналитики: поиск пропавших без вести лиц, а также розыск лиц, совершивших преступление. Распознавание лиц частный случай видеоаналитики, которая позволяет автоматически локализовать лицо человека на видео и идентифицировать личность по характерным параметрам. Известно значительное число случаев, когда лица пожилого возраста, страдающие деменцией, дезориентируются на местности и блуждают по городу в течение нескольких дней. Так, например, 5 июля 2020 года волонтеры сообщили о розыске 78-летней омички. Женщина ушла из дома и ходила по городу больше двух суток [3]. Помимо этого, известен случай, когда в Иркутске 20 марта 2026 года пропал 16-летний молодой человек. К его поиску подключили волонтеров, сотрудников правоохранительных органов, поступали обращения к водителям транспортных средств с видеорегистраторами [4]. Однако данные методы оказались безуспешны. Исходя из примера если бы в г. Омск, г. Иркутск были внедрены системы видеоаналитики в рамках «Безопасный город», то без вести пропавшего человека можно было найти за короткий срок. Связано это с тем, что данные технологии способны подключатся к базам Министерства внутренних дел (далее – МВД), где содержится информация о разыскиваемых лицах, и городские камеры смогли бы распознать его, впоследствии направив оповещение в правоохранительные органы. Таким же образом может осуществляться поиск лиц, совершивших преступления. Преступники неизбежно ведут социальную жизнь: они вынуждены осуществлять трудовую деятельность, приобретать продукты питания. Тем самым такие лица попадают в объектив городских камер и с помощью технологий, основанных на искусственном интеллекте, можно обнаружить их местонахождение. Также эффективным направлением использования систем видеоаналитики является обнаружение оружия. Так, в 2021 году Ильназ Галявиев, известный как «Казанский стрелок» перед стрельбой в гимназии шел по улице с оружием, на что граждане не обратили внимания [5]. Применяя видеоаналитику, основанную на искусственном интеллекте, способную распознать оружие, можно предотвратить подобные преступления. Алгоритм действий следующий: программное обеспечение системы, автоматически проанализировав поток, распознает формы и текстуры оружия, затем обратится к базе данных Федеральной службы войск национальной гвардии РФ (далее – Росгвардия) по всем владельцам оружия. Далее программное обеспечение сопоставит биометрию человека с оружием, зафиксированного на камере, и базой данных, проверив, имеется ли разрешение на ношение оружия. В случае отсутствия такого разрешения система видеоаналитики будет автоматически уведомлять сотрудников правоохранительных органов. Для реализации данного предложения необходимо также разработать нормативный порядок ведения Росгвардией биометрического учета лиц, получающих разрешение на ноше-

ние оружия. Тем самым, данная норма параллельно с системой видеоаналитики позволит пресекать преступления на этапе приготовления. Еще одним критически важным и перспективным направлением модернизации системы «Безопасный город» является обнаружение беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА). На сегодняшний день эта задача не интегрирована в функционал АПК «Безопасный город», так как он изначально проектировался для контроля наземной обстановки. В этом контексте показателен опыт госкорпорации «Ростех», специалисты которой создали специализированную нейросеть для повышения эффективности оптических детекторов дронов. Данная технология позволяет программному обеспечению отличать беспилотники от птиц и других объектов даже при плохой видимости и сложных метеоусловиях [6]. Подобное обнаружение дрона средствами видеоаналитики на раннем этапе поможет обезопасить граждан и инфраструктуру. Алгоритм действий модернизированной системы должен выглядеть следующим образом: городские камеры фиксируют низколетящий малогабаритный объект, затем нейросеть идентифицирует его как БПЛА, после чего система автоматически определяет траекторию полета, точку взлета оператора и предполагаемую цель атаки. Это дает правоохранительным органам необходимое время для принятия мер.

Немаловажным направлением применения систем видеоаналитики является выявление мигрантов, незаконно проживающих на территории РФ. Исходя из части 1 статьи 5 Федерального закона №115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», у мигрантов должны быть разрешающие документы, от которых зависит срок их возможного временного пребывания [7]. Распространены случаи, когда у иностранных граждан истекает срок действия таких документов, однако они приобретают поддельные, с которыми продолжают пребывать на территории России. При модернизации системы «Безопасный город» предложенными нами способами удастся отслеживать нелегальных мигрантов в автоматическом режиме. Программное обеспечение после анализа видеопотока в режиме реального времени проверит единую базу иностранцев, и при обнаружении истечения сроков разрешения у конкретного лица, уведомит сотрудников МВД. С такими технологиями поддельные документы не будут иметь значение, так как видеоаналитика автоматически проверяет единую базу данных. Также одним из направлений модернизации АПК «Безопасный город» выступает предотвращение преступлений с помощью распознавания агрессивного поведения: драк, конфликтов и автоматическом оповещении сотрудников правоохранительных органов.

Однако несмотря на потенциал, внедрение видеоаналитики сталкивается с рядом проблем. Во-первых, это высокая нагрузка на инфраструктуру: требуются мощные серверы и настройка, необходимо создание единой сети, которая бы собирала информацию со всех видеокамер на территории России в облако. Во-вторых, ошибки программы, которые могут неправильно распознавать оружие, лица людей, события. Например, система видеоаналитики может воспринять «шуточный» конфликт за реальную угрозу. Так, москви-

ча Сергея Межуева, система распознавания лиц в метро ошибочно приняла за преступника. В итоге мужчину задержали, собрали все данные и не сняли подозрения, пока реальный подозреваемый не нашелся [2]. Кроме того, технология часто демонстрирует разную точность в зависимости от этнической принадлежности человека. Исследование Национального института стандартов и технологий показало, что вероятность ошибок при распознавании лиц у граждан африканского и азиатского происхождения значительно выше, чем у европейцев [8]. В-третьих, говоря о выявлении факта ношения оружия, могут быть случаи, когда легальные владельцы оружия используют его не в правомерных целях, с плохими намерениями. Тогда системы видеоаналитики не будут фиксировать указанных лиц, в связи с тем, что программа будет видеть наличие лицензии, и предотвратить преступление в таком случае не представляется возможным. И наконец, недостатком может выступать уязвимость систем к хакерским атакам и утечкам данных.

Таким образом, АПК «Безопасный город» эффективно способствует предотвращению угроз на раннем этапе, однако возможности ИИ в данном случае используются не в полной мере, а охват регионов пока неравномерен: в крупных городах технологии внедряются быстрее, тогда как в малых населенных пунктах существующие системы часто ограничены простой записью без аналитики. Также для повсеместного внедрения и реализации данного проекта требуется финансовая поддержка со стороны государства.

Действительно, применение видеоаналитики имеет ряд недостатков, однако потенциальная польза от внедрения данной системы превышает возможные риски и способствует усилению эффективности цифрового контроля и впоследствии повышению уровня общественной безопасности. Тем самым, модернизация АПК с использованием ИИ станет закономерным шагом к усилению эффективности цифрового контроля и качественному повышению уровня общественной безопасности во всех регионах страны».

Пристатейный список литературы

1. Кражу спонсорского кубка ЧМ-2018 предотвратили благодаря системе распознавания лиц NtechLab // Медиа : сайт. – URL: https://rostec.ru/media/pressrelease/sergey-chemezov-krazhu-sponsorskogo-kubka-chm-2018-predotvratili-blagodarya-sisteme-raspoznavaniya-l/?ysclid=mgjeylespi406901369#middle (дата обращения: 30.09.2025).
2. Как работает распознавание лиц и можно ли обмануть эту систему // РБК : сайт. – URL: https://trends.rbc.ru/trends/industry/6050ac809a794712e5ef39b7 (дата обращения: 24.08.2026).
3. В Омске нашли бабушку в цветной одежде, пропавшую три дня назад // Новый Омск : сайт. – URL: https://newsomsk.ru/news/104484-omskaya_babushka_v_tsvetnoy_odejde_kotoraya_propal/?ysclid=mgjfwxu99p790373301 (дата обращения 28.08.2026).

4. Что скрывает история загадочно пропавшего в Иркутске 16-летнего парня // Комсомольская правда : сайт. – URL: https://www.irk.kp.ru/daily/27772/5233200/ (дата обращения 11.09.2026).
5. Путь казанского стрелка с оружием в руках запечатлели уличные камеры // ЛЕНТВ 24 : сайт. – URL: https://lentv24.ru/put-kazanskogo-strelka-s-oruziem-v-rukax-zapecatleli-ulicnye-kamery.htm (дата обращения 30.08.2026).
6. В Росстехе создали нейросеть для повышения эффективности оптических детекторов дронов // ТАСС : сайт. – URL: https://tass.ru/ekonomika/21333145 (дата обращения 12.09.2026).
7. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
8. Распознавание лиц с помощью аналитики // CVC : сайт. – URL: https://cvc.ai/raspoznavanie-lic?ysclid=mgjht96d6415646236 (дата обращения: 03.09.2026).

УДК 34.096

Илья Константинович Жилин,
студент бакалавриата 4-го курса факультета высшего образования
Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Сочи, Россия
iliya2014zhilin@gmail.com

Научный руководитель:
Лариса Анатольевна Резванова,
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права
и государственно-правовых дисциплин факультета высшего образования
Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Сочи, Россия
lrezvanova1@yandex.ru

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ В ЮРИДИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Аннотация. Расширение применения искусственного интеллекта в юридической сфере требует согласования технологических возможностей с гарантиями защиты прав человека. В статье рассматриваются направления совершенствования государственного регулирования Искусственного интеллекта в России. Предлагается единая модель его использования от нормотворчества до мониторинга правоприменения, позволяющая выявлять правовые коллизии и предупреждать юридические ошибки. Подчеркивается необходимость усиления правовых гарантий соразмерно влиянию алгоритмических выводов на права граждан при сохранении проверяемости результатов, человеческого контроля и персональной ответственности за принимаемые решения.

Ключевые слова: искусственный интеллект; государственное регулирование; судопроизводство; правоприменение; человеческий контроль; правовые риски; цифровизация права.

Искусственный интеллект (далее – ИИ) становится частью юридической практики: помогает искать правовую информацию, анализировать судебные акты и готовить проекты документов. Однако эффективность технологии неотделима от допустимых пределов ее использования. Ошибка алгоритма, повлиявшая на судебный акт или отказ в государственной услуге, непосредственно затрагивает права гражданина. Основная проблема заключается в разграничении функций, которые могут быть автоматизированы, и юридически значимых решений, требующих самостоятельной оценки человека. Формальное подписание машинного вывода должностным лицом не обеспечивает такого контроля.

Основы современной нормативной базы определяет Федеральный закон от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» [1]. В нем закреплены определение ИИ и принципы его регулирования: защита прав и свобод человека, уважение автономии и свободы воли, безопасность, технологическая независимость и риск-ориентированный подход.

Данный правовой акт предусматривает меры финансовой, имущественной, гарантийной и информационной поддержки разработки и применения больших фундаментальных моделей ИИ, а также доступ разработчиков суверенных и национальных моделей к государственной поддержке. Эти механизмы создают предпосылки для развития отечественных юридических ИИ-систем.

Вместе с тем правовое предписание не следует рассматривать как исчерпывающий отраслевой режим применения любых ИИ-систем в юридической деятельности. Значительная часть его положений посвящена большим фундаментальным моделям, их разработчикам и мерам государственной поддержки. Поэтому конкретные правила использования ИИ в судопроизводстве, нормотворчестве, контрольно-надзорной деятельности и при принятии индивидуальных административных решений должны получать дальнейшую отраслевую конкретизацию. И. В. Понкин подчеркивает, что совершенствование регулирования искусственного интеллекта требует выявления пробелов законодательства и определения первоочередных мер по его изменению [2, с. 115].

Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 в редакции Указа от 15 февраля 2024 г. № 124, связывает развитие технологий с защитой прав человека [3]. Пункт 49 предусматривает делегирование информационным системам отдельных решений, исключая решения, способные ущемлять права граждан, и устанавливает ограничения для функций, связанных с безопасностью населения и государства.

В научной литературе аналогичный подход выражается через требования отслеживаемости, объяснимости, прозрачности, проверяемости и подотчетности ИИ-систем. В. Б. Наумов, С. А. Чеховская, А. Ю. Брагинец и А. В. Майоров справедливо связывают допустимость передачи отдельных функций алгоритмам с сохранением человеческого контроля, возможностью проверки полученного результата и определением ответственности за последствия

использования технологии [4, с. 9]. Таким образом, развитие искусственного интеллекта в праве предполагает не простую автоматизацию существующих операций, а формирование специального режима доверенного применения технологии.

Практическое внедрение ИИ происходит и в деятельности органов юстиции. В 2026 году Минюст России сообщил о тестировании ИИ для правовой и антикоррупционной экспертизы ведомственных нормативных актов, подчеркнув, что итоговые выводы остаются за юристом [5]. Технология позволяет выявлять повторяющиеся формулировки, устаревшие ссылки и противоречия. Однако оценка коррупциогенного фактора и соответствия акта законодательству требует профессиональной интерпретации и ответственности конкретного специалиста.

Наиболее системный пример отраслевого регулирования представлен в судебной сфере. Приказом Верховного Суда Российской Федерации от 3 сентября 2026 г. № 59-П утверждена Концепция внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство Российской Федерации [6]. В ней закреплены принципы защиты прав и свобод человека, вспомогательного характера ИИ, законности, прозрачности, объяснимости, контролируемости, качества и достоверности, конфиденциальности и технологической независимости. Принципиально важно, что Концепция прямо фиксирует: искусственный интеллект является инструментом помощи судье, а окончательное решение остается за человеком.

Концепция охватывает весь жизненный цикл судебного дела: обработку документов, поиск практики, подготовку справок, протоколирование заседаний, выявление противоречий в доказательствах и подготовку проектов процессуальных документов. Предварительная оценка вероятного исхода допускается лишь по типовой категории дела и не должна подменять рассмотрение конкретного спора.

Отдельного внимания заслуживает появление элементов процессуальной прозрачности. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 мая 2026 г. № 15 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» предусматривает, что лица, представившие суду сведения о фактах, полученные с использованием технологий искусственного интеллекта, должны сообщить об этом суду [7]. Данное положение пока относится к конкретному процессуальному контексту, однако оно показывает общее направление развития регулирования: использование ИИ в юридически значимой деятельности не должно быть скрытым от других участников процедуры.

Специфика юридической деятельности требует учитывать не только потенциальную пользу, но и характер ошибок, свойственных современным моделям искусственного интеллекта. Е. В. Ширеева обращает внимание на риск ложных корреляций в системах искусственного интеллекта, связанный с динамичностью права и изменением судебного толкования норм [8, с. 37]. Концепция Верховного Суда содержит отдельную матрицу рисков, в которой

к числу наиболее значимых отнесены формирование несуществующих норм и судебных актов, систематическое смещение обучающих данных, утечки персональных данных, кибератаки, снижение независимости судьи и нарушение прав сторон на справедливое судебное разбирательство.

Если результат ИИ существенно повлиял на решение, затрагивающее права гражданина, следует предусмотреть уведомление об использовании такой системы и возможность оспаривания юридически значимого вывода, сформированного с ее применением [9, с. 49]. Это позволит избежать ситуации, при которой должностное лицо лишь формально утверждает машинную рекомендацию без самостоятельной проверки.

Перспективным направлением является формирование сквозной модели использования ИИ на всех стадиях жизненного цикла правовой нормы. Ее цель состоит не в замене законодателя, должностного лица или судьи, а в выявлении юридических рисков и передаче их человеку для принятия окончательного решения.

На стадии нормотворчества целесообразно развивать предварительный интеллектуальный нормоконтроль. Такая система могла бы сопоставлять проекты нормативных актов с актами более высокой юридической силы, проверять ссылки и терминологию, выявлять противоречия, дублирование и нормы, требующие одновременной корректировки. В рамках антикоррупционной экспертизы ИИ может предварительно выявлять формулировки, содержащие признаки типовых коррупциогенных факторов, при сохранении окончательного заключения за специалистом в порядке, установленном Федеральным законом от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ и соответствующей методикой [10].

Предлагаемая сквозная модель ориентирована на сопровождение всего жизненного цикла правовой нормы. Она способна повысить согласованность законодательства, предупреждать юридические ошибки и быстрее выявлять неоднородную практику, сохраняя ключевой принцип: искусственный интеллект должен помогать человеку принимать юридически обоснованное решение, но не подменять субъекта, наделенного законом соответствующими полномочиями и ответственностью.

Пристатейный список литературы

1. Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
2. *Понкин, И. В.* Государственное управление и регуляторное пространство в сфере искусственного интеллекта / И. В. Понкин // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 11 (99). – С. 108–116. – URL: https://vestnik.msal.ru/jour/article/download/1899/1920 (дата обращения: 16.09.2026).

3. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС «Консультант Плюс».
4. Правовые аспекты использования искусственного интеллекта: актуальные проблемы и возможные решения: доклад НИУ ВШЭ / рук. авт. кодл. В. Б. Наумов, С. А. Чеховская, А. Ю. Брагинец, А. В. Майоров. – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. – 42 с. – URL: https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/480106412.pdf (дата обращения: 12.09.2026).
5. Минюст РФ тестирует искусственный интеллект в процессе нормотворчества // Интерфакс : сайт. – URL: https://www.interfax.ru/digital/1082525 (дата обращения: 16.09.2026).
6. Приказ Верховного Суда Российской Федерации от 03.09.2026 № 59-П «Об утверждении Концепции внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.05.2026 № 15 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // СПС «КонсультантПлюс».
8. *Ширеева, Е. В.* Правовые основы применения и практики внедрения искусственного интеллекта при осуществлении судебного контроля / Е. В. Ширеева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – № 3. – С. 30–39. – URL: https://journals.vsu.ru/law/ru/article/download/3005/3038 (дата обращения: 16.09.2026).
9. *Кабытов, П. П.* Прозрачность государственного управления в условиях автоматизированного принятия решений / П. П. Кабытов, Н. А. Назаров // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2025. – Т. 18, № 3. – С. 28–55. – URL: https://journals.rcsi.science/2072-8166/article/download/318081/292477 (дата обращения: 16.09.2026).
10. Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 342.9

Денис Григорьевич Исаков,
студент 4-го курса бакалавриата факультета высшего образования
Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Санкт-Петербург, Россия
isakov.d.g@mail.ru

Научный руководитель:
Егор Викторович Трофимов,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры
государственно-правовых дисциплин факультета высшего образования
Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Санкт-Петербург, Россия
diterihs@mail.ru

ЦИФРОВОЕ БЕЗМОЛВИЕ: ПОЧЕМУ ДОКТРИНА АДМИНИСТРАТИВНОГО МОЛЧАНИЯ НЕ ПРИМЕНИМА К ИИ-АССИСТЕНТАМ

Аннотация. В настоящей статье рассматривается возможность применения концепции молчания к ситуациям использования технологий искусственного интеллекта при взаимодействии с гражданами. Анализируются подходы к административному молчанию, а также причины слабой разработанности данной концепции в российской доктрине. Сделан вывод о том, что прямое введение концепции молчания в публичный сектор, при использовании искусственного интеллекта невозможно, и предложено закрепить обязанность уведомлять потребителя о взаимодействии с искусственным интеллектом.

Ключевые слова: искусственный интеллект; молчание; информированное согласие; потребитель; коммуникация; Интернет.

Третье десятилетие XXI века ознаменовало собой резкий рост развития нейросетей и лавинообразное внедрение технологий искусственного интел-

лекта во многие сферы деятельности человека, особое место среди них занимает сфера коммуникации: сегодня алгоритмы все чаще подменяют собой живого оператора – в службах поддержки, при обработке заявок, в чатах на сайтах и в голосовых ассистентах. Компании и публичные органы, стремясь снизить издержки и ускорить обслуживание, внедряют такие решения массово и, как правило, без получения предварительного согласия клиента. Потребитель может даже не подозревать, что на другом конце диалога находится не человек, а программа, имитирующая человеческую речь, поскольку искусственный интеллект – это свойство интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются присущими только человеку [1, с. 526]. Возникает ситуация, требующая юридического осмысления: можно ли считать подобное взаимодействие правомерным, и если да, то в каких пределах? В поисках ответа представляется продуктивным обратиться к концепции молчания – конструкции, которая описывает правовые последствия отсутствия воли и действия со стороны субъекта, наделенного полномочиями.

Прежде чем перейти к анализу возможности применения концепции молчания к отношениям с участием искусственного интеллекта, необходимо определить, что именно понимается под молчанием в правовой доктрине и какие правовые режимы с ним связаны.

В юридической литературе молчание рассматривается как правомерное или неправомерное бездействие субъекта правоотношения, из которого вытекает условное содержание воли субъекта по правовому вопросу – условное согласие или несогласие и (или) с которым позитивное право непосредственно связывает возникновение правовых последствий. Как отмечает А. С. Гамбарян, молчание проявляется в нескольких правовых режимах: как способ отказа от субъективного права, как конституционное право, как юридическая обязанность, как элемент наказания, как законодательный пробел, как квалифицированное молчание правотворческих органов, а также как противоправное бездействие [2, с. 20].

Наибольший интерес для целей настоящей статьи представляет так называемое административное молчание – это юридический факт, который в одном случае непосредственно приводит к правовым последствиям, а в другом – опосредованно влечет за собой правовые последствия через предполагаемое или фиктивное волеизъявление (согласие или несогласие) [3, с. 746].

В доктрине выделяются две принципиально различные модели имплицитных административных актов. Первая – негативная, основана на принципе «молчание – знак отказа» (*silent refusal*). Если административный орган не ответил на обращение в срок, считается, что он отказал. Изначальной целью этой конструкции было обеспечение доступа частных лиц к судебной защите в тех правопорядках, которые допускали судебную проверку законности только административных актов, но не бездействия. Молчание здесь превращается в юридический факт, в дающий гражданину возможность оспорить «подразумеваемый отказ» в суде.

Вторая модель – позитивная, базируется на принципе «молчание – знак согласия» (*silent consent*). Если орган не ответ считается, что он разрешил соответствующее действие или принял благоприятное для заявителя решение. Эта модель используется как инструмент повышения эффективности публичной администрации, упрощения и ускорения административных процедур, стимулирования экономической активности. Кроме того, из административного молчания в принципе может не следовать никакого фиктивного вывода [4, с. 64]. Именно позитивная модель получила наиболее широкое распространение в европейских правопорядках, однако, как показывает сравнительно-правовой анализ, в реальной практике европейских государств редко встречаются «чистые» модели. Чаще всего законодательство сочетает оба принципа применительно к разным видам административных процедур. Это свидетельствует о том, что выбор между «молчаливым отказом» и «молчаливым согласием» не является вопросом принципиальной правовой природы, а представляет собой инструментальный выбор, обусловленный целями регулирования в конкретной сфере.

При всей разработанности европейской доктрины подразумеваемых административных актов Российское право остается в стороне от этой традиции концепция административного молчания в отечественной науке практически не разработана [5. с. 105], а законодательство не содержит общих норм о юридических последствиях бездействия публичной администрации.

Отдельные элементы «молчаливого согласия» встречаются в гражданском праве- например, в договорных отношениях, где молчание может рассматриваться как акцепт, если это следует из закона, обычая или прежних деловых отношений сторон. Однако в административно-правовой сфере аналогичные конструкции отсутствуют. Российский законодатель традиционно исходит из того, что бездействие органа – это нарушение, а не способ порождения правовых последствий [5, с. 107].

Такое положение дел создает правовую неопределенность. С одной стороны, гражданин, не получивший ответа в срок, может оспорить бездействие в суде. С другой, отсутствует механизм, при котором молчание автоматически порождало бы благоприятные для заявителя последствия. Это означает, что российское право не восприняло ни негативную, ни позитивную модель имплицитных административных актов в сколько-нибудь систематизированном виде.

Описанная неопределенность приобретает особое звучание в контексте цифровизации. Если в классической модели административного молчания «молчит» орган публичной власти, то есть субъект, наделенный полномочиями и способный выразить волю, то сегодня все чаще «молчит» не человек, а алгоритм. Внедряются чат-боты, голосовые ассистенты и системы автоматической обработки заявок, которые вступают с клиентом в диалог от имени организации. При этом клиент зачастую не осведомлен о том, что общается с программой, а не с живым оператором.

Однако здесь обнаруживается принципиальное различие, которое не позволяет механически перенести концепцию молчания на новую почву. Административное молчание – это бездействие: орган не совершает действий,

не отвечает, не принимает акт. Искусственный интеллект, напротив, активен: он генерирует ответы, задает вопросы, имитирует человеческую речь. Это не молчание, а имитация коммуникации. Именно эта подмена, когда видимость диалога создается алгоритмом без ведома второй стороны, и становится центральной правовой проблемой.

Таким образом, если концепция молчания и дает нам аналитическую рамку, то лишь в негативном смысле: она показывает, чем не является взаимодействие с искусственным интеллектом без согласия клиента. Это не молчание и не бездействие, это активная имитация присутствия, требующая самостоятельного правового осмысления.

Пока российская доктрина остается в стороне от осмысления «имитации коммуникации», практика уже накапливает материал для будущих правовых позиций. Показателен случай, когда Федеральная антимонопольная служба оштрафовала оператора связи на 800 тысяч рублей за рассылку рекламных *SMS* без согласия абонента. Рассылкой занимался чат-бот компании, но ответственность легла на оператора как на рекламораспространителя (ФАС оштрафовала «Мегафон» на 800 тысяч за навязчивую рекламу воронежцам // Коммерсантъ. 2025. 30 июля. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7925542 (дата обращения: 13.09.2026)). Этот случай демонстрирует важную тенденцию: когда алгоритм действует от имени компании, юридические последствия «молчаливого» или «активного» поведения бота возлагаются на саму компанию. Однако это лишь частный случай – он не создает общей доктрины.

Более системный сигнал исходит от Банка России. Заместитель председателя ЦБ Михаил Мамута публично заявил, что государство должно сформулировать принципы этики и нейтральности при использовании ИИ в оказании услуг, установить, «какие оговорки, дисклеймеры и пояснения предоставляются человеку при навигации с использованием искусственного интеллекта». По его словам, регулятор пока идет «по пути методических рекомендаций», не переходя к жесткому нормативному регулированию (В ЦБ призвали определить принципы этики для ИИ-ассистентов // ТКС.РУ. 2026. 17 июля. URL: https://www.tks.ru/technology/2026/07/17/0004/v-tsb-prizvali-opredelitprintsipyi-etiki-dlya-ii-assistentov/ (дата обращения: 13.09.2026)).

Параллельно крупнейшие банки приняли Кодекс нейросетевой этики, предложенный ЦБ. Документ содержит рекомендации по информированию клиентов о применении нейросетей и закрепляет за клиентами право «в тех или иных случаях отказаться от взаимодействия с искусственным интеллектом». Но это именно рекомендации, а не правовые нормы. Клиент, столкнувшийся с ИИ-ботом без уведомления, по-прежнему не имеет четкого правового механизма защиты, и вот в чем парадокс регулятор признает необходимость уведомления, но обязанности уведомлять – нет. А значит, согласие клиента на взаимодействие с ИИ фактически не требуется. Молчание клиента – это не юридически значимое волеизъявление, а просто отсутствие информации.

И здесь возникает ключевой вопрос: можно ли считать молчание клиента согласием на взаимодействие с алгоритмом?

Если проводить параллель с административным молчанием, где молчание органа по истечении срока порождает правовые последствия, то логика была бы такой: клиент не возразил против искусственного интеллекта – значит, согласился. Но эта аналогия не работает по трем причинам.

Первая. Административное молчание предполагает, что субъект знал о поступившем обращении и имел возможность на него ответить в срок. Клиент, не подозревающий, что общается с ботом, лишен самой возможности возразить. Его молчание – не воля, а неведение.

Вторая. В административном праве молчание – это бездействие, из которого закон извлекает последствия. В случае с ИИ «молчит» не клиент, а сама организация, она не раскрывает факт использования алгоритма. Молчание здесь на стороне сильного, а не слабого субъекта.

Третья. Классическая модель молчаливого согласия строится на том, что молчание презюмируется как согласие, если закон это прямо устанавливает. В отсутствие такого закона молчание не может толковаться в пользу компании. Наоборот – именно компания обязана получить согласие, а не клиент обязан возразить.

Таким образом, отсутствие информированного согласия – это не пробел в правовом регулировании, а структурный дефект самой конструкции взаимодействия с искусственным интеллектом. Организация ставит алгоритм, клиент не знает об этом, а правовая система не признает за ним права на отказ.

Теперь можно систематизировать вывод, к которому мы шли на протяжении всей статьи. Административное молчание и взаимодействие с ИИ – это не аналогичные конструкции, а противоположные по своей природе прямая рецепция концепции молчания невозможна. Административно-правовая конструкция описывает ситуацию, когда молчит власть, а последствия наступают для гражданина. В случае с ИИ все наоборот: молчит (точнее, не раскрывает информацию) организация, а последствия в виде отсутствия выбора наступают для клиента.

Это не просто иная фактическая ситуация. Это иная правовая логика, которая требует самостоятельного регулирования, а не механического переноса административно-правовых конструкций. Сегодня российское право не содержит ни одной прямой нормы, которая регулировала бы «имитацию коммуникации» со стороны ИИ без согласия клиента. Кодекс нейросетевой этики, предложенный ЦБ, носит рекомендательный характер: банки могут его принять, но могут и проигнорировать, и это не влечет юридической ответственности. В результате компания использует ИИ в общении с клиентами, не уведомляя их, а клиент, обнаружив это, не может опереться на конкретную норму, потому что такой нормы просто нет.

Посему мне видится три пути регулирования: Первый – обязательная маркировка. Организация обязана в начале диалога сообщить: «Вы взаимодействуете с искусственным интеллектом». Неисполнение со стороны компа-

нии будет считаться правонарушением. Второй – подразумеваемое согласие. Если клиент после уведомления продолжает диалог, считается, что он согласен на взаимодействие с ИИ. Но это требует, чтобы уведомление было своевременным и понятным. Третий – Использование Искусственного интеллекта допускается только после явного согласия клиента. Это заблокирует большинство автоматизированных сервисов, но обеспечит максимальную защиту потребителя. Наиболее реалистичным сегодня представляется первый путь: маркировка не трудозатратная, не блокирует сервисы и создает основу для последующего регулирования согласия.

В заключение хочется сказать, что Концепция молчания в административном праве дает полезную аналитическую рамку, но не может быть механически перенесена: там, где молчит орган, последствия наступают для гражданина; там, где компания скрывает использование ИИ, выбора лишается клиент. Молчание клиента в такой ситуации – не согласие, а неосведомленность, и потому не имеет юридического значения. Отсюда следует вывод: правовое регулирование должно строиться не на аналогии с «молчаливым согласием» или «молчаливым отказом», а на самостоятельной обязанности организаций раскрывать факт применения ИИ при взаимодействии с потребителем. Именно маркировка – наиболее реалистичный первый шаг: она не блокирует сервисы, не требует больших издержек и создает основу для последующего регулирования согласия. Только после раскрытия выбор клиента – продолжить диалог или отказаться – приобретает юридическую силу.

Пристатейный список литературы

1. *Харитонова, Ю. С.* Технология искусственного интеллекта и право: вызовы современности / Ю. С. Харитонова, В. С. Савина // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2020. – Вып. 49. – С. 524–549.
2. *Гамбарян, А. С.* Правовые режимы молчания и фиктивных выводов, вытекающих из него / А. С. Гамбарян // Журнал российского права. – 2019. – № 12. – С. 19–29.
3. *Гамбарян, А. С.* Молчание и молчаливое согласие в публичном праве Армении: правовая фикция, презумпция или субституция? / А. С. Гамбарян // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2021. – Т. 12, № 3. – С. 728–751.
4. *Маслов, В. В.* Фиктивные (подразумеваемые) административные акты: перспективы интеграции в российское законодательство / Маслов В. В. // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2022. – № 3 (13). – С. 61–70.
5. *Андреев, Д. С.* Подразумеваемые административные акты. Часть вторая / Д. С. Андреев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2024. – Т. 15, № 1. – С. 105–118.

УДК 342.9:004.8

Ульяна Андреевна Калюта,
студентка специалитета 4-го курса юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
u.kalyuta@mail.ru

Научный руководитель:
Александр Николаевич Кокорев,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры административного, финансового
и информационного права юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
alex.kokorev@mail.ru

СУВЕРЕННАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БОЛЬШАЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЗАКОНЕ № 243-ФЗ: СТАТУС И МЕРЫ ПОДДЕРЖКИ

Аннотация. Федеральный закон от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ закрепил виды суверенной и национальной модели искусственного интеллекта (ИИ), отнесение к которым связывается с правом разработчика на доступ к мерам государственной поддержки. Одной из проблем настоящего закона является закрепление мер поддержки, при отсутствии определения их содержания и порядка предоставления. В статье автор анализирует положения закона и высказывает предложения по устранению пробелов.

Ключевые слова: искусственный интеллект; большая фундаментальная модель искусственного интеллекта; меры государственной поддержки; правовой статус; разработчик.

До принятия Федерального закона от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации»

(законопроект № 1271570-8) отношения в сфере искусственного интеллекта не имели специального законодательного регулирования. Они определялись документами стратегического планирования и актами рекомендательного характера. Так, Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года установила понятия искусственного интеллекта и его технологий, цели и основные задачи развития [1]. Была определена задача по созданию комплексной системы правового регулирования связанных с ними общественных отношений (подп. «ж» п. 24) и внедрения доверенных технологий искусственного интеллекта в отдельных сферах. Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года, также прямо указывала на отсутствие специального законодательного регулирования (п. 1 раздела I «Общие положения») [2]. Отношения в сфере ИИ частично регулировались экспериментальными правовыми режимами, введенными в тех сферах, где такие технологии применяются: в медицинской деятельности, на транспорте и при предоставлении государственных и муниципальных услуг, на основе национальных стандартов, применяемых на добровольной основе, актами Банка России [3], Федеральной службой по техническому и экспортному контролю России [4]. Однако их предметом выступали информационные системы, решения и программное обеспечение с применением технологий искусственного интеллекта, а не сами модели. Большая фундаментальная модель искусственного интеллекта (далее – БФМ ИИ) не была выделена в качестве объекта требований ни в одном из этих актов, и ни один из них не связывал с ней мер государственной поддержки.

В марте 2026 года Минцифры России представило законопроект «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» [5]. Он касался любых технологий искусственного интеллекта, вводил понятия разработчика, оператора, пользователя и владельца сервиса, предусматривал подтверждение соответствия модели требованиям безопасности и отдельные правила ответственности. Данная инициатива не была принята, а 25 июня 2026 года в Государственную Думу был внесен законопроект № 1271570-8 «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации». Менее чем за месяц законопроект был рассмотрен и принят. Так, изменилось количество статей: их стало 13 вместо прежних 21, законопроект закрепил пять основных понятий, а предмет регулирования ограничился БФМ ИИ [6]. Центральную конструкцию закона составляют положения о категориях суверенной и национальной БФМ ИИ, порядок учета и присвоения статуса которых установлен частью 5 статьи 6 и отнесен к компетенции Правительства Российской Федерации.

С наличием статуса суверенной или национальной модели закон связывает право ее разработчика на меры государственной поддержки (ст. 7). Содержание таких мер закон не устанавливает, их определяет Правительство Российской Федерации (п. 2 ч. 2 ст. 5). В статье 7 перечисляются права разработчика, причем первым из них определено право получать доступ к мерам поддержки без указания порядка их приобретения.

Основные положения закона действуют с 1 сентября 2026 года, а определения суверенной и национальной модели, критерий российского юридического лица и порядок присвоения статуса (ч. 2–5 ст. 6), полномочие Правительства РФ устанавливать случаи обязательного применения таких моделей (п. 3–5 ч. 2 ст. 5) и обязанности разработчика (ст. 8–10) вступают в силу 1 марта 2027 года [7]. Право на поддержку уже предоставлено, а установить, к какой модели и к какому разработчику оно относится, в текущий момент нет основания, так как критерии не действуют и порядок учета и присвоения статуса Правительством РФ не установлен.

Закон выделяет два вида БФМ ИИ – суверенную и национальную (ч. 2, 3 ст. 6) и предъявляет несколько групп требований к ним.

Первая группа требований обращена к модели как объекту: к ее существенным характеристикам, к циклу разработки и к содержанию [8, с. 8–9]. Таким образом, национальной признается модель, существенные характеристики которой, включая структуру, программное обеспечение и настраиваемые параметры, определяются и изменяются российскими юридическими лицами, перечень которых определяется Правительством РФ (п. 2 ч. 3 ст. 6). Проблема здесь заключается в том, что из данной формулировки не следует, вправе ли Правительство РФ дополнять названный перечень и как его изменение может отразиться на модели, статус которой был присвоен до этого.

Суверенной признается модель, в отношении которой обеспечена полная техническая и технологическая воспроизводимость цикла разработки, включая обучение (п. 3 ч. 2 ст. 6). В данном случае проблема заключается в том, что норма говорит о воспроизводимости цикла разработки, но не указывает, что именно подлежит сохранению и повторению. Цикл раскрывается через использование составов данных и через подбор числовых значений параметров модели, а также параметров процесса обучения (п. 3 и 4 ст. 3), однако ни признак, по которому сгруппированы данные, ни содержание этих параметров законом не раскрываются. Набор характеристик: структура, программное обеспечение и настраиваемые параметры, названы лишь применительно к национальной модели (п. 2 ч. 3 ст. 6), и неясно, переносятся ли они на требование о воспроизводимости или нет.

Вторая группа требований относится к субъекту – разработчику моделей. Оба вида моделей допускаются только при условии, что их разработчиком выступает российское юридическое лицо (п. 1 ч. 2 и ч. 3 ст. 6). Российским юридическим лицом признается лицо, находящееся под контролем Российской Федерации, и (или) субъекта Российской Федерации, и (или) муниципального образования(-й), и (или) гражданина Российской Федерации, не имеющего гражданства иностранного государства, и (или) контролируемых ими совместно или по отдельности лиц, если иное не предусмотрено международным договором (ч. 4 ст. 6).

Под «контролем» понимается возможность определять решения, принимаемые российским юридическим лицом, в силу наличия права прямо или косвенно распоряжаться более чем пятьюдесятью процентами общего

количества голосов, приходящихся на голосующие акции (доли), составляющие уставный капитал данного юридического лица. Следовательно, контроль может быть установлен лишь над организацией, уставный капитал которой разделен на голосующие акции (доли), и потому критерий неприменим к организациям иных организационно-правовых форм, не предусматривающих уставной капитал с таким делением. Ни одна из таких организаций априори не может быть разработчиком ни суверенной, ни национальной модели.

Также необходимо отметить, что закон в пункте 5 статьи 3 разработчиком БФМ ИИ называет как юридическое лицо, так и индивидуального предпринимателя, осуществляющего разработку, в том числе проектирование и обучение, или модификацию модели. Однако уже в пункте 1 части 2 и пункте 1 части 3 статьи 6, при присвоении модели статуса «национальной» или «суверенной», называет только российское юридическое лицо, исключив таким образом индивидуального предпринимателя из числа возможных разработчиков БФМ ИИ.

Таким образом, в законе имеется внутреннее противоречие – понятие «разработчика» употреблено в нормах о мерах поддержки, об исключении для обучения модели и об обязательных случаях ее применения, и в каждой из них субъект оказывается уже, чем в определении пункта 5 статьи 3 закона [9, с. 91].

Третья группа требований относится к инфраструктуре. Отнесение модели к соответствующему виду поставлено в зависимость от расположения и принадлежности центров обработки данных, расположенных на территории Российской Федерации и принадлежащих российским юридическим лицам, в которых обеспечиваются подготовка ответов на запросы пользователей и хранение данных (п. 4 ч. 2 и п. 4 ч. 3 ст. 6), тогда как обязанность обеспечить соответствие этому требованию на конкретное лицо не возлагается [10, с. 35]. Обязанности разработчика сводятся к принятию организационных и технических мер по обеспечению безопасности модели, определению правил эксплуатации, устанавливающих ограничения и условия ее применения, обновления и вывода из эксплуатации, и ведению технической документации (п. 1–3 ст. 8). Условие об инфраструктуре среди них не воспроизведено, так что обязанность поддерживать соответствие данному критерию после присвоения статуса получается неустановленной, а пересмотр статуса частью 5 статьи 6 не предусматривается.

Три группы требований описывают условия, при которых модель приобретает статус суверенной или национальной. Для разработчика они не имеют самостоятельного правового значения, так как предоставление мер государственной поддержки закон связывает не с ведением разработки, а с отнесением модели к одному из двух видов, и управомоченным на получение данных мер. В статье 7 в качестве таковых назван разработчик суверенной или национальной модели. Название статьи предполагает, что мерами поддержки является весь перечень из пяти прав разработчика суверенной или национальной модели. Содержательно только одно право действительно выступает мерой

поддержки – это доступ к мерам государственной поддержки, направленным на стимулирование разработки, внедрения и применения таких моделей. Остальные четыре права, предусмотренные данной статьей, осуществляются самим разработчиком и не требуют их предоставления со стороны публичного органа. Объем права по пункту 1 статьи 7 конкретизируется подзаконным актом, которым Правительство РФ определяет меры государственной поддержки, в том числе финансовую, имущественную, гарантийную и информационную поддержку. Такая конструкция нормы возлагает всю работу по конкретизации мер поддержки именно на Правительство РФ, сама же оставаясь декларативной [11, с. 55].

Пункты 1–3 статьи 8 устанавливают принятие мер безопасности, определение правил эксплуатации, обновление и вывод из эксплуатации, ведение технической документации. Однако обязанность использовать поддержку по целевому назначению ими не устанавливается, что кажется упущением.

Таким образом, отнесение модели к суверенной или национальной дает разработчику возможность обратиться за поддержкой, но не предусматривает возможности требования ее предоставления. Обязанности по статье 8 возникают непосредственно из закона, тогда как условия получения средств будут определены актом Правительства РФ, вследствие чего разработчик несет обеспеченные законом расходы без гарантированной законом компенсации.

На основе вышеописанного, предлагается устранить выявленные в законе пробелы посредством внесения следующих изменений:

– Конкретизировать в пункт 3 части 2 статьи 6 определив, что именно подлежит сохранению и повторению при требовании полной технической и технологической воспроизводимости цикла разработки модели. Предлагается перенести на это требование набор характеристик из пункта 2 части 3 статьи 6: структуру, программное обеспечение и настраиваемые параметры, а также раскрыть содержание параметров процесса обучения и признака, по которому сгруппированы составы данных (п. 3 и 4 ст. 3).

– Определить основания и порядок пересмотра статуса БФМ, связав их с наступлением следующих обстоятельств: утратой признаков, установленных частью 4 статьи 6, сменой владельца центра обработки данных, прекращением действия подтверждения соответствия по пункту 5 части 2 и части 3 статьи 6.

– Права, осуществляемые разработчиком без участия публичного органа, следует вывести из перечня мер поддержки, закрепленных в статье 7 и оформить как самостоятельные права разработчика, оставив в перечне мер только доступ к мерам государственной поддержки. Сейчас наименование статьи приписывает публичной стороне обязанность по пяти позициям, из которых блага ожидаться не может, и ложное ожидание входит в число рисков разработчика.

– Устранить расхождение между пунктом 5 статьи 3, где разработчиком названо юридическое лицо либо индивидуальный предприниматель, и пунктом 1 части 2 и пунктом 1 части 3 статьи 6, где условием присвоения стату-

са разработанной БФМ ИИ выступает только российское юридическое лицо. Предлагается включить индивидуального предпринимателя в указанные пункты статьи 6, при условии, что предпринимателем является гражданин Российской Федерации, не имеющий гражданства иностранного государства.

Пристатейный список литературы

1. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС «КонсультантПлюс».
2. Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Информационное письмо Банка России от 9 июля 2025 г. № ИН-016-13/91 «О Кодексе этики в сфере разработки и применения искусственного интеллекта на финансовом рынке» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Приказ ФСТЭК России от 11 апреля 2025 г. № 117 «Об утверждении Требований о защите информации, содержащейся в государственных информационных системах, иных информационных системах государственных органов, государственных унитарных предприятий, государственных учреждений» (зарегистрирован в Минюсте России 16.06.2025, рег. № 82619) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Проект Федерального закона от 18 марта 2026 г. «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» (не внесен в Государственную Думу; идентификатор проекта 02/04/03-26/00166424) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Законопроект от 25 июня 2026 г. № 1271570-8 «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» (внесен Правительством Российской Федерации) // СОЗД ГАС «Законотворчество» : сайт. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1271570-8 (дата обращения: 28.09.2026).
7. Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постатейный научно-практический комментарий к Федеральному закону от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» / отв. ред. А. А. Тедеев. – Москва : Сам Полиграфист, 2026. – 99 с.
9. *Наумов, В. Б.* Вопросы построения юридических дефиниций в сфере искусственного интеллекта / В. Б. Наумов, Г. Г. Камалова // Труды Института государства и права РАН. – 2020. – Т. 15, № 1. – С. 81–93.

10. *Лолаева, А. С.* К вопросу о видах цифрового суверенитета / А. С. Лолаева // Труды по интеллектуальной собственности. – 2026. – Т. 57, № 2. – С. 35–42.
11. *Евдокимов, К. Н.* Проблемные вопросы развития технологий искусственного интеллекта в России: организационно-технические, финансовые и публично-правовые аспекты / К. Н. Евдокимов // Искусство правоведения. – 2026. – № 1 (17). – С. 47–57.

УДК 347.2

Милена Дмитриевна Ладыгина,
студентка 3-го курса
Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
ladygina.m2006@mail.ru

Научный руководитель:
Любовь Николаевна Сайганова,
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
lsaiganova@yandex.ru

ЦИФРОВОЙ ДВОЙНИК ВЕЩИ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, ОБОРОТОСПОСОБНОСТЬ И ЗАЩИТА ПРАВ ВЛАДЕЛЬЦА

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена тем, что в настоящее время в российском гражданском праве отсутствует специальное регулирование цифровых двойников вещей. В связи с этим необходимо определить, какие конкретно нормы могут применяться к отношениям, связанным с их созданием, передачей, а также использованием. В статье проанализированы особенности цифровой копии объекта, правовой режим программного обеспечения. Сделан вывод о том, что цифровой двойник – это необычная вещь, и права на нее могут принадлежать разным лицам.

Ключевые слова: цифровой двойник; цифровая модель; физическая вещь; интеллектуальные права; оборотоспособность; защита прав.

Использование цифровых моделей различного рода физических объектов затрагивает вопросы, которые особенно важны для гражданского права. Цифровым двойником вещи выступает ее модель, которая получает информацию

о ее состоянии и работе. Благодаря имеющимся данным, модель может воспроизводить любые процессы, происходящие с ней, и позволяет прогнозировать ее состояние. При этом отметим, что никакого вмешательства в работу не происходит.

Для владельцев оборудования такая модель безусловно важна, поскольку имеет как практическую, так и экономическую функцию. Так, например, с ее помощью можно регулярно отслеживать работоспособность оборудования, заранее заметить неисправности, не вмешиваясь непосредственно в работу самой техники. В связи с этим необходимо определить, как с точки зрения гражданского права необходимо рассматривать цифровую копию физической вещи, а также к каким объектам гражданских прав ее можно отнести.

По нашему мнению, считать, что цифровой двойник является обычной вещью в понимании гражданского законодательства, нельзя. Любое оборудование, такое как, например, станок или двигатель, имеет материальную форму, в то время как цифровая копия вещи устроена совершенно иначе. Цифровая модель существует в информационной среде и включает в себя множество различных программ, данных, моделей и др. В связи с этим можно сделать вывод о том, что права на физический объект и на его цифровую копию могут принадлежать разным лицам.

Как отмечает В. В. Гончаров, цифровая копия физической вещи может включать не один, а сразу несколько элементов. К примеру, это может быть программа, база данных или же информация технического характера. При этом отметим, что правовой режим этих элементов может различаться [2, с. 87]. Так, программа для электронно-вычислительной машины сохраняется авторским правом в соответствии со ст. 1261 ГК РФ [1]. Если все условия, предусмотренные законом, выполнены, то некоторые права могут принадлежать изготовителю базы данных. При наличии сведений, которые имеют коммерческую ценность и охраняются от свободного доступа, они могут получать правовую защиту как ноу-хау (секрет информации).

Рассматривая вопрос о правах на цифровой двойник, то можно выделить проблему, возникающую при переходе физической вещи к другому собственнику. Так, например, организация, которая при продаже какого-либо своего оборудования, имеющего цифровую копию, может оставить за собой права на программную часть, базу данных, и иные элементы. По нашему мнению, в договорах при заключении соответствующей сделки необходимо отдельно закреплять, кому будет принадлежать цифровая модель и сможет ли будущий владелец пользоваться ей в полной мере после приобретения техники.

Следующей проблемой выступает учет содержания конкретной цифровой копии физического объекта. Это означает, что сначала необходимо определить, какой именно его элемент был нарушен. Так, при нарушении исключительного права на программный код применяются нормы об авторском праве. Иная ситуация складывается если нарушаются права на охраняемую базу, поскольку в таком случае применяются нормы, регулирующие права ее изготовителя.

В пример защиты прав на результат интеллектуальной деятельности можно привести решение Арбитражного суда Костромской области от 26.10.2024 по делу № А31-3305/2022, в котором суд рассматривал спор о незаконном использовании дизайна одного из ювелирных изделий [3]. У правообладателя были все доказательства наличия авторских прав, а факт копирования был подтвержден специалистом в области искусствоведения. Проанализировав документы и сравнив изделия, суд пришел к выводу о том, что были нарушены исключительные права. Суд взыскал с ответчиков 500 000 рублей компенсации, а также иные расходы на приобретение изделия и проведения исследования. К тому же судом был установлен запрет на использование дизайна.

Существует также проблема, которая связана с использованием цифрового двойника. Если содержащаяся в нем ошибка может привести к поломке оборудования или возникновению убытков из-за неправильного решения, то в таком случае необходимо определить лицо, которое будет нести юридическую ответственность. Ошибка может возникать по различным причинам, однако в большинстве случаев она касается программного обеспечения, исходных данных либо же неправильных действий пользователя. Однако в настоящее время в российском законодательстве не содержится норм, которые устанавливали бы ответственность именно за недостатки цифровой модели физического объекта.

Подводя итоги статьи, отметим, что правовое положение двойника не определяется только правом собственности на оборудование или же правом на некоторые результаты интеллектуальной деятельности. В его состав могут входить элементы, имеющие разный правовой режим, что, по нашему мнению, необходимо учитывать при определении юридических прав на цифровой двойник, иными словами, на цифровую копию вещи.

Пристатейный список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 4) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Рос. газ. – 2006. – 22 декабря.
2. *Гончаров, В. В.* Авторские и иные смежные права на «цифровые двойники» производственных объектов: проблемы правового регулирования и перспективы развития в Российской Федерации / С. В. Безуглов, О. Н. Малиновский, Л. А. Спектор, О. В. Грищенко // Вестник Марийского государственного университета. – Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2026. – Т. 12, № 1 (45). – С. 83–92.
3. Решение Арбитражного суда Костромской области от 26.10.2024 по делу № А31-3305/2022 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/UDVSDspVzOdw/.

УДК 34:004.8:575

Ярослав Александрович Лазарев,
студент 3-го курса Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
lazazrevaroslav9@gmail.com

Научный руководитель:
Георгий Борисович Романовский,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и процесса
Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия

ПРАВОВАЯ БИОИНФОРМАТИКА И ГЕНОМНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. Актуальность обусловлена развитием ИИ в геномных исследованиях и редактировании генома, порождающим правовые вызовы без системного нормативного решения. Цель – выявить двойственную природу применения ИИ в биоинформатике и геномном редактировании, определить направления совершенствования законодательства с учетом господдержки ИИ-технологий. Проанализированы позитивные эффекты вычислительных моделей и риски непрозрачности алгоритмов. Вывод: необходимо опережающее правовое регулирование, интегрирующее поддержку ИИ с запретами вмешательства в геном.

Ключевые слова: искусственный интеллект; биоинформатика; геномное редактирование; *CRISPR-Cas9*; геномные данные; правовое регулирование.

Современный этап развития биомедицины характеризуется глубокой конвергенцией вычислительных технологий и наук о жизни. Искусственный интеллект перестал быть вспомогательным инструментом биоинформатики

и превратился в самостоятельный фактор, определяющий как темпы научного прогресса, так и конфигурацию правовых рисков. Именно в этой точке пересечения государственная поддержка технологий ИИ, закрепленная Федеральным законом от 26.07.2026 № 243-ФЗ, вступает в сложное взаимодействие с императивными нормами о генно-инженерной деятельности и геномной регистрации [1]. Федеральный закон № 243-ФЗ устанавливает регулирование отношений в сфере разработки, внедрения и применения больших фундаментальных моделей искусственного интеллекта, определяет принципы правового регулирования и полномочия органов власти, а также требования к маркировке информационных материалов, созданных с применением таких моделей [2]. Однако в тексте закона отсутствуют специальные положения, учитывающие специфику применения ИИ в геномных исследованиях, что создает регуляторный разрыв.

В сфере биоинформатики ИИ демонстрирует наиболее зрелые и востребованные применения. Прежде всего речь идет об аннотации геномов – процессе определения функциональных элементов в последовательностях ДНК. В России уже разработана нейросетевая модель для аннотации генов в последовательностях ДНК, выполненная специалистами Института AIRI; завершающим этапом работы системы является биоинформатическая фильтрация для отсеивания малодостоверных предсказаний [3]. Аналогичным образом развивается проект *GENA*, в котором группа «Биоинформатика» *AIRI* и Институт цитологии и генетики СО РАН объединили усилия для интерпретации генетических данных при редких (орфанных) заболеваниях [4]. Эти разработки непосредственно поддерживаются государством в рамках Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019–2027 годы, утвержденной постановлением Правительства РФ от 22.04.2019 № 479, которая прямо предусматривает необходимость надлежащего нормативно-правового регулирования для эффективного и безопасного использования геномного редактирования [5].

Помощь ИИ в геномном редактировании не ограничивается аннотацией. Наиболее значимый вклад вычислительных моделей связан с прогнозированием *off-target* эффектов – нецелевых расщеплений ДНК, которые могут приводить к нежелательным мутациям и геномной нестабильности. Обзоры методов машинного обучения для дизайна *guide RNA* и оценки безопасности *CRISPR-Cas*9 показывают, что современные модели глубокого обучения позволяют существенно повысить точность выбора мишеней и минимизировать побочные эффекты редактирования [6]. Однако здесь же обнаруживается первая принципиальная проблема: качество прогнозов напрямую зависит от объема и репрезентативности обучающих данных. Если выборка формируется преимущественно на геномах определенных популяций, модель может демонстрировать систематическую ошибку (*bias*), что в клиническом контексте оборачивается неравенством доступа к безопасной генной терапии. Эта проблема имеет прямое правовое измерение: статья 19 Конституции РФ гарантирует равенство прав и свобод независимо от каких-либо обстоятельств, а зна-

чит, алгоритмическая дискриминация в сфере геномной медицины требует нормативного ответа.

Вторая группа проблем связана с правовым режимом самих геномных данных, которые служат «топливом» для ИИ-моделей. Как справедливо отмечает И. З. Аюшеева, действующее законодательство не определяет правовой режим не только геномных данных, но и больших геномных данных, которые могут быть обработаны с помощью технологий искусственного интеллекта [7, с. 54]. Федеральный закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» относит геномную информацию к биометрическим персональным данным и устанавливает цели ее использования, однако не регулирует вопросы обработки геномных данных частными исследовательскими платформами и биобанками [8]. Между тем именно на стыке больших данных и алгоритмов машинного обучения возникает наиболее острый риск: деанонимизация, неправомерный оборот геномной информации, использование данных в целях, несовместимых с согласием субъекта. Рабочая группа по развитию генетических технологий при Минобрнауки России в 2026 году прямо поставила задачу проработки правового режима геномной и генетической информации в составе баз больших данных и определения правового статуса биобанков [9].

Третья проблема носит этико-правовой характер и касается пределов вмешательства в геном человека. Д. В. Пономарева и М. В. Некотенева обращают внимание на то, что ключевые международные акты, регулирующие геномные исследования, представляют собой акты мягкого права, которые являются рекомендательными и составляют своего рода «предправо» [10, с. 169]. В российской юрисдикции ситуация усугубляется отсутствием специального уголовно-правового запрета на незаконное редактирование эмбриона. И. О. Сопин обосновывает вывод о необходимости нормативного закрепления специальных уголовно-правовых запретов, направленных на пресечение незаконного редактирования эмбриона, репродуктивного клонирования человека и неправомерного оборота нейронных данных [11, с. 90]. При этом Федеральный закон от 05.07.1996 № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» прямо исключает из предмета своего регулирования порядок применения методов генной инженерии к человеку, тканям и клеткам в составе его организма. В связи с этим в российском уголовном праве отсутствует специальный состав преступления, предусматривающий ответственность за незаконное редактирование эмбриона человека.

Четвертый аспект связан с интеллектуальными правами на результаты, создаваемые с помощью ИИ в сфере геномного редактирования. Пункт 4 статьи 1349 ГК РФ устанавливает, что не могут быть объектами патентных прав решения, противоречащие общественным интересам, принципам гуманности и морали, а также прямо запрещает патентование способов модификации генетической целостности клеток зародышевой линии человека и использования человеческих эмбрионов. Однако было бы неверно утверждать, что любые изобретения, связанные с вмешательством в геном человека, безусловно не ре-

гистрируются Роспатентом по этому основанию. В практике Палаты по патентным спорам уже сформировалась позиция, согласно которой изобретения, связанные с вмешательством в геном человека, не регистрируются Роспатентом на основании указанной нормы [13]. Но в декабре 2021 г. был выдан патент на способ редактирования гена *GJB*2 для исправления патогенного варианта *c.del*35*G* в клетках человека, культивируемых *in vitro*; авторами изобретения выступила группа исследователей во главе с Д. Ребриковым. В патенте прямо оговорено, что изобретение не предназначено для модификации генетической целостности клеток зародышевой линии человека и не предполагает использование человеческих эмбрионов. Следовательно, морально-этический фильтр п. 4 ст. 1349 ГК РФ применяется прежде всего к герминативному редактированию и вмешательству в эмбрионы, но не исключает патентование соматического или *in vitro* редактирования генома. Однако вопрос о правовом режиме результатов, полученных с использованием ИИ-моделей, остается открытым: действующее законодательство не определяет, кто является автором изобретения, если ключевые решения были сгенерированы алгоритмом, а человек лишь верифицировал результат. Совет по вопросам интеллектуальной собственности при Председателе Совета Федерации в 2025 году рекомендовал проработать вопрос об установлении правового режима для произведений, создаваемых с помощью искусственного интеллекта, с учетом степени и содержания участия человека в процессе создания [14].

Пятая проблема – трансграничный характер геномных данных и ИИ-моделей. Геномная информация не знает национальных границ, а обучение моделей требует агрегации данных из разных юрисдикций. Между тем российское законодательство о персональных данных устанавливает требования локализации, которые могут вступать в конфликт с потребностями международных исследовательских консорциумов. Акты мягкого права, о которых пишут Д. В. Пономарева и М. В. Некотенева, не создают обязательных механизмов разрешения этого конфликта, оставляя Россию перед необходимостью самостоятельно выстраивать баланс между защитой суверенитета геномных данных и участием в глобальной научной кооперации [10, с. 170].

В свете изложенного государственная поддержка технологий ИИ, декларированная Федеральным законом № 243-ФЗ, должна быть сопряжена с адекватным регуляторным сопровождением в сфере геномных исследований. Представляется необходимым: во-первых, дополнить Федеральный закон № 242-ФЗ положениями о правовом режиме больших геномных данных, обрабатываемых с использованием технологий ИИ, включая требования к обезличиванию и запрет на использование таких данных для целей, несовместимых с первоначальным согласием субъекта; во-вторых, ввести в УК РФ специальные составы, криминализирующие незаконное редактирование эмбриона и репродуктивное клонирование человека; в-третьих, разработать и принять федеральный закон «О генетических технологиях в Российской Федерации», концепция которого уже обсуждается профильными ведомствами, включив в него раздел о применении систем искусственного интеллекта в геномных

исследованиях [15]. Наконец, целесообразно создать при Правительстве РФ межведомственный орган по этико-правовой экспертизе ИИ-систем, применяемых в биомедицине, с участием представителей Минздрава, Минобрнауки, Роспатента и научного сообщества.

Таким образом, искусственный интеллект в биоинформатике и геномном редактировании проявляет себя противоречиво: он радикально расширяет возможности точного редактирования и интерпретации генома, но одновременно порождает риски алгоритмической дискриминации, деанонимизации геномных данных и размывания границ допустимого вмешательства в природу человека. Государственная поддержка ИИ-технологий, закрепленная на законодательном уровне, создает необходимую ресурсную базу для научного прогресса, однако без опережающего правового регулирования эта поддержка может обернуться накоплением отложенных рисков. Право призвано не тормозить технологическое развитие, а задавать ему те ценностные рамки, в которых достоинство личности и генетическая безопасность остаются незыблемыми.

Пристатейный список литературы

1. Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru.
2. Подписан закон о поддержке развития технологий ИИ в России // Президент России : официальный сайт. – URL: http://kremlin.ru/catalog/keywords/66/events/80377
3. В России разработана нейросетевая модель для аннотации генов в последовательностях ДНК // Компьютерра : сайт. – URL: https://www.computerra.ru.
4. В России разрабатывают ИИ-систему для интерпретации генетических данных при орфанных заболеваниях // Мед-Ген : сайт. – URL: https://med-gen.ru.
5. Постановление Правительства РФ от 22.04.2019 № 479 (ред. от 05.09.2025) «Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019–2027 годы» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Artificial Intelligence for CRISPR Guide RNA Design: Explainable Models and Off-Target Safety // Semantic Scholar : сайт. – URL: https://www.semanticscholar.org.
7. *Аюшеева, И. З.* Гражданско-правовое регулирование совместного использования геномных данных / И. З. Аюшеева // Lex Genetica. – 2024. – Т. 3, № 2. – С. 54–73.
8. Федеральный закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

9. В России проработают правовой режим геномной информации в составе баз больших данных // ФЦНТП. 2026. 18 февраля. – URL: https://fcntp.ru/programmy-i-proekty/ntp-rsh/agricultural-news/?ELEMENT_ID=371.
10. *Пономарева, Д. В.* Геномные исследования и искусственный интеллект: проблемы правового регулирования на глобальном и региональном уровне / Д. В. Пономарева, М. В. Некотенева // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19, № 3. – С. 168–179.
11. *Сопин, И. О.* Криминологические риски генной инженерии и нейротехнологий: сравнительный этико-правовой анализ / И. О. Сопин // International Law Journal. – 2026. – Т. 9, № 3. – С. 89–97.
12. Федеральный закон от 05.07.1996 № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» (ред. от 2023) // СПС «КонсультантПлюс».
13. Заключение коллегии Палаты по патентным спорам от 13.09.2023 по результатам рассмотрения возражения на решение Роспатента об отказе в выдаче патента по заявке № 2021139313/10 на основании п. 4 ст. 1349 ГК РФ // СПС «КонсультантПлюс».
14. Решение Совета по вопросам интеллектуальной собственности при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания РФ // Совет Федерации : официальный сайт. – URL: http://special.council.gov.ru/structure/docs/130666/.
15. Шаги к эффективному развитию генетических технологий в России обсудили на ПМЮФ-2025 // Минобрнауки России. – URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/97506/.

УДК 34:004.8

Кирилл Владимирович Логинов,
студент 5-го курса Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
Log284632@mail.ru

Научный руководитель:
Константин Витальевич Соколов,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
Vit_skv@mail.ru

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОШИБКИ ГЕНЕРАТИВНОГО ИИ: ПРАВОВОЙ СТАТУС НЕДОСТОВЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена проблеме гражданско-правовой ответственности за вред, причиняемый недостоверной информацией, генерируемой системами искусственного интеллекта. Анализируются правовые подходы к квалификации «галлюцинаций» генеративных моделей, рассматривается опыт Европейского союза, Китая и России. Особое внимание уделяется проекту федерального закона Минцифры России 2026 года, закрепляющему ответственность владельца модели за заведомо известный противоправный результат. Обосновывается необходимость дифференцированной виновной ответственности, дополненной коллективными механизмами распределения рисков (саморегулируемые организации, страхование). Делается вывод о необходимости дальнейшей законодательной проработки критериев ответственности и стандартов тестирования.

Ключевые слова: искусственный интеллект; генеративный ИИ; галлюцинации; гражданско-правовая ответственность; недостоверная информация; источник повышенной опасности; страхование ответственности; саморегулируемые организации.

Развитие генеративных моделей искусственного интеллекта поставило перед гражданско-правовой доктриной проблему, которая не имеет однозначного решения ни в российской, ни в зарубежной юриспруденции. Речь идет о юридической квалификации так называемых «галлюцинаций» – случаев, когда система ИИ генерирует правдоподобные, но фактически недостоверные утверждения, ссылки на несуществующие источники, вымышленные судебные акты или ложные сведения о физических и юридических лицах. В отличие от технических сбоев или ошибок программирования, галлюцинации не являются отклонением от штатного режима работы модели; они имманентно присущи вероятностной природе генеративных архитектур [1, с. 347]. В технической литературе нет единой позиции по вопросу о том, устранимы ли галлюцинации принципиально. Данные последних лет, впрочем, показывают, что частота таких ошибок снижается. Универсального решения не найдено. На практике результат дает сочетание архитектурных и процедурных приемов: обучения с подкреплением на человеческой обратной связи (*RLHF*), генерации с опорой на внешние источники (*retrieval-augmented generation, RAG*), поэтапной проверки фактов, обращения к внешним базам знаний. Для права существен другой, более узкий вопрос. Важна не сама возможность галлюцинации, а остаточный риск, который сохраняется после принятия технически доступных и экономически разумных мер. Соответственно, вину и «заведомую известность» владельца модели, как мы полагаем, нужно устанавливать через проверку достаточности таких мер. Именно это обстоятельство порождает центральный правовой вопрос: подлежит ли недостоверная информация, созданная системой ИИ, гражданско-правовой защите, и если да, то кто должен нести бремя ответственности за вред, причиненный ее распространением?

Сложность заключается в том, что действующее российское законодательство не содержит специальных норм, непосредственно регулирующих ответственность за вред, причиненный системами ИИ. Как отмечают Е. С. Селиванова и В. В. Саркисян, «действующее российское гражданское законодательство не содержит специальных норм о возмещении вреда, причиненного использованием искусственного интеллекта (ИИ), поэтому применяются общие положения ГК РФ о гражданско-правовой ответственности» [2, с. 343]. При этом Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (в ред. от 15.02.2024) закрепляет принцип, согласно которому ответственность за последствия работы систем ИИ возлагается на физическое или юридическое лицо, признанное субъектом ответственности [3]. Однако практическое применение этого принципа сталкивается с фундаментальной трудностью: галлюцинация генеративной модели не является результатом виновного поведения конкретного лица в традиционном понимании. Вероятностный характер работы ИИ означает, что ошибка может возникнуть даже при безупречном соблюдении всех технических и организационных требований.

Аналогичная проблема существует и в зарубежных правопорядках. В Европейском союзе Регламент (ЕС) 2024/1689 (*AI Act*), вступивший в силу 1 августа 2024 года, стал первым в мире комплексным законодательным актом в сфере

ИИ [4]. Он прямо признает риск галлюцинаций: статья 26.2 требует от компаний назначать надзор за системами ИИ за лицами, обладающими подготовкой, компетенцией и полномочиями для вмешательства, поскольку системы «могут галлюцинировать или причинять вред». Тем не менее *AI Act* не создает отдельной категории ответственности за галлюцинации. Как отмечают европейские юристы, анализ вместо этого «смещается в области договорной ответственности, деликтной ответственности или, в некоторых случаях, ответственности за дефектные продукты» [5]. Аналогичным образом Директива об ответственности за продукцию (*EU*) 2024/2853, принятая 18 ноября 2024 года, прямо исключает информацию из понятия «продукт»: согласно *Recital* 13, «Информация не должна рассматриваться как продукт, и правила об ответственности за продукцию не должны применяться к содержанию цифровых файлов» [6]. Это означает, что недостоверная информация, сгенерированная ИИ, не подпадает под режим строгой ответственности за дефектную продукцию, даже если сама система ИИ квалифицируется как продукт.

Таким образом, формируется правовой вакуум: с одной стороны, генеративные системы ИИ способны причинять реальный вред – репутационный, имущественный, а в отдельных случаях и вред жизни или здоровью, – с другой стороны, классические институты гражданско-правовой ответственности оказываются плохо приспособленными для работы с вероятностными, распределенными и зачастую анонимными процессами генерации недостоверной информации. Прецеденты уже существуют. В 2023 году федеральный суд Нью-Йорка рассматривал дело о санкциях против адвокатов, представивших суду документы со ссылками на несуществующие судебные акты, сгенерированные *ChatGPT*: судья обязал двух адвокатов и их фирму выплатить штраф в размере 5 000 долларов [7]. В Германии Высший земельный суд Хамма 12 мая 2026 года вынес решение по делу I-4 *UKl* 3/25, в котором признал медицинскую клинику ответственной за ложные утверждения, сделанные ее чат-ботом: суд указал, что «чат-бот не должен рассматриваться как “третья сторона” в смысле конкурентного права [8]. Он является частью бизнес-организации компании – его заявления приписываются оператору». В России Суд по интеллектуальным правам оштрафовал предпринимателя Александра Антропова из Воткинска на 5 000 рублей за предоставление в кассационной жалобе ссылок на несуществующие судебные акты, сгенерированные нейросетью [9]. Эти примеры демонстрируют, что суды уже вынуждены решать вопросы приписывания ответственности за галлюцинации, однако единый подход пока не выработан.

В российской юридической доктрине также отсутствует консенсус относительно надлежащей модели ответственности. Е. С. Селиванова и В. В. Саркисян выделяют несколько конкурирующих подходов: строгую (безвиновную) ответственность разработчика по аналогии с владельцами источников повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ), виновную ответственность, дифференцированные режимы, а также коллективные механизмы распределения рисков через саморегулируемые организации (СРО) и обязательное страхо-

вание. С. Д. Ковалев, в свою очередь, приходит к более категоричному выводу: «в ошибках систем ИИ всегда виновен человек, и он должен нести ответственность за причиненный вред», ссылаясь на позицию Н. Н. Апостоловой, согласно которой «за противоправные (за общественно опасные) последствия деятельности автономно функционирующего ИИ должен нести ответственность человек» [10, с. 68]. Однако эта позиция, при всей ее внешней убедительности, не решает ключевой проблемы: если галлюцинация статистически предсказуема и технически неустранима на современном уровне развития технологии, можно ли говорить о вине конкретного разработчика или оператора, или мы имеем дело с предпринимательским риском, который должен распределяться иным образом?

Российский законодатель в 2026 году предпринял попытку ответить на эти вызовы. 26 июля 2026 года был подписан Федеральный закон № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации», вступивший в силу с 1 сентября 2026 года [11]. Этот закон создает правовую основу для разработки, внедрения и применения больших фундаментальных моделей ИИ, однако он в значительной степени ориентирован на стимулирование технологического развития и не содержит развернутых норм об ответственности за вред, причиненный генеративными системами. Параллельно Минцифры России разработало проект федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» (опубликован 18 марта 2026 года), который предусматривает риск-ориентированный подход и вводит понятия суверенной, национальной и доверенной моделей ИИ [12]. В части ответственности проект закрепляет важное правило: «Пользователь сервиса ИИ несет ответственность за нарушение законодательства РФ, если результат, полученный с помощью ИИ, нарушает закон. Это касается случаев, когда нарушение вызвано его умышленными действиями или несоблюдением условий использования сервиса». Кроме того, согласно проекту, «владельцы ИИ-моделей в РФ будут нести ответственность за противоправный результат при условии, что о возможности такого результата им было заранее известно» [13]. Под «заведомой известностью» в праве генеративного ИИ мы предлагаем понимать не предвидение того, каким будет каждый конкретный результат генерации. Речь идет о знании владельца модели – или иного обязанного лица – о том, что без технически доступных и экономически разумных мер снижения риска (фактчекинга, *RAG*, фильтрации запрещенного контента, маркировки сгенерированного контента, ограничения опасных сценариев) риск противоправного исхода остается недопустимо высоким. Такое знание соединено с непринятием этих мер. Поэтому «заведомую известность» надо связывать не с вероятностной природой модели как таковой, а с осознанным отказом от доступных средств контроля. Обозначенная дилемма если и не снимается предложенным подходом полностью, то, во всяком случае, перестает выглядеть неразрешимой. Широкое толкование ответственности ведет к тому, что она приближается к строгой: разработчик, по сути, не может не осознавать

саму возможность галлюцинаций. Узкое толкование дает обратный эффект: обязанность предвидеть конкретное ложное утверждение, которое сгенерирует система, оказывается почти неисполнимой, и ответственность рискует превратиться в фикцию. Именно поэтому предлагаемый критерий смещает фокус – с предвидения содержания генерации на проверку доступных мер. Если на момент причинения вреда существовала технически осуществимая и экономически оправданная мера, способная существенно снизить риск, но она не была применена, «заведомая известность» и вина предполагаются. Напротив, когда все такие меры были приняты, а остаточный риск все же реализовался, ответственность может быть исключена или ограничена. Практический смысл критерия в этом и состоит: суд устанавливает не то, каким «знанием» располагала модель, а то, какие меры безопасности существовали и можно ли признать их разумными. Таким образом, законодатель склоняется к виновной модели ответственности, основанной на знании о возможности причинения вреда, что соответствует общему принципу генерального деликта (ст. 1064 ГК РФ) [14].

Однако применение виновной модели к галлюцинациям генеративного ИИ порождает ряд теоретических и практических трудностей. Во-первых, критерий «заведомой известности» о возможности противоправного результата трудно операционализировать применительно к вероятностным системам: разработчик или оператор в большинстве случаев знает, что галлюцинации возможны в принципе, но не может предвидеть конкретное содержание каждой генерации. Если толковать этот критерий широко, ответственность фактически превратится в строгую; если узко – она станет иллюзорной. Во-вторых, цепочка создания и эксплуатации генеративной модели включает множество субъектов – провайдера базовой модели, интегратора, оператора сервиса, поставщика данных, пользователя, – и установление того, чье именно «знание» о возможности противоправного результата имеет юридическое значение, требует сложной методологии атрибуции. В-третьих, как справедливо отмечает Е. Н. Мельникова, динамический характер архитектуры ИИ и возможность ее изменения в процессе обучения порождают «разрыв подотчетности» и «разрыв ответственности», когда невозможно установить прямую причинно-следственную связь между действиями конкретного лица и вредом.

Зарубежный опыт предлагает несколько подходов к решению этой проблемы, которые могут быть полезны для российской доктрины. В Китае судебная практика пошла по пути дифференциации обязанностей провайдера генеративной модели. В деле, рассмотренном Ханчжоуским интернет-судом в 2025 году, пользователь по фамилии Лян обратился к китайскому ИИ-приложению с запросом информации об одном из университетов; программа выдала некорректные данные, после чего в ответ на указание на ошибку ИИ «пообещал» компенсировать 100 000 юаней в случае недостоверности сгенерированного контента [15]. Суд отклонил иск, указав, что ИИ не обладает гражданской правосубъектностью и не может совершать юридически обязатель-

ные волеизъявления. При этом суд сформулировал три уровня обязанностей провайдера: строгая проверка запрещенного законом контента; четкое и заметное предупреждение пользователей о присущей ИИ возможности генерировать неточную информацию; базовая обязанность по обеспечению надежности функционала, предполагающая использование общепринятых в отрасли технических мер для повышения точности. Поскольку провайдер выполнил все три обязанности, суд признал отсутствие его вины и отказал в иске. Этот подход, по сути, представляет собой конкретизацию виновной модели применительно к генеративному ИИ: ответственность наступает не за сам факт недостоверности, а за неисполнение обязанностей по предупреждению и минимизации рисков.

Европейский подход, напротив, изначально двигался в сторону усиления ответственности провайдеров базовых моделей, однако в 2025 году этот вектор был скорректирован. Хотя *AI Act* устанавливает для провайдеров генеративных систем обязанность маркировать выходные данные в машиночитаемом формате (ст. 50(2)), а также требует от разработчиков моделей общего назначения раскрывать информацию об ограничениях и известных рисках, Директива об ответственности за ИИ (*AILD*), предложенная Европейской комиссией в сентябре 2022 года, была отозвана 11 февраля 2025 года из-за отсутствия «предвидимого соглашения» среди государств-членов [16]. Показательно, что незадолго до отзыва, 19 сентября 2024 года, Европейский парламент опубликовал дополнительную оценку воздействия, в которой рекомендовал распространить действие *AILD* на генеративные системы, квалифицировав их как «высокоимпактные системы ИИ» наряду с высокорисковыми. Однако эти рекомендации не были реализованы. Отзыв *AILD* означает, что в ЕС в обозримой перспективе не появится специального инструмента перераспределения бремени доказывания для потерпевших от галлюцинаций генеративного ИИ, и анализ ответственности будет по-прежнему осуществляться в рамках национального договорного и деликтного права.

Сопоставление китайского и европейского подходов позволяет выявить ключевую дилемму, стоящую перед российским законодателем. Китайская модель, основанная на процессуальных обязанностях провайдера и виновной ответственности, создает стимулы к внедрению технических мер снижения рисков, но оставляет потерпевших без эффективной защиты в случаях, когда галлюцинация возникает несмотря на соблюдение всех отраслевых стандартов. Европейская модель, изначально двигавшаяся в сторону строгой ответственности и перераспределения бремени доказывания, в итоге отказалась от этого вектора, что, с одной стороны, снижает риски гиперответственности, но с другой – оставляет вопрос о защите потерпевших открытым. Российский законопроект Минцифры, как представляется, пытается найти промежуточный путь, закрепляя ответственность владельца модели за «заведомо известный» противоправный результат. Однако критерий «заведомой известности» нуждается в дополнительной доктринальной и законодательной проработке.

Представляется, что для генеративных систем ИИ, не являющихся источником повышенной опасности в смысле ст. 1079 ГК РФ, оптимальной является модель виновной ответственности, дифференцированная по уровням риска и характеру причиненного вреда. Причинение вреда жизни или здоровью, а также распространение информации, порочащей честь, достоинство и деловую репутацию, должны влечь ответственность при установлении вины в форме неосторожности или умысла. Причинение имущественного вреда вследствие недостоверной информации, повлекшей заключение невыгодной сделки или утрату имущества, должно подчиняться общим правилам о деликте (ст. 1064 ГК РФ) с возможностью освобождения от ответственности при доказанности того, что галлюцинация относилась к числу статистически предсказуемых и провайдер принял все разумные меры для минимизации риска. Для высокоавтономных физических систем ИИ, способных причинять прямой вред жизни и здоровью, сохраняется режим источника повышенной опасности с безвиновной ответственностью владельца, как это и предлагается в доктрине.

Коллективные механизмы распределения рисков, такие как саморегулируемые организации и обязательное страхование гражданской ответственности, должны дополнять индивидуальную ответственность, а не заменять ее. СРО разработчиков и операторов генеративных моделей могут устанавливать стандарты тестирования на галлюцинации, требования к прозрачности данных и процедуры сертификации, а страхование – обеспечивать компенсацию потерпевшим в случаях, когда причинитель вреда неизвестен или неплатежеспособен. Однако масштабы возможного ущерба могут ограничивать страховые возможности, поэтому оптимальной является комбинация страхования и компенсационного фонда. Кроме того, договорные ограничения ответственности провайдеров, широко распространенные в пользовательских соглашениях генеративных сервисов, не должны распространяться на случаи причинения вреда третьим лицам, не являющимся стороной договора (п. 3 ст. 308 ГК РФ), а также на случаи нарушения прав потребителей (Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-I).

Правовой статус недостоверной информации, генерируемой системами ИИ, таким образом, не может быть сведен к простой формуле «за ошибки ИИ отвечает человек». Этот тезис, верный в своей основе, нуждается в существенной конкретизации: какой именно человек, при каких условиях, в каком объеме и перед кем несет ответственность. Ответ на эти вопросы требует не только законодательных изменений, но и формирования судебной практики, способной выработать критерии разумной осмотрительности применительно к вероятностным системам. Российский законопроект 2026 года, закрепляя ответственность за «заведомо известный» противоправный результат, делает первый шаг в этом направлении, однако его положения должны быть дополнены нормами о распределении бремени доказывания, стандартах тестирования и минимальных требованиях к маркировке сгенерированного контента. Без этого правовой статус недостоверной информации, созданной генератив-

ным ИИ, останется неопределенным, а потерпевшие – лишенными эффективных средств защиты, что в конечном счете подорвет доверие к технологии, которое является необходимым условием ее устойчивого развития.

Пристатейный список литературы

1. *Селиванова, Е. С.* Предсказуемость алгоритмического поведения искусственного интеллекта как критерий гражданско-правовой ответственности и нормативного контроля / Е. С. Селиванова, В. В. Саркисян // Russian Journal of Economics and Law. – 2026. – Т. 20, № 2. – С. 341–360. – URL: https://www.rusjel.ru/jour/article/view/2798 (дата обращения: 13.09.2026).
2. *Селиванова, Е. С.* Правовые модели ответственности за вред, причиненный системами ИИ: основания, механизмы и критерии формирования / Е. С. Селиванова, В. В. Саркисян // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 3. – С. 68–77. – DOI 10.18522/2313-6138-2025-12-3-9. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-modeli-otvetstvennosti-za-vred-prichinennyy-sistemami-ii-osnovaniya-mehanizmy-i-kriterii-formirovaniya (дата обращения: 13.09.2026).
3. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 41. – Ст. 5700.
4. Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 г., устанавливающий гармонизированные правила в области искусственного интеллекта (Закон об ИИ) // Официальный журнал Европейского Союза. – 2024. – L 1689. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32024R1689 (дата обращения: 13.09.2026).
5. ECIJA. Who is legally responsible when AI generates false information? // ECIJA: [сайт]. – 2026. – URL: https://www.ecija.com/en/news-and-insights/quien-es-el-responsable-legal-cuando-la-ia-genera-informacion-falsa/ (дата обращения: 30.09.2026).
6. Директива (ЕС) 2024/2853 Европейского парламента и Совета от 23 октября 2024 г. об ответственности за некачественную продукцию и об отмене Директивы Совета 85/374/ЕЭС // Официальный журнал Европейского Союза. – 2024. – L 2853. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32024L2853 (дата обращения: 13.09.2026).
7. Mata v. Avianca, Inc.: Решение Федерального суда Нью-Йорка, июнь 2023 г. – URL: https://hr-s.ru/blog/shtraf-za-nesushchestvuyushchie-resheniya/ (дата обращения: 13.09.2026).
8. Решение Высшего земельного суда Хамма от 12 мая 2026 г. по делу № I-4 UKl 3/25 // HÄRTING Rechtsanwälte. – URL: https://haerting.de/en/insights/a-chatbot-gone-astray-liability-for-ai-responses/ (дата обращения: 13.09.2026).

9. Решение Суда по интеллектуальным правам РФ о штрафе за использование сгенерированных нейросетью судебных актов // ГАРАНТ.РУ. – URL: https://base.garant.ru/414832227/ (дата обращения: 13.09.2026).
10. *Ковалев, С. Д.* Ответственность за ошибки искусственного интеллекта / С. Д. Ковалев // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 8 (236). – С. 67–69. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-za-oshibki-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 13.09.2026).
11. О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации : Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 13.09.2026).
12. Проект Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» (подготовлен Минцифры России, опубликован 18.03.2026) // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. – URL: https://regulation.gov.ru (дата обращения: 13.09.2026).
13. Минцифры: в РФ владельцы ИИ будут отвечать за известный им незаконный результат // Вести.Ru : сайт. – 2026. – 18 марта. – URL: https://www.vesti.ru/ns/mincifry-v-rf-vladelcy-ii-budut-otvechat-za-izvestnyj-im-nezakonnyj-rezultat (дата обращения: 30.09.2026).
14. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
15. Решение Ханчжоуского интернет-суда от июня 2025 г. по иску пользователя к разработчику ИИ-приложения о компенсации за недостоверную информацию // Inform.kz. – URL: https://www.inform.kz/ru/v-kitae-sud-otkazal-polzovatelyu-kotoriy-potreboval-kompensatsiyu-za-oshibku-ii-bf68d8 (дата обращения: 13.09.2026).
16. Предложение о Директиве об адаптации внедоговорных правил гражданской ответственности к искусственному интеллекту (AILD) / Европейская комиссия. – Брюссель, 28.09.2022. – URL: https://commission.europa.eu/topics/business-and-industry/doing-business-eu/contract-rules/digital-contracts/liability-rules-artificial-intelligence_en (дата обращения: 13.09.2026).

УДК 349

Валерия Алексеевна Ревенко,
студентка 1-го курса юридического факультета
Ростовского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия
revenkovaleria0@gmail.com

Научный руководитель:
Ольга Юрьевна Ангел,
кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин юридического факультета
Ростовского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия
Kornienko00@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена вопросам, касающихся проблем правового регулирования использования искусственного интеллекта в Российской Федерации. Искусственный интеллект может представлять угрозу информационной безопасности, которая играет важную роль в обеспечении стратегических национальных приоритетов. В данной статье уделяется внимание необходимости регулирования использования данной информационной технологии в различных отраслях человеческой деятельности, в связи с отсутствием соответствующей нормативной правовой базы и возможным впоследствии ростом преступлений, совершенных пользователями, применяющими эти технологии. Использование систем искусственного интеллекта в информационных взаимодействиях становится все более значимым, что требует надлежащей правовой базы для обеспечения безопасности, прозрачности и этичности их применения.

Ключевые слова: искусственный интеллект; правовое регулирование; информационная безопасность; юридическая ответственность.

Искусственный интеллект (далее – ИИ) – самое быстроразвивающееся явление наших дней. По данным на 2025 год, российский рынок ИИ достиг 316,1 млрд рублей, увеличившись на 29,7 % за год. ИИ дает очевидные перспективы, например, ускоряет обработку и анализ данных. Но существуют и проблемы, такие как, непрозрачность алгоритмов или утрата человеческого контроля. При этом 68 % компаний, внедряющих ИИ, сталкиваются с правовыми барьерами уже на ранних этапах, 42 % корректируют или приостанавливают проекты, а число судебных споров за год выросло на 60 %. Именно поэтому цель данной работы – проанализировать текущее состояние правового регулирования ИИ в России, выделить ключевые вызовы и предложить пути их решения.

Искусственный интеллект активно внедряется в здравоохранение, образование, финансовый сектор и транспорт. В Российской Федерации формируется система комплексного регулирования общественных отношений, связанных с развитием и реализацией технологий искусственного интеллекта. Эта система охватывает не только нормативно-правовые аспекты, но и технические и этические нормы, что подчеркивает необходимость многогранного подхода к ее корректировке [1].

По мнению А. Ю. Марченко, развитие самой технологии ИИ сконцентрировано на улучшении его функций в части достижения заданных человеком целей. И это представляется правильным с учетом того, что сейчас искусственный интеллект воспринимается исключительно как инструмент в руках человека, призванный улучшать жизнь человечества. Тем не менее ИИ становится все «умнее» и начинает превосходить человека во многих функциях. Теперь он способен обрабатывать колоссальное количество информации, значительно ускоряя процессы, и выполнять сложные задачи и действия, физически не подвластные человеку [2].

Ключевыми отраслями, применения ИИ являются медицина, где технологии используются для обработки данных о состоянии здоровья человека, телемедицина и фармацевтика; беспилотный транспорт; сфера предоставления государственных и муниципальных услуг и финансирования; а также промышленность и сельское хозяйство. На текущий момент компания «Яндекс», ПАО Сбербанк, ПАО «КамАЗ» активно занимаются испытанием беспилотных транспортных средств.

Однако рассмотрим основные проблемы. Одной из ключевых проблем является отсутствие системного закона. Минцифры разработало законопроект «Об основах государственного регулирования сфер применения искусственного интеллекта», вступление в силу которого планируется с 1 сентября 2027 года. Отдельные базовые понятия уже закреплены: Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ в статье 3 определяет искусственный интеллект как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека [3]. Однако это лишь фиксирует терминологию и не заменяет комплексного регулирования. Профессор Элина Сидоренко отмечает: «Когда суд, прокурор или регулятор не может однозначно установить, является ли тот или иной алгоритм системой ИИ по смыслу закона, вся регуляторная конструкция рассыпается».

Наряду с этим сохраняется непрозрачность алгоритмов и недостаточные гарантии прав граждан. Статья 9 законопроекта закрепляет лишь право гражданина быть уведомленным о применении ИИ. Предлагается закрепить при обязательные гарантии, предложенные заместителем председателя Комитета СФ Артемом Шейкиным: право на обращение к человеку при принятии юридически значимых решений; право на пересмотр решения, вынесенного ИИ, человеком, несущим ответственность; специальные требования к применению ИИ в государственном управлении.

В настоящее время нет четкого регулирования вопросов, касающихся привлечения к ответственности тех, кто использует ИИ в нарушение российских законов. Поэтому, принимая закон о робототехнике, законодателю следует максимально учитывать все возможные проблемы, которые могут возникнуть при обеспечении безопасности использования роботов в потенциально сильно изменившейся окружающей человека среде.

Некоторые киберпреступления могут совершаться с помощью ИИ, включая мошенничество с банковскими картами или конфиденциальной информацией. Если ИИ начинает действовать не по заложенным алгоритмам, а по своим «правилам», он может незаконно получать доступ к различной информации. Поэтому нужно не только определить понятие ИИ, но и усиливать защиту персональных данных.

Информационные технологии быстро становятся частью нашей жизни и деятельности каждого человека, они интегрируются в наше повседневное существование [4].

Информационные взаимодействия – это обмен данными и информацией между различными субъектами, включая физических и юридических лиц, а также системы. В условиях цифровизации и автоматизации многие процессы становятся зависимыми от ИИ, который позволяет обрабатывать большие объемы данных, обеспечивать прогнозирование и принимать решения. Однако, наряду с этим, возникают вопросы о защите прав субъектов, безопасности данных и соблюдении этических норм [5].

Информационная безопасность включает в себя стратегию развития в области применения информационных и коммуникационных технологий. Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (далее – Указ № 490), которым утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. [6], перед юридической наукой поставлена задача адаптации всей системы правового регулирования к изменяющимся условиям, в частности, в том, что касается взаимодействия человека с искусственным интеллектом [7].

В условиях цифровой трансформации всех аспектов жизни в России важно широко использовать технологии искусственного интеллекта (ИИ). Это поможет стране достичь технологических успехов. По словам Президента Российской Федерации В. В. Путина: «Не использовать эти инструменты – значит проиграть все, что нам дорого. Но в то же время, если использовать это бездум-

но, то это тоже может привести к утрате как раз всего того, что нам дорого – нашей идентичности» [8]. Сейчас самые перспективные области для применения ИИ с точки зрения экономической выгоды в России – это государственное управление, здравоохранение, финансовые услуги, промышленность, транспорт, сельское хозяйство, искусство, развлечения и образование.

Однако сохраняется дефицит квалифицированных *IT*-юристов. Рутинная юридическая работа автоматизируется, а региональные вузы не всегда располагают ресурсами для подготовки специалистов нового профиля. Необходимо масштабировать магистерские программы по направлению «Правовое обеспечение использования искусственного интеллекта» на базе региональных университетов, по модели совместной программы Президентской академии и университета «НЕЙМАРК».

Анализируя вышесказанное, следует отметить, что процесс цифровизации не должен ущемлять права граждан. На наш взгляд, искусственный интеллект является прогрессивным направлением, которое требует своевременного правового регулирования с учетом особенностей различных областей деятельности человека, в которые активно внедряются данные технологии [9].

Необходимо разработать закон, устанавливающий общие принципы и стандарты применения ИИ. Такой закон должен определить основные понятия, сферы применения, права и обязанности разработчиков и пользователей ИИ, а также правила регулирования и надзора в этой области. Определение ключевых понятий поможет избежать разночтений и обеспечить единое понимание на всех уровнях правоприменения.

Крайне важно создать закон о защите данных и приватности при использовании систем ИИ. Такие системы могут обрабатывать огромные объемы личной информации, что требует строгого соблюдения принципов конфиденциальности и безопасности данных. Данный закон должен предусмотреть механизмы шифрования, анонимизации и защиты данных от несанкционированного доступа, а также ответственность за их нарушение.

Также необходимо введение норм, касающихся этики и недискриминации. Закон в этой области должен запрещать использование ИИ для дискриминационных практик, предвзятых решений и создания неконкурентных условий. Это позволит избежать множества социальных и юридических проблем, связанных с предвзятостью ИИ.

И еще одним важным аспектом является регулирование ответственности за последствия работы ИИ. Поскольку системы ИИ могут принимать автономные решения, следует четко определить, кто несет ответственность за их действия и ошибки. На законодательном уровне следует предусмотреть меры, направленные на компенсацию ущерба, соблюдение гарантированных прав и установление четких обязанностей для разработчиков и операторов ИИ.

Резюмируя, можно выделить конкретные направления: принятие системного закона с риск-ориентированном подходом; закрепление трех гарантий прав граждан; масштабирование программ подготовки юристов на региональном уровне.

Пристатейный список литературы

1. *Мокроусова, О. Ю.* Правовое регулирование разнообразных форм общения в сети интернет / О. Ю. Мокроусова, Д. Е. Бабенко // Актуальные проблемы языковой политики в современных условиях: культура речи и риторика в профессиональной сфере : сборник по материалам межвузовской научно-теоретической конференции с международным участием / под ред. к. ю. н., проф. Б. М. Магомедова; к. ю. н., доц. А. А. Никитиной; к. филол. н., доц. Е. В. Птушкиной; к. филол. наук, доц. О. Ю. Мокроусовой. – Ростов-на-Дону : ВГУЮ (РПА Минюста России), Ростовский институт (филиал), 2021. – 533 с.
2. *Марченко, А. Ю.* Правовой анализ новейшего законодательства ЕС о применении технологий искусственного интеллекта : дис. … канд. юрид. наук / А. Ю. Марченко. – М., 2022. – 208 с.
3. Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Российская газета. – 2026. – 26 июля. – № 170.
4. *Гатауллин, А. Р.* Проблемы правового регулирования искусственного интеллекта в РФ / А. Р. Гатауллин // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – №3-1 (90). – С. 56–58.
5. *Муцольгов, И. А.* Электронное государство в России: правовое регулирование и аспекты / И. А. Муцольгов // Сборник научных трудов по материалам Межвузовской научной конференции с международным участием «Государствоведение в XXI веке: эпоха вызовов и перемен» / под общ. ред. к. ю. н, проф. Магомедова Б.М.; к. ю. н. Никитиной А.А., к. ю. н., доц. Апольского Е.А. – Ростов-на-Дону : ВГУЮ (РПА Минюста России), Ростовский институт (филиал), 2021. – 566 с.
6. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства РФ. – 14.10.2019. – № 41. – Ст. 5700.
7. *Андреев, В. К.* Динамика правового регулирования применения искусственного интеллекта / В. К. Андреев // Журнал российского права. – 2020. – № 3. – С. 58–68.
8. Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека// Президент России: официальный сайт. – URL: http://kremlin.ru (дата обращения: 12.09.2026).
9. *Сайгитмагомедова, Х. С.* Правовое регулирование систем искусственного интеллекта / Х. С. Сайгитмагомедова // Закон и право. – 2024. – № 1. – С. 88–90.

УДК 343

Лилия Сергеевна Савинкина,
студентка 4-го курса юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
savinkinalilia86@mail.ru

Научный руководитель:
Александр Николаевич Кокорев,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
административного, финансового и информационного права
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
alex.kokorev@mail.ru

СНИЖЕНИЕ БАРЬЕРОВ ДЛЯ ВНЕДРЕНИЯ ИИ: РОЛЬ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ

Аннотация. В статье исследуется механизм экспериментальных правовых режимов (ЭПР) как инструмента снижения правовых барьеров для внедрения технологий искусственного интеллекта (ИИ) в Российской Федерации. Проведен анализ нормативно-правовой базы, включая Федеральный закон № 258-ФЗ и актуальные изменения 2026 года, а также соотношение ЭПР с иными мерами государственной поддержки ИИ. Сделан вывод о роли ЭПР как механизма, обеспечивающего баланс между стимулированием инноваций и защитой прав граждан.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ); экспериментальные правовые режимы (ЭПР); государственная поддержка ИИ; «регуляторные песочницы»; правовое регулирование ИИ.

Искусственный интеллект (ИИ) не появился в России сразу, этому способствовало длительное развитие начиная с 2013 года, когда ИИ впервые был упомянут в Распоряжении Правительства РФ от 1 ноября 2013 г. № 2036-р [1]

как одно из перспективных направлений развития отрасли информационных технологий. Однако сейчас искусственный интеллект выступает незаменимым помощником во многих областях. По мере роста масштабов внедрения в жизнь общества государство полноценно подключилось к системному регулированию ИИ – от стратегических документов до отраслевых стандартов. Следующим этапом этой регуляторной траектории стали экспериментальные правовые режимы (ЭПР), дающие возможность проверять технологии на практике, не дожидаясь полного обновления нормативной базы. Для того, чтобы понять как ЭПР влияет на искусственный интеллект необходимо разобраться, что под собой подразумевает экспериментальный правовой режим.

Экспериментальный правовой режим представляет собой специально созданное государством правовое пространство, в деловой среде именуемое «регуляторной песочницей» [2]. В рамках данного пространства компании, разрабатывающие новые технологии, получают возможность тестировать свои продукты в реальных условиях, действуя не по общим жестким правилам законодательства, а по особым, более гибким нормам, адаптированным под специфику инновационных решений. Это позволяет сохранять правомерность деятельности даже в случаях, когда техническое решение не укладывается в существующие, определяемые законом рамки. Правовая основа данного механизма закреплена Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации», который вступил в силу в 2021 году. Также необходимо добавить, что помимо России «регуляторные песочницы» активно применяются в целом ряде других стран, таких как Австралия, Бахрейн, Великобритания, Индонезия, Канада, Китай, Малайзия, ОАЭ, Сингапур, США, Таиланд и Швейцария.

Однако летом 2026 года в Федеральный закон об ЭПР были внесены поправки [3]. Данные поправки привнесли три фундаментальных изменения в механизм регулирования ЭПР, каждое из которых существенно расширяет возможности для тестирования технологий искусственного интеллекта.

Первым и наиболее важным нововведением можно считать исключение из закона требования об обязательном наличии правового барьера для установления ЭПР. Ранее такой режим мог быть введен только при условии, что действующее регулирование содержит конкретные требования, запреты или ограничения, при соблюдении которых внедрение инновации невозможно или существенно затруднено. Отныне ЭПР допускается устанавливать и в тех сферах, где нормативное регулирование отсутствует вовсе.

Как отмечается в пояснительной записке к закону, практика применения ЭПР показала, что ряд инноваций – в первую очередь в области ИИ – не имеет правового регулирования в целом, а следовательно, к ним не мог применяться механизм ЭПР в силу ранее установленного ограничения. Специфика ИИ такова, что для многих направлений его применения специализированные законодательные акты еще не разработаны. В результате складывалась парадоксальная ситуация: чем не стандартнее инновация, тем меньше у нее шансов

попасть в «регуляторную песочницу», поскольку отсутствует нормативная база, в которую эта инновация могла бы «не вписаться» [4]. Отмена обязательного нормативного барьера впервые позволяет запускать ЭПР в сферах, где регулирование только предстоит создать, и тем самым формировать правовые нормы на основе реальных экспериментальных данных. Применительно к ИИ это означает, что государство переходит от модели регулирования через устранение уже существующих препятствий к модели по созданию регулирования через эксперимент, что показывает значительный прогресс в формировании адаптивной правовой среды для высокотехнологичных инноваций.

Второе изменение касается увеличения максимального срока действия ЭПР с трех до пяти лет. Как следует из пояснительной записки, трехлетнего срока в большинстве случаев недостаточно для полноценного тестирования сложных технологических решений, оценки их безопасности и сбора данных, необходимых для разработки постоянного регулирования. По мнению законодателя увеличение максимального срока ЭПР повысит эффективность и результативность ЭПР, а также обеспечит возможность комплексной оценки технологий и формирования полноценной нормативно-правовой базы [4].

Для развития технологий искусственного интеллекта такое изменение имеет особенно важное значение. Создание, обучение и последующая проверка ИИ-моделей невозможны без накопления значительных объемов данных. Для объективной оценки качества алгоритмов необходимы сведения, собранные в процессе их реального использования, когда система сталкивается с разнообразными условиями, нестандартными ситуациями и непредсказуемым поведением пользователей. Поэтому увеличение срока до пяти лет позволит охватить полный цикл – от первичного тестирования до сбора доказательной базы, достаточной для обоснованного нормотворчества.

Третье изменение – введение нового основания для прекращения статуса субъекта ЭПР по мотивированному обращению самого участника. Ранее выход из эксперимента был возможен только по решению регулятора. Теперь субъект вправе самостоятельно инициировать прекращение участия, что может быть обусловлено достижением целей эксперимента или другими изменениями. Для разработчиков ИИ это означает возможность прекратить тестирование, если модель не подтвердила заявленных характеристик или если в ходе эксперимента выявлены неприемлемые риски, – без необходимости ждать решения регулятора.

В числе конкретных сфер применения ИИ, открывающихся для тестирования благодаря принятым изменениям, следует отметить эксплуатацию беспилотной наземной обслуживающей техники в аэропортах и обработку промышленных данных с применением алгоритмов машинного обучения [5]. Так, в соответствии с программой эксперимента, подготовленной Минэкономразвития России и направленной в заинтересованные ведомства, на территории аэропортов (в первую очередь «Пулково» в Санкт-Петербурге, а также московских и сочинского аэропортов) планируется тестирование роботизированных систем для уборки территории, скашивания травы, снегоуборки и перевозки багажа.

Вместе с тем снижение регуляторных и экономических барьеров для внедрения ИИ обеспечивается не только посредством ЭПР, но и за счет комплекса мер финансовой и инфраструктурной поддержки, реализуемых институтами развития.

Ключевую роль в финансировании ранних стадий ИИ-проектов играет Фонд содействия инновациям (ФСИ), реализующий специализированные конкурсные линии («Старт-ИИ», «Развитие-ИИ», «Коммерциализация-ИИ») [6], ориентированные на малые предприятия и научнотехнические коллективы. Программы ФСИ предусматривают предоставление грантов и достижения четко определенных количественных показателей. Важной особенностью данных программ является возможность использования грантовых средств на покрытие расходов, непосредственно связанных с проведением пилотных испытаний, в том числе в рамках экспериментальных правовых режимов.

Наряду с ФСИ значимый вклад в развитие ИИ-разработок вносят Российский научный фонд (РНФ) и Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ), фокусирующиеся на поддержке поисковых и фундаментальных исследований. Если ЭПР по своей природе ориентирован на прикладное тестирование готовых решений, то РНФ и РФФИ обеспечивают предшествующую стадию – формирование научного фундамента, на котором строятся ИИтехнологии.

Принципиально важно, что институты финансирования и экспериментальные правовые режимы выполняют не дублирующие, а комплементарные функции. ЭПР не предполагает доведения денежных средств до участника, однако устраняет специфический риск, который не покрывается ни грантом, ни частной инвестицией, – риск нормативного запрета на саму апробацию технологии. В свою очередь грантовая поддержка не способна снять правовой барьер: профинансированная разработка без легальной возможности ее применения в регулируемой среде остается незавершенным инновационным проектом.

Если обратиться к количественным показателям, грантовая поддержка действительно образует тот массовый слой, на котором держится отечественная ИИ-повестка. В 2024 году РНФ поддержал около 10 тыс. проектов на 39,2 млрд рублей, в работы было вовлечено 42,7 тыс. исследователей младше 39 лет, поддержку получили около 800 организаций из 81 региона, а результатом стало более 45 тыс. публикаций [7]. Годовой отчет за 2025 год фиксирует 8,8 тыс. проектов на 38,2 млрд рублей при 55,3 тыс. исполнителей из более чем 800 организаций и 32,3 тыс. отчетных публикаций; число поданных заявок выросло с 17,5 до 18,5 тыс., а в рамках региональных конкурсов было профинансировано 481 проект на сумму свыше 1,4 млрд рублей, примерно половину которых составило софинансирование субъектов, что напрямую показывает рост интереса государства к развитию технологий искусственного интеллекта.

Таким образом, рассмотренные изменения законодательства об ЭПР, вступившие в силу в 2026 году, формируют качественно новый правовой инструментарий для развития искусственного интеллекта в России. Государство последовательно снижает барьеры: от отмены обязательного нормативного

препятствия через продление сроков тестирования до расширения автономии участников, а также использование грантов – каждое из нововведений адресует специфические потребности разработчиков ИИ. В совокупности эти меры означают переход от модели «снятия существующих барьеров» к модели «создания регулирования с нуля в контролируемой среде», что для технологий искусственного интеллекта имеет определяющее значение.

Пристатейный список литературы

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2013 г. № 2036-р «Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года» // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт – URL: https://pravo.gov.ru/.
2. *Макаров, В. О.* Перспективы внедрения и проблемы теории института «регулятивных песочниц» (экспериментальных правовых режимов) в Российской Федерации / В. О. Макаров // Право и политика. – 2021. – № 9. – С. 143–153.
3. Федеральный закон от 26 июля 2026 г. № 211-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2026.– № 26. – Ст. 3465.
4. *Кузюрин, Д. А.* Экспериментальные правовые режимы и регуляторные песочницы в российском законодательстве / Д. А. Кузюрин. // Молодой ученый. – 2025. – № 8 (559). – С. 213–214.
5. Расчистку взлетных полос доверят роботам // Парламентская газета: сайт. – URL: https://www.pnp.ru/.
6. *Бурса, И. А., Юраков, Ю. А., Каменский, Д. О.* Влияние государственных субсидий на эффективность инновационных проектов: анализ механизмов поддержки на примере программы «Старт-1» // Прикладные экономические исследования. – 2026. – № 3. – С. 190–198.
7. С*морчкова, Л. Н.* Грантовая поддержка Российской экономики: административно-правовое регулирование // Мониторинг правоприменения. – 2026. – № 1 (58). – С. 66–71.

УДК 336.564.2

Вероника Витальевна Селеменева,
студентка специалитета 4-го курса юридического факультета
Дальневосточного института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Хабаровск, Россия
vvsel919@gmail.com

Научный руководитель:
Александр Владимирович Ильиных,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин юридического факультета
Дальневосточного института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Хабаровск, Россия
alexflyhigh@yandex.ru

НАЛОГОВЫЕ ЛЬГОТЫ И ПРЕФЕРЕНЦИИ ДЛЯ *IT*-КОМПАНИЙ: ВЛИЯНИЕ НА МАСШТАБИРОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена тем, что искусственный интеллект (далее – ИИ) за короткий срок превратился в один из главных двигателей роста мировой экономики. В этих условиях налоговая политика государства становится одним из ключевых факторов, определяющих, сможет ли *IT*-компания развивать такие технологии. В рамках исследования был проведен анализ налоговых льгот и преференций для *IT*-компаний. В результате мы пришли к выводу, что налоговые льготы и преференции для *IT*-компаний существенно влияют на масштабирование технологий ИИ, а также сделали предложения по развитию законодательства РФ, направленные на поддержку отечественных *IT*-компаний, занимающихся соответствующими разработками.

Ключевые слова: аккредитация; налоговые льготы; *IT*-компании; ИИ-компании; искусственный интеллект; преференции.

За последние годы искусственный интеллект превратился из экспериментальной концепции в самостоятельную ключевую экономическую платформу и драйвер глобального роста мировой экономики.

Искусственный интеллект представляет собой созданную человеком систему, которая способна выполнять задачи, обычно требующие мышления. Она может учиться на данных, делать выводы и принимать решения, а также понимать язык и распознавать образы. В отличие от обычных программ, действующих по жестким правилам, такая система подстраивается под новые условия и действует самостоятельно в рамках поставленной цели [1, с. 56].

Масштабирование ИИ, а именно переход от пилотных версий к массовому внедрению, требует колоссальных финансовых затрат на вычислительную инфраструктуру, обучение моделей и привлечение специалистов. В этих условиях налоговая политика государства становится одним из ключевых факторов, определяющих, сможет ли информационно-технологическая компания (далее – *IT*-компания) позволить себе развивать ИИ-технологии или будет вынуждена сосредоточиться на более простых направлениях. Именно поэтому государство все чаще прибегает к целенаправленным мерам поддержки, одной из которых выступают налоговые льготы и преференции [2, с. 151].

Под *IT*-компаниями принято понимать организации, которые занимаются созданием, внедрением и обслуживанием компьютерных систем и программ. Они разрабатывают программное обеспечение, поддерживают работу сетей и хранилищ данных, а также помогают другим предприятиям и учреждениям использовать современные технические решения в своей деятельности.

Налоговые льготы и преференции для компаний, работающих в сфере информационных технологий (далее – ИТ), представляют собой особые условия, устанавливаемые государством в рамках налогового законодательства. Они играют роль мощного ускорителя, позволяющего технологиям быстрее проходить путь от научной разработки до широкого практического применения [3, с. 133].

Российская система налоговой поддержки ИТ-отрасли начала формироваться в 2020 году с принятием Федерального закона № 265-ФЗ, который ввел пониженные ставки налога на прибыль для аккредитованных *IT*-компаний [4]. В 2022–2024 годах *IT*-компании были полностью освобождены от налога на прибыль (0% – в федеральный и 0% – в региональный бюджеты) Федеральным законом от 26.03.2022 № 67-ФЗ [5]. С конца 2024 года в связи с общим повышением ставки налога на прибыль с 20% до 25% согласно Федеральному закону от 12.07.2024 № 176-ФЗ для *IT*-компаний установлена налоговая ставка 5% в федеральный бюджет и 0% в региональный – до 2030 года включительно [6]. Таким образом, разрыв между льготной и общей ставкой составляет 20 процентных пунктов, что делает данную преференцию одной из самых значимых в российской налоговой системе.

Отдельно следует сказать о том, что в российском законодательстве специального налогового режима именно для разработчиков ИИ пока нет. Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий

искусственного интеллекта в Российской Федерации» [7] – первый системный закон об ИИ, но он регулирует только большие фундаментальные модели (от 1 млрд параметров) и носит рамочный характер: конкретные меры господдержки и порядок их получения еще предстоит определить в подзаконных актах. Налоговые льготы, которые сегодня действуют, – это общие ИТ-льготы, не привязанные к ИИ.

Национальная стратегия развития ИИ до 2030 года задает цели и задачи, но не содержит прямых налоговых механизмов [8], а Кодекс этики в сфере ИИ является лишь рекомендательным документом [9].

Таким образом, по состоянию на 1 октября 2026 года универсального налогового вычета или специального уменьшения налога для компании, занимающейся именно разработкой и внедрением ИИ законодательно не закреплено. Правительство, Минцифры и бизнес обсуждают пакет мер, повышающих коэффициенты к расходам на ИИ, специальную амортизацию, льготы по налогу на добавленную стоимость (далее – НДС) и упрощенной системе налогообложения, но ни одна из них пока не принята.

При этом уже предложен отдельный механизм поддержки –инвестиционный вычет по налогу на прибыль: до 20 млрд рублей на одну организацию в период до 2030 года. Однако у него есть существенное ограничение: собственные вложения компании должны превышать сумму вычета минимум в 5 раз. На практике это означает, что механизм рассчитан на крупный бизнес с налоговой базой в сотни миллиардов рублей. Соответственно, организации, которые располагают сильными командами по разработке и исследованиям в сфере ИИ, но имеют относительно небольшую налоговую базу, фактически остаются вне периметра этой льготы.

Нулевая ставка страховых взносов для отдельных организаций из группы разработчиков ИИ-моделей будет утверждаться Правительством РФ. Это, по сути, эксклюзивная мера для узкого круга – крупнейших игроков рынка (Яндекс, Сбер, *VK*), которая закрепит их доминирование и оставит без поддержки малые инновационные команды.

В 2026 году в зоне риска по аккредитации оказались около трех тысяч компаний. Минцифры усилило проверки, и количество исключений из реестра растет. Поводов много: иностранное происхождение компонентов, превышение доли нерезидентов среди учредителей, жалобы на нарушение авторских прав. Утрата аккредитации автоматически лишает всех ИТ-льгот с начала налогового периода.

Освобождение от налога на добавленную стоимость действует при реализации прав на программное обеспечение (далее – ПО) из реестра российского ПО, но если продукт содержит хотя бы один модуль, позволяющий пользователям размещать рекламу, искать контрагентов или заключать сделки, – вся компания теряет право на освобождение от НДС. Для компаний, занимающихся ИИ, это особенно актуально: многие ИИ-платформы имеют встроенные маркетплейс-функции или рекламные модули, которые автоматически выводят продукт из-под льготы.

Кроме того, с 2026 года нельзя совмещать льготы «Сколково» и аккредитацию Минцифры – нужно выбрать один пакет. Для резидентов «Сколково» тарифы страховых взносов выше (30% до 1,5 МРОТ и 15% сверх), а период применения ограничен 10 годами.

С 1 января 2026 года ИТ-льготы недоступны компаниям со статусом иностранного агента, а также организациям, где доля участия лиц со статусом иностранного агента составляет 10% и более.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что текущие ИТ-льготы создавались для классической разработки ПО, а не для ИИ-специфики. ИИ-компании часто работают на стыке технологий и других отраслей (медицина, биотех, промышленность), где профильный доход трудно отделить от непрофильного. А специальные ИИ-меры, которые обсуждаются, по своей структуре адресованы крупным корпорациям с миллиардными бюджетами, а не «стартапам».

Перечисленные обстоятельства формируют запрос на корректировку рассматриваемой сферы правового регулирования.

Во-первых, на наш взгляд, целесообразно введение отдельного правового статуса – «разработчик искусственного интеллекта» – в дополнение к ИТ-аккредитации. Подобный статус не заменял бы действующую ИТ-аккредитацию, а дополнял бы ее. Такой подход позволит адресовать преференции непосредственно компаниям, работающим в сфере ИИ, а не всем субъектам ИТ-отрасли без исключения.

Присвоение статуса предлагается возложить на Минцифры России на основании заявления организации, для получения которого достаточно соответствия одному из перечисленных критериев:

– наличие ИИ-продукта в реестре российского программного обеспечения с отметкой «сфера ИИ»;

– наличие в штате специалистов с подтвержденной квалификацией в области искусственного интеллекта;

– доля выручки от ИИ-продуктов и услуг составляет не менее 30%.

Указанный статус предоставлял бы доступ к дополнительному набору льгот: как поверх базовых ИТ-преференций, так и вместо них (для компаний, не достигающих порога ИТ-дохода в 70%, но фактически занятых разработкой в сфере ИИ).

Изменения, в первую очередь, следует внедрять путем дополнения ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» статьей 7.1 «Статус разработчика технологий искусственного интеллекта», а также ст. 284 НК РФ нормой о специальном налоговом режиме для обладателей такого статуса.

Во-вторых, мы предлагаем установить особый пакет налоговых льгот для разработчиков ИИ (масштабируемый не только для крупных компаний).

Вместо единого порога в 20 млрд рублей следует внедрить трехуровневую систему, в которой учтен объем выручки организаций. Как пример, она может выглядеть следующим образом.

Уровень 1. «Стартапы» и малые ИИ-компании (выручка до 500 млн рублей):

– налог на прибыль – 0% (в федеральный и региональный бюджеты) в течение первых пяти лет с момента получения статуса;

– страховые взносы – 7,6% (без разделения на базу и сумму сверх базы);

– освобождение от НДС для услуг по разработке и внедрению ИИ-решений.

Уровень 2. Средние ИИ-компании (выручка от 500 млн до 5 млрд рублей):

– налог на прибыль – 5% (федеральная часть) и 0% (региональная) – по аналогии с IT-аккредитованными организациями;

– страховые взносы – 7,6%.

Уровень 3. Крупные разработчики фундаментальных моделей (выручка свыше 5 млрд рублей):

– все меры, предусмотренные текущим предложением АНО «Цифровая экономика (вычет до 20 млрд рублей, трехкратный учет расходов) [10].

В-третьих, по нашему мнению, важно распространить льготы не только на фундаментальные, но и на прикладные ИИ-модели. В этом направлении следует ввести в статью 3 ФЗ от 26.07.2026 № 234-ФЗ понятие «прикладная модель искусственного интеллекта», под которой можно понимать модель, содержащую менее 1 млрд параметров, но решающую конкретную прикладную задачу (медицинская диагностика, промышленная инспекция, финансовый скоринг и т.д.) и включенную в реестр российского ПО с отметкой ИИ.

Для разработчиков прикладных моделей представляется возможным предусмотреть:

– доступ к выше упомянутым мерам поддержки уровней 1 и 2;

– упрощенную процедуру включения в реестр ПО – без требования о подтверждении соответствия духовно-нравственным ценностям (данное требование сохранить только для суверенных и национальных фундаментальных моделей).

В-четвертых, важным видится исключение рекламных и маркетплейс-модулей из-под «антильготной» нормы по НДС. В этом направлении следует внести изменения в ст. 149 НК РФ, уточнив, что основанием для утраты освобождения от НДС является ситуация, когда реклама, поиск контрагентов или заключение сделок составляют основной функционал-продукта (более 50% выручки от соответствующих операций), а не побочный модуль. Для ИИ-продуктов, основной функционал которых – обработка данных, генерация контента, аналитика или распознавание образов, наличие вспомогательных маркетплейс-функций не должно лишать компанию льготы.

Дополнительно целесообразно предусмотреть в реестре российского ПО обязательную маркировку «содержит рекламные / маркетплейс-модули», чтобы Федеральная налоговая служба России (далее – ФНС России) могла применять дифференцированный подход при проведении проверок.

В-пятых, следует разрешить комбинировать льготы «Сколково» и ИТ-аккредитации для ИИ-компаний. Так, для компаний со статусом «разработчик ИИ» разрешить совмещение льгот «Сколково» и ИТ-аккредитации в части

страховых взносов: применять тариф 7,6% к выплатам сотрудникам, занятым в разработке ИИ-продуктов, сохраняя при этом налоговые льготы резидента «Сколково». Другой вариант: ввести для таких компаний переходный период в три года, в течение которого они могут пользоваться одновременно двумя системами и определить порядок выбора оптимального пакета по истечении этого срока. Такой подход потребует изменений в ст. 427 НК РФ и ФЗ № 244 «Об инновационном центре «Сколково».

В-шестых, перспективным, на наш взгляд, является введение пониженного порога профильного дохода для ИИ-компаний, работающих на стыке отраслей. Для компаний со статусом «разработчик ИИ» можно снизить порог профильного дохода с 70% до 50% при условии, что не менее 30% выручки приходится именно на ИИ-продукты и услуги. Доходы от внедрения ИИ-решений в смежных отраслях (медицина, промышленность, финансы) следует засчитывать в профильные при наличии подтверждающей документации – договоров на разработку или внедрение, актов о приемке выполненных работ, записей в реестре ПО. В дополнение к изложенному Минцифры совместно с ФНС России может выпустить методические рекомендации о порядке классификации доходов ИИ-компаний с примерами по основным отраслям применения.

Таким образом, предложенные новации в законодательство РФ направлены на снижение порога входа для инвестиций в сферу ИИ. Компаниям должно быть выгодно не только разрабатывать новые решения, но и массово внедрять их в свою повседневную деятельность, а государству следует их в этом направлении стимулировать. Разработчики ИИ смогут получать больше средств для реинвестирования, заказчики – больше стимулов для приобретения и внедрения технологий ИИ, а отрасль – благоприятные условия для роста, что, в конечном счете, направлено на развитие экономики государства в целом и передовых технологий в области ИИ, в частности.

Пристатейный список литературы

1. *Еремичева, Т. В.* Цифровая экономика и эволюция искусственного интеллекта / Т. В. Еремичева, А. С. Харланов, М. Н. Новиков // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2020. – № 1. – С. 56–57.
2. *Семкина, А. С.* Налоговый маневр в IT-отрасли России: содержание, правовые средства, решения и проблемы / А. С. Семкина // Молодой ученый. – 2021. – № 43 (385). – С. 150–152.
3. *Дьячкина, Л. А.* Налоговые льготы как инструмент стимулирования развития ИТ-отрасли / Л. А. Дьячкина, А. И. Кожакина // Экономика. Налоги. Право. – 2025. – Т. 18, № 5. – С. 133–145.
4. О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.2020 № 265-ФЗ (ред. от 23.11.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (ч. I). – Ст. 5024; 2020. – № 48. – Ст. 7627.

5. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и статью 2 Федерального закона «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 26.03.2022 № 67-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 13. – Ст. 1956; 2024. № 33 (ч. I). – Ст. 4955.
6. О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации : Федеральный закон от 12.07.2024 № 176-ФЗ (ред. от 28.11.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 29 (ч. III). – Ст. 4105; 2025. – № 48 (ч. I). – Ст. 7236.
7. О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации : Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2026. – № 30. – Ст. 4089.
8. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 41. – Ст. 5700; 2024. – № 8. – Ст. 1102.
9. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта // Министерство цифрового развития Владимирской области : сайт. – URL: https://digital.avo.ru/-/kodeks-etiki-v-sfere-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 27.09.2026).
10. Разработчикам ИИ предложили вычет до 20 млрд рублей до 2030 года // Investfuture : сайт. – URL: https://investfuture.ru/articles/raz-rabotchikam-ii-predlozhili-vychet-do-20-mlrd-rubley-do-2030-goda-37792798?ysclid=mung54ha 2f239589891 (дата обращения: 27.09.2026).

УДК 340.113

Антонина Владимировна Сокиркина,
студентка 2-го курса юридического факультета
Ростовского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия
antoninasokirkina9@gmail.com

Научный руководитель:
Валерий Николаевич Орлов,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
и криминалистики юридического факультета
Ростовского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия
orlovvaleriy2411@mail.ru

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: БАЛАНС ОТКРЫТОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье анализируется обеспечение технологического суверенитета РФ в сфере ИИ через правовое регулирование. Исследуется конфликт между открытостью для научного обмена и нацбезопасностью данных. Рассмотрены положения Национальной стратегии развития ИИ до 2030 года, а также механизмы контроля за оборотом обезличенных персональных данных и критической информационной инфраструктурой.

Ключевые слова: технологический суверенитет; искусственный интеллект; национальная безопасность; персональные данные; критическая информационная инфраструктура; импортозамещение ПО.

Формирование суверенной цифровой экосистемы является одним из приоритетов государственной политики Российской Федерации. В условиях глобальной геополитической турбулентности зависимость от иностранных проприетарных решений в сфере искусственного интеллекта (далее – ИИ) создает прямые угрозы экономической стабильности и национальной безопасности. Обеспечение технологического суверенитета требует выстраивания сложного правового баланса: с одной стороны, необходимо гарантировать беспрепятственный доступ к глобальным массивам информации для обучения нейросетей, с другой – исключить риски утечки стратегически значимых сведений и внешнего манипулирования алгоритмами принятия государственных решений.

Правовую основу данного процесса составляет Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», утвердивший Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [1]. Документ закладывает фундамент перехода от модели потребления зарубежных сервисов к созданию отечественных платформенных решений. Однако Стратегия носит декларативный характер. Практическая реализация суверенитета детализирована в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [2] и Федеральном законе от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [3].

Важность минимизации односторонней зависимости от недружественных стран в сфере ИИ подчеркивает сенатор Артем Шейкин: «Основная предпосылка обновления стратегии – необходимость обеспечить технологический суверенитет страны. Нам нужно создавать научные, технологические знания и минимизировать одностороннюю зависимость от недружественных стран» [8]. С позицией государственного деятеля согласуется и правовая доктрина. Так, известный исследователь в области права ИИ П. М. Морхат отмечает, что «юнит искусственного интеллекта рассматривается как инструмент в руках человека, что делает пользователя (или другое лицо) правообладателем результатов интеллектуальной деятельности». Это принципиально важно для определения ответственности и правового режима создаваемых решений.

Центральным правовым вызовом выступает обеспечение алгоритмов ИИ обучающими выборками. Для создания конкурентоспособных моделей требуется колоссальный объем разнородной информации, зачастую содержащей сведения о частной жизни граждан или государственную тайну. Законодательство РФ предлагает механизм деперсонализации данных. Согласно ст. 3 Федерального закона № 152-ФЗ, обработка обезличенных данных не требует согласия субъекта [2], что теоретически открывает широкие возможности для разработчиков. Тем не менее Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 233-ФЗ внес существенные коррективы, установив особый порядок обработки больших пользовательских данных и создав ГИС ЕБД (единую базу данных), оператором которой выступает Правительство РФ [4]. Данный шаг направлен на консолидацию национальных дата-сетов под государственным контролем, однако порождает проблему избыточной централизации, которая

может замедлить инновационную деятельность частного сектора и снизить общую открытость рынка данных [5].

Второй аспект баланса – защита критической информационной инфраструктуры (КИИ). Широкое внедрение систем ИИ в энергетику, транспорт, банковский сектор и государственное управление переводит программные комплексы в разряд объектов КИИ. Правовой режим, установленный Федеральным законом № 187-ФЗ, обязывает субъектов КИИ использовать преимущественно отечественное программное обеспечение и оборудование [3]. Это требование напрямую стимулирует развитие локальных школ машинного обучения и аппаратных ускорителей. Вместе с тем, жесткие нормативы по сертификации средств защиты информации создают высокие административные барьеры. Длительные сроки согласования обновлений ПО могут приводить к эксплуатации уязвимостей, что противоречит самой цели обеспечения кибербезопасности. Таким образом, законодатель сталкивается с дилеммой: скорость внедрения инноваций против гарантированной защищенности периметра.

Парадокс импортозамещения в критической информационной инфраструктуре (КИИ). Текущая практика фиксации реестров отечественного программного обеспечения вынуждает субъекты КИИ использовать устаревшие версии библиотек для формального соблюдения закона. Это приводит к накоплению нерешенных уязвимостей, что парадоксальным образом снижает уровень кибербезопасности и противоречит самой цели защиты инфраструктуры [7].

Таким образом, необходимо внедрение гибкого регламента ускоренной сертификации обновлений безопасности для компонентов с открытым кодом и разрешение временного использования зарубежных патчей под строгим контролем Национального координационного центра по компьютерным инцидентам (НКЦКИ). Данная мера позволит синхронизировать жесткие требования по импортозамещению со сроками выхода актуальных версий, открытого ПО, избежать технологического отставания систем государственного управления и сохранить полный суверенитет над конечным стеком используемых технологий.

Особого внимания заслуживает вопрос стандартизации и оценки доверия к искусственному интеллекту [6]. Открытость разработки предполагает использование открытых библиотек и фреймворков. Однако полная прозрачность кода повышает риск обнаружения эксплойтов потенциальными злоумышленниками. В данном контексте ФЗ № 187-ФЗ и сопутствующие приказы ФСТЭК России формируют закрытый контур верификации доверенного ИИ [3]. Правовая политика смещается в сторону концепции «суверенного стека» технологий, где каждый уровень – от микроэлектроники до прикладного софта – подлежит строгому нормативно-техническому регулированию. При этом сохраняется пространство для международной кооперации в рамках БРИКС и ЕАЭС для выработки единых стандартов совместимости, не зависящих от западных технологических реестров.

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что российский подход к обеспечению технологического суверенитета базируется на приоритете национальной безопасности над трансграничной свободой оборота данных. Текущее законодательство формирует жесткую рамку, ограничивающую внешнюю открытость ради защиты внутреннего цифрового контура. Дальнейшая эволюция правового регулирования должна быть направлена на смягчение этих ограничений точечными инструментами (ЭПР, регуляторные песочницы), что позволит сохранить темпы технологического развития, не жертвуя при этом защитой интересов личности, общества и государства.

Пристатейный список литературы

1. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 41. – Ст. 5700.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3451.
3. Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 31 (часть I). – Ст. 4761.
4. Федеральный закон от 08.08.2024 № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» и Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202408080031 (дата обращения: 12.09.2026).
5. Федеральный закон от 26.07.2026 «О поддержке развития искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 14.09.2026).
6. *Морхат, П. М.* Право и искусственного интеллекта : тезаурус / П. М. Морхат. – Москва, 2019.
7. *Брюховецкий, И. В.* Подходы к правовому регулированию искусственного интеллекта в КНР // Информационное право. – 2024. – № 2. – С. 13–16.
8. *Шейкин А.* Обновление стратегии развития ИИ и технологический суверенитет // Совет Федерации Федерального Собрания РФ : сайт. http://council.gov.ru (дата обращения: 14.09.2026).

УДК 34.09:004.8

Яна Николаевна Шахова,
студентка 3-го курса Тульского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Тула, Россия
anasahova149@gmail.com

Научный руководитель:
Татьяна Алексеевна Вепренцева,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин Тульского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Тула, Россия
Vt180678@yandex.ru

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Искусственный интеллект (далее – ИИ) становится одним из значимых инструментов цифровой трансформации государства. Технологии ИИ применяются при обработке больших массивов информации, прогнозировании, автоматизации управленческих процессов, выявлении рисков и поддержке принятия решений. Актуальность темы обусловлена тем, что применение ИИ в сфере национальной безопасности связано одновременно с технологическими возможностями и правовыми рисками. Научная проблема – отсутствие комплексного определения правовых пределов применения ИИ в системе обеспечения национальной безопасности. Гипотеза: эффективное регулирование требует дифференциации правовых требований в зависимости от уровня риска, обязательного человеческого контроля за наиболее значимыми решениями и более четкого распределения юридической ответственности. Цель – анализ государственно-правового регулирования применения ИИ в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Анализ показывает, что российское регулирование ИИ развивается от стратегического этапа к формированию специальной законодательной базы. Основными проблемами остаются определение пределов автоматиза-

ции, обеспечение человеческого контроля, защита информации, объяснимость и обоснованность алгоритмических решений, распределение юридической ответственности. Развитие правового регулирования целесообразно связывать с дифференцированными требованиями по уровню риска, механизмами человеческого контроля, процедурами оценки соответствия и более четким определением ответственности субъектов.

Ключевые слова: искусственный интеллект; национальная безопасность; государственно-правовое регулирование; правовые риски.

Искусственный интеллект в системе обеспечения национальной безопасности может рассматриваться одновременно как объект государственного регулирования и как инструмент решения задач государства. С одной стороны, государство устанавливает требования к разработке и применению технологий ИИ, определяет порядок их использования и меры ответственности. С другой стороны, технологии ИИ могут использоваться для анализа информации, выявления угроз, прогнозирования и повышения эффективности государственного управления.

При использовании искусственного интеллекта государство должно учитывать требования Конституции Российской Федерации, законодательства об информации, персональных данных, безопасности [1], а также специальные нормативные акты, регулирующие развитие технологий ИИ.

Федеральный закон от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» устанавливает правовые основы отношений, связанных с разработкой, внедрением и применением больших фундаментальных моделей искусственного интеллекта.

В статье 4 закона закреплены общие принципы правового регулирования отношений в сфере разработки, внедрения и применения больших фундаментальных моделей искусственного интеллекта, включая создание благоприятных условий для их развития, обеспечение технологической независимости, соблюдение прав и свобод человека и гражданина [2].

Особое значение для национальной безопасности имеют положения закона, предусматривающие учет угроз конституционному строю, обороне и государственной безопасности, жизни и здоровью граждан, собственности и информационной безопасности.

Закон также предусматривает государственную поддержку развития технологий ИИ, определяет полномочия Правительства Российской Федерации, устанавливает особенности создания и функционирования моделей искусственного интеллекта, требования к разработчикам, маркировке информации, созданной с использованием ИИ, и использованию объектов интеллектуальной собственности.

При этом положения статьи 11 Федерального закона № 243-ФЗ, посвященные ответственности, не следует рассматривать как универсальную систему ответственности за любые последствия применения искусственного интеллекта [2]. Ответственность должна определяться с учетом конкретных обстоятельств нарушения, характера соответствующей обязанности и субъекта, на которого такая обязанность возложена законодательством.

Институциональная система регулирования ИИ продолжает развиваться. Постановлением Правительства Российской Федерации от 9 июня 2025 г. № 861 создан Центр развития искусственного интеллекта на базе автономной некоммерческой организации «Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации». На него возложены информационно-аналитическое и организационно-техническое обеспечение приоритетных задач государства в сфере ИИ, а также отдельные функции, связанные с развитием нормативного регулирования безопасности технологий искусственного интеллекта, мониторингом проектов и оценкой внедрения ИИ [3].

Указом Президента Российской Федерации от 26 февраля 2026 г. № 116 образована Комиссия при Президенте Российской Федерации по вопросам развития технологий искусственного интеллекта [4]. Ее создание отражает дальнейшее формирование системы государственного управления развитием ИИ.

Практическое применение ИИ уже осуществляется в сфере государственного управления. В частности, Правительство Российской Федерации сообщало об использовании модели искусственного интеллекта при мониторинге реализации национальных проектов и государственных программ. Такая система анализирует информацию о мероприятиях и показателях и используется для выявления возможных рисков [5].

Вместе с тем автоматизация анализа не устраняет необходимости определения субъекта, на котором в соответствии с законодательством лежит ответственность за соответствующее решение или действие.

Отдельное значение имеет применение ИИ в сфере информационной безопасности. Автоматизированный анализ информации может использоваться для выявления подозрительной активности, обнаружения информационных угроз и анализа больших массивов данных. Однако использование таких технологий должно осуществляться с соблюдением требований законодательства об информации и персональных данных [6].

Вопросы применения ИИ связаны также с противодействием экстремизму. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124, предусматривает проведение исследований, направленных на разработку технологий ИИ и их применение для мониторинга средств массовой информации, включая информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», в том числе для анализа потоковых данных [7] .

Данное положение показывает закрепление ИИ в качестве одного из потенциальных инструментов государственного мониторинга информационной среды. При этом само наличие соответствующего стратегического направ-

ления не означает установления универсальной обязанности применять ИИ при мониторинге информационных ресурсов.

ИИ может использоваться и в других направлениях обеспечения национальной безопасности. Технологии искусственного интеллекта способны применяться для анализа информации, прогнозирования развития угроз, обработки данных и поддержки принятия решений в различных государственных структурах. Однако конкретные способы и пределы такого применения должны определяться с учетом характера соответствующей деятельности и требований законодательства.

Особого внимания заслуживает вопрос о возможности делегирования ИИ отдельных решений. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта предусматривает разработку правил, касающихся возможности делегирования информационным системам на основе ИИ отдельных решений [8]. Это позволяет рассматривать пределы автоматизации как самостоятельную правовую проблему, непосредственно связанную с рисками, возникающими при использовании ИИ в сфере национальной безопасности. При применении ИИ в сфере национальной безопасности возникают несколько групп правовых рисков [9].

Во-первых, существует риск ошибки алгоритма. Даже при высокой точности алгоритмической системы сохраняется вероятность ошибочного результата анализа или прогнозирования. Если результат работы ИИ используется при принятии юридически значимого решения, возникает вопрос о допустимости такой автоматизации и о субъекте, который должен нести ответственность за последствия.

Во-вторых, возникает проблема объяснимости и обоснованности результатов применения алгоритмических систем [10]. Для правового регулирования важно обеспечить возможность установить основания получения результата, особенно если он используется при принятии решений, затрагивающих права и законные интересы граждан.

В-третьих, возникает проблема распределения ответственности между разработчиком, оператором, пользователем соответствующей системы и иными лицами. Сам по себе факт использования ИИ не должен автоматически означать перенос ответственности на технологию.

В-четвертых, применение ИИ связано с рисками информационной безопасности. Система может стать объектом внешнего воздействия, а содержащиеся в ней данные могут иметь ограниченный доступ. Поэтому при использовании ИИ в сфере национальной безопасности необходимо учитывать требования к защите информации.

В-пятых, использование ИИ требует определения пределов допустимой автоматизации [9]. Чем существеннее последствия принимаемого решения, тем более значимым становится вопрос о наличии контроля со стороны уполномоченного человека.

В связи с этим дальнейшее развитие правового регулирования целесообразно осуществлять по нескольким направлениям.

Первое направление связано с дифференциацией рисков. Предлагается разграничивать применение ИИ в зависимости от возможных последствий его использования и выделить три уровня риска: низкий, повышенный и высокий.

Второе направление – установление требований к содержательному человеческому контролю за решениями, принимаемыми с использованием ИИ. Под таким контролем предлагается понимать возможность уполномоченного лица оценить результат работы системы, при необходимости не согласиться с ним и принять самостоятельное решение.

Третье направление связано с оценкой соответствия используемых технологий установленным требованиям безопасности. В рамках настоящего исследования предлагается рассмотреть возможность установления специальных процедур проверки надежности, защищенности и соответствия таких систем установленным требованиям безопасности.

Четвертое направление заключается в более четком распределении юридической ответственности между субъектами, участвующими в разработке, внедрении и применении ИИ. При этом правовые последствия должны определяться с учетом конкретных действий или бездействия тех субъектов, на которых законодательством возложены соответствующие обязанности.

Таким образом, развитие законодательства об искусственном интеллекте должно быть направлено не только на поддержку технологического развития, но и на обеспечение управляемости и юридической определенности его применения. Особенно это важно в сфере национальной безопасности, где последствия ошибок могут затрагивать значительный круг общественных отношений.

Проведенный анализ показывает, что российское регулирование искусственного интеллекта развивается от преимущественно стратегического этапа к формированию специальной законодательной базы. Федеральный закон № 243-ФЗ создал правовую основу для регулирования разработки, внедрения и применения больших фундаментальных моделей искусственного интеллекта. Вместе с тем данный закон не устраняет всех вопросов, связанных с использованием ИИ именно в системе обеспечения национальной безопасности.

При этом основными проблемами остаются определение пределов автоматизации, обеспечение человеческого контроля, защита информации, объяснимость и обоснованность алгоритмических решений, и распределение юридической ответственности.

Особое значение имеет вопрос о юридической силе нормативных указов Президента Российской Федерации. Возможность нормативного регулирования указами Президента Российской Федерации в предусмотренных Конституцией пределах не означает их независимости от Конституции Российской Федерации и федеральных законов. При этом Президент не вправе подменять федеральное законодательство и выходить за пределы своей конституционной компетенции [11]; конституционность нормативных актов Президента может быть проверена в установленном законом порядке [12].

В дальнейшем развитие правового регулирования применения ИИ в системе национальной безопасности целесообразно связывать с установлением дифференцированных требований в зависимости от уровня риска, закреплением механизмов человеческого контроля, развитием процедур оценки соответствия и более четким определением ответственности субъектов, участвующих в создании и использовании технологий искусственного интеллекта.

Таким образом, задача государства заключается не только в стимулировании развития искусственного интеллекта, но и в создании таких правовых условий, при которых использование данной технологии в сфере национальной безопасности будет осуществляться в пределах закона, с учетом прав и законных интересов граждан, требований информационной безопасности и необходимости обеспечения ответственности конкретных субъектов.

Пристатейный список литературы

1. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» // СПС «КонсультантПлюс»; Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальное опубликование правовых актов. – URL: https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001 (дата обращения: 21.09.2026).
2. Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 09.06.2025 № 861 «О Центре развития искусственного интеллекта при Правительстве Российской Федерации» (вместе с «Положением о системе реализации приоритетных задач Правительства Российской Федерации в области искусственного интеллекта») // СПС «КонсультантПлюс».
4. Указ Президента Российской Федерации от 26.02.2026 № 116 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам развития технологий искусственного интеллекта» // Президент России : сайт. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/52999 (дата обращения: 21.09.2026)
5. Дмитрий Григоренко: Правительство внедрило искусственный интеллект в систему управления нацпроектами // Правительство России. 11.09.2025. URL: https://rfi.mnr.gov.ru/news/news-rfi/dmitriy-grigorenko-pravitelstvo-vnedrilo-iskusstvennyy-intellekt-v-sistemu-upravleniya-natsproektami (дата обращения: 21.09.2026).
6. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс»; Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // Президент России : сайт. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/51580/page/4 (дата обращения: 21.09.2026).
8. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Президент России : сайт. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731 (дата обращения: 21.09.2026).
9. *Понкин, И. В., Редькина, А. И.* Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Юридические науки. – 2018. – Т. 22, № 1. – С. 91–109. DOI: 10.22363/2313-2337-2018-22-1-91-109.
10. *Талапина, Э. В.* Прозрачность алгоритмов искусственного интеллекта // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 18. № 3. С. 4–27.
11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
12. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 347.1/.5

Артем Геннадьевич Шейкин,
кандидат экономических наук, аспирант
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
sheykin.art@gmail.com

Научный руководитель:
Земфира Мухарбиевна Казачкова,
кандидат экономических наук, доктор юридических наук,
профессор, заведующая кафедрой административного,
финансового и информационного права
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
zem7900@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ УПРАВЛЕНИЯ И КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье рассматриваются организационно-правовые основы управления сферой искусственного интеллекта (ИИ) в ЕС, США, Китае, Великобритании и России. Основное внимание уделено Федеральному закону от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» и проекту постановления Правительства РФ о наделении Минцифры России полномочиями, предусмотренными данным Законом. Анализируется соотношение полномочий Президента РФ, Правительства РФ, Минцифры, отраслевых органов, ЦБ РФ и субъектов Российской Федерации по ст. 5 Закона № 243-ФЗ. Отдельно рассматривается вопрос о возможной модели контрольно-надзорного органа в сфере ИИ и его подведомственности. Обосновывается вывод о переходе России от стратегического планирования к формированию управленческой структуры при временном отсутствии контрольно-надзорной составляющей.

Ключевые слова: искусственный интеллект; правовое регулирование ИИ; контрольно-надзорная деятельность; Минцифры России; риск-ориентированный подход; разграничение компетенций; подведомственность.

Введение

Стремительное развитие технологий ИИ требует адекватного правового регулирования, включая формирование организационно-управленческого и контрольно-надзорного механизма. В 2026 г. в России принят первый профильный Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» [1] (далее – Закон № 243-ФЗ), а также подготовлен проект постановления Правительства РФ, наделяющий Минцифры России полномочиями по координации внедрению ИИ [2]. Эти изменения знаменуют переход от стратегического планирования к формированию системы управления сферой искусственного интеллекта.

Зарубежные модели управления сферой ИИ

В *Европейском союзе* Регламент ЕС об искусственном интеллекте 2024/1689 от 13 июня 2024 г. [3] закрепляет многоуровневую систему: Офис искусственного интеллекта, Европейский совет по ИИ, Консультативный форум и Научная группа независимых экспертов. Каждое государство-член обязано учредить как минимум один орган по уведомлению и один орган по надзору за рынком. Надзор дифференцирован по уровню риска: для систем высокого риска – техническая документация, учет, управление качеством, наблюдение после вывода на рынок; для систем общего назначения с системными рисками – исключительные полномочия Комиссии ЕС.

В *США* созданы Специальный комитет по искусственному интеллекту при Национальном совете по науке и технологиям (планирование и координация) и Национальный офис по реализации инициативы в области ИИ (реализация стратегических положений). Такая модель сочетает межведомственную координацию с исполнительным органом.

В *Великобритании* длительное время преобладало отраслевое регулирование (финансовые службы, Офис комиссаров по информации, Офис по защите конкуренции). Однако в феврале 2024 г. создано Управление по искусственному интеллекту в составе Департамента науки, инноваций и технологий, что свидетельствует о движении к централизации в данной сфере.

В *Китае* управление сферой ИИ осуществляется через многоуровневую структуру, координируемую Государственным советом, где ключевую роль играет Управление по киберпространству Китая, отвечающее за регистрацию генеративных ИИ-сервисов и правоприменение. Другие ведомства, такие как Министерство промышленности и информационных технологий, Государственная комиссия по развитию и реформам и Государственная администрация по регулированию рынка, участвуют в управлении в пределах своей компетенции.

Российская модель управления сферой ИИ

Закон № 243-ФЗ регулирует разработку, внедрение и применение больших фундаментальных моделей ИИ (БФМ ИИ) – программ, содержащих не менее 1 млрд параметров. Вводятся понятия «суверенная» и «национальная» БФМ ИИ с требованиями к российскому контролю, технической воспроизводимости и соответствию традиционным духовно-нравственным ценностям.

Принципы правового регулирования (ст. 4) включают: обеспечение благоприятных условий для развития, технологическую независимость, риск-ориентированный подход, учет традиционных ценностей и безопасность. Президент РФ утверждает Национальную стратегию развития ИИ; Правительство РФ координирует деятельность федеральных органов, определяет меры господдержки, устанавливает случаи обязательного применения суверенных моделей и требования по предотвращению рисков.

Статья 5 закрепляет за уполномоченным органом в сфере информационных технологий (Минцифры России) три функции: анализ развития БФМ ИИ и выработка мер по совершенствованию регулирования; методическая поддержка государственных органов и органов местного самоуправления; выработка мер стимулирования. Обращает на себя внимание законодательный пробел: регулирование контрольно-надзорных полномочий.

Статья 5 выстраивает вертикаль управления из пяти уровней.

Первый – стратегический: Президент РФ утверждает Национальную стратегию развития ИИ (п. 1 ч. 1 ст. 5). Закон не конкретизирует, вправе ли Президент создавать специализированные органы, определять их подчиненность или корректировать стратегию вне общего порядка.

Второй – координационно-регулятивный: Правительство РФ координирует деятельность федеральных органов исполнительной власти, определяет меры господдержки, устанавливает случаи обязательного применения суверенных и (или) национальных БФМ ИИ, требования по предотвращению рисков и порядок доступа к данным (ч. 2 ст. 5).

Третий – аналитико-методический: Минцифры осуществляет анализ развития БФМ ИИ, методическую поддержку и выработку мер стимулирования (ч. 3 ст. 5). В отличие от Правительства, которое «координирует», Минцифры лишь «анализирует» и «оказывает методическую поддержку», что создает разрыв между координацией и ее информационно-методическим обеспечением. Отсутствуют полномочия по согласованию решений иных органов, наблюдению за исполнением требований и оценке эффективности внедрения.

Четвертый – отраслевой и исполнительный: федеральные органы, иные государственные органы, органы местного самоуправления, государственные корпорации и ЦБ РФ в пределах компетенции осуществляют внедрение БФМ ИИ в ключевых отраслях (ч. 4 ст. 5). В банковской сфере и на финансовом рынке случаи обязательного применения суверенных моделей и требования по рискам устанавливаются по согласованию с ЦБ РФ (п. 3 и 4 ч. 2 ст. 5), но самостоятельными надзорными полномочиями в сфере ИИ ЦБ РФ не наделяется.

Пятый – региональный: высший исполнительный орган субъекта РФ вправе по согласованию с федеральным органом в области обеспечения безопасности устанавливать порядок доступа к региональным информационным системам для обучения суверенных и (или) национальных БФМ ИИ (ч. 5 ст. 5). Это право, а не обязанность, что ведет к неравномерности развития региональной инфраструктуры данных; согласование с органом безопасности создает дополнительный административный барьер.

Итак, ст. 5 формирует многоуровневую, но не завершенную систему: стратегические, координационные, методические, отраслевые и региональные полномочия распределены, однако отсутствует звено, отвечающее за контроль и надзор. Российская модель пока представляет собой промежуточное рамочное регулирование.

Проект постановления «О внесении изменений в постановление Правительства РФ от 2 июня 2008 г. № 418» [2] дополняет Положение о Минцифры подпунктами 5.4.28–5.4.30, дословно воспроизводящими три функции из ч. 3 ст. 5 Закона № 243-ФЗ. В структуре Минцифры действует Департамент развития искусственного интеллекта и больших данных (развитие технологий) [4] и создается департамент внедрения сервисов ИИ и цифровых платформ (внедрение готовых решений в госсекторе) [5]. При этом в пояснительной записке говорится о «координации внедрения», тогда как сам проект воспроизводит лишь аналитико-методические функции, не наделяя Минцифры ни координирующими, ни – тем более – надзорными полномочиями.

Отметим также, что в России функционирует Центр развития искусственного интеллекта при Правительстве Российской Федерации, образованный в соответствии с постановлением Правительства РФ от 9 июня 2025 г. № 861 [6], перед которым стоит задача информационно-аналитического и организационно-технического сопровождения реализации приоритетных задач в области ИИ в широком спектре областей, что некоторым образом дублирует полномочия Минцифры.

Возможная модель контрольно-надзорного органа в сфере ИИ

В российской системе федеральных органов исполнительной власти исторически сложилось разделение: министерства осуществляют нормативно-правовое регулирование, федеральные службы и агентства – контрольно-надзорные функции. Надзорные органы могут быть подведомственны профильным министерствам (Росздравнадзор – Минздраву, Роскомнадзор – Минцифры, Роструд – Минтруду) либо находиться в прямом подчинении Правительства РФ (Роспотребнадзор, Ростехнадзор, Рособрнадзор, ФАС России). Ключевые надзорные органы, чья независимость критически важна, вынесены из структуры министерств во избежание конфликта интересов и возможности проверять деятельность самих министерств.

Применительно к сфере ИИ возможны два варианта.

Вариант 1: орган подведомствен Минцифры (по аналогии с Роскомнадзором). К достоинствам данного подхода может быть отнесена организационная простота, единая политика, использование существующей инфраструктуры.

В то же время Минцифры отвечает за развитие ИИ, выработку мер стимулирования и координацию внедрения. Получив надзорные функции, оно окажется и продвигающим технологии, и наказывающим за нарушения, что противоречит логике разделения функций (Указ Президента РФ от 09.03.2004 № 314 [7]). ИИ затрагивает все отрасли – образование, здравоохранение, финансы, транспорт, промышленность; служба под эгидой Минцифры может оказаться недостаточно авторитетной для проверки других министерств.

Вариант 2: самостоятельная федеральная служба по надзору в сфере ИИ, подведомственная Правительству РФ (по аналогии с Роспотребнадзором, Ростехнадзором, Рособрнадзором, ФАС России). Этот подход позволит обеспечить независимость от отраслевых министерств, межотраслевой надзор, статус, позволяющий проверять иные федеральные органы. Такой орган отвечал бы за классификацию ИИ по уровню риска, ведение реестров, проверки, наблюдение после вывода на рынок, рассмотрение жалоб. Правительство РФ руководило бы службой напрямую, что соответствует задаче стратегической координации (ч. 2 ст. 5 Закона № 243-ФЗ). К недостаткам относятся дополнительные организационные и бюджетные затраты, риск дублирования с Минцифры и отраслевыми регуляторами. Вместе с тем эти риски снимаются четким разграничением: Минцифры – политика, анализ, методика, стимулирование; новая служба – контроль и надзор.

Представляется более адекватным второй вариант. Это соответствует мировой тенденции к централизации надзора и российской практике выделения ключевых надзорных органов из министерств. При выборе первого варианта необходимо законодательно закрепить функциональную независимость надзорного подразделения внутри Минцифры и запретить совмещение функций продвижения ИИ и надзора за ним в одном структурном подразделении.

Сравнительный анализ

Сравнение правопорядков пяти юрисдикций выявляет устойчивые тенденции.

Централизация управления. Практически все юрисдикции движутся от отраслевого регулирования к специализированным координирующим структурам: ЕС – Офис ИИ и Европейский совет; США – Специальный комитет и Национальный офис; Великобритания (2024 г.) – Управление по ИИ. Россия наделяет Правительство функциями координации и анализа. Однако если в ЕС и Китае центральные органы имеют распорядительные и надзорные полномочия, то российская модель ограничивается аналитическими и методическими функциями.

Разграничение функций. В зарубежных моделях четко разделены планирование, координация, экспертиза и контроль. В России функции концентрируются в одном ведомстве (Минцифры), а также частично дублируются с Центром развития искусственного интеллекта при Правительстве РФ, с что ведет к перегрузке и размыванию ответственности.

Риск-ориентированный подход. ЕС внедряет классификацию систем ИИ по уровню риска. Россия закрепила этот принцип (п. 5 ст. 4 Закона № 243-ФЗ),

но механизмы классификации и надзора не разработаны. В отличие от ЕС, где классификация установлена законодательно, российский закон делегирует ее исполнительной власти, что создает риск злоупотреблений.

Контрольно-надзорная деятельность. Существенное отличие – отсутствие надзорных полномочий у уполномоченного органа. В ЕС Регламент детально регламентирует органы уведомления и надзора за рынком, наблюдение после вывода на рынок. В России Закон № 243-ФЗ лишь декларирует ответственность (ст. 11), не создавая механизма контроля, что делает невозможным полноценное обеспечение безопасности.

Соотношение полномочий в ст. 5 Закона № 243-ФЗ позволяет заключить, что законодатель избрал модель рассредоточения компетенций: Президент определяет стратегические приоритеты, Правительство – общую координацию и нормативное регулирование, Минцифры – аналитико-методическую функцию, отраслевые органы и ЦБ РФ внедряют модели, регионы обеспечивают доступ к данным. Распределение не подкреплено механизмами согласования и ответственности: отсутствует орган, сводящий воедино информацию о внедрении, выявляющий системные риски и инициирующий корректировку регулирования. В ЕС эту роль выполняет Офис ИИ, в Китае – координационный механизм, в США – Специальный комитет. В России Минцифры, не имея координирующих полномочий, не может эффективно выполнять даже аналитическую функцию из-за отсутствия гарантированного доступа к данным иных ведомств.

Проблемы и перспективы

Необходимо устранить несоответствие между пояснительной запиской к проекту постановления, где зафиксирована «координация внедрения» [2] и его текстом (аналитико-методические функции): либо наделить Минцифры координирующими полномочиями, либо закрепить координирующие функции за Центром развития искусственного интеллекта при Правительстве РФ.

Отдельного решения требует вопрос о контрольно-надзорном органе. Отсутствие контрольно-надзорной составляющей – ключевая проблема. Без права проводить проверки, запрашивать документацию, приостанавливать деятельность нарушителей уполномоченный орган не может обеспечивать соблюдение закона. Делегирование классификации рисков исполнительной власти требует осторожности: гибкость может обернуться непредсказуемостью и злоупотреблениями. В этом отношении полезен опыт ЕС в части независимых экспертных органов и наблюдения после вывода на рынок, а также законодательное закрепление механизма взаимодействия с субъектами.

Выводы

Российская Федерация переходит от стратегического планирования к формированию организационно-управленческой структуры в сфере ИИ. Закон № 243-ФЗ и проект постановления о полномочиях Минцифры закладывают основу для централизованной координации, однако российская модель существенно уступает ЕС в части контрольно-надзорных механизмов. Отсутствие у уполномоченного органа права проводить проверки и применять меры

принуждения делает регулирование неполным. Полномочия Центра развития искусственного интеллекта при Правительстве Российской Федерации ограничены информационно-аналитическим сопровождением и дублируют функции Минцифры.

Анализ ст. 5 Закона № 243-ФЗ показывает, что разграничение полномочий требует уточнения: необходимо законодательно раскрыть содержание координации, закрепить за Минцифры или иным органом право запрашивать информацию, проводить наблюдение и инициировать проверки, определить механизм разрешения споров между отраслевыми регуляторами. Для полноценного регулирования необходимо дополнить Закон № 243-ФЗ нормами о контроле и надзоре. Наиболее предпочтительное институциональное решение – создание самостоятельной федеральной службы по надзору в сфере ИИ, подведомственной Правительству РФ. Альтернативой может стать наделение соответствующими полномочиями подразделения Минцифры с гарантиями функциональной независимости. В любом случае следует закрепить риск-ориентированную классификацию на законодательном уровне и обеспечить независимую экспертизу.

Дальнейшее развитие организационно-правовых основ управления ИИ в России должно быть направлено на преодоление разрозненности и создание сбалансированной системы, сочетающей стимулирование инноваций с обеспечением безопасности личности, общества и государства.

Пристатейный список литературы

1. Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Российская газета. – 2026. – 31 июля.
2. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов : сайт. – URL: https://regulation.gov.ru/projects/171039/.
3. Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 г., устанавливающий согласованные правила в области искусственного интеллекта и вносящий изменения в Регламенты (ЕС) № 300/2008, (ЕС) № 167/2013, (ЕС) № 168/2013, (ЕС) 2018/858, (ЕС) 2018/1139 и (ЕС) 2019/2144 и Директивы 2014/90/ЕС, (ЕС) 2016/797 и (ЕС) 2020/1828 (Регламент об искусственном интеллекте) // Official Journal of the European Union. – 2024. – 12 July 2024. – P. 1–144.
4. Постановление Правительства РФ от 09.06.2025 № 861 «О Центре развития искусственного интеллекта при Правительстве Российской Федерации» (вместе с «Положением о системе реализации приоритетных задач Правительства Российской Федерации в области развития технологий искусственного интеллекта и Центре развития искусственного интеллекта при Правительстве Российской Федерации») // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 24. – Ст. 3181.

5. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минцифры) : сайт. – URL: https://digital.gov.ru/departments/departament-razvitiya-iskusstvennogo-intellekta-i-bolshih-dannyh.
6. *Шокурова, Е.* Минцифры станет главным регулятором искусственного интеллекта в России / Е. Шокурова // РБК.ru : сайт. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/04/07/2026/6a48f1da9a79472d9431bf94.
7. Указ Президента РФ от 09.03.2004 № 314 (ред. от 27.03.2023) «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // Российская газета. – 2004. – 12 марта.

Современные подходы к взысканию долгов: нормативное регулирование и эффективность инструментов

УДК 347

Никита Андреевич Борисов,
студент 3-го курса Ижевского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ижевск, Россия
borisow_6622@mail.ru

Научный руководитель:
Светлана Викторовна Гарифуллина,
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Ижевского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ижевск, Россия
kafgpd@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ДОЛЖНИКОВ ОТ НЕДОБРОСОВЕСТНЫХ ДЕЙСТВИЙ КОЛЛЕКТОРОВ

Аннотация. Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью адаптации правозащитных механизмов к современным реалиям, в которых всеобщая информационная связанность общества делает частную жизнь граждан слабо защищенной от грубого вторжения. В условиях, когда обычная имущественная ответственность за просрочку платежей незаконно перерастает в психологическое давление на личность, особую значимость, на наш взгляд, приобретает обеспечение защиты личного покоя и душевного равновесия должников от навязчивого преследования со стороны взыскателей. Цель исследования заключается в комплексном изучении правовых механизмов защиты должников от навязчивого давления со стороны взыскателей и оценке эффективности института компенсации морального вреда как инструмента пресечения подобного давления. В ходе исследования были проанализированы действующее законодательство, в частности статья 10 ГК РФ (о запрете на злоупотребление правом) и Федеральный закон № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности", который установил четкие границы взаимодействия с должником и приравнял автоматизирован-

ные системы взыскания к живым операторам, а также судебная практика. В результате мы пришли к выводу, что эффективное противодействие навязчивому взысканию невозможно без формирования практики ощутимых, а не символических компенсаций. Для полного искоренения недобросовестного взыскания необходимо дальнейшее совершенствование закона, включающее закрепление презумпции морального вреда и автоматическую блокировку роботов-коллекторов, что сделает психологическое давление экономически невыгодным.

Ключевые слова: защита прав должников; недобросовестное взыскание; коллекторы; робот-коллектор; компенсация морального вреда; нематериальные блага.

Недобросовестное взыскание грубо задевает базовые нематериальные блага граждан. Это и навязчивый информационный прессинг, и разглашение сведений о задолженности третьим лицам, и скрытое психологическое давление. Все это нарушает неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, достоинство личности и психическую неприкосновенность. Специальное законодательство в этой сфере принято. Но баланс между коммерческой целесообразностью взыскания и гражданско-правовой защитой слабой стороны правоотношений – гражданина-потребителя до сих пор не определен.

Острота проблемы подтверждается актуальными статистическими данными. За девять месяцев 2025 года кредиторы передали на взыскание коллекторам по агентской схеме рекордные 1,2 трлн руб., а число кейсов увеличилось до 46,9 млн – плюс 65,7%. По прогнозам НАПКА, по итогам 2025 года объем агентского взыскания может составить 1,3 трлн руб. В условиях высоких ставок рефинансирование долгов становится проблематичным, из-за чего кредиторам все чаще приходится обращаться к профессиональным взыскателям [1].

В основе любого обязательственного правоотношения лежит простая связка: должник обязан исполнить обязательство надлежащим образом [2], а кредитор вправе требовать такого исполнения. Если срок возврата займа нарушен, кредитор получает право задействовать защитные и обеспечительные механизмы. Среди них – досудебное напоминание о долге и проведение переговоров.

Опора регулирования здесь – статья 10 ГК РФ. Она запрещает заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав, то есть злоупотребление правом, а также действия, совершаемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу [2]. Сам по себе просроченный долг еще не делает взыскание правонарушением. Но все меняется, когда законный интерес кредитора – вернуть предоставленное благо подменяется желанием расшатать эмоционально-волевую сферу должника и сделать его повседневную жизнь невыносимой.

Однако доказать в суде, что десятки звонков в неделю совершены с целью причинения вреда, а не реализации законного права требования было практически невозможно. Взыскатели легко оправдывались: «Мы просто напоминаем о долге».

Федеральный закон от 03.07.2016 № 230-ФЗ появился как раз для того, чтобы защита нематериальных благ заемщика перестала зависеть от трудно доказуемых суждений и опиралась на четкие юридические стандарты [3].

Практическая ценность этого закона для правовой системы и гражданина раскрывается в нескольких принципиальных моментах.

1. Заемщик больше не обязан доказывать душевные страдания или умысел взыскателя. Достаточно зафиксировать объективное превышение лимитов [3].

2. Закон лишил взыскателей возможности перекладывать вину на технику. Роботы-коллекторы (автоматизированные интеллектуальные агенты) прямо приравнены к живым операторам. Их звонки подлежат столь же строгому учету. [3]

3. Третьи лица – родственники, коллеги, соседи больше не являются объектом давления по умолчанию [3].

4. Через четыре месяца с момента просрочки гражданин вправе официально отказаться от взаимодействия. Тогда любые звонки и визиты блокируются, а спор переходит в суд [3].

Показательным в этом плане является решение Арбитражного суда Краснодарского края от 26.02.2025 по делу № А32-38329/2024. Суд рассмотрел заявление ПАО «Сбербанк России» об оспаривании постановления Главного управления ФССП по Краснодарскому краю о привлечении банка к административной ответственности по ч. 1 ст. 14.57 КоАП РФ в виде штрафа в размере 200 000 рублей. Поводом для разбирательства послужили действия банка по взысканию просроченной задолженности с гражданинадолжника с использованием автоматизированного интеллектуального агента (робота-коллектора), а также систематические безответные телефонные вызовы [4]. Так, суд, ссылаясь на позицию ВС РФ, указал, что осуществление взаимодействия с использованием робота-коллектора не исключает необходимость отнесения такого взаимодействия к телефонным переговорам, периодичность которых определена п. 3 ч. 3 ст. 7 Закона № 230-ФЗ [3]. Более того, неоднократные вызовы, на которые должник систематически не отвечает, подразумевают его явное нежелание продолжать взаимодействие. Значение данного дела заключается в том, что автоматизация взыскания не создает иммунитета от ответственности, а кредитор отвечает за частоту и характер звонков, даже если их совершает робот.

Тем не менее, правоприменительная практика демонстрирует устойчивый рост нарушений. Согласно статистике Федеральной службы судебных приставов, с 2020 по 2024 год количество обоснованных жалоб граждан на взыскателей выросло более чем в 1,8 раза. В 2024 году поступило 51,8 тыс. жалоб, из которых 29% (9,4 тыс.) были признаны обоснованными [5]. Эта тенденция

прямо указывает на рост долговой нагрузки населения и необходимость совершенствования защитных механизмов.

Иск о компенсации морального вреда, пожалуй, самый востребованный инструмент защиты должника. И одновременно самый проблемный. Прямого материального ущерба от навязчивых звонков, оскорблений и автодозвона нет. А вот психологическое благополучие страдает всерьез. Под удар попадают личная неприкосновенность, покой, честь, достоинство, право на охрану здоровья – то есть нематериальные блага, которые закон защищает.

Долгие годы главной помехой для эффективной защиты должников оставался так называемый судебный демпинг. Иски вроде и удовлетворяли, но присуждали при этом чисто символические суммы: от 500 до 2 000 рублей. Присутствие в отечественном правопорядке указанной проблемы настолько велико, что заявляемые истцами невысокие суммы связаны с тем фактом, что они осознают тщетность требования больших сумм, воспринимая существующую практику как объективно существующий элемент правоприменительной практики [6].

Перелом в практике наступил после того, как Пленум Верховного Суда РФ принял постановление от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» [7]. В постановлении сформулированы два принципиальных правовых ориентира:

• Презумпция страданий при нарушении покоя. Должнику незачем доказывать в суде свою тяжелую депрессию. Психоэмоциональное напряжение суды признают естественным следствием телефонного давления – этого достаточно.

• Критерий разумности и справедливости против символизма. В п. 30 Пленум ВС РФ исключил возможность присуждения потерпевшему чрезвычайно малой, незначительной денежной суммы, если только такая сумма не была указана им в исковом заявлении [7]. Она должна быть заметной для нарушителя и реально смягчать переживания потерпевшего.

Обратимся к материалам судебной практики по рассматриваемому вопросу. Решением по делу № 2-3007/2025 от 22.12.2025 Тракторозаводским районным судом города Волгограда Волгоградской области удовлетворены требования гражданина к ООО «Афина». Ответчик без согласия истца осуществлял обработку его персональных данных и распространял рекламу ненадлежащим способом, что привело к вмешательству в частную жизнь. Суд взыскал с ООО «Афина» по 30 000 руб. за незаконную обработку персональных данных и за вмешательство в частную жизнь, признав сумму разумной и справедливой [8]. Это подтверждает отказ судов от символических компенсаций и ориентацию на ощутимость выплаты для нарушителя и адекватное смягчение страданий потерпевшего.

В случаях, когда действия взыскателей выходят за рамки телефонного беспокойства, в действие вступают механизмы уголовно-правовой охраны. Законодатель, осознавая повышенную общественную опасность недобросовестного взыскания, ввел статью 172.4 УК РФ. Данная норма предусматривает

строгую уголовную ответственность за возврат долгов граждан с применением насилия, уничтожением или повреждением имущества, а также распространением ложных сведений, порочащих честь должника. В квалифицированных составах (например, при совершении деяния организованной группой или с применением насилия, опасного для жизни) наказание может достигать 10 лет лишения свободы [9].

Анализ охранительных механизмов гражданского права через институт компенсации морального вреда показывает: взгляды на ценность личного пространства человека заметно изменились. Личный покой, душевное равновесие и неприкосновенность жилища – необходимые условия нормального биосоциального существования личности. Когда кредитор вторгается в эту сферу и прибегает к навязчивому преследованию, правовая природа обязательства меняется. Имущественная ответственность за просрочку платежа незаконно превращается в давление на личность, поэтому гражданско-правовая реакция на такие случаи должна быть не символической, а предупредительно-восстановительной.

Если суды занижают нематериальный вред, возникают ложные экономические стимулы. Взыскатели начинают считать систематическое унижение достоинства должника допустимой и оправданной статьей расходов.

В качестве итогового предложения по совершенствованию защиты личных неимущественных прав должников следует рассмотреть законодательное закрепление презумпции компенсации морального вреда в тех случаях, когда коллектор уже привлечен к административной или уголовной ответственности. Это избавит потерпевших от обязанности доказывать сам факт нравственных страданий. Кроме того, целесообразно на юридическом и техническом уровне внедрить автоматическую блокировку связи с роботами-взыскателями, если ими превышена установленная частота взаимодействий. Подобные нововведения сделают психологическое давление экономически невыгодным для кредиторов.

Также, целесообразно ввести институт финомбудсмена (по аналогии его применения в страховых спорах) как института внесудебной защиты прав должника-гражданина, вменив ему право на содействие в компенсации морального вреда. Это станет важнейшим шагом к тому, чтобы защита нематериальных благ слабой стороны правоотношений перестала быть формальной и начала работать на практике.

Пристатейный список литературы

1. В 2025 году кредиторы передадут коллекторам рекордные объемы просрочки // Газета.Ru : сайт. – URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2025/11/25/27260185.shtml
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» от 03.07.2016 № 230-ФЗ (последняя редакция) // // СПС «КонсультантПлюс».
4. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 26.02.2025 по делу № А32-38329/2024. // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/dcRLh6of5kNX/#3
5. Россияне подали рекордное число обоснованных жалоб на коллекторов // РБК : сайт. – URL: https://www.rbc.ru/finances/04/02/2025/67a08cfb9a79472bb6869abd.
6. *Афанасьев, И. В., Морозов, Н А.* Компенсация морального вреда: теория, проблемы практики правоприменения и пути их преодоления // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kompensatsiya-moralnogo-vreda-teoriya-problemy-praktiki-pravoprimeneniya-i-puti-ih-preodoleniya.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Решение Тракторозаводского районного суда города Волгограда от 22.12.2025 по делу № 2-3007/2025 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/iXW0OoxffYxT/#3
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 347

Элеонора Владленовна Дудник,
Дарья Андреевна Митяева,
студентки 3-го курса факультета
правового обеспечения национальной безопасности
Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
ela.dudnik@mail.ru
dahamit2506@gmail.com

Научный руководитель:
Екатерина Николаевна Потапова,
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
katrin.klg@yandex.ru

ПРОБЛЕМА «СКРЫТЫХ ДОЛГОВ» В НАСЛЕДСТВЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ: ИНФОРМАЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ НОТАРИУСА И РИСКИ НАСЛЕДНИКОВ

Аннотация. В статье рассматривается проблема «скрытых долгов» наследодателя, которые могут оставаться неизвестными наследникам при принятии наследства. Анализируются правовая природа таких обязательств, риски наследников и информационная функция нотариуса с учетом современных изменений законодательства. Рассматриваются механизмы выявления кредитных и налоговых обязательств, существующие информационные пробелы и направления совершенствования законодательства и нотариальной практики.

Ключевые слова: наследование; скрытые долги; долги наследодателя; наследники; нотариус; информационная функция нотариуса.

Современное наследственное право сталкивается с проблемой долговых обязательств наследодателя, о которых наследники не знали на момент принятия наследства. Рост кредитной нагрузки и разнообразие имущественных обязательств приводят к тому, что стоимость наследства не всегда соответствует его действительной экономической ценности.

В соответствии со ст. 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, имущественные права и обязанности. Согласно ст. 1175 ГК РФ наследники, принявшие наследство, отвечают по долгам наследодателя солидарно, но каждый – только в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества. Это является проявлением принципа универсального правопреемства, закрепленного ст. 1110 ГК РФ: к наследнику переходят не только активы, но и входящие в наследственную массу долги.

Особую сложность представляют обязательства, сведения о которых отсутствуют у наследников и не могут быть выявлены ими обычным способом. Термин «скрытые долги» не является легальным и используется как научно-практическая характеристика информационной проблемы: наследник принимает решение о принятии наследства, не располагая полной информацией о его пассивах [1, с. 2]. После принятия Федерального закона от 23.11.2024 № 407-ФЗ проблема получила дополнительную актуальность: Основы законодательства РФ о нотариате были дополнены ст. 61.1 «Извещение наследников о долгах наследодателя». С 24 ноября 2025 г. нотариус обязан запрашивать сведения о кредитной истории наследодателя и информировать наследников о наличии либо отсутствии соответствующих обязательств [2].

Действующее законодательство не содержит самостоятельного определения «скрытых долгов». Представляется обоснованным понимать под ними существовавшие на момент открытия наследства имущественные обязанности, о которых наследник не знал и не мог получить сведения из доступных источников. Неизвестность долга не прекращает обязательство: согласно п. 58 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 под долгами наследодателя, по которым отвечают наследники, следует понимать все имевшиеся у наследодателя к моменту открытия наследства обязательства, не прекращающиеся смертью должника, независимо от наступления срока их исполнения, а равно от времени их выявления и осведомленности о них наследников при принятии наследства [3].

Следовательно, «скрытый долг» имеет прежде всего информационный, а не материально-правовой характер. К таким обязательствам могут относиться частные займы по распискам, отдельные обязательства поручителя, задолженность по коммунальным платежам и некоторые налоговые обязательства, если они не отражены в доступных наследнику информационных системах. В судебной практике обсуждается вопрос о возможности перехода к наследникам субсидиарной ответственности контролирующих лиц; однако единый подход пока не выработан [4, с. 35; 5].

Правовой режим долгов наследодателя определяется прежде всего ст. 1175 ГК РФ. Во-первых, принятие части наследства означает принятие всего причитающегося наследнику наследства, поэтому невозможно принять имущество, полностью игнорируя связанные с ним обязательства. Во-вторых, ответственность ограничена стоимостью наследственного имущества, что защищает личное имущество наследника. В-третьих, при нескольких наследниках ответственность перед кредиторами является солидарной, поэтому требование может быть предъявлено к одному или нескольким наследникам с последующим распределением расходов между ними [6].

Проблема «скрытых долгов» возникает на пересечении универсального правопреемства и необходимости обеспечить наследнику возможность осознанно определить свое отношение к наследству. Решение о принятии наследства принимается в шестимесячный срок (ст. 1154 ГК РФ), тогда как информация о задолженности может появиться позднее [7, с. 67]. Незнание наследника о существовании долга само по себе не освобождает его от ответственности в пределах стоимости наследства.

Важное значение имеет и временной фактор. Между открытием наследства, выявлением задолженности и предъявлением требования кредитором может пройти значительный период. Поэтому сам факт отсутствия требований в первые месяцы после смерти наследодателя не должен рассматриваться как окончательное подтверждение отсутствия долгов. Информационная проверка должна проводиться с учетом даты получения сведений и характера соответствующего обязательства.

Основной экономический риск заключается в расхождении между активами и пассивами наследственной массы. Получение квартиры, автомобиля или денежных средств не означает отсутствия обременений и связанных с имуществом обязательств. Существенное значение имеют залог, ипотека, арест и запрет регистрационных действий.

Существуют и процессуальные риски: кредитор может обратиться в суд уже после открытия наследства, а отсутствие долга в материалах наследственного дела не означает прекращения обязательства. Даже сведения из бюро кредитных историй не гарантируют выявления всех долгов, поскольку кредитная история является лишь одним из источников информации. Вместе с тем Федеральный закон от 23.07.2025 № 246-ФЗ установил специальный режим начисления неустойки, пеней и штрафов по потребительским кредитам в период, связанный с оформлением наследства, что направлено на недопущение необоснованного роста долговой нагрузки наследников [8].

Современная информационная функция нотариуса постепенно расширяется. В соответствии со ст. 61.1 Основ законодательства РФ о нотариате не позднее трех рабочих дней после открытия наследственного дела нотариус направляет запрос в Центральный каталог кредитных историй для определения соответствующего бюро кредитных историй (далее – БКИ) либо установления его отсутствия. После этого запрашивается кредитная исто-

рия, а наследники информируются о полученных сведениях [9]. Технический порядок взаимодействия определен Указаниями Банка России от 19.05.2025 № 7057-У и № 7058-У [10].

Получение кредитной информации осуществляется с учетом требований о банковской тайне и защите информации. Банк России предусматривает возможность предоставления кредитного отчета наследодателя нотариусу по его запросу в связи с установлением состава наследства [11].

Следует учитывать, что информационная функция нотариуса не означает возложения на него обязанности гарантировать отсутствие любых долгов наследодателя. Нотариус располагает только теми сведениями, которые могут быть получены из предусмотренных законом источников. Поэтому уведомление наследника должно четко разграничивать выявленные обязательства и пределы проведенной проверки. Такое разграничение имеет значение и для правовой определенности, поскольку предотвращает формирование у наследника представления о наличии абсолютной гарантии отсутствия задолженности.

Информационные возможности нотариуса расширяются и в налоговой сфере. Федеральный закон от 10.06.2026 № 170-ФЗ закрепил право нотариуса получать сведения о положительном, отрицательном либо нулевом сальдо единого налогового счета наследодателя. Электронный порядок взаимодействия через СМЭВ применяется с 1 января 2027 г., до этого действует переходный порядок [12].

Однако единая картина долгов пока не формируется. БКИ отражают прежде всего кредитные обязательства; Федеральная служба судебных приставов (далее – ФССП) – сведения об исполнительных производствах, отсутствие которых не свидетельствует об отсутствии задолженности; Федеральная налоговая служба (далее – ФНС) – налоговые обязательства; сведения об обременениях недвижимости содержатся в Единый государственный реестр недвижимости (далее – ЕГРН), а о залоге движимого имущества – в нотариальном реестре. Частные займы, расписки, отдельные поручительства, арендные и иные гражданско-правовые обязательства могут стать известны только после обращения кредитора или представления документов [13, с. 747].

Защиту интересов наследника целесообразно рассматривать как двухуровневую систему. Первый уровень – деятельность нотариуса: проверка доступных сведений БКИ, налоговых органов, данных об имуществе и его обременениях, исполнительных производствах, банкротстве и поступивших требованиях кредиторов. Результаты проверки целесообразно документировать и приобщать к наследственному делу, поскольку они могут иметь доказательственное значение.

Второй уровень связан с разумной активностью самого наследника. Отсутствие сведений в кредитной истории не следует считать подтверждением отсутствия любых долгов. Наследнику целесообразно дополнительно проверить сведения об исполнительных производствах, судебных делах, банкротстве, налоговой и коммунальной задолженности, а также документы и электрон-

ные сообщения наследодателя о договорах и платежах. При наличии значительного имущества необходимо учитывать не только его номинальную стоимость, но и обременения.

При этом развитие цифрового взаимодействия должно сопровождаться едиными требованиями к срокам актуальности информации. Для наследника принципиально важно понимать, когда был сформирован кредитный, налоговый или иной отчет. Консолидированная информация может снизить риск пропуска обязательства, но не должна исключать возможность последующего предъявления требований, если соответствующий долг объективно не мог быть выявлен на момент проверки.

Особое значение имеет порядок принятия наследства. В соответствии со ст. 1153 ГК РФ оно может быть принято не только путем подачи заявления нотариусу, но и фактическими действиями: вступлением во владение имуществом, его сохранением, несением расходов на содержание, оплатой долгов наследодателя и др. Поэтому до выяснения состава наследственной массы следует учитывать возможные правовые последствия таких действий. Если наследник приходит к выводу, что долги сопоставимы со стоимостью имущества либо превышают ее, он вправе отказаться от наследства по ст. 1157 ГК РФ. Именно поэтому получение максимально полной информации в пределах шестимесячного срока имеет принципиальное значение [14, с. 248].

Действующая модель, таким образом, сочетает обязательную проверку нотариусом доступных информационных систем и дополнительную самостоятельную проверку наследником источников, которые не охватываются нотариальными запросами. Недостатком остается значительная информационная нагрузка на гражданина.

Перспективы совершенствования регулирования связаны прежде всего с дальнейшим расширением информационных возможностей нотариуса. Целесообразно развивать электронное взаимодействие нотариата с системами, содержащими сведения о судебных спорах, исполнительных производствах, банкротстве и залоге движимого имущества.

Необходимо также совершенствовать взаимодействие с кредиторами. Возможно установление обязанности кредитора, которому стало известно о смерти должника, своевременно сообщать нотариусу о требовании и представлять подтверждающие документы. Это позволило бы учитывать известные требования до принятия наследником окончательного решения.

Перспективным является создание единого информационного механизма учета долгов наследодателя. Сейчас сведения распределены между БКИ, ФССП, ФНС, ЕГРН, нотариальными реестрами и судебными информационными ресурсами. Их интеграция через Единую информационную систему нотариата и СМЭВ (система межведомственного электронного взаимодействия) могла бы позволить формировать для нотариуса консолидированный отчет о выявленных обязательствах. При этом должны соблюдаться требования о защите персональных данных и банковской тайне.

Целесообразно также унифицировать содержание разъяснений наследникам. В уведомлении следует указывать не только выявленные обязательства, но и пределы проведенной проверки: какие системы проверены, на какую дату получены сведения и какие виды долгов соответствующими запросами не охватываются. Это позволит наследнику оценивать степень полноты полученной информации.

Дополнительного обсуждения требует защита наследника, принявшего наследство на основании неполной информации. Одним из возможных направлений может быть специальный механизм пересмотра решения о принятии наследства при выявлении существенного ранее неизвестного обязательства, если будет подтверждено, что наследник объективно не мог узнать о нем в момент принятия решения. Такой механизм потребует четких сроков и условий и должен учитывать интересы кредиторов.

В контексте 160-летия российского нотариата и 25-летия принятия части третьей ГК РФ дальнейшее развитие нотариальных стандартов и методических рекомендаций приобретает особое значение. Современное нотариальное производство постепенно переходит от фиксации юридических фактов к активному информационному сопровождению наследника.

Проблема «скрытых долгов» показывает, что для реализации права на принятие или отказ от наследства необходима достоверная информация не только об активах, но и о пассивах наследственной массы. Дальнейшее совершенствование законодательства целесообразно связывать с расширением межведомственного взаимодействия, развитием электронного обмена данными, повышением информированности наследников и более определенным порядком взаимодействия с кредиторами. Это позволит повысить прозрачность наследственного производства и обеспечить более сбалансированное соотношение интересов наследников и кредиторов.

Пристатейный список литературы

1. *Барщевский, М. Ю., Пухова, М. М.* Ответственность наследников по долгам наследодателя: проблемы и возможные пути их решения // Наследственное право. – 2025. – № 1. – С. 2–5.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 23.11.2024 № 407-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. О судебной практике по делам о наследовании : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 // СПС «КонсультантПлюс».
4. *Емелина, Л. А., Яворский, С. А.* Актуальные проблемы пределов ответственности наследника по долгам наследодателя // Наследственное право. – 2024. – № 3. – С. 35–37.

5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16.12.2019 № 303-ЭС19-15056 по делу № А04-7886/2016 // СПС «ГАРАНТ».
6. *Хоркуш, Д. Е.* Ответственность наследников по долгам наследодателя // Молодежь третьего тысячелетия : сб. науч. ст. XLVIII региональной студенческой науч.-практ. конф. : в 2 ч. (Омск, 1 апреля – 15 мая 2024 г.). Омск : Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2024. – С. 572–575.
7. *Блинков, О. Е.* Очерки российского наследственного права. – Москва : Перо, 2026. – 160 с.
8. О внесении изменения в статью 14 Федерального закона «О потребительском кредите (займе)» : Федеральный закон от 23.07.2025 № 246-ФЗ // Официальное опубликование правовых актов. URL: https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202507230049 (дата обращения: 10.09.2026).
9. Извещение наследников о долгах наследодателя : Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462-1. Ст. 61.1 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Предоставление нотариусам сведений о субъекте кредитной истории – наследодателе // БанкРоссии : сайт. URL: https://cbr.ru/ckki/predostavlenie-notariusam-svedeniy-o-sub-ekte-kreditnoy-istorii-nasledodatele/ (дата обращения: 10.09.2026).
11. Как сформировать и улучшить кредитную историю, как убрать кредит из кредитной истории // Банк России : сайт. URL: https://www.cbr.ru/faq/credit_h/ (дата обращения: 10.09.2026).
12. О внесении изменений в часть первую и статьи 251 и 309.1 части второй Налогового кодекса Российской Федерации и статью 15 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате : Федеральный закон от 10.06.2026 № 170-ФЗ // СПС «Гарант».
13. *Цуканова, К. Е.* Проблема определения оценки стоимости наследственной массы по делам, связанным с привлечением к ответственности наследников по долгам наследодателя // Право и правосудие в современном мире : сб. науч. ст. молодых исследователей Ежегодной всерос. студенческой науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 28–29 марта 2025 г.). – СПб. : ООО «Центр научно-информационных технологий Астерион», 2025. – С. 747–749.
14. *Становых, Д. В.* Ответственность наследников по долгам наследодателя // Проблемы развития современного общества : сб. науч. ст. 11-й Всерос. национ. науч.-практ. конф. : в 4 т. (Курск, 19–20 янв. 2026 г.). – Курск : ЗАО «Университетская книга», 2026. – С. 247–250.

УДК 347

Елизавета Алексеевна Мельникова,
студентка бакалавриата 4-го курса
Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
el.meln1kova@yandex.ru

Научный руководитель:
Андрей Юрьевич Красноглазов,
кандидат юридических наук, доцент юриспруденции,
заведующий кафедрой гражданского права и процесса
Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
andrkra@yandex.ru

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ДЕНЕЖНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЗАДОЛЖЕННОСТИ

Аннотация. Статья посвящена анализу правовых средств обеспечения исполнения денежных обязательств в условиях современной экономики. Рассматриваются понятие и особенности денежных обязательств, принципы их надлежащего исполнения. Оценивается эффективность традиционных способов обеспечения: неустойки, залога, удержания, поручительства и др. Обосновывается необходимость смещения акцента с последующего взыскания задолженности на ее предупреждение. Формулируются предложения по совершенствованию гражданско-правового регулирования, включая развитие превентивных договорных механизмов, комбинирование способов обеспечения и цифровизацию контроля исполнения обязательств.

Ключевые слова: денежное обязательство; обеспечение исполнения обязательств; неустойка; залог; цифровизация; эффективность правовых средств.

Денежные обязательства лежат в основе гражданского оборота. Их надлежащее исполнение выступает непременным условием устойчивости хозяйственных связей и взаимного доверия контрагентов. При этом современная экономическая ситуация заметно увеличивает вероятность появления задолженности. Классическая модель гражданско-правовой защиты в основном построена на реакции на уже совершенное нарушение. Но ведь важно понимать, что полноценное обеспечение денежных обязательств требует не только взыскания возникшего долга, но и формирования механизмов, снижающих саму вероятность его возникновения.

В цивилистической доктрине единого взгляда на денежное обязательство не сложилось. Обратимся к широкому подходу, предложенному В. А. Беловым. По его мнению, денежное обязательство представляет собой гражданское правоотношение, в содержании которого право требования кредитора и юридическая обязанность должника совершить уплату или платеж, то есть действие по передаче определенной денежной суммы [1, с. 15]. При этом В. А. Белов не сводит денежные обязательства исключительно к долговым. В его классификации присутствуют обязательства по передаче денег как предмета договора, как цены договора и как погашения долга.

Рассмотрим узкий подход. Его представителем является В. В. Витрянский. Он трактует денежное обязательство как разновидность гражданско-правового обязательства, предметом которого выступает уплата кредитору должником денежной суммы. В. В. Витрянский акцентирует внимание на том, что основанием возникновения может служить не только договор, но и иные предусмотренные законом обстоятельства [2, с. 162]. Здесь на первый план выдвигаются предмет обязательства (денежная сумма) и основание его возникновения.

В рамках настоящего исследования мы выбираем подход В. А. Белова. Во-первых, он охватывает и долговые денежные обязательства, и те, где деньги фигурируют как цена договора или предмет передачи. Во-вторых, такое определение дает возможность учесть особые свойства денег как объекта гражданских прав: их родовой, заменимый и делимый характер. В-третьих, широкий подход лучше отвечает задачам анализа обеспечительных механизмов, поскольку последние применимы не только к заемным, но и к любым денежным обязательствам.

С учетом вышесказанного под денежным обязательством в настоящей работе понимается гражданское правоотношение, содержанием которого является обязанность должника совершить в пользу кредитора уплату или платеж.

Определившись с понятием, следует обратиться к вопросу о надлежащем исполнении денежного обязательства. Оно предполагает уплату в надлежащей валюте, в установленный срок и в полном объеме. В. С. Толстой, исследовавший исполнение обязательств, указывал, что надлежащим признается исполнение, которое на момент совершения отвечает всей совокупности содержания обязанности [3, с. 78]. Применительно к денежным обязательствам это означает, что кредитор вправе рассчитывать на своевременное получение именно той суммы, на которую он рассчитывал при заключении договора.

Однако теоретическая конструкция надлежащего исполнения нередко сталкивается с реальностью современных экономических условий, которые серьезно затрудняют исполнение денежных обязательств. Среди факторов, оказывающих здесь наибольшее влияние, следует выделить: нестабильность хозяйственного оборот, удорожание финансирования, изменение платежеспособности контрагентов, рост числа просроченных обязательств, цифровизацию договорной работы, расширение практики дистанционного заключения и исполнения сделок.

В подобных условиях и возрастает значение правовых средств обеспечения исполнения денежных обязательств. Одним из самых востребованных среди них является неустойка. Ее стимулирующая и компенсационная функции проявляются в превентивном воздействии на должника: сама угроза ежедневного начисления пени должна побуждать его к своевременному расчету. Существенный ограничитель ее эффективности следующий: механизм уменьшения, закрепленный в ст. 333 ГК РФ. Так, суд вправе снизить неустойку, если сочтет ее явно несоразмерной последствиям нарушения. Конституционный Суд РФ в Определении от 21.12.2000 № 263-О подчеркнул, что здесь речь идет не о праве суда, а о его обязанности найти баланс между применяемой к нарушителю мерой ответственности и оценкой действительного размера ущерба [4]. В результате недобросовестный должник нередко рассчитывает на снижение санкции, и превентивное значение неустойки ослабевает.

Практика подтверждает эти опасения. В деле № А56-7469/2023 арбитражный суд рассматривал требование о взыскании неустойки за просрочку выполнения работ. Суды первой и апелляционной инстанций, опираясь на ст. 333 ГК РФ, уменьшили неустойку до 4 000 000 рублей, посчитав ее явно несоразмерной последствиям нарушения [5]. При этом они руководствовались разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7, согласно которым для коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей снижение неустойки возможно лишь по обоснованному заявлению должника и в исключительных ситуациях [6]. Этот пример наглядно демонстрирует, насколько трудно кредитору добиться полного возмещения через неустойку.

Залог принято считать одним из наиболее надежных способов обеспечения, поскольку он дает кредитору преимущественное право удовлетворить требования за счет заложенного имущества. Ключевым признаком залога является приоритет залогодержателя перед иными кредиторами, что прямо подчеркнуто в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 23 [7]. Однако на практике эффективность залога упирается в проблемы обращения взыскания. Если взыскание невозможно, залог теряет обеспечительную функцию и прекращается. К тому же реализация предмета залога при падающих рыночных ценах может затянуться и не покрыть долг.

Удержание имущества действует более оперативно. Кредитор удерживает вещь, пока обязательство не будет исполнено. Но сфера применения удержания узка, и к денежным обязательствам оно подходит далеко не всегда.

Поручительство и независимая гарантия относятся к личным способам обеспечения, при которых третье лицо берет на себя денежную ответственность за должника. Поручительство имеет акцессорный характер: обязанность поручителя следует судьбе основного обязательства. Независимая гарантия, напротив, построена как абстрактная сделка: гарант платит бенефициару по первому требованию, не вдаваясь в возражения принципала. Риски распределяются по-разному. Поручитель может выдвигать возражения должника, что ослабляет позицию кредитора. Гарант таких возражений не имеет, поэтому риск кредитора снижается, а риск гаранта возрастает. В литературе обсуждается, оправдано ли одновременное существование обоих институтов и не ведет ли практика к стиранию граней между ними [8].

Обеспечительный платеж является сравнительно новым инструментом, а потому и доктринально спорным. Задаток совмещает платежную, доказательственную и обеспечительную функции, но используется главным образом на преддоговорной стадии. Комбинация нескольких способов обеспечения, например, залога с независимой гарантией, или, поручительства с обеспечительным платежом, позволяет распределить риски. Однако требует учета множества факторов: характера обязательства, финансового состояния должника, ликвидности имущества.

Все рассмотренные способы объединяет одна общая черта. Они направлены на защиту кредитора от задолженности, которая уже возникла. Однако полноценное обеспечение денежных обязательств должно смещать акцент в сторону предупреждения долгов. Превентивное воздействие означает, что причины и условия возможного нарушения выявляются и устраняются заранее. На практике это выражается в оценке риска еще при заключении договора, тщательной проработке его условий, отслеживании финансового состояния должника, а также своевременном реагировании на тревожные сигналы.

Договорная практика уже накопила набор превентивных инструментов. Аванс и обеспечительный платеж дают кредитору часть суммы до исполнения обязательства. Поэтапная оплата привязывает платежи к промежуточным результатам. Это позволяет раньше заметить трудности должника. Лимиты задолженности ограничивают сумму, на которую можно отгрузить товар без предоплаты. Автоматическое начисление неустойки усиливает ее превентивный эффект. Дополнительные гарантии создают второй уровень защиты.

Цифровизация также открывает новые возможности для предупреждения задолженности. Автоматический контроль сроков оплаты, цифровая фиксация исполнения с электронной подписью и блокчейн-технологиями, автоматическая рассылка требований и напоминаний, аналитические системы управления дебиторской задолженностью позволяют перейти от пассивного наблюдения к активному управлению рисками. Такие системы оценивают риск просрочки по сотням параметров. Правда, остаются открытыми вопросы о юридической силе автоматизированных процедур, защите персональных данных и ответственности за сбои информационных систем.

Анализ действующего регулирования выявляет ряд проблем. Они мешают полноценной работе как традиционных, так и новых инструментов. Многие традиционные способы недостаточно превентивны. В основном они нацелены на реакцию, а не на предотвращение. Кроме того, взыскание на практике реально затруднено. Обращение взыскания на залог, взыскание с поручителя, реализация гарантии требуют времени и средств. Также всегда соблюдается баланс интересов кредитора и должника, а это не всегда хорошо. Так, снижение неустойки нередко оборачивается необоснованным уменьшением ответственности. Отдельные договорные механизмы до сих пор недостаточно определены. Прежде всего это касается обеспечительного платежа. Наконец, сохраняется риск злоупотребления правом при использовании обеспечительных средств.

Для повышения эффективности правовых средств обеспечения мы предлагаем следующие меры. Прежде всего, следует развивать превентивные договорные механизмы. В договоры целесообразно включать условия о мониторинге финансового состояния должника, о праве досрочно истребовать задолженность, о поэтапной оплате. Далее, оправдано более широкое применение комбинированных способов обеспечения. Нужно уточнить правила об обеспечительном платеже. В частности, следует определить его судьбу при прекращении основного обязательства и соотношение с иными способами. Также оправдано ограничение возможностей необоснованного снижения неустойки. Необходимо установить более четкие критерии соразмерности. Развитие внесудебных процедур, например, медиации и претензионного порядка, позволит ускорить разрешение конфликтов. Наконец, цифровизация контроля исполнения и совершенствование механизмов раннего реагирования на риск задолженности требуют внимания законодателя.

Итак, система правовых средств обеспечения исполнения денежных обязательств включает как традиционные, так и новые конструкции. У каждой есть потенциал, но эффективность ограничена проблемами правоприменения. Главным направлением совершенствования мы считаем переход от реактивной модели к превентивной, нацеленной на предупреждение просрочки. Это предполагает развитие договорных механизмов управления рисками, комбинирование способов обеспечения и внедрение цифровых технологий контроля. Смещение акцента с последующего взыскания на предварительное предупреждение задолженности укрепит стабильность гражданского оборота и повысит доверие между его участниками.

Пристатейный список литературы

1. *Белов, В. А.* Денежные обязательства / В. А. Белов. – Москва : Центр ЮрИнфоР, 2001. – 235 с.
2. *Витрянский, В. В.* Общие положения об обязательствах / В. В. Витрянский // Кодификация российского частного права / под ред. П. В. Крашенинникова. – Москва : Статут, 2017. – С. 156–189.

3. *Толстой, В. С.* Исполнение обязательств / В. С. Толстой. – Москва : Юридическая литература, 1973. – 208 с.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2000 № 263-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2001. – № 2.
5. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 01.10.2025 по делу № А56-7469/2023 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/bJYpXreanjYj/
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 5.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 23 «О применении судами правил о залоге вещей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2023. – № 9.
8. *Трезубов, Е. С.* Независимая гарантия и поручительство: о целесообразности создания единого личного способа обеспечения обязательства в российском гражданском праве // Гражданское право. – 2020. – № 6. – С. 23–27.

УДК 347.9

Илья Владимирович Ростун,
студент 3-го курса факультета высшего образования
Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Сочи, Россия
rostun-ilya@mail.ru

Научный руководитель:
Эдуард Валериевич Трузян,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
гражданского права и процесса
Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Сочи, Россия
Scare5@yandex.ru

МОРАТОРИЙ И ОТСРОЧКА КАК МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ЗАСТРОЙЩИКОВ: ПРЕДЕЛЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ДОЛЬЩИКОВ НА ВЗЫСКАНИЕ НЕУСТОЙКИ

Аннотация. Актуальность темы обусловлена активным применением моратория и отсрочки как мер государственной поддержки застройщиков в 2022–2026 гг. Цель работы – определить пределы ограничения прав дольщиков на взыскание неустойки. Проанализированы нормативные акты и судебная практика, в том числе Краснодарского края. В результате сделан вывод о необходимости разграничения добросовестных и недобросовестных застройщиков при применении моратория.

Ключевые слова: мораторий; долевое строительство; защита прав дольщиков; отсрочка; неустойка; недобросовестность застройщика.

Введение

Долевое строительство в России – одна из самых обсуждаемых и в тоже время проблемных сфер. Государству постоянно приходится искать баланс между развитием строительной отрасли в целом и нуждами населения. Так, например,

появился Федеральный закон (далее – ФЗ) от 08.03.2022 № 46-ФЗ [1], предоставивший Правительству право устанавливать особенности применения неустойки. С одной стороны, нужно поддерживать отрасль, с другой – защищать граждан. В 2022-2026 годах этот баланс пытались выстроить через исключительные меры: сначала правительственный мораторий, введенный Постановлениями № 479 [2] и № 326 [3], отсрочка исполнения судебных актов, установленная ФЗ № 272-ФЗ [4] и продленная ФЗ № 507-ФЗ [5] и Постановлением № 2227 [6]. Но практика пошла другим путем. Универсальные ограничения часто превращаются в щит.

Отдельного внимания заслуживает добросовестность застройщика при появлении ограничений. Необходимо достоверно установить, позволяют ли действующие нормы учитывать поведение застройщика хотя бы частично, а также какие обстоятельства могут свидетельствовать о злоупотреблении правом. Недобросовестные участники рынка могут использовать вышеуказанные меры поддержки не как временную передышку, а как легальный способ уйти от ответственности. Цель данной работы – определить пределы ограничения прав на взыскание неустойки при применении моратория и отсрочки исполнения, для достижения которой рассматривается правовая природа вводимых мер, условия применения и судебная практика. Благодаря такому подходу возможно дальнейшее совершенствование правового регулирования всей строительной отрасли.

1. Правовая природа и процессуальные механизмы взыскания неустойки в долевом строительстве

Право на неустойку в долевом строительстве закреплено в ч. 2 ст. 6 Закона № 214-ФЗ [7], а общее определение неустойки дано в ст. 330 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [8]. Это не просто компенсация убытков, а способ обеспечения исполнения обязательства мера ответственности. А. К. Румянцева подчеркивает, что неустойка служит инструментом защиты прав дольщиков, что подтверждает необходимость ее реального применения для стимулирования застройщика [9]. Превентивная функция является главной. Именно высокий размер неустойки (1/150 ставки рефинансирования для граждан) в итоге и привел к тому, что государство ввело ограничения.

С подведомственностью и подсудностью все не так однозначно. По общему правилу граждане идут в суд общей юрисдикции, а индивидуальные предприниматели (далее – ИП) и организации в арбитраж. Но не все так просто. Определение компетентного суда все также зависит от субъектного состава и характера спорного правоотношения, однако необходимо устанавливать связь с экономической и предпринимательской деятельностью. С. С. Потопальский отмечает: на этом пути постоянно возникают коллизии [10]. Что делать, если гражданин купил квартиру не для себя, а для перепродажи? Закон дает дольщику-гражданину серьезную фору – альтернативную подсудность. Истец может подать иск по своему месту жительства, по месту нахождения застройщика или по месту заключения договора. Возможность выбора суда повышает доступность судебной защиты в целом, но для застройщика это часто означает суд в неудобном регионе.

Бремя доказывания распределено в пользу дольщика. Застройщик обязан доказать, что просрочка произошла не по его вине, а из-за объективных причин. Об этом говорят Пленумы Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) № 17 [11] и № 7 [12]. Необходимость соблюдения досудебного порядка установлена процессуальными нормами, однако этот же порядок помогает установить отказ добровольного возмещения со стороны застройщика. Срок исковой давности составляет три года. Но течет он не с даты окончания стройки, а с момента, когда человек узнал о нарушении своих прав. Вместе с тем, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ № 43 от 29.09.2015 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса РФ об исковой давности» срок исковой давности по требованию о взыскании неустойки (статья 330 ГК РФ) или процентов, подлежащих уплате по правилам статьи 395 ГК РФ, исчисляется отдельно по каждому просроченному платежу, определяемому применительно к каждому дню просрочки.

Ответственность застройщика не абсолютна. Суды часто снижают неустойку по ст. 333 ГК РФ при ее явной несоразмерности. Пленум ВС РФ № 7 [12] прямо указывает: сделать это можно только по просьбе ответчика, сам суд по своей инициативе этого не делает. По данным судебной практики 2025 года, суды снижали заявленные дольщиками миллионы до 200–300 тысяч рублей. Критерии снижения: длительность просрочки, поведение сторон, сумма основного обязательства. Нельзя забывать и про ст. 404 ГК РФ [8] – если сам дольщик своими действиями способствовал росту просрочки, суд обязан это учесть. На мой взгляд, такая расстановка процессуальных сил – одна из немногих реальных гарантий для дольщика, позволяющая хоть как-то уравнять шансы с крупной корпорацией.

2. Мораторий на начисление неустойки и пределы его применения

Государство вводило мораторий дважды. Сначала Постановлением № 479 [2], затем № 326 [3]. Меры поддержки осознанно продлевались вплоть до конца 2025 года. Но что такое мораторий по своей правовой сути? Это не отмена долга, а именно блокировка начисления неустойки. Право на неустойку у дольщика сохраняется, но реализовать его в моменте он не может. Неустойка за исключенные из расчета периоды не начисляется и не может быть взыскана после окончания моратория. Требования за иные периоды просрочки сохраняются.

Мораторий не отменяет восстановительные требования. Практика судов Краснодарского края это подтверждает. Октябрьский районный суд Новороссийска в деле № 2-190/2024 [13] взыскал с «ПИК-Кубань» денежные средства на устранение строительных недостатков без отсрочки, поскольку эти требования не относятся к финансовым санкциям. Неустойка же была рассчитана с учетом моратория, а ее выплата вместе со штрафом отсрочена. Советский районный суд Краснодара в деле № 2-6534/2024 [14] взыскал неустойку за период, не охваченный мораторием, но во взыскании штрафа отказал: претензия была получена 22 апреля 2024 года, и срок ее добровольного удовлетворения истек в период действия ограничений. Разный подход судов к однотипным

требованиям показывает, что последствия моратория зависят от характера требования: неустойка, штраф и средства на восстановление имущественного положения дольщика оцениваются отдельно.

Более того, не все санкции подпадают под эти ограничения. Одинцовский городской суд в деле № 2-1616/2025 [15] прямо указал: ограничение ставки, установленное пунктом 2 постановления Правительства РФ № 326, не распространяется на неустойку, предусмотренную частью 8 статьи 7 Закона № 214-ФЗ. За период с 10 по 21 марта 2024 года суд рассчитал ее исходя из 1% в день, впоследствии уменьшив размер по статье 333 ГК РФ. При этом суд предоставил отсрочку выплаты присужденной неустойки и суммы соразмерного уменьшения цены договора [15].

При этом Верховный Суд в определении № 69-КГ24-17-К7 [16] напомнил базовое правило: мораторий работает в обе стороны. Он освобождает от неустойки не только застройщиков, но и самих дольщиков, если те, например, просрочили оплату.

Но самый острый вопрос – это недобросовестность. Прямых ссылок на ст. 10 ГК РФ в актах о моратории нет. Однако суды прекрасно видят, когда государственная поддержка превращается в удобное прикрытие для нарушителей. А. Н. Кузбагаров и В. П. Васькевич правы: мораторий создан для тех, кто объективно не может достроить дом, а не для тех, кто сознательно тянет время [17]. Пленум ВС РФ № 25 [18] говорит о презумпции добросовестности участников. Но давайте смотреть правде в глаза: если застройщик допускает многолетние просрочки и сдает объект с существенными дефектами, бремя доказывания своей добросовестности фактически должно ложиться на него самого.

Ограничения неоднократно становились предметом судебной проверки. Решения ВС РФ № АКПИ24-313 [19] и № АКПИ25-36 [20] подтвердили законность отдельных положений постановления Правительства РФ № 326, касающихся расчета финансовых санкций и возмещения убытков, связанных с недостатками объекта.

Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) в Постановлении № 24-П от 2026 года [21] с этим согласился, но уточнил: новые правила задним числом не работают, то есть новый порядок расчета штрафа не применяется, если обязанность его уплаты возникла до 1 сентября 2024 года.

А в Обзоре ВС РФ № 2 за 2023 год [22] видно: суды защищают дольщиков даже тогда, когда государство вводит ограничения.

3. Отсрочка исполнения судебных актов о взыскании неустойки с застройщика (после 2025 года)

В конце 2025 года мораторий закончился. Но государство не вернуло дольщикам их деньги в полном объеме: механизм отсрочки исполнения был сохранен и на 2026 год. Механизм принципиально иной. Федеральный закон от 31.07.2025 № 272-ФЗ [4] дополнил имеющееся законодательство специальными правилами предоставления и продления отсрочки исполнения исполнительных документов о взыскании с застройщиков неустойки и иных финан-

совых санкций. Параллельно Федеральный закон от 08.08.2024 № 266-ФЗ [23] закрепил исчерпывающий перечень мер ответственности застройщика.

Что изменилось? При моратории неустойка просто не начислялась. При отсрочке она продолжает течь. Право у дольщика есть. А вот забрать деньги – нет. Исполнение откладывается как минимум до конца 2026 года при предоставлении отсрочки судом. Отсрочка была продлена ФЗ № 507-ФЗ [5] и Постановлением № 2227 [6]. О. В. Буглимова в своем исследовании указывает на дефициты обеспечительных мер в долевом строительстве, которые не позволяют дольщику реально восстановить нарушенное право [24]. Формально дольщик защищен. Фактически он не может получить деньги.

С исполнением судебного решения ситуация также неоднозначна. Даже при положительном решении суда и получении исполнительного листа дольщик сталкивается с проблемой отсутствия ликвидных активов на счетах застройщика. Как указывают А. Ю. Букалова и Д. А. Полежаева, приставы-исполнители в таких случаях возвращают исполнительные листы со ссылкой на статью 46 Федерального закона «Об исполнительном производстве» – из-за отсутствия имущества у должника [25]. Для гражданина, который годами снимает квартиру и ждет ключи, эта ситуация ощущается не как «мягкая мера», а как реальное ограничение его прав.

Заключение

Система взыскания неустойки с застройщиков за последние годы сильно изменилась. Мы начали с того, что процессуальное законодательство давало дольщику-гражданину реальные инструменты: альтернативную подсудность и смещение бремени доказывания. Пределы ответственности застройщика, конечно, ограничены статьями 333 и 404 ГК РФ [8], но сам факт взыскания работал как стимул.

Затем государство включило режим спасения отрасли. Мораторий фактически заморозил начисление неустойки. А отсрочка исполнения, пришедшая на смену мораторию, заблокировала возможность получить деньги. Неустойка превратилась в цифру, которую нельзя получить в моменте. И, как показала практика, эти меры давно вышли за рамки точечной помощи. Они стали инструментом уклонения от ответственности для недобросовестных застройщиков.

Автор считает, что здесь кроется главная правовая проблема. Поддержка строительной отрасли – задача важная. Но когда она становится автоматической и безадресной, государство фактически легализует безответственность. Застройщик, который годами срывает сроки, не несет реальных финансовых последствий. Дольщик же остается один на один с решением суда, которое невозможно исполнить.

Решение, на мой взгляд, одно. Критерии применения ограничительных мер должны жестко увязываться с добросовестностью застройщика. Если компания объективно буксует из-за макроэкономики – ей нужно помочь. Но если мы видим системное затягивание сроков и сдачу домов с критическими дефектами, никакие моратории и отсрочки не должны работать. Ответственность должна наступать. Иначе сама идея государственной поддержки превратится в инструмент поощрения недобросовестности.

Пристатейный список литературы

1. Федеральный закон от 08.03.2022 № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 26.06.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 11. – Ст. 1596.
2. Постановление Правительства РФ от 26.03.2022 № 479 «Об установлении особенностей применения неустойки...» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 18.09.2026).
3. Постановление Правительства РФ от 18.03.2024 № 326 «Об установлении особенностей применения неустойки...» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 18.09.2026).
4. Федеральный закон от 31.07.2025 № 272-ФЗ «О внесении изменений в статьи 105 и 112 Федерального закона «Об исполнительном производстве» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 19.09.2026).
5. Федеральный закон от 28.12.2025 № 507-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 19.09.2026).
6. Постановление Правительства РФ от 30.12.2025 № 2227 «Об установлении особенностей исполнения судебных актов по делам о взыскании неустойки...» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 20.09.2026).
7. Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости...» (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 1 (ч. 1). – Ст. 40.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
9. *Румянцева, А. К.* Неустойка по договору участия в долевом строительстве А. К. Румянцева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 9-5 (96). – С. 173–176.
10. *Потопальский, С. С.* Правовое регулирование участия в долевом строительстве в системе норм гражданского права / С. С. Потопальский // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – № 9 (3). – С. 388–394.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 9.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности

за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 5.
13. Решение Октябрьского районного суда г. Новороссийска от 02.07.2024 по делу № 2-190/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 20.09.2026).
14. Решение Советского районного суда г. Краснодара от 09.07.2024 по делу № 2-6534/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 21.09.2026).
15. Решение Одинцовского городского суда Московской области от 03.02.2025 по делу № 2-1616/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 21.09.2026).
16. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18.03.2025 № 69-КГ24-17-К7 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 22.09.2026).
17. *Кузбагаров, А. Н., Васькевич, В. П.* Мораторий и добросовестность сторон в гражданском обороте // Гражданское право. – 2025. – № 6. – С. 7–10.
18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 8.
19. Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 25.06.2024 № АКПИ24-313 // СПС «Гарант».
20. Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 19.03.2025 № АКПИ25-36 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 23.09.2026).
21. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.04.2026 № 24-П // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 23.09.2026).
22. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2023), утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 19.07.2023 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2023. – № 10.
23. Федеральный закон от 08.08.2024 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве...» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 24.09.2026).
24. *Буглимова, О. В.* Взыскание неустойки и отказ от исполнения договора участия в долевом строительстве в одностороннем порядке как обеспечительные меры // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». – 2025. – № 2 (58). – С. 92–107.
25. *Полежаева, Д. А.* Судебная защита прав дольщиков: проблемы и тенденции правоприменения / Д. А. Полежаева, А. Ю. Букалова // Журнал прикладных исследований. – 2026. – № 5. – С. 366–370.

Защита бизнеса в правовом поле: баланс интересов и пределы применения инструментов уголовного преследования

УДК 347.73

Лилия Николаевна Бельтюкова,
студентка 3-го курса юридического факультета
Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
reinike13fox@gmail.com

Научный руководитель:
Юлия Сергеевна Скворцова,
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
juliyav777tt@mail.ru]

МОНИТОРИНГ ОТЧЕТНОСТИ БИЗНЕСА ЗА ГРАНТОВУЮ ПОДДЕРЖКУ: БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ И ПРЕДЕЛЫ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются разногласия при проверке отчетности получателей предпринимательских грантов. На основе научных исследований и судебной практики разграничиваются нарушения условий финансирования и основания уголовной ответственности. Предлагается порядок рассмотрения спорной отчетности с проверкой объяснений получателя и участием бизнес-омбудсмена по обращению предпринимателя.

Ключевые слова: грантовая поддержка; отчетность; защита предпринимателей; уголовное преследование; бизнес-омбудсмен; бюджетные средства.

Получая грант, предприниматель принимает на себя обязательства, исполнение которых предстоит подтвердить отчетом. На этой стадии могут возникнуть разногласия с обеих сторон. У грантополучателя могут не только не принять документы о расходах, иначе растолковать условие соглашения или посчитать результат проекта недостаточным, но и обвинить в хищении,

начать уголовное дело. И, конечно, государство может и вправе требовать отчетности от грантополучателя. Однако проверка теряет убедительность, когда вывод о поведении получателя сделан до выяснения обстоятельств хозяйственной операции.

На наш взгляд, именно здесь возникает риск для добросовестного получателя. Участие в программе поддержки предполагает возможность объяснить свои действия, представить документы и получить ответ на возражения. Если эти объяснения остаются без содержательной оценки, спор переносится на следующую стадию вместе с первоначальной ошибкой проверки. Поэтому защита предпринимателя должна включать порядок рассмотрения разногласий еще у грантодателя.

О последствиях уголовного преследования для бизнеса пишет Е. В. Авдеева. На странице 36 ее диссертации со ссылкой на доклад Уполномоченного при Президенте Российской Федерации (далее – РФ) по защите прав предпринимателей за 2021 год приведены показатели: 76,8% предпринимателей лишились бизнеса в ходе преследования, а в отношении 14,9% дело завершилось обвинительным приговором [1, с. 36]. Эти сведения относятся к предпринимателям в целом и приводятся здесь по диссертации. Они характеризуют общий контекст защиты бизнеса, но не определяют долю необоснованно преследуемых грантополучателей.

Связь уголовного преследования с предпринимательской активностью рассматривают И. Б. Юдин и Г. А. Поросенков. На панельных данных за 2017–2021 годы авторы выявили отрицательную связь между показателем, построенным на числе обращений в Центр общественных процедур «Бизнес против коррупции», и темпами роста числа малых и средних предприятий. Объяснение связано с сигналами о рисках, которые получают другие предприниматели [2]. Для темы грантов этот результат дает основание обсуждать возможное снижение привлекательности поддержки при непредсказуемом правоприменении. Масштаб такого воздействия именно на участие в грантовых программах указанное исследование не устанавливает.

Предмет настоящей статьи – рассмотрение разногласий, возникающих при проверке отчетности получателей предпринимательских грантов. Основное внимание уделено обстоятельствам, необходимым для оценки нарушения, и участию бизнес-омбудсмена в защите прав получателя. Мы исходим из того, что предупреждение необоснованного преследования начинается с качества проверки и полноты ее материалов.

В научной литературе эта проблема рассматривается с разных сторон. Н. Д. и Т. А. Вершило исследуют последствия нарушения условий субсидирования. В их работе разобраны случаи частичного возврата средств и судебные позиции, согласно которым непредставление отчетности само по себе не обусловливает возврат субсидии, если подтверждено ее целевое использование [3]. Такой подход обращает внимание на соотношение недостатков оформления и фактического исполнения обязательств.

Г. Ю. Рябинкин связывает риски грантополучателей с неопределенностью правовой природы грантового соглашения и формальным подходом к результатам проекта. Он предлагает закрепить самостоятельную договорную конструкцию и учитывать обоснованный научный и инновационный риск [4]. Эти предложения особенно значимы для исследовательских проектов, где недостижение ожидаемого результата не всегда означает ненадлежащее исполнение работы. Однако предложенное автором ограничение полного возврата гранта случаями умышленного хищения требует отдельного обоснования. На наш взгляд, основания возврата средств должны оцениваться самостоятельно: отсутствие состава преступления еще не разрешает спор об исполнении соглашения.

Р. А. Мангасаров рассматривает организацию противодействия хищениям средств, выделенных в виде грантов и субсидий [5]. Защита получателя должна учитывать и эту задачу. Предлагаемый нами порядок рассмотрения отчетности призван обеспечить проверку объяснений предпринимателя и обоснование выводов контрольного органа, сохраняя возможность своевременно выявлять преступления.

Для определения пределов ответственности необходимо установить правовую природу выплаты. В пункте 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 разграничены социальные выплаты и средства, предоставляемые на поддержку науки, культуры, сельского хозяйства и предпринимательства. Мошенничество при получении перечисленных в этом пункте выплат, не относящихся к социальным, квалифицируется по статье 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [6, п. 4, 15]. Поэтому само назначение денег для открытия дела еще не означает, что социальный контракт и предпринимательский грант имеют одинаковый правовой режим.

Другая граница проходит между доказанным нарушением соглашения и доказательствами хищения. Пункт 4 того же постановления предусматривает оценку обстоятельств в совокупности: использование поддельных документов и другие названные признаки сами по себе не предрешают виновность в мошенничестве [6]. Вопрос о намерениях получателя нельзя разрешить только указанием на недостоверность отчета.

Это различие прослеживается в деле Н. В. Саватина, получившего грант в размере 500 тыс. рублей на приобретение оборудования. Согласно опубликованному обобщению Вологодского областного суда, в отчетность были включены фиктивные документы о покупке сушильного барабана. Приговор Череповецкого городского суда от 15 января 2018 г. по делу № 1-16/2018 отменен апелляционным определением от 15 марта 2018 г. Дело прекращено за отсутствием состава преступления с признанием права на реабилитацию [7].

Апелляционная инстанция связала представление документов с попыткой подтвердить реально понесенные расходы на развитие предприятия. Достаточных доказательств хищения установлено не было. Возможность договорных последствий, в том числе возврата гранта при наличии оснований, суд

при этом не исключил. Для рассматриваемой темы существенно, что оценка документа потребовала проверки самой хозяйственной операции. Недостоверная отчетность осталась юридически значимым обстоятельством, однако ее оказалось недостаточно для вывода о хищении.

В деле А. М. Севастьянова спор возник на стадии получения поддержки. Как следует из определения Верховного Суда РФ от 28 апреля 2025 г. № 48-КГ25-1-К7, обвинение касалось покушения на получение гранта в размере 3 млн рублей с использованием недостоверных документов. После отмены первоначального приговора и продолжения расследования следственный орган 22 сентября 2022 г. прекратил уголовное преследование за отсутствием состава преступления. За Севастьяновым признано право на реабилитацию [8].

Сведения этого дела требуют различать подачу заявки, предоставление финансирования и последующее распоряжение средствами. Недостоверность сведений должна оцениваться с учетом того, какое значение они имели для каждой стадии. Последующий спор о компенсации также показывает сложность восстановления нарушенных прав: в 2025 году Верховный Суд отменил решения о взыскании 2 млн рублей и направил гражданское дело на новое рассмотрение [8].

Обвинительные приговоры по делам о государственной поддержке имеют иные доказательственные основания. В сообщении прокуратуры Калининградской области от 18 февраля 2026 г. указано, что в декабре 2025 года Гурьевский районный суд признал директора общества с ограниченной ответственностью (ООО) «Русские игрушки» виновным по части 4 статьи 159 УК РФ и назначил пять лет лишения свободы. Удовлетворены требования о взыскании в пользу федерального бюджета 63 127 839 рублей. На дату сообщения решение не вступило в законную силу [9]. Этот пример характеризует уголовно-правовую оценку обстоятельств, связанных с бюджетным финансированием инвестиционного проекта; оснований относить его к преследованию за техническую ошибку источник не содержит.

Отдельно следует учитывать дела о социальной помощи. Прокуратура Кугарчинского района Республики Башкортостан 28 апреля 2026 г. сообщила о приговоре получателю 350 тыс. рублей по социальному контракту. Он представил фиктивные договоры приобретения скота, распорядившись средствами по своему усмотрению. Суд назначил штраф 100 тыс. рублей по части 3 статьи 159.2 УК РФ; в сообщении отмечены признание вины и полное возмещение ущерба [10]. Этот случай важен для разграничения видов поддержки и не подтверждает необоснованность преследования добросовестного предпринимателя.

Рассмотренные материалы различаются по стадии возникновения нарушения, виду финансирования и результату производства. Их сопоставление дает основание выделить несколько вопросов, которые необходимо разрешать при проверке: состоялась ли указанная в отчете операция; соответствовала ли она условиям финансирования; кому поступили средства; какое значение имело обнаруженное расхождение; чем подтверждается версия об их про-

тивоправном изъятии. Пропуск любого из этих вопросов способен исказить оценку поведения получателя.

Е. В. Авдеева предлагает развивать специализацию надзора и расследования, а также использование независимой оценки материалов предпринимательских дел. В диссертации рассматривается приобщение экспертной оценки деловых объединений перед направлением обвинительного заключения прокурору [1, с. 122]. В сфере грантов заслуживает разработки более ранний этап – рассмотрение разногласий по отчетности органом, предоставившим поддержку.

Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ предусматривает рассмотрение жалоб, получение необходимых материалов и участие уполномоченного с письменного согласия заявителя в выездной проверке в рамках государственного или муниципального контроля [11]. Дополнительного урегулирования требует его участие в конкретной процедуре проверки исполнения грантового соглашения. Такая процедура должна учитывать полномочия грантодателя, органов финансового контроля и правоохранительных органов.

Мы предлагаем участие омбудсмена по обращению предпринимателя при наличии разногласий, которые не разрешены обменом замечаниями и пояснениями. Его задача – содействовать рассмотрению доводов получателя, проверке соблюдения процедуры и мотивированию принятого решения. Письменную позицию уполномоченного следует отличать от заключения эксперта: технические и финансовые вопросы могут потребовать самостоятельного исследования специалистами соответствующего профиля.

Гарантии получателя гранта должны действовать в момент, когда проверяющий орган формирует оценку нарушения. Последующая отмена необоснованного решения не устраняет всех издержек защиты, а реабилитация требует отдельного восстановления нарушенных прав. Поэтому центральным предложением настоящей статьи является закрепление процедуры рассмотрения разногласий по отчетности.

Что такое спорная отчетность? Это отчет, который предоставил предприниматель, но грантодатель на основании своих требований не принимает. Логичнее было бы конкретизировать и унифицировать грантовую отчетность в императивном акте. Для каждого гранта был бы известен тот минимальный порог, который уже бы говорил о добросовестности грантополучателей.

Письменное официальное уведомление о неправильном отчете – намного лучше, чем то, что обычно практикуется (связь через неоднозначные приложения грантодателей, по мнению автора). Сроки для корректировки своего отчета требуют такой же унификации. И в гражданском, и в налоговом праве есть конкретные периоды для защиты прав субъектов правоотношений. Это значительно упрощает работу. Документ, который был представлен уже после требований грантодателя об исправлении отчета не устраняет вопрос о ранее некорректно поданных сведениях. Например, после получения объяснения необходимо проверяющему удостовериться в наличии оборудования, если речь идет о его закупке. Если у грантодателя возникают вопросы о хо-

зяйственной деятельности, то конечно следует отталкиваться от условий соответствующей программы.

При том условии, когда стороны не смогли договориться по переписке – можно говорить об обязательном присутствии предпринимателя и грантодателя на заседании. И уже грантополучатель по ходатайству должен иметь право привлечения бизнес-омбудсмена и других экспертов для защиты своих прав и своей отчетности. По итогу в решении этого заседания должны быть прописаны все ключевые аспекты: доказанные обстоятельства, условия финансирования, ценовое значение спорных расходов и основания для выбранной меры.

В том случае, когда по данному вопросу будут основания для подачи в правоохранительные органы, нужно представить материалы: с обеих сторон, а также письменное объяснение бизнес-омбудсмена. Такой порядок поможет понять, какие сведения вызвали сомнения, как защитить бюджетные средства, а также добросовестных предпринимателей.

Пристатейный список литературы

1. *Авдеева, Е. В.* Организация защиты прав субъектов предпринимательской деятельности в ходе расследования преступлений : дис. … канд. юрид. наук Е. В. Авдеева. – М., 2022. – 245 с.
2. *Юдин, И. Б., Поросенков Г. А.* Оценка влияния уголовного преследования предпринимателей на развитие малого и среднего бизнеса в России // Вопросы экономики. 2022. – № 7. – С. 68–84. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-7-68-84.
3. *Вершило, Н. Д., Вершило Т. А.* Проблемы правоприменения, связанные с использованием субсидий // Российское правосудие. 2024. – № 3. – С. 7–13. DOI: 10.37399/issn2072-909X.2024.3.7-13.
4. *Рябинкин, Г. Ю.* Проблемы правового регулирования ответственности за нарушение условий грантового соглашения // Российский научный вестник. – 2026. – № 9. – С. 176–181.
5. *Мангасаров, Р. А.* Организация противодействия хищениям бюджетных средств, выделенных в виде грантов и субсидий // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. – № 1. – С. 120–128.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Справка Вологодского областного суда по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности за 2018 год и пять месяцев 2019 года. Раздел 2, дело Саватина Н. В. // СПС «Гарант».
8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28.04.2025 № 48-КГ25-1-К7.

9. Прокуратура Калининградской области. О результатах работы прокуратуры области по возмещению ущерба, причиненного коррупционными преступлениями. 18.02.2026.
10. Прокуратура Кугарчинского района Республики Башкортостан. В Кугарчинском районе вынесен приговор по уголовному делу о мошенничестве при получении субсидии из бюджета. 28.04.2026.
11. Федеральный закон от 07.05.2013 № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации». Статьи 5, 10. Текст в редакции от 26.06.2026 (СПС «КонсультантПлюс»).

УДК 343.1

Вероника Владимировна Губанова,
Алиса Дмитриевна Добровольская,
студентки бакалавриата 2-го курса юридического факультета
Дальневосточного института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Хабаровск, Россия
gubanovaverony@gmail.com
alisanorman069@icloud.com

Научный руководитель:
Юрий Иванович Кулешов,
профессор кафедры уголовного права и процесса,
доктор юридических наук Дальневосточного института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Хабаровск, Россия
oven5656@mail.com

ЗАЩИТА БИЗНЕСА В ПРАВОВОМ ПОЛЕ: БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ И ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТРУМЕНТОВ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. Актуальность выбранной темы научной статьи обусловлена увеличением числа юридических рисков в правовом поле. Нестабильность экономики влечет за собой формирование благоприятной среды для развития мошенничества, способствует развитию теневого сектор. Перед законодателем встает вопрос о совершенствовании норм законодательства. Однако исключительно ужесточение правовых норм не является решением вопроса. Целью научной статьи стал поиска баланса интересов и пределов применения инструментов уголовного преследования при организации защиты бизнеса в правовом поле. В ходе научной работы проанализированы примеры судебной практики и пределы применения инструментов уголовного преследования. Определена необходимость развития судебного контроля, предложены меры разграничения хозяйственного спора и преступления.

Ключевые слова: баланс интересов; юридические риски; защита бизнеса; мошенничество; судебный контроль.

Одной из задач государства остается защита бизнеса и предпринимательской деятельности от неправомерных действий мошенников, произвола чиновников, злоупотребления нормами права со стороны органов власти. Одновременно с этим ужесточение требований регулирования вопроса осложняет ведение предпринимательской деятельности.

Здесь следует поставить вопрос: «Каков баланс интересов в части защиты бизнеса в правовом поле и предоставления свободы осуществления предпринимательской деятельности?» Ответ на него требует всестороннего исследования оснований и пределов применения инструментов уголовного преследования.

Целью научной статьи является предложение практических рекомендаций по защите бизнеса в правовом поле для обеспечения баланса интересов и пределов применения инструментов уголовного преследования.

В статье использованы методы анализа, синтеза, сравнения и обобщения.

Защита бизнеса от необоснованного вовлечения в орбиту уголовного преследования, к сожалению, все еще остается актуальной проблемой в наших реалиях. Обвинительный уклон судебно-следственной системы, сформированный порочной многолетней практикой, сложно переломить, в том числе и в рамках дел по экономическим преступлениям, а также общественно опасным деяниям против собственности.

В российском законодательстве преступления в данной сфере объединены в разделе VIII УК РФ «Преступления в сфере экономики» [1]. Он включает преступления против собственности (глава 21), преступления в сфере экономической деятельности (глава 22) и преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях (глава 23). В деятельности бизнеса могут возникать, в частности, дела о мошенничестве (статья 159 – ст. 159.6 УК РФ), присвоении или растрате (статья 160 УК РФ), воспрепятствовании законной предпринимательской деятельности (статья 169 УК РФ), незаконном предпринимательстве (статья 171 УК РФ) и уклонении от уплаты налогов организацией (статья 199 УК РФ) и ряде других составов преступлений. При этом взаимосвязь совершенного общественно опасного деяния с предпринимательской деятельностью необходимо устанавливать в строгом соответствии с описанным в законе составом преступления. Само участие коммерческой организации еще не определяет квалификацию преступления и порядок уголовного преследования.

Однако дела в сфере экономической деятельности могут быть классифицированы и по другим основаниям. Например, по отраслевой специфике хозяйственной деятельности: в производстве, сфере общественного питания, торговли и т.д. Способы совершения преступлений в сфере экономики и против собственности могут отличаться на заводах, предприятиях по благоустройству населенных пунктов, фармацевтических компаниях и др.

База нормативно-правового регулирования по данному вопросу включает ключевые аспекты, ориентир и содержание которых позволяют соблюдать принцип законности при осуществлении предпринимательской деятельности. Однако ухудшение экономической ситуации в стране априори создает опре-

деленную основу для роста мошеннических действий и роста числа экономических преступлений. Каков выход? Исключительно ужесточение норм права ведет к негативному влиянию на организацию порядка ведения деятельности и не всегда ведет к положительному результату.

Ужесточение норм права также противоречит конституционным основам правовой регламентации вопроса. Принципом экономической свободы предопределены правомочия, составляющие содержание конституционного права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (статья 34, часть 1), реализуя которое граждане могут выбирать сферу этой деятельности и осуществлять ее индивидуально либо совместно с другими лицами, пользуясь конституционными гарантиями права собственности и поддержки государством добросовестной конкуренции (Постановление от 9 апреля 2020 года № 16-П).

Провозглашая свободу экономической деятельности в качестве одной из основ конституционного строя (статья 8, часть 1), Конституция гарантирует каждому право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (статья 34, часть 1). Конкретизируя приведенные конституционные положения, закон называет в числе основных начал гражданского законодательства равенство участников регулируемых им отношений, неприкосновенность собственности, свободу договора, недопустимость произвольного вмешательства в частные дела, необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты (пункт 1 статьи 1 ГК РФ) [3].

Приведенные положения позволяют перейти от общей гарантии свободы предпринимательства к вопросу о ее защите в уголовном процессе. Государство вправе преследовать преступления, совершенные при ведении бизнеса. Однако сам процесс должен быть ориентирован на установление конкретных признаков состава преступления, на исследование обстоятельств заключения и исполнения сделки, действия ее сторон, на наличие умысла на хищение имущества.

Реализация баланса интересов сторон заключается в сохранении возможности, гарантированной нормами Конституции РФ, свободы ведения предпринимательской деятельности и развития норм законодательства, позволяющих гарантировать соблюдение принципа законности и свободы экономической деятельности.

Помимо соблюдения установленных принципов пределы уголовного преследования проявляются и при выборе процессуальных мер. По делам о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности суд должен обсуждать возможность применения более мягкой меры пресечения вместо заключения под стражу. Закон также устанавливает особенности изъятия документов и электронных носителей информации, поскольку такие действия способны повлиять на продолжение работы организации [8, с. 124].

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» (с изменениями и дополнениями) рекомендует обратить внимание судов на то, что по делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, уголовным и уголовно-процессуальным законодательством установлены особенности уголовного судопроизводства, касающиеся, в частности, порядка рассмотрения сообщения о преступлении (части 7–9 статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) и возбуждения уголовного дела (ч. 3 ст. 20, ч. 1.3 и 3 ст. 140 УПК РФ), признания предметов и документов вещественными доказательствами (статья 81 УПК РФ) [2], применения меры пресечения (часть 2 статьи 99, пункт 2 части 1, части 1 и 3 статьи 108 УПК РФ), производства следственных действий, а также особенности освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного преследования Уголовного кодекса Российской Федерации.

Содержащиеся в этих нормах требования должны неукоснительно соблюдаться как при осуществлении судом полномочий в досудебном производстве по уголовным делам названной категории, так и на всех стадиях их рассмотрения судами первой и вышестоящих инстанций.

Применение названных гарантий имеет значение при разграничении предпринимательского риска и преступного поведения. Выбор нормы УК РФ следует обосновать с учетом баланса интересов сторон и на основании имеющееся практики. Показательным примером является определение Верховного Суда РФ от 25 февраля 2026 г. № 64-УД26-2-К9 [5]. Руководитель коммерческой организации представил заказчику акты. Они содержали ложные сведения о выполнении работ. В примере заказчик получил оплату за работы, которые фактически не были выполнены. Первоначально его действия квалифицировали по ч. 4 ст. 159 УК РФ. Верховный Суд установил, что хищение было связано с преднамеренным частичным неисполнением договора между коммерческими организациями, и переквалифицировал действия осужденного на ч. 5 ст. 159 УК РФ. При этом вывод о наличии мошенничества был сохранен.

Процитируем Определение Верховного Суда РФ от 25 февраля 2026 г. № 64-УД26-2-К9: «Разъясняя практику применения приведенных норм закона, Пленум Верховного Суда Российской Федерации указал, что под преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности следует понимать умышленное полное или частичное неисполнение лицом, являющимся стороной договора, принятого на себя обязательства в целях хищения чужого имущества или приобретения права на такое имущество путем обмана или злоупотребления доверием, когда сторонами договора являются индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации (пункт 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 года № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответ-

ственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» в редакции от 23 декабря 2025 года)» [5].

На основании изученного следует сказать, что защита бизнеса не означает освобождения предпринимателя от ответственности за совершенное преступление. Требуется учитывать характер договорных отношений и фактические обстоятельства дела. Несмотря на регулирование отношений партнеров посредством заключения договора возможны мошеннические действия сторон и регулирование вопроса согласно нормам УК РФ. Одновременно неисполнение обязательства само по себе не доказывает умысел на хищение. Именно установление умысла, способа действий лица и причиненного ущерба позволяет определить пределы применения уголовного закона.

Систематизация знаний по выбранной теме вопроса и выполнение научной статьи позволяет создать таблицу, где представлено соотношение публичных и частных интересов при квалификации преступления в сфере предпринимательской деятельности [7, с. 11].

В таблице 1 отражен сравнительный анализ критериев при исследовании вопроса защиты бизнеса в правовом поле как аспект формирования баланса интересов и пределов применения инструментов уголовного преследования.

Таблица 1 – Сравнительный анализ критериев при исследовании вопроса защиты бизнеса в правовом поле как аспект формирования баланса интересов и пределов применения инструментов уголовного преследования

Критерий оценки	**Публичный интерес и интерес потерпевшего**	**Гарантия прав предпринимателя**	**Позиция Верховного Суда РФ**
Характер неисполнения договора	Установление обстоятельств причинения имущественного ущерба заказчику	Разграничение нарушения договорного обязательства и хищения	Представление актов с заведомо ложными сведениями о выполненных работах признано способом обмана; вывод о мошенничестве сохранен
Связь деяния с предпринимательской деятельностью	Обеспечение ответственности за преступление, совершенное при исполнении договора	Учет правового статуса сторон и содержания возникших между ними отношений	Суд установил, что договор заключен между коммерческими организациями, а хищение связано с его преднамеренным частичным неисполнением
Момент возникновения умысла	Пресечение хищения независимо от этапа исполнения договора	Оценка фактически установленного умысла без введения дополнительных условий квалификации	Возникновение умысла в ходе исполнения договора не исключает применения ч. 5 ст. 159 УК РФ

Критерий оценки	**Публичный интерес и интерес потерпевшего**	**Гарантия прав предпринимателя**	**Позиция Верховного Суда РФ**
Уголовно-правовая квалификация	Привлечение виновного лица к ответственности	Применение нормы УК РФ, соответствующей установленным обстоятельствам	Действия осужденного переквалифицированы с ч. 4 на ч. 5 ст. 159 УК РФ; вывод о виновности сохранен

Развитие норм уголовного законодательства следует выстраивать в таком контексте, чтобы обеспечить экономию уголовно-правовой репрессии при ведении предпринимательской деятельности, гарантировать соблюдение конституционных норм и положений уголовного законодательства. Например, Федеральным законом от 11.06.2021 № 215 ФЗ в УК РФ в главу «Преступления в сфере экономической деятельности» была введена ст. 172.2 УК, предусматривающая ответственность за незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов). Не вдаваясь в обоснованность именно уголовно-правовой реакции на подобные действия, следует признать, что сама формулировка диспозиции данной уголовно-правовой нормы является проблемной. Законодатель связал уголовную ответственность с предварительным наказанием виновного в административном порядке за подобные действия согласно ч. 2 ст. 14.56 КоАП Российской Федерации. Однако указанная часть статьи КоАП РФ предусматривает ответственность за подобные действия, совершенные повторно. Исходя из этого следует, что при совершении указанных действий виновное лицо первоначально должно быть наказано по ч. 1 ст. 14.56 КоАП. При повторном нарушении в течение срока действия административной ответственности, который характеризуется одним годом, лицо наказывается по ч. 2 ст. 14.56 КоАП РФ и только при совершении третьего нарушения в указанные сроки он может быть привлечен к уголовной ответственности по выше указанной статье УК РФ. Такая сложная процедура реагирования на нарушения в сфере предпринимательской деятельности привела к тому, что за весь период существования этой уголовно-правовой нормы не было ни одного привлечения к уголовной ответственности.

Обеспечение баланса интересов в правовом поле предполагает стимулирование ведения предпринимательской деятельности при одновременной защите бизнеса, исключения неправомерного влияния партнеров, минимизации риска мошенничества. Нельзя допустить как чрезмерное ужесточение норм права, так и неопределенную свободу ведения предпринимательской деятельности. И в этом контексте следует выделить ряд рекомендаций по развитию правовой регламентации вопроса в целях обеспечения баланса интересов сторон. Данные представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Рекомендации по обеспечению баланса интересов при уголовном преследовании в сфере предпринимательской деятельности

Направление	Рекомендация	Ожидаемый результат
Разграничение хозяйственного спора и преступления	При проверке сообщения о преступлении оценивать исполнение договора, движение денежных средств и доказательства умысла на хищение	Исключение уголовного преследования по одному лишь факту нарушения договора
Применение процессуальных мер	При выборе меры пресечения и проведении следственных д ействий учитывать их влияние на деятельность организации и мотивировать необходимость ограничений	Защита прав предпринимателя без препятствий для расследования
Судебный контроль	Проверять обоснованность возбуждения дела, правильность квалификации и соблюдение процессуальных гарантий	Защита потерпевшего при предотвращении необоснованного ограничения прав предпринимателя

Предложенная система рекомендаций не включает характерное изменение действующих правовых норм. Она ориентирована на обеспечение последовательного и точного применения норм права при одновременном стимулировании предпринимательской среды и обеспечения защиты бизнеса. Такой подход позволит сформировать эффективную концепцию ведения и защиты бизнеса.

Пристатейный список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Информация Конституционного Суда РФ «Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2018–2020 годов)» (подготовлена Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации) (одобрено решением Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2020 г.) // СПС «Гарант».
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» (с изменениями и дополнениями) // СПС «Гарант».

5. Определение Верховного суда РФ Кассационной Инстанции по делу № 64-УД26-2-К9 от 25 февраля 2026 года // СПС «КонсультантПлюс».
6. *Бакунин, С. Н.* Защита чести, достоинства, деловой репутации: уголовно-правовой и гражданско-правовой аспекты / С. Н. Бакунин // Уголовная политика: вчера, сегодня, завтра : материалы II Международной научно-практической конференции, Рязань, 15–16 ноября 2023 года. – Рязань : Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, 2025. – С. 5–7.
7. *Гармаев, Ю. П.* Эффективная уголовно-правовая защита бизнеса и должностных лиц: концепция и ее практическая реализация / Ю. П. Гармаев // Всероссийский криминологический журнал. – 2025. – Т. 19, № 6. – С. 598–610.
8. *Шевцова, Л. В.* Уголовное преследование предпринимателей по делам об организации преступного сообщества (организации) / Л. В. Шевцова // Современное право. – 2025. – № 10. – С. 123–125.

УДК 343.535

Курбан Видадиевич Гурбанов,
аспирант 2-го курса
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
krbngrbn@gmail.com

Научный руководитель:
Борис Викторович Яцеленко,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
ya.borisvik@mail.ru

ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕХАНИЗМОВ БАНКРОТНОГО ПРАВА В КРИМИНАЛЬНЫХ БАНКРОТСТВАХ

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена использованием правоохранительными органами при расследовании дел о криминальных банкротствах судебных актов арбитражных судов, содержащих выводы о конкретных деяниях, вменяемых в рамках уголовного дела. Целью статьи является установление разумных пределов использования банкротного права в делах о криминальных банкротствах. Предложено учитывать правило защиты делового решения, но при формальном отказе арбитражного суда в оспаривании сделки не исключать эпизод из обвинения.

Ключевые слова: криминальные банкротства; преюдиция в экономических преступлениях; экономические преступления; контролирующее должника лицо; преднамеренное банкротство.

1. Введение. Постановка проблемы

Криминальные банкротства имеют межотраслевой и бланкетный характер, что подразумевает постоянную необходимость анализа и учета специаль-

ного отраслевого законодательства, непосредственно регулирующего вопросы банкротства [1, с. 68]. В таком законодательстве представлены различные механизмы, с помощью которых лица, совершающие криминальные банкротства (ст. 195–197 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)) могут избежать уголовной ответственности.

Или, напротив, создаются условия для необоснованного обвинения предпринимателей в совершении криминальных банкротств, исходящие из неверной оценки и анализа экономических условий, при которых действовал предприниматель.

Соответственно, правоприменительные органы при квалификации преступных деяний, связанных с банкротством, должны учитывать специфическое преломление норм банкротного законодательства в уголовно-правовой плоскости.

Более того, механизмы банкротного законодательства и уголовно-правовые нормы о криминальных банкротствах имеют точки соприкосновения в вопросах надлежащего или недобросовестного (делинквентного) поведения предпринимателей и иных контролирующих должника лиц.

Так, недобросовестные лица могут намеренно использовать банкротный инструментарий для ухода от уголовной ответственности, или, напротив, избегать установленной банкротным законодательством ответственности в рамках арбитражного процесса по делу о банкротстве с помощью уголовно-правовых норм, регулирующих банкротство.

Взаимопроникаемость новелл и удачной практики между уголовным и банкротным законодательством является закономерной, так как любой анализ уголовной ответственности при банкротстве невозможен без обращения к банкротному законодательству [2, с. 60].

Среди таковых «стыковых» институтов особенно выделяются институты защиты делового решения (предпринимательский риск), субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, а также конкурсное оспаривание сделок должника.

Таким образом, целью настоящей статьи является установление пределов и границ влияния институтов банкротного права на уголовно-правовое регулирование банкротства.

2. Защита делового решения как противодействие необоснованным обвинениям в совершении криминальных банкротств

Торговый оборот обусловлен множеством сделок, влекущих перемещение экономических благ от одних лиц и объединений лиц к другим. В результате таких сделок нередко происходит отчуждение имущества или иное умаление имущественной массы конкретного лица [3, с. 74–75].

Факт отчуждения имущества или иное умаление имущественной массы конкретного лица в законодательстве нередко рассматривается как вредоносное действие, наносящее вред как самому лицу, так и его кредиторам.

Между тем такие действия не всегда надлежит трактовать как вредоносные: существует практика совершения малочисленных убыточных сделок для достижения долгосрочной выгоды [4, с. 55].

А также совершение сделки при таких объективных условиях на момент совершения сделки, при которых лицо, их совершившее от имени должника, не знало и не должно было знать о долгосрочной невыгодности сделки. Такое поведение контролирующего лица в целом соответствует рисковому характеру предпринимательской деятельности, без которого невозможно систематическое извлечение прибыли.

Такое видение сделки находит отражение и в современной уголовно-правовой доктрине. Так, исследователи экономических преступлений указывают на невозможность оценки экономических преступлений без учета особенностей гражданско-правовых механизмов и инструментов совершения сделок [5, с. 12].

Для защиты предпринимателей от привлечения к ответственности за совершение таких сделок в судебной практике выработано правило защиты делового решения (*business judgment rule*).

Так, в соответствии с п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» контролирующее лицо не может быть привлечено к ответственности в случаях, когда его действия не выходили за пределы обычного предпринимательского риска [6].

Анализ судебной практики показывает, что ссылка на защиту делового решения при защите от обвинения в криминальных банкротствах наиболее успешно работает, если конкретные действия по отчуждению имущества (сделки) уже были оценены арбитражным судом в рамках дела о банкротстве и по которым арбитражный суд отказал в признании сделки недействительной или привлечении к субсидиарной ответственности:

«…Тот факт, что в отношении <данные изъяты> была инициирована процедура банкротства, не свидетельствует о наличии у осужденной умысла на хищение. Что касается ее управленческих решений как руководителя <данные изъяты> то они принимались в рамках предпринимательского риска, о чем свидетельствует и позиция Арбитражного суда ХМАО – Югры, изложенная в определении от 3 октября 2019 года по делу N А75-12826/2, которым было отказано в привлечении руководителя <данные изъяты> Д. к субсидиарной ответственности…» – *из Кассационного Определения Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27.12.2022 по делу № 77-5796/2022* [7].

Такой подход в оценке доказательств действительно учитывает все необходимые нюансы – суд общей юрисдикции принял установленную в арбитражном суде оценку действий привлекаемого к уголовной ответственности лица.

С другой стороны, банкротное право изобилует различными презумпциями, которые значительно облегчают доказывание обстоятельств в обособленных спорах о привлечении к субсидиарной ответственности и оспаривании сделок.

Бесконтрольное заимствование подходов, выработанных в банкротном праве, в уголовно-правовую материю влечет искажение воли законодателя.

Презумпция как облегченное средство доказывания не должна подменять собой доказывание как строго регламентированную уголовно-процессуальным кодексом деятельность уполномоченных лиц, а также предрешать вопросы виновности лиц:

«Признание за вступившим в законную силу судебным актом, принятым в порядке арбитражного или гражданского судопроизводства, преюдициального значения при рассмотрении уголовного дела не может препятствовать правильному и своевременному осуществлению правосудия по уголовным делам исходя из требований Конституции Российской Федерации, в том числе принципа презумпции невиновности лица, обвиняемого в совершении преступления, которая может быть опровергнута только посредством процедур, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, и только в рамках уголовного судопроизводства» – *из Определения Конституционного Суда РФ от 23.07.2020 № 1898-О* [8].

Так, пределы использования банкротных механизмов в уголовном праве ограничиваются невозможностью использования банкротных презумпций в уголовных делах, необходимостью полной и всесторонней оценки фактических обстоятельств и учета различных стандартов доказывания.

3. Стандарты доказывания в арбитражном процессе по делу о банкротстве и уголовном процессе по криминальным банкротствам

В арбитражном процессе по делу о банкротстве чаще всего действует стандарт доказывания «баланс вероятностей». Это особенно проявляется при анализе банкротных презумпций.

Уголовный процесс же устанавливает гораздо более жесткий стандарт доказывания – «вне разумных сомнений».

Диспозиция статьи 196 УК РФ говорит о совершении действий, заведомо влекущих неспособность лица удовлетворить требования кредиторов.

То есть, умысел лица должен быть направлен на ликвидацию должника посредством увеличения его долговой нагрузки, систематического отчуждения имущества и т.д. Такие действия должны приносить прямой вред должнику и его кредиторам [9, с. 112].

Суды, анализируя такие действия, устанавливают фактически причиненный от таких действий ущерб без применения банкротных презумпций оспаривания сделок:

«...Суд верно установил и указал в приговоре, что М. контролировал хозяйственную деятельность ООО «ТЭК «Скорпион Логистик», распорядился имуществом общества по своему усмотрению и не в интересах фактически возглавляемого им предприятия, умышленно привел данную организацию к несостоятельности (банкротству) путем вывода имущества организации, перевода сотрудников предприятия в подконтрольную ему вновь созданную организацию» – *из Кассационного Определения*

Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 30.05.2025 по делу № 1582/2025 [10].

Между тем банкротные презумпции оспаривания сделок предполагают иное доказывание направленности умысла на причинение вреда. В соответствии с п. 6 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» цель причинения вреда имущественным правам кредиторов предполагается, если наличествуют два условия: на момент совершения сделки должник отвечал признаку неплатежеспособности и имеются другие обстоятельства, предусмотренные специальными положениями конкурсного оспаривания [11].

При этом в вышеуказанном Постановлении подчеркивается, что в случае недоказанности хотя бы одного из обстоятельств суду надлежит отказать в удовлетворении заявления о признании сделки недействительной по заявленному основанию.

Это особенно примечательно в контексте стандартов доказывания в различных видах судопроизводства. Так, если на момент совершения сделки должник не обладал признаками неплатежеспособности (обязательный элемент оспаривания) суд в удовлетворении заявления откажет.

Между тем при рассмотрении уголовного дела о криминальных банкротствах ни Уголовный кодекс, ни актуальная судебная практика таких презумпций не предусматривают.

Таким образом, недобросовестный предприниматель может инициировать в арбитражном процессе по делу о банкротстве рассмотрение своих сделок, добиться по ним отказа ввиду отсутствия одного из обязательных специфических элементов конкурсного оспаривания, после чего уже в уголовном деле ссылаться на эти судебные акты, доказывая свою невиновность.

Решать эту проблему предполагается следующим образом: суду общей юрисдикции, органам предварительного расследования надлежит в любом случае изучать судебные акты арбитражного суда, вынесенные в результате рассмотрения сделок должника, ставших основанием для уголовного преследования.

Если арбитражным судом отказано по формальным основаниям ввиду отсутствия обязательного элемента конкурсного оспаривания (исключая причинение вреда имущественным правам кредиторов), например, если должник не отвечал на момент совершения сделки признаку неплатежеспособности, суду надлежит полностью исследовать фактические обстоятельства совершения такой сделки и не исключать такой эпизод из обвинения, ссылаясь на один лишь отказ арбитражного суда в признании сделки недействительной.

4. Выводы

Таким образом, при применении механизмов банкротного права в делах о криминальных банкротствах правоохранительным органам необходимо учитывать следующие пределы такого использования:

1. Правоохранительным органам надлежит учитывать правила о защите делового решения. Факт совершения сделки в рамках предпринимательского риска может быть установлен в рамках обособленных споров в арбитражном процессе по делу о банкротстве.

2. Не каждый отказ арбитражного суда в признании сделки недействительной следует трактовать как отсутствие вреда должнику и кредиторам в рамках уголовного дела. Банкротные презумпции содержат формальные, но обязательные элементы, влекущие отказ в признании сделки недействительной.

Пристатейный список литературы

1. *Иванов, Н. Г.* Криминальные банкротства: уголовно-правовая характеристика : учебное пособие / Н. Г. Иванов. – Москва : Проспект, 2023. – 104 с.
2. *Багреева, Е. Г.* К вопросу об уголовной и субсидиарной ответственности контролирующих лиц / Е. Г. Багреева, С. В. Петухов // Российский следователь. – 2020. – № 6. – С. 58–62.
3. *Волженкин, Б. В.* Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления) / Б. В. Волженкин. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2007. – 763 с.
4. *Губко, В. А.* Установление умысла на совершение преднамеренного банкротства (ст. 196 УК) / В. А. Губко // Законность. – 2024. – № 5. – С. 51–56.
5. *Есаков, Г. А.* Экономическое уголовное право : Общая часть / Г. А. Есаков. – Москва : ВШЭ, 2019. – 320 с.
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 (ред. от 23.12.2025) «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 3.
7. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27.12.2022 по делу № 77-5796/2022 // Сайт Седьмого кассационного суда общей юрисдикции. – URL: https://7kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=16146705&case_uid=fe1fca43-4963-4dab-999c-2e700d25ddd3&new=2450001&delo_id=2450001 (дата обращения: 28.09.2026).
8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Карамзина Кантемира Феликсовича на нарушение его конституционных прав статьями 90 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 23.07.2020 № 1898-О // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 28.09.2026).
9. *Талан, М. В.* Преступления в сфере экономической деятельности: вопросы теории и законодательного регулирования / М. В. Талан. – Казань : Изд-во Казанского университета, 2001. – 372 с.

10. Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 30.05.2025 по делу № 77-1582/2025 // Сайт Шестого кассационного суда общей юрисдикции. – URL: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=24168793&case_uid=9050b43f-2bf7-4531-80da-8a8db6fb904b&new=2450001&delo_id=2450001 (дата обращения: 28.09.2026).
11. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. – 2011. – № 3.

УДК 343

Дмитрий Эдуардович Елисеев,
студент 2-го курса юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
yeliseev-2007@inbox.ru

Научный руководитель:
Юлия Николаевна Наумова,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
yasenaut34@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕРЕПИСКИ В МЕССЕНДЖЕРАХ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ АВТОРА И ПРОВЕРКИ ПОДЛИННОСТИ СООБЩЕНИЙ

Аннотация. Рассматриваются проблемы использования переписки в мессенджерах при расследовании преступлений в сфере предпринимательства. Разграничиваются сведения о владельце аккаунта и признаки, позволяющие установить автора конкретного сообщения. Предлагается порядок проверки происхождения и подлинности переписки, а также ее сопоставления с документами, отражающими хозяйственные операции.

Ключевые слова: переписка в мессенджерах; цифровые доказательства; преступления в сфере предпринимательства; авторство сообщений; подлинность переписки; компьютерно-техническая экспертиза.

Введение

Переписка в мессенджерах может содержать сведения об условиях сделок, поручениях руководителей и их исполнении. При расследовании престу-

плений в сфере предпринимательства такие сведения позволяют установить договоренности участников сделки, известные им обстоятельства и порядок совершенных действий. Использование сообщений в доказывании требует установления их автора, проверки подлинности и сопоставления с другими материалами уголовного дела.

Цель исследования – определить способы установления автора сообщений и проверки подлинности переписки в мессенджерах. Анализ уголовно-процессуальных норм и российских научных публикаций позволяет выявить трудности, возникающие при решении этих задач, и предложить порядок проверки переписки. Полученные результаты могут использоваться при оценке сообщений в совокупности с другими доказательствами по делу.

1. Переписка как источник доказательственной информации

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) не предусматривает самостоятельного вида доказательств для переписки в мессенджерах. Ее содержание может быть зафиксировано в протоколе следственного действия, а полученные материалы могут быть приобщены к уголовному делу в качестве иных документов либо признаны вещественными доказательствами при наличии предусмотренных законом признаков [1, ст. 74, 81, 83, 84]. Порядок приобщения переписки к делу зависит от того, в каком виде она представлена и каким способом получена. Из материалов дела должно быть ясно, исследовалось ли устройство, электронный файл или скриншот переписки, представленный участником процесса.

Значение имеет и законность получения доступа к переписке. В определении от 25 января 2018 г. № 189-О Конституционный Суд Российской Федерации признал, что осмотр и экспертиза сведений в памяти абонентских устройств, законно изъятых при следственных действиях, не предполагают получения специального судебного решения [2]. Также необходимо установить, было ли само устройство изъято в соответствии с требованиями закона. Кроме того, осмотр данных, сохраненных на устройстве, не означает разрешения на получение новых сообщений или доступ к удаленному хранилищу. Законность таких действий требует отдельной оценки.

Для уголовных дел, перечисленных в части 4.1 статьи 164 УПК РФ, установлены ограничения на изъятие электронных носителей. Предусмотренные законом исключения закреплены в части 1 статьи 164.1 УПК РФ – изъятие производится с участием специалиста [1]. Соблюдение этих требований помогает получить необходимые доказательства и сохранить возможность дальнейшей деятельности организации.

В исследовании И. А. Орешкова получение электронных сообщений рассматривается с учетом особенностей организации и проведения следственных действий [3, с. 34]. Этот подход важен при оценке переписки в мессенджерах: источник информации и способ ее извлечения определяют возможности последующей проверки. Скриншот, файл экспорта и данные приложения обладают разной информативностью, поэтому их нельзя оценивать как взаимозаменяемые объекты.

2. Проблемы установления автора сообщений

Принадлежность аккаунта определенному лицу не равнозначна авторству каждого отправленного сообщения. В предпринимательской деятельности это различие обусловлено тем, что одним рабочим устройством или аккаунтом могут пользоваться несколько сотрудников. Рабочий телефон может передаваться сотрудникам, а учетная запись – использоваться руководителем и его помощником. Регистрация номера на организацию не позволяет установить, кто из сотрудников является автором конкретного сообщения.

Для установления автора сообщения необходимо выяснить, кто имел доступ к аккаунту в момент его отправки. Проверке подлежат сведения о том, кому было выдано устройство, передавались ли пароли другим сотрудникам и использовалась ли учетная запись на других устройствах. Эти сведения сопоставляются с показаниями участников переписки и данными о подключениях к аккаунту. Однако сведения о подключении сами по себе не позволяют установить, кто фактически отправил сообщение. Отправитель сообщения не всегда является автором его текста: сообщение могло быть составлено другим сотрудником.

При установлении автора учитывается и содержание переписки: знание обстоятельств сделки, особенности обращения к собеседнику и характер ответов. Тем не менее значение этих признаков зависит от того, насколько они свойственны конкретному лицу. Упоминание реквизитов, известных нескольким сотрудникам, или использование общепринятых деловых выражений недостаточно для вывода об авторстве. Поэтому наряду со сведениями, указывающими на определенного участника, необходимо проверять возможность отправки сообщения другим работником.

Громова А.В. рассматривает переписку как форму письменного диалога, в которой особенности речи автора проявляются под влиянием используемых средств связи. В исследовании отмечается, что особенности оформления сообщений и ведения диалога могут использоваться для установления их автора [4, с. 90–91, 93–94].

Возможность установления автора экспертным путем зависит от объема и содержания представленных текстов. А. В. Громова указывает на необходимость предварительной оценки материалов и подбора образцов, пригодных для сравнения [5, с. 51–52]. Короткие сообщения, стандартные формулировки и различия в условиях создания текстов могут затруднить исследование. Если эксперт не смог установить автора, это не дает оснований приписывать сообщение владельцу устройства.

3. Проверка подлинности и целостности переписки

Для проверки подлинности переписки необходимо установить происхождение сообщений и выяснить, вносились ли в них изменения, влияющие на смысл. Скриншот фиксирует только часть диалога и может не отображать предыдущие сообщения, приложенные файлы и сведения о редактировании текста. Поэтому при наличии доступа к исходной переписке следует сопоставить ее с представленным изображением.

При фиксации переписки необходимо подробно отразить порядок ее исследования. В протоколе указываются признаки устройства и аккаунта, выбранный диалог, временной интервал, примененные технические средства и результаты их использования. Эти сведения конкретизируют требования статьи 166 УПК РФ применительно к цифровой информации [1]. Если извлечение охватывает только часть сообщений, пределы полученного материала должны быть обозначены прямо.

Выбор сообщений только по отдельным словам может привести к неверному толкованию переписки. Для понимания смысла распоряжения необходимо учитывать предшествующее обсуждение, дальнейшие уточнения и содержание приложенных документов. Поэтому вместе с исследуемым сообщением следует сохранять связанные с ним реплики, позволяющие установить контекст его отправки.

При сравнении переписки на устройствах ее участников и имеющихся копий могут быть обнаружены различия в тексте и последовательности сообщений. Необходимо установить причины таких расхождений: они могут возникнуть вследствие изменения переписки, неполного копирования или сохранения разного объема данных. Поэтому выявленные несовпадения сами по себе не свидетельствуют о фальсификации.

Неизменность полученной копии не подтверждает подлинность переписки, поскольку исходные данные могли быть изменены до копирования. В связи с этим необходимо документально зафиксировать источник и способ получения копии, а также ее передачу на экспертное исследование.

Компьютерно-техническая экспертиза позволяет выявить признаки изменения цифровых данных и установить, совпадает ли содержание представленных копий. Вопросы, поставленные перед экспертом, должны относиться к его компетенции. Выводы эксперта используются при оценке переписки, однако решение вопроса о виновности лица относится к полномочиям следователя и суда.

4. Оценка переписки в связи с хозяйственной операцией

По уголовным делам в сфере предпринимательства необходимо проверять не только подлинность сообщений, но и достоверность их содержания. В переписке могут обсуждаться еще не согласованные решения, неточные сведения или условия сделки, позднее пересмотренные сторонами. Установление автора распоряжения также не подтверждает, что оно было исполнено. Поэтому сообщения следует сопоставлять с договорами, первичными документами, сведениями о банковских операциях и показаниями участников.

Так, если стороны обсуждают подписание акта до завершения работ, необходимо выяснить, какие работы фактически выполнены, что подтверждает акт и какие сведения были известны участникам переписки. Это позволит установить, обсуждали ли стороны подписание акта на невыполненные работы или приемку уже выполненной части работ. Содержание переписки в данном случае оценивается с учетом фактических действий сторон и документов по сделке.

Предлагается последовательно проверять источник переписки и законность ее получения, авторство спорных сообщений, сохранность содержания и соответствие другим материалам дела. Нарушения порядка получения переписки могут поставить под сомнение ее допустимость. Неясное происхождение сообщений и противоречия в их содержании требуют проверки достоверности, а для установления относимости необходимо определить, какие обстоятельства дела подтверждает или опровергает переписка. Достаточность оценивается применительно ко всей совокупности доказательств [1, ст. 75, 88].

Доводы об общем доступе к аккаунту или неполноте диалога требуют содержательной проверки. Обязанность доказать обвинение и опровергнуть доводы защиты лежит на стороне обвинения; неустранимые сомнения толкуются в пользу обвиняемого [1, ст. 14].

Заключение

Для использования переписки в процессе расследования необходимо выяснить, откуда она получена, кто написал сообщения и как они связаны с хозяйственной операцией. Владелец аккаунта не всегда является автором сообщений, а отсутствие изменений в тексте еще не означает, что изложенные сведения верны. Переписку следует сопоставлять с другими доказательствами по делу и проверять выявленные противоречия.

Пристатейный список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 26 июля 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2018 г. № 189-О // СПС «Гарант».
3. *Орешков, И. А.* Проблемы получения доказательственной информации, содержащейся в электронных сообщениях, при расследовании преступлений / И. А. Орешков // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2025. – № 2. – С. 34–44.
4. *Громова, А. В.* Переписка в мессенджере: идентификация автора по тексту в условиях трансформации индивидуализирующих признаков / А. В. Громова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 87–98.
5. *Громова, А. В.* Автороведческая экспертиза по текстам переписок в мессенджере: рекомендации по доэкспертной оценке материалов / А. В. Громова // Судебная экспертиза. – 2025. – № 2. – С. 48–56.

УДК 343

Виктория Сергеевна Загородникова,
студентка 4-го курса Ижевского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ижевск, Россия
zagorodnikova.vika156@mail.ru

Научный руководитель:
Ольга Юрьевна Боева,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
уголовного права и процесса Ижевского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ижевск, Россия
iji-up@mail.ru

ДРОБЛЕНИЕ БИЗНЕСА: МЕЖДУ НАЛОГОВОЙ ОПТИМИЗАЦИЕЙ И УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

Аннотация. Статья посвящена проблеме правового закрепления норм, регулирующих «дробление бизнеса» и применения уголовного законодательства при выявлении признаков преступлений по статьям 199 и 159 Уголовного кодекса российской Федерации (далее – УК РФ) при уклонении от уплаты налогов и сборов, применяя данный способ. Проблема обусловлена тем, что Налоговый Кодекс Российской Федерации (далее – НК РФ) не содержит легального определения термина «дробление бизнеса». Правоприменителям необходимо ссылаться на ст. 54.1 НК РФ, такое положение усложняет процесс определения факта незаконного реструктурирования бизнеса и привлечения к ответственности. Целью работы является комплексный анализ правовой природы дробления бизнеса, выявление тенденций правоприменительной практики и формулирование конкретных уголовно-правовых мер, направленных на устранение правовой неопределенности. Мы изучили и проанализировали нормы НК РФ, УК РФ, судебную практику и другие нормативно правовые акты, предлагаем внести изменения и дополнения в уголовное законодательство России, чтобы урегулировать вопрос привлечения лиц, совершивших налоговые преступления, применяя способ «дробления бизнеса» к ответственности.

Ключевые слова: дробление бизнеса; УК РФ; НК РФ; судебная практика; налоги; правовая неопределенность.

В научной литературе справедливо отмечается, что проблема ухода от налогообложения путем дробления бизнеса не является новой – ни с точки зрения судебной практики, ни с точки зрения научных исследований. Однако парадокс российского законодательства заключается в том, что Налоговый кодекс до сих пор не содержит легального определения термина «дробление бизнеса» [1]. Боле того, как отмечается в научной литературе, правоприменители вынуждены опираться на ст. 54.1 НК РФ, которая запрещает уменьшение налоговой базы в результате искажения фактов хозяйственной жизни, но не содержит прямых критериев дробления [2].

С 1 января 2026 года порог выручки для освобождения от НДС на УСН снижен с 60 до 20 миллионов рублей, и в дальнейшем он продолжит снижаться: до 15 миллионов в 2027-м году и до 10 миллионов – с 2028-го [3]. Это создало эффект, который в доктрине уже называют «дроблением поневоле»: тысячи компаний, ранее работавших без НДС, оказались перед выбором – платить или «дробиться». Только в декабре 2025 года зарегистрировано около 140 тысяч новых индивидуальных предпринимателей (далее – ИП), и почти 20 тысяч из них, по оценкам Федеральной налоговой службы (далее – ФНС), уже на старте подпадали на критерии искусственного дробления [4].

В доктрине предлагается понимать под дроблением бизнеса «разукрупнение структуры бизнеса, которое выражается в рассредоточении целостного экономического цикла по ряду де-юре обособленных звеньев, подчиненных общим выгодоприобретателям, с приоритетной целью сокращения фискального бремени посредством эксплуатации льготных условий налогообложения сверх установленных статьей 54.1 НК РФ рамок добросовестного декларирования» [5]. Следует обратить внимание на то, что акцент делается не на формальной структуре, а на целостности экономического цикла и общности выгодоприобретателей. Это принципиально важно для понимания логики правоприменителя.

В научной литературе выделяется несколько подходов к оценке доказательств. Так, К. А. Карелин анализирует различные подходы к оценке критериев «должной осмотрительности» и «деловой цели» судами в арбитражной практике последних лет. Автор обращает внимание на ключевую роль доказательств, полученных в условиях цифровизации налогового администрирования. И действительно, если раньше налоговые органы тратили годы на доказывание искусственности разделения, то в настоящее время ситуация изменилась кардинально. ФНС перешла от простой фиксации признаков взаимозависимости к тотальному цифровому анализу.

Показательный пример – дело волгоградской сети пекарен «Хлебница», дошедшее до Верховного Суда (далее – ВС). Судья ВС согласился с доводом,

что проведение совместных корпоративов и единая рекламная кампания подтверждают отсутствие самостоятельности. Раннее считалось, что праздник за счет компании – это внутреннее дело. Теперь это доказательство управления единым бизнесом. Кроме того, ФНС предоставляют в суды видео с корпоративов и скриншоты чатов, где сотрудники разных юридических лиц называют себя «мы» и «одна команда» [6].

С точки зрения уголовного-правового инструментария базовым составом является статья 199 УК РФ. Квалифицирующие признаки – крупный размер – свыше 18 миллионов 750 тысяч рублей за три года, особо крупный – свыше 56 миллионов 250 тысяч [7].

Приведем пример из актуальной практики. Июль 2026 года, Калининградская область. Генерального директора торговой компании обвиняют по пункту «б» части 2 статьи 199 УК РФ. Он с 2019 по 2022 год дробил бизнес, чтобы остаться на УСН. Неуплаченный НДС – более 419 миллионов рублей. В обеспечение иска арестовано 59 объектов недвижимости [8]. Во Владимирской области в июне 2026 года руководитель двух строительных фирм пошел в суд – сумма неуплаты больше 63 миллионов. Схема классическая: одни объекты, один адрес, одна бухгалтерия, один штат [9].

Но статья 199 УК РФ – не единственный сценарий квалификации. Если дробление сопровождается хищением бюджетных средств – например, незаконным возмещением НДС или получением субсидий, – дополнительно вменяется статья 159 УК РФ. Знаковое дело – группа «БОР» в Приморье, которой с 2011 по 2022 год через дробление и аффилированные компании выводились деньги за границу. Ущерб составил более 1 миллиарда 100 миллионов рублей. Деяние квалифицировали по часть 4 статьи 159 – мошенничество, совершенное, организованной группой, в особо крупном размере [10]. Еще пример – Брянская область: фиктивное дробление на несколько юрлиц, занижение доходов, завышение расходов, ущерб бюджету составил более 8 миллионов – ст. 159 УК РФ [11].

Теперь о спорной судебной практике. Она есть, и она разнонаправлена. Приведем примеры, которые демонстрируют, насколько неоднозначной остается правоприменительная практика.

Первый пример – дело, которое можно назвать «символом» защиты бизнеса. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25 февраля 2026 года по делу № А76-26323/2023. Семья с 1990-х годов вела бизнес из нескольких компаний по добыче и переработке мрамора. Сотрудники ФНС посчитали, что бизнес разделили для экономии на налогах, и доначислили НДС, налог на прибыль и налог на добычу полезных ископаемых (далее – НДПИ) на сумму 167 миллионов рублей. Суд обратил внимание на то, что участники группы регистрировались начиная с 1992 года, у них разные лицензии на пользование недрами и юридические адреса, у каждой – свой руководитель, главный бухгалтер, собственный штат, расчетный счет. Более того, налоговики уже проверяли компанию за периоды с 2007 по 2026 год и не увидели нарушений. Суд указал, что новые претензии за 2018–2020 годы лишают

компанию правовой определенности [12]. Доначисления были отменены. Этот пример демонстрирует, что длительная история введения бизнеса и реальная самостоятельность участников группы могут быть защитой от обвинений в дроблении.

Второй пример – прямо противоположный. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 8 мая 2026 года по делу № А53-25659/2025. Налоговики проверили трех ИП – мужа, жену и тещу – и обвинили их в дроблении, доначислив более 153 миллионов рублей налогов. Предприниматель предоставил свидетельство о расторжении брака и объяснение общего заказчика, который якобы воспринимал бизнесменов как независимых контрагентов. Однако ФНС смогла доказать аффилированность, потому что «бывший муж» продолжал работать по трудовому договору у «бывшей тещи», все три ИП работали с одним заказчиком, привлекали одних и тех же перевозчиков, заключали одни и те же договоры в одни и те же даты; предприниматель был зарегистрирован по адресу «бывшей тещи»; «бывшая жена» бесплатно использовала склады «бывшего мужа»; все обслуживались в одном банке; «бывшие» супруга и теща выписали доверенности на предпринимателя на доступ к интернет-банку и подписание документов [13]. Суды всех инстанций поддержали налоговый орган.

Этот пример показывает, что даже формальный развод и нотариальные «объяснения» не спасают, если сохраняется фактическое единство бизнеса.

Третий пример – наиболее спорный с точки зрения правовой определенности. В 2025 году Верховный суд окончательно легализовал «реконструкцию» налоговых обязательств при дроблении. Речь идет об определении ВС № 306-ЭС25-5274 от 16 июня 2025 года, которое развеяло миф о том, что налоговая реконструкция не применяется при дроблении [14]. Суть в том, что при выявлении дробления налоговики доначисляют налоги так, как если бы бизнес работал на общей системе налогообложения (далее – ОСН) без разделения. Компании теряют право на УСН не с текущего квартала, а ретроспективно за несколько лет. Это порождает серьезную доктринальную проблему: с одной стороны, реконструкция позволяет определить действительный размер налоговых обязательств, а не штрафовать за всю выручку; с другой – возникает вопрос о правовой природе такого ретроспективного пересчета. В научной литературе этот вопрос активно обсуждается. По мнению некоторых ученых, налоговая реконструкция не может рассматриваться в качестве самостоятельной формы налогового контроля, а представляет собой способ определения действительного размера обязательств [15].

Еще один аспект – процессуальный. Постановление Пленума Верховного Суда № 48 от 15 ноября 2016 года «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» прямо указывает: поводом для возбуждения уголовного дела по налоговым составам могут служить только материалы, направленные налоговыми органами в порядке пункта 3 статьи 32 НК РФ [16]. Без решения

ФНС, вступившего в силу, уголовное дело возбудить нельзя. Это важный фильтр, но он не абсолютен.

Кроме того, статья 6 Федерального закона от 12 июня 2024 года № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» дает шанс: если добровольно отказаться от дробления в 2026 году и подать уточненные декларации, недоимки, пени и штрафы за предшествующие годы спишут[17]. Текущий год – последний для этого «окна». Причем в научной литературе уже высказывается обоснованное опасение, что вместо реального отказа от схемы возможна имитация прекращения дробления посредством ликвидации участников с одновременным воссозданием схемы в составе новых хозяйствующих субъектов. Это создает риск того, что после окончания амнистии правоприменительная практика столкнется с волной «воссозданных» схем, а квалификация таких действий будет ужесточаться вплоть до признаков организованной группы.

Таким образом, законодательное закрепление критериев дробления в настоящее время остается фрагментарным. Хотя понятие и появилось в законе №176-ФЗ, но исчерпывающего перечня критериев нет.

Судебная практика тоже разнонаправлена – от полного отказа в доначислениях при длительной истории бизнеса до поддержки налоговиков при малейших признаках фактического единства.

Уголовно-правовой инструментарий включает не только статью 199, но и статью 159 УК РФ при хищении бюджетных средств.

На основе анализа выявленных недостатков, предлагаем следующие уголовно-правовые меры, направленные на устранение правовой неопределенности в сфере противодействия незаконному дроблению бизнеса.

Дополнить статьи 198 и 199 УК РФ примечанием, устанавливающим мораторий на привлечение к уголовной ответственности лиц, осуществляющих поэтапный переход с упрощенной системы налогообложения на общую систему налогообложения. Такой мораторий должен распространяться на последующий период (до 2028 года) и охватывать случаи, когда налогоплательщик добросовестно реструктурирует бизнес в связи с изменением законодательства, а не преследует цель уклонения от налогов. Это создаст правовую определенность для бизнеса в переходный период.

Закрепить в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации правило о разграничении ст. 159 и ст. 198–199 УК РФ. Так, если деяние связано исключительно с неуплатой налогов (без хищения бюджетных средств), оно квалифицируется по ст. 198–199 УК РФ, а не по ст. 159 УК РФ.

Дополнить Постановление Пленума ВС РФ от 15.11.2016 № 48 разъяснением о том, что при дроблении бизнеса субъектом преступления по ст. 199 УК РФ является лицо, фактически осуществляющее управление всей группой взаимозависимых организаций, независимо от того, в каком из юридических лиц оно формально занимает руководящую должность. Это устранит ситуа-

цию, когда при привлечении к ответственности только номинального директора одной из «дочерних» фирм фактический организатор схемы остается вне уголовного преследования.

Все перечисленные меры объединяет одна идея – переход от оценочного правоприменения к системе правовых презумпций и процессуальных гарантий. Уголовно-правовой инструментарий должен быть предсказуемым, а бизнес должен понимать, где заканчивается законная оптимизация и начинается преступление.

Пристатейный список литературы

1. Дробление бизнеса: как его видят ФНС, Минфин и суды // Бухэксперт : сайт. – URL: https://buhexpert8.ru/zkn-bu/fns/droblenie-biznesa-kak-ego-vidyat-fns-minfin-i-sudy.html.
2. Проблемы применения ст. 54.1 НК РФ // Закон.ру : сайт. – URL: https://zakon.ru/blog/2025/2/13/.
3. Стратегия «лестница лимитов» на УСН 20–15–10 млн рублей: сдерживать рост или пробивать потолок // Клерк.ру : сайт. – URL: https://www.klerk.ru/blogs/astral/676366/.
4. ФНС начала превентивно бороться с дроблением бизнеса. Под ударом даже те ИП, кто зарегистрировался вчера // Investfuture.Ru : сайт. – URL: https://investfuture.ru/articles/.
5. *Соловьев, А. А., Попенко, А. В.* Дробление бизнеса: правовые основы и основания привлечения предпринимателей к налоговой ответственности // Налоги. – 2026. – № 2. – С. 33–35. – URL: https://lawinfo.ru/articles/13797/.
6. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 7 марта 2025 г. № Ф06-219/25 по делу N А12-4458/2024 // СПС «Гарант».
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Прокуратура Калининградской области направила в суд уголовное дело об уклонении от уплаты налогов на сумму более 419 млн рублей // Генеральная прокуратура Российской Федерации : сайт. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/regional/.
9. Прокуратура Владимирской области направила в суд уголовное дело об уклонении от уплаты налогов на сумму более 63 млн рублей // Прокуратура Владимирской области : сайт. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_33/mass-media/news/main/e8530560/.
10. Экс-руководство группы «БОР» предстанет перед судом за хищение 1,3 млрд руб. // РАПСИ : сайт. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20250516/310862189.html.
11. Прокуратура Брянской области направила в суд уголовное дело о хищении бюджетных средств на сумму более 8 млн рублей // Генеральная прокуратура Российской Федерации : сайт. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e823014/

12. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25 февраля 2026 г. № Ф09-4897/25 по делу № А76-26323/2023 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант».
13. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 08.05.2026 № Ф08-1724/2026 по делу № А53-25659/2025 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Определение Верховного Суда РФ от 16.06.2025 № 306-ЭС25-5274 по делу № А12-4458/2024 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : сайт. – URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-16062025-n-306-es25-5274-po-delu-n-a12-44582024/
15. *Комиссарова, А. С.* Налоговая реконструкция при выявлении дробления бизнеса: современные проблемы правоприменения / А. С. Комиссарова // Молодой ученый. – 2026. – № 27 (630). – С. 356–367.
16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 (ред. от 23.12.2025) «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».
17. Федеральный закон от 12.07.2024 № 176-ФЗ (ред. от 28.11.2025) «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 343

Анжелика Павловна Малервейн,
студентка 2-го курса юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия
amalervein@gmail.com

Научный руководитель:
Евгений Александрович Апольский,
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия
apolski@mail.ru

БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА: ПОИСК ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема достижения баланса интересов государства и бизнеса в Российской Федерации в контексте развития институтов государственно-частного партнерства (ГЧП). Особое внимание уделено феномену чрезмерного уголовного преследования участников ГЧП-проектов, а также институциональным факторам, препятствующим формированию оптимальной модели взаимодействия публичной и частной сторон. В первую очередь, отсутствию легализованного института лоббизма. На основе анализа российской правоприменительной практики и зарубежного опыта предложены направления совершенствования правового регулирования.

Ключевые слова: баланс интересов: государственно-частное партнерство; уголовное преследование; лоббизм; концессионные соглашения; правовая определенность.

Проблема баланса интересов государства и бизнеса относится к числу фундаментальных вопросов политической экономии и государственного

управления. От того, насколько эффективно выстроено это взаимодействие, зависят темпы экономического роста, уровень инвестиционной активности, степень технологической независимости и, в конечном счете, качество жизни граждан.

В Российской Федерации, где доля государственного сектора в экономике традиционно высока, вопрос поиска оптимальной модели взаимоотношений публичной власти и частного капитала приобретает особую остроту [1].

Государственно-частное партнерство как институциональная форма такого взаимодействия демонстрирует устойчивый рост: по состоянию на 2024 год в России действовало около 3500 соглашений ГЧП на общую сумму 4,8 трлн рублей, из которых 3,3 трлн составили частные инвестиции. В 2024 году был побит рекорд по законтрактованным инвестициям в проекты ГЧП за 20-летнюю историю существования механизма. Однако за этими впечатляющими цифрами скрывается комплекс нерешенных проблем, которые ставят под угрозу устойчивость развития данного института.

В России сформирована достаточно развитая нормативная база регулирования ГЧП, а именно, действуют Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации» и Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях». Законодательство в этой сфере находится в постоянном развитии, законы о концессионных соглашениях и о ГЧП несколько раз в год претерпевают существенные изменения, подзаконное регулирование также непрерывно совершенствуется.

Однако развитость нормативной базы сама по себе не гарантирует эффективности правоприменения [1]. На практике реализация ГЧП-проектов сопровождается рядом системных проблем, среди которых особую остроту приобретают две взаимосвязанные тенденции: чрезмерное уголовное преследование участников партнерских отношений и отсутствие легального института лоббизма, которое лишает бизнес цивилизованных каналов представления своих интересов, следовательно, отсутствует законодательное закрепление процедур формализованного представительства интересов бизнеса в органах государственной власти. С 1990-х годов было предпринято не менее пяти попыток принять закон о лоббизме, ни одна из которых не увенчалась успехом. В условиях правового вакуума лоббистская деятельность осуществляется де-факто, но в нераскрытой, неформальной форме, что повышает коррупционные риски и снижает прозрачность принятия экономических и политических решений [2].

Отсутствие легальных каналов артикуляции интересов бизнеса, вынуждает предпринимателей прибегать к неформальным механизмам взаимодействия с властью, что, в свою очередь, создает питательную среду для квалификации таких контактов как коррупционных или мошеннических деяний.

Во-вторых, наблюдается системная склонность правоприменителя к учету интересов бюджета даже тогда, когда это прямо противоречит букве закона и совершенно легальным договоренностям публичной и частной стороны, за-

крепленным в концессионном соглашении. Это подрывает уверенность рынка в правовых институтах ГЧП и снижает желание инвесторов вкладывать средства в крупные объекты публичной инфраструктуры [3].

В-третьих, сохраняется проблема слабой связи концессионного и отраслевого законодательства, громоздкая процедура заключения соглашений о ГЧП и неудачное регулирование залога прав, не позволяющее банкам полагаться только на этот залог при предоставлении кредита.

Одной из наиболее острых проблем, подрывающих доверие бизнеса к институту ГЧП, является чрезмерное и зачастую необоснованное уголовное преследование участников партнерских проектов [4]. Практика показывает, что риски уголовного характера в сфере ГЧП можно разделить на две категории: целенаправленное мошенничество, связанное с участием в ГЧП в целях хищения государственных либо частных средств, и так называемые «пограничные случаи», когда результат невыполнения гражданско-правовых обязательств, повлекший ущерб государству, расценивается правоохранительными органами как преступление [1].

Как справедливо отмечает вице-президент Гильдии российских адвокатов Никита Филиппов, «грань между предпринимательским риском и мошенничеством проходит исключительно в голове следователя». Эта метафора точно отражает суть проблемы: отсутствие четких правовых критериев разграничения гражданско-правовой ответственности и уголовной виновности создает зону правовой неопределенности, в которой предпринимательский риск трансформируется уже в уголовное обвинение.

Статистика подтверждает тревожные тенденции. В 2025 году было выявлено 107,2 тыс. преступлений экономической направленности, что на 1,7% больше, чем в предыдущем году. Минимальный ущерб по таким делам вырос с 295,7 млрд рублей в 2024 году до 363,4 млрд рублей в 2025-м. Число реальных приговоров по экономическим составам увеличилось с 3,4 тыс. лиц в 2021 году до 5,5 тыс. в 2024 году, из которых около 2,2 тыс. – это предприниматели. Значительная часть обвинений по экономическим статьям связана со сферой государственных закупок, распределением бюджетных средств и выполнением государственных контрактов.

По данным бывшего бизнес-омбудсмена Бориса Титова, в первом полугодии 2023 года в работе у следователей числилось около 352 тыс. дел по статьям о мошенничестве, преступлениях в сфере экономической деятельности и причинении имущественного ущерба обманом на 15% больше, чем за аналогичный период 2022 года. Юристы отмечают, зачастую гражданско-правовые споры, связанные с неисполнением договорных обязательств, квалифицируются как мошенничество [4].

Экономические последствия уголовной изоляции предпринимателей выходят далеко за пределы конкретного уголовного дела: бизнес теряет собственника или ключевого управленца, сокращает оборот, перестает исполнять обязательства, лишается сотрудников [5]. По подсчетам аналитиков, бюджет из-за уголовной изоляции предпринимателей теряет около 185,7 млрд рублей в год.

Особую тревогу вызывает то, что в сфере ГЧП уголовное преследование может быть использовано как инструмент давления на частного партнера при возникновении разногласий по исполнению соглашения [4].

Когда сторона, представляющая государственные интересы, не может добиться желаемого изменения условий контракта в судебном порядке, возникает соблазн инициировать уголовное преследование в отношении руководства частного партнера. Подобная практика не только нарушает принцип равенства сторон, закрепленный в гражданском законодательстве, но и подрывает саму идею партнерства как института, основанного на взаимном доверии [6].

Отсутствие легализованного института лоббизма является одним из ключевых факторов, препятствующих достижению баланса интересов государства и бизнеса [7]. В странах с развитыми демократическими традициями лоббизм рассматривается как легальный и легитимный институт, обеспечивающий прозрачность процесса принятия государственных решений и формализованный канал артикуляции интересов различных групп общества [8].

В России лоббизм законодательно не закреплен, однако лоббистская деятельность осуществляется в рамках действующего законодательства, которое регулирует отношения между гражданами и органами государственной власти [9].

Применительно к сфере ГЧП это означает, что при возникновении разногласий между публичным и частным партнером у последнего может отсутствовать эффективный легальный механизм защиты своих интересов на досудебной стадии. Не имея возможности легально лоббировать свои позиции в органах исполнительной и законодательной власти, частный партнер оказывается в ситуации, когда единственным доступным инструментом защиты становится обращение в суд.

Анализ зарубежной практики позволяет выделить несколько моделей взаимодействия государства и бизнеса, которые могут служить ориентиром для российской системы.

Для США и стран ЕС характерна плюралистическая модель взаимодействия, основанная на принципах рыночной саморегуляции, свободной конкуренции и минимальной интервенции государства в экономические процессы. В США институт лоббизма легален и легитимен: действует система обязательной регистрации и отчетности лоббистов, предусмотренная Законом о лоббировании 1946 года и последующими актами [8]. Это обеспечивает прозрачность процесса принятия государственных решений и формализованный канал представительства интересов бизнеса.

В странах ЕС взаимодействие власти и бизнеса строится через систему формализованных институциональных механизмов с участием консолидированных бизнес-структур [8]. Широкое распространение получил феномен «экспертократии», то есть, привлечения представителей деловых кругов к разработке нормативных актов на основе их экспертных знаний. Система внешней оценки законопроектов строится через институты Зеленой и Белой книг Еврокомиссии.

Частная финансовая инициатива в Великобритании признана ключевым элементом стратегии правительства по обеспечению современного коммунального обслуживания. Ежегодно заключается до 80 новых соглашений, что обеспечивает порядка 17% экономии для бюджета страны.

В США и Великобритании грань между предпринимательским риском и уголовно наказуемым деянием проводится значительно более четко, чем в России. Гражданско-правовые споры из неисполнения договорных обязательств, как правило, остаются в плоскости гражданского судопроизводства и не квалифицируются как мошенничество.

На основе проведенного анализа можно сформулировать следующие предложения по достижению баланса интересов государства и бизнеса в Российской Федерации.

1. Четкое разграничение гражданско-правовой и уголовной ответственности. Необходима законодательная фиксация критериев отграничения предпринимательского риска от уголовно наказуемых деяний в сфере ГЧП. Речь идет о закреплении на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ положения о том, что неисполнение или ненадлежащее исполнение гражданско-правовых обязательств по соглашению о ГЧП или концессионному соглашению, повлекшее причинение ущерба, по общему правилу подлежит разрешению в порядке гражданского судопроизводства. Для квалификации деяния как мошенничества должно быть установлено наличие умысла на хищение денежных средств или имущества на момент вступления в договорные отношения, а не просто факт невыполнения обязательств.

2. Легализация института лоббизма. Принятие специального закона о лоббистской деятельности обеспечило бы формализованный, прозрачный и равнодоступный канал представительства интересов бизнеса в органах государственной власти. Как показывает зарубежный опыт, наиболее эффективной представляется комбинация американской модели обязательной регистрации и отчетности лоббистов с англо-немецкой моделью раскрытия информации о заинтересованности лиц, принимающих решения [8]. Легализация лоббизма позволила бы вывести значительную часть неформальных контактов бизнеса и власти из «тени», снизив коррупционные риски и уменьшив вероятность квалификации добросовестных действий по представлению интересов как преступных [9].

3. Совершенствование судебной практики в сфере ГЧП. Требуется преодоление сложившейся тенденции приоритета фискальных интересов над легальными договоренностями сторон. Концессионное соглашение и соглашение о ГЧП по своей правовой природе являются гражданско-правовыми договорами между равными субъектами, не находящимися в субординационной зависимости. Признание за такими соглашениями публично-правового или смешанного характера размывает предмет регулирования и грозит правовой неопределенностью, подрывая стабильность гражданского оборота в инфраструктурной сфере.

4. Развитие альтернативных механизмов разрешения споров. Внедрение обязательной досудебной примирительной процедуры для споров из соглашений о ГЧП и концессионных соглашений с участием независимых экспертных

комиссий. Позволило бы снизить нагрузку на судебную систему и уменьшить риск криминализации гражданско-правовых конфликтов.

Достижение баланса интересов государства и бизнеса в Российской Федерации требует комплексного подхода, учитывающего как нормативные, так и институциональные факторы [10]. Развитая законодательная база ГЧП сама по себе не гарантирует эффективной реализации партнерских проектов, если правоприменительная практика склонна к избыточной криминализации экономических отношений, а институты формализованного представительства интересов бизнеса, попросту, отсутствуют [7].

Чрезмерное уголовное преследование в сфере ГЧП является не просто проблемой отдельных предпринимателей; а системным фактором, подрывающим инвестиционный климат и снижающий потенциал одного из ключевых механизмов инфраструктурного развития страны [10].

Конституция РФ закрепляет свободу экономической деятельности в качестве системообразующей основы конституционного строя. Соответственно, ограничения прав и свобод в экономической сфере должны отвечать требованиям справедливости, быть адекватными, пропорциональными и соразмерными. Чрезмерное уголовное преследование в сфере ГЧП нарушает этот конституционный принцип: оно не является ни адекватным средством защиты публичных интересов, ни соразмерным угрозе, которую оно призвано нейтрализовать. Оптимальная модель баланса интересов для Российской Федерации должна строиться не на силовом давлении, а на институциональных механизмах, обеспечивающих прозрачность, предсказуемость и взаимную ответственность сторон [11].

Легализация института лоббизма, четкое разграничение гражданско-правовой и уголовной ответственности, совершенствование судебной практики и защита инвестиций частного партнера, все эти меры в совокупности способны сдвинуть существующий перекос в сторону государственных интересов и создать условия для подлинно партнерских отношений, в которых обе стороны несут соразмерные риски и получают соразмерные выгоды.

Оптимальная модель взаимодействия государства и бизнеса для России, по всей видимости, представляет собой синтез элементов европейской корпоративистской модели и американской модели лоббизма.

Такой гибридный подход позволил бы учесть специфику российской институциональной среды, обеспечив при этом необходимый уровень прозрачности и правовой определенности.

В заключении, баланс интересов государства и бизнеса – не статичное состояние, а постоянный процесс настройки институтов и практик. Для России оптимальной представляется партнерская модель, где государство обеспечивает стратегические приоритеты и контроль, а бизнес, в свою очередь, инвестиции, инновации и эффективность [12].

Ключевыми условиями успеха являются предсказуемость регулирования, защита прав собственности и четкое разграничение гражданско-правовых и уголовных споров. Только при таком подходе возможно устойчивое развитие экономики и рост благосостояния граждан.

Пристатейный список литературы

1. *Кутмамбетов, Н. А.* Баланс интересов: модель эффективного взаимодействия государства и бизнеса в реализации проектов // Вестник науки. – 2026. – № 4 (97). – С. 116–127.
2. *Каневский, П. С.* Функции и дисфункции института лоббизма // Вестник Московского университета. – Серия 18. Социология и политология. – 2024. – № 3. – С. 118–139.
3. *Тютюкина, Е. Б.* Тенденции изменения законодательной базы о государственно-частном партнерстве в России // Индустриальная экономика. – 2024. – № 2. – С. 77–80.
4. *Ибрагимхалилова, Т. В., Ибрагимхалилова, Д. В.* Институционально-экономические механизмы экономики предложения как фактор устойчивого развития России: систематизация и анализ // Вестник СурГУ. – 2026. – Т. 14, № 2. – С. 42–56.
5. *Баумштейн, А. Б.* Борьба с теневой экономикой: уголовно-правовые аспекты и эффективность наказания // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2026. – № 2 (50). – С. 106–111.
6. *Корбут, Н. В.* Тенденции уголовной политики по экономическим преступлениям: от либерализации к ужесточению // Universum: экономика и юриспруденция. – 2026. – № 3 (137). – С. 23–25.
7. *Абдульмянова, Т. В., Кечайкина, Е. М.* Понятие и формы проявления коррупции в сфере государственных финансов // Право и управление. – 2026. – № 1. – С. 97–106.
8. *Прусс, Я. Ю.* Анализ опыта правового регулирования лоббизма в США и ЕС и перспективы применения зарубежного опыта в Российской Федерации // Образование и право. – 2026. – № 3. – С. 164–171.
9. *Сергей, В. С.* Правотворческая инициатива и проблема лоббизма // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2025. – № 1 (125). – С. 153–163.
10. *Смелянская, М. Е.* Развитие механизмов взаимодействия государства и бизнеса в процессе реализации внешнеэкономической политики российской федерации : автореф. дис. … канд. эконом. наук / М. Е. Смелянская. – Донецк, 2025. – 25 с.
11. *Казанцева, Е. С.* Механизм финансового взаимодействия государства и корпоративных финансов : автореф. дис. … канд. эконом. наук / Е. С. Казанцева. – Донецк, 2025. – 25 с.
12. *Юдин, И. В.* Оценка влияния уголовного преследования предпринимателей на развитие малого и среднего бизнеса в России : автореф. дис. … канд. экон. наук / И. В. Юдин. – Москва, 2022. – 28 с.

УДК: 343.1

Анастасия Сергеевна Савкина,
студентка 4-го курса факультета высшего образования
Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
savkinaanastasia676@gmail.com

Научный руководитель:
Светлана Николаевна Белокопытова,
старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса
Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
belokopytova.light@gmail.com

БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ ПРИ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ: ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ ИЛИ ЗАПРЕТ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Аннотация. В статье исследуется государственная стратегия смягчения уголовно-процессуальных мер, применяемых в отношении предпринимателей. Проводится анализ таких мер пресечения как: заключение под стражу и запрет определенных действий. Выявляются проблемы правоприменения: узкий перечень сохраняемых прав, формальный подход судов, неопределенность критериев связи деяния с бизнесом.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; меры пресечения; экономические преступления; заключение под стражу; запрет определенных действий; гуманизация уголовно-правового давления.

Заключение под стражу традиционно считается наиболее эффективным инструментом обеспечения судопроизводства, но в отношении предпринимателей его применение способно причинить несоразмерный вред: бизнес,

лишенный управления, в большинстве случаев перестает существовать. По статистике, лишь 10–15% компаний способны выжить после того, как их руководитель оказывается в следственном изоляторе.

Формально более мягкой альтернативой выступает запрет определенных действий, который ввели в 2018 году, но эффективность данной меры принуждения раскрыта не до конца.

Часть 1.1 статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), введенная Федеральным законом от 07.04.2010 № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», выступает важной процессуальной гарантией для бизнеса. Данная норма устанавливает запрет на применение заключения под стражу в отношении подозреваемых или обвиняемых по преступлениям, в сфере предпринимательской и экономической деятельности (например: ч. 1–4 ст. 159, 159.1–159.3, 159.5, 159.6, 160) если эти преступления совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией [1].

Существует два самостоятельных условия, при которых запрет на заключение под стражу не действует [2].

Во-первых, это наличие обстоятельств, указанных в пунктах 1–4 части 1 статьи 108 УПК РФ: подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации, его личность не установлена, им нарушена ранее избранная мера пресечения либо он скрылся от органов предварительного расследования или суда.

Во-вторых, это предметный критерий: преступление не должно быть совершено в связи с осуществлением предпринимательской деятельности. Именно второй критерий вызывает наибольшие сложности в правоприменении, поскольку установление связи между инкриминируемым деянием и бизнесом требует оценки фактических обстоятельств, выходящей за рамки формального статуса лица.

Соответствующие разъяснения относительно применения этой нормы указаны в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 года № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» (далее – Постановление № 48). Пленум обозначил концептуальную основу рассматриваемой гарантии: она призвана не создавать привилегию для предпринимателей, а предотвращать злоупотребление уголовно-процессуальными инструментами в корпоративных конфликтах [3].

Рассмотрим ситуации, при которых запрет на заключение под стражу в отношении предпринимателей будет применяться.

Первый вариант связан с квалификацией деяния по совокупности составов, которые не указаны в части 1.1 статьи 108 УПК РФ, когда одновременно

с предпринимательским преступлением лицу инкриминируется другое преступление, к примеру, против личности или должностное, не носящее экономического характера.

Второй вариант: наличие обстоятельств, указанных в пунктах 1–4 части 1 статьи 108 УПК РФ. Отсутствие постоянного места жительства на территории Российской Федерации, не установление личности, нарушение ранее избранной меры пресечения или ситуация, в которой лицо скрывается от следствия, создают формальные основания для применения ареста независимо от предпринимательского статуса лица. На практике наибольшие вопросы вызывает критерий «отсутствие постоянного места жительства», поскольку его толкование может быть расширительным.

Третий вариант: непризнание судом связи между преступлением и предпринимательской деятельностью. Если следствие убедительно доказывает, что инкриминируемое хищение не было обусловлено предпринимательскими отношениями, запрет части 1.1 статьи 108 УПК РФ не применяется.

Статистическая картина применения меры пресечения в отношении предпринимателей остается противоречивой.

За 2024 год Судебный департамент при Верховном суде РФ опубликовал статистику: из 756 ходатайств об аресте фигурантов дел об экономической деятельности удовлетворены только 573 (около 80%) [4]. По данным Ассоциации юристов России, в 2024 году поступило 97 000 ходатайств об аресте бизнесменов, из которых суды удовлетворили 85 000. В первом квартале 2025 года в СИЗО Москвы содержалось 547 предпринимателей, тогда как годом ранее – 444. По данным на февраль 2026 года, в 2025 году число арестов по экономическим преступлениям снизилось на 6,2%, а количество случаев домашнего ареста выросло на 2%. Однако запрет определенных действий, несмотря на его потенциальные преимущества, суды применяют по-прежнему редко.

Вплоть до 2017 г. запрет на арест предпринимателей системно обходился двумя основными путями: через квалификацию деяния как мошенничества по ч. 4 ст. 159 УК РФ, не сопряженного с предпринимательской деятельностью, либо через возбуждение дел по «неэкономическим» составам. Внесение изменений в ст. 108 УПК РФ и принятие разъяснений Пленума ВС РФ привели к определенной трансформации практики, но не обеспечили полного устранения проблемы [5, ст. 38].

Запрет определенных действий был введен Федеральным законом от 18.04.2018 № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста». Применяется только по судебному решению и занимает промежуточное положение между подпиской о невыезде и домашним арестом [6].

Для предпринимателей принципиальное значение имеет вопрос о том, насколько перечисленные запреты совместимы с продолжением хозяйственной деятельности. На практике «полный комплект» запретов, применяемый судами, зачастую не отвечает целям либерализации в плане возможности

для лица продолжать свою хозяйственную деятельность. Типичные ограничения – запрет на общение с сотрудниками компании, нахождение в ночное время дома, запрет на использование интернета – способны парализовать управление бизнесом не в меньшей степени, чем изоляция.

Отдельную проблему составляет узость перечня прав, которые не утрачиваются подозреваемым или обвиняемым при запрете определенных действий. Согласно ч. 8 ст. 105.1 УПК РФ, за ним закреплено право использовать телефонную связь для обращения в скорую медицинскую помощь, к сотрудникам правоохранительных органов, аварийно-спасательным службам в условиях чрезвычайной ситуации, а равно для общения с контролирующим органом, дознавателем, следователем. Юридический объем прав недостаточен для полноценной реализации подозреваемым или обвиняемым гражданских прав, которые не вступают в противоречие с целями применяемой меры принуждения. В первую очередь это касается взаимодействия с нотариусом.

Регламентация правил применения данной меры пресечения носит отсылочный характер. Такой законодательный прием создает неудобства для практического использования и порождает неопределенность в вопросах, связанных с продлением меры, ее изменением и отменой. Кроме того, историческая связь запрета определенных действий с домашним арестом, который изначально избирался в порядке статьи 108 УПК РФ, была утрачена в связи с изменениями 2011 года. Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» существенно изменил домашний арест: в ст. 107 УПК РФ был прямо закреплен перечень запретов и ограничений [7], однако в 2018 г. эти запреты были выделены в самостоятельную меру пресечения – запрет определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ). В результате схожие по содержанию меры оказались урегулированы разрозненно: то, что раньше существовало как составная часть домашнего ареста, превратилось в отдельный правовой институт. Это затрудняет практическое применение соответствующих норм и порождает неопределенность при продлении, изменении и отмене таких мер, а также свидетельствует о непоследовательности законодателя в развитии родственных по природе институтов.

Наиболее значимым событием в рассматриваемой сфере стало принятие Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.2025 № 43 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам уголовного судопроизводства» о внесении изменений в три профильных постановления, включая Постановление № 48. В Постановление № 48 добавили новый пункт 5(1), который предписывает судьям избирать такую меру пресечения, которая позволит продолжить осуществление предпринимательской деятельности. Данное разъяснение развивает требование части 2 статьи 99 УПК РФ, придавая ему характер обязательного алгоритма судейской деятельности [8].

При рассмотрении ходатайств об избрании заключения под стражу в отношении предпринимателей по экономическим преступлениям во всех случаях обсуждать возможность применения иной, более мягкой меры пресечения, в том числе в виде залога. При этом суд не ограничен в праве вынести данный вопрос на обсуждение сторон по своей инициативе. Для ареста предпринимателя в ходатайстве должны содержаться конкретные сведения, подтверждающие, что инкриминируемое деяние не связано с его бизнесом; если такая связь установлена, суд должен в первую очередь рассматривать меры пресечения, не мешающие продолжению работы компании.

Кроме того, Пленум назвал 12 составов экономических преступлений, по которым заключение под стражу полностью исключено, поскольку санкция соответствующей статьи не предусматривает лишения свободы. Данное разъяснение имеет важное практическое значение, поскольку исключает возможность применения ареста по формальным основаниям в ситуациях, когда сама природа обвинения не предполагает изоляции.

Тенденция к смягчению мер пресечения в ходе уголовного судопроизводства также находит подтверждение в экспертных оценках. По наблюдениям практикующих адвокатов, мера пресечения в процессе расследования стала чаще смягчаться, все больше случаев использования домашнего ареста и запрета определенных действий. Однако сохраняется проблема формального подхода судов при рассмотрении ходатайств следователей о замене меры на более строгую: суды не всегда исследуют фактическую обоснованность таких ходатайств, ограничиваясь проверкой соблюдения процедурных требований. Решение этой проблемы видится не только в совершенствовании юридической техники, но и в комплексном повышении уровня гарантий участников процесса и нейтрализация обвинительного уклона.

Государство в последние годы старается реже арестовывать предпринимателей и чаще применять более мягкие меры пресечения. Цель понятна: уголовное дело не должно разрушать бизнес. Но на практике проблема до конца не решена. Запрет ареста по ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ работает не всегда, потому что суды по-разному решают, связано ли преступление с предпринимательской деятельностью. Запрет определенных действий тоже не всегда помогает: ограничения могут мешать управлять компанией почти так же, как арест. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ 2025 года – важный шаг вперед: суды должны сначала рассматривать меры, которые позволяют продолжить бизнес, и объяснять, почему арест действительно необходим. Но все зависит от того, как эти правила будут применяться. Поэтому нужны более четкие критерии, больше прав для обвиняемого и реальный судебный контроль. Иначе гуманизация останется в основном на бумаге.

Пристатейный список литературы

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 07.04.2010 № 60-ФЗ // СЗ РФ. – 2010. – № 15. – Ст. 1756.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Российская газета. – 2016. – 24 нояб.
4. Суды отказываются арестовать каждого пятого фигуранта экономических дел // Российское агентство правовой и судебной информации : сайт. – URL: https://rapsi-pravo.ru/judicial_department_news/20250416/310794899.html?ysclid=mule8n1l1378022208 – Загл. с экрана.
5. *Гончарова, В. А.* Заключение под стражу лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность: обновленное законодательство и актуальные нарративы судебной практики // Lex russica. – 2024. – Т. 77, № 9. – С. 32–44.
6. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста : Федеральный закон от 18.04.2018 № 72-ФЗ // СЗ РФ. – 2018. – № 17. – Ст. 2421.
7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ // СЗ РФ. – 2011. – № 50. – Ст. 7362.
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.2025 № 43«О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам уголовного судопроизводства» // Российская газета. – 2025. – 25 дек.

УДК 343

Карина Александровна Свищенкова,
студентка 4-го курса юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
kasv-2004@mail.ru

Научный руководитель:
Юлия Николаевна Наумова,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
yasenaut34@mail.ru

МЕТОДИКА ОБНАРУЖЕНИЯ НЕЛЕГАЛЬНЫХ *P2P*-СЕРВИСОВ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ДЛЯ ПЕРЕВОДА ВНУТРИИГРОВОГО ИМУЩЕСТВА В БЕЗНАЛИЧНЫЙ РАСЧЕТ

Аннотация. XXI век – век стремительного развития. Современные вызовы цифровой экономики требуют совершенствования подходов к выявлению и расследованию преступлений, связанных с использованием виртуальных активов и игровой цифровой инфраструктуры. В данной статье рассматриваются особенности обнаружения нелегальных *P*2*P*-сервисов, используемых для перевода стоимости внутриигрового имущества в безналичные денежные средства, а также исследуются цифровые следы, формируемые на различных этапах такого механизма. Особое внимание уделяется корреляции данных игровых платформ, криптовалютных транзакций, мессенджеров, *P*2*P*-площадок и банковских операций для установления структуры сервиса и связанных с ним лиц.

Ключевые слова: цифровая криминалистика; внутриигровое имущество; *P*2*P*-сервисы; криптовалютные транзакции; цифровые следы; безналичные денежные средства.

В настоящее время соразмерно увеличению областей знаний, развитие цифровой экономики приводит к формированию специфического имущественного оборота отдельных объектов, прежде не имевших самостоятельной ценности. При этом теневая инфраструктура по их обмену и смежным процедурам расширяется: она включает в себя не только официальные механизмы игровых платформ, но и неофициальные *P2P*-сервисы, *Telegram*-ботов, криптовалютные кошельки, децентрализованные обменные протоколы и банковские платежные инструменты. Ключевая уязвимость проявляется тогда, когда несколько цифровых инструментов объединяются в одну цепочку и позволяют разделить финансовую операцию на несколько внешне самостоятельных действий.

Подобную проблему можно лицезреть в игровой индустрии. Например, сначала внутриигровой предмет переходит с одного аккаунта на другой, затем его стоимость компенсируют криптовалютой, далее актив распределяют по нескольким адресам, а в итоге выводят в фиатные деньги через нелегальные криптообменные сервисы соответственно. Особенностью подобных операций является их многоуровневый характер. В таком случае объект криминалистического исследования представляет собой не отдельную транзакцию, а последовательность взаимосвязанных цифровых событий, посредством которых осуществляется перемещение стоимости между различными информационными системами. Так, в соревновательных многопользовательских симуляторах ключевым объектом транзакций выступает внутриигровое имущество и визуальные модификации, передаваемые между учетными записями пользователей, тогда как в ролевых онлайн-проектах структура выводимых ценностей существенно расширяется, располагая одновременно внутриигровой валютой, виртуальными транспортными средствами, а также объектами цифровой недвижимости.

Ввиду этого необходимо учитывать, что первоочередной задачей в рамках данной сферы является фиксация цифровых следов, формируемых непосредственно в игровой среде. Особое значение при этом имеют сведения об идентификаторах учетных записей, времени и направлении совершенных операций, характеристиках передаваемых объектов, последовательности их перехода между пользователями, а также иные доступные цифровые следы, позволяющие реконструировать механизм движения внутриигрового имущества. Сбор этих первичных данных служит отправной точкой для анализа следующего элемента цепочки. Исследование криптовалютной составляющей предполагает установление адресов, участвующих в предполагаемом механизме расчетов, времени и направления движения криптовалютных активов, размера отдельных переводов, последовательности операций и характера взаимодействия между адресами.

Типичным маркером маскировки следов выступает дробление активов, когда исходная сумма намеренно разделяется на мелкие части и рассылается по разным кошелькам, что существенно усложняет визуальный анализ транзакций. Для раскрытия подобного рода схем важно определить сквозной маршрут дви-

жения средств от первоначального источника до конечной точки. В ходе данной процедуры детальному анализу подлежат точные временные интервалы между транзакциями, объемы переводимых долей, цикличность использования конкретных адресов и их связь с сопутствующей цифровой инфраструктурой. Практическое подтверждение подобному подходу содержится и в судебной практике. Так, при рассмотрении уголовного дела Ингодинским районным судом г. Читы устанавливались обстоятельства совершения операций с криптовалютой посредством интернет-платформ и обменных сервисов с последующим перечислением денежных средств на банковские карты. При исследовании обстоятельств дела значение имели сведения о движении криптовалютных активов, операциях через обменные площадки, банковских реквизитах и цифровой переписке участников [1]. Указанные обстоятельства показывают, что при расследовании подобных преступлений сведения о криптовалютных транзакциях приобретают доказательственное значение не изолированно, а в совокупности с данными о последующем движении денежных средств в банковском секторе. При этом если кошелек систематически собирает криптоактивы из разных источников, быстро распределяет их по одним и тем же адресам и направляет на вывод, то можно говорить о работе организованного канала легализации доходов. Мессенджеры, *Telegram*-боты, встроенные кошельки и *P*2*P*-площадки встроены в эту схему, выступая самостоятельными единицами. Каждый инструмент выполняет свою строгую функцию: принимает, дробит, конвертирует или обналичивает активы.

После корреляции выявленных цифровых следов становится возможным определить структуру предполагаемого нелегального *P*2*P*-сервиса. Такая архитектура связывает воедино учетные записи игроков, криптовалютные кошельки, *Telegram*-боты, *P*2*P*-площадки и банковские счета, где каждый элемент выполняет свою строгую функцию в процессе трансформации цифровой стоимости в фиатные деньги. Внутри этой системы прямая связь между первоначальным владельцем внутриигрового предмета и конечным получателем средств полностью размывается. Стоимость перетекает по цепочке промежуточных звеньев, что позволяет злоумышленникам дробить единый преступный умысел на серию внешне независимых и легальных операций.

Аналогичный механизм прослеживается в материалах уголовного дела, рассмотренного Железнодорожным районным судом г. Читы. В рамках дела исследовалось использование криптовалютных счетов, интернет-ресурсов и мессенджеров, а также распределение функций между участниками противоправной деятельности [2]. Для установления механизма совершения преступления судом оценивалась совокупность цифровых и финансовых сведений, позволившая установить взаимосвязь между отдельными участниками и используемыми ими инструментами. Данный пример показывает, что при расследовании преступлений, связанных с перемещением цифровых активов, установление роли конкретного лица возможно посредством сопоставления нескольких информационных источников, а не только по сведениям отдельной транзакции.

Масштаб и опасность подобных транснациональных схем подтверждаются на высшем международном уровне. Межправительственная группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) в своих недавних аналитических материалах официально отнесла индустрию видеоигр и связанных с ними виртуальных активов к зонам повышенного риска. *FATF* описывает виртуальные активы через цифровую форму стоимости, движение которой проходит вне классической банковской инфраструктуры [3, с 90]. По оценкам экспертов организации, инфраструктура онлайн-платформ сегодня активно используется не только для легализации криминальных доходов, но и для скрытого финансирования терроризма, поскольку позволяет мгновенно и трансгранично перемещать ценности без участия классических регуляторов. Возникает эффект правового «распыления» ответственности и невозможности правового преследования субъектов, находящихся за пределами соответствующей юрисдикции [4, с. 31].

Реализация указанных ФАТФ рисков на практике обусловлена правовой и технологической обособленностью каждого этапа выстраиваемой преступниками цепочки, поскольку на начальной стадии правоохранительные органы сталкиваются с юрисдикционными барьерами и объективной невозможностью оперативного получения сведений о протоколировании действий пользователей и транзакций от зарубежных игровых платформ, при дальнейшем блокчейн-анализе возникает проблема слепых зон, вызванная использованием автономных криптохранилищ и специализированных сервисов анонимизации, а на финальном этапе, при выводе средств в фиатный сектор, конечными получателями активов становятся номинальные владельцы банковских карт, именуемые в криминалистической практике «дропами», под которыми понимаются подставные лица, предоставляющие свои персональные данные и банковские счета сторонним организаторам для проведения транзакций и полной маскировки личности реального бенефициара преступного дохода, причем сами эти лица зачастую остаются неосведомленными о своем участии в механизме обналичивания. Ввиду этого методика обнаружения нелегальных *P2P*-сервисов должна носить комплексный характер и строиться на одновременном применении нескольких подходов. Исследование зарубежного опыта ПОД/ФТ в сфере ВА позволяет сделать вывод о формировании в зарубежных странах некоторых лучших практик надзора, которые необходимо использовать и в России [5, с. 11]. Первым направлением выступает интеграция систем блокчейн-аналитики для сквозного отслеживания транзакций, выявления кластеров адресов и сопоставления времени совершения операций в реестре с таймингами игровых сессий. Вторым элементом является кросс-платформенный мониторинг открытых источников, в рамках которого проводятся контент-анализ профильных каналов в мессенджерах, изучение теневых торговых площадок и деятельность автоматических ботов для выявления устойчивых реквизитов обмена. Можно говорить о том, что многими учеными предусматривается открытый перечень цифровых вещей, к которым, в частности, предлагают отнести онлайновую учетную запись, деньги

и ценные бумаги, которые существуют исключительно в цифровой форме [6, с. 220]. Третьим шагом признается направление официальных запросов в адрес крупных легальных криптобирж, использующих обязательную верификацию по принципу *KYC* (знай своего клиента), с целью деанонимизации владельцев транзитных адресов на стыке виртуального и реального экономических секторов.

Таким образом, обнаружение нелегальных *P2P*-сервисов, используемых для перевода внутриигрового имущества в безналичный расчет, требует исследования не отдельных операций, а всей последовательности взаимосвязанных цифровых событий. Криминалистически значимым является установление связи между игровой учетной записью, движением внутриигрового имущества, криптовалютными транзакциями, коммуникационными сервисами и конечными безналичными расчетами.

Благодаря сопоставлению этих цифровых следов удается вскрыть структуру *P2P*-механизма, определить роль каждого его звена и установить конкретных участников схемы. В основе такого подхода лежит последовательный сбор и перекрестный анализ данных, обеспечивающий полное восстановление маршрута капитала от момента передачи виртуального имущества до его превращения в реальные деньги.

Пристатейный список литературы

1. Приговор Ингодинского районного суда г. Читы от 19.03.2025 по делу № 1-113/2025 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/28FIyxokuxxu/.
2. Приговор Железнодорожного районного суда г. Читы от 25.08.2025 по делу № 1-167/2025 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/0W7iTY70LmlR/.
3. *Горбань, А. С.* Криминалистическое обеспечение расследования легализации доходов через виртуальные игровые платформы / А. С. Горбань, Б. Д. Багаев // Вестник экономики и права. – 2026. – № 116. – С. 85–97.
4. *Абдужабборов, Ж. П.* Угроза цифровизации: азартные игры в онлайне и использование криптовалют // CAJEI. – 2025. – №7. – С. 28–34.
5. *Королева, Л. П.* Противодействие использованию виртуальных активов для отмывания денег и финансирования терроризма: зарубежный опыт и возможности его применения в России / Л. П. Королева, О. Е. Абрамов, Т. А. Засухин, М. Е. Бутаков // Вестник евразийской науки. – 2025. – Т. 17, – № s4. – С. 1–14.
6. *Шакалова, А. Д.* Цифровые активы и цифровой контент // Форум молодых ученых. – 2024. – № 12 (100). – С. 219–222.

УДК 347.963

Анна Васильевна Соломонова,
студент 4-го курса Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
solomonova.anna00@mail.ru

Научный руководитель:
Наталья Викторовна Азарова,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
государственно-правовых дисциплин Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия

ДОСТУП К РЕЕСТРУ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ: КОНФЛИКТ ПУБЛИЧНОСТИ И ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Аннотация. Статья посвящена анализу конфликта между публичностью сведений о должниках в исполнительном производстве и защитой их персональных данных. Рассматривается действующая модель Банка данных исполнительных производств ФССП России, в которой фамилия, имя, отчество, дата и место рождения должника-гражданина отнесены к общедоступным сведениям. Также рассматривается реестровая модель исполнительных документов, перспективы ее развития. Показаны проблемы такого режима: риск ошибочной идентификации однофамильцев, использование идентифицирующих данных в мошеннических целях, эффект «репутационного наказания».

Ключевые слова: исполнительное производство; персональные данные; банк данных исполнительных производств; реестр исполнительных документов; публичность; защита информации.

Исполнительное производство по своей природе предполагает определенную степень открытости. Взыскатель заинтересован в получении информации о должнике и его имуществе, потенциальные контрагенты – в сведениях

о неисполненных обязательствах, а государство – в эффективном контроле за принудительным исполнением судебных актов. В то же время должник, даже допустивший нарушение обязательства, остается субъектом персональных данных, чьи права защищаются Федеральным законом от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» [1]. Это создает фундаментальное напряжение между публичным интересом и частным правом на защиту информации, которое не может быть разрешено раз и навсегда и требует постоянного поиска баланса. В 2025–2026 годах это напряжение приобрело особую остроту в связи с подготовкой Министерством юстиции Российской Федерации законопроектов о переходе к реестровой модели принудительного исполнения [2, 3]. Центральным элементом реформы должен стать Единый государственный реестр исполнительных документов – электронная база данных, в которой будут аккумулироваться все исполнительные документы, а доступ к сведениям предполагается ограничить кругом лиц, участвующих в конкретном исполнительном производстве. Цель настоящей работы – проанализировать, как российское законодательство разрешает конфликт между публичностью сведений об исполнительных производствах и защитой персональных данных, и оценить перспективы реестровой модели как инструмента снятия этого конфликта.

Действующий порядок доступа к сведениям о должниках закреплен в статье 6.1 Федерального закона от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [4]. Федеральная служба судебных приставов ведет банк данных исполнительных производств, содержащий информацию о возбужденных производствах. Часть этих сведений прямо отнесена законом к категории общедоступных. Согласно части 3 статьи 6.1 Закона № 229-ФЗ, общедоступными являются дата принятия судебного акта, вид и номер исполнительного документа, дата возбуждения производства и его номер, наименование должника (для граждан – фамилия, имя, отчество, дата и место рождения), требование, содержащееся в исполнительном документе, за отдельными изъятиями, сумма непогашенной задолженности, сведения о розыске должника или его имущества, а также наименование подразделения судебных приставов. Эти данные публикуются на официальном сайте ФССП и доступны неограниченному кругу лиц через сервис «Банк данных исполнительных производств». Такая модель основана на презумпции, что факт неисполнения судебного акта представляет общественный интерес. Конституционный Суд Российской Федерации в своих правовых позициях неоднократно указывал, что право на неприкосновенность частной жизни не является абсолютным и может быть ограничено в целях защиты прав других лиц [5]. Взыскатель имеет право знать о статусе должника, а потенциальные контрагенты – о наличии неисполненных обязательств.

Однако с точки зрения Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» размещение фамилии, имени, отчества и даты рождения гражданина в открытом доступе без его согласия представляет собой обработку персональных данных, требующую законного основания. Формально основание

есть – прямое указание в Федеральном законе № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве». Но возникает вопрос: соответствует ли объем раскрываемых данных принципу минимизации, закрепленному в статье 5 Закона № 152-ФЗ «О персональных данных»? Дата и место рождения позволяют однозначно идентифицировать личность и могут использоваться для мошеннических действий. Именно поэтому Федеральная служба судебных приставов вынуждена предупреждать о рисках ошибочной идентификации однофамильцев с идентичной датой рождения и рекомендовать гражданам обращаться к приставам для доказательства своей непричастности к производству. Существует и более фундаментальная проблема. Публичный банк данных выполняет функцию, которую можно назвать «репутационным наказанием». Гражданин, оказавшийся должником, даже если задолженность возникла вследствие ошибки, спора или временных финансовых трудностей, становится объектом «публичного клеймения». Информация о нем доступна любому пользователю сети Интернет, включая потенциальных работодателей, арендодателей, контрагентов. Это создает эффект, выходящий за пределы собственно исполнительного производства, и может рассматриваться как форма санкции, не предусмотренной законом. Таким образом, текущая модель порождает двойной конфликт: между публичностью и защитой персональных данных, с одной стороны, и между целями исполнительного производства и фактическим репутационным наказанием – с другой [6, с. 206–207].

Разработка Единого государственного реестра исполнительных (далее – ЕГРИД) документов позиционируется Минюстом России как качественный скачок в исполнительном производстве. Согласно законопроекту, размещенному на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов в июле 2025 года, реестровая модель предполагает регистрацию, хранение и исполнение всех исполнительных документов исключительно в электронном виде, с автоматической регистрацией без участия человека [2, 3]. Исполнительные документы будут формироваться в электронной форме и подписываться усиленной квалифицированной электронной подписью. После регистрации в Едином государственном реестре исполнительных документов взыскатель сможет предъявить документ к исполнению напрямую – в банк для списания средств со счетов должника, работодателю для удержания из заработной платы, судебному приставу [7, с. 280]. Автоматическое исполнение предусмотрено для отдельных категорий дел: административных штрафов, долгов по жилищно-коммунальному хозяйству и других. Планируется, что законы о запуске ЕГРИД вступят в силу с 1 января 2028 года, при этом переходный период продлится до 1 января 2031 года. До этой даты сохраняется возможность предъявления к исполнению исполнительных документов, выданных в бумажной форме.

Принципиальное отличие реестровой модели от действующего банка данных – принципиально иной режим доступа. Если сегодня любой пользователь может найти информацию о должнике на сайте ФССП, то доступ к сведениям ЕГРИД будет предоставляться ограниченному кругу лиц: взыскателю, долж-

нику, их представителям, а также органу или должностному лицу, выдавшему исполнительный документ. Как подчеркивал первый заместитель министра юстиции Евгений Забарчук на Петербургском международном юридическом форуме в июне 2026 года, такие ограничения позволят защитить персональные данные от несанкционированного доступа [8]. Информация о производстве становится доступной не всем, а только тем, кто в ней заинтересован юридически. Взыскатель получает сведения о ходе исполнения через личный кабинет на портале Госуслуг, должник – аналогично. Для третьих лиц, не участвующих в производстве, сведения закрываются. Такая конфигурация переносит акцент с публичности на адресность. Это снимает значительную часть проблем с защитой персональных данных, поскольку обработка осуществляется в рамках правоотношений с конкретным субъектом, а не в режиме открытого реестра. Реестровая модель сохраняет и усиливает механизмы, предотвращающие мошенничество с исполнительными документами. Электронная форма, усиленная квалифицированная электронная подпись, автоматическая регистрация – все это снижает риски подделки, которые существуют при бумажном обороте. Кроме того, использование уникальных идентификаторов сторон, таких как СНИЛС, ИНН, серия и номер документа, удостоверяющего личность, обеспечивает унифицированную и безопасную идентификацию участников производства [9, с. 82]. Это снижает риск ошибочного совпадения данных разных граждан, который существует в текущей модели.

С точки зрения защиты персональных данных реестровая модель представляет собой значительный шаг вперед. Ограничение доступа кругом заинтересованных лиц соответствует принципу минимизации обработки персональных данных. Информация о том, что гражданин является должником, перестает быть общедоступной, что снижает риски репутационного наказания и мошеннического использования идентифицирующих данных. С точки зрения эффективности исполнительного производства реестровая модель также имеет преимущества. Автоматическая регистрация документов, электронный документооборот, возможность прямого направления исполнительных документов в банки и по месту работы должника – все это должно сократить сроки исполнения и снизить нагрузку на судебных приставов [7, с. 281].

Однако переход к реестровой модели порождает и новые вопросы. Главный из них: не создает ли ограничение доступа новые проблемы? В действующей модели банк данных выполняет функцию публичного контроля. Любой гражданин может проверить, не является ли его потенциальный контрагент должником. Это снижает риски вступления в невыгодные сделки. Если сведения о производствах станут закрытыми, потенциальные контрагенты утратят возможность такой проверки. Разработчики законопроектов, по-видимому, исходят из того, что защита персональных данных перевешивает утилитарный интерес третьих лиц к такой информации [6, с. 206–207]. Это спорная позиция, но она отражает сдвиг в приоритетах регулирования. Вопрос о том, насколько оправдан такой сдвиг, остается открытым. Второй риск связан с прозрачностью самой системы исполнительного производства. Публичный банк данных

в определенной степени дисциплинирует судебных приставов: граждане могут видеть, какие производства ведутся, какие меры принимаются. Закрытый реестр снижает возможности внешнего контроля. Таким образом, реестровая модель не устраняет конфликт между публичностью и защитой персональных данных полностью, а скорее переводит его в иную плоскость. Вместо конфликта открытость против приватности возникает конфликт приватность против прозрачности. Окончательный баланс между этими ценностями будет определяться правоприменительной практикой после вступления реформы в силу. Возможно, потребуются дополнительные механизмы, например предоставление ограниченного доступа к сведениям реестра для определенных категорий лиц, таких как нотариусы или профессиональные участники рынка, либо сохранение отдельного публичного сервиса для проверки контрагентов с согласия субъекта данных.

Конфликт между публичностью исполнительного производства и защитой персональных данных имманентен праву принудительного исполнения. Действующая модель банка данных ФССП разрешает его в пользу публичности: сведения о должниках-гражданах, включая идентифицирующие данные, открыты неограниченному кругу лиц. Это создает риски для прав должников, особенно при совпадении идентификационных признаков, и порождает эффект репутационного наказания, выходящий за пределы собственно исполнительного производства. Реестровая модель, разрабатываемая Минюстом России, предлагает иное решение – адресный доступ, при котором сведения об исполнительном документе доступны только участникам правоотношения. Это снижает нагрузку на режим защиты персональных данных и соответствует принципу минимизации обработки. Цифровые механизмы, такие как электронная форма, квалифицированная электронная подпись, уникальные идентификаторы, дополнительно снижают риски ошибок и мошенничества. Однако переход к такой модели означает отказ от публичного контроля за исполнительным производством, что может иметь отложенные негативные последствия для прозрачности системы. Окончательный баланс между этими ценностями будет определяться правоприменительной практикой после вступления реформы в силу, намеченного на 2028 год, с полным переходом к 2031 году. Возможно, в дальнейшем потребуется корректировка режима доступа с учетом выявленных проблем. В более широком смысле рассмотренный казус показывает, что цифровизация правовых процедур не устраняет фундаментальные коллизии правового регулирования, а лишь придает им новую форму. Конфликт между интересом общества к информации и правом личности на приватность не имеет окончательного решения – он может лишь временно смещаться в ту или иную сторону в зависимости от приоритетов правовой политики.

Таким образом, полный отказ от публичности сведений об исполнительных производствах был бы ошибкой. Реестровая модель, ограничивающая доступ исключительно участниками производства, действительно решает проблему защиты персональных данных должника, однако одновременно создает суще-

ственный вакуум информированности для третьих лиц. Гражданин или организация, вступая в сделку, вправе знать, что контрагент является злостным неплательщиком. Закрытие этих сведений фактически переносит риск на добросовестного участника гражданского оборота, что вряд ли соответствует целям правового регулирования.

Что можно предпринять для баланса? Во-первых, целесообразно сохранить публичный сервис проверки, но ограничить его минимальным набором сведений: факт наличия исполнительного производства и категория взыскания. Фамилия, имя, отчество и дата рождения в открытом доступе отображаться не должны. Для получения полной информации заинтересованное лицо должно пройти идентификацию через портал Госуслуг с фиксацией факта запроса. Во-вторых, для профессиональных участников оборота – нотариусов, банков, микрофинансовых организаций, арбитражных управляющих, риелторов – следует предусмотреть отдельный регламентированный канал доступа к расширенным сведениям ЕГРИД. Такой доступ должен предоставляться на основании соглашения с оператором реестра, с обязательством не передавать данные третьим лицам и с ответственностью за нарушение. Это удовлетворит потребность бизнеса в проверке контрагентов, не превращая сведения о должниках в общедоступный ресурс. В-третьих, необходимо закрепить в законе срок хранения сведений в публичной части реестра. После фактического погашения задолженности или прекращения производства информация должна удаляться или становиться недоступной для третьих лиц в разумный срок. Сегодня сведения о давно исполненных производствах могут сохраняться в открытом доступе неопределенно долго, что усиливает эффект репутационного наказания. В-четвертых, следует установить административную ответственность за использование сведений реестра в целях, не связанных с защитой нарушенных прав. Массовая выгрузка данных, их агрегирование в коммерческих базах, использование для оказания давления на должника – эти практики должны быть прямо запрещены с реальными санкциями. Наконец, в-пятых, целесообразно провести общественное обсуждение реформы с участием правозащитных организаций, представителей бизнеса и профессионального юридического сообщества. Баланс между публичностью и приватностью не может быть установлен только ведомственным решением – он затрагивает интересы миллионов граждан и должен стать предметом широкого диалога.

Пристатейный список литературы

1. О персональных данных : Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Российская газета. – 2006. – № 165. – 29 июля.
2. Проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов : сайт. – URL: https://regulation.gov.ru/projects/157966/

3. В РФ создадут единый реестр исполнительных документов // Конкуренция и право : сайт. – 2025. – 8 июля. – URL: https://cljournal.ru/news/27477/
4. Об исполнительном производстве : Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ // Российская газета. – 2007. – № 223. – 6 окт.
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 2024 г. «По делу о проверке конституционности части первой статьи 137 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П. О. Вильке» // Российская газета. – 2024. – № 23. – 2 февраля.
6. *Дич, Р. А.* Реестровая модель исполнительных документов как инструмент повышения эффективности исполнительного производства // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 4 (191). – С. 206–207.
7. *Мальчикова, М. И., Морозова, О. А., Сижажев, В. А., Шитова, Е. А.* Цифровая трансформация процессов исполнения судебных актов при переходе к реестровой модели принудительного исполнения // Инновации и инвестиции. – 2025. – № 4. – С. 279–282.
8. На ПМЮФ состоялась сессия «Реестр исполнительных документов: реформа исполнительного производства» // Министерство юстиции Российской Федерации : сайт. – URL: https://minjust.gov.ru/ru/events/51319/
9. *Кирсанова, Е. В.* Цифровая трансформация исполнительного производства // Пролог: журнал о праве. – 2022. – № 3. – С. 78–85.

УДК 343.9

Илья Дмитриевич Сошников,
аспирант 2-го курса
ВГУЮ (РПА Минюста России), Россия, г. Москва
ilya.soshnikov.01@mail.ru

Научный руководитель:
Борис Викторович Яцеленко,
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), Россия, г. Москва
ya.borisvik@mail.ru

БИЗНЕС КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ОТ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты уголовно-правовой защиты предпринимательской деятельности от угроз, связанных с религиозным экстремизмом. Анализируется феномен слияния экстремистской идеологии и незаконного предпринимательства. Автор исследует систему уголовно-правовых мер противодействия этим угрозам и предлагает пути совершенствования механизмов защиты бизнеса.

Ключевые слова: бизнес; предпринимательская деятельность; религиозный экстремизм; уголовно-правовая защита; незаконное предпринимательство; противодействие экстремизму.

В условиях текущей геополитической и социально-экономической нестабильности религиозный экстремизм перерастает рамки идеологического феномена, становясь комплексной угрозой экономической безопасности государства. Особую обеспокоенность вызывает проникновение экстремистских структур в легальный бизнес. Используя предпринимательскую деятель-

ность в качестве прикрытия, такие организации обеспечивают себе каналы финансирования и расширяют сферу своего влияния.

Как справедливо отмечает Я. А. Лонский, религиозный экстремизм представляет собой прямую угрозу не только религиозной, но и национальной безопасности, поскольку он подрывает устои конституционного строя и создает питательную среду для социальных конфликтов [1, с. 93]. В этом контексте бизнес выступает не просто потенциальной жертвой экстремистских посягательств, но и объектом, вовлекаемым в орбиту противоправной деятельности. Данное обстоятельство актуализирует необходимость комплексного осмысления уголовно-правовых механизмов защиты предпринимательства от религиозного экстремизма.

Цель представленной работы – на основе анализа действующего законодательства, правоприменительной практики и научных подходов сформировать целостное представление о бизнесе как объекте уголовно-правовой охраны от религиозно-экстремистских угроз и предложить направления совершенствования соответствующих правовых институтов.

Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» определяет экстремизм через широкий спектр деяний, включая возбуждение религиозной вражды, пропаганду исключительности, воспрепятствование законной деятельности государственных органов и религиозных объединений [7]. При этом, как отмечается в научной литературе, «за осуществление экстремистской деятельности граждане несут уголовную, административную и гражданско-правовую ответственность» [4, с. 45].

Взаимосвязь религиозного экстремизма и бизнеса имеет два основных измерения. Первое – это использование предпринимательских структур для накопления финансовых ресурсов в целях поддержки экстремистской деятельности. Религиозные организации, признанные экстремистскими, нередко ведут масштабную коммерческую деятельность без надлежащей регистрации, маскируя доходы под пожертвования. Второе измерение – это прямое посягательство на законные предпринимательские интересы, выражающееся в дискриминации, вымогательстве, рейдерских захватах, совершаемых по мотивам религиозной вражды.

Особого внимания заслуживает феномен «псевдорелигиозного предпринимательства», когда под видом религиозной деятельности осуществляются незаконные коммерческие операции. Как подчеркивается в исследовании Б. З. Фаликова: «двумя основными правовыми инструментами для запрета религиозных меньшинств в России являются две статьи Уголовного кодекса: 282 (против экстремизма) и 171 (против незаконной предпринимательской деятельности)» [3, с. 105]. Эта диалектическая связь указывает на то, что защита бизнеса от религиозного экстремизма требует синхронизации антиэкстремистского и экономического уголовного законодательства.

Система уголовно-правовой защиты бизнеса от религиозного экстремизма включает несколько ключевых элементов, закрепленных в УК РФ, так ст. 171 УК РФ («Незаконное предпринимательство») выступает важнейшим

инструментом пресечения коммерческой деятельности религиозных организаций, ведущих ее без регистрации или с нарушением правил лицензирования, сопряженной с извлечением крупного дохода. Показательным является уголовное дело в отношении «Саентологической церкви Санкт-Петербурга». Следствием было установлено, что с 2013 по 2016 год члены организации, не имея регистрации в качестве юридического лица, получили за оказание платных услуг в виде лекций и семинаров более 276 млн рублей. Доходы перечислялись на подконтрольные банковские счета руководства и квалифицированы как полученные в результате незаконного предпринимательства, совершенного организованной группой в особо крупном размере (п. «а», «б» ч. 2 ст. 171 УК РФ) [5].

В деле петербургских сайентологов данная ст. 282.1 УК РФ была применена наряду со ст. 282 УК РФ. Как отмечается в судебных актах, «объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282.2 УК РФ, образует участие в деятельности общественного или религиозного объединения, в отношении которого судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности».

Уголовная ответственность за финансирование экстремистской деятельности (ст. 282.3 УК РФ) имеет прямое отношение к защите бизнеса, поскольку позволяет пресекать каналы поступления денежных средств от предпринимательских структур в экстремистские организации. В научной литературе обоснованно указывается на приоритетное значение конфискации имущества как уголовно-правового средства противодействия экономической преступности экстремистской направленности [6, с. 4].

Особый пласт уголовно-правовой защиты бизнеса составляют меры имущественного характера, применяемые в отношении организаций, признанных экстремистскими. В соответствии с Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности», «в случае осуществления общественным или религиозным объединением экстремистской деятельности, повлекшей за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, соответствующее общественное или религиозное объединение может быть ликвидировано».

Данная практика демонстрирует, что бизнес-активы могут выступать непосредственным объектом уголовно-правового воздействия в рамках антиэкстремистского законодательства. Это порождает сложную дилемму: с одной стороны, конфискация имущества экстремистских организаций является легитимным механизмом защиты государства и общества, с другой – требует четких критериев разграничения законной предпринимательской деятельности и деятельности, используемой для финансирования экстремизма.

Анализ законодательства и правоприменительной практики позволяет выделить ряд проблем, требующих научного осмысления и законодательного решения.

Во-первых, отсутствие в УК РФ специального состава, предусматривающего ответственность за вовлечение бизнес-структур в экстремистскую деятельность, создает риски неполной уголовно-правовой охраны. Как

справедливо отмечается в литературе, «проблемные вопросы определения сущности религиозного экстремизма как уголовно-правового и социального явления» остаются дискуссионными, что затрудняет единообразную квалификацию деяний.

Во-вторых, механизмы уголовно-правовой защиты бизнеса от религиозного экстремизма нередко используются неоднозначно. Исследователи обращают внимание на то, что «положения против религиозного экстремизма и незаконной предпринимательской деятельности» иногда выступают инструментами запрета религиозных меньшинств. В. Д. Никишин обоснованно ставит вопрос о необходимости междисциплинарного подхода к правовой квалификации и судебно-экспертному обеспечению противодействия экстремистско-террористической идеологии [2, с. 203].

В-третьих, недостаточно разработанным остается вопрос о разграничении законной миссионерской и просветительской деятельности религиозных организаций от незаконного предпринимательства, осуществляемого под видом религиозных услуг. В этой связи заслуживает внимания позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации, который в своих постановлениях ориентирует суды на то, что «критика политики и демонстрация нацистской символики в целях ее осуждения не может квалифицироваться как преступление», и требует дифференцированного подхода к оценке публичных высказываний.

Бизнес как объект уголовно-правовой защиты от религиозного экстремизма представляет собой сложный правовой феномен, находящийся на пересечении экономического, уголовного и религиоведческого дискурсов. Современная система уголовно-правовых средств, включающая статьи 171, 282, 282.1, 282.2 и 282.3 УК РФ, в целом позволяет эффективно противодействовать наиболее опасным формам интеграции экстремистской идеологии и предпринимательской деятельности.

Вместе с тем, как показывают проведенный анализ и мнения ученых, существует объективная потребность в дальнейшем совершенствовании законодательства. Представляется целесообразным:

1. Разработать научно обоснованные критерии разграничения законной религиозной и коммерческой деятельности, осуществляемой религиозными организациями, от незаконного предпринимательства, сопряженного с экстремизмом.

2. Внести уточнения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 11 от 28 июня 2011 года «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» в части квалификации деяний, связанных с использованием бизнес-структур для финансирования экстремизма.

3. Активизировать научные исследования в области криминологической характеристики религиозного экстремизма в экономической сфере, что позволит выработать эффективные меры предупреждения соответствующих преступлений.

Проблема противодействия угрозам религиозного экстремизма в сфере бизнеса требует применения междисциплинарной методологии. Эффективное решение заключается в синтезе уголовно-правовых, криминологических и религиоведческих подходов. Данная синергия позволяет как обеспечить безопасность экономических субъектов, так и гарантировать соблюдение конституционных прав на свободу предпринимательской и религиозной деятельности с целью недопущения необоснованного ограничения их деятельности.

Пристатейный список литературы

1. *Лонский, Я. А.* Религиозный экстремизм как угроза религиозной безопасности // Журнал философских исследований. – 2017. – Т. 3, № 2. – С. 93–103.
2. *Никишин, В. Д.* Словесный религиозный экстремизм. Правовая квалификация. Экспертиза. Судебная практика: монография / под ред. Е. И. Галяшиной. – Москва : Проспект, 2019. – 240 с.
3. *Falikov B. Z.* The Provisions Against Religious Extremism and Illegal Business Activity as Instruments for Outlawing Religious Minorities in Russia // The Journal of CESNUR. 2018. Vol. 2, No. 2. P. 101–110.
4. *Касторская, Е. В., Касторский, Г. Л.* Экстремизм в религии и праве: криминологический анализ. – СПб. : Алеф-Пресс, 2015. – С. 252.
5. *Кучеров, А.* В Петербурге огласили приговор лидерам саентологов // Коммерсантъ. – 2023. – 24 августа.
6. *Федоров, Д. И.* Общая характеристика генезиса религиозного экстремизма в Российской Федерации // Бизнес и общество. – 2023. – № 2 (38). – С. 6.
7. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 343.7

Амина Аликовна Урумова,
студентка бакалавриата 2-го курса юридического факультета
Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Сочи, Россия
aminanakohova@gmail.com

Научный руководитель:
Алексей Александрович Кузнецов,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
уголовного права и процесса Сочинского филиала
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Сочи, Россия
omsklaw07@mail.ru

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Аннотация. В статье рассматривается проблема разграничения допустимого предпринимательского риска и уголовно наказуемого поведения при осуществлении хозяйственной деятельности. Основное внимание уделено неисполнению договорных обязательств, поскольку возникновение задолженности или непоставка товара сами по себе не позволяют сделать вывод о наличии преступления. На основе уголовного законодательства, судебной практики и научных подходов, обосновывается необходимость установления содержания и момента возникновения умысла на хищение чужого имущества.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность; предпринимательский риск; уголовная ответственность; мошенничество; договорные обязательства.

Предпринимательство невозможно без риска. Любая коммерческая деятельность предполагает вложение денежных средств, заключение договоров и принятие экономических решений, поэтому наряду с прибылью возможны

убытки. Именно здесь возникает проблема уголовного права: в какой момент допустимый предпринимательский риск заканчивается и начинается уголовно наказуемое поведение? Особенно остро вопрос проявляется при неисполнении договорных обязательств.

Актуальность проблемы подтверждается судебной статистикой. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2024 г. только районными судами было рассмотрено около 8,3 тыс. уголовных дел о преступлениях в сфере экономической деятельности, предусмотренных ст. 169–200.7 УК РФ, что составило 1,8 % от всех рассмотренных дел, а по составам мошенничества (ст. 159-159.6 УК РФ) – 27,0 тыс., или 5,8 % от всех дел [1]. При этом сама статистика не означает криминализации предпринимательства, а показывает значимость правильного разграничения преступления и обычного хозяйственного конфликта.

Яркий пример: предприниматель получает от контрагента аванс, однако товар в установленный срок не поставляет. Контрагент терпит убытки и обращается в правоохранительные органы, полагая, что стал жертвой мошенничества. Однако, сам факт нарушения договора еще не означает наличия состава преступления. Предприниматель мог первоначально намереваться исполнить обязательство, но столкнуться с изменением рынка, ростом стоимости продукции, нарушением обязательств поставщиком, недостатком оборотных средств или иными обстоятельствами. В таком случае речь прежде всего идет об экономическом конфликте и гражданско-правовых способах защиты. Предпринимательский риск объективно связан с неопределенностью результатов хозяйственной деятельности [2; 3].

Иная ситуация возникает, если доказано, что уже в момент заключения договора лицо не намеревалось исполнять принятое обязательство, а использовало договорные отношения как способ завладения чужим имуществом. Именно здесь проходит уголовно-правовая граница. Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что под преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности понимается умышленное полное или частичное неисполнение обязательства в целях хищения чужого имущества или приобретения права на него путем обмана или злоупотребления доверием [4].

Для уголовно-правовой оценки принципиально важно установить не только экономический результат, но и субъективную сторону поведения. Пленум Верховного Суда РФ указывает на обстоятельства, которые могут свидетельствовать об умышленном характере деяния: отсутствие реальной возможности исполнить обязательство, сокрытие сведений о задолженностях и залогах, распоряжение полученными денежными средствами в личных целях, использование фиктивных документов и др. Однако каждое такое обстоятельство отдельно не доказывает преступный умысел; вывод должен основываться на совокупности доказательств [4]. Эти требования старательно соблюдают и суды при вынесении приговора. Так, в одном из приговоров суд г. Тамбова указал, что «об умысле подсудимой на хищение путем обмана,

с корыстной целью, денежных средств потерпевших свидетельствует отсутствие у ФИО реальной возможности исполнить взятые обязательства перед потерпевшими, что усматривается из ее материального положения». Также было указано на распоряжение виновной полученными средствами по личному усмотрению [5].

Говоря о проблеме квалификации преступления по субъективным признакам, в преддверии конференции, посвященной 90-летнему юбилею Алексея Ивановича Рарога, уместно вспомнить, что в своих трудах им последовательно отстаивается позиция, в соответствии с которой, основным водоразделом при разграничении мошенничества и гражданско-правовых отношений выступает содержание и момент возникновения умысла на изъятие имущества [6]. Если умысел возник до получения имущества и виновный не намеревался и не мог исполнить свои обязательства, то налицо хищение; в то же время, возникновение умысла на невозврат имущества или на неисполнение встречных обязательств по договору уже после получения имущества свидетельствует о наличии гражданско-правового конфликта, не относящегося к плоскости уголовного права.

Поскольку субъективная сторона преступления – это именно внутреннее психическое отношение лица к совершенному им преступлению, то об умысле виновного мы можем рассуждать через призму его внешнего поведения. Но тут мы попадаем в логический парадокс: чтобы установить признаки субъективной стороны, необходимо изучить признаки объективной стороны (обстоятельства совершенного деяния, последствия, способ и т.д.). А для правильной квалификации деяния (объективная сторона) – важен именно умысел виновного (субъективная сторона). Зная это, недобросовестные предприниматели специально совершали определенные действия, якобы доказывающие их намерение исполнить свои обязательства по договору. Об этом нам на занятиях по уголовному праву рассказывал мой научный руководитель, служивший в свое время в отделе по борьбе с экономическими преступлениями. В частности, следственные органы в один момент времени отказывали в возбуждении уголовного дела по ст. 159 УК РФ, если имело место частичное исполнение обязательства со стороны контрагента, что, по мнению следствия, свидетельствовало об отсутствии умысла на хищение. На самом же деле, фактически это была «новая схема» мошенничества. Злоумышленники сознательно вводили добросовестного предпринимателя в заблуждение частичным исполнением договора на очень незначительную сумму, намереваясь похитить именно разницу между, например, перечисленным авансом и стоимостью поставленного товара. Следователя же они убеждали в отсутствии умысла на хищение, ведь они действительно начали исполнять договор, но не смогли его полностью исполнит по обстоятельствам, от них не зависящим. Следовательно, при установлении признаков состава преступления нужно в комплексе всесторонне исследовать как объективные, так и субъективные признаки.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 действует в редакции с изменениями от 23 декабря 2025 г. № 43 [4]. Следо-

вательно, при оценке современных предпринимательских споров необходимо учитывать действующие разъяснения Верховного Суда, в том числе положения о связи деяния с предпринимательской или иной экономической деятельностью. При этом предпринимательский статус не создает иммунитета от уголовной ответственности: если в действиях лица установлены все признаки конкретного состава преступления, уголовный закон применяется с учетом предусмотренных законом особенностей.

Таким образом, с одной стороны находится предпринимательский риск. Предприниматель самостоятельно принимает решения и принимает на себя возможность экономических потерь: проект может оказаться нерентабельным, расчет – ошибочным, а контрагент – ненадежным. С другой стороны находится преступный умысел, при котором экономическая деятельность используется как средство завладения чужим имуществом путем обмана или злоупотребления доверием. Внешние последствия могут совпадать – договор не исполнен, деньги потеряны, причинен ущерб, – но уголовно-правовая оценка различается [7].

Поэтому уголовное право не должно подменять собой гражданское право. Если любое нарушение договора автоматически рассматривать как преступление, предпринимательский риск фактически перестанет существовать, а уголовное преследование может превратиться в инструмент давления в хозяйственном споре. Одновременно недопустимо использовать понятие предпринимательского риска как универсальное оправдание: наличие такого риска не исключает ответственности, когда доказано умышленное совершение преступления. В научной литературе подчеркивается, что предпринимательский риск может выступать ориентиром при разграничении гражданско-правовой и уголовной ответственности, но не заменяет установления всех признаков конкретного состава [2; 8].

Таким образом, при решении вопроса об уголовной ответственности необходимо установить: какое деяние совершено; содержит ли оно все признаки состава преступления; какова форма вины и содержание умысла; когда возник преступный умысел – до возникновения договорных отношений или после их заключения; имеется ли причинная связь между действиями лица и последствиями. Такой подход не позволяет подменить уголовно-правовую оценку одним экономическим результатом. Наличие долга, банкротство или неспособность исполнить договор сами по себе не делают предпринимателя преступником.

То есть, основная проблема заключается в точности границы между хозяйственным конфликтом и преступлением. Государство должно защищать собственность и пресекать случаи, когда предпринимательские отношения используются для совершения преступлений, но уголовное право не должно криминализировать коммерческую неудачу. Предприниматель отвечает не за то, что его бизнес оказался неуспешным, и не за сам факт возникновения долга. Уголовная ответственность возможна тогда, когда доказано конкретное общественно опасное деяние, содержащее все признаки состава

преступления, включая соответствующую вину и умысел. Таким образом, граница проходит не между успешным и неуспешным бизнесом, а между допустимым предпринимательским риском и доказанным преступным поведением.

Пристатейный список литературы

1. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2024 году – URL: https://cdep.ru/userimages/Obzor_sudebnoy_statistiki_po_SOYU_2024.pdf (дата обращения: 20.09.2026).
2. *Меркушина, С. И.* Предпринимательские риски в уголовном праве // Российский журнал правовых исследований. – 2017. – Т. 4, № 4. – С. 38–44. DOI: 10.17816/RJLS18268.
3. *Балашова, Э. Г.* О предпринимательском риске // Юридический аналитический журнал. – 2022. – Т. 17, № 1. – С. 34–43. DOI: 10.18287/1810-4088-2022-17-1-34-43.
4. О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 нояб. 2016 г. № 48 (в ред. постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 7, от 23 дек. 2025 г. № 43) – URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/8521 (дата обращения: 20.09.2026).
5. Приговор № 1-111/2025 1-27/2026 от 30 марта 2026 г. по делу № 1-111/2025 – URL: https://www.//sudact.ru/regular/doc/VRYbGviuF3HK/ (дата обращения: 20.09.2026)
6. *Рарог, А. И.* Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам : монография / А. И. Рарог. – Москва : Проспект, 2015. – 232 с.
7. *Меркушина, С. И.* Уголовная ответственность за мошенничество в сфере предпринимательства: системный подход // Российский журнал правовых исследований. – 2025. – Т. 12, № 2. – С. 99–104. DOI: 10.17816/RJLS642250.
8. *Пряхина, Н. И., Щепельков, В. Ф.* Социально-правовые основания уголовной ответственности за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета. – 2015. – Т. 9, № 2. – С. 277–289. DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(2).277-289.

УДК 343.7

Юлия Станиславна Харченко,
студентка бакалавриата 4-го курса
факультета высшего образования Сочинского филиала
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Сочи, Россия
deputat_com@mail.ru

Научный руководитель:
Сергей Георгиевич Пильников,
кандидат юридических наук, заведующий кафедрой
уголовного права и процесса факультета высшего образования
Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Сочи, Россия
dr-mabuse@rambler.ru

ЦИФРОВОЕ ИМУЩЕСТВО В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДЕЛЫ И ПРОБЕЛЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Развитие цифровой среды и распространение виртуальных объектов с реальной экономической ценностью обусловливают необходимость их уголовно-правовой оценки. В статье рассматривается возможность признания виртуальных предметов, используемых в компьютерных играх и обладающих непосредственной стоимостью за счет вложенных в них пользователями денежных средств, предметом хищения на основе законодательства, правоприменительной практики и научных подходов. Автор обосновывает вывод о необходимости выработки более четких критериев отнесения таких объектов к имуществу в уголовно-правовом значении.

Ключевые слова: уголовно-правовая квалификация; преступления против собственности; чужое имущество; компьютерные игры: виртуальный предмет хищения; цифровые активы.

Преступления против собственности традиционно связывают с посягательствами на имущество, имеющее определенную экономическую ценность. Однако в современных условиях само содержание категории «имущество» становится шире: наряду с привычными материальными объектами появляются ценности, существующие исключительно в цифровой среде. Это ставит перед уголовным правом новый вопрос: какие из подобных объектов могут рассматриваться как предмет преступлений против собственности, и в каких пределах им должна предоставляться уголовно-правовая защита?

В 2026 году эта тенденция получила долгожданное доктриной уголовного права развитие в судебной практике. Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что предметом хищения могут выступать не только вещи, но и безналичные денежные средства, цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права и цифровая валюта [1]. Тем самым было подтверждено, что отсутствие материальной формы само по себе не исключает возможность признания объекта предметом хищения.

Однако данное положение не решает всех вопросов, возникающих в цифровой среде. Особый интерес представляют объекты, которые обладают реальной экономической ценностью, но прямо не относятся к перечисленным Верховным Судом категориям. К ним, например, могут относиться виртуальные предметы, используемые в компьютерных играх: оружие, скины[1], игровые ресурсы и другие ценности, которые пользователи приобретают за реальные денежные средства, получают в процессе игры или передают (обменивают) другим пользователям.

При этом обычный виртуальный предмет нельзя автоматически признать цифровым правом только потому, что он существует в электронной форме. Согласно ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации цифровыми правами признаются названные в таком качестве законом обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются правилами соответствующей информационной системы [3]. Поэтому правовая природа многих виртуальных объектов остается неоднозначной.

В связи с этим основная проблема сегодня заключается уже не только в возможности признания цифрового объекта предметом преступления против собственности, но и в определении границ такой уголовно-правовой охраны.

Необходимо установить, какие признаки позволяют рассматривать цифровой объект как имущество в уголовно-правовом смысле, в каких случаях незаконное завладение им может обладать признаками общественно опасного деяния против собственности, и где проходит граница между уголовно на-

---

[1] Скин – это косметический цифровой предмет в видеоиграх, изменяющий внешний вид персонажа, оружия, транспорта или интерфейса без влияния на игровые характеристики и баланс. Концепция скинов зародилась в моддинге 1990-х годов, а к 2026 году превратилась в многомиллиардную индустрию, формирующую экономику live-сервисов и киберспорта [2].

казуемым правонарушением и иным нарушением прав владельца цифрового объекта.

О том, что подобные отношения уже имеют заметное экономическое значение, свидетельствуют данные последних исследований. Так, по данным платформы *Lolka*, опубликованным в сентябре 2026 года, в опросе приняли участие около 3,2 тыс. пользователей платформы. Среди них более 79 % периодически тратили деньги на игры и связанные с ними покупки, а 53 % делали это ежемесячно, в том числе приобретая внутриигровые предметы, подписки и пополняя игровой баланс [4].

Масштаб таких расходов подтверждается и другими данными. Согласно совместному исследованию Организации развития видеоигровой индустрии и НАФИ (Национальное агентство финансовых исследований), совокупные траты россиян на видеоигры по итогам 2025 года составили около 175 млрд рублей, тогда как по итогам 2024 года данный показатель оценивался в 130 млрд рублей. В эту сумму входили покупки самих игр, подписок и внутриигрового контента. При этом на внутриигровые покупки приходилось около 20% структуры расходов [5].

Дополнительно о развитии внутриигровой экономики свидетельствуют данные сервиса «МТС Оплата». В период с января по ноябрь 2025 года расходы российских пользователей на видеоигры в среднем увеличились на 13% по сравнению с аналогичным периодом 2024 года, а средний размер платежа достиг 1,8 тыс. рублей. Наибольшим спросом пользовались условно-бесплатные *PUBG Mobile* и *Genshin Impact*, где значительную роль играют микроплатежи [6].

Такие показатели позволяют говорить о том, что виртуальные объекты уже нельзя рассматривать исключительно как условные элементы игрового процесса. Пользователи вкладывают в цифровую игровую среду реальные денежные средства, приобретают виртуальные предметы и иные возможности, а их утрата в отдельных случаях способна иметь вполне конкретное экономическое выражение за счет причиняемого им материального ущерба, являющего обязательным признаком хищений чужого имущества.

Проблема уголовно-правовой оценки виртуальных игровых предметов существует в российской практике уже достаточно давно. Показательным является случай, произошедший в Красноярске в 2016 году и получивший процессуальное разрешение в 2017 году. Двое участников турнира по *Counter-Strike* заманили потерпевшего в автомобиль, применили к нему насилие и под угрозой пистолета потребовали передать виртуальные предметы, являвшиеся неотъемлемой частью игрового процесса. Потерпевший передал «Керамбит-Градиент» стоимостью 20 тыс. руб. и «Складной нож – Градиент» стоимостью 9 тыс. руб. По факту было возбуждено дело по ч. 2 ст. 162 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [7]. В 2017 г. его прекратили за отсутствием состава преступления, поскольку виртуальные предметы не были признаны имуществом и, следовательно, предметом разбоя [8].

Таким образом, правоприменительная практика показала, что виртуальные игровые предметы не укладываются полностью в традиционное пони-

мание имущества. Уже тогда возникла необходимость рассматривать их как особую категорию объектов, обладающих самостоятельной экономической ценностью и требующих отдельной правовой оценки. Однако правовая реакция фактически оказалось медленнее развивающихся цифровых отношений, вследствие чего, единые критерии признания таких объектов предметом преступлений против собственности до настоящего времени окончательно не сформированы.

В качестве современного примера правоприменительной практики можно привести уголовное дело, возбужденное в 2025 году в г. Киров по факту хищения виртуального имущества в игре *Counter-Strike*: *Global Offensive*. Потерпевший являлся владельцем дорогостоящих скинов оружия и элементов игровой экипировки. Злоумышленник с помощью фишинговой схемы получил доступ к его *Steam*-аккаунту, после чего виртуальные предметы были выведены из игрового инвентаря потерпевшего и проданы за реальные денежные средства. Общая стоимость утраченного имущества была оценена последним более чем в 90 тыс. рублей [9].

Особый интерес представляет уголовно-правовая квалификация данного случая: уголовное дело было возбуждено по ч. 2 ст. 158 УК РФ. Вследствие чего в описанной ситуации противоправное завладение виртуальными игровыми предметами получило оценку именно как преступление против собственности. При этом получение доступа к аккаунту потерпевшего фактически являлось способом совершения деяния, тогда как конечной целью злоумышленника было завладение находившимися в игровом инвентаре ценностями и их последующая реализация.

Приведенный пример также показывает, что при хищении виртуальных предметов встает вопрос и о совокупности преступлений. Неправомерный доступ к игровому аккаунту при наличии признаков ст. 272 УК РФ может получать самостоятельную уголовно-правовую оценку, а последующее завладение виртуальными ценностями – оцениваться как хищение, если такие объекты признаются предметом преступлений против собственности [10].

Поэтому ключевое значение, на наш взгляд, отводится именно правовому статусу виртуального предмета: от него зависит, будет ли содеянное квалифицироваться только как преступление в сфере компьютерной информации либо также как преступление против собственности.

В конечном итоге именно вопрос о том, можно ли признать виртуальный объект предметом хищения, определяет пределы применения уголовного закона в данной сфере. Пока в законодательстве и правоприменительной практике нет достаточно четких критериев, по которым виртуальный предмет можно отнести к имуществу, остается неопределенность и в вопросе квалификации подобных деяний.

Иными словами, если неясно, является ли конкретный скин, виртуальное оружие или иной игровой объект имуществом в уголовно-правовом смысле, то неясно и то, можно ли рассматривать его противоправное изъятие как кражу или иное преступление против собственности.

Отдельного внимания требует разрешение вопроса о том, к какой именно категории следует относить внутриигровые предметы. В соответствии с Федеральным законом РФ от 04.08.2026 № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах», цифровая валюта представляет собой электронные данные, которые могут использоваться как средство платежа и (или) инвестиций [11]. Обычный игровой предмет, например, скин или виртуальное оружие, имеет иное назначение: он используется внутри конкретной игры и сам по себе не выполняет функцию средства платежа. Поэтому более обоснованным представляется рассмотрение таких объектов как самостоятельной разновидности виртуального имущества. Подобный подход уже обсуждается в научной литературе. Так, С. К. Кузнецов специально рассматривает игровое имущество как возможный предмет хищения и анализирует необходимость переосмысления традиционного понимания предмета преступления с учетом развития виртуальных отношений [12, с. 307].

В. В. Хилюта, в свою очередь, обращает внимание на процесс «дематериализации» предмета хищения и подчеркивает, что безграничное расширение понятия имущества также создает риски для уголовного права [13, с. 68]. В связи с этим представляется целесообразным не относить к предмету хищения любой объект компьютерной игры, а выделять только те виртуальные предметы, которые обладают самостоятельной экономической ценностью, могут быть индивидуализированы, находятся под фактическим контролем конкретного пользователя и способны передаваться другому лицу. Именно такие объекты могут рассматриваться как особая категория виртуального имущества, требующая самостоятельной уголовно-правовой оценки.

Вместе с тем признание виртуальных объектов возможным предметом хищения затрагивает следующий вопрос: насколько сама традиционная конструкция хищения, содержащаяся в примечании к ст. 158 УК РФ, приспособлена к цифровой среде. В отношении виртуального имущества физического изъятия в привычном смысле не происходит: фактически лицо получает контроль над соответствующим имущественным благом. В связи с этим С. Г. Пильников обращает внимание на возможность использования более универсального признака в категории имущественных посягательств, связанных с хищением, – «завладение», способного охватить любые посягательства на чужую собственность, в том числе и на нетелесные объекты [14, с. 121].

Определение правового статуса таких объектов необходимо не только для теории, но и для практики: это позволит понять, в каких случаях должны применяться нормы главы 21 УК РФ, а в каких содеянное должно получать иную уголовно-правовую оценку. Тем самым более четкое понимание природы виртуальных предметов позволит установить и разумные пределы уголовного преследования в цифровой среде.

Пристатейный список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (в ред. от 16.06.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
2. См.: Что такое скин в играх: понятное определение, примеры и виды // Игросуп : сайт. – URL: https://igrosup.ru/slovar/skin/ (дата обращения: 14.09.2026).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Почти 80% российских геймеров тратят деньги на игры // Коммерсантъ : сайт. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8939354 (дата обращения: 14.09.2026).
5. Игры в кассу. Российские геймеры наращивают покупки // Коммерсантъ : сайт. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8461161 (дата обращения: 11.09.2026).
6. *Романов, М.* Исследование показало, на какие игры в 2025 году россияне тратили больше всего денег // 3DNews : сайт. – URL: https://3dnews.ru/1134491/issledovanie-pokazalo-na-kakie-igri-v-2025-godu-rossiyane-tratili-bolshe-vsego-deneg?ysclid=mv2sdmc35695641958 (дата обращения: 11.09.2026).
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
8. *Хромов, Е. В., Зябликов, В. Ю.* Хищение бестелесного имущества // Уголовное право. – 2024. – № 8. – С. 46–67.
9. *Никитина, Т.* Фишер украл у кировчанина виртуальные ценности CS:GO на 90 000 рублей // Anti-Malware.ru : сайт. – URL: https://www.anti-malware.ru/news/2025-09-11-114534/47315 (дата обращения: 12.09.2026).
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Федеральный закон от 04.08.2026 № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» // СПС «КонсультантПлюс».
12. *Кузнецов, С. К.* Игровое имущество как предмет хищения // Вопросы российской юстиции.-2024. – № 31. – С. 299–309.
13. *Хилюта, В. В.* Дематериализация предмета хищения и вопросы квалификации посягательств на виртуальное имущество // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25, № 5. – С. 68–82.
14. *Пильников, С. Г.* Перспективы цифровизации предмета преступлений против собственности // Государство, право и общество: вопросы теории

и практики: сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции (г. Сочи, 9–10 ноября 2023 г.) / отв. ред. А. Ю. Яковлева-Чернышева. – Киров : Изд-во МЦИТО, 2023. – С. 118–121.

К 25-летию
принятия III части
ГК РФ «Наследственное
**право»

УДК 347.253

Татьяна Юрьевна Астапова,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
Astapova.T@mail.ru

О ПРАВЕ БЕЗВОЗМЕЗДНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ ЖИЛЫМ ПОМЕЩЕНИЕМ, ПРЕДОСТАВЛЕННЫМ ПО ЗАВЕЩАТЕЛЬНОМУ ОТКАЗУ, КАК ОБРЕМЕНЕНИИ ИМУЩЕСТВА

Аннотация. В настоящей статье обосновывается, что заявительный порядок государственной регистрации права безвозмездного пользования жилым помещением, предоставленного завещательным отказом, порождает различного рода гражданско-правовые споры. Доказывается, что в соответствии с принципом публичности и достоверности государственного реестра в целях защиты прав участников гражданского оборота необходимо предусмотреть в обязательном порядке внесение сведений о праве пользования жилым помещением, возникшем по завещательному отказу.

Ключевые слова: завещательный отказ; легат; отказополучатель; покупатель; договор купли-продажи; обременение; жилое помещение; недвижимость; реестр недвижимости; безвозмездное пользование; добросовестность.

Конституция Российской Федерации каждому гарантирует право наследования. Последнее включает в себя не только возможность наследовать имущество после смерти другого лица, но и самому распорядиться им на случай смерти путем составления завещания. Одним из видов завещательных распоряжений, включающихся в текст завещания, является завещательный отказ. Так, в соответствии со ст. 1137 Гражданского кодекса РФ (далее по тексту – ГК РФ) завещатель вправе возложить как на наследников по завещанию, так и на наследников по закону исполнение за счет наследства какой-либо обя-

занности имущественного характера в пользу других лиц. Последние приобретают право требовать исполнения этой обязанности [1].

Предмет завещательного отказа может быть различным. Это и передача отказополучателю в собственность, во владение или в пользование входящей в состав наследства вещи, имущественного права, и выполнение для отказополучателя определенной работы или оказание для него соответствующей услуги и др. Наиболее распространенным распоряжением является возложение на наследника обязанности предоставить отказополучателю на период его жизни или иной срок права пользования жилым помещением или его определенной частью.

Следует заметить, что жилое помещение – это не только недвижимое имущество, представляющее экономическую ценность. Это, прежде всего, имущество, имеющее социальную значимость, так как оно направлено на удовлетворение потребностей в жилище [2, с. 68]. Указанное обстоятельство порождает конфликт интересов между отказополучателем и наследником такого имущества как лиц, одновременно заинтересованных в его использовании для проживания. Последнее нередко приводит к гражданско-правовым спорам. Например, наследник требует прекратить право пользования жилым помещением в связи с тем, что отказополучатель использует жилое помещение исключительно как дачный вариант на летний период, в доме по месту пребывания не регистрируется [3]. В другом случае отказополучатель, напротив, добровольно выехал из жилого помещения, но при этом не желает сниматься с регистрационного учета [4]. Немало гражданско-правовых споров возникает в виду того, что отказополучатель приводит посторонних лиц, распивает с ними алкогольные напитки, свои обязательства по оплате жилья и коммунальных услуг не выполняет [5]. В свою очередь, и наследники нередко являются инициаторами разногласий. Например, создают препятствия отказополучателю в использовании жилого помещения, меняя ключи от входной двери, почтового ящика [6], забирая мебель, электроплиту для приготовления пищи, холодильник, закрывая комнаты для доступа, оставляя, тем самым, небольшое помещение, кухню и санузел, где проживание невозможно [7] и др.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что при разрешении подобного рода споров суды опираются на разъяснения п. 24 Постановления Пленума ВС РФ о судебной практике по делам о наследовании, а именно: право пользования отказополучателя жилым помещением не может быть прекращено в виду того, что жилое помещение наследуется с обременением в виде обязанности предоставить его в пожизненное безвозмездное пользование [8].

И действительно, ст. 33 Жилищного кодекса РФ (далее по тексту – ЖК РФ) содержит положение, что гражданин пользуется жилым помещением, предоставленным по завещательному отказу, наравне с его собственником [9]. В свою очередь, ГК РФ указывает на сохранение права пользования жилым помещением, предоставленным по завещательному отказу, при последующем переходе права собственности на него к другим лицам.

Между тем, право безвозмездного пользования жилой недвижимостью, предоставленное по завещательному отказу, не содержится в перечне обременений права собственности, подлежащих всеобщей обязательной регистрации. В частности, ст. 1 Закона о государственной регистрации недвижимости упоминает лишь сервитут, ипотеку, аренду, доверительное управление, наем жилья [10], ГК РФ – рентные обязательства. Так, исполнителем завещания было направлено заявление о внесении в Единый государственный реестр недвижимости (далее по тексту – ЕГРН) недостающих сведений об обременении объектов недвижимости правами третьих лиц – отказополучателей. В обосновании жалобы заявитель настаивал на том, что административным ответчиком при регистрации перехода права собственности на недвижимое имущество по завещанию были допущены нарушения Закона о государственной регистрации недвижимости, выразившиеся в невнесении в ЕГРН информации об обременении завещательным отказом прав Л., при том, что информация об указанных обременениях была внесена нотариусом в свидетельство о праве на наследство по завещанию. Росреестром на указанное заявление был дан ответ, что нормы законодательства РФ не предусматривают внесение в ЕГРН записей об обременении объекта недвижимости в виде завещательного залога или завещательного отказа [11]. Или, отказывая в иске о возложении обязанности на Росреестр зарегистрировать право на пожизненное пользование жилым помещением и проживание, суд пришел к выводу, что действующее законодательство не относит право пожизненного пользования и проживания в жилом помещении к правам, подлежащим государственной регистрации в органах Росреестра. Пересматривая дело в апелляционном порядке, суд второй инстанции подчеркнул заявительный порядок государственной регистрации прав, ограничений (обременений) на объекты недвижимости, указав, что истец вправе самостоятельно обратиться с заявлением о регистрации обременения [12].

И действительно, указанная возможность предусмотрена ЖК РФ. В соответствии с п. 3 ст. 33 гражданин вправе потребовать произвести государственную регистрацию права пользования жилым помещением, предоставленным по завещательному отказу. Например, решением суда ответчика обязали зарегистрировать в Росреестре обременение права собственности в виде постоянного права пользования жилым помещением, возникшим из завещательного отказа [13].

Между тем, заявительный порядок государственной регистрации безвозмездного пользования жилым помещением на основании завещательного отказа порождает новые гражданско-правовые споры в указанной области. В частности, при приобретении жилого помещения, обремененного незарегистрированными правами отказополучателей, участники гражданского оборота не могут узнать о правах третьих лиц. Например, материалами дела было установлено, что ответчик Ч. не проживал в спорной квартире, зарегистрирован не был. Согласно выписке из ЕГРН на спорную квартиру государственная регистрация права пользования завещательным отказом до настоящего времени не производилась [14]. Указанный подход приводит к увеличению

рисков различного рода злоупотреблений и, как следствие, нарушению прав. Так, Ф. обратилась в суд с иском к К. о признании договора купли-продажи недействительным. Истец указала, что заключила с ответчиком договор купли-продажи квартиры. Продавец К., подтвердила, что в указанной квартире никто не зарегистрирован, лиц, сохраняющих право пользования отчуждаемым жилым помещением не имеется. Однако, приехав в приобретенную квартиру с целью проживания в ней, она обнаружила, что в принадлежащей ей квартире проживает гражданин, не являющийся членом семьи истца, который пояснил, что имеет право на постоянное проживание в данной квартире, предоставленное по завещательному отказу [15].

Таким образом, в соответствии с принципом публичности и достоверности государственного реестра в целях защиты прав участников гражданского оборота необходимо предусмотреть в обязательном порядке внесение сведений о праве пользования жилым помещением, возникшем по завещательному отказу.

Пристатейный список литературы

1. Гражданский кодекс РФ (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Российская газета. – 2001. – № 233.
2. *Астапова, Т. Ю.* О нотариальном удостоверении договоров отчуждения жилого помещения: диалог общества и государства // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2026. – № 6. – С. 68.
3. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 02.10.2024 № 88-20014/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.05.2021 № 88-7380/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Решение Светлогорского городского суда Калининградской области от 30.04.2025 по делу № 2-261/2025 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21.05.2025 № 88-11373/2025 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.05.2021 № 88-7380/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании» // Российская газета. – 2012. – № 127.
9. Жилищный кодекс РФ от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Российская газета. – 2005. – № 1.
10. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. 04.08.2026) «О государственной регистрации недвижимости» // Российская газета. – 2015. – № 156.
11. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21.02.2024 № 88а-3516/2024 по делу № 2а-1766/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

12. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 31.08.2023 № 88-8062/2023 по делу № 2-3802/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Заочное решение Городищенского районного суда Волгоградской области от 09.11.2017 по делу № 2-1198/2017~М-1203/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Заочное решение Октябрьского районного суда города Пензы от 25.03.2021 по делу № 2-768/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Апелляционное определение Ростовского областного суда от 25.09.2023 № 33-16398/2023 по делу № 2-1537/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 347.6

Наталья Владимировна Бандурина,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
nbandurina@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ НАСЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация. Актуальность темы обусловлена изменением подходов к регулированию цифровых активов в гражданском обороте России. Использование различных цифровых объектов, появление новых видов имущества в российском цифровом поле позволяет сделать вывод об изменении наследственных правоотношений в различных аспектах. В статье рассматриваются отдельные примеры оформления наследственных прав на отдельные цифровые активы, и сделан вывод о необходимости совершенствования законодательства Российской Федерации, актов Федеральной нотариальной палаты относительно устранения существующих пробелов в регулировании наследования объектов в цифровой форме.

Ключевые слова: цифровая валюта; цифровые права; цифровые финансовые активы; наследование; наследственная масса.

Стремительная цифровизация экономики приводит к существенным изменениям как в составе наследственной массы, так и оформлении наследственных прав на различные объекты имущества.

В соответствии со ст. 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ) в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности.

Среди основных проблем наследования цифровых активов нередко выделяются следующие:

1) Отсутствие единообразной терминологии и вопросы идентификации цифрового актива в составе наследства.

Под цифровыми активами в гражданском обороте можно понимать объекты, существующие в цифровой форме, которые могут иметь экономическую ценность и регулироваться нормами права [2, с. 40]. К ним могут быть отнесены: цифровая валюта (в том числе криптовалюта), цифровые права (включая цифровые финансовые активы), аккаунты в социальных сетях, доменные имена, невзаимозаменяемые токены (*NFT*), и др.

В литературе высказывается мнение о том, что «в состав наследства могут входить объекты, режим которых определен в ГК РФ: цифровые рубли, цифровые права, исключительные права на инновационные и иные результаты интеллектуальной деятельности» [3, с. 42].

Однако следует согласиться с позицией М. Р. Хасаншина, что «исключение из числа наследуемых объектов не поименованных в гражданском законодательстве объектов гражданского права было бы не совсем правильным ввиду того, что перечень объектов гражданского права, способных быть унаследованными, вытекающий из положений статей 128 и 1112 ГК РФ, не имеет закрытого характера («иное имущество»), а потому обладает потенциалом пополнения по мере возникновения потребности в этом гражданского оборота» [4, с. 52].

В настоящее время перечень цифровых активов получил расширение за счет принятия федерального закона о цифровых валютах и цифровых правах (далее – федеральный закон № 282-ФЗ) [5], в котором сформулировано понятие цифровой валюты как имущества, которое представлено совокупностью электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которое предлагается и (или) может быть принято в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которого отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем такого имущества, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска и осуществления в отношении такого имущества действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам.

Общая квалификация цифровых прав установлена в ст. 141.1 ГК РФ, в которой таковыми названы обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. При этом согласно положениям федерального закона № 282-ФЗ к цифровым правам относятся утилитарные цифровые права и цифровые финансовые активы.

Тем не менее, отсутствие единого реестра отдельных цифровых активов может сделать затруднительным розыск и оформление прав на такие объекты.

2) Технологические проблемы, связанные с тем, что большинство платформ (социальные сети, игровые сервисы, облачные хранилища, некоторые криптобиржи) прямо запрещают передачу, продажу или наследование активов, рассматривая их как имущество, непосредственно связанное с личностью пользователя, или как объект, не подлежащий передаче другим субъектам.

В частности, пользовательские соглашения социальных сетей ВКонтакте и Одноклассники запрещают передачу аккаунтов пользователей. После смерти пользователя аккаунт может быть заблокирован или переведен в статус цифрового наследника или аккаунт памяти, при этом доступ к управлению им наследникам не предоставляется.

Относительно возможности наследования доменного имени технические вопросы могут быть решены за счет обращения к регистратору и оформления перехода прав администрирования. Так, одна из самых известных и крупных облачных платформ Рег.ру, являющаяся аккредитованным регистратором доменных имен, указывает, что администратор (владелец) домена может оставить распоряжение на случай своей смерти о переходе права администрирования на домен к определенному лицу [6, с. 124].

Администратор может заключить с Рег.ру соглашение о переходе прав администрирования доменного имени в случае смерти администратора. Заключение соглашения подразумевает, что после смерти администратора будет произведено аннулирование регистрации доменного имени и регистрация домена на лицо, указанное в соглашении в качестве будущего администратора [7].

Относительно технических вопросов наследования цифровых валют и цифровых прав необходимо отметить, что федеральный закон № 282-ФЗ прямо определяет в качестве одного из элементов обращения цифровых валют осуществление учета и перехода цифровых валют, предоставление доступа к адресам-идентификаторам, а также совершение сделок с цифровыми валютами.

Однако подобные юридически значимые действия совершаются с цифровыми валютами, в отношении которых проведен майнинг в соответствии с законодательством Российской Федерации путем внесения записей в соответствующую российскую информационную систему.

Применительно к криптовалюте как возможному объекту наследственных прав могут возникнуть существенные технические проблемы. Так, принадлежность криптовалюты конкретному собственнику определяется на основании обладания лицом ключом доступа, она служит средством реализации имущественного интереса, оборотоспособна, имеет денежную оценку, что позволяет ее отнести к имущественным правам [8, с. 156].

Однако зарубежные криптобиржи в современных условиях не оказывают никакого содействия по получению прав на криптокошельки, а наиболее крупные биржи в настоящее время прекратили совершение сделок с российскими пользователями. В частности, в 2026 году криптобиржей *Binance* были введены ограничения для новых пользователей из России: для них недоступна верификация, что делает регистрацию на платформе бессмысленной, так

как все финансовые операции требуют подтверждения личности и адреса. Если у пользователя уже был верифицированный аккаунт на момент ухода Binance из России, он может продолжать торговать, пополнять счет и выводить криптовалюту, но операции с рублем запрещены.

3) Проблема оценки цифрового актива при оформлении наследственных прав, поскольку высокая волатильность делает невозможным точный расчет нотариального тарифа и госпошлины на день открытия наследства.

Так, стоимость криптоактивов, *NFT* или токенизированных прав может изменяться на десятки процентов в течение суток. Оценка на дату смерти (ст. 1114 ГК РФ) часто не соответствует реальной стоимости на момент выдачи свидетельства о праве на наследство, что порождает споры о справедливости компенсации.

Действующие Федеральные стандарты оценки не учитывают ликвидность цифровых рынков, комиссии сетей, риски делистинга и специфику смарт-контрактов. Более-менее для оценки таких активов мог быть подойти федеральный стандарт оценки «Оценка интеллектуальной собственности и нематериальных активов (ФСО XI)», утвержденный Приказом Минэкономразвития России от 30.11.2022 № 659, однако он не распространяется на оценку активов в цифровой форме.

Необходимо отметить, что условия использования различных платформ часто ограничивают передачу учетных записей и доступ к цифровым активам. Это позволяет сделать вывод о необходимости разработки единых правовых стандартов, обеспечивающих защиту прав наследников и упрощение процедур наследования в цифровом пространстве.

Для преодоления указанных проблем возможно предложить ряд изменений:

1. Определить в соответствующих нормативных правовых актах понятие различных цифровых активов и их правовую характеристику как объектов гражданских прав.

2. Внести изменения в ГК РФ, иные федеральные законы, закрепляющие порядок включения цифровых активов в наследственную массу, методики их оценки на момент открытия наследства.

2. Утвердить на уровне Федеральной нотариальной палаты единые правила и алгоритм запросов к операторам ЦФА, криптобиржам и хостинг-провайдерам, а также ввести институт «цифрового описания» наследственного имущества.

3. Разработать требования к оформлению цифрового наследства и цифрового завещания как перечня распоряжений о том, как поступить с цифровыми активами и данными наследодателя после его смерти: кому передать доступ, какую информацию удалить или сохранить.

В соответствии со ст. 1120 ГК РФ и п. 3.4 Методических рекомендаций по удостоверению завещаний и наследственных договоров [9] завещатель вправе завещать любое имущество, в том числе то, которое он может приобрести в будущем. Однако в силу неопределенности правового режима отдельных

цифровых активов составление завещания о наследовании таких объектов может быть затруднительным, что также должно быть разрешено в правовом порядке.

Таким образом, исследование цифровизации в наследовании относительно отдельных цифровых активов представляет собой важную задачу, требующую комплексного подхода и концептуального разрешения на уровне пересмотра норм гражданского законодательства. В условиях изменения подходов к цифровизации важно не только адаптировать существующие правовые нормы, но и развивать новые механизмы, способствующие эффективному и справедливому наследованию цифровых активов.

Пристатейный список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.
2. *Бандурина, Н. В.* Идентификация в наследственных правоотношениях при наследовании цифровых активов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2025. – № 8. – С. 38–44.
3. *Подузова, Е. Б.* Цифровое наследство: проблемы квалификации // Нотариальный вестник. – 2024. – № 2. – С. 42.
4. *Хасаншин, М. Р.* О наследовании цифровых активов // Нотариальный вестник. – 2024. – № 12. – С. 50–57.
5. Федеральный закон от 04.08.2026 № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» // Собрание законодательства РФ. – 2026. – № 32. – Ст. 4479.
6. Цифровизация гражданских правоотношений: проблемы теории и практики : монография / Т. Ю. Астапова, Н. В. Бандурина, М. Ю. Барышников [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, доц. Н. В. Бандуриной, д-ра юрид. наук, проф. М. Н. Илюшиной. – Москва : ИНФРА-М, 2026.
7. https://help.reg.ru/support/pravovyye-voprosy/kliyentam/nasledovaniye-domena#0
8. *Успенский, М. А.* Криптовалюта как обязательственное право // Закон. – 2024. – № 10. – С. 154–168.
9. Методические рекомендации по удостоверению завещаний и наследственных договоров, утв. решением Правления ФНП от 02.03.2021, протокол № 03/21 // Документ официально не опубликован. СПС «КонсультантПлюс».

УДК 347.65

Марат Юрьевич Барышников,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского и предпринимательского права
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ НАСЛЕДОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В настоящей научной статье автор кратко рассматривает частноправовые аспекты наследования объектов предпринимательской деятельности. Автор анализирует сущность наследования объектов предпринимательства в целом, подразделяя их на частные и публичные составляющие. В заключении научного исследования автор отмечает ряд проблемных аспектов в правовом регулировании и правоприменительной практике по данному вопросу. Настоящая научная статья будет интересна для теоретиков и практиков, преподавателей и обучающихся, а также широкого круга читателей, изучающих развитие современного российского наследственного права России.

Ключевые слова: наследственные правоотношения; наследование; частноправовые аспекты; объекты предпринимательства; правовое регулирование; наследование объектов предпринимательства.

В государствах с рыночной экономической системой предпринимательская деятельность обладает едва ли не первостепенным значением. Предпринимательство фактически содействует государственному аппарату в эффективной реализации своих функций, в некоторых сферах занимая главенствующее положение. Со своей стороны, государство способствует развитию предпринимательского сектора, что выражается в совершенствовании правового регулирования, создании эффективных мер поддержки, реализации защитных правовых инструментов и т.д. [3]

В подобной ситуации любые аспекты осуществления предпринимательской деятельности приобретают высокую актуальность и значимость. В на-

стоящем исследовании внимание уделяется частноправовым аспектам наследования объектов предпринимательства.

Прежде всего, необходимо отметить, что в рамках рассмотрения вопроса наследования важно помнить о том, что в российском праве предпринимательство представлено в двух различных формах – это осуществление предпринимательской деятельности в статусе индивидуального предпринимателя или через создание юридического лица. И в том, и в другом виде активы выступают составной частью наследственного имущества, их специфический характер свидетельствует о различном порядке процедуры наследования. Еще одна существенная деталь – довольно часто бизнес-активы требуют оперативного и при этом эффективного управления, что актуализирует вопрос о выборе доверительного управляющего, о реализации контроля за его деятельностью. Отдельной актуальной проблемой ученые-цивилисты выделяют процессы цифровизации, которые породили совокупность новых сложных вопросов [1].

В теории предпринимательского права бизнес-активы подразделяются на несколько самостоятельных групп: движимое и недвижимое имущество, финансовые и нематериальные активы, объекты интеллектуальной собственности и другое. Соответственно, вопрос о возможности включения каждого объекта в состав наследства определяется через особенности его правового режима. Важным в рассматриваемом контексте выступают некоторые характеристики наследодателя – к примеру, это организационно-правовая форма юридического лица, поскольку, в частности, в составе наследства могут фигурировать акции, имущество членов крестьянского (фермерского) хозяйства и т.д. В данном случае следует руководствоваться положениями ст. 1176 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), которой регламентировано включение в состав наследства отдельных элементов, а также нормы ст. 1112 ГК РФ [2]. Схематически потенциально наследуемые объекты предпринимательства можно изобразить следующим образом (схема 1).

Также важно отметить, что учредительными документами юридических лиц могут быть установлены ограничения на реализацию отдельных процессов в рамках наследования. К примеру, это запрет на участие наследников в деятельности организации, что наиболее актуально для полных товариществ, ООО, производственных кооперативов. Данный вопрос получил свое внимание в т.ч. и со стороны Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ) – в частности, это Определения КС РФ от 03.07.2014 № 1564-О, от 21.11.2013 № 1742-О и другие [1].

Свои правовые особенности имеет, например, наследование предприятия как имущественного комплекса, крестьянского (фермерского) хозяйства и ряда иных объектов.

В рассматриваемом контексте важно помнить, что к наследникам в составе наследственной массы переходят не только активы, но и субсидиарная ответственность по долгам. В большей степени это актуально для полных товариществ, производственных кооперативов и т.д. Существенным практическим плюсом подобного наследования выступает то, что наследник фактически от-

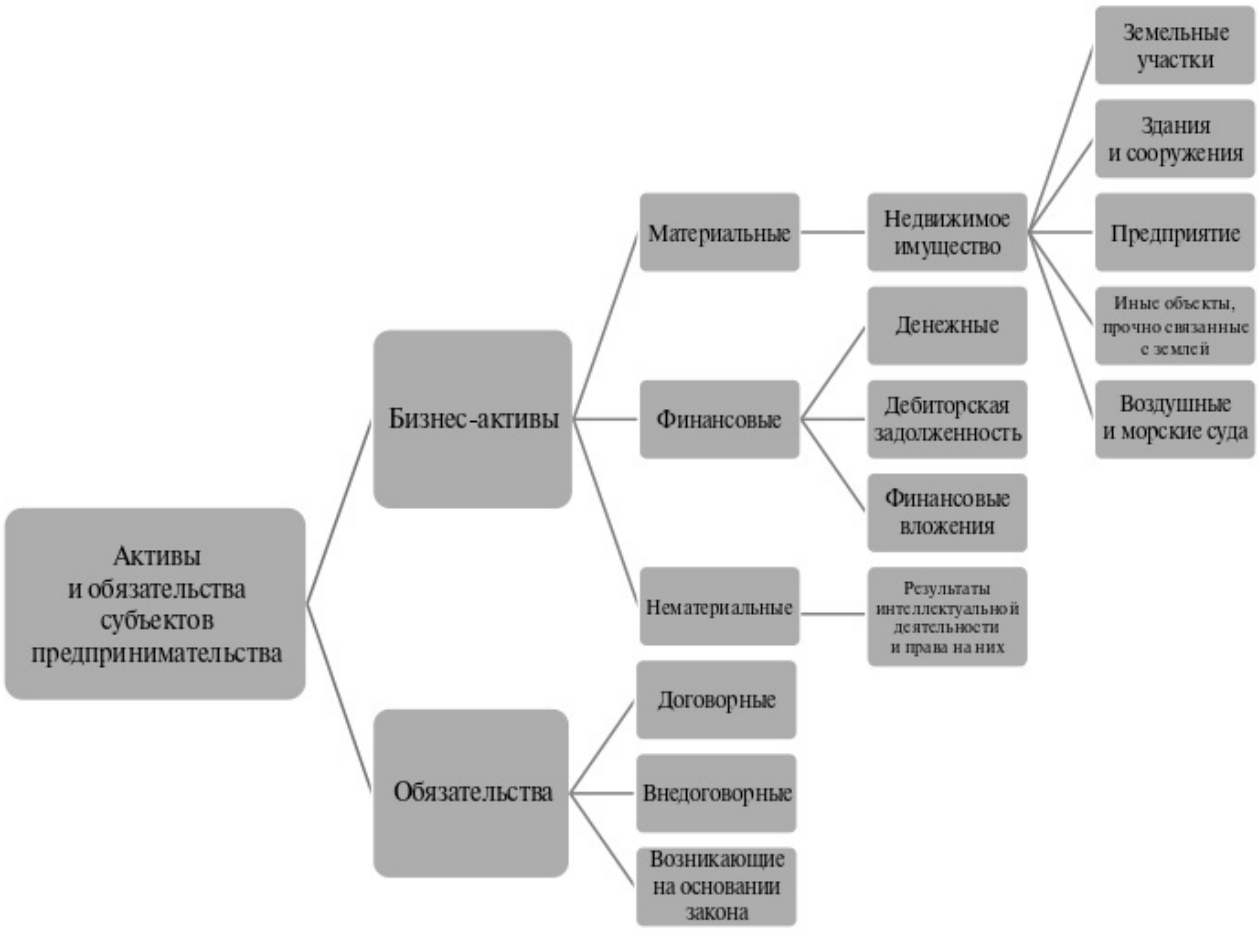

Схема 1. – Объекты предпринимательской деятельности, входящие в состав наследства

вечает по долгам лишь в пределах наследуемого имущества, а не всем своим имуществом. Одновременно закон и судебная практика устанавливают: неосведомленность наследника о наличии задолженности не освобождает его от необходимости удовлетворения долговых требований, причем как от действующих, так и от потенциальных. В судебной практике поднимается и вопрос о том, входит ли в наследственную массу долг наследодателя, возникший в результате привлечения его к субсидиарной ответственности при банкротстве подконтрольного ему лица [1].

Наследование объектов предпринимательства ввиду их уникальных правовых характеристик обладает, как видно из представленного анализа, значительной спецификой. Еще одним значимым примером можно рассмотреть вопросы распоряжения объектами, входящими в состав наследственной массы, в порядке завещательного отказа, предусмотренного нормами ст. 1111 ГК РФ [2; 5].

Проанализируем на примере реализации права на обязательную долю в наследстве. Как известно, в состав наследственной массы не входят права и обязанности, имеющие неразрывную связь непосредственно с личностью наследодателя. В контексте рассмотрения предпринимательской деятельности, таковыми выступают корпоративные права (ст. 1176 ГК РФ) [2]. Законодательно установлено также, что статус несостоятельности должника в рамках

реализации банкротного производства аналогично тесно связан с личностью наследодателя, поэтому наследник приобретает самостоятельный статус в рамках данной процедуры. Тем не менее, законодательство о банкротстве не исключает возможности предъявить к наследникам требования об оспаривании сделки должника – в установленных законом случаях (ст. 61.8, 223.1 Закона о банкротстве).

Отдельно процедуру наследования необходимо рассматривать в той ситуации, когда наследником выступает супруг или супруга, а объекты предпринимательства являются имуществом, совместно нажитым в браке. Например, наследник, согласно п. 2 ст. 34 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ), имеет право заявить об отсутствии его доли в имуществе, приобретенном в период брака, поскольку такое имущество, приобретенное за счет общих средств, считается совместно нажитым имуществом. На это делает акцент также и Верховный Суд РФ (далее – ВС РФ) в профильном Постановлении Пленума ВС РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании». При этом некоторые вопросы наследования объектов предпринимательства регламентированы нормами корпоративного права – например, это права пережившего супруга на долю умершего участника в уставном капитале хозяйственного общества как часть совместно нажитого имущества, и другое [1].

В конечном итоге, как видно из представленного анализа, процесс наследования объектов предпринимательства является проблемным и с позиции правового регулирования, и с позиции правоприменения. Например, в силу несовершеннолетнего возраста (менее 16 лет) наследник может не иметь ни фактической, ни законодательно разрешенной возможности реализовать свои права в отношении управления бизнес-активами (п. 2 ст. 26 ГК РФ) [2]. Подобных примеров можно привести достаточно, что, безусловно, свидетельствует о необходимости внесения корректировок в закон и правоприменительную практику.

Полагаем, в дальнейшем рассматриваемый вопрос продолжит свое совершенствование ввиду высокой степени научной, законодательной, практической актуальности.

Кратко отметим главные выводы по результатам проведенного исследования.

Предметом детального изучения в настоящей научной статье стали частноправовые аспекты наследования объектов предпринимательской деятельности.

В частности, автор научной работы отмечает, что особенности процесса наследования во многом зависят от характеристик конкретного вида предпринимательской деятельности. Гораздо более высокую значимость при наследовании имеет организационно-правовая форма юридического лица при реализации предпринимательской деятельности через создание юридического лица [4].

Многогранной, разносоставной выступает система объектов предпринимательства, что представлено на схеме 1. Отмечается, что правовые харак-

теристики конкретного объекта предпринимательской деятельности также способны существенно повлиять на реализацию процедуры наследования. Все это, в конечном итоге, исключает возможность создания единой универсальной схемы наследования объектов предпринимательства. В том числе необходимо учитывать и разнообразие самих по себе наследственных правоотношений – к примеру, их подразделение на наследование по закону и наследование по завещанию.

Сложный, разнообразный характер наследственных правоотношений в данной области порождает ряд проблемных аспектов в правовом регулировании и правоприменительной практике, некоторые из которых рассмотрены в настоящей статье.

В заключении научной статьи автор также отмечает, что для современной рыночной экономики России предпринимательская деятельность имеет едва ли не превалирующее значение, а потому предполагается, что в дальнейшем рассматриваемый вопрос продолжит свое совершенствование и в рамках законодательной, и в рамках правоприменительной составляющих.

Пристатейный список литературы

1. *Батрова, Т. А.* Наследование бизнеса : учебное пособие. – М. : Фонд развития правовой культуры, 2022. – 112 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 года № 146-ФЗ (ред. от 08 августа 2024 года) // Российская газета. – 2001. – № 233.
3. *Демин, А. А.* Механизм гражданско-правового регулирования наследования бизнеса // Цивилист. – 2024. – № 1. – С. 48–54.
4. *Зайцева, Ю. А.* Правовые особенности наследования товаров, подлежащих обязательной маркировке, в составе имущества индивидуального предпринимателя // Нотариальный вестник. – 2026. – № 4. – С. 53–64.
5. *Сынкова, Е. Н.* О соотношении института наследственного фонда с завещанием, наследственным договором и договором доверительного управления имуществом // Наследственное право. – 2024. – № 4. – С. 13–17.

УДК 34.096

Варвара Игоревна Батракова,
студентка 3-го курса факультета высшего образования
Казанского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Казань, Россия
batrakovavarvara06@gmail.com

Научный руководитель:
Альбина Минныхановна Мингазова,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского права и процесса Казанского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Казань, Россия
albisho@mail.ru

ИНСТИТУТ НОТАРИАЛЬНОГО УДОСТОВЕРЕНИЯ ЗАВЕЩАНИЯ: 160 ЛЕТ ПОИСКА БАЛАНСА МЕЖДУ СВОБОДОЙ ЗАВЕЩАНИЯ И ЗАЩИТОЙ ИНТЕРЕСОВ СЕМЬИ

Аннотация. Актуальность темы обусловлена трансформацией роли нотариуса: от формальной фиксации воли – к публично-правовому арбитражу между свободой завещания и защитой уязвимых наследников. Новые инструменты (совместные завещания, наследственные договоры), рост споров о пороке воли и цифровизация нотариата (видеофиксация, биометрия, реестры) требуют осмысления 160-летней эволюции этого института для того, чтобы выявить тенденции, а также для совершенствования законодательства.

Ключевые слова: порок воли; завещание; обязательная доля в наследстве; свобода завещания; цифровизация нотариата.

Историческое развитие института нотариального удостоверения завещаний показывает, как менялись правовые приоритеты, от охраны родового имущества и гармонизации семейных отношений к усилению социальной под-

держки особых наследников. Стал отправной точкой этому процессу дореволюционный этап, который связан с принятием Положения о нотариальной части 1866 года [1]. Как раз в этот период нотариальное удостоверение завещания стало строгой публичной формой. Это объяснилось стремлением свести к минимуму риск споров внутри семьи, а также обеспечить безопасность родового имущества. Упорядочивание процесса не только придавало воле наследодателя весомую доказательственную силу, но и снижало вероятность признания документа недействительным. В период Советского Союза вектор развития института изменился, приоритетными стали интересы семьи и требования социалистической законности. Индивидуальная воля гражданина в распоряжении имуществом все чаще отходила на второй в пользу социальной защиты, в первую очередь нетрудоспособных членов семьи. Нотариат стал государственным органом, защищающим общественные интересы через работу своих контор. Эпоха отличалась широким толкованием прав нетрудоспособных наследников на наследственную долю. Подобный опыт отражал курс государства на защиту уязвимых групп населения и показывал, как правовая политика адаптировалась к изменившимся идеологическим и социальным установкам.

На сегодняшний день нотариальная система призвана для утверждения баланса: с одной стороны – обеспечивать право человека свободно распоряжаться своим имуществом, а с другой – защищать интересы уязвимых категорий граждан в наследственных делах. В основе этого механизма лежит принцип свободы завещания, который закреплен в статье 1119 Гражданского Кодекса Российской Федерации [2], где указано, что каждый гражданин вправе сам определить, кто и в каких долях получит его имущество после смерти. Однако закон не допускает абсолютной свободы в этом вопросе – он устанавливает строгие рамки, которые призваны обезопасить отдельные группы лиц. Основным инструментом такой защиты выступает норма об обязательной доле в наследстве (ст. 1149 ГК РФ) [2]. Она гарантирует, что вне зависимости от содержания завещания, определенные категории наследников – несовершеннолетние и нетрудоспособные дети, супруги, родители, а также иждивенцы – получат не менее половины той доли, которая досталась бы им при наследовании по закону. Нотариус здесь выступает не просто в роли формального удостоверителя, он как ключевой участник, обеспечивающий справедливость и законность процесса. При оформлении завещания он должен достоверно установить, что завещатель дееспособен и выражает собственную волю без какого-либо давления – это помогает предотвратить возможные злоупотребления со стороны родственников. Кроме того, на нотариусе лежит важная разъяснительная функция: он обязан детально рассказать завещателю о юридических последствиях принимаемого решения, в том числе о правилах обязательной доли и правах пережившего супруга. Данный подход делает наследственное планирование понятным и контролируемым: человек принимает решение, четко представляя, какие правовые эффекты оно повлечет.

Также мерой защиты выступает соблюдение тайны завещание – оно закреплено в статье 1123 ГК РФ. Сохранение конфиденциальности данных

о содержании завещания ограждает наследодателя от возможных семейных разногласий, споров, внешнего давления и попыток манипуляции еще до открытия наследства. Благодаря этому человек может свободно определять свои распоряжения, не переживая о том, как близкие отреагирует на его решение. Совокупность правовых средств для согласования семейных интересов существенно увеличилось за счет появления: совместного завещание супругов и наследственного договора. Совместное завещание дает супругам возможность одновременно обозначить свою волю в отношении как совместно нажитого, так и личного имущество. Заранее зафиксировав порядок наследования, они могут минимизировать вероятность споров в будущем. Наследственный договор работает иначе: он позволяет наследодателю еще при жизни заключить соглашение с потенциальными наследниками и четко прописать условия передачи наследства. Например, в качестве таких условий могут выступать обязанность обеспечивать кого-либо из членов семьи. Эти правовые инструменты переводят процесс поиска взаимоприемлемого решения в сферу договоренностей. Вместо исключительно одностороннего выражения воли – стороны совместно вырабатывают подход, который одновременно учитывает право собственника распоряжаться имуществом и интересы родных. В результате наследственное планирование становится более универсальным и прозрачным – его результаты проще спрогнозировать.

Судебная практика показывает, какую важную роль играет доказательственная сила нотариально акта при рассмотрении наследственных споров. Основой здесь служит презумпция законности и достоверности: в соответствии с частью 5 статьи 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [3] обстоятельства, удостоверенные нотариусом при совершении завещания, воспринимаются судом как бесспорные и не нуждается в дополнительном доказывании. Отступить от данного правила можно, но только в двух случаях, первый – если подлинность нотариального документа оспорена в особом порядке (ст. 186 ГПК РФ), второй – если установлены существенные нарушения процедуры его совершения. Данная презумпция усиливает позицию добросовестных наследников, а также снижает угрозу необоснованных оспариваний и укрепляет доверие к нотариальной форме как надежному способу закрепления воли гражданина. На практике наиболее распространенной категорией споров остаются попытки оспорить завещание по мотиву порока воли, как правило, родственники ссылаются на статью 177 ГК РФ [4]. Они доказывают, что на момент подписания завещания наследодатель не мог осознавать, в полный мере, значение своих действий или не мог ими руководить (например, из-за болезни, медикаментозного лечения или возрастных изменений). В подобных делах суд поручает специалистам изучить медицинские документы, показания свидетелей и прочие материалы для того, чтобы определить состояние наследодателя на юридически значимую дату. При этом важно, что экспертное заключение не обладает для суда заранее установленный силой, то есть оценивается на общих основаниях с другими доказательствами и не может само по себе заранее определить исход дела.

Наглядным примером служит определение судебной коллегии по гражданским делам второго кассационного суда общей юрисдикции от 22 июля 2025 г. По делу № 8Г-18753/2025 [88-17784/2025] [5]. Суд отменил решение нижестоящих инстанций и признал завещания недействительным. Главным доказательством порока воли наследодателя стало заключение посмертной комплексной психолого-психиатрической экспертизы, в соответствии с которой, в момент совершения сделок наследодатель страдал алкогольной зависимостью, что сопровождалось деградацией личности, а также снижением адаптации и не способностью понимать значения своих действий. Ответчик пытался оспорить это заключение, указывая, что эксперты другого центра тоже могли бы дать ответ, но суд счел первоначально экспертизу достаточной, а показания свидетеля со стороны ответчиками – не убедительными. Суд признал, что качественная посмертная экспертиза является важным доказательством, а попытки ее опровержение путем ссылок на другие экспертные возможности не всегда достигают цели.

В подобной ситуации нотариус играет первостепенную роль – он занимает позицию основного свидетеля по делу. В ходе разбирательства нотариус подтверждает, что лично удостоверился в дееспособности завещателя, разъяснил ему содержание и правовые последствия документа, убедился в отсутствии давления со стороны третьих лиц и в том, что воля выражена свободно и осознанно. Его показания дают суду возможность составить представление о процедуре удостоверения, оценить, насколько точно соблюдены все требования закона, и тем самым опровергнуть доводы о пороке воли.

Вместе с тем, судебная практика показывает, что даже безупречное состояние воли завещателя не спасет завещание от признания недействительным, если нарушена сама процедура удостоверения. Особое внимание суды уделяют случаям привлечения рукоприкладчика – лица, подписывающего завещание вместо завещателя. Закон допускает такую возможность лишь при наличии физических недостатков, тяжелой болезни или неграмотности завещателя, при этом рукоприкладчиком не может быть лицо, в пользу которого составлено завещание, его супруг, дети и родители (п. 2 ст. 1124 ГК РФ). Так, апелляционным определением Московского городского суда от 1 декабря 2025 г. по делу № 33-59244/2025 [6] было оставлено в силе решение о признании завещания недействительным вследствие существенных нарушений порядка его совершения. Суд установил, что рукоприкладчиком выступила свекровь наследницы по завещанию, а сама наследница присутствовала при составлении и удостоверении документа. Суд постановил, что присутствие заинтересованного лица при подписании завещания рукоприкладчиком, который связан с получателем выгоды родственными связями, лишают процедуру прозрачности и подрывают свободу волеизъявления завещателя, что влечет недействительность в соответствии со статьями 1124–1125 ГК РФ.

Еще одним надежным способом подтвердить юридически значимые факты является видеофиксация нотариального действия [7]. Нотариус может вести запись процедуры удостоверения, а в отдельных случаях эта запись становит-

ся обязательной – при совместных завещаниях супругов или наследственных договорах, если участники не высказали выражение против съемки. Такая видеозапись служит объективным подтверждением ряда важных обстоятельств: личное присутствие завещателя, осознанное отношение завещателя к происходящему, свободное волеизъявление и отсутствие давления со стороны других лиц. На практике видеоматериалы часто играют определяющую роль в разрешении споров. Наглядность доказательств помогает суду оперативно выяснить реальные обстоятельства дела. В ряде ситуаций истцы после ознакомления с записью и вовсе принимают решение отказаться от иска. При этом видеоматериалы находятся под строгой защитой, они охватываются режимом нотариальной тайны и попадают под требования Федерального закона «О персональных данных». Их передача в суд допускается только в предусмотренном процессуальном порядке и исключительно в целях доказывания по конкретному делу.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что эволюция института нотариального удостоверения завещания отражает общую тенденцию к усилению гарантий прав личности при одновременном учете интересов семьи и общества. Дальнейшее развитие технологических и правовых инструментов позволит сделать наследственное планирование еще более предсказуемым, защищенным и справедливым.

Пристатейный список литературы

1. Положение о нотариальной части от 14 апреля 1866 г. // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 2-е. – Т. 41. – № 43186.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 22.07.2025 по делу № 8Г-18753/2025 [88-17784/2025] // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 20.09.2026).
6. Апелляционное определение Московского городского суда от 01.12.2025 по делу № 33-59244/2025 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 20.09.2026).
7. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462-1 (ред. от 24.07.2023) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 10. – Ст. 357.

УДК 347.77

Татьяна Александровна Батрова,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
batrovatatiana@yandex.ru

ОХРАНА НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ УПРАВЛЕНИЯ НАСЛЕДСТВЕННЫМ ИМУЩЕСТВОМ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена проблемным вопросам охраны наследственных прав при учреждении доверительного управления имуществом. С целью определения основных направлений совершенствования правового регулирования в этой сфере проводится сравнительный анализ российского и зарубежного законодательства, что позволило прийти к выводу о целесообразности конкретизации соответствующих положений в ГК РФ с учетом положительного зарубежного опыта.

Ключевые слова: управление имуществом; наследство; охрана прав; оценка имущества; полномочия управляющего; контроль за принятием решений.

Передача наследственного имущества в управление в качестве меры по обеспечению его сохранения и приумножения предполагает наличие эффективных правовых средств охраны прав и законных интересов наследников, призванных обеспечить их соблюдение и возможность полноценной реализации. В российском законодательстве и судебной практике акцент преимущественно делается на оценке имущества, передаваемого в управление, ограничении полномочий доверительного управляющего, осуществлении контроля за его деятельностью (ст. 1179 ГК РФ). При этом реализация соот-

ветствующих нормативных предписаний на практике вызывает много вопросов, требующих своего решения.

Так, не вызывает сомнения значение оценки имущества, передаваемого в управление, которая служит одним из важнейших ориентиров при определении эффективности управления им. Однако, полноценной правовой регламентации порядок ее осуществления не получил. Абзац 2 п. 1 ст. 1173 ГК РФ указывает лишь на субъекта, производящего оценку, сроки ее осуществления и источник покрытия расходов. При этом не определяется субъект, выступающий инициатором оценки, в качестве которого, как показывает практика, может выступать любой наследник, что потенциально может привести к затягиванию введения доверительного управления в случае представления наследниками нескольких отличающихся заключений оценщиков, при том, что как отмечается судами «указанные положения не предусматривают действия сторон по согласованию с наследниками действительной рыночной стоимости передаваемых в доверительное управление долей» [1]. Не определены и полномочия нотариуса в подобной ситуации. Между тем, это может привести к затягиванию назначения управляющего, особенно в случае судебного оспаривания оценки, и потенциально создает риски для достижения целей управления.

Нельзя не обратить внимание и на то, что используемая в российском правопорядке договорная модель управления наследственным имуществом предполагает проведение оценки до учреждения доверительного управления, что, очевидно, может привести к затягиванию решения вопроса о назначении управляющего и способно негативно отразиться на сохранности наследственного имущества. Эта проблема потенциально может быть решена путем возложения полномочий по инвентаризации и оценке имущества на управляющего, что является весьма распространенной зарубежной практикой (ст. 790 Закона Испании о гражданском судопроизводстве 2000 г. [2], ст. 1147 ГК КНР [3] и др.).

Особый интерес в практическом плане представляет определение полномочий управляющего. ГК РФ не уделяет этому вопросу достаточного внимания, в силу чего общим ориентиром здесь выступают положения ст. 1020 ГК РФ о том, что управляющий в отношении имущества, переданного в управление, осуществляет правомочия собственника, кроме случаев распоряжения недвижимым имуществом, которое возможно только если это предусмотрено договором, что на практике, в частности, приводит к спорам об объеме реализации корпоративных прав. Кроме того, особо оговаривается запрет на исполнение управляющим обязательств наследодателя за счет переданного ему наследственного имущества до выдачи одному из наследников свидетельства о праве на наследство, за исключением случаев, если договором доверительного управления или завещанием предусмотрена обязанность управляющего возместить за счет этого имущества расходы, вызванные смертью наследодателя, и расходы на охрану наследства и управление им. Существующие пробелы восполняются судебной практикой. Так, Верховный Суд РФ отметил, что по своей правовой природе договору доверительного управления присущи признаки таких

правовых институтов как возмездное оказание услуг, поручение и агентирование поскольку, осуществляя доверительное управление имуществом, управляющий может совершать в отношении него любые юридические и фактические действия, предусмотренные договором и получать вознаграждение, предусмотренное соглашением, однако указанные действия осуществляются только в интересах учредителя (или выгодоприобретателя) [4].

В зарубежном законодательстве вопрос об объеме полномочий управляющего решается по-разному. Для этого может использоваться отсылка к полномочиям душеприказчика или иного уполномоченного лица, действующего на основе схожих правовых оснований, либо формироваться иногда весьма детальный перечень конкретных прав и обязанностей управляющего в отношении различных видов имущества. Так, ГК Республики Казахстан [5] и ГК Кыргызской Республики [6] указывают на то, что он осуществляет полномочия, предусмотренные ст. 1059 ГК Республики Казахстан и ст. 1138 ГК Кыргызской Республики соответственно, поскольку иное не вытекает из особенностей наследования по закону. В Испании ориентиром является практика управления имуществом отсутствующих лиц (ст. 804 ГК Испании). Французский гражданский кодекс 1804 г. [8] демонстрирует многовариантный подход, обусловленный наличием различных правовых оснований назначения управляющего наследством, указывая, что наследственный поверенный может действовать: 1) в рамках полномочий, совместимых с полномочиями лица, назначенного для управления имуществом, являющегося предметом спора, который предполагает назначение в качестве управляющего одного из сособственников имущества (в данном случае одного из наследников) с обязательством предоставить поручителя либо назначение секвестария, которому поручается хранение спорного имущества до принятия надлежащем порядке решения в отношении него (ч. 3 ст. 815-6); 2) поверенного, назначенного наследодателем с помощью поручения на случай смерти (ст. 812 ФГК), который обладает лишь теми правами, которые предусмотрены законом для наследника в ст. 784 ФГК, до тех пор, пока кто-либо из наследников, указанных в поручении, не примет наследства; 3) исполнителя завещания, назначенного завещателем на основании ст. 1025 (ст. 813-2 ФГК), который реализует наиболее широкие полномочия по управлению наследственным имуществом, включая распоряжение всем или частью недвижимого наследственного имущества кроме случаев его отчуждения, которое возможно лишь после уведомления наследников под угрозой недействительности заключенной сделки (ст. 1030-1 ФГК). Наиболее полно объем прав и обязанностей управляющего определяется в системе общего права ввиду того, что в силу специфики сложившегося подхода к наследованию, заключающейся в том, что наследственное имущество фактически существует автономно до тех пор, пока это необходимо для выполнения всех обязательств наследодателя, объективно возникает потребность в управлении имуществом, которое осуществляется либо третьим лицом (администратором, назначенным судом или исполнителем завещания, определенным наследодателем) либо самим наследником. Внедоговорный ха-

рактер возникающих отношений обусловливает максимальную детализацию полномочий управляющего в отношении различных категорий переходящих в порядке наследования активов и обязательств.

Особое внимание законодатель, как правило, уделяет предоставлению управляющим отчетности, которая может быть как промежуточной, так и итоговой. При этом ее содержание, основания и сроки предоставления в существующих правопорядках отличаются. Из требований ст. 1173 ГК РФ вытекает обязанность управляющего по периодическому предоставлению отчета об исполнении обязанностей (не реже одного раза в два месяца) и по предоставлению внеочередного отчета по мотивированному запросу нотариуса.

Согласно требованиям ФГК, поверенный должен отчитываться о своем управлении перед заинтересованными наследниками или их представителями и уведомлять их обо всех заключенных им сделках ежегодно и по окончании выполнения поручения. В противном случае любое заинтересованное лицо будет иметь право требовать отмены поручения в судебном порядке. Если поручение прекращается ввиду смерти поверенного, это обязательство возлагается на его наследников (ст. 812-7 ФГК). В Испании срок предоставления промежуточной отчетности управляющим наследственным имуществом устанавливаются судом. При этом оговаривается, что периодичность ее составления определяется с учетом значимости принимаемых управляющим решений и условий осуществления его деятельности, но не может превышать одного года. Осуществляя подготовку отчета, управляющий должен зафиксировать соотношение активов и обязательств в составе наследственного имущества, а также представить оригинал квитанции, подтверждающей внесение средств, причитающихся наследникам на специальный счет, что в обязательном порядке фиксируется секретарем суда. Кроме того, отчетность может быть затребована через суд любым заинтересованным лицом в целях контроля за управлением имуществом (ст. 799 Закона Испании о гражданском судопроизводстве). По окончании исполнения своих обязанностей управляющий представляет заключительный отчет в дополнение к уже представленным.

Особый интерес в контексте охраны прав наследников представляет существующая в ряде правопорядков обязанность управляющего предоставить гарантию защиты имущественных интересов заинтересованных лиц. Особое распространение эта практика получила в странах общего права. Так, согласно ст. 401.006 Имущественного кодекса Техаса [10], управляющий должен представить залог на сумму, которая, по мнению судьи, является достаточной при любых обстоятельствах, или поручительство на сумму, которая, по мнению судьи, является достаточной при любых обстоятельствах, если поручитель является уполномоченным корпоративным поручителем. Если в завещании предписывается не требовать никакого обеспечения от лица, указанного в качестве исполнителя, суд может отказаться от требования о предоставлении залога или поручительства, если только не сочтет, что это не отвечало бы наилучшим интересам наследников (ст. 401.005). Если залог не будет внесен в течение 10-го дня после даты вынесения приказа о назначении управляю-

щего и судья не продлит срок для этого, судья без объяснения причин отстраняет управляющего и назначает на его место компетентное лицо в соответствии с завещанием и законом (ст. 305.102).

Согласно Закону Испании о гражданском судопроизводстве, управляющий обязан предоставлять в любой форме, разрешенной указанным Законом, достаточное обеспечение в отношении имущества, переданного ему по решению суда. Вместе с тем суд может освободить от необходимости внесения залога пережившего супруга или наследника, назначенного управляющим, если у него достаточно имущества, чтобы нести ответственность за переданное имущество. Кроме того, от обязанности предоставления обеспечения управляющий может быть освобожден наследниками и отказополучателями. При наличии разногласий между ними по данному вопросу, обеспечение должно предоставляться в объеме, пропорциональном доле, приходящейся на лиц, отказавшихся освободить управляющего от его предоставления. В любом случае обеспечение требуется в отношении доли, приходящейся на несовершеннолетних наследников, не имеющих законного представителя, и отсутствующих наследников, которых не удалось вызвать в суд ввиду неизвестности их местонахождения (п. 3, 4 ст. 795 Закона о гражданском судопроизводстве).

Возможность предоставления доверительным управляющим залога в обеспечение возмещения убытков, которые могут быть им причинены ненадлежащим осуществлением доверительного управления, допускает и ГК Кыргызской Республики, однако, применение данного положения к управлению наследственным имуществом проблематично, поскольку предполагается, что оно должно включаться в заключаемый договор в качестве отдельного условия.

В целом можно констатировать, что правовое регулирование охраны прав и законных интересов наследников при доверительном управлении наследственным имуществом нуждается в совершенствовании. При этом ориентиром могут служить те правовых механизмы, которые уже нашли свое закрепление в зарубежном законодательстве.

Пристатейный список литературы

1. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 26.09.2023 по делу № 33-16218/2023(2-2819/2023) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Ley 1/2000, de 7 de enero, de Enjuiciamiento Civil. – URL: www.boe.es/buscar/ act.php?id=BOE-A-2000-323
3. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики. – Москва : Проспект, 2025. – 368 с.
4. Определение Верховного Суда РФ от 05.08.2025 № 305-ЭС25-6510 по делу № А40-70518/2024.
5. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 года № 409-I (ред. от 25.01.2026). – URL: https://prg.kz/document/?doc_id=1013880&pos=5340;89

6. Гражданский кодекс Кыргызской Республики: часть вторая от 5 января 1998 года № 1 (ред. от 10.11.2025). – URL: https://cbd.minjust.gov.kg/5/edition/1281648/ru?ysclid=mlxfja1 izk413101990
7. Real Decreto de 24 de julio de 1889 por el que se publica el Código Civil. – URL: https://www.boe.es/buscar/pdf/1889/BOE-A-1889-4763-consolidado.pdf
8. Code Civil, 1804. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes
9. Estates Code. – URL: https: //texas.public.law/statutes/tex._est._code_title_2

УДК 347

Марина Олеговна Белова,
Екатерина Евгеньевна Попова,
студентки 3-го курса Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
mari-belova18@yandex.ru
katya6.popowa@gmail.com

Научный руководитель:
Екатерина Николаевна Потапова,
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
katrin.klg@yandex.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ В НАСЛЕДСТВЕННОЙ МАССЕ И СПОСОБЫ ИХ ЗАЩИТЫ

Аннотация. Актуальность темы обусловлена цифровизацией имущественных отношений, правовой неопределенностью статуса цифровых активов – криптовалюты, учетных записей и иных объектов в наследственном праве, а также практическими сложностями при включении таких объектов в наследственную массу и обеспечении доступа наследников. Целью данного исследования является выявление пробелов в регулировании цифровых активов и выработка предложений по совершенствованию механизмов защиты прав участника наследственных правоотношений.

Ключевые слова: цифровые активы; наследственная масса; цифровые финансовые активы; криптовалюта; цифровое завещание; наследственное право; цифровые права.

Смерть гражданина, оставившего после себя традиционные объекты гражданских прав – недвижимое имущество, транспортные средства, банковские вклады, – наряду с криптоактивами, доступ к которым исключителен и известен лишь правообладателю, представляет собой событие, все чаще возникающее в нотариальной и судебной практике последних лет. Значимость данной проблемы выходит за рамки частного случая: по мере увеличения числа владельцев цифровых финансовых активов и криптовалютных кошельков в Российской Федерации расширяется и круг наследственных дел, в которых предметом правового спора становится не только принадлежность соответствующего имущества умершему, но и сам механизм его передачи правопреемникам.

Нормативная база пока движется вслед за практикой, а не опережает ее. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ ввел в оборот понятия цифровой валюты и цифровых финансовых активов, закрепив за операторами информационных систем обязанность фиксировать записи о таких активах и своевременно информировать операторов обмена об их изменении [1]. Однако наследственно-правовой блок регулирования в этом законе практически не проработан – вопрос о том, как именно эти записи трансформируются в объект наследственного правопреемства, остается открытым.

К. Б. Терентьев, рассматривая государственное регулирование интеллектуальной собственности в сфере информационных технологий, фиксирует необходимость адаптации регулирования к особенностям цифровой среды и указывает на существующие пробелы в этой сфере [2, с. 320]. В условиях цифровизации возрастает роль программного обеспечения, баз данных и иных объектов ИТ-сферы. При исследовании установлена необходимость адаптации регулирования интеллектуальной собственности к особенностям цифровой среды. Речь идет не только о криптовалюте – спектр цифровых активов заметно шире, и это обстоятельство законодатель пока полностью не осознал.

Стоит отметить, что даже терминологический аппарат остается дискуссионным. З. И. Дахаева, анализируя цифровые права в системе объектов гражданских прав, приходит к выводу о наличии системных проблем правового регулирования в Российской Федерации применительно к этой категории объектов [3, с. 166]. Понятие «цифровой актив» до сих пор не получило легального определения общего порядка – закон использует частные понятия цифровых финансовых активов, утилитарных цифровых прав, цифровой валюты, но не создает единой родовой категории, что напрямую сказывается на наследственной практике.

Статья 1112 Гражданского кодекса РФ устанавливает, что в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности [4]. Формулировка достаточно широкая, чтобы теоретически охватить цифровые активы – но правоприменитель вынужден каждый раз доказывать, что конкретный цифровой объект действительно относится к «иному имуществу», а не является чем-то принципиально иным, лишенным имущественной природы.

Здесь стоит сделать оговорку: не все цифровые объекты равнозначны с точки зрения наследственного права. Можно выделить несколько групп:

1) цифровые финансовые активы в узком смысле закона № 259-ФЗ – права требования, зафиксированные в распределенном реестре, чья судьба определяется правилами конкретной информационной системы;

2) криптовалюта («цифровая валюта»), не имеющая единого эмитента и обращающаяся вне рамок централизованных платформ;

3) учетные записи и аккаунты в социальных сетях, почтовых сервисах, на маркетплейсах, обладающие смешанной – имущественной и неимущественной – природой;

4) результаты интеллектуальной деятельности в цифровой форме, включая доменные имена и объекты, зафиксированные посредством *NFT*-токенов.

А. Б. Жанабилова, обращаясь к теоретико-правовому аспекту наследования цифровых активов, ссылается на позицию зарубежных исследователей и указывает, что потенциальной проблемой регулирования прав наследников на цифровые активы умершего может являться конфиденциальность финансовой и медицинской информации, а также то, что в отличие от физических аналогов цифровых активов, владелец учетной записи не контролирует конечную судьбу цифровых активов [5, с. 30]. Эта мысль заслуживает отдельного внимания: наследник в цифровой среде зависит не только от закона, но и от пользовательского соглашения платформы, которое зачастую прямо запрещает передачу учетной записи третьим лицам, включая наследников.

Согласно Постановлению Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19 марта 2023 г. № 15АП22759/2022 (дело № А3233368/2022), формирование нового аккаунта, обладающего уникальным идентификационным номером, осуществляется исключительно при первичном заключении лицензионного соглашения с пользователем [6]. При последующем оформлении лицензионного соглашения – в том числе в целях продления срока действия лицензии либо изменения ее типа – создание дополнительного аккаунта не предусмотрено.

Указанное судебное решение имеет существенное значение для регулирования наследственных правоотношений: оно подтверждает, что наследники вправе продолжать использование уже существующего аккаунта без необходимости его повторного создания. Такой подход способствует упрощению процедуры наследования цифровых объектов и минимизации технических и правовых барьеров при переходе соответствующих прав к наследникам.

Поэтому данная практика дает показательный пример: сама учетная запись как техническая оболочка, строго говоря, не переходит по наследству, поскольку она создается оператором платформы для конкретного пользователя и не является вещью в смысле статьи 128 ГК РФ. Наследованию подлежит не аккаунт как таковой, а имущественное содержание, за ним стоящее – накопленные бонусы, цифровая валюта, права на контент. А. Б. Жанабилова подчеркивает существование дискуссии о наследоспособности подобных объектов, указывая, что в романо-германской системе права указывается пре-

жде всего то, что имущественные права подлежат наследованию, но аккаунты (учетные записи) в социальных сетях с соответствующим контентом изначально обладают неимущественной характеристикой, что и приводит к дискуссионности их наследоспособности.

Практика последних лет демонстрирует и иную грань проблемы – доказательственную. Криптовалюта, хранящаяся на офлайн-кошельке без записи закрытого ключа, физически недоступна наследникам вне зависимости от того, что говорит закон о ее наследоспособности. Формально право есть, фактически – реализовать его невозможно. Этот разрыв между юридической конструкцией и технической реальностью остается одной из наиболее острых точек всей темы.

И. А. Михайлова и И. Н. Романова, рассматривая проблемы наследования цифровых активов, предлагают направления решения этих затруднений на уровне корректировки наследственного законодательства и методических рекомендаций для нотариального сообщества [7, с. 23]. Их позиция созвучна выводам В. В. Зайцева, который анализирует механизм правового регулирования оборота цифровых активов и указывает на необходимость более четкого разграничения компетенций операторов информационных систем и нотариусов при фиксации прав на такие объекты [8, с. 90].

Можно ли считать нотариуса компетентным субъектом для удостоверения факта принадлежности криптовалюты конкретному лицу? Вопрос риторический лишь отчасти – ответ на него определяет саму возможность оформления наследственных прав в бесспорном порядке. Действующая нотариальная практика, столкнувшись с криптоактивами, чаще предлагает наследникам обращаться в суд, что удлиняет процедуру на месяцы, а порой и на годы.

Отдельная сложность связана с международным элементом. Если криптовалютная биржа зарегистрирована за рубежом, а наследственное дело открывается в России, возникает коллизионная развилка – применимое право, юрисдикция, процедура признания решений российского нотариуса иностранным оператором платформы. Ю. С. Харитонова, исследуя наследование легализованных цифровых активов, отмечает, что оформление наследства строго формализовано, а специальных правил или методических рекомендаций насчет подавляющего числа цифровых активов не существует, и предлагает наследодателям заранее планировать переход прав на такие объекты, обеспечивая его посредством конкретных фактических действий [9, с. 85].

Заслуживает внимания и вопрос о выморочном имуществе применительно к цифровым активам. И. А. Мазниченко, анализируя теоретико-прикладные аспекты выморочного наследства, поднимает проблему универсального правопреемства в случаях отсутствия наследников или их отказа от принятия наследства [10, с. 94]. Применительно к цифровым активам эта конструкция порождает дополнительный вопрос: как государство в лице уполномоченных органов должно получать доступ к криптокошельку умершего при отсутствии наследников, если единственный способ идентификации – закрытый ключ, известный только самому владельцу? Прямого ответа действующее законо-

дательство не дает, и этот пробел, пожалуй, один из наиболее дискуссионных аспектов всей темы.

Наиболее очевидный способ защиты цифровых активов наследников – заблаговременное завещательное распоряжение с указанием конкретных цифровых объектов и порядка доступа к ним. В. О. Беликов приходит к выводу, что для наследственного правопреемства в отношении цифровых прав наиболее простым в совершении и исполнении инструментом становится именно завещательное распоряжение, учитывающее специфику взаимодействия пользователя с оператором платформы [11, с. 37].

Практика формирует и более технологичные решения. Речь идет не столько о традиционном завещании, сколько о комплексе организационных мер:

1) Хранение данных доступа – паролей, *seed*-фраз, ключей – у нотариуса с последующей выдачей наследнику по открытии наследства;

2) Составление отдельного «цифрового завещания» с перечнем платформ, аккаунтов и учетных данных, доступного нотариусу в зашифрованном виде;

3) Использование механизма наследственного договора, позволяющего заранее согласовать с потенциальным правопреемником порядок передачи цифрового имущества;

4) Обращение к сервисам «цифрового наследия», предлагаемым отдельными операторами социальных сетей и почтовых служб, которые предусматривают назначение доверенного контакта еще при жизни пользователя.

М. М. Панарина, рассматривая возможность наследования цифровых активов, указывает на широкий и неисчерпывающий перечень объектов, подпадающих под эту категорию, включая цифровые финансовые активы с правом требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, права участия в капитале непубличного акционерного общества [12, с. 20]. Такая множественность форм означает, что универсального способа защиты не существует – каждый вид актива требует собственного набора процедур, и унифицировать их в рамках одной статьи закона вряд ли получится в обозримой перспективе.

Перспективным направлением видится закрепление в Основах законодательства о нотариате специальной процедуры фиксации цифровых активов – по аналогии с описью наследственного имущества, но с учетом технической специфики. Обсуждается и вариант создания единого реестра цифровых завещательных распоряжений, интегрированного с Единой информационной системой нотариата; подобная инициатива снизила бы риски утраты доступа к активам из-за банальной невозможности их обнаружения после смерти владельца. Однако реализация подобного реестра требует существенной доработки технической инфраструктуры и, что не менее важно, изменения самой философии наследственного производства – от документарной модели к модели, учитывающей цифровые следы гражданина.

Цифровые активы стали неотъемлемыми элементами современного имущественного оборота. При этом нормы наследственного права еще недостаточно полно раскрывают их регулирование и статус в контексте наследования. Действующая редакция статьи 1112 ГК РФ формально позволяет включать

такие объекты в наследственную массу, однако отсутствие специального регулирования, о котором пишут И. А. Михайлова и И. Н. Романова, а также А. Б. Жанабилова, порождает практические трудности на всех этапах – от идентификации актива до фактической передачи прав на него наследнику.

Ключевой вывод исследования состоит в том, что защита прав наследников в отношении цифровых активов требует сочетания трех уровней мер: законодательной корректировки понятийного аппарата, развития нотариальных технологий хранения цифровых данных доступа и распространения практики заблаговременного цифрового завещательного планирования среди самих граждан. Ни один из этих уровней в отдельности не способен решить проблему исчерпывающим образом – только их совместное развитие позволит устранить разрыв между юридической конструкцией наследования и технической реальностью существования цифрового имущества.

Пристатейный список литературы

1. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45766 (дата обращения: 15.09.2026).
2. *Терентьев, К. Б.* Государственное регулирование интеллектуальной собственности в сфере информационных технологий // Цивилизация знаний: российские реалии : сборник материалов XXVI Международной научной конференции. – Москва, 2025. – С. 55–59.
3. *Дахаева, З. И.* Цифровые права в системе объектов гражданских прав: проблемы правового регулирования в Российской Федерации // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. XVII. – С. 175–181.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/17547
5. *Жанабилова, А. Б.* Наследование цифровых активов: теоретико-правовой аспект // Наследственное право. – 2023. – № 4. – С. 29–32.
6. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19 марта 2023 г. № 15АП22759/2022 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/z3dCwYQjAbmj/.
7. *Михайлова, И. А., Романова, И. Н.* Проблемы наследования цифровых активов и возможные направления их решения // Нотариус. – 2022. – № 2. – С. 20–25.
8. *Зайцев, В. В.* Механизм правового регулирования оборота цифровых активов // Власть закона. – 2025. – № 1. – С. 89–103.
9. *Харитонова, Ю. С.* Наследование легализованных цифровых активов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2024. – Т. 17, № 2. – С. 74–95.

10. *Мазниченко, И. А.* Выморочное наследство: теоретико-прикладной аспект // Актуальные проблемы правовых, экономических и гуманитарных наук : материалы XII Международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, магистрантов и студентов. – Минск, 21 апреля 2022 г.: в трех частях / ред. кол.: С.И. Романюк [и др.]. – Минск: БИП, 2022. – Ч. 1. – С. 108–109.
11. *Беликов, В. О., Запарин, А. Д.* Проблемы наследования криптовалюты // Юстиция. – 2023. – № 4. – С. 34–39.
12. *Панарина, М. М.* Наследование цифровых активов: как защитить свои цифровые активы в виртуальном мире? // Наследственное право. – 2025. – № 4. – С. 18–20.

УДК 347.65

Екатерина Витальевна Васина,
студентка бакалавриата 3-го курса
Тульского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Тула, Россия
Katricccce@yandex.ru

Научный руководитель:
Юлия Алильевна Маркс,
кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой
гражданского права и процесса Тульского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Тула, Россия
OmarovaUA@yandex.ru

НАСЛЕДОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ: ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ И ПЕРЕДАЧИ КРИПТОВАЛЮТЫ В НОТАРИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена признанием криптовалюты имуществом и включением цифровых активов в наследственную массу, при отсутствии эффективных механизмов их идентификации и передачи наследникам. Цель работы – разработка правовых механизмов наследования криптовалюты в нотариальной практике. Проанализированы положения ГК РФ, ФЗ № 282-ФЗ, практика КС РФ и ВС РФ, нотариальная практика. В результате мы пришли к выводу, что необходимы смарт-контракт, цифровое эскроу, разделение ключа и техническая экспертиза для обеспечения законного перехода цифровых активов.

Ключевые слова: наследование; цифровые активы; криптовалюта; нотариат; смарт-контракт; цифровой рубль.

Цифровые активы сегодня – уже не диковинка, а полноправный участник гражданского оборота. Однако устройство таких объектов (распределенный реестр, доступ по криптографическому ключу, отсутствие персональной привязки) вступает в противоречие с классическими институтами наследственного права. Специалисты (Н. В. Бандурина и др.) обращают внимание: здесь нужны не общие, а особые правила, ведь техническая специфика цифровых объектов не укладывается в привычные нормы [1, с. 4–9]. Центральный же вопрос лежит не в юридической плоскости, а в фактической возможности: актив формально входит в состав наследства, а наследник все равно не может им воспользоваться.

Долгие годы криптовалюта рассматривалась сквозь призму ст. 128 ГК РФ [2] и попадала в категорию «иного имущества». Эта трактовка укрепилась в судебных актах задолго до появления отраслевого регулирования. Иллюстрация – дело № А40-164942/2019: все три инстанции (Арбитражный суд города Москвы, Девятый арбитражный апелляционный суд, Арбитражный суд Московского округа) сочли, что BTC, ETH и LTC не подпадают ни под одну категорию, кроме «иного имущества» (ст. 128 ГК РФ). И все же иск о переводе монет на кошельки истца отклонили: тот не обосновал ни свое право на спорные монеты, ни их переход к ответчикам. Кассацию не пустили в заседание (определение Верховного Суда РФ от 14.09.2020 № 305-ЭС20-12165) [3]. Итог дела наглядно вскрывает двойственность подхода: имущественная природа криптовалюты не оспаривается, но ее защита упирается в доказывание принадлежности и в отсутствие специальных инструментов защиты.

Перелом наступил с Постановлением Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П [4]. Заявителем выступил гражданин Д. И. Тимченко: 1000 *USDT*, переданные по договору управления цифровой валютой, ему не вернули. КС РФ объявил ч. 6 ст. 14 Федерального закона № 259-ФЗ [5] неконституционной в той мере, в какой она закрывает дорогу к суду лицам, получившим криптовалюту вне майнинга. Позиция суда однозначна: цифровая валюта обладает имущественным содержанием и может быть объектом гражданских прав; возникающие при этом правоотношения суть отношения собственности, охраняемые ст. 35 Конституции РФ [6]; произвольный отказ в их защите лишает владельцев конституционных гарантий. Значение решения трудно переоценить: правовая неопределенность рассеялась, а доступ к правосудию для держателей криптовалюты стал реальностью.

Последний шаг к определению статуса – Федеральный закон от 04.08.2026 № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» [7]. Он вступил в силу 1 сентября 2026 г. и пришел на смену закону № 259-ФЗ. Документ прямо называет цифровую валюту имуществом, то есть совокупностью электронных данных, которую допустимо принимать как платежное средство либо как инвестицию. Появился и цифровой депозитарий – организация, которая ведет учет цифровой валюты и цифровых прав, оформляет их переход и открывает доступ к адресам-идентификаторам. Такой учет ведут записями по цифровым счетам; обладание подтверждает выписка депозитария, а приобретатель

получает право с момента приходной записи. Раз цифровая валюта признана имуществом, на нее действует универсальное правопреемство (ст. 1110, 1112, 129 ГК РФ) [2]: к наследникам активы переходят в день открытия наследства и в том виде, в каком пребывали.

Не стоит, однако, отождествлять криптовалюту с цифровым рублем. Последний – национальная валюта в цифровой форме, которую эмитирует Банк России, и его режим подчинен особым нормам ГК РФ. Механизм наследования тут давно работает: как только приходит уведомление о смерти владельца счета, Банк России прекращает расходные операции, чтобы уберечь средства из состава наследства, а любые дальнейшие операции возможны лишь после подтверждения прав наследников [8]. Чтобы забрать деньги, наследник приходит в любой банк – участник платформы с документами о праве на наследство, и остаток переводится ему за 7 рабочих дней. Получается, цифровой рубль наследуется по простой схеме под контролем оператора, тогда как криптовалюта требует отдельных инструментов идентификации и передачи.

Ключевая проблема – доказать, что кошелек действительно принадлежал покойному. Банк хранит сведения о клиентах, а блокчейн – лишь последовательность знаков. Нотариальная практика тут почти отсутствует: свидетельства о праве на наследство в отношении криптовалюты выдаются единично. По сведениям Федеральной нотариальной палаты, чтобы включить криптовалюту в наследственную массу, нотариусу необходимо официальное подтверждение биржи о принадлежности имущества конкретному лицу, но обязанности отвечать на такие запросы у криптобирж нет – и обычно они на них не отвечают [9]. Характерный пример – апелляционное определение Московского городского суда от 20.04.2022 по делу № 33-14798/2022 [10]: получив отказ нотариуса из-за отсутствия документов о собственности наследодателя на криптовалюту, наследник обратился в суд, но заявление оставили без рассмотрения – по тому же основанию.

Многое зависит от того, где хранится актив. На бирже (горячий кошелек) есть оператор: нотариус шлет ему запрос и получает подтверждение о наличии счета. Иначе обстоит дело с личными, холодными кошельками – посредника там нет, и нотариусу остается собирать косвенные доказательства: как кошелек привязан к телефону покойного, как криптовалюта покупалась с его банковского счета, было ли у него физическое устройство для хранения ключей.

Наглядна практика по делу Марата Тамбиева – изъятие 1032,1 *BTC*. Принадлежность доказывалась целым набором средств: аппаратным кошельком *Ledger Nano X*, данными блокчейна, документами, показаниями, экспертизой. Ключом к активам стала фотография листа с кодами, найденная на ноутбуке обвиняемого. Мораль ясна: даже в уголовном процессе принадлежность криптовалюты подтверждается только связкой технических и прочих доказательств, а нотариусу решать такую задачу еще труднее.

Мы предлагаем наделить нотариуса правом назначать техническую экспертизу цифрового следа там, где идентификация особенно сложна.

У актива бывает и «темное» прошлое – связь с нелегальными операциями или санкционными перечнями. Свидетельство на такое имущество нотариус выдать не может, иначе сам рискует оказаться втянутым в отмывание. Значит, перед выдачей свидетельства нужно отследить историю переводов: откуда пришли средства и через какие адреса шли. При повышенном риске процедуру приостанавливают, пока обстоятельства не прояснятся.

Конституционную опору судебная защита наследников получила после Постановления КС РФ от 20.01.2026 № 2-П [4]. Но остается трансграничный аспект: активы нередко хранятся на зарубежных платформах, а это уже вопросы применимого права и согласования юрисдикций.

При утрате ключа бессильно и судебное решение – актив останется заблокированным навсегда. Именно доступ – самое уязвимое звено: юридическое включение в наследственную массу еще не дает наследнику реальной возможности распорядиться активом. Отсюда вывод: данные о цифровых активах и способах доступа к ним нужно оформить заранее – в завещании (ст. 1118 ГК РФ) либо в наследственном договоре (ст. 1140.1 ГК РФ) [2].

Предлагаем гибридную конструкцию: обычное завещание плюс программный код. Смарт-контракт – компьютерная программа в блокчейне, которая сама исполняет прописанные условия и не поддается ни изменению задним числом, ни остановке. В нотариально удостоверенном завещании можно сослаться на такой контракт, а роль арбитра достоверности отвести нотариусу: именно он после смерти владельца удостоверит наступление наследственного случая, и только затем его цифровая подпись приведет программу в действие, отправив средства на кошельки наследников. Так снимается проблема «мертвой руки», когда актив годами лежит в блокчейне недосягаемым.

Но код не различает обязательных наследников – несовершеннолетних детей, нетрудоспособных родителей, чья доля защищена законом (ст. 1149 ГК РФ) [2]. Сама по себе автоматизация юридических вопросов не снимает: надо считаться с правами других наследников, риском оспаривания и защитой обязательной доли. Потому предлагаем «цифровое эскроу». В классическом праве эскроу напоминает депозит у нотариуса: имущество или документы на время передаются третьему лицу и выдаются при наступлении оговоренных условий. В цифровом варианте смарт-контракт не перечисляет средства наследникам напрямую, а резервирует их на отдельном адресе, которым управляет нотариус. Шесть месяцев (срок принятия наследства) нотариус проверяет, не задеты ли интересы обязательных наследников, и лишь потом санкционирует финальное распределение. Цифровизация, таким образом, идет рука об руку с нотариальным контролем, а не отменяет его.

Еще одна уязвимость – тайна завещания. Попадет ключ до открытия наследства не к тем – деньги пропадут без следа. Хранить его в сейфе, в конверте, ненадежно. Предлагаем разделение секрета: ключ делится на три фрагмента. Один держит наследодатель, второй лежит в зашифрованном хранилище Федеральной нотариальной палаты, третий – у наследника. Соединить фраг-

менты можно лишь при предъявлении свидетельства о смерти. Вообще электронные механизмы наследования нуждаются в специальных правовых гарантиях – идентификации, аутентификации, защищенном хранении данных и понятном порядке доступа после смерти наследодателя.

Волатильность криптовалюты создает отдельную сложность: когда и как оценивать актив для расчета нотариального тарифа? Подп. 6 п. 1 ст. 333.25 НК РФ [11] отвечает: стоимость наследственного имущества берется на день открытия наследства (дату смерти) и впоследствии не пересматривается. Применительно к криптовалюте это значит, что цену надо зафиксировать именно на день смерти владельца, опираясь на источники, признанные регулятором. Тогда пошлина считается однократно, а наследник застрахован от будущих налоговых споров. Предлагаем подзаконным актом утвердить перечень признанных источников котировок цифровой валюты для целей наследственной оценки.

Итак, цифровые активы давно перестали быть экзотикой и требуют полноценной правовой защиты. Путь от «иного имущества» (ст. 128 ГК РФ) [2] через конституционное признание имущественного содержания криптовалюты (Постановление КС РФ от 20.01.2026 № 2-П) [4] к прямому закреплению ее имущественного статуса (ФЗ № 282-ФЗ от 04.08.2026) [7] дал основу для наследования криптовалюты. Практическая же сторона – идентификация, передача доступа, оценка активов – еще требует доработки. Роль нотариата здесь особая: он связывает классическое право с новыми технологиями и обеспечивает законность перехода цифрового капитала по наследству. Предложенные решения – смарт-контракт, цифровое эскроу, разделение ключа, техническая экспертиза – пока остаются предложениями, поскольку прямого закрепления в действующем законодательстве у них нет.

Пристатейный список литературы

1. Цифровизация гражданских правоотношений. Проблемы теории и практики: монография / Астапова Т. Ю. и др.; под общ. ред. Н. В. Бандуриной [и др.]. – М. : НИЦ ИНФРА-М, 2026. – 216 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Определение Верховного Суда РФ от 14.09.2020 № 305-ЭС20-12165 по делу № А40-164942/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: https://sudact.ru (дата обращения: 20.09.2026).
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П по делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте...» // Российская газета. – 2026. – 2 февраля.

5. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (ч. III). – Ст. 5008.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 2020. – 4 июля.
7. Федеральный закон от 04.08.2026 № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» // Собрание законодательства РФ. – 2026. – № 32. – Ст. 4479.
8. Наследование цифровых рублей // Официальный сайт Банка России. – URL: https://www.cbr.ru/PSystem/dr/inheritance_dr/ (дата обращения: 20.09.2026).
9. Официальный сайт Федеральной нотариальной палаты. – URL: https://notariat.ru (дата обращения: 16.09.2026).
10. Апелляционное определение Московского городского суда от 20.04.2022 по делу № 33-14798/2022 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: https://sudact.ru (дата обращения: 20.09.2026).
11. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.

УДК 347.66

Илья Виталъевич Гладуш,
студент бакалавриата 3-го курса
факультета высшего образования Сочинского филиала
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Сочи, Россия
ilyasmasher@vk.com

Научный руководитель:
Марина Викторовна Скрябина,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского права и процесса Сочинского филиала
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Сочи, Россия
Skryabina_mv@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА НАСЛЕДСТВЕННОГО ДОГОВОРА В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. Статья посвящена проблемам правоприменения института наследственного договора в России. Автор обосновывает, что фрагментарная рецепция германской модели *Erbvertrag* (пер. с нем. договор о наследовании) привела к правовой асимметрии и уязвимости одной из сторон данной правовой конструкции – приобретателя имущества наследодателя. В рамках настоящего исследования предпринята попытка теоретического осмысления невостребованности наследственного договора в российском праве и предложены системные меры по совершенствованию правового регулирования данного института.

Ключевые слова: наследственный договор; рецепция; асимметрия; защита контрагента; нарушение обязательства; основания наследования.

В 2018 году проведена реформа российского законодательства в части наследственного права путем дополнения в качестве основания наследования правовой конструкции наследственного договора (введена ст. 1140.1 Граждан-

ского кодекса Российской Федерации (далее ГК – РФ) [1, 2]. Его появление рассматривалось как существенное изменение российского наследственного права, призванное расширить возможности наследодателя по распоряжению имуществом на случай смерти и обеспечить более полную реализацию принципа свободы последней воли.

Однако практика показывает, что новый институт не стал востребованным в сопоставимой с завещанием степени. В 2025 году при ежегодном удостоверении нотариусами более 600 тыс. завещаний число наследственных договоров по-прежнему измеряется сотнями. В 2021 году было заключено всего 59 таких договоров; последующий ежегодный прирост на 21–27% существенно не изменил общей картины. Даже с учетом этой динамики количество наследственных договоров остается несопоставимым с числом завещаний: в 2024 году нотариусами было удостоверено 607,5 тыс. завещаний [3–5].

Такая статистика требует обратиться не только к вопросу о востребованности наследственного договора, но и к особенностям его правового регулирования. Одной из причин низкой практической привлекательности данного института может выступать неравномерная защита интересов его участников. В российской конструкции наследственного договора отдельные положения во многом восходят к германской модели, однако ее элементы были восприняты не в полном объеме, что породило ряд правовых дисбалансов. На возможные проблемы такого заимствования указывал О. Е. Блинков еще на этапе обсуждения соответствующего законопроекта [6, с. 3–5]

Первоисточником института наследственного договора является германское право, где наследственный договор регламентирован § 2274–2302 Германского гражданского уложения (далее по тексту – ГГУ), то есть тридцатью параграфами [7]. В России германский опыт воспринят фрагментарно. Как справедливо отмечают С. Л. Будылин, Е. Ю. Петров контраст правового регулирования: вместо развернутого германского регулирования появилась лишь одна статья. Авторы комментария к наследственному праву под редакцией Е. Ю. Петрова характеризуют российскую модель как «завещание с оговоркой о возмещении убытков» [8, с. 600–621].

Этот дисбаланс вызван отсутствием трех ключевых защитных механизмов:

1) отсутствие законодательного ограничения права наследодателя на распоряжение своим имуществом при действующем соглашении о наследовании;

2) отсутствием в российском регулировании гарантии будущего исполнения условий наследственного договора, в части перехода имущества наследодателя к приобретателю. Контрагент наследодателя фактически лишен специальных превентивных средств защиты и вынужден обращаться к общему запрету злоупотребления правом, закрепленному в ст. 10 ГК РФ. Однако для его применения необходимо доказать недобросовестность соответствующего поведения, что существенно ограничивает возможности защиты;

3) проблема остается и в судьбе расходов, понесенных во исполнение наследственного договора. Статья 1140.1 ГК РФ не содержит ответа на вопрос

о том, что происходит с уже предоставленным исполнением после расторжения договора. В результате сторона, надлежащим образом исполнявшая принятые на себя обязанности, может оказаться без предусмотренного договором результата и без специального механизма возмещения понесенных затрат.

Особенно заметны эти пробелы при обращении к германской модели, послужившей одним из источников российского регулирования [7]. В германском праве *Erbvertrag* предполагает значительно более жесткую связанность договорных распоряжений. Так, § 2278 ГГУ закрепляет их обязательный характер, а § 2290–2292 ГГУ ограничивают возможность их отмены и изменения соглашением сторон. Дополнительные гарантии предусмотрены на случай недобросовестного поведения наследодателя: § 2287 позволяет оспорить распоряжение, совершенное с целью причинить ущерб контрагенту, а § 2288 предусматривает компенсацию при уничтожении предмета договора [7].

Российская конструкция наследственного договора таких механизмов в сопоставимом объеме не содержит. В результате произошло заимствование самой договорной формы, но без тех правовых гарантий, которые обеспечивают ее устойчивость в германском праве. Именно это различие затрагивает основное свойство *Erbvertrag* – ограничение возможности наследодателя в одностороннем порядке изменить ранее принятое на себя обязательство.

Различия особенно хорошо видны, если сопоставить наследственный договор с другими гражданско-правовыми конструкциями, которые позволяют достичь сходного имущественного результата. В.В. Долинская отмечает, что при общей направленности таких механизмов распределение рисков между их участниками существенно различается [8, с. 3–13].

Иная ситуация складывается с наследственным договором. Несмотря на договорную форму, его конструкция оставляет наследодателю значительно более широкие возможности для изменения своего имущественного поведения. По этой причине такой договор по характеру правовой связи во многом приближается к завещанию, хотя формально представляет собой двустороннюю сделку. Именно здесь проявляется одна из основных проблем института: обязанности исполняющей стороны могут возникать уже при жизни наследодателя, тогда как встречная имущественная гарантия остается неопределенной.

Проблема связана с нарушением принципа синаллагмы, предполагающего взаимность предоставлений сторон. В наследственном договоре эта взаимность выражена недостаточно четко: сторона может исполнить предусмотренные договором обязанности, не получив при этом сопоставимой гарантии сохранения будущего приобретения [9, с. 600–621].

На практике подобная ситуация уже становилась предметом судебного рассмотрения. В апелляционном определении Московского городского суда № 33-163/2026 от 18 января 2026 г. [10] рассматривался проект наследственного договора, в который стороны включили дополнительные гарантии для контрагента. В частности, предусматривалась выплата компенсации в размере кадастровой стоимости квартиры при одностороннем отказе насле-

додателя, а также аналогичное возмещение в случае распоряжения квартирой во вред контрагенту. Нотариус отказал в совершении нотариального действия, посчитав такие условия противоречащими императивному положению п. 12 ст. 1140.1 ГК РФ.

Второй недостаток – неопределенность механизма возврата, исполненного при расторжении наследственного договора. Контрагент может длительное время нести обязанности, тогда как наследодатель вправе в любой момент отказаться от договора (п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ) либо произвести прижизненное отчуждение объекта (п. 12). Закон обязывает компенсировать убытки при одностороннем отказе, однако формулировка «в связи с исполнением» ограничивает объем возмещения реальным ущербом, исключая упущенную выгоду. В доктрине предлагаются меры по защите исполнителя: нотариальное уведомление контрагента о действиях с обещанным имуществом, залоговые механизмы, расширение объема возмещаемых убытков [8, с. 3–13].

Третий системный недостаток института наследственного договора видится в законодательном ограничении оснований для его судебного расторжения. Отметим, что п. 9 ст. 1140.1 ГК РФ исключает применение правила о расторжении договора в судебном порядке в случае его существенного нарушения одной из сторон, установленного подп. 1 п. 2 ст. 450 ГК РФ.

Если наследодатель распоряжается имуществом, которое является предметом наследственного договора, контрагент оказывается в довольно уязвимом положении. Например, при отчуждении недвижимости или утрате иным образом имущества, на которое он рассчитывал, возможность потребовать расторжения договора в связи с существенным нарушением обязательств остается фактически недоступной. В такой ситуации контрагенту остается обращаться к ст. 10 ГК РФ и доказывать злоупотребление правом со стороны наследодателя. Однако применение этой нормы требует установить недобросовестность поведения и наличие соответствующих обстоятельств, что не всегда позволяет обеспечить эффективную защиту.

На эту проблему обращает внимание Н. Е. Сосипатрова, указывая на неравное положение участников наследственного договора и отсутствие достаточных средств защиты контрагента при отчуждении имущества [11, с. 30–38]. Пределы свободы собственника и недостаточность предусмотренных законом способов защиты второй стороны анализируются также в работах Л. А. Емелиной и С. А Яворского [2, с. 75–87].

Судебная практика пока не дает сторонам ясного ответа на возникающие вопросы. Анализ актов кассационных судов и Верховного Суда Российской Федерации по ст. 1140.1 ГК РФ не выявил сформировавшихся правовых позиций по рассматриваемой проблеме. Постановление Пленума ВС РФ № 9 от 29 мая 2012 г. [13] было принято еще до появления наследственного договора в российском законодательстве, поэтому соответствующих разъяснений в нем нет. В результате нижестоящие суды вынуждены разрешать подобные споры без единого ориентира со стороны высшей судебной инстанции.

А. М. Рабец также отмечает необходимость дальнейшего развития регулирования ст. 1140.1 ГК РФ и связывает решение возникающих проблем либо с изменением законодательства, либо с выработкой Верховным Судом РФ соответствующих разъяснений [14, с. 92–95].

В итоге наследственный договор не обеспечивает сторонам той степени определенности, которая обычно ожидается от договорного обязательства. Наследодатель получает широкие возможности распоряжаться своим имуществом, тогда как контрагент, уже исполняющий условия соглашения, не располагает сопоставимым набором средств защиты. Такое положение снижает практическую привлекательность наследственного договора для обеих сторон.

Неравенство правового положения сторон в наследственном договоре объясняет не востребованность данной правовой конструкции и, как следствие незначительное количество нотариального заверения наследственного договора по сравнению с завещанием, что подтверждается ранее представленными статистическими данными. Данный тезис подтверждается судебной практикой, апелляционным определением Липецкого областного суда по делу № 33-163/2026 от 19.01.2026 [10], а также решением Тверского районного суда г. Москвы по делу № 02-3615/2025 от 12 ноября 2025 г., которым установлено, что соглашению о наследовании не порождает правовые последствия, если отсутствует реальное встречное предоставление по нему [15]. Кроме того вышеуказанное дело № 02-3615/2025 демонстрирует отсутствие прозрачной системы фиксации исполнения по наследственному договору.

Так, представляется, что причина недостатков института наследственного договора в российском праве это, прежде всего, фрагментарная рецепция ГГУ. Ключевое направление для повышения востребованности и эффективности наследственного договора видится в восстановлении внутреннего равновесия правового положения сторон за счет одинаково сильных механизмов защиты сторон договора по аналогии с германской модели.

Первое направление совершенствования данного института – введение договорных рамок для прижизненных распоряжений наследодателя: право контрагента оспаривать отчуждение или требовать компенсации, если действия собственника направлены на причинение вреда. Признание существенного нарушения договора основанием для принудительного расторжения. В доктрине сформулированы предложения: нотариальное уведомление контрагента о действиях с предметом договора, залоговые механизмы, расширение объема возмещаемых убытков. Зарубежный опыт показывает, что институт наследственного договора в странах континентальной Европы изначально строился с учетом необходимости уравновесить интересы сторон, и именно этот аспект утрачен при рецепции [16, с. 6–9].

Подводя итог проведенному исследованию, следует отметить, что правовая регламентация наследственного договора должна охватывать весь период его действия – начиная с заключения и заканчивая прекращением обязательства. При этом необходимо учитывать и связанные с ним вопро-

сы обязательной доли, а также режима совместной собственности супругов. С учетом особенностей данного института представляется целесообразным более подробно закрепить соответствующие положения непосредственно в ГК РФ, в том числе путем их объединения в отдельной главе.

Дальнейшее развитие данного института, на наш взгляд, связано прежде всего с тремя задачами: обеспечением более сбалансированной защиты интересов сторон, упорядочением норм о наследственном договоре и формированием единообразной судебной практики. Их решение позволит создать более устойчивую модель договорных отношений, в которой права и обязанности участников будут подкреплены необходимыми правовыми гарантиями. Это, в свою очередь, может способствовать более широкому применению наследственного договора на практике.

Пристатейный список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.
2. Федеральный закон «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» от 19.07.2018 № 217-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Россияне стали чаще составлять завещания и заключать наследственные договоры // Недвижимость и строительство : сайт. – 2024. – 4 ноября. – URL: https://www.estatemedia.ru/finansy/rossiyane-stali-chashe-sostavlyat-zaveshhaniya-i-zaklyuchat-nasledstvennye-dogovory/ (дата обращения: 15.09.2026).
4. Более 607 тысяч завещаний удостоверили нотариусы в 2024 году // Федеральная нотариальная палата : официальный сайт. – URL: https://notariat.ru/ru-ru/news/ (дата обращения: 15.09.2026).
5. Федеральная нотариальная палата. Пресс-конференция президента ФНП: итоги работы нотариата за 2025 год // Федеральная нотариальная палата : официальный сайт. – URL: https://notariat.ru/ru-ru/ (дата обращения: 15.09.2026).
6. *Блинков, О. Е.* О наследственном договоре в российском наследственном праве: быть или не быть? / О. Е. Блинков // Наследственное право. – 2015. – № 4. – С. 3–5.
7. Гражданское уложение Германии = Вводный закон к Гражданскому уложению : пер. с нем. / науч. ред. А. Л. Маковский [и др.]. – 4-е изд., перераб. – Москва : Волтерс Клувер, 2015. – 816 с. – (Серия «Германские и европейские законы»; кн. 1).
8. *Долинская, В. В.* О тенденциях развития и проблемах наследственного права России / В. В. Долинская // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 10. – С. 3–12.

9. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. Е. Ю. Петров. – Москва : М-Логос, 2018. – 656 с. – Приложение № 2, Раздел II «Наследственный договор» (авторы – С. Л. Будылин, Е. Ю. Петров). – С. 600–621.
10. Апелляционное определение № 33-163/2026 от 18 января 2026 г. // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) : сайт. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/jNsxVPxCsuoR/ (дата обращения: 15.09.2026).
11. *Сосипатрова, Н. Е.* Наследственный договор: критический взгляд на правовую конструкцию / Н. Е. Сосипатрова // Lex Russica. – 2021. – Т. 74, № 11 (180). – С. 30–38.
12. *Емелина, Л. А.* Наследственный договор и свобода распоряжения имуществом: пределы и механизмы защиты / Л. А. Емелина, С. А. Яворский // Известия Юго-Западного государственного университета. – Серия: История и право. – 2025. – Т. 15, № 4. – С. 75–87.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о наследовании» от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2024) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 7.
14. *Рабец, А. М.* Наследственный договор в современной России: вопросы теории и практики / А. М. Рабец // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2024. – № 7. – С. 92–95.
15. Решение № 02-3615/2025 от 12 ноября 2025 г. // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) : сайт. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/VqiOG1Yb3eNV/ (дата обращения: 15.09.2026).
16. *Крашенинников, П. В.* Наследственное право (включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания) / П. В. Крашенинников. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2021. – 304 с.

УДК 341.9

Анна Александровна Жувага,
студентка 4-го курса юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
annazuvaga@gmail.com

Научный руководитель:
Марат Юрьевич Барышников,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского и предпринимательского права
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия

ЦИФРОВОЕ НАСЛЕДСТВО В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ: СУДЬБА АККАУНТОВ, КРИПТОАКТИВОВ И ЦИФРОВЫХ ПРАВ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем наследования цифровых активов в трансграничных отношениях. Рассматриваются коллизионные вопросы квалификации аккаунтов, криптоактивов и цифровых прав, а также подходы к определению применимого права. Анализируются модели правового регулирования в ЕС и государствах СНГ. В результате обосновывается необходимость дифференцированного подхода к наследованию экономически ценных активов и личных цифровых данных.

Ключевые слова: цифровое наследство; международное частное право; криптоактивы; аккаунты; цифровые права; применимое право.

Развитие цифровых технологий привело к тому, что имущественная сфера жизни человека перестала ограничиваться осязаемыми предметами. Все больше благ существует в виде записей в распределенных реестрах, данных на серверах иностранных компаний, токенов, цифровых прав требования и учетных записей. После смерти лица эти объекты не исчезают ав-

томатически: криптовалюта остается в блокчейне, аккаунт – на платформе, токен – в сети, а цифровое право – в отношениях с оператором. Однако наследственное право и международное частное право по-прежнему во многом опираются на представление о материальном объекте, место нахождения которого можно определить. Возникает разрыв между юридической конструкцией и цифровой действительностью. Наследники, нотариусы и суды вынуждены решать вопросы, для которых нет единых международных стандартов. Особенно остро это проявляется в трансграничных ситуациях, когда умерший имел гражданство одного государства, проживал в другом, а цифровые активы обслуживались платформами, зарегистрированными в третьих юрисдикциях [2, с. 88].

Ключевой проблемой остается квалификация цифрового объекта. От того, будет ли он отнесен к движимому имуществу, бестелесной вещи, обязательственному праву, имущественному комплексу или к самостоятельной категории, зависит выбор коллизионной привязки. В российском праве цифровые финансовые активы и цифровая валюта получили легальное признание благодаря Федеральному закону от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ [1]. Системное толкование ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) позволяет рассматривать их в качестве иного имущества. Для наследственных отношений это означает возможность распространения общего режима наследования, хотя идентификация, доступ и управление такими объектами по-прежнему вызывают практические сложности. Если для целей ст. 1224 ГК РФ цифровые активы квалифицируются как движимое имущество, то возникает вопрос о применимом праве, поскольку классическая формула *lex rei sitae* плохо работает при отсутствии физического местонахождения. В доктрине справедливо отмечается, что именно квалификация цифровых активов становится исходным конфликтом, определяющим дальнейшее движение коллизионного регулирования [2, с. 88].

Аккаунты в социальных сетях, мессенджерах, облачных хранилищах и виртуальных мирах демонстрируют иную грань проблемы. Здесь экономическая ценность может отсутствовать или быть минимальной, но сохраняется тесная связь с личностью умершего, его перепиской, фотографиями, кругом общения и цифровой репутацией. В зарубежной практике сформировались несовпадающие подходы. Германская судебная модель исходит из наследуемости прав по пользовательскому соглашению: наследники получают доступ к учетной записи и ее содержимому, однако не вправе публиковать новые записи или изменять настройки, затрагивающие достоинство умершего. Такой подход стремится соединить имущественную преемственность с уважением к личности. Иной взгляд отражен в Модельных правилах Европейского института права, принятых в 2026 г. [6]. Они предлагают двойную рамку: цифровые активы, имеющие экономическую ценность, переходят в порядке обычного наследственного права, тогда как личные цифровые останки, связанные с идентичностью, частной жизнью и достоинством, подчиняются защищенному праву доступа, а не наследования. Тем самым признается, что ак-

каунт не всегда является обычным имуществом: он может быть одновременно хранилищем экономических благ и нематериальным продолжением личности [5, с. 27–28].

Криптоактивы представляют наиболее сложный случай. Криптовалюты, токены, включая *NFT*, и цифровые права требования существуют в распределенном реестре, который не имеет администратора в традиционном смысле. Кошелек может быть создан в одной стране, управляться из другой, а ключи доступа – храниться у третьего лица. Сами записи в блокчейне не привязаны к конкретной юрисдикции. Наследование здесь зависит не только от правовой квалификации, но и от фактической возможности распорядиться активом. Если приватный ключ утрачен, юридическое признание наследника не обеспечивает восстановление владения. Если ключ известен наследодателю при жизни, он может быть передан по наследству, но для этого необходимо, чтобы наследники знали о его существовании и умели им воспользоваться. Возникает разрыв между правом и технологией: закон может объявить криптоактив имуществом, но исполнение наследственных прав требует доступа к технической инфраструктуре. В доктрине подчеркивается, что трансграничное наследование цифровых активов выявляет ограничения существующих международных правовых механизмов в цифровую эпоху [3; 4].

Цифровые права требования и токены, подтверждающие участие в проектах или доступ к услугам, добавляют еще один уровень неопределенности. Они могут быть связаны с платформой, оператором которой является иностранное юридическое лицо, а условия их оборота определяются смарт-контрактом или пользовательским соглашением. Наследник получает не вещь, а обязательственное или корпоративное по своей природе право. Применимое право в таком случае может определяться по месту нахождения оператора, по праву, избранному сторонами, или по праву страны, наиболее тесно связанной с отношением. Однако автоматическое применение этих привязок не всегда предсказуемо. Смарт-контракт может исполняться независимо от национального права, а платформа – находиться в юрисдикции, не признающей наследственную передачу цифровых прав. В результате наследник сталкивается с риском, что его право будет признано в одной стране, но не сможет быть реализовано в другой [2, с. 89; 3].

Модели правового регулирования в ЕС и государствах СНГ пока не образуют единого пространства. Европейский союз развивает подход, сочетающий защиту персональных данных, достоинства умершего и имущественной преемственности. Модельные правила *ELI* 2026 г. отражают стремление к дифференциации, однако они не являются обязательным актом и не устраняют различия национальных режимов [6]. В государствах СНГ цифровое наследование регулируется фрагментарно: одни страны признают криптоактивы имуществом, другие ограничиваются антиотмывочным законодательством, третьи вообще не определяют их наследственный статус. Российский подход, закрепленный в законе № 259-ФЗ, создает основу для имущественной квалификации, но не решает коллизионные вопросы трансграничного характера [1].

Кроме того, сохраняется проблема соотношения наследственного права и законодательства о персональных данных: предоставление наследнику доступа к переписке умершего может противоречить защите частной жизни третьих лиц, участвовавших в коммуникации [5, с. 28].

Наиболее перспективным представляется дифференцированный подход, который разграничивает экономически ценные активы и личные цифровые данные. Криптовалюты, *NFT*, токены и цифровые права требования должны наследоваться по правилам, максимально приближенным к имущественному обороту, с учетом их оборотоспособности и экономической функции. Личные цифровые останки – аккаунты, переписка, облачные хранилища, фотографии – требуют особого режима доступа, основанного на воле умершего, интересах близких и защите прав третьих лиц. Такой дуализм позволяет избежать как избыточного распространения наследственного права на нематериальные блага, тесно связанные с личностью, так и необоснованного исключения цифровых активов из наследственной массы. Он же создает основу для более предсказуемого коллизионного регулирования: для экономических активов можно использовать привязки, ориентированные на контролируемое лицо, место управления ключами или место нахождения оператора, а для личных данных – право страны последнего обычного места жительства умершего или право, прямо избранное им при жизни [2, с. 90; 6].

Гармонизация международного частного права в этой сфере необходима, поскольку национальные решения не способны эффективно регулировать децентрализованные и трансграничные объекты. Универсальные правила могли бы определить минимальный стандарт квалификации цифровых активов, механизмы установления применимого права и порядок признания наследственных прав на цифровые объекты. Однако такая гармонизация должна учитывать технологическую нейтральность, не привязываясь к конкретным видам токенов или платформ, и одновременно обеспечивать защиту прав человека, включая неприкосновенность частной жизни и достоинство умершего. Пока же наследственное право остается фрагментированным, а цифровое наследие – зоной повышенной правовой неопределенности. Преодоление этой неопределенности требует не только законодательных изменений, но и развития нотариальной практики, судебного толкования и международного сотрудничества [3; 6].

Таким образом, судьба цифровых объектов после смерти не может решаться по аналогии с обычными материальными благами без учета их технической природы и трансграничного характера. Квалификация цифровых активов как имущества создает лишь исходную предпосылку для наследственной преемственности, но не снимает вопросов о доступе, управлении и применимом праве. Наиболее взвешенным ответом на вызовы цифровой эпохи является дифференцированный режим, сочетающий имущественный подход для экономически ценных активов и защитный доступ для личных цифровых данных. Именно такой баланс способен обеспечить предсказуемость наследственных отношений и уважение к личности умершего в условиях трансграничного цифрового оборота.

Пристатейный список литературы

1. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5018.
2. *Высочкина, А. А.* Наследование цифровых активов в международном частном праве: проблемы квалификации и определения применимого права / А. А. Высочкина, Т. Д. Сапрыкина // Молодой ученый. – 2025. – № 43 (594). – С. 88–90. – URL: https://moluch.ru/archive/594/129425 (дата обращения: 01.10.2026).
3. *Кагадий, Е. А.* Коллизионные проблемы, связанные с наследованием цифровых активов / Е. А. Кагадий, Л. А. Мирумян // CyberLeninka : сайт. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kollizionnye-problemy-svyazannye-s-nasledovaniem-tsifrovyh-aktivov (дата обращения: 01.10.2026).
4. *Бегичев, А. В.* Проблемы правового регулирования наследования криптовалют / А. В. Бегичев, С. С. Рисовская // Наследственное право. – 2023. – № 3. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. *Панарина, М. М.* Наследование аккаунта в социальных сетях и вопросы цифрового наследования: правовое исследование / М. М. Панарина // Наследственное право. – 2018. – № 3. – С. 27–28.
6. Model Rules on Succession and Access to Digital Remains / European Law Institute. – 2026. – URL: https://www.europeanlawinstitute.eu/projects-publications/publications/model-rules-on-succession-and-access-to-digital-remains/ (date of access: 01.10.2026).

УДК 347.67

Алена Алексеевна Жукова,
студентка 4-го курса юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
Alenazhukova.05@mail.ru,

Научный руководитель:
Марина Сергеевна Мережкина,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
гражданского и предпринимательского права
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
meregkina@mail.ru

ПРАКТИКА СОСТАВЛЕНИЯ ЗАВЕЩАНИЯ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Аннотация. Вопрос о том какие обстоятельства принято считать чрезвычайными, до сих пор является спорным. Ввиду этого, следует рассмотреть случаи, при которых законодательства позволяет отходить от стандартной процедуры совершения завещания. Цель статьи рассмотреть сущность института завещания, совершаемого в чрезвычайных ситуациях. Проанализирована судебная практика, правовая природа института и условия его применения. В результате мы пришли к выводу, что основы применения данного института нуждаются в постоянном исследования и актуализации.

Ключевые слова: завещание; наследство; чрезвычайные обстоятельства; судебная практика; гражданское право.

Институт совершения завещания в чрезвычайных обстоятельствах представляет собой достаточно дискуссионное правовое явление, в современном правовом пространстве. Нормы закрепленные в статье 1129 Гражданского кодекса Российской федерации, являются основой для правового регулирования данного института [1].

Основной причиной в связи с которой возникают вопросы по поводу применения данного института, это неясность определения чрезвычайные обстоятельства. Данное понятие до сих пор не закреплено на законодательном уровне. Но и приравнивать к нему определение понятия «чрезвычайная ситуация», закрепленное в статье 1 Федерального закона от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» в корне неверно [2]. В связи с этим требуется постоянный анализ судебной практики, которая отражает и закрепляет, те обстоятельства, которые были признаны чрезвычайными.

Судебная практика выработала совокупность условий, необходимых для признания завещания совершенным в чрезвычайных обстоятельствах. Так для признания завещания совершенным в чрезвычайных обстоятельствах необходимо установить помимо соблюдения требований к форме такого завещания совокупность следующих условий: положение, в котором находится гражданин, должно быть исключительным и явно угрожать его жизни, а обстоятельства, повлекшие угрозу жизни, должны являться для гражданина непредвиденными и не позволяющими при их возникновении обратиться к нотариусу. Характер указанных обстоятельств должен являться внезапным, а их развитие – стремительным, в связи с чем совершение завещания становится не терпящим отлагательств [3]. Таким образом, ключевыми признаками чрезвычайных обстоятельств являются их внезапность, стремительность развития и объективная невозможность обращения к нотариусу или иному уполномоченному лицу, т.е. отсутствие самой возможности совершить завещание в соответствии с правилами статей 1124–1128 ГК Российской Федерации.

Наличие чрезвычайных обстоятельств в каждом конкретном случае устанавливает суд с учетом степени реальной опасности для жизни человека, оказания ему необходимой, в том числе медицинской, помощи, а также возможности приглашения нотариуса или иного лица, имеющего право удостоверения завещания.

Один из самых распространенных случаев по которым наследники обращаются в суд с завещанием совершенным в чрезвычайных обстоятельствах, это внезапная смерть наследодателя в медицинских организациях. Примерами выступают дело № 2-3509/2024 Приморского районного суда от 11 декабря 2024 г. и дело № 2-3573/2025 от 26.11.2025 Канавинского районного суда [4]. В основе дела лежала ситуация при которой лицо стремительно умерло, но до этого либо находилось при медработника, либо в медицинской организация. При отказе суд исходил из того, что ухудшение состояния здоровья наследодателя при его длительном заболевании не может относиться к чрезвычайным обстоятельствам.

Особое внимание заслуживает определение Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2024 г. № 1757-О, в котором суд четко обозначает обстоятельства, которые могли бы быть чрезвычайными. Так он указывает, что если «красная зона» медицинской организации, в которой стационарно

находился пациент, была в момент составления им завещания закрыта к посещению главным врачом, его заместителем по медицинской части или дежурным врачом, вследствие чего ни один из них не смог прибыть к находящемуся в критической ситуации пациенту для удостоверения завещания в соответствии со статьей 1127 ГК Российской Федерации, судами может квалифицироваться такое завещание как составленное в чрезвычайных обстоятельствах [5]. Это признается единственным способом обеспечения права госпитализированного пациента, находящегося в чрезвычайных обстоятельствах, отразить свою последнюю волю, так и гарантировать права его наследников унаследовать имущество по завещанию.

Следует сказать о случаях, при которых суд все же признает обстоятельства чрезвычайными. В деле от 29 июля 2020 г. № 2-3194/2020 суд обозначил, что может являться чрезвычайным обстоятельством неожиданное ухудшение состояния здоровья гражданина, наступившее при обстоятельствах, лишающих его возможности на получение своевременной медицинской помощи, но не при ухудшении состояния здоровья при добровольном отказе гражданина от медицинской помощи или само по себе состояние здоровья гражданина, лишающее его возможности совершить завещание в силу отсутствия необходимого времени [6].

Анализ практики демонстрирует сложность доказывания всей совокупности условий, необходимых доя признания завещания совершенным в чрезвычайных обстоятельствах. Правильным решением было бы законодательное закрепление примерного перечня обстоятельств, либо фиксация конкретных требований, которые должны быть соблюдены. Реализация указанных мер позволит обеспечить защиту прав наследодателей и наследников, так и позволит повысить эффективность этого правового института.

Пристатейный список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ – 2001. – № 44.
2. Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 35. – Ст. 3648.
3. *Попова, Ю. А.* Завещание в чрезвычайных обстоятельствах: вопросы теории и практики / Ю. А. Попова, И. В. Федорова // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2015. – № 109. С. 848–865.
4. Решение Канавинского районого суда от 26.11.2025 по делу № 2-3573/2025 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-410e9332-718f-51a1-84f1-99449df75afa/

5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 09.07.2024 г. № 1757-О (ред. от 09.07.2024) «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Кулаковской Юлии Александровны и Сазонова Игоря Алексеевича на нарушение их конституционных прав подпунктом 1 пункта 1, пунктами 2 и 3 статьи 1127, а также пунктами 1 и 3 статьи 1129 гражданского кодекса российской федерации» // Конституционный Суд Российской Федерации : сайт. –URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409308021/?ysclid=muo2vq40p4478755374.
6. Решение Ленинского районного суда № 2-3194/2020 2-3194/2020~М-1641/2020 М-1641/2020 от 29 июля 2020 г. по делу № 2-3194/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/ojeazu8RJjUX/?ysclid=munv7ed6b0984865617.

УДК 347.65

Марина Николаевна Илюшина,
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
alexi59@mail.ru

ДОВЕРИТЕЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАСЛЕДСТВЕННЫМ ИМУЩЕСТВОМ, УЧРЕЖДАЕМОЕ НОТАРИУСОМ, КАК ОДНА ИЗ МОДЕЛЕЙ ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ НАСЛЕДСТВЕННЫМ ИМУЩЕСТВОМ

Аннотация. В настоящей статье делается обзор моделей доверительного управления наследственным имуществом, показывается место и основания возникновения доверительного управления наследственным имуществом, учреждаемое нотариусом, как одной из моделей доверительного управления наследственным имуществом, делается вывод об основаниях возникновения правоотношений по доверительному управлению наследственным имуществом.

Ключевые слова: наследственное имущество; доверительное управление; основания возникновения отношений по доверительному управлению наследственным имуществом; две модели управления наследственным имуществом.

В целях защиты прав наследников, отказополучателей и других заинтересованных лиц принимаются меры, указанные в ст. 1172 и 1173 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), и другие необходимые меры по охране наследства и управлению им. Как справедливо было указано в одном из определений Конституционного Суда РФ, положения п. 4 ст. 1152, п. 1, 2 и 6 ст. 1171, п. 1 ст. 1172, ст. 1173 и п. 1 и 2 ст. 1174 ГК РФ направлены на защиту прав граждан при наследовании, обеспечение баланса их интересов и стабильности гражданского оборота [1].

Следует согласиться, что управление наследственным имуществом, учреждаемое нотариусом, является только одной из моделей доверительного управления наследственным имуществом, среди которых выделяют также управление наследственным имуществом, осуществляемое исполнителем завещания, может применяться и усеченная модель управления в виде реализации отдельных мер по охране наследства и управлению должностными лицами органов местного самоуправления и консульскими должностными лицами, если им предоставлено право совершать нотариальные действия (п. 7 ст. 1171 ГК РФ). В качестве самостоятельной модели допустимо рассматривать и управление наследственным имуществом в рамках процедур банкротства [2].

Этой же позиции придерживается и судебная практика. В соответствии со ст. 1173 ГК РФ, если в составе наследства имеется имущество, требующее не только охраны, но и управления (предприятие, доля в уставном (складочном) капитале хозяйственного товарищества или общества, ценные бумаги [3], исключительные права и тому подобное), нотариус в соответствии со ст. 1026 ГК РФ в качестве учредителя доверительного управления заключает договор доверительного управления этим имуществом [4].

В ст. 64 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате (далее – Основы) указано, что нотариус принимает меры по охране наследства «по сообщениям граждан, юридических лиц либо по своей инициативе, когда это необходимо в интересах наследников, отказополучателей, кредиторов или государства». Вместе с тем в ГК РФ указан несколько иной круг лиц, которые могут обратиться к нотариусу для принятия мер по охране наследственного имущества: по заявлению одного или нескольких наследников, исполнителя завещания, органа местного самоуправления, органа опеки и попечительства или других лиц, действующих в интересах сохранения наследственного имущества (ст. 1171 ГК РФ)

В п. 2 ст. 1171 ГК РФ приведен круг субъектов, которые могут действовать «в интересах сохранения наследственного имущества». Как следует из содержания приведенного правила, перечень таких субъектов имеет открытый характер: в таком качестве могут выступать не только наследники и исполнитель завещания, но и органы местного самоуправления, органы опеки и попечительства и иные лица. Деятельность по хранению и доверительному управлению наследственным имуществом могут осуществлять и сами наследники, а в остальном их охранительный потенциал, как и исполнителя завещания, носит «заявительный» характер. Право на обращение к нотариусу для инициирования принятия охранительных мер принадлежит любому иному субъекту, независимо от его статуса и непосредственного участия в наследственных правоотношениях. Следует признать, что меры по управлению наследственным имуществом имеют значительную специфику в системе мер по охране наследственного имущества, поскольку в рамках договора доверительного управления предполагается не только обеспечение сохранности объектов, но и их использование. Следует согласиться, что в гражданско-правовом смысле управление наследственным имуществом представляет собой деятельность определенных

субъектов (доверительных управляющих, душеприказчиков и т.п.) по сохранению имущества, входящего в состав наследства, и увеличению его стоимости [5]. При этом надо признать, что правоотношения по доверительному управлению предусмотренными в законе видами наследственного имущества имеют гораздо более сложный характер, чем просто меры охраны наследственной массы, поскольку доверительное управление в данном случае призвано обеспечить не только сохранность переданных управляющему видов имущества, но и увеличение их стоимости (п. 3 ст. 1173 ГК РФ).

Статьей 1026 ГК РФ предусмотрены случаи возникновения доверительного управления на основании закона. Так, согласно п. 1 указанной статьи доверительное управление имуществом может быть учреждено, в частности, вследствие необходимости управления наследственным имуществом. Для возникновения отношений по управлению наследственным имуществом необходимо наличие юридического состава – совокупности юридических фактов, порождающих соответствующие правоотношения.

Важно отметить, что закон содержит закрытый перечень оснований возникновения правоотношений доверительного управления, поскольку именно лицо, надлежаще призванное к доверительному управлению, становится лицом, управомоченным управлять наследственным имуществом. Выработанная позиция судебных инстанций, поддержанная Верховным Судом РФ, основана на том, что не допускается возникновение доверительного управления по общим основаниям, поскольку, как указал суд, отношения доверительного управления наследственным имуществом регламентируются специальными нормами (ст. 1173 ГК РФ) [6]. В одном из определений суда было установлено, что решением суда районного суда г. Томска утверждено мировое соглашение между наследниками, в соответствии с условиями которого стороны договорились о назначении доверительным управляющим определенного лица. То есть указанным соглашением стороны пришли к согласию относительно кандидатуры доверительного управляющего, который имел возможность заключить с нотариусом договор доверительного управления, определив все существенные условия. Однако договор доверительного управления заключен не был. В связи с этим суд пришел к выводу, что указанных действий наследников по определению доверительного управляющего и даже наличие судебного акта об утверждении судом мирового соглашения между наследниками недостаточно для возникновения отношений доверительного управления и, соответственно, для внесения сведений в ЕГРЮЛ [7].

Соответственно, Закон предусматривает две группы юридических составов, образующих основания возникновения отношений доверительного управления наследственным имуществом.

Первая группа юридических фактов связана с возникновением доверительного управления с участием исполнителя завещания (п. 2 ст. 1171 ГК РФ).

Вторая группа юридических фактов образует правоотношения доверительного управления с путем учреждения договора доверительного управления нотариусом (п. 1 ст. 1171 ГК РФ).

В обеих группах юридических фактов присутствует событие – смерть наследодателя. Однако для возникновения доверительного управления с участием исполнителя завещания необходимо также согласие исполнителя завещания и его обращение к нотариусу с просьбой выдать свидетельство об удостоверении его полномочий. Для возникновения доверительного управления наследственным имуществом, учредителем которого является нотариус, необходима подача заявления заинтересованного лица к нотариусу с просьбой об учреждении доверительного управления и, собственно, заключение нотариусом договора доверительного управления с доверительным управляющим.

Из положений п. 2 ст. 1171 ГК РФ следует, что нотариус принимает меры по охране наследства и управлению им по заявлению одного или нескольких наследников, исполнителя завещания, органа местного самоуправления, органа опеки и попечительства или других лиц, действующих в интересах сохранения наследственного имущества. Статьи 1026 и 1173 ГК РФ возлагают на нотариуса обязанность по заключению договора доверительного управления. На отношения доверительного управления, возникшие на основании названных норм, распространяются положения главы 53 ГК РФ.

Пристатейный список литературы

1. Определение Конституционного Суда РФ от 28.03.2017 № 616-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Марковой Анны Борисовны на нарушение ее конституционных прав рядом положений Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.
2. Доверительное управление наследственным имуществом : монография / А. В. Бегичев, Б. А. Булаевский, В. В. Долинская и др. – М. : Проспект, 2025. – 176 с. (автор главы – *Булаевский Б. А.*) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.11.2023 № Ф05-26779/2023 по делу № А41-55638/2022 (Определением Верховного Суда РФ от 27.02.2024 № 305-ЭС24-135 отказано в передаче дела № А41-55638/2022 в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления); Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.03.2022 по делу № А12-21762/2021 (Постановлением Арбитражного суда Поволжского округа от 30.06.2022 № Ф06-19626/2022 данное постановление оставлено без изменения; Определением Верховного Суда РФ от 26.09.2022 № 306-ЭС22-16931 отказано в передаче дела № А12-21762/2021 в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления) (СПС «КонсультантПлюс»).

4. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 09.12.2021 по делу № 88-24051/2021, 2-227/2021 (УИД 23RS0054-01-2020-002345-70) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Доверительное управление наследственным имуществом : монография / А. В. Бегичев, Б. А. Булаевский, В. В. Долинская и др. – М. : Проспект, 2025. – 176 с. (автор главы – *Булаевский Б. А.*) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 07.03.2023 № Ф04-488/2023 по делу № А67-8244/2021; Определение Верховного Суда РФ от 25.08.2023 № 304-ЭС23-9982 по делу № А67-8244/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 07.03.2023 № Ф04-488/2023 по делу № А67-8244/2021; Определение Верховного Суда РФ от 25.08.2023 № 304-ЭС23-9982 по делу № А67-8244/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 347.65

Максим Юрьевич Козлов,
студент 4-го курса юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
maxitmkozlov751@gmail.com,

Научный руководитель:
Марина Сергеевна Мережкина,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского и предпринимательского права юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
meregkina@mail.ru

ИНСТИТУТ НЕДОСТОЙНЫХ НАСЛЕДНИКОВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. В статье рассматриваются материально-правовые основания и процессуальные особенности отстранения граждан от наследования в соответствии со статьей 1117 Гражданского кодекса Российской Федерации. На примере судебной практики 2026 года анализируются требования к доказательственной базе, необходимой для подтверждения умышленных противоправных действий наследников или их злостного уклонения от содержания наследодателя. Особое внимание уделяется юридическому разграничению между недостойным поведением в правовом смысле и обычными семейно-имущественными конфликтами, а также механизму возврата неосновательно полученного наследственного имущества.

Ключевые слова: недостойные наследники; отстранение от наследования; судебная практика; семейно-имущественные конфликты.

В настоящее время институт наследования охватывает значительный круг имущественных отношений, возникающих после смерти гражданина и связанных с переходом принадлежавшего ему имущества к другим лицам. Закон предусматривает случаи, когда лицо утрачивает право наследования

вследствие совершенных им действий либо злостного уклонения от исполнения обязанностей по содержанию наследодателя.

В соответствии со статьей 1117 Гражданского кодекса Российской Федерации не наследуют ни по закону, ни по завещанию граждане, которые своими умышленными противоправными действиями, направленными против наследодателя, других наследников или осуществления последней воли наследодателя, способствовали либо пытались способствовать призванию их самих или других лиц к наследованию либо увеличению причитающейся им доли наследства.

Вопрос о доказательствах в таких делах имеет самостоятельное значение. Согласно пункту 19 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 года № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» [1] противоправные действия, являющиеся основанием для утраты права наследования, должны быть подтверждены в судебном порядке. В зависимости от характера спора таким подтверждением может выступать приговор суда по уголовному делу либо решение суда по гражданскому делу. Поэтому заявления о том, что наследник угрожал наследодателю, скрывал имущество или препятствовал другим лицам в осуществлении наследственных прав, сами по себе не заменяют доказательства установленных законом обстоятельств.

Отдельное основание связано с родителями, лишенными родительских прав. Родители после детей, в отношении которых они были лишены родительских прав и не восстановлены в этих правах ко дню открытия наследства, не наследуют по закону. Иная ситуация возникает при злостном уклонении от выполнения обязанностей по содержанию наследодателя. Здесь необходимо установить не только наличие обязанности по содержанию, но и злостный характер уклонения. Значение могут иметь продолжительность неуплаты, наличие задолженности, причины ее образования, сведения службы судебных приставов и другие обстоятельства.

Судебная практика 2026 года показывает, что суды разграничивают недостойность наследника и обычные семейные или имущественные конфликты. Так, Апелляционным определением Свердловского областного суда от 31 марта 2026 года по делу № 33-4638/2026 [2] было оставлено без изменения решение об отказе в признании наследника недостойным. Истец ссылался на то, что сестра около сорока лет не участвовала в жизни матери, материально ей не помогала и не осуществляла уход. Суд указал, что сами по себе такие обстоятельства не относятся к основаниям, предусмотренным статьей 1117 Гражданского кодекса Российской Федерации, а доказательств умышленных противоправных действий либо злостного уклонения от содержания наследодателя представлено не было.

Другой спор был рассмотрен Санкт-Петербургским городским судом в Апелляционном определении от 29 января 2026 года № 33-1992/2026 [3]. После смерти наследодателя одна из наследниц распорядилась денежными средствами, находившимися на его банковских счетах, на общую сумму 780 600 рублей. Другой наследник требовал признать ее недостойным наследником и отстранить от наследования, ссылаясь на распоряжение наследственным имуществом и невозврат причитающейся ему доли. Суд взы-

скал с ответчика часть денежных средств и проценты, однако оснований для признания ее недостойным наследником не установил. Апелляционная инстанция согласилась с данным выводом, поскольку сами по себе распоряжение денежными средствами наследодателя и невозврат другому наследнику его доли не свидетельствуют о наличии предусмотренных статьей 1117 Гражданского кодекса Российской Федерации обстоятельств.

Приведенные дела показывают, что для применения статьи 1117 Гражданского кодекса Российской Федерации недостаточно установить само по себе неблагоприятное или конфликтное поведение наследника. В каждом случае необходимо определить конкретное основание, предусмотренное законом, доказать соответствующие обстоятельства и установить связь между поведением лица и возникновением либо увеличением его наследственных прав. При этом имущественный спор между наследниками и утрата права наследования не являются тождественными последствиями: лицо может быть обязано возвратить полученное имущество или возместить причиненный ущерб, не приобретая статуса недостойного наследника.

Если наследство уже было получено лицом, которое впоследствии признано недостойным, возникает вопрос о возврате имущества. В соответствии со статьей 1117 Гражданского кодекса Российской Федерации такой наследник обязан возвратить все имущество, неосновательно полученное им из состава наследства, по правилам главы 60 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Таким образом, признание наследника недостойным предполагает не общую оценку его поведения, а установление конкретных юридически значимых обстоятельств. К ним относятся умышленные противоправные действия, направленные на получение или увеличение наследственной доли, предусмотренные законом случаи лишения права наследования и доказанное злостное уклонение от исполнения обязанностей по содержанию наследодателя. Современная судебная практика показывает, что суды при этом проводят разграничение между недостойным поведением в смысле статьи 1117 Гражданского кодекса Российской Федерации и обычными семейными, имущественными и наследственными конфликтами.

Пристатейный список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-29052012.
2. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 31.03.2026 по делу № 33-4638/2026 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/ztM2biMCN8dn/
3. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 29.01.2026 по делу № 33-1992/2026 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/FfyhUytpgMLv/

УДК 347

Яна Александровна Косоротикова,
студентка бакалавриата 4-го курса
Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
yakosorotikowa@yandex.ru

Научный руководитель:
Игорь Николаевич Демин,
кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой
гуманитарных и специальных дисциплин
Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
knazigor1964@mail.ru

НОТАРИАТ И МЕДИАЦИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу механизма кооперации институтов медиации и нотариата в условиях современного гражданского оборота. Рассматриваются продуктивность существующего порядка взаимоотношений и возможность расширения институционального взаимодействия. Формулируются предложения по совершенствованию правовых институтов в контексте того как нотариус становится ключевой фигурой в предотвращении конфликта и обеспечении исполнения медиативного соглашения.

Ключевые слова: нотариат; нотариус; медиация; медиатор; медиативное соглашение; исполнительный документ.

Законность, эффективность и безопасность будучи лейтмотивом гражданского оборота традиционно обеспечиваются в работе нотариуса. Вместе с тем В. В. Ярков справедливо указывает, что нотариальная деятельность опирает-

ся на те же принципы, что и медиатор в процессе своей работы. Обязанность соблюдения интересов всех участников процедуры определяет фундаментальное положение – беспристрастность нотариуса.

Проблемы, имевшиеся в исполнении досудебной медиации, стали предпосылкой для принятия в 2019 году нормативной базы, определяющей участие нотариуса в медиативной деятельности. В правовом поле законодателем был установлен механизм приобретения медиативным соглашением силы исполнительного документа [2]. Утвержденное в рамках судебного разбирательства, оно не вызывало трудностей в исполнении, тогда как в противном случае требовало обращения с новым иском. Досудебное соглашение, неисполненное добровольно, получило механизм обращения к исполнению без инициирования нового судопроизводства. Преимущества такого подхода явно прослеживаются как для общества, так и для государства: уменьшение нагрузки на судебные органы, снижение временных и денежных затрат участников. Нотариальное удостоверение не является безусловной гарантией от оспаривания. Следует также отметить, что отдельные лица будут недобросовестно пользоваться своими правомочиями. Но вероятность подобного свойственна и классическому судопроизводству [3, с. 11].

Статистика также свидетельствует о положительном восприятии данного нововведения в правовом поле. В ходе V Всероссийской конференции «Возможности применения процедуры медиации», проходившей в Общественной палате Российской Федерации 17 марта 2026 года, президентом Федеральной нотариальной палаты Константином Корсиком было объявлено о том, что с момента придания исполнительной силы нотариально удостоверенным медиативным соглашениям, нотариусы удостоверили около 3 тысяч соглашений, их число увеличивается в среднем на 10 % ежегодно.

Главой российского нотариата в рамках инициативы было внесено предложение о развитии института медиации. Спикер высказал мнение о расширении полномочий нотариуса путем разрешения заниматься медиативной деятельностью в отдельных сегментах правоотношений, что могло бы стать эффективной мерой в рамках производства по наследственным делам [4]. Недостаточная информированность медиатора и сторон медиации может сделать ее результат нарушающим права других лиц, нотариусы в свою очередь располагают сведениями и о круге наследников, и о составе наследственной массы, и воле наследодателя.

Взаимодействие нотариата и медиации имеет определенные недоработки. Существующий пробел в правовом регулировании обусловливается рамочным характером регламентирующей нормы (представляется, что он будет восполнен актами управомоченного ведомства, которые закрепят порядок нотариальных действий). Выход процесса удостоверения соглашения за пределы стандартной процедуры поднимает вопрос об уровне профессиональной подготовки нотариуса. От нотариуса требуется понимание природы работы медиатора, особенностей установившихся договоренностей, а также умение определять потенциально спорные условия. Представляет-

ся, что для его разрешения целесообразным будет введение дополнительного обучения нотариуса основам медиативной техники в рамках курсов повышения квалификации [5].

Европейская практика показывает эффективность данных правовых институтов. Активное вовлечение нотариусов в процедуру медиации (на примере опыта Австрии, Германии, Нидерландов, Республики Беларусь) позволило перенести долю споров в режим досудебного урегулирования, вместе с тем сделать более доступной возможность получения юридической помощи для граждан и несколько сократить нагрузку на судебную систему [6]. На почве укрепления международного сотрудничества профильная организация, созданная в 2022 году и объединяющая нотариальные палаты России, Беларуси, Казахстана, Армении, Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана, может стать уникальной платформой для обмена правовым опытом.

В контексте взаимодействия нотариата и медиации в гражданском обороте нотариус выступает гарантом действия заключенного соглашения, утверждая юридическую чистоту и обоснованность фиксируемых обстоятельств. Он является эффективным участником медиации, при этом долгосрочное доверие к данному институту в правовом поле и принцип содействия достижению согласия между сторонами не может рассматриваться как основание для полного их слияния. Существующая правовая конструкция взаимоотношений этих институтов показала свою жизнеспособность и продуктивность. Исходя из этого, представляется, что некоторое расширение полномочий и привлечение нотариуса к участию в процедуре медиации в том случае, если он исходя из специфики своей работы располагает сведениями важными для определения условий соглашения.

Пристатейный список литературы

1. *Ярков, В. В.* Медиация в нотариальной деятельности: возможности и опасности // Вестник гражданского процесса. – 2025. – № 4. – С. 18–27.
2. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате : утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1 (ред. от 04.08.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
3. *Ионова, Ю. А.* Нотариально удостоверенное медиативное соглашение как исполнительный документ // Проблемы и вызовы в развитии практики примирения : материалы II Всероссийской научно-практической конференции со студенческим участием, Хабаровск, 11 апреля 2025 года. – Хабаровск : Тихоокеанский государственный университет, 2025. – С. 10–12.
4. Роль нотариата в медиативных процедурах обсудили в Общественной палате // Федеральная нотариальная палата : сайт. – 2026. – 19 марта. – URL: https://xn--80aaxsfnme.xn--p1ai/ru-ru/news/rol-notariata-v-mediativnyh-procedurah-obsudili-v-obshestvennoj-palate-2603 (дата обращения: 20.09.2026).

5. *Багаутдинова, А. А., Горелов, М. В.* Медиация в нотариальной деятельности // Вестник науки. – 2025. – № 12 (93). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-v-notarialnoy-deyatelnosti-1 (дата обращения: 17.09.2026).
6. *Горина, А. В.* Медиация в нотариальной деятельности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 10-3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-v-notarialnoy-deyatelnosti (дата обращения: 17.09.2026).

УДК 347.65/.69

Екатерина Олеговна Лебедь,
студентка 4-го курса бакалавриата
Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
yekaterina.lebed.04@mail.ru

Научный руководитель:
Игорь Николаевич Демин,
кандидат философских наук, доцент кафедры
теории и истории государства и права,
заведующий кафедрой гуманитарных и специальных дисциплин
Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
knazigor1964@mail.ru

НАСЛЕДОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ: ИДЕНТИФИКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА КАК КЛЮЧЕВАЯ ПРОБЛЕМА НОТАРИАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация: Статья посвящена анализу проблемы идентификации цифровых активов в нотариальной практике при наследовании. Рассматриваются правовая природа цифровых активов, особенности их включения в наследственную массу и существующие подходы к определению их места в системе объектов гражданских прав. Особое внимание уделено исследованию трех взаимосвязанных барьеров – технического, инфраструктурного и правового, – препятствующих нотариусу достоверно установить принадлежность цифровых активов наследодателю. Приводятся позиции ученых по вопросам оборотоспособности цифровых прав, идентификации и управления цифровым наследством. Обосновывается необходимость комплексного подхода к преодолению выявленных барьеров. Формулируются предложения по совершенствованию законодательства, включающие нотариальное хранение криптографических ключей по модели эскроу, создание Единого реестра цифровых активов на базе Единой информационной системы нотариата и введение института цифрового исполнителя с нотариальной верификацией.

Ключевые слова: цифровые активы; цифровые права; наследование; нотариальная практика; идентификация имущества; приватный ключ.

Благодаря масштабной цифровизации отмечается тенденция возрастания ценности цифровых активов для современного человека. Они активно внедряются в гражданский оборот, что порождает потребность в упорядочении отношений, при которых владельцы криптовалют, токенов, аккаунтов в социальных сетях и компьютерных играх со временем могут становиться наследодателями.

Стремясь обеспечить правовую регламентацию цифровых активов, законодатель в статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) включил цифровые права в перечень объектов гражданских прав и ввел их легальное определение (ст. 141.1 ГК РФ) [1]. Это стало важным этапом включения виртуального имущества в наследственную массу: законодательное признание цифровых прав формально создает основу для универсального правопреемства. Однако, как отмечается в доктрине, юридическое признание цифрового наследства и его фактическая передача не являются тождественными. Нотариус, действуя в качестве публичного лица и гаранта бесспорности юридических фактов, оказывается перед основополагающей проблемой – необходимостью идентифицировать цифровые активы.

Цель настоящей статьи – выявить правовые и технические барьеры, препятствующие идентификации цифровых активов нотариусом, и предложить механизмы их преодоления.

Идентификация цифровых активов представляет собой многоаспектную проблему, в рамках которой технологические барьеры находятся в неразрывной взаимосвязи с пробелами правового регулирования. Первый и наиболее фундаментальный барьер имеет техническую природу и обусловлен особенностями приватного ключа. Именно приватный ключ выступает средством обеспечения контроля над криптовалютой; он представляет собой строку кода, не обладающую материальным носителем и не фиксируемую ни в одном государственном реестре.

Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П по делу Д. И. Тимченко признает криптовалюту имуществом: «Хотя использование цифровой валюты ограничено и не урегулировано во всех возможных аспектах, гражданское законодательство принципиально не препятствует тому, чтобы рассматривать ее как объект гражданских прав – в качестве «иного имущества» по смыслу статьи 128 ГК РФ» [2]. Однако данное положение не преодолевает технический барьер.

В рамках наследственного производства на нотариуса возлагается обязанность идентифицировать соответствующий актив и внести его в опись [3]. Однако приватный ключ или сид-фраза не относятся к объектам, подлежащим описанию в общепринятом понимании данного нотариального действия.

Как следствие, выдача нотариусом свидетельства о праве на наследство, включающего криптовалюту, не обеспечит доступ к кошельку при отсутствии у наследников приватных ключей. Формируется парадоксальная ситуация: наследник может обладать юридическим правом на цифровой актив, удостоверенным свидетельством, но при этом быть лишенным технической возможности распоряжения им. Второй барьер, носящий инфраструктурный характер, проявляется в невозможности для нотариуса обнаружить цифровые активы наследодателя по причине отсутствия доступа к необходимым базам данных. В качестве главной цифровой платформы, применяемой нотариусами, выступает Единая информационная система нотариата (ЕИС), обеспечивающая юридически значимый электронный документооборот [4]. Посредством указанной системы обеспечивается возможность формирования запросов в ведомства и организации, включая банковские учреждения, с целью выявления наследственного имущества умершего. К примеру, в данной системе функционирует сервис розыска имущества наследодателя в кредитных организациях, содержащий такие разделы, как «запросы в банк» и «запросы в Центральный каталог кредитных историй».

Однако для цифровых активов аналогичный механизм не предусмотрен из-за их децентрализованного характера. Так, при открытии наследственного дела в распоряжении нотариуса нет технических инструментов, позволяющих обратиться с запросом к распределенному реестру (блокчейну) для установления факта принадлежности конкретного кошелька наследодателю. Тем самым трудности при передаче доступа к цифровым активам наследникам обусловлены обезличенным характером виртуальных кошельков, не позволяющим установить принадлежность денежных средств.

Третий барьер заключается в наличии правовой неопределенности в сфере наследования цифровых активов, отражающей фундаментальное противоречие между их имущественной природой и технической недоступностью для традиционных нотариальных процедур.

По мнению Ю. С. Харитоновой, вопроса о наследовании цифровых прав не решает признание их имущественными. Она подчеркивает: «Возможности цифрового наследования по закону и завещанию ограничены в зависимости от объекта условиями договора и/или конституционным правом частных лиц на тайну частной жизни» [5, с. 5]. Более того, она делает акцент на том, что лишь оборотоспособные цифровые активы могут подлежать переходу в порядке универсального правопреемства. Следовательно, вне зависимости от выбранной законодателем модели регулирования, в каждом случае вопрос о включении конкретного цифрового актива в наследственную массу необходимо решать индивидуально.

А. Г. Лисицын-Светланов также указывает на сохраняющуюся проблему. По его мнению, хотя квалификация цифровых активов как имущества для целей наследования позволяет распространить на них общий режим наследования, вопросы их идентификации и управления по-прежнему остаются нерешенными [6, с. 48]. Это замечание демонстрирует разрыв между юридической

квалификацией и практическим воплощением: формально-юридическое признание цифрового актива имуществом не устраняет технического барьера.

Профессор А. Дейнеко акцентирует внимание на временном аспекте правового барьера. Как он подчеркивает, если придерживаться предусмотренного Гражданским кодексом полугодового срока до вступления в наследство, соответствующий цифровой актив может «умереть» и обесцениться [7]. Это означает, что существующее наследственное законодательство, ориентированное на традиционные активы, не учитывает специфику цифровых активов, способных утратить ценность в период принятия наследства.

Проведенное исследование позволяет разработать комплексный механизм для решения проблемы идентификации цифровых активов. Предлагается создать систему, которая позволяет преодолеть все три вышеупомянутые барьера – технический, инфраструктурный и правовой. Для этого необходимо включить в состав системы три компонента: нотариальное хранение криптографических ключей по модели эскроу, Единый реестр цифровых активов и цифрового исполнителя с нотариальной верификацией, которые будут дополнять друг друга.

Технический барьер, который обусловлен отсутствием материального носителя у приватного ключа, следствием чего является невозможность его описания в рамках традиционной нотариальной процедуры, преодолевается путем законодательного закрепления нотариального хранения криптографических ключей по модели эскроу. В рамках реализации модели наследодателю необходимо при жизни передать нотариусу зашифрованные данные доступа к цифровым активам. Полномочия нотариуса заключаются в принятии приватных ключей на хранение, использовании сертифицированных средств криптографической защиты информации в целях обеспечения их сохранности, а также проверке документов наследников при выдаче и непосредственно выдача ключей при наступлении определенных условий – смерти наследодателя, решения суда или иного события, указанного в соглашении. Данная модель позволит обеспечить баланс между сохранением конфиденциальности при жизни наследодателя и возможностью реализации наследниками своих прав, а также снизить риск утраты цифровых активов ввиду отсутствия у лиц технического доступа.

Инфраструктурный барьер, заключающийся в отсутствии у нотариуса технической возможности обнаружить цифровые активы наследодателя, преодолевается посредством создания Единого реестра цифровых активов (ЕРЦА) при ЕИС. При разработке данного реестра целесообразно использовать принцип «единого окна». Предлагается вменить в обязанность операторам информационных систем, включая операторов цифровых финансовых активов, криптобиржи, регистраторов доменов и владельцев крупных игровых платформ передавать в ЕРЦА обезличенные сведения (уникальные идентификаторы) о цифровых активах и их владельцах.

Данное нововведение позволит нотариусу в рамках наследственного дела направлять автоматизированный запрос через ЕИС, которая будет предо-

ставлять сведения о наличии цифровых активов у наследодателя и контактные данные операторов благодаря ЕРЦА. Тем самым данный реестр создает недостающее звено между децентрализованными системами и централизованным наследственным процессом, делая поиск нотариусом цифровых активов автоматизированным и сопоставимым по эффективности с уже существующим сервисом розыска имущества наследодателя путем формирования запросов в ведомства и организации.

Правовой барьер преодолевается посредством введения института цифрового исполнителя с нотариальной верификацией. Наследодатель обращается к нотариусу с заявлением о назначении цифрового исполнителя, в котором указываются персональные данные исполнителя, круг цифровых активов и объем полномочий. Нотариус удостоверяет заявление и выдает исполнителю специальное свидетельство, содержащее уникальный идентификатор для проверки через ЕИС. После открытия наследственного дела исполнитель предъявляет это свидетельство операторам информационных систем, которые проверяют его подлинность и предоставляют доступ к активам. Нотариус при этом не получает доступа к приватным ключам или паролям – он лишь подтверждает правовой статус исполнителя, что соответствует его публично-правовой функции и не требует технических компетенций.

Взаимодействие трех вышеописанных компонентов системы иллюстрирует комплексный подход к решению ключевой проблемы нотариальной практики, а именно идентификации имущества при наследовании цифровых активов. Научное обоснование предложенного комплекса опирается на развитие института душеприказчика применительно к цифровой сфере, на доктринальный запрос о переосмыслении его роли в отношении цифровых активов, а также на необходимость создания публичного механизма подтверждения полномочий лица, управляющего цифровым наследством.

Практическая значимость выражается в получении наследодателем возможности планировать судьбу находящихся в собственности цифровых активов при жизни, при этом избегая разглашения доступа к ним третьим лицам. Для наследников снижается риск утраты активов из-за невозможности доступа. Параллельно с этим происходит расширение сферы деятельности нотариуса, но он не принимает на себя технические риски. Таким образом, предложенная система представляет собой решение, которое адаптирует существующие правовые институты к стремительно изменяющейся цифровой среде и создает правовую определенность для всех участников цифрового наследственного оборота.

Пристатейный список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича» // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.09.2026).
3. Методические рекомендации по оформлению наследственных прав : утв. решением Правления ФНП от 25.03.2019, протокол № 03/19 (ред. от 28.07.2025) // Федеральная нотариальная палата : сайт. – URL: https://notariat.ru (дата обращения: 15.09.2026).
4. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате : утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1 (ред. от 04.08.2026) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 10. – Ст. 357.
5. *Харитонова, Ю. С.* Наследование цифровых активов / Ю. С. Харитонова // Нотариальный вестник. – 2020. – № 1. – С. 5–16.
6. *Лисицын-Светланов, А. Г.* Цифровые активы как объекты гражданских прав / А. Г. Лисицын-Светланов // Журнал российского права. – 2021. – № 12. – С. 41–55.
7. *Бурнов, В.* Питомец в игре и колонка с голосом бабушки: эксперт о цифровом наследстве / В. Бурнов // РАПСИ : сетевое издание. – 2025. – 18 дек. – URL: https://rapsinews.ru/digital_law_news/20251218/311454011.html (дата обращения: 18.09.2026).

УДК 347.65

Ольга Андреевна Маркова,
студентка 5-го курса специалитета
Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
lelya.markova.03@mail.ru

Научный руководитель:
Любовь Николаевна Сайганова,
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
lsaiganova@yandex.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ: ЦИФРОВОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена неизбежным столкновением процессов цифровизации повседневной жизни и консервативной системы наследственного права. Цель исследования заключается в выявлении юридических проблем на пути признания электронной формы завещательных распоряжений в Российской Федерации. В результате мы пришли к выводу, что внедрение цифрового завещания в российскую правовую систему должно идти не по пути отказа от нотариального контроля, а через его технологическую модернизацию.

Ключевые слова: наследственные правоотношения; завещание; цифровизация; электронная форма сделки; нотариат; электронная подпись.

Цифровая трансформация современного общества охватывает практически все институты гражданского права, но стоит отметить, что наследственное право остается одной из наиболее консервативных отраслей. Появление

принципиально новых объектов имущественного и неимущественного характера, например, цифровые активы, профили в социальных сетях, облачные хранилища, цифровая валюта, ставит перед юридической наукой вопрос: как обеспечить эффективный и безопасный переход таких прав по наследству?

Если рассматривать цифровое завещание с точки зрения формы, то обыденное представление о нем, как о завещании, составленном в электронном виде, подписанном электронной подписью и хранящемся на сервере, вступает в прямое противоречие со строгими требованиями наследственного права к форме завещательного распоряжения.

Согласно п. 1 ст. 1124 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) завещание должно быть составлено в письменной форме и удостоверено нотариусом. Несоблюдение установленных правил о письменной форме завещания и его удостоверении влечет за собой недействительность завещания [1].

Между тем современный гражданин ведет активную жизнь в виртуальном пространстве, где формирует значительный капитал. Отсутствие четких законодательных механизмов приводит к правовой неопределенности, конфликтам между наследниками, утрате цифровых активов и нарушению посмертной воли гражданина в отношении его цифровой личности [2, с. 115].

Цифровое завещание – это не просто завещание, составленное или удостоверенное с помощью электронных средств, а особый институт, регулирующий судьбу цифровых активов наследодателя, т. е. криптовалютных кошельков, облачных хранилищ, доменных имен, электронных писем и прочего цифрового имущества.

Показательно, что само это словосочетание используется в юридической литературе крайне неоднородно: одни авторы вкладывают в него смысл формы завещания, т.е. документ, созданный и хранимый в электронном виде, другие смысл содержания, т.е. завещание, распоряжающееся цифровыми активами, и эта терминологическая двойственность отражает более глубокую проблему, отсутствие устоявшегося понятийного аппарата в данной сфере.

Судебная и нотариальная практика постепенно вырабатывает собственные подходы, однако говорить о сложившейся доктрине пока рано. Несомненно, растущий объем цифровых активов, накапливаемых гражданином за жизнь, делает вопрос их наследования насущной практической проблемой. Достаточно вспомнить, что для многих людей содержимое почтового ящика или облачного архива фотографий представляет не меньшую ценность, эмоциональную, а порой и коммерческую, чем традиционное имущество. Отсюда и возникает потребность в специальном правовом механизме, который принято обозначать термином «цифровое завещание».

Е. О. Ананьева и М. Н. Махиборода определяют цифровое завещание как совокупность электронных данных, содержащих распоряжение лица на случай смерти в отношении его цифровых активов, прав и цифровой личности, созданных, подписанных и хранящихся с использованием цифровых технологий, обеспечивающих аутентификацию, конфиденциальность и неизменность волеизъявления [2, с. 115].

Ключевая идея введения данного института – это использовать цифровое завещание для фиксации, подписания и хранения таких данных как цифровые технологии, которые обеспечат аутентификацию, конфиденциальность и неизменность волеизъявления. В отличие от классического завещания, цифровое завещание должно учитывать специфику технического доступа. Юридического акта недостаточно, так как требуется передача ключей шифрования, паролей.

Цифровое завещание в узком смысле слова, т.е. электронный документ, не удостоверенный нотариусом традиционным образом, с этой точки зрения оказывается уязвимым: как проверить подлинность электронной подписи спустя годы после смерти наследодателя, как исключить возможность взлома аккаунта, через который такое завещание якобы было составлено?

Возможно, что решение этого противоречия лежит не в полной замене традиционной формы электронной, а в создании гибридной модели, при которой нотариально удостоверенное завещание содержит приложение, а именно цифровой реестр паролей и инструкций, обновляемый при жизни наследодателя без изменения основного документа. Именно такая модель обсуждается сегодня в нотариальном сообществе как наиболее реалистичная [3].

Чтобы понять, как работает пользовательское регулирование электронных завещаний, стоит обратиться к опыту крупных *IT*-компаний. Apple предлагает сервис *Digital Legacy* для распоряжаться *Apple ID*, а *Google LLC* – инструмент «на всякий случай» для аккаунтов Google [4, с. 362].

Отечественная доктрина также стремится развести цифровое завещание как акт распоряжения на случай смерти и институт «цифрового доступа», который решает более узкую техническую задачу, которая подразумевает под собой передачу паролей и учетных данных наследникам [5, с. 4]. Но все-таки эти два аспекта тесно переплетены: без физического или технического доступа к цифровому активу само по себе завещательное распоряжение им остается декларацией, лишенной практического смысла.

Возникает вопрос, можно ли распространить традиционные категории наследственного права, универсальное правопреемство, обязательная доля, свобода завещания, на объекты, чья природа принципиально отличается от вещей и даже от классических имущественных прав. Ответ на этот вопрос пока не найден в готовом виде, и именно поэтому понятие цифрового завещания остается предметом активной научной дискуссии, а не устоявшимся институтом.

Отдельного анализа заслуживает содержательная сторона цифрового завещания, т.е. то, какие именно объекты могут выступать предметом такого распоряжения. Здесь обнаруживается принципиальная неоднородность цифровых активов: одни из них имеют явную имущественную ценность и легко конвертируются в денежный эквивалент (криптовалюта, доменные имена, аккаунты с монетизацией, цифровые произведения искусства – так называемые *NFT*), другие обладают ценностью преимущественно личной (переписка, фотографии, профили в социальных сетях), а третьи занимают промежуточное положение (авторские права на цифровой контент, накопленный на монетизируемом канале) [6, с. 338].

Стремительная цифровизация общества и расширение состава наследственного имущества объективно требуют признание цифрового завещания как полноценного института гражданского права. Сохранение жесткой привязки к материальному бумажному носителю приводит к правовому вакууму в сфере управления цифровыми активами.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что следует признать, что цифровое завещание представляет собой не завершенный правовой институт, а формирующуюся конструкцию, которая находится в процессе становления одновременно на нескольких уровнях: терминологическом, так как отсутствует единое понимание самого термина, формальном, потому что, не решен вопрос о допустимой форме такого завещания и практическом, так как отсутствуют механизмы взаимодействия наследников, нотариусов и операторов цифровых платформ.

Само понятие цифрового завещания, вероятно, будет расщепляться на несколько более узких институтов: завещательное распоряжение цифровыми финансовыми активами, соглашение о посмертном доступе к личным данным, распоряжение цифровым творческим наследием, каждый из которых потребует собственного регулирования. Но при всей этой неизбежной дифференциации остается неизменным центральный тезис: смерть человека в цифровую эпоху перестает быть чисто биологическим и юридическим фактом в его традиционном понимании, поскольку она порождает целый шлейф вопросов о судьбе цифрового следа, оставленного человеком при жизни. Именно поэтому цифровое завещание, при всей незрелости этого института сегодня, обречено занять прочное место в системе наследственного права уже в ближайшие десятилетия.

Пристатейный список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.
2. *Ананьева, Е. О.* Цифровое завещание в современную эпоху: парадигмальный сдвиг и императивы изменения законодательства / Е. О. Ананьева, М. Н. Махиборода // Закон и право. – 2026. – № 1. – С. 114–118.
3. Наследование цифровых активов: российский и зарубежный опыт // Гарант : сайт. – URL: https://www.garant.ru/article/1464108/.
4. *Вавилин, Е. В.* Наследование цифровых прав в России / Е. В. Вавилин // Права человека и политика права в XXI в.: перспективы и вызовы : сб. науч. тр. по итогам Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Саратов : Саратовский источник, 2022. – С. 354–364.
5. *Андропова, Т. В.* Информационные технологии в наследственном праве / Т. В. Андропова // Наследственное право. – 2020. – № 2. – С. 3–6.
6. *Непомнящий, П. А.* Цифровое завещание как форма осуществления права наследования цифровых прав / П.А. Непомнящий // Правовая политика и правовая жизнь. – 2024. – № 4. – С. 333–339.

УДК 347

Марина Сергеевна Мережкина,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
гражданского и предпринимательского права
ВГУЮ (РПА Минюста россии), г. Москва, Россия
meregkina@mail.ru

ТЕНДЕНЦИИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ВОПРОСУ ПРИЗНАНИЯ НАСЛЕДНИКА НЕДОСТОЙНЫМ

Аннотация. Встатье рассматриваются вопросы судебной практики применения норм статьи 1117 Гражданского кодекса РФ о признании наследников недостойными. Делается вывод об изменении тенденций судебной практики применении статьи 1117 Гражданского кодекса РФ с учетом современной ситуации в обществе и государстве.

Ключевые слова: право собственности; наследование; недостойный наследник; имущество; судебная практика.

В 2001 году была принята третья часть Гражданского кодекса РФ [1]. Очевидно, что почти за 25 лет применения существенно изменилась обстановка в обществе и государстве, с 2022 года проводится специальная военная операция. Для эффективного применения норм в изменившихся обстоятельствах существует такой инструмент, как судебная практика. Закон не способен идеально описать многообразие жизненных ситуаций. Чтобы вынести решение, судье приходится толковать норму: раскрывать ее смысл, конкретизировать, «подстраивать» под обстоятельства дела.

Статья 1117 ГК РФ среди прочих называет недостойными наследниками граждан, злостно уклонявшихся от выполнения лежавших на них в силу закона обязанностей по содержанию наследодателя.

Пленум Верховного суда РФ разъяснил, какими доказательствами может подтверждаться факт злостного уклонения: «Суд отстраняет наследника

от наследования по указанному основанию при доказанности факта его злостного уклонения от исполнения обязанностей по содержанию наследодателя, который может быть подтвержден приговором суда об осуждении за злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, решением суда об ответственности за несвоевременную уплату алиментов, справкой судебных приставов-исполнителей о задолженности по алиментам, другими доказательствами» [4].

Таким образом, длительное время традиционным подходом судебной практики, разъясненным в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» был подход, при котором факт его злостного уклонения от исполнения обязанностей по содержанию наследодателя предполагал наличие уже зафиксированных фактов злостного уклонения от исполнения обязанностей по содержанию. Например, привлечение к административной ответственности по статье 5.35 Кодекса об административных правонарушениях РФ [2], к уголовной ответственности по статье 157 Уголовного кодекса РФ [3], документы и т.п.

Современные тенденции судебной практики демонстрируют значительное смягчение позиций в отношении формального доказывания факта злостного уклонения от исполнения обязанностей по содержанию наследодателя.

Так, в настоящее время существует возможность признания злостным такого уклонения, которое не имеет прямого документального подтверждения. Например, Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.04.2026 № 56-КГ26-4-К9 [5], в котором Верховный суд РФ признал отца погибшего на СВО военнослужащего недостойным наследником, так как он не принимал участия в воспитании сына и платил алименты в незначительном размере бывшей супруге, скрывал свой реальный доход.

Аналогичная позиция Верховного суда РФ наблюдается в Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.02.2026 № 47-КГ25-8-К6. Верховный Суд обратил особое внимание на то, что «суды первой и апелляционной инстанций, отказывая в удовлетворении исковых требований Г. П. Королевой, ограничились лишь суждением о том, что предусмотренных законом оснований для лишения А. В. Королева как родителя погибшего военнослужащего права на получение спорных выплат не имеется ввиду того, что ответчик не был лишен родительских прав в отношении своего сына Е. А. Королева к уголовной либо административной ответственности за неисполнение родительских обязанностей не привлекался, оставив без внимания то обстоятельство, что Г. П. Королева как в исковом заявлении, так и в ходе судебного разбирательства спора приводила в обоснование иска доводы о неисполнении А. В. Королевым предусмотренных Семейным кодексом Российской Федерации родительских обязанностей по воспитанию и содержанию сына, которые выражаются в заботе о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии ребенка, его обучении и материальном благополучии» [6].

Таким образом, в настоящее время значительно смягчена позиция судов по стандартам доказывания злостного уклонения от исполнения обязанностей по содержанию наследодателя, возможно использование любых доказательств, подтверждающих указанный факт, в том числе свидетельских показаний.

Пристатейный список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // Российская газета. – 2001. – 28 нояб.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Российская газета. – 2001. – 31 дек.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании» // Российская газета. – 2012. – 6 июня.
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.04.2026 № 56-КГ26-4-К9 // https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-27042026-n-56-kg26-4-k9-uid-25rs0025-01-2024-000757-80/?ysclid=muu38bwahu139854940.
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.02.2026 N 47-КГ25-8-К6 // https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-02022026-n-47-kg25-8-k6-uid-86rs0014-01-2023-001143-98/.

УДК 347

Карина Александровна Свищенкова,
студентка 4-го курса юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
kasv-2004@mail.ru

Научный руководитель:
Марина Сергеевна Мережкина,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского и предпринимательского права юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
meregkina@mail.ru

К ВОПРОСУ О НАСЛЕДОВАНИИ КРИПТОВАЛЮТЫ И ОСОБЕННОСТЯХ ЕЕ ЗАВЕЩАНИЯ

Аннотация. Динамичное развитие цифровых технологий кардинально меняет структуру наследственной массы современного человека. Переход ценных активов в цифровую среду требует адаптации классических институтов гражданского права к новым технологическим реалиям. В данной статье рассматриваются правовые и технические особенности наследования криптовалюты, а также специфика совершения завещательных распоряжений в отношении виртуальных активов. Особое внимание уделяется анализу пробелов в действующем законодательстве, балансу конфиденциальности блокчейн-сетей и исполнимости воли наследодателя, а также выработке практических рекомендаций по правовому оформлению передачи криптоактивов правопреемникам.

Ключевые слова: криптовалюта; наследование; завещание; цифровые активы; наследственное правопреемство.

В настоящее время соразмерно увеличению областей знаний развитие цифровой экономики приводит к формированию специфического имущественного оборота отдельных объектов, существование и использование которых непо-

средственно связаны с информационными технологиями. Одним из таких объектов выступает криптовалюта, распоряжение которой производится с использованием криптографических ключей и специализированных электронных кошельков. Пока владелец жив, распоряжение таким активом осуществляется непосредственно им самим и, как правило, не вызывает вопросов, связанных с переходом имущества к другим лицам. После смерти ситуация меняется. Возникает необходимость установить, действительно ли конкретная криптовалюта принадлежала наследодателю, каким образом включить ее в состав наследства и, что имеет не меньшее значение, как предоставить наследнику возможность фактически распорядиться полученным активом.

Завещание представляет собой институт, регулирующий переход имущества, прав и обязанностей от умершего лица к его наследникам. Вместе с тем завещание является личным распоряжением гражданина принадлежащим ему имуществом на случай смерти, сделанным в предусмотренной законом форме, причем совершение такого распоряжения через представителя не допускается. Из буквального содержания статьи 1118 Гражданского кодекса Российской Федерации следует, что завещание связано непосредственно с личностью завещателя и выражением его собственной воли. При наследовании криптовалюты это приобретает дополнительное значение, поскольку недостаточно только лишь назвать наследника. В распоряжении желательно определить и само имущество таким образом, чтобы после открытия наследства его можно было соотнести с конкретным цифровым активом.

Согласно статье 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации в состав наследства входит принадлежавшее наследодателю на день открытия наследства имущество, в том числе имущественные права и обязанности, кроме тех из них, которые связаны с личностью наследодателя либо не могут переходить в порядке наследования. Криптовалюта здесь занимает особое положение не столько из-за способа ее использования, сколько из-за способа фиксации сведений о ней. В России официального признания этого факта нет, однако судебные органы позиционируют сделки с криптовалютой как законные и имущественные [1, с. 359]. Информация о движении средств отражается в распределенном реестре, где операции связываются с определенными адресами. При этом сам адрес не содержит сведений о лице, которому он принадлежит. В блокчейне можно увидеть движение криптовалюты, но не всегда можно увидеть человека, который контролирует соответствующий кошелек. Операторы информационных систем (криптобиржи, социальные сети) часто отказываются раскрывать данные третьим лицам, ссылаясь на внутренние правила конфиденциальности. Это противоречит базовым принципам наследственного права, согласно которым имущество умершего должно быть доступно для включения в наследственную массу [2, с. 493].

По этой причине принадлежность цифрового актива приходится устанавливать посредством совокупности других сведений. Ими могут выступать документы о приобретении криптовалюты, банковские переводы, данные криптовалютной биржи, история операций, переписка, сведения с электрон-

ных устройств и иные цифровые следы. Если актив приобретался через организацию, которая проводила идентификацию пользователя, задача несколько упрощается, поскольку учетная запись конкретного лица связана с совершенными им операциями. При использовании некастодиального кошелька такая связь уже не является очевидной: приватный ключ находится у пользователя, а блокчейн фиксирует только перемещение средств между адресами. Поэтому одного факта нахождения криптовалюты на определенном адресе недостаточно для того, чтобы автоматически связать ее с наследодателем.

При составлении завещания может быть указан вид цифровой валюты, соответствующая блокчейн-сеть и публичный адрес кошелька. Такая детализация позволяет впоследствии определить, о каком именно активе идет речь. Возможная формулировка может быть следующей: «Все мои цифровые валюты, цифровые права, находящиеся на принадлежащих мне криптографических кошельках, в полном объеме я завещаю...». При этом публичный адрес выполняет скорее идентифицирующую функцию. Он позволяет обнаружить кошелек и проверить движение средств, но не дает возможности распоряжаться ими. Для этого нужен приватный ключ либо *seed*-фраза. В результате может возникнуть ситуация, когда наследник имеет свидетельство о праве на наследство, знает адрес кошелька и даже видит находящуюся на нем криптовалюту, но перевести ее не способен. Если необходимые сведения для восстановления доступа утрачены, наличие оформленного наследственного права само по себе проблему не решает.

Отсюда возникает вопрос о хранении данных, посредством которых осуществляется доступ к криптовалюте. Одним из возможных вариантов является закрытое завещание. В этом случае завещатель самостоятельно составляет и подписывает документ, после чего передает его нотариусу в заклеенном конверте в присутствии двух свидетелей. Приватный ключ или *seed*-фразу при этом необязательно включать в само завещание. Более того, их хранение отдельно от текста распоряжения позволяет не раскрывать сведения, которые непосредственно обеспечивают контроль над активом. Аппаратный кошелек, резервная копия *seed*-фразы либо инструкция по восстановлению доступа могут находиться в банковской ячейке. Механизм правового регулирования наследования криптовалютных активов требует дальнейшего совершенствования путем введения специализированных норм охранении конфиденциальных данных у нотариусов, расширении их полномочий по запросам в налоговые органы и адаптации институтов выморочного имущества к цифровой среде [3, с. 275]. Другой вариант связан с передачей соответствующих сведений доверенному лицу. Здесь уже возникает риск преждевременного доступа к активу, поэтому порядок хранения должен быть организован таким образом, чтобы переданные сведения не позволяли распорядиться криптовалютой до наступления предусмотренного момента. В банковской ячейке может храниться не только сам аппаратный кошелек. Там же возможно разместить отдельный носитель с резервной копией необходимых данных, сведения о порядке восстановления доступа или инструкцию для наследника. Такой вариант интересен тем, что юридическое распоряжение

и технические средства получения криптовалюты не находятся в одном месте. Наследник получает сведения о порядке наследования, а доступ к активу осуществляется уже после выполнения необходимых наследственных процедур.

Наследственный договор позволяет заранее определить иной порядок перехода цифрового имущества. Статья 1140.1 Гражданского кодекса Российской Федерации предусматривает возможность установить круг наследников, порядок перехода имущества и обязанности участников, связанные с наступлением определенных обстоятельств. Для криптовалюты это может иметь отношение не только к тому, кому перейдет актив, но и к сохранению самого кошелька, передаче необходимых сведений и выполнению действий, без которых получение цифрового имущества окажется невозможным. В результате наследодатель заранее определяет не только получателя, но и порядок обращения с активом после его смерти. С профессиональным правовым подходом процесс наследования криптовалюты станет более безопасным и эффективным для всех сторон и участников в рамках правового поля [4, с. 192].

При этом техническая сторона вопроса может решаться посредством мультиподписных кошельков. Для проведения операции в такой системе необходимо несколько ключей, причем они могут находиться у разных лиц. Например, один ключ хранится у наследодателя, второй у наследника, третий у доверенного лица. Пока установленное количество ключей не будет использовано для подтверждения операции, совершить перевод невозможно. Для хранения таких ключей могут применяться аппаратные устройства *Ledger* и *Trezor*. Подобная конструкция позволяет распределить контроль над криптовалютой и не связывать возможность ее получения с одним человеком или одним носителем. Еще один вариант связан со смарт-контрактами. В программном коде заранее устанавливаются условия, после наступления которых предусмотренная операция выполняется автоматически. Применительно к наследованию речь может идти, например, о переводе средств на определенный адрес после установленного периода отсутствия активности владельца. Однако сама техническая возможность такого перевода не отвечает на вопрос, кому юридически принадлежал актив и на каком основании он должен перейти конкретному лицу. Поэтому смарт-контракт решает техническую часть задачи, но не заменяет установленный законом порядок наследования.

Наиболее наглядно сочетание указанных вопросов можно рассмотреть на примере криптовалюты *Gram* (*GRAM*), функционирующей в блокчейн-сети TON, при использовании некастодиального кошелька *Tonkeeper*. Пользователь такого кошелька самостоятельно распоряжается средствами доступа, а информация о совершенных операциях отражается в блокчейне. Публичный адрес кошелька в сети *TON* может быть включен в завещание вместе с указанием соответствующей цифровой валюты. После открытия наследства это позволит определить конкретный адрес и проверить движение средств. Сам адрес при этом не является секретной информацией. Секретными остаются приватный ключ и *seed*-фраза, поскольку именно они позволяют распоряжаться находящейся на кошельке криптовалютой.

Проблема подтверждения принадлежности цифрового актива уже возникала в российской судебной практике. В Апелляционном определении судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 24 августа 2021 года по делу № 33-34128/2021 рассматривался спор, связанный с отказом нотариуса в выдаче свидетельства о праве на наследство в отношении цифровых активов [5, с. 16]. Заявитель ссылался, в частности, на заверенный нотариусом скриншот переписки о приобретении криптовалюты и чек, подтверждавший оплату. Однако этих документов оказалось недостаточно для подтверждения того, что приобретенная криптовалюта действительно принадлежала наследодателю. Наличие переписки показывало обсуждение приобретения, а платежный документ подтверждал перечисление денежных средств, но связь между этими обстоятельствами и конкретным цифровым активом установлена не была.

Таким образом, при наследовании криптовалюты недостаточно подтвердить только факт ее приобретения. Необходимо проследить дальнейшее движение средств и установить, каким образом они оказались на конкретном адресе. В зависимости от обстоятельств этому могут способствовать данные биржевой учетной записи, история транзакций, сведения с электронных устройств, переписка, банковские документы и иные цифровые следы. Чем больше таких сведений связывает наследодателя с определенным кошельком, тем полнее восстанавливается цепочка движения актива. При наличии в завещании вида цифровой валюты, указания блокчейн-сети и публичного адреса задача определения состава наследства становится более конкретной. Но даже в этом случае остается последний элемент, без которого цифровое имущество может остаться недоступным для наследника, а именно сохранность приватного ключа или *seed*-фразы.

Пристатейный список литературы

1. *Загорских, С. А.* О возможности наследования криптовалюты // Право и управление. – 2023. – № 12. – С. 358–363.
2. *Мусатов, М. А.* Наследование цифровых активов в Российской Федерации: проблемы правового регулирования и перспективы совершенствования // Право и управление. – 2026. – № 4. – С. 492–497.
3. *Алексиков, О. Е.* Правовое регулирование наследования криптовалютных активов в Российской Федерации / О. Е. Алексикова, А. Е. Ястребов, А. С. Извеков // Право и практика. – 2025. – № 4. – С. 271–275.
4. *Матвеев, Д. А.* Современные юридические аспекты в сфере наследования криптовалюты / Д. А. Матвеев, Р. Р. Садеков // Право и практика. – 2025. – № 1. – С. 186–192.
5. *Бегичев, А. В.* Проблемы правового регулирования наследования криптовалют / А. В. Бегичев, С. С. Рисовская // Наследственное право. – 2023. – № 3. – С. 15–18.

УДК 347

Анна Сергеевна Семкина,
аспирант 2-го курса
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
semkinaas@bk.ru

Научный руководитель:
Марина Николаевна Илюшина,
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕХОДА ДОЛИ В ООО К НАСЛЕДНИКАМ: ОТ УНИВЕРСАЛЬНОГО ПРАВОПРЕЕМСТВА К КОРПОРАТИВНОМУ ФИЛЬТРУ

Аннотация. В статье исследуется специфика перехода доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью к наследникам участника на стыке наследственного и корпоративного права. Особое внимание заостряется на механизме корпоративного фильтра, который выражается в возможности установления в уставе запрета на переход доли к наследникам или необходимости получения согласия. В этой связи автор делает выводы о наличии проблемных вопросов, касающихся момента возникновения права на выражение согласия участников и возможности избирательного согласия в отношении конкретных наследников, также анализируя их.

Ключевые слова: наследование доли; переход прав на долю; действительная стоимость доли; согласие участников; корпоративное право.

Переход доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (далее – ООО) к наследникам его участника обладает особой специфи-

кой в силу одновременного применения норм наследственного и корпоративного права в регулировании такого переход.

Доля в уставном капитале в силу своего особенного правового режима имеет самостоятельную имущественную ценность и может входить в состав наследства и в тоже время выступать средством фиксации корпоративных прав участника ООО [1, с. 3]. В этой связи, смерть участника запускает сложный процесс перехода прав на принадлежащую ему долю к его наследниками.

Помимо приобретения наследником участника имущественных прав на долю в порядке наследования для определения дальнейшей судьбы унаследованной доли необходим целый комплекс мероприятий, предусмотренных наследственным и корпоративным законодательством.

Так, в силу ст. 1152 и 1162 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) для приобретения прав на долю в единоличную собственность наследник должен принять наследство [2]. В отношении доли в ООО ст. 21 Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО) устанавливает дополнительные правила перехода доли к наследнику. Наследование как универсальное правопреемство входит в систему оснований для перехода прав на долю, предусмотренную п. 1 ст. 21 Закона об ООО. В силу п. 8 той же статьи «доли в уставном капитале общества переходят к наследникам граждан и к правопреемникам юридических лиц, являвшихся участниками общества, если иное не предусмотрено уставом общества с ограниченной ответственностью» [3]. Таким образом, Закон об ООО допускает уточнение процедуры приема наследника в общество посредством его устава с целью обеспечения постоянного состава участников и недопущения вхождения в него нежелательных лиц при уважении автономии воли участников [4, с. 36; 5, с. 41]. Данное положение обусловлено существенным значением личности участника в силу лично-доверительного характера участия в ООО.

В этой связи устав ООО может закреплять один из трех вариантов регулирования перехода доли к наследникам: 1) переход без каких-либо ограничений, т.е. для приобретение статуса участника наследнику не требуется получение согласия участников и дополнительных корпоративных процедур; 2) переход обусловленный получением согласия участников ООО (ограничение); 3) прямой запрет на переход доли к наследникам.

Если устав ООО не содержит ограничения или запрет на переход доли к наследникам, то наследник становится участником общества без дополнительных корпоративных согласительных процедур, известив общество и орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц посредством подачи заявления о внесении соответствующих изменений в единый государственный реестр юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ), приложив документ, подтверждающий переход прав на долю к наследнику, то есть свидетельство о праве на наследство. В этом случае наследник приобретает статус участника ООО автоматически, с момента открытия наследства, при этом момент внесения сведений в ЕГРЮЛ носит правоподтверждающий характер [6; 7; 8; 9].

Однако, важно отметить, что при автоматическом переходе доли в ООО, при отсутствии корпоративного фильтра в виде ограничения или запрета на переход, наследник участника, как справедливо отмечает, Т. А. Батрова, лишен права выбора: присоединяться к составу участников ООО или нет [5, с. 45–46]. Закон об ООО не предусматривает возможности для наследника отказаться от приобретения статуса участника.

Если же устав ООО обуславливает переход доли к наследникам получением согласия остальных участников либо прямо запрещает такой переход, то, наследник, приобретший в порядке наследования имущественные права на долю, не приобретает автоматически статус участника ООО. Юридические последствия отказа в согласии либо наличия запрета на переход доли идентичны: доля переходит к обществу, а наследник наделяется правом требования к обществу о выплате действительной стоимости доли, что предусмотрено п. 5 ст. 23 Закона об ООО [3]. При этом, в случае автоматического перехода доли и приобретения статуса участника ООО, о котором было указано выше, наследник не вправе требовать выплаты действительной стоимости доли.

Проведенный анализ также позволяет установить, что переход доли в уставном капитале ООО к наследникам участника представляет собой не единый юридический факт, влекущий возникновение правоотношений между обществом и наследником его участника, а цельный юридический состав, включающий как факты наследственного права, так и корпоративного. При этом элементы такого состава также зависят от положений устава конкретного ООО.

Вместе с тем внимания заслуживают и некоторые проблемы предоставления согласия на переход доли к наследнику, на которые также указывают ученые, в том числе Т. А. Батрова, Ю. С. Поваров.

Одной из таких проблем является определением момента возникновения у участников права выразить (не)согласие. Дело в том, что Закон об ООО допускает установление ограничений в форме необходимости получения согласия участников на переход доли к наследникам и порядок предоставления такого согласия, но не дает ответов на вопрос о том, с какого момента у оставшихся участников возникает право выразить свою волю по вопросу о переходи доли к наследнику: с момента получения обществом сведений о смерти участника, что законодательно никак не формализовано, либо с момента направления наследником обращения и свидетельства о праве на наследство, когда круг наследников определен [5, с. 41; 10].

Первый обозначенный подход обеспечивает оперативность и правовую определенность для общества, поскольку позволяет заблаговременно определить структуру корпоративного контроля в обществе; второй – защищает интересы наследников, предотвращая обсуждение их судьбы до завершения формирования круга наследников.

В последнее время правоприменительная практика по данному вопросу все же склоняется к первому варианту [11; 12; 13]. Однако в ст. 21 Закона об ООО имеется норма, регулирующая порядок получения согласия, а именно, что оно считается полученным при условии, что всеми участниками обще-

ства в течение тридцати дней или иного определенного уставом срока со дня получения соответствующего обращения или оферты обществом в общество представлены составленные в письменной форме заявления о согласии либо в течение указанного срока не представлены составленные в письменной форме заявления об отказе от дачи согласия [3]. Автор придерживается позиции о допустимости выражения (не)согласия участником заранее, поскольку наследники не лишаются права на выплату действительной стоимости доли.

Открытым здесь остается вопрос о моменте возникновения у наследника права требовать выплаты действительной стоимости доли в ситуации, когда отказ на переход доли к наследнику был выражен участником заранее (до обращения наследника в ООО).

Положения п. 5 ст. 23 Закона об ООО связывают переход доли к обществу с истечением тридцатидневного (либо иного установленного уставом) срока, предоставленного участникам для заявления согласия или отказа, тогда как подп. 5 п. 7 той же статьи – с датой получения отказа от дачи согласия. При явном волеизъявлении участников в судебной практике приоритет отдается второму правилу [10].

Однако буквальное применение данного правила к ситуации заранее выраженного отказа невозможно, поскольку, как обоснованного отмечает Ю.С. Поваров, юридические последствия в виде перехода доли к обществу могут наступить не ранее наступления события, образующего основание для перехода доли – открытия наследства [10]. До этого момента у наследника отсутствует само имущественное право на долю, а значит, не может идти речь не о переходе доли к ООО, ни о возникновении права требования о выплате ее действительной стоимости.

По нашему мнению, поскольку отказ участника в рассматриваемой ситуации уже выражен и не нуждается в последующем подтверждении, отсутствуют и основания для применения к наследнику правил, предусмотренных п. 5 ст. 23 Закона об ООО, – данный срок рассчитан на случаи, когда воля участников на момент обращения наследника в ООО еще не известна и не выражена. Однако необходимо учесть, что наследник должен подтвердить факт приобретения им имущественных прав на долю – предоставив обществу свидетельство о праве на наследство, на основании которого он сможет требовать выплаты действительной стоимости доли при отказе участников общества принять его. Следовательно, представляется обоснованным признать, что право наследника требовать выплаты действительной стоимости доли, в случае выражения участниками ООО отказа заранее, возникает в моментполучения им указанного свидетельства.

Следующая проблема – избирательность участников общество при выражении (не)согласия на переход доли к наследникам. Вопрос заключается в том, вправе ли участники ООО дифференцированно выразить согласие в отношении одних наследников и отказ – в отношении других, либо решение о согласии (отказе) должно приниматься в отношении всех наследников как единого целого. Наследники, приобретая права на долю в порядке наследования, становятся сособственниками прав на эту долю на праве общей долевой

собственности и наследуют в один и тот же момент. Предполагается, что наследники находятся в равном положении по отношении друг к другу и, в следствие этого, перед обществом. При этом одновременно нельзя и игнорировать автономию воли участников общества и их интересы: участники общества могут быть заинтересованы в конкретном наследнике (личности) как своем будущем партнере, а не только в абстрактном факте наследственного правопреемства, что оправдывает постановку вопроса об индивидуализации согласия.

В правоприменительной практике по данному вопросу отсутствует четкая позиция. Так, по одному из дел суд указал, что при наличии нескольких наследников участники общества вправе дать согласие или отказать в нем только в отношении всех наследников в целом, не выбирая между их личностями [14]. Между тем подобное ограничение прямо не следует из содержания п. 8 ст. 21 Закона об ООО, который не устанавливает каких-либо требований к кругу лиц, в отношении которых участники ООО выражают свою волю, в связи с чем в литературе высказывается и обратное предложение – прямо закрепить право участников выражать согласие в отношении одних наследников и отказывать в этом другим [15].

Представляется, что ни одно из приведенных решений не может быть признано универсальным. Принцип универсальности правопреемства и равенства наследников обосновывает необходимость единого волеизъявления участников ООО в отношении всех наследников, поскольку произвольная дифференциация ставит одних наследников в привилегированное положение по отношению к другим, что может спровоцировать конфликт интересов внутри группы наследников. Вместе с тем, на наш взгляд, это не может иметь и императивный характер, поскольку возможность ограничения перехода доли к наследников в целом коррелируется с лично-доверительных характером отношений в ООО.

В заключение необходимо отметить следующее. Переход доли в уставном капитале ООО к наследникам его участника не является единым юридическим фактом, а представляет собой сложный юридический состав, объединяющий элементы наследственного и корпоративного права.

Универсальное правопреемство обеспечивает автоматический и безусловный переход имущественных прав на долю с момента открытия наследства, тогда как приобретение наследником статуса участника общества и связанных с ним корпоративных прав зависит от содержания устава общества и может быть обусловлено дополнительным корпоративным фильтром в виде необходимости получения согласия остальных участников или полного запрета.

В месте с тем действующее регулирование процедуры получения согласия сохраняет ряд неопределенностей – в части момента возникновения у участников права выразить свою волю, правового режима заранее данного (не)согласия, момента возникновения у наследника права на выплату действительной стоимости доли при заранее заявленном отказе, а также допустимости избирательного согласования кандидатур нескольких наследников.

Устранение указанных пробелов требует не точечных изменений отдельных норм, а формирования целостного подхода к регулированию перехода

доли к наследникам, учитывающего одновременно принципы универсальности и равенства наследников, а также автономию воли участников общества и лично-доверительный характер отношений в ООО.

Пристатейный список литературы

1. *Филиппова, С. Ю.* Обеспечительная продажа доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2026. – № 8. – С. 3–9.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.
3. Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. – 1998. – № 7. – Ст. 785.
4. *Левушкин, А. Н.* Переход доли в обществе с ограниченной ответственностью в порядке наследования: основания и механизм // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2026. – № 8. – С. 35–40.
5. *Батрова, Т. А.* Получение согласия участников ООО на переход доли наследникам и пережившему супругу: теория и практика // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2026. – № 8. – С. 41–45.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании»// Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 7.
7. Обобщение судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2024. – № 2.
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.03.2023 № Ф05-1866/2023 по делу № А40-170985/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 20.01.2025 № Ф06-5335/2024 по делу № А57-439/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
10. *Поваров, Ю. С.* Заранее данное несогласие участника общества с ограниченной ответственностью на переход доли в уставном капитале к третьему лицу // Вестник арбитражной практики. – 2025. – № 6. – С. 3–11.
11. Определение Верховного Суда РФ от 20.11.2018 № 308-ЭС18-18998 по делу № А63-12424/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.03.2022 № Ф05-2915/2022 по делу № А40-126223/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 13.11.2024 № Ф10-5020/2024 по делу № А68-15460/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 15.11.2024 № Ф10-5115/2024 по делу № А23-6903/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
15. *Максуров, А. А.* Актуальные проблемы отчуждения акций и долей в уставном капитале хозяйственных обществ : монография. – М. : Юстицинформ, 2021.

УДК 341.9

София Романовна Трускалова,
студентка 4-го курса юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
sofiatruskalova2006@gmail.com

Научный руководитель:
Марат Юрьевич Барышников,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского и предпринимательского права
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И НАСЛЕДОВАНИЯ ЦЕННЫХ БУМАГ, ПРИНАДЛЕЖАВШИХ НАСЛЕДОДАТЕЛЮ

Аннотация. В статье рассматриваются правовые проблемы выявления и наследования ценных бумаг, принадлежавших наследодателю. Анализируются положения гражданского законодательства о включении ценных бумаг в состав наследства, полномочия нотариуса по установлению наследственного имущества и особенности перехода прав на бездокументарные ценные бумаги. Предлагаются направления совершенствования правового регулирования.

Ключевые слова: наследование; ценные бумаги; наследодатель; наследственное имущество; нотариус; акции; бездокументарные ценные бумаги.

Наследование ценных бумаг представляет собой одно из направлений наследственных правоотношений, имеющее особое практическое значение. Основная сложность заключается не только в оформлении перехода прав к наследникам, но и в своевременном выявлении принадлежащих наследодателю активов. Наследники могут не располагать сведениями об акциях, облигациях и иных ценных бумагах, особенно если права учитываются в реестре владельцев ценных бумаг или на счете депо.

В результате имущество, которое должно входить в наследственную массу, может остаться невыявленным, а наследники – не реализовать предоставленные им законом права. Поэтому актуальным является исследование действующих механизмов установления состава наследства и оформления прав на ценные бумаги.

В соответствии со статьей 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) к объектам гражданских прав относятся вещи, иное имущество, в том числе имущественные права. При этом документарные ценные бумаги относятся к вещам, а бездокументарные – к иному имуществу [1]. Понятие ценной бумаги закреплено в статье 142 ГК РФ.

Согласно статье 1112 ГК РФ в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности. Исключение составляют права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя, а также те, переход которых в порядке наследования не допускается законом [2].

Следовательно, ценные бумаги могут входить в состав наследства, если на день его открытия они принадлежали наследодателю и отсутствуют законодательные ограничения на переход соответствующих прав. При этом необходимо учитывать различия между документарными и бездокументарными ценными бумагами.

В отношении документарных ценных бумаг существенное значение имеют наличие самого документа и подтверждение принадлежности его наследодателю. Для бездокументарных ценных бумаг основное значение имеют сведения учетной системы, в которой фиксируются права владельцев.

В соответствии со статьей 149.2 ГК РФ переход прав на бездокументарные ценные бумаги осуществляется посредством внесения соответствующей записи по лицевому счету или счету депо в предусмотренном законом порядке. При наследовании основанием для перехода прав служит свидетельство о праве на наследство с учетом требований законодательства о рынке ценных бумаг.

Таким образом, правовой режим ценных бумаг требует не только установления факта их принадлежности наследодателю, но и соблюдения специальной процедуры оформления перехода прав [5, с. 94].

Одной из наиболее существенных проблем является отсутствие у наследников полной информации об имуществе умершего. Наследодатель мог приобретать ценные бумаги много лет назад, пользоваться услугами разных брокеров, регистраторов и депозитариев либо не сообщать родственникам о наличии инвестиционных активов.

В соответствии со статьей 1171 ГК РФ нотариус принимает меры по охране наследства и управлению им. Пункт 3 указанной статьи предусматривает обязанность банков, других кредитных организаций и иных юридических лиц предоставлять нотариусу по его запросу сведения об имуществе, принадлежавшем наследодателю. Полученные сведения могут быть сообщены нотариусом исполнителю завещания и наследникам в установленных законом пределах.

Кроме того, статьи 64–66 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате регулируют вопросы охраны наследственного имущества и принятия соответствующих мер нотариусом [4].

Однако практическая эффективность выявления ценных бумаг зависит от того, насколько точно определены организации, располагающие необходимой информацией. Если наследники не знают, через какого брокера приобретались бумаги или где учитывались права на них, поиск имущества может оказаться затруднительным.

Важное значение при наследовании ценных бумаг имеет установление их принадлежности наследодателю и определение организации, осуществляющей учет прав на них. В соответствии с пунктом 3 статьи 1171 ГК РФ юридические лица обязаны по запросу нотариуса сообщать сведения об имуществе, принадлежавшем наследодателю. Информация о наличии акций и облигаций может быть получена от регистратора, ведущего реестр владельцев ценных бумаг, либо от депозитария, осуществляющего учет прав на них [6].

При этом наследникам необходимо обратиться к нотариусу с заявлением о принятии наследства в течение шести месяцев со дня его открытия. После получения свидетельства о праве на наследство наследник представляет его регистратору или депозитарию для внесения соответствующей записи по счету. Таким образом, оформление наследственных прав на ценные бумаги предполагает последовательное взаимодействие нотариуса, наследников и организаций, осуществляющих учет прав на соответствующие активы.

Вместе с тем на практике выявление ценных бумаг может быть затруднено, если наследники не располагают сведениями об их наличии или не знают, в какой организации учитываются права наследодателя. Это подтверждает необходимость совершенствования информационного взаимодействия нотариусов с профессиональными участниками рынка ценных бумаг.

Дополнительное значение имеет Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» [3]. Его положения регулируют деятельность профессиональных участников рынка и учет прав на ценные бумаги, в том числе посредством ведения реестров и депозитарного учета.

При этом сведения о наличии ценных бумаг и документы, необходимые для оформления наследства, могут находиться у разных организаций. Поэтому нотариусу необходимо установить не только сам факт существования актива, но и лицо, осуществляющее учет прав, вид ценных бумаг и количество принадлежащих наследодателю бумаг.

Согласно статье 1162 ГК РФ свидетельство о праве на наследство выдается наследникам, а при выявлении дополнительного наследственного имущества после его выдачи может быть оформлено дополнительное свидетельство. Данное правило позволяет учитывать имущество, обнаруженное после первоначального оформления наследственных прав, однако не устраняет трудностей его первоначального выявления.

Представляется целесообразным развивать электронное взаимодействие нотариусов с регистраторами, депозитариями и иными организациями, рас-

полагающими сведениями о ценных бумагах. Такой механизм позволил бы сократить сроки поиска имущества и уменьшить риск того, что активы останутся вне состава оформленного наследства.

Особые сложности могут возникать при наследовании акций, приобретенных в период приватизации государственных и муниципальных предприятий. Значительное время, прошедшее с момента приобретения, изменение наименований организаций, реорганизация юридических лиц и смена регистраторов способны затруднить установление актуального статуса таких акций.

Документы о приобретении акций или участии в приватизации могут служить основанием для дальнейшей проверки, однако сами по себе не всегда подтверждают наличие соответствующих прав на дату открытия наследства. Необходимо установить, сохранились ли права наследодателя, не были ли акции отчуждены, конвертированы или погашены, а также в какой организации учитываются права на них.

Если принадлежность ценных бумаг оспаривается либо между заинтересованными лицами имеется спор о праве, вопрос должен разрешаться с учетом характера заявленных требований и предусмотренного законом порядка судебной защиты. Установление юридического факта в особом производстве не может подменять разрешение спора о праве.

Отдельные вопросы возникают при наследовании ценных бумаг, учет которых связан с иностранными организациями или иностранной юрисдикцией. В таких случаях необходимо разграничивать право, применимое к наследованию, и нормы, регулирующие учет и переход прав на соответствующие активы. В соответствии со статьей 1224 ГК РФ наследственные отношения по общему правилу определяются правом страны, где наследодатель имел последнее место жительства, с учетом предусмотренных этой статьей исключений. Само по себе нахождение счета в иностранной организации не означает автоматического применения права этой страны ко всем вопросам наследования.

Для повышения эффективности защиты прав наследников представляется необходимым совершенствовать порядок информационного взаимодействия нотариусов с профессиональными участниками рынка ценных бумаг, разрабатывать методические рекомендации по поиску активов и унифицировать требования к запросам о наличии ценных бумаг. Особое значение имеет обеспечение сохранности сведений об учете прав при реорганизации организаций и изменении регистратора или депозитария.

Указанные меры направлены на повышение доступности информации о наследственном имуществе и снижение вероятности утраты наследниками возможности реализовать принадлежащие им права.

Таким образом, основные правовые проблемы наследования ценных бумаг связаны с выявлением имущества наследодателя, подтверждением принадлежности ему соответствующих активов и соблюдением процедуры перехода прав. Действующее законодательство предусматривает включение ценных бумаг в состав наследства, наделяет нотариуса полномочиями по охране на-

следственного имущества и устанавливает правила оформления прав на бездокументарные ценные бумаги.

Вместе с тем наличие правовых механизмов не исключает практических затруднений, особенно когда наследники не располагают сведениями о местах учета ценных бумаг или речь идет об активах, приобретенных много лет назад. В связи с этим совершенствование электронного взаимодействия нотариусов с организациями, осуществляющими учет прав, и развитие единых подходов к выявлению наследственных активов способны повысить эффективность реализации наследственных прав.

Решение обозначенных проблем должно быть направлено на обеспечение полноты состава наследства, своевременное оформление прав наследников и снижение риска фактической утраты возможности распоряжаться унаследованными ценными бумагами.

Пристатейный список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. – 1994. – № 238-239 (ред. от 10.06.2026).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Российская газета. – 2001 г. – № 233 (ред. от 08.08.2024).
3. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «О рынке ценных бумаг» // Российская газета. – 1996. – № 79.
4. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-I (ред. от 04.08.2026) (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) // Российская газета. – 1993. – № 49 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026).
5. Наследственное право : учебное пособие. – Вологда : Вологодский государственный университет, 2022. – 118 с.
6. Как наследуются ценные бумаги (акции, облигации)? // Азбука права: электрон. журн. – 2026. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

УДК 347

Ярослав Евгеньевич Щербина,
студент 3-го курса Ростовского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия
TheEvilFox@bk.ru

Научный руководитель:
Ирина Викторовна Бухарова,
кандидат юридических наук, и.о. заведующего кафедрой
предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса
Ростовского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия
2909195irina@mail.ru

СООТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ НОТАРИАТА В УСЛОВИЯХ УЖЕСТОЧЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В последние несколько лет в Российской Федерации возникла необходимость пересмотра существующей системы регуляции нотариальной деятельности, что обусловлено изменениями в социально-экономической и правовой среде. Действующий закон «Основы законодательства РФ о нотариате», принятый в 1993 году – еще до принятия Конституции и Гражданского Кодекса, стал объектом критики за свою устарелость и несоответствие современным условиям. В связи с этим Министерство юстиции Российской Федерации (далее – Минюст) выступило с инициативой разработки нового нормативного акта, целью которого является усиление контроля за нотариусами и создание более ясных и четких правил их деятельности. В статье проанализированы различные подходы, позволяющие найти баланс между усилением государственного контроля и саморегулированием нотариата.

Ключевые слова: государственный контроль; нотариат; саморегулирование; нотариальная палата.

Нотариат выполняет важную государственную функцию, заключающуюся в обеспечении публичной достоверности и доказательной силы юридических фактов. В соответствии с возложенными на нотариусов обязательствами, их деятельность должна осуществляться в интересах граждан, юридических лиц и государства. Однако действующая система практического контроля за нотариусами имеет множество недостатков, что порождает риски для нормального функционирования в рамках правового поля. В условиях, когда нотариальные действия осуществляют нотариусы, занимающиеся частной практикой, возникает необходимость в более структурированном государственном контроле.

С точки зрения функциональности, существующий закон не отвечает современным требованиям. За 30 лет в него внесено множество изменений, однако они не способствуют улучшению контроля за деятельностью нотариусов. Нотариат фактически стал закрытым профессиональным сообществом или корпорацией, что не позволяет обеспечить должный уровень прозрачности в силу недостаточного государственного контроля. Минюст не в состоянии эффективно влиять на нотариальную деятельность, что актуализирует проблему изменения правового регулирования.

Стоит отметить, что Минюстом еще два года назад был разработан проект федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации», основной целью которого выступает повышение доступности и качества нотариальных услуг, в том числе усиление государственного контроля. Данный проект содержал множество новшеств, например, повышенные требования к будущим нотариусам, тщательный контроль за отсутствием судимостей у потенциального кандидата, единые государственные комиссии с председательством представителей территориальных органов Минюста России.

Кроме того, предлагалось наделение территориальных органов Минюста России и прокуратуры правом на обращение в суд для приостановления или прекращения полномочий нотариусов, а также ограничения замещения временно отсутствующих нотариусов [1].

Более того, законопроект предполагал закрепление за Минюстом России исключительных полномочий по принятию подзаконных актов в исследуемой сфере. Планировалось, что новый федеральный закон придет на смену действующим «Основам законодательства Российской Федерации о нотариате» и вступит в силу с 1 января 2026 года, однако этого не произошло.

При этом инициатива по усилению государственного контроля не поддерживается профессиональным сообществом, порождая критические замечания. Например, Н. В. Бандурина пишет: «Данная реформа приведет к утрате нотариальным сообществом самоуправления, что практически полностью, кардинальным образом преобразует систему нотариата в России и повлечет утрату большинства аспектов профессионального саморегулирования нотариальной деятельности в пользу реализации государственных функций» [2, с. 62].

В контексте необходимости поиска баланса между самоуправлением и государственным контролем в сфере нотариата можно предложить несколько путей. Во-первых, хотя усиление государственного контроля необходимо, но нужно также сохранить роль нотариальных палат, обеспечивающих самоуправление. Такого результата можно достичь через внедрение механизма согласования различных спорных вопросов между государственными органами и нотариальными палатами, путем создания постоянно действующих согласительных комиссий.

Во-вторых, необходимо четко разграничить сферу государственного регулирования, которая должна быть в компетенции Минюста – сюда относятся требования к кандидатам на должность нотариусов, вопросы установления экономически обоснованных тарифов, а также контроль за соблюдением законности и сферу самоуправления, в которой должны находиться, например, вопросы повышения квалификации, корпоративной этики, стажировок и др.

Кроме того, на уровне федерального законодательства необходимо предусмотреть возможность проведения смешанных проверок деятельности нотариусов, где представители Минюста будут работать совместно с членами нотариальных палат. Такое нововведение одновременно повысит качество проводимой проверки и сохранит при этом самоуправление.

Также некоторыми исследователями предлагается внедрение модели Федеральной нотариальной палаты с государственным участием или же рассмотрение возможности создания отдельной организационно-правовой формы при сохранении гарантий самоуправления нотариусов [3, с. 84].

Таким образом, необходимость усиления государственно-правового регулирования в сфере нотариата является неоспоримой, однако данный процесс должен проводиться с учетом мнения профессионального сообщества и существующих механизмов саморегулирования. Устойчивый баланс между государственным контролем и самоуправлением нотариата является залогом эффективной и качественной нотариальной деятельности.

Реформирование нотариата должно быть направлено на совершенствование его работы, повышение доступности и качества оказываемых услуг, а не на кардинальное изменение его природы как публично-правового института [4, с. 70]. Важно интегрировать элементы самоуправления нотариата в систему государственного контроля, чтобы сохранить достоинства самоуправления и обеспечить защиту прав граждан.

Представляется, что ключ к решению вопроса выбора способа регулирования нотариата лежит в простой формуле, высказанной в конце XIX века в ходе обсуждения реформирования Положения о нотариальной части 1866 года видным юристом Л. Б. Мандельштамом: «Государство должно, по крайней мере, поставить нотариусов в такое служебное положение, которое, с одной стороны, внушало бы к ним доверие общества, а с другой – предоставляло бы им известные права» [5, с. 15].

Пристатейный список литературы

1. О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации : проект федерального закона. – URL : https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=154552.
2. *Бандурина, Н. В.* Принцип самоуправления нотариата в современной практике // Правовая культура. – 2025. – № 3. – С. 58–63.
3. *Акимов, Г. Б.* Актуальные вопросы по изменению законодательства о нотариате: правовые основы управления, государственное участие и пути модернизации ЕИС // Вопросы российского и международного права. – 2025. – Т. 15, № 11А. – С. 83–94.
4. *Никишин, А. В., Сундуков, Я. В.* О некоторых механизмах государственного контроля в свете реформы нотариата в России // 30 лет части I Гражданского кодекса Российской Федерации конференции: сб. науч. ст. – Екатеринбург, 2025. – С. 64–71.
5. *Мхитарян, А. Г., Лопатин, Е. И.* Модели регулирования нотариальной деятельности: в поисках баланса // Нотариальный вестникъ. – 2025. – № 7. – С. 5–15.

Правовая модель регулирования предпринимательской и иной экономической деятельности по оказанию социально значимых услуг

УДК 347.45

Ангелина Юрьевна Зеленюк,
студентка 4-го курса факультета высшего образования
Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Санкт-Петербург, Россия
azelen85@gmail.com

Научный руководитель:
Людмила Константиновна Самойлова,
кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой
государственно-правовых дисциплин
Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Санкт-Петербург, Россия
samoylovalk@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ РИЕЛТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ПЕРВОПРИЧИНА ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДАННОЙ СФЕРЫ

Аннотация. В статье аргументируется обоснованность публично-правового регулирования риелторской деятельности через категорию социальной значимости такой услуги. На основе анализа социологических опросов, зарубежных моделей упорядочивания данной сферы подтверждается необходимость смещения объекта регулирования со статуса риэлтора на этапы сделки, сопряженные с публичным риском.

Ключевые слова: риелторская деятельность; государственное регулирование; лицензирование; саморегулирование; защита потребителя.

Рынок риелторских услуг в Российской Федерации характеризуется устойчивым количественным ростом при отсутствии специализированного правового регулирования и единых требований к профессиональной под-

готовке субъектов. В данной сфере занято около 550 тысяч специалистов, из которых 76 % осуществляют деятельность в формате частной практики – в качестве индивидуальных предпринимателей и самозанятых [1]. Подобная структура рынка обусловливает значительную долю участников, находящихся вне системного контроля.

Именно эта категория лиц является объектом настоящего исследования. Ее значение определяется двумя обстоятельствами. Во-первых, индивидуальные предприниматели и самозанятые составляют количественное большинство участников рынка и, следовательно, определяют его фактическое состояние. Во-вторых, в отличие от агентств недвижимости, где качество услуг в определенной степени обеспечивается внутренними регламентами и репутационными механизмами организации, частнопрактикующий субъект не связан корпоративными стандартами и не подчинен внутреннему контролю. Он действует автономно, и все риски, связанные с его деятельностью, ложатся непосредственно на потребителя. В силу изложенного вопрос о ценности такой деятельности и о необходимости ее публично-правового регулирования имеет первостепенное значение именно применительно к указанной категории лиц.

В научной литературе и правоприменительной практике периодически обсуждаются следующие меры публично-правового характера [2, с. 675; 3, с. 82]: лицензирование, обязательный реестр, аттестация. Однако указанные предложения, как правило, не сопровождаются анализом того, какой общественно значимый интерес призвано защищать регулирование. Между тем именно ответ на этот вопрос определяет объект правового воздействия. Если регулирование защищает ценность, создаваемую участником общественных отношений, оно сосредоточивается на требованиях к его статусу. Если же ценность услуги для потребителя не подтверждена, требования к статусу утрачивают обоснование, и объектом регулирования становятся содержание сделки и порядок ее проведения.

Публично-правовое регулирование профессиональной деятельности признается оправданным при наличии публичного интереса, содержание которого раскрывается через безопасность сделок, устойчивость рынка недвижимости и предотвращение злоупотреблений. В качестве оснований такого вмешательства традиционно рассматриваются информационная асимметрия, риск оппортунистического поведения и наличие внешних эффектов. При отсутствии указанных предпосылок вмешательство утрачивает экономическое обоснование и приобретает характер административного барьера.

Применительно к риелторской услуге потенциальная ценность может быть раскрыта через три функции: посредническую (поиск контрагента, переговоры), информационную (предоставление сведений о рынке и объекте) и функцию юридического сопровождения (проверка объекта, подготовка договора). Каждая из указанных функций требует самостоятельной оценки с точки зрения необходимости профессионального допуска.

Структурирование сделки как последовательности этапов позволяет разграничить зоны ответственности участников. Поиск и подбор объекта, организация показов и ведение переговоров относятся к маркетинговой и посреднической деятельности. Отдельно стоит отметить в препродажной подготовке возможную проверку риэлтором правоустанавливающих и иных документов, необходимых для устранения сомнений в неправомерном совершении дальнейших действий. Проверка юридической чистоты объекта недвижимости, подготовка проекта договора, контроль расчетов и государственная регистрация составляют содержание юридической работы. Таким образом, риэлтор участвует в сопровождении сделки, однако не несет ответственности за ее юридическую безопасность и не подменяет юриста или нотариуса.

На этапе проверки объекта недвижимости или документов собственника риэлтор неизбежно получает доступ к приватным сведениям, подлежащим особой защите, вследствие чего формально является оператором персональных данных. При этом законодательством не установлены специальные требования по обращению с конфиденциальной информацией, а также специальные профессиональные стандарты (повышенные требования), учитывающие особенности сферы недвижимости.

Исходя из изложенного, вытекает вопрос о правовом статусе субъекта-риэлтора [4, с. 88]. Юридическое сопровождение сделки предполагает не только способность составить договор и оценить связанные с ним риски, но и наличие профессиональной подготовки, которой индивидуальный предприниматель или самозанятый может не обладать. Регистрация в качестве индивидуального предпринимателя или самозанятого не предполагает проверки профессиональной пригодности и не устанавливает квалификационных требований. Тем самым вопрос о юридическом образовании переходит в плоскость правового статуса указанных субъектов и требований, которые к ним предъявляются.

Дополнительным фактором выступает цифровизация. Электронные подписи, электронная регистрация прав, виртуальные туры, алгоритмы анализа рынка и смарт-контракты постепенно замещают значительную часть функций, традиционно относимых к риелторской деятельности [5]. Закономерно возникает вопрос: сохраняется ли потребность в риелторе на ранних этапах сделки и каким должно быть регулирование в этих условиях.

Обращение к эмпирическим данным позволяет оценить, насколько ожидания потребителей соответствуют фактическому содержанию услуги. Согласно данным ВЦИОМ, 86% респондентов оценили опыт взаимодействия с риэлторами как положительный или нейтральный. При этом 95% опрошенных указали юридическую проверку объекта и контрагентов в качестве крайне важного признака услуги [6]. Результат исследования свидетельствует о том, что потребительское ожидание связано непосредственно с юридическим сопровождением сделки. Обращаясь к риэлтору, клиент лишь убеждается в его неспособности надлежащим образом оценить и впоследствии оформить документы, что ставит под сомнение обоснованность стоимости оказываемых услуг. Участники упомянутого исследования ВЦИОМ также указали на завы-

шенные и не соответствующие цены: 6 из 10 человек считают такие услуги дорогими, а большинство отказались бы от них даже при незначительном росте цены [6].

В научной литературе нет единого подхода не только к правовому регулированию риелторской деятельности, но и к оценке ее ценности и перспектив развития [5]. Ряд авторов, ссылаясь на совершенствование цифровых технологий, полагают, что функции риэлтора можно разделить: на начальных этапах подбор и показ объектов могут выполнять онлайн-платформы и агрегаторы, а юридическую часть следует доверить специалистам с соответствующей квалификацией. Другие исследователи, напротив, подчеркивают важность снижения транзакционных издержек, особенно в сложных сделках [7, с. 76–77].

Однако наличие дискуссий не разрешает вопроса о том, насколько данный субъект необходим в рыночных отношениях (не является ли он избыточным), в какой мере он снижает риски и повышает выгоду для потребителя. Следовательно, целесообразно обратиться к зарубежному опыту и рассмотреть, как складывается правовое регулирование названной сферы в других странах [8, с. 209]. Особый интерес представляют те юрисдикции, которые, несмотря на общую либеральность регулирования, все же последовали тенденции к установлению правовых рамок (например, Андалусия, Республика Беларусь). Аналогичный подход представляется целесообразным и для России.

Прежде всего необходимость правового регулирования тесно связана с участием данных субъектов в реализации конституционного права каждого гражданина владеть, пользоваться и распоряжаться собственностью, что требует надлежащего контроля за этим видом отношений.

При выработке положений законодательного регулирования и разрабатываемой модели упорядочивания отношений необходимо прежде всего определить правовую природу субъекта, понятие его деятельности, функции, пределы полномочий и разграничение этапов сделки. В первую очередь следует законодательно закрепить, что риэлтор – это посредник с присущими ему задачами, поскольку без четкого определения границ дозволенного любые иные требования (по лицензированию, образованию) лишены адресата.

Представляется разумным введение запрета на осуществление риэлторами именно юридических функций, поскольку это отдельный вид деятельности, регулируемый иначе, либо допущение их исполнения при наличии соответствующего образования. Непродолжительное, но обязательное обучение и формальное повышение квалификации в данной области вызывают сомнения в компетентности кадров. Проблема заключается и в том, что недостаточно информированный потребитель, обращаясь к риэлтору, полагается на его должную квалификацию, гарантирующую чистоту сделки и качественный результат.

Несмотря на существование Российской Гильдии Риэлторов, как профессионального объединения, обязательное членство в саморегулируемых орга-

низациях (СРО) законодательно не закреплено. Однако такой элемент был бы уместен на этапе становления риелторского законодательства и дальнейшего регулирования указанной сферы в целом. Этот инструмент позволил бы ввести дисциплинарную практику и единые стандарты. СРО в данном случае выступает не только как контрольный и регулирующий орган, но и как превентивный, а также восстановительный, обеспечивая компенсацию и страхование потребителя и отвечая за качество предоставляемых услуг. Вопрос о характере членства решается в зависимости от избранной модели: обязательное членство обеспечивает реальный дисциплинарный механизм, тогда как добровольное – сохраняет свободу участия и переносит оценку качества на усмотрение потребителя.

Резюмируя, социальная значимость риелторской деятельности проявляется не в статусе лица, оказывающего указанную услугу, а в этапах сделки, в результате которых затрагиваются публичные интересы. Именно эти этапы и должны становиться объектом государственного регулирования. Такой подход способен защитить потребителя там, где это действительно необходимо.

Пристатейный список литературы

1. Риелторская деятельность в России: проблемы в судебной практике и их решения на основе доказательной экономики: исследование // Центр доказательной экономики Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара : сайт. – URL: https://www.iep.ru/ru/312/rieltorskaya-deyatelnost-v-rossii-problemy-v-sudebnoy-praktike-i-ikh-resheniya-na-osnove-dokazatelnoy-ekonomiki-oktyabr-2024-dekabr-2024.html (дата обращения: 22.09.2026).
2. *Капралова, Л. В.* Государственный контроль за риелтерской деятельностью в Российской Федерации / Л. В. Капралова, Э. Р. Чернова // E-Scio. – 2019. – № 11 (38). – С. 672–684.
3. *Нурыйахметова, С. М.* Государственное регулирование риэлторской деятельности на рынке недвижимости / С. М. Нурыйахметова // Актуальные проблемы экономики и права. – 2009. – № 2 (10). – С. 82–85.
4. *Минина, А. А.* Актуальные вопросы правового регулирования рынка риелторских услуг / А. А. Минина, С. М. Перепадя, О. А. Перепадя, Е. А. Цыганкова // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 12 (204). – С. 86–89.
5. *Кышко, Н. Ю. и др.* Трансформация рынка недвижимости России: адаптация к новым вызовам через цифровизацию и изменение роли риелторских услуг // Научный лидер. – 2025. – Вып. 18.
6. За фасадом сделок, или Кто поможет найти жилье: аналитический обзор // ВЦИОМ : сайт. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/za-fasadom-sdelok-ili-kto-pomozhet-naiti-zhile (дата обращения: 15.09.2026).

7. *Месропян, Л. (э). М.* Методологические подходы к прогнозированию трансакционных издержек в риелторском бизнесе // ЭВР. – 2010. – № 1. – С. 76–82.
8. *Цацулин, А. Н.* Зарубежные модели регулирования риелторской деятельности / А. Н. Цацулин, В. Ю. Беляков // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2019. – Т. 9, № 12В. – С. 205–213.

УДК 347

Софья Игоревна Комарова,
студентка 3-го курса Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
sofya_komarova_2020@mail.ru

Научный руководитель:
Андрей Юрьевич Красноглазов,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
гражданского права и процесса Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
andrkra@yandex.ru

САМОРЕГУЛИРОВАНИЕ В РИЕЛТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: БАЛАНС ЧАСТНЫХ ИНИЦИАТИВ И ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ РЫНКА

Аннотация. Статья посвящена анализу баланса частных и государственных инициатив в регулировании риэлторской деятельности на современном этапе. Рассматриваются причины институционального вакуума, при котором профессиональные участники рынка недвижимости действуют вне специализированного законодательства. Исследуются конкурирующие модели регулирования: мягкая регистрация, предлагаемая Росреестром, и жесткое лицензирование с элементами саморегулирования, продвигаемое депутатским корпусом. Обосновывается необходимость субсидиарной модели, сочетающей государственный надзор, профессиональные стандарты и цифровые инструменты контроля.

Ключевые слова: лицензирование; риэлторская деятельность; саморегулирование; цифровизация; частные инициативы.

Доктринальная неопределенность, сопровождающая посреднические операции в жилищной сфере, сохраняется десятилетиями и не получает разрешения как в нормативных актах, так и в устойчивой судебной практике. Маклер, обеспечивающий встречу покупателя и продавца, не вписывается в комиссионную конструкцию и не покрывается моделью поручения, если не прибегать к дополнительным оговоркам. Глава 39 Гражданского кодекса, посвященная возмездному оказанию услуг, оперирует абстрактной формулой «совершить действия», тогда как оборот недвижимости требует учета дороговизны предмета сделки, обязательной регистрации прав, а также необратимости многих имущественных утрат [1]. Перечисленные обстоятельства выводят риелторство за пределы рядового сервиса и заставляют искать конструкцию, где частная активность уравновешена публичным надзором.

Законодательные попытки, стартовавшие еще в середине девяностых, когда проекты 1996, 2002, 2008 и 2015 годов не дошли до подписания из-за противоборства крупных агентств, добивавшихся обязательного членства в саморегулируемых организациях (далее – СРО), и мелких посредников, не желавших дополнительного бремени, получили продолжение в середине 2010-х годов. Проект закона № 1106182-6 «О посреднической (агентской) деятельности на рынке сделок с недвижимостью», внесенный в 2016 году, предполагал формирование СРО с принудительным участием и передачу им контрольных полномочий, так и не был принят. В 2026 году сенаторы представили концепцию нового акта: требования к специалистам, реестр, правила расчетов, стандартизация договоров. Руководитель комитета Государственной Думы по госстроительству и законодательству Павел Крашенинников заявил о готовности внести документ до окончания созыва, исключив уголовную ответственность риелторов.

Разногласия касаются самой архитектуры регулирования. Росреестр отстаивает «мягкий» вариант: единый реестр специалистов без лицензий и обязательного саморегулирования [2, с. 22]. Статс-секретарь ведомства Алексей Бутовецкий поясняет, что реестр даст покупателям и продавцам сведения об опыте риелтора, отсутствии судимостей, числе проведенных сделок, а фискальным органам – картину рынка и контроль поступлений. Такой подход согласуется с теорией отзывчивого регулирования, где глубина вмешательства соразмерна рискам, а не универсальным шаблонам.

Позиция Гос. Думы жестче, руководитель комитета по вопросам собственности Сергей Гаврилов предлагает связать лицензирование с саморегулированием по кадастровому образцу, то есть лицензии, реестр, надзор – сфера деятельности государства, а стандарты и дисциплина – за СРО. Заместитель руководителя комитета по строительству и ЖКХ Светлана Разворотнева настаивает на обязательной видеозаписи сделок и централизованном хранилище записей при Росреестре либо Минюсте.

Саморегулирование охватывает иной сегмент: этические кодексы, профессиональные стандарты, третейские процедуры. Российская гильдия риелторов (далее – РГР) утверждает типовые договоры и третейские механиз-

мы, но обязательность этих актов опирается лишь на добровольное согласие участников. Крупные агентства подчиняются корпоративным правилам, частные маклеры остаются вне поля контроля, а выход из гильдии не влечет утраты права на работу, из-за чего дисциплинарные рычаги почти не действуют [3, с. 38]. Сертификация РГР, зарегистрированная Росстандартом в 2002 году, предусматривает добровольную экспертизу агентств на соответствие национальному стандарту «Риелторская деятельность. Услуги брокерские». В ноябре 2025 года гильдия открыла сервис проверки телефонов аттестованных риелторов: потребитель по номеру, ФИО или названию компании узнает, числится ли специалист в Едином реестре. Реестр содержит данные агентств – членов РГР, располагающих сертификатом соответствия.

Регионы идут впереди федерального законодателя. В Дагестане учреждена республиканская гильдия риелторов с собственным реестром, стандартами и аккредитацией при застройщиках. Санкт-Петербург создал первую СРО агентств недвижимости, объединившую двадцать пять компаний палаты недвижимости. На Среднем Урале аттестацией и сертификацией занимается Уральская палата недвижимости – некоммерческая структура. Подмосковная гильдия риэлторов аттестует компании и специалистов, среди которых «Мир Недвижимости», «ТСН НЕДВИЖИМОСТЬ», «Верона». Локальные модели отсекают случайных участников и укрепляют доверие, но их тиражирование рискованно: региональные фильтры дробят рынок и удорожают работу для мобильных игроков [4, с. 91].

Договорная практика склоняется к агентскому соглашению. Когда риелтор действует от имени клиента, применяется глава 52 Гражданского кодекса, а если роль сводится к поиску информации и переговорам, то глава 39; смешанные формы провоцируют споры о границах ответственности. Верховный Суд РФ подтвердил право потребителя на возмещение убытков от некачественной услуги, но причинную связь между поведением маклера и неблагоприятным исходом сделки доказать удается редко. Практика разводит информационное сопровождение и юридически значимые действия, однако критерии остаются зыбкими.

Цифровые сервисы перекраивают расстановку сил. Объявления, электронная регистрация, автоматическая оценка, удаленная идентификация снижают спрос на классического посредника, а технологические компании без статуса риелтора выполняют похожие функции. Отсюда вопрос: подпадают ли операторы платформ под законодательство о защите прав потребителей или выступают информационными посредниками. Все зависит от степени участия алгоритмов в формировании условий: размещение объявлений ограничивает ответственность, а подбор объектов, проверка юридической чистоты и расчеты приближают платформу к профессиональной роли [5, с. 312].

Риелтор накапливает персональные данные: паспортные сведения, семейное положение, доходы, кредитную историю, обременения. Утечка клиентской базы причиняет вред, несопоставимый с разглашением обычных контактов; цифровые хранилища притягивают злоумышленников, а разграничение ответ-

ственности между риелтором, хостинг-провайдером и разработчиком ПО остается туманным. Электронная подпись облегчает дистанционное оформление: усиленная квалифицированная подпись приравнена к собственноручной. Однако подделки цифровых идентификаторов множатся, а споры о виновном – удостоверяющий центр, оператор платформы или клиент – лишь начинают доходить до судов, единой практики нет. Смарт-контракты на блокчейне сулят автоматизацию передачи прав и расчетов, но действующее право связывает переход прав с государственной регистрацией, а записи распределенного реестра правообразующей силы не имеют. Разрыв между технической возможностью и юридической реальностью вынуждает дублировать операции, сначала в цифровой среде, затем в официальном реестре [6, с. 49].

Зарубежная практика тяготеет к лицензированию. Германия обязывает продавцов и арендодателей регистрироваться в торгово-промышленной палате, подтверждать отсутствие судимостей, налоговую и финансовую состоятельность и проходить двадцать часов обучения за три года. Австралия требуют лицензию, квалификацию, отсутствие банкротства и судимости, непрерывное развитие. Ирландия добавляет налоговую прозрачность, отчет бухгалтера, страхование ответственности и сбор в одну тысячу евро. США сочетают региональное лицензирование с добровольным членством в ассоциациях. Франция вводит обязательную лицензию с унифицированными квалификационными критериями. Выбор зависит от зрелости рынка и способности государства обеспечить надзор.

Сбалансированный вариант опирается на размежевание компетенций, где государство отвечает за регистрацию, квалификационные минимумы, ответственность перед потребителем; профессиональные объединения – за стандарты, споры, дисциплинарные меры; цифровые инструменты – за прозрачность (единый реестр, сцепленный с Росреестром и ФНС, электронные журналы сделок, автоматизированная репутационная оценка). Такая схема воплощает принцип субсидиарности, при котором решения принимаются на уровне, максимально близком к проблеме, и исключает как чрезмерное администрирование, так и институциональную пустоту.

Проведенный разбор показывает, что риелторская сфера находится в точке бифуркации. Сохранение фрагментарного регулирования усугубит теневой оборот и подорвет доверие граждан, а переход к системной модели потребует снять ведомственные и корпоративные противоречия. Соперничество «мягкой» регистрации, поддерживаемой Росреестром, и лицензирования с обязательным саморегулированием, продвигаемого частью депутатского корпуса, отражает глубинный конфликт гибкости и контроля. Региональные инициативы – гильдии Дагестана, Санкт-Петербурга, Свердловской области, Подмосковья – доказывают работоспособность локальных решений, но не заменяют федеральной рамки. Цифровые платформы, выполняя функции профессионального посредничества, размывают границы регулируемой деятельности и порождают регуляторный арбитраж. Оптимум достигается при разделении компетенций: государство устанавливает регистрацию, квалификационные

минимумы и финансовое обеспечение ответственности; профессиональные объединения разрабатывают стандарты и разрешают споры; цифровые инструменты обеспечивают прозрачность и удешевляют контроль. Такая конструкция соответствует принципу субсидиарности и позволяет избежать как избыточного администрирования, так и институционального вакуума.

Пристатейный список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
2. *Скловский, К. И.* Применение законодательства о собственности. Трудные вопросы. – М. : Статут, 2016.
3. *Гурьев, Д. В., Кирпичев А. Е.* Регулирование риелторской деятельности и публичные интересы: поиск оптимальной модели // Вестник Российской правовой академии. – 2025. – № 6. – С. 37–48.
4. *Рябоконь, С. В.* Формирование стратегии развития рынка риэлтерских услуг в регионе : на материалах Ростовской области : автореф. дис. ... кандидата экономических наук : 08.00.05 / Рябоконь Сергей Валерьевич; [Место защиты: Юж.-Рос. гос. ун-т экономики и сервиса]. – Шахты, 2012. – 27 с.
5. *Савельев, А. И.* Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. – М. : Статут, 2014. – 543 с.
6. *Козлов, Д. В., Левицкая Е. А.* Подходы к правовому регулированию риэлторской деятельности в России и зарубежных странах // Юристъ-Правоведъ. – 2021. – № 4.

УДК 332.768

Александра Денисовна Кривенда,
студентка специалитета 1-го курса юридического факультета
Дальневосточного института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Хабаровск, Россия
krivendaaleksandra@gmail.com

Научный руководитель:
Андрей Владимирович Самохин,
заместитель директора ЦИМО АТР,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства
и права, социально-экономических и гуманитарных дисциплин
Дальневосточного института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Хабаровск, Россия
samohin.a.v@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РИЕЛТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ГОРОДЕ ХАБАРОВСКЕ

Аннотация. Актуальность темы обусловлена отсутствием в России отдельного федерального закона о риелторской деятельности и ростом числа нарушений на рынке недвижимости Хабаровска. Цель – проанализировать региональную специфику регулирования риелторских услуг и предложить изменения. Рассмотрены нормы ГК РФ, история законопроектов, практика хабаровских агентств и судебные решения. В результате обоснована необходимость регионального реестра риэлторов, обязательного раскрытия информации об объекте и типового договора. Сделан вывод о том, что точечные меры на уровне края эффективнее ожидания федерального закона.

Ключевые слова: риелторская деятельность; государственное регулирование; Хабаровск; саморегулирование; рынок недвижимости; защита потребителей.

Риелторская деятельность – это профессиональная деятельность по оказанию услуг на рынке недвижимости: подбор и показ объектов, проверка юридической чистоты, подготовка и сопровождение сделок купли-продажи, аренды, ипотечного кредитования, консультирование по вопросам оформления прав. В российском законодательстве до сих пор нет отдельного федерального закона, который бы закреплял понятие «риелторская деятельность», требования к профессии и ответственность за некачественные услуги.

Почему так сложилось? Ответ во многом лежит в экономической истории 1990-х годов. Как отмечают Е. В. Петрова и О. А. Бекизина в учебнике «Экономика и недвижимость» [1], становление рынка недвижимости в постсоветской России происходило в условиях отсутствия институциональной базы: не было ни полноценного законодательства о собственности, ни механизмов регистрации прав, ни профессиональных стандартов. Приватизация жилья, начавшаяся в 1991 году, мгновенно создала массу собственников, но не создала среду для безопасного оборота недвижимости. Именно в этот период появляются первые посредники – «маклеры», которые действовали как частные предприниматели без лицензий, без договоров и без ответственности. Государство просто не успевало за бурным ростом этого рынка, и риелторская деятельность складывалась стихийно, «снизу», по мере возникновения спроса на услуги.

Попытки принятия закона «О риелторской деятельности» и ее стандартизации предпринимались неоднократно – в 1996 [2], 2002 [3] и 2019 [4] годах, – таким образом, законопроекты либо были отклонены, либо не обязательны и не заменяли закон. Основной аргумент противников: избыточное регулирование может затормозить рынок и создать коррупционные риски. В результате риелторские услуги сегодня регулируются фрагментарно: общими нормами Трудового Кодекса РФ о возмездном оказании услуг (гл. 39), Законом РФ «О защите прав потребителей» [5], а также добровольным саморегулированием. Единого правового поля нет.

В Хабаровске риелторская деятельность развивалась волнообразно. В 1990-е – начале 2000-х годов рынок был представлен небольшими агентствами и частными маклерами, работавшими преимущественно в Центральном и Железнодорожном районах. С 2010-х годов началась консолидация: появились крупные сетевые агентства, часть вошла в федеральные франшизы. Сегодня в Хабаровске действуют как местные компании, так и филиалы федеральных сетей. По данным администрации города, на 2025 год зарегистрировано более 120 юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, оказывающих риелторские услуги. При этом сохраняется высокая доля теневого сегмента: часть сделок оформляется через частных лиц без договора и гарантий.

Специфика Хабаровска обусловлена удаленностью от федерального центра, высокой стоимостью жилья, низкой конкуренцией в отдельных сегментах и активным участием застройщиков в продажах новостроек через собственные отделы. Все это делает вопрос государственного регулирования особенно острым: потребитель часто остается один на один с недобросовестным посредником.

Я рассматриваю эту тему потому, что рынок недвижимости в Хабаровске – это сфера, где каждый житель рано или поздно оказывается участником: покупает, продает, арендует жилье. При этом именно здесь потребитель наиболее уязвим: нет закона, нет реестра, нет гарантий. Мне важно понять, почему государство до сих пор не урегулировало эту сферу и что можно изменить на региональном уровне.

Прежде чем перейти к конкретному делу, важно обозначить теоретическую рамку. Как отмечает Е. В. Семьянов [6], судебное правотворчество в России представляет собой уникальный вид правотворчества, поскольку акты судов обладают нормативной силой и обеспечиваются гарантиями государства. Однако в сфере риелторских услуг судебная практика играет противоположную роль: она не формирует правила, а лишь «латает дыры» в отсутствующем законодательстве.

Это хорошо видно на примере дела ООО «Агентство Недвижимости Новый Атлант» [7], рассмотренное Кировским районным судом г. Хабаровска в 2024 году. Жительница Хабаровска планировала продать квартиру и переехать за границу, заключила договор с одним агентством, но затем по предложению представителей «Нового Атланта» расторгла его и подписала новый. Когда женщина передумала продавать квартиру, ее мать по телефону спросила риэлтора о стоимости расторжения сделки. Сотрудник агентства назвал сумму 100 000 рублей. Мать взяла кредит в «Почта Банке» и передала деньги. После этого женщина попросила выдать копию договора, на что агентство ответило: «Договор между нами и вами никогда не заключался» – фактически отрицая существование правоотношений с клиентом.

Однако решением Кировского районного суда г. Хабаровска от 21.03.2024 (в окончательной форме – 25.03.2024, судья А. А. Бойко) в удовлетворении исковых требований ФИО1 к ООО «Агентство Недвижимости Новый Атлант» о взыскании денежных средств, процентов, компенсации морального вреда, штрафа и судебных расходов было отказано [8]. Истец проиграл.

Что здесь неправильно с точки зрения регулирования? Именно этот отказ и обнажает проблему. Суд отказал, опираясь на формальные основания: договор не был подписан, а значит, правоотношений не возникло. Но это означает, что законодательство защищает агентство, а не потребителя: риэлтор получает деньги «по факту деятельности», не оформляя договор, а клиент не может ни вернуть средства, ни доказать сам факт оказания услуг. Как следует из п. 1 ст. 29 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей», в случае обнаружения существенных недостатков оказанной услуги или иных существенных отступлений от условий договора потребитель вправе отказаться от исполнения договора [4]. Но эта норма работает только тогда, когда договор существует. Парадокс усугубляется позицией Конституционного Суда РФ, изложенной в постановлении от 23.01.2007 № 1-П: плата по договору за оказание правовых услуг производится за исполнение своих обязанностей, а не за результат, поскольку по договору об оказании юридических услуг оплачивается сама деятельность [9]. Иными словами,

риэлтор может требовать оплату за «работу», даже если результата нет и договор не подписан.

Мои предложения по изменению. Во-первых, необходим обязательный типовой договор с регистрацией в региональном реестре: клиент всегда имел бы экземпляр, и агентство не могло бы заявить «мы ничего не подписывали». Во-вторых, требуется обязательное членство в саморегулируемой организации (далее СРО) для риэлторов, работающих с деньгами клиентов, – тогда при отказе суда клиент мог бы обратиться в компенсационный фонд. Сейчас риэлтор – это просто ИП или ООО. Если он взял деньги и исчез— взыскивать нечего. Если он работает без договора (как в деле «Нового Атланта») – суд отказывает. СРО решило бы обе проблемы: обязательный договор по стандарту СРО + компенсационный фонд для выплат пострадавшим.

Но есть проблема в Хабаровске: сейчас там аккредитована всего несколько СРО, и в них входят только крупные агентства. Мелкие риэлторы – вне контроля. Поэтому я и предлагаю смешанную модель: государственный реестр + обязательное членство в СРО для тех, кто работает с деньгами клиентов. В-третьих, страхование профессиональной ответственности позволило бы возместить ущерб даже при проигрыше в суде, как в деле «Нового Атланта».

Таким образом, главная проблема, которую обнажает рассмотренное мною дело – не в конкретном агентстве, а в отсутствии правовой определенности. Суд не мог взыскать деньги, потому что не было договора; не было договора, потому что не было обязанности его заключать; не было обязанности, потому что нет закона. Региональный реестр риэлторов разрывает этот замкнутый круг: он создает точку входа, с которой начинается любая ответственность. Без реестра любые разговоры о защите прав потребителей на рынке недвижимости Хабаровска остаются декларацией.

Пристатейный список литературы

1. *Петрова, Е. Е.* Экономика недвижимости : учебное пособие / Е. Е. Петрова, Т. В. Бикезина, С. В. Арапов. – Санкт-Петербург : РГГМУ, 2023. – 308 с.
2. Постановление Правительства РФ от 23 ноября 1996 г. № 1407 «Об утверждении Положения о лицензировании риэлторской деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Проект федерального закона № 71948-3 «О риэлторской деятельности в Российской Федерации» (8 февраля 2002 года Государственная Дума приняла постановление № 2438-III ГД, которым отклонила этот проект).
4. Приказ Минтруда России от 10 сентября 2019 года № 611н. «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по операциям с недвижимостью» // СПС «КонсультантПлюс».
5. О защите прав потребителей : Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 // Российская газета. – 1992. – 7 апр.

6. *Семьянов, Е. В.* Судебное правотворчество: вопросы общей теории / Е. В. Семьянов. – М. : Юрлитинформ, 2020. – 180 с.
7. «Все решают связи». Риэлтор о теневом рынке, торгах и тонкостях профессии сайт. – URL: https://hab.aif.ru/realty/kvartirnyy_vopros_rieltor_pomoshchnik_ili_pomeha (дата обращения: 10.09.2026).
8. Решение Кировского районного суда г. Хабаровска от 21.03.2024 по делу № 2-396/2024 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 10.09.2026).
9. Решение Кировского районного суда г. Хабаровска от 21.03.2024 по делу № 2-396/2024 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 10.09.2026).

УДК 347.21

Елена Витальевна Крутских,
студентка 2-го курса магистратуры
Дальневосточного института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Хабаровск, Россия
krutskiss@mail.ru

Научный руководитель:
Елена Геннадьевна Коваленко,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
гражданского права и процесса Дальневосточного института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Хабаровск, Россия
kovalenko_pravo@mail.ru

ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ РАСПОРЯЖЕНИЯ МАТЕРИНСКИМ КАПИТАЛОМ ПРИ РАЗДЕЛЕ ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ И БАНКРОТСТВЕ

Аннотация. В статье исследуются правовые коллизии, возникающие при распоряжении средствами материнского (семейного) капитала в ситуациях раздела общего имущества супругов и банкротства одного из них с учетом сложившихся правоприменительных подходов. Анализируется трансформация правовой природы материнского капитала от личного неимущественного права к режиму общей долевой собственности детей и родителей после его направления на улучшение жилищных условий. Рассматриваются противоречия между семейным, гражданским, жилищным законодательством и законодательством о несостоятельности, а также конституционными принципами защиты детства. Особое внимание уделено проблемам исключения детских долей из конкурсной массы, оспаривания сделок по приобретению жилья с использованием материнского капитала, конфликту исполнительского иммунитета единственного жилья и прав залоговых кредиторов. Обосновывается необходимость дальнейшей гармонизации отраслевого регулирования на основе принципа приоритетной защиты прав несовершеннолетних. Цель статьи – системный анализ правовых

коллизий при разделе имущества супругов и в банкротстве с учетом законодательства и позиций КС и ВС РФ. Актуальность обусловлена количественными и качественными факторами.

Ключевые слова: материнский (семейный) капитал; раздел имущества супругов; банкротство физических лиц; конкурсная масса; общая долевая собственность; права детей; исполнительский иммунитет; правовые коллизии; целевое использование; семейное законодательство; оспаривание сделок.

Институт материнского (семейного) капитала, введенный Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (далее – Закон № 256-ФЗ), продолжает оставаться одним из ключевых инструментов социальной политики Российской Федерации. За время действия программы произошла существенная эволюция данного правового механизма: расширен круг лиц, имеющих право на получение сертификата, увеличен размер выплаты, введены новые направления использования средств, включая возможность получения ежемесячных выплат и оплату образовательных услуг для детей. Вместе с тем наиболее востребованным направлением остается улучшение жилищных условий, что неизбежно порождает сложные правовые конструкции при возникновении семейных конфликтов и имущественных споров, осложненных несостоятельностью одного из супругов.

Законодательство о банкротстве, семейное и гражданское законодательство, несмотря на наличие отдельных разъяснений высших судов, до сих пор содержат нормы, вступающие в противоречие при определении судьбы жилого помещения, приобретенного с использованием средств материнского капитала. Целью настоящей статьи является системный анализ правовых коллизий, проявляющихся при разделе имущества супругов и в процедурах банкротства, с учетом действующих нормативных правовых актов и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации.

Актуальность темы обусловлена как количественными, так и качественными факторами. К настоящему времени число семей, воспользовавшихся материнским капиталом для приобретения жилых помещений, исчисляется миллионами, при этом значительная часть таких объектов недвижимости потенциально вовлекается в имущественные споры при расторжении браков, число которых сохраняется на стабильно высоком уровне. Параллельно продолжается рост потребительского и ипотечного кредитования, что ведет к увеличению количества дел о банкротстве физических лиц, включая дела, в которых единственное жилье должника приобретено с привлечением бюджетных средств. Особую остроту проблеме придают коллизии между требованиями кредиторов и публично-правовым обязательством родителей по наделению

детей долями, а также недостаточная определенность в вопросах очередности выдела долей при реализации имущества должника. Таким образом, исследование указанных вопросов представляет как теоретическую, так и практическую значимость, направленную на обеспечение правовой определенности и защиту наиболее уязвимых участников правоотношений [4].

Правовая природа материнского капитала на стадии до его использования характеризуется строго личным, неотчуждаемым и целевым характером. Согласно статье 2 Закона № 256-ФЗ, материнский капитал является средствами федерального бюджета, право на распоряжение которыми не входит в состав совместно нажитого имущества супругов и не подлежит разделу. Указанный подход многократно подтверждался судебной практикой, в том числе в Обзоре Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2016 г. При этом денежные средства, не обналиченные и существующие исключительно в форме права требования к бюджету, не могут быть объектом гражданского оборота и, следовательно, не включаются в конкурсную массу при банкротстве гражданина. Момент направления средств на приобретение жилья трансформирует данное личное неимущественное право в особый правовой режим приобретаемого объекта недвижимости.

Пункт 4 статьи 10 Закона № 256-ФЗ устанавливает императивную обязанность лица, получившего сертификат, оформить жилое помещение в общую долевую собственность родителей и детей с определением размера долей по соглашению. Указанная норма порождает у детей законное ожидание приобретения права собственности, которое по своей юридической силе приближается к вещному обременению, существующему независимо от формальной регистрации в Едином государственном реестре недвижимости. Данный вывод нашел отражение в пункте 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» (далее постановление ВС РФ № 48). Согласно указанному разъяснению, имущество, приобретенное с использованием средств материнского (семейного) капитала, не может быть включено в конкурсную массу в части, соответствующей доле в праве собственности, причитающейся детям.

При разделе имущества супругов в отсутствие банкротства правовая коллизия проявляется в столкновении общего принципа равенства долей, закрепленного в статьях 34 и 39 Семейного кодекса Российской Федерации, и обязанности по выделу долей детям. На практике распространены ситуации, когда жилое помещение оформлено исключительно на одного из супругов или в общую совместную собственность без указания детей. В таких случаях суды, руководствуясь статьей 38 Семейного кодекса РФ и положениями Закона № 256-ФЗ, признают, что раздел должен производиться с первоочередным выделением долей, причитающихся несовершеннолетним, и лишь затем оставшаяся часть может быть разделена между супругами. Судебная практика выработала подход, согласно которому доли детей определяются про-

порционально доле средств материнского капитала в общей стоимости жилья, а при невозможности точного расчета – исходя из принципа равенства долей всех членов семьи в соответствующей части. Таким образом, принцип равенства супружеских долей отступает перед императивом защиты прав детей, что не рассматривается как нарушение, а является реализацией конституционных гарантий, предусмотренных статьей 38 Конституции Российской Федерации.

Существенно более сложные правовые коллизии возникают при банкротстве одного из супругов, когда приобретенное с участием материнского капитала жилье является единственным и одновременно обременено ипотекой. Здесь пересекаются несколько фундаментальных правовых институтов: исполнительский иммунитет единственного жилья, право залогового кредитора на преимущественное удовлетворение, публично-правовая обязанность выделить доли детям и ограничения, установленные постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2021 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Постановление № 15-П). Конституционный Суд последовательно проводит линию на то, что исполнительский иммунитет не является абсолютным и может быть преодолен, если жилье по своим характеристикам значительно превышает нормативы, установленные для семьи должника. При этом замещающее жилье должно предоставляться с учетом интересов всех членов семьи, включая детей, и не может быть произвольно уменьшено по площади ниже социальной нормы.

В отношении жилья, приобретенного с использованием материнского капитала, судебная практика выработала подход, согласно которому доли детей не могут быть обременены ипотекой и не подлежат реализации в счет долгов родителей, поскольку дети не являются созаемщиками и не участвовали в обеспечении кредитного обязательства. Суды все чаще указывают, что в таких ситуациях обращение взыскания возможно исключительно на доли супругов, а реализация целого объекта допустима лишь при условии предварительного выдела детских долей в натуре либо их денежной компенсации, если выдел в натуре невозможен, что фактически блокирует продажу с торгов большинства квартир [3].

Коллизия усугубляется несовершенством механизма оспаривания сделок в банкротстве. Нередки случаи, когда финансовый управляющий либо кредиторы ставят вопрос о признании недействительным соглашения об определении долей в жилом помещении, заключенного во исполнение Закона № 256-ФЗ, ссылаясь на то, что оно направлено на вывод активов из конкурсной массы. Однако судебная практика, поддерживаемая разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации, исходит из того, что такое соглашение не может быть оспорено по правилам главы III.1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее Закон о банкротстве),

поскольку обязанность по выделу долей возникла в силу закона до возбуждения дела о банкротстве и ее исполнение не является сделкой, причиняющей вред кредиторам. Тем не менее на практике сохраняется проблема, связанная с тем, что обязанность по выделу долей зачастую не исполняется вплоть до момента возникновения имущественного спора или возбуждения процедуры банкротства, что создает правовую неопределенность и требует от судов ретроспективного определения размера долей. А также, вследствие того, что законом не закреплен четкий алгоритм расчета детских долей, существуют случаи заведомо заранее составленных и зарегистрированных соглашений с определением равных долей всем членам семьи, с целью уменьшения доли будущего супруга, что может считаться злоупотреблением правом и приводить к очередным судебным спорам.

Другой аспект коллизионности проявляется при разделе имущества супругов в рамках дела о банкротстве. Согласно части 1 статьи 213.26 Закона о банкротстве, общее имущество супругов подлежит реализации в процедуре банкротства целиком, а причитающаяся супругу должника часть выручки выплачивается после удовлетворения требований кредиторов. В отношении жилья с материнским капиталом возникает вопрос: в какой момент должны быть определены и выделены доли детей – до или после продажи? Если до продажи, то предметом реализации становится лишь доля, принадлежащая должнику и, возможно, его супругу, что затрудняет поиск покупателя и снижает цену. Если после, то возникает риск нарушения прав детей. Сложившаяся судебная практика ориентирует на приоритет предварительного выдела детских долей, обязывая финансового управляющего обращаться в суд общей юрисдикции с заявлением об определении долей всех членов семьи до выставления имущества на торги. Указанное правило синхронизирует банкротное производство с семейным законодательством, однако порождает дополнительные процессуальные сложности и может затягивать сроки конкурсного производства, что влечет увеличение текущих расходов.

Значительный теоретический и практический интерес представляет проблема «замещающего жилья» при реализации единственного жилья должника, обремененного правами детей. Конституционный Суд в Постановлении № 15-П допустил обращение взыскания на такое жилье при условии предоставления должнику и членам его семьи иного пригодного помещения. Применительно к материнскому капиталу возникает вопрос: должно ли замещающее жилье также оформляться в долевую собственность детей? Буквальное толкование Закона № 256-ФЗ позволяет утверждать, что первоначальная обязанность по выделению долей погашается однократным ее исполнением, и в случае утраты жилья по независящим от родителей причинам повторное наделение детей долями не требуется. Однако судебная практика склоняется к тому, что если реализация жилья произведена в рамках банкротства и вырученных средств недостаточно для приобретения равноценного жилья с сохранением долей детей, суд должен рассмотреть вопрос о компенсации

детских долей из конкурсной массы в первоочередном порядке перед расчетами с кредиторами. Данный подход фактически признает за обязательством по выделу долей характер требования, имеющего приоритет перед реестровыми кредиторами, что является значимым отступлением от общих правил очередности удовлетворения требований кредиторов.

Таким образом, правовые коллизии в сфере распоряжения материнским капиталом при разделе имущества супругов и банкротстве прошли путь от полной неурегулированности к частичной гармонизации, однако сохраняются в части очередности удовлетворения требований детей и кредиторов, определения правовой природы детской доли как вещного обременения и механизмов замещения жилья. Дальнейшее развитие законодательства должно идти по пути более четкого закрепления принципа безусловного приоритета жилищных прав несовершеннолетних, а также совершенствования процессуальных механизмов, исключающих возможность обхода императивных требований о выделении долей [2].

Проведенное исследование показало, что правовое регулирование отношений, связанных с распоряжением материнским капиталом при разделе имущества супругов и банкротстве, находится в стадии активного развития. Разъяснения высших судебных инстанций, прежде всего постановление ВС РФ № 48 и постановление № 15-П, позволили разрешить ряд фундаментальных коллизий: определено исключение детских долей из конкурсной массы, установлена обязанность предварительного выдела долей до реализации имущества, ограничена возможность оспаривания соглашений об определении долей как подозрительных сделок. Вместе с тем, сохраняется правовая неопределенность в вопросах, касающихся замещения единственного жилья с детскими долями, очередности компенсации стоимости долей при недостаточности вырученных средств и процессуального взаимодействия судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Анализ судебной практики и конституционных позиций подтверждает тенденцию к приоритетной защите прав несовершеннолетних, что соответствует основам конституционного строя Российской Федерации. Для полного устранения правовых коллизий целесообразна дальнейшая унификация норм, регулирующих статус долей детей, приобретенных за счет публичных средств, в законодательстве о банкротстве и семейном законодательстве, а также разработка специального порядка реализации жилых помещений с детскими долями, обеспечивающего баланс интересов всех участников, а также, совершенствование действующего законодательства на предмет четкого определения алгоритма расчета долей в праве собственности на жилое помещение, принадлежащих несовершеннолетним членам семьи.

Пристатейный список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 2.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2021. – № 4.
3. Обзор судебной практики по делам, связанным с реализацией права на материнский (семейный) капитал (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.06.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 9.
4. Право социального обеспечения : учебник / М. Л. Захаров, Э. Г. Тучкова. – 4-е изд. – Москва, 2005.

УДК 347.4

Дмитрий Анатольевич Лебедев,
студент специалитета 5-го курса факультета высшего образования
Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Санкт-Петербург, Россия
dmitriy.lebedev42351@gmail.com

Научный руководитель:
Степанова Елена Евгеньевна,
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры
гражданского права Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Санкт-Петербург, Россия
helens8228@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РИЕЛТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена отсутствием единой нормативной конструкции риелторской деятельности. Цель статьи – определить оптимальную модель специального регулирования деятельности риэлторов. Проанализированы действующее законодательство, законопроект № 71948-3 и судебная практика. Обоснована модель реестрового допуска, квалификационных требований и стандарта разумной профессиональной осмотрительности.

Ключевые слова: риелторская деятельность; недвижимость; реестровый допуск; защита прав потребителей; саморегулирование.

Риелторская деятельность является устойчивым элементом оборота недвижимости, однако специальный федеральный закон, комплексно определяющий статус профессионального посредника, отсутствует. Соответствующие отношения регулируются нормами о возмездном оказании услуг, поручении,

комиссии и агентировании [1], законодательством о защите прав потребителей [2], государственной регистрации недвижимости [3] и противодействии легализации доходов [4]. Пункт 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 прямо относит посреднические услуги на рынке недвижимости, оказываемые гражданам для личных нужд, к сфере действия законодательства о защите прав потребителей [5]. Следовательно, проблема состоит не в правовом вакууме, а в отсутствии единой нормативной конструкции профессиональной деятельности.

Содержание работы риелтора не укладывается в один договорный тип. Подбор объекта, консультирование и анализ документов соответствуют модели возмездного оказания услуг; юридические действия от имени клиента – поручению; совершение сделки от своего имени за счет клиента – комиссии; сочетание юридических и фактических действий – агентированию. Поэтому специальный закон не должен предусматривать новый универсальный договор взамен имеющихся в ГК РФ. Предметом регулирования целесообразно сделать профессиональный статус, минимальные требования к качеству услуги и ответственности исполнителя.

Фрагментарность особенно заметна применительно к проверке объекта. Федеральный закон № 218-ФЗ определяет состав и порядок предоставления сведений ЕГРН, включая сведения о правах, ограничениях, правопритязаниях и ряде публично значимых характеристик объекта [3], но не устанавливает, какими источниками обязан пользоваться риэлтор и где заканчивается его профессиональная проверка.

Научная литература также фиксирует потребность в определении статуса риэлтора и содержания его обязанностей: П. П. Баттахов обосновывает специальное законодательное регулирование [6, с. 126–127], а А. Г. Маклер связывает профессиональную подготовку с четким нормативным определением круга компетенций [7].

Проект Федерального закона № 71948-3 «О риэлтерской деятельности в Российской Федерации» предусматривал широкое понятие риэлтерской деятельности, обязательное лицензирование, аттестацию специалистов, единый государственный реестр, специальный федеральный орган регулирования, права на получение информации, обязанности перед клиентом, письменный договор и профессиональные организации [8]. Пояснительная записка определяла основной целью единство регулирования на территории России и специально подчеркивала потребительскую и информационную направленность проекта [9]. Эти идеи сохраняют аналитическое значение, хотя сам проект был отклонен в 2002 г.

С современных позиций сильными сторонами проекта следует признать открытый реестр, квалификационный фильтр, письменную форму договора, точное определение услуг и полномочий, обязанность сообщать клиенту полную и достоверную законно получаемую информацию [8]. Напротив, классическое лицензирование и чрезмерно широкий доступ к персональным сведениям нуждаются в переосмыслении. Действующий Федеральный закон

№ 99-ФЗ не относит риелторскую деятельность к лицензируемым видам [10]; введение лицензирования означало бы новый административный барьер и требует более веского обоснования, чем сама по себе социальная значимость сделок с жильем.

Квалификационный элемент может быть построен иначе. Приказом Минтруда России от 10 сентября 2019 г. № 611н утвержден профессиональный стандарт «Специалист по операциям с недвижимостью» [11]. Его использование в качестве основы независимой оценки квалификации позволяет отказаться от требования обязательного высшего юридического образования для каждого риэлтора: профессия включает не только юридические, но и информационные, организационные и переговорные функции.

Договорная неопределенность проявляется в спорах об объеме услуги и вознаграждении. Ф. Ф. Шпанагель на примере риелторской деятельности обращает внимание на доказательственное значение оформления факта оказания услуг [12, с. 155–156]. Представляется обоснованным законодательно требовать при оказании риелторских услуг заключения письменного договора с конкретным перечнем услуг, пределами полномочий, порядком взаимодействия, размером либо способом определения вознаграждения, правилами привлечения третьих лиц, раскрытия информации, ответственности и прекращения договора. При этом право потребителя на отказ от услуги и оплата фактически понесенных расходов должны сохраняться в соответствии с Законом РФ № 2300-1 [2].

Центральной проблемой является стандарт профессиональной осмотрительности. В Определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30 января 2026 г. № 88-1020/2026 поддержан вывод о ненадлежащем исполнении риэлтором обязанностей при покупке квартиры в аварийном доме: исполнитель ограничился сведениями ЕГРН, хотя информация об аварийности была публично доступна в ГИС ЖКХ. Суд исходил из того, что профессиональный участник рынка при должной внимательности и осмотрительности мог получить существенную для клиента информацию [13]. Тем самым правоприменение фактически формирует специальный критерий качества, прямо законом пока не закрепленный.

Вместе с тем такой критерий не должен превращаться в гарантию «юридической чистоты». Обязанность риэлтора – квалифицированное поведение: проверить юридически значимые сведения в законно доступных официальных источниках и документах, сопоставить их, предупредить клиента о выявленных рисках и обозначить пределы проверки. Ответственность не должна наступать за обстоятельства, которые объективно невозможно было выявить при разумной профессиональной проверке.

Исследование Т. Р. Лукашенок и Е. Г. Ефимовой, рассматривающее аттестацию, сертификацию и саморегулирование, также подтверждает проблему недостаточной прозрачности профессионального посредничества [14].

Современный проект № 733447-8 «О деятельности в сфере оказания услуг по операциям с недвижимостью» отражает переход от лицензирования

к реестровому и квалификационному подходу. В публичных материалах о проекте сообщалось о реестрах риэлторов, государственном надзоре и квалификационных требованиях; в 2025 г. после правительственных замечаний документ был направлен на существенную доработку, в том числе из-за недостаточной определенности статуса реестра, территориальных ограничений и расходов на оценку квалификации [15]. В 2026 г. на коллегии Росреестра представлена новая концепция, в которой вновь центральными элементами названы специальный реестр и договор возмездного оказания услуг [16]. Эволюция очевидна: вместо модели «лицензия – контроль лицензиата» формируется модель «реестр – квалификация – стандарты услуги».

По нашему мнению, перспективным является специальное федеральное регулирование без восстановления классической лицензии. Риэлторскую деятельность предлагается определить как осуществляемую профессионально, систематически и за вознаграждение в интересах клиента деятельность по подготовке, организации, заключению и (или) сопровождению сделок с недвижимым имуществом и правами на него, включающую информационные, консультационные, организационно-посреднические действия, проверку юридически значимых сведений и подготовку документов. Такое определение отграничивает профессиональное посредничество от операций с собственным имуществом и от самостоятельных регулируемых профессий.

Первым механизмом регулирования деятельности риэлторов должен стать единый федеральный государственный реестр. Региональная множественность реестров не соответствует трансграничному для субъектов Российской Федерации характеру сделок и профессиональных услуг. Условиями реестрового допуска целесообразно установить подтвержденную квалификацию ответственного специалиста и наличие страхования профессиональной ответственности. Публичная часть реестра должна позволять проверить идентификационные данные исполнителя, статус квалификации, страхование и наличие приостановления либо прекращения допуска.

Вторым механизмом являются минимальные квалификационные требования на основе профессионального стандарта [11]: профессиональная подготовка, квалификационный экзамен или независимая оценка квалификации и периодическое повышение квалификации; третьим – обязательный письменный договор; четвертым, – стандарт разумной профессиональной осмотрительности: проверка официально доступных сведений, предупреждение о существенных рисках и фиксация объема проверки. Перечень технических источников целесообразно обновлять подзаконным актом, чтобы он следовал развитию государственных информационных систем.

Пятым механизмом должно стать обязательное раскрытие клиенту известных или выявленных при проверке обстоятельств, способных существенно повлиять на решение о сделке, ее цену или условия; шестым – имущественное обеспечение ответственности. Базовым вариантом представляется обязательное страхование профессиональной ответственности; компенсаци-

онный фонд СРО может служить дополнительной гарантией для ее членов. Обязательное членство в СРО на первоначальном этапе не требуется: Федеральный закон № 315-ФЗ исходит из добровольности членства, если иное специально не установлено федеральным законом [17]. Предпочтительна смешанная модель, при которой государство задает обязательный минимум, а профессиональные объединения добровольно развивают более высокие стандарты, обучение и внесудебное рассмотрение жалоб.

Исключительно фрагментарное регулирование не формирует единого стандарта профессионального поведения риэлтора, поэтому специальное федеральное регулирование представляется целесообразным. Механическое восстановление лицензирования проекта № 71948-3 не является оптимальным; более предпочтителен федеральный реестровый допуск, связанный с квалификацией и имущественной ответственностью. Квалификационный фильтр должен опираться на профессиональную подготовку и независимую оценку квалификации, а не на универсальное требование высшего юридического образования. Ключевой нормой будущего закона должен стать стандарт разумной профессиональной осмотрительности с обязанностью проверять законно доступные сведения, предупреждать о рисках и фиксировать пределы проверки без возложения абсолютной гарантии результата. Необходимы обязательный письменный договор, специальная информационная обязанность и страхование профессиональной ответственности при сохранении общих гражданско-правовых и потребительских способов защиты. Будущий Федеральный закон «О риэлторской деятельности в Российской Федерации» целесообразно построить по главам: общие положения; субъекты и федеральный реестр; квалификационные требования; договор и права клиента; профессиональная проверка и раскрытие информации; ответственность и страхование; государственный контроль и саморегулирование; информационное взаимодействие; заключительные и переходные положения.

Пристатейный список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 09.06.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
2. О защите прав потребителей : Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 28.12.2025, с изм. от 17.02.2026) // Российская газета. – 1996. – 16 янв.
3. О государственной регистрации недвижимости : Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Российская газета. – 2015. – 17 июля.
4. О противодействии легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Российская газета. – 2001. – 9 авг.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Российская газета. – 2012. – 11 июля.
6. *Баттахов, П. П.* Некоторые аспекты правового регулирования риэлторской деятельности в России / П. П. Баттахов // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 12 (228). – С. 126–129.
7. *Маклер, А. Г.* Профессиональная подготовка риелторов в Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ / А. Г. Маклер // Хозяйство и право. – 2024. – № 9. – С. 88–95.
8. О риэлтерской деятельности в Российской Федерации : проект Федерального закона № 71948-3 // СПС «Гарант».
9. Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 71948-3 «О риэлтерской деятельности в Российской Федерации» // СПС «Гарант».
10. О лицензировании отдельных видов деятельности : Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Российская газета. – 2011. – 6 мая.
11. Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по операциям с недвижимостью» : Приказ Минтруда России от 10.09.2019 № 611н // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. – URL: http://www.pravo.gov.ru, 25.11.2019.
12. *Шпанагель, Ф. Ф.* Свойства гражданско-правовых услуг и вопросы исполнения договора возмездного оказания услуг в судебной практике (на примере риелторской деятельности) / Ф. Ф. Шпанагель // Теория и практика общественного развития. – 2024. – № 6. – С. 155–159.
13. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30.01.2026 по делу № 8Г-22975/2025 [№ 88-1020/2026-(88-22226/2025)] // СПС «Гарант».
14. *Лукашенок, Т. Р.* Регулирование рынка риэлторских услуг в регионе / Т. Р. Лукашенок, Е. Г. Ефимова // Креативная экономика. – 2023. – Т. 17, № 12. – С. 4849–4866.
15. *Ковалева, М.* Закон о риелторской деятельности: что готовится и что изменится для клиента / М. Ковалева // Realty5 : сайт. – URL: https://realty5.ru/articles/zakon-o-rieltorskoy-deyatelnosti (дата обращения: 14.09.2026).
16. Подготовлена концепция закона о регулировании риелторской деятельности / Управление Росреестра по Республике Марий Эл // КартГеоЦентр : сайт. – URL: https://kartgeocentre.ru/polezno-znat/podgotovlena-koncepciya-zakona-o-regulirovanii-rieltorskoy-deyatelnosti (дата обращения: 14.09.2026).
17. О саморегулируемых организациях : Федеральный закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Российская газета. – 2007. 6 дек.

УДК 347.1

Александр Валерьевич Логинов,
доктор политических наук, профессор кафедры
гражданского права и процесса
Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
Loginov77@rambler.ru

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ БИЗНЕС-СООБЩЕСТВА ОТ ДИФФАМАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И НАПРАВЛЕНИЯ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. Исторически основные подходы к защите чести, достоинства и деловой репутации в российском праве эволюционировали от мер уголовно-правового преследования к доминированию гражданско-правовых методов. Вместе с тем современные реалии, связанные с анонимностью в интернете, трудностями доказывания, трансграничным переносом информации, выявили значимые пробелы в действующих механизмах правовой защиты. Целью данной статьи является всесторонний анализ проблемных аспектов гражданско-правовой защиты от диффамации и определение основных направлений их решения.

Ключевые слова: диффамация; честь; достоинство; деловая репутация; правовые механизмы; проблемы привлечения к ответственности.

В цифровую эпоху, характеризующуюся высокой скоростью распространения информации и широким использованием интернет-платформ, проблема диффамации (от лат. *diffamatio* – опорочение, лишение чести, доброго имени) – распространение сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию, – приобретает особую остроту. На практике свобода слова как одно из фундаментальных прав демократического государства зачастую вступает в противоречие с необходимостью защиты личных неимуществен-

ных благ. В мировой юридической практике, в зависимости от соответствия распространяемых сведений действительности и субъективного отношения распространителя к своим действиям, сложилось три состава диффамации:

1) распространение заведомо ложных порочащих сведений – умышленная недостоверная информация, или клевета;

2) неумышленное распространение ложных порочащих сведений – неумышленная недостоверная диффамация;

3) распространение правдивых порочащих сведений – достоверная диффамация [1].

Согласно положениям ст. 152 ГК РФ, для удовлетворения иска о защите чести, достоинства или деловой репутации судом должна быть установлена совокупность трех условий:

1. Сведения должны носить *порочащий характер*, т.е. должны содержать негативную оценку лица, умалять его честь, достоинство или деловую репутацию. Они должны свидетельствовать о неблаговидном поведении лица, нарушении моральных норм, некомпетентности и пр.

2. Сведения д*олжны быть распространены*, т.е. доведены до третьих лиц тем или иным путем (размещение в интернете, публикация в медиа-ресурсах, устное сообщение и др.).

3. Сведения *не должны соответствовать действительности*, т.е. они должны быть ложными, недостоверными [2].

Отсутствие хотя бы одного из этих условий, включая доказанный факт соответствия сведений действительности, является основанием для отказа в удовлетворении заявленных требований.

Следует обратить внимание, что на этом пути возникает первая весьма значимая проблема. Как было отмечено нами выше, диффамация в широком смысле – это распространение о лице порочащих его сведений, и она может быть достоверной или недостоверной. Если исходить из буквального толкования ч. 1 ст. 152 ГК, то за достоверную диффамацию, по общему правилу, ответственность не наступает. Однако есть исключения из этого правила, когда ситуация не так однозначна. Например, когда достоверная диффамация причиняет вред неприкосновенности частной жизни или, как вариант, когда информацию исказили путем «вырывания» из контекста, в результате чего сформировалось ложное впечатление о субъекте. В данных примерах проблема кроется в свободе судейского усмотрения, так как при принятии решения суд должен исходить из баланса интересов сторон: с одной стороны обеспечить право лица на защиту деловой репутации, а с другой – не ущемить право на свободу слова и массовой информации. На этом пути суды должны исследовать, были ли у распространителя веские основания считать сведения правдивыми и не было ли умысла исключительно навредить истцу.

Обязанность доказывать соответствие действительности распространенных сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию, лежит на ответчике. Истец же обязан доказать факт распространения этих сведений ответчиком и их порочащий характер [3]. В рассматриваем круге процес-

суальных отношений наиболее контрастно проявляется проблема сложности доказывания приведенных выше фактов сторонами, что является наиболее значимым препятствием на пути эффективной защиты от диффамации.

Например, факт распространения информации в сети интернет нередко требует проведения технической экспертизы, в целях подтверждения даты и времени публикации, а также авторства. Простые скриншоты зачастую не являются надлежащим доказательством, поскольку ответчик может указать на возможность его редактирования. В таком случае истцу придется доказывать факт публикации с помощью заключения эксперта и свидетельских показаний.

В проблемный ракурс также попадает бремя доказывания ложности распространенных сведений. Фактор времени может наложить на данный процесс свой отпечаток. Так, например, если сведения носят оценочный характер либо имеют отношение к событиям, произошедшим в прошлом, то зачастую представить исчерпывающие доказательства их несоответствия действительности бывает крайне сложно.

Также на практике весьма сложно бывает провести четкую границу между критикой и диффамацией, поскольку при доказывании достаточно высока степень субъективизма сторон. Суды в данной ситуации вынуждены подходить к вопросу оценочно, устанавливая, действительно ли распространенные сведения унижают честь и достоинство лица или же это является допустимой критикой. Публикация негативных отзывов о работе ресторана, с критикой качества приготовленных блюд и системы обслуживания, как правило, не признается диффамацией, при условии, если такая критика не содержит недостоверной информации и не переходит в личные оскорбления. Вместе с тем, если в отзыве утверждается, что ресторан использует просроченные продукты, что не соответствует действительности, то такой отзыв может быть признан диффамацией.

Следует также отметить, что, хотя ст. 152 ГК РФ исходит из презумпции вины распространителя порочащих сведений, однако на практике истец вынужден доказывать не только факт распространения этих сведений ответчиком и их порочащий характер, но и факт того, что ответчик при этом действовал умышленно или по неосторожности. Последнее обстоятельство в случае с интернет-публикациями, особенно анонимными, доказать бывает весьма затруднительно. Поскольку социальные сети, блоги, форумы зачастую предоставляют возможность оставлять комментарии под вымышленными именами без идентификации, в данном контексте наиболее контрастно проявляется проблема установления личности распространителя порочащих сведений, главным образом в анонимном интернет-пространстве.

Еще одной проблемой является позиция судов по поводу ответственности владельцев интернет-ресурсов. Практика показывает, что последние зачастую привлекаются к ответственности, когда владелец ресурса знал о распространении недостоверных сведений и не принял мер к их удалению, что доказывать бывает весьма сложно. Так, например, суды нередко отказыва-

ют в иске к социальной сети, мотивируя это тем, что данный ресурс является лишь платформой для размещения информации пользователями сети, а потому не несет ответственности за контент, если владелец интернет-ресурса не был уведомлен о противоправности контента.

В условиях трансграничного характера распространения информации, когда само распространение осуществляется с серверов, находящихся за пределами государства, происходит существенное усложнение идентификации ответчика и сложности применения российского законодательства.

Следует отметить, что даже при успешном доказывании факта диффамации применяемые меры защиты не всегда оказываются эффективными.

Так, например, опубликованное спустя значительное время опровержение порочащих конкретное лицо недостоверных сведений зачастую теряет свою силу. На практике многие пользователи интернет-ресурса уже ознакомились с первоначальной публикацией, но само опровержение впоследствии не прочитали. Скажем, политик, чья деловая репутация была подорвана в процессе диффамации, добился в суде ее опровержения. Однако большинство граждан уже успели, на основе первоначальной публикации, сформировать негативное мнение о нем. Как следствие, опровержение не смогло полностью восстановить его репутацию.

К числу проблем, возникающих на пути доказывания факта диффамации, следует также отнести: сложности компенсации морального вреда; несоразмерность компенсации понесенным истцом нравственным и физическим страданиям [4]; проблему «цифрового следа» в процессе распространения порочащих лицо ложных сведений [5]; отсутствие действенных превентивных механизмов (когда сама защита носит преимущественно репаративный характер, направленный на возмещение уже причиненного вреда, а не на предотвращение его возникновения); проблему разграничения гражданско-правовой и уголовно-правовой ответственности в составах диффамации [6] и др.

В целях совершенствования рассматриваемого института обозначим основные доктринальные и нормативно-правовые критерии оптимизации его правового регулирования.

1. Существует потребность в дальнейшем совершенствовании процедур доказывания, в частности, разработке более четких методических рекомендаций для проведения экспертизы по фиксации информации в сети интернет. Есть необходимость закрепления на законодательном уровне презумпции достоверности скриншотов, сделанных нотариально заверенным способом либо с использованием специализированного программного обеспечения.

2. Усиление ответственности владельцев интернет-платформ путем возложения на них обязанности по мониторингу и удалению диффамационного контента после получения соответствующего уведомления.

3. Упрощение идентификации ответчиков путем создания механизмов взаимодействия интернет-провайдеров и правоохранительных органов для деанонимизации распространителей порочащих сведений при соблюдении баланса между правами на частную жизнь и свободой слова.

4. Повышение эффективности мер защиты путем пересмотра существующих доктринальных и правоприменительных подходов к определению размеров компенсации морального вреда для более адекватного отражения степени причиненного ущерба, нанесенного в результате диффамации.

5. Активное развитие альтернативных способов разрешения споров, в частности, популяризация медиации как менее затратного способа восстановления прав.

В заключение следует отметить, что гражданско-правовая защита от диффамации в современной России неизбежно сталкивается с совокупностью серьезных проблем. Большая часть этих проблем связана с динамичным развитием информационных технологий, их трансграничным характером и сложностями материальной, в первую очередь адекватной законодательной, фиксации виртуальной реальности. Отсюда возникают сложности в доказывании состава диффамации, трудности с идентификацией ответчиков и недостаточной эффективностью применяемых мер защиты. Для повышения эффективности защиты необходимо применение инструментария комплексного подхода к решению этих проблем, включающего, в частности, законодательные инициативы, нацеленные на упрощение процедур доказывания и идентификации, усиление ответственности интернет-платформ и совершенствование мер защиты в условиях информатизации общества.

Пристатейный список литературы

1. Диффамация // Строительные технологии сегодня : сайт. – URL: https://hleb-produkt.ru/stati/26397-diffamaciya.html.
2. *Саренко, О. Г.* Право гражданина на защиту чести, достоинства и деловой репутации / О. Г. Саренко // Россия. Мир. Сенсации : сайт. – URL: https://www.mngz.ru/russia-world-sensation/2884373-pravo-grazhdanina-na-zaschitu-chesti-dostoinstva-i-delovoy-reputacii.html.
3. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16 марта 2016 г.) // Бюллетень ВС РФ. 2016. – № 10.
4. *Терентьева, О. В.* Проблемы определения размера компенсации морального вреда / О. В. Терентьева // Вестник академии управления и производства. – 2024. – № 4-2. С. 958–964.
5. *Азаров, А. П.* Защищаем деловую репутацию гражданина в цифровой среде: инструкция к применению / А. П. Азаров // Гарант.ру : сайт. – URL: https://www.garant.ru/ia/opinion/author/azarov/1476463/
6. *Невзгодина, Е. Л.* Диффамация как правовая категория / Е. Л. Невзгодина, Н. Н. Парыгина // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2016. – № 2 (47). С. 86–94.

УДК 347.91/.95

Анастасия Евгеньевна Матросова,
студентка 3-го курса факультета высшего образования
Казанского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Казань, Россия
matrosova3006@mail.ru

Научный руководитель:
Александр Рафаэльевич Шамигулов,
кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой
гражданского права и процесса Казанского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Казань, Россия
von.aleks7@yandex.ru

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РИЕЛТОРА ЗА НЕНАДЛЕЖАЩУЮ ПРОВЕРКУ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЧИСТОТЫ СДЕЛКИ: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Исследование актуально из-за рисков оспаривания сделок с недвижимостью. Целью статьи является раскрытие особенностей доказывания ответственности риелтора за некачественную проверку объекта. Проанализированы нормы Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, законодательство о защите прав потребителей. В результате сделан вывод о презумпции вины риелтора и ключевой роли доказывания причинной связи между его упущениями и убытками клиента.

Ключевые слова: риелтор; гражданско-правовая ответственность; сделка; бремя доказывания; возмещение убытков.

Актуальность темы определяется увеличением количества оспариваемых сделок с недвижимостью, в том числе возникновения споров о правах третьих лиц, распространения онлайн-сделок и прочее, при одновременном отсутствии

специального законодательства о риелторской деятельности. Как следствие, отсутствуют единые стандарты проверки юридической чистоты и однозначные критерии ответственности риелтора. Судам в каждом деле приходится самостоятельно оценивать условия договора и устанавливать причинно-следственную связь между действиями риелтора и возникшими убытками, что порождает противоречивую практику и ослабляет правовую защищенность участников рынка.

Ввиду отсутствия в Гражданском кодексе Российской Федерации самостоятельной модели «риелторского договора» практика выработала несколько подходов к его оформлению и определению юридической природы: договор возмездного оказания услуг, агентский договор, договор поручения, а также смешанные договорные конструкции. Выбор той или иной модели предопределяет содержание обязательства, основания, пределы и виды ответственности, а, как следствие, предмет и средства доказывания в гражданском или арбитражном судопроизводстве. Показательна в этом смысле позиция Арбитражного суда Волго-Вятского округа (Постановление от 29.06.2021 № Ф01-2886/2021 по делу № А11-2747/2020) [1]: суд переквалифицировал агентский договор с условием об исключительности в договор возмездного оказания услуг, признав условие об исключительности противоречащим принципу свободы собственности. Тем самым риелтор лишился права на упущенную выгоду, на которую рассчитывал, квалифицируя отношения как агентские. Так, в рамках возмездного оказания услуг риелтор несет ответственность за конкретные действия, принятые им по запросу клиента. В агентском договоре посредник не отвечает за неисполнение сделки третьим лицом – его ответственность ограничена несовершением необходимых действий в интересах принципала, если только он не принял на себя ручательство либо не проявил недостаточную осмотрительность при выборе контрагента.

Предмет доказывания по спорам о ненадлежащей проверке юридической чистоты включает: факт заключения договора с условием о проверке (экспертизе) юридической чистоты объекта; объем обязанностей риелтора, определяемый договором (охватывала ли проверка обременения, историю перехода прав, дееспособность сторон и т.п.); факт неисполнения или ненадлежащего исполнения – то есть подтверждение того, что проверки не проводились или проводились неполно; наличие убытков (ст. 15 Гражданского кодекса РФ); причинно-следственную связь между бездействием риелтора и наступившими потерями – ключевой и наиболее сложный для доказывания элемент [2].

Существенное значение имеет процессуальный статус клиента. Если заказчиком выступает физическое лицо, приобретающее услугу для личных нужд, применяется Закон РФ от 07.02.1992 №2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – ЗоЗПП) [3]. Это обеспечивает презумпцию вины исполнителя, то есть риелтор обязан доказать отсутствие своей вины, право потребителя отказаться от договора в любое время с оплатой лишь фактически понесенных расходов (ст. 32 ЗоЗПП, ст. 782 ГК РФ [4]), ничтожность условий, ущемляющих права потребителя, а также возможность взыскания компенсации морально-

го вреда и штрафа за неудовлетворение требований в добровольном порядке. Судебная практика подтверждает действенность этого механизма. Так, мировой судья в Краснодаре (решение оставлено в силе Четвертым кассационным судом), установив, что риелтор предложил клиентке семь вариантов, ни один из которых не соответствовал ее требованию о возможности содержания кошки, взыскал стоимость услуг, неустойку, компенсацию морального вреда и потребительский штраф – всего более 50 000 рублей. Аналогично Сухоложский городской суд Свердловской области по делу №2-390/2025 взыскал с риелтора компенсацию морального вреда 5 000 рублей и потребительский штраф 77 500 рублей [5, 6]. Если же между сторонами сложились отношения, не связанные с оказанием услуг, например, соглашение о бронировании квартиры, то Закон о защите прав потребителей может не применяться, и защита строится исключительно на нормах Гражданского кодекса РФ.

В соответствии с общим правилом ст. 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации бремя доказывания обстоятельств, на которые ссылается сторона, возлагается на нее саму [7]. Истец должен доказать факт заключения договора, наличие убытков и причинно-следственную связь между действиями (бездействиями) риелтора и наступившими потерями. Однако в случае, когда клиент выступает потребителем, вступает в действие презумпция вины исполнителя (ст. 14 Закона «О защите прав потребителей»): риелтор обязан самостоятельно доказать, что предпринял все меры для надлежащего исполнения обязательства и что его вина отсутствует. В пункте 28 Постановления Пленума ВС РФ от 28.06.2012 года № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» разъясняется, что бремя доказывания обстоятельств, освобождающих от ответственности, возлагается именно на исполнителя [8]. Вместе с тем, когда клиенту приходится опровергать уже подписанный акт об оказании услуг, бремя доказывания фактического неисполнения ложится на него. Так, Железногорский городской суд Красноярского края (решение от 24.04.2025 по делу ООО «Краевая юридическая компания»), ссылаясь на ст. 56 ГПК РФ, указал, что каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается, и отказал клиенту, не признававшему акт [9]. Отметим, что, если лицо не является потребителем, например, в спорах с участием юридического лица, судам необходимо применять общий режим, установленный статьей 401 ГК РФ. Данная статья устанавливает, что вина юридического лица в делах о защите прав потребителя презюмируется и, тем самым, распределение между сторонами спора бремени доказывания необходимо строить в ином ключе.

Суд в качестве доказательств принимают следующее: отчеты риелтора о проверке объекта недвижимости, отчет о проверке продавца (например, наличие статуса банкрота у продавца, сведения о дееспособности продавца и др.); договор об оказании риелторских услуг; записи, сделанные в ходе переговоров и др. Обратим внимание, что особое внимание необходимо уделять возможности предотвращения возможных рисков по сделке (например, наличие обременений у объекта недвижимости).

Анализ судебной практики показывает, что, если обязанность риелтора проверить юридическую чистоту объекта недвижимости прямо не закреплена в договоре об оказании риелторских услуг, то суд вопрос о взыскании убытков и стоимости услуг решит отрицательно. В частности, при утрате клиентом права собственности на объект недвижимости вследствие того, что риелтор в должной степени не проверил объект на наличие возможных рисков, то суд примет во внимание объем закрепленных в договоре обязанностей риэлтора. Государство в лице своих органов в такой ситуации однозначно встает на защиту прав потребителя, то есть покупателя объекта недвижимости.

Напротив, если в договоре об оказании риелторских услуг обязанности риэлтора сформулированы размыто (например, «оказание информационных услуг», «оказание содействия в заключении сделки»), то суд может отказать в иске покупателю, так как риелтор формально выполнил свое обязательство, передавая информацию об объекте недвижимости, и фактически не несет ответственности за последующие проблемы с чистотой сделки. Если стороны не заключили соглашение о выполнении работ или оказании услуг, а, например, ограничились заключением соглашения о задатке, то суд может к таким спорам не применять законодательство о защите прав потребителя. Таким образом, исход спора между покупателем и риэлтором напрямую зависит от того, насколько детально и четко в договоре был определен объем обязанностей риелтора по проверке юридической чистоты, т.е. всей совокупности сведений об объекте недвижимого имущества, при наличии которых заказчик принимает на себя возможные риски самостоятельно.

Другой совокупностью обстоятельств, подлежащих доказывания, на наш взгляд, выступают фактический объем оказанных риелтором услуг и соразмерность удержанного аванса оказанным услугам (статья 782 ГК РФ) или возмещение заказчиком исполнителю фактически понесенные последним расходы, если иное не предусмотрено законом или договором возмездного оказания услуг, в случае, когда невозможность исполнения возникла по обстоятельствам, за которые ни одна из сторон не отвечает, (форс-мажор).

Анализ правоприменительной практики показывает, что в предмет доказывания также включаются обстоятельства, связанные с установление причинения убытков.

Однако доказать их наличие на практике оказывается сложно, что влечет отказ в удовлетворении подобных требований.

В качестве примера можно обратиться к следующему делу:

истица обратилась в суд с иском к физическим лицам и ООО «Мастер Риэлти» о взыскании уплаченной суммы аванса в размере 30 000 руб., в обеспечение обязательств по приобретению квартиры, процентов за пользование чужими денежными средствами, убытков в размере 150 000 руб. в виде разницы в стоимости приобретенного жилого помещения и квартиры, подобранной риелтором и находящейся в собственности иного лица, судебных расходов, ссылаясь на то, что в установленный срок сделка не состоялась, перечисленные денежные средства до настоящего времени покупателю не возвращены.

Решением Тверского районного суда, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда, исковые требования удовлетворены частично: взысканы неосновательное обогащение 30 000 руб., проценты за пользование чужими денежными средствами в порядке ст. 395 ГК РФ на сумму 30 000 руб. по день фактического исполнения решения суда, расходы по уплате государственной пошлины 1 100 руб. В удовлетворении требований о взыскании убытков в размере 150 000 рублей отказано (Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 01.08.2023 по делу № 88-15803/2023) [10].

На практике можно выделить ряд процессуальных трудностей привлечения риелтора к ответственности. Прежде всего, к таким трудностям можно отнести отсутствие специального законодательства, которое бы допускало различную квалификацию договора с риелтором (например, возмездное оказание услуг, агентский договор и т.д.), что непосредственно определяло бы объем ответственности и предмет доказывания. Во-вторых, включение в договор нечетко сформулированных договорных обязательств («информационные услуги», «содействие в сделке»), что создает для риелтора возможность формального исполнения своих обязанностей, тогда как клиент лишен реальных средств доказать, что обязанность проверки юридической чистоты охватывалась объемом услуг, включенных в договор. В-третьих, возможность применения норм Закона о защите прав потребителей, которая обусловлена квалификацией договорных отношений. Так, если договор оказания риэлторских услуг признается услугой для личных нужд покупателя, то действует презумпция вины риэлтора, в остальных случаях бремя доказывания перекладывается на покупателя. Сложность подобных ситуаций состоит в доказывании причинно-следственной связи между действиями риелтора и убытками, понесенными покупателем, а также в подтверждении их реального размера. Проанализировав судебную практику, мы смогли прийти к выводу, что при рассмотрении подобных дел судами стороны спора не могут доказать свою позицию, например, отчеты о проверке риелторами оформляются редко и др. Судебная практика последних лет показывает, что удовлетворение иска не гарантирует фактического взыскания понесенных убытков, например, имущественное положение риелтора, который обладает статусом ИП не соответствует размеру взыскиваемых убытков и это препятствует исполнению судебного решения. В такой ситуации вопрос мог быть решен наличием страхования профессиональной ответственности риэлтора, но пока подобная практика не получила распространения. Таким образом, пробелы в российском законодательстве и неопределенность договорных условий снижают реальную защищенность покупателей объекта недвижимости.

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующий вывод, что отсутствие специального законодательства о риелторской деятельности и единых стандартов проверки юридической чистоты объектов недвижимости и сделок с недвижимостью влечет правовую неопределенность. На наш взгляд, необходимо внести в гражданское законодательство РФ нормы, которые бы четко

определяли объем ответственности риэлтора, а также нормы, устанавливающие обязанности риэлтора, для того чтобы исключить из договора об оказании услуг расплывчатые формулировки его обязанностей.

Пристатейный список литературы

1. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 29.06.2021 № Ф01-2886/2021 по делу № А11-2747/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. О защите прав потребителей : Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 28.12.2025, с изм. от 17.02.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 140.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 09.06.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
5. Решение мирового судьи судебного участка г. Краснодара по делу о ненадлежащем оказании риелторских услуг (оставлено в силе Четвертым кассационным судом общей юрисдикции) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 06.02.2025 по делу № 33-2054/2025 (УИД 66RS0052-01-2024-001681-90) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Российская газета. – № 156. – 2012.
9. Решение Железногорского городского суда Красноярского края от 24.04.2025 по делу № 2-551/2025 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: https://sudact.ru/
10. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 01.08.2023 по делу № 88-15803/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 347.5

Роман Викторович Олейник,
студент 4-го курса юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
Roman.Oleynik4@yandex.ru

Научный руководитель:
Марат Юрьевич Барышников,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского и предпринимательского права
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия

К ВОПРОСУ О ВНЕДОГОВОРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНОСТРАННОГО РИЕЛТОРА В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию коллизионно-правового регулирования и специфики применения института внедоговорной ответственности к иностранным риэлторам в международном частном праве. В условиях отсутствия специального законодательства и коллизионных привязок для риелторских услуг анализируются механизмы привлечения посредников к ответственности по правилам о деликтах, недобросовестном ведении переговоров, причинении вреда недостоверной информацией и неосновательном обогащении. Особое внимание уделено проблеме квалификации статуса «слабой стороны» в трансграничных отношениях.

Ключевые слова: международное частное право; внедоговорная ответственность; иностранный риелтор; квалификация услуг; деликтные обязательства; недобросовестное ведение переговоров; неосновательное обогащение; слабая сторона; защита потребителей; коллизионные нормы.

Трансграничный оборот недвижимости давно вышел за пределы сделок между собственниками. Между продавцом и покупателем стоит посредник,

зачастую иностранный. Он ведет переговоры, подбирает объекты, передает сведения об обременениях и принимает деньги. При возникновении спора клиент чаще всего предъявляет иск из договора. Договорного иска, однако, не всегда достаточно: договор может оказаться незаключенным или недействительным, в нем могут быть оговорки, ограничивающие ответственность. Пострадать может и лицо, с посредником вообще не связанное, например собственник объекта.

В таких случаях судебным органам необходимо применять институт внедоговорной ответственности, однако применительно к риелторским услугам этот вопрос остается фактически не разработанным, поскольку риелторская деятельность фактически регулируется только общими нормами гражданского права и внутренними профессиональными нормами. В российском законодательстве нет федерального закона о деятельности специалистов по сделкам с недвижимостью, а с 2002 года эта деятельность не подлежит лицензированию. Приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 10 сентября 2019 г. № 611н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по операциям с недвижимостью» перечислены трудовые действия, которые должен осуществлять риэлтор, в том числе:

– обработка первичных данных по объектам недвижимого имущества для реализации всех прав на него;

– первичное консультирование клиента в рамках определения его потребностей при приобретении (реализации) прав на недвижимое имущество;

– осуществление коммуникаций с участниками сделки, осуществление курьерских функций и вспомогательных действий при сопровождении сделки, при организации места проведения сделки, процедуры сделки с объектом недвижимости и при организации регистрации права или обременения объекта недвижимости.

Стоит подчеркнуть, что вышеуказанный документ не является нормативным правовым актом и не обязателен к исполнению [4]. В контексте же международного частного права можно заметить, что специального коллизионного правила для таких услуг Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) также не содержит, и суд вынужден опираться на общие нормы.

Отечественное законодательство устанавливает, что при определении права, подлежащего применению, толкование юридических понятий осуществляется в соответствии с российским правом. Отношения риэлтора и клиента в России обычно оформляются как возмездное оказание услуг (гл. 39 ГК РФ) либо как агентский договор (гл. 52 ГК РФ). Сама по себе услуга не порождает вещных прав, поэтому для квалификации договора с риэлтором как «договора в отношении недвижимого имущества» в смысле ст. 1213 ГК РФ оснований недостаточно. Исходя из этой позиции, делается вывод, что привязка к месту нахождения объекта здесь допустима лишь как косвенный фактор.

Требование к риэлтору суд может отнести к одной из трех групп: причинение вреда, включая вред от недостоверной информации об услуге (ст. 1095 ГК РФ); недобросовестное ведение переговоров (ст. 434.1 ГК РФ); неоснова-

тельное обогащение (гл. 60 ГК РФ), например возврат вознаграждения по несостоявшейся услуге. Для каждой группы в разделе VI ГК РФ есть своя коллизионная норма.

Рассматривая особенности деликтных обязательств, осложненных иностранным элементом, прежде всего, на себя обращают внимание две российские коллизионные нормы ст. 1219 ГК РФ.

Деликтное обязательство регулируется правом государства, в котором было совершено действие или иное обстоятельство, послужившее основанием для требования о возмещении ущерба. Если же ущерб причинен в другом государстве, тогда может применяться право этого государства, но при этом должно быть достоверно доказано, что причинитель вреда предвидел возможность возникновения ущерба там (п. 1 ст. 1219 ГК РФ). Что касается второго варианта выбора права, то применяется право страны, в которой стороны обязательств, вытекающих из деликта, имеют домицилий или основное место деятельности. Если стороны проживают или осуществляют деятельность в разных государствах, но являются гражданами или юридическими лицами одного государства, применяется право этого государства (п. 2 ст. 1219 ГК РФ). В содержании данной статьи усматривается применение принципа закона места деликта [3].

Правило первого пункта данной статьи подтверждается и позицией Верховного суда Российской Федерации, отмеченной в Постановлении Пленума от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации»: «если требование возникло при наступлении вреда на территории Российской Федерации, суд вправе применить к отношениям сторон право Российской Федерации». Для риэлтора, ведущего переговоры с российским клиентом из-за границы, это важное обстоятельство: действие совершено там, где посредник находится, а вред наступает там, где клиент теряет деньги. Однако предвидимость вреда суду придется оценивать по фактам, в том числе исходя из возможного недобросовестного умысла причинителя.

Пункт второй названной статьи дает приоритет общей личной привязке. Для иностранного риэлтора и российского клиента правило работает лишь при совпадении гражданства или общего личного закона. Такое совпадение на практике встречается редко, но возможно: русскоязычные агентства в Турции, ОАЭ или Черногории нередко осуществляют деятельность через российских граждан.

Наиболее интересна для нашей темы специальная норма ст. 1221 ГК РФ. Она предоставляет потерпевшему выбор из трех правопорядков (право страны причинителя вреда, право страны потерпевшего, право страны, где выполнена работа или оказана услуга). Пункт 4 статьи распространяет эти правила на вред от недостоверной или недостаточной информации о товаре, работе или услуге. Для риэлтора, сообщившего неверные сведения об объекте либо об условиях сделки, это на первый взгляд готовое решение для последующего привлечения к ответственности. Однако Верховный Суд в п. 47 вышена-

званного постановления ограничил сферу действия нормы: она применяется к приобретению товара, выполнению работы и оказанию услуги в потребительских целях, а не для предпринимательской деятельности.

Указанная позиция Верховного суда является достаточно спорной, поскольку в доктрине традиционно предлагается рассматривать слабую сторону шире, чем по признакам потребителя. Отмечается, что слабую сторону в гражданско-правовом договоре условно следует определять как участника договорных обязательств, который располагает значительно меньшим запасом определенных ресурсов, а именно: организационными, материальными, профессиональными, информационными и другими конкурентными, которые имеют значение для формирования, осуществления и защиты субъективного права в сравнении с контрагентом [1]. Гражданин, приобретающий недвижимость для сдачи в аренду через незнакомого иностранного посредника, в равной степени отвечает этому критерию.

Как уже было отмечено ранее, дополнительным инструментом привлечения риэлтора к ответственности является доказывание его недобросовестного поведения на переговорах. Заключение договора без предварительной договорной стадии и переговоров возможно только при заключении простых бытовых сделок, к которым оказание риелторских услуг совершенно точно отнести нельзя. При согласовании существенных условий договора переговоры являются важным элементом договорной деятельности. Существует множество ситуаций, где можно наблюдать недобросовестное поведение на этапе переговоров. Например, сторона может внести в условия сделки дефект, который будет влиять на ее действительность, но этот факт станет очевидным только после завершения сделки, т.е. после окончания переговоров. Поэтому поведение сторон весьма важно во время всего предварительного соглашения [2].

Коллизионный вопрос данной ответственности решает ст. 1222.1 ГК РФ: «К обязательствам, возникающим вследствие недобросовестного ведения переговоров о заключении договора, применяется право, подлежащее применению к договору, а если договор не был заключен, применяется право, которое применялось бы к договору, если бы он был заключен». В рассматриваемых в данной статье правоотношениях предполагаемый договор – возмездное оказание услуг или агентирование. По общему правилу ст. 1211 ГК РФ подлежит применению право страны исполнителя, то есть самого иностранного риэлтора. Но если клиент потребитель, применяется ст. 1212 ГК РФ, позволяющая перенести спор в юрисдикцию места жительства потребителя. При этом суд применяет императивы страны потребителя независимо от того, признаны ли они нормами непосредственного применения по ст. 1192 ГК РФ. Если условия п. 1 ст. 1212 ГК РФ не выполнены, действует п. 4 той же статьи: суд применяет императивы права, которое действовало бы при отсутствии выбора.

Однако, как можно заметить из приведенного выше разрешения вопроса ответственности, механизм опять-таки будет работать исключительно в отношении потребителя. В таком случае уместно снова упомянуть пробел непризнания слабой стороной иных потенциальных субъектов правоотношений.

Последовательным решением видится прямое расширение понятия защищаемой стороны в ст. 1212 ГК РФ или в специальном законе о риелторской деятельности.

Для неосновательного обогащения правило иное. В соответствии с п. 2 ст. 1223 ГК РФ: «если обогащение связано с существующим или предполагаемым правоотношением, применяется право, которому оно было или могло быть подчинено, включая незаключенный или недействительный договор». Например, российский клиент перечислил иностранному риэлтору предоплату за подбор объекта, однако стороны не согласовали существенные условия договора возмездного оказания услуг и договор не был заключен; риэлтор денежные средства не вернул. Поскольку обогащение связано с предполагавшимся договором об оказании услуг, применимым будет не право места обогащения, а право, которому подчинялся бы этот договор, – то есть, при отсутствии соглашения сторон о праве, право страны основного места деятельности риэлтора как исполнителя услуги (ст. 1211 ГК РФ). Если такой связи нет, действует общая привязка к месту обогащения; для безналичных денег это место нахождения банка, обслуживающего приобретателя (п. 57 Постановления № 24). Для иностранного риэлтора это, скорее всего, банк в его собственной стране.

Проведенное исследование показывает, что существующий коллизионный механизм регулирования отношений с участием иностранного риэлтора опирается на общие нормы деликтов, неосновательного обогащения и ответственности за недобросовестное ведение переговоров, что не в полной мере учитывает специфику трансграничного рынка недвижимости. Ключевой проблемой правоприменения остается формальный подход к категории потребителя, оставляющий без специализированной коллизионной защиты граждан, выступающих слабой стороной в отношениях с профессиональным посредником, но формально подпадающих под критерии предпринимательской деятельности. Разрешение выявленных противоречий требует совершенствования отечественного законодательства – как путем законодательного закрепления правового статуса риэлторской деятельности, так и через расширение понятийного аппарата категории «слабая сторона» в международном частном праве.

Пристатейный список литературы

1. *Волос, А. А.* Слабая сторона в гражданском правоотношении: сравнительно-правовое исследование : монография / А. А. Волос, Е. П. Волос ; под науч. ред. Е. В. Вавилина. – Москва : Проспект, 2019.
2. *Носенко, А. Ю.* Ответственность за недобросовестные переговоры как ограничение свободы договора / А. Ю. Носенко // Свобода договора и ее ограничение в российском праве : сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти основателя юридического образования в Удмуртской Республике, док-

тора юридических наук, профессора В. В. Овсиенко, Ижевск, 19 января 2024 года. – Ижевск : Издательский дом «Удмуртский университет», 2024. – С. 85–90.
3. *Сатканов, Р. Т.* Деликтные обязательства в международном частном праве / Р. Т. Сатканов // Журнал прикладных исследований. – 2023. – № 7. – С. 116–118.
4. *Седова, Н. П.* Коллизионные вопросы юридической ответственности в сфере оказания риелторских услуг / Н. П. Седова, И. Ю. Евстафеев, М. А. Данилина // Ученые записки. – 2025. – № 3 (55). – С. 95–97.

УДК 341.9

Александр Сергеевич Панов,
студент 4-го курса юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
sasapanove@mail.ru

Научный руководитель:
Марат Юрьевич Барышников,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского и предпринимательского права
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия

ВЫБОР ПРИМЕНИМОГО ПРАВА В ДОГОВОРЕ С ИНОСТРАННЫМ МАРКЕТПЛЕЙСОМ: ПРЕДЕЛЫ АВТОНОМИИ ВОЛИ И ЗАЩИТА РОССИЙСКОГО ПОТРЕБИТЕЛЯ

Аннотация. Исследуются пределы выбора права в отношениях российского потребителя с иностранным маркетплейсом и продавцом. Сопоставляются статья 1212 Гражданского кодекса России, условия *AliExpress* и *Joom*, судебная практика и новое регулирование платформенной экономики. Показано, что иностранная оговорка не устраняет императивную защиту при выполнении условий специальной коллизионной нормы, однако ее практическая реализация зависит от определения контрагента и способа разрешения спора.

Ключевые слова: международное частное право; защита прав потребителей; маркетплейс; применимое право; автономия воли; трансграничная электронная торговля.

Русскоязычный интерфейс иностранного маркетплейса и доставка в Россию создают для покупателя привычную модель заказа, однако за ней могут стоять разные договоры и юридические лица. Пользователь одновременно взаимодействует с оператором платформы, продавцом, платежными и логи-

стическими организациями, а в стандартных условиях встречаются оговорки об иностранном праве и зарубежном порядке разрешения споров. Поэтому вопрос о защите российского покупателя нельзя свести к чтению одного пункта пользовательского соглашения.

Статья 1210 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) допускает выбор права для договора в целом или его отдельной части, если такой выбор прямо выражен либо определенно вытекает из условий договора и обстоятельств дела [2]. Для электронных стандартных соглашений эта свобода особенно значима: О. В. Сергеева отмечает риск навязывания потребителю условий о применимом праве и порядке разрешения трансграничного онлайн-спора [1, с. 21]. Сам по себе выбор иностранного права законен, но в потребительском договоре он ограничен специальной коллизионной нормой.

Пункт 1 статьи 1212 ГК РФ не позволяет лишить потребителя защиты, предоставляемой императивными нормами права страны его места жительства, если профессиональная сторона ведет деятельность в этой стране либо любыми способами направляет ее туда и договор связан с такой деятельностью. При отсутствии выбора права при тех же условиях применяется право страны места жительства потребителя [2]. Значение имеет место жительства, а не гражданство покупателя. Выбранное иностранное право при этом не исчезает из договора полностью: оно действует в пределах выбора, но не должно снижать обязательный уровень потребительской защиты.

Статья 1212 содержит исключения для перевозки и для работ или услуг, выполняемых исключительно за пределами страны места жительства потребителя; для комплексных услуг по перевозке и размещению действует специальное исключение из этого изъятия. Если условия пункта 1 статьи 1212 отсутствуют, пункт 4 сохраняет императивные гарантии того правопорядка, который применялся бы без соглашения о выборе права [2]. Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что защитные нормы статьи 1212 применяются независимо от их квалификации как норм непосредственного применения по статье 1192 ГК РФ [3]. Поэтому российское право не применяется к любой интернет-покупке автоматически, но и иностранная оговорка не устраняет специальную защиту при наличии предусмотренных законом условий.

Для интернет-торговли ключевым становится критерий направленной деятельности. Пункт 45 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 года № 24 относит к признакам ориентации сайта на российских потребителей русский язык, цены в рублях, российские телефонные коды и иные сходные обстоятельства, включая меры по повышению цитируемости сайта среди российских пользователей [3]. Перечень не закрыт. Российский адрес доставки, реклама для российской аудитории и систематическое принятие заказов могут учитываться в совокупности с другими доказательствами. Вместе с тем простой доступ к сайту из России не подтверждает направленность деятельности каждого размещенного на нем продавца.

Признаки деятельности оператора платформы и отдельного магазина следует оценивать раздельно. Русский интерфейс может быть создан маркетплейсом без участия продавца, а продавец способен самостоятельно определять географию продаж. Одновременно необходимо установить, связан ли спорный договор именно с деятельностью, направленной на страну места жительства покупателя. Это имеет значение и для определения сторон: пользовательское соглашение регулирует доступ к платформе, тогда как договор розничной купли-продажи может заключаться непосредственно между покупателем и продавцом товара.

Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей» в редакции, действующей на 30 сентября 2026 года, отдельно регулирует владельца агрегатора. Пункты 2.1 и 2.2 статьи 12 разграничивают его ответственность за информацию и обязанности продавца по исполнению договора, а статья 16 запрещает, в частности, уменьшать законную неустойку, ограничивать выбор требований при недостатках товара и устанавливать не предусмотренный законом обязательный досудебный порядок [4]. Посреднический статус не освобождает платформу от обязанностей, прямо возложенных законом, но и не означает ответственности за каждый недостаток товара.

Актуальные *AliExpress.com Terms of Use* позволяют увидеть эту конструкцию на практике. Редакция, обновленная 26 августа 2026 года и действующая с 26 сентября 2026 года, относит Россию к *Relevant Jurisdictions*; для такого пользователя стороной соглашения является зарегистрированная в Сингапуре *AliExpress CIS Holding Pte. Ltd.* Пункт 12.7 выбирает право Гонконга и после обязательной договорной процедуры урегулирования предусматривает арбитраж в Гонконгском международном арбитражном центре (*HKIAC*) [5]. Однако пункт 12.11 прямо сохраняет права, которые нельзя ограничить обязательными нормами, включая потребительское законодательство страны обычного проживания пользователя [5]. Это согласуется с логикой статьи 1212 ГК РФ, хотя сама защита возникает из закона, а не из добровольной оговорки платформы.

На русскоязычном ресурсе *AliExpress* одновременно опубликована редакция пользовательского соглашения, которая вступает в силу 1 октября 2026 года. На дату исследования, 30 сентября 2026 года, характеризовать ее как действующую нельзя. Документ, однако, показывает ближайшую договорную модель: *AliExpress CIS Holding Private Limited* обозначена как владелец агрегатора, договор розничной купли-продажи заключается с продавцом, а соглашение с оператором подчиняется праву Гонконга и, с оговоркой о требованиях применимого права, юрисдикции судов Гонконга [6]. Сосуществование разных опубликованных редакций подтверждает необходимость устанавливать текст условий, принятый при конкретной покупке.

Joom использует иной подход. Условия для пользователей из России, Беларуси и Армении заключаются с зарегистрированным в Армении обществом с ограниченной ответственностью «Интернет Проекты». Платформа отделяет себя от продавца, а раздел 21 связывает применимое регулирование с зако-

нодательством России, Беларуси или Армении в зависимости от конкретного пользователя; потребительские отношения на территории России отнесены к российскому законодательству [7]. Иностранная регистрация оператора, таким образом, сама по себе не означает выбора иностранного права. Вместе с тем раздел 24 предусматривает уведомление о споре и 45-дневный период урегулирования до обращения в суд [7]. Если российский закон не устанавливает обязательный претензионный порядок, такое условие подлежит оценке с учетом подпункта 11 пункта 2 статьи 16 Закона о защите прав потребителей [4].

Применимое право необходимо отличать от международной компетенции и подсудности. Статья 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) позволяет российским судам рассматривать отдельные дела с иностранными лицами, в том числе когда ответчик распространяет в Интернете рекламу, направленную на российских потребителей, либо договор исполняется полностью или частично в России [8]. Статья 404 ГПК РФ допускает соглашение об изменении подсудности до принятия дела судом, кроме прямо установленных случаев [8]. Поэтому иностранная судебная оговорка требует самостоятельной оценки с учетом обязательных гарантий потребителя. Арбитражная оговорка также не отвечает на вопрос о применимом материальном праве: ее действительность, объем и арбитрабельность спора проверяются отдельно, на что указывает постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2019 года № 53 [9].

Судебная практика демонстрирует значение выбора ответчика. В апелляционном определении Архангельского областного суда от 10 февраля 2026 года по делу № 33-873/2026 покупатель предъявил требования к ООО «Алибаба.ком (РУ)». В заказе продавцом был указан отдельный магазин, сведения о нем и переписка были доступны покупателю. Суд признал российское общество агентом владельца агрегатора, а не продавцом, и оставил отказ в иске к нему без изменения [10]. Этот вывод касается обязанного лица в конкретной сделке и не означает, что к иностранному продавцу в принципе неприменимы российские потребительские гарантии.

В апелляционном определении Ставропольского краевого суда от 18 декабря 2025 года по делу № 33-3-9139/2025 спор возник из-за недостатков робота-пылесоса, купленного через *AliExpress*. Суд оставил в силе частичное удовлетворение требований к ООО «Алибаба.ком (РУ)» и отклонил довод о ненадлежащем ответчике с учетом обстоятельств участия российского общества в спорной модели [11]. Разные результаты не создают общего правила ответственности группы компаний. Они показывают, что раскрытая покупателю информация, фактическая роль участника и содержание конкретного требования могут быть решающими.

Даже решение российского суда не всегда обеспечивает быстрое исполнение, если обязанным остается иностранный продавец без имущества в России. Для недорогой покупки расходы на перевод и зарубежные процедуры могут оказаться несоразмерными цене товара. О. В. Сергеева при анализе трансграничного онлайн-разрешения потребительских споров обращает внимание

на доступность процедуры и выбор организационной модели урегулирования [12]. Поэтому практическая защищенность определяется не только набором материальных прав, но и стоимостью их осуществления.

На дату подготовки статьи меняется и регулирование платформенной экономики. Федеральный закон от 31 июля 2025 года № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» вступает в силу 1 октября 2026 года [13]. Он связывает признание цифровой платформы посреднической с включением в специальный реестр при соответствии установленным критериям и требует, в частности, обозначать в карточке товара иностранного партнера и информировать пользователя об особенностях покупки у него. Эти правила нельзя распространять на любой иностранный сайт только по коммерческому наименованию.

С той же даты вступает в силу Федеральный закон от 31 июля 2025 года № 290-ФЗ [14]. Новый пункт 3.1 статьи 18 Закона о защите прав потребителей позволяет предъявлять требования к продавцу через посредническую цифровую платформу, а оператор обязан обеспечить техническую возможность их направления. Поправки затрагивают также возврат денежных средств через платформу и отдельные положения об ответственности владельца агрегатора [14]. Разграничение оператора и продавца сохраняется, а статья 1212 ГК РФ продолжает определять пределы выбора иностранного права.

Выбор иностранного права в пользовательском соглашении не позволяет профессиональной стороне автоматически устранить императивные гарантии российского потребителя. Если покупатель проживает в России, профессиональная сторона ведет здесь деятельность либо направляет ее на российский рынок и договор связан с такой деятельностью, действует механизм статьи 1212 ГК РФ. При этом оговорка между пользователем и платформой не обязательно определяет право договора купли-продажи с отдельным продавцом.

Практическая эффективность защиты зависит от структуры конкретной сделки: необходимо установить продавца, обязанности оператора платформы, договор, содержащий оговорку о праве или способе разрешения спора, компетентный орган и реальную возможность исполнения требования. Условия *AliExpress* и *Joom* показывают разные договорные модели, а российская судебная практика подтверждает, что статус надлежащего ответчика определяется обстоятельствами сделки. Формальное сохранение российского уровня защиты поэтому следует отличать от фактической возможности получить исполнение от конкретного иностранного лица.

Пристатейный список литературы

1. *Сергеева, О. В.* Защита прав потребителей в аспекте ограничения применения условий трансграничных онлайн-контрактов / О. В. Сергеева // Международное публичное и частное право. – 2022. – № 2. – С. 21-24. – DOI: 10.18572/1812-3910-2022-2-21-24.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.
3. О применении норм международного частного права судами Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2019 № 24 // СПС «КонсультантПлюс».
4. О защите прав потребителей : Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 : положения, действующие на 30.09.2026 // СПС «КонсультантПлюс».
5. AliExpress.com Terms of Use. Part A: New version, updated on August 26, 2026 and effective as of September 26, 2026. – URL: https://terms.alicdn.com/legal-agreement/terms/suit_bu1_aliexpress/suit_bu1_aliexpress202204182115_66077.html (дата обращения: 30.09.2026).
6. Пользовательское соглашение AliExpress : редакция, действующая с 01.10.2026. – URL: https://business.aliexpress.ru/legal-docs/article/aer_ru_membership_agreement (дата обращения: 30.09.2026).
7. Общие условия использования Джум Маркет. – URL: https://www.joom.ru/ru/terms (дата обращения: 30.09.2026).
8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
9. О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.12.2019 № 53 // Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт.
10. Апелляционное определение Архангельского областного суда от 10.02.2026 по делу № 33-873/2026 // СудАкт.
11. Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 18.12.2025 по делу № 33-3-9139/2025 // СудАкт.
12. *Сергеева, О. В.* Правовое регулирование онлайн-разрешения трансграничных споров с участием потребителей: тенденции развития / О. В. Сергеева // Международное публичное и частное право. – 2025. – № 4. – С. 34–38. – DOI: 10.18572/1812-3910-2025-4-34-38.
13. Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – 31.07.2025.
14. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.2025 № 290-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – 31.07.2025.

УДК 347.6

Надежда Александровна Чикишева,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Дальневосточного института (филиал)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Хабаровск, Россия
naaadezdaaa@mail.ru

НАСЛЕДОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ: ПРОБЕЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПУТИ ИХ УСТРАНЕНИЯ

Аннотация. Число объектов, которые могут быть переданы по наследству, существенно расширено, что связано с быстрым развитием цифровых технологий и цифровизацией общества. При этом отсутствует единая правоприменительная практика. В статье рассмотрены общие положения о наследовании цифровых активов, выявлены пробелы правового регулирования и предложены пути их устранения.

Ключевые слова: наследование; цифровые активы; платежные системы; электронные деньги; криптовалюта.

Электронные деньги, новые платежные системы и средства обработки платежей, криптовалюты и *NFT* (невзаимозаменяемые токены) в настоящее время очень популярны. При этом отсутствует единообразная национальная и международная правоприменительная практика по данному вопросу.

На вопросы наследования цифровых активов влияют судебные прецеденты и позиции информационных посредников. При этом наследник и информационный посредник, владеющий цифровым активом наследодателя, могут находиться в разных государствах, и их деятельность будет регулироваться разными правовыми нормами, что порождает определенные сложности.

Передача цифровых владений требует, чтобы содержимое цифровых активов сохранялось либо в виде копий, либо в первоначально функционирующей среде для получения наследником. Владельцам необходимо заранее

подумать о наследовании своих цифровых активов и оставить инструкции для наследников.

Вышеизложенное говорит об актуальности проблемы наследования цифровых активов.

Цифровые активы относятся к невещественной форме, так как функционирование осуществляется только в цифровом виде, их выпуск и обращение осуществляется в определенной электронно-цифровой системе – на цифровых платформах.

Правовая природа цифровых активов сложная. Существует несколько научных подходов к ее определению, в частности:

специфический объект гражданских прав;

финансовый инструмент;

имущественное право;

способ фиксации имущественного права;

средство удостоверения принадлежности права;

цифровой товар.

Термин «цифровой актив» закреплен в Федеральном законе от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Согласно ст. 128 ГК РФ, цифровые активы отнесены к имуществу, что позволяет им участвовать в гражданском обороте.

Единой классификации цифровых активов не существует.

По функциям выделяют средства платежа, инструменты инвестирования и цифровые товары.

По отношению к объектам гражданских прав есть активы с явно определенным режимом правового регулирования (доменные имена), с неявно определенным (3*D*-модели) и с неопределенным (виртуальное имущество).

По отношению к объектам оценки выделяют имущественные, в том числе цифровые и интеллектуальные права на цифровые активы, и активы, относящиеся к иному имуществу.

По происхождению есть активы, созданные с помощью виртуальной реальности, и те, которые прекратили использование физической формы после получения цифровой оболочки.

По типу владения выделяют индивидуальные активы (принадлежат и контролируются отдельными лицами или организациями) и совместные (принадлежат и контролируются несколькими сторонами).

По технологической основе есть централизованные активы (хранятся в централизованной системе, где управляющая организация контролирует их передачу и обработку) и децентрализованные (основаны на децентрализованных системах, таких как блокчейн).

По периоду хранения ценности выделяют долгосрочные активы (которые можно долгое время сохранять и использовать для инвестиций, например, криптовалюты) и краткосрочные (предназначенные для быстрой торговли или использования, например, цифровые товары) [2].

Пробелы в регулировании состава наследственной массы и сложности с включением в нее цифровых активов связаны с тем, что цифровые активы – это виртуальные объекты, которые существуют только в цифровом пространстве и могут быть воспроизведены только с помощью технических средств.

Чтобы преемники могли официально вступить в права владения, в завещании необходимо указать наличие цифровых активов, их характер и форму хранения. Наследники нередко не знают, где именно хранятся средства: на каких биржах, в каких блокчейн-сетях и под какими аккаунтами. Сервер с файлами может физически находиться в другой стране, чьи законы о наследовании отличаются от российских. Часто человек владеет не самой цифровой книгой или песней, а лишь лицензией на использование. Условия ее передачи после смерти можно найти только в пользовательском соглашении.

Для решения этих вопросов требуется создание специализированных механизмов наследования цифровых прав, что позволит защитить интересы наследников и обеспечить правовую стабильность в этой динамично развивающейся сфере.

Проблемы доступа к цифровым активам связаны с отсутствием четких механизмов передачи доступа, даже при наличии завещания. Наличие ключей доступа и паролей в завещании небезопасно, так как это может стать известно третьим лицам. Поэтому необходимо искать альтернативные методы передачи кодов доступа [1].

Идентификация цифровых активов также вызывает сложности. Цифровая система нотариата может не обладать данными о таком виде имущества, что исключает возможность автоматического включения его в наследственное дело. Не все цифровые активы имеют четкую правовую регламентацию, что осложняет их идентификацию как объектов гражданских прав.

Чтобы доказать право наследодателя на цифровые активы, наследникам необходимо построить доказательственную цепочку: наследодатель, конкретная информационная система, конкретное право или актив, имущественная ценность, возможность перехода права наследнику.

Если одно звено выпадает, позиция становится значительно слабее. В подобных процессах особенно важен цифровой след. Суд может оценивать доказательства в совокупности.

Без приватных ключей цифровые активы могут быть безвозвратно утеряны. Кошелек, доступ к которому защищен только приватным ключом, превращается в «цифровой сейф» без кода. Утерянный ключ означает потерю активов навсегда [3].

Для решения этих проблем необходима разработка комплексного закона, закрепляющего правовой статус цифровых активов и четкий механизм их перехода по наследству.

Чтобы преемники могли официально вступить в права владения, в завещании необходимо указать наличие цифровых активов, их характер и форму хранения. Без этого нотариус не сможет включить крипто-активы в наслед-

ственную массу и выдать свидетельство, которое впоследствии потребуют банки или централизованные биржи для разблокировки счетов.

Цифровые активы, не описанные в завещании, становятся предметом споров между наследниками и деловыми партнерами. Если нет документального подтверждения воли собственника, доступ к активам может быть утрачен навсегда, даже при формальном признании права наследования.

Цифровое завещание – это юридический инструмент, который позволяет заранее определить, кому и каким образом должен перейти контроль и доступ к цифровым активам после смерти владельца.

В Российской Федерации оформление цифрового завещания для всех цифровых активов не закреплено законодательно, рекомендуется самостоятельно составлять перечень цифрового имущества, в том числе пароли и инструкции, и хранить информацию на зашифрованном носителе или в защищенном хранилище. Это поможет избежать потери доступа и упростит передачу цифровых активов наследникам.

В некоторых странах есть институт цифрового завещания и зарубежные практики можно адаптировать с учетом специфики российской правовой системы. Например, закон от 27 июня 2017 года «О цифровых завещаниях и внесении изменений в книги вторую и четвертую Гражданского кодекса Каталонии» наделил наследодателя правом определять посмертную судьбу своих учетных записей и иных активов посредством поручений, объем и содержание которых определяется в специальном документе – цифровом завещании. В соответствии с принципом универсального наследия в Германии наследник принимает все юридические права и обязательства, а также активы наследодателя.

В России отсутствует судебная практика, связанная с признанием действительными завещаний, составленных с использованием электронных систем рукописного ввода. Это обусловлено прямым законодательным запретом, установленным в пункте 1 статьи 1124 ГК РФ, который не допускает составления завещания с использованием электронных либо иных технических средств.

В 2025 году в Госдуме предлагали ввести в ГК РФ понятие «цифровое наследство», определить статус цифровых активов и закрепить право граждан завещать доступ к ним назначенному лицу.

Для устранения пробелов в правовом регулировании наследования цифровых активов в России необходимо внести ряд законодательных изменений:

– закрепить цифровые активы как самостоятельную категорию объектов гражданских прав в ст. 128 ГК РФ, четко определив их признаки (нематериальность, зависимость от информационной системы, возможность цифровой передачи);

– уточнить критерии включения цифровых активов в наследственную массу (ст. 1112 ГК РФ). Например, учет в информационной системе, доступной для проверки, документальное подтверждение владения (выписки, договоры), отсутствие ограничений, установленных пользовательскими соглашениями;

– ввести отдельную главу о наследовании цифровых прав. Она должна учитывать специфику идентификации активов, оценки и доступа к ним;

– расширить перечень цифровых активов, подлежащих наследованию, включив аккаунты, доменные имена, цифровой контент (видео, музыку, программное обеспечение);

– закрепить обязанность граждан регистрировать цифровые кошельки в уполномоченном органе (по аналогии с банковскими счетами), что упростит учет и налогообложение;

– разрешить электронные завещания с усиленной квалифицированной электронной подписью, где наследодатель может указать перечень цифровых активов, инструкции по доступу (без раскрытия секретных данных) и порядок распределения между наследниками;

– создать цифровой наследственный реестр, интегрированный в Единую информационную систему нотариата и ФНС. Такой реестр позволит вести учет цифровых активов наследодателя (кошельки, аккаунты, токены), фиксировать завещательные распоряжения (перечень активов, порядок распределения) и автоматизировать обмен данными с биржами, платформами и налоговыми органами.

Создание национального реестра цифровых активов, интегрированного с государственными системами, возможно в рамках цифровой трансформации системы государственного (муниципального) управления. Согласно постановлению Правительства РФ от 1 июля 2024 года № 900, установлены правила учета ИТ-активов, используемых для этой цели. В частности, прописаны функции и полномочия участников учета, определены задачи и принципы его ведения. Закреплено, как составляются цифровые профили субъектов учета и формируется управленческая отчетность для решения задач цифровой трансформации.

Таким образом, в России пока не существует полноценного цифрового завещания, которое охватывало бы все виды цифровых активов, что порождает ряд проблем. Устранить выявленные пробелы позволят законодательные изменения, в частности, закрепление в ГК РФ цифровых активов как самостоятельной категории объектов гражданских прав, уточнение критериев включения в наследственную массу, а также создание национального реестра цифровых активов, интегрированного с государственными системами.

Пристатейный список литературы

1. *Кузнецов, Д. М., Шергунова, Е. А.* Проблемы наследования цифровых активов в современную эпоху // Российский научный вестник. – 2026. – № 8. – С. 267–270.
2. *Лосева, О. В.* Виды и классификация цифровых активов для целей стоимостной оценки // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2022. – №2 (245). – С. 45–57.
3. *Писарева, Е. Г.* Наследование цифровых активов: правовые пробелы и пути их преодоления // Всероссийская научная интернет-конференция «Гражданское право и процесс: проблемы правоприменения». – 2025.

УДК 34

Дмитрий Викторович Шрам,
соискатель, Иркутский институт (филиал)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия
dmitryshram@mail.ru

Научный руководитель:
Артур Викторович Бычков,
кандидат юридических наук, доцент,
директор Иркутского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия
0338@mail.ru

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ КОНКУРЕНЦИИ НА ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМАХ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена стремительным ростом объемов электронной торговли в России и одновременным усилением экономической зависимости партнеров от цифровых платформ, управляемых алгоритмами искусственного интеллекта. Целью работы является выявление частноправовых механизмов защиты конкуренции на цифровых платформах в условиях алгоритмического управления и определение пределов их эффективности. Проанализировано соотношение публично-правовых и частноправовых начал в отношениях между оператором платформы и партнером, исследована договорная модель (ст. 428 ГК РФ) и категория экономической зависимости, а также опыт законодательного закрепления опровержимой презумпции экономической зависимости в итальянском праве (ст. 33 Закона № 118/2022) и его доктринальная критика. Автор приходит к выводу, что классические институты частного права – договор присоединения, злоупотребление правом, экономическая зависимость – обладают достаточным потенциалом для защиты партнера, однако требуют существенной адаптации к алгоритмической среде; итальянская модель презумпции экономической зависимости может быть воспринята российским законодателем лишь в адапти-

рованном виде – с учетом выявленных в доктрине недостатков и при условии разработки четких критериев «решающей роли» платформы и механизмов опровержения презумпции.

Ключевые слова: цифровая платформа; искусственный интеллект; экономическая зависимость; договор присоединения; злоупотребление правом; защита конкуренции.

Цифровые платформы, управляемые алгоритмами искусственного интеллекта (далее – ИИ), стали доминирующей формой организации экономического взаимодействия. По данным Ассоциации компаний интернет-торговли (АКИТ), объем электронной торговли в России по итогам 2025 года вырос на 28 % (до 11,5 триллиона рублей), а в январе – июле 2026 года составил 8,4 трлн рублей, что на 18,4 % больше, чем за тот же период годом ранее [1]. Заместитель председателя правительства РФ – руководитель аппарата правительства Д. Ю. Григоренко в сентябре 2026 г. отметил, что доля электронной коммерции составляет 20 % и предположил, что по итогам 2026 г. может составить 25 % от общего коммерческого оборота [2].

Благодаря цифровым платформам малый и средний бизнес получают выход на федеральный и международный рынок, но одновременно создают зависимость от правил, диктуемых «цифровым арендодателем». А. И. Иванов, отмечая, что «платформенная экономика в том виде, в котором она урегулирована, представляет собой деятельность посреднических цифровых платформ, круг которых определен Законом», подчеркивает, что законодатель «сознательно игнорировал ряд положений ГК, чтобы можно было не применять те из них, что неудобны платформам, но обеспечивают равенство в отношениях с ними и тем самым гарантии для пользователей» [3, с. 74].

Эта зависимость приобретает особую остроту, когда оператор платформы использует технологии ИИ для формирования рейтингов, ранжирования товаров в поисковой выдаче, определения цены и принятия решений о блокировке карточек. Публично-правовые инструменты – антимонопольный контроль, предусмотренный ст. 10.1 Федерального закона «О защите конкуренции» [4], – не всегда доступны конкретному партнеру, чьи права нарушены алгоритмической дискриминацией или необоснованной блокировкой. Антимонопольный орган действует прежде всего в защиту публичного интереса – состояния конкуренции на рынке, что опосредованно обеспечивает защиту неопределенного круга лиц (потребителей и хозяйствующих субъектов). Вместе с тем закон наделяет антимонопольный орган правом действовать и в интересах конкретных лиц (п. 2 и 6 ч. 1 ст. 23 Закона «О защите конкуренции»), однако эти полномочия не заменяют частноправовых механизмов: для восстановления своих субъективных прав (возмещения убытков, оспаривания несправедливых условий договора, защиты от дискриминации) партнер должен обратиться в суд

в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 37 Закона о защите конкуренции и ст. 10, 428 ГК РФ.

Возникает исследовательский вопрос: обладают ли классические институты частного права – договор присоединения, злоупотребление правом, экономическая зависимость – достаточным потенциалом для эффективной защиты партнера в алгоритмической среде, или требуется их существенная адаптация?

П. В. Степанов пишет: «Частное и публичное право не могут рассматриваться как не связанные друг с другом сферы правового регулирования. Их инструменты в одинаковой и безальтернативной мере важны для укрепления российской государственности, развития демократии, укрепления инициативы и свободы в практической реализации идей гражданского общества, правового и социального государства, гарантий и обеспечения прав человека» [5, с. 18]. Применительно к платформенной экономике это означает необходимость поиска оптимального сочетания публично-правовых и частноправовых механизмов защиты конкуренции.

Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» (далее – Закон о платформенной экономике) [6] прямо указывает, что взаимодействие оператора с партнером осуществляется на основании договора между ними, и оператор обязан обеспечить возможность заключить указанный договор в электронной форме на посреднической цифровой платформе.

Однако договорная конструкция, заимствованная из классического гражданского права, не в полной мере отражает реальную динамику отношений. И. И. Поляков обосновывает, что «договоры с цифровой платформой являются договорами присоединения» [7, с. 16–17], вместе с тем они имеют свою специфику.

Во-первых, договор с партнером не является статичным: ч. 1 ст. 12 Закона о платформенной экономике допускает одностороннее изменение оператором условий договора с уведомлением партнера за 45 дней (в случаях изменения мер ответственности, увеличения размера вознаграждения оператора и др.) либо согласно ч. 2 ст. 12 – за 15 дней (в иных случаях). Фактически речь идет о «рамочном» регулировании, при котором оператор сохраняет за собой нормотворческую функцию.

Во-вторых, правила платформы включают не только собственно договорные условия, но и алгоритмические параметры – веса факторов ранжирования, пороговые значения рейтинга, логику ценообразования. Партнер, присоединяясь к договору, не может ни ознакомиться с этими параметрами в силу их технической сложности, ни повлиять на них. Алгоритм приобретает функцию «квазинормы», определяющей права и обязанности сторон *de facto*, без соответствующего юридического оформления.

Закон о платформенной экономике отчасти реагирует на эту проблему, обязывая оператора предусмотреть в договоре порядок предоставления партнеру доступа к информации о принципах формирования рейтинга и ран-

жирования результатов поисковой выдачи (п. 7, 8 ч. 4 ст. 5). Однако требование раскрытия «принципов» не равнозначно раскрытию самого алгоритма. А. А. Волос, конкретизируя внутренние особенности отдельных договорных типов, акцентирует внимание на правотворческом и правоприменительном аспектах, где «правотворческий аспект заключается в поиске законодательных решений, связанных с установлением специальных норм о договорных типах целенаправленно для отношений, осложненных использованием сторонами особых технических средств», а «правоприменительный аспект касается учета цифровизации общественных отношений в качестве фактора, влияющего на толкование норм права об отдельном договорном типе в качестве императивной или диспозитивной» [8, с. 37].

Обозначенная выше обязанность оператора предусмотреть в договоре порядок предоставления информации не снижает остроты проблемы асимметрии информации об алгоритмах: партнер не знает, как именно формируется рейтинг или цена, и лишен возможности проверить корректность алгоритмического решения. Это создает предпосылки для злоупотреблений, которые не могут быть эффективно преодолены в рамках традиционной модели договора присоединения, а значит, ставит вопрос о наличии в этих отношениях экономической зависимости.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 04.03.2021 № 2 определил, что «вне зависимости от наличия или отсутствия оснований для привлечения к ответственности, установленной антимонопольным законодательством, защита прав участников гражданского оборота в связи с вступлением в договорные отношения с доминирующим на рынке субъектом может осуществляться по правилам Гражданского кодекса, в том числе по основаниям, связанным с неравенством переговорных возможностей, экономической зависимостью одной стороны договора от другой и несправедливостью условий договора, предложенных доминирующим на рынке субъектом (статьи 10, 428 Гражданского кодекса)» [9].

В контексте платформенной экономики экономическая зависимость партнера проявляется в нескольких измерениях: (1) техническая невозможность перенести бизнес на другую платформу без потери наработанной клиентской базы и рейтинга; (2) финансовые издержки переключения; (3) зависимость от алгоритмического ранжирования для доступа к трафику; (4) зависимость от платежной инфраструктуры и логистики оператора. В совокупности эти факторы создают «эффект блокировки», при котором формальная свобода договора оборачивается экономической невозможностью его расторжения без существенных потерь.

Нетрудно предположить, что экономическая зависимость такого рода может возникнуть не только в договорных отношениях с доминирующим на рынке субъектом. Так, итальянский законодатель первым среди европейских юрисдикций законодательно закрепил опровержимую презумпцию экономической зависимости участников цифровой платформы от ее оператора. Согласно ст. 33 Закона Италии от 5 августа 2022 г. № 118, дополнившей ч. 1 ст. 9 Закона Италии

от 18 июня 1998 г. № 192 «О злоупотреблении экономической зависимостью» следующим положением: «Пока не доказано иное, экономическая зависимость предполагается, если хозяйствующий субъект пользуется посредническими услугами, оказываемыми цифровой платформой, которая играет решающую роль для доступа к конечным потребителям или поставщикам, в том числе с учетом сетевых эффектов или доступности данных» [10]. Рассматриваемая норма направлена на защиту контрагента, находящегося в состоянии «относительной» рыночной власти – в противовес «абсолютной» рыночной власти, характерной для доминирующего положения. Вместе с тем в доктрине рассматриваемая поправка подвергается существенной критике. Так, Дж. Коланджело полагает, что презумпция не подкреплена эмпирическими данными, создает необоснованную дискриминацию цифровых операторов в сравнении с традиционными, возлагает на платформу труднопреодолимое бремя доказывания и содержит неопределенный критерий «решающей роли» платформы, который может привести к смешению экономической зависимости с доминирующим положением и к конфликту с доктриной *essential facilities* [11, p. 3].

Таким образом, введение в законодательство презумпции экономической зависимости слабой стороны в отношениях с оператором – платформой – хотя и создает процессуальное преимущество для слабой стороны, однако требует разработки четких критериев «решающей роли» платформы и механизмов, позволяющих опровергнуть эту презумпцию.

Представляется, что экономическая зависимость партнера от платформы должна быть признана самостоятельным частноправовым основанием для ограничения автономии воли оператора. Это означает, в частности, что односторонние изменения договора, ухудшающие положение партнера, должны подлежать судебному контролю на предмет их соответствия требованиям добросовестности, разумности и справедливости (п. 3 ст. 307 ГК РФ, п. 2 ст. 428 ГК РФ). Более того, при установлении состояния экономической зависимости на оператора может быть возложено бремя доказывания того, что алгоритмическое решение, ухудшившее положение партнера, было обусловлено объективными факторами, а не произвольным усмотрением.

Статья 10 ГК РФ устанавливает общий запрет на злоупотребление правом, под которым понимается осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав. Этот подход имеет принципиальное значение и для квалификации алгоритмических злоупотреблений. Оператор, ссылающийся на «нейтральность» алгоритма, не может быть освобожден от ответственности, если алгоритм сконструирован таким образом, что систематически ухудшает положение отдельных партнеров без объективных оснований.

Так, блокировка карточки товара или снижение рейтинга на основании алгоритмического решения, логика которого не раскрыта, создает риск произвольного лишения партнера доступа к рынку. Закон о платформенной экономике частично регулирует эти ситуации: ст. 14 вводит обязательную

досудебную процедуру обжалования оспаривания действий (бездействий) оператора, связанных со снижением рейтинга или изменением положения карточки товара в поисковой выдаче. В случае несогласия с решением оператора партнер вправе обратиться в суд, однако эффективность судебной защиты зависит от того, насколько суды будут готовы проверять не только формальное соблюдение процедуры, но и содержательную обоснованность алгоритмического решения.

Безусловно, развитие технологий ИИ вносит дополнительные аспекты в эту проблематику. Так, алгоритмы ИИ могут использоваться оператором для мониторинга деятельности партнеров, оценки их поведения и принятия решений о ценообразовании или применении мер ответственности, а также алгоритмической дискриминации при ранжировании. Проведенный анализ показывает, что отношения между оператором цифровой платформы и партнером не могут быть сведены исключительно к классической договорной модели, поскольку алгоритмическое управление создает асимметрию информации и экономическую зависимость, выходящие за пределы традиционного договора присоединения. Экономическая зависимость партнера от платформы должна быть признана самостоятельным частноправовым основанием для ограничения автономии воли оператора, что предполагает судебный контроль односторонних изменений договора и перераспределение бремени доказывания при оспаривании алгоритмических решений. В этом случае частноправовые механизмы смогут эффективно дополнять публично-правовой антимонопольный контроль, обеспечивая реальную защиту слабой стороны в алгоритмической среде.

Пристатейный список литературы

1. Рынок электронной торговли переходит к зрелой модели // АКИТ : сайт. 2026. – 15 сентября. – URL: https://akit.ru/news/rynok-elektronnoj-torgovli-perehodit-k-zreloj-modeli.
2. *Наумчик, К.* Григоренко допустил рост доли онлайн-торговли до 25 % в 2026 году / К. Наумчик // Ведомости : сайт. – 2026. – 15 сентября. – URL: https://www.vedomosti.ru/business/news/2026/09/15/1228982-rost-doli-onlain-torgovli?from=copy_text.
3. *Иванов, А. А.* Право и платформенная экономика / А. А. Иванов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2026. – № 1. – С. 70–86.
4. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3434.
5. *Степанов, П. В.* Баланс частного и публичного интересов в законодательстве на современном этапе развития российской государственности / П. В. Степанов // Журнал российского права. – 2026. – № 1. – С. 17–26.

6. Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 31. – Ст. 4643.
7. Поляков, И. И. Ключевые аспекты платформенной экономики и их закрепление в гражданском праве / И. И. Поляков // Цивилист. – 2026. – № 1. – С. 14–238.
8. *Волос, А. А.* Отдельные договорные типы в условиях цифровизации: постановка проблемы / А. А. Волос // Российское правосудие. – 2026. – № 3. – С. 37–45.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2021. – № 5.
10. Legge 5 agosto 2022, n. 118. Legge annuale per il mercato e la concorrenza 2021 // Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana. – 2022. – 12 agosto. – № 188. – URL: https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2022/08/12/22G00126/sg.
11. *Colangelo, G.* Audizione al Senato della Repubblica. Disegno di legge n. 2469 (Legge annuale per il mercato e la concorrenza 2021) / G. Colangelo. Roma, 16 febbraio – 2022. – P. 1–13. – URL: https://www.senato.it/application/xmanager/projects/leg18/attachments/documento_evento_procedura_commissione/files/000/422/777/2022_02_16_prof._Colangelo.pdf.

Расследование преступлений киевского режима

УДК 341.332

Маликат Гасретовна Гусейнова,
студентка 2-го курса Северо-Кавказского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Махачкала, Россия
gusejnovamalikat238@mail.ru

Научный руководитель:
Мадина Махмудовна Гитинова,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права
Северо-Кавказского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Махачкала, Россия
gitinova_72@list.ru

ЗАЩИТА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ: ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ И ДОКАЗЫВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена проблемам юридической квалификации и доказывания преступлений против культурного наследия в условиях вооруженного конфликта на Украине. Анализируются нормы международного гуманитарного права, практика международных трибуналов и российское уголовное законодательство. Рассматриваются вопросы разграничения составов преступлений, сроков давности и механизмов привлечения виновных к ответственности.

Ключевые слова: культурное наследие; вооруженный конфликт; военные преступления; квалификация деяния; доказывание; международное право.

Защита культурного наследия в условиях вооруженного конфликта России и Украины остается одной из наиболее сложных проблем международного гуманитарного права. По данным ЮНЕСКО, с начала боевых действий повреждения получили 540 объектов культурного наследия, среди которых 41 музей [1].

Разрушение храмов, музеев и памятников архитектуры является нарушением норм международного права, в частности Гаагской конвенции 1954 года, которая направлена на защиту культурных ценностей, запрещает акты вандализма в отношении них и использование исторических памятников в военных целях [2]. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 года провозгласила о необходимости защиты и передачи последующим поколениям уникальных памятников природы [3]. В последующем с учетом возникновения очагов множественных конфликтов был принят второй протокол к Гаагской конвенции (1999 год), который ввел режим усиленной защиты для культурных ценностей, представляющих достояние человечества. Он также предусматривает создание международного фонда и сети «безопасных зон» для защиты наследия, находящегося под угрозой разрушения в зонах конфликтов.

Казалось бы, с развитием цивилизации человечество обязано становиться мудрее и бережнее относиться к общемировым ценностям. Однако на деле все выходит иначе: личные амбиции отдельных руководителей государств, жесткая и непримиримая позиция, противоположные мировоззрения и отсутствие стратегического мышления в политике неизбежно ведут к вооруженным столкновениям, конфликтам и прямым боевым действиям. Только в 2026 году в мире насчитывается более 50 активных вооруженных конфликтов, в которые в той или иной степени вовлечены более 90 государств. Это не может не приводить к разрушительным последствиям. Во время войны с террористической организацией ИГИЛ в Сирии террористы уничтожили древний город – оазис Пальмиру, Триумфальную арку, античный амфитеатр. В современных условиях происходит уничтожение русской культуры: памятников героям Великой Отечественной Войны, храмов, библиотек, книг. В Киеве была снесена скульптура Ленина, что спровоцировало волну сноса памятников в других частях страны. С тех пор на Украине было демонтировано более 2,5 тысячи советских памятников

Ответственность за нарушения норм о защите культурного наследия может наступать на двух уровнях. Первый – международно-правовая ответственность государства. Второй – индивидуальная уголовная ответственность конкретных лиц (командиров, должностных лиц), реализуемая через национальные суды и международные трибуналы. Второй протокол 1999 г. обязывает государства криминализировать такие деяния [4]. На международном уровне в деле Кристис (МТБЮ, 2001) уничтожение культурного наследия было квалифицировано как акт геноцида при наличии специального умысла [5]. В деле Аль-Махди (МУС, 2016) суд признал уничтожение десяти объектов культурного наследия в Тимбукту военным преступлением [6].

Российские следственные органы проводят комплекс мероприятий по документированию нанесенного вреда [7]. Формирование доказательной базы имеет первостепенное значение, так как данный процесс подразумевает официальное подтверждение самого факта уничтожения объекта, представляющего культурную и историческую ценность, а также определение его юри-

дического статуса и фиксацию обстоятельств его разрушения, вызванного действиями конкретного лица или группы лиц. Если факт агрессии и последующего уничтожения либо повреждения культурного достояния не признается, необходимо обращаться в международные инстанции, в том числе в Совет Безопасности ООН.

По результатам рассмотрения соответствующего дела на государство может быть возложен ряд обязательств, среди которых: прекращение незаконных действий; компенсация нанесенного урона (в форме реституции, то есть возврата похищенных ценностей, или репараций, подразумевающих выделение финансовых ресурсов на восстановительные работы); а также внедрение мер, направленных на недопущение повторения подобных ситуаций в будущем.

Главная трудность состоит в сборе убедительных улик, подтверждающих, что именно действия или бездействие командования привели к ущербу, а также в установлении причинно-следственной связи. Приоритетной задачей государства является имплементация положений конвенций в национальную правовую базу [8].

Юридическая значимость фиксации таких деяний состоит в формировании доказательной базы для привлечения виновных к ответственности на национальном уровне и создании фундамента для будущих международных трибуналов. Данные объективного контроля свидетельствуют о том, что атаки носят неизбирательный характер и нарушают принципы международного гуманитарного права [9].

Отдельного внимания требует проблема разграбления и незаконного вывоза культурных ценностей. Конвенция ЮНЕСКО 1970 года регулирует борьбу с незаконным оборотом культурных ценностей, однако в условиях вооруженного конфликта ее применение затруднено необходимостью подтверждать происхождение предметов [10].

Международно-правовые механизмы не заменяют национального уголовного преследования. В российском уголовном законодательстве за уничтожение или повреждение объектов культурного наследия предусмотрена ст. 243 УК РФ. В условиях вооруженного конфликта данная статья применяется в совокупности со ст. 356 УК РФ («Применение запрещенных средств и методов ведения войны») [11].

Дискуссионным является вопрос о квалификации гибели посетителей музея или прихожан храма в результате целенаправленного удара. Формально такие деяния подпадают под признаки п. «а», «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство двух или более лиц общеопасным способом). Однако в доктрине уголовного права отсутствует единство относительно применимости данной нормы к ситуациям вооруженного конфликта: ст. 105 расположена в главе о преступлениях против личности, тогда как деяния комбатантов в отношении гражданских лиц традиционно квалифицируются по ст. 356 УК РФ. Представляется, что конкуренция этих норм требует разрешения в пользу специального состава (ст. 356), а гибель людей – учета в качестве квалифицирующего признака в рамках военного преступления [12].

Римский статут относит умышленные нападения на культурные объекты к военным преступлениям (ст. 8(2)(b)(ix)) [13]. Российская Федерация не ратифицировала Статут, в связи с чем его договорные положения для нее юридически не обязательны. Однако запрет нападений на культурные ценности рассматривается в доктрине и практике международных трибуналов как норма обычного международного права, обязательная для всех государств независимо от участия в договоре [14].

Факты возбуждения уголовного дела Следственным комитетом России есть, так ВСУ совершили террористический акт по народному военно-историческому музею «Самбекские высоты» 27 июня 2026 года. Действия были квалифицированы (подп. «а», «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ)[15].

Процесс оказывания начинается с фиксации преступления, совершенного в отношении культурных ценностей либо уничтожения исторического наследия человечества. При этом важно обращаться к Закону РФ от 15.04.1993 № 4804-1 (ред. от 31.07.2025) «О вывозе и ввозе культурных ценностей» [16], в котором дается понятие «культурные ценности» – движимые предметы материального мира, находящиеся на территории Российской Федерации. При фиксации используются достижения информационно- коммуникационных технологий, что предоставляют возможности объективного контроля: видеосъемка с беспилотных летательных аппаратов, спутниковые снимки, материалы радиоперехвата, показания свидетелей.

Проблемы, связанные с квалификацией деяний – это проблемы установления причинно – следственной связи при анализе действий и наступивших последствий, осложненные распространением фейковой информации о деятельности российских вооруженных сил, которые рассматриваются как провокационные. В ст. 243 УК РФ «уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленных объектов культурного наследия, природных комплексов, объектов, взятых под охрану государства, или культурных ценностей», в ст. 243.1 «Нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, либо выявленных объектов культурного наследия» важно установление предмета преступления на основании Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) [11].

При установлении факта уничтожения культурных ценностей и исторических памятников, места захоронения необходимо произвести правильную квалификацию деяния [17].

Сформированная доказательственная база не теряет актуальности в долгосрочной перспективе и создает фундамент для будущих трибуналов. Если обвиняемый находится за границей и не подлежит экстрадиции, суд может

вынести заочный приговор. Это создает юридический прецедент и дает основания для объявления фигуранта в международный розыск через Интерпол [18].

Здесь важно разделять реально работающие инструменты и политизированные заявления. Первый вариант – Международный уголовный суд (МУС). Его главная проблема в том, что ряд стран (Россия, США, Китай) не ратифицировали Римский статут, и МУС не может привлечь их граждан к ответственности без передачи ситуации Советом Безопасности ООН [19]. Однако нормы статута считаются частью обычного международного права. Это означает, что атака на культурные ценности является военным преступлением по своей сути, вне зависимости от формальной ратификации. Данное обстоятельство позволяет государствам осуществлять уголовное преследование таких деяний на национальном уровне.

Второй вариант – суды третьих стран на основе принципа универсальной юрисдикции. Некоторые государства (Германия, Швеция) закрепили в законодательстве право привлекать к суду лиц, совершивших военные преступления в любой точке мира. Если подозреваемый окажется на территории такого государства, он может быть арестован и судим местным судом [20]. Если судебные механизмы не дают результата, в дело вступают политические рычаги.

Главный вывод состоит в том, что добиться реального уголовного наказания высокопоставленных лиц в условиях текущего конфликта чрезвычайно трудно из-за отсутствия единой глобальной правовой системы. Однако системная работа по фиксации преступлений создает прочную юридическую базу для будущих трибуналов – даже заочных. Поскольку на такие преступления не распространяется срок давности, вся эта деятельность не теряет актуальности в долгосрочной перспективе.

Пристатейный список литературы

1. Официальный сайт ЮНЕСКО. – URL: https://www.unesco.org/ (дата обращения: 27.09.2026).
2. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Гаага, 14 мая 1954 г.) // Официальный сайт ООН. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/566393 (дата обращения: 27.09.2026).
3. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (Париж, 16 ноября 1972 г.) // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (дата обращения: 27.09.2026).
4. Второй протокол к Гаагской Конвенции о защите культурных ценностей в случае Вооруженного Конфликта 1954 года (Гаага, 26 марта 1999 г.) // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hague_conv_2nd_prot.shtml (дата обращения: 27.09.2026).

5. Prosecutor v. Radislav Krstić. Appeal Judgment. ICTY-98-33-A. 19 April 2004 // Официальный сайт Международного трибунала по бывшей Югославии. – URL: https://www.icty.org/case/krstic/4 (дата обращения: 27.09.2026).
6. Prosecutor v. Ahmad Al Faqi Al Mahdi. Judgment and Sentence. ICC-01/12-01/15. 27 September 201 ed6 // Официальный сайт Международного уголовного суда, Oxford. – URL: https://www.icc-cpi.int:/mali/al-mahdi (дата обращения: 27.09.2026).
7. Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. – URL: https://sledcom.ru/ (дата обращения: 27.09.2026).
8. *O'Keefe R.* The Protection of Cultural Property in Armed Conflict. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 300 p.
9. Прокуратура города Калининграда разъясняет: «Об уголовной ответственности за применение запрещенных средств и методов ведения войны» // Официальный сайт Прокуратуры Калининградской области. 15.05.2024. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_39/activity/legal-education/explain/criminal_law/e370473/ (дата обращения: 27.09.2026).
10. Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (Париж, 14 ноября 1970 г.) // Официальный сайт ЮНЕСКО. URL: https://en.unesco.org/about-us/legal-affairs/convention-means-prohibiting-and-preventing-illicit-import-export-and (дата обращения: 27.09.2026).
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
12. *Cassese A.* International Criminal Law. 2nd University Press, 2008. 190 p.
13. Римский статут Международного уголовного суда (Рим, 17 июля 1998 г.) // Официальный сайт Международного уголовного суда. URL: https://www.icc-cpi.int/resource-library/Documents/RS-Eng.pdf (дата обращения: 27.09.2026).
14. Конвенция по кассетным боеприпасам (Дублин, 30 мая 2008 г.) // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cluster_munitions.shtml (дата обращения: 27.09.2026).
15. Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: https://sledcom.ru/ (дата обращения: 27.09.2026).
16. Закон РФ от 15.04.1993 № 4804-1 (ред. от 31.07.2025) «О вывозе и ввозе культурных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс».
17. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
18. *Werle G., Jessberger F.* Principles of International Criminal Law. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2014. 420 p.
19. Официальный сайт Международного Суда ООН. URL: https://www.icj-cij.orgru (дата обращения: 27.09.2026).
20. Конвенция по кассетным боеприпасам (Дублин, 30 мая 2008 г.) // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cluster_munitions.shtml (дата обращения: 27.09.2026).

УДК 343.2/.7

Сусанна Артаковна Иклимян,
студентка 2-го курса колледжа Сочинского филиала
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Сочи, Россия
Siklimyan@gmail.com

Научный руководитель:
Владимир Александрович Тер-Акопян,
кандидат социологических наук, доктор философских наук,
доцент, преподаватель колледжа Сочинского филиала
ВГУЮ (РПА Минюста Росии), г. Сочи, Россия
wantssleep@gmail.com

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ВСУ В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Актуальность статьи связана с необходимостью документирования событий в Курской области, фиксации свидетельств мирных жителей и сохранения исторической памяти о последствиях вооруженного конфликта. Цель работы проанализировать свидетельства жителей Курской области о произошедших событиях и показать значение их документирования для исторической памяти и правовых расследований. В результате анализа проанализировано, что свидетельства очевидцев являются важным источником информации о последствиях конфликта для мирного населения. Их сбор, проверка и систематизация необходимы для установления обстоятельств событий, сохранения памяти о пострадавших и проведения правовой оценки.

Ключевые слова: Курская область; вооруженный конфликт; мирное население; свидетельства очевидцев; военные преступления; международное гуманитарное право; историческая память; расследование преступлений.

Моя работа посвящена военным преступлениям вооруженных формирований Украины в Курской области. Это вклад в сохранение исторической памяти и правды.

Свидетельства жителей освобожденных населенных пунктов – прямые доказательства насилия над мирным населением, нарушения международного гуманитарного права и применения запрещенных методов ведения войны. Геноцид мирного населения стал инструментом войны, которую поддерживают страны Запада и НАТО, поставляя вооружение и обучая украинских боевиков не жалеть ни стариков, ни женщин, ни детей.

Неонацистский режим Зеленского стремится скрыть факты преступлений против гражданского населения. Поэтому работа по поиску, сбору и фиксации свидетельств очевидцев крайне важна. Собранные факты должны лечь в основу расследований и приговоров в отношении как исполнителей, так и идеологов преступлений киевской клики.

В августе 2024 года Курская область столкнулась с тем, что страна переживала лишь в годы Великой Отечественной войны. В результате вторжения погибло не менее 300 мирных граждан, более 700 пострадали. ВСУ расстреливали мирное население, включая женщин, детей и стариков – в домах и при эвакуации в гражданских машинах, с полным пониманием невоенного статуса жертв.

Приведенные свидетельства очевидцев изобличают киевский режим в системных и целенаправленных убийствах жителей, включая женщин и стариков, из стрелкового оружия и с помощью дронов-камикадзе, в намеренном уничтожении храмов, больниц и гражданской инфраструктуры, а также в избиениях, изнасилованиях и тотальных грабежах. Все это согласно международному гуманитарному праву является военными преступлениями и грубыми нарушениями Женевских конвенций, в частности IV Женевской конвенции о защите гражданского населения 1949 года. По всем упомянутым преступлениям Следственным комитетом России возбуждены уголовные дела. Уже вынесены приговоры представителям ВСУ, как очно, так и заочно. К ответственности привлекаются сотни украинских военнослужащих. Их действия квалифицированы по статьям УК РФ: «террористический акт», «убийство», «реабилитация нацизма», «мародерство», «умышленное уничтожение или повреждение имущества».

Наш долг – помнить о каждом, кто стал жертвой зверских злодеяний. Преступления против человечества не имеют срока давности. Время суда над палачами придет неминуемо. Ни один военный преступник – от рядового до генерала – не должен уйти от наказания.

Вечная память всем, кто не дожил до освобождения Курской земли. Вечная слава всем, кто приближал этот день. Мы никогда вас не забудем.

Пристатейный список литературы

1. Женевская конвенция (IV) о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г.

2. Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г.
3. Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г.
4. Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г.
5. Международный комитет Красного Креста. Нормы международного гуманитарного права.
6. Следственный комитет Российской Федерации. Официальные материалы о расследовании преступлений в Курской области.
7. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Официальные материалы о преступлениях против мирного населения в Курской области.

УДК 343.98:341.322.5

Софья Александровна Курушина,
студентка 2-го курса колледжа
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
662alex6@gmail.com

Научный руководитель:
Жанна Станиславовна Белоусова,
преподаватель колледжа
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
Bel-zhanna2010@yandex.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КИЕВСКОГО РЕЖИМА: ОТ НОРМ ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА К МЕХАНИЗМАМ ПРАВОСУДИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности расследования преступлений, предполагаемо совершенных представителями украинских государственных органов и вооруженных формирований. Анализируются положения уголовного и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регулирующие квалификацию деяний, возбуждение уголовных дел, собирание и оценку доказательств, установление виновных лиц и привлечение их к уголовной ответственности.

Ключевые слова: уголовная ответственность; военные преступления; доказательства; Следственный комитет РФ.

В современных условиях особое значение приобретает расследование преступлений, совершаемых в условиях вооруженного конфликта. Для Российской Федерации правовую основу такой деятельности составляют Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), а также иные федеральные законы [1].

При этом юридическая оценка конкретного деяния должна осуществляться исключительно на основании установленных фактов и положений уголовного закона. Согласно ч. 1 ст. 3 УК РФ преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом. Следовательно, для привлечения конкретного лица к уголовной ответственности необходимо установить наличие всех предусмотренных уголовным законом признаков состава преступления [2].

В УК РФ преступлениям против мира и безопасности человечества посвящена глава 34. К числу таких преступлений относятся, в частности, планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны (ст. 353 УК РФ), применение запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 356 УК РФ), мародерство (ст. 356.1 УК РФ), геноцид (ст. 357 УК РФ), экоцид (ст. 358 УК РФ), наемничество (ст. 359 УК РФ) и акт международного терроризма (ст. 361 УК РФ).

Одной из наиболее значимых для рассматриваемой темы является ст. 356 УК РФ. Согласно ч. 1 данной статьи уголовная ответственность наступает за жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением, депортацию гражданского населения, разграбление национального имущества на оккупированной территории, а также применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации. Санкция предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до двадцати лет.

При расследовании указанных преступлений необходимо установить обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. В соответствии со ст. 73 УПК РФ доказыванию подлежат событие преступления, включая время, место и способ его совершения, виновность лица, форма его вины и мотивы, обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, а также характер и размер причиненного вреда [3].

Таким образом, само наличие сообщения о совершении преступления еще не означает доказанности вины конкретного лица. Следователь обязан установить непосредственную связь между действиями лица и наступившими последствиями, а также исследовать обстоятельства, при которых было совершено деяние.

Начальным этапом расследования является проверка сообщения о преступлении. Согласно ст. 140 УПК РФ поводами для возбуждения уголовного дела являются заявление о преступлении, явка с повинной, сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников, а также постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования. Основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

При наличии соответствующего повода и основания уголовное дело публичного обвинения возбуждается в порядке ст. 146 УПК РФ. Решение оформляется постановлением органа дознания, дознавателя, руководителя следственного органа либо следователя в пределах их компетенции.

Особое значение для расследования рассматриваемой категории преступлений имеет определение подследственности. Согласно ст. 151 УПК РФ предварительное следствие по преступлениям, предусмотренным, в частности, ст. 353, 356 и 356.1 УК РФ, относится к компетенции следователей Следственного комитета Российской Федерации [4].

Следовательно, расследование соответствующих преступлений осуществляется в рамках установленной уголовно-процессуальным законом компетенции. Это имеет принципиальное значение, поскольку нарушение правил подследственности и иных требований уголовно-процессуального законодательства может повлечь процессуальные последствия.

Важнейшим направлением расследования является собирание доказательств. В соответствии со ст. 74 УПК РФ доказательствами являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь или дознаватель устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию. Закон относит к доказательствам показания подозреваемого и обвиняемого, показания потерпевшего и свидетеля, заключения и показания эксперта и специалиста, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий, а также иные документы.

В условиях вооруженного конфликта большое значение могут иметь результаты осмотров мест происшествий, документы, фото- и видеоматериалы, показания очевидцев, заключения судебных экспертиз, сведения о примененном вооружении и иные материалы. Однако каждое доказательство должно быть получено и оформлено в установленном законом порядке.

В соответствии со ст. 75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением требований уголовно-процессуального закона, признаются недопустимыми. Такие доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения.

Не менее важным является вопрос оценки доказательств. Согласно ст. 88 УПК РФ каждое доказательство оценивается с точки зрения относимости, допустимости и достоверности, а совокупность доказательств – с точки зрения достаточности для разрешения уголовного дела.

Таким образом, публикация информации в средствах массовой информации или сети Интернет сама по себе не может рассматриваться как безусловное доказательство виновности конкретного лица. Полученные сведения должны быть проверены и подтверждены допустимыми доказательствами в порядке, установленном УПК РФ.

При производстве следственных действий также должны соблюдаться требования ст. 164 УПК РФ. Следователь обязан соблюдать установленный законом порядок проведения следственного действия, не допускать применения насилия, угроз и иных незаконных мер, а также обеспечивать фиксацию результатов следственного действия в соответствующем протоколе. Закон также допускает применение технических средств для обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств [5, с. 56].

При расследовании преступлений, предусмотренных ст. 356 УК РФ, важное значение может иметь проведение судебных экспертиз. Например, в зависимости от обстоятельств конкретного уголовного дела могут назначаться судебно-медицинские, взрывотехнические, баллистические, трасологические и иные экспертизы. Их результаты позволяют установить характер причиненных повреждений, механизм произошедшего события и другие обстоятельства, имеющие доказательственное значение.

Отдельного рассмотрения требует вопрос о лицах, которые могут быть привлечены к уголовной ответственности. В соответствии со ст. 19 УК РФ уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее установленного законом возраста. При этом в соответствии со ст. 5 УК РФ лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия или бездействие и наступившие последствия, в отношении которых установлена его вина [6, с. 89].

Поэтому при расследовании предполагаемых преступлений представителей украинских органов власти или вооруженных формирований необходимо устанавливать конкретных лиц, их фактические действия или бездействие, наличие умысла либо иной формы вины, а также причинную связь между их поведением и наступившими последствиями.

В отдельных случаях может возникнуть вопрос о соучастии. Согласно ст. 32 УК РФ соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. В соответствии со ст. 33 УК РФ наряду с исполнителем преступления соучастниками признаются организатор, подстрекатель и пособник [7, с. 131].

Данные положения имеют значение при расследовании преступлений, совершение которых осуществлялось несколькими лицами либо в рамках организованной деятельности. В такой ситуации необходимо установить роль каждого участника и дать самостоятельную уголовно-правовую оценку его действиям.

При расследовании преступлений в условиях вооруженного конфликта особое значение приобретает установление обстоятельств отдачи и исполнения приказов. Однако сам факт нахождения лица в структуре определенного государственного органа или вооруженного формирования не означает автоматического наступления уголовной ответственности. Необходимо доказать конкретную роль лица в совершении преступления и наличие предусмотренных законом признаков состава преступления.

Отдельного внимания заслуживает ст. 353 УК РФ, устанавливающая ответственность за планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны. Согласно ч. 1 указанной статьи планирование, подготовка или развязывание агрессивной войны наказываются лишением свободы на срок от семи до пятнадцати лет, а согласно ч. 2 ведение агрессивной войны – лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет.

Вместе с тем применение данной нормы требует установления конкретных обстоятельств, предусмотренных диспозицией статьи, и доказанности

вины конкретного лица. Поэтому расследование должно быть направлено не на установление коллективной ответственности, а на индивидуализацию уголовной ответственности каждого лица.

Таким образом, российское уголовное и уголовно-процессуальное законодательство предусматривает правовые механизмы расследования преступлений, связанных с вооруженными конфликтами. Основное значение имеют положения главы 34 УК РФ, а также нормы УПК РФ о возбуждении уголовного дела, подследственности, обстоятельствах, подлежащих доказыванию, доказательствах и порядке производства следственных действий [8].

Полагаем, что эффективность расследования рассматриваемых преступлений непосредственно связана с полнотой фиксации обстоятельств произошедшего, соблюдением требований уголовно-процессуального закона, использованием специальных знаний и экспертиз, а также установлением конкретной роли каждого лица. При этом юридически обоснованное решение по уголовному делу может основываться только на совокупности допустимых и достоверных доказательств.

Следовательно, расследование преступлений, предположительно совершенных представителями украинских государственных органов и вооруженных формирований, должно осуществляться в соответствии с Конституцией Российской Федерации, УК РФ и УПК РФ. Ключевыми принципами такого расследования являются законность, объективность, полнота исследования обстоятельств дела и индивидуализация уголовной ответственности.

Пристатейный список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст. 15.
5. Уголовный процесс : учебник / под ред. В. А. Лазаревой. – Москва : Юстиция, 2015.
6. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. В. П. Ревина. – Москва : Юстицинформ, 2009.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. И. Рарог. – 14-е изд. – Москва : Проспект, 2024. – 911 с.
8. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева. – Москва : Юрайт, 2012.

УДК 343.9

София Васильевна Лисенкова,
студентка 3-го курса факультета высшего образования
Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
d76alxchjdnxhxcom@icloud.com

Научный руководитель:
Лиана Фяритовна Айзятова,
старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса
Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
lianochka_87@mail.ru

ДИВЕРСИОННО-ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ СОВРЕМЕННОСТИ: КАК КИЕВСКИЙ РЕЖИМ ВОВЛЕКАЕТ МОЛОДЕЖЬ В ПРОТИВОПРАВНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И МЕТОДЫ БОРЬБЫ С НЕЙ

Аннотация. В статье рассматривается проблема вовлечения несовершеннолетних и молодежи в террористическую и экстремистскую деятельность посредством цифровых технологий. Анализируются правовые основания противодействия такой деятельности, современные механизмы интернет-вербовки, а также материалы правоохранительных органов о случаях вовлечения российских граждан в совершение диверсий и иных преступлений. Особое внимание уделяется психологическим механизмам вовлечения молодежи, исследованным О. Д. Гуриной и А. Ф. Ремеевой. На примере отдельных эпизодов в Республике Мордовия показано сочетание цифрового контакта, психологического воздействия, материального стимулирования и постановки конкретных противоправных задач. Обосновывается необходимость комплексной профилактики, включающей правовое просвещение, повышение цифровой грамотности, развитие критического мышления и совершенствование индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними.

Ключевые слова: терроризм; экстремизм; молодежь; несовершеннолетние; вербовка; вовлечение; цифровая среда; диверсия; профилактика; информационно-психологическое воздействие.

Развитие цифровых технологий существенно изменило способы коммуникации и одновременно создало новые возможности для распространения деструктивной информации и вовлечения молодежи в противоправную деятельность. Социальные сети, мессенджеры, сайты знакомств и другие интернет-платформы позволяют устанавливать персональный контакт с потенциальным исполнителем, постепенно формировать его установки и в дальнейшем предлагать совершение конкретных действий.

Актуальность проблемы подтверждается официальными статистическими данными. Согласно Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2036 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 мая 2026 г. № 1272-р, численность несовершеннолетних, ставших участниками преступлений террористического характера, увеличилась с 30 человек в 2022 г. до 249 человек в 2025 г. По преступлениям экстремистской направленности соответствующие показатели составили 87, 52, 97 и 142 человека [1]. В данном случае речь идет именно о численности несовершеннолетних – участников преступлений, а не о количестве зарегистрированных преступлений.

Правовую основу противодействия рассматриваемым деяниям составляют положения Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), в том числе ст. 20, 150, 205, 205.1, 281 УК РФ [2], а также Федеральные законы от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [3] и от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [4].

Цель исследования состоит в выявлении основных механизмов вовлечения молодежи в террористическую, экстремистскую и диверсионную деятельность посредством цифровой среды, а также в определении направлений профилактики такого вовлечения.

Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительный и системный методы, анализ нормативных правовых актов, научной литературы и опубликованных материалов правоохранительных органов.

Современная интернет-вербовка представляет собой не единичный акт обращения к потенциальному исполнителю, а последовательный процесс установления контакта и психологического воздействия. Исследование Д. В. Воронкова и К. В. Корсакова показывает, что цифровые источники коммуникации становятся самостоятельным элементом механизма вовлечения молодежи в террористическую и экстремистскую деятельность. Авторы обращают внимание на использование социальных сетей, мессенджеров, игровых чатов, форумов и других цифровых площадок, отличающихся интерактивностью,

многоканальностью и возможностью устанавливать дистанционное взаимодействие [5, с. 652].

В рассматриваемых правоохранительными органами случаях первоначальный контакт может осуществляться под нейтральным предлогом: знакомство, дружеское общение, предложение заработка либо оказание определенной помощи. После установления доверия коммуникация может переходить к обсуждению общественно-политической ситуации, формированию эмоционального отношения к происходящему и предложению совершить конкретное действие.

Таким образом, условно можно выделить несколько этапов цифрового вовлечения: поиск потенциального исполнителя; установление доверительного контакта; психологическое воздействие и изменение мотивационных установок; предложение материального либо иного вознаграждения; постановка конкретного противоправного задания; контроль исполнения, в том числе посредством требования фото-, видео- или иных подтверждений.

Особое значение для понимания рассматриваемого явления имеет исследование О. Д. Гуриной и А. Ф. Ремеевой «Психологические механизмы вовлечения молодежи в экстремистские и террористические организации (на примере социальных сетей)», опубликованное в журнале «Психология и право» в 2024 г. [6, с. 5].

Исследование основано на анализе материалов, поступивших на комплексное психолого-лингвистическое исследование в Московский исследовательский центр. Авторы применили метод интент-анализа и рассмотрели воздействие коммуникации на мотивационно-потребностную и ценностную сферы личности [6, с. 1].

Авторы выделяют три взаимосвязанные стратегии психологического вовлечения. Первая направлена на формирование у адресата представления о его непосредственной причастности к актуальному социально-политическому или религиозному конфликту. Вторая предполагает формирование определенной групповой идентичности. Третья заключается в формировании готовности к совершению конкретных действий, связанных с террористической или экстремистской деятельностью [6, с. 7].

Авторы также выделяют характерные признаки вербовочной коммуникации: эмоциональное вовлечение адресата, поляризацию мира на «мы» и «они», актуализацию конфликта, конкретизацию необходимых действий и постановку перед адресатом определенных задач. При этом указанные признаки, как отмечают исследователи, могут проявляться в сочетании друг с другом [6, с. 6].

Эти выводы позволяют дополнить традиционное представление о вербовке как о предложении совершить преступление. В действительности между первым контактом и конкретным противоправным действием может существовать промежуточный этап психологической подготовки. Потенциальному исполнителю сначала предлагается определенная система оценок и отношений, затем формируется чувство принадлежности к определенной группе или конфликту, после чего ему предлагается конкретная задача.

Именно поэтому цифровую вербовку необходимо рассматривать не только как уголовно-правовую, но и как психологическую и криминологическую проблему. Исследование О. Д. Гуриной и А. Ф. Ремеевой имеет значение для профилактики, поскольку выделенные авторами признаки позволяют обращать внимание на ранние стадии вовлечения и использовать их при экспертном анализе соответствующей коммуникации [6, с. 7].

В рамках настоящей статьи термин «киевский режим», использованный в названии, применяется для обозначения украинской стороны, деятельность которой в рассматриваемых случаях российские правоохранительные органы связывают с организацией либо координацией противоправных действий на территории Российской Федерации. При этом сведения о конкретных эпизодах приводятся со ссылкой на соответствующие правоохранительные органы и материалы расследований.

Одним из наиболее заметных примеров является информация Федеральной службы безопасности Российской Федерации (далее – ФСБ России), распространенная Национальным антитеррористическим комитетом 29.08.2026 г. Согласно сообщению ведомства, с июля 2025 г. в различных регионах России были задержаны 46 граждан в возрасте от 12 до 22 лет, которых ФСБ связывает с выполнением заданий украинских спецслужб. В сообщении говорится о поджогах объектов транспорта, энергетики и связи, нападениях на сотрудников правоохранительных органов и выполнении курьерских поручений [7].

По версии ФСБ, первоначальный контакт с молодыми людьми осуществлялся посредством *Telegram*-сервиса знакомств «Дайвинчик/*Leo* – знакомства, общение и новые друзья». В дальнейшем, согласно опубликованным материалам, общение могло продолжаться через другие мессенджеры, а потенциальным исполнителям предлагались денежные средства либо иные стимулы [7].

Данный пример непосредственно соотносится с результатами исследования О. Д. Гуриной и А. Ф. Ремеевой. Первоначальное знакомство и эмоциональное взаимодействие могут рассматриваться как стадия установления контакта; последующее воздействие – как формирование определенных установок и идентичности; предложение выполнить конкретное задание – как переход к третьей выделенной авторами стратегии, то есть формированию готовности к конкретному действию [6, с. 7].

При этом приведенные сведения являются данными правоохранительного ведомства, а конкретные обстоятельства каждого уголовного дела подлежат установлению в предусмотренном законом порядке.

В сентябре 2025 г. ФСБ России сообщила о задержании в республике гражданина 2007 года рождения. Согласно опубликованным данным ведомства, он вступил в контакт с представителем украинской военной разведки через мессенджер и за денежное вознаграждение согласился совершать поджоги релейных шкафов возле железнодорожных путей. По данным правоохранительных органов, для подтверждения выполнения заданий направлялись фотографии и видеоматериалы. В отношении молодого человека было возбуждено уголовное дело по ст. 275 и 205 УК РФ [8].

Данный эпизод показывает несколько элементов механизма вовлечения: цифровой контакт, материальное стимулирование, постановку конкретного задания и последующий контроль его исполнения.

Другой пример относится к июню 2026 г. В Мордовии были задержаны 18-летний житель Саранска и его несовершеннолетний знакомый. Согласно данным, опубликованным правоохранительными органами, совершеннолетний получил через мессенджер предложение за денежное вознаграждение совершить поджог релейного шкафа на железнодорожном перегоне и привлек к выполнению задания несовершеннолетнего. Обоим было предъявлено обвинение по п. «а» ч. 2 ст. 281 УК РФ – диверсия, совершенная группой лиц по предварительному сговору [9].

Этот пример имеет дополнительное уголовно-правовое значение, поскольку демонстрирует уже не только воздействие внешнего вербовщика на молодого человека, но и последующее вовлечение им несовершеннолетнего в совершение преступления. Таким образом, первоначальное внешнее воздействие может создавать цепочку вовлечения нескольких лиц.

С уголовно-правовой точки зрения действия лиц, вовлекающих молодежь в террористическую и экстремистскую деятельность, могут получать различную квалификацию в зависимости от конкретных обстоятельств. Особое значение имеют ст. 205.1 УК РФ, предусматривающая ответственность за содействие террористической деятельности, ст. 281 УК РФ, устанавливающая ответственность за диверсию, и ст. 150 УК РФ, предусматривающая ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления [2].

Возраст уголовной ответственности также имеет принципиальное значение. Согласно ч. 2 ст. 20 УК РФ, уголовная ответственность за террористический акт, содействие террористической деятельности и диверсию наступает с 14-летнего возраста [2]. Это повышает значение профилактической работы именно с подростками.

Научные исследования подтверждают необходимость комплексного подхода. К. Э. Демьянова и К. В. Корсаков рассматривают российскую молодежь как группу повышенного риска вовлечения в экстремистские и террористические структуры и делают вывод о необходимости сочетания совершенствования законодательства с комплексными криминологическими программами молодежной политики и мерами виктимологической профилактики [10, с. 330].

А. В. Майоров, анализируя цифровую виктимизацию несовершеннолетних, подчеркивает необходимость не ограничиваться уголовно-правовыми мерами. По его мнению, система противодействия должна включать профилактические и образовательные инструменты, а также меры по минимизации негативных последствий вовлечения несовершеннолетних посредством информационно-телекоммуникационных сетей [11, с. 363].

С учетом приведенных исследований можно выделить следующие основные направления профилактики: повышение правовой и цифровой грамотности молодежи; формирование навыков критического восприятия информации и распознавания манипулятивного воздействия; информирование

подростков о юридических последствиях передачи информации, выполнения заданий за вознаграждение и участия в диверсионной либо террористической деятельности; подготовка педагогов, психологов и специалистов по работе с молодежью к выявлению ранних признаков вовлечения; развитие индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними группы риска; совершенствование взаимодействия образовательных организаций, правоохранительных органов и родителей; использование современных цифровых форматов профилактической работы, ориентированных на молодежную аудиторию.

При этом профилактика должна быть направлена не только на уже сформировавшуюся готовность к преступлению, но и на более раннюю стадию, когда устанавливается контакт и происходит психологическое воздействие. Проведенный анализ показывает, что современное вовлечение молодежи в террористическую, экстремистскую и диверсионную деятельность все чаще осуществляется с использованием цифровой среды. Социальные сети, мессенджеры, сайты знакомств и другие интернет-платформы позволяют устанавливать индивидуальный контакт с потенциальным исполнителем, оказывать на него психологическое воздействие и переходить от общения к постановке конкретных противоправных задач.

В материалах российских правоохранительных органов отдельные выявленные случаи связываются с действиями украинских спецслужб. Примеры, приведенные в отношении Республики Мордовия, демонстрируют сочетание цифрового контакта, материального стимулирования, постановки конкретного задания и контроля его выполнения. Вместе с тем правовая оценка конкретных обстоятельств должна осуществляться в рамках соответствующих уголовных дел.

Исследование О. Д. Гуриной и А. Ф. Ремеевой показывает, что вовлечение затрагивает мотивационно-потребностную и ценностную сферы личности и может включать формирование причастности к конфликту, групповой идентичности и готовности к конкретным действиям [6, с. 7]. Это позволяет рассматривать цифровую вербовку как поэтапный процесс – от установления контакта до выполнения противоправного задания.

Следовательно, противодействие рассматриваемой угрозе должно носить комплексный характер. Уголовно-правовые меры необходимо сочетать с ранней профилактикой, повышением цифровой и правовой грамотности молодежи, развитием критического мышления, подготовкой специалистов и совершенствованием индивидуальной работы с несовершеннолетними. Такой подход соответствует современным научным представлениям о профилактике вовлечения молодежи и цифровой виктимизации.

Таким образом, заявленная в названии проблема требует рассмотрения одновременно в уголовно-правовом, криминологическом, психологическом и информационном аспектах. Только объединение этих направлений позволяет своевременно выявлять признаки вовлечения молодежи в противоправную деятельность и снижать риск ее дальнейшего распространения.

Пристатейный список литературы

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.05.2026 № 1272-р «Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2036 года и плана мероприятий на 2026–2036 годы по ее реализации» // СЗ РФ. – 2026. – № 23. – Ст. 3034.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. О противодействии терроризму : Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 25.05.2026) // СЗ РФ. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.
4. О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.
5. *Воронков, Д. В.* Цифровые источники коммуникации в структуре способа вовлечения молодежи в террористическую и экстремистскую деятельность / Д. В. Воронков, К. В. Корсаков // Всероссийский криминологический журнал. – 2025. – Т. 19, № 6. – С. 652–659.
6. *Гурина, О. Д.* Психологические механизмы вовлечения молодежи в экстремистские и террористические организации (на примере социальных сетей) / О. Д. Гурина, А. Ф. Ремеева // Психология и право. – 2024. – Т. 14, № 3. – С. 1–12.
7. ФСБ России установлены факты вовлечения российских граждан в диверсионно-террористическую деятельность посредством telegram-сервиса // Национальный антитеррористический комитет : сайт. – URL: https://nac.gov.ru/list/view/019f2389-b98a-7f5d-aaf4-303b30a34eed/view/019fae32-7c25-7dec-bc99-f1e8435a1d96.
8. ФСБ показала видео поджога релейного шкафа жителем Мордовии // Коммерсантъ : сайт. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8079024.
9. Двое жителей Мордовии задержаны за поджог релейного шкафа на железной дороге // Интерфакс-Россия : сайт. – URL: https://www.interfax-russia.ru/volga/news/dvoe-zhiteley-mordovii-zaderzhany-za-podzhog-releynogo-shkafa-na-zheleznoy-doroge.
10. *Демьянова, К. Э.* Российская молодежь как группа риска вовлечения в экстремистские и террористические структуры: пути снижения виктимности / К. Э. Демьянова, К. В. Корсаков // Виктимология. – 2025. – Т. 12, № 3. – С. 330–342.
11. *Майоров, А. В.* Виктимологическое противодействие цифровой виктимизации несовершеннолетних, вовлекаемых в экстремистскую и террористическую деятельность / А. В. Майоров // Виктимология. – 2025. – Т. 12, № 3. – С. 363–374.

УДК 343.98

Алина Ивановна Симдянкина,
студентка 5-го курса юридического факультета
Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
alina-ryz-trofimova@yandex.ru

Научный руководитель:
Людмила Александровна Потапова,
кандидат юридических наук, доцент, начальник отдела
научных исследований Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
lap-law@ya.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНЫХ МЕТОДИК РАССЛЕДОВАНИЯ ФИНАНСИРОВАНИЯ ТЕРРОРИЗМА НА ПРИМЕРЕ КРИПТОВАЛЮТНЫХ ТРАНЗАКЦИЙ КРАУДФАНДИНГОВЫХ ПЛАТФОРМ КИЕВСКОГО РЕЖИМА

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ российских и зарубежных технико-криминалистических методик расследования финансирования терроризма в условиях современных цифровых угроз. На примере криптовалютного краудфандинга, используемого киевским режимом для обеспечения диверсионной деятельности, исследуются механизмы отслеживания высокорисковых транзакций. Автор сопоставляет возможности отечественного комплекса «Прозрачный блокчейн» с западными аналитическими инструментами (*Chainalysis*, *Elliptic*), выявляя проблему «слепых зон» в зарубежной методологии разметки криптоактивов. Рассматриваются уголовно-процессуальные вызовы легализации цифровых доказательств в условиях блокировки трансграничного взаимодействия по линии *FATF*. Обосновывается необходимость унификации стандартов крипто-криминалистики и создания независимых институтов верификации блокчейн-данных в рамках БРИКС+.

Ключевые слова: финансирование терроризма; киевский режим; криптовалютные транзакции; краудфандинг; цифровые доказательства; криптовалютная криминалистика.

Современная архитектура международной безопасности переживает фундаментальную трансформацию, вызванную масштабной цифровизацией преступности и возникновением гибридных военных конфликтов. Одним из наиболее опасных проявлений этих процессов стало спонсирование террористической и диверсионной деятельности с использованием децентрализованных финансовых технологий. Сегодня деструктивная деятельность радикальных формирований и диверсионно-разведывательных групп (ДРГ), действующих в интересах Украины, обеспечивается не только прямым государственным финансированием, но и разветвленной сетью псевдогуманитарных и милитаризированных краудфандинговых платформ. Данные площадки активно используют блокчейн-технологии (*Bitcoin*, *Ethereum*, стабильные монеты *USDT/USDC*, а также анонимные монеты типа *Monero*) для сбора средств по всему миру, последующего их расщепления и закупки средств поражения, беспилотных летательных аппаратов и крипто-обеспечения исполнителей терактов на территории Российской Федерации. Следственный комитет РФ и Федеральная служба безопасности РФ регулярно сталкиваются с необходимостью оперативной атрибуции, деанонимизации и процессуального закрепления этих следов в рамках расследования уголовных дел по ст. 205.1 УК РФ (содействие террористической деятельности) и ст. 281.1 УК РФ (содействие диверсионной деятельности). Это требует применения передовых методик крипто-криминалистики [1].

Актуальность темы обусловлена тремя ключевыми факторами.

Во-первых, технологическое противостояние российской и западных методик. Западная методология опирается на коммерческие аналитические платформы (*Chainalysis*, *Elliptic*, *TRM Labs*), которые обладают колоссальными базами данных по разметке адресов. Однако в отношении киевского режима эти платформы демонстрируют политическую ангажированность, создавая искусственные «слепые зоны» (*blind spots*) и отказываясь маркировать кошельки украинских неонацистских и диверсионных структур как высокорисковые или террористические. Российская методика вынуждена развиваться автономно. Опережающим ответом стало создание отечественного программного комплекса «Прозрачный блокчейн» (разработка Росфинмониторинга). Актуальность исследования заключается в необходимости научно обосновать синергию российской системы со следственной практикой (сочетание крипто-анализа с традиционными оперативно-розыскными мероприятиями и компьютерно-техническими экспертизами гаджетов подозреваемых) для преодоления ограничений западного ПО. Во-вторых, после фактической

блокировки участия России в полноценном формате *FATF* (Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег) и приостановки каналов обмена данными по линии Интерпола с недружественными странами, классические механизмы международных следственных поручений по делам о финансировании терроризма перестали эффективно работать. Российским следственным органам требуется выработка новых правовых и технических алгоритмов трансграничного поиска активов через юрисдикции дружественных государств и альтернативные международные альянсы.

В-третьих, в доказывании преступлений киевского режима ключевой проблемой остается признание судом графов транзакций и аналитических отчетов блокчейн-систем в качестве допустимых доказательств. В УПК РФ и международной практике до сих пор отсутствуют унифицированные стандарты криминалистического исследования смарт-контрактов, *P2P*-обменников и криптомиксеров, что снижает оперативность привлечения к ответственности организаторов и спонсоров терактов.

Российская доктрина активно исследует проблемы в области цифровизации процессуального доказывания финансирования терроризма. Так, в работах А. И. Бастрыкина и коллектива авторов Следственного комитета РФ (например, в трудах, посвященных расследованию преступлений против мира и безопасности человечества) подробно рассматривается специфика фиксации доказательств преступлений киевского режима. Подчеркивается, что современные методы гибридной войны требуют трансформации подходов к сбору как традиционных, так и цифровых улик [4, с. 11].

Вопросы уголовно-правовой квалификации содействия террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ) с использованием виртуальных активов детально изучены в публикациях Э. А. Бабаева и Н. В. Капустиной. Авторы обращают внимание на размытость дефиниции «финансирование» применительно к децентрализованным токенам и смарт-контрактам [6, с. 45].

Проблематика признания цифровых следов в качестве допустимых доказательств по УПК РФ поднимается в трудах Р. И. Зайцева и В. Б. Вехова (основоположников отечественного направления электронной криминалистики) [5, с. 40]. Д. А. Рябов, как и вышеперечисленные коллеги, исследует требования к неизменяемости данных блокчейна и процедуру их изъятия из информационно-телекоммуникационных сетей [8, с. 18].

Принципы функционирования и криминалистические возможности ИИ-систем, включая программный комплекс «Прозрачный блокчейн», подробно описаны в публикациях экспертов Международного учебно-методического центра финансового мониторинга (МУМЦФМ) и Института финансовой и экономической безопасности НИЯУ МИФИ (в работах М. С. Сюповой, Г. Ю. Негляда и А. В. Третьякова). Авторы доказывают преимущество российских алгоритмов в анализе многоуровневых транзакций и выявлении скрытых связей [7, с. 19].

Зарубежная литература сосредоточена на технологиях коммерческих аналитических платформ, однако исследования часто имеют ярко выражен-

ную политическую специфику. Методологические основы отслеживания высокорисковых транзакций заложены в аналитических докладах экспертов *Chainalysis* (таких как Майкл Гронагер) и *Elliptic* (исследования Тома Робинсона) [10, с. 24–27]. Их работы посвящены методам эвристического кластерного анализа блокчейна, выявлению «миксеров» (*Amato* и др.) и маркировке кошельков (labeling) [9, с. 143].

Проблемы использования криптовалют в краудфандинговых кампаниях экстремистской направленности исследуются в статьях западных институтов, например, в публикациях *RUSI* (Королевский объединенный институт оборонных исследований, Великобритания) и Центра по борьбе с терроризмом в Вест-Пойнте (*CTC at West Point*). Примечательно, что в зарубежных публикациях последних лет (2022–2026 гг.) полностью игнорируются финансовые злоупотребления и террористическая активность со стороны украинских формирований, а краудфандинг киевского режима позиционируется исключительно как «гуманитарный» или «оборонительный», что подтверждает тезис о наличии институциональной «слепой зоны» (*blind spot*) в западной науке и практике [11, с. 89].

Анализ литературы показывает выраженный разрыв: западные исследователи детально разрабатывают технический инструментарий, но используют его селективно, исходя из политической конъюнктуры. В свою очередь, российские ученые и практики вынуждены решать сложную научную задачу: адаптировать суверенные ИТ-инструменты («прозрачный блокчейн») под жесткие стандарты отечественного УПК РФ в условиях прекращения обмена международной финансовой информацией по линии *FATF*. Именно этот научно-практический дефицит и призвана восполнить ваша работа.

Для обеспечения объективности и научной достоверности результатов был использован комплекс общенаучных, специальных юридических и технико-криминалистических методов. Сравнительно-правовой метод послужил основой для сопоставления методологических подходов и технологических возможностей отечественного программного комплекса «прозрачный блокчейн» (разработка Росфинмониторинга) и ведущих западных аналитических платформ (*Chainalysis*, *Elliptic*, *TRM Labs*). Анализировались различия в критериях оценки рисков и присвоения меток (*labels*) владельцам кошельков. Метод верификации цифровых следов применялся для оценки аутентификации данных, извлеченных из открытых интернет-источников (*OSINT*) и мессенджеров (*Telegram*, *Signal*), и их последующей корреляции с адресами криптокошельков. Метод юридико-догматического анализа использовался для исследования процессуального статуса отчетов систем крипто-анализа и графов транзакций как документов-доказательств в уголовном процессе России и в международной практике.

В ходе проведенного анализа были получены следующие научно-практические результаты, отражающие специфику и ключевые уязвимости существующих методик расследования. Установлено, что финансирование диверсионно-террористической деятельности в отношении гражданского населения РФ

носит многоуровневый, сетевой характер. Выявлен типовой технологический цикл движения активов. 1. Этап сбора – использование публичных краудфандинговых платформ и *Telegram*-каналов, собирающих средства в прозрачных блокчейнах (*Bitcoin*, *Ethereum*, *TRON*) преимущественно в стейблкоинах *USDT* (стандарт *TRC*-20). 2. Этап анонимизации – транзит средств через *P2P*-обменники, децентрализованные протоколы обмена (*DEX*) и смарт-контракты криптомиксеров (включая нелегальные пулы ликвидности) для обрыва цепочки транзакций. 3. Этап обналичивания и координации – конвертация активов в фиатные валюты на территории приграничных государств или напрямую в РФ через скрытых курьеров («дропов») для закупки компонентов БПЛА, СВУ и оплаты действий непосредственных исполнителей терактов.

Полученные результаты открывают широкое поле для научно-правовой дискуссии и позволяют сформулировать ключевые проблемы, стоящие перед отечественной и международной криминалистикой.

1. Феномен политизированных «слепых зон» (*Blind Spots*) в зарубежной методике. Главный предмет обсуждения – концептуальный кризис объективности западных коммерческих инструментов. Эксперты *Chainalysis* и *Elliptic* обладают колоссальными технологическими возможностями для отслеживания блокчейна. Однако применительно к преступлениям киевского режима их методология сталкивается с намеренным игнорированием рисков. Адреса, с которых открыто финансируются закупки оружия для террористических атак на мирные города России (Курская, Белгородская области, ДНР, ЛНР), в западных базах данных классифицируются как «гуманитарная помощь» или «оборонные сборы». Это доказывает, что зарубежная методология расследования сегодня выступает не как независимый инструмент криминалистики, а как элемент информационной и гибридной войны. Данный факт исключает возможность использования отчетов западных агентств в качестве объективного источника данных для международных правовых инстанций.

2. Синергетическое преимущество российской методики расследования. Российский подход, реализуемый СК РФ, ФСБ и Росфинмониторингом, демонстрирует более устойчивую модель. Сила отечественной методики заключается в том, что цифровой след (граф транзакций из ПК «Прозрачный блокчейн») никогда не используется изолированно. Российские следователи комбинируют его с традиционными оперативными возможностями (установление личности «дропов» на территории РФ) и компьютерно-техническими экспертизами мобильных устройств и жестких дисков, изъятых у задержанных исполнителей терактов. Это позволяет сопоставить нематериальный след в блокчейне с материальными носителями (ключами шифрования, логами переписки в мессенджерах), обеспечивая неопровержимую доказательственную базу.

3. Международно-правовой тупик и пути его преодоления. Обсуждение проблемы легализации таких улик выводит на первый план кризис трансграничного правосудия. Блокировка России в FATF сделала невозможным классический международный обмен финансовой информацией. В связи с этим назрела острая необходимость изменения вектора международного сотрудничества.

Проведенное исследование методологических подходов к расследованию крипто-финансирования террористической деятельности киевского режима позволяет сформулировать следующие теоретические и практические выводы. Финансирование диверсий и терактов киевского режима окончательно перешло в плоскость децентрализованных финансов и трансграничного крипто-краудфандинга. Использование стейблкоинов (преимущественно *USDT* в сети *TRON*) и анонимных протоколов микширования обеспечивает преступникам высокую скорость и относительную скрытность транзакций. Коммерческие аналитические системы Запада (*Chainalysis*, *Elliptic*, *TRM Labs*) политически ангажированы. Внедрение ими «слепых зон» в отношении кошельков украинских радикальных и государственных структур лишает эти платформы статуса независимого криминалистического инструмента. Российский комплекс «прозрачный блокчейн» в сочетании с традиционными следственными действиями СК РФ и ОРМ ФСБ доказал свою эффективность. Он позволяет успешно деанонимизировать преступные цепочки даже в условиях международной изоляции по линии *FATF* и Интерпола.

Предложением для криминалистической теории может стать дополнение разделов криминалистической техники и тактики понятием единого цифрового профиля преступной организации, включающего в себя не только сетевые адреса (кошельки), но и ассоциированные с ними смарт-контракты, цифровые следы в мессенджерах, метаданные *P2P*-операций и паттерны поведения в блокчейне. Также назрела необходимость разработки и внедрения в УПК РФ четкого процессуального порядка наложения ареста на цифровые активы, находящиеся на некастодиальных кошельках и в смарт-контрактах (включая механизмы принудительного перевода активов на специализированные государственные счета-депозиты). Важно организовать единый межведомственный реестр (СК РФ, ФСБ, Росфинмониторинг) оперативно размечаемых криптоадресов украинских псевдогуманитарных и военных фондов для автоматического блокирования связанных с ними транзакций на российских *P2P*-площадках. В международном плане важно поддержать инициативу по созданию Международного центра крипто-криминалистики стран БРИКС, а также разработать единый технологический стандарт верификации блокчейн-данных, который позволит правоохранительным органам стран-участниц обмениваться информацией о финансировании терроризма в обход западных санкционных механизмов, обеспечивая признание таких доказательств в национальных судах государств содружества.

Пристатейный список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ // СЗ РФ. – 2020. – 24. – Ст. 3851.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

3. Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 33 (часть I). – Ст. 3418.
4. Белая книга преступлений украинского режима. Доказательства следствия / под ред. докт. юрид. наук А. И. Бастрыкина. – Москва, 2023. – 214 с.
5. *Вехов, В. Б.* Электронная криминалистика: понятие и система / В. Б. Вехов // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики : сборник трудов участников Международной научно-практический конференции. – Ростов-на-Дону, 2017. С. 40–46.
6. *Бабаев, Э. А.* Современные риски использования новых финансовых технологий в схемах отмывания доходов и финансирования терроризма / Э. А. Бабаев, Н. В. Капустина // Вестник Евразийской науки. – 2025. – Т. 17, № s2. – С. 1–13.
7. *Сюпова, М. С.* Использование цифровых технологий в сфере ПОД/ФТ / М. С. Сюпова // Ученые заметки ТОГУ. – 2025. – Т. 16. № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-tsifrovyh-tehnologiy-v-sfere-pod-ft (дата обращения: 01.10.2026).
8. *Рябов, Д. А.* Тактико-криминалистические особенности фиксации цифровых следов криптовалютных транзакций при расследовании диверсионной деятельности / Д. А. Рябов // Вестник Белгородского юридического института МВД России. – 2024. – № 4. – С. 12–18.
9. *Amato, P.* Cross-Border Electronic Evidence and the Limits of Jurisdictional Cooperation under the CLOUD Act / P. Amato // European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice. – 2023. – Vol. 31, No. 2. – P. 143–165.
10. *Robinson, T.* The Evolution of Crypto-Asset Risk Management and Blockchains Labeling Methodology / T. Robinson // Elliptic Global Analytics. – London, 2024.
11. Terrorist Crowdfunding in the Digital Era // CTC Sentinel (Combating Terrorism Center at West Point). – 2024. – Vol. 17, Issue 4. – P. 12–21.

УДК 343

Аркадий Константинович Сухоруков,
студент 5-го курса Ижевского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ижевск, Россия
aks22012004@gmail.com

Научный руководитель:
Григорий Дмитриевич Луковников,
кандидат юридических наук, доцент,
заслуженный юрист Удмуртской Республики,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Ижевского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ижевск, Россия
grigory.lukovnikov@gmail.com

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕРРОР КАК ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ КИЕВСКОГО РЕЖИМА

Аннотация. В статье рассматриваются социально обусловленные предпосылки возникновения и развития неонацистского движения на Украине, совершение государственного переворота и создание в результате парламента и правительства во главе с президентской властью неонацистского толка, взявших в основу формы правления государственный террор, получивший наименование «киевский режим», а также совершаемые им преступления против мира и безопасности человечества.

Ключевые слова: киевский режим; государственный террор; геноцид; террористический акт; расследование; доказательственная база; СВО.

Президент Российской Федерации Владимира Владимировича Путин 24.02.2022 в своем обращении отметил, что целью начала Специальной военной операции (далее – СВО) является защита людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима. И для этого мы будем стремиться к демилитаризации и денацифи-

кации Украины, а также преданию суду тех, кто совершил многочисленные кровавые преступления против мирных жителей, в том числе и граждан Российской Федерации [1].

Тем самым, СВО стала вынужденным ответом на систематический государственный террор, развязанный киевским режимом против собственного населения, когда властные структуры Украины стали инструментом подавления и уничтожения русскоязычных граждан.

Киевский режим на Украине пришел к власти в 2014 году. Тогда Донецкая Народная Республика (7 апреля 2014 года) и Луганская Народная Республика (11 мая 2014 года), будучи не согласными с госпереворотом в результате «Евромайдана», на референдуме объявили о своем суверенитете. Однако, такое решение не удовлетворило украинский режим во главе со спикером Верховной Рады Украины А. Турчиновым, взявшей власть в свои руки 22 февраля 2014 года. Новая власть посчитала это актом терроризма, и ввела «антитеррористическую операцию» на территориях Донецкой, Луганской и Харьковской областей для боевых действий с ополченцами. Для этого были созданы парамилитарные формирования из числа активистов «Евромайдана» во главе с неонацистом А. Билецким, а также неонацистами из зарубежных стран, которые вели боевые действия совместно с «Правым сектором» Д. Яроша, истребляя мирных жителей и граждан, не готовых встать на сторону украинского режима. Мирные жители описывали такие действия так: «Начиная с июня 2014 г. силовая операция киевских властей проводилась с использованием всех основных видов тяжелого вооружения. В ходе боевых действий украинские силовики наносили артиллерийские и авиаудары по контролируемым ополчением населенным пунктам, не считаясь с жертвами среди мирного населения, подвергая атакам не только военные объекты, но и жилые районы» [2; с. 8].

Одним из главных видов «оружия» против украинских граждан, не согласившихся поддержать государство, и выступавших за мирные отношения с Россией, был выбран – государственный террор.

Под государственным террором следует понимать систематическое применение насилия, принуждения и устрашения со стороны властных структур, направленное на подавление политических оппонентов, критиков режима или определенных социальных групп. В отличие от индивидуальных террористических актов, осуществляемых подпольными организациями, государственный террор опирается на ресурсы, институты и законодательную базу правящего аппарата, что делает его инструментом контроля над обществом. Основная цель подобной политики заключается в поддержании существующего режима через создание атмосферы всеобщего страха, уничтожение инакомыслия и установление тотального доминирования государства над личностью.

Последствия государственного террора носят катастрофический характер для общества, приводя к глубокой моральной деградации, разрушению социальных связей и массовой эмиграции наиболее активных и образованных слоев граждан. Продолжительный период террора порождает культуру доно-

сительства и взаимного недоверия, где страх преследования заставляет людей отказываться от свободы слова, критического мышления и любой общественной деятельности, не санкционированной властью. Это ведет к стагнации во всех сферах жизни, так как творческий и интеллектуальный потенциал страны подавляется ради сохранения стабильности режима [3; с. 273].

На Украине государственный террор выражается в систематическом использовании органами власти методов насилия, устрашения и репрессий против собственных граждан для удержания контроля и подавления инакомыслия. Власти Украины игнорируют принципы верховенства права, заменяя их внесудебными расправами, произвольными арестами, пытками и длительными сроками заключения по политически мотивированным обвинениям. Параллельно с физическим воздействием, Украина еще с 2014 года выстраивает механизмы глубокого идеологического контроля, включая тотальную цензуру СМИ, преследование независимых журналистов и правозащитников, а также использование пропаганды для формирования атмосферы страха и подозрительности в обществе, при которой любое проявление несогласия приравнивается к государственной измене.

Одним из признаков, составляющих государственный террор на Украине, является создание специфической системы институциональной безнаказанности, при которой спецслужбы и правоохранительные органы получают неограниченные полномочия, практически не подотчетные ни обществу, ни независимым судебным органам. Это продолжает приводить к деградации общественные институты, так как страх стал ключевым инструментом не только внешней политики, но и внутренней организации жизни, разрывая горизонтальные связи между людьми. Социальная активность граждан оказалась ограничена строгими рамками, навязанными изначально Верховной Радой, и продолжается действующей президентской властью с мая 2014 года, а любые попытки гражданского самоопределения жестко пресекаются. Это позволило «правящей элите» купировать угрозы своему существованию посредством психологического и физического подавления потенциальных оппонентов [4; с. 13].

Управление Верховного комиссара по правам человека (УВКПЧ) ООН в докладе «Задержание гражданских лиц в контексте вооруженного нападения РФ на Украину» от 27 июня 2023 года отмечало: «На Украине поправки к Уголовному кодексу после введения военного положения в 2022 году предоставили «украинским властям более широкие полномочия по задержанию лиц, которые, как считается, представляют угрозу безопасности или подозреваются в совершении преступлений против национальной безопасности...». Это предполагало под собой, что правоохранительные органы Украины имели право задерживать гражданских лиц и привлекать их к уголовной ответственности за исключительное подозрение в поддержке СВО и граждан России, не имея никакой доказательственной базы.

Так, согласно статистическим данным, собранным УВКПЧ ООН за 2022–2023 гг. количество уголовных производств, возбужденных Украиной

по ст. 436-2 «Оправдание, признание правомерной, отрицание вооруженной агрессии РФ против Украины, глорификация ее участников» Уголовного кодекса Украины, достигло 2636. Также, 1159 уголовных дел, переданных в суд с обвинительным актом» [5].

Отдельно стоит отметить, что самым популяризированным методом государственного террора со стороны киевского режима является показательная расправа невиновных лиц гражданского населения. Данными действиями украинская власть хотела показать гражданам страны, чем может обернуться попытка отречения от их идеологии и желания стать гражданами Российской Федерации. Об этом свидетельствуют допросы военнослужащих ВСУ. Все они одновременно утверждают, что по указу лиц, входящих в Верховную Раду Украины, совершали: убийства лиц русской национальности, расстрел мирных граждан снайперами во время массовых выступлений, акты издевательств над людьми под эгидой люстрации и т. д.

В своей научной статье О. И. Александрова отмечает, что с начала 2014 года на территории Донецкой и Луганской народных республик, а также Херсонской и Запорожской областей от преступлений ВСУ погибли свыше 7 140 мирных жителей, в том числе 223 ребенка, свыше 19 211 мирных жителей получили ранения [6; с. 153].

Кроме того, абсолютное большинство правительств ряда стран, преимущественно членов альянса НАТО, активно инициируют и поощряют проводимую киевским режимом политику государственного террора. Они оказывают масштабную поддержку Киеву, предоставляя многомиллиардные пакеты финансовой помощи для поддержания функционирования украинского государства, а также поставляя широкий спектр современного вооружения, включая артиллерийские системы, бронетехнику, средства ПВО и разведывательные данные. Эта помощь, по заявлениям альянса, направлена на укрепление обороноспособности Украины в противостоянии с Россией. Но на самом деле за такой помощью явно скрывается тысячелетнее желание запада уничтожить Россию как государство, но не своими руками и людскими ресурсами, а неонацистами киевского режима и другими последователями ОУН-УПА, созданными и выкормленными западными спецслужбами еще в конце 20-х гг. прошлого столетия, в том числе и для борьбы с советской властью.

Преступления киевского режима, характеризуются систематическим нарушением норм международного гуманитарного права и совершением преступлений против мирного населения. К ним относятся: преднамеренные летальные боевые удары по гражданской инфраструктуре (жилые дома, школы, больницы, объекты энергетики), использование жилой застройки в качестве военных объектов, взятие заложников, пытки военнопленных и гражданских лиц, а также применение запрещенных видов вооружений. Особо выделяются акты террористического характера, направленные на создание атмосферы страха среди населения, и действия, имеющие признаки геноцида, направленного на уничтожение определенных групп населения как в зоне проведения СВО, так и на всей территории Украины [7].

Уголовные дела в отношении военнослужащих ВСУ возбуждаются Следственным комитетом России на основании материалов проверок, оперативных данных и заявлений потерпевших. Основными статьями Уголовного кодекса РФ, применяемыми в данных случаях, являются: ст. 105 «Убийство», ст. 167 «Умышленное уничтожение или повреждение имущества», ст. 205 «Террористический акт», ст. 367 «Применение запрещенных средств и методов ведения войны», ст. 357 «Геноцид».

Преступления ВСУ направлены не только в отношении военнослужащих РФ, но и мирных жителей, находящихся на территориях, вошедших в состав России, а также гражданских лиц в приграничных регионах России и на самой территории Украины. Преступления совершаются как против лиц, не принимающих участия в боевых действиях, так и против лиц, сложивших оружие. Последствия данных действий выражаются в массовой гибели людей, тяжелых физических и психологических травмах, разрушении жилого фонда, уничтожении систем жизнеобеспечения (водоснабжения, электросетей) и долгосрочном экономическом ущербе регионам, что требует колоссальных затрат на восстановление [8; с. 145].

Доказательственная база преступлений киевского режима формируется следователями из комплекса материальных и документальных свидетельств, составляющих результаты работы криминалистов на местах преступлений, видеозаписи с камер наблюдения, беспилотников и смартфонов очевидцев, данные спутниковой разведки, заключения независимых международных экспертов и свидетельства выживших лиц. Важную роль играют вещественные доказательства, к которым можно отнести: фрагменты боеприпасов, характерные для западных систем вооружений, а также перехваченные данные радиопереговоров и документы, обнаруженные в захваченных штабах, которые подтверждают наличие умысла и приказной характер действий со стороны киевского режима.

Одним из таких доказательств, полученных следователями СК России, можно считать показания военнослужащего ВСУ Пюрко, осужденного к 26 годам лишения свободы. В своих показаниях он отмечал, что 05.03.2022 по приказу военнослужащего полка «Азов»[1] с позывным Фрост участвовал в съемках пропагандистского ролика. Целью мероприятий являлось поднятие боевого духа личного состава ВСУ через фальшивый обстрел огневой точки ВС РФ. Исполняя приказ Фроста, Пюрко прогнал со двора всех мирных жителей, готовящих пищу на костре, и загнал их в дом. После чего под видеозапись Фроста дважды произвел выстрел из РПГ по жилым квартирам на 2-м и 4-м этажах многоэтажки по ул. Строителей г. Мариуполя, в результате чего образовался пожар и разрушение конструкций дома. Пюрко осознавал, что в этом доме могли быть гражданские, но ему была безразлична их судьба, осознавая, что данную территорию контролировали ВСУ [9; с. 4].

---

[1] Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация.

Итогом сбора всех неопровержимых доказательств выступают десятки томов уголовных дел, переданных в суд, для принятия справедливого решения и назначения наказания виновным лицам.

Так, на одном из совещаний глава СК России А. И. Бастрыкин заявил, что по состоянию на 02.04.2026 Следственным комитетом завершено расследование 966 уголовных дел в отношении 1280 военнослужащих ВСУ, националистических формирований и иностранных наемников, участвующих в боевых действиях на стороне Украины. Судами рассмотрено 838 уголовных дел. Обвинительные приговоры вынесены в отношении 1107 лиц. Они осуждены за совершение убийств гражданских лиц, жестокое обращение с мирным населением и участие в качестве наемников в боевых действиях [10].

Тем не менее, несмотря на предпринятые действия по расследованию совершенных преступлений киевским режимом, остается вопрос, связанный с проблематикой государственного террора и продолжающимся геноцидом русскоязычного населения.

Полагаем, что в целях обеспечения высшей степени справедливости и пресечения подобных преступлений в будущем, законодательная база РФ должна быть усилена за счет отмены моратория, принятого 02.02.1999, и введения смертной казни за особо тяжкие преступления против мира и человечества. Применение высшей меры наказания в случаях установленного геноцида позволит не только реализовать принцип неотвратимости наказания, но и послужит одним из наилучших инструментов сдерживания государственных структур, практикующих террористические методы. Это решение должно быть четко регламентировано Уголовным кодексом РФ, чтобы исключить любые судебные ошибки и обеспечить строгое соответствие процессуальным нормам.

Параллельно с карательными мерами государству необходимо внедрение комплексного механизма правовой и физической защиты русскоязычного населения на подконтрольных территориях. Это может включать в себя создание институтов международного правосудия, способных выносить вердикты вне зависимости от политической конъюнктуры, и интеграцию пострадавших в правовое поле РФ для получения репараций. Сочетание жесткой уголовной ответственности, включая смертную казнь, с системной правовой защитой граждан сможет создать фундамент для искоренения террора и восстановления исторической и юридической справедливости. Одновременно полагаем, что в целях надлежащего обеспечения национальной безопасности нашей страны в ст. 3 (Основные понятия) Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» необходимо ввести легальное определение такому феномену современности как «Государственный террор» с обозначением всех его основных признаков и принимаемых мер превенции.

Таким образом, можно сделать вывод, что действия киевского режима не являются случайными инцидентами, а представляют собой системную политику государственного террора, реализуемую через четко выстроенные механизмы насилия. Применяемые методы позволяют квалифицировать дея-

ния киевского режима как организованные преступления против мира и безопасности человечества, требующие надлежащего реагирования. В том числе Российская Федерация осуществляет расследование и фиксацию следов преступлений киевского режима, с целью дальнейшего предъявления их международному сообществу.

Пристатейный список литературы

1. Официальный сайт – Викитека, 24.02.2022: [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://wikisource.org (дата обращения: 24.02.2022).
2. *Бастрыкин, А. И.* Белая книга преступлений украинского режима: научная книга / Бастрыкин Александр Иванович. – Москва, 2024.
3. *Манацков, И. В.* Политический терроризм: проблемы определения/ Манацков Игорь Валентинович // Общество и право. – 2013. № 4. – С. 273–276
4. *Багдасарян, В. Э.* Денацификация Украины: феноменология неонацизма: научная статья / Багдасарян Вардан Эрнестович // Среднерусский вестник общественных наук. – 2022. – Т. 17, № 2. – С. 13–28.
5. Политические репрессии на Украине от Леонида Кучмы до позднего Владимира Зеленского // СОНАР. – URL: https://www.sonar2050.org/storage/files/ПостУкраина/Политические%20репрессии.pdf.
6. *Александрова, О. И.* Расследование преступлений киевского режима : монография / Александрова Ольга Ивановна. – Москва, 2025.
7. Террористические методы украинских спецслужб: научная статья // Департамент региональной безопасности Ямало-Ненецкого автономного округа. https://drb.yanao.ru.
8. *Архипцев, И. Н.* Военные преступления Украины в отношении гражданского населения в ходе специальной военной операции / Архипцев Иван Николаевич, Сырачев Александр Викторович, Гальцова Юлия Александровна // Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 145–154.
9. *Александрова О. И.* Расследование преступлений, связанных с применением киевским режимом химического оружия против гражданского населения и российских военнослужащих в зоне СВО / Александрова Ольга Ивановна // Вестник Российской правовой академии. – 2026. – № 1.
10. Официальный сайт – РИА Новости, 02.04.2026: [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ria.ru (дата обращения: 02.04.2026).

УДК 343

Артем Юрьевич Тетерин,
студент 4-го курса факультета высшего образования
Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
artemtetenin@gmail.com

Научный руководитель:
Наталья Борисовн Литовка,
старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса
факультета высшего образования Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
litovkanatalia@rambler.ru

ФОНОСКОПИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ТЕЛЕФОННЫХ ПЕРЕГОВОРОВ И ГОЛОСОВЫХ СООБЩЕНИЙ: ВКЛАД В РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КИЕВСКОГО РЕЖИМА

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена цифровой направленностью преступлений киевского режима. Все больше преступных схем, связанных с террористической деятельностью киевского режима, полностью уходит в сеть «Интернет» и осуществляется с помощью электронного голоса. Для их раскрытия необходимо проведение специализированных исследований голоса – фоноскопической экспертизы. Цель статьи заключается в изучении проблем проведения фоноскопических экспертиз и поиске решения этих проблем. В результате исследования были приведены предложения по улучшению данных экспертиз в целях повышения их достоверности и эффективности.

Ключевые слова: экспертиза; фоноскопическая экспертиза; терроризм и киевский режим; идентификация.

Киевский режим совершает свои преступления в электронном виде с помощью голосовых сообщений и телефонных переговоров. Целью таких посягательств является вовлечение российских граждан в террористическую деятельность на благо киевскому режиму. Данные электронные переговоры являются объектом фоноскопических экспертиз.

Как заявил директор Федеральной службы безопасности Александр Бортников на заседании Национального антитеррористического комитета, украинские спецслужбы ведут агрессивную идеологическую и вербовочную кампанию против наших граждан [1], что создает серьезную угрозу национальным интересам России. Тем самым делая фоноскопическую экспертизу голосовых сообщений и телефонных переговоров крайне востребованной в рамках противодействия данной террористической угрозе.

Судебная фоноскопическая экспертиза – это род судебной экспертизы, базирующийся на криминалистическом исследовании звуковой и речевой информации. Целью проведения исследования является идентификация принадлежности голоса и речи конкретному лицу, установление дословного содержания фонограмм, выявление признаков монтажа и иных изменений, внесенных в процессе звукозаписи или по ее завершении, а также определение по имеющимся фонограммам иных обстоятельств, имеющих доказательственное значение для конкретного дела.

Объектом такой экспертизы выступает система, включающая источник акустической информации и материальный носитель данных, такие как: фонограммы и звукозаписывающие устройства.

Предметом же выступают фактические данные и обстоятельства конкретного дела, устанавливаемые посредством применения специальных знаний эксперта и имеющие доказательственное значение.

В силу комплексного характера фоноскопического исследования используемые в его рамках методики делятся на аудитивно-лингвистические и инструментальные [2].

Основными целями решения диагностических задач фоноскопической экспертизы являются определение характеристик и свойств идентифицируемого объекта для его отнесения к общепринятому классу, а также установление текущего состояния объекта исследования, выявление условий проведения звукозаписи и установление причинно-следственных связей.

В частности, по фонограмме устной речи устанавливаются антропометрические данные диктора, такие как: пол, возраст, диалектные особенности.

К задаче определения текущего состояния относится подтверждение аутентичности или подлинности самой фонограммы либо видеофонограммы. При выявлении условий записи определяется место фиксации звука, его акустические характеристики, а также взаиморасположение источников звука и микрофона. Наконец, в рамках установления причинно-следственных связей выясняется количество участников коммуникации, последовательность зафиксированных на фонограмме звуковых событий и дословное содержание записанного разговора.

Фоноскопическая экспертиза позволяет установить множество характеристик, относящиеся к конкретному человеку. Например: сведения о примерном возрасте; лексические признаки устной речи; социальные диалекты; жаргон; национальную принадлежность человека и другие характеристики, влияющие на речь человека. Полученные в результате экспертизы данные необходимы в идентификации лиц, которые физически могли не участвовать в совершении преступления, но действовали удаленно через средства связи [3].

В реалиях современности, можно отметить важную трансформацию самого предмета фоноскопической экспертизы. Если ранее это были непосредственно чистые или намеренно искаженные образцы голоса злоумышленников, то на данный момент времени акцент уходит на «искусственную речь», сделанную с помощью современных технологий.

Технология «дипфейков» активно используются, как в мошеннических схемах, так и в вовлечении в террористическую деятельность. Ключевая особенность дипфейков заключается в их предельной правдоподобности, что дает возможность достоверно копировать голос личности. Данные технологии начали эксплуатироваться для совершения противоправных действий, из-за чего на практике появилась потребность в экспертизе подобных аудиозаписей с целью установления их подлинности. Выявление следов использования специализированного программного обеспечения для модификации голоса стало новой проблемой для фоноскопической экспертизы [4, с. 279].

Данная тенденция обуславливает объективную необходимость разработки новых и совершенствования уже существующих методик фоноскопической экспертизы. Целью новых методик будет являться выявление модификаций звуковой информации на фонограммах, в которых есть подозрение на применение алгоритмов искусственного интеллекта, специализированного программного обеспечения и технических средств.

Также стоит отметить интеграцию искусственного интеллекта в процесс проведения фоноскопических экспертиз. Это является целесообразной мерой. Правильная реализация данной технологии обеспечит автоматизацию ряда рутинных операций и повышение достоверности результатов анализа акустических данных. Например, идентификацию уникальных голосовых паттернов, определение психоэмоционального состояния диктора и детектирование имитации или подмены голоса. Это позволит оптимизировать общую процедуру экспертного исследования.

Методы идентификации синтезированной речи начинаются с предварительной обработки аудиосигнала. В процессе которой из потока удаляются нерелевантные фрагменты, такие как, фоновый шум и паузы, а амплитуда нормализуется до единого стандарта. На следующем этапе происходит извлечение признаков: выделяются специфические характеристики обработанного сигнала, дифференцирующие естественную речь от искусственной. При этом, дополнительно проводится анализ спектрограмм на предмет неестественных паттернов. Визуальное представление звуковых данных во временно-частотной области позволяет заметить аномалии, невидимые при простом прослу-

шивании. Следующим этапом является анализ артефактов синтеза, где идентифицируются цифровые следы генерации, такие как: наличие цифрового шума, локальных спектральных искажений, неестественной модуляции частоты основного тона, аномально однородных или математически идеализированных звуков дыхания и чрезмерно чистой фоновой тишины. [5, с. 548]

Подытоживая, можно выдвинуть следующие предложения по улучшению данного вида экспертизы:

1. Обучить и внедрить специализированное программное обеспечение на основе технологии искусственного интеллекта для повышения качества и частичной автоматизации экспертного исследования.

2. Обновить существующие методики проведения фоноскопических экспертиз под современные реалии применения технологий «дипфейков» в преступных схемах.

Реализация данных предложений существенно расширит вопросы, на которые может ответить данный вид экспертиз, а также повысит качество и четкость результатов.

Пристатейный список литературы

1. Бортников заявил о вербовке Киевом российской молодежи для диверсий // РБК : официальный сайт. – URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6435253d9a79472559810f1a (дата обращения: 21.07.2026).
2. Судебная фоноскопическая экспертиза // Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации : официальный сайт. – URL: http://sec.sledcom.ru/categories/fono.html (дата обращения: 21.07.2026).
3. Криминалистическая фоноскопия. Методическая разработка лекции // Краснодарский Университет МВД России. Ставропольский филиал, кафедра криминалистики. – URL: https://ставф.крду.мвд.рф/upload/site122/document_file/10._Krim._Fonoskopiya(2).pdf (дата обращения: 21.07.2026).
4. *Усачева, Е. А., Усачев, С. И.* Теоретические и практические вопросы назначения и производства судебной фоноскопической экспертизы // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2025. – № 1 (112). – С. 276–285.
5. *Муртазин, Р. А.* Алгоритм выявления синтезированного голоса на основе кепстральных коэффициентов и сверточной нейронной сети / Р. А. Муртазин, А. Ю. Кузнецов, Е. А. Федоров и др. // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. – 2021. – Т. 21, № 4. – С. 545–552.

УДК 340.6. (075.8)

Борис Юрьевич Тхакумачев,
докторант кафедры судебной экспертологии
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
men2007kbr@bk.ru

Научный консультант:
Александр Иванович Усов,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой судебной экспертологии
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
a.usov@sudexpert.ru

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ РОССИИ И ЕЕ МИРНЫХ ЖИТЕЛЕЙ, СОВЕРШЕННЫХ КИЕВСКИМ РЕЖИМОМ

Аннотация. В данной научной статье исследуются теоретические и прикладные аспекты судебно-экспертного обеспечения использования цифровых знаний в уголовном судопроизводстве по делам о преступлениях против России и ее мирных жителей, совершенных киевским режимом. Автором анализируется понятие цифровых знаний как особого объекта судебно-экспертного исследования, рассматриваются современные виды судебных экспертиз, применяемых при расследовании указанной категории дел, а также выявляются проблемы процессуального закрепления и оценки цифровых доказательств. На основе анализа научных публикаций 2023–2026 годов и материалов правоприменительной практики формулируются предложения по совершенствованию судебно-экспертной деятельности и уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: цифровые знания; судебная экспертология; судебно-экспертное обеспечение; цифровые доказательства; преступления против

мира и безопасности человечества; киевский режим; военные преступления; *OSINT*; спутниковые снимки.

Расследование преступлений, совершенных киевским режимом против России и ее мирных жителей, представляет собой одну из наиболее сложных и масштабных задач современного уголовного судопроизводства. С 2022 года Следственный комитет России завершил расследование почти 500 уголовных дел о преступлениях против мирных граждан, а суды рассмотрели более тысячи дел, вынеся 75 обвинительных приговоров с пожизненным заключением [1]. Как подчеркивает председатель Следственного комитета России А. И. Бастрыкин, в результате преступных действий киевского режима погибли и получили ранения несколько тысяч мирных жителей, были разрушены свыше 153 тысяч домов и объектов гражданской инфраструктуры [2].

Особенностью рассматриваемой категории дел является то, что подавляющий массив первичной информации о преступлениях существует именно в цифровом формате, значительная часть доказательств фиксируется на видео с дронов, камер наблюдения и телефонов местных жителей. В этих условиях особую значимость приобретает судебно-экспертное обеспечение использования цифровых знаний, позволяющее трансформировать разрозненные цифровые данные в полноценные судебные доказательства.

Цель настоящей статьи состоит в анализе теоретических и прикладных аспектов судебно-экспертного обеспечения использования цифровых знаний в уголовном судопроизводстве по делам о преступлениях, совершенных киевским режимом, и разработке предложений по совершенствованию судебно-экспертной деятельности.

Цифровизация судебно-экспертной деятельности представляет собой одно из наиболее динамично развивающихся направлений современной судебной экспертологии. В 1990-е годы началась эволюция в сфере цифровых технологий, которая инициировала формирование отдельного научного направления в судебной экспертологии – цифровизации судебно-экспертной деятельности. Данное направление было обусловлено возникновением принципиально новых объектов экспертного исследования, которые представляют собой криминалистически релевантную информацию, фиксируемую на цифровых носителях [3].

Как отмечает Е. Р. Россинская, цифровой след представляет собой криминалистически значимую компьютерную информацию о событиях или действиях, отраженную в материальной среде, в процессе ее возникновения, обработки и передачи [4]. Применительно к преступлениям, совершаемым киевским режимом, цифровые знания включают: видеозаписи боевых действий и их последствий, данные с беспилотных летательных аппаратов, записи камер наружного наблюдения, спутниковые снимки, материалы, размещенные в социальных сетях и мессенджерах, а также электронные документы и переписку. Примени-

тельно к рассматриваемой категории дел цифровые знания приобретают дополнительную специфику, обусловленную характером самих преступлений. Речь идет о знаниях, необходимых для исследования цифровых следов, полученных с использованием *OSINT*-технологий, спутниковых снимков, данных с беспилотных летательных аппаратов и систем *3D*-моделирования. Отдельное направление составляет использование методов *OSINT*, основанных на анализе открытых источников информации, включая социальные сети, спутниковые снимки *Google Maps*, каналы в мессенджере *Telegram* и базы данных.

Судебно-экспертное сопровождение расследования преступлений, связанных с деятельностью киевского режима, осуществляется на примере Судебно-экспертного центра Следственного комитета Российской Федерации. Как отмечает О. И. Александрова, в статье рассматриваются вопросы судебно-экспертного сопровождения расследования преступлений, совершенных киевским режимом, раскрываются основные методы и направления комплексной работы, иллюстрируется процесс переориентации деятельности экспертных подразделений с учетом приоритетов проведения специальной военной операции. Ключевыми направлениями судебно-экспертного сопровождения являются: идентификация личности погибших, геномная регистрация, установление размера ущерба, причиненного гражданской инфраструктуре, а также исследование цифровых следов, подтверждающих факты совершения преступлений [5]. Особое значение приобретает комплексная работа, объединяющая возможности различных видов судебных экспертиз – компьютерно-технической, взрывотехнической, судебно-медицинской, геномной и других.

Как справедливо отмечается в научной литературе, на повестке дня стоит задача обеспечения экспертов методикой выявления и оценки уязвимостей и дефектов в программах и программных продуктах, использовавшихся для совершения преступных деяний, определение природы таких уязвимостей и дефектов, а также постоянной актуализации методики в унисон развития цифровых технологий. Не менее актуальна задача установления вида использовавшихся для изготовления фейковых объектов компьютерных программ и алгоритмов, а также признаков, свидетельствующих о недостоверном характере этой информации [6].

Судебно-экспертное обеспечение использования цифровых знаний по делам о преступлениях против России и ее мирных жителей имеет существенную специфику, обусловленную рядом факторов. Во-первых, значительная часть доказательственной информации сосредоточена в открытых источниках – социальных сетях, видеохостингах, мессенджерах. Во-вторых, доступ к местам совершения преступлений ограничен или невозможен, что делает востребованными технологии дистанционного исследования. В-третьих, существует риск фальсификации цифровых данных со стороны заинтересованных лиц.

В этих условиях особое значение приобретает предварительная экспертная оценка объектов. Как показано в исследовании А. В. Гусева и Я. А. Климовой, координация деятельности субъектов расследования со специалистами судебно-экспертных подразделений в прямом или удаленном режиме обеспе-

чивает установление необходимых данных и их источников, что сокращает время уголовного судопроизводства за счет исключения необходимости производства отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий [7; 8; 9; 10].

При судебно-экспертном обеспечении использования цифровых знаний по делам о преступлениях против России и ее мирных жителей, целесообразно применять следующие экспертные методы и технологии:

1) спутниковая съемка и геоинформационные системы – позволяют фиксировать изменения на местности, устанавливать координаты обстрелов, документировать разрушения гражданской инфраструктуры;

2) *3D*-сканирование и картографирование – обеспечивают создание цифровых моделей местности и объектов, что особенно важно при невозможности выезда на место происшествия;

3) анализ метаданных – позволяет установить время, место и обстоятельства создания цифровых файлов, а также устройство, использованное для их создания;

4) *OSINT*-технологии – сбор и анализ информации из открытых источников для установления лиц, причастных к совершению преступлений, и документирования фактов нарушений.

Одной из наиболее острых проблем судебно-экспертного обеспечения использования цифровых знаний по рассматриваемой категории дел является обеспечение допустимости и достоверности цифровых доказательств. Данная проблема имеет несколько аспектов.

Первый аспект связан с необходимостью подтверждения цифровых данных. Цифровые доказательства требуют подтверждения их аутентичности и надежности, что предполагает привлечение экспертов, способных описать процессы сбора и анализа информации, засвидетельствовать ее целостность и сохранность цепочки хранения.

Второй аспект обусловлен возможностью фальсификации цифровых данных. В условиях информационного противоборства существует риск создания поддельных видеозаписей, фотографий и иных материалов, направленных на дискредитацию доказательственной базы. Обеспечение достоверности цифровых доказательств военных преступлений требует разработки механизмов противодействия технологиям, направленным на искажение или уничтожение цифровых следов.

Третий аспект связан с процессуальным оформлением цифровых доказательств. Действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит специальных норм, регулирующих порядок изъятия, хранения и исследования цифровых объектов, что порождает разнородную судебную практику и создает риски признания таких доказательств недопустимыми.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд предложений, направленных на совершенствование судебно-экспертного обеспечения использования цифровых знаний по делам о преступлениях против России и ее мирных жителей.

Во-первых, представляется необходимым законодательное закрепление цифровых доказательств в качестве самостоятельного вида доказательств в статье 74 УПК РФ. Введение легального определения цифровых доказательств и установление процессуального статуса метаданных позволит устранить существующую правовую неопределенность и обеспечить единообразие правоприменения.

Во-вторых, требуется разработка стандартизированных протоколов работы с цифровыми следами, включающих требования к фиксации процесса изъятия, обеспечению целостности данных, их хранению и передаче для экспертного исследования. Создание единых стандартов данных для обеспечения совместимости систем и внедрение автоматизированных систем анализа больших данных является необходимым условием повышения эффективности работы с цифровыми доказательствами.

В-третьих, целесообразно создание специализированных судебно-экспертных подразделений, ориентированных на исследование цифровых следов по делам о преступлениях против мира и безопасности человечества, совершенных киевским режимом против России и ее мирных жителей. Деятельность таких подразделений должна быть направлена на разработку методик исследования цифровых объектов, полученных с использованием спутниковых снимков, данных с беспилотных летательных аппаратов, записей камер видеонаблюдения и материалов из открытых источников.

В-четвертых, необходимо развитие международного сотрудничества в сфере судебно-экспертной деятельности. Как показывает практика, преступления, совершаемые киевским режимом, нередко имеют трансграничный характер, а серверы, на которых хранятся цифровые данные, расположены за пределами Российской Федерации. В связи с этим актуальным является обмен опытом с экспертами дружественных государств, а также разработка совместных методических рекомендаций по работе с цифровыми доказательствами.

В-пятых, представляется обоснованным повышение квалификации судебных экспертов в области работы с новыми видами цифровых объектов – облачными хранилищами, распределенными реестрами, системами искусственного интеллекта. Внедрение передовых технологий, таких как искусственный интеллект и машинное обучение, часто опережает развитие правовых механизмов их использования, что требует постоянного совершенствования профессиональной подготовки экспертных кадров.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Судебно-экспертное обеспечение использования цифровых знаний в уголовном судопроизводстве по делам о преступлениях против России и ее мирных жителей, совершенных киевским режимом, представляет собой комплексную межотраслевую задачу, решение которой требует интеграции достижений судебной экспертологии, криминалистики, информационных технологий и международного права.

Цифровые знания являются ключевым доказательственным ресурсом по рассматриваемой категории дел. Их специфические свойства – двойственная природа (материальный носитель и цифровая информация), изменчивость, зависимость от технологической среды – обусловливают необходимость применения специальных экспертных методик и технологий.

Основными проблемами судебно-экспертного обеспечения являются: отсутствие легального определения цифровых доказательств в УПК РФ, неоднородность правоприменения, риски фальсификации цифровых данных, а также недостаточная координация между следователями и судебными экспертами.

Предложенные направления совершенствования – законодательное закрепление цифровых доказательств, разработка стандартизированных протоколов работы с цифровыми следами, создание специализированных судебно-экспертных подразделений, развитие международного сотрудничества и повышение квалификации экспертов – способны обеспечить более эффективное использование цифровых знаний в уголовном судопроизводстве и повысить качество расследования преступлений против России и ее мирных жителей.

Научная новизна исследования состоит в комплексном анализе судебно-экспертного обеспечения использования цифровых знаний применительно к категории преступлений против мира и безопасности человечества, выявлении проблемных аспектов и обосновании предложений по совершенствованию экспертной деятельности.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в деятельности судебно-экспертных учреждений, следственных подразделений, а также в учебном процессе при подготовке специалистов в области судебной экспертологии и криминалистики.

Пристатейный список литературы

1. Бастрыкин рассказал о работе СК над делами о преступлениях Киева. // Следственный комитет Российской Федерации : сайт. – URL: https://sledcom.ru/press/smi/item/1937189/?print=1 (дата обращения: 30.09.2026).
2. Бастрыкин: СК РФ расследует применение Киевом запрещенных методов ведения войны // RG.RU : сайт. – URL: https://rg.ru/2026/07/24/bastrykin-sk-rf-rassleduet-primenenie-kievom-zapreshchennyh-metodov-vedeniia-vojny.html (дата обращения: 30.09.2026).
3. *Россинская, Е. Р.* Учение о цифровизации судебно-экспертной деятельности и проблемы судебно-экспертной дидактики // Правовое государство: теория и практика. – Москва, 2020. – № 4-1 (62). – С. 88–101.
4. *Россинская, Е. Р.* Теория информационно-компьютерного обеспечения судебно-экспертной деятельности как новая частная теория судебной экспертологии // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – Москва, 2022. – № 2. – С. 28–40.

5. *Александрова, О. И.* Судебно-экспертное сопровождение расследования преступлений, связанных с деятельностью «киевского режима» // Теория и практика судебной экспертизы. – Москва, 2025. – Т. 20, № 3. – С. 55–59.
6. Ректор Московской академии Следственного комитета России принял участие в Международной научно-практической конференции. – URL: https://child.sledcom.ru/news/item/1761202/ (дата обращения: 30.09.2026).
7. *Гусев, А. В.* Концепция формирования специального криминалистического познания и механизма его реализации в уголовном судопроизводстве вне судебно-экспертной деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Краснодар, 2015. – 48 с.
8. *Климова, Я. А.* Искусственный интеллект и цифровые доказательства в расследовании преступлений, совершенных с использованием современных информационно-коммуникационных технологий // Вестник Волгоградской академии МВД России. – Волгоград, 2023. – № 1 (64). – С. 81–87.
9. *Дронова, О. Б., Котельников, Б. В.* Место происшествия как объект экспертного исследования // Юристъ-Правоведъ. – Москва, 2021. – № 2 (97). – С. 115–120.
10. *Дронова, О. Б., Кочкин, А. В.* Доэкспертная оценка вещественных доказательств как средство оптимизации назначения и производства компьютерных экспертиз // Судебная экспертиза. – Москва, 2025. – № 1 (81). – С. 21–31.

УДК 343.301

Степан Алексеевич Ушаков,
студент 2-го курса факультета высшего образования
Тульского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Тула, Россия
ownhate71@gmail.com

Научный руководитель:
Наталья Владимировна Кабакова,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного права и процесса Тульского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Тула, Россия
kabakova-n-v@yandex.ru

ПРЕСТУПНОСТЬ КИЕВСКОГО РЕЖИМА: ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена необходимостью изучения документально зафиксированных преступлений киевского режима, совершенных в ходе вооруженного конфликта, и их правовой оценки. Целью является анализ исторических и современных аспектов рассматриваемых деяний. Задачей является изучение материалов расследований, систематизация сведений о преступлениях против гражданского населения, рассмотрение и их квалификация в соответствии с нормами российского и международного права.

Ключевые слова: киевский режим; преступность; гражданское население; преступления в отношении несовершеннолетних; преступления против мира и безопасности человечества; наемничество.

Киевский режим – это политическая власть, нелегитимно установившаяся в Киеве в результате антиконституционного государственного переворота 2014 года, представляющая собой политическое выражение экстремизма, и крайней его формы – террора, в отношении русского и русскоязычного населения.

С момента его установления в 2014 году задолго до начала специальной военной операции Следственным комитетом Российской Федерации начался сбор доказательств преступлений киевского режима. За 12 лет возбуждено 10 807 уголовных дел о преступлениях киевского режима в отношении 2 931 лица. В их числе – руководство Украины, члены радикальных объединений, представители украинских силовых структур и иностранные наемники.

Анализ официальных источников позволяет выделить ряд опасных, негативных тенденций эскалации насилия уже на территории Российской Федерации:

– рост жертв среди гражданского населения: за год пострадали 6 483 мирных жителя, из них 1 065 погибли. Самыми «кровавыми» месяцами стали март и июль 2025 года, август 2026 года.

– тотальное использование БпЛА: только за 31 день августа 2026 года было использовано свыше 37 тысяч боеприпасов, пострадал 1 841 мирный житель. Эти показатели в четыре раза превышают данные января 2026 года.

– удары вглубь территории России: география атак расширилась на 51 субъект РФ. Основными целями остаются объекты энергетики, логистики и жилые массивы.

В нарушение положений Женевской конвенции от 12 августа 1949 года «О защите гражданского населения во время войны» киевский режим постоянно ведет обстрелы населенных пунктов Донбасса. Применяется предназначенное для максимально эффективного уничтожения людей и инфраструктуры тяжелое наступательное вооружение неизбирательного действия.

Особое внимание следует уделить преступлениям против детей в соответствии с Резолюцией Совета Безопасности Организации Объединенных Наций (ООН) от 25 августа 1999 года № 1261 по вопросу о детях в вооруженных конфликтах.

Согласно данным Парламентской комиссии по расследованию преступных действий в отношении несовершеннолетних со стороны киевского режима Государственной Думы Российской Федерации убийства и нанесение ран и увечий детям –

Наиболее опасным проявлением преступной сущности киевской власти стали факты массовых похищений детей, создающие условия для совершения других не менее тяжких преступлений в отношении несовершеннолетних.

С начала 2022 года структуры киевского режима вывезли с территорий Донбасса и Новороссии около 65 тысяч детей. При покровительстве украинской полиции действуют специальные «отряды похитителей» – «Белый Ангел» и «Феникс», – которые забирают детей даже против воли их родителей.

Анализ официальных источников позволяет утверждать, что похищение несовершеннолетних это высокодоходный бизнес, создающий условия для торговли детьми, причем преимущественно в европейские государства, продажи в сексуальное рабство (в том числе их использование для съемок контента для индустрии ЛГБТ), массового использования несовершеннолетних

в целях черной трансплантологии. В 2021 году, 16 декабря, был принят Закон Украины № 1967-IX «О внесении изменений в некоторые законы Украины, регулирующие вопросы трансплантации, анатомических материалов человека», согласно которому изъятие органов стало возможным без согласия донора и его родных.

Киевский режим создал систему пропаганды идеологии нацизма и вербовки детей. Дети из 13 регионов Украины привлекались к участию в боевых действиях. В 19 регионах России были зафиксированы факты вербовки детей со стороны Службы Безопасности Украины (СБУ).

Помимо преступлений против несовершеннолетних, отдельного внимания заслуживают преступления против мира и безопасности человечества:

– массовые расстрелы и пытки. 22 мая 2026 года ВСУ с помощью БПЛА нанесли удары по учебному корпусу и общежитию Старобельского профессионального колледжа в ЛНР [1]. Погиб 21 человек, 80 человек пострадали.

– использование запрещенных видов оружия. Зафиксировано применение мин-ловушек, замаскированных под бытовые предметы (книги, игрушки, поленья), а также полимерных поражающих элементов, которые не обнаруживаются рентгеном и вызывают тяжелейшие ранения.

– блокада отдельных населенных пунктов. С мая 2026 года населенный пункт Алешки Херсонской области взят в полную блокаду. Только за последний месяц на подъезде к нему Вооруженные силы Украины (ВСУ) четыре гуманитарных колонны, пытавшихся доставить продовольствие [2].

– «двойные удары» по спасателям и медикам: в августе 2026 года пострадали 23 сотрудника МЧС (5 погибли), 18 медиков (1 погиб).

– пытки военнопленных: истязания с применением «технических средств», систематические моральные и физические унижения, съемка и демонстрация насилия своим близким для утверждения своего превосходства и близким военнопленного с требованием прислать выкуп или совершить диверсию.

– наемничество: Следственному комитету Российской Федерации известны имена более тысячи наемников из 54 стран мира. Наиболее активными странами в части поставки живой силы являются: Грузия, Великобритания, США, Канада, Израиль, Франция, Швеция, Финляндия, Польша, Литва.

Таким образом, анализ представленных документов позволяет сделать вывод: преступность киевского режима прошла путь от обстрелов Донбасса в 2014 году до открытого террора против гражданского населения на всей территории России в 2026 году. Расстрелы населения за пророссийскую позицию, похищение и торговля несовершеннолетними, исполнение заведомо преступных приказов об уничтожении безоружных людей – эти преступления не имеют срока давности. Как подчеркнул Александр Бастрыкин, результаты расследования преступлений киевского режима важны не только в процессуальном, но и в историческом контексте. «Наши будущие поколения должны помнить имевшие место события и знать, какие деяния совершались представителями киевского режима» [3].

Пристатейный список литературы

1. Погиб 21 человек. Главное об атаке на колледж в Старобельске // ТАСС : сайт. – URL: https://tass.ru/proisshestviya/27493643 (дата обращения: 29.09.2026).
2. Сальдо раскрыл причину напряженной ситуации в Алешках // ТАСС : сайт. – URL: https://tass.ru/obschestvo/28160097 (дата обращения: 29.09.2026).
3. Бастрыкин: расследование преступлений киевского режима важно для истории // ТАСС : сайт. – URL: https://tass.ru/politika/27948161 (дата обращения: 29.09.2026).

УДК 343

Илья Игоревич Шитиков,
студент специалитета 2-го курса юридического факультета
Ростовского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста), г. Ростов-на-Дону, Россия
Ilya2007igor@gmail.com

Научный руководитель:
Михаил Каренович Бабасиев,
старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
юридического факультета Ростовского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста), г. Ростов-на-Дону, Россия
babas777@mail.ru

ЛОЖНЫЕ ПРЕЦЕДЕНТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ КИЕВА: АНАЛИЗ И СПОСОБЫ РАЗОБЛАЧЕНИЯ

Аннотация. В наше время информационная война достигла своей самой активной, самой горячей фазы и не уходит с этого пика уже как несколько лет. Данная составляющая войны имеет так или иначе огромное влияние в первую очередь на массы гражданского населения. Основной темп информационной войне в ходе специальной военной операции задает киевский режим и его западные сателлиты, фабрикующие прецедент нарушения норм Международного гуманитарного права со стороны Вооруженных сил РФ либо же выдающие свои ошибки за военное преступление Вооруженных сил РФ, а российскому медиапространству в ответ на эти действия остается только разоблачать то, что возможно разоблачить. Целью данной работы является демонстрация важности даже базовых навыков работы с различного типа интернет-ресурсами и показ разборов ряда подобных прецедентов. В ходе подготовки материала рассмотрено значительное число самых разнообразных случаев, по итогам чего удалось выявить некоторые закономерности и сгруппировать по типам различные кейсы, выдаваемые киевскими властями за теракты Вооруженных сил РФ: начиная от целенаправленных ударов ВСУ (Вооруженные силы Украины) по гражданским объектам, за-

канчивая ошибками работы украинских военнослужащих с последующим перекладыванием вины в медиапространстве на российских военнослужащих. В итоге был выявлен поражающий масштаб действия антироссийской пропаганды, прямое участие в которой принимают не только средства массовой информации. Практическая значимость работы заключается в систематизации способов объективного противодействия дезинформации и формировании доказательной базы для юридической и общественной оценки преступлений киевского режима.

Ключевые слова: Россия; Украина; информационная война; фейк; военное преступление.

В последние годы остро стоит проблема деятельности западных стран, в том числе и Украины, в медиапространстве. Не имея возможности нанести России поражение военным путем, киевский режим прибегает к откровенно террористическим методам, а вдобавок к терроризму предпринимает попытки уверить людей по всему миру, что настоящее зло – это Российская Федерация, а Украина – всего лишь жертва. В работе больший акцент делается именно на деятельности Киева и его западных сателлитов в цифровом пространстве. Информационная война – крайне важная составляющая того или иного противостояния, даже если это не вооруженный конфликт. Победитель в войне такого рода получает контроль над разумами и сознаниями обеих сторон, что дает возможность в том числе и подменять прошлое [1, с. 3].

С самого начала специальной военной операции Киев пытается выслужиться перед западом, изображая вид жертвы. Властям Украины важно, чтобы их поддерживали не только западные элиты, но и общества в различных странах, особенно на Украине и в России [2, с. 2]. Для достижения этой цели СМИ на Украине используют весь доступный ресурс, чтобы выдать то или иное событие за очередное военное преступление Вооруженных сил РФ. Они стараются подорвать в российских гражданах доверие к государству. Для этой цели привлекаются в том числе и западные СМИ, что было ярко выражено после прецедента в Буче [3, с. 4; 4, с. 2]. Буча – не единичный случай, а лишь один из многих.

После рассмотрения массы фейков киевской пропаганды получилось разделить большинство ложных прецедентов на следующие виды:

Изначально устроенные СБУ (Служба безопасности Украины), ВСУ (Вооруженные силы Украины) убийства гражданских лиц. К таковым относится удар по вокзалу в Краматорске 8 апреля 2022 года или убийства гражданских в Буче в 2022 году.

Ошибки или просчеты военнослужащих Украины. Самый частый вариант. Как правило, украинское ПВО либо собственными ракетами попадает в жи-

лой дом, либо сбивает российские БПЛА или ракеты над плотной жилой застройкой. После этого повреждения, нанесенные жилым постройкам, выдаются как следы «террористических атак Вооруженных сил РФ».

Изначальное использование ВСУ, СБУ и другими гражданской инфраструктуры для расположения милитаризованных объектов или проведения мероприятий ВСУ или СБУ. Самые яркие и распространяемые прецеденты – удар по торгово-развлекательному центру «*Retroville*» в Киеве весной 2022, удар по железнодорожным путям и складу рядом с торговым центром «Амстор» в Кременчуге 22 июня 2022 года, проведение построения 117 бригады ВСУ в театре в Сумах (окончено прямым попаданием российской баллистической ракеты).

Основной расчет при создании таких информационных «вбросов» идет на то, что никто из читателей не будет перепроверять увиденное. Огромные массы людей потребляют эту информацию, усваивают ее именно так, как ее подали, без попыток перепроверки, хотя зачастую это возможно делать самостоятельно и без особых затруднений, либо просто посмотреть готовые разборы различных *OSINT*-аналитиков (*Open Source Intelligence*).

Ярким примером преднамеренной фальсификации с целью дискредитации Вооруженных Сил РФ является инцидент в Краматорске, произошедший 8 апреля 2022 года. Непосредственно после нанесения удара по железнодорожному вокзалу, повлекшего массовые жертвы среди гражданского населения, украинскими средствами массовой информации была инициирована массовая кампания по обвинению РФ в применении оперативно-тактического ракетного комплекса (ОТРК) «Искандер». Особый акцент делался на психологическом факторе – демонстрации нанесенной на корпус ракеты надписи «За детей». Однако после появления в сети первых видео- и фотоматериалов получилось найти технические несоответствия между версией Киева и реальностью. В частности, у ОТРК «Искандер» хвостовое оперение (рули) расположено у самого основания ракеты, в районе сопла, тогда как на обломках аэродинамические рули смещены ближе к центру корпуса. Подобное строение полностью идентично конструкции тактической ракеты 9М79-1 комплекса «Точка-У», которая на момент 2022 года состояла на вооружении исключительно Вооруженных сил Украины (ВСУ). Дополнительным доказательством причастности украинской стороны послужили материалы итальянского журналиста Тони Капуоццо, зафиксировавшего серийный номер ракеты («М79-1», индекс «Ш» и числовой ряд). Дальнейший поиск данных по открытым источникам выявил системное совпадение этой серии с номерами ракет «Точка-У», применявшихся украинскими формированиями в ходе боевых действий на Донбассе в 2014–2015 годах. Последующее введение жестких цензурных ограничений для иностранных репортеров на территории Украины косвенно подтверждает стремление Киева скрыть факт совершения военного преступления против собственного гражданского населения. Аналогичный алгоритм идентификации боеприпаса приводится в исследовании В. В. Посиделовой [5, с. 4].

Нельзя забыть про еще один яркий тип фейков – это использование украинскими военными гражданских объектов для прикрытия, когда ответный удар России пытаются выдать за атаку на мирных граждан. Самым известным примером здесь стал удар по торгово-развлекательному центру «*Retroville*» в Киеве весной 2022 года. Сразу после этого случая украинские и зарубежные СМИ начали наперебой писать, что Россия ударила по обычному гражданскому объекту. Однако эту ложь быстро разоблачили через интернет. В Сеть (причем благодаря публикациям самих киевлян) попали фотографии, где четко видно, что на парковке этого торгового центра украинские военные устроили склад боеприпасов и место для хранения военной техники. Там были спрятаны различного рода боеприпасы и реактивные системы залпового огня (РСЗО) «Град». Украинские «Грады» выезжали прямо с парковки, стреляли по российским позициям, а потом возвращались обратно под крышу ТЦ, чтобы перезарядиться и спрятаться. Чуть позже Министерство обороны РФ опубликовало запись с беспилотника, которая окончательно доказала, что торговый центр превратили в военный склад [6]. С точки зрения закона, киевские власти здесь сами грубо нарушили правила ведения войны. По Женевской конвенции (статья 52 Дополнительного протокола I), любые мирные объекты (школы, больницы, торговые центры) защищены от нападения. Но как только военные начинают использовать их как склады или огневые точки, эти объекты автоматически становятся законной военной целью. Кроме того, статья 58 того же Протокола прямо запрещает размещать технику и склады посреди жилых кварталов, чтобы не подставлять мирных жителей [7]. Из этого разбора понятно, что Киев специально устроил этот информационный вброс: они пытались обвинить Россию в терроризме, чтобы скрыть собственное преступление – использование мирных объектов и гражданских лиц в качестве живого щита.

Из разбора этих двух прецедентов можно сделать важный вывод – при должном умении искать желаемое и фильтровать получаемую информацию, даже интернет и открытые ресурсы становятся источником получения достоверной информации и поиска правды, а задача каждого человека – научиться хотя бы для себя обрабатывать поток информации, чтобы не попасть под влияние лиц, пытающихся ввести других в заблуждение.

Проведенный в работе анализ наглядно подтверждает, что в ходе специальной военной операции информационная война достигла своей самой горячей фазы. «Ложные прецеденты», фабрикуемые киевским режимом и его западными сателлитами, стали одним из главных инструментов этого противостояния. Как удалось выявить в ходе исследования, украинская пропаганда работает по системным шаблонам, пытаясь выдать за акты терроризма со стороны Вооруженных сил РФ собственные военные просчеты, сознательные удары по гражданскому населению, либо вовсе закономерные удары по милитаризованным объектам. Основной расчет создателей таких «вбросов» делается на огромные массы людей, которые потребляют ин-

формацию эмоционально и без сильного желания ее перепроверять. В этом и кроется причина поражающего масштаба антироссийской пропаганды, цель которой – подорвать доверие граждан к собственному государству и переписать историю. Однако ключевым выводом данной работы является то, что объективно противодействовать дезинформации может каждый. Демонстрация разборов конкретных кейсов доказала важность даже базовых навыков работы с интернет-ресурсами. Как было показано, самостоятельный *OSINT*-анализ – изучение конструктивных особенностей хвостовиков ракет, сверка серийных номеров по снимкам, анализ записей объективного контроля с БПЛА – позволяет без особых затруднений разрушить медийный фейк. С юридической точки зрения, сбор и систематизация этих данных имеет колоссальное значение. Действия киевских властей, которые прячут военную технику и боеприпасы в гражданской инфраструктуре, а затем фабрикуют улики, прямо нарушают статьи 52 и 58 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 года. Таким образом, разоблачение ложных прецедентов силами медиапространства, дипломированных специалистов и *OSINT*-аналитиков – это не просто победа в споре в интернете. Практическая значимость такого подхода заключается в непрерывном формировании жесткой доказательной базы, которая в будущем послужит фундаментом для справедливой юридической и общественной оценки всех преступлений киевского режима.

Пристатейный список литературы

1. *Изотова, В. Ф.* Тема Великой Победы в информационной войне / В. Ф. Изотова // Межрегиональные Пименовские чтения. – 2025. – № 22. – С. 365–370.
2. *Егорченков, Д. А.* Какие инструменты использует украинская пропаганда и почему они эффективны? / Д. А. Егорченков // ОБЗОР.НЦПТИ. – 2023. – № 1. – С. 25–28.
3. *Фурсов, К. К.* Политический медиадискурс вражды информационной провокации в Буче 2022 года: структурно-коммуникативный подход / К. К. Фурсов // Современный дискурс-анализ. – 2022. – Вып. 2 (30). – С. 104–111.
4. *Голодов, А. Г.* СВО и исторические фейки на страницах германской прессы в контексте информационной войны Запада против России / А. Г. Голодов // Идеология будущего. – 2023. – № 11. – С. 32–38.
5. *Посиделова, В. В.* «Фейковые новости» как инструмент негативного воздействия на российское общество в информпространстве / В. В. Посиделова / актуальные проблемы лингвистики и формирования языковой компетенции юристов в современных условиях : сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону, 2022. – С. 246–252.

6. Удар по вооружениям в ТЦ «Ретровиль» г. Киев // Военно-статистический портал LostArmour. – URL: https://lostarmour.info/news/udar-kiev-skladbk-20-03-2022.
7. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) (принят в г. Женеве 08.06.1977).

Судебная экспертология: баланс эвристик и алгоритмов

УДК 343.983

Евгения Дмитриевна Вагапова,
студентка 4-го курса факультета высшего образования
Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
vagapovaevgenia5@gmail.com

Научный руководитель:
Наталья Борисовна Литовка,
старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса
факультета высшего образования Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
litovkanatalia@rambler.ru

ВЗРЫВОТЕХНИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТОВ, СОВЕРШЕННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ВЗРЫВНЫХ УСТРОЙСТВ

Аннотация. В данной статье рассматривается взрывотехническая экспертиза при расследовании террористических актов, совершенных с применением взрывных устройств. Проводится анализ предмета и объектов экспертизы, классификации задач, современных методов исследования взрывчатых веществ и следов взрыва, а также инновационных подходов, таких как *3D*-моделирование. Особое внимание уделяется осмотру места происшествия как важному следственному действию, обеспечивающего формирование доказательственной базы.

Ключевые слова: взрывотехническая экспертиза; террористический акт; взрывное устройство; взрывчатое вещество; осмотр места происшествия; судебная экспертиза; криминалистика; 3*D*-моделирование.

Терроризм по-прежнему представляет собой одну из серьезных угроз для международной безопасности и правопорядка из-за применения взрывных устройств. В данной ситуации взрывотехническая экспертиза становится крайне важной в процессе сбора доказательств при расследовании актов терроризма.

Согласно диссертационной работе М. М. Намазбековой «Теоретические основы криминалистического обеспечения расследования террористического акта» (2015), взрывотехническая экспертиза назначается по 65,8% изученных уголовных дел о террористических актах, а при использовании взрывных устройств – по 100% дел [1]. Указанная тенденция сохраняется и в настоящее время. Только за 2025 год из незаконного оборота было изъято более 5 тысяч самодельных взрывных устройств и 25 тонн взрывчатых веществ.

При расследовании происшествий, сопряженных со взрывами и использованием взрывных устройств и взрывчатых веществ, особое значение имеет взрывотехническая экспертиза. Она направлена на детальное изучение преступного события, выяснение его первопричин и выявление всех сопутствующих обстоятельств. Цель экспертизы – определить, имел ли место взрыв, его природу, вид взрывного устройства или взрывчатого вещества, а также принцип их срабатывания. Особую значимость это приобретает в делах о терактах, диверсиях, а также о нелегальном изготовлении, хранении или распространении взрывчатки.

Судебно-взрывотехническая экспертиза проводится в ходе предварительного следствия и судебного процесса по уголовным делам, касающимся противоправного использования, покупки, продажи, хранения, производства или похищения боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Предметом являются фактические данные, устанавливаемые на основе специальных знаний в области взрывного дела, боеприпасов и взрывчатых веществ при исследовании изделий, содержащих взрывчатые вещества, остатков изделий, продуктов и следов их взрыва, для установления обстоятельств по конкретным уголовным делам [2, с. 10].

Объекты взрывотехнической экспертизы классифицируются на три основных категории, каждая из которых требует детального анализа и специфических знаний для проведения полноценной экспертизы:

1. Взрывчатые вещества (ВВ) и продукты их взрыва. Ими принято называть химические соединения, которые способны вступать в самораспространяющуюся экзотермическую реакцию, не нуждающуюся в притоке кислорода из окружающей атмосферы. Такая реакция развивается с чрезвычайно высокой скоростью и сопровождается выделением большого количества тепловой энергии, а также образованием газообразных продуктов [2, с. 12–15].

2. Изделия, содержащие ВВ, а также их остатки после детонации. Комплексную систему объектов судебной взрывотехнической экспертизы формируют взрывные устройства (как промышленного, так и самодельного изготовления), их отдельные компоненты (ВВ, средства инициирования, корпуса и т.д.), а также незавершенные производством элементы и следы, оставленные в результате взрыва.

3. Следы действия (взрыва) изделий, содержащих ВВ. Объектами экспертизы помимо остатков взрывчатого устройства являются деформированные предметы с места взрыва, акты судебно-медицинских освидетельствований или вскрытий. Зачастую проведение взрывотехнической экспертизы необходимо в рамках расследования уголовных дел, связанных с терроризмом и незаконным оборотом оружия [3, с. 280–284].

Задачами судебной взрывотехнической экспертизы являются: установление факта взрыва; причин возникновения аварийной ситуации; установление природы взрыва, установление места нахождения эпицентра взрыва (места расположения заряда взрывчатого вещества).

В рамках производства судебной взрывотехнической экспертизы, исходя из характера устанавливаемых обстоятельств и содержания экспертного исследования, задачи принято разделять на три группы [2, с. 34–39]:

1) установление факта взрыва и сбора исходных данных;

2) определение характеристик взорванного объекта и способа его изготовления;

3) установление обстоятельств происшествия и последствий взрыва.

На разрешение взрывотехнической экспертизы выносятся вопросы, которые можно разделить на несколько групп: диагностическое исследование взрывных устройств; диагностическое исследование взрывчатых веществ; диагностическое исследование средств взрывания; исследование имитационных средств.

Для успешного раскрытия террористического преступления, совершенного с помощью взрыва, необходимо, чтобы следователь провел осмотр места происшествия. Данное следственное действие имеет особое значение, так как именно при осмотре выявляется и накапливается значительный объем информации. Впоследствии она становится основой для доказательственной базы, на основе которой формируются информационные модели произошедшего [3, с. 280–284].

Руководитель следственно-оперативной группы координирует действия ее участников, определяя ее круг задач для каждого из них. Следователи совместно со специалистами-взрывотехниками осматривают непосредственный участок происшествия, а также выявляют, фиксируют и изымают находящиеся там вещественные доказательства. Когда возникает потребность исследовании тел погибших, к работе на месте привлекается судебно-медицинский эксперт.

Качество взрывотехнической экспертизы и успешность определения типа взрывного устройства и его мощности во многом зависит от того, насколько правильно упакованы изъятые объекты. Для проведения такой экспертизы, даже в случаях, когда место происшествия уже изменено или сильно повреждено, большое значение имеют любые материалы и сведения: протоколы осмотра, составленные оперативными группами, фото- и видеоматериалы, схемы.

Существует судебная взрывотехническая ситуационная экспертиза – одна из современных экспертиз. Она основана на *3D*-моделировании обсто-

ятельств взрыва – как самого места происшествия, так и динамики событий. Это дает возможность формировать трехмерные модели места происшествия и с их помощью наглядно отображать информацию об обстоятельствах взрыва. Это позволяет обобщать и анализировать данные из различных источников (протоколы осмотра места происшествия, схемы, планы, фото- и видеосъемка) [4, с. 184–187].

Согласно Распоряжению Правительства РФ от 16 ноября 2021 г. № 3214-р, судебная взрывотехническая экспертиза включена в перечень экспертиз, которые могут проводиться исключительно государственными судебно-экспертными организациями. Это связано с необходимостью получения достоверных доказательств при рассмотрении уголовных дел и при проведении проверок сообщений о преступлении [5].

Таким образом, взрывотехническая экспертиза является важной деталью при расследовании преступлений террористического характера. Она позволяет установить факт и характер взрыва, определить тип взрывного устройства и его механизм действия, что способствует полному и объективному расследованию.

Пристатейный список литературы

1. *Намазбекова, М. М.* Теоретические основы криминалистического обеспечения расследования террористического акта : дис. ... канд. юрид. наук / М.М. Намазбекова. – Москва, 2015. – 202с.
2. *Беляков, А. А.* Криминалистическое взрывоведение. – Москва : Юрайт, 2024. – 242с.
3. *Ясинский, В. Г.* Возможности взрывотехнической экспертизы в борьбе с экстремизмом и терроризмом // Актуальные проблемы юридической науки: взгляд молодежи : тезисы докладов Междунар. науч. конф. по юриспруденции для студентов, курсантов, слушателей и магистрантов, Минск, 22 нояб. 2023. – Минск, 2024. С. 280–284.
4. *Дашко, Л. В., Харченко, И. В., Герасъкин, М. Ю.* Использование 3D-моделирования в судебной взрывотехнической экспертизе // Вестник ВИПК МВД России. – 2023. – № 1 (65). – С. 175–193.
5. Об утверждении перечня видов судебных экспертиз, которые могут проводиться исключительно государственными судебно-экспертными организациями : Распоряжение Правительства РФ от 16.11.2021 № 3214-р // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402971760/.

УДК 343.982

Алена Алексеевна Жукова,
студентка 4-го курса юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
Alenazhukova.05@mail.ru,

Научный руководитель:
Юлия Николаевна Наумова,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
yasenaum34@mail.ru

СУДЕБНАЯ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ДОКУМЕНТОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ БИЗНЕСА

Аннотация. Для современного бизнеса бумажные документы до сих пор не утратили актуальности, так как продолжают обеспечивать стабильность и юридическую защиту. Целью статьи является выявление и описание методов криминалистического исследования документов. В работе проанализирована суть судебной технико-криминалистической экспертизы документов при ведении бизнеса. В результате можно прийти к выводу, что данная экспертиза, представляет собой неотъемлемый инструмент защиты бизнеса.

Ключевые слова: судебная экспертиза; судебная технико-криминалистическая экспертиза; защита бизнеса; уголовное судопроизводство; специальные знания; доказывание.

Несмотря на то, что XXI век принято считать веком цифровых технологий, документы на бумажных носителях остаются важной составляющей документооборота в сфере экономики и конкретно бизнеса. Когда речь заходит о крупных компаниях, любая, на первый взгляд, второстепенная деталь в составлении документов способна стать решающей для судьбы бизнеса.

При осуществлении своей деятельности, предприятия активно используют самые разные документы, ведение которых в электронном варианте либо невозможно, либо является не надежным. Федеральный закон об электронной подписи прямо предусматривает, что электронный документ, равнозначен документу на бумажном носителе только при условии, если федеральными законами или принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами не установлено требование о необходимости составления документа исключительно на бумажном носителе [1]. В суде приоритет в большинстве случаев отдается именно бумажным документам, а не их сканам или электронным копиям. Оспорить такой документ также сложнее. Любые потери в бизнесе могут быть следствием заключения компанией сделок, договоров и иных документов. В уголовном процессе документы играю роль и как письменные доказательства, если их содержание содержит информацию, имеющую значение для дела, так и как визуальное доказательство, если значимым является их внешние характеристики, такие как повреждения или признаки, свидетельствующие о подделке. Они могут выступать, и в качестве средства преступления, так и быть гарантом правомерности бизнеса. В связи с этим важно делать акцент на роли документов в связи с возможной подделкой реквизитов, изменением и искажением содержания документов, доверенностей, лицензий и других официальных документов. Их содержание и форма, способы изготовления и сама защитная функция довольно различны, что может создавать трудности для работы с ними представителей правоохранительных органов. Углубленный анализ документов требует специальных знаний, навыков и технических ресурсов.

В связи с этим исследование и оценка документов на досудебной и судебной стадиях уголовного судопроизводства требуют применения специализированных методов и назначения судебной технико-криминалистической экспертизы. Правовая основа назначения такой экспертизы регулируется главой 27 УПК РФ [2], Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [3] и постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» [4].

Судебная технико-криминалистическая экспертиза документов – это процессуально регламентированный вид экспертизы, проводимой с целью установления способа изготовления документов в целом или их реквизитов в отдельности, установления фактов изменения первоначального содержания документов, выявления первоначального содержания, а также идентификации материалов, предметов и механизмов, которые использовались для изготовления документов, их реквизитов либо изменения первоначального содержания [5]. Предмет технико-криминалистической экспертизы документов составляют фактические данные, связанные с изготовлением, использованием и хранением документов, которые могут иметь доказательственное значение. Установление подлинности, поддельности документа не входит в компетенцию эксперта-криминалиста, так как для этого следует дать не только

техническую, но и правовую оценку факта. В отличие от почерковедческой экспертизы, которая изучает особенности движения руки исполнителя, технико-криминалистическая экспертиза отвечает на вопросы: каким способом изготовлен документ, подвергался ли он изменениям, какова давность его создания, соответствует ли печать образцу, не производились ли дописки или удаление части текста [6]. Ответы на эти вопросы позволяют сделать вывод, либо о добросовестности компании, либо о ее мошеннических намерениях. Спектр уголовных дел, по которым может вестись защита посредством назначения судебной технико-криминалистической экспертизы документов широк. Среди них: статьи о мошенничестве ст. 159–159.6 УК РФ, подделке документов ст. 327 УК РФ, фальсификации доказательств ст. 303 УК РФ и некоторые преступления в сфере экономической деятельности.

На экспертизу могут быть представлены сомнительные документы с оттисками штампов, печатей и т.д. Для комплексного анализа, необходимо предоставлять эксперту все устройства, связанные с сомнительным документом, которые могли быть использованы при его изготовлении. К ним относятся пишущие инструменты, бумага, штампы, печатные устройства и другие технические средства.

Представленное ниже дело демонстрирует работу эксперта, направленную на установление фальшивого клише оттиска печати. Так ООО «ЛогиТрейд» обвинялось в невыплате средств по договору заключенному с контрагентом. Представитель ООО «ЛогиТрейд», напротив заявлял, что в отношении него были произведены мошеннические действия, указывая на фальсификацию доказательств, подделанную подпись и печать на документе. В ходе дополнительной проверки была назначена экспертиза документа, которая подтвердила, что подпись была выполнена другим лицом, а оттиск печати, представленный в договоре и оттиск печати ООО «ЛогиТрейд», нанесены разными клише. По результатам проведенной проверки, сотрудниками правоохранительных органов вынесено постановление о возбуждении уголовного дела и принятии его к производству, а ООО «ЛогиТрейд» было признано потерпевшим [7].

Эксперту доступен широкий спектр техники и методов проверки. Примерным базовым набором методов, которые должны применяться в большинстве случаев, являются: микроскопическое исследование с использованием различного увеличения и освещения, спектральные исследования с использованием различных источников света и фильтров, химический анализ материалов, например, тонкослойная хроматография чернил [8]. Фактическая работа, выполняемая в отдельных случаях, определяется требованиями дела и зависит от ценности документов, которые могут быть представлены на экспертизу. Экспертом, проводящим судебную технико-криминалистическую экспертизу, всегда должна использоваться комбинация доступных методов, для восстановления информации, принимая во внимание объем предстоящей работы.

Документы, которые играют наибольшее значение при расследовании, должны соответствовать определенным требованиям. Поэтому важнейшим этапом исследования таких объектов является выявление и анализ элемен-

тов защиты, а также обнаружение признаков их искажения. Это такой набор характеристик и признаков, которые позволяют идентифицировать документ и установить отсутствие в нем изменений. К ним относятся свойства бумаги, выясняются вес, цвет, наличие защитных волокон, характеристики красителей- чернил, характер оттисков с печатных форм, микропечать. Технико-криминалистическая экспертиза оценивает эти признаки и их соответствие установленным нормам [9, с. 24]. Если документ подвергался химическому стиранию, дополнениям или замене страниц, эксперт определит это по изменению люминесценции бумаги, изменению цвета и структуры штрихов, следам химических стирающих средств или несовпадению рисунка защитной сетки. Распространенным способом сокрытия следов экономических преступлений является уничтожение или повреждение документов, которые могут представлять интерес для правоохранительных органов, в таком случае главной задачей эксперта будет являться восстановление таких документов или извлечение конкретных сведений из них.

Одной из значимых возможностей экспертизы, является установление момента составления документа. В экономических спорах часто фигурируют документы, подписанные задним числом, которые на деле были заключены совсем недавно. В таких случаях нужно установить, соответствуют ли даты подписей, оттисков печатей и других реквизитов, дате, отраженной в документе. Эксперты могут прибегать к использованию методов определения давности штрихов, например путем исследования диффузии красителя в толще бумаги или наличии летучих компонентов. Такая экспертиза позволяет не только установить период выполнения отдельных реквизитов документа, но и выявить признаки его изменения или воздействия внешних факторов. Значение данной процедуры неоспоримо, установление времени составления и подписания документов, не просто формальности, а важный элемент бизнес-процесса, который влияет на юридическую определенность и возможные риски [10]. Так, например, при обвинении в допущении серьезных нарушений компанией, если выясняется, что документ появился значительно позже указанной даты, это разрушает версию обвинения о том, что компания знала о нарушениях на момент сделки.

Ярким примером защитной функции судебной технико-криминалистической экспертизы документов выступает дело заместителя гендиректора по финансам и экономике «Сибнефтегеофизика» Людмилы Васечко. В период работы Васечко, используя печать предприятия и заранее подписанные бланки, изготовила подложный трудовой договор, в соответствии с которым она была принята на работу до августа 2014 года, при этом одним из пунктов договора было условие о выплате компенсационных денежных выплат. Она подала в суд иск о взыскании с компании более 9 миллионов рублей, опираясь на этот договор. В ходе рассмотрения дела представитель компании предоставил подлинные документы и обратился в правоохранительные органы. В ходе следствия была проведена технико-криминалистическая экспертиза документа в Российском федеральном центре судебной экспертизы при Минюсте РФ . Экспертизой была установлена последовательность нанесения

реквизитов и самого текста, а также признаки заранее подписанного бланка. Обвинения с компании были сняты, а действия Васечко квалифицированы по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ – покушение на мошенничество, ч. 1 ст. 303 УК РФ – фальсификация доказательств по гражданскому делу [11].

Еще один пример связан с делом о приобретение права на денежные средства ООО ПКК «Янга» путем изготовления подложных документов.

ФИО16 и ФИО2 были осуществлены действия, направленные на реализацию общего преступного умысла, направленного на мошенничество в особо крупном размере, которые соучастники совершали с целью придания видимости законности своим противоправным действиям. ФИО16, с использованием своего служебного положения, совместно с ФИО2 должны были подготовить подложные документы о наличии трудовых отношений с ООО ПКК «Янга», справки о задолженности по заработной плате у ООО ПКК «Янга». Изготовленные ФИО2 подложенные документы ФИО16, с использованием своего служебного положения, подписал и поставил на них печать ООО ПКК «Янга».

В ходе расследования стало известно о фальсификации документов. Согласно заключению эксперта подсудимым ФИО16 выполнены подпись и рукописный текст в представленных документах и часть из них датированы до его назначения. Также, согласно заключению эксперта, оттиски печати на документах полностью совпадают с оттисками печати, изъятой у ФИО16.

Суд признал ФИО16 и ФИО2 виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30 и ч. 4 ст. 159, ч. 1 ст. 303 УК РФ [12].

Подводя итог, можно с уверенностью заявлять об эффективности судебной технико-криминалистической экспертизы документов. Анализ бизнес документации может послужить качественным подспорьем при формировании доказательственной базы по уголовным делам. Углубленное исследование документов посредством судебной технико-криминалистической экспертизы помогает прояснить изначальное содержание, состояние документов и ответить на множественные вопросы, которые могут стать ключевыми в расследовании дела.

Пристатейный список литературы

1. Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об электронной подписи» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 15. – Ст. 2036.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 26.07.26) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
3. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (ред. от 02.08.2024) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрании законодательства РФ. – 2001. – № 23. – Ст. 2291.

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2010 № 28 (ред. от 29.06.2021) «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Российская газета. – 2010. – № 296.
5. Методические рекомендации по порядку назначения и производства судебных экспертиз в рамках доследственных проверок и расследования преступлений, подследственных Федеральной службе судебных приставов: утв. Письмом ФССП России от 18.09.2014 № 00043/14/56151-ВВ.
6. Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации : офиц. сайт. – URL: http://sec.sledcom.ru/categories/doc.html (дата обращения: 23.09.2026).
7. Решение Арбитражного суда Свердловской области от 07.07.2025 по делу № А60-51181/2024 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: https:// sudact.ru/arbitral/doc/bORBj8xSWmWm/?ysclid=mum-50c8qb0168768290.
8. Московский Исследовательский Центр : офиц. сайт. – URL: https:// mic.mos.ru/expert-management/forensics/the-technical-criminalistics-examination-of-documents.php?ysclid=mule2dhywb236754747 (дата обращения: 23.09.2026).
9. *Варданян, А. В., Грибунов, О. П.* Современная доктрина методико-криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2017. – № 2 (81). – С. 23–25. – URL: https://vestnikesiirk.ru/ru/nauka/publications/article/ 6a9c14f932807fdbab864539/sovremennaya-doktrina-metodiko-kriminalisticheskogo-obespecheniya-rassledovaniya-otdel-nyh-vidov-prestupleniy/view (дата обращения: 25.09.2026).
10. *Просвирин, А.* Фальсификация доказательств по делу в виде изготовления документа «задним числом» – есть ли смысл проводить экспертизу давности? // Zakon.Ru : сайт. – URL: https://zakon.ru/blog/2019/12/11/falsifikaciya_dokazatelstv_po_delu_v_vide_izgotovleniya_dokumenta_zadnim_chislom_-_est_li_smysl_prov (дата обращения: 26.09.2026).
11. Следственный комитет Российской Федерации : офиц. сайт. – URL: https://sledcom.ru/news/item/554133/ (дата обращения: 24.09.2026).
12. Приговор Благовещенского районного Суда от 27.09.2017 по делу N°1-78/2017 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: https://sudact.ru/ regular/doc/kODozCGizimb/#7.

УДК 343

Татьяна Николаевна Кузакова,
Елизавета Владимировна Минеева,
студентки 2-го курса специалитета
Иркутского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия

Научный руководитель:
Евгений Геннадьевич Усов,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного права и криминологии Иркутского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия
usov.evgeniy@list.ru

К ВОПРОСУ О ПРОВЕДЕНИИ ЭКСПЕРТИЗЫ ПОРНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ И ПРЕДМЕТОВ, СОЗДАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. Статья посвящена вопросам проведения судебной экспертизы порнографических материалов и предметов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта. Рассматриваются традиционные критерии отнесения материалов к порнографическим и возможность их применения к синтетическому контенту. Анализируются нормы Уголовного кодекса РФ, устанавливающие ответственность за незаконный оборот порнографических материалов (ст. 242, 242.1, 242.2 УК РФ), а также за нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ). Особое внимание уделяется проблемам, возникающим перед экспертом при исследовании материалов, созданных нейросетями: невозможности применения традиционных критериев, сложности идентификации ИИ-происхождения контента, вопросам установления авторства и умысла. Делается вывод о необходимости разработки специализированных методик экспертного исследования и уточнения действующего законодательства.

Ключевые слова: искусственный интеллект; генеративные нейросети; порнографические материалы; судебная экспертиза; неприкосновенность частной жизни; статья 137 УК РФ; статья 242 УК РФ; синтетический контент.

Стремительное развитие генеративных нейросетей привело к появлению принципиально нового типа контента – синтетических изображений и видео, которые могут обладать признаками порнографических материалов. Действующее законодательство не содержит специальных норм, регламентирующих экспертизу таких объектов. Возникает вопрос: применимы ли традиционные критерии порнографичности к контенту, созданному искусственным интеллектом? Для ответа на него необходимо обратиться к анализу действующих правовых норм и выработанных экспертной практикой подходов. Ответственность за незаконный оборот порнографических материалов установлена статьей 242 УК РФ [1]. Смежные составы предусмотрены статьями 242.1 и 242.2 УК РФ, устанавливающими ответственность за изготовление и оборот материалов с изображениями несовершеннолетних [1]. При этом легальное определение порнографии в законодательстве отсутствует. В экспертной практике выработаны следующие критерии отнесения объектов к порнографическим: гипертрофированная физиологичность, дегуманизация личности, отсутствие художественной ценности, направленность на возбуждение сексуальных инстинктов. Эти критерии используются при проведении искусствоведческой, психолого-лингвистической и комплексной экспертиз. Традиционными объектами исследования выступают фото-, видео- и текстовые материалы, цифровые носители, интернет-ресурсы, а также отдельные предметы. Большинство из них предполагает фиксацию реально происходивших действий с участием реальных лиц, однако текстовые и изобразительные материалы могут иметь вымышленное содержание [2, с. 6]. Ключевая теоретическая проблема заключается в определении объекта преступного посягательства. Традиционно объектом преступлений, предусмотренных статьями 242, 242.1 и 242.2 УК РФ, выступает общественная нравственность в сфере сексуальных отношений [1]. Однако применительно к синтетическим материалам возникает вопрос: сохраняет ли эта конструкция объяснительную силу, если изображенные действия в действительности не совершались? Представляется, что общественная опасность порнографических материалов не исчерпывается их связью с реальными действиями. Они опасны своим воздействием на потребителя: формированием искаженных сексуальных предпочтений, нормализацией девиантного поведения, стимулированием противоправных действий. Синтетический контент в этом контексте не уступает традиционному, а в ряде случаев превосходит его, поскольку генеративные модели позволяют создавать сценарии, неосуществимые в реальности. Так, в научной литературе подчеркивается, что динамичное развитие технологий ИИ опережает темпы

развития правовой базы, что создает правовой вакуум, в котором преступники могут действовать с относительной безнаказанностью [6, с. 15]. Особую остроту проблема приобретает применительно к материалам с изображениями несовершеннолетних. Статья 242.2 УК РФ предполагает реальное участие ребенка в процессе создания, что при полной синтетической генерации невозможно. Возникает коллизия: такой материал не подпадает ни под статью 242.1 (несовершеннолетний не изображен в строгом смысле), ни под статью 242.2 (реальный ребенок не использовался) [1]. Образуется правовой пробел. Судебная практика по «рисованным» материалам в России остается неоднородной, что создает предпосылки для расширительного толкования. Существующие международные и национальные законы о защите детей не учитывают изображения, созданные ИИ. Указанный пробел порождает и сугубо экспертные проблемы. Традиционная искусствоведческая экспертиза отвечает на вопрос о наличии признаков порнографичности, но не о природе объекта – является ли он реальным или синтетическим. В отсутствие методик выявления признаков ИИ-генерации эксперт не может установить, имел ли место реальный процесс создания или изображение полностью сгенерировано алгоритмом. Отдельного внимания заслуживает проблема установления возраста изображенного лица. В традиционной практике этот вопрос решается с помощью судебно-медицинской или портретной экспертизы [3, с. 5]. Однако применительно к синтетическим материалам постановка вопроса о биологическом возрасте теряет смысл: изображенное лицо не существует. На первый план выходит восприятие персонажа как несовершеннолетнего – категория психологическая, а не медицинская, что требует привлечения психолога. Понятие «воспринимаемый возраст» разработано в отечественной психологии социального познания и определяется как возраст, приписанный человеку другим человеком в процессе восприятия его внешнего облика [7, с. 137–138]. Это позволяет использовать данную категорию в качестве методологической основы для экспертной оценки синтетических материалов. Еще одна проблема касается установления авторства и умысла. В случае с ИИ-контентом цепочка субъектов усложняется: пользователь, формулирующий запрос; разработчик модели; владелец сервиса. Вопрос о том, кто является субъектом преступления и чей умысел подлежит установлению, остается открытым. В научной литературе для решения этой проблемы предлагается концепция «значимого человеческого контроля», которая позволяет распределять ответственность на основе степени фактического контроля над системой ИИ и сохранения человеком авторской интенции в процессе генерации. Наконец, проблема носит процессуальный характер и связана с обеспечением сохранности цифровых доказательств. Синтетический материал существует исключительно в цифровой форме, что облегчает его модификацию и затрудняет фиксацию. Отсутствие устоявшихся процессуальных механизмов работы с таким доказательством создает риск утраты его доказательственного значения. Для решения этой проблемы в доктрине предлагается введение «презумпции синтетичности»: при отсутствии сведе-

ний о происхождении цифрового доказательства оно должно считаться потенциально сгенерированным ИИ и не может быть положено в основу судебного решения без дополнительного подтверждения иными доказательствами [8, с. 203]. Выявленные проблемы свидетельствуют о том, что действующие подходы не в полной мере учитывают специфику ИИ-контента. Предложим возможные пути их решения. Установление возраста изображенного лица. Поскольку в синтетическом материале персонаж не существует, критерием становится воспринимаемый возраст – оценка изображения типичным зрителем. Это требует привлечения психолога; подход согласуется с логикой Лансаротской конвенции [4] и Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка [5]. Для процессуальной надежности необходима стандартизация процедуры, в частности использование контрольных выборок и оценка межэкспертной согласованности. Методологическую основу для такой процедуры составляет концепция воспринимаемого возраста, разработанная в психологии социального познания [7, с. 137–138]. Установление авторства и умысла. В основе подхода лежит критерий степени контроля над генеративным процессом: субъектом всегда остается физическое лицо, тогда как нейросеть является инструментом. Умысел пользователя презюмируется при целенаправленном запросе на создание противоправного контента; ответственность владельца сервиса возможна при осознанном предоставлении инструмента для противоправного использования и непринятии мер по его предотвращению. Ограничение метода состоит в трудности доказывания умысла при автоматической генерации, что требует анализа логов и параметров генерации. Данный подход согласуется с концепцией «значимого человеческого контроля», активно разрабатываемой в современной этике ИИ. Обеспечение сохранности цифровых доказательств. Вместо статичной фиксации предлагается переход к прослеживаемой цепочке происхождения, включающей криптографическое хеширование (*SHA*-256) каждого цифрового объекта с фиксацией метаданных и временных меток. Доказательственное значение приобретают метаданные генерации: параметры запроса, идентификатор сессии, временные метки. Установление природы объекта (реальный или синтетический). Для его решения необходима комплексная техническая экспертиза. Анализ метаданных (*EXIF*/*XMP*) позволяет выявить отсутствие или аномалии тегов, характерных для реальных фотографий. Анализ артефактов сжатия и шумовых характеристик выявляет аномалии и структурированные шумовые паттерны. Нейросетевые детекторы позволяют обнаруживать сгенерированные изображения без знания «отпечатков» конкретных генераторов. Предложенные меры образуют иерархическую структуру, соответствующую логике уголовно-правовой квалификации. На первом уровне устанавливается природа объекта; на втором – наличие признаков специального субъекта посягательства; на третьем – субъект преступления и форма вины; на четвертом – процессуальная допустимость доказательств. Такая структура позволяет адаптировать действующие уголовно-правовые механизмы к вызовам генеративных нейросетей без экстра-

ординарных законодательных решений. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Контент, созданный с использованием генеративных нейросетей, представляет собой принципиально новый объект судебной экспертизы и уголовно-правовой оценки. Синтетическая природа таких материалов разрушает традиционную связь порнографического изображения с реально происходившими действиями, что ставит под сомнение применимость выработанных экспертной практикой критериев. Анализ показал, что нормы статей 242, 242.1 и 242.2 УК РФ не рассчитаны на синтетический контент, а распространение таких материалов может затрагивать право на неприкосновенность частной жизни (ст. 137 УК РФ). Основные проблемы связаны с идентификацией ИИ-происхождения контента, установлением авторства и умысла, а также с обеспечением сохранности цифровых доказательств. Предложенные меры – установление воспринимаемого возраста с привлечением психолога, распределение ответственности по критерию контроля над генеративным процессом, обеспечение прослеживаемости цифровых доказательств и комплексная техническая экспертиза – позволяют адаптировать действующие уголовно-правовые механизмы к вызовам генеративных технологий без экстраординарных законодательных решений. Перспективы дальнейшего исследования связаны с изучением ответственности разработчиков и владельцев сервисов генерации, а также с анализом зарубежного опыта регулирования.

Пристатейный список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. *Темнюк, Д. Д.* Экспертиза порнографии. Цикл лекций по судебной экспертизе / Д. Д. Темнюк. – [Б. м.] : Автор, 2022.
3. *Абсатаров, Р. Р.* Использование современных возможностей судебных экспертиз для установления возраста лиц, запечатленных на порнографических изображениях / Р. Р. Абсатаров // КриминалистЪ. – 2025. – № 3 (52). – С. 3–10.
4. Лансаротская конвенция (Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений, ETS № 201): принята 25.10.2007.
5. Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии: принят 25.05.2000.
6. *Чумаевская, Е. Б.* Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с генерацией синтетических порнографических материалов с использованием технологий искусственного интеллекта: квалификация и границы уголовной ответственности / Е. Б. Чумаевская // Мир криминалистики. – 2025. – № 4. – С. 14–20.

7. *Воронцова, Т. А.* Социально-психологические предикторы воспринимаемого возраста как прогностического маркера старения и риска смерти / Т. А. Воронцова // Социальная психология и общество. – 2024. – Т. 15, № 1. – С. 137–155.
8. *Степанов, О. А.* Технология «дипфейк»: трансформация стандартов доказывания в судопроизводстве / О. А. Степанов, Д. А. Басангов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2026. – № 2. – С. 188–213.

УДК 343

Герман Олегович Леушин,
студент 4-го курса юридического факультета
Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
germanbutyai@yandex.ru

Научный руководитель:
Людмила Александровна Потапова,
кандидат юридических наук, доцент, начальник отдела
научных исследований Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
lap-law@ya.ru

СПЕЦИФИКА ПСИХОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ПРАКТИКЕ ПО ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ ДВИЖЕНИЕМ «КОЛУМБАЙН»

Аннотация. Актуальность обусловлена необходимостью разработки научно-методических критериев оценки скрытого, поликодового и сетевого контента деструктивной субкультуры «Колумбайн». Высокая социальная опасность феномена требует от экспертного сообщества создания надежного инструментария комплексного психолого-лингвистического анализа для предотвращения судебных ошибок и своевременного пресечения актов школьного насилия. Цель исследования выявить и систематизировать специфические маркеры, дифференциальные признаки и методические закономерности проведения комплексной психолого-лингвистической экспертизы по уголовным делам, связанным с деятельностью террористического движения «Колумбайн». Проанализированы материалы экспертной практики (заключения комплексных психолого-лингвистических экспертиз по делам о пропаганде и участии в движении «Колумбайн»). Пришли к выводам, что традиционные методики выявления экстремизма малоэффективны против «Колумбайна», поскольку субкультура оперирует не политическими лозунгами, а поликодо-

выми образами, романтизацией эстетики насилия и специфическим «шифрованным» сленгом, требующим разработки специализированного экспертного глоссария.

Ключевые слова: «Колумбайн»; поликодовый текст; психолого-лингвистическая экспертиза; информационная безопасность; суицидальное поведение.

Актуальность исследования обусловлена критической необходимостью разработки точных научно-методических критериев оценки скрытого, поликодового и сетевого контента деструктивной субкультуры «Колумбайн» (Верховный суд России 02.02.2022 по иску Генпрокуратуры признал движение «Колумбайн» террористическим) [1]. Согласно докладу председателя Национального антитеррористического комитета (НАК) Александр Бортникова, в 2025 году спецслужбами пресечено 49 вооруженных нападений на образовательные учреждения в 29 регионах страны. Министр внутренних дел РФ Владимир Колокольцев отдельно отмечал, что непосредственно силами МВД в 15 регионах было сорвано 21 нападение на стадии подготовки [2]. В январе – мае 2026 года наблюдался резкий рост эффективности упреждения угроз. За первые 4 месяца года силовыми структурами предотвращено 52 нападения на учебные заведения, а по состоянию на апрель 2026 года НАК отчитывался о 37 успешно ликвидированных угрозах. Работа по обнаружению скрытых сетевых ячеек и цифровых следов потенциальных нападавших ведется в ежедневном режиме. В рамках оперативно-профилактических мероприятий только за первую половину 2026 года полицией во всех регионах страны было выявлено и детально «отработано» более 1 000 подростков, состоявших в деструктивных сообществах или проявлявших интерес к террористической субкультуре [3]. В условиях децентрализации движения и отсутствия единой террористической идеологии ключевой проблемой правоприменительной практики становится отделение реальной террористической угрозы от подросткового эпатажа, сетевого буллинга или суицидальных манифестаций. Высокая социальная опасность феномена требует от экспертного сообщества применения современных междисциплинарных подходов.

В данном контексте особую важность приобретает психолого-лингвистическая экспертиза – комплексное исследование, которое объединяет методы лингвистики и психологии для анализа продуктов речевой деятельности (текстов, устных высказываний, видео- и аудиозаписей). Ее цель – выявить не только буквальный смысл, но и скрытые психологические механизмы, намерения автора, эмоциональное состояние и характер воздействия на адресата. Именно такой синергетический подход позволяет зафиксировать момент трансформации внутренних деструктивных переживаний подростка в готовность к совершению реального теракта. Развитие и уточнение методологии

этой экспертизы имеет решающее значение для предотвращения судебных ошибок, защиты прав несовершеннолетних и своевременного пресечения актов школьного насилия.

Дополнительный пласт актуальности задает необходимость сравнительного анализа: в то время как зарубежная экспертная практика (в частности, США и стран Западной Европы) имеет многолетний опыт оценки «манифестов» одиночных стрелков преимущественно методами поведенческого анализа (*Behavioral Threat Assessment*), российская судебно-экспертная система выработала уникальный институт комплексной психолого-лингвистической экспертизы, позволяющий давать строгую уголовно-правовую квалификацию действиям участников сетевых сообществ. Изучение и сопоставление этих подходов открывает новые возможности для оптимизации отечественных методик.

В ходе исследования специфики судебно-экспертной деятельности по делам, связанным с террористическим движением «Колумбайн», были получены результаты, позволяющие систематизировать предметно-методологическое поле комплексной психолого-лингвистической экспертизы (ПЛЭ). На основе анализа экспертной практики авторами выделены четыре ключевых детерминанта, определяющих уникальность данного вида исследований.

Первым значимым результатом исследования выступает содержательная и структурная специфика объектов ПЛЭ. В отличие от традиционных уголовных дел экстремистской направленности, оперирующих линейными текстами, в делах о «Колумбайне» доминирует мультимедийный поликодовый (креолизованные) контент. Эксперту приходится работать со сложными семиотическими системами: интернет-мемами, видеоколлажами («эдитами») с кадрами реальных исторических нападений, где вербальный компонент редуцирован до коротких реплик, наложенных на специфический аудиоряд. В то же время сохраняется важность интимного дискурса – личных цифровых и бумажных дневников или «манифестов». В этих материалах центральной задачей становится выявление степени личностной идентификации фигуранта с основоположниками субкультуры (Э. Харрисом и Д. Клиболдом), что требует от лингвиста владения глоссарием скрытого субкультурного сленга («*Reb*», «*VoDka*», «*wrath*», «естественный отбор»), помогающего отсечь бытовой черный юмор от усвоенной террористической доктрины.

Обсуждение результатов взаимодействия экспертов в рамках комплексного подхода позволило четко разграничить их функциональные задачи, синергия которых образует единый доказательный базис:

1. Вектор лингвистического анализа сфокусирован на объективации вербальных маркеров деструкции. Лингвист верифицирует не только прямые призывы или пропаганду (оправдание) насилия, но и реконструирует речевой умысел. Принципиально важным для следствия является разграничение декларативных высказываний (обида, абстрактная мизантропия) и маркеров реального планирования (инструкции по сборке СВУ, обсуждение тактики, хронологизация шагов).

2. Вектор психологического анализа направлен на диагностику этапа «пре-радикализации» субъекта через призму его речевых продуктов. Психолог устанавливает маркеры психологической готовности к насилию, сформированные под влиянием школьного буллинга или социальной изоляции. Научно обоснованным результатом исследования является фиксация критической точки – трансформации суицидальных намерений (аутоагрессии) в гомицидальные установки (желание совершить массовое убийство перед собственной смертью), что выступает главным психологическим триггером «Колумбайна». Параллельно оценивается уровень внушаемости несовершеннолетнего и глубина манипулятивного воздействия на него в закрытых сетевых чатах.

Важнейшим дискуссионным аспектом исследования является разграничение смежных, но юридически нетождественных понятий. Для обеспечения правильной правовой квалификации деяния (в частности, по ст. 205.5 УК РФ) перед комиссией экспертов встает задача отделить «идеологический Колумбайн» (как системное разделение ценностей, символики и ритуалов запрещенного террористического института) от бытового «скулшутинга», мотивированного исключительно личной местью конкретным преподавателям или сверстникам без приверженности субкультуре [4]. Ошибки на данном этапе ведут либо к недооценке системных террористических угроз, либо к избыточной криминализации деструктивного подросткового эпатажа.

Например, специалисты отмечают увеличение поисковых запросов по наиболее популярным художественным произведениям по теме скулшутинга (2023–2025 гг.). Например, активность поисковых запросов в период с 2023 по 2025 год достигла максимума и составила около 11 000 запросов, а в качестве основных цифровых платформ, выступающих источниками получения деструктивной информации (в том числе сведений, связанных с размещением художественных произведений на тему скулшутинга), стали: *Telegram*, *TikTok* и *Roblox* [5, с. 19]. 20 сентября 2021 Тимур Бекмансуров, вооружившись огнестрельным орудием, совершил на территории ПГНИУ прицельные выстрелы с близкого расстояния в направлении людей. В результате его преступных действий погибли 6 человек, 40 человек получили ранения различной степени тяжести [6]. В рамках психолого-лингвистической экспертизы была дана оценка (электронного) текста, составленного и опубликованного Тимуром Бекмансуровым в социальной сети «ВКонтакте». Экспертам был поставлен целый ряд вопросов, таких как: «является ли Бекмансуров автором текста?», «сколько авторов участвовало в его создании?», а также вопросы, касающиеся социальных и психологических характеристик автора [7]. Интеграция глубинного психологического анализа личностных девиаций подростка с прецизионным лингвистическим декодированием интернет-сленга образует методологическое ядро ПЛЭ по данной категории дел. Однако, полученные результаты доказывают, что классические методики исследования экстремистских и террористических материалов нерелевантны для анализа феномена «Колумбайн», поскольку последний базируется не на политических догмах, а на специфическом психологическом синдроме, транслируемом через поликодовую эстетику насилия.

Сопоставление отечественной и зарубежной практики выявляет принципиальные методологические различия в квалификации феномена «Колумбайн». Российский подход ориентирован на комплексную психолого-лингвистическую экспертизу и жесткую юридическую квалификацию деяния, тогда как зарубежная практика опирается на поведенческий анализ угроз и превентивную оценку рисков. Например, американская практика, опираясь на руководства Секретной службы и ФБР, не ищет в текстах признаки «членства в организации» (так как самого понятия запрещенного «движения Колумбайн» в правовом поле США нет из-за Первой поправки к Конституции о свободе слова). Анализируется так называемая «траектория движения к насилию» (*Pathway to Violence*). Лингвистические маркеры (письма, посты) исследуются на предмет утечки информации о готовящемся акте (*leakage*) – когда подросток сознательно или случайно проговаривается сверстникам о планах. В деле «*State v. Schenk*» (штат Вайоминг) при исследовании дневников подростка лингвистический анализ записей «повторить 1999» рассматривался не как пропаганда терроризма, а исключительно как доказательство субъективной стороны преступления – умысла на совершение убийства первой степени [8].

Показательным является также прецедентное дело *United States v. Pillault* (2015), в рамках которого установлено, что 4 октября 2012 года во время текстового общения в чате многопользовательской онлайн-игры «*RuneScape*» девятнадцатилетний Дж. Пилло угрожал воссоздать события «Колумбайн» в одной из средних школ штата Миссисипи. По результатам данного диалога один из игроков обратился в правоохранительные органы. В рамках начатого федерального расследования компьютер Пилло был изъят для проведения компьютерно-технического и криминалистического исследования. Экспертиза цифровых носителей выявила скрытые текстовые документы с инструкциями по созданию взрывных устройств, личные записи с экспликацией мотивов агрессии, а также массивы фото- и видеоматериалов, связанных с расстрелом в школе Колумбайн [9].

Криминалистическое исследование документного/электронного текста в представленном примере (в том числе в иных, не связанных с данным примером случаях) предполагает анализ документа государственным или частным экспертом с точки зрения использования в нем средств юридической лингвистики (legal language), целью которой является изучение специфики языка различных юридических документов. В данном контексте изучение специфики языка различных юридических документов позволяет сделать вывод о сходстве методов, применяемых в рамках осуществления судебно-экспертной деятельности в России и зарубежных странах.

В Германии активно используются автоматизированные экспертные системы (например, *DyRiAS – Dynamic Risk Assessment Systems*). Лингвистические компоненты «манифестов» кодируются по шкале факторов риска. При анализе текстов немецких подражателей (например, по следам трагедии в Эрфурте или Виннендене) эксперты-лингвисты исследуют интеграцию

американского сленга колумбайнеров в немецкоязычную среду. Если в тексте выявляется сочетание лексем «*Strafgericht*» (высший суд) и колумбайновских кодов (*Reb*, 4/20), система автоматически присваивает автору высший уровень угрозы, что запускает полицейское реагирование еще до юридической квалификации текста [10].

Российская практика уникальна тем, что ПЛЭ является ключевым судебным доказательством, способным самостоятельно обосновать состав террористического преступления. За рубежом же анализ текстов колумбайнеров служит вспомогательным инструментом для общего психологического и криминологического профайлинга личности [11]. Хотя формально, согласно ст. 17 УПК РФ, ни одно доказательство не имеет заранее установленной силы, однако на практике по делам о террористических и экстремистских проявлениях (включая движение «Колумбайн», признанное террористическим и запрещенное в РФ) ПЛЭ фактически выступает ключевым и самостоятельным доказательством, формирующим основу обвинения.

Согласно распоряжению Правительства РФ от 16.11.2021 № 3214-р, психолого-лингвистическая экспертиза по уголовным делам о преступлениях террористической и экстремистской направленности проводится исключительно государственными судебно-экспертными организациями [12].

В делах о приготовлении к терактам в школах (ст. 30, ст. 205 УК РФ) или участии в террористической организации (ст. 205.5 УК РФ) главной сложностью для следствия является установление реального умысла лица. Заключение экспертов становится важным объективным доказательством наличия или отсутствия преступного намерения. Лингвист и психолог через анализ текстов, дневников и переписок доказывают, что слова обвиняемого – это не абстрактный черный юмор, а сформированный вербальный план действий (наличие гомицидальных установок и идеологической солидаризации с террористическим движением).

Поскольку современные колумбайнеры редко оставляют классические текстовые манифесты, ПЛЭ является самостоятельным инструментом расшифровки сетевого контента: языковой перевод значения интернет-мемов, видеоколлажей (эдитов) и специфического сленга; обоснование наличия в таких материалах признаков пропаганды, оправдания или призывов к терроризму (ст. 205.2 УК РФ), что позволяет суду признать данные файлы экстремистскими или террористическими материалами.

Чтобы результаты ПЛЭ легли в основу приговора без риска их оспаривания защитой, суд оценивает заключение по правилам ст. 88 УПК РФ на предмет: 1) допустимости, проверяя строгое соблюдение процессуального порядка назначения экспертизы, квалификация конкретного эксперта-лингвиста и эксперта-психолога (наличие профильного образования, стажа и утвержденных методик Минюста/МВД); 2) достоверности, изучая научную обоснованность выводов, обращая внимание на то, использовались ли взаимно верифицирующие методы (например, контент-анализ и интент-анализ в лингвистике совместно с патопсихологическим исследованием личности в психологии);

3) достаточности, при органичном увязывании с иными материалами дела (протоколами обыска цифровых носителей, изъятием оружия или компонентов взрывчатых веществ).

Однако и ученые, и эксперты-методологи предостерегают от ситуации, когда следствие полностью перекладывает правовую квалификацию деяния на экспертов. В этой связи следует отметить, что: 1) действуя в пределах своей компетенции, эксперты не имеют права делать правовые выводы (например, писать в заключении: «в действиях гражданина содержится состав преступления, предусмотренного ст. 205.5 УК РФ»); 2) задачей ПЛЭ как доказательства, является дать научно-верифицируемую оценку смысловой и психологической направленности текста, а окончательную юридическую оценку (является ли это терроризмом) дает исключительно суд.

Анализ исследований за последние три года показал, что по данной категории дел, в судебно-экспертной практике чаще выделяются следующие типичные ошибки и недостатки [13]: 1) в рамках комплексной экспертизы лингвист начинает делать выводы за психолога, либо психолог оценивает языковые единицы без лингвистической методологии; 2) лингвисты анализируют только вербальный (буквенный) компонент файла, полностью игнорируя визуальный, аудиальный или ситуационный контексты; 3) эксперт не видит деструктивного умысла из-за отсутствия прямых, словарных призывов к насилию, так как не учитывается, что «Колумбайн» транслируется через завуалированные, шифрованные коды («*Reb*», «естественный отбор», «повторить 4/20»; 4) или наоборот, эксперт квалифицирует подростковый черный юмор, подростковый эпатаж, увлечение компьютерными играми-шутерами или цитирование новостных материалов как безусловную пропаганду терроризма, не оценивая реальную психологическую вовлеченность подростка в субкультуру; 5) использование устаревших или нерелевантных методик, так нередко, эксперты пытаются анализировать материалы «Колумбайна» по классическим методикам Минюста для исследования религиозного или этнополитического экстремизма (направленных на выявление «языка вражды» к конкретным нациям или конфессиям), поэтому выводы оказываются научно необоснованными, так как эта субкультура базируется не на межгрупповой розни, а на тотальной мизантропии, романтизации суицида и гомицидальных установках, требующих применения иных психологических шкал и специализированных глоссариев.

На основе комплексного анализа российской и зарубежной судебно-экспертной практики по делам, связанным с террористическим движением «Колумбайн», сформулированы рекомендации, разделенные на три ключевых блока. 1. В качестве предложений для практики правоприменения, необходимо разработать специализированный вопросник для ПЛЭ, исключив из практики некорректные вопросы. Например, вместо вопроса «Содержится ли в тексте пропаганда террористического движения «Колумбайн»?», ставить перед экспертами лингвистические и психологические вопросы: «Имеются ли в представленных материалах вербальные / визуальные маркеры солидаризации с идеологией

массового насилия в образовательной среде и лицами, его совершившими?». «Содержатся ли в тексте признаки трансформации аутоагрессивных (суицидальных) намерений автора в гомицидальные установки?». 2. В качестве предложений для совершенствования законодательства, предлагаем внести изменения в Федеральный закон № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», официально закрепив поликодовые материалы как самостоятельный и специфический объект судебной экспертизы, требующий особых межведомственных стандартов исследования. 3. В качестве направления для дальнейшего научного исследования предлагаем изучить механизмы деструктивного психологического воздействия поликодового интернет-контента на несформированную психику несовершеннолетних (влияние темпоритма видео, аудиальных триггеров и визуальной эстетики насилия) для создания более точных методик судебно-психологического анализа.

Пристатейный список литературы

1. Решение Верховного Суда РФ от 02.02.2022 по делу № АКПИ21-1025С // Верховный Суд Российской Федерации : сайт. – URL: https://clck.su/wPDZz.
2. В России в 2025 году пресекли 49 вооруженных нападений в учебных заведениях // ТАСС : сайт. – URL: https://tass.ru/proisshestviya/27112635.
3. В России с начала 2026 года предотвратили 37 вооруженных нападений на образовательные учреждения // Информационное агентство URA.RU : сайт. – URL: https://ura.news/news/1053085567.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 №63-ФЗ // СЗ РФ. – 2020. – № 24. – Ст. 3851.
5. Обзорное исследование. Нападения в образовательных организациях: динамика и тенденции. – М. : Центр изучения и сетевого мониторинга молодежной среды, 2026 – 35 с.
6. Пермский краевой суд вынес приговор по уголовному делу в отношении Тимура Бекмансурова // Генеральная прокуратура Российской Федерации : сайт. – URL: https://clck.su/bROro.
7. Экспертиза по делу Тимура Бекмансурова // Коммерсант : сайт. – URL: https://clck.su/nQaHb
8. State v. Schenk, No. 16-105 (Wyoming Court Records) // CaseMine : сайт. – 2016. – URL: https://www.casemine.com (дата обращения: 30.09.2026).
9. United States v. Pillault // FindLaw : сайт. – URL: https://clck.su/LVBBp.
10. *Hoffmann, J.* DyRiAS-Schule: Entwicklung und Validierung eines online-gestützten Analyse-Instruments zur Risikoeinschätzung von schwerer zielgerichteter Gewalt an Schulen / J. Hoffmann, K. Roshdi, M. Allwinn // Polizei & Wissenschaft. – 2013. – № 4. – S. 33–42.
11. *Бабук, А. В.* Судебная лингвистическая экспертиза документного текста: зарубежный опыт / А. В. Бабук // Правосудие. – 2021. – № 3. – С. 206–220.

12. Распоряжение Правительства РФ от 16.11.2021 №3214-р «О перечне видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями» // СЗ РФ. – 2021. – № 47. – Ст. 7944.
13. *Кукушкина, О. В., Сафонова, Ю. А., Секераж, Т. Н.* Теоретические и методические основы производства судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. – М. : ГУ РФЦСЭ при Минюсте России: ЭКОМ, 2011. 326 с.

УДК 343.14:340.6

Маргарита Ильинична Попова,
студентка 2-го курса магистратуры юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
onceforever17@gmail.com

Научный руководитель
Юлия Николаевна Наумова,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
yasenaum34@mail.ru

ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ ЗАКЛЮЧЕНИЕМ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОГО ЭКСПЕРТА И ИНЫМИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ЖИЗНИ МАЛОЛЕТНИХ

Аннотация. Рассмотрена проблема разграничения противоречий между доказательствами и различий исходных условий экспертного исследования по делам о преступлениях против жизни малолетних. Цель – определить основания выбора процессуального средства проверки. На основе законодательства, научной литературы и судебных актов предложена последовательность проверки с учетом предмета противоречия, данных о ребенке и необходимости нового экспертного исследования.

Ключевые слова: судебно-медицинская экспертиза; противоречия между доказательствами; оценка доказательств; исходные данные экспертизы; допрос эксперта; преступления против жизни малолетних.

Введение. Проверка противоречий между заключением судебно-медицинского эксперта и иными доказательствами требует установить, какие сведения исключают друг друга и на каких исходных данных основан вывод

эксперта. При исследовании механизма образования повреждений у малолетнего проверяется, учтены ли возраст и индивидуальные особенности ребенка, имеющие значение для поставленных вопросов. По статьям 17, 87 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) заключение эксперта подлежит оценке и проверке в совокупности с другими доказательствами [1]. Оно не имеет заранее установленной силы, а эксперт не вправе разрешать вопросы о достоверности показаний и виновности лица [2, п. 4, 19].

Цель статьи – обосновать последовательность проверки противоречий по делам о преступлениях против жизни детей, не достигших четырнадцати лет, и выбор подходящего процессуального средства. В процессе исследования использовались уголовно-процессуальные нормы, научные публикации и материалы судебной практики.

Противоречия между доказательствами и пределы выводов эксперта. А. А. Койсин связывает оценку заключения с соблюдением процессуальных требований, обоснованностью исследования и сопоставлением его результатов с другими доказательствами [3, с. 99–100]. Ю. А. Телевицкая выделяет качество исходных данных и полноту исследования [4, с. 168–169], Е. С. Мазур – компетентность эксперта и качество предоставленных материалов [5]. Эти критерии позволяют проверить заключение, однако для выбора процессуального действия необходимо определить причину его несоответствия другим доказательствам. Ошибка может содержаться как в заключении, так и в сопоставляемых с ним показаниях. Поэтому само наличие противоречия не доказывает необоснованность заключения.

Противоречие между доказательствами состоит во взаимоисключающих сведениях об одном и том же обстоятельстве. Например, лицо сообщает о конкретном способе причинения повреждения, а эксперт исключает возможность его образования таким способом. Если же эксперт исследовал иные условия события, сначала необходимо проверить возможность применения его вывода к обстоятельствам, указанным в показаниях. Вывод о невозможности образования повреждений при падении с одной высоты нельзя распространять без соответствующего исследования на падение с другой высоты или при ином положении тела.

В рассматриваемых далее делах это разграничение имеет значение для проверки версии о случайном падении ребенка. Вывод о возможности образования повреждений при описанном падении означает совместимость такого механизма с выявленными медицинскими признаками, но не устанавливает, что падение произошло. Вывод об исключении этого механизма противоречит показаниям при условии, что эксперт исследовал именно описанные в них обстоятельства. А. Ф. Лубин разграничивает основанный на исследовании вероятностный вывод и неподтвержденное предположение [6, с. 139–140]. В. Л. Попов различает результаты исследования и сформулированные на их основе выводы [7]. Следовательно, оценка отдельного ответа эксперта требует обращения к исследовательской части заключения.

Проверяемость обоснованности и достоверности выводов предусмотрена статьей 8 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ [8]. Изучение материалов дела и медицинских документов входит в порядок производства судебно-медицинской экспертизы [9, п. 6]. При оценке заключения необходимо отделять установленные экспертом признаки от обстоятельств, принятых им из показаний как исходные данные. Например, использование сообщенной обвиняемым высоты падения для проверки механизма повреждений не подтверждает достоверность сведений об этой высоте. Опровержение исходных данных требует установить, какие выводы эксперта от них зависели.

Оценка противоречий в судебной практике. В деле № 55-211/2025 защита ссылалась на возможную смерть ребенка вследствие падения между диваном и стеной и на неполноту проверки этой версии. Эксперт установил механическую асфиксию вследствие закрытия дыхательных отверстий носа и рта. Образование повреждений лица и шеи он связал с давлением тупого предмета, обладающего пластичностью, с элементами трения и исключил их возникновение при падении с высоты собственного роста и соударении с твердыми предметами. Второй апелляционный суд общей юрисдикции сопоставил эти выводы с показаниями осужденной о закрытии лица ребенка, его положении и совершенных действиях, а также с протоколом осмотра места происшествия. Приговор оставлен без изменения определением от 23 июня 2025 г. [10]. Для оценки версии защиты имело значение совпадение конкретных признаков повреждений с описанными в показаниях действиями. Само установление асфиксии не разрешало вопрос о том, кем и при каких обстоятельствах были закрыты дыхательные отверстия.

В деле № 22-839/2017 обвинение в причинении смерти по неосторожности основывалось на том, что оставленный без присмотра ребенок упал с дивана. Эксперт исключил образование выявленных повреждений при свободном падении из положения лежа с высоты 50–60 см, учитывая возраст и анатомические особенности ребенка. Поэтому описанная в обвинении последовательность событий не подтверждалась: оставление без присмотра само по себе не доказывало, что именно оно повлекло смертельные повреждения. Место, время и способ их причинения в пределах предъявленного обвинения остались недоказанными. Белгородский областной суд 14 июня 2017 г. оставил оправдательный приговор без изменения [11]. Признание обвиняемым вины не устраняло этот недостаток доказывания, поскольку требует подтверждения совокупностью доказательств [1, ч. 2 ст. 77]. Несоответствие заключения обстоятельствам обвинения в данном случае свидетельствовало о недоказанности обвинения; оснований признать само заключение необоснованным суд не установил.

По делу № 55-281/2026 защита объясняла повреждения падением ребенка из рук взрослого с последовательными соударениями с мебелью и полом. Она также ссылалась на неполноту заключения и неучтенные особенности недоношенного ребенка. Допрошенный в суде эксперт, присутствовавший при проверке показаний на месте, указал на семь участков повреждений и отсутствие

ссадин, ожидаемых при описанном контакте с мебелью. С помощью манекена он пояснил, почему указанная последовательность соударений не объясняет расположение и механизм образования повреждений. Второй апелляционный суд общей юрисдикции в определении от 6 июля 2026 г. признал эти показания разъяснением заключения в пределах компетенции эксперта [12]. Проверка касалась соответствия конкретного механизма выявленным признакам. Число повреждений оценивалось вместе с их локализацией и характером, а вопрос о виновности разрешался судом.

Иной предмет противоречия рассмотрен Верховным Судом Российской Федерации в определении от 4 октября 2023 г. № 12-УДП23-7-К6 по делу о причинении смерти малолетней по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения врачом профессиональных обязанностей. Акт исследования, полученный по инициативе обвиняемой вне процедуры назначения судебной экспертизы, отрицал причинную связь между недостатками медицинской помощи и смертью со ссылкой на молниеносное развитие инфекционно-токсического шока. Комиссионная судебно-медицинская экспертиза устанавливала такую связь: угрожающее жизни состояние можно было своевременно распознать, однако ребенку не оказали экстренную помощь и не стабилизировали его состояние перед транспортировкой. Член комиссии пояснила, что на стадии шока, в которой находилась потерпевшая, помощь, как правило, бывает эффективной. Апелляционный суд предпочел первый вывод, не оценив все доказательства и не обосновав отклонение заключения и показаний членов экспертной комиссии. В свою очередь, апелляционный приговор и кассационное постановление было отменено Верховным Судом РФ и дело направлено на новое апелляционное рассмотрение [13]. Здесь проверке подлежали медицинские основания противоположных выводов о причинной связи, полнота исследования материалов и процессуальный статус представленных документов. Отмена была обусловлена нарушениями оценки доказательств и не предрешала виновность врача.

Выбор процессуального средства проверки. Проверку предлагается проводить последовательно: определить спорное обстоятельство; сопоставить условия, к которым относятся показания и вывод эксперта; установить, какие исходные данные получены из других доказательств; решить, требуется ли новое экспертное исследование. При оценке исходных данных отдельно проверяется, какие сведения о возрасте, состоянии здоровья и анатомических особенностях ребенка использовал эксперт. Вывод о причине смерти следует отличать от вывода о причинной связи между деянием обвиняемого и смертью потерпевшего. Причинная связь с деянием обвиняемого требует самостоятельного обоснования, а указания на повреждения либо нарушения обязанностей по присмотру или лечению недостаточно.

Если для выяснения противоречия достаточно разъяснить содержание заключения без нового исследования, применяется допрос эксперта по статье 205 УПК РФ на предварительном следствии либо статье 282 УПК РФ в суде. Когда без исследования нельзя устранить недостаточную ясность или пол-

ноту заключения либо разрешить новые вопросы о ранее исследованных обстоятельствах, может быть назначена дополнительная экспертиза и ее проведение может быть поручено тому же или другому эксперту. Сомнения в обоснованности заключения или противоречия в выводах эксперта либо экспертов по тем же вопросам являются основаниями повторной экспертизы, поручаемой другому эксперту [1, ст. 207]. В суде учитывается также часть 4 статьи 283 УПК РФ о противоречиях между заключениями экспертов, неустранимых путем их допроса. Недостаточная аргументация выводов и ошибки применения методов исследования относятся к признакам необоснованности заключения; допрос не заменяет необходимой экспертизы [2, п. 13, 15, 17].

Несовпадение заключения с показаниями само по себе не обосновывает повторную экспертизу. Если установлено, что эксперт проверял другую высоту падения или иное положение тела, следует уточнить исходные данные и поставить вопрос о возможности образования повреждений в условиях, описанных в показаниях. Необходимость исследования ранее не рассмотренного варианта может обусловить дополнительную экспертизу. Если же проверяется обоснованность уже данного ответа на тот же вопрос, решается вопрос о повторной экспертизе.

Вопрос эксперту должен содержать конкретный предполагаемый механизм образования повреждений и данные, позволяющие его проверить. Эксперт проверяет возможность образования обнаруженных повреждений при обстоятельствах, указанных в показаниях. Результаты исследования учитываются при проверке этих показаний, достоверность которых самостоятельно оценивают следователь, дознаватель, прокурор и суд [2, п. 4]. Обоснование итогового решения должно раскрывать, какие сведения противоречат друг другу, как проводилась их проверка и почему конкретные доказательства положены в основу выводов либо отвергнуты. Если предусмотренные законом средства проверки не позволяют устранить сомнения в виновности, такие сомнения разрешаются в пользу обвиняемого. Для постановления обвинительного приговора необходимо подтверждение виновности совокупностью исследованных судом доказательств, недостаточность доказательств нельзя восполнить предположениями [1, ч. 3 ст. 14, ч. 4 ст. 302].

Заключение. Выбор процессуального средства проверки определяется тем, что требует уточнения: содержание заключения, полнота исследования или обоснованность ответа эксперта. До назначения новой экспертизы необходимо установить, относятся ли противоположные сведения к одному обстоятельству и одинаковым условиям. По делам о преступлениях против жизни малолетних это предполагает проверку использованных данных о конкретном ребенке и механизме образования повреждений. Исключение экспертом одного механизма не доказывает виновность лица, а использование сведений из показаний в качестве исходных данных не превращает заключение в самостоятельное подтверждение этих сведений.

Пристатейный список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921. – URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 24.09.2026).
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (ред. от 29.06.2021) // Российская газета. – 2010. – 30 дек. – URL: https://www. consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_108437/ (дата обращения: 24.09.2026).
3. *Койсин, А. А.* Оценка заключения эксперта: криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты / А. А. Койсин // Сибирский юридический вестник. – 2022. – № 4 (99). – С. 98–106. – DOI: 10.26516/2071-8136.2022.4. 98.
4. *Телевицкая, Ю. А.* Оценка достоверности заключения эксперта / Ю. А. Телевицкая // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2024. – № 4 (68). – С. 166–170. – DOI: 10.36511/2078-5356-2024-4-166-170.
5. *Мазур, Е. С.* Проблема оценки достоверности заключения судебно-медицинского эксперта / Е. С. Мазур // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 364. – С. 102–106.
6. *Лубин, А. Ф.* О допустимости вероятностных выводов экспертного заключения в уголовном судопроизводстве / А. Ф. Лубин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 3 (47). – С. 138–142. – DOI: 10.36511/2078-5356-2019-3-138-142.
7. *Попов, В. Л.* Терминологическая и смысловая неопределенность уголовно-процессуальной регламентации содержания заключения эксперта / В. Л. Попов // Судебно-медицинская экспертиза. – 2023. – Т. 66, № 2. – С. 56-59. – DOI: 10.17116/sudmed20236602156.
8. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ред. от 22.07.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 23. – Ст. 2291. – URL: https://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_31871/ (дата обращения: 24.09.2026).
9. Приказ Минздрава России от 25.09.2023 № 491н «Об утверждении Порядка проведения судебно-медицинской экспертизы» (зарегистрирован Минюстом России 24.10.2023 № 75708) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/ 0001202310250009 (дата обращения: 25.09.2026).
10. Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 23.06.2025 по делу № 55-211/2025 // Второй апелляционный суд общей юрисдикции : официальный сайт. – URL: https://2ap.sudrf.ru/modules. php?case_id=5492542&case_uid=4b07dd8e-cdc1-466b-8bd7-fcb03b0b2d27&delo_ id=4&name=sud_delo&name_op=case&new=4&srv_num=1 (дата обращения: 25.09.2026).

11. Апелляционное постановление Белгородского областного суда от 14.06.2017 по делу № 22-839/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/Ym2qm94c2vWQ/ (дата обращения: 26.09.2026).
12. Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 06.07.2026 по делу № 55-281/2026 // Гарант. – URL: https://base.garant.ru/471380230/ (дата обращения: 26.09.2026).
13. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 04.10.2023 № 12-УДП23-7-К6 // Гарант. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407683386/ (дата обращения: 27.09.2026).

УДК 343.98

Полина Станиславовна Пшенникова,
студентка 3-го курса Иркутского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия
pshenikovap@bk.ru

Научный руководитель:
Дмитрий Юрьевич Яковлев,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики Иркутского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия
dmitrii-iakovlev@mail.ru

НЕЙРОКРИМИНАЛИСТИКА: ПРЕДЕЛЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДАННЫХ О РАБОТЕ МОЗГА В СЛЕДСТВЕННОЙ ТАКТИКЕ

Аннотация. В статье анализируются возможности и пределы применения данных о работе головного мозга в следственной тактике. Возможности нейрокриминалистики связываются с парадигмой сокрытия информации позволяющей диагностировать наличие в памяти лица личностно значимых сведений о событии, а также с методами, обеспечивающими доступ к идеальным следам: полиграфом, айтрекингом, автобиографическим тестом на имплицитные ассоциации, функциональной магнитно-резонансной томографией и другими. Именно парадигма сокрытия информации в отличии от парадигмы дифференциации лжи снижает риск ложных обвинений и образует теоретическую основу современных методов диагностики. При этом лабораторно подтвержденная эффективность отдельных методов не устраняет ограничений их применения. Пределы нейрокриминалистики носят принципиальный характер и обусловлены методическими факторами и нормативными требованиями, которые закреплены в Конституции Российской Федерации и уголовно-процессуальном законодательстве. Обосновывается вывод о том, что нейроданные не могут использоваться в качестве доказательства, а подлежат применению как ориентирующая информация при построении и проверке следственных версий и выборе тактических приемов.

Ключевые слова: нейрокриминалистика; криминалистическая диагностика; идеальные следы; следственная тактика; полиграф; томография; высокочастотный магнитный резонанс.

Нейрокриминалистика представляет собой новое направление криминалистической диагностики, которое сформировалось на стыке криминалистической психофизиологии, нейробиологии и права. В нейрокриминалистике, как и в когнитивной нейробиологии, определение обмана строится на реакциях головного мозга, а не на периферических, как в классическом полиграфе. Предметом нейрокриминалистики выступают идеальные следы событий прошлого, а именно мысленные образы, хранящиеся в памяти человека, которые, в отличие от материально фиксированных следов, недоступны для непосредственного исследования и могут быть изучены только после материализации.

Сама возможность такой диагностики основывается на парадигме сокрытия информации (СИ-парадигмы). Она позволяет снизить риск ложных обвинений, путем выявления в памяти человека личностно значимой информаций о событии, в отличие от парадигмы дифференциации лжи, которая фиксирует лишь признаки обмана [1].

Методический арсенал нейрокриминалистики не исчерпывается технологией исследований с применением полиграфа и включает акустический, психолингвистический, окулографический (айтрекинг) методы, а также применение функциональной магнитно-резонансной томографии (фМРТ), МРТ-совместимого полиграфа (МРТсП) и метод Р300, основанный на электроэнцефалографии (ЭЭГ). Именно поэтому ключевое значение приобретают методы, фиксирующие реакции человека на значимую для него информацию. Однако расширение возможностей и лабораторно подтвержденная эффективность некоторых методов не отменяют вопроса об их допустимости и надежности.

Исторической точкой отсчета для развития криминалистической диагностики стала легализация исследований с применением полиграфа в 1993 году [1]. Полиграф фиксирует периферические физиологические реакции такие как, сердечный ритм, дыхание, кожно-гальваническую реакции и уже на их основе формирует полиграмму, по которой полиграфолог оценивает устойчивость и выраженность реакций на вопросы. Благодаря этому появилось возможность объективного изучения идеальных следов, что ранее было принципиально невозможно [2]. Несмотря на то что хоть полиграф является востребованным инструментом оперативно-следственной практики, его результаты не имеют доказательственного значения.

Отечественная традиция нейрокриминалистики, представленная работами Ю. И. Холодного и его коллег, развивает преимущественно полиграфологические и методы компьютерной томографии. Именно в этих работах была сформулирована СИ-парадигма, обоснованная необходимостью перехода

от дифференциации лжи к диагностике наличия в памяти личностно значимой информации, а также предложена методика комплексного фМРТ-МРТсП исследования [3]. Отдельное направление в этих работах связано с применением айтрекинг для защиты предъявления для опознания от случаев умышленного неопознания: когда лицо, фактически узнав предъявленный объект, заявляет обратное, установить такой исход без средств прикладной психофизиологии невозможно.

Зарубежные исследования идут несколько иным путем, делая акцент на поведенческих и нейронных маркерах. Показательна в этом отношении работа Андреа Зангросси, посвященная автобиографическому тесту на имплицитные ассоциации (*alAT*) в сочетании с регистрацией движения глаз [4]. *alAT* – модифицированная версия теста на имплицитные ассоциации, основанные на времени реакции и направленные, на оценку того, какая из двух версий автобиографического события соответствует эпизодической памяти обследуемого. Логика метода строится на эффекте совместимости: реакция ускоряется, когда истинные утверждения и утверждения о реальном событии требуют одного и того же ответа и замедляется, когда они расходятся.

Движения глаз позволяют фиксировать эффект совместимости независимо от времени реакции: в более сложном для обследуемого блоке возрастает число фиксаций на метках, что отражает повышенную когнитивную нагрузку. Существенное преимущество айтрекинга заключается в том, что для проведения исследования не требуется дорогостоящего оборудования, а следствие делает его доступнее электрофизиологических и томографических технологий.

Еще один уровень диагностики связан с регистрацией нейронных реакций. В зарубежной практике для детекции скрываемой информации применяется компонент P300, который регистрируют с помощью ЭЭГ. Он представляет собой компонент электрической активности мозга, который возникает непроизвольно в ответ на личностно значимый стимул и потому не зависит от сознательного контроля [4]. В отличие от периферических реакций классического полиграфа и поведенческих маркеров *alAT*, P300 отражает центральные процессы обработки информации и рассматривается как более глубинный индикатор скрываемой информации.

Что касается методов исследования с применением компьютерной томографии, то фМРТ обеспечивает визуализацию нейрокогнитивных процессов, происходящих в головном мозге человека при диагностике личностно значимой в том числе скрываемой информации. В отличие от полиграфа, который фиксирует периферические реакции и метода P300, отражающего электрическую активность мозга, фМРТ позволяет наблюдать активность конкретных зон головного мозга. Поскольку данный метод фиксирует когнитивную деятельность, а не физиологические реакции его применения существенно затрудняет сокрытие правды в ходе исследования [4].

Институциональной базой развития данного направления выступает Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт» с 2019 года проводящий фундаментальные и прикладные исследования криминали-

стической направленности. В 2021 году Д. Г. Малаховым и Ю. И. Холодным был получен патент на систему одновременного контроля и оценки динамики физиологических процессов в условиях проведения МРТ. Это позволило разработать методику комплексного фМРТ-МРТсП-исследования [3]. Проведенные экспериментальные исследования с использованием фМРТ позволили установить зоны головного мозга, устойчиво активирующиеся при сокрытии информации и способные выполнять роль маркеров такого сокрытия. В 2024 году была произведена оценка фМРТ-данных на групповом уровне с применением теста со скрываемым именем и теста «на знание виновного». Исследователи отметили более высокую точность распознавания скрываемой информации по сравнению с обычным полиграфом, однако указывается и на факторы, оказывающие влияние на результат: гендерный, различия между групповыми и индивидуальными уровнями, условность «состояния покоя».

Проведенные исследования подтверждают значительный потенциал методов компьютерной томографии. Однако именно на этом уровне диагностики обнаруживаются ограничения, которые носят принципиальный характер. Прежде всего речь идет о проблеме, обозначаемой в зарубежной литературе как «от группы к индивиду». Это значит, что нейронаучные исследования ориентированы на получение обобщенных данных по группам обследуемых, тогда как правоприменение требует вывода в отношении конкретного лица [5]. Данные группового уровня имеют значение для правовой системы только потому, что они подкрепляют или ослабляют доказательства, использование же их для формулирования вывода о конкретном человеке может привести к ошибочным заключениям.

С указанной проблемой тесно связана и проблема обратного вывода. Если некоторая нейронная сеть активируется при сообщении ложных сведений, из этого не следует, что ее активация возможна только в случаях лжи. Кроме того, обман не представляет собой единичного явления. Различные его виды могут сопровождаться разными паттернами мозговой активности, что дополнительно ограничивает диагностическую ценность метода [6].

Ложь в условиях лабораторного эксперимента существенно отличается от ложных показаний в ходе допроса, что ставит под сомнение перенос лабораторных результатов на следственную практику. Дополнительным фактором, снижающим достоверность нейроданных, выступает их уязвимость к контрмерам. Специально обученные ментальные контрмеры, а именно придание или уменьшение значимости воспринимаемых объектов, снижают точность фМРТ примерно на 20%.

Методологические ограничения нейрокриминалистики усугубляются пределами нормативного характера. Прежде всего, ст. 51 Конституции РФ, право не свидетельствовать против себя, распространяется и на участие в нейрофизиологических исследованиях, кроме того, в соответствии со ст. 75 УПК доказательства, полученные с нарушением требований закона, признаются недопустимыми. К этому примыкает и этический аспект. Методы нейровизу-

ализации потенциально позволяют реконструировать воспринимаемые человеком образы, что ставит вопрос о границах вмешательства в сферу приватности мысли.

Исходя из изложенного можно определить статус нейроданных в следственной тактике. Они не являются доказательством и не могут подменять собой процессуальные источники, однако способны выполнять функцию ориентирующей информации, использоваться для определения, построения и проверки следственных версий. Наиболее обоснованным представляется комплексирование методов, точнее, сочетание поведенческих, окулографических и МРТ-подходов, которые повысят устойчивость к контрмерам. При этом применение нейроданных должно быть ограничено рамками добровольного информированного согласия, а право на отказ – безусловно соблюдаться. Процессуально результаты таких исследований могут оформляться в виде результатов ОРД.

Исходя из вышесказанного, возможности нейрокриминалистики реальны: СИ-парадигма, айтрекинг, метод Р300 и фМРТ-МРТсП-исследования обеспечивают доступ к идеальным следам, которые ранее оставались принципиально недоступными для объективного изучения. Однако пределы этих методов носят не временный, а принципиальный характер, вытекая как из методических ограничений, так и из нормативных требований. В свою очередь, нейроданные должны использоваться в качестве ориентирующей информации, а не доказательств.

Пристатейный список литературы

1. *Майлис, Н. П.* Диагностика наличия у человека информации о скрываемых событиях прошлого: развитие новых технологий / Н. П. Майлис, Ю. И. Холодный // Вестник Московского университета МВД России. – 2024. – № 1. – С. 105–109.
2. *Алферова, Е. В.* Нейроправо: достижения в области нейронауки и их применение в криминологии, криминалистике и правосудии : обзор / Е. В. Алферова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература : ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2023. – № 2. – С. 206–216.
3. *Шурдумов, А. А.* Особенности использования функциональной магнитно-резонансной томографии (фМРТ) в качестве криминалистического полиграфа / А. А. Шурдумов, А. В. Руденко // Право и государство: теория и практика. –2025. – № 3. – С. 109–112.
4. *Zangrossi, A.* Autobiographical Implicit Association Test and eye movements: fixations topography enables detection of autobiographical memories / A. Zangrossi, L. C. Gatto, V. Lanfranchi, C. Scarpazza, M. Celli, G. Sartori // Frontiers in Psychology. – 2024. – Vol. 15. – Art. 1268256. – DOI: 10.3389/fpsyg.2024.1268256.

5. Neuroforensics: Exploring the Legal Implications of Emerging Neurotechnologies : Proceedings of a Workshop / National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine; Policy and Global Affairs; Committee on Science, Technology, and Law; Health and Medicine Division; Board on Health Sciences Policy; Forum on Neuroscience and Nervous System Disorders. – Washington, DC : National Academies Press, 2018. – ISBN 978-0-309-47779-6.
6. *Hsu, C.-W*. The effect of mental countermeasures on neuroimaging-based concealed information tests / C.-W. Hsu, C. Begliomini, T. Dall'Acqua, G. Ganis // Human Brain Mapping. – 2019. – Vol. 40, № 10. – P. 2899–2916.

УДК 343

Анастасия Алексеевна Соболева,
студентка 5-го курса факультета высшего образования
Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
asoboleva1996@gmail.com

Научный руководитель:
Наталья Борисовна Литовка,
старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса
факультета высшего образования Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
litovkanatalia@rambler.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЖАРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Аннотация. Пожарно-техническая экспертиза играет важную роль как в уголовном, так и в гражданском процессе: она необходима для установления очага возгорания и механизма его возникновения. В данной статье будут рассмотрены проблемы, присущие данному виду судебной экспертизы.

Ключевые слова: гражданский процесс; уголовный процесс; судебная экспертиза; пожарно-техническая экспертиза; эксперт.

Судебная экспертиза – необходимый элемент любой процессуальной отрасли права. Пожарно-техническая экспертиза долгое время назначалась преимущественно по уголовным делам, а также по делам об административных правонарушениях. Ситуация изменилась, когда свое развитие в России получила сфера страхования и, как следствие, начались попытки граждан злоупотребить правом на получение выплат. Самым распространенным примером такого поведения, безусловно, считаются самоподжоги застрахованных помещений. В таких случаях обязательно назначение пожарно-технической экспертизы, суть которой заключается в исследовании объектов, пострадав-

ших от огня для решения ряда задач, к которым относятся определение очага возгорания и механизма его возникновения, и методики данного вида экспертизы не отличаются по отраслям, но различна роль, которую играет экспертное заключение.

Для уголовного процесса всестороннее и объективное расследование преступлений, предусмотренных отдельными статьями Уголовного кодекса Российской Федерации, будет невозможно без пожарно-технической экспертизы. В частности, речь идет о статье 219 УК РФ (Нарушение требований пожарной безопасности) [1]. Состав материален, необходимо установить причинно-следственную связь между деянием и наступившим последствием – именно этому и служит проведение судебной пожарно-технической экспертизы по данным делам.

В качестве примера можно рассмотреть постановление Советского районного суда Ростова-на-Дону № 1-476/2023 от 11 декабря 2023 года, из которого следует, что связь между действиями лица – началом сварочных работ в смотровой яме, не очищенной от бензина и иных горючих веществ, – и наступившим последствием в виде телесных повреждений, полученных потерпевшим из-за начавшегося пожара, устанавливалась посредством судебной пожарно-технической экспертизы [2].

Также, хочется привести и пример из практики экспертов УМВД РФ. В отношении гражданина Н. было возбуждено уголовное дело по статье 168 УК РФ (уничтожение или повреждение чужого имущества по неосторожности). В своих показаниях подозреваемый указал следующее: возгорание произошло из-за того, что он случайно пролил в доме стеклоомывающую жидкость, содержавшую спирт, и уронил окурок сигареты на пол.

Проведенная пожарно-техническая экспертиза показала, что такие следы жидкости на полу могли образоваться только в случае, если стеклоомывающей жидкостью умышленно поливали пол. При случайном ее проливании на пол форма и расположение пятен были бы совсем другими. В данном случае эксперт использовал специальные знания в области механизма образования следов различных веществ.

Благодаря выводам эксперта, деяние гражданина Н. было переквалифицировано на часть 2 статьи 167 УК РФ (умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, совершенное путем поджога), что влечет более строгое наказание.

В гражданском процессе пожарно-техническая экспертиза в качестве основной своей задачи тоже выделяет установление очага возгорания и причины пожара. Во-первых, подобно уголовному процессу и производству по делам об административных правонарушениях, экспертиза необходима для установления лица, действиями которого пожар был вызван, в целях взыскания с него ущерба. Чаще всего в таких случаях проведения самостоятельной экспертизы не требуется: она имеется в материалах уголовного дела или в деле об административном правонарушении и ее выводы признаны либо судом в приговоре или постановлении, либо должностным лицом в протоколе.

Во-вторых, зачастую пожарно-техническая экспертиза в гражданском судопроизводстве назначается тогда, когда имеется спор между страховой компанией и страхователем в связи с отказом в возмещении вреда, причиненного пожаром. Если экспертизой будет установлена причинно-следственная связь между действиями страхователя (нарушение требований пожарной безопасности в каком-либо виде) и уничтожением или повреждением застрахованного имущества, то страховая компания будет иметь полное право отказать в компенсации. Страхователю будет отказано в удовлетворении иска.

Все описанное выше в полной мере обосновывает значимость пожарно-технической экспертизы как для уголовного, так и для гражданского процесса. Но, к большому сожалению, рассматриваемый вид судебной экспертизы не лишен определенных проблем.

В первую очередь, необходимо говорить о проблеме недостаточной компетентности отдельных экспертов, общей для любого вида судебной экспертизы. Проведение же судебной пожарно-технической экспертизы требует специальных познаний в специфической и не самой распространенной области. Отсюда вытекают необоснованные и некорректные выводы в экспертном заключении.

Необоснованность проявляется в несовпадении методики проведенного исследования с выводом, некорректность – в расплывчатых, неточных формулировках вывода. Речь идет об употреблении слов «вероятно», «возможно» и им подобных. Для правоприменителя подобный ответ на вопрос, например, о причине возникновения пожара, кажется необоснованным и, в этой связи, влечет назначение им повторной экспертизы и увеличение процессуальных сроков.

Необходимо, однако, отметить, что в некоторых ведомствах (в частности, в МВД РФ), от экспертов требуется категорический ответ, получить который не всегда представляет возможным. Е. Р. Россинская указывает, что категорический вывод возможен лишь при наличии двух условий:

1) имеются следы и признаки, подтверждающие выбранную экспертную версию, а наличие следов и признаков, не вписывающихся в нее, может быть логически объяснено;

2) проведен комплексный анализ результатов [3, с. 222].

В противном случае, при наличии соответствующей возможности, формулировка вывода должна быть не вероятностной, а альтернативной.

Существует и проблема неправильной постановки правоприменителем вопросов эксперту, непонимания его компетенции. Для пожарно-технической экспертизы эта проблема особенно остра, поскольку зачастую пожары оказываются следствием взрыва или, напротив, влекут его, из чего вытекает необходимость проведения не однородной, а комплексной экспертизы, здесь – пожарно-взрывотехнической.

Не стоит забывать и о том, что пожарно-техническая экспертиза зачастую тесно связана с местом происшествия в целом, для нее может быть недостаточно исследования отдельных предметов. Из этого следует, что для данного

вида экспертизы предпочтительно, чтобы осмотр места происшествия проводил специалист конкретного профиля, который в дальнейшем будет проводить уже экспертизу. К сожалению, в большинстве случаев это невозможно: сказывается объективно существующая нехватка кадров.

В качестве примера, демонстрирующего ряд названных выше проблем, хочется рассмотреть следующее: по исковому заявлению владельца квартиры № 1, расположенной в двухквартирном жилом доме, о возмещении ущерба, причиненного пожаром, была назначена пожарно-техническая экспертиза. Ответчиком являлся владелец квартиры № 2 в указанном доме. При производстве первичной экспертизы были получены следующие выводы: «Очаг пожара находился на кровле квартиры № 2». Таким образом, возгорание произошло на кровле квартиры ответчика. Однако, у суда возникли сомнения в полученных выводах: они противоречили другим материалам дела.

В связи с этим, суд назначил повторную экспертизу и полученные выводы свидетельствовали об ином ходе процесса пожара. Было установлено, что в протоколе осмотра места происшествия неверно указано направление сторон света, что исказило картину динамики пожара при производстве первичной экспертизы. Также в первичной экспертизе направление ветра было «изменено» экспертом на 180 градусов. При этом использовался механизм формирования «роторного ветра». Повторная экспертиза показала, что возгорание началось на крыше квартиры № 1, принадлежащей истцу.

Подобные противоречия выводов могут встретиться в различных видах судопроизводства. В большинстве случаев это связано с тем, что эксперты-пожаротехники могут использовать разные методики при проведении исследования. В данном случае эксперт, производивший первичную экспертизу, совершил несколько ошибок. В частности, механически использовал знания из области географии, не понимая сути процесса образования «роторного ветра».

Судебная пожарно-техническая экспертиза, разумеется, остается актуальной и необходимой, и рассмотренные проблемы лишь это подтверждают – они возникают там, где существует динамичная практика применения. Решить большинство из них их видится возможным путем совершенствования методик и внутренних актов, повышением требований для получения экспертом аккредитации.

Проблема неправильной постановки вопросов перед экспертом тесным образом связана с качеством юридического образования в целом: судебная экспертиза как учебная дисциплина присутствует в программе далеко не каждого высшего учебного заведения.

Пристатейный список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. Приговор по уголовному делу № 1-476/2023 от 11 декабря 2023 г. по ч. 1 ст. 219 УК РФ Советского районного суда г. Ростова-на-Дону // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: https://sudact/ru/
3. *Россинская, Е. Р. [и др.]*. Судебная экспертиза в цивилистических процессах : научно-практическое пособие. – Москва : Проспект, 2018. – URL: https://base.garant.ru/77554932/

УДК 343

Руслан Вагифович Шахверанов,
студент 5-го курса юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
shahrus2015@mail.ru

Научный руководитель:
Олеся Сергеевна Пашутина,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
olesya-pashutina@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье раскрывается роль судебных экспертиз в процессе доказывания по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, исследуются вопросы использования заключений судебно-экономических экспертиз, определяется их круг и правовая основа производства.

Ключевые слова: судебная экономическая экспертиза; роль экспертизы; специальные знания; эксперт; расследование.

Роль судебных экспертиз в процессе расследования и рассмотрения уголовных дел о преступлениях в сфере экономической деятельности сложно переоценить. Несмотря на то, что ни одно из доказательств не имеет заранее установленной силы и оценивается в совокупности с остальными, имеющимися в деле доказательствами (ч. 2 ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), именно результаты специальных исследований выступают одним из основных средств установления обстоя-

тельств, входящих в предмет доказывания, обеспечивающим с научно-методической точки зрения – расследование преступлений в сфере экономической деятельности [5, с. 22].

Как показывает анализ правоприменительной практики, традиционно, к специальным исследованиям, производимым по заданию органов предварительного расследования или суда, специально назначенным лицом – экспертом, по составам преступлений, предусмотренных главой 22 УПК РФ преступления в сфере экономической деятельности, относятся следующие экспертизы: судебная финансовая экономическая экспертиза [8]; судебная бухгалтерская экспертиза [8; 9; 10]; судебная финансово-аналитическая экспертиза [9].

Судебно-экономические экспертизы, а именно: финансовая экономическая экспертиза, бухгалтерская экспертиза, финансово-аналитическая экспертиза – играют ключевую роль в рамках уголовного процесса, поскольку заключение судебного эксперта, является доказательством, основанным на специальных знаниях. Тем не менее, данное доказательство не является неоспоримым и безусловно необходимым для установления. Правоприменитель обязан проверить его научную обоснованность, оценить логику исследования. В том числе, как определено ранее – необходимо тщательно подходить к определению объекта экономической экспертизы, так как сомнения в точности, достоверности, направленных на экспертизу задокументированных данных, зафиксированных на носителе информации, могут поставить под вопрос ценность заключения, верность вынесенного заключения эксперта, а также, поставить под вопрос факт наличия компетенции в данной сфере у субъекта-эксперта, осуществляющего такую деятельность. Закон одновременно строго определен в отношении круга преступлений, по которым обязательно прибегать к помощи государственных экспертных организаций, так и «не определен» и диспозитивен в отношении иных составов экономических преступлений, регулируя данную деятельность в рамках общих требований, выдвигаемых к эксперту. Такая «двойственность» может впоследствии привести к противоречиям на этапе судебного следствия, например: 1. Экспертиза проведена лицом без полномочий или с нарушением прав защиты; 2. Отсутствует обязательная экспертиза; 3. Противоречия или неполнота заключения [7, с. 682], которые нельзя устранить в суде допросом эксперта, что впоследствии приведет к возвращению уголовного дела прокурору (согласно ст. 237 УПК РФ), в связи с необходимостью устранения процессуальных препятствий обвинительного заключения.

Неверное определение рода и виды экспертизы может привести к ничтожности экспертного заключения, таким образом, по тексту приговора Куйбышевского районного суда г. Омска № 1-15/2025 1-156/2024 1-8/2026 от 5 февраля 2026 г. по делу № 1-15/2025 [9], сторона защиты строила собственную позицию на «неверном определении вида и рода судебной экспертизы». Так, специалист, допрошенный в судебном заседании по ходатайству стороны защиты, заявил в обоснование собственной позиции о несостоятельности

проведенной экспертизы, следующий довод: «Эксперт применил методику не для финансово-аналитической, а для финансово-кредитной экспертизы (фактически «подменил» род/вид экспертизы). В частности, при расчете «ликвидности» и «платежеспособности» он включил запасы в ликвидные активы, хотя запасы не являются ликвидными и не должны учитываться при оценке платежеспособности. Согласно показаниям специалиста, данное действие эксперта «завысило коэффициенты». По расчету специалиста, показатели платежеспособности юридического лица, в отношении которого усматривается совершение действий, заведомо влекущих неспособность в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам – ниже нормативных – значит, в 2018 году общество было неплатежеспособно. Также, согласно показаниям специалиста, эксперт использовал недостоверные/нескорректированные данные бухгалтерской отчетности за 2017 год, не учтя возможный ретроспективный пересчет».

Тем не менее суд пришел к выводу о том, что заключение эксперта соответствуют требованиям УПК, выполнены квалифицированными специалистами с большим стажем, в установленной процедуре и по ведомственным нормативным актам, с соблюдением методик. Они содержат ответы на все вопросы, научно обоснованы, аргументированы, непротиворечивы и не вызывают сомнений в объективности. В связи с чем, доводы защиты отклонил.

Отсутствием безусловной необходимости в проведении судебно-бухгалтерской экспертизы и показательным примером роли экспертизы по уголовным делам в сфере экономических преступлений, является Апелляционное определение Херсонского областного суда (Херсонская область) от 12 марта 2026 г. № 22-48/2026 [11], согласно которому суд пришел к выводу о достаточности доказательств – «Правильность оценки доказательств, как по отдельности, так и в совокупности, сомнений не вызывает, а несогласие осужденного и его защитника с выводами суда в этой части не свидетельствует о недопустимости доказательств», без проведения вышеупомянутой экспертизы, о которой ходатайствовала сторона защиты, оставив решение первой инстанции без изменений, а апелляционную жалобу защитника без удовлетворения.

Объектами судебных экспертиз являются бухгалтерские, финансовые, отчетные и иные документы, закрепленные на бумажном или электронном носителе, содержащие сведения о факте или событии финансово-хозяйственной жизни предприятия, которые имеют значение для уголовного дела. Для судебного эксперта, информация, содержащаяся в документах, выступает взаимосвязанной, логической системой, обладающей собственными (конкретными для каждого случая) признаками и хозяйственными параметрами отдельно выбранного субъекта предпринимательской деятельности [4, с. 163].

Следует отметить, что судебные экспертизы при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности могут проводиться как государственными, так и негосударственными экспертными учреждениями, что вытекает из положений гл. 27 УПК РФ. Однако отметим, что законодатель счел актуальным разрешение вопроса о расширении перечня видов судебных экс-

пертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными учреждениями, закрепив это изменениями в законодательстве. Так 22 марта 2023 г. Правительство РФ издало Распоряжение № 672-р [12], согласно которому, требование к использованию исключительно государственных учреждений является обязательным по уголовным делам о преступлениях, связанных с неуплатой налогов и сборов и причинением ущерба природным ресурсам; по уголовным делам о преступлениях, связанных с нецелевым расходованием и хищением бюджетных средств, а также при проверке сообщений о таких преступлениях.

Правовую основу производства судебных экспертиз по делам о преступлениях в сфере экономики составляют: 1. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026); 2. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ред. от 22.07.2024); 3. Распоряжение Правительства РФ от 16.11.2021 № 3214-р «О Перечне видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями» (ред. от 31.10.2023); 4. Приказ Минюста России от 20.04.2023 № 72 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России...» (ред. от 31.01.2024); 5. Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях ОВД Российской Федерации»... (ред. от 06.03.2026); 6. Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 24.07.2020 № 77 «Об утверждении Порядка определения, пересмотра уровня квалификации и аттестации экспертов...» (ред. от 28.11.2025).

Федеральным законодательством не установлен конкретизированный перечень судебных экспертиз по уголовным делам в сфере экономических преступлений, выделим их из подзаконных актов, в том числе из ведомственных приказов, с учетом их применимости. Среди экспертиз, проводимых исключительно государственными экспертными организациями, по ряду определенных ранее составов – выделяется финансово-экономическая, финансово-аналитическая, налоговая экспертизы (согласно гл. 6-7 Распоряжения Правительства РФ от 16.11.2021 № 3214-р «О Перечне видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями»). К экономическим экспертизам, проводимым экспертно-криминалистическими подразделениями МВД РФ относят следующие виды экспертиз: бухгалтерская экспертиза, налоговая экспертиза, финансово-аналитическая экспертиза, финансово-кредитная экспертиза, а также включенная в систему экономических – строительно-техническая экспертиза [3, с. 118]. Министерством юстиции Российской Федерации, в целях обеспечения единого научно-методического подхода производства судебных экспертиз утвержден Перечень родов (видов) экспертиз, выполняемых в судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации, которым определены: финансово-экономическая, бухгалтерская, а также товаро-

ведческая экспертизы (согласно Приказу Минюста России от 27.12.2012 № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России»). Наконец, судебно-экспертный Центр Следственного Комитета Российской Федерации, как структурное подразделение, наиболее актуальное в рамках исследования роли экспертизы по уголовному делу – в своем составе имеет отдел судебно-экономических исследований, уполномоченный на проведение следующих видов экспертной деятельности: судебная бухгалтерская экспертиза, судебная налоговая экспертиза, судебная финансово-аналитическая экспертиза, судебная оценочная (стоимостная) экспертиза [14]. В отношении экспертиз, проводимых негосударственными судебными организациями, закон ограничивается общими требованиями Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», кроме того, следует учитывать, что к квалификации, наличию у негосударственного эксперта лицензии, сертификата, диплома или свидетельства на право проведения экспертизы законодательством Российской Федерации не предусмотрены [15].

Роль судебной экономической экспертизы состоит в установлении фактов хозяйственной и финансовой деятельности, имеющих значение для дела, тем самым, служит осуществлению правосудия. Особенность такой экспертизы в том, что ее выводы основываются на анализе первичных учетных документов, регистров бухгалтерского и налогового учета, финансовой отчетности, договоров, банковских выписок и иных экономических данных. Поэтому особенно важно, чтобы эти объекты были достоверными, полученными и сохраненными в установленном порядке. В силу доказательственного значения заключения судебной экономической экспертизы – его изучение должно быть максимально тщательным, чтобы исключить ошибки в расчетах, методике и выводах, а выводы органов следствия и суда могут основываться только на фактах, достоверность которых не вызывает сомнений.

Пристатейный список литературы

1. *Ганченко, Д. Н., Белова, Е. В.* Экономическая экспертиза: возможности и проблемы реализации // ЭПП. – 2023. – Т. 13, № 12. – С. 6239–6254.
2. *Зуйкова, Н. А., Головко, С. А.* Оценка заключения судебной экспертизы судом // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 1. – С. 55–65.
3. *Дубенская, Ю. С.* Экономические аспекты судебно-экономической экспертизы в органах внутренних дел Российской Федерации // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2019. – № 6-1. – С. 116–119.
4. *Еремин, С. Г.* Специфика назначения судебных экспертиз по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности: технико-криминалистическая экспертиза документов и судебно-экономическая экспертиза // ЮП. – 2025. – № 4 (115). – С. 159–165.

5. *Залескина, А. Н.* Сущность и значение экономической экспертизы по делам о мошенничестве, сопряженном с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности // Полицейская и следственная деятельность. – 2019. – № 3. – С. 15–23.
6. *Михайлов, Э. Г.* Понятие и виды судебных экспертиз в уголовном судопроизводстве // Молодой ученый. – 2025. – № 21 (572). – С. 291–293.
7. Судебная экспертиза: типичные ошибки: монография / под ред. Е. Р. Россинской. – 2-е изд. – Москва : Проспект, 2024.
8. Апелляционное определение Ростовского областного суда от 23 марта 2026 г. № 22-1034/2026 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/LGmmRuSeCYWQ/.
9. Приговор Куйбышевского районного суда г. Омска от 5 февраля 2026 г. № 1-15/2025 1-156/2024 по делу № 1-15/2025 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/uYdnZuGODPQC/.
10. Приговор Магаданского городского суда (Магаданская область) от 27 января 2026 г. № 1-25/2026 по делу № 1-25/2026 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/ge0JQK0QKRQ4/.
11. Апелляционное определение Херсонского областного суда (Херсонская область) от 12 марта 2026 г. № 22-48/2026 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/8jln3gHp7DYR/.
12. Расширен перечень видов судебных экспертиз, проводимых только государственными организациями // Адвокатская газета : сайт. – URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/rasshiren-perechen-vidov-sudebnykh-ekspertiz-provodimykh-tolko-gosudarstvennymi-organizatsiyami/. (дата обращения: 16.09.2026).
13. Какие судебные акты ВАС РФ и ВС РФ являются для нижестоящих судов обязательными // Закон.ру : сайт. – URL: https://zakon.ru/blog/2022/8/25/kakie_sudebnye_akty_vas_rf_i_vs_rf_yavlyayutsya_dlya_nizhestoyaschih_sudov_obyazatelnymi. (дата обращения: 17.09.2026).
14. Отдел судебно-экономических исследований // Судебно-экспертный Центр Следственного Комитета Российской Федерации : сайт. – URL: http://sec.sledcom.ru/center/oei.html. (дата обращения: 16.09.2026).
15. Какие требования предъявляются к квалификации лиц, обладающих специальными знаниями, но не являющимися государственными судебными экспертами? // Министерство юстиции Российской Федерации : сайт. – URL: https://minjust.gov.ru/ru/appeals/faq/649/. (дата обращения: 17.09.2026).

УДК 343.9

Дарья Сергеевна Шуплецова,
студентка 4-го курса юридического факультета
Иркутского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия
shupleczova95@mail.ru

Научный руководитель:
Дмитрий Юрьевич Яковлев,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики Иркутского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия
dmitrii-iakovlev@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ СЛЕДОВ И ОБЪЕКТОВ, ПОДВЕРГШИХСЯ НИЗКОТЕМПЕРАТУРНОМУ ВОЗДЕЙСТВИЮ

Аннотация. Предметом исследования в данной статье выступают особенности выявления следов рук на объектах, которые были подвергнуты воздействию низких температур. Рассматривается влияние замерзания на адгезионные свойства потожирового вещества, поскольку изменяющаяся структура последнего снижает эффективность последующего обнаружения следов. В эксперименте проводилось сравнение отпечатков пальцев, оставленных на различных поверхностях, а также анализировалось, как способ размораживания предметов отражается на их качестве.

Ключевые слова: отпечатки пальцев; дактилоскопическая экспертиза; потожировое вещество; низкая температура; судебная экспертиза.

В системе судебно-экспертных исследований следы рук человека занимают одно из центральных мест. Именно они в большинстве случаев позволяют решать идентификационные и диагностические задачи, устанавливая кон-

кретное лицо, оставившее отпечатки, а также механизм и условия их образования. Для судебного эксперта-криминалиста следы рук представляют собой специфический объект, исследование которого требует не только владения современными методиками выявления, но и учета множества внешних факторов, влияющих на сохранность потожирового вещества.

Эффективность экспертного исследования напрямую зависит от того, насколько полно и качественно был выявлен след на первоначальном этапе. Однако далеко не всегда объекты поступают в распоряжение эксперта в идеальных условиях. Одним из наиболее распространенных и одновременно недостаточно изученных факторов внешней среды является воздействие низких температур. В судебно-экспертной практике нередки случаи, когда вещественные доказательства обнаруживаются в условиях зимнего периода, в неотапливаемых помещениях или холодильных камерах. Кроме того, нельзя исключать и умышленное помещение преступниками предметов со следами в холодную среду с целью затруднить их последующее выявление и экспертное исследование.

Для Российской Федерации проблема усугубляется климатическими особенностями: отрицательные температуры являются распространенным метеорологическим фактором на значительной части территории страны. В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос о том, как именно условия низкотемпературного воздействия и последующего оттаивания сказываются на целостности следов и их пригодности для экспертного анализа. Слабо изученным остается вопрос, приводит ли резкое потепление к более существенному разрушению потожирового вещества, чем постепенное, плавное оттаивание, или зависимость имеет обратный характер.

Отпечатки пальцев возникают в результате переноса потожирового секрета с папиллярных гребней на следовоспринимающий объект. Указанное вещество выделяется порами и покрывает не только сами линии, но и пространство между ними; его химический состав индивидуален. В процессе контакта формируются невидимые либо слабовидимые следы, а их качество – насколько полно воспроизводится папиллярный узор – зависит от силы нажима и особенностей потожирового вещества оставившего след субъекта [1, с. 41].

Потожировой секрет является сложной по составу многокомпонентной эмульсией. В ней пот и кожное сало, будучи перемешанными, не утрачивают структурной обособленности и продолжают существовать как самостоятельные субстанции. Потовая жидкость на 97–99% состоит из воды, в которой растворены органические и неорганические компоненты – аминокислоты, соли, лактат и ряд других соединений [2, с. 53]. Кожное сало, напротив, представлено различными липидами: триглицеридами, восками, свободными жирными кислотами, а также холестерином и его эфирами. Если применить к потожировым следам хроматографический метод, можно обнаружить в их составе жирные кислоты с числом атомов углерода от 4 до 18; среди них преобладают линолевая, линоленовая, олеиновая и стеариновая кислоты [3, с. 192]. Адгезионные свойства отпечатка и его устойчивость к воздействию внешних

факторов определяются именно липидной фракцией. Потовая же составляющая, напротив, активно вступает во взаимодействие с водой. По этой причине она либо смывается с гладких поверхностей, либо мигрирует и растекается в структуре пористых материалов [2, с. 53].

Физическую основу формирования следа составляет адгезия, то есть прилипание потожирового секрета к следовоспринимающей поверхности. Жировая фракция характеризуется высокими адгезионными свойствами, поэтому отпечатки с большим содержанием жира отчетливее передают рельеф папиллярного узора и дольше удерживаются на различных материалах [4, с. 130]. Низкая температура воздействует на потожировое вещество неоднозначно: примерно при 0 ˚С кристаллизуется водная (потовая) составляющая, а при понижении до -7 ˚С и ниже отвердевает кожное сало, утрачивая пластичность. В замороженном виде следы папиллярных узоров могут сохраняться продолжительное время. Однако сила сцепления замерзшего вещества с поверхностью падает, что не позволяет качественно выявлять следы традиционными порошками непосредственно на холоде. Критический момент для сохранности отпечатков наступает при оттаивании. Возвращение к исходному агрегатному состоянию способно вызвать фазовое расслоение эмульсии: потовая часть отделяется и либо затекает в межпапиллярные промежутки, либо хаотично растекается, что искажает папиллярный узор. Дополнительно процесс осложняет конденсат, образующийся при переносе холодного объекта в тепло [2. с. 55].

Обнаружение следов рук производится с помощью физических, физико-химических и химических методов. Физические методы (применение порошков, копоти, ультрафиолетовое исследование) базируются на прилипании частиц к липидной составляющей следа. Химические методы (обработка нингидрином, парами цианакрилата) вступают в реакцию с компонентами пота – аминокислотами и водой, что дает возможность выявлять отпечатки даже при видоизмененной жировой фракции [5, с. 610]. При воздействии низких температур решающую роль играет корректный выбор режима отогрева. На практике часто прибегают к предварительному прогреву объектов перед обработкой, однако это способно отрицательно отразиться на сохранности папиллярных узоров. Как правило, более высокие результаты обеспечивает применение струи теплого воздуха [2, с. 57].

С целью изучения того, как условия оттаивания влияют на сохранность и выявляемость следов рук, было проведено экспериментальное исследование на семи видах поверхностей: гладкая древесина, пластик, стекло, резина, кожа, ржавый металл и гладкий металл. На каждый из материалов были нанесены потожировые следы.

Все образцы были поделены на две группы и подвергнуты холодовому воздействию при температуре -30 ˚С в течение равного времени (12 часов). Первую группу после этого сразу поместили в тепло (+24 ˚С), где она оттаивала самостоятельно (резкий температурный перепад). Вторую группу сначала оставили на 2 часа на застекленном балконе (промежуточные условия),

и лишь потом перенесли в теплое помещение – так достигалось постепенное оттаивание. Для обнаружения следов применяли дактилоскопические порошки, как магнитные, так и немагнитные.

Эксперимент продемонстрировал, что успешность обнаружения отпечатков определяется как типом материала, так и режимом изменения температуры. Кожа и ржавый металл оказались непригодны для сохранения следов при обоих вариантах: на коже вещество мигрировало в поры, а окисленная неровная поверхность металла активно адсорбировала компоненты следа. Резина при резком оттаивании не дала выявляемых отпечатков; при плавном – следы проступили лишь фрагментарно, папиллярные линии отсутствовали, что исключает идентификацию. Гладкий металл сохранил отпечатки в обоих режимах, однако без папиллярных линий – предположительно, из-за конденсата, сглаживающего мелкий рельеф узора. Стекло, пластик и древесина показали лучшие результаты при постепенном оттаивании. На пластике при резком перепаде линии фиксировались только по периферии, а при плавном – частично в центральной зоне, что объясняется меньшим растеканием потовой фракции. На древесине следы присутствовали всегда, но папиллярные линии удалось увидеть только при медленном оттаивании и лишь на отдельных участках. На стекле постепенный режим обеспечил большее число отпечатков с отчетливыми линиями. Полученные результаты согласуются с теоретическими закономерностями фазовых превращений потожирового вещества. Резкий температурный переход усиливает конденсатообразование и растекание потовой составляющей, тогда как плавное оттаивание способствует сохранению папиллярного рельефа. Разная выявляемость на материалах связана с их теплофизическими характеристиками, способностью впитывать влагу и строением микрорельефа. Чем меньше выражен микрорельеф, тем больше площадь контакта с папиллярным узором и тем плотнее он отображается. Однако при конденсате именно гладкие поверхности могут сильнее страдать от растекания следа.

Таким образом, процесс оттаивания объектов, изъятых в условиях низких температур, должен рассматриваться как отдельный этап дактилоскопического исследования, требующий строго методического подхода. Принципиально важна не только постепенность оттаивания, но и недопущение образования конденсата: именно скрытая влага, выступающая на поверхности до полной адаптации следа, является главным деструктивным фактором. Представляется целесообразным применение промежуточных камер с регулируемым уровнем влажности либо сведение к минимуму перепадов как температуры, так и влажности среды. В экспертном заключении рекомендуется отражать время, необходимое для полной температурной адаптации объекта, что позволит более объективно оценивать пригодность выявленных следов для идентификации.

Для судебно-экспертной практики это имеет особое значение: учет данного этапа в методике дактилоскопической экспертизы дает эксперту возможность обоснованно судить об идентификационной значимости следов и форму-

лировать достоверные выводы. Тем самым повышается доказательственная ценность результатов исследования и обеспечивается более высокий уровень экспертной оценки.

Пристатейный список литературы

1. *Медведева, С. Н., Столбоушкина, Т. А.* Методы выявления следов рук на различных поверхностях // Вестник КРУ МВД России. – 2023. – № 4 (62). – С. 41–44.
2. *Донцова, Ю. А., Ивашкова, А. В., Болдырева, Е. А.* Теоретические и прикладные аспекты обнаружения и выявления следов рук, подвергшихся влиянию влаги и отрицательной температуры // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. – № 2 (34). – С. 51–65.
3. *Санько, А. Г., Стасевич, О. В.* Хроматографический анализ потожировых следов человека // Труды БГТУ. – Серия 2: Химические технологии, биотехнология, геоэкология. – 2022. – № 2 (259). – С. 191–194.
4. *Толстик, А. Р., Коновалов, Е. В.* Механизмы образования следов папиллярных узоров // Актуальные проблемы государства и права. – 2017. – № 3-4. – С. 128–132.
5. *Филь, Д. С.* Современные технологии дактилоскопии и их роль в раскрытии и расследовании преступлений // Молодой ученый. – 2024. – № 21 (520). – С. 609–611.

Актуальные проблемы противодействия терроризму: мультиотраслевые исследования

УДК 347.155

Дарья Алексеевна Булгакова,
студентка 2-го курса факультета высшего образования
Тульского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Тула, Россия
bulgakovad14@gmail.com

Научный руководитель:
Светлана Леонидовна Мельникова,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории, истории государства и права, социально-экономических дисциплин
Тульского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Тула, Россия
smelnikova71@mail.ru

ДЕЕСПОСОБНОСТЬ БЕЗ ОТВЕТСТВЕННОСТИ – ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БЕЗ ДЕЕСПОСОБНОСТИ: ФОРМИРОВАНИЕ ГАРМОНИЧНОГО ПРАВОВОГО СТАТУСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена наличием «зоны правовой неопределенности», когда лицо, обладающее фрагментарной гражданской дееспособностью с 6 лет, не несет юридической ответственности за свои действия в уголовно-правовом смысле до 14 лет, а полноценная гражданская дееспособность наступает с 18 лет. Целью является устранение противоречий между конституционно закрепленным приоритетом государственной политики в области детства и реальной структурой правового статуса несовершеннолетнего.

Ключевые слова: правовой статус; дееспособность; деликтоспособность; эмансипация; юридическая ответственность несовершеннолетних.

В условиях развития цифровых технологий ребенок 6 лет юридически способен совершить имущественно значимое действие, но не способен нести за него ответственность – ни гражданско-правовую, ни тем более уголовную. Как обоснованно отмечает к.ю.н. Е. Е. Ягунова: «в условиях активного использования детьми банковских карт, привязанных к счетам родителей, и совершения онлайн-покупок категория «мелкая бытовая сделка» становится все более размытой» [1, с. 32–36]. Ребенок может потратить значительную сумму в мобильной игре или оформить подписку на платный сервис – и юридически его действие будет признано сделкой, которую родитель не вправе впоследствии оспорить только на том основании, что она была совершена ребенком. При этом гражданско-правовая ответственность малолетних за причиненный вред наступает в ограниченном объеме, то есть ответственность несут родители или законные представители, если не докажут, что вред возник не по их вине. Сам несовершеннолетний в возрасте до 14 лет не является деликтоспособным. Таким образом, дееспособность (возможность совершать юридически значимые действия) существует отдельно от ответственности за эти действия. Формально это объясняется необходимостью защиты имущественных интересов ребенка и стимулирования его социализации. Фактически же создается правовой режим, при котором ребенок может действовать, но последствия его действий несет другой субъект (родитель). Родитель же в большинстве случаев не может проконтролировать каждое действие ребенка, особенно в цифровой среде.

Действующее отраслевое уголовное законодательство устанавливает порог ответственности с 14 лет за ограниченный круг особо тяжких преступлений, а с 16 лет – в общем порядке. При этом, как показывают данные Следственного комитета РФ, именно возрастная группа 14–17 лет демонстрирует наиболее высокие показатели криминальной активности, а число подростков, не достигших возраста уголовной ответственности и совершивших общественно опасные деяния, устойчиво растет. Гражданская дееспособность остается существенно ограниченной до 18 лет. Эмансипация возможна с 16 лет, но только при работе по трудовому договору или занятии предпринимательской деятельностью с согласия родителей [3]. Подросток 14–17 лет не может без согласия родителей распоряжаться своим заработком (кроме мелких бытовых сделок), открывать счета в банке, совершать крупные покупки. Получается, что отвечать за самые серьезные деяния подросток может, а распоряжаться собственными деньгами – нет. Это не только логическое противоречие, но и практическая проблема: такой подросток не может легально урегулировать многие вопросы своей жизни, что толкает его в «серую» среду.

Как отмечается в докладе Уполномоченного по правам ребенка в Тульской области за 2025 год, основной причиной помещения детей в специализированные учреждения является ненадлежащее исполнение родительских обязанностей (294 случая), а на втором месте находится зависимость родителей – алкогольная и наркотическая (204 случая) [4]. В 2024 году всеми правоохранительными органами России расследовано 26 тысяч преступлений не-

совершеннолетних [2]. По сравнению с 2023 годом их количество сократилось на 3%, с 2022 годом – на 13%, а с 2015 годом – на 57%. На первый взгляд, это позитивная динамика. Однако, как подчеркивает Председатель Следственного комитета России А. И. Бастрыкин, «число совершенных подростками преступлений, относящихся к категории тяжких и особо тяжких, не уменьшается», а в 2025 году они составили половину от объема всех расследованных преступлений подростков [5]. В 2025 году подростками совершено 1,5 тысячи деяний против жизни и здоровья, что на 13% больше, чем в 2024 году.

Особое внимание обращает на себя рост числа несовершеннолетних, не достигших к моменту совершения деяния возраста уголовной ответственности. Эти дети не могут быть привлечены к уголовной ответственности по закону, но их деяния по объективной стороне не отличаются от преступлений старших подростков. Наибольшая доля подростковой преступности зафиксирована в республиках Карелия (6,2%) и Коми (6,1%), а также в Новгородской области (5,9%); наименьшая – в Москве (0,7%) и Чеченской Республике (0,3%) [6]. Это указывает на наличие социально-экономических и культурных факторов, влияющих на криминализацию несовершеннолетних, которые не учитываются в конструкции правового статуса.

В российской правовой науке нет единства по вопросу о возрастных границах дееспособности и ответственности, но можно выделить три основных подхода: консервативный подход (В. В. Ершов, А. Я. Сухарев) – действующие возрастные границы не требуют пересмотра [7]. Либерально-психологический подход (Е. И. Ким, В. С. Стукалова) – минимальный возраст уголовной ответственности следует повысить до 16 лет, а для 14–15-летних применять исключительно меры воспитательного характера [8]. Прагматический подход (Д. А. Фролов, Е. А. Чуракова) – необходимо снизить минимальный возраст уголовной ответственности за насильственные тяжкие преступления до 12 лет; ввести специальный «усеченный» режим уголовной ответственности для детей 12–14 лет с безальтернативным применением принудительных воспитательных мер; установить личную имущественную ответственность подростков с 14 лет при субсидиарной ответственности родителей [9]. На наш взгляд, ни один из этих подходов в чистом виде не работает.

Как подчеркивает А. И. Бастрыкин, именно отсутствие системного учета не позволяет выстроить индивидуальную профилактическую работу с детьми младше 14 лет [10]. Устранение этого пробела требует законодательных и организационных изменений. Необходима комплексная целевая программа, направленная на предупреждение детской преступности, включающая в себя повышение результативности работы профилактических структур, развитие службы школьной медиации, психологическое сопровождение, обеспечение безопасности условий в учебных заведениях. К каждому подростку из группы риска должен быть индивидуальный, неформальный подход. Кроме того, нужно повышать ответственность соответствующих должностных лиц. Сейчас прорабатывается инициатива СК РФ о законодательном снижении возрастного порога привлечения к уголовной ответственности за совершение

преступлений в сфере сбыта наркотических средств с 16 до 14 лет, но это необходимо делать в комплексе с иными мерами.

Профилактика должна начинаться на уровне семьи, повышения уровня ответственности родителей за совершение детьми младше 14 лет общественно опасных деяний. Штрафы в соответствии с законодательством Российской Федерации (неисполнение обязанностей по воспитанию) составляют от 100 до 500 рублей, что несопоставимо с тяжестью последствий, когда ребенок совершает деяние, которое в старшем возрасте квалифицировалось бы как тяжкое преступление. Во-первых, увеличение штрафов до 5–30 тысяч рублей и возможность направления родителей на принудительные психолого-педагогические курсы создали бы реальный стимул контролировать поведение детей. Во-вторых, необходимо уточнить категорию «мелкая бытовая сделка» применительно к цифровой среде. Сегодня родитель не может оспорить внутриигровую покупку или подписку, совершенную 8-летним ребенком, если сумма не выходит за рамки «мелкой». Можно установить, что сделка с использованием электронных средств платежа считается крупной и требует последующего одобрения родителя, если ее сумма превышает 3 тысячи рублей. Это мера защитит семейные бюджеты и при этом не ограничит разумную самостоятельность ребенка. В-третьих, необходимо создать единый федеральный реестр детей, совершивших общественно опасные деяния до достижения возраста уголовной ответственности.

Таким образом, правовой статус личности, должен быть гармоничным: объем прав корреспондирует объему обязанностей, дееспособность – деликтоспособности. Только при согласовании элементов дееспособности и ответственности правовой статус несовершеннолетнего перестанет быть внутренне противоречивым, а конституционный приоритет детства – юридической фикцией.

Пристатейный список литературы

1. *Ягунова, Е. Е.* О дееспособности несовершеннолетних в цифровой среде // Цивилист. – 2022. – № 1 (37). – С. 32–36.
2. Следственный комитет Российской Федерации. Председатель СК России провел оперативное совещание по вопросам криминализации подростковой среды // Следственный комитет РФ : сайт. – URL: https://sledcom.ru/press/events/item/2029076/.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. Уполномоченный по правам ребенка в Тульской области. Доклад о деятельности за 2025 год // Уполномоченный по правам ребенка в Тульской области : официальный сайт. – URL: https://pravarebenka.tularegion.ru/upload/iblock/764/sjacbl6ssa185149podnscamaxyhvg3p.pdf

5. *Бастрыкин, А. И.* Более 14 тыс. подростков совершили преступления в 2025 году // Российская газета : сайт. – URL: https://rg.ru/amp/2025/10/22/kriminalnyj-podrost.html.
6. *Бастрыкин, А. И.* Интервью газете «Ведомости» о подростковой преступности // Парламентская газета. – 30.05.2025. – URL: https://www.pnp.ru/social/bastrykin-prestupnost-sredi-podrostkov-vyrosla-pochti-na-30.html (дата обращения: 29.08.2026).
7. *Мухранова, Е. Н.* Социально-культурные аспекты возрастной идентификации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2008. – № 3. – С. 39–47.
8. *Ким, Е. И.* Правовое регулирование возраста уголовной ответственности в контексте новеллизации уголовного законодательства // Вестник Югорского государственного университета. – 2018. – № 2 (49). – С. 73–78.
9. *Наумов, А. В.* Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / ответственные редакторы А. В. Наумов, А. Г. Кибальник.– 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2026. – 448 с. – (Высшее образование). – Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/585136
10. *Бастрыкин, А. И.* Выступление на оперативном совещании по вопросам подростковой преступности // Вести.Ru : сайт. – URL: https://www.vesti.ru/article/4525293

УДК 342.9

Анастасия Артуровна Воложанина,
студентка 3-го курса магистратуры
Иркутского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия
anastasiavol35@gmail.com

Научный руководитель:
Николай Андреевич Маслов,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
конституционного права, теории права и общих дисциплин
Иркутского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия
maslovna@mail.ru

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В СИСТЕМЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ТЕРРОРИЗМА В РОССИИ И ФРАНЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье исследована проблема разграничения административно-правового противодействия экстремизму и предупреждения терроризма в России и Франции. Выявлены критерии террористической значимости экстремистских проявлений. Предложена трехуровневая модель профилактического реагирования и межведомственной оценки риска.

Ключевые слова: экстремизм; терроризм; административно-правовые меры; профилактика экстремизма и терроризма; радикализация.

Противодействие экстремизму и предупреждение терроризма являются взаимосвязанными, но самостоятельными направлениями публично-правовой деятельности. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – Федеральный закон

№ 114-ФЗ) закрепляет специальный режим противодействия экстремистской деятельности [1], Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» – правовые и организационные основы противодействия терроризму [2], а Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124, усиливает профилактическую направленность государственной политики [3]. Вместе с тем законодательство не определяет, в какой момент выявленные экстремистские проявления приобретают значение именно для предупреждения террористической деятельности.

Указанный вопрос имеет принципиальное значение. Слишком позднее реагирование снижает предупредительный потенциал административного права, тогда как признание любого экстремистского проявления признаком террористической угрозы необоснованно расширяет основания применения специальных антитеррористических мер. Проблема осложняется отсутствием единого понимания экстремизма. А. Г. Волеводз и В. А. Ализаде отмечают, что «в мире не существует общепринятых определений экстремизма» [4, с. 8]. В российской доктрине также существует подход, согласно которому терроризм рассматривается как крайняя либо наиболее опасная форма экстремизма. К примеру, такую позицию занимает С. Н. Фридинский и В. В. Качалов [5, с. 23–24; 6]. Однако доктринальная близость данных явлений не может служить основанием для смешения самостоятельных правовых режимов.

Цель исследования состоит в выработке критериев, позволяющих определить террористическую значимость экстремистских проявлений и установить момент перехода от общей антиэкстремистской профилактики к специальному предупреждению террористической угрозы. Французский опыт используется для сопоставления иной правовой техники – индивидуализированного установления террористического риска. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы.

Первым делом проанализируем российскую модель перехода от противодействия экстремизму к антитеррористической профилактике. Федеральный закон № 114-ФЗ предусматривает предостережение о недопустимости осуществления экстремистской деятельности, предупреждение объединений, организаций и средств массовой информации, приостановление деятельности, судебную ликвидацию или запрет и иные меры [1]. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» закрепляет общую и индивидуальную профилактику, включая профилактическую беседу, официальное предостережение и иные формы профилактического воздействия [7]. Следовательно, российское право располагает инструментами раннего реагирования. Проблема заключается в отсутствии унифицированного критерия, позволяющего определить, когда сведения, полученные в рамках антиэкстремистской деятельности, требуют специальной оценки в качестве террористической угрозы.

Для решения данной задачи важно разграничивать экстремистское проявление и процесс радикализации. В зарубежной специальной литературе радикализация используется как аналитическая категория, описывающая изменение установок и поведения в направлении допустимости насилия. Применительно к пенитенциарной практике М. А. Калужина показывает значение индивидуальной оценки риска с учетом идеологических установок, социальных связей, склонности к насилию и динамики поведения [8, с. 114–116]. Вместе с тем радикализация не является самостоятельным юридическим составом и не может сама по себе образовывать основание административного принуждения. Ее значение состоит в выявлении динамики, которая при наличии дополнительных признаков может свидетельствовать о формировании террористической направленности.

Российское законодательство подробно определяет формы экстремистской деятельности и основания отдельных мер, но не устанавливает систему признаков, характеризующих террористическую значимость конкретного экстремистского проявления. В результате одна и та же информация может иметь различное правовое значение: в одном случае она свидетельствует лишь о необходимости общей антиэкстремистской профилактики, в другом – о формировании более опасной модели поведения, требующей подключения субъектов антитеррористической деятельности. Представляется, что устранение данного пробела не требует создания нового вида государственного принуждения. Необходим межведомственный порядок оценки террористического риска, определяющий основания изменения профилактического режима.

Теперь проанализируем французский подход, заключающийся в индивидуализации террористической угрозы. Французское антитеррористическое регулирование построено иначе: оно не исходит из единой правовой категории, сопоставимой с российским понятием экстремистской деятельности, а связывает специальные меры с конкретными признаками террористической угрозы. Я. О. Крутиков, исследуя институциональную основу борьбы с терроризмом во Франции, отмечает развитие межведомственного взаимодействия и интеграции правоохранительных структур [9, с. 172–179]. Для сравнительного анализа важен не состав французских органов сам по себе, а порядок, при котором индивидуальная ограничительная мера требует самостоятельного установления террористического риска.

Закон Франции от 30 октября 2017 г. № 2017-1510 «Об усилении внутренней безопасности и борьбе с терроризмом» (*SILT*) закрепил в обычном законодательстве индивидуальные меры административного контроля и наблюдения – *MICAS* [10]. Согласно статье *L.*228-1 Кодекса внутренней безопасности они допускаются исключительно в целях предупреждения террористических актов и при наличии серьезных оснований полагать, что поведение лица представляет угрозу особой тяжести для безопасности и общественного порядка [11].

Общей оценки опасности недостаточно. Закон требует дополнительного обстоятельства: лицо либо поддерживает устойчивые отношения с лицами или организациями, побуждающими, облегчающими или участвующими

в террористической деятельности, либо поддерживает, распространяет с выражением приверженности или разделяет идеи, побуждающие к совершению террористических актов либо оправдывающие их [11]. Тем самым основание образуется совокупностью взаимосвязанных фактов – оценкой поведения как особо серьезной угрозы и конкретной связью этого поведения с террористической деятельностью или соответствующей идеологией. Закон от 27 июля 2026 г. № 2026-667 внес дополнительные изменения в процедуры, связанные с *MICAS*, сохранив указанную базовую конструкцию [12].

Именно кумулятивный характер французской оценки представляет научный интерес. Специальный режим не связывается с абстрактной «радикальностью» лица либо единичным спорным высказыванием. Юридическое значение приобретает сочетание фактических данных о поведении, устойчивых связях и направленности активности. Для российского права полезен не перечень французских ограничений, а сам подход, исключающий автоматический переход от более широкой категории опасного поведения к специальному антитеррористическому режиму.

Сравнительный анализ позволяет сформулировать следующий принцип: экстремистское проявление должно приобретать антитеррористическое значение не вследствие самой квалификации как экстремистского, а при наличии дополнительных обстоятельств, подтверждающих террористическую направленность поведения. Оценка должна быть совокупной и исключать вывод, построенный на одном формальном признаке.

Предлагается учитывать три группы индикаторов. Первая – содержательная: оправдание, поддержка либо распространение идей, прямо связанных с допустимостью террористического насилия, а также переход от общей экстремистской риторики к одобрению конкретных способов террористической деятельности. Вторая – организационно-коммуникативная: устойчивые и повторяющиеся связи с лицами или организациями, в отношении которых имеются подтвержденные сведения о причастности к террористической деятельности, при условии, что содержание таких связей относится к соответствующей активности. Третья – поведенческо-динамическая: повторяемость действий, повышение их организованности, переход от выражения взглядов к поиску способов, ресурсов или участников для реализации насильственных намерений.

Указанные индикаторы не должны превращаться в новые составы правонарушений. Их назначение – определить необходимость углубленной межведомственной оценки и выбора профилактического режима. Один признак – экстремистское высказывание, случайный контакт либо единичный эпизод – сам по себе не должен автоматически влечь применение специальных антитеррористических мер. Если же в ходе оценки выявляются признаки состава преступления, административная профилактика не может подменять уголовно-процессуальное реагирование.

Для практической реализации предлагается трехуровневая модель. Первый уровень – общая антиэкстремистская профилактика. Она проводится при условии, что установлены признаки экстремистской деятельности либо

факторы радикализации, но отсутствуют дополнительные данные о террористической направленности. Применяются меры законодательства о противодействии экстремизму и общей профилактике правонарушений.

Второй уровень – индивидуальная оценка террористического риска. Переход к нему осуществляется при выявлении совокупности содержательных, организационно-коммуникативных и поведенческо-динамических признаков. На этой стадии требуется углубленная межведомственная проверка сведений, их сопоставление и определение адресных профилактических действий в пределах существующих полномочий. Речь не идет о новом виде ответственности или самостоятельном основании ограничения прав.

Третий уровень – специальное антитеррористическое реагирование. Его основанием должны являться самостоятельные фактические данные, отвечающие требованиям законодательства о противодействии терроризму, а при установлении признаков преступления – уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Таким образом, переход между уровнями должен зависеть не от формального статуса лица и не от самого факта экстремистского проявления, а от изменения качества подтвержденной информации.

Организационно данная модель может быть реализована совместным межведомственным порядком оценки террористического риска при выявлении экстремистских проявлений. В нем целесообразно закрепить группы индикаторов, требования к источникам и проверке информации, необходимость мотивированного вывода, срок повторной оценки и порядок передачи материалов компетентному субъекту. При этом следует отказаться от механического суммирования формальных «баллов риска»: зарубежные исследования показывают, что индивидуальная оценка эффективна только при анализе конкретной динамики поведения и контекста [8, с. 115–116].

Подводя итог, отметим, что в России основная проблема использования административно-правовых мер противодействия экстремизму в системе предупреждения терроризма состоит не в недостаточности существующих полномочий, а в неопределенности юридического перехода между двумя самостоятельными профилактическими режимами. Доктринальная связь экстремизма и терроризма не устраняет необходимости самостоятельного установления террористической направленности конкретного поведения.

Французский опыт демонстрирует практическую ценность кумулятивной модели, при которой специальные меры связываются с особо серьезной угрозой и дополнительными признаками ее террористического характера. Для российского права предлагается трехуровневая модель, разграничивающая общую антиэкстремистскую профилактику, индивидуальную оценку террористического риска и специальное антитеррористическое реагирование. Переход между уровнями должен основываться на документированной совокупности содержательных, организационно-коммуникативных и поведенческо-динамических признаков. Такой подход способен повысить адресность ранней профилактики и исключить автоматическое отождествление экстремизма с терроризмом.

Пристатейный список литературы

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.
2. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.
3. Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 53. (ч. I). – Ст. 8669.
4. *Волеводз, А. Г.* Международно-правовые подходы к противодействию экстремизму: материально-правовые и процессуальные аспекты / А. Г. Волеводз, В. А. Ализаде // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2018. – № 6. – С. 7–11.
5. *Фридинский, С. Н.* Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование) : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / С. Н. Фридинский. – Москва, 2011. – 42 с.
6. *Качалов, В. В.* Терроризм как наиболее опасная форма экстремизма / В. В. Качалов // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2016. – № 4 (39). – С. 66–69.
7. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 26. – Ст. 3851.
8. *Калужина, М. А.* Организация оперативно-розыскного противодействия экстремизму в зарубежной пенитенциарной практике / М. А. Калужина // Научный портал МВД России. – 2022. – № 2 (58). – С. 112–119.
9. *Крутиков, Я. О.* Институциональная основа борьбы с терроризмом во Франции. Эффективность и методы ее повышения / Я. О. Крутиков // Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2017. – Т. 4, № 2. – С. 172–179.
10. Loi n 2017-1510 du 30 octobre 2017 «Renforçant la sécurité intérieure et la lutte contre le terrorisme» // Journal officiel de la République française. 2017. – № 0255. – Texte n°1.
11. Code de la sécurité intérieure (version en vigueur en septembre 2026).
12. Loi n 2026-667 du 27 juillet 2026 «Visant à renforcer la sécurité, la rétention administrative et la prévention des risques d'attentat» // Journal officiel de la République française. – 2026. – №°0174. – Texte n° 1.

УДК 343.6

Алина Шамилевна Гильманова,
Полина Валерьевна Гаранина,
студентки 4-го курса факультета высшего образования
Казанского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Казань, Россия
alina2328@mail.ru

Научный руководитель:
Юлия Юрьевна Малышева,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
уголовного права и процесса Казанского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Казань, Россия
solodkova.julia@mail.ru

СОСТОЯНИЕ АФФЕКТА КАК РЕДКОЕ СМЯГЧАЮЩЕЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ И УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена необходимостью всестороннего рассмотрения состояния аффекта как особого обстоятельства, способного повлиять на квалификацию преступления. Цель статьи заключается в изучении особенностей правовой оценки состояния аффекта в уголовном праве и уголовном процессе. В результате анализа мы пришли к выводу, что редкость признания состояния аффекта в качестве смягчающего обстоятельства обусловлена сложностью его достоверного установления и необходимостью разграничения с иными эмоциональными состояниями.

Ключевые слова: состояние аффекта в преступлении; эмоциональное состояние человека как признак преступления; эмоциональная реакция; квалификация преступления.

Состояние аффекта в уголовном праве и процессе является достаточно редкой и особенной категорией в использовании. Закон не делает на нее значительный упор, но без учета психического состояния человека, по нашему мнению, ни одна квалификация преступления не может быть достоверной.

Согласно научной литературе, аффект (от латинского *affectus* – «душевное волнение», «страсть») – это кратковременная, внезапная и интенсивная эмоциональная реакция, которая часто сопровождается бурным и неконтролируемым поведением [1]. Иными словами, аффект – не просто сильное эмоциональное переживание, а особое психическое состояние, которое проявляется внезапно, быстро и неожиданно. В данном состоянии человек не может рационально контролировать свои действия, кроме того его сознание находится в помутненном состоянии. Именно поэтому законодатель учитывает такое состояние при квалификации преступления, а также при назначении наказания.

Состояние аффекта сопровождается рядом характерных физиологических и психологических проявлений. В этот период у человека, как правило, учащаются сердцебиение и дыхание, возникает мышечная дрожь, повышается артериальное давление.

Внешние признаки аффективного состояния также могут быть достаточно выраженными. К ним относятся расширение зрачков, изменение цвета кожных покровов – человек может резко побледнеть или, напротив, покраснеть. Кроме того, у некоторых людей наблюдается повышенное потоотделение, в частности выраженная влажность ладоней.

Состояние аффекта оказывает существенное влияние на волю и эмоции человека, вследствие чего его поведение приобретает преимущественно импульсивный характер. Возникающая в неожиданных ситуациях реакция не всегда позволяет человеку предварительно оценить возможные последствия своего поведения. Таким образом, важно сказать, что совершение преступления в состоянии аффекта следует рассматривать с учетом отсутствия у лица умысла.

В широком понимании различают два основных вида аффекта: физиологический и патологический. При физиологическом аффекте последствия для человека более мягкие: сознание не помрачается, а человек сохраняет разум и самообладание. Физиологический аффект смягчает наказание, но не исключает ответственность [4]. Таким образом, физиологический аффект может возникнуть у любого человека в любой момент, поскольку подобное состояние является обыкновенной эмоциональной составляющей здорового человека на сильный раздражитель.

Патологический аффект представляет собой значительно более серьезное психическое явление, так как при нем происходит существенное нарушение функционирования сознания человека. В таком состоянии субъект утраивает способность контролировать свое поведение и адекватно оценивать происходящее вокруг, в связи с чем человек не может осознавать характер своих поступков, а также дальнейшие последствия от них. Данное состояние может

возникнуть в любой момент у практически здорового человека как острая реакция на тяжелую ситуацию, например, на оскорбление или неожиданную новость [5].

В уголовном процессе наличие аффективного состояния является важным для доказывания, поскольку именно от его достоверного установления может зависеть правильная квалификация содеянного и индивидуализация уголовной ответственности. Редкость применения соответствующих положений объясняется высокой сложностью разграничения истинного физиологического аффекта с обычным сильным волнением, раздражением или эмоциональным конфликтом. Следовательно, состояние аффекта не должно восприниматься исключительно как основание для необоснованного смягчения ответственности. Его значение заключается в том, что подобная реакция позволяет учитывать фактическое психическое состояние человека непосредственно в момент совершения противоправного деяния и давать ему соответствующую правовую оценку.

В Российском уголовном праве законодатель не включил аффект в общий перечень смягчающих обстоятельств. Однако упоминание данного состояния, как отдельного признака состава преступления, можно выделить в двух статьях Уголовного кодекса:

Статья 107 УК РФ – Убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего [6].

Статья 113 УК РФ – Умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего [7].

Для того, чтобы преступление правильно квалифицировалось по этим двум статьям необходимо определить важные признаки преступления:

1) Само наличие противоправного действия потерпевшего.

В данном случае статья 107 УК РФ предусматривает, что состояние аффекта должно быть сопряжено с насилием, терзанием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего. К числу таких действий могут относиться физическое или психическое насилие (побои, нанесение телесных повреждений, угроза убийством), уничтожение или повреждение имущества, распространение клеветнических или фейковых сведений [8], издевательства (глумление, психическое и физическое насилие, носящее циничный характер), тяжкое оскорбление, иные противоправные или аморальные действия [2].

2) Резкость появления аффекта.

Подобное психическое состояние должно проявиться в человеке вполне неожиданно, например, как реакция на шокирующую ситуацию.

3) Причинная связь с поведением потерпевшего.

Состояние аффекта должно быть тесно сопряжено с поведением потерпевшего. Такое состояние, как упоминалось выше, может быть спровоцировано применением насилия, издевательством или иными действиями. Кроме того, основанием для возникновения аффекта может стать психотравмирующая ситуация, которая сформировалась вследствие систематического противоправного или аморального поведения потерпевшего.

При расследовании и рассмотрении уголовных дел, в которых возникает вопрос о наличии состояния аффекта, существенное значение имеет проведение судебно-психологической или комплексной психолого-психиатрической экспертизы.

Эксперты исследуют особенности психического состояния лица, эмоциональную реакцию субъекта в определенный промежуток времени, наличие и глубину эмоционального напряжения, взаимосвязь эмоционального состояния с конкретными действиями потерпевшего или длительной психотравмирующей ситуацией и делают выводы о психическом состоянии лица в определенный момент. Однако, важно отметить, что специалист не может самостоятельно устанавливать факты совершения действий или юридическую оценку вины – это выходит за пределы его компетенции. Таким образом, экспертное заключение помогает суду индивидуализировать ответственность.

Анализируя судебную практику, важно отметить, что суды квалифицируя преступления, связанными с состоянием аффекта человека, уделяют особое внимание деталям преступления. Таким образом, например, согласно Приговору от 20 января 2020 г. по делу № 1-67/2020, женщина совершила убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием со стороны потерпевшего и длительной психотравмирующей ситуацией [9]. В рассматриваемом случае между женщиной и ее супругом возник конфликт, который перерос в драку. Причиной сложившейся ситуации стали длительные личные неприязненные отношения, которые сформировались под воздействием психотравмирующих обстоятельств. Последние были обусловлены систематическим противоправным и аморальным поведением мужчины, которое выражалось в неоднократном применении насилия, унижении достоинства женщины, ненадлежащем исполнении обязанностей по заботе о совместном ребенке, а также со знакомством с другими женщинами [3]. Совокупность указанных обстоятельств привела к возникновению у осужденной состояния внезапного сильного душевного волнения – аффекта.

Таким образом, состояние аффекта в уголовном праве представляет собой особое психоэмоциональное состояние, которое способно существенно повлиять на оценку степени общественной опасности совершенного деяния и личности виновного. Его значение как смягчающего обстоятельства

обусловлено тем, что преступное поведение в данном случае формируется под воздействием внезапного и интенсивного эмоционального переживания, существенно ограничивающего способность лица контролировать свои действия и адекватно оценивать ситуацию. Вместе с тем признание состояния аффекта не может основываться исключительно на субъективных утверждениях обвиняемого и требует установления совокупности объективных и психологических признаков.

Пристатейный список литературы

1. Аффект: электронный ресурс. URL: https://rus-big-psyho.slovaronline.com/251-Аффект?clckid=4dce9bcb
2. Правовые последствия совершения преступления в состоянии сильного душевного волнения, вызванного противоправными действиями потерпевшего: критерии аффекта и отличие от умышленного деяния. – URL: https://pravo163.ru/
3. Приговор по делу № 1-67/2020 (№ 1-801/2019) от 20.01.2020: электронный ресурс. Судебный акт. URL: https://sact.ru/regular/doc/1Hk9jAGE2xgP/?ysclid=mt9z2khp37199097017
4. Разъяснение: электронный ресурс. Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_56/activity/legal-education/explain/e554832/?ysclid=mt9y2js84730732819
5. Состояние аффекта: электронный ресурс. URL: https://els24.com/article/2458-sostoyanie-affekta/?ys=mt9ya8jc9u662414115
6. Уголовный кодекс Российской Федерации: кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (ст. 107).
7. Уголовный кодекс Российской Федерации: кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (ст. 113).
8. *Малышева, Ю. Ю.* Преступления против медицинских работников, или «Катаятрические преступления» – новый уголовно-правовой феномен / Ю. Ю. Малышева // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2026. – № 3(120). – С. 113-121. – DOI 10.51965/2076-7919_2026_3_113. – EDN AQXXGM.
9. *Малышева, Ю. Ю.* Мошеннические проявления фейков и дипфейков: проблемы противодействия / Ю. Ю. Малышева // Российско-азиатский правовой журнал. – 2025. – № 1. – С. 105–109. – DOI 10.14258/ralj(2025)1.16. – EDN DUZCHT.

УДК 343.3

Дарья Дмитриевна Елкина,
Кристина Николаевна Жованова,
студентки 4-го курса юридического факультета
Российского государственного университета правосудия
имени В. М. Лебедева, г. Краснодар, Россия
yolkina.darina@yandex.ru

Научный руководитель:
Татьяна Александровна Капица,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права
Российского государственного университета правосудия
имени В. М. Лебедева, г. Краснодар, Россия
Kapitsa_t@inbox.ru

ЦИФРОВАЯ СРЕДА КАК ИНСТРУМЕНТ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО И ДИВЕРСИОННОГО ХАРАКТЕРА: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Аннотация. В данной статье проведен анализ уголовно-правовой оценки и механизмов предупреждения вовлечения несовершеннолетних в террористическую и диверсионную деятельность посредством цифровой среды. Рассмотрены и проанализированы современные способы вербовки; психологические составляющие виктимности и изменения в законодательстве РФ, направленные на ужесточение ответственности за данные деяния, а также предложены алгоритмы межведомственного взаимодействия для раннего выявления угроз.

Ключевые слова: несовершеннолетние; цифровая среда; уголовная ответственность; терроризм; диверсия; профилактика.

Трансформация общественных отношений под влиянием цифровизации затронула большую часть сфер жизни, включая криминальную: преступные сообщества активно адаптируют информационные технологии для вербовки наиболее уязвимой категории граждан (несовершеннолетних). Цифровая среда стирает географические границы и обеспечивает анонимность; благодаря чему создаются благоприятные условия для распространения контента деструктивного содержания и целенаправленного психологического воздействия на подростков. Особые опасения вызывает рост случаев вовлечения детей и подростков в преступления террористического и диверсионного характера (что требует адекватной реакции законодателя и правоприменительной практики) [7; 8].

Уголовно-правовая оценка вовлечения несовершеннолетних в диверсионную и террористическую деятельность основывается на совокупности норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации [10]. Ключевое значение имеет статья 150 УК РФ, которая предусматривает ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления; при этом квалифицирующим признаком выступает совершение деяния с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет [10].

Правовой основой для квалификации действий вербовщиков также выступают Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (определяющий понятие экстремизма); а также Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (который устанавливает принципы и организационные основы профилактики) [8; 9]. Судебное толкование указанных норм дано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» [7].

Важным шагом стало принятие Федерального закона от 28.12.2024 № 514-ФЗ; это создало возможность дополнения статей 150 и 151 УК РФ квалифицирующим признаком о совершении преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей; что создает правовую основу для более точной квалификации действий вербовщиков в цифровой среде [3].

В законодательстве последовательно ужесточаются санкции за данные преступления; федеральным законом от 17 ноября 2025 года № 420-ФЗ внесены существенные изменения в уголовное законодательство, которые направленны на усиление ответственности за преступления террористической и диверсионной направленности [5]. Например, снижен возраст привлечения к уголовной ответственности за содействие террористической деятельности и диверсию до четырнадцати лет (что отражает осознание государством степени общественной опасности таких деяний, совершаемых в раннем возрасте). Помимо этого, в значительной степени ужесточено наказание за склонение несовершеннолетних к террористической или диверсионной деятельности вплоть до пожизненного лишения свободы [2].

Изменения, внесенные Федеральным законом от 17.11.2025 № 420-ФЗ, носят комплексный характер и направлены на обеспечение неотвратимости и соразмерности наказания [6]; помимо снижения возраста уголовной ответственности, законодатель:

1) отменил сроки давности по всем преступлениям диверсионной направленности (ст. 281–281.3 УК РФ) [6];

2) установил запрет на назначение условного осуждения за участие в диверсионном сообществе;

3) ограничил право на условно-досрочное освобождение для осужденных за преступления диверсионной направленности, увеличив необходимый срок отбытия наказания с 2/3 до 3/4;

4) запретил назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено санкцией соответствующей статьи УК РФ [9].

Данные меры свидетельствуют о переходе к значительно более жесткой уголовной политике в отношении преступлений террористической и диверсионной направленности, что, несомненно, важно в контексте защиты несовершеннолетних.

Детальный анализ диспозиции статьи 150 УК РФ выявляет некоторые пробелы в части квалификации действий, совершаемых исключительно в виртуальном пространстве без физического контакта; судебная практика нередко сталкивается с трудностями при доказывании факта вовлечения, если оно ограничивается отправкой сообщений; ссылок или аудиофайлов. В подобных ситуациях действия злоумышленников часто переквалифицируются на статью 205.2 УК РФ (публичные призывы к осуществлению террористической деятельности), что снижает тяжесть предъявленного обвинения и не отражает адресного; персонализированного характера воздействия на конкретную несовершеннолетнюю личность [10].

Анализ объективной стороны вовлечения показывает, что способы воздействия в цифровой среде отличаются высокой степенью изощренности; часто в ход идут не только прямые угрозы или обещания материального вознаграждения, но и сложные манипулятивные техники. Эксперты отмечают, что цифровые следы, которые оставляют подростки в сети, постепенно становятся важным элементом криминалистической характеристики данных преступлений, а также позволяют выявлять каналы вербовки на ранних стадиях [9].

Несмотря на доказывание факта в вовлечения, использование анонимайзеров, шифрованных мессенджеров и других способов позволяют преступникам скрываться.

Одним из наиболее эффективных инструментов в подобной ситуации является *OSINT*, помогающий в сборе и обработке данных из открытых источников. По данным экспертов интеграция *OSINT* и алгоритмов машинного обучения дает возможность своевременно выявлять отклонения в поведении пользователей, а также своевременно раскрывать экстремистские сообщества.

Особого внимания заслуживают возрастные особенности подростков, благодаря которым их легко заманить в преступную деятельность: желание найти поддержку и понимания, сепарация и отделение от родителей, поиск внутренней идентичности и желание принадлежать группе, в которой поддержат и поймут. Данные естественные возрастные особенности в цифровой среде трансформируются в факторы виктимности; интегративная модель виктимологии терроризма (научная междисциплинарная концепция, которая объединяет психологические, социальные и информационные факторы) подчеркивает, что эффективная профилактика невозможна без учета междисциплинарного подхода, который объединяет юридические, психологические и социологические знания [11]. Подросток, находящийся в остром дефиците внимания или столкнувшийся с травлей в реальной жизни, становится легкой мишенью для вербовщиков, которые предлагают иллюзию значимости; силы; принадлежности к избранным.

Вербовщики целенаправленно эксплуатируют когнитивные искажения подростков (такие как черно-белое мышление и максимализм), они формируют у жертвы ощущение несправедливости мира и предлагают радикальные пути его исправления; при этом информационное воздействие носит системный характер: от первоначального заманивания жертвы через развлекательный или псевдопатриотический контент до постепенной изоляции подростка от семьи и перевода общения в закрытые каналы связи (подобная динамика хорошо описана в методических материалах по профилактике социальных рисков детства в цифровой среде, где выделяются конкретные признаки девиантного онлайн-поведения, требующие немедленного вмешательства специалистов) [10].

Для систематизации угроз и методов противодействия целесообразно рассмотреть классификацию способов цифрового вовлечения, представленную в таблице 1.

Таблица 1 – Классификация методов цифрового вовлечения несовершеннолетних в деструктивную деятельность

Метод воздействия	**Описание механизма**	**Целевая психологическая потребность**
Геймификация насилия	Подача террористической или диверсионной деятельности в формате квеста, игры или челленджа с системой виртуальных вознаграждений	Потребность в азарте, признании и быстром социальном лифте
Псевдоидеологическая вербовка	Распространение искаженных идеологических доктрин, маскирующих преступные цели под борьбу за справедливость или защиту сообщества	Потребность в смысле, принадлежности к группе, моральном превосходстве

Метод воздействия	**Описание механизма**	**Целевая психологическая потребность**
Шантаж и компрометация	Сбор компрометирующих материалов о подростке с последующим требованием выполнить определенные действия под угрозой их публикации	Потребность в безопасности и избегание социального осуждения
Эмоциональная манипуляция	Создание иллюзии доверительных отношений («онлайн-дружба») с последующим использованием эмоциональной привязанности для склонения к преступлению	Потребность в понимании, эмоциональной поддержке и близости

Приведенная классификация иллюстрирует, что борьба с вовлечением несовершеннолетних в терроризм и диверсии не может сводиться исключительно к карательным мерам; уголовное преследование вербовщиков, безусловно, необходимо, но оно осуществляется постфактум и не устраняет корневые причины уязвимости подростков, профилактика должна быть ранней, системной и многоуровневой.

На первичном уровне профилактики ключевую роль играют образовательные организации и семьи, педагоги и школьные психологи должны обладать компетенциями для распознавания ранних признаков девиантного онлайн-поведения: внедрение в учебные программы модулей по цифровой гигиене и критическому мышлению позволяет сформировать у подростков иммунитет к манипулятивному контенту.

На вторичном уровне, при выявлении групп риска, необходимо выстраивание эффективного межведомственного взаимодействия: органы системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел; специализированные психологические службы должны обмениваться информацией о случаях подозрительной активности подростков в сети.

Последующая профилактика должна быть связана с повторной социализацией подростков, вовлеченных раннее в деструктивные сообщества, квалифицированная помощь психологов эффективна на данном этапе.

Несмотря на всевозможные усилия следственной практики повлиять на существующие проблемы, на сегодняшний день остается ряд пробелов, требующих решения, что подробно представлено в таблице 2 [12].

Таблица 2 – Классификация способов вовлечениях несовершеннолетних в деструктивную деятельность и возможные варианты решения

Проблемный аспект	**Причина**	**Предложение**
Сложность фиксации цифровых следов в шифрованных мессенджерах	Вербовщики используют *Telegram, Signal, Discord*, анонимайзеры; открытые социальные сети покидают после первичного контакта	Применение методов *OSINT* и *SOCMINT*; использование специальных технических средств для перехвата и анализа трафика; взаимодействие с операторами связи и платформами
Недостаточная доказательная база при квалификации по ст. 150 УК РФ	Действия вербовщика часто переквалифицируют на ст. 205.2 УК РФ (публичные призывы), что снижает тяжесть обвинения	Разработка методических рекомендаций для следователей по разграничению адресного вовлечения и публичных призывов; фиксация персонализированного характера воздействия
Отсутствие единых стандартов психолого-лингвистической экспертизы переписок	Эксперты по-разному оценивают манипулятивные техники; нет утвержденных критериев «вовлечения»	Утверждение единой методики комплексной психолого-лингвистической экспертизы; привлечение специалистов в области психологии подростков и интернет-коммуникаций
Позднее выявление фактов вовлечения	Вербовка длительное время остается незамеченной; подросток не сообщает взрослым	Раннее взаимодействие с образовательными организациями, школьными психологами; внедрение алгоритмов мониторинга открытых источников с использованием ИИ
Проблемы доказывания умысла вербовщика	Использование «игровых» форматов, замаскированных под квесты или челленджи	Фиксация всей цепочки коммуникации: от первого контакта до момента склонения; анализ цифровых следов (логи, метаданные, история сообщений)

Для того чтобы реализовать предложенные меры потребуется не только интеграция технических и гуманитарных подходов, но и грамотное использование технологий искусственного интеллекта (ИИ помогает выявлять паттерны вербовочной активности на ранних этапах).

Таким образом, цифровое пространство сегодня является ключевым фактором роста преступности в отношении несовершеннолетних; введенные ранее законодательные изменения формируют надежный правовой щит; однако эффективность борьбы с этими угрозами напрямую зависит от комплексной профилактики. Решающее значение имеют повышение уровня киберграмотности молодежи, а также способность общества оперативно выявлять и пресекать противоправные действия на начальном этапе.

Пристатейный список литературы

1. *Алиева, С. Ю.* Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений террористической направленности и проблемы противодействия (региональное исследование) : дис. … канд. юрид. наук. – Махачкала, 2014. – 222 с.
2. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы : утвержден Президентом РФ 30.12.2023. – Москва : [б. и.], 2023.
3. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации : утверждена Президентом РФ 05.10.2009 // Российская газета. – 2009. – 20 окт.
4. Навигатор профилактики социальных рисков детства в цифровой среде : методические материалы и памятки для специалистов системы образования. – Версия 1.0. – [Б. м. : б. и.], 2025. – 48 с.
5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 28.12.2024 № 514-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 26.09.2026).
6. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 17.11.2025 № 420-ФЗ // Российская газета. – 2025. – 17 нояб.
7. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 4.
8. О противодействии терроризму : Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.
9. О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
11. *Черявко, Е. Д., Майборода, Э. Т.* Интегративная модель виктимологии терроризма: междисциплинарный подход // Психология и право. – 2026. – Т. 16, № 1. – С. 223–239.
12. *Шавловский, А. Б.* Цифровые следы в расследовании преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в преступную деятельность // Социальное управление. – 2025. – Т. 5, № 7.

УДК 343.326

Зоя Дмитриевна Жирнова,
студентка 4-го курса юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
zhirnova.zoyaa@gmail.com

Научный руководитель:
Алексей Александрович Куличков,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного права и криминологии
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
kulichkov_alexey@mail.ru

ПСИХИЧЕСКОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ, ПРИ СОВЕРШЕНИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена вредоносностью терроризма для национальной безопасности Российской Федерации, увеличением числа мошенников и лиц, совершающих преступления под их влиянием. Целью работы является совершенствование механизма уголовно-правового регулирования института психического принуждения при длительном давлении на жертву. Проанализированы понятие, виды принуждения, правомерность причинения вреда с учетом иерархии ценностей, охраняемых уголовным законом. Сделан вывод о необходимости расширения понятия психического принуждения.

Ключевые слова: терроризм; психическое принуждение; телефонное мошенничество; террористический акт; национальная безопасность.

Терроризм является одной из наиболее существенных угроз всему человечеству и в особенности национальной безопасности Российской Федерации.

С ростом политической напряженности в стране и в мире борьба с ним становится важнейшей задачей государства. Распространение террористической деятельности непосредственно связано с развитием цифровых технологий, увеличением количества мошеннических колл-центров, «сотрудники» которых вводят граждан в заблуждение путем обмана и запугивания и заставляют их совершать поджоги, взрывы различных объектов якобы для того, чтобы «помочь Родине» [1].

Рост числа преступлений террористического характера четко прослеживается в сводках о состоянии преступности, выпускаемых МВД России. Так, всего преступлений террористического характера зарегистрировано: в 2020 г. – 2342, в 2021 г. – 2136, в 2022 г. – 2233, в 2023 г. – 2382, в 2024 г. – 3714, в 2025 г. – 5920, в 2026 г. (за период январь-август) – 4756 [2].

Значительную часть составляют преступления, совершенные под влиянием мошенников, активность которых особенно обострилась в последние годы. Большинство ситуаций происходит по одной и той же схеме – мошенники притворяются работниками различных органов и спецслужб, убеждают доверчивых людей взять кредиты и перевести их на «безопасный счет», «задекларировать» денежные средства, находящиеся дома, а затем дают различные задания для «помощи органам» – поджечь «сервера мошенников» под видом релейного шкафа [3], бросить зажигательную смесь в военкомат [4] и т.д. Люди, ставшие жертвами таких мошенников, говорят о том, что находятся под их постоянным давлением – они требуют постоянно находиться на связи и отчитываться каждые полчаса, звонят днем и ночью, запугивают привлечением к уголовной ответственности как самого человека, так и его близких [3]. В таких действиях прослеживаются определенные элементы психического принуждения.

Понятия принуждения в целом и психического принуждения в частности законодательно не закреплены. В доктрине уголовного права принуждением считается «противоправное против воли человека воздействие на него с целью заставить совершить определенные действия или воздержаться от их совершения» [5, с. 188]. Оно регулируется ст. 40 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и входит в перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния (гл. 8). Выделяются физическое и психическое принуждение. В структуру обоих видов принуждения входят обязательные элементы – психическое насилие и преступное требование, а факультативной частью является физическое насилие, которое может применяться не во всех случаях [5, с. 189]. Из этого следует, что при любом варианте принуждения присутствует психическая составляющая.

Преступное требование всегда должно выражаться в активной форме, то есть должно быть подкреплено определенными действиями. В случае с мошенниками, вынуждающими граждан передавать денежные средства и совершать различные действия террористического характера, – это постоянное давление на психику, обман и введение в заблуждение и т.д., то есть совершение действий, которые заставляют лицо подчиниться злоумышленникам [5, с. 190]. Способом совершения психического принуждения является психи-

ческое насилие, под которым в теории понимается «информационное воздействие на психику человека с целью изменить ее в нужном для воздействующего направлении, что может быть достигнуто путем угроз, применения различных психотропных веществ, гипноза и т.д.» [6, с. 139].

Итак, психическим принуждением признается «воздействие на волю лица словом, символами, жестами, демонстрацией оружия или его макетов, иными словами угрозой, с целью склонить лицо к причинению вреда охраняемым уголовным законом интересам» [6, с. 138].

Принуждение может быть как преодолимым (при котором принуждаемое лицо сохраняет способность руководить своими действиями или бездействием и может выбирать вариант поведения), так и непреодолимым (в результате которого лицо не может руководить своими действиями или бездействием). Исходя из толкования ст. 40 УК РФ, непреодолимым считается только физическое принуждение, в результате которого лицо не могло руководить своими действиями (бездействием) [7, с. 151]. «Для того чтобы принуждаемый смог совершить требуемое принудителем преступление, его воля должна быть подавлена не полностью» [7, с. 152].

Часть 2 ст. 40 УК РФ определяет условия правомерности причинения вреда в результате психического принуждения. Поскольку считается, что психическое принуждение всегда является преодолимым (лицо может отказаться от выполнения действий принудителя), то далеко не в любом случае преступность деяния может быть исключена. Специфика оценки правомерности причинения вреда в состоянии психического принуждения заключается в том, что ч. 2 ст. 40 УК РФ отсылает к положениям ст. 39 УК РФ, регулирующим крайнюю необходимость.

Согласно положениям ст. 39 УК РФ, пределы крайней необходимости не считаются превышенными, если причиненный в этом состоянии вред меньше предотвращенного вреда. Поэтому в целях исключения преступности деяния причиненный вред не может быть даже равен вреду предотвращенному.

Если перенести указанное правило об оценке причиненного / предотвращенного вреда на действия или бездействие в состоянии психического принуждения, то становится очевидным, что уголовный закон ограничивает правомерность причинения вреда теми же рамками, что и в случае «классической» крайней необходимости. Иными словами, по замыслу законодателя, для исключения преступности деяния вред, причиненный в состоянии психического принуждения, должен быть меньше того, который причиняет принуждаемое лицо. Поэтому в современной российской правоприменительной практике считается, что, например, ущерб в виде поджога релейного шкафа не соотносится с угрозой утраты лицом своих денежных средств из-за действий мошенников. Правоохранители в принципе отказываются в таких ситуациях применять положения ч. 2 ст. 40 УК РФ, поскольку считают действия принуждаемого поджигателя превышением пределов психического принуждения. В настоящее время наметилась тенденция признания приоритета уголовно-правовой защиты общественной и государственной безопасности.

Важно отметить, что критерии оценивания соразмерности причиненного ущерба и защищаемых человеком интересов вообще законодательно не установлены.

На наш взгляд, в рамках решения вопроса о наличии психического принуждения в действиях жертв, совершающих деяния под влиянием мошенников, необходимо учитывать иерархию ценностей, созданную при разработке УК РФ. Именно с учетом данной иерархии ценностей выделены и расположены в определенном порядке разделы Особенной части УК РФ. Согласно этому порядку Особенную часть УК РФ открывает раздел VII «Преступления против личности» (поэтому и ценности, охраняемые им, считаются важнейшими). За ним следует раздел о преступлениях в сфере экономики (раздел VIII), после – о преступлениях против общественной безопасности и общественного порядка (раздел IX) и т.д.

Таким образом, можно сделать вывод, что права и свободы личности и даже собственность при определенных условиях оказывается выше, чем общественная безопасность и общественный порядок.

Несмотря на события, происходящие на постсоветском пространстве, и вполне понятное стремление усилить уголовно-правовую охрану интересов общественной и государственной безопасности, описанная выше иерархия ценностей продолжает действовать. Именно она, по нашему убеждению, должна являться ориентиром при определении соразмерности ущерба, причиненного в состоянии психического принуждения.

Кроме того, необходимо помнить о таких принципах уголовного права, как гуманизм и справедливость. Проявлением указанных принципов в анализируемой ситуации является обязанность учитывать влияние размера и вида наказания на исправление осужденного [8]. С учетом того обстоятельства, что наказание должно быть соразмерным содеянному, видится не вполне правильным назначение одного и того же наказания, с одной стороны, лицу, целенаправленно совершившему террористический акт и разделяющему террористическую идеологию, и, с другой стороны, человеку, находившемуся в момент совершения того же теракта под длительным влиянием мошенников (по сути, в состоянии психического принуждения), которые нередко прибегают к угрозам и запугиванию.

Уместно полагать, что при длительном воздействии мошенников на психику человека лицо, которое причиняет вред террористическими, на первый взгляд, действиями, но стремится защитить свои личные ценности, права и свободы, действует в состоянии психического принуждения. При этом законодательные пределы крайней необходимости не превышены.

Однако поскольку такая позиция не распространена среди следователей и судов, жертвы мошенников в подавляющем большинстве случаев не подпадают под круг действия норм о психическом принуждении и крайней необходимости, и, соответственно, нормы гл. 8 УК РФ их не защищает должным образом. Это связано с тем, что психическое принуждение считается «всегда преодолимым».

Для усиления защиты таких уязвимых, внушаемых лиц целесообразно расширить понятие психического принуждения. На примере приведенных ситуаций можно заметить, что оно давно вышло за рамки описываемых в литературе угроз и гипноза. Эта инициатива исходит от адвокатского сообщества и видится резонной.

В заключение стоит отметить, что расширение понятия психического принуждения за счет описанных случаев позволит более точно определить круг ситуаций, в которых исключается ответственность лица за совершение преступления в момент, когда оно находится под серьезным длительным влиянием, вводится в заблуждение. Тем самым будет усилен механизм уголовно-правовой охраны интересов личности.

Пристатейный список литературы

1. Адвокаты и Клишас поспорили о сроке для обманутых мошенниками террористов // РБК : сайт. – URL: https://www.rbc.ru/politics/04/07/2025/685409459a7947662bba4b08 (дата обращения: 25.09.2026).
2. Состояние преступности // Министерство внутренних дел Российской Федерации : сайт. – URL: https://мвд.рф/folder/101762 (дата обращения: 25.09.2026).
3. «Думал, помогаю Родине»: рассказ подростка, завербованного для теракта // МК.RU : сайт. – URL: https://www.mk.ru/social/2026/09/22/dumal-pomogayu-rodine-rasskaz-podrostka-zaverbovannogo-dlya-terakta.html?ysclid=muiakpveon507886152 (дата обращения: 26.09.2026).
4. В Петербурге пенсионерке дали 10 лет за поджог машины у военкомата // РБК : сайт. – URL: https://www.rbc.ru/politics/29/01/2025/67997bcf9a7947a1f934d360 (дата обращения: 26.09.2026).
5. *Васильев, Ю. В.* Обстоятельства, исключающие преступность деяния : монография / Ю. В. Васильев, Е. В. Сердюкова, А. А. Чуниха, Е. О. Волкова. – Ставрополь : Издательско-информационный центр «Фабула», 2021. – 356 с.
6. *Мизина, О. В.* Психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния / О. В. Мизина // Научный альманах. – 2020. – № 6-1 (68). – С. 138–141.
7. *Теслицкий, И. В.* Преодолимость психического принуждения и уголовная ответственность / И. В. Теслицкий, Е. Г. Луценко // Общество и право. – 2010. – № 1(28). – С. 151–154.
8. Принцип гуманизма в уголовном праве // Прокуратура Челябинской области : сайт. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_74/activity/legal-education/explain/e1942296/?ysclid=mukfne983s431474070 (дата обращения: 27.09.2026).

УДК 343

Евгения Игоревна Заседателева,
старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Сибирского института управления – филиала РАНХиГС, г. Новосибирск, Россия
e.zasedatel@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОР И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА 1870–1880-Х ГГ.

Аннотация. Рассматривается правоприменительная практика по делам о государственных преступлениях в Российской империи 1870–1880-х гг. Выявлены расхождения между формальными составами Уложения о наказаниях 1845 г. и их фактической интерпретацией в следственно-судебной деятельности. На материале дел о политическом терроре показано, как специальные процедуры и дискреционные механизмы превращали закон в рамочный инструмент репрессии.

Ключевые слова: политический террор; государственные преступления; Уложение о наказаниях 1845 г.; правоприменительная практика; Особое присутствие Сената; судебная реформа 1864 г.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., вступившее в силу 1 мая 1846 г., стало первым в истории Российской империи сводом уголовного законодательства, объединившим 2224 статьи в 12 разделах. Защиту государственного строя обеспечивал раздел III «О преступлениях государственных» – именно его нормы служили главным средством уголовной репрессии по политическим делам. Между тем изучение практики 1870–1880-х гг. показывает, что между тем, как составы были сформулированы в законе, и тем, как они применялись в следственно-судебной деятельности, существовал заметный разрыв – отражение особенностей политического контроля в пореформенные десятилетия.

В разделе III Уложения государственные преступления группировались по объекту посягательства и тяжести. Глава I (ст. 241–250) устанавливала ответственность за посягательства на «священную особу Государя Императора и членов императорского дома» – не только за насильственные действия, но и за словесные оскорбления, повреждение изображений. Глава II (ст. 263–282) касалась бунта, государственной измены и антиправительственной пропаганды. Наибольшее значение имели ст. 241 (посягательство на жизнь государя, включая «одно лишь злоумышление»), ст. 271 (бунт, заговор, намерение изменить образ правления) и ст. 273 (письменная и устная антиправительственная пропаганда) [9, с. 124–127]. Наказания по этим составам были самыми суровыми в системе Уложения: смертная казнь, бессрочная или срочная каторга, лишение всех прав состояния. Ответственность распространялась и на «прикосновенных лиц» – попустителей, укрывателей, недоносителей. Кроме того, по наиболее тяжким государственным преступлениям не применялся срок давности (ст. 166), что говорит об исключительном характере этих составов [7, с. 58–60].

Дело о цареубийстве 1 марта 1881 г. – показательный пример того, как квалификация и судебное преследование по нормам Уложения осуществлялись на практике. А. И. Желябов, С. Л. Перовская, Н. И. Кибальчич, Т. М. Михайлов, Н. И. Рысаков и Г. М. Гельфман были обвинены в принадлежности к тайному обществу, имевшему целью «ниспровержение посредством насильственного переворота существующего в Империи государственного и общественного строя», и в соучастии в посягательстве на жизнь императора Александра II [2, с. 105]. Обвинение опиралось на ст. 241, 242, 243 и 249 Уложения в редакции 1866 г., по которым высшей мерой было лишение всех прав состояния и смертная казнь [3].

Суд проходил в Особом присутствии Правительствующего сената с 26 по 30 марта 1881 г. Это был специализированный орган для дел о государственных преступлениях, учрежденный на основании Учреждения судебных установлений 1864 г. Слушания шли за закрытыми дверями, присяжных не допускали, а состав суда был усиленным – в него вошли сенаторы и представители администрации [4, с. 212]. Виновными признали всех шестерых. Приговор – смертная казнь через повешение. Г. Гельфман казнь отсрочили из-за беременности, потом Александр III заменил ее на бессрочную каторгу. 3 апреля 1881 г. на Семеновском плацу повесили Желябова, Перовскую, Кибальчича, Михайлова и Рысакова [2, с. 206].

Самое существенное в этой квалификации – то, как ст. 241 Уложения подходила к соучастникам. Она карала «одинаково всех участников злоумышления и преступного действия против жизни Государя Императора, и даже только умысливших оные», не допуская между ними «никакого различия» [3]. Желябов был арестован за два дня до цареубийства, Перовская руководила наблюдением, Кибальчич делал взрывные устройства, Михайлов обеспечивал транспорт – и всех их приравняли к Гриневицкому, который бросил бомбу и погиб на месте. Защита с этим не соглашалась. Желябов ссылался на то, что

к моменту покушения уже сидел под арестом и физически не мог в нем участвовать. Рысаков – он один из подсудимых был на месте взрыва – рассчитывал смягчить участь, предлагая показания. Но суд отверг оба довода, сославшись на букву ст. 241: норма не различала ни роли участников, ни форму соучастия [4, с. 218–220]. Фактически статью применили как шаблон – без какой-либо попытки индивидуализировать ответственность через судебное усмотрение. Умысел, приготовление, пособничество, исполнение – закон не разделял их, и все получали одну санкцию: смертную казнь.

1870–1880-е гг. – время, когда кодифицированный уголовный закон действовал одновременно с глубокой перестройкой процессуальных форм. Судебная реформа 1864 г. ввела институт судебных следователей, гласное и состязательное судопроизводство, суд присяжных. Но на практике новые институты оборачивались для власти трудностями в политических делах. Показателен процесс В. И. Засулич (март 1878 г.), обвинявшейся в покушении на петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова: суд присяжных вынес оправдательный вердикт, несмотря на очевидность деяния [5, с. 247–253]. Оправдание Засулич показало, что присяжные могли стать независимым фактором, способным заблокировать политическое преследование. Этот прецедент стал одним из аргументов за изъятие государственных преступлений из юрисдикции суда присяжных и передачу их в компетенцию Особого присутствия Сената и Верховного уголовного суда [6, с. 84–87].

Уже закон от 19 мая 1871 г. передал следствие по государственным преступлениям жандармам – политический сыск фактически вернулся в полицейское ведомство [8, с. 116]. Редакция Уложения 1866 г. подправила санкции и кое-какие составы, но раздел III в основном остался прежним. С 1880 по 1894 г. состоялось свыше 80 процессов над народовольцами. Обвинительные заключения в этих делах нередко опирались не на улики, а на показания провокаторов и жандармские рапорты [4, с. 308]. К тому же в 80-е гг. политические дела все чаще слушались за закрытыми дверями: подсудимый лишался слова, а сам процесс по характеру все больше напоминал следственный розыск, а не состязательный суд [8, с. 128].

Если сопоставить нормы Уложения с тем, как они применялись в 1870–1880-е гг., вырисовываются три расхождения, где практика заметно расходилась с законом.

1. Умысел и соучастие трактовались расширительно. Статья 241 не различала умысел, приготовление, пособничество и исполнение – все подводилось под одну санкцию, смертную казнь, и индивидуализировать ответственность было невозможно. Суд не пытался дифференцировать вину по усмотрению: норма применялась ко всем участникам механически. Получалось, что превентивный контроль для власти важнее, чем точное соответствие составу.

2. Дискреция брала верх над нормой. Смягчить участь можно было не через суд, а только через монаршее усмотрение – как вышло с Г. Гельфман. Санкции Уложения работали как верхняя граница, «потолок», а что назначить по факту – решали политические соображения, а не нормы права.

3. Спецпроцедуры при общей модернизации суда. Оправдание В. Засулич присяжными (1878 г.) выявило, что гласный состязательный процесс может сорвать политическое преследование. После этого государственные преступления стали выводить из общего порядка: заседания закрыли, присяжных убрали, следствие передали жандармам – так сложился особый режим, на который общие процессуальные нормы уже не распространялись [5, с. 142–143].

В результате в 1870–1880-е гг. Уложение о наказаниях 1845 г. оказалось скорее символической рамкой, чем работающим регулятором. Оно давало формальные основания и максимальные санкции для репрессий, но то, как нормы применялись на деле, определялось не ими, а двумя факторами: дискреционными решениями верховной власти и особыми процессуальными режимами. Защита государственного строя в этот период представляет собой переплетение кодифицированного права и административной дискреции – причем закон служил здесь в основном легитимации, а не тонкой настройке правоприменения.

Пристатейный список литературы

1. Государственные преступления в России в XIX веке : сб. полит. процессов и др. материалов, относящихся к истории революц. и оппозиц. движений в России / сост. под ред. Б. Базилевского. – Ростов н/Д : Донская речь, 1904. – Т. 1–3.
2. Дело 1 марта 1881 года : подлинное судебное дело. – М. : Кучково поле, 2014. – 448 с.
3. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. – СПб. : Тип. 2-го отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1845. – 592 с.
4. *Троицкий, Н. А.* «Народная воля» перед царским судом (1880–1894) / Н. А. Троицкий. – 2-е изд., испр. и доп. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1983. – 423 с.
5. *Троицкий, Н. А.* Царские суды против революционной России : политические процессы 1871–1880 гг. / Н. А. Троицкий. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1976. – 408 с.
6. *Краковский, К. П.* Судебная реформа 1864 г.: значение и историко-правовые оценки / К. П. Краковский // Журнал российского права. – 2014. – № 12.
7. *Ружицкая, И. В.* Судебное законодательство Николая I (работа над Уголовным и Гражданским уложениями) / И. В. Ружицкая // Отечественная история. – 2001. – № 4.
8. *Гернет, М. Н.* История царской тюрьмы : в 5 т. / М. Н. Гернет. – М. : Госюриздат, 1962. – Т. 3. – 432 с.
9. *Воробьев, А. С.* Институт государственных преступлений в период действия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 8.

УДК 316.4: 340.1

Камилла Рашидовна Ибрагимова,
студентка 3-го курса колледжа
Ростовского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия
kamilla.ibragimova.07@internet.ru

Научный руководитель:
Елена Сергеевна Сапрунова,
преподаватель Ростовского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия
saprunova2010@mail.ru

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ИДЕОЛОГИИ ТЕРРОРИЗМА: МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается правовая культура студенческой молодежи как один из факторов формирования устойчивости к идеологии терроризма. Обосновывается необходимость перехода от формального правового информирования к практическому применению правовых знаний. Выделяются когнитивный, ценностно-правовой, поведенческий и информационно-критический механизмы, объединенные в последовательность «правовая норма – распознавание угрозы – правовая оценка – решение – действие – ответственность».

Ключевые слова: правовая культура; студенческая молодежь; терроризм; экстремизм; правосознание; профилактика; правовое просвещение.

Современные террористические угрозы характеризуются не только непосредственным совершением противоправных деяний, но и использованием информационной среды для воздействия на молодежь. В этих условиях осо-

бое значение приобретает способность молодых людей самостоятельно распознавать признаки противоправного воздействия, оценивать получаемую информацию и выбирать правомерную модель поведения.

Актуальность данной проблемы подтверждается современными статистическими данными. По информации Национального антитеррористического комитета, в 2025 г. в Российской Федерации было предотвращено 273 террористических акта, при этом отмечалась тенденция к омоложению лиц, вовлекаемых в террористическую деятельность. НАК также указывает на использование для вовлечения детей и молодежи чатов компьютерных игр, мессенджеров и социальных сетей.

Проблема сохраняет актуальность и в 2026 г. Так, 14 апреля 2026 г. на заседании Национального антитеррористического комитета были рассмотрены вопросы совершенствования работы по недопущению вовлечения молодежи в диверсионно-террористическую деятельность.

Таким образом, современные формы террористической угрозы предполагают необходимость развития у молодежи не только знаний о терроризме и экстремизме, но и практических навыков безопасного и правомерного поведения в ситуациях информационного воздействия.

Особое значение в данном процессе приобретает образовательная среда, поскольку именно в период обучения продолжается формирование правосознания, социальных установок и моделей поведения молодого человека. В этой связи профилактика идеологии терроризма должна рассматриваться не только как система мер реагирования на уже возникшие противоправные проявления, но и как комплексная работа по предупреждению факторов, способствующих распространению соответствующих установок.

Терроризм при этом связан не только с совершением конкретных насильственных действий, но и с идеологическим воздействием, направленным на их оправдание или пропаганду. Следовательно, профилактика идеологии терроризма предполагает работу одновременно с правовыми знаниями, правосознанием и поведением молодежи.

Проблема исследования заключается в том, что наличие у молодого человека определенного объема правовых знаний само по себе не гарантирует способности противостоять противоправному информационному и идеологическому воздействию. Студент может знать общие определения терроризма и экстремизма, однако испытывать затруднения при оценке конкретной публикации в сети Интернет, сообщения в мессенджере, предложения о вступлении в закрытое интернет-сообщество или иной ситуации, имеющей юридически значимое содержание.

Следовательно, между знанием правовой нормы и ее практическим применением существует промежуточный этап – способность распознать ситуацию, соотнести ее с требованиями законодательства и принять правомерное решение.

Данный вывод согласуется с современными исследованиями профилактики экстремизма в молодежной среде. Особую ценность для рассматриваемой

темы представляет диссертационное исследование С. В. Вешкина, в котором среди критериев эффективности профилактики этнического экстремизма студенческой молодежи выделяются сформированность правовой и гражданской компетентностей, а также устойчивость студентов к экстремистским убеждениям и действиям [5, с. 53–68].

Таким образом, современное научное исследование позволяет связать профилактику экстремизма в студенческой среде не только с проведением специальных мероприятий, но и с формированием определенных компетентностей. Это соответствует предлагаемому в настоящей статье подходу, согласно которому правовая культура должна выступать одним из элементов профилактической системы.

Важным теоретическим звеном между правовой культурой и устойчивостью к экстремистскому воздействию выступает правосознание молодежи. Как отмечает Н. В. Никишова, уровень правосознания может рассматриваться в качестве одного из факторов, связанных со снижением экстремистских настроений молодежи, что подчеркивает значение правового воспитания и формирования уважительного отношения к праву [6, с. 329–334].

При этом правовую культуру целесообразно понимать шире, чем простое знание нормативных правовых актов. Она включает отношение личности к праву, способность оценивать собственное поведение с позиции правовых норм и готовность действовать в соответствии с ними. Именно поэтому правовая культура может выполнять профилактическую функцию: способность человека самостоятельно ориентироваться в правовом пространстве создает предпосылки для осознанного выбора правомерной модели поведения.

Дополнительное значение приобретает цифровая информационная среда. Исследования проблем противодействия экстремистским настроениям молодежи обращают внимание в том числе на информационно-технические возможности распространения соответствующих материалов [7, с. 160–165]. В таких условиях правовая культура должна включать способность критически оценивать информацию, определять ее правовую природу и понимать возможные последствия ее распространения.

Приведенные положения позволяют перейти от общей характеристики проблемы к определению конкретных механизмов ее профилактики. Очевидно, что профилактическая работа не должна ограничиваться информированием о существовании террористической и экстремистской угрозы. Существенное значение приобретает способность молодого человека самостоятельно распознавать признаки противоправного воздействия, оценивать получаемую информацию с правовой точки зрения, понимать юридические последствия своих действий и выбирать правомерную модель поведения.

В связи с этим в настоящем исследовании предлагается выделить четыре взаимосвязанных механизма формирования устойчивости студенческой молодежи к идеологии терроризма.

Первый механизм – когнитивный. Он предполагает наличие у студента базовых знаний о законодательстве в сфере противодействия террориз-

му и экстремистской деятельности, понимание основных правовых запретов и юридических последствий противоправного поведения.

Второй механизм – ценностно-правовой. Его содержание заключается в формировании осознанного отношения к праву как к основе регулирования общественных отношений. Недостаточно механически знать, что определенное действие запрещено. Необходимо понимать значение законности, правопорядка и юридической ответственности.

Третий механизм – поведенческий. Он выражается в способности применять полученные правовые знания в конкретной ситуации. Например, студент должен уметь определить, какие действия являются правомерными при получении сомнительной информации, содержащей признаки противоправного воздействия, и выбрать соответствующий алгоритм поведения.

Четвертый механизм – информационно-критический. Он приобретает особое значение в условиях распространения информации через социальные сети, мессенджеры и иные цифровые ресурсы. Студенту необходимо уметь анализировать источник информации, отличать правомерное обсуждение общественно значимой проблемы от противоправного призыва, а также понимать, что распространение определенных материалов может повлечь юридические последствия.

Указанные механизмы предлагается объединить в единую практическую последовательность:

ПРАВОВАЯ НОРМА → РАСПОЗНАВАНИЕ УГРОЗЫ → ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА → РЕШЕНИЕ → ДЕЙСТВИЕ → ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Первый этап – правовая норма – предполагает знание студентом соответствующих положений законодательства.

Второй этап – распознавание угрозы – связан со способностью увидеть в конкретной ситуации юридически значимые признаки.

Третий этап – правовая оценка – предполагает определение того, какие нормы права применимы к рассматриваемой ситуации.

Четвертый этап – решение – заключается в выборе правомерного варианта поведения.

Пятый этап – действие – переводит принятое правовое решение в конкретный поступок.

Шестой этап – ответственность – предполагает понимание юридических последствий совершенного действия или бездействия.

Данная последовательность позволяет перейти от традиционной модели «передача информации» к модели «знание – осмысление – оценка – действие».

Практическое значение такого подхода подтверждается положениями Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» и Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Последний рассматривает образование как единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, включающий приобретение не только знаний,

умений и навыков, но также ценностных установок, опыта деятельности и компетенций. Кроме того, среди принципов государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования закреплено воспитание взаимоуважения, гражданственности, ответственности и правовой культуры [3].

Следовательно, правовая культура в образовательной среде выступает не исключительно теоретической категорией, а одним из ориентиров воспитательного процесса. Это позволяет рассматривать образовательную организацию как пространство, в котором правовые знания могут переводиться в практический опыт поведения.

Данный подход соответствует и положениям Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы, направленного на формирование неприятия идеологии терроризма и устойчивости к ее пропаганде. Документ предусматривает использование потенциала системы образования и молодежной политики, а также проведение воспитательных и просветительских мероприятий, прежде всего в образовательных организациях.

Следовательно, образовательная организация выступает не только местом передачи знаний, но и пространством практического формирования устойчивости молодежи к противоправному воздействию.

Практическая ценность данного положения может быть рассмотрена на примере Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России). Студенты института принимают участие в проведении правовых лекций и просветительских мероприятий для обучающихся образовательных организаций. Такая деятельность имеет двойной результат: слушатели получают доступную правовую информацию, а сами студенты, выступая в роли лекторов, закрепляют собственные знания, учатся объяснять правовые нормы и применять их к конкретным жизненным ситуациям.

В данном случае студент перестает выступать исключительно получателем правовой информации и становится активным субъектом правового просвещения. Подготавливая материал, анализируя нормативные правовые акты и объясняя их содержание другим обучающимся, он одновременно углубляет собственную правовую культуру.

При этом такая работа может осуществляться не только по модели «преподаватель – студент», но и в формате «студент – студент» либо «студент – школьник». В рамках профилактических мероприятий студент может выступать посредником между профессиональным юридическим знанием и молодежной аудиторией, адаптируя правовой материал к конкретным жизненным ситуациям.

Такой формат особенно важен с точки зрения предупреждения формального характера профилактической работы. Проведение мероприятия само по себе еще не свидетельствует о достижении профилактического результата. Если студент или школьник лишь прослушал лекцию и воспроизвел несколько определений, нельзя сделать вывод о сформированности устойчивого правомерного поведения.

Именно поэтому профилактическое мероприятие целесообразно строить таким образом, чтобы после получения правовой информации обучающийся должен был распознать конкретную ситуацию, дать ей правовую оценку и определить алгоритм собственных действий. В этом случае правовое просвещение становится не разовым информированием, а практической тренировкой правомерного поведения.

Особенно важным представляется участие самих студентов в такой работе. Студент-лектор оказывается одновременно субъектом образовательной и профилактической деятельности. Подготавливая материал, анализируя нормативные правовые акты и объясняя их содержание другим обучающимся, он углубляет собственную правовую культуру.

В результате правовое просвещение приобретает форму взаимодействия внутри самой молодежной среды, при которой знания передаются не только от преподавателя к обучающемуся, но и между самими обучающимися. Это позволяет повысить практическую направленность образовательного процесса и снизить риск формального проведения профилактических мероприятий.

В этой связи показательно высказывание Президента Российской Федерации В. В. Путина о работе с молодежью: «Как только молодые люди чувствуют формализм, эта работа теряет смысл» [12]. Данное положение представляется значимым применительно к правовому просвещению: профилактическая деятельность должна быть содержательной, понятной молодежной аудитории и ориентированной не только на передачу информации, но и на формирование способности самостоятельно применять полученные знания.

Таким образом, эффективность профилактического мероприятия целесообразно оценивать не количеством проведенных лекций или мероприятий, а изменением способности обучающегося действовать в конкретной правовой ситуации.

Для оценки такого результата предлагается использовать авторскую диагностическую модель, включающую пять критериев:

Критерий	**Содержание**	**Баллы**
Когнитивный	знание соответствующей правовой нормы	0–2
Идентификационный	способность распознать юридически значимую ситуацию	0–2
Аналитический	способность дать правовую оценку ситуации	0–2
Деятельностный	способность выбрать правомерный алгоритм поведения	0–2
Ответственно-рефлексивный	понимание последствий выбранного поведения	0–2

Предлагаемая диагностика не претендует на статус самостоятельной валидированной психометрической методики. Ее назначение состоит в оперативной оценке образовательного результата конкретного правопросветительского мероприятия. Принципиальным является то, что проверяется не только знание определения терроризма или экстремизма, но и способность применить правовую информацию в конкретной ситуации.

Таким образом, правовая культура студенческой молодежи может рассматриваться как один из профилактических ресурсов, обеспечивающих способность личности ориентироваться в правовом пространстве и выбирать правомерное поведение. Ее значение заключается не только в объеме усвоенной информации, но и в формировании устойчивой связи между правовой нормой и практическим действием.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что формирование устойчивости студентов к идеологии терроризма должно осуществляться комплексно: посредством правового образования, воспитания, развития правосознания, формирования критического отношения к информации и приобретения практического опыта применения правовых норм.

Предлагаемая модель «ПРАВОВАЯ НОРМА → РАСПОЗНАВАНИЕ УГРОЗЫ → ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА → РЕШЕНИЕ → ДЕЙСТВИЕ → ОТВЕТСТВЕННОСТЬ» позволяет связать теоретическое правовое знание с конкретным поведением личности.

В результате студент рассматривается не как пассивный объект профилактической работы, а как активный субъект правового просвещения. Переход от формального информирования к способности самостоятельно распознавать правовые риски, оценивать информацию и выбирать правомерный алгоритм поведения представляет собой один из механизмов формирования правовой культуры и устойчивости студенческой молодежи к идеологии терроризма.

Пристатейный список литературы

1. О противодействии терроризму : Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 25 мая 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.
2. О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 27 октября 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.
3. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 4 августа 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598.
4. *Хисамов, А. Р.* Правовая культура современной студенческой молодежи: особенности формирования в условиях образовательного поля / А. Р. Хисамов // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – № 4-1. – С. 86–89. – EDN TNPYVR.

5. *Вешкин, С. В.* Профилактика этнического экстремизма студенческой молодежи в процессе обучения в вузе : дис. … канд. пед. наук / С. В. Вешкин. – 2024. – 220 с.
6. *Никишова, Н. В.* Правосознание как фактор снижения экстремистских настроений у молодежи в России // Манускрипт. – 2021. – Т. 14, вып. 2. – С. 329–334.
7. *Битов, А. А.* Некоторые проблемы противодействия проявлениям экстремистских настроений в молодежной среде // Пробелы в российском законодательстве. – 2024. – Т. 17, № 4. – С. 160–165.
8. Национальный антитеррористический комитет. Межведомственное совещание о противодействии вовлечению молодежи в террористическую деятельность в Краснодаре. 2026. Официальный материал НАК. – https://nac.gov.ru/?VQ8P=433x21633AV76z1062I433y15998E
9. Национальный антитеррористический комитет. Директор ФСБ России Бортников А. В. провел заседание НАК. 14.04.2026. Официальный материал НАК : сайт – URL: https://nac.gov.ru/view/019feff1-8a02-7813-934d-2e9c4e35bd98
10. Ростовстат. День студента – праздник молодых мыслителей и будущих лидеров региона и страны. 23.01.2026. Официальный материал Ростовстата : сайт – URL: https://61.rosstat.gov.ru/folder/42181/document/275304
11. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы : утв. Президентом Российской Федерации 30.12.2023 № Пр-2610 : сайт – URL: https://sh-besleneevskaya-r91.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/205/2876/plan_2024_2028.pdf
12. Путин В. В. Встреча с выпускниками советских и российских вузов во Вьетнаме. 20.06.2024 : сайт – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/74354
13. *Агаян, В. А.* Информационная безопасность: современные реалии и перспективы уголовно-правовой защиты // Мир криминалистики. – 2025. – № 1. – С. 16–21.

УДК 343.9

Алиса Юрьевна Карцева,
студентка 2-го курса специалитета
Иркутского института (филиала)
ВГУЮ(РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия

Научный руководитель:
Евгений Геннадьевич Усов,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного права и криминологии Иркутского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия
usov.evgeniy@list.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОТДЕЛЬНЫХ СПОСОБАХ НАРУШЕНИЯ ТАЙНЫ ПЕРЕПИСКИ ЛИЦАМИ, СОВЕРШАЮЩИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с нарушениями конституционного права на тайну переписки лицами, совершающими преступления террористического характера. Анализируя способы психологического и информационного воздействия, применяемые кураторами для вовлечения граждан в террористическую деятельность, включая шантаж, манипуляцию компрометирующей перепиской и использование зашифрованных каналов связи. Обосновывается необходимость совершенствования правовых механизмов противодействия указанным нарушениям при сохранении баланса между безопасностью и конституционными правами личности.

Ключевые слова: тайна переписки; терроризм; вербовка; куратор; психологическое воздействие; шантаж; конституционные права; ограничение прав.

Право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений закреплено в части 2 статьи 23 Конституции Рос-

сийской Федерации и относится к числу основных конституционных прав человека. Согласно указанной норме, ограничение этого права допускается исключительно на основании судебного решения. Однако современная практика противодействия терроризму демонстрирует другую сторону проблемы: нарушения тайны переписки все чаще совершаются не государственными органами, а самими лицами, участвующими в террористической деятельности, – прежде всего так называемыми кураторами, осуществляющими вербовку и координацию исполнителей.

Актуальность данного исследования обусловлена стремительным ростом числа преступлений террористической направленности, совершаемых лицами, завербованными через интернет-каналы. Сам механизм вербовки неразрывно связан с нарушением тайны переписки: кураторы получают доступ к личной информации, компрометирующим материалам и интимным фотографиям жертв, используя их в качестве инструмента давления и контроля.

Конституционно-правовые аспекты тайны переписки исследованы в работах М. А. Мещеряковой, которая предложила конструкцию «право на тайну коммуникации», охватывающую любые сведения об осуществлении межличностного общения через средства коммуникации. Отдельные аспекты ограничения права на тайну связи в рамках антитеррористической деятельности рассматривались А. В. Бурьловым, отмечавшим, что данное право реализуется посредством распространения режима тайны на содержание и факт передачи сообщений. Психологические механизмы вовлечения в террористические организации изучены Т. П. Лебедевой и И. А. Бариляк, описавшими дистанционные способы вербовки, осуществляемой представителем террористической организации дистанционно посредством применения телекоммуникационной сети интернет с помощью различных методов информационного влияния.

Цель исследования – выявление особенностей нарушений тайны переписки лицами, совершающими преступления террористического характера, и изучение способов и схем вовлечения содействовать в деятельности террористической организации.

Для начала определим, что такое «терроризм». Согласно ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»: Терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий.

Современная схема вербовки в террористические организации представляет собой многоэтапный процесс психологического и информационного воздействия, в котором нарушение тайны переписки играет двоякую роль: с одной стороны, кураторы используют защищенные каналы связи для скрытия собственной противоправной деятельности, с другой целенаправленно нарушают конфиденциальность переписки потенциальной жертвы, получая доступ к ее личным данным, тем самым «подламывая» их аккаунты. Однако важно понимать юридическую природу этого явления: речь идет не столько

о «подламывании» в смысле прямого взлома, сколько о фишинге – выманивании учетных данных через поддельные ссылки.

Основной упор кураторы делают на несовершеннолетних и молодежь с радикальными взглядами, а также на пожилых и социально уязвимых людей. Большинство из них находят через социальные сети, тематические форумы, различные чат-боты или *Telegram*-каналы.

Вербовщик находит жертву под видом друга или возлюбленного, в частности их жертвами становятся молодые девушки и юноши, которые недавно пережили расставание. Перед этим вербовщики полностью изучают профиль своей жертвы: посты, которые она выставляет, какую музыку слушает, чем увлекается, в каких сообществах состоит, сколько у нее друзей и с кем чаще всего общается– все это вербовщикам нужно для понимания, является ли их будущая жертва эмоционально уязвимой и подходящей для их дальнейших манипуляций. Далее террористы назначают специально обученных людей – кураторов, в основном сами террористы не общаются со своими жертвами. Сам куратор находит слабые места – одиночество, невзаимная любовь, непонимание родителей, неуверенность. Их общение начинается с того, что так называемый «друг/подруга» или «парень/девушка» начинает проявлять активное внимание, интересоваться жизнью собеседника, делать комплименты, т.е. делать то, что непривычно для его жертвы и что может ей понравится. Постепенно втираясь в доверие уже спустя две недели у них завязывается близкое общение, где жертва «влюбляясь» в своего собеседника отправляет фотографии определенного характера. На этом этапе у куратора уже есть достаточное количество информации, чтобы начать шантажировать свою жертву. Подростков часто шантажируют их личными фотографиями в расчете на то, что они не пойдут с этим ко взрослым, не обратятся к педагогам или родителям – потому что стыдно. Их целью является не просто запугать жертву, а заставить ее совершить террористический акт под сильным эмоциональным давлением.

Также по данным Следственного комитета России, у террористов практикуется схема вербовки через чат-боты знакомств (например, «Дайвинчик» в *Telegram*). Она включает несколько последовательных этапов. Сначала с молодым человеком знакомится «девушка» (или «сверстник»), чей профиль выглядит достоверно – реальные фотографии, правдоподобная легенда о месте жительстве. В ходе общения жертве отправляется ссылка, якобы ведущая на страницу в *TikTok* или иной сервис. При переходе открывается фейковый сайт «Госуслуг» с таймером обратного отсчета и надписью о «передаче документов на Украину». Жертва, полагая, что произошла утечка данных, связывается с техподдержкой», после чего ей звонит куратор, представляющийся сотрудником прокуратуры или ФСБ. Под угрозой обвинения в госизмене у жертвы выманивают персональные данные, номера родителей, селфи с паспортом, геолокацию школы и дома. На финальном этапе кураторы, выдавая себя за российских силовиков, под угрозой разглашения скомпрометированных данных принуждают жертву к совершению теракта или диверсии. Начинается второй этап: жертва добровольно переходит по фишинговой ссылке

и вводит свои данные на поддельном сайте. Строго говоря, это не взлом в техническом смысле (хакерская атака на сервер или подбор пароля) а социальная инженерия – обман, основанный на доверии и испуге.

Помимо шантажа применяются обещания щедрого денежного вознаграждения и внушение идеи собственной исключительности. Некоторым людям кураторы внушают, что они особенные, способные изменить ход истории. Украинские кураторы снабжали завербованных оружием, инструкциям по сборке взрывных устройств и обещали за совершение массовых убийств денежное вознаграждение.

Данные преступления квалифицируются по статье 138 Уголовного кодекса Российской Федерации «Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений». Однако в одной из описанных схем доступ может быть получен не к переписке как таковой, а к личному кабинету на портале «Госуслуги» или к аккаунту в социальной сети, что требует дополнительной квалификации по статье 272 Уголовного Кодекса Российской Федерации «Неправомерный доступ к компьютерной информации». Поскольку указанные действия совершаются с целью принуждения лица к совершению террористического акта, содеянное образует совокупность преступлений и охватывается также признаками объективной стороны статьи 205.1 Уголовного кодекса Российской Федерации «Содействие террористической деятельности». Ответственность по данной статье наступает за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений террористической направленности, включая террористический акт (статья 205 УК РФ). Именно по этой статье ФСБ России предъявила обвинение основателю *Telegram* Павлу Дурову в связи с использованием мессенджера для вербовки. Если в террористическую деятельность вовлекаются несовершеннолетние, требуется дополнительная квалификация по статье 150 Уголовного кодекса Российской Федерации «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления», поскольку, как отмечается в правоприменительной практике, значительная часть завербованных – это подростки в возрасте от 14 до 18 лет.

Особую опасность представляет то, что нарушение тайны переписки со стороны кураторов зачастую остается вне поля зрения правоохранительных органов, поскольку жертвы либо не осознают факта нарушения, либо боятся обращаться за помощью из-за стыда или угроз.

Анализ описанных способов воздействия позволяет выделить две проблемы:

Одной из таких проблем является сложность квалификации нарушений тайны переписки, сопряженных с террористической деятельностью. Статья 138 УК РФ предусматривает ответственность за нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений граждан. Однако данная норма не учитывает специфики использования нарушений тайны переписки как способа вовлечения в террористическую деятельность. В результате деяния кураторов, связанные с получением и использованием компрометирующей личной переписки для шантажа, квалифицируются

лишь как сопутствующие основному составу, что не отражает их повышенной общественной опасности.

Второй проблемой является трудность разграничения правомерного и неправомерного доступа к переписке. Законодательство Российской Федерации не содержит нормативно – правового определения понятия «тайна переписки». Вместе с тем определено, что тайна признается нарушенной, если доступ к переписке, переговорам, сообщениям совершен без согласия лица, чью тайну они составляют, и при отсутствии законных оснований для ограничения установленного конституционного права. Однако в условиях, когда куратор и жертва находятся в добровольной переписке, факт нарушения тайны неочевиден: формально жертва сама передает информацию собеседнику. Проблема заключается в том, что согласие на передачу сообщений конкретному адресату не тождественно согласию на использование этих сообщений в целях, противоречащих закону.

Для разрешения выявленных проблем представляется необходимым предложить комплекс мер правового организационного и технического характера, поскольку действующее уголовное законодательство не в полной мере учитывает специфику нарушений тайны переписки, сопряженных с террористической деятельностью: в частности, целесообразно дополнить ст. 205, 205.1 и 205.5 УК РФ квалифицирующим признаком «совершение преступления с использованием информации, полученной в результате нарушения тайны переписки», что позволит отразить повышенную общественную опасность деяний, связанных с применением компрометирующей личной информации для вовлечения граждан в террористическую деятельность; наряду с этим требуется ужесточить ответственность за незаконный сбор и использование персональных данных, особенно в отношении несовершеннолетних, чьи переписка и фотографии наиболее часто становятся инструментом шантажа, а также разработать специализированные методики выявления фактов нарушения тайны переписки, совершаемых кураторами, включая активный мониторинг интернет – пространства, выявление признаков психологической обработки и отслеживание зашифрованных каналов связи при строгом соблюдении конституционного требования о судебном порядке ограничения права на тайну переписки; кроме того, необходимо расширить просветительские программы, направленные на формирование у молодежи навыков критического мышления, интегрировав соответствующие модули в образовательные программы средних и высших учебных заведений, а также обеспечить координацию усилий правоохранительных органов различных государств ввиду трансграничного характера деятельности кураторов и обмен информацией о способах вербовки и технических средствах, используемых для нарушения тайны переписки; наконец, операторам связи и разработчикам мессенджеров следует внедрять дополнительные механизмы предупреждения пользователей о признаках вербовочной деятельности, включая автоматическое выявление подозрительных паттернов общений, соблюдая баланс между обеспечением безопасности и защитой конфиденциальности.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что право на тайну переписки, гарантированное частью 2 статьи 23 Конституции Российской Федерации, нарушается не только государством, но и лицами, совершающими террористические преступления. Кураторы используют доступ к переписке для вербовки, психологического давления и шантажа, применяя поиск жертв в соц. сетях и мессенджерах, манипуляцию, компромат, финансовые обещания и изоляцию. Уголовное законодательство не в полной мере учитывает такие нарушения: ст. 138 УК РФ не содержит соответствующего квалифицирующего признака, поэтому целесообразно дополнить ст. 205, 205.1 и 205.5 УК РФ. Предложенный комплекс правовых, организационных и технических мер позволит повысить эффективность противодействия при сохранении баланса безопасности и конституционных прав.

Пристатейный список литературы

1. Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 15. – Ст. 1269.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Федеральный закон от 06.03.2006 №35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 3.
5. *Акулова, Е. В.* Правовое обеспечение противодействия использованию информационно-коммуникационных технологий в террористических целях как угрозе информационной безопасности : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2024. – 195с.
6. *Бурылов, А. В.* Право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений в Российской Федерации: конституционно-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – 24 с.
7. *Лебедева, Т. П., Бариляк, И. А.* Психологические механизмы формирования деструктивных установок личности при вовлечении в террористические организации // International Journal of Medicine and Psychology. – 2025. – Т. 8, № 8. – С. 185–191.
8. *Мещерякова, М. А.* Конституционное право на тайну коммуникации: понятие и содержание // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2020. – № 3 (53). – С. 127–137.

УДК 343

Николай Викторович Кисткин,
студент 3-го курса факультета высшего образования
Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
i@nkistkin.ru

Научный руководитель:
Александр Викторович Шигуров,
кандидат юридических наук, заведующий кафедрой
уголовного права и процесса факультета высшего образования
Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
arshigurov@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОРЯДКА ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО И ЭКСТРЕМИСТСКОГО ХАРАКТЕРА

Аннотация. Необходимость изучения проблем возбуждения уголовного дела о преступлениях террористического и экстремистского характера обусловлена важностью данного этапа для выявления и фиксации следов преступления. В статье рассмотрены проблемы правовой регламентации круга следственных действий, разрешенных в данной стадии, и порядок судебного контроля за ними. Автор предлагает, во-первых, расширить круг следственных действий, например, закрепив в ч. 1 ст. 144 УПК РФ полномочия следователя по производству выемки предметов и документов. Во-вторых, необходимо урегулировать порядок судебного контроля за производством следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела в ст. 165 УПК РФ.

Ключевые слова: уголовный процесс; уголовное дело; терроризм; судебный контроль; выемка; осмотр жилища.

Актуальность темы определяется устойчивым ростом экстремистских преступлений: если в 2019 году зарегистрировано 585 таких деяний, то в 2024 году – около 2000, в 2025 году – 2241 (+30,4%), а в первом полугодии 2026 года рост составил 39,1% при общем снижении зарегистрированной преступности на 7,3% [1]. Судебная статистика подтверждает тенденцию: в 2024 году более 500 человек осуждены по экстремистским статьям, почти 300 получили реальные сроки; число дел по ст. 280, 282, 282.1-282.2 УК РФ выросло на 150 по сравнению с 2023 годом; в суд направлено 430 дел (+30%), в первом полугодии 2025 года число дел увеличилось на 36%, осужденных – на 35%, а в первом полугодии 2026 года число подростков, причастных к экстремистским и террористическим преступлениям, увеличилось вдвое. Доля лиц 14–39 лет среди осужденных по ч. 2 ст. 280 УК РФ в 2024 году составила 64%, что говорит об омоложении этой категории [2]. Значительная часть деяний совершается через Интернет, социальные сети и мессенджеры, что повышает латентность, придает трансграничный характер и усложняет выявление, фиксацию и доказывание. Экстремизм подрывает конституционный строй, разжигает социальную, расовую, национальную и религиозную рознь, угрожает стабильности многонациональной и многоконфессиональной России. Терроризм, в свою очередь, представляет собой еще более опасное явление, посягающее на основы безопасности государства и жизнь граждан.

Выявление признаков преступления и фиксация его следов осуществляется на стадии возбуждения уголовного дела, которая является важной гарантией защиты конституционных прав личности в уголовном судопроизводстве. По делам о преступлениях террористической и экстремистской направленности первоначальный этап расследования приобретает исключительное значение, поскольку от своевременности, полноты, законности процессуальной деятельности следователя, дознавателя, оперативных работников, специалиста и эксперта по выявлению и фиксации следов преступления зависит правильность и своевременность выявления преступления и изобличение лица его совершившего [3, с. 215].

Особенность преступлений экстремистской и террористической направленности, совершаемых с использованием компьютерной техники и сети Интернет, состоит в том, что доказательства часто находятся в цифровой среде и могут быть быстро уничтожены. Типична ситуация, когда после размещения экстремистского материала в *Telegram*-канале к моменту возбуждения дела контент уже удален, а серверы находятся за пределами России; промедление с производством первоначальных и неотложных следственных действий может привести к уничтожению следов преступления, что создает сложности в доказывании элементов состава преступления.

В связи с этим, верным, на наш взгляд, решением законодателя стало существенное расширение Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ круга следственных и иных процессуальных действий, которые вправе проводить следователь, дознаватель на этапе проверки сообщения о преступле-

нии для выявления и фиксации следов преступления, предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела.

Так, в соответствии с действующей редакцией данной нормы лицо, ведущее производство по материалу доследственной проверки (следователь, дознаватель) вправе проводить следующие следственные действия:

– осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов,

– освидетельствование,

– судебную экспертизу, в том числе привлекая к их производству специалистов, т.е. лиц, обладающих специальными познаниями в нужной для выявления доказательственной информации области науки.

К числу разрешенных иных процессуальных действий закон отнес:

– получение объяснений, образцов для сравнительного исследования,

– истребование документов и предметов, изъятие их в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом,

– производство документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов,

– производство по поручению следователя, дознавателя оперативно-розыскных мероприятий.

Каждое из вышеуказанных следственных и иных процессуальных действий активно используется при расследовании преступлений террористического характера.

На наш взгляд, одним из недостатков данного перечня разрешенных следственных и иных процессуальных действия является отсутствие прямой нормы, разрешающей следователю производить выемку предметов и документов, имеющих значение для выявления признаков преступления и изобличение лица его совершившего.

По делам об экстремизме и терроризме часто возникает необходимость изъятия электронных носителей информации (флеш-карт, жестких дисков, мобильных телефонов) до возбуждения уголовного дела, поскольку промедление может привести к уничтожению доказательств [4, с. 135].

К сожалению, вопрос о возможности производства выемки до возбуждения уголовного дела до сих пор остается дискуссионным. Принятые в 2014 г. разъяснения Следственного комитета РФ [5] и Генпрокуратуры РФ [6] исходили из буквального толкования ст. 144 УК РФ, изложенной в новой редакции, как не предусматривающие полномочий следователя на производство выемки.

Однако, позднее Верховный Суд РФ признал законной выемку флэш-карты, проведенную сразу после поступления заявления о преступлении до возбуждения уголовного дела [7]. В соответствии с данной позицией и иные суды нередко признают законными и допустимыми доказательства, полученные в ходе выемки, произведенной на этапе проверки сообщения о преступлении [8; 9].

К сожалению, в уголовно-процессуальной науке также нет единства по данному вопросу. Наряду со сторонниками буквального толкования перечня следственных действий в ст. 144 УПК РФ [10 с. 131; 11, с. 23], есть и авторы,

считающие законным производство изъятия предметов и документов посредством выемки [12, с. 66; 13, с. 56; 14, с. 93].

На наш взгляд, вышеуказанная судебная практика свидетельствует, во-первых, о наличии объективной потребности органов расследования в скорейшей фиксации следов преступления, во-вторых, о том, что ч. 1 ст. 144 УК РФ уже содержит правовые основания для производства выемки. Формулировка данной нормы «изымать предметы и документы в порядке, установленном настоящим Кодексом» с учетом содержания ч. 1 ст. 183 УПК РФ, которая предусматривает производство выемки при необходимости изъятия предметов и документов, когда их местонахождение точно известно, свидетельствует о допустимости выемки в стадии возбуждения уголовного дела. Тем не менее, для обеспечения единообразного толкования ч. 1 ст. 144 УПК РФ, на наш взгляд, необходимо прямо закрепить в ней выемку как разрешенное в данной стадии следственное действие.

Заметим, что для фиксации следов экстремисткой и террористической деятельности необходимо производство и многих иных следственных действий, так, следы преступления могут находиться в переписке подозреваемых, сообщениях, передаваемых по каналам связи и фиксируемых сейчас в ходе оперативно-розыскной деятельности.

Исследователи отмечают, что есть практика производства и иных не прямо не разрешенных законом следственных действий. Так, например прокурор отдела по надзору за соблюдением законодательства в сфере оборота наркотических и психотропных веществ прокуратуры Санкт-Петербурга Е. А. Тарасенко пишет о том, что в данном регионе суды разрешают следователям до возбуждения уголовного дела получать информацию о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами [15, с. 47]. Суды обосновывают свои решения тем, что в ч. 1 ст. 144 УПК РФ разрешает истребовать документы с информацией, имеющей значение для дела. По мнению судей к таким документам относятся и документы с данными об абонентах и абонентских устройства, которые предоставляют следователям операторы сотовой связи.

Вышеуказанные примеры свидетельствуют о необходимости четкой регламентации в ч. 1 ст. 144 УПК РФ разрешенных следственных действий и исключения из формулировок двусмысленных фраз, которые могут по-разному толковаться правоприменителями. На наш взгляд, вышеуказанная тенденция к расширению количества разрешенных в стадии возбуждения уголовного дела следственные действий отражает потребности органов расследования в своевременной фиксации следов преступления.

Еще одной проблемой собирания доказательств в стадии возбуждения уголовного дела, в том числе по делам террористической и экстремистской направленности является неурегулированность процедуры судебного контроля за законностью проводимых на данном этапе следственных действий. Статья 165 УПК РФ, регулирующая порядок санкционирования следственных действий в ходе предварительного расследования, прямо не распространяется на стадию возбуждения уголовного дела, поскольку она расположена в раз-

деле «Предварительное расследование». Фактически практиками сегодня ст. 165 УПК РФ применяется в стадии возбуждения уголовного дела по аналогии [16, с. 72]. Полагаем, что для решения данной проблемы необходимо сделать соответствующие уточнения в разделе «Возбуждение уголовного дела» или в самой ст. 165 УПК РФ.

Также, по делам о преступлениях экстремистской и террористической направленности при проверке сообщения о преступлении нередко возникает необходимость в осмотре жилища подозреваемого для обнаружения и изъятия различных следов преступления, в том числе компьютерной техники и электронных носителей.

Анализ судебной практики осуществления судебного контроля за осмотром места происшествия, когда осматривается жилище, показал отсутствие единообразия. При рассмотрении одних дел суды делают вывод о том, что, если осматривается место происшествия не требуется предварительный и последующий судебный контроль, поскольку ст. 29, 165 УПК РФ содержат данное требование только применительно к осмотру жилища, а в данном случае осматривается место происшествия [17; 18]. Более распространенной является практика, когда судебный контроль, как правило, в форме последующей проверки законности осмотра места происшествия-жилища проводится по правилам ч. 5 ст. 165 УПК РФ [19; 20].

На наш взгляд, с учетом требований ст. 25 Конституции РФ, позиций Конституционного Суда РФ [21; 22], судебный контроль обязателен при производстве любых следственных действий, ограничивающих неприкосновенность жилища. В исключительных случаях, не терпящих отлагательства, следственное действие по правилам ч. 5 ст. 165 УПК РФ может быть проведено на основании постановления следователя с обязательным последующим судебным контролем.

В завершение отметим еще одну проблему, которая проявилась при расследовании уголовного дела Ч., осужденного по ч. 1 ст. 222.1 УК РФ [23]. Следователем в стадии предварительного расследования были уничтожены изъятые по месту жительства подозреваемого тротиловая шашка и граната на основании экспертных заключений об их опасности. Защита указывала на нарушение прав обвиняемого, поскольку в результате была утрачена возможность непосредственного исследования доказательств, но суд отклонил доводы: экспертизы взрывчатых веществ и боеприпасов проведены до уничтожения, стороны были с ними ознакомлены.

Тем не менее, на наш взгляд, существует пробел: УПК РФ не устанавливает гарантий защиты прав обвиняемого, поскольку уничтожение таких объектов осуществляется без уведомления стороны защиты и без судебного контроля. Это особенно актуально для дел о терроризме, где взрывчатые вещества являются типичным вещественным доказательством.

Полагаем, что на данный вид доказательств также должен распространяться установленный ст. 29, 165 УПК РФ порядок судебного контроля за уничтожением доказательств: данные действия должны производится только после

обсуждения с участием сторон всех негативных последствия уничтожения вещественных доказательств.

Пристатейный список литературы

1. Экстремизм в России // Государство. Бизнес. Технологии: сайт. – URL: https://www.tadviser.ru/.
2. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2024 год // Судебный департамент при ВС РФ : сайт. – URL: https://cdep.ru/.
3. *Сайфутдинов, Т. И.* Особенности возбуждения уголовного дела о терроризме и обстоятельства, подлежащие установлению // Наука и новые технологии. – 2011. – № 4. – С. 215–217.
4. *Удовиченко, В. С., Сорокина, С. А.* Особенности изъятия информации с электронных носителей в досудебном производстве // Алтайский юридический вестник. – 2021. – № 2(34). – С. 133–138.
5. О порядке получения сведений о совершенных нотариальных действиях в ходе проверки сообщения о преступлении : Информационное письмо СК России от 30.12.2014 № 211-51098-14 // СПС «КонсультантПлюс».
6. О недопустимости изъятия предметов и документов вне рамок следственных действий, предусмотренных до возбуждения уголовного дела : Информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ от 20.08.2014 № 36-11-2014 // СПС «Гарант».
7. Постановление Верховного Суда РФ от 25 авг. 2017 г. № 16-УД17-16 // ЮИС «ЛегалАкт» : сайт. – URL: https://legalacts.ru/.
8. Апелляционное постановление Суда Еврейской автономной области от 11.07.2018 по делу № 22-301/2018 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: https://sudact.ru/.
9. Апелляционное постановление Орловского областного суда от 18.02.2026 по делу № 22К-112/2026 // СПС «Гарант».
10. *Вилкова, Т. Ю., Масленникова, Л. Н., Собенин, А. А. и др.* Теория и практика возбуждения уголовного дела: учебное пособие / отв. ред. Л. Н. Масленникова, Т. Ю. Вилкова. – Москва : НОРМА, ИНФРА-М, 2026. – 288 с.
11. *Ларинков, А. А., Шиплюк, В. А.* Вопросы производства следственных и иных действий в стадии возбуждения уголовного дела // Криминалистъ. – 2015. – № 2. – С. 22–26.
12. *Чабукиани, О. А.* Истребование или изъятие следователем предметов и документов как проверочное действие стадии возбуждения уголовного дела // Научный диалог. – 2013. – № 12. – С. 64–71.
13. *Халиков, А. Н.* Собирание доказательств в ходе проверки сообщения о преступлении // Законность. – 2013. – № 12. – С. 54–57.
14. *Козлов, В. В.* О процессуальном оформлении изъятия, проводимого до возбуждения уголовного дела // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2015. – № 1. – С. 91–93.

15. *Тарасенко, Е. А.* Изъятие документов и предметов в ходе проведения проверки сообщения о преступлении путем ограничения охраняемых законом прав граждан // Законность. – 2018. – № 6. – С. 46–49.
16. *Бондарчук, М. И.* Возбуждение уголовного дела: проблемы процессуального статуса отдельных лиц и производства неотложных следственных действий // Юридическая наука. – 2022. – № 3. – С. 70–73.
17. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25.10.2018 № 50-АПУ18-13 // СПС «Гарант».
18. Приговор Кисловодского городского суда Ставропольского края от 06.06.2025 по делу № 1-39/2025 // СПС «Гарант».
19. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18.06.2026 № 77-1608/2026 // СПС «Гарант».
20. Апелляционное определение Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 21.07.2021 по делу № 55-420/2021 // СПС «Гарант».
21. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Поддубной Г. И. на нарушение ее конституционных прав положениями статей 29, 125, 176 и 177 УПК РФ : Определение Конституционного Суда РФ от 20.03.2007 № 218-О-О // СПС «Гарант».
22. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ядрищенского Р. В. на нарушение его конституционных прав статьей 176 УПК РФ : Определение Конституционного Суда РФ от 16.12.2010 № 1658-О-О // СПС «Гарант».
23. Определение СК по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 06 ноября 2025 г. по делу № 7У-7167/2025[77-3403/2025] // СПС «Гарант».

УДК 327

Владимир Иванович Красиков,
доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник центра научных исследований
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
KrasVladIv@gmail.com

ФОРМЫ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО РЕКРУТИНГА В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ. ВОЗМОЖНЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Рассматриваются новые формы террористического рекрутинга, появившиеся в последние годы и связанные с его перемещением в интернет и социальные сети. Определены адреса рекрутинга и специфика наиболее уязвимых для вербовки групп населения: часть молодежи в острых формах возрастного кризиса; люди специфических психологических профилей (Темной Тетрады); психологически уязвимые люди, в тяжелых жизненных обстоятельствах; группы, ощущающие коллективную депривацию, дискриминацию и несправедливость. Преобладают две онлайн-формы террористического рекрутинга: таргетированный фишинг (по материалам индивидуальных цифровых следов) и ситуативно-психологическое рекрутирование. На основе обобщения основных направлений обсуждений и предложений в современной научной литературе, вырисовывается комплексная многоуровневая система противодействия террористическому рекрутингу, включающая в себя правовые, информационно-идеологические, организационно-технические и социально-психологические блоки.

Ключевые слова: адреса рекрутинга; таргетированный фишинг; ситуативно-психологическое рекрутирование; система противодействия террористическому рекрутингу.

В последние четыре года происходят серьезнейшие геополитические и социальные сдвиги, связанные с противостоянием России, стран глобального «Юга» и Запада. Развитие этого противостояния стремительно, включает в себя военные, экономические и информационно-идеологические составляющие. И все это происходит также в новой, быстро меняющейся киберсреде господства глобальных информационных платформ и социальных сетей. Это приводит к радикальным трансформациям прежних военно-идеологических структур, к каковым относится и рекрутинг – как набор новобранцев на военную службу. Причем речь идет не о легитимном наборе в рамках государства, а о враждебном, террористическом рекрутинге, ставшим возможным именно в условиях современной беспрецендентной информационно-идеологической проницаемости государственных границ. Как раз последнее обстоятельство и порождает глобальное явление террористического рекрутинга. Ранее у нас оно имело место в виде джихадистского террористического рекрутинга. Однако в последние четыре года рекрутинг приобрел новые информационно-идеологические черты, связанные с СВО, внутренними размежеваниями в российской социально-политической среде, экспансией агрессивного национализма.

Основная тенденция современного террористического рекрутинга – окончательное перемещение его в интернет и социальные сети. Они предоставляют качественно иные возможности для информации и коммуникации, значительно ускоряют радикализацию некоторых подходящих, податливых для идеологического воздействия, людей. Сроки всего процесса (от идеи до практических акций) становятся значительно короче, чем средние сроки радикализации в офлайн режиме. Если, как показывают исследования правоохранительных органов, до 2010 года, начала эры массовых онлайн-сетей, средние сроки радикализации составляли чуть более 4 лет, то после 2015 он уже варьируется в пределах одного года, сегодня, вероятно, еще быстрее [1]. Таким образом, подключение онлайн-механизмов к процессу радикализации буквально «взвинчивает» его темпы, и человек в очень короткое время начинает выражать заметно более радикальные взгляды.

Адреса рекрутинга или определение специфики наиболее уязвимых для вербовки групп населения – это отдельная тема. Людской состав крайне многообразен, кто же из него будет стоять в первой очереди к радикализации?

Очевидно, что радикализоваться можно в любом возрасте, однако, с повышенной вероятностью – в раннем молодежном возрасте (16–20). Именно эта часть людей, людей молодых, во все времена была средой, из которой вербовали свои кадры и революционеры, и преступные элементы. Просто их гораздо легче убедить и привлечь благодаря возрастным психологическим особенностям.

Молодые люди более уязвимы – в сравнении со всеми остальными возрастными категориями. Они пытаются понять: кто они и для чего живут. В это же время меняются отношения с родителями, которые не могут сразу принять новую ситуацию подростковой автономности. Молодые люди ищут признания, формируя одновременно свою новую идентичность. Плюс к тому, они ищут приключений, острых ощущений и провокаций. Они предпочитают

упрощенные объяснения, категоричные решения, бескомпромиссность. И они стремятся экспериментировать с различными мировоззренческими позициями, объявляя себя сторонниками крайних взглядов.

Провокационное поведение и нонконформизм молодых людей могут вести их в молодежные банды и в религиозно-экстремистские, правоэкстремистские и левоэкстремистские движения. Если же речь идет о молодежи из иных культурно-этнических сред, то здесь возрастает риск исламистской радикализации – и как следствие, их виктимизации и дискриминации. Здесь радикализация питаема нарративами, основанными на коллективном чувстве несправедливости и является тем фактором риска, который может побудить молодых людей присоединиться к радикальным группам.

Уязвимости вовсе не исчерпываются личностным кризисом, хотя именно в подростково-юношеском возрасте он встречается более часто. Уязвимости могут быть связаны и с проблемами психического здоровья, буллингом, проблемами в семье, экстремальными жизненными ситуациями (потеря работы или места учебы) и т.п.

Другими категориями уязвимых личностей, а значит объектом для рекрутирования в террористы и диверсанты, являются люди определенных психотипов и люди в определенных жизненных обстоятельствах, это:

– люди специфических психологических профилей: так называемой Темной Тетрады (с чертами макиавеллизма, нарциссизма, психопатии или садизма);

– психологически уязвимые люди (с дисфункциональными эмоциями, т.е. интенсивными, продолжительными: страхом, виной, обидой, гневом и пр.), переживающие сильные психические страдания или дискомфорт. В эти периоды подобные люди максимально уязвимы перед радикализацией и экстремизмом;

– далее, это люди в тяжелых жизненных обстоятельствах (длительная безработица или оторванность от общества из-за лишения свободы, учебы за границей или изоляции и маргинализации) – они могут переживать сходные дисфункциональные эмоции, схожие с предыдущей категорией;

– и, наконец, это группы, ощущающие коллективную депривацию, дискриминацию и несправедливость: у нас это группы мигрантов; здесь человек ощущает обездоленность своей группы (более низкая заработная плата и социальный статус). У части мигрантов могут возникнуть те же самые дисфункциональные эмоции (обида, гнев, депрессия).

Идеологическая «подложка» террористического рекрутинга.

Хотя люди могут совершать теракты и диверсии по прозаичным мотивам корысти либо же безвыходных ситуаций, однако большинство террористов все же подвергаются идеологической обработке, действуют согласно каким-то убеждениям. В отличие от просто криминала, террористический акт мотивирован политическими, идеологическими или религиозными целями. Каковы же подобные террористические идеологии сейчас наиболее задействованы?

В российских социальных сетях последних 10–15 лет существовали немногочисленные сторонники решительных действий против существующего общественного устройства: радикальные либералы, ориентированные на «цветные революции»; крайне правые (националисты расистского и языческого толка) и ультралевые (антифа, крайние анархисты), настроенные в свое время довольно бескомпромиссно и способные к экстремистским выходкам [2]. Ситуация серьезно изменилась после февраля 2022-го и была связана как с размежеванием внутри страны, так и с активной когнитивной войной между Россией и Западом.

В настоящее время идеологической подоплекой актуального терроризма и диверсионной работы в России является радикальный глобалистский либерализм части российского общества, в основном эмигрировавшей в недавнее время, и агрессивный украинский национализм «бандеровского» направления [3].

Теперь обратимся к формам современного террористического рекрутирования.

В настоящее время преобладают его онлайн-формы: интернет (поисковики), социальные сети и мессенджеры (*Telegram*, *WhatsApp* и др.).

Деструктивные структуры полностью адаптировались к законам медиапсихологии и цифрового маркетинга, сместив акцент на геймификацию и скрытое вовлечение молодежи [4]. Современный цифровой рекрутинг опирается на индивидуальный подход, где смартфон выступает главным каналом доставки угроз и манипуляций. Исследователи отмечают, что вербовщики реже начинают диалог с религиозных или политических догм. Вместо этого они используют ситуативные триггеры – финансовые трудности жертвы, обиду на общество, жажду легких денег или страх. Перед контактом рекрутеры детально анализируют цифровой след человека в соцсетях (статусы, подписки, жалобы на жизнь, депрессивные посты), создавая точечный портрет уязвимостей [5].

Ситуативно-психологическое рекрутирование, в отличии от предшествующей формы, включающей в себя психологический профайлинг, рассчитывает на случайный выход на нужных людей, хотя и через отчасти также таргетированный подход (подростки, пенсионеры и пр.) [6]. Это телефонное мошенничество с использованием методов социальной инженерии, трансформировавшееся в инструмент совершения диверсий и террористических актов (поджоги военкоматов, объектов инфраструктуры, административных зданий и срыв избирательного процесса).

Наиболее уязвимы для ситуативно-психологического рекрутирования пожилые люди – из-за снижения когнитивной гибкости, сужения круга общения и доверчивости, сформированной в другую историческую эпоху. Злоумышленники эксплуатируют психологические триггеры (страх потерять сбережения, тревогу за близких), заставляя действовать импульсивно, отключая рациональное мышление.

Ситуация последних лет – в связи с резким обострением проблемы террористического рекрутинга – стала интенсивно обсуждаться в соответству-

ющей научной литературе. Суммируя основные направления обсуждений и предложений можно указать на складывающийся консенсус между учеными относительно того, что государственные меры противодействия террористическому рекрутингу должны представлять собой комплексную многоуровневую систему, разделенную на правовые, информационно-идеологические, организационно-технические и социально-психологические блоки.

Правовые и уголовно-политические меры могут включать в себя:

– ужесточение уголовной ответственности, что включает в себя необходимость постоянной адаптации Особенной части УК РФ (ст. 205.1 УК РФ «Содействие террористической деятельности») под новые гибридные угрозы и новые формы склонения к терроризму [7];

– ликвидацию нормативных пробелов, углубление и уточнение юридической концептуализации ширящейся террористической и диверсионной практики. Так многие террористические преступления теперь не связаны с применением физического насилия против других людей, а представляют собой преступления, подобные поощрению терроризма (включая косвенное поощрение), типа: распространения публикаций, прославляющих или склоняющих к терроризму; пособничество в подготовке террористических актов; подготовка и обучение потенциальных террористов; посещение мест, которые используются для подготовки террористических актов; разные виды помощи: моральной, символической, лечение и т.п. [8];

– международно-правовое сотрудничество в виде совместной работы правоохранительных органов стран СНГ (Антитеррористический центр (АТЦ) СНГ) и ОДКБ по пресечению трансграничных каналов вербовки и перекрытию финансирования (координация оперативно-розыскных мероприятий, унификация законодательства и проведение совместных специальных операций) [9].

Очень важно информационно-идеологическое противодействие, которое предполагает:

– контрпропаганду и контрнарративы, или масштабное проведение информационных кампаний для дискредитации деструктивных религиозных и политических идей [10];

– создание официальных медиаресурсов, формирование разветвленной сети доверенных инфоресурсов для обеспечения граждан объективной и достоверной информацией об угрозах;

– развенчание манипуляций в соцсетях, системное разоблачение методов «психосоциолингвистической инженерии» и уловок сетевого маркетинга, используемых вербовщиками [11].

Предлагаются и организационно-технические меры в киберпространстве, это:

– мониторинг глобальных сетей, выявление и оперативная блокировка экстремистских сайтов, закрытых *Telegram*-каналов и пабликов в социальных сетях, через которые ведется поиск рекрутов [12];

– внедрение ИИ и цифровых технологий, применение ИТ-алгоритмов для автоматического анализа больших данных (*Big Data*) на предмет поиска маркеров радикализации [13];

– подготовка высококвалифицированных *IT*-кадров, создание в штате спецслужб и правоохранительных органов специализированных подразделений кибербезопасности [14].

Многие исследователи подчеркивают настоятельную необходимость социально-психологической и профилактической работы для превенции террористического рекрутинга, а именно:

– формирование антитеррористического сознания, внедрение образовательных программ в школах и вузах для выработки у молодежи критического отношения к деструктивному контенту;

– защиту уязвимых групп, разработку методик раннего выявления подростков и лиц с нестабильной социальной позицией, наиболее подверженных психологическому давлению;

– привлечение институтов гражданского общества, интеграция традиционных религиозных организаций разных конфессий в систему профилактики радикализма.

Особое значение имеет опыт Роскомнадзора по идентификации террористического рекрутинга и разработке мер противодействия ему. Так специалистами данного ведомства были разработаны критерии для выявления сайтов, из которых исходит информация, прямо либо косвенно приносящая вред людям и распространение которой запрещено в отечественном цифровом пространстве. Речь идет о нейросетях по выявлению террористических угроз, которые берут на себя первичный сбор и кластеризацию терабайтов данных, оставляя верификатору-человеку только финальное юридическое подтверждение факта нарушения. Инструменты и методы Роскомнадзора (семантический анализ текстов, распознавание ИИ-мультимедиа, поиск зеркал сайтов; внесение в Единый реестр запрещенных сайтов, требования к хостинг-провайдерам; контроль за *VPN*-сервисами, нарушающими закон, ограничение работы анонимайзеров) позволяют заранее выявлять вредоносную пропаганду, ликвидировать каналы связи вербовщиков и снижать доступность запрещенных платформ [15].

Таким образом, анализ форм опосредования и личин современного виртуального террористического рекрутинга, присутствующего в социальных сетях и мессенджерах, анализ отношения к ним молодежной аудитории – определено необходим в исследованиях терроризма и разработки программ противодействия ему.

Пристатейный список литературы

1. *Klausen J. et al.* Toward a Behavioral Model of «Homegrown» Radicalization Trajectories // Studies in Conflict & Terrorism. 2018. Vol. 43, № 7, pp. 588–615 https://doi.org/10.1080/1057610X.2018.1492819 С. 598-600.

2. *Красиков, В. И.* Мировоззренческие и функциональные дифференциации в молодежных онлайн сообществах с радикальной политической риторикой в социальной сети ВКонтакте // Вестник Российской правовой академии. – 2024. – № 3. – С. 59–81.
3. *Буткевич, С. А.* Генезис и эволюция украинского неонацизма в период утраты государственности // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2026. – Т. 17, № 2 (64). – С. 16–22.
4. *Осипов, Л. С., Лукки, Е. В.* Геймификация экстремизма: новые каналы вербовки в игровых платформах и метавселенных // Epomen. Global. – 2026. – № 76. – С. 363–369.
5. *Маринова, С. Ш.* Распространение идей терроризма и экстремизма в молодежной среде посредством социальных сетей и мессенджеров // Гуманитарные и политико-правовые исследования. – 2025. – № 1 (28). – С. 33–42.
6. *Поляков, С. А., Торопчин, А. А.* Способы вербовки в террористические организации // Закон и право. – 2026. – № 4. – С. 219–224.
7. *Затолокин, А. А., Насиров, М. Н.* Направления государственной политики с учетом обновленной Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2026. – № 1 (71). – С. 73–77.
8. *Шеншин, В. М., Уткин, Н. И.* Теоретико-правовые основы противодействия экстремистской деятельности в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. – 2026. – № 1. – С. 157–163.
9. *Воронов, А. М.* Административно-правовые меры ограничения нежелательной миграции участников террористической деятельности на территории государств–членов ОДКБ // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 2. – С. 48–54. https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-48-54.
10. *Скандаков, И. П.* Теоретико-правовые аспекты пропаганды и контрпропаганды в контексте информационного противодействия органов внутренних дел Российской Федерации в условиях проведения специальной военной операции // Педагогика и психология: академический журнал. – 2026. – № 1 (12). – С. 20–24.
11. *Наумов, В. Б.* Выявление деструктивного контента в российских социальных сетях: семантическое поле «информационных пузырей» на примере материалов ВКонтакте и Telegram за 2024-2026 гг. // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – 2026. – Вып. 2. – С. 101–108.
12. *Баранов, В. В.* Противодействие распространению идей экстремизма в глобальной сети Интернет на основе новых информационных технологий // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 9 (237). – С. 252–255.
13. *Савельев, А. О., Карпова, А. Ю., Третьяков, Д. А.* Методика выявления особенностей контента в популярных общественно-политических Telegram-каналах // Вестник Института социологии. – 2026. – Т. 17, № 1. – С. 12–36.

14. *Баранов, В. В.* Формирование специализированных подразделений киберполиции в Российской Федерации в условиях информационного противоборства // Труды Академии управления МВД России. – 2025. – № 3 (75). – С. 109–122.
15. *Дискин, Е. И.* Применение технологий искусственного интеллекта при осуществлении цензуры со стороны интернет-платформ // RUDN Journal of Law. – 2024. – Т. 28, № 3. – С. 584–603.

УДК 343.4

Никита Ярославович Манюк,
студент 5-го курса Тульского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Тула, Россия
niktann20@gmail.com,

Научный руководитель:
Татьяна Константиновна Бойко,
старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса
Тульского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Тула, Россия
tk4236@mail.ru

КОГДА ПОИСК СТАНОВИТСЯ ПРАВОНАРУШЕНИЕМ: ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОИСК ЭКСТРЕМИСТСКИХ МАТЕРИАЛОВ

Аннотация. Статья посвящена анализу актуальных проблем правоприменения, связанных с привлечением к ответственности за поиск заведомо экстремистских материалов и получение доступа к ним. В статье анализируются проблемы юридической квалификации действий пользователей в сети, процессуальные сложности доказывания субъективной стороны правонарушения, а также механизм выявления правонарушителей и привлечения к ответственности.

Ключевые слова: экстремистские материалы; административная ответственность; умышленный поиск; цифровая среда; деструктивный контент; программно-аппаратные средства.

Информационная среда стала ключевым источником формирования мировоззрения граждан, с одной стороны, это открывает широкие возможности для оперативного обмена информацией, с другой, создает угрозу распространения контента, деструктивно влияющего на основы правопорядка. Исходя

из этого, особую значимость приобретает необходимость регулирования и противодействия распространению экстремистских материалов, под которыми согласно ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025) «О противодействии экстремистской деятельности» понимаются документы или информация предназначенная для распространения либо публичного демонстрирования, призывающая к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающая или оправдывающая необходимость осуществления такой деятельности [1].

Правовой механизм противодействия распространению деструктивного контента опирается на процедуру по признанию материалов экстремистскими, которая осуществляется в судебном порядке, а также последующим их включением в Федеральный список экстремистских материалов Министерства юстиции РФ. На сегодняшний день этот реестр содержит 5 513 материалов [2]. Столь внушительный объем информации, находящейся под запретом, создает определенную нагрузку на правоприменительную систему.

Длительное время правовое регулирование в данной сфере было ориентировано на пресечение массового производства и распространения экстремистских материалов, что предусмотрено ст. 20.29 КоАП РФ. 31 июля 2025 года в КоАП РФ были внесены изменения, введена статья 13.53 КоАП РФ, установившая ответственность за поиск заведомо экстремистских материалов и получение доступа к ним, в том числе с использованием программно-аппаратных средств, доступ к которым ограничен. К таким средствам относят *VPN*-сервисы, прокси-серверы, роутеры, позволяющие менять сетевое местоположение.

Поиск заведомо экстремистских материалов квалифицируется как административный проступок, однако диспозиция статьи сконструирована как усеченный состав, то есть правонарушение окончено в момент получения доступа к экстремистскому материалу, даже без его прочтения и осмысления.

Появление этой нормы вызвало вопросы у общественности и правоприменителей, ведь до сих пор неясно как отличить осознанный поиск информации от случайного перехода по ссылке, а также как квалифицировать действия пользователя, который нашел подобный материал только лишь из любопытства. В настоящее время какие-либо официальные разъяснения о правилах фиксации подобных правонарушений все еще отсутствуют. Также остаются непонятными критерии, по которым должно устанавливаться наличие прямого умысла у пользователя.

О правоприменении статьи 13.53 КоАП РФ говорили и в Государственной Думе, депутаты разъяснили, что выявлением правонарушений преимущественно будут заниматься операторы связи [3, с. 9]. То есть оператор должен не только определить личность пользователя сети, но и дать оценку его деятельности, тем самым различая противоправные действия от деятельности юристов, журналистов, ученых и другой профессиональной активности. Выявление подобных правонарушений также должно осуществляться по запросам органов МВД и ФСБ России. При этом техническая сторона определения целей поискового запроса и специфики деятельности пользователя остается

неясной, все это создает предпосылки для необоснованного привлечения к ответственности [4, с. 18].

Одной из ключевых проблем является правовая неосведомленность граждан. Ввиду того, что критерии отнесения поискового запроса к экстремистскому отсутствуют, это не позволяет пользователю оценить правомерны ли его действия, что также создает риск подмены доказывания умысла одной только фиксацией посещения ресурса. Для того, чтобы установить вину пользователя помимо фиксации доступа к материалу необходим анализ комплекса данных, который будет включать социально-профессиональный профиль лица, его поисковые запросы, их периодичность, продолжительность обращения, а также факты какого-либо взаимодействие с контентом, то есть лайки, репосты. Особое значение при этом имеет технический способ доступа, например, использование *VPN* или других инструментов обхода ограничений. В совокупности все перечисленные факторы позволяют оценить наличие целевой установки на поиск экстремистских материалов, а также осознание пользователем их экстремистской направленности. При этом необходимо тщательно исследовать и проверять каждый конкретный случай, поскольку автоматизация доказывания, основанная лишь на факте посещения, общей истории запросов и времени, проведенному на ресурсе недопустима.

Эффективная борьба с экстремизмом в современном информационном пространстве возможна лишь при комплексном подходе, объединяющем законодательное регулирование и его надлежащее правоприменение. Вопросы привлечения к ответственности за умышленный поиск заведомо экстремистских материалов и получение доступа к ним требуют проработки во избежание двусмысленности и неоднозначного толкования, что критически важно для защиты прав граждан. Практика применения статьи 13.53 КоАП РФ выявила необходимость уточнения понятия «умышленный поиск» и определения роли операторов связи. В этой связи приоритетной задачей становится также разработка эффективных механизмов оперативного блокирования экстремистских материалов.

Пристатейный список литературы

1. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025) «О противодействии экстремистской деятельности» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: https://www.pravo.gov.ru. Загл. с титул. экрана. (дата обращения: 20.09.2026).
2. Федеральный список экстремистских материалов // Министерство юстиции Российской Федерации : официальный сайт. – URL: https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/ (дата обращения: 19.09.2026).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 26.07.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: https://www.pravo.gov.ru. (дата обращения: 20.09.2026).

4. *Соловьев, С. А.* Проблема привлечения к административной ответственности за поиск экстремистских материалов / Соловьев Святослав Александрович // Сфера науки. – 2026. – Т. 1, № 2. – С. 4–15.
5. *Бадальянц, Э. Ю.* Правовая природа ответственности за поиск экстремистских материалов и получения доступа к ним / Бадальянц Элеонора Юрьевна // Вестник Самарского юридического института. – 2025. – № 3 (64). – С. 16–20.

УДК 343.228

Валерия Леонидовна Печушкина,
студентка 3-го курса факультета высшего образования
Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
valeriap2005@yandex.ru

Научный руководитель:
Юлия Николаевна Маторина,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
уголовного права и процесса Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
yulyamatorina@yandex.ru

ПРЕДЕЛЫ ПРАВОМЕРНОСТИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ ГРАЖДАНСКИХ ЛИЦ ПРИ ПРЕСЕЧЕНИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТОВ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются пределы необходимой обороны гражданских лиц при пресечении террористических актов и проблемы уголовно-правовой оценки их действий с учетом положений статьи 37 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Анализируются условия правомерности необходимой обороны, критерии превышения ее пределов, проблемы разграничения правомерной защиты и превышения ее пределов.

Ключевые слова: необходимая оборона; превышение пределов необходимой обороны; террористический акт; гражданские лица; квалификация преступления; судебная практика; уголовная ответственность.

Вопрос о пределах необходимой обороны приобретает особое значение в ситуациях, связанных с пресечением террористических актов, поскольку в таких обстоятельствах гражданин может оказаться перед необходимостью

самостоятельно защищать собственную жизнь, жизнь других лиц и иные охраняемые законом интересы. При этом внешне сходные действия по причинению вреда нападающему могут иметь различную уголовно-правовую оценку: от полностью правомерного поведения до преступления, совершенного с превышением пределов необходимой обороны. Сложность заключается в том, что оценка действий гражданина производится уже после прекращения опасной ситуации, когда суд располагает значительно большим объемом информации, чем лицо, действовавшее в условиях непосредственной угрозы.

По данным МВД России, в 2025 г. зарегистрировано 5 920 преступлений террористического характера, что на 59,4% больше, чем в 2024 г. В том числе зарегистрировано 2 472 преступления, предусмотренных ст. 205 УК РФ, что на 107,6% больше показателя предыдущего года. По имеющимся промежуточным данным, в 2026 г. рост преступлений террористического характера составил 10,2%; при этом полная статистика за 2026 г. еще не сформирована [1].

Правовую основу института необходимой обороны составляет ст. 37 УК РФ [2]. Особое значение для рассматриваемой темы имеет часть 2.1 названной статьи. Данное положение учитывает реальную психологическую ситуацию, в которой находится человек в момент внезапного нападения. Для гражданского лица террористический акт или его непосредственная угроза по своей природе могут быть неожиданными, стремительно развивающимися и сопровождающимися страхом, растерянностью и дефицитом времени для принятия решения.

Таким образом, законодатель фактически устанавливает различный правовой режим защиты в зависимости от характера посягательства. Если нападение связано с насилием, опасным для жизни, либо с непосредственной угрозой такого насилия, лицо вправе причинить посягающему любой по характеру и объему вред. При менее опасном посягательстве уголовно-правовое значение приобретает соразмерность примененных средств и характер защитительных действий. При этом речь не идет о математическом равенстве причиненного и предотвращенного вреда. Оценке подлежат конкретные обстоятельства нападения, его интенсивность, способ, число нападающих, наличие оружия, место и время события, а также возможность для обороняющегося объективно оценить ситуацию [3].

В контексте террористического акта необходимо учитывать положения статьи 205 УК РФ. Террористическое посягательство по своему содержанию потенциально способно создавать реальную угрозу жизни не только непосредственной жертвы, но и неопределенного круга лиц.

При этом необходимо разграничивать понятия «террористический акт» как юридически установленный состав преступления и конкретное общественно опасное посягательство, которое воспринимает гражданин в момент событий. Обороняющийся не обязан обладать специальными знаниями для того, чтобы правильно определить юридическую квалификацию действий нападающего. Для применения статьи 37 УК РФ имеет значение то, имелась ли в конкретной обстановке реальная угроза охраняемым уголовным законом интересам и могло ли лицо воспринимать происходящее как общественно опасное посягательство [3].

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19, действующее с изменениями, внесенными в том числе постановлением от 9 декабря 2025 г. № 33, конкретизирует критерии оценки необходимой обороны. Верховный Суд указывает, что положения статьи 37 УК РФ распространяются на всех лиц независимо от профессиональной или специальной подготовки, служебного положения, а также возможности избежать посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти [3]. Для гражданского лица это имеет принципиальное значение: отсутствие специальной подготовки само по себе не может служить основанием для отказа в признании права на необходимую оборону.

Верховный Суд связывает наличие посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни, с реальной опасностью для жизни в момент совершения деяния. В качестве обстоятельств, свидетельствующих о такой опасности, названы, в частности, применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, удушение, поджог, а также иные способы, создающие угрозу жизни. Непосредственная угроза может выражаться и в демонстрации оружия или взрывного устройства, если конкретная обстановка давала основания опасаться осуществления угрозы [3]. Для ситуаций, связанных с террористическими актами, данные разъяснения особенно важны, поскольку позволяют оценивать опасность не только по уже наступившим последствиям, но и по характеру непосредственно развивающейся угрозы.

Вместе с тем наличие террористического характера посягательства не означает автоматического признания любых действий гражданина правомерными. Суду необходимо установить временные и фактические границы посягательства. Пункт 7 постановления Пленума № 19 предусматривает, что действия «не могут признаваться совершенными в состоянии необходимой обороны, если вред причинен после того, как посягательство было предотвращено, пресечено или окончено и необходимость защиты явно отпала, что осознавалось оборонявшимся» [3]. Следовательно, один из ключевых вопросов квалификации – установление момента окончания непосредственной опасности.

Особенно сложной является ситуация, когда террористическое посягательство носит продолжаемый характер либо временно приостанавливается. Пленум Верховного Суда разъясняет, что право на необходимую оборону может сохраняться при продолжаемом или длящемся посягательстве, а также когда его временная приостановка объективно не свидетельствует об окончании нападения [3]. Для гражданского лица это имеет практическое значение, поскольку прекращение отдельных действий нападающего еще не всегда означает прекращение общей угрозы. Поэтому суду необходимо исследовать всю обстановку, а не оценивать отдельный эпизод причинения вреда изолированно.

Проблема квалификации возникает и при определении момента перехода от правомерной защиты к превышению ее пределов. По смыслу части 2 статьи 37 УК РФ превышение возможно только при наличии умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства. При этом, как

подчеркивает Верховный Суд, ответственность за превышение пределов необходимой обороны наступает лишь тогда, когда установлено, что оборонявшийся осознавал отсутствие необходимости в причинении соответствующего вреда для предотвращения или пресечения конкретного посягательства [3]. Таким образом, для уголовно-правовой оценки важна не только объективная тяжесть последствий, но и субъективное отношение обороняющегося к своим действиям.

Данное положение позволяет выделить одну из основных проблем судебной практики – необходимость разграничения оценки результата и оценки ситуации, в которой действовал гражданин. Сам по себе факт смерти нападающего либо причинения ему тяжкого вреда здоровью еще не свидетельствует о превышении пределов необходимой обороны. Если посягательство было сопряжено с опасным для жизни насилием или непосредственной угрозой такого насилия, ст. 37 УК РФ допускает причинение любого по характеру и объему вреда [3]. Поэтому вывод о превышении не должен строиться исключительно на тяжести наступивших последствий.

Судебная практика Верховного Суда подтверждает необходимость такой оценки. В одном из дел Судебная коллегия по уголовным делам указала, что действия оборонявшегося могут быть признаны превышением пределов необходимой обороны лишь при установлении совокупности предусмотренных законом обстоятельств, включая характер посягательства, несоответствие примененных способов защиты и умышленное причинение тяжкого вреда либо смерти [4]. В другом деле Верховный Суд отменил судебное решение, поскольку нижестоящая инстанция необоснованно признала в действиях лица состав преступления, предусмотренного статьей 114 УК РФ, не дав надлежащей оценки характеру опасности нападения [5].

Из приведенной практики следует, что судебная оценка должна быть конкретной и учитывать фактическую обстановку события. В частности, значение имеют время и место происшествия, внезапность нападения, количество участников, наличие оружия, физическое соотношение сторон, интенсивность посягательства, возможность отступления и прекращения защитительных действий, а также сведения, которыми реально располагал обороняющийся в момент принятия решения [3; 4]. При этом невозможность заранее предвидеть развитие событий должна учитываться при оценке субъективной стороны поведения.

Важным процессуальным аспектом является распределение бремени доказывания. Верховный Суд обращал внимание на то, что при проверке доводов о необходимой обороне суд должен исходить из принципа презумпции невиновности, а неустранимые сомнения в наличии состояния необходимой обороны или виновности лица в превышении ее пределов толкуются в пользу обвиняемого [6]. Это положение приобретает особую значимость в делах, где единственным непосредственным источником информации о начале нападения могут быть показания самого оборонявшегося, поскольку террористическое нападение может происходить внезапно, в условиях хаоса и массового скопления людей.

Отдельного внимания требует разграничение необходимой обороны и причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38 УК РФ). Если в процессе задержания такое лицо продолжает совершать общественно опасное посягательство, сопряженное с опасным для жизни насилием либо непосредственной угрозой его применения, причинение ему вреда оценивается по правилам ст. 37 УК РФ. Данное разграничение имеет практическое значение для пресечения террористического акта, поскольку защитительные действия могут продолжаться непосредственно после первоначального нападения.

Показательным примером непосредственного участия гражданского лица в пресечении террористического нападения является ситуация, произошедшая 22 марта 2024 г. в «Крокус Сити Холле». Один из посетителей, Михаил, во время нападения оказался непосредственно перед вооруженным террористом. В момент, когда нападавший начал перезаряжать автомат, Михаил воспользовался возникшей возможностью, схватил оружие и попытался лишить нападавшего возможности продолжать стрельбу. Данный случай представляет интерес с точки зрения применения положений ст. 37 УК РФ, поскольку гражданин самостоятельно пресекал непосредственное общественно опасное посягательство, исходившее от вооруженного лица.

Еще одна проблема возникает при причинении вреда третьим лицам. Пункт 25 постановления Пленума № 19 указывает, что при необходимой обороне недопустимо причинение вреда третьим лицам; в зависимости от обстоятельств такие действия могут оцениваться по правилам крайней необходимости, обоснованного риска, исполнения приказа или распоряжения, как невиновное причинение вреда либо как умышленное или неосторожное преступление [3]. В условиях террористического акта вероятность возникновения подобной ситуации объективно повышается из-за массового характера опасности и использования общественных пространств.

Таким образом, применение статьи 37 УК РФ при пресечении террористических актов требует учитывать не только нормы уголовного закона, но и специальные положения законодательства о противодействии терроризму. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» устанавливает систему мер по предупреждению и пресечению террористических актов и предусматривает специальные полномочия государственных органов [7]. Однако наличие специальных государственных механизмов противодействия терроризму не исключает права гражданина на необходимую оборону, поскольку статья 37 УК РФ прямо распространяется на всех лиц независимо от возможности обратиться за помощью к органам власти.

Особое значение имеет презумпция добросовестной оценки внезапной опасности. Если нападение было неожиданным и лицо вследствие этого объективно не могло оценить его характер и степень, часть 2.1 статьи 37 УК РФ исключает признание таких действий превышением пределов необходимой обороны [1]. Суду в подобных случаях необходимо исследовать не только объективные обстоятельства, но и то, каким образом они воспринимались оборо-

няющимся в момент нападения. Такой подход препятствует ретроспективной переоценке поведения человека с позиции уже известного ему результата.

В научной литературе необходимая оборона рассматривается как одно из обстоятельств, исключающих преступность деяния, обеспечивающее возможность активной защиты охраняемых уголовным законом интересов [8; 91]. При этом современный подход предполагает не механическое требование соразмерности, а оценку допустимости причиненного вреда с учетом конкретного характера посягательства. В ситуациях террористических актов такой подход особенно важен, поскольку чрезмерно узкое понимание пределов обороны может привести к тому, что лицо, реально пресекавшее опасное посягательство, будет оцениваться преимущественно через наступившие последствия.

Одновременно расширительное толкование права на оборону также не должно превращаться в разрешение на причинение вреда после прекращения опасности. Необходимая оборона направлена именно на предотвращение или пресечение посягательства. Поэтому после очевидного прекращения нападения дальнейшее причинение вреда требует самостоятельной уголовно-правовой оценки. В зависимости от обстоятельств речь может идти о задержании преступника, состоянии аффекта либо об обычном умышленном преступлении [3; 4].

На основании анализа законодательства и судебной практики можно сделать вывод, что главная проблема квалификации действий гражданских лиц при пресечении террористических актов заключается не столько в отсутствии законодательной основы, сколько в необходимости правильной оценки фактической обстановки. Статья 37 УК РФ предоставляет достаточно широкие возможности для защиты жизни и других охраняемых законом интересов, однако применение ее положений требует установления конкретных обстоятельств нападения, времени причинения вреда и субъективного восприятия ситуации обороняющимся.

Представляется целесообразным при рассмотрении таких дел более последовательно отражать в судебных решениях фактические обстоятельства, характеризующие угрозу: способ нападения, наличие оружия или иных опасных средств, число нападающих, внезапность, продолжительность посягательства, возможность его повторения и момент фактического прекращения опасности. Такая детализация позволит отделить правомерную защиту от действий, совершенных уже после прекращения посягательства, и снизить риск формального подхода к квалификации.

В качестве общего критерия следует использовать не результат, достигнутый обороняющимся, а необходимость и условия причинения вреда в конкретный момент развития посягательства. При этом тяжкие последствия для нападающего не должны автоматически свидетельствовать о превышении пределов необходимой обороны, равно как сам факт террористического характера нападения не должен автоматически оправдывать любые последующие действия. Именно установление временных, объективных и субъективных границ защиты позволяет обеспечить баланс между правом гражданина на безопасность и задачами уголовной ответственности.

Таким образом, пределы необходимой обороны гражданских лиц при пресечении террористических актов должны определяться с учетом положений статьи 37 УК РФ, статьи 205 УК РФ, Федерального закона «О противодействии терроризму» и разъяснений Верховного Суда Российской Федерации. Современная судебная практика ориентирует суды на индивидуальную оценку характера и опасности посягательства, внезапности нападения, фактического момента его окончания и субъективного восприятия ситуации обороняющимся. Такой подход позволяет рассматривать необходимую оборону не как исключительное основание освобождения от ответственности, а как предусмотренный законом механизм защиты личности, общества и государства от общественно опасных посягательств.

Пристатейный список литературы

1. Министерство внутренних дел Российской Федерации. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2025 года : статистический сборник. – М. : МВД России, 2026. – 48 с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 4 августа 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 (ред. от 09.12.2025) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление». // Российская газета. – 2012. – 3 окт.
4. Обзор практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2013 года. Судебная практика по уголовным делам. Вопросы квалификации. // СПС «Гарант».
5. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2013 г. № 33-Д13-6 «Необоснованное признание судом в действиях лица состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 114 УК РФ, повлекло отмену приговора» // Верховный Суд РФ : сайт. – URL: https://www.vsrf.ru/.
6. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. – 1993. – 25 дек.
7. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 25 мая 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.
8. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под общ. ред. А. П. Кузнецова, А. Я. Гришко. – М. : ИНФРА-М, 2026. – 557 с.
9. Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. Н. М. Кропачева, Н. И. Пряхиной, В. Ф. Щепелькова. – 4-е изд., испр. и доп. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2025. – 642 с.

УДК 343

Людмила Александровна Потапова,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
lap-law@yandex.ru

«ФОРМУЛА ТЕРРОРА» ПРОТИВ «ФОРМУЛЫ БЕЗОПАСНОСТИ»: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье исследуется концептуальное противостояние двух фундаментальных социально-политических моделей – «формулы террора» и «формулы безопасности». На основе синтеза российских и зарубежных социогуманитарных подходов формализованы интегральные уравнения данных феноменов. С позиции ситуационного анализа проанализирован общественный резонанс, возникающий в точке столкновения указанных моделей. Сделан вывод о том, что гипертрофированная реализация мер технократической безопасности способна приводить к обратному криминогенному эффекту ввиду деформации правосознания и эрозии социального доверия.

Ключевые слова: общественная безопасность; терроризм; криминологический анализ; радикализация; ситуационная превенция; социальное доверие; когнитивная безопасность.

Современное общество функционирует в условиях перманентного транзита рисков и диверсификации угроз асимметричного характера. Одной из центральных теоретических и прикладных задач современной криминологии, социологии и политологии остается поиск оптимального уравнения общественной стабильности. В академический дискурс прочно вошли метафорические и математические конструкты такие как «формула безопасности» и «формула террора».

Введение. Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что в практической плоскости данные модели вступают в острое диалектическое противоречие. Стремление государственных институтов максимизировать показатели объективной защищенности неизбежно наталкивается на специфику террористической тактики, ориентированной на эксплуатацию уязвимостей открытого социума. В истории, так называемое столкновение формул отчетливо проявилось в период радикальной активности организации «Народная воля». Попытки царского правительства защитить инфраструктуру империи привели к созданию института чрезвычайной охраны (Положение 1881 года), что фактически ограничило гражданские свободы в крупных городах. Однако террористическая тактика адаптировалась к сверхконтролю – ответом «Народной воли» и последующих боевых организаций эсеров стал переход от масштабных заговоров к децентрализованному «индивидуальному террору» и эксплуатации уличного пространства, против которого тотальные меры государства оказались неэффективными [7, с. 19–23]. В новейшей истории классическим примером является принятие Патриотического акта США (*USA PATRIOT Act)* после терактов 11 сентября 2001 года. Государство максимизировало «формулу безопасности» через беспрецедентное расширение полномочий спецслужб в сфере электронной слежки (программы АНБ). Это вызвало глубокий ценностный раскол в американском обществе, породив затяжной юридический конфликт между защитниками гражданских свобод (*ACLU*) и институтами национальной безопасности. Настоящая работа направлена на криминологический аудит последствий столкновения этих двух регулятивных систем [5].

Практическая значимость проведенного исследования заключается в дедуктивной систематизации теоретических моделей, позволяющей перевести абстрактные уравнения «террора» и «безопасности» в плоскость прикладных управленческих решений. Предложенный криминологический аудит может быть непосредственно использован органами государственной власти, аналитическими центрами и правоохранительными ведомствами для оптимизации действующей антитеррористической политики.

В рамках исследования осуществлена систематизация ключевых механизмов противодействия, распределенных по трем взаимосвязанным уровням. Первый уровень – технократический (ситуационный) на котором происходит систематизация механизмов защиты критической инфраструктуры и мест массового скопления людей. Выводы статьи позволяют перепроектировать алгоритмы физической охраны «мягких целей» с учетом эффекта криминального перемещения, упреждая миграцию террористической активности в менее защищенные сектора городской среды. Второй уровень – информационно-когнитивный. Здесь происходит обоснование практической необходимости смещения фокуса с реактивного блокирования контента на проактивное снижение информационно-когнитивного искажения рисков у населения. Разработанная модель может лечь в основу методик оценки психологической устойчивости общества к медийным эффектам «театра насилия», позволяя минимизировать панические настроения без введения избыточных

цензурных ограничений. Третий уровень – институционально-социальный, позволяющий сформулировать практические рекомендации по снижению криминогенных факторов через воздействие на числитель «формулы террора». Систематизированы подходы к дерадикализации микрогрупп через инструменты горизонтального доверия. Предложенные выводы доказывают прикладную эффективность расширения легальных каналов обратной связи между обществом и государством как инструмента правовой превенции вторичной девиации. Таким образом, систематизация механизмов противодействия предоставляет субъектам обеспечения национальной безопасности прикладной инструментарий для калибровки правового контроля. Она позволяет уйти от стратегии тотального подавления симптомов угроз к превентивному управлению балансом общественной стабильности.

Обсуждение и результаты. В отечественной научной школе (исследования Центра исследования проблем безопасности РАН, работы А. И. Донцова, Ю. П. Зинченко) безопасность традиционно рассматривается как динамический баланс между ресурсами сохранения и развития, а также через призму психологической защищенности личности [2, с. 89]. Современный вектор смещается в сторону концепта когнитивной безопасности, защищающей ментальное пространство общества от деструктивного информационного воздействия. Так, например, в ходе современных геополитических и локальных конфликтов террористические структуры отказались от примитивной трансляции манифестов, перейдя к созданию таргетированного, высокореалистичного сфабрикованного контента (видео- и аудиоматериалов), генерируемого нейросетями [6, с. 216].

В зарубежной мысли (Школа Копенгагена, Б. Бузан, Л. Хансен) доминирует теория «секьюритизации», согласно которой безопасность является результатом речевых актов политических элит, переводящих вызовы в плоскость экзистенциальных угроз [9, с. 26–29]. Развитие концепта *Human Security* (безопасность человека) в медицинских и социологических трудах увязывает объективную защищенность с базовыми материальными потребностями (*Material Needs Security*) и индивидуальной эффективностью (*Self-Efficacy*) личности перед лицом угроз. С позиций социологии безопасности, это означает, что граждане с низким уровнем материальной защищенности и подавленной индивидуальной эффективностью утрачивают способность к адаптивному и безопасному поведению. Они перестают доверять официальным общественным институтам и становятся уязвимыми для деструктивного информационного воздействия и радикализации [8, с. 47].

Опираясь на интеграцию указанных подходов, предлагается следующая формула общественной безопасности, включающая произведение «объективной защищенности институтов» и «социального доверия» поделенное на «криминологический индекс детерминант терроризма». В этой связи, опыт Сингапура показывает, что общественная безопасность удерживается там, на умеренно высоком, но не тотальном уровне (строгий контроль критической инфраструктуры без ущемления повседневной приватности граждан). При этом государ-

ство делает ставку на максимизацию переменной – «социальное доверие» через развитие программ инклюзивности, межрелигиозного диалога и прозрачность правоохранительных органов. Социум доверяет полиции и активно сотрудничает с ней, выполняя функцию естественного горизонтального контроля [14].

Зарубежные исследователи (Дж. Хорган, М. Саджеман) доказали доминирование групповой динамики («внутреннего круга») над абстрактными идеологемами [11, с. 112]. С позиций социологии (Б. Дженкинс, А. Шмидт), террор формализуется как специфический «театр насилия», где гражданские жертвы выступают лишь инструментом коммуникации для передачи месседжа третьей стороне (власти) [12, с. 45; 13, с. 132]. Экономические модели (Э. Сандлер, В. Эндерс) описывают террор как рациональный выбор с максимизацией медийного эффекта при минимуме издержек [10, с. 211].

Синтез данных концепций позволяет вывести интегральную формулу террора. Террор – это «воспринимаемая несправедливость» плюс «радикальная идеология» умноженная на «групповое давление», все вместе поделенное на произведение «доступности легальных каналов протеста» и «эффективности спецслужб». Прямое наложение формулы террора на формулу безопасности в условиях мегаполиса порождает комплекс системных противоречий, которые могут быть классифицированы по четырем криминологическим параметрам.

Во-первых, дилемма правового ограничения и превентивного контроля. Общественный резонанс в точке столкновения формул носит характер выраженного ценностного раскола. Для минимизации переменной «Уязвимость» в системе безопасности государство вынуждено задействовать механизмы жесткой ситуационной криминологии (*Situational Crime Prevention*). Внедрение тотального цифрового мониторинга, биометрии и превентивного ограничения приватности вступает в конфликт с правами законопослушных граждан. Возникает парадокс – защита институтов безопасности осуществляется методами, деформирующими либерально-правовые основы самого защищаемого общества.

Во-вторых, эффект криминального перемещения. Криминологический аудит показывает, что ужесточение мер безопасности в рамках одной локации или технологической среды не уничтожает террористический потенциал, а трансформирует его. Перекрывая каналы совершения сложных, высокотехнологичных атак (благодаря защите ИИ и жесткому контролю транспортных узлов), «формула безопасности» провоцирует смещение «формулы террора» в сторону тактики «мягких целей». Это выражается и в децентрализации угроз – переходе к атакам террористов-одиночек), использованию общедоступных бытовых средств поражения и миграции преступной деятельности в шифрованные сегменты сети (*Darknet*). Например, серия скоординированных атак на объекты инфраструктуры в Европе уступила место спонтанным нападениям на гражданские пространства. Прецеденты нападений в приграничных регионах, на открытых городских променадах, региональных фестивалях и в учебных заведениях доказывают: преступники выбирают места, где внедрение жестких систем досмотра и ИИ-мониторинга технически невозможно или соци-

ально неприемлемо. Согласно отчетам Европола (*TE-SAT*) и аналитическим базам данных *Extremist Crime Database* (*ECDB*), именно «террористы-одиночки» (*Lone Wolves*), действующие вне постоянного физического контакта с ячейками, стали главным вызовом для правоохранительных органов, так как их подготовка не фиксируется классическими оперативно-розыскными методами [14].

В-третьих, феномен воспроизводства девиантности через стигматизацию. Стремление возвести знаменатель формулы безопасности в абсолют, требует внедрения жестких алгоритмов профайлинга и фильтрации. Однако масштабная генерализация подозрения по этно-религиозному или социальному признаку запускает процессы вторичной девиации. Выделение «групп риска» приводит к их социальной изоляции, разрушению горизонтального доверия внутри социума и росту ксенофобии. С позиций теории стигматизации, правовое и общественное отчуждение подрывает легитимность институтов власти в глазах стигматизируемых сообществ, повышая их латентную виктимность и делая их комплементарными для вербовочных стратегий радикалов. Например, такие последствия наблюдались во Франции в ходе реализации правоприменительной практики в так называемых «чувствительных городских зонах» (*ZUS – Zones Urbaines Sensibles*). Массовые превентивные проверки («проверки документов на основе расового профайлинга») привели к тому, что целые кварталы пригородов Парижа оказались в состоянии перманентной конфронтации с полицией, что существенно облегчило подпольным экстремистским ячейкам процессы рекрутирования новых членов из числа маргинализированной и обиженной на государство молодежи [1].

Проведенный криминологический анализ демонстрирует, что механистическое столкновение «формулы террора» и «формулы безопасности» не может быть разрешено исключительно в рамках жесткого административно-правового контроля. Тотальное доминирование репрессивного и превентивного контроля способно снизить количество явных преступных проявлений в краткосрочной перспективе, однако в долгосрочном периоде оно истощает ресурс социального доверия – ключевой переменной общественной стабильности.

Оптимальная стратегия противодействия террористическим угрозам должна строиться на дуалистическом принципе: поддержание высокого технологического уровня ситуационной превенции должно сочетаться с расширением легальных институтов обратной связи, снижением уровня социально-экономической стратификации и защитой когнитивного суверенитета личности. Пример Сингапура демонстрирует на то, как государство удерживает показатель террора на околонулевой отметке, целенаправленно воздействуя на все переменные уравнения. Во-первых, происходит минимизация числителя – государство жестко купирует «воспринимаемую несправедливость» через квоты на совместное проживание разных этнических групп в жилых кварталах, исключая появление гетто. Любые проявления «радикальной идеологии» блокируются на ранних стадиях в информационном пространстве. Межрелигиозные общественные круги доверия (*Inter-Racial and Religious Confidence Circles*) разрушают изоляцию микрогрупп, полностью

нивелируя деструктивное «групповое давление». В стране поддерживается высокая «доступность легальных каналов» разрешения споров через систему государственных медиаторов и национальных советов. В то же время показатель «эффективности спецслужб», в частности, Департамента внутренней безопасности (*ISD*) находится на высочайшем технологическом уровне, позволяя выявлять подготовку атак на стадии умысла. Итог по формуле таков, что благодаря минимизации числителя до критически малых значений и одновременному умножению показателей знаменателя, итоговый уровень террора математически стремится к нулю, обеспечивая долгосрочную стабильность открытого многонационального социума [15].

Выводы. На основе полученных результатов исследования сделать следующие предложения по трем ключевым направлениям. Для развития научной теории предлагаем обратить внимание на внедрение междисциплинарного концепта – когнитивной виктимологии. Теоретический аппарат должен сместиться от фиксации физической уязвимости объектов к моделированию рисков «когнитивной уязвимости» населения перед технологиями информационно-психологического террора. Также требуется разработка динамических прогностических моделей, способных рассчитывать траектории изменения тактики террористических групп при усилении мер безопасности в конкретных урбанистических узлах. Также необходима модернизация антиэкстремистского законодательства в части криминализации алгоритмических и платформенных механизмов, ведущих к искусственной изоляции и стигматизации отдельных этнических или социальных групп в цифровом пространстве. Для практики правоприменения необходим переход от тотального профайлинга к поведенческому (детекция аномалий). В практической деятельности правоохранительных органов (включая системы ИИ и АПК «Безопасный город») следует отказаться от статичных этно-социальных фильтров подозрения в пользу динамического анализа поведенческих девиаций. Это позволит снизить уровень латентной ксенофобии в обществе и повысить точность выявления реальных угроз. Практика оперативно-розыскной превенции должна включать не только силовое подавление ячеек, но и скоординированную работу органов безопасности, институтов гражданского общества и медиа по оперативному купированию панических волн (эффекта «театра насилия») в информационном пространстве сразу после совершения резонансных преступлений.

Пристатейный список литературы

1. *Байрамов, Р. Р.* К вопросу о профилактике этнической преступности: проблемы профайлинга / Р. Р. Байрамов, М.В. Петухова // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2019. – № 2 (70). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-profilaktike-etnicheskoy-prestupnosti-problemy-profaylinga (дата обращения: 29.09.2026).

2. *Донцов, А. И.* Психологическая безопасность личности: учебник / А. И. Донцов, Ю. П. Зинченко, О. Ю. Зотова, Е. Б. Перелыгина. – М. : Юрайт. – 2019. – 222 с.
3. *Зинченко, Ю. П.* Методологические основы психологии безопасности // Национальный психологический журнал. – 2011. – № 2 (6) – С. 11–14.
4. *Новичков, В. Е.* О критериях систематизации криминальных рисков и о факторах преступности в миграционной сфере современной России / В. Е. Новичков // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2025. – № 15 (2). – С. 192–205.
5. *Романовская, О. В.* Акт о патриотизме: ограничения права на неприкосновенность частной жизни в США в целях противодействия терроризму / О. В. Романовская // Наука. Общество. Государство. – 2017. – № 2 (18). – URL: http://esj.pnzgu.ru.
6. *Саджеман, М.* Сетевой фронт глобального джихада : научное издание / М. Саджеман; пер. с англ. А. А. Петрова. – Москва : ОГИ, 2022. – 344 с.
7. *Тихомиров, Л. А.* Записки народника. Воспоминания о «Народной воле» / Л. А. Тихомиров. – М. : Государственное издательство, 1927. – 223 с.
8. *Яшлавский, А.* Террористические сети «глобального джихада» в 2020-е годы: новые формы, локации и вызовы / А. Яшлавский // Мировая экономика и международные отношения. – 2025. – Т. 69, № 2. – С. 44–54.
9. *Buzan, B.* Evolution of International Security Studies / B. Buzan, L. Hansen. – Cambridge : Cambridge University Press, 2021. – 384 p.
10. *Enders, W.* The Political Economy of Terrorism : Analysis of Crime Displacement / W. Enders, T. Sandler. – 2nd ed. – Cambridge : Cambridge University Press, 2023. – 296 p.
11. *Horgan, J.* The Psychology of Terrorism: Paths to Radicalization and Deradicalization / J. Horgan. – London : Routledge, 2022. – 240 p.
12. *Jenkins, B. M.* Terrorism as a Communication Strategy and Its Social Impact / B. M. Jenkins // Journal of International Affairs. – 2024. – Vol. 77, № 2. – P. 45–59.
13. *Schmid, A. P.* The Routledge Handbook of Terrorism Research / A. P. Schmid. – New York : Routledge, 2023. – 736 p.
14. European Union Terrorism Situation and Trend Report 2026 (EU TE-SAT) / European Union Agency for Law Enforcement Cooperation (Europol). – Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2026. – 94 p. – URL: Europol Official Site (дата обращения: 29.09.2026).
15. Singapore's Approach to Counterterrorism / Combating Terrorism Center at West Point. – 2009. – URL: https://ctc.westpoint.edu/singapores-approach-to-counterterrorism/ (дата обращения: 29.09.2026).

УДК 343.34:004.7:343.85

Ольга Алексеевна Разгадова,
Анастасия Александровна Филькина,
студенты 5-го курса специалитета юридического факультета
Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
razgadova03@mail.ru
filkinanasta1@gmail.com

Научный руководитель:
Глеб Алексеевич Востриков,
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры
уголовного права и процесса Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
gleb.v97@mail.ru

«ГЕЙМИФИКАЦИЯ» ЭКСТРЕМИЗМА: ВЕРБОВКА И РАДИКАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ ЧЕРЕЗ ИГРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ И ВИРТУАЛЬНЫЕ МИРЫ

Аннотация. **Актуальность статьи** обусловлена тем, что цифровое пространство, прежде всего многопользовательские онлайн-игры и виртуальные миры, становится одним из наиболее уязвимых каналов вербовки и радикализации молодежи. Анонимность, слабый контроль голосовых чатов, эмоциональная вовлеченность и иллюзия безопасности создают благоприятные условия для манипуляции сознанием несовершеннолетних, а вербовщики нередко опережают правоохранительную систему в адаптации к новым технологиям. **Целью статьи** было проанализировать механизмы использования игровых платформ для вовлечения российской молодежи в противоправную деятельность, а также систематизировать документированные случаи таких вербовок и меры государственного противодействия. **Проанализировано** поэтапное развертывание вербовки через игровые среды: от поиска потенциальных жертв и установления эмоционального контакта до миграции в закрытые мессенджеры и эскалации к реальным противоправным заданиям. Рассмотрены такие явления, как «инверсия доверия», геймификация заданий,

ARG-игры, квесты с реальными локациями, схемы «легкого заработка», сбор данных под видом игровых активностей. Приведены документированные российские случаи, статистика по статье 281 УК РФ, данные о снижении среднего возраста вовлекаемых, а также меры законодательного, информационно-просветительского и регионального характера, включая проект «Выход 31» и профилактическую работу в Республике Мордовия. **В результате мы пришли к выводу,** что угроза вербовки через игровые платформы носит системный характер, а государство уже предпринимает комплексные шаги по противодействию: ужесточает законодательство, запускает просветительские проекты и развивает региональную профилактику. Однако сохраняется разрыв между скоростью адаптации вербовщиков к новым технологиям и возможностями правоохранительной системы, что требует дальнейшего совершенствования нормативной базы и практических инструментов выявления и предотвращения вербовки в игровых средах.

Ключевые слова: геймификация экстремизма; вербовка молодежи; радикализация; игровые платформы; виртуальные миры; онлайн-игры; несовершеннолетние; кибербезопасность; экстремиз; терроризм; диверсии; профилактика.

Современное цифровое пространство превратилось в арену скрытого противостояния за умы подрастающего поколения, и игровые платформы оказались одним из наиболее уязвимых участков этого фронта. В отличие от социальных сетей и мессенджеров, где контент хотя бы формально поддается модерации, многопользовательские онлайн-игры представляют собой слабо контролируемую среду, в которой анонимность, эмоциональная вовлеченность и иллюзия безопасности создают идеальные условия для манипуляции сознанием несовершеннолетних. Государство, осознавая масштаб угрозы, выстраивает систему защиты, однако скорость адаптации вербовщиков к новым технологиям зачастую опережает возможности правоохранительной системы. Настоящая статья анализирует механизмы использования игровых платформ для вовлечения российской молодежи в противоправную деятельность, документированные случаи таких вербовок и комплекс мер, предпринимаемых государственными институтами для противодействия этой угрозе.

Игровые платформы обладают рядом структурных характеристик, которые делают их привлекательными для экстремистских и диверсионных кураторов. Анонимность позволяет вербовщику действовать под игровым псевдонимом, не раскрывая своей реальной личности, что существенно затрудняет его идентификацию. Огромный охват аудитории обеспечивает доступ к миллионам несовершеннолетних пользователей, многие из которых проводят в игровых средах значительную часть своего свободного времени. Совместная игровая деятельность создает иллюзию естественного социального контакта,

а игровая культура, включая ее токсичные сегменты, нормализует агрессию и враждебность. Голосовые чаты представляют особую сложность для мониторинга, поскольку автоматические системы фильтрации текста здесь бессильны, а человеческий контроль ограничен. Именно переход в голосовую коммуникацию нередко становится первым шагом к выпадению потенциальной жертвы из поля зрения систем безопасности. Исследователи вводят понятие «инверсии доверия»: игровая среда по умолчанию воспринимается как безопасная и «своя», что снижает критичность подростка и повышает его готовность к доверительным отношениям с незнакомцами [1, с. 869].

Процесс вербовки через игровые платформы разворачивается поэтапно. На стадии обнаружения вербовщики ищут потенциальных рекрутов в публичных игровых пространствах, ориентируясь на признаки социальной изоляции, агрессивное поведение или интерес к милитаристскому контенту. Первоначальный контакт обычно не содержит идеологического содержания: вербовщик устанавливает эмоциональную связь через совместную игру, юмор и общие интересы, постепенно выстраивая раппорт и предлагая то чувство принадлежности и признания, которого подросток может не получать в офлайн-среде. Критическим порогом становится миграция контакта с публичной платформы на приватные каналы – переход в *Discord*, *Telegram* или иные закрытые мессенджеры, где технические средства мониторинга теряют эффективность. Именно на этом этапе начинается систематическая идеологическая обработка, контент подается порциями под видом юмора, игровых нарративов или «образовательных» материалов, а геймификация используется для поддержания вовлеченности через виртуальные «очки», «уровни» и «рейтинги» за выполнение заданий. Финальная фаза – эскалация – предполагает переход от виртуальных действий к реальным: вербовщик может начать с «невинной просьбы» сфотографировать объект, передать координаты или оставить пакет в определенном месте, после чего включаются механизмы давления [2, с. 39].

Российская практика фиксирует конкретные формы использования игровых механик для вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность. Согласно разъяснениям, опубликованным на официальных ресурсах, одной из распространенных схем является создание в *Telegram* каналов, которые занимаются сбором данных из открытых источников под прикрытием игровых заданий. Пользователи вовлекаются в игровые квесты, в ходе которых отвечают на вопросы и незаметно для себя раскрывают личную информацию, после чего к работе подключаются психологи, использующие полученные данные для вербовки [2, 45]. Еще один документированный метод – так называемые игры *ARG* (*Alternative Reality Games*), в которых задания даются в интернете, но игровой платформой становится реальный мир [3]. Несмотря на игровую форму, в них используются реальные номера телефонов и локации, а первоначальные задания выглядят безобидно: например, сфотографироваться рядом с определенным зданием или объектом. По сути, участник неосознанно совершает преступление,

после чего манипулировать им можно с помощью угроз и шантажа, а задания становятся диверсиями. Сотрудники правоохранительных органов отмечают, что преступники используют элементы игры и квестов, предлагая выполнить определенные задания за денежное вознаграждение, а в случае отказа применяют публичное унижение и исключение из группы для принуждения подростка к соучастию.

Документированные случаи вовлечения российских подростков через игровые платформы подтверждают системный характер угрозы. В 2025 году на территории Московской области был зафиксирован случай, когда подросток, участвовавший в ультраправых чатах и игровых сообществах, создавал в игровой среде реконструкции реальных объектов для «цифровых репетиций» атак и формировал манифест, вдохновленный террористом Брейвиком. Аналитики ФСБ отмечают стремительное снижение среднего возраста людей, вовлекаемых в диверсионную деятельность: если в 2022 году он составлял 38 лет, то в 2023 году – уже 28 лет, при этом вербовщики активно нацелились на подростков и студентов, используя для этого социальные сети и общение в компьютерных играх. Статистика подтверждает рост угрозы: если с 2019 по 2023 годы по статье 281 УК РФ («Диверсия») суммарно было осуждено 13 человек, то только за 2024 год – уже 48. В 2026 году ветеран органов безопасности Вячеслав Назаров констатировал, что радикальные сообщества начали активно использовать методы геймификации для вовлечения российских подростков, маскируя криминальную активность под привычный формат прохождения квестов, где участники пошагово, от уровня к уровню, погружаются в радикализм и одновременно участвуют в сетевых атаках [4]. Прокурорские работники в ходе профилактических бесед со школьниками подчеркивают, что обещания «легкого заработка» почти всегда оборачиваются уголовным сроком, и приводят истории подростков, чье участие в противоправных действиях привело к реальному лишению свободы.

Государственное противодействие этой угрозе выстраивается по нескольким направлениям. Законодательное реагирование включает ужесточение уголовной ответственности: Государственная Дума единогласно поддержала в первом чтении масштабный законопроект, ключевым нововведением которого стало пожизненное лишение свободы за склонение несовершеннолетних к террористической и диверсионной деятельности. Законопроект также отменяет сроки давности по преступлениям диверсионной направленности, ограничивает право на условно-досрочное освобождение и вводит уголовную ответственность с 14 лет за особо опасные умышленные преступления диверсионно-террористической направленности. Парламентарии предлагают дополнить Уголовный кодекс новыми составами преступлений за склонение несовершеннолетних к участию в онлайн-казино и ставках, а также усилить статью 151 УК за вербовку подростков на диверсии и поджоги через интернет [5]. Обсуждается введение обязательной классификации и экспертизы компьютерных игр на предмет содержания сцен насилия, суицида или оскорбления традиционных ценностей.

Информационно-просветительское направление представлено запуском на официальном интернет-ресурсе «Объясняем.РФ» специального проекта «Выход 31» [6], созданного для защиты подростков и молодежи от вовлечения в диверсии, поджоги и другие тяжкие преступления через социальные сети и мессенджеры. Название проекта отсылает к статье 31 Уголовного кодекса РФ о добровольном отказе от преступления, и его главная цель – объяснить молодым людям и их родителям, как распознать психологическое давление, манипуляции и угрозы со стороны злоумышленников. Проект разъясняет схемы вербовки, когда под видом «легкого заработка», квеста или безобидного задания заставляют совершать противоправные действия, и перечисляет поведенческие маркеры, на которые следует обращать внимание родителям: замкнутость и скрытность подростка, появление подозрительных «подработок», новых знакомых в играх и закрытых сообществах, использование в речи слов «куратор», «задание», «схема», ночные переписки с неизвестными.

Профилактическая работа ведется и на региональном уровне. В Республике Мордовия сложилась многоуровневая система противодействия вовлечению молодежи в деструктивную деятельность через цифровые каналы. Так, Председатель Государственного комитета по делам молодежи Республики Мордовия Анастасия Гришнева подчеркнула, что профилактика экстремизма и терроризма невозможна без ежедневной работы с молодежью и требует развития у подростков цифровой грамотности и критического мышления [7]. Отдельное направление работы связано с разъяснением схем вербовки под видом «легкого заработка»: в сентябре 2026 года в Национальной библиотеке им. А. С. Пушкина в рамках XIII Единого дня профилактики терроризма и проекта «Школа Твоей Антитеррористической Безопасности #ШТАБ» состоялся II Всероссийский научно-практический круглый стол «Педсовет. 3-е сентября», центральной темой которого стала «#НеТотЗаработок: как вербуют в Интернете». Участники мероприятия обсудили, как меняются способы воздействия на людей и почему особенно уязвимыми перед подобными предложениями оказываются молодые люди, а к пленарному заседанию подключились представители Беларуси и Испании, что подчеркивает международный характер проблемы [8].

Подытоживая, российская практика демонстрирует осознание государством системного характера угрозы, связанной с использованием игровых платформ для вербовки молодежи. Документированные случаи – от игровых квестов с реальными заданиями до *ARG*-игр и геймифицированных схем вовлечения – подтверждают, что вербовщики активно эксплуатируют игровую культуру и психологию подростков. Ответ государства включает ужесточение законодательства, запуск специализированных просветительских проектов и системную профилактическую работу на региональном уровне. Однако сохраняется разрыв между скоростью адаптации вербовщиков к новым технологиям и возможностями правоохранительной системы, что требует дальнейшего совершенствования как нормативной базы, так и практических инструментов выявления и предотвращения вербовки в игровых средах.

Пристатейный список литературы

1. *Глущенко, П. А.* Вовлечение несовершеннолетних в диверсии и экстремизм: криминологическая характеристика и современная профилактика / П. А. Глущенко // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2026. – Т. 36, вып. 5. – С. 868–875.
2. *Смирнов, А. А.* Технологии геймификации в экстремистской и террористической деятельности: опыт экспозиции / А. А. Смирнова, И. Ю. Сундиев // Научный портал МВД России . – 2021. – № 3. – С. 39–51.
3. *Persianinov, R.* Все, что нужно знать об играх в альтернативной реальности // TJ. – 2017. – 4 июля. – URL: https://tjournal.ru/fl ood/45950-arg (дата обращения : 21.09.2026).
4. *Назаров, В.* Радикальные сообщества используют геймификацию для вовлечения российских подростков // NEWS.ru : сайт. – 2026. – 27 июня. – URL: https://news.ru (дата обращения: 21.09.2026).
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 2026) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
6. Выход 31 – проект, созданный в ответ на участившиеся попытки склонить молодых россиян к совершению поджогов, подрывов и других терактов. – URL: https://выход31.рф/ (дата обращения: 21.09.2026).
7. В Мордовии обсудили инструменты профилактики терроризма и экстремизма в молодежной среде. – URL: https://izvmor.ru/novosti/obshchestvo/v-mordovii-obsudili-instrumenty-profilaktiki-terrorizma-i-ekstremizma-v-molodezhnoj-srede/ (дата обращения: 21.09.2026).
8. Педсовет. 3-е сентября: как защитить молодежь от идеологических угроз.– URL: https://natlibraryrm.ru/pedsovet-3-e-sentyabrya-kak-zashhitit-molodezh-ot-ideologicheskih-ugroz/ (дата обращения: 21.09.2026).

УДК 34

Мария Дмитриевна Сильченко,
студентка 2-го курса юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
izmailova.tat@yandex.ru

Научный руководитель:
Татьяна Игоревна Измайлова,
преподаватель 1 категории
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
andrejizmailov887@gmail.com

СКУЛШУТИНГ: ПОЧЕМУ ПОДРОСТКИ ПРИХОДЯТ К ТОЧКЕ НЕВОЗВРАТА

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена ростом числа вооруженных нападений на образовательные учреждения в России. Проанализированы ключевые факторы формирования деструктивного поведения подростков-скулшутеров: буллинг, семейное неблагополучие, психические расстройства, влияние деструктивных онлайн-сообществ и стремление к признанию. Рассмотрены стадии развития скулшутинга и окно возможностей для профилактики. Предложены направления профилактической работы. Сделан вывод о том, что скулшутинг – результат сложного сочетания факторов, совокупность которых может привести к трагедии.

Ключевые слова: скулшутинг; подростковая агрессия; буллинг; психическое здоровье; профилактика; деструктивные онлайн-сообщества.

Скулшутинг (от англ. *school shooting* – школьная стрельба) – вооруженное нападение учащегося на территории учебного заведения. В современном российском обществе эта проблема приобрела особую остроту. По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России), за 2025/2026 учебный год зафиксировано 26 случаев вооруженных нападений на образовательные учреждения, причем 21 из них пришелся на 2026 год [1].

Средний возраст преступника составляет 16 лет, преимущественно мужской пол [2, с. 49–50]. 71 % нападавших подвергались травле в школе [3].

За каждой статистической цифрой стоит реальная трагедия. Так, в Керчи в 2018 году 18-летний Владислав Росляков устроил взрыв и стрельбу в политехническом колледже – 21 погибший, 67 раненых [4]. В Казани в 2021 году произошло нападение на гимназию № 175 – 9 погибших, 24 раненых [5]. В Ижевске в 2022 году бывший ученик школы № 88 убил 17 человек, из них 11 детей, и ранил 23, после чего покончил с собой [6]. В сентябре 2025 года в Архангельске бывший студент напал с ножом на преподавателей техникума [7].

Важной закономерностью является то, что ни один из нападавших не действовал импульсивно: каждый планировал, готовился и демонстрировал тревожные сигналы, которые окружающие не распознали или проигнорировали.

Исследователи сходятся в том, что единственной причины скулшутинга не существует – это всегда сочетание факторов [8, с. 338; 9, с. 89], которые следует объединить в пять ключевых групп.

Хронический буллинг и социальная изоляция. 71 % школьных стрелков подвергались травле [3]. Однако буллинг не является прямой причиной: многие жертвы травли не становятся скулшутерами. Определяющее влияние оказывает не сам факт травли, а чувство тотального одиночества, невозможности контакта со сверстниками или родными.

Семейное неблагополучие и детские травмы. Скулшутинг начинается не с компьютерных игр, а из дома. Если родители унижают друг друга и детей, применяют насилие, у подростка рушатся базовые опоры. Дети копят ярость и не умеют просить о помощи. В исследовании подростков, совершивших нападения, у 8 из 9 были диагностированы психические расстройства; всем им были свойственны неустойчивая самооценка, подозрительность, враждебность, депрессивные тенденции и чувство безысходности [10, с. 100].

Психическое нездоровье и суицидальные тенденции. Психические расстройства сами по себе не являются причиной – большинство людей с такими проблемами никогда не совершат массового убийства. Однако они выступают фактором риска, снижающим способность справляться со стрессом. На практике скулшутинг часто завершается суицидом: значительная часть нападавших планировала завершить нападение самоубийством [10, с. 104; 11, с. 5].

Влияние деструктивных онлайн-сообществ. В интернете существуют сообщества, где романтизируется образ скулшутера. Подростки находят там «героев» для подражания, а скулшутинг становится способом доказать свою значимость.

Стремление к признанию и символическое послание. Скулшутинг – это не хаотичный акт насилия. Эти действия носят символический характер: посредством насилия скулшутер заявляет о себе, передает сообщение окружающим [12]. Мотив – не только месть, но и стремление прославиться, пусть даже дурной славой.

Процесс формирования плана атаки исследователи описывают через пять стадий: начальная – снижение самооценки, чувства обиды и обманутости; накопление заряда – всепоглощающая ненависть, фантазии о расправе, начало планирования; агрессивный акт – реализация плана, часто приуроченная к символической дате; опустошенность и осознание – страх наказания, раскаяние, высокий суицидальный риск.

Между второй и третьей стадией существует так называемое «окно возможностей» для профилактики. В 81 % случаев о готовящемся нападении знали свидетели – и не предотвратили [13]. Проблема заключается не в отсутствии сигналов, а в том, что их не распознают или игнорируют. К тревожным признакам относятся: прямые или косвенные угрозы в адрес школы и сверстников; интерес к оружию и убийствам, восхищение преступниками; соответствующие публикации в социальных сетях; резкое изменение поведения – уход в себя, пропуски занятий.

Понимание причин – половина дела. Вторая половина – конкретные шаги. Можно выделить шесть направлений профилактики.

Раннее выявление и психодиагностика. Подростки группы риска демонстрируют признаки задолго до нападения. Необходима не разовая проверка, а систематическое сопровождение: регулярные беседы, наблюдение за динамикой поведения.

Борьба с буллингом. Недостаточно плакатов «скажи травле нет». Необходимо создавать атмосферу, в которой травля невозможна: обучать педагогов, работать с обидчиками, поддерживать жертв. Это зона ответственности и школы, и семьи.

Поддержка семьи. Поскольку скулшутинг начинается из дома, необходимо выявлять семьи в социально опасном положении и не карать, а помогать.

Развитие ресурсов подростка. Исследователи выделяют три ресурса, которые блокируют скулшутинг: школа, семья и хобби. Если подросток чувствует успех хотя бы в одном из трех – у него есть опора. Если во всех трех провал – он в вакууме [10, с. 106]. Важно давать ребенку возможность проявить себя в спорте, творчестве, любом деле, где он может почувствовать собственную значимость.

Ответственное освещение в средствах массовой информации (далее – СМИ). Чем подробнее рассказывают о личности преступника и его «манифесте», тем больше шансов, что кто-то захочет повторить. Фокус должен быть не на преступнике, а на жертвах и последствиях.

Система анонимных сообщений. В 81 % случаев свидетели знали о готовящемся нападении и молчали – боялись стать «стукачом», боялись, что им не поверят [14]. Необходимы доступные и безопасные каналы, по которым подросток может сообщить о тревожном поведении сверстника анонимно, без страха последствий.

Скулшутинг – это не трагедия одного человека с оружием, а результат сложного переплетения проблем: неблагополучия в семье, травли в школе, трудностей с психическим здоровьем, изоляции и влияния де-

структивных онлайн-сообществ. Ни один из этих факторов сам по себе не становится причиной, но их сочетание может оказаться роковым. Особенно важен тот факт, что между первыми тревожными признаками и трагедией существует «окно возможностей», когда трагедию еще можно предотвратить. Главная задача – научиться видеть эти признаки и не проходить мимо.

Пристатейный список литературы

1. Число совершивших деяния террористического характера подростков выросло вдвое // Информационное агентство ТАСС: сайт. – URL: https://tass.ru/proisshestviya/27916549 (дата обращения: 30.09.2026).
2. *Раненкова Е. А., Касаев И. Х.* Личность вооруженного преступника, совершившего нападение на образовательную организацию в России: криминологический аспект // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2023. – № 2. – С. 47–57.
3. Более 70% нападавших на одноклассников подвергались травле в школах // Психологическая газета : профессиональное интернет-издание. – URL: https://psy.su/feed/6771/ (дата обращения: 30.09.2026).
4. Что известно о трагедии в Керченском политехническом колледже // Информационное агентство ТАСС : сайт. – URL: https://tass.ru/proisshestviya/5685002 (дата обращения: 30.09.2026).
5. Стрельба в школе в Казани. Хроника событий // Информационное агентство ТАСС : сайт. – URL: https://tass.ru/proisshestviya/11338829 (дата обращения: 30.09.2026).
6. Что известно о стрельбе в школе в Ижевске // Информационное агентство ТАСС : сайт. – URL: https://tass.ru/proisshestviya/15867201 (дата обращения: 30.09.2026).
7. В Архангельске бывший студент напал с ножом на преподавателей техникума // Комсомольская правда : сайт. – URL: https://www.murmansk.kp.ru/daily/27722/5149392/ (дата обращения: 30.09.2026).
8. *Лукашкова, И. Л., Ященко, А. А.* Феномен скулшутинга: причины и профилактика // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2021. – Т. 6, № 2 (12). – С. 337–341.
9. *Васильев, В. В.* Скулшутинг в образовательных учреждениях: понятие и причины // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 11-3 (74). – С. 87–90.
10. *Дозорцева, Е. Г., Ошевский, Д. С., Сыроквашина, К. В.* Психологические, социальные и информационные аспекты нападений несовершеннолетних на учебные заведения // Психология и право. – 2020. – Т. 10, № 2. – С. 97–110.
11. *Гриненко, У. Б.* Проблема скулшутинга в образовательной среде // Психологические исследования. – 2021. – Т. 14, № 80. – С. 2–27.

12. *Болгов, Э. Р.* Криминологическая характеристика скулшутинга в Российской Федерации и меры его профилактики // Молодой ученый. – 2023. – № 21 (468). – С. 234–236.
13. *Симанкова, Е.* Нападение на школу: что мы знаем о скулшутинге в России и том, как такие трагедии можно предотвратить // Милосердие.ru : сайт. – URL: https://www.miloserdie.ru/article/strelba-v-shkole-chto-my-znaem-o-skulshutinge-v-rossii-i-tom-kak-takie-tragedii-mozhno-predotvratit/ (дата обращения: 30.09.2026).
14. Скулшутинг: заметить вовремя // Родительский университет МГПУ : сайт. – URL: https://marketplace.mgpu.ru/articles/safety/skulshuting-zametit-vovremya/ (дата обращения: 30.09.2026).

УДК 343.2/.7

Владислав Викторович Тихомиров,
студент 5-го курса юридического факультета
Дальневосточного института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Хабаровск, Россия
tvlad.05@mail.ru

Научный руководитель:
Светлана Александровна Выходцева,
старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса
Дальневосточного института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Хабаровск, Россия
vyhodzeva.svetla@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ДИВЕРСИОННО-ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена всплеском преступности за последние несколько лет, в частности, преступлений диверсионно-террористической направленности. При этом при практическом применении уголовного законодательства возникает ряд проблем с квалификацией совершенных деяний. В ходе работы проанализированы нормы Уголовного кодекса Российской Федерации, а также правоприменительная практика. В результате мы пришли к выводу о том, что оценка деяния диверсионно-террористической направленности требует комплексного подхода ввиду схожести некоторых составов преступлений.

Ключевые слова: квалификация; диверсия; терроризм; диверсионная деятельность; террористическая деятельность; диверсионно-террористическая деятельность.

24.02.2022 года Президентом Российской Федерации принято решение о проведении на территории Украины специальной военной операции (СВО) в целях ее демилитаризации, денацификации и освобождения от националистических подразделений, которые осуществляют геноцид в отношении русского населения, защиты народа Донбасса от агрессии киевского режима, а также защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности.

С момента начала проведения СВО отмечается значительный рост совершения преступлений диверсионно-террористической направленности на территории Российской Федерации [1]. Согласно отчету Министерства внутренних дел Российской Федерации (МВД России) о состоянии преступности в России за период с января по сентябрь 2025 года зарегистрировано 4 467 преступлений террористического характера, что составляет прирост в 75%, из которых 1 832 – по показателю «террористический акт» [2, с. 4, 22]. В целях оптимизации борьбы с увеличением числа преступлений диверсионно-террористической направленности законодателем в Уголовный кодекс Российской Федерации внесен ряд изменений: в 2022 году – введены ст. 281.1 – 281.3 УК РФ, в 2023 году – расширена диспозиция ст. 281 УК РФ, в 2025 году – снижен возраст уголовной ответственности до 14 лет за преступления, связанные с диверсионной деятельностью.

Диверсионно-террористическая деятельность в большинстве случаев направлена на уничтожение и повреждение оборудования сотовой связи, административных зданий и военных комиссариатов, а также объекты и оборудование железного транспорта (локомотивы, релейные и батарейные шкафы, иные устройства централизации, сигнализации и блокировки для безопасного функционирования железнодорожного транспорта). Данные посягательства по своей природе, так или иначе, посягают на экономическую составляющую Российской Федерации в связи с тем, что государству причиняется материальный ущерб.

В условиях кратно возросшего уровня диверсионно-террористической преступности, правоприменители в этом направлении стали сталкиваться со значительными проблемами в квалификации указанных деяний. В настоящее время в судебно-следственной практике остро стоит вопрос о разграничении преступлений, предусмотренных ст. 205 УК РФ (террористический акт) и ст. 281 УК РФ (диверсия).

Так, в сентябре 2023 года лица, не достигшие восемнадцатилетнего возраста, по указанию куратора, поддерживающего Вооруженные силы Украины, снимая свои действия на видео, бросили бутылку с зажигательной смесью в релейный шкаф Октябрьской железной дороги, соединяющей Санкт-Петербург и Москву. В результате возгорания был поврежден релейный шкаф, являющийся объектом железнодорожной инфраструктуры. Действия виновных следствием были квалифицированы по п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ как террористический акт. Приговором 1-го Западного окружного военного суда данные лица осуждены к 2 и 4 годам лишения свободы [3]. 17 марта 2023 года

гражданин Зайцев за денежное вознаграждение совершил поджог устройства сигнализации, централизации и блокировки – релейного шкафа, отвечающего за интервальное регулирование движения поездов и обеспечивающего безопасный пропуск железнодорожных составов. Действия Зайцева органами следствия были квалифицированы по ч. 1 ст. 281 УК РФ как диверсия. Приговором Санкт-Петербургского городского суда Зайцев был осужден по ч. 1 ст. 281 УК РФ и ему назначено наказание в виде 8 лет лишения свободы [4]. Таким образом, одни и те же действия, заключающиеся в поджоге одних и тех же объектов железнодорожной инфраструктуры, квалифицируются по-разному, что влечет не единообразное применение уголовного закона.

На наш взгляд, деяния, заключающиеся в поджоге либо подрыве релейных шкафов, в результате которых выходят из строя функции железнодорожных светофоров, стрелочных переводов, что создает угрозу столкновения железнодорожных составов, в том числе эшелонов с военной техникой, и причинения масштабного экономического ущерба государству, должны квалифицироваться как диверсия, так как целью данных действий является подрыв экономической безопасности и обороноспособности страны.

Также вопросы возникают при квалификации действий, заключающихся в подрыве и поджоге складов с гуманитарной помощью для нужд СВО. В 2022 году Зотова пыталась поджечь здание пункта сбора гуманитарной помощи для нужд СВО в Ярославской области. С этой целью она с канистрой бензина прибыла к зданию пункта сбора гуманитарной помощи, где была задержана сотрудниками правоохранительных органов. Действия Зотовой были квалифицированы органами предварительного следствия и суда по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 205 УК РФ как покушение на совершение террористического акта [5]. В Хабаровском крае аналогичные действия были квалифицированы по ст. 281 УК РФ как диверсия. Так, в 2026 году житель г. Хабаровска за денежное вознаграждение, проникнув в помещение склада с бутылкой бензина, совершил поджог, в результате которого сгорел склад с гуманитарной помощью в нем. Аналогично в данном случае тождественные действия, заключающиеся в поджоге и направленные на склады гуманитарной помощи для нужд СВО, квалифицируются по-разному.

На наш взгляд, разнообразная квалификация одних и тех же деяний недопустима. Считаем, что поджог складов с гуманитарной помощью создает угрозу снижения степени готовности российской армии к защите национальных интересов, соответственно, создает угрозу обороноспособности Российской Федерации. Поэтому, исходя из характера действий, совершаемых виновными, следует вывод, что их целью являлся подрыв обороноспособности Российской Федерации. В связи с этим, указанные действия должны квалифицироваться единообразно, т.е. как диверсия.

Следующей проблемой квалификации преступлений диверсионно-террористического характера является квалификация действий по совершению террористических актов и диверсий по заданию представителей иностранных государств. В судебно-следственной практике можно привести немало приме-

ров, когда действия виновных, совершивших указанные деяния, квалифицируются по-разному.

В 2023 году житель Благовещенска по указанию представителя спецслужб Украины с помощью бутылки с зажигательной смесью совершил поджог военного комиссариата г. Благовещенска. Органами следствия и суда его действия квалифицированы по совокупности преступлений как террористический акт и государственная измена, т.е. преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 205, ст. 275 УК РФ [6].

Полагаем, что данная квалификация обоснована в связи с тем, что виновное лицо, совершая террористический акт, заключающийся в поджоге военкомата в целях дестабилизации органов власти, одновременно совершило государственную измену в форме оказания иной помощи иностранному государству в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации.

Однако в судебно-следственной практике встречаются случаи, когда действия лица, совершившего террористический акт по заданию представителей иностранного государства, квалифицируются только по ст. 205 УК РФ как террористический акт без совокупности с государственной изменой. Так, Белавин, будучи длительное время завербованным сотрудниками Главного управления разведки Министерства обороны Украины, за денежное вознаграждение в 2022 году с помощью взрывного устройства осуществил подрыв железнодорожного полотна на одном из участков Московской железной дороги. Органами следствия и суда действия Белавина квалифицированы по ст. 205, 205.3, 222.1, 223.1 УК РФ, не усмотрев в действиях виновного признаков государственной измены. Хотя объективно в действиях Белавина имеются признаки государственной измены в форме оказания иной помощи иностранному государству в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации [7].

Анализируя судебно-следственную практику, полагаем, что действия лиц, совершивших террористический акт или диверсию по заданию представителей иностранного государства, должны квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 205 УК РФ или ст. 281 УК РФ и ст. 275 УК РФ.

Как видно из приведенных примеров, проблемы квалификации преступлений диверсионно-террористической направленности обусловлены сложностью установления субъективной стороны преступления.

Субъективная сторона террористического акта характеризуется специальной целью: дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций или воздействие на принятие ими решений. При этом Верховным Судом Российской Федерации в Постановлении Пленума от 09.02.2012 № 1 разъяснено, что «при решении вопроса о направленности умысла виновного лица на дестабилизацию деятельности органов власти или международных организаций следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, время, место, способ, обстановку, орудия и средства совершения преступления, характер и размер наступивших

или предполагаемых последствий, а также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного» [8].

Субъективная же сторона диверсии характеризуется целью в виде подрыва экономической безопасности или обороноспособности Российской Федерации. Однако что следует понимать под такими целями не разъяснено ни в одном нормативно-правовом акте, что создает сложности при разграничении террористического акта и диверсии. В связи с изложенным, полагаем, что в целях единообразного применения уголовного закона целесообразно Верховному Суду Российской Федерации разъяснить, что понимается под специальными целями в диверсии и чем они характеризуются.

Пристатейный список литературы

1. В ГД отметили увеличение числа диверсий в девять раз по сравнению с 2022 годом // ТАСС : информ. агентство России : сайт. – URL: https://tass.ru/obschestvo/25397527 (дата обращения: 24.09.2026).
2. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – сентябрь 2025 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : сайт. – URL: https://media.mvd.ru/files/application/15123414 (дата обращения: 24.09.2026).
3. *Цыганкова, С.* Суд Петербурга отправил в колонию несовершеннолетних за поджог релейного шкафа // Российская газета : сайт. – URL: https://rg.ru/2024/05/06/reg-szfo/sud-peterburga-otpravil-v-koloniiu-nesovershennoletnih-za-podzhog-relejnogo-shkafa.html (дата обращения: 27.09.2026).
4. Оглашен приговор по уголовному делу о диверсии // Прокуратура Санкт-Петербурга : офиц. сайт. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_78/mass-media/news/main/e4821666/ (дата обращения: 27.09.2026).
5. Семейно-террористическая ячейка. Мать и дочь осуждены за попытку поджога пункта сбора гумпомощи // Коммерсантъ : изд. дом : сайт. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/6904294 (дата обращения: 26.09.2026).
6. В Приамурье поджигателя военкомата приговорили к 19 годам за госизмену // РИА Новости : сайт. – URL: https://ria.ru/20250610/priamure-2021919991.html (дата обращения: 27.09.2026).
7. Террорист обозначил схрон «Гжелкой». Агента ГУР судят за подрыв полотна железной дороги // Коммерсантъ : изд. дом : сайт. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/6110275 (дата обращения: 28.09.2026).
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 343

Анастасия Алексеевна Тортугаева,
студентка 3-го курса Ижевского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ижевск, Россия
anastasiatortugaeva@yandex.ru

Научный руководитель:
Александр Валентинович Ильин,
старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса
Ижевского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ижевск, Россия
avlion@yandex.ru

ФЕНОМЕН ЖЕНСКОГО ТЕРРОРИЗМА: НЕДООЦЕНКА УГРОЗЫ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена тем, что женщин-террористок до сих пор воспринимают как не способных на осознанное насилие, что ведет к недооценке угрозы. Цель работы – выявить, как гендерные стереотипы формируют эту недооценку и как террористические организации ее используют. В результате мы пришли к выводу, что недооценка опасности – следствие устойчивых когнитивных и институциональных искажений, а не недостатка данных. Эффективное противодействие требует признания женщин-террористок реальной угрозой общественной безопасности.

Ключевые слова: женщины в терроризме: гендерные стереотипы; антитеррористическая система; недооценка угрозы; теракт.

Терроризм – это идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами власти всех уровней или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [1]. Согласно статистике, ежегодно количество терактов в России увеличивается. В 2023 году зарегистрированы 410 терактов, в 2024 году – уже 1191. Возросло и число преступлений террористического

характера [2]. Согласно статистике Министерства внутренних дел, в 2025 году количество таких зарегистрированных преступлений увеличилось на 59,4% в сравнении с 2024 годом и достигло отметки в 5920 преступлений [3]. По оценкам исследователей, в различных террористических организациях на женщин приходится около 15% участников [4].

Женщины в терроризме – не случайное явление, они участвуют в нем не первое столетие: от Веры Засулич и последовательниц организации «Народная воля» XIX века до участниц радикальной организации «Тигры освобождения Тамил-Илама», доля смертниц среди которых достигает 35% [4].

Однако гендерная слепота в антитеррористической системе от досмотра до научных исследований приводит к тому, что опасность этой группы систематически недооценивается. Корень проблемы лежит не в том, что женщины «более скрытны» или «лучше шифруются», а в том, что их изначально «не рассматривают» как способных к терроризму. Аналитики по инерции воспринимают женщин неспособными на самостоятельное насилие. Однако женщины становятся террористами по тем же причинам, что и мужчины – идеологическим, националистическим, политическим и т.д.

К примеру, анализ биографий женщин-смертниц показывает, что они становились смертницами по различным причинам: психологические проблемы, потеря близких и желание мести, влияние родственников, которые уже были членами террористических группировок [5]. Как справедливо отмечено Н. В. Гришиной, стремление женщины к террористической деятельности в современных условиях может объясняться своеобразным протестом против существующей социальной реальности. Во многих странах именно невозможность участвовать в обычных формах политической деятельности толкает женщин к терроризму [6]. Обоснованность этих мнений подкрепляется утверждением В. Е. Петрищева, который считает, что ряд женщин сами искали способы для участия в террористических организациях, выражая готовность принести себя в жертву, совершая акт терроризма в целях мести органам власти [7]. Стоит отметить, что продолжительное время деятельность женщин ограничивалась выполнением «курьерских» обязанностей, созданием тайников, конспиративных квартир, сбором информации и вербовкой новых союзников. Однако постепенно их роль значительно радикализовалась, и в начале XXI века по России прокатилась волна крупных терактов, многие из которых совершили женщины-смертницы [6].

Примером массового активного участия женщин в террористической акции является теракт на Дубровке, произошедший в 2002 году в Москве, в ходе которого были захвачены 916 зрителей и артистов мюзикла «Норд-Ост», из них 130 погибли. По разным оценкам среди боевиков было от 18 до 20 женщин, что составляет примерно 50% от общего числа и является беспрецедентной высокой долей. Женщины были вооружены, несли на себе взрывные устройства, охраняли заложников, участвовали в переговорах и были готовы к самоподрыву. Более того, свидетельства заложников описывают их более жестокими и непреклонными по сравнению с мужчинами [8].

Тенденция привлечения к террористической деятельности женщин, наблюдается не только в России, но и на международном уровне. Различные международные организации признают необходимость формирования гендерно-ориентированных стратегий противодействия [9]. Так, например, Глава Исполнительного директората Контртеррористического комитета Организации Объединенных наций Мишель Конинкс отметила, что сложные реалии того, как и почему женщины становятся связанными с терроризмом, не поддаются простым решениям и требуют тонких подходов [10].

Данные демонстрируют парадокс: с одной стороны, доля женщин в террористических структурах растет, с другой – специализированных исследований катастрофически мало. Дефицит данных порождает искажения. Поскольку женщины составляют меньшинство среди террористов, академических и разведывательных данных об их мотивах крайне мало.

П. Н. Кобец в своей работе указал, что в настоящее время участие российских женщин в террористической деятельности является важнейшей проблемой, требующей своего разрешения, поэтому при дальнейшей проработке контртеррористической стратегии важно учитывать не только возрастной, но и гендерный аспект [11]. С его мнением нельзя не согласиться, так как ключевой механизм недооценки угрозы заключается в традиционных гендерных ролях, которые дают женщинам преимущество: их не воспринимают как угрозу. Логика антитеррористической практики состоит в том, что террорист это, как правило, молодой мужчина, а значит объект усиленного досмотра. Женщины автоматически выпадают из этого представления о портрете террориста. В культурах, где существуют ограничения на досмотр женщин мужчинами, это преимущество многократно возрастает. Женщинам доверяют больше на контрольно-пропускных пунктах (далее – КПП) и проверяют менее интенсивно. С большей вероятностью будут обысканы мужчины, соответствующие типичному портрету смертника. Таким образом террористические организации сознательно используют женщин как тактический инструмент. Когда организация переходит к стратегии атак на гражданские цели, женщины становятся идеальными исполнителями. Они легче приближаются к таким целям, вследствие чего и жертв преступлений террористической направленности становится больше.

Показательным примером недооценки потенциальной угрозы является теракт, совершенный в 2023 году в Санкт-Петербурге. Во время проведения творческой встречи военкора Владлена Татарского (Максима Фомина) [12]. Теракт, в результате которого был убит военкор и пострадали более 50 человек, совершила женщина. Действуя по указанию украинских спецслужб, она передала ему статуэтку, внутри которой находилось взрывное устройство, приведенное в действие во время мероприятия. Террористке был вынесен самый строгий приговор из когда-либо вынесенных женщинам в России [13]. Суд назначил ей наказание в виде 27 лет лишения свободы. Этот эпизод показателен тем, что организаторы сознательно использовали для своих целей молодую женщину, чьи внешность и поведение не вызывали подозрений.

Еще одним проблемным аспектом является отношение средств массовой информации к терактам, которые совершаются женщинами. Когда женщины совершают теракты, СМИ фокусируются на самом ярлыке «женщина-террористка», а не на организационной логике или тактической функции их действий. Чаще такие новости воспринимаются как исключение из правил, а не как реальная угроза, к которой стоит относиться с особой настороженностью.

К тому же террористические структуры быстро адаптируются. Женщины часто выполняют функции, которые не вызывают подозрения: разведка, логистика, финансирование, вербовка. Так, например, в текущем году женщина передавала информацию украинским спецслужбам, в частности, *IP*-адреса мест массового скопления людей, а также следила за высокопоставленным офицером Министерства обороны, установив камеры в арендованной для этой цели квартире. Благодаря действиям Федеральной Службы Безопасности РФ теракт был предотвращен [14].

Вербовка была и остается одной из основных форм террористической деятельности женщин. Стоит упомянуть, что в «Исламском государстве» женщины не только выходили замуж за боевиков, но и занимались вербовкой других женщин через социальные сети, собирали средства и готовили смертниц. После разгрома «халифата» именно они стали главным звеном онлайн-пропаганды. Необходимо отметить, что женщины реже попадают в поле зрения служб, потому что сама мысль о том, что «любящая жена, мать двоих детей» может быть причастна к совершению такого рода преступления противоречит культурному шаблону, сложившемуся в обществе. Исследования показывают, что женщины активнее используют «невидимые» каналы, например, закрытые женские форумы, чаты матерей, благотворительные группы и иные безобидные, на первый взгляд, коммуникационные средства. Как верно отмечено Л. А. Бураевой, вербовка и эксплуатация женщин предпочтительна по многим причинам: на них проще оказать психологическое давление, ими проще управлять, к ним меньше внимания со стороны правоохранительных органов [15]. Это делает их менее досягаемыми для стандартных инструментов мониторинга.

Нельзя забывать, что недооценка женщин-террористок – это проблема, которая измеряется человеческими жизнями. Развитие средств и технологий уничтожения, ориентация злоумышленников на максимальный общественный резонанс, возрастание роли СМИ в части воздействия на общественное сознание привели к тому, что терроризм смертников перестал быть прицельным и избирательным. Жертвы таких терактов, как правило, случайны, а террористы стремятся к максимальному увеличению их количества [7]. Если разведка и полиция не рассматривают женщину как потенциальную террористку, они пропускают вербовочные сети, финансовые потоки и логистические цепочки. Игнорирование этой группы означает, что антитеррористическая система оставляет незамеченной целую категорию угроз. К тому же, по мнению некоторых исследователей, человека, вовлеченного в террористическую деятельность, особенно если это женщина, ресоциализировать невозможно [16].

В связи с вышеуказанным, становится очевидной необходимость внесения изменений в существующую систему антитеррористических мер. При аналитике необходимо отказаться от допущений, основанных на гендерных стереотипах. Собирать данные о женщинах-участницах террористических групп нужно наравне с данными о мужчинах, выявление потенциальных террористов должно основываться на поведенческих характеристиках, а не на гендере.

В профилактике необходимо включить женщин в целевые группы программ дерадикализации, работать с женскими сообществами, обучать учителей и социальных работников распознавать признаки радикализации у девочек и женщин. Также стоит информировать население о наличии специальных ресурсов, таких, как, например, «*STOPTERROR*», который предусматривает заполнение электронной формы с указанием ссылки на противоправный Интернет-ресурс или контент [15].

Еще одной мерой, направленной на снижение количества совершенных терактов и, безусловно, снижение количества жертв, является пересмотр процедуры досмотра. Необходимо обеспечить одинаковое отношение ко всем лицам, проходящих данную процедуру, исключив поблажки, но учитывая культурные особенности и особенности менталитета.

Отдельного внимания заслуживает тактическое использование беременности. В ряде стран Азии беременная женщина пользуется негласными поблажками при досмотре: охранники и сотрудники КПП демонстративно убирают ручной металлоискатель за спину, оказывая уважение будущей матери и проявляя заботу о здоровье ребенка. Этот жест глубоко укоренился в культуре, чем пользуются организаторы терактов. Показательный пример – покушение на генерала в Шри-Ланке в 2006 году. Смертница из организации «Тигры освобождения Тамил-Илама» взорвала себя рядом с его автомобилем. Генерал выжил, но погибли 8 человек и 27 человек получили ранения [17]. Ключевая деталь в том, что женщина долго готовилась к теракту, она не единожды изобразила беременную, а регулярно посещала госпиталь под видом будущей матери. Это позволило ей легализоваться в глазах охраны, изучить режим и маршруты. Симуляция беременности стала не разовой шифровкой, а качественно продуманным планом, использующим стереотип о женщине как о символе материнства и безопасности в противоправных целях.

Возвращаясь к предложениям по совершенствованию, важно отметить, что СМИ при освещении произошедшего или предотвращенного террористического акта должны сместить фокус с шокирующего факта женского насилия на анализ организационных механизмов и реальной угрозы, которую женщины – террористки несут наравне с мужчинами.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что женщины-террористки опасны не потому что они более жестоки или более скрытны, а потому что система безопасности и общество в целом продолжают смотреть на них через искажающую призму гендерных стереотипов. Нормативно-правовая база противодействия терроризму сформирована. Конституция, Стратегия национальной безопасности, Федеральный закон «О противодействии терроризму»,

соответствующие акты Президента и Правительства, массив аналитического и методического материалов позволяют бороться с террористическими течениями [18], но без признания существования реальной угрозы от террористов вне зависимости от их пола антитеррористическая защита рискует оставаться с несовершенствами: предсказуемой, эксплуатируемой и смертельно опасной. До тех пор, пока общество и спецслужбы будут видеть в женщине только потенциальную жертву, игнорируя потенциальную угрозу общественной безопасности, террористические организации будут этим пользоваться. Несмотря на то, что полное искоренение терроризма представляется невозможным, стоит полагать, что перечень предложенных мер по совершенствованию антитеррористической системы позволит предотвратить теракты, совершаемые женщинами, на этапе их вовлечения в преступную деятельность.

*(*Террористические организации, упомянутые в тексте, запрещены на территории РФ).*

Пристатейный список литературы

1. О противодействии терроризму : Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ: (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Как выросло в России число зарегистрированных терактов. Инфографика // РБК : сайт. – 2025. – 13 июля. – URL: https://www.rbc.ru/politics/13/07/2025/687153669a7947a67e3030a3 (дата обращения: 18.09.2026).
3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2025 года // МВД России : официальный сайт. – 2026. – 20 янв. – URL: https://мвд.рф/reports/item/77848182/ (дата обращения: 20.09.2026).
4. Женщины в терроризме: почему женщины становятся частью террористических группировок // Nur.kz : сайт. – URL: https://www.nur.kz/society/2231831-zhenshchiny-v-terrorizme-pochemu-zhenshchiny-stanovyatsya-chastyu-terroristicheskih-gruppirovok/ (дата обращения: 18.09.2026).
5. *Адамова, М. А.* Особенности и тенденции развития современного терроризма на Северном Кавказе / М. А. Адамова // Kant. – 2014. – № 3 (12). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-tendentsii-razvitiya-sovremennogo-terrorizma-na-severnom-kavkaze (дата обращения: 17.09.2026).
6. *Гришина, Н. В.* Женщины и терроризм / Н. В. Гришина // Ученые записки Института Африки РАН. – 2016. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhenschiny-i-terrorizm (дата обращения: 17.09.2026).
7. *Петрищев, В.* Терроризм смертников / В. Петрищев // Россия и мусульманский мир. – 2011. – № 11. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/terrorizm-smertnikov (дата обращения: 17.09.2026).

8. Захват «Норд-Оста»: что известно о теракте на Дубровке в 2002 году // Парламентская газета : сайт. – URL: https://www.pnp.ru/incident/zakhvat-nord-osta-chto-izvestno-o-terakte-na-dubrovke-v-2002-godu.html (дата обращения: 18.09.2026).
9. *Черных, Я. П.* Гендерные особенности вовлечения несовершеннолетних в деятельность террористических организаций / Я. П. Черных, П. Т. Савин // Державинский форум. – 2026. – Т. 10, № 1. – С. 42–47.
10. ООН: женщин-террористок недооценивают в мире из-за гендерных стереотипов // Красная весна : сайт. – URL: https://rossaprimavera.ru/news/314653a9 (дата обращения: 18.09.2026).
11. *Кобец, П. Н.* Женский терроризм: особенности и основные направления противодействия / П. Н. Кобец // Научный портал МВД России. – 2019. – № 4 (48). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskiy-terrorizm-osobennosti-i-osnovnye-napravleniya-protivodeystviya (дата обращения: 17.09.2026).
12. Генеральная прокуратура Российской Федерации : сайт. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/archive/e470847/ (дата обращения: 18.09.2026).
13. Военный суд признал законным приговор Треповой // РБК : сайт. – 2024. – 20 мая. – URL: https://amp.rbc.ru/rbcnews/politics/20/05/2024/664b27179a79474ad818d2be (дата обращения: 18.09.2026).
14. ФСБ показала кадры задержания и допроса девушки-агента СБУ // Российская газета : сайт. – 2026. – 9 июля. – URL: https://rg.ru/amp/2026/07/09/fsb-pokazala-kadry-zaderzhaniia-i-doprosa-devushki-agenta-sbu.html (дата обращения: 18.09.2026).
15. *Бураева, Л. А.* О методах вербовки женщин террористическими организациями посредством сети Интернет / Л. А. Бураева // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 5. – С. 190–193.
16. *Зиядова, Д. З.* Проблемы исполнения наказаний в отношении женщин, совершивших преступления террористической направленности / Д. З. Зиядова, Р. И. Акамова // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2021. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-ispolneniya-nakazaniy-v-otnoshenii-zhenschin-sovershivshih-prestupleniya-terroristicheskoy-napravlennosti (дата обращения: 17.09.2026).
17. Смертница устроила взрыв в столице Шри-Ланки // Утро.ру : сайт. – 2006. – 25 апр. – URL: https://utro.ru/amp/news/2006/04/25/543492.shtml (дата обращения: 18.09.2026).
18. *Мароренко, С. А.* Система обеспечения антитеррористической безопасности в Российской Федерации / С. А. Мароренко // Вестник науки. – 2023. – № 6 (63). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-obespecheniya-antiterroristicheskoy-bezopasnosti-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 18.09.2026).

УДК 343

Маргарита Александровна Шигурова,
студентка 2-го курса факультета высшего образования
Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
margaritasigurova@gmail.com

Научный руководитель:
Светлана Шамилевна Маринова,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного права и процесса факультета высшего образования
Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
marinova.svetlana@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЕ СООБЩЕНИЕ ОБ АКТЕ ТЕРРОРИЗМА

Аннотация. Необходимость изучения проблем института уголовной ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма обусловлена общественной опасностью данных деяний, причиняющих огромный материальный ущерб и отвлекающих правоохранительные органы от выполнения общественно значимой деятельности. В статье проанализированы теоретические и практические проблемы применения ст. 207 УК РФ. Автор предлагает, во-первых, включить ч. 3, 4 ст. 207 УК РФ в перечень преступлений террористического характера. Во-вторых, предложено исключить из ч. 1 ст. 207 УК РФ указание на хулиганские побуждения как обязательное условие для привлечения к уголовной ответственности.

Ключевые слова: уголовное право; терроризм; заведомо ложное сообщение; хулиганские побуждения.

Совершение заведомо ложных сообщений о террористическом акте является актуальной проблемой не только в современной России, но и во многих странах мира. Необходимость совершенствования правовых и технических средств противодействия данным преступлениям обусловлена тем, что в ходе специальной военной операции данные преступления используются украинскими властями для дестабилизации деятельности органов власти, отвлечения их от выполнения общественно значимой деятельности. Заметим, что украинские спецслужбы таким образом атакуют не только Россию, но и другие государства. Так, например, по данным Госкомитета национальной безопасности Республики Кыргызстан именно из украинских серверов были отправлены заведомо ложные сообщения о минировании госучреждений Бишкека 22 июня 2026 г. [1] Данный пример свидетельствует о необходимости международного сотрудничества в выявлении и привлечении к ответственности правонарушителей, поскольку часто заведомо ложные сообщения о терактах делаются с использованием зарубежных серверов и каналов телефонной связи.

Официальные государственные органы признают огромный материальный ущерб, причиняемый данным преступлением, поскольку ежегодно для защиты жизни и здоровья граждан на основании заведомо ложных сообщений эвакуируются сотни тысяч людей из госучреждений, аэропортов, торговых центров и других общественных объектов, сотрудники спецслужб, правоохранительных органов, медицинские работники отвлекаются от своей профессиональной деятельности, что причиняет не только материальный ущерб (по данным руководителей МВД, МЧС, ФСБ он ежегодно исчисляется сотнями млн руб.), но и создает опасность гибели людей, облегчает совершение иных преступлений и влечет иные общественно опасные последствия [2].

Это обосновано повлекло за собой ужесточение наказания за наиболее общественно опасные формы телефонного терроризма. Федеральным законом от 31 декабря 2017 г. № 501-ФЗ наказание за данное деяние, повлекшее по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия было увеличено до 10 лет лишения свободы [3].

По официальным данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за последние десять лет, в среднем ежегодно в суды поступает 864 уголовных дела. В отношении 624 подсудимых выносится обвинительный приговор (72%), 64 лиц (7%) уголовное дело прекращается по нереабилитирующим основаниям, 105 человек (12%) применяются принудительные меры медицинского характера. С началом специальной военной операции количество уголовных дел по делам данной категории выросло на 20% [4].

Таблица 1 – Статистические данные о рассмотрении судами общей юрисдикции уголовных дел о заведомо ложных сообщениях об акте терроризма

Год	Поступило уголовных дел	Число лиц по оконченным делам, в отношении которых		
		вынесен обвинительный приговор	прекращено уголовное дело	применены принудительные меры медицинского характера
2025 г. 1 кв.	407	262	35	54
2024	879	687	65	119
2023	934	708	41	118
2022	940	655	59	124
2021	777	499	62	123
2020	733	493	77	110
2019	848	606	71	106
2018	869	587	123	97
2017	906	705	58	90
2016	990	745	49	96
2015	768	562	38	73

К сожалению, вышеуказанные данные являются вершиной айсберга от общего количества совершаемых преступлений. Как показывают данные МВД РФ большая часть уголовных дел о преступлениях данной категории до суда не доходят в связи с неустановлением лиц, совершивших преступление. Для сравнения укажем, что в 2017 г., когда в России произошло резкое увеличение числа актов «телефонного терроризма», было возбуждено 3027 уголовных дел, до суда дошли лишь 906, т.е. 30 %, в 2019 г. возбуждено 2456 уголовных дел, до суда дошли 848, т.е. 34 % [5, с. 101]. Анализ судебных решений показывает, что к ответственности, как правило, привлекаются российские граждане, совершившие данные преступления в состоянии алкогольного опьянения, велика доля несовершеннолетних [6, с. 36], лиц с психическими заболеваниями (в среднем к 12 % подсудимым применяются принудительные меры медицинского характера).

Переходя к характеристике проблем правового регулирования уголовной ответственности за данное преступления, во-первых, отметим, дискуссионный вопрос о том, относится ли данное преступление к преступлениям террористического характера. С одной стороны, отметим позицию Генпрокуратуры РФ и МВД РФ, которые не включили его для целей ведения статистической

отчетности к преступлениям террористического характера [7]. С данной позицией не согласны многие исследователи, которые признают заведомо ложное сообщение об акте терроризм одной из угроз национальной безопасности, разновидностью информационного терроризма [8, с. 365]. Профессор А. Н. Игнатов, обосновывая террористический характер заведомо ложного сообщения об акте терроризма, ссылается на понятие терроризма, закрепленное в ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [9] и справедливо указывает на нарушение данным преступлением общественной безопасности, данное преступление оказывает влияние на деятельность органов власти, отвлекает правоохранительные органы на предотвращение несуществующей опасности, нарушает нормальную деятельность органов власти, учреждений и организаций [10, с. 157]. А. Б. Коновалова также обосновывает террористическую направленность рассматриваемого преступления, поскольку оно оказывает устрашающий эффект, запугивает получателя информации [11, с. 3].

На наш взгляд, террористический характер присущ заведомо ложному сообщению об акте терроризма, если данное преступление совершается в целях дестабилизации деятельности органов власти (ч. 3 ст. 207 УК РФ) и влечет смерть человека или иные тяжкие последствия (ч. 4 ст. 207 УК РФ). Наиболее очевидными примерами такого воздействия на деятельность органов власти являются многочисленные звонки из-за границы, которые периодически осуществлялись в 2017, 2019 г. [12, с. 7] и позднее, после начала специальной военной операции. В качестве примера привлечения к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 207 УК РФ, приведем приговор Абаканского городского суда Республики Мордовия, которым к 6 годам и 3 месяцам лишения свободы был осужден В.Е.А. за совершение серии звонков по телефону «112» с угрозами взорвать конкретный отдел полиции, если не будут восстановлен доступ к сети Интернет. Находясь в состоянии алкогольного опьянения, он сначала требовал восстановить доступ к Интернету. Во время третьего звонка он уже угрожал взорвать отдел полиции: он сообщал, что бомба у него и он идет совершать взрыв, поскольку его требования не были выполнены [13]. Приговор был признан законным и обоснованным вышестоящими инстанциями, включая Восьмой кассационный суд общей юрисдикции [14].

Во-вторых, проблемой института уголовной ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма является установление в качестве обязательного условия наступления ответственности по ч. 1, 2 и 4 ст. 207 УК РФ хулиганских побуждений. Как верно указывает А. Н. Игнатов, это, с одной стороны, препятствует привлечению к уголовной ответственности лиц, совершивших данное общественно опасное деяние с иными мотивами и побуждениями, с другой стороны, заставляет правоохранительные органы решать данную проблему путем искусственного указания данных побуждений даже там, где их нет [10, с. 159].

На практике были примеры прекращения уголовного преследования в связи с отсутствием в деянии состава преступлении лиц, которые совер-

шили данные действия, например, в связи с личными неприязненными отношениями [15]. Гр. А. был осужден приговором Октябрьского районного суда г. Липецка от 25 декабря 2017 г. Однако, в связи с отсутствие в квалификации деяния доказательств хулиганских побуждений приговор был отменен в связи с принятием Федерального закона от 31 декабря 2017 г., которым данные действия были декриминализированы [16].

Анализ практики показывает, что нередко реальные мотивы, которые побуждают лиц совершить данное преступление не учитываются при квалификации. Так, например, гр. С.А.Г., осужденный за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 207 УК РФ к 1 году ограничения свободы, сам объяснял мотивы своих действий следующим образом: 7 мая 2025 г. у него был конфликт с соседом и он 6 раз вызывал полицию по номеру «112», но поскольку никто не приехал по вызову он на седьмой раз под влиянием эмоций и, находясь в состоянии алкогольного опьянения, решил привлечь внимание к своей проблеме и обеспечить приезд сотрудников полиции путем сообщения оператору о своем намерении взорвать дом. Эти причины не были исследованы судом первой инстанции, поэтому в апелляционной жалобе С. вновь просил вызвать соседа, исследовать обстоятельства конфликта, который стал причиной звонка о взрыве дома. Однако, и суд апелляционной инстанции также признал преступление совершенным из хулиганских побуждений [17].

К штрафу в размере 200 тыс. руб. за преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 207 УК РФ был осужден П.А.И., который на момент совершения преступления занимал должность руководителя ликвидации чрезвычайных ситуаций службы противопожарного и аварийно-спасательного обеспечения полетов аэропорта «Великий Устюг». В приговоре суда путем исследования показаний подсудимого и свидетелей установлено, что подсудимый высказал недовольство тем, что ряд сотрудников аэропорта вместо выполнения своих обязанностей смотрят фильмы или «сидят в телефоне». На его требования сотрудники не отреагировали, и он сказал, что «возможно проведет учебную тревогу». В нарушение установленного порядка проведения соответствующей тренировки и не обладая необходимыми полномочиями для ее проведения, он написал на коробке «Бомба» и разместил ее на территории аэропорта. После нахождения муляжа взрывного устройства другими сотрудниками, П.А.И. не вмешался и лишь наблюдал за привлечением спецслужб, последующими действиями, связанными с эвакуацией аэропорта. Незаконность и общественная опасность действий П.А.И. очевидна. Однако вряд ли можно согласиться с приговором, где указано, что в данном случае П.А.И совершил вышеуказанные действия из хулиганских побуждений [18].

Полагаем, что уголовная ответственность за заведомо ложное сообщение об акте терроризма должна наступать независимо от мотива данного сообщения. Предлагаем убрать указание на хулиганские побуждения из ч. 1 ст. 207 УК РФ.

Пристатейный список литературы

1. Телефонные террористы атаковали госучреждения Кыргызстана // Антитеррористический центр государств – участников СНГ : сайт. – URL: https://cisatc.org/ru/obstanovka-i-sobytiya/telefonnye-terroristy-atakovali-gosuchrezhdeniya-kyrgyzstana.
2. В МВД РФ заявляют о миллиардах рублей ущерба от анонимных звонков о минировании в российских городах // Интерфакс : сайт. – URL: https://www.interfax-russia.ru/main/v-mvd-rf-zayavlyayut-o-milliardah-rubley-ushcherba-ot-anonimnyh-zvonkov-o-minirovanii-v-rossiyskih-gorodah.
3. О внесении изменений в статьи 205 и 207 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 31.12.2017 № 501-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 1 (Часть I). – Ст. 85.
4. Данные судебной статистики // Судебный департамент при ВС РФ. – URL: https://cdep.ru/?id=79.
5. *Васильева, Н. Л., Мотрович, И. Д.* Заведомо ложное сообщение об акте терроризма как угроза национальной безопасности: современное состояние и методы противодействия // Философия права. – 2020. – № 4 (95). – С. 101–108.
6. *Шигуров, А. В., Шигурова, Е. И.* Проблемы уголовно-правового противодействия заведомо ложным сообщениям об акте терроризма, совершаемым несовершеннолетними // Гуманитарные и политико-правовые исследования. – 2020. – № 2 (9). – С. 36–44.
7. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : Указание Генпрокуратуры России № 67/11, МВД России № 1 от 04.02.2026 // СПС «Гарант».
8. *Ахъядов, Э. С.-М., Альханов, Н. М., Дадашов, М. М.* Телефонный терроризм как вид информационного терроризма // Право и государство: теория и практика. – 2024. – №5 (233). – С. 365–370.
9. О противодействии терроризму : Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.
10. *Игнатов, А. Н.* О террористическом характере заведомо ложного сообщения об акте терроризма // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – № 5. – С. 157–165.
11. *Коновалова, А. Б.* Террористический акт в форме угрозы и заведомо ложное сообщение об акте терроризма как проявления информационного терроризирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2008. – 26 с.
12. *Шигуров, А. В., Шигурова, Е. И.* Проблемы уголовно-правового противодействия заведомо ложному сообщению об акте терроризма // Социальные нормы и практики. – 2022. – № 3 (5). – С. 7–16.

13. Приговор Абаканского городского суда Республики Хакасия от 18.12.2025 по уголовному делу № 1-590/2025 // Абаканский городской суд : сайт. – URL: https://abakansky.hak.sudrf.ru.
14. Кассационное определение СК по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27.08.2026 по делу № 7У-4581/2026 // СПС «Гарант».
15. Постановление Марксовского городского суда Саратовской области от 24.01.2018 по уголовному делу № 1-5/2018 // СПС «Гарант».
16. Апелляционное постановление Липецкого областного суда от 15.03.2018 по делу №22-264/2018 // СПС «Гарант».
17. Апелляционное постановление Камчатского краевого суда от 25.08.2026 по делу № 22-636/2026 // СПС «Гарант».
18. Приговор Великоустюгского районного суда Вологодской области от 30.07.2026 по делу № 1-103/2026 // СПС «Гарант».

УДК 343.85

Хадижат Шугаибовна Шуайбова,
студентка 2-го курса юридического факультета
Северо-Кавказского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Махачкала, Россия
7shuaibova@list.ru

Научный руководитель:
Мадинат Махмудовна Гитинова,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного права юридического факультета
Северо-Кавказского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Махачкала, Россия
gitinova_72@list.ru

АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ЗАЩИЩЕННОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы обеспечения антитеррористической защищенности образовательных организаций. Анализируются требования законодательства и правоприменительная практика, выявляются недостатки технического и организационного характера. Обосновывается необходимость перехода от формального выполнения требований к оценке фактической эффективности системы безопасности на объектах социальной инфраструктуры.

Ключевые слова: антитеррористическая защищенность; образовательная организация; безопасность; терроризм; пропускной режим; прокурорский надзор.

В условиях текущей международной обстановки, отмеченной серьезным геополитическим кризисом, вопрос борьбы с терроризмом приобретает особую значимость. Действия сторонников киевского режима, использующих

беспилотные летательные аппараты для атак на гражданские объекты, такие как школы, медицинские учреждения и жилые дома, создают прямую опасность для населения. В связи с этим возникает необходимость детального изучения того, насколько эффективно обеспечена безопасность данных объектов социальной инфраструктуры, какие меры требуются для ее укрепления. В частности, особенно актуально обеспечение безопасности обучающихся, что является обязательной составляющей деятельности образовательной организации. Особое значение имеет ее антитеррористическая защищенность, поскольку на территории образовательных учреждений одновременно находится значительное количество людей, в том числе несовершеннолетних.

Согласно ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» под антитеррористической защищенностью понимается состояние защищенности объекта, препятствующее совершению террористического акта и минимизирующее возможные последствия его совершения [1]. В соответствии с ч. 3.1 ст. 5 указанного закона организации обеспечивают выполнение требований к антитеррористической защищенности используемых ими объектов. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ также закрепляет обязанность образовательных организаций обеспечивать безопасность обучающихся во время их пребывания в организации [2].

Специальные требования установлены постановлением Правительства Российской Федерации от 2 августа 2019 г. № 1006 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) Министерства просвещения Российской Федерации и объектов (территорий), относящихся к сфере деятельности Министерства просвещения Российской Федерации, и формы паспорта безопасности этих объектов (территорий)» [3]. Данный нормативный акт предусматривает комплекс организационных и инженерно-технических мероприятий, направленных на предупреждение и минимизацию террористических угроз.

Несмотря на наличие достаточно подробного нормативного регулирования, практика показывает сохранение проблем при его реализации. В связи с этим возникает вопрос о том, насколько установленные требования обеспечивают именно фактическую, а не формальную защищенность образовательных организаций.

Одним из элементов существующей системы является категорирование объектов с учетом потенциальной опасности и возможных последствий совершения террористического акта. Такой подход позволяет дифференцировать требования к образовательным организациям и учитывать особенности конкретного объекта.

Однако, на мой взгляд, категорирование не должно ограничиваться определением перечня обязательных мероприятий, необходимых для обеспечения антитеррористической защищенности объекта и введения этих данных в паспорта. Меры должны быть комплексными с определения требований технической оснащенности зданий, организации системы охраны и самое главное –

это подготовка работников как физическая, так и психологическая (второе, наверное, даже в большей степени).

По данному положению следует отметить исследование Т. М. Трушковой, которая акцентирует внимание о совершенствовании антитеррористической защищенности объектов через сочетание законодательных, контрольных и методических мер. Она же подчеркивает, что необходимо более глубокое межведомственное взаимодействие [4]. С такими аргументами мы не можем не согласиться, с учетом, что того, что социальная безопасность образовательных организаций обеспечивается не только администрацией.

О. В. Толстых и К. В. Исаева также аргументируют необходимость создания антитеррористической защищенности на объектах через инженерно- технические мероприятия, оснащения техническими средствами безопасности и соответствующей подготовкой персонала образовательного учреждения [5]. Таким образом, нельзя утверждать, что какой-то один компонент системы может полностью заменить собой целостный подход к организации безопасности.

Практика прокурорского надзора подтверждает наличие разрыва между нормативными требованиями и их фактическим исполнением. Показательно, что, согласно данным, приведенным Т. М. Трушковой по результатам прокурорских проверок в Пермском крае за 2020 г., было опротестовано около 130 незаконных правовых актов, внесено более 250 представлений, к дисциплинарной ответственности привлечено около 300 должностных лиц, а в суд направлено свыше 85 исковых заявлений [4]. Несмотря на давность приведенной статистики, она демонстрирует устойчивый характер проблемы и значение прокурорского надзора в данной сфере.

Современная практика также показывает наличие конкретных нарушений. Так, 7 сентября 2026 г. прокуратура Тимашевского района Краснодарского края установила, что в здании школы № 5 отсутствовало контрольно-пропускное устройство с системой охранной сигнализации и системой экстренного оповещения работников. После обращения прокуратуры в суд образовательная организация исполнила судебное решение и устранила нарушения [6].

Другой пример относится к техническому состоянию уже имеющихся средств защиты. 9 сентября 2026 г. прокуратура Крыловского района Краснодарского края выявила в одной из школ недостатки технических характеристик систем безопасности. После внесения прокурорского представления выявленные нарушения были устранены в полном объеме [7].

Приведенные примеры позволяют сделать вывод, что наличие предусмотренных законодательством элементов системы безопасности само по себе не свидетельствует о достаточном уровне антитеррористической защищенности. Существенное значение имеет их фактическая работоспособность.

В связи с этим представляется обоснованным разграничивать формальную и функциональную защищенность образовательной организации. Формальная защищенность выражается в наличии предусмотренных законодательством документов, оборудования и организационных процедур. Функцио-

нальная характеризует способность всей системы реально препятствовать проникновению посторонних лиц, своевременно выявлять угрозу, передавать информацию и обеспечивать необходимые действия.

Предлагаемое разграничение позволяет дополнить традиционную оценку соответствия объекта нормативным требованиям оценкой его фактической способности противостоять угрозе. Именно это, по нашему мнению, должно учитываться при проведении внутреннего и внешнего контроля.

Например, наличие видеокамер не обеспечивает необходимого результата, если оборудование неисправно или не позволяет контролировать потенциально опасные участки. К пропускному режиму не стоит подходить формально, и при отсутствии фактического контроля, безопасность не гарантируется. При этом важно уделять внимание подготовке работников образовательных учреждений, выработать соответствующие инструкции, согласно которым складывается некий алгоритм поведения при чрезвычайных ситуациях.

Существуют отраслевые нормативные документы, в частности Постановление Правительства РФ от 2 августа 2019 г. № 1006 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) Министерства просвещения Российской Федерации и объектов (территорий), относящихся к сфере деятельности Министерства просвещения Российской Федерации, и формы паспорта безопасности этих объектов (территорий)», в котором предусмотрено: все такие объекты обязаны быть оснащены системами передачи тревожных сообщений (например, кнопка тревожной сигнализации, которая сразу отправляет сигнал в Росгвардию или на номер 112). Также нужны системы оповещения и управления эвакуацией (или автономные средства экстренного оповещения); разрабатываются и доводятся до сведения работников, обучающихся и других лиц планы эвакуации в случае угрозы или совершения террористического акта; с сотрудниками проводят практические занятия и инструктажи: как действовать, если обнаружены посторонние лица или подозрительные предметы, как вести себя при угрозе теракта.

Безусловно, это весьма сложный процесс, сопряженный с необходимостью непрерывного наблюдения и проведения инструктажей, посвященных тому, как выявлять опасность и правильно на нее реагировать (не поддаваться панике, избегать контакта с неизвестными объектами, следовать указаниям), а также как правильно оказывать первую помощь (это обязательное условие для педагогических работников и сотрудников учебных заведений и учащихся выпускных классов). Нельзя недооценивать и психологическую поддержку, ведь крайне важно справиться с последствиями стрессовых ситуаций – в этом помогают профессиональные психологи. Не менее значимо и развитие привычки быть внимательным. Стимулируется внимательность, формируется такая атмосфера, где люди не боятся делиться своими подозрениями.

Такой подход позволит обеспечить более высокий уровень защиты жизни и здоровья обучающихся и работников образовательных организаций.

Пристатейный список литературы

1. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.
2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 53 (ч. I). – Ст. 7598.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 02.08.2019 № 1006 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) Министерства просвещения Российской Федерации и объектов (территорий), относящихся к сфере деятельности Министерства просвещения Российской Федерации, и формы паспорта безопасности этих объектов (территорий)» // СПС «Гарант».
4. *Трушкова, Т. М.* Правовые основы противодействия терроризму в образовательных организациях // Вестник Прикамского социального института. – 2021. – № 1 (88). – С. 22–26.
5. *Толстых, О. В., Исаева, К. В.* Аспекты антитеррористической защищенности в образовательных организациях // Вестник Московского университета МВД России. – 2024. – № 6. – С. 125–131. DOI: 10.24412/2073-0454-2024-6-125-131.
6. После вмешательства прокуратуры Тимашевского района устранены нарушения законодательства в сфере антитеррористического законодательства в здании школы № 5 // Прокуратура Краснодарского края : сайт. – 07.09.2026.
7. После вмешательства прокуратуры Крыловского района устранены нарушения в сфере антитеррористического законодательства в школе // Прокуратура Краснодарского края : сайт. – 09.09.2026.

Цифровой рубль: сценарии развития в контексте мировых тенденций и трансграничного контура

УДК 347.73

Валерия Александровна Арнаутова,
Кристина Борисовна Пыхалова,
студентки 3-го курса специалитета юридического факультета
Дальневосточного института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Хабаровск, Россия
ar_va.leria0@mail.ru
Azzazzzz2608@gmail.com

Научный руководитель:
Галина Эриковна Путивец,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин юридического факультета
Дальневосточного института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Хабаровск, Россия
pytivecgalina@mail.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с функционированием цифровых валют в Российской Федерации, предметом исследования является развитие нормативно-правовой базы, регулирующей цифровые активы на российском финансовом рынке. Особое внимание уделяется разграничению таких понятий, как «цифровой рубль» и «цифровая валюта» в российском законодательстве. Исследуется также иерархия системы российского законодательства на всех ее уровнях. Анализируются ключевые нормативные правовые акты, закрепляющие правовой статус цифрового рубля, архитектуру платформы цифрового рубля и механизм совершения операций с ним. Исследуются этапы внедрения цифрового рубля в гражданский и бюджетный оборот.

Ключевые слова: цифровой рубль; цифровая валюта центрального банка; платформа цифрового рубля; финансовое право; денежная система; Банк России; правовой режим; национальная платежная система.

Цифровая трансформация финансовой системы Российской Федерации является одним из приоритетных направлений государственной политики, направленной на укрепление денежного суверенитета и повышение эффективности платежной инфраструктуры. В условиях общемирового тренда на создание и внедрение цифровых валют центральных банков (*CBDC*) Российская Федерация сформировала собственную правовую модель цифрового рубля, которая на современном этапе переходит от пилотного тестирования к полномасштабному внедрению.

2026 год отмечен качественным обновлением правового регулирования цифровой валюты в денежном обороте. Начинают применяться нормы Федерального закона от 23 июля 2025 г. № 248-ФЗ, которые обязывают системно значимые кредитные организации предоставлять клиентам возможность совершать операции с цифровыми рублями, а продавцов с годовой выручкой свыше 120 млн рублей – принимать цифровые рубли в оплату товаров и услуг [3]. Параллельно Банк России продолжает формировать нормативную базу, конкретизирующую порядок работы платформы цифровой валюты.

Нормативно-правовые отношения, возникающие при обращении цифровой валюты в Российской Федерации и являющиеся объектом законодательных актов в данной сфере, предполагают их закрепление в нормах конституционного, финансового, гражданского и банковского законодательства, а также актах Банка России, регулирующих отношения с использованием цифрового рубля.

Работа направлена на комплексный анализ правовых основ использования цифрового рубля на современном этапе и определение направлений совершенствования его правового режима. Для этого необходимо: изучить правовую природу цифрового рубля; проанализировать систему нормативных правовых актов, регулирующих отношения с цифровым рублем; охарактеризовать этапы внедрения цифрового рубля; выявить проблемные аспекты правового регулирования и сформулировать предложения по их устранению.

Фундаментальной основой правового регулирования цифрового рубля является Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», которым в статью 128 Гражданского кодекса Российской Федерации были внесены изменения. Внесенные поправки расширили понятие «безналичные денежные средства», отнеся к ним и цифровые рубли [3]. Итак, цифровые рубли были напрямую причислены законодателем к безналичным денежным средствам, что принципиально важно для определения их места в системе объектов гражданских прав.

Однако не следует отождествлять цифровой рубль с безналичными денежными средствами. Обращение цифрового рубля регламентируется особым правовым режимом, который предопределен технологическими свойствами одноименной платформы. От режима «традиционных» безналичных средств он отличается по трем параметрам: субъектному составу (функции оператора платформы возложены на Банк России, а не на кредитные органи-

зации), технической архитектуре (применяются цифровые счета, открываемые непосредственно на платформе Банка России). Функционирование цифрового рубля сопряжено с определенными ограничениями, закрепленными в подзаконных актах Банка России. Таким образом, цифровой рубль, формально являющийся безналичным денежным средствам, вместе с тем обладает принципиальными отличиями и собственными признаками, дающими право рассматривать его как самостоятельную форму денег. Специфика обращения цифрового рубля, затрагивающая как частную, так и публичную сферы дает основание характеризовать правовое регулирование цифрового рубля как межотраслевое [1, с. 68].

Так как денежная эмиссия является исключительной компетенцией Центрального банка Российской Федерации, в соответствии с Конституцией Российской Федерации (ст. 75), то введение и эмиссия цифрового рубля иными структурами не допускаются [5]. Появление цифрового рубля как третьей формы национальной валюты не нарушает конституционных основ финансовой системы. Обращение цифрового рубля нельзя рассматривать как параллельное денежное обращение, так как цифровой рубль интегрирован в традиционную финансовую систему через коммерческие банки, а Центральный банк страны выступает эмитентом цифрового рубля. Этим обеспечивается единство денежной системы, гарантированное конституционно-правовыми нормами.

Недопустимо отождествлять цифровой рубль с криптовалютой или иным альтернативным средством платежа – его правовой режим имеет принципиально иную природу по сравнению с режимом цифровых валют. Цифровые валюты (криптовалюты) занимают противоположную позицию, так как они законодательно исключены из платежного оборота и не признаются денежными единицами. Их обращение допускается лишь в рамках экспериментального режима.

Цифровые рубли создаются, хранятся и обращаются на цифровой платформе, являющейся инфраструктурой и информационной системой Банка России. В соответствии с Федеральным законом № 339-ФЗ в качестве субъектов информационной системы выступают оператор платформы, ее участники и пользователи, осуществляющие операции с цифровыми рублями [3]. Функции оператора платформы цифрового рубля возложены на Банк России. Участниками платформы выступают кредитные организации, обеспечивающие пользователям доступ к платформе, выступая посредниками между оператором и пользователями цифрового рубля через свои мобильные приложения. Круг пользователей платформы охватывает физических лиц, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Нормативная регламентация отношений с цифровым рублем выстроена по нескольким уровням.

Первый уровень представлен федеральными законами. Так, Федеральным законом № 339-Ф очерчены рамочные условия функционирования цифрового рубля, последующие законы направлены на создание целост-

ной правовой системы функционирования цифрового рубля. Существенную роль в этом играет Федеральный закон от 23 мая 2025 г. № 105-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Данным актом определены особенности проведения операций с цифровыми рублями, а также возможные последствия, противоречащие российскому законодательству о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем. В частности, закон обязал Банк России, как оператора платформы цифрового рубля, приостанавливать операции при появлении подозрений в противоправном характере деятельности участников и пользователей платформы.

Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 303-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации» ввел в оборот понятие «счет цифрового рубля Федерального казначейства», что предполагает использование цифрового рубля в бюджетной сфере и участие казначейства в операциях с цифровыми рублями [10]. Указанные новации заложили правовой фундамент для применения цифрового рубля в бюджетной сфере, что значимо для повышения прозрачности движения бюджетных средств [1, с. 69].

Второй уровень образуют подзаконные акты Банка России. Фундаментом здесь является Положение Банка России от 3 августа 2023 г. № 820-П «О платформе цифрового рубля», которое устанавливает правила функционирования платформы, порядок получения доступа к ней, а также права и обязанности участников и пользователей [8]. Указанием Банка России от 8 октября 2025 г. № 7203-У в названное Положение внесены изменения, вступающие в силу 7 апреля 2026 года и направленные на уточнение порядка проведения операций с цифровыми рублями [6].

Третий уровень объединяет решения Совета директоров Банка России, регулирующие деятельность кредитных организаций как посредников в обращении цифрового рубля. Так, решением Совета директоров Банка России от 28 августа 2026 г. установлены максимальные суммы операций с цифровыми рублями для физических и юридических лиц, их перечень, а также сроки совершения операций с 1 сентября 2026 года. Для физического лица с 1 сентября 2026 года предельная сумма всех операций по увеличению остатка цифровых рублей на счете цифрового рубля (посредством перевода с банковских счетов и уменьшения остатка электронных денежных средств) составляет 300 000 рублей в месяц [10]. Этот лимит утвержден именно решением Совета директоров Банка России; его пересмотр возможен либо принятием нового решения Совета директоров, либо корректировкой действующего. Гибкость правового режима цифрового рубля обеспечивается сочетанием законодательного регулирования и подзаконного нормотворчества Банка России, что позволяет оперативно реагировать на меняющиеся условия.

В процессе правового регулирования цифрового рубля можно выделить несколько последовательных этапов. Первый этап (2021–2023 гг.) связан с разработкой Концепции цифрового рубля, обнародованной Банком России

в 2021 году, и с проведением пилотного тестирования операций, стартовавшего в августе 2023 года. В эксперименте приняли участие 13 банков, 600 физических лиц, а также порядка 30 торговых и сервисных компаний [1, с. 70].

Второй этап (2023–2025 гг.) отмечен формированием базового законодательного регулирования: были приняты Федеральные законы № 339-ФЗ и № 340-ФЗ, установившие правовой статус цифрового рубля и основы функционирования платформы [3]. Тогда же появилось Положение Банка России № 820-П и ряд других подзаконных актов, детализирующих механизм совершения операций [8].

Третий этап берет начало 1 сентября 2026 года и связан с интеграцией цифрового рубля в повседневные финансовые операции. Федеральным законом от 23 июля 2025 г. № 248-ФЗ предусмотрен поэтапный график подключения продавцов к обязанности обеспечивать возможность оплаты товаров, работ и услуг цифровыми рублями:

– 1 сентября 2026 года данная обязанность возлагается на продавцов с годовой выручкой свыше 120 млн рублей, обслуживающихся в системно значимых банках либо банках, признанных значимыми на рынке платежных услуг;

– 1 сентября 2027 года круг субъектов расширяется, подключаются продавцы с годовой выручкой свыше 30 млн рублей, обслуживающиеся в системно значимом банке, банке, признанном значимым на рынке платежных услуг, либо в банке с универсальной лицензией;

– 1 сентября 2028 года обязанность распространяется на продавцов с годовой выручкой свыше 20 млн рублей. Из-под действия обязанности исключены торговые точки с выручкой менее 5 млн рублей в год и точки, расположенные в местностях без доступа к интернету.

Изложенное свидетельствует о том, что законодатель остановился на поэтапной модели внедрения, дающей участникам рынка возможность постепенной адаптации по мере снижения порога выручки [1, с. 71].

При наличии сформированной нормативной базы правовой режим цифрового рубля сохраняет ряд дискуссионных моментов. К числу ключевых проблем следует отнести отсутствие легальной дефиниции «цифровой рубль» в Федеральном законе № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле». В доктрине звучит обоснованное предложение закрепить соответствующее определение в названном законе, что позволило бы устранить правовую неопределенность в сфере валютного регулирования.

Как уже отмечалось, законодатель прямо причислил цифровые рубли к безналичным денежным средствам. Вместе с тем не следует полностью отождествлять эти формы национальной валюты. Правовой режим цифрового рубля имеет отличия от режима «традиционных» безналичных средств, обусловленные особым субъектным составом, технической архитектурой и ограничениями, устанавливаемыми Банком России. В научной литературе справедливо акцентируется необходимость дальнейшей дифференциации правового режима в рамках категории безналичных денежных средств с учетом уникальных технологических свойств цифрового рубля [1, с. 68].

Представляется, что подобная дифференциация должна найти закрепление в специальных нормах гражданского и банковского законодательства.

Перспективным направлением развития правового регулирования является регулирование смарт-контрактов, которые могут использоваться при совершении операций с цифровыми рублями [1, с. 74]. В научной литературе предлагается признание смарт-контрактов самостоятельной формой договора, а также создание механизма автоматического возврата ошибочно переведенных цифровых рублей. Данные предложения заслуживают внимания, поскольку технологическая архитектура платформы цифрового рубля предполагает возможность программирования операций [1, с. 75].

Принцип добровольности использования цифрового рубля гражданами прямо не закреплен в тексте Федерального закона № 340-ФЗ, однако подтверждается официальными разъяснениями представителей законодательной власти. В частности, председатель Комитета Государственной Думы по финансовому рынку А. Г. Аксаков отмечал, что россиян не будут принуждать к использованию цифрового рубля [11]. Для отдельных категорий бизнеса, напротив, установлена обязанность приема цифровых рублей, что является самостоятельной публично-правовой обязанностью, направленной на обеспечение доступности национальной платежной инфраструктуры. Разграничение этих аспектов имеет важное значение для правильного понимания правового режима цифрового рубля.

Отдельного внимания заслуживает проблема обеспечения информационной безопасности при совершении операций с цифровыми рублями. Уникальная прослеживаемость транзакций, являющаяся преимуществом с точки зрения противодействия легализации преступных доходов, одновременно создает риски чрезмерного государственного контроля за финансовыми операциями граждан [1, с. 77]. Баланс между публичными интересами и правами частных лиц должен обеспечиваться системой правовых гарантий, включая судебный контроль за законностью ограничений.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в Российской Федерации сформирована целостная система правового регулирования цифрового рубля, включающая федеральные законы, нормативные акты Банка России и решения Совета директоров Банка России [1, с. 78]. Цифровой рубль получил статус третьей формы национальной валюты, его правовой режим базируется на конституционных принципах денежной системы и обеспечивает баланс публично-правовых и частноправовых начал.

Вместе с тем правовое регулирование цифрового рубля продолжает развиваться. Современный этап характеризуется переходом от пилотного тестирования к полномасштабному внедрению, что требует дальнейшего совершенствования законодательства. Во-первых, правовой статус цифрового рубля не нашел отражения в Федеральном законе № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»; во-вторых, не разграничены в полной мере правовой режим цифрового рубля и правовой режим функционирования безналичных денежных средств, принимая во внимание технологическую

специфику цифрового рубля; в-третьих, не разработаны правовые механизмы регулирования смарт-контрактов; в-четвертых, не обеспечено нормативное закрепление гарантий добровольного использования цифрового рубля гражданами при сохранении обязанности его приема для отдельных категорий бизнеса [1, с. 80].

Реализация указанных предложений будет способствовать повышению правовой определенности в сфере обращения цифрового рубля, укреплению доверия участников гражданского оборота к новой форме национальной валюты и обеспечению баланса частных и публичных интересов в цифровой финансовой системе Российской Федерации [1, с. 81].

Пристатейный список литературы

1. *Ланг, П. П.* Цифровой рубль в парадигме современного финансового права: правовой режим и имплементационные вызовы // Банковское право. – 2026. – № 1. – С. 67–75.
2. Федеральный закон от 23.07.2025 № 248-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 30. – Ст. 4182.
3. Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 30. – Ст. 5585.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
5. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru.
6. Федеральный закон от 23.05.2025 № 105-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 21. – Ст. 2847.
7. Федеральный закон от 31.07.2025 № 303-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 31. – Ст. 4657.
8. Положение Банка России от 03.08.2023 № 820-П «О платформе цифрового рубля» // Вестник Банка России. – 2023. – № 45.
9. Указание Банка России от 08.10.2025 № 7203-У «О внесении изменений в Положение Банка России от 3 августа 2023 года № 820-П «О платформе цифрового рубля» // Вестник Банка России. – 2025. – № 52.
10. Решение Совета директоров Банка России от 28.08.2026 «Об определении максимальных сумм операций с цифровыми рублями, перечня операций

с цифровыми рублями и сроков обеспечения кредитными организациями возможности совершения операций с цифровыми рублями для своих клиентов с 01.09.2026» // Официальный сайт Банка России. – URL: https://www.cbr.ru/rbr/dir_decisions/rsd_2026-08-28_45_02/.
11. Аксаков: россиян не будут заставлять пользоваться цифровым рублем // Клерк. – 2026. – 7 апреля. – URL: https://www.klerk.ru.

УДК 347.73

Александр Юрьевич Гагарин,
аспирант 2-го курса
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
ag226@yandex.ru

Научный руководитель:
Борис Викторович Яцеленко,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии
ВГУЮ (РПА Минюста России),
эксперт российского фонда фундаментальных исследований РАН, г. Москва, Россия
ya.borisvik@mail.ru

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ РАСЧЕТЫ В ЦИФРОВЫХ РУБЛЯХ КАК НОВЫЙ ФАКТОР РИСКА ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

Аннотация. Развитие цифровых валют центральных банков (*CBDC*) создало качественно новую среду для финансовых операций, но одновременно открыло неожиданные каналы для преступной деятельности. Цифровой рубль демонстрирует стремительный рост трансакций, однако национальное и международное регулирование противодействия отмыванию денег не успевает отслеживать и пресекать возникающие схемы легализации преступных доходов. Цель исследования – выявить критические уязвимости в системе контроля трансграничных расчетов в цифровых рублях и сформулировать рекомендации по усилению многоуровневого контроля. Проанализирована судебная практика по квалификации конвертации криптовалют как легализации доходов; международные стандарты *FATF*, а также технологические особенности смарт-контрактов. В результате исследования мы пришли к выводу, что несоответствие скорости внедрения *CBDC* темпам совершенствования механизмов противодействия отмыванию денег, возможность использования смарт-контрактов для маскировки

источников средств и фрагментация регулирования в рамках трансграничных платформ создают системные риски.

Ключевые слова: цифровой рубль; трансграничные платежи; легализация доходов; *CBDC*; противодействие отмыванию денег; смарт-контракты.

Развитие цифровых валют центральных банков (*CBDC*) создало качественно новую среду для финансовых операций, но одновременно открыло неожиданные каналы для преступной деятельности. Параллельно с легитимным использованием *CBDC* возникают новые схемы отмывания денег, которые национальное и международное регулирование не успевают отслеживать и пресекать. Проблема усугубляется тем, что трансграничные расчеты в цифровых рублях функционируют в условиях отсутствия единого наднационального регулятора и согласованных механизмов контроля между странами-участниками.

Федеральный закон от 23.05.2025 № 105-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» распространил требования антиотмывочного законодательства на операции с цифровыми рублями, установив пороговое значение в 1 млн рублей для обязательного контроля [1]. Многоуровневая система включает Банк России как оператора платформы и коммерческие банки как участников, но банки обязаны информировать оператора о подозрительных операциях уже с 1 июля 2026 года. Программируемость денег создает принципиально новый вектор риска: смарт-контракты позволяют автоматизировать сложные схемы движения средств, маскируя их источник через множество промежуточных транзакций за доли секунды. Традиционные методы анализа цепочки платежей становятся неэффективными.

Судебная практика уже отреагировала на эту угрозу. Кассационные суды последовательно отменяют оправдания по ст. 174.1 УК РФ, признавая легализацией конвертацию криптовалют в рубли через виртуальные обменники и последующий перевод на банковские счета. В деле Р. суд указал, что конвертация биткоинов, полученных от сбыта наркотиков, через обменники в рубли с переводом на банковские счета свидетельствует о цели легализации [2]. В деле Я. кассационный суд отменил решение апелляционной инстанции, квалифицировав действия как легализацию на основании способа получения средств: зачисление на виртуальный кошелек, конвертация через обменники, перевод на банковскую карту и обналичивание [3]. Приговор Новокуйбышевского городского суда от 28 января 2026 года осудил лицо по ст. 174.1 УК РФ за получение вознаграждения в биткоинах за сбыт наркотиков и конвертацию в рубли через банковские карты третьих лиц [4]. Постановление Пленума ВС РФ № 32 окончательно закрепило, что под финансовыми операциями для целей ст. 174 и 174.1 УК РФ понимаются любые операции с денежными средствами, включая обмен одной валюты на другую, а предметом преступления могут выступать денежные средства, преобразованные из виртуальных активов [5].

Дело М. демонстрирует еще один вектор риска, а именно передача доступа к расчетному счету и системе интернет-банкинга третьему лицу за вознаграждение была квалифицирована как преступление по ст. 187 УК РФ, поскольку позволяла осуществлять операции анонимно, в обход систем идентификации клиента [6]. Это решение показывает, что даже в условиях регулирования цифровой рубль может быть инструментом преступления, если его использование сопровождается обходом процедур идентификации.

Трансграничное измерение проблемы приобретает особую остроту в контексте развития альтернативных платежных систем. Скорость и экономичность делают трансграничные *CBDC* привлекательными для легализации: мгновенное исполнение операции не оставляет возможности для использования традиционных подходов к борьбе с отмыванием денег. Отсутствие наднационального регулятора и единых правил разрешения споров означает, что судебной практики по конфликтам между национальными системами контроля пока не существует.

Регуляторная фрагментация между странами создает ситуации, когда одна сторона считает платеж выполненным и необратимым, а другая пытается его заблокировать. Это открывает окно возможности для преступников: они могут использовать разницу в национальном регулировании цифровых активов, направляя средства через юрисдикцию с менее строгим контролем. Международный стандарт *FATF*, требующий от стран применения одинаковых стандартов к *CBDC*, как и к другим формам фиатных денег, остается рекомендацией без механизма принудительного исполнения. Д. А. Казанцев справедливо отмечает, что «между распространением инноваций на рынке и внедрением новаций в механизм противодействия отмыванию денег наблюдается временной промежуток, и в отношении криптовалют этот промежуток затянулся» [7]. Э. А. Бабаев и Н. В. Капустина подчеркивают, что «массовое распространение *CBDC* может создать новые риски, связанные с непреднамеренным вовлечением в преступные схемы, усложнением трансграничного контроля и появлением новых механизмов обхода ограничений» [8].

Технологические особенности криптовалют и *CBDC* напрямую конфликтуют с базовыми принципами международного правового режима противодействия легализации доходов, который основан на идентификации клиента, установлении бенефициарных владельцев, фиксации происхождения средств и обязательном сообщении о подозрительных операциях. Анонимность и децентрализация, изначально заложенные в философию многих криптовалют, создают благоприятную среду для их использования в противоправных целях. Псевдоанонимность – отсутствие прямой привязки кошелька к личности владельца – позволяет скрывать источник и конечного бенефициара средств. Трансграничность мгновенных переводов через границы юрисдикций затрудняет отслеживание и блокировку со стороны национальных регуляторов. Основная проблема заключается в том, что регулирование сосредоточено на централизованных посредниках при сохранении обширного пространства для анонимных и децентрализованных операций, наиболее привлекательных для преступников.

Постановление Конституционного Суда РФ № 2-П от 20 января 2026 года окончательно признало криптовалюту имуществом, подлежащим судебной защите, но одновременно отметило, что «в силу своей децентрализованной природы и возможностей неконтролируемого, в том числе теневого, использования цифровая валюта зачастую становится инструментом для сокрытия доходов, для отмывания денежных средств, полученных преступным путем» [9]. Это признание открывает путь для расширения судебной защиты криптовалют, но не решает проблему их использования в преступных целях. Цифровой рубль обладает признаками электронных денежных средств и может выступать предметом хищения по ст. 159.3 УК РФ при несанкционированном доступе к цифровому кошельку. Это означает, что спектр преступлений, связанных с *CBDC*, расширяется за пределы легализации и включает прямое хищение.

Проблема заключается в том, что международное сотрудничество в сфере контроля *CBDC* остается на уровне рекомендаций и тестовых проектов. *FATF* разрабатывает стандарты для минимизации рисков отмывания денег при использовании *CBDC* в международных переводах, но они пока не имплементированы. Международное сотрудничество и координация являются необходимыми условиями для реализации трансграничных проектов в платежной сфере. Однако эта координация должна включать не только центральные банки, но и частный сектор. Частный сектор лучше, чем центральные банки решает задачи «*Know Your Client*» и «*Anti-Money Laundering*», урегулирования споров, клиринга, исходя из чего роль банков в *CBDC*-проектах должна быть значительной.

Российское законодательство предусмотрело порядок обжалования блокировок, установленный Законом № 105-ФЗ: заявление подается оператору платформы (7 рабочих дней рассмотрения), затем в межведомственную комиссию при ЦБ (до 20 рабочих дней), и наконец в суд. Однако эта процедура содержит существенные недостатки. Во-первых, 7 рабочих дней для оператора платформы – это слишком долгий срок в условиях, когда операция исполняется за доли секунды. Во-вторых, судебное разбирательство может занять месяцы, в то время как средства уже переведены и легализованы.

Для эффективного противодействия легализации доходов через трансграничные расчеты в цифровых рублях необходимо принять комплекс мер:

– разработать четкие критерии оценки рисков для смарт-контрактов, включая анализ цепочки платежей и выявление признаков маскировки источника средств;

– ускорить процедуру обжалования блокировок, установив максимальный срок в 24 часа для оператора платформы и 5 рабочих дней для межведомственной комиссии;

– синхронизировать законодательство с международными стандартами, обмену данными между национальными регуляторами в реальном времени;

Цифровой рубль – это инструмент, который может быть использован как для легитимных целей, так и для преступной деятельности. Скорость его распространения и технологические возможности создают новые риски, которые

национальное и международное регулирование не успевает отслеживать. Судебная практика уже реагирует, расширяя толкование ст. 174.1 УК РФ, но эта реакция должна быть подкреплена совершенствованием контрольных механизмов на уровне закона и международного сотрудничества. Без этого трансграничные расчеты в цифровых рублях останутся новым и опасным фактором риска легализации преступных доходов.

Пристатейный список литературы

1. Федеральный закон от 23.05.2025 № 105-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 21. – Ст. 2526.
2. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10.10.2023 № 77-4403/2023 (УИД 75RS0003-01-2023-000150-55) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.09.2023 № 77-3731/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Приговор Новокуйбышевского городского суда № 1-33/2025 1-371/2024 16/2026 1-6/2026 от 28 января 2026 г. // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/ecgH6imoyamr/
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // Бюллетень ВС РФ. – 2015. – № 9.
6. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 08.04.2026 № 56-УДП26-2-К9 // СПС «КонсультантПлюс».
7. *Казанцев, Д. А.* Трансформация механизма противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в условиях цифровизации экономики (на примере минимизации рисков, связанных с использованием криптовалют) / Д. А. Казанцев // Вестник евразийской науки. – 2024. – Т. 16, № S2.
8. *Бабаев, Э. А.* Современные риски использования новых финансовых технологий в схемах отмывания доходов и финансирования терроризма / Э. А. Бабаев, Н. В. Капустина // Вестник евразийской науки. – 2025. – Т. 17, № S2.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича» // Судебная практика высших судов РФ : сайт. – URL: https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-20012026-n-2-p/.

УДК 34

Максим Дмитриевич Зотиков,
Артем Денисович Окань,
студенты 4-го курса бакалавриата
Государственного автономного образовательного учреждения
высшего образования «Московский городской университет управления
Правительства Москвы имени Ю.М. Лужкова», г. Москва, Россия
MaxZotikov1student@yandex.ru
artemokan@yandex.ru

Научный руководитель:
Ольга Юрьевна Ганина,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры
юриспруденции Государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Московский городской университет управления Правительства Москвы
имени Ю.М. Лужкова», г. Москва, Россия

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Научная статья посвящена изучению причин введения цифрового рубля в качестве финансового инструмента, нормативному правовому регулированию, перспективам развития цифрового рубля, а также дополнению и развитию нормативной базы в будущем. Тема исследования крайне актуальна на данный момент, поскольку цифровой рубль является новшеством в истории России, и потому сейчас необходимы исследования на данную тему, чтобы определить природу, суть, будущее и т.п. цифрового рубля. Целью исследования данной статьи стало изучение действующей нормативной базы цифрового рубля и его перспективы развития. В ходе исследования была проанализирована история создания цифрового рубля, комплекс нормативных правовых актов, регулирующих расчеты с цифровым рублем, а также перспективы развития цифрового рубля. В результате авторы пришли к выводу, что нормативная база цифрового рубля обширна, а перспективы цифрового

рубля в будущем, как внутри Российской Федерации, так и на международном уровне, колоссальны.

Ключевые слова: цифровой рубль; цифровая экономика; суверенитет; Центральный банк Российской Федерации.

На фоне взлета популярности криптовалют в 2017 году в России стали популярны обсуждения концепции внедрения аналога криптовалют на внутреннем рынке страны в качестве еще одной формы национальной валюты. Однако лишь в 2021 году идея приобрела новый ход событий, выраженный официальным опубликованием Центральным банком Российской Федерации (далее – Банк России) концепции цифрового рубля. В 2023 году был опубликован ряд законов, залепляющих статус цифрового рубля как третьей формы национальной валюты. Начиная с 1 сентября 2026 года, наблюдается практический переход к цифровому рублю.

Когда речь заходит про цифровой рубль, большинство граждан считают, что это то же самое, что и криптовалюта, однако между ними существует принципиальная разница.

Цифровой рубль – это «цифровая форма рубля. Сейчас у нас есть наличная и безналичная форма национальной валюты, а в дополнение к ним появилась еще и цифровая» [1].

Криптовалюта – это высокорисковый инвестиционный инструмент. Она является таковой, поскольку не защищается никаким инструментом регулирования. Ее стоимость зависит лишь от спроса и предложения на рынке, что влияет на резкое изменение курса токена в течение нескольких часов. Она позволяет скрывать денежные транзакции, поскольку аккаунты могут быть созданы без какой-либо идентификации личности пользователя.

Существует ряд причин, по которым было принято решение ввести цифровой рубль:

1) цифровое развитие национальной валюты на основе опыта криптовалют для создания благоприятных условий для отслеживания движения денежных средств на счетах пользователей, данный финансовый инструмент можно будет запрограммировать на строго целевое использование, а любые попытки манипуляции станут видны органам государственной власти [2, с. 455];

2) снижение транзакционных издержек на осуществление переводов [2, с. 455]. Для физических лиц переводы цифровым рублем будут осуществляться без взимания комиссии, а для юридических лиц – с минимальной комиссией;

3) сокращение внутрисистемных издержек на эмиссию банковских платежных карт, а также сокращение технологической и операционной зависимости от крупнейших международных платежных систем [2, с. 455];

4) снижение роли наличных денег в жизни населения. С развитием технологий наличные деньги уходят в прошлое. По данным Банка России за второй квартал 2026 года, доля безналичных платежей в розничном обороте составляет 88,4%. Все больше людей переходят на оплату через СБП и биометрию. Доля альтернативных платежей выросла до 15,1% [3].

Современное правовое регулирование цифрового рубля представлено несколькими нормативными правовыми актами. Основой этого регулирования являются: Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 340-ФЗ) [4], который внес ключевые изменения, связанные с введением в правоотношения цифрового рубля, в Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (далее – Федеральный закон № 161-ФЗ) [5], а также в Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» [6]. Измененная статья 7.1 Федерального закона № 161-ФЗ определяет, какие операции считаются операциями с цифровыми рублями, как их учитывать, в каких пределах они осуществляются и т.д. Так, ч. 3 данной статьи закрепляет, что переводы цифровыми рублями осуществляются исключительно в рамках платформы цифрового рубля, что не предполагает иных значений и толкований и оставляет такую систему как цифровой рубль исключительно в своем пространстве [7].

Также стоит отметить Федеральный закон от 23.07.2025 № 248-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», что дополнил существующее федеральное законодательство и ввел части 3.1–3.3 ст. 7.1 [8], что составляют основную базу по внедрению и использованию цифрового рубля, определяя оплату товаров, услуг, работ физическим лицом в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Дополнениям подверглись также законы: Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-I «О защите прав потребителей» был дополнен соответствующей нормой о применении и оплате цифровым рублем [9], Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [10]. Таким образом, федеральное законодательство было изменено для внедрения, применения и регулирования цифрового рубля и рассчитано на долгосрочную перспективу.

В настоящее время цифровой рубль только начинает свой путь в финансовой системе нашего государства. Как и в большинстве случаев, когда происходят какие-то изменения или нововведения, неизбежно появятся и изъяны, которые вскоре необходимо будет урегулировать. Можно отметить, что на данный момент цифровой рубль уже поддерживается как способ оплаты в части продуктовых магазинов. Поскольку активное внедрение цифрового рубля идет полным ходом, можно предположить о возможных перспективах развития цифрового рубля.

Если говорить о внутригосударственных перспективах, можно обратиться к официальным документам Банка России, в которых указано, что с 1 сентября 2027 года средний бизнес с выручкой более 30 млн рублей в год обязан под-

держивать оплату цифровым рублем, а с 2028 года все остальные компании и индивидуальные предприниматели обязаны поддерживать данную функцию при реализации своего бизнеса [11]. «Обязанность принимать цифровые рубли не распространяется на торговые точки, выручка которых за предшествующий год составила менее 5 млн рублей или которые работают на территории, где нет Интернета» [12].

В свою очередь, наиболее интригующем может стать возможность использования цифрового рубля на международном уровне. Если цифровой рубль представляет собой форму национальной валюты наравне с наличными и безналичными, то и использование такой валюты заграницей у наших партнеров представляется возможным в дальнейшем будущем. Например, будет возможным производить конвертацию цифровых валют в китайские юани или индийские рупии с помощью Банка России, без вмешательства коммерческих банков.

Рассуждая о будущем цифрового рубля и его выхода на международные расчеты и, соответственно, правоотношения, можно предположить разные варианты его регулирования. Для начала стоит сказать, что техническая и правовая возможность этому заложена уже сейчас, поскольку цифровой рубль создан по концепции *CBDC* (*Central Bank Digital Currency*, в переводе «Цифровая валюта Центрального Банка»), что в будущем позволит осуществлять международные расчеты с другими национальными системами [13]. Также правовая основа заложена в указанных ранее нормативных правовых актах, где цифровой рубль официально определен как третья форма национальной валюты (наряду с наличной и безналичной), эмитентом и оператором платформы которой монопольно выступает Банк России [14]. Это и есть прямое юридическое определение классической розничной *CBDC*. Можно предположить, что в дальнейшем международные расчеты с применением цифрового рубля будут осуществляться путем отдельных международных соглашений Банка России с национальными банками других стран.

Таким образом, можно предположить различные варианты правового регулирования расчетов цифровым рублем. В настоящее время практическая реализация только набирает обороты.

Пристатейный список литературы

1. Цифровой рубль: что это такое и как им пользоваться // Банк России : официальный сайт. – URL: https://www.cbr.ru/faq/dr/ (дата обращения: 14.10.2026).
2. *Мамышева, Е. А.* Цифровой рубль: зачем он запускается и как будет работать? / Е. А. Мамышева // Московский экономический журнал. – 2022. – Т. 7, Вып. 9.
3. Платежные операции россиян: тренды II квартала // Банк России : официальный сайт. – URL: https://www.cbr.ru/press/event/?id=32822 (дата обращения: 14.10.2026).

4. Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=605730582 (дата обращения: 14.10.2026).
5. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (в ред. от 04.08.2026 № 283-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102148779 (дата обращения: 14.10.2026).
6. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (в ред. от 04.08.2026 № 283-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102010268 (дата обращения: 14.10.2026).
7. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (в ред. от 04.08.2026 № 283-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102148779 (дата обращения: 14.10.2026).
8. Федеральный закон от 23.07.2025 № 248-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202507230045 (дата обращения: 14.10.2026).
9. Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-I «О защите прав потребителей» (в ред. от 28.12.2025 № 500-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102014512 (дата обращения: 14.10.2026).
10. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (в ред. от 04.08.2026 № 334-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102077052 (дата обращения: 14.10.2026).
11. Цифровой рубль для бизнеса: кто обязан принимать и как открыть счет // Мой бизнес. Портал малого и среднего предпринимательства Республики Саха (Якутия) : сайт. – URL: https://xn--14-9kcqjffxnf3b.xn--p1ai/news/tsifrovoj-rubl-dlya-biznesa-kto-obyazan-prinimat-i-kak-otkryt-schet/
12. Цифровой рубль: что это такое и как им пользоваться // Банк России : официальный сайт. – URL: https://www.cbr.ru/faq/dr/ (дата обращения: 14.10.2026).
13. Концепция цифрового рубля. Москва, 2021 // Банк России : официальный сайт. – URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 14.10.2026).
14. Что такое цифровой рубль? Как использовать валюту в 2026 году? // ГАРАНТ.РУ : информационно-правовой портал. – URL: https://www.garant.ru/consult/popularnie-voprosi/2151992

УДК 336.74

Полина Денисовна Квеско,
студентка 3-го курса юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
pkvesko@mail.ru

Научный руководитель:
Земфира Мухарбиевна Казачкова,
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
административного и финансового права
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
zem7900@yandex.ru

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУВЕРЕНИТЕТА РФ

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного правового осмысления потенциала цифрового рубля как средства обеспечения бюджетно-финансового суверенитета РФ, а также выявления рисков, связанных с его внедрением. В условиях санкционного давления и трансформации международной финансовой архитектуры, для РФ приоритетное значение приобретают финансовые инструменты, способные обеспечить самостоятельность и независимость экономики государства.

Ключевые слова: цифровой рубль; финансовый суверенитет; цифровые валюты центральных банков; концептуальная неопределенность; «окрашивание» бюджетных средств.

«Финансовый суверенитет Российской Федерации» – способность государства проводить единую финансовую и денежно-кредитную политику, обеспечивать стабильность финансового рынка Российской Федерации, способность российской экономики формировать необходимые ресурсы для развития [1]. В условиях наложения против Российской Федерации исторически беспрецедентных санкций, прежде всего в экономической сфере, особое зна-

чение приобретает разработка принципиально новых платежных инструментов, которые бы обеспечили суверенитет российской финансовой системы, укрепили ее положение на международном рынке. Опыт 2022–2026 годов является необходимым толчком для формирования отечественных финансовых инфраструктур, таких как, например, Система передачи финансовых сообщений Банка России (СПФС), *CyberFT*, что позволяет рассматривать его как необходимый этап формирования конкурентоспособных национальных платежных систем в истории нашей страны.

В соответствии со статьей 75 Конституции РФ, Центральный Банк РФ осуществляет исключительные полномочия на эмиссию рубля. Банк России, являясь «мегарегулятором», обеспечивает, прежде всего, устойчивость рубля. Данное конституционное полномочие распространяется и на цифровую форму национальной валюты. Именно Банк России выступает оператором платформы цифрового рубля, что закрепляет за ним статус единственного эмитента всех форм национальной валюты и служит правовой основой денежного суверенитета. Введению в массовый оборот цифрового рубля с 1 сентября 2026 года предшествовал экспериментальный период (с лета 2021 года по 2026 год), который показал принципиальную готовность инфраструктуры (работоспособность всех базовых операций: открытия и закрытия счетов, переводов между физическими и юридическими лицами, оплаты товаров и услуг, а также расчетов по смарт-контрактам). В 2025 году были проведены первые расчеты по зарплатам, стипендиям и государственным контрактам на сумму около 16 млн руб., что создало основу для автоматизации финансового контроля за целевым расходованием средств [2].

Федеральным законом «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 24.07.2023 № 339-ФЗ цифровые рубли были включены в статью 128 ГК РФ и отнесены к категории безналичных денежных средств. Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 24.07.2023 № 340-ФЗ определен правовой статус цифровых рублей, они названы третьей формой национальной валюты наряду с наличной и безналичной. Данное расхождение в принципиальных положениях может создать концептуальную неопределенность в выборе применимого правового режима. Несмотря на то, что Банк России в своем Письме от 11 сентября 2023 г. № 04-45/8582 разъяснил, что термин «третья форма денег» используется исключительно в экономическом контексте, и законодательного противоречия нет, в юридических научных работах на данную тему затрагивается проблема данного понятийного расхождения, а именно природы самого обязательства. Если цифровой рубль приравнивать к имущественным правам, к нему соответственно применяется сложившееся гражданско-правовое регулирование. Имущественные права по своей сути являются требованием к обязанному лицу. Банк России, являясь оператором платформы и эмитентом, станет адресатом такого требования по смыслу правового регулирования. С точки зрения правовой определенности цифровой

рубль стоит выделить как отдельный объект гражданских прав, требующий особого правового режима. В сфере уголовного права данное противоречие было устранено Пленумом Верховного Суда РФ, который признал цифровой рубль предметом хищения наряду с безналичными денежными средствами [3]. Однако в гражданском обороте и в юридической доктрине вопрос о правовой природе цифрового рубля остается дискуссионным.

Основное прогнозируемое влияние цифрового рубля на укрепление бюджетного суверенитета России – снижение уровня коррупции в части нецелевого расходования бюджетных средств. Средства, выделенные на государственный контракт, могут быть потрачены только на строго определенные цели («окрашивание» бюджетных средств), что технически исключает их ненадлежащее использование [4]. Целевая направленность позволит налоговым органам взыскивать задолженность напрямую со счета цифрового рубля, что укрепит доходную часть бюджета. Внедрение цифрового рубля в бюджетный процесс на стадии исполнения бюджета повысит эффективность финансового контроля.

Другое важное направление – формирование независимого контура трансграничных расчетов. Цифровой рубль, как и другие цифровые валюты центральных банков, позволяет проводить операции напрямую, без посредников, из чего следует потенциал «дедолларизации» на международном уровне [5]. На саммите БРИКС в Нью-Дели обсуждались вопросы создания альтернативной трансграничной финансовой инфраструктуры. Поддержка трансграничных платежных технологий открывает для России возможность стать равноправным архитектором новой глобальной финансовой системы [6].

Цифровой рубль рассматривается как основной инструмент расчетов в рамках ЕАЭС, БРИКС и ШОС. К началу 2026 года в ЕАЭС доля расчетов в национальных валютах достигла 93%, при этом российский рубль занимает доминирующее положение – около 75% всех взаиморасчетов, выступая региональным лидером [7]. Развитие в данных направлениях неизбежно сталкивается с существующими препятствиями, такими как санкционное давление, валютные ограничения, технологическая зависимость от зарубежных каналов. Для решения перечисленных проблем следует, прежде всего, унифицировать правовые позиции по цифровым валютам центральных банков путем принятия многосторонних и двусторонних соглашений о взаимном признании цифровых валют. Также представляется возможным создание специальной рабочей группы при Новом банке развития БРИКС для урегулирования технических вопросов.

Из проведенного исследования следует, что цифровой рубль представляет собой многоаспектное явление, комплексно влияющее на основные сферы правового регулирования. Воздействуя на денежную, бюджетную и платежную систему, он является средством обеспечения финансового суверенитета РФ. Рассматривая сформировавшееся на данный момент национальное правовое регулирование, была выявлена концептуальная неопределенность в подходе к определению правовой природы цифрового рубля, что порожда-

ет дискуссию в юридическом сообществе о возможных правовых последствиях такой двойственности понятия. Следует строить правовое регулирование на основе четкого понимания применимого правового режима, предупредив возможные расхождения и риски. Для успешного внедрения цифрового рубля в трансграничные платежные взаимоотношения необходим прочный национальный правовой фундамент, а также активная работа с потенциальными странами-партнерами, а именно унификация правовых позиций по цифровым валютам центральных банков, заключение многосторонних и двусторонних соглашений о взаимном признании, создание специальных рабочих групп при Новом банке развития БРИКС. Системная деятельность в данном направлении поможет адаптироваться к трансформации глобальной экономики и обеспечить финансовую независимость и самостоятельность Российской Федерации.

Пристатейный список литературы

1. Распоряжение Правительства РФ от 06.03.2026 № 434-р «Об утверждении методики расчета показателей состояния финансового суверенитета Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2026. – № 11. – Ст. 1306.
2. Виртуализация рубля // Коммерсантъ : сайт. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/9008187.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 июня 2026 г. № 19 «О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Российская газета. – 2026. – 23 июня.
4. *Сафия, Т. Е.* Цифровой рубль как инструмент повышения прозрачности казначейского сопровождения государственных контрактов // Аудиторские ведомости. – 2025. – № 4.
5. Сенатор Шендерюк-Жидков: Россия стала флагманом дедолларизации из-за западных санкций // Парламентская газета. – 2026. – 15 сент. – URL: https://www.pnp.ru/politics/senator-shenderyuk-zhidkov-rossiya-stala-flagmanom-dedollarizacii-izza-zapadnykh-sankciy.html.
6. Инвестиционная платформа БРИКС: изменение доступа к капиталу и трансграничным расчетам // TV BRICS : сайт. – 2026. – 12 окт. – URL: https://tvbrics.com/news/investitsionnaya-platforma-briks-izmenenie-dostupa-k-kapitalu-i-transgranichnym-raschyetam/.
7. *Акматалиева, А. С.* Роль национальных валют стран ЕАЭС в условиях дедолларизации мировой экономики // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2026. – Т. 20, № 2 (56). – С. 32–42.

УДК 343.378

Анна Валентиновна Кочубей,
студентка 5-го курса факультета высшего образования
Тульского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Тула, Россия
cochubei.anu@yandex.ru

Научный руководитель:
Татьяна Константиновна Бойко,
старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса
факультета высшего образования Тульского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Тула, Россия
tk4236@mail.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЦИФРОВОГО РУБЛЯ КАК ПРЕДМЕТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. В статье исследуется уголовно-правовая характеристика цифрового рубля как предмета преступления. Актуальность темы обусловлена появлением новых видов преступных посягательств, использующих цифровые технологии, и необходимостью их квалификации. Анализируется правовая природа цифрового рубля как гибридного объекта, а также исследуются проблемы квалификации хищений цифровых рублей по статьям 158, 159, 159.3 и 159.6 УК РФ.

Ключевые слова: цифровой рубль; хищение; квалификация преступления; электронные средства платежа; мошенничество.

Модернизация финансовых операций посредством цифровых технологий выступает ключевым вектором трансформации российской правовой системы. Статус цифрового рубля как третьей формы национальной валюты страны, которая существует наряду с наличными и безналичными денежными средствами, был официально закреплен Федеральным законом от 24.07.2023 № 339-ФЗ [1]. В отличие от децентрализованных криптовалют, цифровой

рубль характеризуется наличием единого контролируемого государством эмитента, которым является Центральный банк Российской Федерации (далее – Банк России), осуществляющий его выпуск и обращение через специальную централизованную платформу.

Поэтапный план внедрения цифрового рубля в некоторые сферы деятельности был определен Федеральным законом от 23.07.2025 № 248-ФЗ [2]. Так, например, с 1 сентября 2026 года крупные торговые сети и банки обязаны принимать и переводить средства в такой форме, а в течение следующих двух лет круг обязанных субъектов планируют расширить. Что касается граждан, то использование ими цифрового рубля носит исключительно добровольный характер.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что внедрение нового платежного инструмента в общественную жизнь неизбежно приводит к возникновению новых видов преступных посягательств, использующих цифровые технологии. Вследствие чего на уровне разъяснений высшей судебной инстанции было прямо закреплено, что к предмету хищения относятся безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, а также бездокументарные ценные бумаги, цифровые права и цифровая валюта [3]. Впоследствии такое решение устранило пробел в праве, который создавал неопределенность при квалификации преступлений против цифровых активов и позволял виновным уклоняться от уголовной ответственности ввиду отсутствия имущественной природы таких объектов и их прямого закрепления в уголовном законе.

Под цифровым рублем следует понимать уникальный гибрид, сочетающий в себе свойства вещи, как объект гражданского оборота, обязательственного права, как право требования к Банку России, и цифрового актива, который учитывается на распределенном реестре [4, с. 45]. Следовательно, такой «гибридный» подход подчеркивает неоднозначность правовой квалификации цифрового рубля и порождает определенные сложности в ее применении.

Несмотря на то, что цифровой рубль получил уголовно-правовую защиту и был признан предметом хищения, как было указано выше, возникают некоторые проблемы, связанные с выбором конкретной нормы или квалифицирующих признаков. Например, если имеет место тайное хищение цифровых рублей, то действия виновного следует квалифицировать по п. «г» ч. 3 ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), как кража с банковского счета. Однако в классическом понимании цифровой кошелек, на котором хранятся цифровые рубли, не является банковским счетом. Следовательно, происходит терминологический и концептуальный разрыв ключевых понятий, которые требуют расширительного толкования.

В случае если для целей хищения виновным применяются методы социальной инженерии или используются фишинговые сайты, его действия охватываются ст. 159 УК РФ, но только при условии, что совершенный им обман стал основанием добровольной передачи имущества самим потерпевшим. Если обман помог лишь обеспечить преступному лицу доступ к такому имуществу, а само изъятие происходило тайно, т.е. без ведома собственника, то такие действия характеризуются кражей.

Необходимо также проанализировать позицию В. П. Лещенко, который наделяет цифровой рубль признаками электронных денежных средств и рассматривает его в качестве предмета хищения по ст. 159.3 УК РФ при наличии таких определенных условий, как:

1. Наличие признака чужого имущества, представляющего экономическую ценность;

2. Осуществление преступного деяния с использованием электронного средства платежа, например, через несанкционированный доступ к цифровому кошельку, подделку цифрового идентификатора или ввод в заблуждение при аутентификации;

3. Осуществление хищения в пользу виновного или третьих лиц [5, с. 133]. Тем не менее данное мнение подвергается критике, с которой стоит согласиться, поскольку цифровой рубль не соответствует дефиниции электронных денежных средств, а относится к разновидности безналичных денежных средств с особым режимом учета. Также следует отметить указанный автором способ совершения преступления, что также не отвечает критериям обмана или злоупотребления доверием, играющих лишь вспомогательную роль, поскольку сами по себе несанкционированный доступ или подделка идентификатора к ним не относятся. Следовательно, если принять во внимание квалификацию, предложенную В. П. Лещенко, то большинство деяний будет подпадать как под действие ст. 159.3 УК РФ, так и под состав кражи с банковского счета.

Преступные действия, выраженные в совершении различных операций с компьютерной информацией путем ее ввода, удаления, модификации или блокирования, которые могут обеспечить условия для хищения цифровых рублей, будут квалифицироваться по ст. 159.6 УК РФ. Например, если преступное лицо совершит незаконные манипуляции с записями в распределенном реестре, подменит данные о транзакциях, связанных с цифровыми рублями, или использует вредоносный код на платформе Банка России, то его действия будут квалифицироваться не только по ст. 159.6 УК РФ, но и по ст. 272 УК РФ или ст. 273 УК РФ в зависимости от способа совершения преступления. Однако если злоумышленник не оказывал никакого технического воздействия на компьютерную информацию и получил доступ к ней посредством использования иных способов, то такое деяние охватывается п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Таким образом, цифровой рубль занимает особое положение среди объектов уголовно-правовой охраны. Формально от относится к безналичным денежным средствам, но по правовой природе не тождественен ни безналичным деньгам на банковском счету, ни электронным, ни цифровой валюте. В нем сочетаются признаки вещи, права требования к Банку России и цифрового актива. Такая гибридность создает доктринальные споры, которые в настоящий момент разрешаются только практически, поскольку Пленум Верховного Суда Российской Федерации признал цифровые рубли предметом хищения, но при этом оставил вопрос об их правовой природе без детального рассмотрения.

Пристатейный список литературы

1. О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 23.07.2025 № 248-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 16.06.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
4. *Афанасьев, В. А.* Цифровой рубль: между технологическим прорывом и правовой неопределенностью / В. А. Афанасьев // Новизна. Эксперимент. Традиции (Н.Экс.Т). – 2026. – Т. 12, № 1 (33). – С. 43–52. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-rubl-mezhdu-tehnologicheskim-proryvom-i-pravovoy-neopredelennostyu (дата обращения: 29.09.2026).
5. *Лещенко, В. П.* Цифровой рубль как предмет мошенничества с использованием средств электронного платежа (ст. 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации) / В. П. Лещенко // Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. – 2025. – № 3 (31). – С. 127–134. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82976728 (дата обращения: 30.09.2026).

УДК 347.1

Анастасия Николаевна Куликова,
студентка 5-го курса факультета высшего образования
Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Санкт-Петербург, Россия
anst.kulikova@gmail.com

Научный руководитель:
Александр Юрьевич Кеклис,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
гражданского процесса Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Санкт-Петербург, Россия
a@keklis.ru

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ: РИСК ИЛИ ПОЛЬЗА?

Аннотация. Актуальность темы обусловлена внедрением инфраструктуры цифрового рубля и необходимостью оценить его влияние на денежное обращение Российской Федерации. Цель работы – выявить преимущества и риски третьей формы национальной валюты. Проанализированы положения законодательства Российской Федерации, а также научные публикации и материалы Банка России. В результате мы пришли к выводу о том, что цифровой рубль – перспективный, но преждевременный инструмент, требующий правовых гарантий и роста доверия граждан.

Ключевые слова: цифровой рубль; платежная инфраструктура; национальная валюта; рубль; платежная система.

Появление цифрового рубля стало одним из наиболее значимых и ожидаемых изменений российской денежной системы. С 1 сентября 2026 года банки и розничные компании открыли инфраструктуру для работы с цифровым рублем. Теперь граждане имеют возможность пользоваться новой формой цифровой валюты. Наличные деньги, безналичные деньги и цифровые рубли обращаются одновременно и равны между собой.

Основой регулирования цифрового рубля является Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (ФЗ № 161), который был дополнен нормами о цифровом рубле.

Следует обратить внимание на то, что правовая конструкция цифрового рубля имеет ряд особенностей. Во-первых, цифровые рубли обращаются исключительно на платформе цифрового рубля и их нельзя перенести на физический носитель [1]. Доступ к цифровому кошельку гражданин может получить через приложение банка. Оператором платформы цифрового рубля является Банк России, который отслеживает все операции и расчеты.

Во-вторых, по договору счета цифрового рубля оператор платформы (Банк России) обязуется зачислять и списывать цифровую валюту. Счет цифрового рубля является отдельным видом банковского счета. Законодатель смог избежать многих практических проблем признав цифровой рубль безналичным денежным средством и цифровой счет – особым видом банковского счета [2, с. 33]. Если бы новая форма валюты была закреплена как отдельный объект гражданских прав, то отечественному законодателю пришлось бы вносить изменения во многие нормативные правовые акты.

В-третьих, не допускается кредитование счетов цифрового рубля и начисление процентов на остаток. Так как цифровой рубль не является депозитным инструментом, то на остаток цифрового кошелька не начисляются проценты, и открытие вклада в цифровых рублях невозможно. Также не допускаются совместный счет цифрового рубля, счет в драгоценных металлах.

В-четвертых, в соответствии с ФЗ № 161 оператор цифрового рубля вправе в одностороннем порядке вносить изменения в договор счета цифрового рубля при обязательном уведомлении пользователя. Возможно изменение тарифов для физических лиц не более двух раз в год.

В-пятых, цифровой рубль имеет своей целью защиту от мошенничества. У каждой единицы цифрового рубля есть свой уникальный код, что снижает возможность вливания в оборот поддельных цифровых денег. Уникальный код позволяет отслеживать подозрительные операции [3, с. 99]. Законодательство обязывает участников платформы реализовывать меры противодействия переводам без добровольного согласия клиента, позволяет оператору отказывать в подозрительных операциях.

Внедрение цифрового рубля в перспективе позволит достичь следующих эффектов:

1. Снижение издержек и ускорение расчетов. На первом этапе внедрения цифрового рубля расчеты для физических лиц бесплатны, комиссии не взимаются. Для предпринимателей до конца 2026 года действует льготный период, а с 2027 года планируется введение тарифов, которые будут самыми низкими на платежном рынке. Данная конструкция значительно снижает различные издержки, так как платежи производятся на одной платформе, минуя посредников и эквайринг [4].

2. Технологическая независимость от внешних платежных систем. В свете антироссийских санкций и отключения банков от международных серви-

сов для России очень важна независимость национальной инфраструктуры. Цифровой рубль снижает риск уязвимости внутренних расчетов от решений и действий зарубежных элит. Цифровой рубль обеспечивает платежный суверенитет в условиях жесткого давления.

3. Возможность проведения международных расчетов. Платформы на базе CBDC, например проект Китая с цифровым юанем, показывают, что существует возможность расчетов напрямую между центральными банками государств [5]. Трансграничные расчеты цифровым рублем открывают для России перспективу альтернативных операций с дружественными государствами и снижения зависимости от доллара. Однако международные расчеты требуют тщательного правового регулирования и договоренностей с партнерами.

4. Цифровой рубль позволяет автоматизировать и адресно направлять социальные выплаты и субсидии конкретному получателю, контролировать целевое расходование бюджетных средств [6, с. 200]. Например, субсидию на ремонт школы можно запрограммировать так, чтобы деньги могли быть потрачены только на необходимые строительные материалы и работы подрядчиков. Любая попытка потратить денежные средства на другие цели в данном случае подлежит блокированию. Для эффективной реализации подобного механизма очень важна развитая правовая база в сфере публичных закупок.

5. Повышение защищенности граждан. Как указывалось ранее, оператором платформы цифрового рубля является Центральный Банк России, который тщательно отслеживает операции с цифровым рублем. Закон обзывает участников платформы реализовывать ряд мероприятий по противодействию переводам денежных средств без добровольного согласия клиента. Оператор может отказать в выполнении операции, если она обладает признаками недобровольного перевода.

6. Упрощение доступа к платежной инфраструктуре. Счет цифрового рубля открывается в мобильном приложении банка, дополнительная установка каких-либо приложений не требуется. Таким образом, человек пользуется знакомым интерфейсом, а платформа обеспечивает единый механизм расчетов. При этом закон ограничивает возможность отказа пользователю в доступе к платформе, кроме случаев, которые прямо предусмотрены законом [7, с. 160].

Тем не менее необходимо отметить и угрозы, которые следуют за внедрением цифрового рубля.

Любая цифровая валюта неизбежно станет целью киберугроз, включая попытки взлома, мошеннические схемы и несанкционированный доступ к данным граждан [8, с. 135].

Обращение цифрового рубля полностью сосредоточено на одной платформе Банка России. Технический сбой или успешная кибератака потенциально затрагивают всех пользователей и оператора одновременно и выводят из строя всю инфраструктуру.

В настоящий момент существует запрет на начисление процентов на остаток цифрового кошелька, что снижает для пользователей ценность хранения средств в цифровых рублях.

Целесообразно обратить внимание на опыт внедрения цифрового юаня в Китае. 1 января 2026 года Народный банк Китая (НБК) перевел цифровой юань из режима «цифровых наличных» в режим «цифровых депозитных денег [9, с. 162]. Шесть главных банков Китая стали начислять проценты на остатки на цифровых кошельках. Однако проценты платят не всем, а только пользователям с полной идентификацией (пользователь предоставил банку свои данные). Ставка по таким вкладам равна 0,05% годовых.

Приток средств на счета цифрового рубля потенциально снижает ресурсную базу банков, лишая их дешевых пассивов, таких как вклады граждан, остатки на счетах физических и юридических лиц. Средства на счетах рассматриваются банками как практически бесплатный ресурс, остатки по таким счетам размещаются банками под рыночный процент [10, с. 157].

Национальное рейтинговое агентство оценило, что ежегодное снижение комиссионных доходов может превысить 100 млрд рублей. Кроме того, агентство ожидает отток не менее 10% пассивов за ближайшие 5 лет, что составляет примерно [11].

Оператор имеет право в одностороннем порядке менять договор счета. Данное положение означает, что необходима разработка механизмов защиты владельцев счета цифрового рубля.

Предпринимательское сообщество внедрение цифрового рубля оценивает полярно. Предприниматели отмечают, что полное подчинение цифрового рубля Центральному Банку России влечет за собой отсутствие судебной защиты физических и юридических лиц. Отсутствие капитализации процентов в скором времени может привести к оттоку средств – 1–1,5 трлн рублей в год. Другая часть предпринимателей видит в цифровом рубле исключительно положительную перспективу для развития экономики и бизнес за счет снижения издержек, ускорения расчетов и автоматизации процессов.

На данный момент нельзя точно определить какие последствия повлечет за собой внедрение цифрового рубля: негативные или позитивные.

Для эффективного и безопасного развития цифровой формы национальной валюты необходимо уделить особое внимание развитию правовых гарантий (прозрачность правил, надежная защита персональных данных). Кроме того, важно провести ряд технических мероприятий для усиления защиты цифрового рубля от кибератак. Видится важным изучение опыта Китая во введении цифрового юаня. Разработки иностранных государств могут послужить хорошей базой для совершенствования цифрового рубля.

Вместе с тем мы считаем, что цифровой рубль – хороший инструмент экономики, но в будущем. Банковский сектор не подготовлен к новой форме национальной валюты. При возможном решении перевести зарплаты, социальные пособия, пенсии на цифровой рубль, граждане могут начать обналичивать цифровые кошельки из-за недостаточного доверия к форме валюты. Объем наличных денег в банках недостаточен для оперативного реагирования на массовое обналичивание, что может привести к резкому сокращению количества наличных денег в банках.

В связи с этим, видится разумным предусмотреть различные сценарии развития цифрового рубля, изучить реакцию банковского сектора и граждан на каждый из них. Особое внимание стоит уделить повышению доверия граждан к цифровому рублю.

Пристатейный список литературы

1. Цифровой рубль: официальная страница // Банк России : сайт. – URL: https://www.cbr.ru/fintech/dr.
2. *Ситник, А. А.* Цифровой рубль как объект финансово-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18, вып. 8. – С. 20–36.
3. *Калачева, М. С.* Цифровой рубль – противодействие Банка России фальшивомонетничеству // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 2. – С. 97–100.
4. *Кузьмин, М. С.* Механизмы повышения финансовой эффективности российских компаний в условиях внедрения цифрового рубля // Аудиторские ведомости. – 2026. – № 2.
5. Цифровой юань (DCEP) // TADVISER : сайт. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Продукт:Цифровой_юань_(DCEP).
6. *Ангеловский, А. С.* Цифровой рубль: сопоставление стратегических целей Банка России с результатами пилотного проекта // Kant. – 2026. – № 2 (59). – С. 195–205.
7. *Рабаданова, Д. А., Алиев, Г. Х.* Перспективы внедрения цифрового рубля в национальную систему платежей // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. – 2023. – № S1. – С. 158–163.
8. *Поповская, В. В.* Цифровой рубль как новая форма денег. Перспективы и риски развития // Инновационная наука. – 2025. – № 3–1. – С. 133–137.
9. *Капустин, Н. А.* Цифровой юань 2.0: переход от цифровых наличных к цифровым депозитным деньгам и потенциальное воздействие на проект цифрового рубля // Вопросы инновационной экономики. – 2026. – Т. 16, № 2. – С. 661–686.
10. *Бердышев, А. В.* Влияние цифрового рубля на ресурсную базу российских банков // Вестник Университета. – 2021. – № 1(8). – С. 155–159.
11. НРА оценило отток из банков до 1,5 трлн руб. в год из-за цифрового рубля // САППОРТ : сайт. – URL.: https://support-magazine.ru/novosti/nra-otsenilo-ottok-iz-bankov-do-1-5-trln-rub-v-god-iz-za-tsifrovogo-rublya/?ysclid=mueiv91u3148381830

УДК 336.74

Дарья Александровна Лашкина,
студентка 5-го курса Иркутского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия
lashkinadaria10@gmail.com

Научный руководитель:
Анна Николаевна Дудина,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
гражданского права и процесса Иркутского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия
danna-888@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ ДЛЯ ПРЕДПРИЯТИЙ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА

Аннотация. Актуальность темы обусловлена цифровизацией общества и планомерным внедрением цифрового рубля в денежную систему Российской Федерации. Целью работы является изучение экономического эффекта введения новой формы национальной валюты – цифрового рубля в сферу малого и среднего предпринимательства, а именно в сферу *B2B* («*business-to-business*») взаимодействия предпринимателей. Автором оцениваются преимущества данного способа расчетов, возможные недостатки и потенциальные риски нового платежного инструмента в соответствии с действующим российским законодательством. По результатам проведенного исследования автором делается вывод о результативности использования цифрового рубля в коммерческом обороте и потенциальной возможности полного перехода на данную систему в коммерческих сделках.

Ключевые слова: цифровой рубль; платформа; расчеты; транзакции; банк; субъекты малого и среднего предпринимательства.

Не секрет, что последние десятилетия происходит активная цифровизация общества, связанная с развитием технологий, затрагивающая абсолютно все сферы его жизнедеятельности. Экономика как одна из основополагающих сфер общественной жизни также претерпевает значительные изменения и последовательно трансформируется, обретая новые формы и механизмы функционирования. Так, значимым этапом модернизации финансовой системы выступает введение с 1 сентября 2026 года в оборот новой формы национальной валюты – цифрового рубля, который открывает новые возможности в платежной системе и направлен на повышение удобства проведения транзакций за счет скорости, прозрачности и экономической выгоды при расчетах [1].

Однако открытым остается вопрос реального значения таких нововведений для превалирующего числа участников экономических отношений – субъектов малого и среднего предпринимательства. Какова экономическая эффективность использования цифрового рубля в расчетах по *B*2*B* сделкам, насколько удобным и доступным будет переход на новую систему работы, какие есть риски, последствия и какова вероятность полного перехода хозяйствующих субъектов на расчеты через новую форму национальной валюты.

Ввиду начала внедрения цифрового рубля в гражданский оборот данные вопросы представляют не только теоретическую, но и практическую значимость, а также обуславливают необходимость изучения эффективности внедрения цифрового рубля в финансово-хозяйственную деятельность предприятий малого и среднего бизнеса в Российской Федерации.

Сама по себе конструкция цифрового рубля была введена для усовершенствования существующей платежной системы, снижения издержек на транзакции и повышения прозрачности финансовых операций.

Комментируя внедрение цифрового рубля в российскую экономику, эксперты особенно акцентируют свое внимание на экономической эффективности данного инструмента, которая достигается путем снижения транзакционных издержек.

В настоящее время комиссии за транзакции цифрового рубля устанавливает напрямую Центральный банк Российской Федерации. Для физических лиц такая комиссия вовсе не взимается, а для юридических лиц с 1 января 2027 года комиссия при приеме оплаты товаров и услуг цифровыми рублями составит 0,3 % (но не более 1500 рублей за платеж), а при переводах между юридическими лицами – 15 рублей за одну операцию [2]. Для сравнения, осуществляя платежные операции через коммерческий банк юридическое лицо платит, во-первых, за расчетно-кассовое обслуживание, которое взимает банк за открытие счета, его ведение, проведение денежных операций, во-вторых, чаще всего в тарифные предложения коммерческих банков включено определенное количество денежных операций, при превышении которых банком дополнительно взимается комиссия за перевод денежных средств с каждой операции. В среднем при обслуживании счета в банке юридическое лицо, являясь, например, средним предприятием, которому явно не будет до-

статочно базового тарифа, включающего ограниченное количество операций, подключит расширенный тариф, стоимостью от трех до девяти тысяч рублей в месяц, плюс возможная комиссия за превышение лимитов от 50 до 100 рублей за транзакцию, что представляется значительным, при некотором объеме проводимых сверх лимита операций.

Таким образом, ежегодные платежи за банковское обслуживание могут достигать сотни тысяч рублей, что значительно выше предполагаемой стоимости расчетов цифровым рублем.

Следующим преимуществом использования цифрового рубля в *B2B* сделках является скорость расчетов. Обработка платежного поручения коммерческим банком занимает от нескольких часов до одного операционного дня. Таким образом, возникает ситуация, когда сделка совершена, товар отправлен, контрагент направил платежное поручение, но денежные средства на расчетный счет продавца не поступили, что является для него кассовым разрывом. Использование же цифрового рубля позволит избежать этих проблем, поскольку как уже было отмечено, при использовании цифрового рубля отмечается высокая скорость обслуживания [3].

Очевидным достоинством цифрового рубля выступает надежность такой формы денежных средств. Ввиду того, что цифровые рубли хранятся напрямую у Центрального банка России, то они защищены от последствий банкротства и «заморозки» активов, которые возможны в случае хранения денежных средств на счетах в коммерческих банках, а в условиях уязвимости малого и среднего предпринимательства от нестабильности экономической ситуации такая защищенность денежных средств – существенный плюс.

Несмотря на обозначенные преимущества цифрового рубля, данная платежная система также имеет и недостатки. Например, одним из существенных недостатков выступает процесс интеграции цифрового рубля в экономику организации.

В настоящее время программное обеспечение «1С» является самым распространенным инструментом для автоматизации бизнес-процессов предприятий и ведения бухгалтерского учета в сегменте малого и среднего бизнеса в России, однако Банк России в официальном разделе «вопросы и ответы» прямо обозначил, что прямой интеграции платформы с бухгалтерскими системами (такими как «1С») не планируется [4].

Таким образом, бизнесу самому предстоит внедрить механику использования цифрового рубля в хозяйственную деятельность, настроить все процессы под новый инструмент расчетов, доработать учетную систему, обеспечить ее совместимость с инфраструктурой цифрового рубля. Все эти процессы предполагают привлечение сторонних специалистов в *IT*-сфере, способных правильно и безопасно интегрировать в существующую систему новые механизмы работы. При этом большинство малых и даже средних предприятий не располагают штатным *IT*-специалистом, а услуги сторонних *IT*-организаций существенно увеличат финансовую нагрузку на малые и средние предприятия.

Помимо этого, механизм работы цифрового рубля напрямую зависит от интернет-инфраструктуры и стабильности работы самой платформы Банка России, поскольку все операции проходят непосредственно через данную платформу предполагается ее стабильная и бесперебойная работа, а также наличие устойчивого интернет-соединения у пользователя для проведения операций [5]. Вместе с тем, в текущих реалиях перебои работы интернета – это далеко не разовые случаи, а систематическая практика.

Кроме того, массовая нагрузка на платформу Банка России может привести к сбоям в ее работе, что и произошло в первый день запуска цифрового рубля. Так, 1 сентября 2026 года, когда появилась возможность открыть цифровой кошелек, нагрузка на цифровую систему Центрального банка РФ привела к техническим проблемам, в результате чего в ряде банков функция открытия кошелька сработала не с первого раза, а в некоторых и вовсе не отображалась.

Следовательно, высокая нагрузка использования цифровой системы Банка России может привести к временной «заморозке» цифровых кошельков, что для бизнеса может спровоцировать серьезные проблемы, а восстановление платформы может занимать даже больше времени, чем транзакция через коммерческий банк.

Еще одним существенным пробелом использования цифрового рубля в расчетах выступают вопросы кибербезопасности и отсутствие правового регулирования вопросов, связанных с компенсацией финансовых потерь.

Банк России возлагает ответственность за безопасность доступа к кошелькам на самих пользователей. В определенной степени это является оправданным, поскольку представляется затруднительным предъявлять требования к государству, если пользователь самостоятельно предоставил данные или ключи доступа третьим лицам и стал жертвой мошенничества.

Однако, сравнение осуществление банковских операций посредством цифрового рубля или коммерческого банка указывает на явное преимущество коммерческих банков, поскольку транзакцию можно успеть отменить, оперативно связавшись с сотрудником банка, тем самым избежать нежелательного перевода денежных средств. Напротив, согласно правилам платформы Банка России, все переводы в цифровых рублях являются безотзывными и окончательными с момента внесения соответствующей записи на платформе цифрового рубля [6].

Помимо этого, очевидным также является, что единая платформа для оборота цифрового рубля будет выступать централизованной целью для хакерских атак, что потребует времени для создания соответствующих систем безопасности и нормативного регулирования. Соответственно, при атаке самой цифровой платформы Центральный банк РФ, казалось бы, обязан как оператор инфраструктуры платформы самостоятельно решить проблему и вернуть пользователям их денежные средства, но на практике в действующем законодательстве данные вопросы, включая механизмы такой компенсации, никак не урегулированы. Что касается кибербезопасности малых и средних

предприятий, поскольку и на их собственные активы цифровых рублей могут быть совершены атаки, сохранность их средств во многом определяется уровнем защиты банка-посредника, который передает распоряжение на платформу Банку России и выступает связующим звеном, поскольку чаще всего организации малого и среднего бизнеса не располагают собственными службами информационной безопасности.

Таким образом, исследование вопроса экономического эффекта внедрения цифрового рубля в сферу малого и среднего предпринимательства (в контексте *B2B* взаимодействия) показало, что подобные последствия такого внедрения имеют двойственный характер, отличающийся наличием как положительных, так и отрицательных последствий. С одной стороны, снижение транзакционных издержек выступает основным стимулом для перехода бизнеса на цифровой рубль, но, с другой стороны, само внедрение данной системы в хозяйственную деятельность организации требует значительных единовременных и текущих затрат, что сразу встает в противовес с экономией на транзакционных издержках.

Вместе с тем, наблюдается противоречие между объявленной добровольностью использования цифрового рубля и постепенной вменяемой обязанностью перехода на данную систему. Текущая политика государства работает через градацию предприятий, которые в обязательном порядке должны обеспечить возможность приема цифрового рубля. Такая обязанность вводится поэтапно и зависит от ряда критериев: размера выручки, характера расчетов и т.д. Поэтому, хотя в настоящее время использование цифрового рубля при *B2B* взаимодействии абсолютно добровольно, не исключено, что через какое-то время, когда данная система станет более устойчивой, использование цифрового рубля станет обязательным в ряде сделок коммерческого характера, например, в сфере государственных закупок. Однако явным остается тот факт, что дальнейшее внедрение массового использования цифрового рубля требует существенной доработки действующего российского законодательства и совершенствование цифровой платформы Банка России, чтобы система стала стабильной, удобной, прозрачной и безопасной для всех ее участников.

Пристатейный список литературы

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 23 июля 2025 г. № 248-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 30 (Часть II). – Ст. 4397.
2. Тарифы на услуги оператора платформы цифрового рубля // Официальный портал Центрального банка Российской Федерации. – URL: https://cbr.ru/PSystem/dr/doc_dr/tarif/dr_t-1/ (дата обращения: 11.09.2026).
3. *Кудревич, В. В.* Современная форма российской валюты – цифровой рубль / В. В. Кудревич, Д. А. Тарасов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 7. – С. 128–130.

4. Как операции с цифровыми рублями будут технически отличаться от безналичного платежа? Не создаст ли их учет двойную работу для бухгалтерии? Планируется ли интеграция с сервисами для ведения бухгалтерии? // Официальный портал Центрального банка Российской Федерации. – URL: https://www.cbr.ru/Reception/TopicalMessage/Page/11546 (дата обращения: 11.09.2026).
5. *Грылева, И. В.* Издержки потребителей в случае внедрения цифрового рубля и вопросы полноты выполнения функций денег цифровым рублем / И.В. Грылева // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2022. – № 10-1. – С. 112–115.
6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 340-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 31 (Часть III). – Ст. 5766.

УДК 336.74

Феликс Дмитриевич Лустинен,
студент 1-го курса бакалавриата Северного института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Петрозаводск, Россия
felixlustinen@yandex.ru

Научный руководитель:
Светлана Геннадьевна Голенок,
кандидат юридических наук, доцент Северного института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Петрозаводск, Россия
sf.nauka@mail.ru

РОЛЬ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Актуальность работы заключается в трансформации цифровых технологий, как они влияют на формирование суверенитета страны, включая все внешние политические, цифровые и экономические санкции и обстоятельства. Для этого предстоит провести анализ, синтез и сделать вывод на основе данных, к чему пришли. Цель вытекает из актуальности: определение роли цифрового рубля как инструмента обеспечения цифрового суверенитета Российской Федерации в условиях санкционного давления. В статье поставлен ряд задач: разобраться с определениями цифрового рубля и цифрового суверенитета в экономической среде, с их сущностями в современных реалиях, их взаимосвязь и, наконец, роль одного в формировании в другом. Методы исследования: сравнительный анализ, обобщение, конкретизация, систематизация и дедукция. По итогу работы пришли к выводу, что цифровой рубль является не только инструментом суверенной власти, но и альтернативным вариантом механизма управления, сотрудничества и защиты против санкций на международной арене.

Ключевые слова: Центральный Банк РФ; цифровой суверенитет в экономике; финансовая инфраструктура; цифровой рубль (новая форма национальной валюты); наличный и безналичный расчет; финансовая незави-

симость; трансграничные расчеты; денежно-кредитная политика; БРИКС; ЕАЭС; ШОС.

С 1 сентября 2026 года была внедрена новая, уникальная форма национальной валюты для России. Конечно, данный инструмент был задуман для непосредственного регулирования деньгами в стране; если проще объяснять, то в основном такое внедрение позволяет улучшить прозрачность в экономической среде, то есть можно увидеть саму денежную массу в обороте [7, 15].

Для полного анализа в первую очередь разберемся в понятиях цифрового рубля и цифрового суверенитета:

Для начала разберем понятия суверенитета государственного и цифрового в экономической сфере:

«Государственный суверенитет – верховенство государственной власти внутри страны и независимость на международной арене» [1].

Исходя из него, можно определить, что любое государство, которое имеет суверенитет, имеет полную независимость в различных сферах общества. Хотелось бы отметить, что отталкиваться от классической трактовки суверенитета как верховной власти весьма логично. Это же принципиально, поскольку дальнейший анализ показывает, что цифровая сфера интегрирует различные механизмы государственного управления и переносит реализацию этой власти в новые условия. Важно отметить, что в современных реалиях одним из важных признаков суверенитета является контроль над данными и инфраструктуры.

- «Цифровой суверенитет – это прежде всего способность государства обеспечить защиту интересов своих граждан и собственной информационной инфраструктуры независимо от внешнеполитических обстоятельств и санкционного давления», – такое мнение высказал глава Минцифры РФ Максут Шадаев в ходе международного форума по практической кибербезопасности *Positive Hack Days* 2025 [2].

А исходя из него, можно выявить, что властной функцией суверенитета является способность управлять. А зная о том, что у цифровой среды данные являются основным и единственным инструментом влияния, можно сделать вывод: кто устанавливает правила сбора, хранения и трансграничной передачи данных, тот фактически осуществляет суверенную власть.

Параллельно идущим понятием по отношению цифровому суверенитету идет «финансовый суверенитет» государства, который избегает нежелательного вмешательства других государств на международной арене, способный проводить независимо денежно-кредитную политику и обеспечивать устойчивость платежной системы.

Цифровой суверенитет не подменяет и не отменяет государственный суверенитет, а является формой его реализации в цифровой среде. Соответственно, все свойства классического суверенитета – верховенство и независимость –

сохраняют значение и в информационном пространстве, что предопределяет необходимость их правового обеспечения.

А теперь разберемся с цифровым рублем:

- Какое определение дает ЦБ РФ цифровому рублю: «Цифровой рубль – это новая форма национальной валюты. Цифровой рубль выпускает Банк России. В обращении одновременно находятся наличные, безналичные и цифровые рубли. Они равны между собой». [3]

Что значит для простого населения, так это превыше всего как безопасность, так и удобство использования, для бизнесов – инструмент для значительного сокращения издержек и повышения эффективности расчетов, а для органов власти и в общем государства – мощный инструмент контроля за целевым расходованием бюджетных средств и повышения их управляемости.

Для граждан использование цифрового рубля остается добровольным, однако для крупных торговых предприятий с выручкой свыше 120 млн рублей прием оплаты в новой форме стал обязательным с 1 сентября 2026 года [7, 8].

Уже на сегодняшний день этот инструмент был введен в различные банки, фирмы и в этом числе граждане, что показывает формирование целой финансово-цифровой системы страны.

Такая цифровизация в блоке экономики достигла независимости на международной арене, то есть цифровой рубль является механизмом управления ограниченных трансграничных каналов, где позволяет сохранить контроль над эмиссией. В БРИКС работают над интеграцией платежных систем для снижения зависимости от *SWIFT*, так как во введенных санкциях эту систему ограничили – Сбербанк и Резервный банк Индии прорабатывают механизм расчетов в цифровых валютах для двусторонней торговли, объем которой приближается к 60 млрд долларов. Это первый практический шаг к интеграции цифрового рубля центрального банка в трансграничные расчеты на пространстве БРИКС. А в рамках ЕАЭС обсуждается подключение Белоруссии и Казахстана к оптовой модели цифровой валюты центрального банка России; в ШОС цифровые валюты рассматриваются как инструмент снижения зависимости от доллара [4, 5].

Санкционное давление на цифровой рубль со стороны Европейского Союза обуславливает его значение: Запад рассматривает данное новшество, как реальную угрозу обхода раннее введенных ими ограничений на финансовые услуги, так как 20-й пакет санкций был введен на еще не запущенную в массовое обращение на третью национальную валюту России.

Основными аспектами цифрового рубля являются:

- Смарт-контракты – это главная ценность цифрового рубля. Они позволяют выполнять действия с деньгами автоматически, например: при покупке недвижимости деньги списываются только после регистрации права собственности [6].
- Бюджетный процесс – Согласно Федеральному закону от 26.06.2026 № 195 с 26 июня 2026 года начались расчеты в цифровых рублях в бюджетной сфере, а с 1 сентября того же года стал частью бюджетной инфраструктуры [9].

- Офлайн-платежи – Центральный Банк планирует завершить исследование офлайн-режима, чтобы платить цифровыми рублями можно было без интернета.

С новшествами технологий идут следом риски и критика: у коммерческих банков возникают потери до 100 млрд рублей комиссионных доходов и оттоков 10% пассивов за 5 лет, также операционный риск с нестабильностью интернета и банковских сервисов, наконец, непонимание населения о сущности цифрового рубля, зачем, как и почему он нужен – Социологические данные фиксируют низкий уровень принятия: 57% россиян не понимают разницы между цифровым рублем и банковской картой, 28% считают нововведение обманом, и лишь 13% выражают готовность им пользоваться. Это создает репутационный риск, который может затормозить массовое внедрение [11, 12].

В заключение сошлемся на В. Я. Пищика, С. Ю. Белоконева и П. В. Алексеева, которые подчеркивают, что цифровые валюты обладают значительным потенциалом в обеспечении финансового суверенитета государств, а цифровой рубль выступает инструментом интернационализации валюты и укрепления независимости национальной финансовой системы [13].

Как отмечают В. В. Калухов и М. В. Дугаев, цифровой рубль представляет собой инновационный инструмент, сочетающий черты традиционных денежных средств и цифровых активов, что позволяет рассматривать его не только как внутренний платежный инструмент, но и как элемент международной финансовой архитектуры [14].

Внутренний контур цифрового рубля обеспечивает государству контроль за целевыми расходованием бюджетных средств через механизм смарт-контрактов, а внешний – это формирование альтернативных каналов трансграничных расчетов.

Вместе с тем выявлены существенные ограничения и риски: у коммерческих банков весьма вероятен риск перетока средств, что ведет к сокращению базы фондирования; для самого населения государства цифровой рубль так или иначе не дает принципиально новых возможностей и непонятен простому народу, зачем переходить на новую форму денег.

Таким образом, цифровой рубль – необходим, но недостаточным для формирования цифрового суверенитета. Возможности данного инструмента могут быть реализованы только при нескольких условиях: преодоления технологических барьеров, повышения финансовой грамотности населения и выстраивания сбалансированной модели взаимодействия с коммерческими банками.

Пристатейный список литературы

1. *Голенок, С. Г.* Теория государства и права (понятия, схемы, таблицы, комментарии) : учебное пособие для обучающихся по направлению подготовки бакалавриата «Юриспруденция» : в 2 ч. / С. Г. Голенок ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение

высш. образования Петрозавод. гос. ун-т. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2017. – Ч. 1 (Модуль I–II).
2. Шадаев: Цифровой суверенитет – защита пользователей и интересов государства // Российская газета : сайт. – 2025. – 22 мая. – URL: https://rg.ru/2025/05/22/shadaev-cifrovoj-suverenitet-zashchita-polzovatelej-i-interesov-gosudarstva.html (дата обращения: 29.09.2026).
3. Цифровой рубль // Банк России : официальный сайт. – URL: https://cbr.ru/PSystem/dr/ (дата обращения: 27.09.2026).
4. *Грабовская, А. Ю.* Цифровой рубль во внешнеторговых расчетах: перспективы и вызовы / А. Ю. Грабовская, Е. А. Шафикова, М. И. Мигунова, П. А. Соловьева // Управленческий учет. – 2026. – № 2. – URL: https://uprav-uchet.ru/index.php/journal/article/view/5804 (дата обращения: 27.09.2026).
5. India, Russia explore digital currency payments for trade in cross-border breakthrough // The Economic Times. – 2026. – 11 Sept. – URL: https://m.economictimes.com/... (дата обращения: 29.09.2026).
6. Платформа коммерческих смарт-контрактов в цифровых рублях : концепция Банка России // Банк России : официальный сайт. – 2026. – 18 июня. – URL: https://cbr.ru/PSystem/dr/ (дата обращения: 29.09.2026).
7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 23.07.2025 № 248-ФЗ : принят Государственной Думой 15 июля 2025 г. : одобрен Советом Федерации 16 июля 2025 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2025. – 23 июля. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507230003 (дата обращения: 27.09.2026). – Вступает в силу с 1 сентября 2026 г.
8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 23.05.2025 № 105-ФЗ : принят Государственной Думой 20 мая 2025 г. : одобрен Советом Федерации 21 мая 2025 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2025. – 23 мая. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202505230003 (дата обращения: 27.09.2026).
9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 26.06.2026 № 195-ФЗ : принят Государственной Думой 18 июня 2026 г. : одобрен Советом Федерации 19 июня 2026 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2026. – 26 июня. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202606260001 (дата обращения: 29.09.2026).
10. *Ланг, П. П.* Цифровой рубль в парадигме современного финансового права: правовой режим и имплементационные вызовы // Банковское право. – 2026. – № 1.
11. 57% россиян не знают, чем цифровой рубль отличается от карты // Вести.ру : сайт. – 2026. – 2 сент. – URL: https://www.vesti.ru/article/... (дата обращения: 29.09.2026).

12. НРА оценило потенциальные потери банков из-за цифрового рубля в 100 млрд рублей // Эксперт : сайт. – 2026. – 3 сент. – URL: https://expert.ru/2026/09/3/nra-ocenilo-potencialnye-poteri-bankov-iz-za-cifrovogo-rublya-v-100-mlrd-rublej/ (дата обращения: 29.09.2026).
13. *Пищик, В. Я., Белоконев, С. Ю., Алексеев, П. В.* Роль цифрового рубля в обеспечении финансового суверенитета России // Информационное общество. – 2025. – № 2. – С. 26–33.
14. *Калухов, В. В., Дугаев, М. В.* Цифровой рубль в России и мире // Финансы: теория и практика. – 2025. – Т. 29, вып. 6. – С. 62–76.
15. *Димитриева, Е. Н., Верятина, А. Я., Петровская, А. Е.* Влияние внедрения цифрового рубля на обеспечение экономической безопасности Российской Федерации в условиях цифровизации // Сибирская финансовая школа. – 2025. – № 4. – С. 76–84.

УДК 336.74

Магомедхан Магомедтагирович Махтиев,
студент 4-го курса колледжа юридического факультета
Ростовского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия
magomedhan.miplus@gmail.com

Научный руководитель:
Виолетта Арсеновна Агаян,
старший преподаватель кафедры уголовного право
и криминологии Ростовского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия
violletta94@mail.ru

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена цифровой трансформацией денежной сферы, усилением геофинансового давления и необходимостью обеспечения экономического суверенитета России. Целью работы является анализ цифрового рубля как суверенного инструмента национальной безопасности, выявление его преимуществ и проблем правового регулирования. Проанализированы сущностные свойства цифрового рубля (фиатный характер, сохранение макроэкономических свойств валюты, административная легитимность), его роль в укреплении технологического денежного суверенитета, снижении зависимости от иностранных платежных систем (*Visa*, *Mastercard*, *SWIFT*) и санкционной устойчивости. Рассмотрен международный опыт Китая по внедрению цифрового юаня (*e-CNY*), включая двухуровневую модель, управляемую анонимность и лимиты. Особое внимание уделено анализу двухуровневой эмиссионно-расчетной модели, применяемой в Китае, и возможности ее адаптации в России. Отмечена необходимость сохранения роли банков-посредников и внедрения управляемой анонимности. Изучены основные нормативные акты РФ и выявлены проблемы, а также пути их решения. Пришли к выводу, что только комплексная, адаптивная норматив-

но-правовая база позволит цифровому рублю раскрыть потенциал как фактора инновационного развития платежной сферы.

Ключевые слова: цифровой рубль; денежный суверенитет; цифровой юань; смарт-контракты; национальная экономическая безопасность.

В условиях, когда цифровая трансформация утратила роль исключительно трендового явления и стала неотъемлемой составляющей повседневной операционной среды, природа денег претерпевает сущностные изменения. Национальные экономики, испытывая воздействие вызовов цифровой глобализации, геофинансового давления и экспансии частных транснациональных платежных экосистем, оказываются вынужденными переосмысливать собственные суверенные прерогативы в денежной среде.

В рассматриваемом контексте цифровой рубль выступает не просто очередным электронным платежным инструментом в ряду технологических новаций, а суверенной реакцией на системные риски, стратегическим активом, имплементация которого непосредственно коррелирует с фундаментальными параметрами национальной экономической безопасности.

В соответствии с Федеральным законом № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 24.07.2023, цифровой рубль представляет собой цифровой финансовый актив – аналог традиционной национальной валюты, который используется для выполнения различных финансовых операций в цифровом пространстве под контролем Центрального банка РФ [1].

Внедрение цифрового рубля – не столько вопрос технологической конкурентоспособности, сколько стратегическая необходимость. Нацеленная на защиту экономического пространства страны, поддержание результативности монетарной политики и укрепление финансового суверенитета и национальной безопасности в XXI веке.

Ключевые свойства цифрового рубля можно свести к трем положениям. Во-первых, несмотря на то что данная валюта рассматривается как развитие блокчейн-технологий, по своей природе она таковой не является. Эмиссия, обращение, номинал и прочие параметры цифрового рубля устанавливаются только Центральным банком, что позволяет отнести его к фиатным деньгам. Во-вторых, в отличие от традиционных криптовалют, цифровая валюта центрального банка (ЦВЦБ) в полной мере сохраняет макроэкономические свойства исходной национальной валюты – в частности, конвертируемость и доверие граждан как к средству сбережения, – хотя технически и опирается на блокчейн. В-третьих, ЦВЦБ рассматривается как инструмент повышения безопасности транзакций и укрепления финансового суверенитета государства; однако, в отличие от биткоина, ее легитимность обеспечивается преимущественно административными решениями, что снижает вероятность

ее применения для роста инвестиционной привлекательности национальной экономики [2].

Цифровой рубль как суверенный инструмент обнаруживает свое функционирование не в абстрактных теоретических конструкциях, а в конкретных механизмах, оказывающих непосредственное воздействие на экономические процессы в повседневной практике. Его суверенный характер реализуется прежде всего через функцию обеспечения технологического денежного суверенитета [3].

В ситуации оплаты гражданином товаров в торговой точке посредством *Visa* или *Mastercard* транзакция выходит за пределы национального правового и технологического контура, осуществляется через зарубежные процессинговые центры и подчиняется правилам иностранных корпораций. При санкционном давлении или геополитической напряженности данный канал способен быть перекрыт одномоментно, что оставляет и физическое лицо, и хозяйствующий субъект без привычного платежного инструмента.

Цифровой рубль. Функционирующий на отечественной инфраструктуре, формирует параллельную, полностью контролируемую государством «рельсовую сеть» для денежных средств. Российская компания-экспортер, подверженная риску блокировки транзакций через *SWIFT*, получает возможность расчетов с контрагентом из дружественной страны напрямую в цифровых рублях по принципу «кошелек к кошельку». Подобная операция обходит не только западные банковские каналы, но и сложные цепочки корреспондентских счетов, что снижает издержки и риски.

Подводя итог преимуществам цифрового рубля в области экономического и технологического суверенитета, хотелось бы отметить его основные положения:

1. Укрепление денежного суверенитета и снижение зависимости от иностранных платежных систем (*Visa*, *Mastercard*, *SWIFT*).

2. Санкционная устойчивость: создание автономной национальной инфраструктуры, позволяющей проводить расчеты даже при отключении от внешних каналов.

3. Технологическая независимость: операции обрабатываются и хранятся внутри платформы Банка России, что защищает критически важные данные о денежных потоках.

4. Снижение издержек и рисков: прямые расчеты «кошелек к кошельку» минуют западные банковские каналы и цепочки корреспондентских счетов.

5. Международный аспект: возможности для дедолларизации внешней торговли, построения альтернативных каналов межгосударственных расчетов и укрепления позиций национальной валюты.

Затрагивая международную практику, хотелось бы отметить, что незадолго до внедрения данного проекта в Россию, учитывая все указанные тенденции центральные банки ряда других государств, включая Китай, Швецию, стали проводить исследования, а впоследствии – тестирование возможности использования в расчетах цифровых валют центральных банков (ЦВЦБ), изучению которых посвящены работы ученых разных стран.

Более детально рассмотрим практику внедрения технологии цифровой валюты в содружественной нам стране, Китае:

Цифровой юань (*e-CNY*) – наиболее масштабный проект *CBDC* для розничных платежей, реализуемый НБК с 2014 г. на основе двухуровневой эмиссионно-расчетной модели: НБК эмитирует валюту, а уполномоченные банки распространяют ее и обслуживают кошельки. Это сохраняет роль финансовых посредников и снижает риски. Ключевые характеристики: гибридность, отсутствие процентов, низкие издержки, управляемая анонимность (анонимность мелких сумм, наблюдение за крупными), программируемость, безопасность. Для минимизации рисков применяются лимиты, многоуровневые кошельки и мониторинг больших данных [4].

Затрагивая тему о правовом регулировании цифрового рубля на территории РФ, хотелось бы отметить основные нормативно-правовые акты, регулирующие ЦВЦБ в данный период времени:

– Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ: ключевой закон, который закрепил понятие цифрового рубля как третьей формы российской валюты (наряду с наличной и безналичной), определил статус Банка России как единственного эмитента и оператора платформы, а также установил базовые правила совершения операций [1].

– Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ: внес сопутствующие поправки в Налоговый кодекс РФ, определив порядок налогообложения операций с цифровыми рублями и закрепив правила признания их имущества для целей налогообложения [5].

– Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»: содержит основные положения, регулирующие работу платформы цифрового рубля как особого вида платежной системы [6].

– Федеральный закон от 23.07.2025 № 248-ФЗ: установил поэтапный порядок внедрения цифрового рубля, включая требования к банкам по предоставлению клиентам доступа к операциям через мобильные приложения и сроки обязательного приема цифровых рублей торговыми компаниями в зависимости от их выручки [7].

– Федеральный закон от 19.12.2023№ 610-ФЗ: интегрировал цифровой рубль в Налоговый кодекс РФ, определив порядок налогообложения операций, взыскания налогов с цифровых счетов [8] и т.д.

Цифровой рубль, как и любое другое изобретение, рассматривается сквозь призму «две стороны медали», сочетая в себе положительные и негативные последствия. Негативные последствия выражаются в ряде неурегулированных вопросов касаемо нового изобретения. К одним из них относятся:

1. Отсутствие четкого правового статуса. Статья 140 ГК РФ закрепляет рубль как законное платежное средство, но не выделяет цифровой рубль как отдельную форму. Неясно, является ли он вещью, имущественным правом или их совокупностью. Требуется прямое дополнение в ст. 128 и 140 ГК РФ [9].

2. Конфликт информационной безопасности и конфиденциальности. Нужно найти баланс между прозрачностью транзакций для ПОД/ФТ и правом

на неприкосновенность частной жизни; определить границы доступа к персональным данным.

3. Неурегулированность смарт-контрактов. Не решены вопросы их юридической силы, заключения, изменения, признания недействительными, принудительного исполнения и ответственности за ошибки в коде. Нормы ГК РФ не адаптированы.

Помимо этого, мы считаем, что исходя из общих характеристик цифрового рубля, в настоящее время, ЦВЦБ будет не ликвидным в области внутреннего рынка (розничные покупки физическим лицом в целях его личных нужд), но необходимым и удобным в области международных транзакций.

По этому поводу также выразил скепсис кандидат юридических наук, ординарный профессор факультета права «НИУ ВШЭ» А. А. Иванов, говоря: «У меня серьезные сомнения, что цифровой рубль приживется во внутреннем обороте. А вот перспектива международных расчетов может быть весьма интересна» [10].

Затрагивая одну из главных целей создания цифрового рубля, а точнее противодействие осуществлению присвоения или растрате – хищения чужого имущества, в том числе и государственного, хотелось бы упомянуть, что согласно официальной статистике МВД России в период за январь – июль 2026 года, было совершенно 5 694 преступления данного характера (ст. 160 УК РФ) [11].

На основании всего вышесказанного, предлагаем свои пути решения некоторых проблем, связанных с введением в действе ЦВЦБ:

1. Внести в ст. 128 ГК РФ поправки относительно выделения цифрового рубля как валюты с отдельным статусом. Например, по типу «*Sui generis*» (особый род), это позволило бы учесть его гибридные черты: сочетание наличных и безналичных денежных средств.

2. Принятие отдельного федерального закона или поправок в 152-ФЗ «О персональных данных», устанавливающих: перечень данных, доступных оператору платформы; запрет на передачу данных третьим лицам без судебного решения; сроки хранения; механизм обжалования [12].

3. Внести отдельную статью или поправки в уже существующие (ст. 309, 160, 434 и т.д. ГК РФ), относительно урегулирования вопроса использования смарт-контрактов.

4. Создать пакет социальных акций за приобретение цифрового рубля в целях повышения ликвидности во внутреннем рынке.

Как указывает доктор юридических наук, профессор, В. К. Андреев, цифровизация объектов гражданских прав ставит перед правоведами сложные задачи по юридической квалификации новых категорий, которые не вписываются в традиционную триаду (вещи, права требования, результаты интеллектуального труда) без соответствующей теоретической адаптации [13].

В заключении хотелось бы сказать, что исключительно при наличии целостной, адаптивной и прогнозируемой нормативно-правовой основы цифровой рубль будет способен в полной мере раскрыть собственный потенциал,

превратившись в мощный фактор инновационного развития платежного сегмента, уменьшения операционных затрат и расширения доступности финансовых сервисов для всех участников гражданско-правового оборота. Данное обстоятельство подтверждает устойчивую значимость непрекращающегося научного осмысления и практической адаптации цивилистического регулирования к вызовам и возможностям, открываемым цифровыми технологиями.

Пристатейный список литературы

1. Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 31 (Часть III). – Ст. 5766.
2. *Кочергин, Д. А.* Цифровые валюты центральных банков: опыт внедрения цифрового юаня и развитие концепции цифрового рубля / Д. А. Кочергин // Russian Journal of Economics and Law. – 2022. – Т. 16, № 1. – С. 51–78.
3. *Никитин, Д. В.* Правовой режим цифровой валюты: цивилистическое исследование : дис. … канд. наук / Д. В. Никитин. – Казань, 2023. – 230 с.
4. *Мамаева, Ю. А.* Цифровая валюта народного банка Китая: экономические особенности, механизмы функционирования и перспективы развития : дис. … канд. эконом. наук / Ю. А. Мамаева. – М., 2026. – 175 с.
5. Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 31 (Часть III). – Ст. 5765.
6. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 27. – Ст. 3872.
7. Федеральный закон от 23.07.2025 № 248-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2025. – № 30 (часть II). – Ст. 4397.
8. Федеральный закон от 19.12.2023 № 610-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» (ред. от 29.11.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 52. – Ст. 9523.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
10. *Василевская, Л. Ю.* Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему / Л. Ю. Василевская // Lex Russica. – 2023. – Т. 76, № 1 (194). – С. 9–19.
11. МВД России : официальный сайт. – URL: https://мвд.рф (дата обращения: 13.09.2026).

12. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 26.07.2026) // Российская газета. – 2006. – № 165.– 28 июля.
13. *Андреев, В. К.* Защита прав юридического лица в условиях применения цифровых технологий: монография / В. К. Андреев, В. А. Лаптев., Верховный суд РФ, Рос. гос. ун-т правосудия. – М. : Проспект, 2024. – 208 с.

УДК 336.74

Максимилиан Александрович Менгель,
студент 5го курса факультета высшего образования
Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Санкт-Петербург, Россия
maxismengel@yandex.ru

Научный руководитель:
Сергей Евгеньевич Сычев,
кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой теории,
истории государства и права, социально-экономических дисциплин
Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Санкт-Петербург, Россия
s75sichev@mail.ru

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ КАК РАСЧЕТНЫЙ СЛОЙ ФЕДЕРАТИВНОГО ПЛАТЕЖНО-КОММУНИКАЦИОННОГО ИНТЕРКОННЕКТА В ШОС: АРХИТЕКТУРА, РИСКИ И ДОРОЖНАЯ КАРТА

Аннотация. Статья посвящена цифровому рублю как расчетному слою федеративного платежного интерконнекта в ШОС. Рассматривается разрыв между технической передачей инструкции и юридическим окончательным расчетом. Сопоставляются СПФС и *CIPS*, анализируются три модели интероперабельности платформ цифровых валют. Обосновывается выбор пути взаимосвязи, сохраняющего суверенитет участников. Систематизируются шесть правовых оснований выбора цифрового рубля, раскрывается пятислойная архитектура шлюза, выявляются четыре группы рисков и предлагается четырехэтапная дорожная карта. Узким местом проекта признается не технология, а правовой компромисс.

Ключевые слова: цифровой рубль; *CBDC*; трансграничные расчеты; ШОС; федеративный интерконнект; смарт-контракты; финансовый суверенитет.

Рост расчетов в национальных валютах выглядит внушительно, но сам по себе он еще не создает устойчивой платежной инфраструктуры. Ключевой разрыв обнаруживается между технической возможностью передать платежную инструкцию и юридической способностью провести окончательный расчет. Передать инструкцию – значит лишь сообщить о платеже; окончательный расчет означает, что обязательство прекращено и средства безотзывно перешли. Именно этот разрыв становится отправной точкой настоящего исследования.

Технически доступны две системы. СПФС (Система передачи финансовых сообщений), созданная Банком России в 2014 году, насчитывает 573 участника, включая около 160 нерезидентов из 20 стран, и представляет собой информационную, а не расчетную систему: она передает инструкции, но не клирингует. *CIPS* (от англ. *Cross-border Interbank Payment System* – межбанковская система трансграничных платежей), запущенная Китаем в 2015 году, объединяет 1791 институт из 185 стран и имеет оборот 25 трлн долларов; она передает сообщения и клирингует в юанях. Обе системы независимы от *SWIFT* (от англ. *Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunication* – Общество всемирных межбанковских финансовых телекоммуникаций), но единого правового контура не образуют [1, с. 107]. Интеграция СПФС и *CIPS* рассматривается как стратегическое направление, однако ее правовая форма не определена. Передать инструкцию – не значит провести расчет.

Международная практика выделяет три модели интероперабельности платформ цифровых валют, и каждая из них представляет отдельную правовую модель [2, с. 578–579]. Совместимость предполагает схожие стандарты, отсутствие прямых связей, общего обязательства и ответственности. Взаимосвязь означает шлюзы-мосты, двусторонние договоры, разграничение юрисдикций при сохранении суверенитета. Примерами служат «*Project Jura*» 2021 года, где два центральных банка работали на общей *DLT*-платформе (от англ. *Distributed Ledger Technology* – технология распределения реестра) с двойным нотариальным подписыванием, и «*Project Helvetia*», находящийся в промышленной эксплуатации с 2023 года [3, с. 69]. Единая система предполагает общую платформу, единый реестр и наднационального оператора.

По такой модели функционирует «*mBridge*» (от англ. *Multi-CBDC Bridge* – мост цифровых валют центральных банков): в проекте участвуют шесть юрисдикций, проведено 4047 транзакций на сумму 55,5 млрд долларов, при этом 95,3% операций приходится на *e-CNY* (от англ. *Electronic Chinese Yuan* – электронный юань) [4, с. 85]. С технической стороны это *EVM*-совместимая (от англ. *Ethereum Virtual Machine* – виртуальная машина *Ethereum*) платформа. Россия в проекте не участвует. Для ШОС (Шанхайская организация сотрудничества) создание единой системы не представляется реалистичным: десять членов организации существенно различаются по уровню инфраструктуры – от Китая с 230 млн кошельков до Таджикистана, располагающего базовой инфраструктурой [5, с. 415]. Поэтому работоспособным представляется путь

взаимосвязи, то есть федеративного интерконнекта, при котором суверенитет участников сохраняется, а ответственность распределяется на договорной основе [3, с. 68].

С 1 сентября 2026 года начался массовый запуск цифрового рубля. Каждое архитектурное решение в данной сфере имеет правовое измерение. Выбранная модель является «*account-based*» (от англ. на основе счета), а не «*token-based*» (от англ. на основе токена): цифровой рубль привязан к идентификационному счету Банка России, вследствие чего анонимность исключается самой архитектурой [6, с. 8]. Архитектура носит гибридный характер и предполагает централизованный процессинг с элементами распределенного реестра. Применение ГОСТ-криптографии (Государственный стандарт) означает, что подпись формируется в средстве криптографической защиты, а удостоверяющий центр Банка России обеспечивает ее юридическую значимость, что делает такую подпись аналогом квалифицированной электронной подписи. Смарт-контракты уже применяются: они заменяют аккредитив программным исполнением.

Выбор цифрового рубля в качестве расчетного слоя опирается на четыре правовых основания. Во-первых, 148 методов API (от англ. *Application Programming Interface* – программный интерфейс приложений) и стандарт *ISO* 20022 (от англ. *International Organization for Standardization* – Международная организация по стандартизации) обеспечивает конкретную спецификацию, которая может быть закреплена в договоре. Во-вторых, «*account-based*» модель создает комплаенс по умолчанию. В-третьих, смарт контракт обеспечивает юридически значимое исполнение [7, с. 45]. В-четвертых, политическая нейтральность цифрового рубля означает, что он не доминирует, в отличие от *e-CNY* в «*mBridge*» [5, с. 420].

Шлюз представляет собой программный комплекс, располагающийся на границе двух платежных контуров, в котором пять слоев образуют пять правовых зон. Слой доступа осуществляет прием через 148 методов *API*, перехватывает трансграничную транзакцию и подписывает ее с использованием ГОСТ. Слой трансляции работает с *ISO* 20022 (*pacs*.008, *pacs*.009, *pacs*.004 – от англ. *payment clearing and settlement* – платеж, клиринг и расчет), *UETR* (от англ. *Unique End-to-End Transaction Reference* – уникальный сквозной идентификатор транзакции) по *RFC* 4122 (от англ. *Request for Comments* – запрос комментариев), *UTC* (от англ. *Coordinated Universal Time* – всемирное координированное время) и идентификацией по *LEI* (от англ. *Legal Entity Identifier* – идентификатор юридического лица), при этом данные в открытом виде являются точкой правовой уязвимости. Слой эскроу блокирует средства и откатывает операцию при неподтверждении, что представляет собой аналог аккредитива, исполненного программно. Слой криптографии использует ГОСТ и национальный стандарт партнера, ключи в *HSM* (от англ. *Hardware Security Module* – аппаратный модуль безопасности), взаимное признание *KYC* (от англ. *Know Your Customer* – знай своего клиента) с правом отказа; в «*mBridge*» применяется «*Audit Gateway*» (от англ. шлюз ауди-

та) с доказательствами с нулевым разглашением. Слой аудита обеспечивает журналирование с правовым статусом доказательства в обеих юрисдикциях. Поток транзакции выглядит следующим образом: подпись ГОСТ – *API* ЦБ (Центральный банк) – шлюз (*ISO* 20022, *UETR*) – *AML* (от англ. *Anti-Money Laundering* – противодействие отмыванию денег) / *CFT* (от англ. *Combating the Financing of Terrorism* – противодействие финансированию терроризма) – *TLS* 1.3 (от англ. *Transport Layer Security* – безопасность транспортного уровня) – шлюз партнера – отказ или кредитование – подтверждение – клиринг. Отличие от «*mBridge*» состоит в связи независимых платформ против единого реестра: технически это проще, политически приемлемее, но сложнее в договорном оформлении [4, с. 88]. Три правовых вопроса для договора – суверенитет данных, ответственность при сбое и арбитраж.

Риски группируются по четырем направлениям:

1. Технологические связаны не только с отсутствием сквозного шифрования, что требует *HSM*, договора о нераскрытии и журнала с правовым статусом, но и с более глубокой проблемой – структурной технологической зависимостью от внешних поставщиков критических решений, которая сама по себе подрывает устойчивость платежного контура: отсутствие технологической структурной зависимости позволяет государству обеспечить национальный суверенитет [8, с. 5]. Единая точка отказа требует договора о распределении ответственности. Эмпирические исследования на примере Китая подтверждают остроту технологических рисков: кибератаки объясняют часть дисперсии обращения цифровой валюты центрального банка, что делает их ключевым фактором, определяющим устойчивость системы [9, с. 585];

2. Регуляторные включают дивергенцию *AML/CFT*, требующую взаимного признания *KYC*, и санкции, по которым правового решения нет;

3. Экономические – несимметричные выгоды, как в «*mBridge*» с 95,3% *e-CNY*, требующие договора о равном доступе, и риск ликвидности, требующий обязательств ЦБ в соглашении;

4. Политические – консенсус десяти членов, достижимый через двусторонние коридоры, и суверенитет против интеграции, снимаемый федеративной моделью.

На первом этапе, в рамках ШОС и прежде всего Россия – Беларусь и Россия – Казахстан, предполагается создать двусторонние шлюзы с опорой на *ISO* 20022 и *TLS* 1.3, а в правовом отношении – заключить договор о суверенитет данных, ответственности и арбитраже, утвердить протокол эскроу и обеспечить признание ГОСТ-подписи; успешность этапа будет определяться вступлением договора в силу, снижением доли отказов и быстрым проведением расчета.

На втором этапе, в формате ШОС-3 с участием Китая и Индии, к этому добавляются шлюзы-мессенджеры *MAX-WeChat-UPI*, а правовые усилия сосредотачиваются на взаимном признании *KYC*, формировании пула ликвидности и определении правового режима смарт-контрактов во внешнеэкономической деятельности; критерием послужат три двусторонних договора.

На третьем этапе, охватывающем всех участников ШОС, предусматриваются «хаб-и-спицы» (от англ. *hub-and-spoke*), *DLT* для неттинга, единый профиль *ISO* 20022, платежный арбитражный комитет и многостороннее соглашение о неттинге, а на четвертом этапе – полноформатная совместимость всех *CBDC* (от англ. *Central Bank Digital Currency* – цифровая валюта центрального банка), интеграция с Банком развития ШОС и типовой договор для партнеров [10, с. 10].

Технология – лишь инструмент права, а не его господин. Ни один код, ни один протокол, ни одна платформа не стоят выше договора, заключенного свободной волей суверенных государств. Федеративная модель потому и жизнеспособна, что сохраняет главное – суверенитет участников: каждый остается хозяином в своем доме, но открывает дверь соседу. Двусторонние коридоры – не компромисс, а реалистичный старт: не нужно ждать, пока договорятся все десять, достаточно, чтобы договорились двое. История финансовых систем не знает примеров, когда архитектура рождалась из всеобщего согласия – она всегда вырастала из первых договоров, которые затем становились образцом. Узкое место – не код. Код напишут. Узкое место – правовой компромисс: способность увидеть в чужом интересе свой. Именно здесь решается судьба проекта, а не на серверах и не в стандартах. Поэтому не следует ждать консенсуса десяти – необходимо начинать с договора двух. И тогда цифровой рубль раскроет свой потенциал и станет тем самым расчетным слоем, на котором вырастет новая платежная архитектура ШОС.

Пристатейный список литературы

1. *Матвиенко, Г. В.* Меры противодействия экономическим санкциям, затрудняющим международные расчеты: финансово-правовые аспекты // Lex Russica. – 2025. – Т. 78, № 6 (223). – С. 93–111.
2. *Капустин, Н. А., Пичков, О. Б.* Трансграничное применение цифровых валют центральных банков: возможности для России // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – № 2. – С. 569–590.
3. *Понаморенко, В. Е., Насырова, Г. А., Молотова, Е. С.* Цифровые валюты центральных банков как элемент платежно-центричной модели глобального финансового регулирования // Цифровое право. – 2023. – Т. 4, № 1. – С. 64–73.
4. 沈伟, 靳思远. 信用货币制度、数字人民币和人民币国际化—从»数字钱包»到»多边央行数字货币桥»[J]. 上海经济研究, 2022(06): 78–93.
5. *Huang R.H., Li X.* China's Pursuit of Central Bank Digital Currency: Reasons, Prospects and Implications // Banking and Finance Law Review. – 2023. – Vol. 39, No. 3. – P. 409–443.
6. *Гольцов, В. Б., Голованов, Н. М.* Цифровой рубль и проблемы его правовой квалификации // Журнал правовых и экономических исследований. – 2024. – № 3. – С. 7–13.

7. *Губарева, А. В., Коваленко, К. Е., Коваленко, Н. Е.* Проблемы выбора применимого права к смарт-контрактам в международном частном праве // Вестник ЮУрГУ. – Серия «Право». – 2020. – Т. 20, № 4. – С. 44–48.
8. *Потапцева, Е. В., Акбердина, В. В.* Технологический суверенитет: концепция, содержание и формы реализации // Вестник Волгоградского государственного университета. – Экономика. – 2023. – Т. 25, № 3. – С. 5–16.
9. *Се Фэнци, Рыжкова, М. В., Чжан Цзе.* Влияние экономического риска на цифровую валюту центрального банка: свидетельства из Китая // Инновации и инвестиции. – 2025. – № 6. – С. 582–586.
10. 黄辉, 李曦元. 香港稳定币立法：背景、框架及展望[J]. 投资者, 2025(09): 2–23.

УДК 340.111; 336.747

Артем Андреевич Мулява,
студент 4-го курса специалитета юридического факультета
Ростовского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия
mulyava2017@mail.ru

Научный руководитель:
Олег Владимирович Афанасьев,
старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин Ростовского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия
oleg.0@internet.ru

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ КАК КЛЮЧ К ЦИФРОВОМУ РАЗВИТИЮ РОССИИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ, СФЕРЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В исследовании рассматриваются вопросы правовой и технической сущности цифрового рубля, идет рассуждение о сферах его применения, проводится обзор на отдельные аспекты его эффективности и особенности цифровой платежной инфраструктуры, выносится заключение с оценкой перспектив эффективности внедрения цифрового рубля.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы; цифровой рубль; цифровая валюта Центрального Банка; цифровая форма национальной валюты; цифровые технологии и право; цифровая платежная система России.

Цифровой рубль – есть не что иное, как прямое обязательство Банка России перед гражданами и организациями [1; 2], где банки и кредитные организации выступают лишь в роли операторов клиентского доступа к платформе ЦБ РФ.

В этом смысле цифровой рубль ближе к банкнотам Банка России, чем к безналичным рублям, в виду того, что эмитентом формы напрямую является Банк России. В отличие от криптовалют, эмиссия у цифрового рубля централизована, а его курс равен курсу традиционного рубля, то есть, сам по себе он не является самостоятельным активом, а представляется в финансовой системе как иная форма существования национальной валюты с уникальной цифровой платежной инфраструктурой, имеющая огромный потенциал.

Платформа цифровой платежной инфраструктуры цифрового рубля построена Банком России на базе распределенного реестра транзакций с применением блокчейн-технологии в целях обеспечения финансовой цифровой безопасности, относительной конфендациальности в интересах государства и возможности осуществления цифровых транзакций через архитектуру данной платформы, при этом с сохранением эквивалента денежной массы в цифровом виде на счетах, оператором которых будет исключительно Банк России, также каждая единица такого рубля будет уникальной в финансовой системе России.

Особенностью цифрового рубля является уникальный цифровой идентификатор, который, во-первых, будет служить аналогом серийного номера банкноты Билета Банка России, во-вторых будет цифровым маркером в системе, в-третьих будет зашитым маркером, подчеркивающим индивидуальность единицы такой формы валюты и будет способствовать тому, что не просто в сумму таких рублей, но в каждую единицу можно будет заложить целевое расходование, а равно и отследить транзакционный путь цифровых рублей.

Ключевой на наш взгляд технологической инновацией являются смарт-контракты, которые являются функциональной частью платформы цифровых рублей, представляя из себя программируемые алгоритмичные платежные условия и в тоже время алгоритм автоматического исполнения переводов при реализации заранее заданных условий при использовании цифровых рублей.

Таким образом, следует сформулировать определение рассматриваемого нами объекта национальной платежной инфраструктуры, так цифровой рубль – есть цифровая форма национальной валюты «Рубль России кода RUB», состоящая из цифровой платежной инфраструктуры, блокчейн-архитектуры цифровых транзакций, непосредственно денежных единиц в цифровой форме на распределенном реестре, эмитентом и оператором которой является Центральный банк Российской Федерации, а равно единственным фактическим держателем на своих счетах, обладающая встроенной системой смарт-контрактов и цифровой маркировкой, полностью независимая при проведении расчетов от банков и кредитных организаций.

При этом для финансового рынка с использованием криптовалют Банк России разработал особую форму цифрового рубля, а именно токенизированный безналичный рубль (ТБР), в который может быть переведен цифровой рубль, при этом один ТБР равен с своей валютной стоимости одному цифровому рублю [1; 2], что создает потенциал не только для проведения транзакций

с использованием криптовалют в легальном поле, но и потенциал правового регулирования рынка криптовалют благодаря приравниванию к ТБР либо использованию ТБР, в том числе в трансграничных расчетах.

Огромным преимуществом является тот факт, что для отдаленных местностей с плохим соединением интернета будет доступен офлайн-режим работы с цифровым рублем [1; 2], что облегчает его использование в РФ.

Одним из наиболее значимых направлений применения цифрового рубля в государственном секторе является повышение прозрачности финансовых государственных трансфертов в купе с целевым расходованием сметных средств, что может быть реализовано в следующих областях: бюджетное финансирование и внебюджетное финансирование, государственная контрактная система, гособоронзаказ, внебюджетное движение денежных средств, прямо связанных с деятельностью СФР (ФПиСС РФ), ТФОМС и ФФОМС, в целом социальная сфера; так формой реализации будет сквозной финансовый контроль за оборотом и транзакционным путем денежных средств в виде цифровых рублей посредством смарт-контрактов, уникального цифрового кодирования, что гарантирует целеполагание в распределении финансов, прозрачность в их использовании и возможность выставить прямой запрет на нецелевые траты.

Вторым наиболее значимым направление будет являться использование цифрового рубля при выплате социальных выплат, пенсий, пособий, субсидий и иных мер социального обеспечения, выраженных в денежном эквиваленте, так государство может не беспокоится о нецелевом расходовании денежных средств, что будет достигаться за счет установление прямого запрета на нецелевые траты, тот же механизм следует и распространить на реализацию национальных проектов, федеральных и региональных государственных программ, жилищных программ в целях исключения возможности вывода таких средств в тень.

Перспективу данного направления следует расширить на реализацию всех видов и форм государственных и муниципальных услуг, материальной поддержки в отношении граждан и организаций, а равно перевести расчеты, касающиеся секторов социальной сферы, таких как к примеру, образования и медицина, исключительно на платформу цифрового рубля, что в конечном итоге позволит эффективнее проводить работу по противодействию коррупции, а равно предотвращать нецелевое расходование и злоупотребления на местах.

Механизм использования цифровых рублей вполне пригоден для обеспечения государственных и муниципальных служащих, субъектов власти, а равно для государственного обеспечения судей, прокуроров, следователей СК.

Алгоритмичность и программируемость цифрового рубля открывает возможности для целевых выплат из уровней бюджетной системы России, в виду возможности применения механизма заданных условий финансирования и субсидирования со стороны публично-правовых субъектов. Обслу-

живанием и контролем будет заниматься оператор и эмитент формы – Банк России.

Третьим направлением применения инфраструктуры цифрового рубля следует считать противодействие теневой экономике, так в ходе проведенного исследования установлено, что за счет внедрения цифровых рублей экономия государства может составить до 328 миллиардов рублей в год, что будет вызвано за счет повышения налоговой дисциплины среди граждан и организаций в следствие использования цифрового рубля в указанных сферах применения.

При этом важно отметить, что цифровой рубль сам по себе не уничтожает теневую экономику в виду равной доступности иных каналов денежного оборота и оборота ценных бумаг, однако значительно способствует решению проблемы теневой экономики, что же касается налоговой дисциплины, в таком случае государству необходимо предустанавливать данную систему на каждого гражданина и вносить требование в форме обязывания для юридических лиц.

Если подытожить, такой подход решает сразу несколько задач для государства в экономической и финансовой сферах, а именно: обеспечивает адресность конечному получателю цифровых рублей; реализует целевой характер траты выделенных цифровых рублей; ускоряет транзакционный путь цифровых рублей в операциях; снижает административные издержки при проведении операций с бюджетными и внебюджетными денежными средствами; устанавливает прозрачность в обороте таких денежных средств; повышает налоговую дисциплину среди граждан и организаций; на уровне технических решений противодействует коррупции.

Если рассматривать вопрос макроэкономического регулирования, то платформа цифрового рубля позволяет генерировать данные о транзакциях в режиме реального временни, что означает переход от индикативного и агрегированного мониторинга денежного обращения к оперативному и детализированному финансовому мониторингу со стороны Банка России, органов финансового мониторинга, контрольно-надзорных органов, органов прокуратуры, органов публичной власти и федерального казначейства России.

В перспективе это также дает снижение зависимости от зарубежной платежной инфраструктуры и повышение устойчивости финансовой системы к факторам внешних угроз финансовой и экономической безопасности России.

С точки зрения оценки потенциала применения цифрового рубля в трансграничных переводах, следует отметить, что инфраструктура цифрового рубля может быть использована в таких пилотных проектах, как: *BRICS Bridge, mBridge, BRICS Pay*, так в рамках настоящего исследования установлено, что экономический эффект в долгосрочной перспективе составит для Российской Федерации от 15 до 103 миллиардов рублей, в зависимости от масштаба внедрения цифрового рубля, масштаба интеграции и количества стран-партнеров в следствии снижения международных транзакционных издержек.

Таким образом, цифровой рубль – это инструмент с высоким потенциалом, однако его эффективность напрямую определяется не технологическими

возможностями как таковыми, а тем, насколько сбалансировано удастся реализовать проект, учитывая интересы государства, финансового сектора, корпоративного сектора и граждан с учетом сложившейся современной ситуации. Успешная реализации зависит целиком и полностью от решения следующих групп задач, а именно технологической (обеспечение отказоустойчивости единой платформы, разработка офлайн-режима, интеграция с существующей национальной платежной инфраструктурой); нормативно-правовой (закрепление на законодательном уровне аспектов регулирования в купе с определением ответственности участников системы) и финансово-экономический (выраженная в финансовом контроле и кредитном надзоре).

В ходе исследования нами выделены следующие проблемные аспекты внедрения цифрового рубля в финансовые и экономические процессы России:

1) проблема снижения финансовой приватности и информационной приватности при использовании цифрового рубля преимущественно граждан;

2) проблема технологической уязвимости перед киберугрозами и *DDOS*-атаками, выраженная в концентрации мощностей платежной инфраструктуры;

3) проблема негативного влияние на банковский сектор, выраженная в удорожания фондирования для банков и кредитных организаций, сжатие кредитного портфеля, изменении корпоративных моделей на финансовом рынке.

По нашему мнению, проблема снижения приватности была разрешена, так как в своих заявлениях Банк России неоднократно подчеркивал, что запрашиваться и обрабатываться будут только те данные, которые ранее по закону обрабатывались с учетом специфики функционирования инфраструктуры цифрового рубля, если же разбирать технологическую уязвимость, то данная проблема посредством применения криптографической защиты и блокчейн-технологий с учетом специфики централизации цифровой инфраструктуры.

Решением проблемы негативного влияния на банковский сектор представляется нам в реализации комплекса мер, направленных на сглаживание последствий введения в эксплуатацию платформы цифрового рубля и меры по отслеживанию оттока денежных средств из иных каналов оборотности.

В заключение, следует сделать вывод, что внедрение цифрового рубля позволит повысить прозрачность и защищенность средств публичного оборота, установит целевой характер расходования бюджетных и внебюджетных средств, будет способствовать реализации принципа целеполагания при распределении фондов денежных средств, а равно повысит практическую адресность в интересах государства и конечных получателей цифровых рублей, при этом ликвидирует административные и финансовые издержки при их использовании в купе с повышением возможностей финансового контроля и надзора путем реализации технически сквозного финансового контроля через систему ЦБ РФ, в долгосрочной перспективе повысит устойчивость финансовой системы РФ.

Также необходимо выделить практическую пользу от внедрения цифрового рубля для органов прокуратуры и следственных органов СК России:

1) возможность получения запрашиваемой банковской информации, отражающей реальный объем средств, их транзакционный путь, в целом сведения об движении денежных средств за определенный период в период проведения проверок в сфере уплаты: обязательных платежей и налогов, алиментов, обязательных выплат в трудовой сфере, также в сфере исполнения государственных и муниципальных контрактов, гособоронзаказа, а равно в сфере реализации государственных программ федерального и субъектового уровней, аналогично в сфере реализации национальных проектов России;

2) возможность получения полной, достоверной и актуальной информации, в том числе в режиме реального временни по доходам, расходам и движению денежных средств через запрос в Банк России в отношении государственных и муниципальных служащих, а равно в целях проверки достоверности сведений, указанных в справке, подаваемой в соотвествии с законодательством РФ.

Таким образом, внедрение цифрового рубля позволит наиболее оперативно, полно и достоверно получать сведения об движении средств, их обороте в общем периоде и определенном периоде при проведении проверок.

Пристатейный список литературы

1. Цифровой рубль сегодня и завтра: отчет Банка России о пилотировании. – URL: https://cbr.ru/press/event/?id=24741&ysclid=muofhwwnbt232132059/ https://cbr.ru/Content/Document/File/177415/digital_ruble_30062025.pdf.
2. Концепция цифрового рубля. – URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 № 7-ФКЗ, от 05 февраля 2014 № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 № 11-ФКЗ, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020, от 04 октября 2022 №5-ФКЗ, от 04 октября 2022 №6-ФКЗ, от 04 октября 2022 №7-ФКЗ, от 04 октября 2022 №8-ФКЗ // Российская газета. –2022. – 6 окт.
4. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 28. – Ст. 2790.
5. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. 04.08.2026) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5018.
6. Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ (ред. 04.08.2026) «О цифровом рубле и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 31 (часть III). – Ст. 5766.

7. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «О национальной платежной системе» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 27. – Ст. 3872.

УДК 336.743

Павел Николаевич Насакин,
студент 3-го курса Тульского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Тула, Россия
nasakin.pavel@mai.ru

Научный руководитель:
Татьяна Алексеевна Вепренцева,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин Тульского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Тула, Россия
Vt180678@yandex.ru

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ ВВЕДЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ В РОССИИ

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена внедрением цифровых финансовых технологий и трансформацией платежной системы РФ. Цель исследования – выявить преимущества и риски цифрового рубля для граждан, бизнеса и государства. Было проанализировано современное российское законодательство по данной теме, а так же мнения экспертов. В результате мы пришли к выводу, о том что цифровой рубль способен повысить эффективность расчетов и контроль за бюджетными средствами, но требует решения вопросов кибербезопасности и адаптации инфраструктуры.

Ключевые слова: цифровой рубль; кибербезопасность; Центробанк; кризис; доверие.

Цифровой рубль – это цифровая форма рубля. Официального толкования этого термина на данный момент нет, но Центробанк исходит из того, что это одна из форм национальной валюты [1]. Сейчас у нас есть наличная (банкноты и монеты в наших кошельках) и безналичная (деньги на счетах в банках) форма национальной валюты, а в дополнение к ним появилась еще и цифровая.

Цифровые рубли хранятся на счетах цифрового рубля (цифровых кошельках) граждан и организаций. Счета цифрового рубля, в свою очередь, открываются на платформе Банка России. Операции с цифровыми рублями также проходят на этой платформе. При этом доступ к счетам цифрового рубля возможен через привычные дистанционные каналы: мобильные приложения банков и интернет-банки.

Главная его особенность в том, что каждый такой рубль это уникальный электронный код, что полностью исключает любую платежную анонимность.

Вследствие этого государство и контролирующие органы получают техническую возможность в режиме реального времени видеть происхождение любого рубля и то, на что именно он был потрачен. Скрыть финансовые потоки становится невозможно. Столь глубокий контроль операций фактически открывает доступ к детальной информации о частной жизни граждан. Существует риск, что эти данные могут быть использованы для контроля за населением.

Центробанк утверждает, что личные данные будут защищены государственными стандартами. Тотальный мониторинг, по заявлению ЦБ, нужен исключительно для борьбы с отмыванием нелегальных доходов, финансированием терроризма и другими преступлениями.

Вопросы вызывает и технология программирования денег. Это позволяет запретить тратить определенные рубли на те или иные категории товаров. Эксперты утверждают, что для обычных граждан вводить такие ограничения вряд ли станут из-за технической сложности. А вот для бизнеса в лице участников госзакупок и тендеров жесткий целевой контроль за расходованием средств станет реальностью [2].

Хранение всех цифровых денег страны на одной централизованной платформе Центробанка делает ее главной мишенью для хакеров. Любой масштабный сбой или успешная кибератака могут не просто рассекретить данные, но и физически уничтожить цифровые коды, что парализует расчеты во всей стране.

Риски подкрепляются мировой статистикой: ущерб от киберпреступности на планете лавинообразно растет. Так, в 2025 году он составил $ 12 триллионов и продолжает расти [3]. Опыт рынка доказал, что обычного шифрования уже недостаточно.

Безопасность цифрового рубля выстроена на технологиях, сертифицированных ФСБ России. Среди них Двойная проверка – Все участники системы жестко проверяются через защищенные каналы связи. Цифровая подпись – Каждая без исключения операция подписывается специальным криптографическим ключом. И технологические фильтры – Система автоматически отслеживает дублирование операций и любые подозрительные структурные изменения.

При этом статус цифрового рубля как прямого обязательства ЦБ делает его теоретически более надежным, чем обычные безналичные деньги, за которые отвечают коммерческие банки. Однако 100%-й гарантии безопасности

нет. Хакерские программы все еще могут красть деньги у конечных пользователей. И хотя путь украденных цифровых рублей можно отследить, преступники научились мгновенно выводить их через нерегулируемые криптобиржи. Самое примечательное: юридическую ответственность за сохранность денег ЦБ переложил на коммерческие банки

Появление цифрового рубля создает серьезные риски для всей привычной банковской системы: Падение прибыльности банков – банки потеряют часть бесплатных денег, которые граждане хранят на картах, а также лишатся доходов от комиссий за расчеты. Удорожание кредитов – чтобы удержать клиентов и не дать им перевести все деньги в цифровые рубли, коммерческие банки будут вынуждены поднимать проценты по обычным вкладам. Это вызовет цепную реакцию: баночные ресурсы подорожают, и они будут вынуждены сократить объемы кредитования и существенно поднять ставки по кредитам для населения и бизнеса. Монополия Центробанка – банки попадают в полную зависимость от ЦБ, который получает единоличный контроль над распределением цифровой валюты. Это грозит снижением стоимости активов всего банковского сектора России.

В заключение следует сказать, что на начальных этапах внедрения цифрового рубля крайне высока вероятность управленческих ошибок и технических сбоев. Любая серьезная неполадка в государственной платежной системе такого уровня может обернуться тяжелым репутационным кризисом – быстрой потерей доверия граждан как к банковской системе, так и к государству в целом. Чтобы этого избежать, проекту необходимы колоссальные инвестиции в инфраструктуру еще до того, как цифровой рубль станет обязательной частью нашей жизни.

Пристатейный список литературы

1. Положение Банка России от 07.12.2023 № 833-П (ред. от 07.12.2023) «О требованиях к обеспечению защиты информации для участников платформы цифрового рубля» // СПС «КонсультантПлюс».
2. *Киреева, О.* Чем полезен и чем грозит цифровой рубль российской экономике и гражданам // Anti-Malware.ru : сайт. – URL: https://www.anti-malware.ru/analytics/Technology_Analysis/Digital-ruble-what-are-the-benefits-and-risks.
3. Ландшафт киберугроз в 2025-м в России и мире // Хабр : сайт. – URL: https://habr.com/ru/companies/pt/articles/988872/?ysclid=mu5pw5361106866507.

УДК 336.74

Елизавета Васильевна Перкова,
студентка 2-го курса юридического факультета
Дальневосточного института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Хабаровск, Россия
elizaveta-perkova@mail.ru

Научный руководитель:
Андрей Владимирович Самохин,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
истории государства и права, социально-экономических
и гуманитарных дисциплин юридического факультета
Дальневосточного института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Хабаровск, Россия

ОПЫТ КИТАЯ ДЛЯ РОССИИ: УРОКИ ЦИФРОВОГО ЮАНЯ ДЛЯ ТРАНСГРАНИЧНОГО СЦЕНАРИЯ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ

Аннотация. Статья посвящена роли и перспективам внедрения цифрового рубля на примере опыта внедрения цифрового юаня в Китае. Цифровой юань (*e-CNY*) – национальная цифровая валюта КНР, тестирование которой началось в 2014 году, а первые введения в оборот начались в 2020 году, за десятилетие до начала серьезной разработки цифрового рубля РФ. Это дает уникальную возможность для России: использование цифровой валюты в другой стране, учет опыта, провалов и успехов дает России шанс учиться не на своих ошибках, а на чужих. Однако простое копирование модели невозможно, так как Китай – одна из крупнейших экономик мира с огромным внутренним рынком, в то время как экономика России находиться под давлением санкций и располагает менее широким кругов иностранных партнеров. Настоящая статья отвечает на вопрос, какие уроки Китая можно перенять для развития Российского цифрового рубля, а какие являются уникальным опытом КНР и не подлежать заимствованию? Актуальность статьи обусловлена необходимостью поиска альтернативных каналов трансграничных расчетов в условиях санкций и фрагментации мирового финансового пространства, а цифро-

вой юань – единственный реальный пример использование государственной цифровой валюты как внутри страны, так и на мировом рынке. Цель статьи: проанализировать опыт Китая и выявить уроки, применимые для цифрового рубля. Проанализированы этапы развития *e-CNY*, архитектура платформы *mBridge*, стратегия «параллельных систем» и системные ограничения китайской модели.

Ключевые слова: цифровой юань; *e-CNY*; цифровой рубль; *mBridge*; трансграничные расчеты; цифровая валюта центрального банка; цифровая валюта.

Цифровой юань (*e-CNY*) – расчетная единица системы электронных платежей в цифровой валюте – предназначен для быстрого проведения как внутренних, так и международных трансакций и может стать более эффективной альтернативой доллару США и западо-центричной системе трансграничных расчетов. Выпускает валюту Народный банк Китая, а доступ к ней люди получают через обычные банки. Сама система двухуровневая: центральный банк эмитирует, а коммерческие банки подключают пользователей. К 2025 году через *e-CNY* прошло около 3,4 млн транзакций, равных примерно 16,7 триллионам юаней (около 2,4 триллионов долларов) [1]. С января 2026 года *e-CNY* был переклассифицирован из «цифровых наличных» в «цифровые депозиты», что позволило банкам выплачивать проценты по вкладам и остаткам в кошельках. Это повысило стимулы к использованию цифрового юаня и его удержанию. К марту 2026 года число операционных институтов цифрового юаня расширилось до 30 банков, а в Шанхае открылся Международный операционный центр цифрового юаня [2]. Китай не торопился с формальным введением *e-CNY*: тестирование длится более 10 лет, из этого можно вынести первый урок для России – не спешить.

Ключевым элементом трансграничной модели цифрового юаня является платформа *mBridge* – это платформа для работы с несколькими цифровыми валютами центральных банков, разработанная для поддержки одноранговых трансграничных платежей и валютных операций в режиме реального времени с использованием цифровых валют центральных банков. Платформа основана на блокчейне под названием *mBridge Ledger* и предназначена для обеспечения соответствия политике и законодательным требованиям, нормативным актам и потребностям в управлении, характерным для конкретной юрисдикции [3]. Проект был запущен в 2021 году Банком международных расчетов с участием банков Китая, Гонконга, Таиланда и ОАЭ, позже к ним присоединилась Саудовская Аравия. Уже к 2026 году оборот mBridge составил около 55,5 млн долларов, где доля цифрового юаня составила 95% общего объема расчетов [4].

mBridge позиционируется как запасной канал для расчетов в условиях доминирования доллара. Стратегически это не заменяет доллар полностью, а постепенно размывает его главенство.

Таким образом, можно выделить главные уроки китайского цифрового юаня, применимые для России и цифрового рубля.

Положительные:

1. Технологическое преимущество: Китай обеспечил конкурентоспособность цифрового юаня через неоспоримые технологические преимущества. Система демонстрирует скорость транзакций в 7-8 секунд при снижении стоимости операций на 75-98% по сравнению с традиционными банковскими переводами. Эти показатели стали ключевым аргументом для международных партнеров. Параллельно с развертыванием платформ Народный банк Китая добился полного подключения своей системы трансграничных расчетов к 10 странам АСЕАН и шести странам Ближнего Востока, что создало техническую возможность для осуществления в цифровом юане до 38% мировой торговли, минуя систему *SWIFT*. Однако политические барьеры оказались сильнее, а удобство не привело к автоматическому принятию *e-CNY*. Для России можно создать подобную технологию на основе международных договоров, например со странами *BRICS* и их государствами-партнерами, это поможет как в тестировании цифрового рубля в трансграничных расчетах, так и в распространении валюты на международном пространстве.

2. Преимущество внутреннего рынка: *e-CNY*, как было сказано выше, развивается прежде всего как средство внутренних платежей и создает дополнительные преимущества для граждан – использование цифрового юаня без интернета (преимущество перед наиболее популярными в Китае кошельками *WeChat* и *Alipay*), начисление процентов по остаткам в кошельках и т.д. [5, с. 174]. Схожая система сможет мотивировать граждан РФ переходить на цифровой рубль.

3. Постепенность введения: Запуск валюты долго откладывался, пилоты расширялись постепенно, а трансграничные расчеты до сих пор остаются вторичными по отношению к внутренним. Важно наладить саму технологию, от и до протестировать все плюсы и минусы, прежде чем полностью вводить цифровую валюту на рынок.

Недостатки:

1. Узкий круг участников: *mBridge* – платформа с ограниченным числом участников, всего 5 центральных банков. Для того, чтобы система работала по-настоящему, нужно подключать большее количество стран. Для цифрового рубля возможной платформой может стать *BRICS*, где участников больше.

2. Закрытость: Китай официально не публикует данные о том, как именно используются цифровые юани, что порождает подозрения об использовании цифрового юаня для обхода санкций. Также Китай довольно долго игнорировал требования ФАТФ – группы разработки финансовых мер для борьбы с отмыванием денег. Из-за этого банк международных расчетов дистанцировался от *mBridge* и *e-CNY* под давлением США, а игнорирование ФАТФ привело к ограничению мирового признания цифрового юаня. В условиях санкций для России важна прозрачность отчетов цифровой валюты, что позже сможет поспособствовать привлечению международных партнеров.

Подводя итоги, можно выделить, какие ключевые элементы РФ может перенять у Китая, а какие нет.

Перенять прежде всего можно двухуровневую структуру – она уже используется в цифровом рубле и доказала свою работоспособность в Китае. Также важен приоритет внутреннего рынка и плавное внедрение валюты, так как спешка может привести к нежелательным последствиям.

Не следует перенимать закрытость данных: игнорирование требований ФАТФ и скрытие данных о использовании цифрового рубля может подорвать доверие к системе. Также важно изначально использовать более широкий круг участников: *mBridge* – узкая система, для большей успешности цифрового рубля в трансграничных расчетах стоит запускать его на системе, которая могла бы быть создана в России и охватывала больший круг участников, в условиях сотрудничества стран *BRICS* это более чем возможно.

В заключении можно сказать, что опыт Китая дает России ценные уроки, но не полную методику внедрения цифровой валюты. Разные экономические состояния стран не позволяют России полностью повторить сценарий Китая, но дает ценные ориентиры, такие как приоритет внутреннего рынка, институциональная поддержка, поэтапное внедрение. Для развития цифрового рубля важно взять самое лучшее из опыта *e-CNY*, но ориентироваться прежде всего на специфику экономики России и возможностям сотрудничества с дружественными странами.

Пристатейный список литературы

1. Китайский проект mBridge обработал $55 млрд в трансграничных платежах // Cointelegraph : сетевое издание. – 2026. – 18 января – URL: https://cointelegraph-ru.com/news/china-led-cbdc-mbridge-55b-payments (дата обращения 19.09.2026).
2. *Капустин, Н. А.* Цифровой юань 2.0: переход от цифровых наличных к цифровым депозитным деньгам и потенциальное воздействие на проект цифрового рубля / Н. А. Капустин // Вопросы инновационной экономики. – 2026. – Т. 16, № 2. – С. 661–686. – URL: https://1economic.ru/lib/125977?ysclid=muii7cq56a902749188#citation (дата обращения 21.09.2026).
3. Project mBridge // Bank for international Settlements : официальный сайт. – URL: https://www.bis.org/project/mbridge (дата обращения: 21.09.2026).
4. Китай активирует цифровой юань, mBridge обрабатывает 55,5 млрд долларов США трансграничных транзакций // Gate news : сетевое издание. – URL: https://www.gate.com/ru/news/detail/18192174 (дата обращения 25.09.2026).
5. *Хамурадов, М. А.* Развитие цифрового рубля на примере опыта КНР / М. А. Хамурадов // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023 – № 6–2 (100). – С. 173–175.

УДК 336.744

Карина Александровна Петрыкина,
студентка 5-го курса специалитета
факультета высшего образования Тульского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Тула, Россия
petrykina24@mail.ru

Научный руководитель:
Татьяна Алексеевна Вепренцева,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин факультет высшего образования
Тульского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Тула, Россия
vt180678@yandex.ru

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ И КРИПТОВАЛЮТА: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена цифровизацией экономических отношений и формированием к 2026 году в России двухконтурной модели регулирования цифровых активов. Проанализированы законодательство, судебная практика и научные источники. Выявлены проблемы терминологии, квалификации, оценки, учета и налогообложения активов, требующие совершенствования законодательства.

Ключевые слова: цифровой рубль; криптовалюта; цифровая валюта; цифровые финансовые активы; цифровые права; Банк России; блокчейн; правовое регулирование; майнинг; цифровизация экономики.

Цифровизация экономических отношений обусловила появление новых объектов гражданских прав и финансовых инструментов, требующих правового регулирования. В Российской Федерации к 2026 году сформировалась

дуалистическая модель регулирования цифровых активов: с одной стороны – появился и вошел в оборот цифровой рубль [10], с другой – никуда не девшиеся криптоактивы, т.е. криптовалюта.

На данный момент новизна введения цифрового рубля перекрывает когда-то остро стоящие вопросы о криптовалюте. Кажется странным упоминания данных волют совместно, однако для многих людей они кажутся крайне похожими. Цифровизация волюты – то, что нельзя потрогать и тем самым сложно понять.

Основным нормативным актом, регулирующим цифровые активы в России, является Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1].

С 1 сентября 2026 года вступил в силу Федеральный закон от 23 июля 2025 г. № 248-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который вводит обязательный прием цифрового рубля для части российского бизнеса [2]. Также вступил в силу Федеральный закон от 04.08.2026 № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах», который определяет цифровую валюту и ее регулирование. Указанный закон регулирует отношения, связанные как с цифровым рублем, так и с криптовалютой. В нем цифровая валюта определяется как имущество, существующее в форме электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащегося в информационной системе. Она может применяться в качестве средства расчетов, не относящегося к валюте Российской Федерации, иностранной валюте либо международной денежной единице, а также выступать объектом инвестирования. Специфика цифровой валюты состоит в отсутствии лица, которое было бы обязано перед ее владельцем. Исключение составляют оператор системы и ее узлы: однако они не несут обязательств по стоимости актива, а лишь обеспечивают соблюдение установленных системой правил [3].

С 1 сентября 2026 года началось активное массовое введение цифрового рубля. Цифровой рубль – это цифровая форма рубля, эмитируемая исключительно Банком России, хранящаяся на специальной платформе регулятора и обеспечивающая полный паритет с наличными и безналичными рублями (1 цифровой рубль = 1 наличный/безналичный рубль) [3]. Данная цифровая валюта хранится в цифровых кошельках граждан. Центральный Банк РФ (далее ЦБ РФ) подчеркивает, что цифровой рубль предназначен прежде всего для расчетов, а не для накопления и сбережения; проценты на остаток по цифровому кошельку не начисляются [11]. Цифровой рубль выпускается только ЦБ РФ и хранится на его платформе, что исключает риск потери средств из-за банкротства кредитно-денежной организации [11]. Данная валюта обязана к приему наравне с наличными и безналичными рублями. С 1 сентября 2026 года крупнейшие банки и торговые точки с выручкой свыше 120 млн руб. обязаны принимать цифровой рубль [9].

Несмотря на динамичный рост рынка криптовалют, в Российской Федерации правовая неопределенность создает значительные препятствия

для их интеграции в национальную экономику. Федеральные законы, такие как № 259-ФЗ, устанавливают рамки, но оставляют множество пробелов, приводящих к запретам, налоговым рискам и регуляторным ограничениям [1].

Основным нормативным актом, регулирующим цифровые активы, является Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Согласно п. 3 ст. 14 данного закона, криптовалюта признается цифровой валютой, но строго не допускается к использованию в качестве средства платежа за товары, работы и услуги на территории РФ [1]. Это означает, что расчеты в биткоинах или эфире на территории РФ незаконны. Однако использовать криптовалюту как инвестиционный инструмент разрешено [8].

Чтобы лучше понять, что такое криптовалюта лучше рассмотреть ее, не привязываясь только лишь с правовой точки зрения. Если говорить просто, то криптовалюта (она же крипта) – это цифровые деньги, которые работают на некой базе, а именно базе блокчейна. Перейдем к блокчейну, это база данных, в которой все хранится по порядку, честно и навсегда, т.к. его технология защищает информацию и ни один человек не может сам изменить данные. Условно блокчейн – это тетрадь с записями об операциях, в которой нельзя ничего исправлять [13].

Оборот криптовалюты в России регулировался преимущественно Федеральным законом от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который, однако, не создавал полноценного рынка и оставлял значительные правовые пробелы. Согласно ст. 2 Закона № 282-ФЗ, цифровая валюта – это имущество, представляющее собой совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которое предлагается и (или) может быть принято в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, иностранного государства или международной расчетной единицы, и (или) в качестве инвестиций [6].

Цифровая валюта признается имуществом для целей налогообложения, исполнительного производства и законодательства о противодействии легализации доходов. Криптовалюты запрещено принимать цифровые валюты в качестве оплаты товаров, работ, услуг, а также информации и результатов интеллектуальной деятельности на территории России. Если брать во внимание лишь криптовалюту, то ее место в праве еще можно найти. Так, например, мы можем сказать о том, что в соответствии со ст. 128 Гражданского кодекса криптовалюта не может быть расценена иначе как иное имущество – такой однозначный вывод зафиксирован в постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017 [4]. Несмотря на это, к сожалению, отсутствуют четкие правила оборота.

Криптовалюта квалифицируется как «иное имущество», подлежащее налогообложению. Если майнингом занимается организация или индивидуаль-

ный предприниматель, они обязаны уплачивать налог на прибыль по ставке 25%. При этом использование специальных налоговых режимов для такой деятельности не допускается. Для физических лиц, осуществляющих добычу криптовалют, предусмотрена уплата налога на доходы физических лиц (НДФЛ) по прогрессивной шкале, которая вводится с 1 января 2025 года [5].

Однако правила учета таких операций остаются размытыми. Все из-за того, что криптовалюта представляет собой электронное средство платежа, функционирующее на основе технологии блокчейн. В отличие от традиционных финансовых систем, где контроль за операциями осуществляет центральный орган (например, Центральный банк), в криптовалютных сетях проверка и учет транзакций обеспечиваются математическими алгоритмами и протокольными правилами самой сети. Данные о криптовалютных операциях не сосредоточены в едином хранилище. Они распределены среди множества узлов (компьютеров), расположенных в различных точках мира, что обеспечивает децентрализованный характер системы [13].

Таким образом, в российской правовой системе криптовалюта рассматривается как разновидность имущества, оборот которого ограничен законом. При этом на территории России она не признается законным платежным средством.

4 августа 2026 года Президент РФ подписал Федеральный закон № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах», который вступил в силу с 1 сентября 2026 года и стал первым комплексным актом, детально регламентирующим рынок криптовалют [7]. Так же под этот акт подпадает регламентирование и регулирование цифрового рубля.

Несмотря на внешнее сходство (электронная форма, использование распределенных реестров и криптографии), цифровой рубль и криптовалюта представляют собой принципиально разные правовые конструкции. Цифровой рубль – третья форма рубля, эмитируется и хранится на платформе Банка России, обязателен к приему, имеет курс 1:1, не несет кредитного риска и не облагается НДС/НДФЛ при обмене. Криптовалюта – имущество, а не валюта: децентрализована либо выпускается частными эмитентами, имеет плавающий курс, служит инвестиционным активом, ее использование для платежей в РФ запрещено (с 01.09.2026), доходы от продажи облагаются НДФЛ (13–15%) [4]. Регулирует обе сферы Банк России [10].

Несмотря на четкое законодательное разделение, на практике возникают проблемы. В научной литературе и СМИ термины «цифровая валюта», «криптовалюта», «цифровой рубль», «цифровые финансовые активы» (ЦФА) нередко используются как синонимы, что создает путаницу. Закон № 282-ФЗ закрепил легальное определение цифровой валюты, однако отграничение от ЦФА (которые являются обязательственными правами, удостоверенными в информационной системе) требует дальнейшего уточнения. Для криптовалюты установлен режим имущества, что требует разработки методик оценки, учета и налогообложения операций, а из-за происхождения это тяжело.

К 2026 году в Российской Федерации сформирована двухконтурная модель регулирования цифровых активов: суверенный цифровой рубль как третья форма национальной валюты и криптовалюта как имущество с ограниченным оборотом. Принятие Федеральных законов № 248-ФЗ и № 282-ФЗ создало нормативную основу для массового внедрения цифрового рубля и попытки легализации рынка криптовалют, одновременно четко разграничив их правовые режимы.

Тем не менее, сохраняются проблемы терминологической определенности, правоприменения и налогообложения, требующие дальнейшего совершенствования законодательства и подзаконного регулирования.

Пристатейный список литературы

1. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 23.07.2025 № 248-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. О цифровых валютах и цифровых правах : Федеральный закон от 04.08.2026 № 282-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Зрелов: Правовой статус криптовалют российским правоприменителям уже вполне ясен // ГАРАНТ.РУ : мнение эксперта : сайт. – URL: https://www.garant.ru/ia/opinion/author/zrelov/1235385/.
5. Какой налог нужно будет платить на цифровую валюту в 2025 году // Газпромбанк : Pro финансы : сайт. – URL: https://www.gazprombank.ru/pro-finance/innovation/nalog-na-tsifrovuyu-valyutu/#3.
6. Криптовалюта в России – 2026: новый закон и правила оборота «крипты». Главные вопросы // ГАРАНТ.РУ : сайт. – URL: https://www.garant.ru/consult/popularnie-voprosi/2193669/.
7. Криптовалюта в России: закон 2026 года – обзор SberCIB // SberCIB : сайт. – URL: https://sbercib.ru/publication/zakon-o-kriptovalyute-v-rossii-2026-chto-menyaetsya-dlya-investorov-mainerov-i-biznesa.
8. Криптовалюта в России: как учесть и не нарушить закон // РБК Компании : сайт. – URL: https://companies.rbc.ru/news/pnx2nnNCOh/kriptovalyuta-v-rossii-kak-uchest-i-ne-narushit-zakon/.
9. Цифровой рубль заработал для крупнейших банков и торговых точек // РБК : сайт. – URL: https://www.rbc.ru/finances/01/09/2026/6a885b249a79470c51b844b1.
10. Пуляев: Обязательный цифровой рубль с 1 сентября 2026 года: правовая готовность бизнеса и защита от штрафов // ГАРАНТ.РУ: мнение эксперта : сайт. – URL: https://www.garant.ru/ia/opinion/author/anton-pulyaev/2164684/.

11. Цифровой рубль // Банк России : официальный сайт. – URL: https://cbr.ru/PSystem/dr/.
12. Цифровой рубль: часто задаваемые вопросы // Банк России : официальный сайт. – URL: https://cbr.ru/faq/dr/.
13. Что такое криптовалюта и блокчейн простыми словами // РБК Компании : сайт. – URL: https://companies.rbc.ru/news/4KnUYtMRVz/chto-takoe-kriptovalyuta-i-blokchejn-prostyimi-slovami/.

УДК 336.70

Ангелина Андреевна Пыжьянова,
студентка 3-го курса факультета высшего образования
Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
pyzanovaangelina00@gmail.com

Научный руководитель:
Оксана Анатольевна Баршова,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
oxanabarshova@yandex.ru

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ И ФИНАНСОВАЯ ДОСТУПНОСТЬ: ВАРИАНТЫ ПРИМЕНЕНИЯ В ТРУДНОДОСТУПНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ И ДЛЯ СОЦИАЛЬНО НЕЗАЩИЩЕННЫХ КАТЕГОРИЙ ГРАЖДАН

Аннотация. В представленном материале анализируется стартовавший в сентябре 2026 года процесс масштабного внедрения цифрового рубля как третьей формы национальной валюты. Текст раскрывает архитектуру новой финансовой системы, где активы хранятся на платформе Банка России, а коммерческие структуры выполняют лишь посредническую роль. Особое внимание уделяется социальной миссии проекта: преодолению неравенства в отдаленных и малонаселенных регионах и созданию инклюзивной среды для людей с инвалидностью. При этом упоминаются барьеры, связанные с финансовой доступностью – отсутствие офлайн-режима и необходимость наличия смартфона. На основе этого анализа формулируются рекомендации по ускорению развития сетевой инфраструктуры и доработке интерфейсов под стандарты доступности, призванные превратить цифровой рубль в эффективный инструмент повышения финансовой доступности для уязвимых слоев населения.

Ключевые слова: цифровой рубль; Центральный Банк; финансовая доступность; отдаленные, малонаселенные и труднодоступные территории; маломобильные группы населения.

В сентябре 2026 года в России началось массовое внедрение цифрового рубля – третьей формы национальной валюты наряду с наличными и безналичными деньгами. Закон от 23 июля 2025 года№ 248-ФЗ, подписанный Президентом РФ, установил поэтапный график подключения банков и торговых предприятий к платформе цифрового рубля Банка России. С 1 сентября 2026 года крупнейшие банки и торговые сети с выручкой свыше 120 млн рублей обязаны обеспечить прием цифровых рублей, к 2027 году подключатся средние участники рынка, а к 2028-му – все остальные [1]. Цифровой рубль представляет собой цифровое обязательство Банка России, эквивалентное одному рублю в любой другой форме: один цифровой рубль равен одному обычному рублю. В отличие от безналичных денег, которые хранятся на счетах в коммерческих банках, цифровые рубли учитываются на платформе Центрального банка (далее – ЦБ), а банки выступают лишь финансовыми посредниками, предоставляя интерфейс для операций через мобильные приложения.

Банк России создает цифровой рубль в первую очередь для того, чтобы повысить доступность финансовых услуг на отдаленных и труднодоступных территориях, а также для социально незащищенных категорий граждан [2, с. 129]. Концепция цифрового рубля, опубликованная ЦБ еще в апреле 2021 года, прямо называет среди преимуществ повышение доступности финансовых услуг на отдаленных и малодоступных территориях и возможность получения доступа к цифровому кошельку через любую финансовую организацию, а также при ограниченном доступе к сети Интернет. Цифровой рубль работает на технической базе Банка России: у каждого человека будет только один цифровой кошелек, который находится непосредственно в ЦБ, а зайти в него можно через приложение любого банка-участника этой системы. Важное отличие от безналичных денег состоит в том, что даже при смене банка или телефона доступ к кошельку сохраняется, поскольку учет средств ведется не на стороне коммерческого банка, а на стороне Центрального банка [3, с. 231].

Для физических лиц все операции с цифровым рублем – переводы, платежи, пополнение кошелька – бесплатны. Коммерческие банки не могут распоряжаться средствами клиента в цифровом кошельке; они лишь идентифицируют клиента через подтвержденную учетную запись на «Госуслугах» и предоставляют интерфейс для распоряжения средствами. Лимит на пополнение цифрового кошелька с безналичного счета составляет 300 000 рублей в месяц. Вклады и кредиты в цифровых рублях на платформе ЦБ не открываются – эти функции остаются за коммерческими банками, а проценты на остаток в цифровом кошельке не начисляются [4, с. 416].

Одним из наиболее значимых для финансовой доступности свойств цифрового рубля является заявленная возможность проведения операций без доступа к интернету – офлайн-режим. По концепции Центральный Банк, для офлайн-операций клиенту открывается второй кошелек – офлайн-кошелек, размещенный непосредственно на мобильном устройстве. Пополнение офлайн-кошелька осуществляется при наличии интернета, а последующие платежи и переводы могут выполняться без подключения к сети. Однако по состоянию на сентябрь 2026 года офлайн-режим еще не внедрен: все операции требуют подключения к интернету. В июле 2026 года заместитель председателя Банка России Зульфия Кахруманова рассказала, что тестирование платежей без интернета стартует в конце того же года. Проверять новую технологию будут на специально отобранной группе людей.

По данным Банка России, на конец 2025 года в России насчитывалось около 6,9 млн стационарных точек обслуживания потребителей финансовых услуг в различных форматах. Многие сельские населенные пункты с численностью населения менее 500 человек не имеют ни одного стационарного подразделения банка. Банк России в своем информационном письме от 3 июня 2024 года рекомендовал банкам формировать точку доступа к финансовым услугам с учетом численности фактически проживающего населения: в населенных пунктах от 3 000 до 30 000 человек – стационарное подразделение, в селах с населением менее 3 000 – мобильные офисы, выездное обслуживание, услугу «Наличные на кассе», банкоматы с функцией приема наличных. Среди основных проблем финансовой доступности на отдаленных, малонаселенных и труднодоступных территориях (далее – ОМТ), следует выделить несколько: отсутствие банковской инфраструктуры, связанное с закрытием отделений банков в малых населенных пунктах по экономическим причинам; ограниченный доступ к интернету – нестабильное или отсутствующее покрытие сетей связи; низкая плотность населения, которая делает стационарные точки обслуживания экономически неэффективными; сезонная труднодоступность, когда населенные пункты оказываются отрезанными от региональных центров в определенные периоды года из-за наводнений или бездорожья; низкий уровень финансовой грамотности, то есть недостаток информации о доступных финансовых продуктах и сервисах.

«Основные направления повышения доступности финансовых услуг в Российской Федерации на период 2025–2027 годов», утвержденные Советом директоров Банка России 24 декабря 2024 года, выделяют три приоритетных направления: повышение доступности для жителей ОМТ; упрощение получения финансовых услуг для людей с инвалидностью и маломобильных групп населения; повышение доступности для субъектов малого и среднего предпринимательства [5, с. 107]. Признание АО «Почта России» критически важной инфраструктурой для оказания финансовых услуг в сельской местности стало одним из значимых шагов. На 32 134 отделениях почтовой связи проводятся отдельные банковские операции, в том числе снятие и внесение наличных, а в 16 427 отделениях почтовой связи можно подать документы

на открытие банковского счета. Чтобы открыть свой цифровой счет, человеку не обязательно пользоваться услугами только одного конкретного банка. Управлять своими деньгами можно через мобильное приложение любой финансовой организации, которая уже подключилась к государственной системе Центрального Банка. Это означает, что житель отдаленного поселка, обслуживающийся в одном банке, не теряет доступ к цифровому кошельку при закрытии местного отделения этого банка – он может управлять средствами через приложение любого другого банка-участника платформы. Для бизнеса на ОМТ прием цифровых рублей может быть экономически выгоднее, чем традиционный эквайринг по банковским картам. До завершения 2026 года прием цифровых рублей для бизнеса полностью бесплатен. Это решение станет серьезной поддержкой для небольших сельских магазинов, чья прибыль с каждой продажи минимальна и где любая банковская комиссия существенно бьет по карману предпринимателя.

Несмотря на перечисленные преимущества, цифровой рубль полностью зависит от подключения к интернету. Офлайн-режим находится на стадии исследования и начального тестирования, конкретные сроки его внедрения не названы. Это означает, что в населенных пунктах без стабильного интернета цифровой рубль пока не может заменить ни наличные деньги, ни традиционные безналичные платежи. Еще одно ограничение – необходимость смартфона с установленным банковским приложением. Пожилым людям, живущим в отдаленных и труднодоступных районах, часто бывает непросто разобраться со смартфонами и электронными приложениями. Банк России в своих материалах признает, что «люди без цифровых устройств или навыков работы с ними не будут иметь доступа к цифровому рублю».

Банк России ведет системную работу по повышению финансовой доступности для людей с инвалидностью, пожилых и маломобильных групп населения с 2017 года [6, с. 153]. В период с 2025 по 2027 год запланирован целый комплекс мер. Банкам будут даны четкие инструкции, как сделать свои отделения и сайты удобными для всех людей без исключения. Специалисты будут проверять, выполняются ли эти требования, изучать самые удачные примеры адаптации сервисов и на их основе создавать простые обучающие материалы, чтобы повысить финансовую грамотность граждан. К числу реализованных инициатив относятся: шрифт Брайля на сенсорных терминалах в магазинах, что обеспечивает доступность процесса оплаты для незрячих покупателей; сопровождение клиентов с привлечением переводчиков русского жестового языка и автоматизированных систем сурдоперевода и субтитров; проработка сервиса «второй руки» – законопроекта об установлении обязательности предоставления потребителю возможности назначить другого клиента банка своим помощником для дополнительного контроля операций.

Для пожилых людей ключевые барьеры в использовании цифрового рубля включают: низкую цифровую грамотность – сложности при работе со смартфоном и банковскими приложениями; ограниченный доступ к интернету, особенно для проживающих в сельской местности и на ОМТ; не-

доверие к новым финансовым технологиям – страх потерять деньги и стать жертвой мошенников.

На основе анализа текущего состояния внедрения цифрового рубля и стратегии Банка России по повышению финансовой доступности можно сформулировать следующие рекомендации. Если говорить о труднодоступных территориях, то необходимо ускорить внедрение офлайн-режима: завершение исследования и запуск пилота в конце 2026 года – необходимый, но недостаточный шаг, следует обеспечить совместимость офлайн-режима с существующей инфраструктурой, то есть интеграцию с услугой «Наличные на кассе», почтовыми отделениями и мобильными офисами банков, необходимо улучшать качество мобильного интернета и связи.

Что касается социально незащищенных категорий, то здесь необходимо обеспечить людей с инвалидностью техническими средствами – реализовать мероприятие «дорожной карты» по обеспечению их устройствами для доступа к интернету и банковским приложениям; банковские приложения для управления цифровым кошельком необходимо доработать, в соответствие с ГОСТ Р 52872-2019, это нужно для того, чтобы людям с инвалидностью было удобно ими пользоваться: например, добавить голосовое управление и увеличить шрифты; нужно развивать сервис «второй руки» – принять законопроект о возможности назначения помощника для контроля операций, что особенно важно для пожилых людей и лиц с ментальными особенностями; необходимо балансировать целевое ограничение средств: при внедрении смарт-контрактов для социальных выплат обеспечить разумный баланс между контролем целевого использования и свободой выбора получателя, чтобы не допустить стигматизации получателей социальной помощи.

С сентября 2026 года, когда цифровой рубль стал доступен по всей стране, у него появилась реальная возможность сделать финансовые услуги доступными для каждого жителя России [7, с. 96]. Его ключевые преимущества – бесплатность операций для граждан, доступ через любое банковское приложение, программируемость через смарт-контракты и перспективный офлайн-режим – делают его инструментом, способным расширить доступ к финансовым услугам для жителей отдаленных территорий и социально уязвимых групп населения.

Пристатейный список литературы

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 23.07.2025 № 248-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. *Барашева, Е. В., Очирова, П. И., Степаненко, А. С.* Цифровая валюта Центрального Банка: перспектива развития для Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 12-1. – С. 127–130. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/

tsifrovaya-valyuta-tsentralnogo-banka-perspektiva-razvitiya-dlya-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 25.09.2026).
3. *Минина, А. А., Сердюкова, Е. В., Чунихa, А. А.* Цифровой рубль: вопросы правового регулирования, перспективы развития и роль в монетарной политике // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 8. – С. 230–232. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-rubl-voprosy-pravovogo-regulirovaniya-perspektivy-razvitiya-i-rol-v-monetarnoy-politike (дата обращения: 25.09.2026).
4. *Жарина, Н. А., Гайфутдинова, Р. З., Ваславская, И. Ю.* Цифровизация денежного обращения в России // Вестник Академии знаний. – 2024. – № 1 (60). – С. 414–417. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-denezhnogo-obrascheniya-v-rossii (дата обращения: 26.09.2026).
5. *Полякова, Д. С., Рейхерт, Н. В.* Направления повышения доступности финансовых услуг в России // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – № 10-2 (104). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-povysheniya-dostupnosti-finansovyh-uslug-v-rossii (дата обращения: 27.09.2026).
6. *Антипкина, Е. С., Крылова, А. А., Молодан, И. В.* Проблема доступности финансовых услуг для лиц с ограниченными возможностями и пути ее решения // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2018. – Т. 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-dostupnosti-finansovyh-uslug-dlya-lits-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-i-puti-eyo-resheniya (дата обращения: 27.09.2026).
7. *Артемьева, Ю. Д., Хасбулатова, И. М., Степанникова, О. А.* Цифровой рубль – новый вид денег или альтернатива криптовалюте? // Вестник СИБИТа. – 2024. – Т. 13, № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-rubl-novyy-vid-deneg-ili-alternativa-kriptovalyute (дата обращения: 28.09.2026).

УДК 336.74

Полина Кирилловна Смирнова,
студентка 3-го курса факультета высшего образования
Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
pksmirnova40@gmail.com

Научный руководитель:
Владимир Сулейманович Левинзон,
кандидат технических наук, доцент кафедры теории,
истории государства и права, социально-экономических дисциплин
Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
vlev2007@yandex.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БАЛАНСА ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА И УСТОЙЧИВОСТИ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ В СЦЕНАРИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ

Аннотация. В настоящей статье исследуется баланс между инновационным потенциалом цифрового рубля и устойчивостью финансовой системы России. Актуальность темы связана с переходом проекта от точечного к массовому внедрению. Цель настоящего исследования заключается в выявлении сценариев развития цифрового рубля и механизмов балансировки. Автором проанализирован инновационный потенциал цифрового рубля и идентифицированы риски для устойчивости финансовой системы. В результате формулируется вывод о том, что инновационный потенциал и устойчивость не являются взаимоисключающими, а компромисс достигается через сценарное управление и адаптивное регулирование.

Ключевые слова: цифровой рубль; инновационный потенциал; устойчивость финансовой системы; сценарный анализ; банковский сектор; денежно-кредитная политика; платежная инфраструктура.

Цифровой рубль, как новая форма национальной валюты, выпускаемая Банком России, представляет собой значимый инновационный проект в финансовой системе страны [1]. После пробного тестирования, начавшегося в августе 2023 года, проект постепенно начинает переходить к систематическому внедрению, вследствие которого с 1 сентября 2026 года крупные кредитные организации обязаны обеспечить для клиентов возможность операций с цифровыми рублями [2].

Внедрение цифрового рубля имеет ряд таких преимуществ, как снижение издержек, ускорение расчетов и повышение прозрачности бюджета, однако возникает вопрос о совместимости изменений с устойчивостью финансовой системы, так как массовый перевод средств в цифровые кошельки может привести к оттоку депозитов и снижению гибкости кредитных организаций [3, с. 214]. Организационная среда также создает свои риски, например, недостаточно проработанная правовая база и слабое доверие пользователей, которые могут превратить данную инициативу в формальный институт без реального спроса со стороны населения [4, с. 117–118]. В этих условиях проблема поиска баланса между потенциалом цифрового рубля и устойчивостью финансовой системы приобретает особую актуальность.

Цифровой рубль как форма национальной валюты представляет собой финансовую структуру, основанную на принципиально новых технологиях, где в отличие от наличных и безналичных денег, существует двухуровневая модель, эмитентом которой выступает Банк России [23, с. 89–90]. Доступ к электронным кошелькам осуществляется через коммерческие банки, при этом сами кошельки хранятся на специализированной платформе, обеспечивая независимость от конкретной кредитной организации, что, в свою очередь, позволяет управлять средствами через мобильное приложение [5, с. 158–159].

Ключевым новшеством цифрового рубля является создание платежей на основе умных контрактов, где они позволяют автоматизировать исполнение условий сделки [6, с. 259]. Экономический же потенциал цифрового рубля обусловлен значительным снижением издержек для всех категорий пользователей, так как операции с ним являются бесплатными для граждан, и существенно сниженными для бизнеса [7, с. 65–67].

Повышение прозрачности финансовых потоков, в том числе, и платежей, является еще одним важным аспектом, так как цифровой след каждого платежа позволяет контролировать расходование средств, снижая риски и упрощая контроль [8, с. 69–72]. Кроме того, в ближайшем будущем планируется создание сервисов на базе платформы умных контрактов, способствуя тем самым формированию новых сегментов рынка и повышению качества услуг для потребителей [9, с. 1475–1476].

Таким образом, можно утверждать, что цифровой рубль обладает значительным потенциалом для повышения устойчивости платежной системы, снижая зависимость от внешних платежных систем, что является еще одним фактором, способствующим устойчивости финансовой системы [24]. Все операции с цифровыми рублями проводятся на платформе Банка России и не за-

висят от международных платежных систем, обеспечивая тем самым суверенитет в технологической сфере [10].

Применение цифрового рубля представляет собой технологический прорыв и в системе финансового посредничества, который сопровождается множеством рисков, нуждающихся в тщательном анализе для обеспечения устойчивости финансовой системы и предотвращения негативных последствий [20, с. 810]. Одним из наиболее значимых вызовов для кредитных организаций является угроза вытеснения депозитов из цепочки финансового посредничества, что может привести к существенному сокращению базы банков, выступающей основным источником кредитования [11, с. 179–181].

Кроме того, важно отметить, что внедрение цифрового рубля сопряжено с недостаточной правовой определенностью его статуса и низким уровнем доверия, которые могут привести к формальному внедрению без реальной востребованности со стороны общества [12, с. 27–30]. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что переход к полноценному обращению цифрового рубля связан с рядом рисков, требующих анализа и разработки мер по их устранению [13, с. 408–410].

Сценарное проектирование представляет собой эффективный инструмент для анализа развития цифрового рубля в условиях высокой степени неопределенности [21, с. 41–42]. В отличие от простых моделей прогнозирования, сценарный подход позволяет системно анализировать пути развития и выявлять условия, при которых потенциал цифрового рубля реализуется без ущерба для стабильности финансовой системы [10, с. 15].

Первый сценарий предполагает интенсивность развития при высокой нагрузке на устойчивость финансовой системы, а его характерными чертами являются быстрый рост количества операций с цифровым рублем, внедрение умных контрактов и массовый перевод заработных плат и социальных выплат на платформу Банка России. [14, с. 10–13]. Однако ключевым риском этого сценария является отток инвестиций из коммерческих банков, что может привести к увеличению кредитования [15, с. 17–18].

Второй сценарий характеризуется низким уровнем развития при высокой устойчивости финансовой системы, в которой цифровой рубль внедряется формально, без реального спроса со стороны бизнеса и общества, а массовый перевод выплат в цифровых рублях не производится [16, с. 15–16]. Основной риск состоит в отсутствии востребованности, что ведет к неосуществленности потенциала. Условиями реализации этого сценария выступают отсутствие реальных стимулов для пользователей и низкая информационная поддержка [17, с. 160].

Третий сценарий представляет собой модель, в которой умеренный темп развития сочетается с устойчивостью финансовой системы, характеризующейся поэтапным расширением функций цифрового рубля и сохранением лимитов на пополнение кошельков [18, с. 28–33]. Механизмами реализации здесь выступают льготные периоды, добровольность использования и поддержка через информационные кампании [14, с. 19].

Переход к сбалансированному развитию цифрового рубля требует комплексного подхода, включающего ряд мер, направленных на минимизацию рисков, а также на формирование гармоничного спроса, ключевым инструментом которого является установление лимита на пополнение кошельков, обеспечивающего возможность проведения переводов и получения заработной платы [19]. Особое внимание здесь стоит уделить законодательному закреплению добровольности использования цифрового рубля для граждан, что будет способствовать формированию спроса на новые финансовые инструменты [16, с. 160–162].

Таким образом, механизмы обеспечения баланса представляют собой развернутую систему, включающую в себя институциональные изменения, интеграцию и экономические стимулы. Совокупность этих мер сделает достижимым сценарий сбалансированного развития Цифрового рубля, обеспечивая устойчивость финансовой системы и дальнейшее повышение ее эффективности.

Пристатейный список литературы

1. Цифровой рубль: что это простыми словами и чем отличается от обычных денег // РИА Новости : сайт. – URL: https://ria.ru/finansy/tsifrovoy-rubl/ (дата обращения: 25.09.2026).
2. Цифровой рубль // Банк России : сайт. – URL: https://www.cbr.ru/PSystem/dr/ (дата обращения: 18.09.2026).
3. *Митрохин, В. В.* Влияние финтеха на депозитную политику коммерческого банка / В. В. Митрохин, И. Н. Денисов // Инновации и инвестиции. – 2023. – № 7. – С. 212–216. – EDN LUEZXD.
4. *Наливайченко, Е. В.* Цифровой рубль: инновационный фиат региональной экономики / Е. В. Наливайченко, С. П. Кирильчук // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2025. – № 1 (70). – С. 115–126. – DOI 10.29039/2312-5330-2025-1-115-126. – EDN YPQPWT.
5. *Шумилова, В. В.* Цифровой рубль Банка России как новая форма национальной валюты / В. В. Шумилова // Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 156–162. – DOI 10.15688/lc.jvolsu.2022.2.20. – EDN PZBKMU.
6. *Якушева, Е.* Цифровой рубль как национальная цифровая валюта: проблемы и перспективы развития в контексте мирового опыта / Е. Якушева // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2024. – № 4. – С. 254–277. – DOI 10.17323/2072-8166.2024.4.254.277. – EDN PDRMOU.
7. *Гармашев, М. А.* Смарт-контракт как правовой договор. Виды, способы заключения и исполнения, проблемы совершения / М. А. Гармашев, Л. Д. Туршук // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 96-5. – С. 64–67. – DOI 10.18411/trnio-04-2023-245. – EDN QHLEYS.
8. *Лунякова, Н. А.* Развитие инструментов повышения открытости бюджета Российской Федерации / Н. А. Лунякова // Известия Санкт-Петербург-

ского государственного экономического университета. – 2021. – № 1(127). – С. 65–73. – EDN CNGHFB.
9. *Макаров, М. Ю.* Внедрение цифрового рубля как средства повышения прозрачности финансовых потоков / М. Ю. Макаров, Я. С. Бабчин, Н. Д. Касаев // Экономика и управление. – 2025. – Т. 31, № 11. – С. 1472–1482. – DOI 10.35854/1998-1627-2025-11-1472-1482. – EDN URLUPK.
10. Доклад для общественных консультаций «Цифровой рубль» (октябрь 2020 г.)// ГАРАНТ.РУ : сайт. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74662042/ (дата обращения: 22.09.2026).
11. *Гарипов, Р. И.* Значение цифрового рубля для экономики страны / Р. И. Гарипов, Н. Н. Максимова // Управление в современных системах. – 2021. – № 4 (32). – С. 3–15. – DOI 10.24412/2311-1313-32-3-15. – EDN RFTFCT.
12. *Медведева, Т. М.* Правовые риски введения цифрового рубля / Т. М. Медведева, Л. А. Новоселова, М. А. Новоселов // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2021. – № 41. – С. 171–184. – DOI 10.17223/22253513/41/15. – EDN CBSZDF.
13. *Иванюженко, А. Б.* Правовые аспекты возможного применения цифрового рубля / А. Б. Иванюженко // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2024. – № 1 (19). – С. 23–36. – DOI 10.22394/2686-7834-2024-1-23-36. – EDN DGNJGV.
14. *Ногаева, К. А.* Достоинства и потенциальные риски введения цифрового рубля в современной России / К. А. Ногаева, С. С. Гугкаева // Молодежь и наука: актуальные вопросы социально-экономического развития регионов России : материалы XI Всероссийской научно-практической конференции, Владикавказ, 27–28 апреля 2023 года. – Владикавказ : ИПЦ ИП Цопанова, 2023. – С. 407–411. – EDN YTDLZX.
15. *Кушниренко, М. Р.* Выпуск цифровых финансовых активов с использованием цифровых платформ: возможности и риски для участников финансовой операции / М. Р. Кушниренко // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. – 2023. – № 2 (56). – С. 6–16. – DOI 10.6060/ivecofin.2023562.638. – EDN BMUTXR.
16. *Михайлов, А. В.* Сценарное моделирование институциональных траекторий регулирования цифровых активов в Российской Федерации: макроэкономический анализ / А. В. Михайлов // Дискуссия. – 2025. – № 8 (141). – С. 13–23. – DOI 10.46320/2077-7639-2025-8-141-13-23. – EDN NRZUTQ.
17. *Звездичев, Г. Ю.* Проблема институциональных рисков в инновационной деятельности / Г. Ю. Звездичев // Вестник Российского государственного торгово-экономического университета (РГТЭУ). – 2014. – № 12 (91). – С. 5–17. – EDN TOLUOL.
18. *Федорец, А. Е.* Оценка рисков платежной системы в условиях цифровой трансформации финансового рынка РФ / А. Е. Федорец // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. – 2025. – Т. 19, № 1. – С. 151–165. – DOI 10.14529/em250112. – EDN GZQFZA.

19. *Белозеров, С.* Финтех как фактор трансформации глобальных финансовых рынков / С. Белозеров, Е. Соколовская, Ю. С. Ким // Форсайт. – 2020. – Т. 14, № 2. – С. 23-35. – DOI 10.17323/2500-2597.2020.2.23.35. – EDN SSXFCL.
20. ЦБ установит лимит по переводам на кошельки с цифровыми рублями // Ведомости : сайт. – 2026. – 19 августа. – URL: https://www.vedomosti.ru/investments/news/2026/08/19/1222243-tsb-ustanovit-limit (дата обращения: 23.09.2026).
21. *Макаров, М. Ю.* Потенциальные преимущества внедрения цифрового рубля в финансовую систему России / М. Ю. Макаров // Экономика и управление. – 2023. – Т. 29, № 7. – С. 807–814. – DOI 10.35854/1998-1627-2023-7-807-814. – EDN UIDKIW.
22. *Галкина, А. Н.* Теоретические основы сценарного подхода к анализу инновационной деятельности / А. Н. Галкина // Экономический анализ: теория и практика. – 2012. – № 37(292). – С. 35–43. – EDN PCXUTF.
23. *Умаров, Х. С.* Цифровой рубль как форма национальной валюты России / Х. С. Умаров // Российский внешнеэкономический вестник. – 2024. – № 11. – С. 87–111. – DOI 10.24412/2072-8042-2024-11-87-111. – EDN MYDUFN.
24. Влияние цифрового рубля на финансовую стабильность // КонсультантПлюс : сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430425/c2d866904707fc209c23eb319803fb394de4073d/ (дата обращения: 25.09.2026).

УДК 336.74

Диана Ряшидьевна Утешева,
студентка 4-го курса Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
utesheva.diana@inbox.ru

Научный руководитель:
Павел Николаевич Качалов,
кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин
Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
kachalovpn@mail.ru

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ В УСЛОВИЯХ ПРАВОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ: ТРАНСГРАНИЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ ВНЕДРЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена третьей форме национальной валюты в России – цифровой рубль. Проанализирован мировой опыт внедрения цифровой валюты на примере Китая и США, а также приведен опыт осуществления трансграничного перевода в цифровых рублях и возможный переход на расчеты в цифровых валютах для взаимной торговли с дружественными зарубежными странами. Приведены проблемы и перспективы развития цифрового рубля в РФ, а также обоснована необходимость принятия единого законодательного акта в этой области.

Ключевые слова: цифровой рубль; Центральный банк; трансграничный потенциал; правовая неопределенность; цифровая валюта.

Затрагивая тему третьей формы национальной валюты, граждане РФ задаются вопросом, а что именно подразумевается под цифровым рублем?

С юридической точки зрения данный элемент рассматривается, как своего рода альтернативная форма рубля, которая функционирует параллельно с ее традиционными формами: наличными и безналичными. Правовой статус цифрового рубля приравнен к официальному платежному средству, которое по своей природе не имеет аналогов и объединяет свойства вещи (как объект гражданского права) и обязательственного права в виде права требования к Банку России, включая цифровые активы.

В настоящее время ряд зарубежных стран находятся на стадии разработки законодательства для цифровых валют. В РФ, не так давно (01.08.2023) были приняты нормативно-правовые акты, которые внесли поправки в законодательство и определили не только правовое положение цифрового рубля, но и официально закрепили его статус [1, с. 1]. Так, после внесения изменений в федеральное законодательство, цифровой рубль был приравнен к «безналичным денежным средствам» и классифицируется как имущественное право. Из этого следует, что данная валюта лишена иметь натуральную форму и может лишь существовать в виде электронной записи, подтверждающая, в свою очередь, обязательство эмитента (Центрального Банка) перед пользователем платформы (физическим или юридическим лицом).

Отметим, что № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (ст. 30.8) указывает на существенные различия между цифровым рублем и безналичными денежными средствами [2, с. 1]. Так, например, в цифровых рублях невозможно взять кредит, открыть депозит, а также получать проценты по вкладу. Данную цифровую валюту выпускает напрямую ЦБ, он ведет и реестр цифрового кошелька, а доступ обеспечивают обычные банки (Сбербанк, ВТБ и т.д.), т.е. они выступают посредниками – предоставляют пользователям доступ к платформе.

Г. В. Пусурманов в своих исследованиях выступает за необходимость снятия ограничений связанных с цифровым рублем: возможность открытия депозитов, вкладов и кредитов. Он считает, что именно, расширение функций ЦБ приведет к росту доходов бизнеса, пополнению бюджета государства и увеличения благосостояния населения [3, с. 77]. Стоит отметить, что за данными положительными моментами скрыта обратная сторона медали, а именно, нужно учитывать то, что отсутствие ограничений (контроля) на такие операции могут привести к оттоку капитала из коммерческих банков, тем самым поставив под угрозу устойчивость малых и средних банковских организаций.

Вместе с внедрением новой валюты, граждан и организаций интересует ряд вопросов, касающихся, к примеру, принципа конфиденциальности и приватности данных пользователей платформы цифровых рублей. Так, в своих выступлениях, Председатель ЦБ РФ, констатировала факт наличия дифференцированной системы конфиденциальности, но с другой стороны данная технология позволяет контролировать каждую операцию [4, с. 1]. Из-за правовой неопределенности и парадокса данного принципа существует еще одна проблема – доверия граждан к цифровому рублю и его дальнейшему использованию и распространению.

Ряд существенных проблем использования цифрового рубля отражается и в области международного сотрудничества в сфере торговых расчетов между государствами. Так, его потенциал в этой сфере огромен, но его развитие упирается в правовые барьеры. Сегодня ситуация на мировой арене складывается не наилучшим образом. Связано это с тем, что иностранные суды отказываются признавать цифровой рубль, а иностранные банки не принимают его к учету. Считаю, что для его полномасштабного внедрения для целей международных расчетов, следует заключить ряд международных соглашений, в целях признания его не только в качестве записи в реестре ЦБ РФ, но и полноправной валюты, наравне с ее традиционными формами.

РФ с 2014 г. находится под санкциями, именно в этот момент были введены первые ограничительные меры, далее это санкционное давление усилилось в 2022 г. и продолжается до сегодняшнего момента. Так, к примеру, в рамках двадцатого пакета санкций, в мае 2026 г. Европейский Союз ввел запрет на операции с цифровым рублем [5, с. 1]. В итоге банки дружественных стран, рискуя попасть под вторичные санкции, будут опасаться иметь дело с российским цифровым рублем.

Изучая международный опыт внедрения цифровых валют, стоит сказать про КНР, где за десять лет пилотного проекта цифрового юня, которых охватывает множество сфер, начиная с транспорта, заканчивая налогообложением, но несмотря на это Китай пока не заявил о его полномасштабном запуске. Хранением и эмиссией цифрового юаня занимаются управомоченные на то коммерческие банки, которые имеют прямую связь с народным банком Китая. Целевой подход в реализации цифровой валюты России и Китая различны: Китай стремится интернационализировать валюту, а Россия выбрала путь постепенного встраивания цифрового рубля в национальную систему. А.Г. Аксаков, утверждает, что данные страны достигли высшей степени технологической совместимости, что делает Китай наиболее перспективным союзником для запуска трансграничных расчетов [6, с. 2].

ЕЦБ продолжает работу над цифровым евро, однако настаивает, что он должен отвечать реальным запросам пользователей, и выступает против спорных решений. В США изучение возможности создания цифрового доллара по-прежнему ведется на исследовательском уровне. Глава Федеральной резервной системы Джером Пауэлл заявил, что ФРС не станет выпускать цифровую валюту центрального банка, пока он возглавляет ведомство [7, с. 1].

Полномасштабный запуск цифровых валют был осуществлен в четырех юрисдикциях: на Багамских Островах, в Нигерии и Ямайке, а также в Восточно-Карибском валютном союзе [8, с. 49].

В ноябре 2023 г. ВТБ впервые продемонстрировал возможность трансграничного перевода в цифровых рублях юридического лица – президента Республики Беларусь [9, с. 1]. Несмотря на экспериментальный характер операции, она стала значимым этапом в отработке трансграничного взаимодействия на платформе ЦР.

Россия и Индия рассматривают возможность проводить взаимные торговые расчеты с помощью цифровых валют. Как утверждает глава Сбера – Герман Греф, применение цифрового рубля и цифровой рупии способно увеличить товарооборот между странами [10, с. 1]. При этом основное препятствие связано с экономическими факторами: значительный дисбаланс в торговле осложняет расчеты. Российские компании не стремятся создавать запасы индийских рупий, тогда как у индийского бизнеса почти нет активов в российских рублях.

Можно утверждать, что широкое использование цифрового рубля принесет определенные преимущества всем участникам экономики. Гражданам будет доступен единый счет, которым можно пользоваться через привычные мобильные приложения; кроме того, обычные пользователи будут полностью защищены от риска банкротства банков. Организации смогут сократить расходы благодаря снижению комиссий за эквайринг и проведение операций, а также смогут получать оплату за товары и услуги на основании предварительно заключенного смарт контракта. При этом государство сможет полностью контролировать движение финансовых средств внутри страны. Цифровой рубль также позволит проводить трансграничные переводы и напрямую вести внешнюю торговлю со многими дружественными странами, не прибегая к услугам банков-корреспондентов [11, с. 304]. Эта возможность особенно актуальна в условиях санкционных ограничений в отношении РФ. Необходимо также внедрить образовательные программы для граждан, с целью: повышения уровня финансовой осведомленности, избежания возможного цифрового неравенства и обеспечения доступа к широкому использованию цифрового рубля.

На наш взгляд, перспектива развития и использования цифрового рубля как средства международных расчетов маловероятна – причиной этого является нестабильная геополитическая обстановка. Основной задачей цифрового рубля, на сегодняшний день, является создание устойчивой системы трансграничного взаимодействия с рядом дружественных стран, независимой от Запада. Иными словами, цифровой рубль – это «зеркало, отражающее все проблемы современного права.

Пристатейный список литературы

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ // СЗ РФ. – 2023.– № 340.– Ст. 8.
2. О национальной платежной системе : Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ // СЗ РФ. – 2011.– № 161. – Ст. 39.
3. *Пусурманов, Г. В.* Перспективы открытия вкладов (депозитов) в цифровых рублях в России / Г. В. Пусурманов // Закон. Право. Государство. – 2025. – № 3 (47). – С. 75–79.

4. Заявление Председателя Банка России Эльвиры Набиуллиной по итогам заседания Совета директоров 23 октября 2020 года // Банк России : сайт. – URL: https://cbr.ru/press/event/?id=8220 (дата обращения: 11.09.2026).
5. В ЕС вступает в силу запрет на операции с цифровым рублем // РИА Новости : сайт. – URL: https://ria.ru/20260524/sanktsii 2094338137 (дата обращения: 11.09.2026).
6. Интервью с А. Г. Аксаковым. Расчеты со странами в цифровых нацвалютах станут обычным явлением через 5 лет // Фомаг : сайт. – URL: https://fomag.ru/news-streem/intervyu-raschety-so-stranami-v (дата обращения: 11.09.2026).
7. The Semiannual Monetary Policy Report to the Congress // BIS. – URL: https://www.banking.senate.gov/hearings/02/04/2025/the-semiannual-monetary (дата обращения: 11.09.2026).
8. *Афанасьев, В. А.* Цифровой рубль: между технологическим прорывом и правовой неопределенностью / В. А. Афанасьев // Новизна. Эксперимент. Традиции. – 2026. – Т. 12, № 1 (33). – С. 43–52.
9. ВТБ представил трансграничные b2b-переводы в цифровых рублях // Ведомости : сайт. – URL: https://www.vedomosti.ru/finance/news/2023/11/10/1005099 (дата обращения: 11.09.2026).
10. Греф: ЦБ России и Индии работают над использованием своих цифровых валют в двусторонней торговле // ProFinance : сайт. – URL: https://www.profinance.ru/news2/2026/09/11/ck7l-gref-tsb-rossii-i-indii (дата обращения: 11.09.2026).
11. *Бондарев, М. А.* Проблемы и перспективы реализации проекта цифрового рубля в России / М. А. Бондарев, Е. И. Кузьмина, С. В. Плясова // Экономические науки. – 2024. – № 6. – С. 302–308.

УДК 336.74

Мария Романовна Халемендик,
студентка 4-го специалитета курса юридического факультета
Дальневосточного института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Хабаровск, Россия
khalemendik05@mail.ru

Научный руководитель:
Александр Владимирович Ильиных,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин юридического факультета
Дальневосточного института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Хабаровск, Россия
alexflyhigh@yandex.ru

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ КАК ТРЕТЬЕЙ ФОРМЫ ДЕНЕГ: РАЗГРАНИЧЕНИЕ С БЕЗНАЛИЧНЫМИ ДЕНЕЖНЫМИ СРЕДСТВАМИ, ЭЛЕКТРОННЫМИ ДЕНЬГАМИ И ЦИФРОВЫМИ ФИНАНСОВЫМИ АКТИВАМИ

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию правового статуса цифрового рубля как инновационной формы российской национальной валюты, особенностей его эмиссии, обращения, хранения и использования в системе денежных отношений. Исследуются особенности правового регулирования трансграничных расчетов и обеспечения конфиденциальности операций. На основании проведенного анализа сформулированы предложения по совершенствованию нормативно-правовой базы РФ, направленные на повышение правовой определенности статуса цифрового рубля, обеспечение защиты прав участников денежного оборота и согласование положений гражданского, финансового и информационного законодательства.

Ключевые слова: цифровой рубль; цифровая валюта; безналичные денежные средства; электронные денежные средства; цифровые финансовые активы; национальная платежная система; Банк России; цифровой кошелек.

Глобальная цифровизация финансового рынка привела к появлению новых форм денежных средств и принципиально новых объектов гражданских правоотношений. В настоящее время основным значимым результатом данного процесса стало создание цифрового рубля – цифровой формы национальной валюты Российской Федерации.

В 2023 году Федеральным законом от 24 июля 2023 года № 340-ФЗ были внесены изменения в законодательство о национальной платежной системе [1]. В настоящее время на законодательном уровне закреплено три формы рубля, однако Банк России прямо указывает на то, что цифровой рубль является дополнительной формой национальной валюты. Правовой режим цифрового рубля определяется прежде всего Федеральным законом от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (далее – 161-ФЗ [2].

Законодательство предусматривает специальную инфраструктуру – платформу цифрового рубля, посредством которой взаимодействуют оператор платформы, участники платформы и пользователи в целях совершения операций с цифровыми рублями. Оператором платформы выступает Банк России.

Мы считаем, что принципиальным является то, что цифровой рубль не представляет собой самостоятельную денежную единицу. Денежной единицей РФ остается рубль, а цифровой рубль является одной из форм его существования.

Банк России осуществляет выпуск цифровых рублей непосредственно на своей платформе. В отличие от безналичных денежных средств, возникающих в рамках отношений клиента с коммерческим банком, цифровые рубли учитываются на специальном счете цифрового рубля, открываемом на платформе Банка России. Это прямо предусмотрено ст. 30.8 161-ФЗ, которая закрепляет факт того, что счет цифрового рубля является отдельным видом банковского счета. По договору счета цифрового рубля Банк России обязан зачислять цифровые рубли, списывать их и выполнять распоряжения пользователя. При этом цифровые рубли, находящиеся на счете пользователя, не могут использоваться оператором платформы, а кредитование счета и начисление процентов на остаток цифровых рублей не допускаются.

Именно поэтому главной сложностью в этой ситуации является разграничение цифрового рубля и безналичных денежных средств. В. Н. Лисица, сопоставляя цифровой рубль, электронные денежные средства и цифровую валюту, обосновывает различия в их гражданско-правовой природе и указывает на риск смешения этих категорий вследствие использования общей цифровой терминологии [3, с. 110–118]. Следовательно, цифровая форма существования денежных средств сама по себе не образует достаточного основания для отождествления их правовых режимов. С одной стороны, Банк России характеризует цифровой рубль как третью форму национальной валюты наряду с наличной и безналичной. С другой стороны, статья 128 ГК РФ относит цифровые рубли к безналичным денежным средствам. Норма прямо говорит о «безналичных денежных средствах, в том числе цифровых рублях» [4]. На первый

взгляд, данные положения могут восприниматься как противоречивые. Однако речь идет о разграничении двух классификаций. В экономическом и институциональном смысле цифровой рубль рассматривается как самостоятельная форма существования национальной валюты. В гражданско-правовом смысле цифровой рубль относится к имущественной категории безналичных денежных средств.

Это позволяет предложить следующую конструкцию: цифровой рубль является самостоятельной формой национальной валюты, но одновременно представляет собой разновидность безналичных денежных средств как объекта гражданских прав. Главное отличие заключается не столько в экономической природе денег, сколько в механизме их учета, эмиссии и обращения. Таким образом, цифровой рубль нельзя полностью отождествлять с обычными безналичными средствами, несмотря на их общую гражданско-правовую категорию.

Несмотря на возможность осуществления платежей в электронной форме, цифровой рубль и электронные денежные средства различаются по правовой природе, порядку учета и организации обращения. Прежде всего, электронные денежные средства учитываются оператором в соответствии с установленными законом правилами без открытия банковского счета. Цифровые рубли, в свою очередь, учитываются на специальных счетах цифрового рубля, открываемых на платформе Банка России.

Существенное различие прослеживается и в субъектном составе соответствующих правоотношений. Операции с электронными денежными средствами осуществляются с участием операторов, предусмотренных законодательством о национальной платежной системе, тогда как оператором платформы цифрового рубля выступает непосредственно Банк России. Различается и механизм возникновения соответствующих денежных обязательств: электронные денежные средства формируются посредством предварительного предоставления денежных средств оператору, а цифровой рубль выпускается Банком России в рамках функционирования собственной платформы.

Таким образом, использование электронных приложений, дистанционных банковских сервисов и иных электронных средств платежа не является основанием для отождествления цифрового рубля с электронными денежными средствами. Определяющее значение имеют не технологические способы совершения операций, а правовой статус денежных средств, порядок их учета и особенности функционирования платежной инфраструктуры.

Еще одной самостоятельной проблемой является разграничение цифрового рубля и цифровых финансовых активов (далее – ЦФА). Несмотря на использование цифровых технологий при обращении обеих категорий, их юридическая природа и функциональное назначение существенно различаются. И. В. Кирюшина исследует правовую конструкцию цифрового рубля и его соотношение с цифровыми правами, цифровой валютой и цифровыми активами, анализируя особенности их оборотоспособности [5, с. 26–30]. В частности,

автор разграничивает цифровые финансовые активы как имущественные права и цифровой рубль как национальное платежное средство. Это позволяет рассматривать цифровые финансовые активы как самостоятельную категорию объектов гражданских прав, не обладающую статусом законного платежного средства.

Правовое регулирование ЦФА осуществляется Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6]. В соответствии с данным законом цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества и иные права, предусмотренные законодательством.

В отличие от ЦФА цифровой рубль представляет собой цифровую форму российской национальной валюты, выпускаемую Банком России и предназначенную для осуществления расчетов. Его номинальная стоимость выражается в рублях, а правовой режим определяется нормами гражданского законодательства и законодательства о национальной платежной системе. ЦФА, напротив, удостоверяют конкретные имущественные права, содержание которых зависит от вида соответствующего актива и условий его выпуска. Их обращение осуществляется в информационных системах, функционирующих на основании предусмотренных законом правил. При этом ЦФА не признаются самостоятельным законным средством платежа и не могут рассматриваться в качестве альтернативной формы российской денежной единицы.

Различия между рассматриваемыми категориями проявляются прежде всего по следующим основаниям:

1) правовая природа. Цифровой рубль является формой национальной валюты, тогда как ЦФА представляют собой цифровые права;

2) эмитент и инфраструктура. Цифровой рубль выпускается Банком России и учитывается на его платформе. ЦФА выпускаются посредством внесения соответствующих записей в информационную систему, отвечающую установленным законодательством требованиям;

3) функциональное назначение. Цифровой рубль предназначен для расчетов и исполнения денежных обязательств. ЦФА удостоверяют определенные имущественные права и могут использоваться в инвестиционных и иных гражданско-правовых отношениях;

4) правовой режим. Обращение цифрового рубля регулируется законодательством о денежном обращении и национальной платежной системе, тогда как выпуск и обращение ЦФА подчиняются специальному законодательству о цифровых финансовых активах.

Таким образом, цифровой рубль и ЦФА не являются взаимозаменяемыми правовыми инструментами. Если цифровой рубль обеспечивает осуществление платежей в национальной валюте, то ЦФА выступают способом фиксации и реализации определенных имущественных прав. Данное разграничение

имеет принципиальное значение для определения правового режима соответствующих объектов, порядка совершения сделок и способов защиты прав их обладателей.

Формирование правового режима цифрового рубля стало значительным этапом развития российского денежного права. Вместе с тем внедрение новой формы национальной валюты обусловило возникновение ряда теоретических и практических вопросов, требующих дальнейшего законодательного осмысления. Особого внимания заслуживают вопросы гражданско-правовой квалификации цифрового рубля, защиты имущественных интересов пользователей, наследования, банкротства, исполнительного производства и обеспечения конфиденциальности финансовой информации.

Одним из дискуссионных вопросов остается определение места цифрового рубля в системе объектов гражданских прав. А. В. Ермаков отмечает, что законодательное отнесение цифрового рубля к безналичным денежным средствам вызывает вопросы, обусловленные особенностями его цифрового представления и хранения на платформе Банка России [7, с. 99–104]. В качестве одного из вариантов совершенствования законодательства автор предлагает прямо указать цифровой рубль в статье 128 ГК РФ отдельно от безналичных денежных средств [7, с. 102–104]. Данная позиция отражает научную дискуссию о достаточности действующей законодательной конструкции и необходимости уточнения гражданско-правового статуса цифрового рубля.

Указанное обстоятельство обусловливает необходимость согласования экономической концепции цифрового рубля с его гражданско-правовой квалификацией. Возникает вопрос о том, насколько действующая классификация позволяет учитывать специфику цифрового рубля при регулировании имущественных отношений.

Представляется целесообразным дальнейшее развитие положений ГК РФ, направленное на более подробное закрепление особенностей правового режима цифрового рубля. При этом введение самостоятельной категории денежных средств должно учитывать уже сформированное законодательное регулирование и не приводить к возникновению противоречий между гражданским законодательством и нормами о национальной платежной системе.

Важным направлением совершенствования законодательства является определение механизмов защиты пользователей от неправомерного списания цифровых рублей. Развитие дистанционных способов осуществления платежей сопровождается повышением значимости правовых гарантий, обеспечивающих безопасность денежных операций.

Дополнительного правового анализа требуют случаи ошибочного списания денежных средств вследствие технических неисправностей, программных ошибок либо неправомерных действий третьих лиц. В подобных ситуациях принципиальное значение приобретают установление причинно-следственной связи между действиями соответствующего субъекта и возникшим ущербом, а также определение порядка восстановления нарушенных имущественных прав.

В целях повышения правовой определенности представляется целесообразным уточнить механизмы распределения ответственности между участниками платформы цифрового рубля, включая порядок рассмотрения обращений пользователей, сроки устранения нарушений и процедуры оспаривания операций. Особое значение имеет обеспечение доступности доказательств совершения спорной операции и предоставление пользователю возможности получить необходимую информацию для защиты своих прав.

Развитие платформы цифрового рубля ставит вопрос о соблюдении баланса между эффективностью финансового контроля и защитой частной жизни пользователей. Централизованный характер инфраструктуры обращения цифрового рубля предполагает обработку и хранение значительного объема информации, связанной с осуществлением платежей.

Правовое регулирование соответствующих отношений должно основываться на положениях Конституции РФ, Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», законодательства о банковской тайне и иных нормативных актов, устанавливающих гарантии защиты информации [8; 9].

Особое значение приобретает определение правового режима сведений об операциях с цифровыми рублями. Необходимо обеспечить нормативную определенность в отношении состава обрабатываемой информации, целей ее использования, сроков хранения и круга лиц, имеющих право доступа к ней.

Кроме того, требуют дальнейшего изучения основания предоставления сведений государственным органам, порядок ознакомления пользователя с историей собственных операций и механизмы защиты информации от неправомерного доступа. При этом следует учитывать, что обработка персональных данных и предоставление сведений в рамках финансового мониторинга осуществляются на основании установленных законом требований и не должны выходить за пределы соответствующих правовых оснований.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о формировании в Российской Федерации новой модели денежного обращения, основанной на использовании цифрового рубля и централизованной инфраструктуры Банка России. Особенности его выпуска, хранения и обращения обусловливают необходимость дальнейшего совершенствования гражданско-правового и финансово-правового регулирования.

Несмотря на законодательное разграничение цифрового рубля, безналичных и электронных денежных средств, цифровых финансовых активов и цифровой валюты, сохраняются вопросы определения его правового статуса, защиты имущественных интересов пользователей, наследования.

Актуальными остаются также обеспечение конфиденциальности операций, регулирование трансграничных расчетов и установление пределов применения программируемых платежей.

Совершенствование правового режима цифрового рубля предполагает комплексное развитие гражданского, финансового, банковского и информа-

ционного законодательства, направленное на устранение правовых пробелов, обеспечение правовой определенности и защиту участников денежного оборота.

Пристатейный список литературы

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 340-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 31. – Ст. 5765.
2. О национальной платежной системе : Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 27. – Ст. 3872.
3. *Лисица, В. Н.* Цифровая валюта, цифровой рубль и электронные денежные средства в российском гражданском праве: проблемы соотношения // Государство и право. – 2024. – № 2. – С. 110–118. – DOI: 10.31857/S1026945224020118.
4. Гражданский кодекс Российской федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2026. – № 24. – Ст. 3099.
5. *Кирюшина, И. В.* Цифровой рубль как объект гражданских прав: понятие, правовая природа // Российско-азиатский правовой журнал. – 2024. – № 3. – С. 26–30. – DOI: 10.14258/ralj(2024)3.5.
6. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (ч. I). – Ст. 5018.
7. *Ермаков, А. В.* Цифровой рубль: проблемы определения правового режима // Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 1. – С. 99–104. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2024.1.13.
8. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (ред. от 14.03.2020) // Российская газета. – 1993. – 25 дек.; Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.
9. О персональных данных : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3451; 2026. – № 30. – Ст. 4111.

Экосистема доверия: цифровой формат взаимодействия субъектов финансового рынка

УДК 347.45/.47; 338.24

Анастасия Павловна Звенигородская,
студентка 4-го курса Ижевского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ижевск, Россия
asiaveili@yandex.ru

Научный руководитель:
Сергей Сергеевич Шишкин,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин Ижевского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ижевск, Россия
shishkinsergey@mail.ru

ПРЕДЛОЖЕНИЕ МОДЕЛИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АУТСОРСИНГА В РОССИИ: ОТ ФРАГМЕНТАЦИИ К ЭКОСИСТЕМЕ

Аннотация. В статье предлагается принципиально новая концепция правового регулирования аутсорсинга, основанная на отказе от архаичного деления на «аутсорсинг» и «аутстаффинг» и переходе к единой категории «аутсорсинговая деятельность». Обосновывается необходимость создания цифровой экосистемы аутсорсинга, включающей реестр сертифицированных исполнителей, смарт-контракты, обязательное страхование ответственности и трехсторонние трудовые соглашения. Предлагается заменить лицензирование уведомительным порядком с делегированием контрольных функций саморегулируемым организациям. Такой подход позволяет не только устранить существующие правовые пробелы, но и создать глобально конкурентоспособный рынок аутсорсинговых услуг, интегрированный в цифровую экономику.

Ключевые слова: аутсорсинг; правовая экосистема; смарт-контракты; саморегулирование; трехсторонний трудовой договор; цифровой реестр; субсидиарная ответственность.

Сегодняшнее регулирование аутсорсинга в России – это набор заплаток: глава 39 ГК РФ, ст. 56.1 ТК РФ, разрозненные приказы ведомств. Суды годами не могут определить природу договора, налоговые органы переквалифицируют сделки, работники остаются без защиты. Статистика удручает: 38% компаний судятся из-за квалификации, 57% аутсорсеров имеют худшие условия труда, 23% выездных проверок касаются аутсорсинга. Все эти проблемы – следствие одной фундаментальной ошибки: мы пытаемся вписать аутсорсинг в старые правовые конструкции, созданные для индустриальной эпохи. Прорыв возможен только при смене парадигмы.

Рассмотрим, как работает нынешнее законодательство. Сегодня в Гражданском кодексе РФ отсутствует само понятие «аутсорсинг». На практике суды квалифицируют такие договоры либо как возмездное оказание услуг (глава 39 ГК РФ), либо как подряд (глава 37 ГК РФ), либо как смешанный договор (п. 3 ст. 421 ГК РФ) [1]. Это порождает неоднозначную практику: в одном деле суд видит услугу, в другом – работу, в третьем – смешанную конструкцию.

В трудовом праве действует ст. 56.1 ТК РФ [2], которая запрещает заемный труд. Единственное исключение – деятельность аккредитованных частных агентств занятости (ЧАЗ), когда работники остаются в штате агентства, а заказчик заключает с ним гражданско-правовой договор. На практике это приводит к тому, что компании маскируют аутстаффинг под аутсорсинг, а налоговые органы при проверках переквалифицируют договоры, доначисляя НДФЛ и страховые взносы. По данным Роструда, в 2025 году около 980 тыс. россиян выведено из неформальной занятости. А с января 2025 года по апрель 2026 года проведено 68 контрольных мероприятий, из которых 40 подтвердили наличие нарушений. Только за первый квартал 2025 года ФНС и Роструд оштрафовали компании на 1,2 млрд рублей за нарушения при работе с заемным персоналом, а штрафы за нарушения в аутстаффинге достигают 1 млн рублей. Роструд фиксирует рост жалоб от работников, которые фактически трудятся у заказчика, но официально числятся в аутстаффинговой компании без социальных гарантий: типичные нарушения включают подмену аутстаффинга заемным трудом, отсутствие записей в трудовых книжках и задержки зарплат через третьи лица [18; 19].

В налоговом праве действует ст. 54.1 НК РФ, которая запрещает злоупотребление правом в налоговых целях, и п. 1 ст. 252 НК РФ, требующий экономической обоснованности расходов [3; 4]. Налоговые органы проверяют аутсорсинговые сделки по трем ключевым маркерам: если услуги дублируют функции штатных сотрудников, если стороны взаимозависимы или если единственная цель сделки – снижение налоговой нагрузки, расходы исключаются из базы. Показательно решение АС Ростовской области от 29.05.2026 № А53-17737/2025 [9], когда аутсорсера признали налоговым агентом. Заказчик переводил ему общую сумму, а тот платил зарплату сотрудникам заказчика. Сопоставив 6-НДФЛ и выписку, налоговики не нашли этих сотрудников в отчетности аутсорсера. Суд подтвердил, что выплата как зарплата требует

удержания НДФЛ; двойного взыскания не было, так как заказчик тоже не отразил выплаты.

Статистика 2025 года демонстрирует ужесточение налогового контроля. ФНС завершила 5 400 выездных проверок после 4 900 в 2024 году, поступления – 186 млрд руб. (+четверть). Общие поступления по линии контрольной и аналитической работы ФНС достигли 496 млрд руб. (+22% к 408 млрд в 2024), из них 310 млрд руб. (63%) обеспечили аналитические мероприятия – доначисления без выезда. Эффективность выездных проверок достигла 98–99%: лишь 2,2% проверок в 2025 году закончились без финансовых претензий. Стоимость выездной проверки вырос до 94 млн руб. в 2025 и до 124 млн руб. в 2026. В 2025 году налоговики подали требования о взыскании 287 млрд руб., из которых суды удовлетворили почти 90% (258,3 млрд руб.), при этом число споров сократилось на 12% – с 6 118 до 5 384 дел. Победы компаний – около 10%, в 2025 – 2,5%. Переквалификация гражданско-правовых отношений в трудовые и дробление бизнеса – частые поводы споров.

В отраслевом регулировании примером служит Банк России, который регулирует передачу процессов на аутсорсинг в кредитных организациях (Положение № 716-П, разъяснения № 716-Р-2025/79). Эти правила касаются управления операционными рисками и анализа финансового положения контрагентов. Однако в других критически важных сферах – здравоохранении, образовании, *IT* – подобного системного регулирования нет. Статистика 2025 года подтверждает остроту проблемы. В сфере школьного питания, где аутсорсинг операторов становится все более распространенным, проверки выявляют системные нарушения. В Алтайском крае в 2024–2025 учебном году 19% школ прибегли к услугам сторонних компаний-операторов, и в 54% проверенных школ были выявлены нарушения в организации работы пищеблоков. В Ульяновской области в 2026 году проверки пяти операторов питания, работающих в формате аутсорсинга и обслуживающих 118 школ, выявили 21 нарушение гигиенических норм из 497 исследованных проб (4,2%). В Забайкальском крае в 149 школах услуги предоставляли 25 операторов питания в формате аутсорсинга. Все перечисленные проблемы являются последствием отсутствия правового и системного регулирования

Для системного регулирования предлагается создать Федеральную цифровую платформу аутсорсинга (оператор – Минцифры). Сегодня все договоры заключаются на бумаге или в разрозненных электронных системах, что затрудняет контроль и создает почву для споров. Предлагается заключать все договоры аутсорсинга в виде смарт-контрактов на платформе. Условия (предмет, сроки, качество, ответственность) кодифицируются. Автоматическое исполнение: при наступлении срока – оплата, при нарушении *KPI* – штраф. Это исключает большинство судебных споров. Платформа ведет реестр сертифицированных аутсорсеров. Сертификация добровольная, но дает налоговые льготы и преимущества в госзакупках. Блокчейн обеспечивает неизменность истории и прозрачность для налоговых органов. Регулирование становится проактивным, а не карательным.

Предлагается отказаться от попыток встроить аутсорсинг в существующие налоговые режимы (ПСН, УСН, общая система) и создать единый специальный режим для сертифицированных участников цифровой платформы. Его параметры:

Для микропредприятий (до 15 сотрудников, до 20 млн руб. выручки) подойдет фиксированный платеж, рассчитываемый платформой автоматически исходя из объема транзакций, без обязанности сдавать отчетность и без ограничений на привлечение субподрядчиков. Это не патент в его текущем виде – здесь нет региональной привязки, нет запрета на субподряд и нет риска утраты режима при превышении лимита: при росте бизнеса происходит плавный переход на следующую ступень.

Для средних и крупных исполнителей предлагается ставка НДС 0% при условии, что не менее 90% выручки формируется через смарт-контракты на цифровой платформе, и исполнитель имеет действующий сертификат соответствия. Нулевая ставка с правом на вычет входного НДС уже применяется в отдельных сферах (экспорт, международные перевозки, реализация прав на отечественное ПО из реестра) и доказала свою эффективность как инструмент стимулирования приоритетных направлений. Распространение этого механизма на сертифицированный аутсорсинг не создает нового налога, а перераспределяет существующую льготу в пользу цифровизации и прозрачности.

Для исполнителей, не работающих через платформу, сохраняется общий порядок налогообложения. Это создает экономический стимул для добровольного перехода в цифровую экосистему: разница между 0% и 22% НДС делает работу через платформу экономически выгодной без принуждения.

Посмотрим, как экосистема работает на практике. Компания *X* передает бухгалтерию аутсорсеру *Y*. Они заключают смарт-контракт на платформе. Работники *Y*, работающие у *X*, подписывают трехсторонний договор. *X* несет субсидиарную ответственность. Платформа автоматически удерживает налоги, формирует отчетность. При проверке ФНС видит все транзакции в блокчейне и не может оспорить обоснованность. Работник при травме получает выплату от страховой *X* и *Y*. Споров нет. Это идеальная модель.

Ожидаемые результаты прорыва: снижение судебных споров на 70–80% (а не 30–40%), рост рынка аутсорсинга в 2-3 раза за 5 лет, полная легализация занятости 2–3 млн работников, исчезновение налоговых доначислений по аутсорсингу как класса, выход России в лидеры по цифровому регулированию аутсорсинга.

Законодательное решение выявленных проблем представляет следующие аспекты:

1. В Налоговый кодекс (часть вторая) – дополнить статью 264, закрепляющую условия признания расходов на аутсорсинг (реальность ресурсов, рыночное ценообразование) и последствия формального документооборота. Данная норма необходима, поскольку под видом аутсорсинга используются фиктивные посредники, что ведет к отказу во включении указанных затрат по налогу на прибыль.

2. В Гражданский кодекс – статью 783.1 «Договор аутсорсинга», определяющую предмет, существенные условия и недопустимость ограничения ответственности за умышленное нарушение или действия, затронувшие существо обязательства. Это отвечает позициям Верховного Суда и воспроизводит запрет п. 4 ст. 401 ГК РФ.

Предлагается ввести единый термин – «аутсорсинговая деятельность», определяемый как предоставление исполнителем заказчику на возмездной основе бизнес-процессов, функций или персонала с сохранением у исполнителя функций управления и контроля. Это устраняет главную причину споров: не нужно доказывать, что передается – процесс или люди. Правовое значение имеет только степень контроля заказчика. Если заказчик вмешивается в оперативное управление персоналом исполнителя, это автоматически влечет субсидиарную ответственность заказчика по трудовым обязательствам.

3. В Трудовой кодекс – статью 56.2 с критериями разграничения аутсорсинга и заемного труда: самостоятельная организация работы, отсутствие указаний заказчика, приемка результата как услуги. При несоблюдении – переквалификация в трудовые отношения (ст. 19.1).

Предлагается легализовать трехсторонний трудовой договор между работником, аутсорсером (работодатель) и заказчиком. Заказчик получает право оперативного управления, но несет субсидиарную ответственность по зарплате, охране труда и социальным гарантиям. Работник получает право на участие в профсоюзе заказчика, на информацию об условиях труда, на продление договора при длительной работе. Это снимает проблему «серых» схем и одновременно повышает защиту. Такой договор – мировой прорыв, аналогов пока нет.

Критерии экономической обоснованности в этом случае заменяются автоматической проверкой: если смарт-контракт исполнен, *KPI* достигнуты, а транзакция зафиксирована в блокчейне, расходы признаются обоснованными без дополнительных доказательств. Налоговый орган видит всю цепочку в реальном времени и не может оспорить реальность операции, поскольку она подтверждена неизменяемой записью. Это не льгота «для своих», а технологический фильтр: доступ к нулевой ставке получают только те, кто готов работать прозрачно и поддаваться автоматическому контролю.

Так же для отраслевого регулирования предлагается заменить лицензирование обязательным страхованием гражданской ответственности аутсорсера (ОСГОА). Страховые тарифы дифференцируются по рискам. Наличие полиса – обязательное условие для работы в критических сферах. Государство контролирует не процесс, а результат: при наступлении страхового случая платит страховая, а виновный теряет рейтинг. Одновременно государство передает часть функций по контролю саморегулируемым организациям (СРО) аутсорсеров. СРО разрабатывают стандарты, рассматривают жалобы, ведут реестры, применяют дисциплинарные меры. Государство оставляет за собой надзор за СРО.

Предлагаемая модель – не поверхностное решение, а реформирование системы. Она отвечает вызовам цифровой экономики, защищает работников и снижает нагрузку на государство. Для реализации потребуется политическая воля и последовательность шагов: разработка концепции, пилотные регионы, доработка смарт-контрактов, обучение инспекторов и судей, интеграция с международными платформами. Россия может предложить свою модель, где интересы бизнеса, работников и государства сбалансированы через цифровые технологии. Дальнейшие исследования – пилотная апробация, анализ правоприменительной практики и адаптация к условиям санкционного давления. Это не утопия, а реалистичный сценарий, требующий лишь решимости отойти от устаревших догм.

Пристатейный список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.01.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 01.01.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 01.01.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 01.01.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 05.12.2022 № 498-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 50 (ч. 3). – Ст. 8792.
6. Положение Банка России «О требованиях к системе управления операционным риском в кредитной организации и банковской группе» : от 08.04.2020 № 716-П (ред. от 24.12.2025) // Вестник Банка России. – 2020. – № 34.
7. Определение Верховного Суда РФ от 17.09.2025 № 301-ЭС25-9832 по делу № А11-11688/2022 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : сайт. – URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-17092025-n-301-es25-9832-po-delu-n-a11-116882022/.
8. Определение Верховного Суда РФ от 25.12.2024 № 303-ЭС22-26793(4) по делу № А51-10787/2021 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : сайт. – URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-25122024-n-303-es22-267934-po-delu-n-a51-107872021/
9. Решение Арбитражного суда Ростовской области от 29.05.2026 № А53-17737/2025 // Учет. Налоги. Право. – URL: https://e.gazeta-unp.ru/1194380?ysclid=mvgu5uuzk084001351 (дата обращения: 16.09.2026).

10. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 15.08.2025 по делу № 2-1927/2025 (33-9945/2025) // Свердловский областной суд : сайт. – URL: http://www.ekboblsud.ru/sudpr_det.php?srazd=12&id=220&page=1# (дата обращения: 16.09.2026).
11. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 24.07.2025 по делу № А55-25382/2024 // Судебные и нормативные акты РФ.
12. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2025) : утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 08.10.2025 // СПС «КонсультантПлюс».
13. *Аникин, Б. А.* Аутсорсинг и аутстаффинг: высокие технологии менеджмента : учебное пособие / Б. А. Аникин, И. Л. Рудая. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : ИНФРА-М, 2014. – 320 с. – ISBN 978-5-16-003161-3.
14. *Одегов, Ю. Г.* Аутсорсинг и аутстаффинг в управлении персоналом : учебник и практикум для вузов / Ю. Г. Одегов, Ю. В. Долженкова, С. В. Малинин. – 2-е изд. – Москва : Юрайт, 2025. – 261 с. – ISBN 978-5-534-19878-2.
15. *Ламзин, Р. М.* Аутсорсинг и аутстаффинг в управлении человеческими ресурсами : учебное пособие / Р. М. Ламзин, Е. В. Зудина. – Курск : Университетская книга, 2025. – 120 с.
16. *Котляров, И. Д.* Аутсорсинг как особая форма межфирменного сотрудничества / И. Д. Котляров. – Текст : непосредственный // Экономический анализ: теория и практика. – 2010. – № 32. – С. 22–26.
17. *Ещенко, И. А.* Договор аутсорсинга в гражданском праве : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.03 / Ещенко Ирина Анатольевна. – Москва, 2009. – 21 с.
18. Федеральная налоговая служба (ФНС России). Отчет о результатах контрольной работы за 2025 год. – Москва : ФНС России, 2026.
19. Федеральная служба по труду и занятости (Роструд). Доклад о результатах работы по выявлению нарушений трудового законодательства за 2025 год. – Москва : Роструд, 2026.
20. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Условия труда работников-аутсорсеров : аналитический отчет по результатам опроса 2025 года. – Москва : ВЦИОМ, 2025.

УДК 343.326

Илья Владимирович Конов,
студент 3-го курса юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
lemonsnow17@gmail.com

Научный руководитель:
Никита Георгиевич Иванов,
доктор юридических наук, профессор кафедры
уголовного права и криминологии
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
puasson2008@yandex.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. В статье рассматриваются уголовно-правовые меры противодействия финансированию терроризма в современных условиях. Анализируются трансформация методов финансирования (криптовалюты, *P2P*-переводы, *Telegram*-каналы), а также проблемы применения ст. 205.1 УК РФ: дисбаланс санкций, неточность определения финансирования и закрытость перечня преступлений. Предлагаются направления совершенствования законодательства, включая выравнивание санкций, уточнение примечания к ст. 205.1 и расширение перечня преступлений в нем.

Ключевые слова: финансирование терроризма; противодействие терроризму; уголовное право; цифровые активы; специальная военная операция.

В условиях боевых действий в ходе специальной военной операции развивается не только вооружение, но и новые методы финансирования террористической деятельности. Киевский режим, а также иные криминальные структуры, заинтересованные в дестабилизации внутренней обстановки в Российской

Федерации, отказываются от традиционных методов в пользу новых цифровых форматов – мессенджеров, *P2P*-платформ, криптовалютных инструментов, что существенно затрудняет выявление и доказывание фактов содействия терроризму. Актуальность темы также подтверждает и статистика: по состоянию на декабрь 2025 года общая сумма заблокированных средств лиц, причастных к финансированию терроризма, достигла 490 млн рублей, а количество таких лиц превысило 5 500 [1]. При этом за первое полугодие 2025 года российские суды вынесли 597 приговоров по делам о терроризме, включая статью 205.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [2].

Однако уголовно-правовое регулирование противодействия финансированию терроризма характеризуется рядом внутренних пробелов и дисбалансов, требующих концептуального осмысления. В общем виде проблема заключается в том, что действующие уголовно-правовые механизмы не в полной мере учитывают динамику трансформации каналов и методов финансирования террористической деятельности и отличаются недостаточной системной согласованностью, что затрудняет их эффективное применение. В связи с этим анализ совокупности уголовно-правовых механизмов и эволюции современных методов финансирования терроризма приобретает высокую актуальность для выработки предложений по совершенствованию законодательства.

Правовую основу противодействия финансированию терроризма в Российской Федерации образует совокупность взаимосвязанных нормативных актов. Ядро уголовно-правового регулирования составляют положения Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающие ответственность за финансирование терроризма (ст. 205.1) и смежные составы террористической направленности [3]. Базовые механизмы финансового мониторинга и организационно-правовые меры закреплены в Федеральном законе от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [4] и Федеральном законе от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [5]. Однако центральным звеном именно уголовно-правового противодействия выступает статья 205.1 УК РФ. Эффективность ее применения напрямую зависит от того, насколько полно она учитывает современные реалии, в частности стремительную трансформацию способов и каналов финансирования террористической деятельности. Именно поэтому анализ новых методов финансирования терроризма представляет собой необходимый этап для оценки достаточности существующих уголовно-правовых норм и выработки предложений по их совершенствованию.

Анализ исторического опыта показывает, что многие современные методы финансирования терроризма имеют глубокие корни. Показательным является опыт двух чеченских военных кампаний: уже тогда боевики активно использовали благотворительные фонды, действовавшие под видом гуманитарных организаций. Одним из ключевых каналов поступления средств были структуры, базировавшиеся в странах Ближнего Востока, такие как «Аль-Харамейн» и *Benevolence International Foundation*, которые под прикрытием по-

мощи беженцам переправляли деньги на снабжение вооруженных отрядов [6, с. 23, 26]. Параллельно применялись коррупционные схемы: фальшивые авизо, покупка оружия у военнослужащих, а также банальный рэкет и похищения людей ради выкупа [7, с. 63–64]. Фальшивомонетничество также стало важным источником: в Герменчуке с 1998 года было напечатано 2,5 миллиона фальшивых долларов, а качество банкнот позволяло сбывать их даже в банках [6, с. 255]. Наличные расчеты, переводы через третьих лиц и использование родственных связей оставались основой финансовых потоков, поскольку обеспечивали анонимность и обходили банковские формальности [6, с. 252–253]. Эти методы требовали физического контакта, но в условиях слабого государственного контроля отличались высокой эффективностью.

С течением времени эти традиционные механизмы не исчезли, а трансформировались, приспосабливаясь к новым технологическим реалиям. Благотворительные фонды переместились в онлайн-пространство: сбор средств все чаще ведется через размещение в социальных сетях, мессенджерах и на видеохостингах публикаций с информацией о сборе и реквизитами для перечисления денег или криптовалюты, что позволяет охватывать широкую интернет-аудиторию и оперативно аккумулировать ресурсы, в том числе под видом благотворительной деятельности и с использованием краудфандинговых платформ. При этом 87% средств составляют онлайн-платежи – ввиду их простоты, оперативности и анонимности [8, с. 156–158]. Коррупционные схемы также приобрели цифровой характер: вместо фальшивых авизо используются фирмы-однодневки, создаваемые для обналичивания средств или перевода их в безналичную форму. Такие компании регистрируются на подставных лиц, а после совершения сделки ликвидируются, что делает невозможным привлечение их к ответственности. Для сокрытия следов применяются цепочки счетов и «мертвые души» – фиктивные сотрудники, через чьи счета зарплаты переводятся конечным получателям. Наличные расчеты сохраняются, но все чаще заменяются цифровыми инструментами, которые труднее отследить [9, с. 178–179].

Принципиально новым этапом стало появление методов, не имевших аналогов в прошлом. Криптовалюты (*USDT*, *Bitcoin*) и *P2P*-переводы позволяют перемещать средства без участия банков, анонимно и трансгранично. Как отмечает А. А. Тарасов, «можно констатировать размывание четких граней между элементами, формирующими объективную сторону преступления, и действиями, которые служат лишь техническим звеном» [10, с. 121]. Децентрализованные платформы и распределенные реестры обеспечивают высокую степень конфиденциальности, а автоматизированные сценарии позволяют проводить операции без прямого контроля человека. Это создает серьезные препятствия для доказывания умысла: транзакция может выглядеть как обычная техническая операция, тогда как ее фактическое назначение остается скрытым [10, с. 123–124]. Аналогичные проблемы возникают при использовании краудфандинговых платформ и стриминговых сервисов, которые маскируют сбор средств под благотворительность или поддержку контента [8, с. 158].

Особое место занимают *Telegram*-каналы и социальные сети, превратившиеся в удобный инструмент как для сбора средств, так и для вербовки новых участников. Для обеспечения анонимности и конспирации преступники активно используют целый набор цифровых технологий: анонимные *SIM*-карты, *VPN*-сервисы, электронные платежные средства, анонимные цифровые валюты, а сами мессенджеры и социальные сети располагают функциями шифрования и защиты личных данных [8, с. 156]. Активно используются «дропы» – подставные лица, через чьи банковские счета или электронные кошельки проводятся средства. Как правило, это граждане, не осознающие противоправного характера своих действий либо находящиеся в уязвимом положении. Подобная практика отмечена в докладе МИД России, где говорится, что украинские спецслужбы, например, активно используют мошеннические технологии: социально уязвимых лиц склоняют к оформлению кредитов и перечислению денежных средств на «безопасные счета», а в последующем – к совершению преступлений под предлогом участия в операциях спецслужб либо под угрозой шантажа [11, с. 80–81].

Таким образом, генезис методов финансирования терроризма демонстрирует отчетливую преемственность: от благотворительных фондов и коррупционных схем к их цифровым аналогам. И несмотря на то, что некоторые преступные схемы ушли в прошлое, современная правоприменительная практика сталкивается с принципиально новыми инструментами финансирования террористической деятельности.

Однако действующее уголовно-правовое регулирование, включая ст. 205.1 УК РФ, не в полной мере учитывает эти трансформации. Во-первых, цифровая анонимизация финансовых потоков обостряет проблему доказывания осознания назначения средств – ключевого признака, отграничивающего финансирование терроризма от легальных переводов, что напрямую связано с неточностью примечания к ст. 205.1 УК РФ. Во-вторых, децентрализованные и автоматизированные инструменты (смарт-контракты, *P2P*-платформы) размывают границы между сбором и предоставлением средств, создавая практические трудности для квалификации, которые законодатель не предусмотрел при формулировании диспозиции. В-третьих, появление новых составов преступлений террористической направленности, связанных с использованием цифровых технологий, актуализирует проблему закрытого перечня в примечании. Наконец, скорость и трансграничный характер цифровых переводов делают дисбаланс санкций особенно ощутимым: когда финансирование через криптобиржу карается строже, чем организация финансирования, правоприменитель оказывается в ситуации, где тяжесть наказания зависит не от роли лица, а от технической формы перевода. Указанные проблемы требуют раздельного анализа.

Одной из ключевых проблем уголовно-правового регулирования финансирования терроризма по ст. 205.1 УК РФ является дисбаланс санкций между ч. 1.1 и ч. 3 указанной статьи. Финансирование терроризма по своей юридической природе представляет собой разновидность пособничества, однако

законодатель выделил его в отдельный состав с санкцией, допускающей пожизненное лишение свободы (ч. 1.1), тогда как пособничество в целом (ч. 3) наказывается лишением свободы на срок от 12 до 20 лет [3]. Возникает парадоксальная ситуация: частный случай пособничества (финансирование) влечет более строгую ответственность, чем пособничество как таковое, включающее советы, указания, предоставление информации, устранение препятствий. При этом иные формы содействия террористической деятельности наказываются существенно мягче, хотя все они охватываются единым понятием пособничества. Такой подход не отвечает принципу справедливости и создает почву для правоприменительных ошибок. Например, в деле А. А. Панова и М. Н. Смышляева, рассмотренном Судебной коллегией по делам военнослужащих Верховного Суда РФ, действия Смышляева, выразившиеся в даче советов и предоставлении информации, были квалифицированы по ч. 3 ст. 205.1 УК РФ, тогда как финансирование тех же действий могло бы повлечь более строгое наказание вплоть до пожизненного лишения свободы [12]. Более того, в кассационном определении по делу Гасанбекова М. Л. Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ оставила без изменения приговор по ч. 4 ст. 205.1 УК РФ (организация финансирования терроризма), которым осужденному назначено 16 лет лишения свободы, тогда как санкция ч. 1.1 той же статьи, предусматривающая ответственность за собственно финансирование, допускает пожизненное лишение свободы [13]. Получается, что организация финансирования наказывается мягче, чем само финансирование, что подтверждает тезис о концептуальной несогласованности санкций. П. В. Агапов также обращает внимание на то, что повышенная ответственность пособника террористического акта (ч. 3 ст. 205.1) по сравнению с исполнителем (ч. 1 ст. 205) нарушает правило ч. 1 ст. 6 УК РФ, поскольку пособник традиционно оценивается как менее опасная фигура [14, с. 41]. Очевидно, что подобная дифференциация требует концептуального переосмысления.

Вторая проблема связана с неточностью определения финансирования терроризма в примечании к ст. 205.1 УК РФ. Законодатель определяет финансирование как «предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг» [3]. Однако сбор средств и их предоставление – это разные этапы преступной деятельности, имеющие самостоятельное значение. Сбор может предшествовать предоставлению, но может и не завершиться передачей средств, тем не менее по буквальному смыслу примечания уже образует оконченный состав. Это порождает вопросы о разграничении приготовления и покушения, а также о доказывании умысла на финансирование терроризма. Кроме того, оказание финансовых услуг – оценочная категория, которая может охватывать широкий спектр действий, не всегда связанных с непосредственным предоставлением средств. Пленум Верховного Суда РФ в п. 16 постановления от 09.02.2012 № 1 дал расширительное толкование этого понятия: «Финансированием терроризма следует признавать, наряду с оказанием финансовых услуг, предоставление или сбор не только денежных средств (в наличной или безналичной форме), но и материальных средств (например, предметов

обмундирования, экипировки, средств связи, лекарственных препаратов, жилых либо нежилых помещений, транспортных средств) с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из этих преступлений, либо для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из указанных преступлений (например, систематические отчисления или разовый взнос в общую кассу, приобретение недвижимости или оплата стоимости ее аренды, предоставление денежных средств, предназначенных для подкупа должностных лиц)» [15]. П. В. Агапов критикует такое расширение понятия «финансирование терроризма»: «В этой части Пленум Верховного Суда РФ неоправданно расширяет понятие «финансирование терроризма». Полагаем, что предоставление материальных средств не образует состав финансирования терроризма и при наличии к тому оснований должно квалифицироваться по ч. 3 ст. 2051 УК РФ как пособничество в совершении террористического акта» [14].

Третья проблема – неполнота и закрытость перечня преступлений, указанных в примечании к ст. 205.1 УК РФ. Перечень включает террористический акт, содействие террористической деятельности, публичные призывы, организацию террористического сообщества и другие составы [3]. Однако он сформулирован как закрытый, а значит, не может автоматически учитывать новые составы, которые появляются в УК РФ. Уголовное законодательство постоянно дополняется нормами о терроризме, и возникает риск, что новые деяния окажутся за пределами перечня. Это порождает ситуацию, при которой финансирование новых видов террористической деятельности может не образовывать состава ст. 205.1 УК РФ, что требует постоянного внесения изменений в закон. Как отмечает А. А. Лафирук: «согласно ч. 1 ст. 208 УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за финансирование вооруженного формирования (объединения, отряда, дружины и иной группы), не предусмотренного федеральным законом и положения ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ и примечания 1 которая предусматривает ответственность за финансирование терроризма. То есть, законодателем допускается возможность привлечения лица дважды к уголовной ответственности за одно и тоже деяние. Указанные противоречия приводят к нарушению ч. 2 ст. 6 УК РФ и ст. 50 Конституции РФ, согласно которым никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и тоже преступление» [16, с. 60].

Подводя итог проведенному исследованию, следует констатировать, что уголовно-правовое регулирование противодействия финансированию терроризма в современных условиях нуждается в концептуальной переработке, поскольку действующая редакция ст. 205.1 УК РФ не в полной мере отражает ни юридическую природу финансирования как разновидности пособничества,

ни динамику трансформации каналов финансирования террористической деятельности, ни системные связи с иными нормами Уголовного кодекса. Первым направлением совершенствования должно стать выравнивание санкций: финансирование терроризма, будучи частным случаем пособничества, не может наказываться строже, чем пособничество в целом, и тем более не может влечь более строгую ответственность, чем организация финансирования, – поэтому целесообразно исключить финансирование из ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ, включив его в ч. 3 в качестве квалифицирующего признака с сохранением соразмерной санкции. Вторым направлением является уточнение примечания к статье: необходимо четко разграничить сбор и предоставление средств как самостоятельные этапы преступной деятельности, а также конкретизировать понятие «оказание финансовых услуг», поскольку его оценочный характер создает риск объективного вменения; кроме того, следует либо отказаться от расширительного включения материальных средств в понятие финансирования, как предлагается в доктрине, либо прямо закрепить его в законе, устранив расхождение между текстом УК РФ и разъяснением Пленума Верховного Суда РФ. Третьим направлением должна стать замена закрытого перечня преступлений в примечании на открытый с указанием критериев отнесения деяний к террористическим. Наконец, помимо уголовно-правовых мер, требуется усиление финансового мониторинга криптовалютных операций, совершенствование взаимодействия с операторами связи и интернет-платформами, а также развитие международного сотрудничества по отслеживанию трансграничных переводов, поскольку цифровые инструменты финансирования терроризма по своей природе не ограничиваются национальными юрисдикциями. Реализация предложенных мер позволит не только устранить внутренние противоречия уголовного закона, но и повысить его практическую эффективность в условиях, когда преступные схемы финансирования терроризма стремительно адаптируются к новым технологическим и геополитическим реалиям.

Пристатейный список литературы

1. НАК назвал число заблокированных счетов лиц, финансировавших терроризм // РИА Новости : официальный сайт. – 9 декабря 2025. – URL: https://ria.ru/20251209/rossija-2060783002.html.
2. Число осужденных за терроризм и экстремизм возросло в первом полугодии 2025 года // Коммерсантъ : официальный сайт. – 20 октября 2025. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8138991.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
4. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // СЗ РФ. – 2001. – № 33 (ч. I). – Ст. 3418.

5. О противодействии терроризму : Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 25.05.2026) // СЗ РФ. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.
6. *Норин, Е. А.* Чеченская война: в 2 т. Т. 2. 1999–… / Е. А. Норин. – Н. Новгород : Черная Сотня, 2022. – 480 с.
7. *Норин, Е. А.* Чеченская война: в 2 т. Т. 1. 1994–1996 / Е. А. Норин. – Н. Новгород : Черная Сотня, 2021. – 352 с.
8. *Глущенко, П. А.* Финансирование экстремистской и террористической деятельности: теоретическая характеристика и меры противодействия / П. А. Глущенко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2024. – № 12. – С. 155–160.
9. *Абазов, И. С.* Проблемы выявления и пресечения каналов финансирования экстремистской и террористической деятельности / И. С. Абазов // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16, № 4. – С. 177–181.
10. *Тарасов, А. А.* Уголовно-правовые риски цифровизации: использование сетевых коммуникаций и криптовалют в финансировании терроризма / А. А. Тарасов // Law Enforcement Review. – 2026. – Т. 10, № 3. – С. 119–127.
11. О совершении киевским режимом преступлений террористической направленности: доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации. – М. : МИД России, 2024. – 90 с.
12. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 05.04.2018 № 205-АПУ18-4 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 06.08.2026 № 222-УД26-46-А6 // СПС «КонсультантПлюс».
14. *Агапов, П. В.* Ответственность за содействие террористической деятельности: уголовно-правовое регулирование и судебное толкование // Вестник Академии Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. – 2012. – № 4 (30). – С. 41–45.
15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Рос. газ. – 2012. 17 фев.
16. *Лафирук, А. А.* Актуальные проблемы квалификации преступлений в сфере финансирования терроризма // Ceteris Paribus. – 2024. – № 7 – С. 58–61.

УДК 368.84:336.22

Дана Федоровна Черницкая,
студентка 4-го курса юридического факультета
Ростовского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия
danacernickaa@gmail.com

Научный руководитель:
Инна Валерьевна Погромская,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданско-правовых дисциплин Ростовского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия

ЭКОСИСТЕМА ДОВЕРИЯ НА ФИНАНСОВОМ РЫНКЕ: ЗАЩИТА ПРАВ УЧАСТНИКОВ ПРОГРАММЫ ДОЛГОСРОЧНЫХ СБЕРЕЖЕНИЙ

Аннотация. В статье проведен анализ договора долгосрочных сбережений, его правовой природы. Автор анализирует изменения в гражданском законодательстве, затронувшие участников программы долгосрочных сбережений (ПДС), рассматривает вопросы гарантирования Агентством по страхованию вкладов, инвестиционного дохода, правопреемства, судебной защиты, а также государственного софинансирования. На основе проведенного исследования предлагается дополнить ГК РФ отдельным поименованным договором.

Ключевые слова: денежные средства; программа долгосрочных сбережений; негосударственный пенсионный фонд; договор долгосрочных сбережений; правовой режим.

Во время частых кризисных проявлений любое государство старается создать программы, в том числе направленные на накопление денежных средств граждан. Российская Федерация не стала исключением. Так, начиная с 1 января 2024 года была введена в действие программа долгосрочных сбережений (да-

лее – ПДС). Программа предоставила возможность гражданам сохранять свой капитал через государственное финансирование и налоговые вычеты при участии негосударственных пенсионных фондов [1, с. 25]. По официальным данным представленным Центральным банком Российской Федерации от 29 августа 2024 года на середину августа 2024 года договор заключили более 1 млн человек, а размер привлеченного капитала составил 51 млрд рублей [2].

Правовая природа договора долгосрочных сбережений неоднозначна. Не отрицая повышенного интереса и дискуссионности в науке, необходимо отметить, что аналогом исследуемого договора является получивший в последнее время широкое распространение договор банковского вклада. Во-первых, денежные средства так же страхуются агентством по страхованию вкладов, а во-вторых, главная цель обязательства – накопление сбережений.

Между тем между двумя обязательствами есть отличия, заключающиеся в правовом положение сторон. В программе долгосрочных сбережений собственником средств выступает негосударственный пенсионный фонд, а у участника программы появляется обязательственное право требования к фонду.

Основные положения правового регулирования закреплены в ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах» [3]. Немаловажно отметить тот факт, что, в Гражданском кодексе Российской Федерации данный договор как самостоятельный вид не выделяется [4]. Правовое регулирование ПДС затрудняет и то, что договор включает в себя элементы и номинального счета, и банковского вклада, и негосударственного пенсионного обеспечения.

Денежные средства по ПДС формируются из различных ресурсов, которые включают налоговые вычеты, государственное софинансирование, накопительную пенсию (в том случае, если у лица она сформировалась до 2014 года), личные взносы участника, а также в некоторых случаях и взносы от работодателя [5, с. 10]. При досрочном расторжении договора по инициативе участника ПДС, сумма не ниже его личных взносов, ему возвращается. Инвестиционный доход, как правило, не гарантируется. В связи с этим у участников отсутствуют гарантии, что у фонда получится удачно инвестировать капитал и перекрыть рост инфляции.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что имеются и другие вопросы, требующие своего правового решения. В частности, сложности правовой защиты прав участников по ПДС. Средства участников программы долгосрочных сбережений страхуются агентством по страхованию вкладов. Страховая выплата ограничена размером 2 миллиона 800 тысяч рублей. Страховым случаем при этом выступает лишь аннулирование лицензии у фонда. Для участников программы может быть невыгодна сумма страхового возмещения, поскольку распространяется на все ПДС и с учетом инвестирования может покрываться не все убытки [6].

Еще одним немаловажным вопросом является, что вопрос универсального правопреемства. Средства по ПДС переходят правопреемникам только в случае их обращения в негосударственный пенсионный фонд в срок до 6 месяцев

после смерти участника программы. При пропуске сроков денежная масса зачисляется в состав страхового резерва негосударственного пенсионного фонда. Кроме того, Закон не возлагает на фонд обязанность уведомлять правопреемников участника программы [3].

Анализ сложившейся правоприменительной практики показывает, что судебная защита участников программы затрудняется неопределенностью. Поскольку судебная практика еще не устоялась, нормы Закона «О защите прав потребителей» в данных правоотношениях не применяются [7]. Участник ПДС является экономически слабой стороной, если сравнивать с фондом, поэтому необходима дополнительная защита прав.

Исходя из анализа норм вышеуказанных актов и их системного толкования, можно прийти к выводам, что существующий в России в настоящее время правовой режим денежных средств в ПДС отличается смешанностью и неопределенностью. Правовое регулирование значительным образом усложнено. Полагаем, что необходимым ввести в ГК РФ ДДС как отдельный поименованный договор. Это позволит избежать неправильного использования норм права.

Во-вторых, полагаем, что необходимо конкретизировать действие Закона «О защите прав потребителей» на ПДС. Отдельные положения, такие, как например, период охлаждения, отказ от заключения договора и другие, должны быть предоставлены участникам в силу их экономической незащищенности.

В-третьих, считаем целесообразным расширить гарантийное возмещение сбережений, которое бы состояло не только из личных взносов, но и государственного софинансирования, дохода с инвестирования. Это увеличит доверие граждан к ПДС.

В-четвертых, необходимо закрепить за фондом обязанность предоставления информации о наличии денежных средств по ПДС, так как это устранит риск невступления в наследство из-за отсутствия информации. Реализация данных положений будет способствовать дальнейшему развитию института ПДС.

И в-пятых, следует предусмотреть конструкцию номинального счета, в котором собственником средств будет участник программы, а не НПФ. Это упростит наследование капитала и выступит в качестве дополнительной гарантии в случае банкротства фонда.

Пристатейный список литературы

1. *Соколов, А. П.* Правовая защита средств долгосрочных сбережений – законодательные основы и перспективы судебной практики // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2025. – № 9.
2. В программе долгосрочных сбережений свыше 1 млн участников : пресс-релиз от 29.08.2024. – URL: https://cbr.ru/press/event/?id=20956 (дата обращения: 20.09.2026).

3. Федеральный закон от 07.05.1998 № 75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах» (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 19. – Ст. 2071.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
5. *Титовец, А. Ю., Качусова, Я. Р.* Обзор банковских предложений по реализации программ долгосрочных сбережений // Деловой вестник предпринимателя. – 2024. – № 4 (18). – С. 158–160.
6. Федеральный закон от 28.12.2013 № 422-ФЗ «О гарантировании прав застрахованных лиц в системе обязательного пенсионного страхования Российской Федерации» (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 52. – Ст. 6975.
7. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 15. – Ст. 766.

Русский язык как инструмент межнационального диалога (от словаря Даля к современным практикам)

УДК 343.131.

Идель Ирекович Ахматханов,
студент 3-го курса Ижевского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ижевск, Россия
Idel6368@mail.ru

Научный руководитель:
Андрей Георгиевич Поторочин,
кандидат педагогических наук, доцент,
заведующий кафедрой гуманитарных и специальных дисциплин
Ижевского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ижевск, Россия
iji-fiz@mail.ru

ЯЗЫК УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: КОЛЛИЗИИ И ГАРАНТИИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Аннотация. В работе исследуется правовое регулирование использования русского языка в судопроизводстве Российской Федерации. Анализируются конституционные основы статуса русского языка. Выявляется несогласованность между указанными актами в части определения языка судопроизводства в судах субъектов Российской Федерации. Обосновывается необходимость внесения отсылочной нормы в Федеральный закон № 53-ФЗ для обеспечения правовой определенности. Делается вывод о значении согласованности законодательства для гарантий языковых прав граждан.

Ключевые слова: государственный язык; правовой статус; межнациональное согласие; языковая политика; конституционные гарантии; судопроизводство.

Русский язык в Российской Федерации – это не только средство общения и культурное достояние, но и конституционно-правовая категория, отражающая базовые принципы устройства российского государства. Он выступа-

ет одним из системообразующих элементов государственности, обеспечивая единство правового, экономического и культурного пространства страны.

В условиях многонационального состава России, где проживают представители более 190 народов, говорящих на 270 языках и диалектах, правовое регулирование языковых отношений приобретает особую значимость. При этом в действующих нормативных актах обнаруживаются противоречия. Они не всегда лежат на поверхности, но создают реальные сложности для правоприменителей и граждан.

Актуальность темы обуславливается тем, что в 2025 году были утвержден Указ Президента РФ от 11 июля 2025 года № 474 «Основы государственной языковой политики Российской Федерации» – документ стратегического планирования, который определяет русский язык как национальное достояние и важнейший элемент российской идентичности. Это придает исследованию правового статуса русского языка новое звучание и требует переосмысления сложившихся подходов.

Конституция РФ (ст. 68) фиксирует три ключевых момента. Во-первых, русский язык признается государственным на всей территории страны. Во-вторых, он определяется как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов. В-третьих, республики в составе Федерации вправе устанавливать собственные государственные языки, используемые наряду с русским [1].

Такая конструкция отражает двойственную природу русского языка. С одной стороны, он выступает инструментом государственного единства. С другой – существует в условиях реального языкового многообразия. Каждый народ России имеет право на сохранение и развитие своего языка, и это право гарантировано Конституцией.

Конституционная реформа 2020 года внесла существенное уточнение в правовой статус русского языка, дополнив его характеристикой «язык государствообразующего народа». Как отмечается в научной литературе, данная формулировка имеет принципиальное значение: она признает особую историческую роль русского народа в формировании российской государственности, не противопоставляя его другим народам, а подчеркивая объединяющий, наднациональный характер русского языка [6].

При этом, как указывают исследователи, в конституционной модели языкового регулирования сохраняется внутреннее напряжение между двумя началами: единством государственного языка и гарантиями языковых прав всех народов [7]. Это напряжение проявляется в отраслевом законодательстве, в том числе в нормах о языке судопроизводства.

Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 № 53-ФЗ развивает конституционные положения. В нем прямо указано, что русский язык как государственный способствует взаимопониманию и укреплению межнациональных связей [3]. Это положение закрепляет интеграционную функцию языка, которая должна учитываться при разработке и применении правовых норм.

Данный нормативный акт также определяет перечень сфер, где использование русского языка обязательно: деятельность федеральных органов власти, официальное опубликование нормативных актов, судопроизводство, делопроизводство, наименования географических объектов, оформление документов, реклама и образование. При этом в ряде сфер допускается использование государственных языков республик. Именно здесь и возникает проблема.

Следует отметить, что в научной литературе уже обращалось внимание на проблемы реализации законодательства о государственном языке. В частности, О. О. Астахова указывает на недостаточную согласованность норм Закона о государственном языке с иными нормативными актами, регулирующими смежные отношения [2].

Закон о государственном языке относит судопроизводство и делопроизводство у мировых судей и в других судах субъектов РФ к сферам обязательного использования русского языка [3]. Это означает, что русский язык в указанных судах признается обязательным.

Однако Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» устанавливает иное правило. Согласно его норме, судопроизводство и делопроизводство у мировых судей и в других судах субъектов РФ ведутся либо на русском языке, либо на государственном языке республики, на территории которой находится суд [4]. В этом акте законодатель предоставляет право выбора языка судопроизводства.

Таким образом, мы имеем дело с прямой коллизией. Два нормативных акта разной юридической силы регулируют один и тот же вопрос противоположным образом.

С точки зрения юридической техники приоритет должен быть отдан акту большей юридической силы. Конституционный принцип иерархии, закрепленный в ч. 3 ст. 76, требует, чтобы федеральный закон уступал по юридической силе конституционному закону [1]. Значит, приоритет – за Федеральным конституционным законом о судебной системе.

Но на практике это порождает правовую неопределенность. Участник процесса не может заранее знать, на каком языке будет вестись дело, если он находится в республике, установившей свой государственный язык. Судья оказывается перед выбором между двумя нормами. И хотя формально приоритет ясен, отсутствие прямого указания в законе на то, что применению подлежит именно конституционный закон, создает основу для ошибок и неоднозначных решений.

Выявленное противоречие можно рассмотреть в трех аспектах.

Первый – юридико-технический. Два закона приняты в разное время, регулируют смежные отношения, но не согласованы между собой. Закон о государственном языке принят в 2005 году, тогда как конституционный закон о судебной системе действует с 1996 года. Законодатель, разрабатывая Закон о государственном языке, не учел уже существующую норму конституционного закона. Как отмечает Н.В. Сараева и соавторы, подобные рассогласования являются следствием отсутствия единой концепции языковой политики на момент принятия отдельных нормативных актов [7].

Второй – практический. Судьи, прокуроры, адвокаты и граждане оказываются в ситуации, когда невозможно заранее определить, какая норма будет применена. Это особенно чувствительно для участников процесса, не владеющих русским языком, – они не могут быть уверены, что смогут воспользоваться правом на переводчика или на ведение дела на языке республики.

Третий – конституционный. Речь идет о балансе между государственным единством и правом республик на использование своих языков. Этот баланс заложен в Конституции, но не обеспечен на уровне текущего законодательства. Как подчеркивает М. Ф. Черныш, языковой вопрос в многонациональном государстве всегда имеет политическое измерение, и его нерешенность может создавать предпосылки для социальной напряженности [8].

Конституционный Суд РФ обращался к вопросам языковых прав. В Постановлении от 19.03.2014 № 6-П сформулирована правовая позиция, согласно которой языковые права должны обеспечиваться с учетом баланса интересов личности, общества и государства [5]. Суд также указывал, что реализация языковых прав не должна препятствовать функционированию государственного языка как средства межнационального общения.

Судебная практика исходит из того, что языковые права должны реализовываться без дискриминации и с соблюдением конституционного принципа равноправия народов. Однако отсутствие единого подхода к разрешению коллизии между Законом о государственном языке и конституционным законом о судебной системе не позволяет сформировать устойчивую практику.

Показательно, что в республиках, установивших собственные государственные языки (Татарстан, Башкортостан, Саха (Якутия) и другие), суды общей юрисдикции применяют как русский язык, так и язык республики, руководствуясь конституционным законом о судебной системе. Однако отсутствие прямого указания в Законе о государственном языке на приоритет конституционного закона создает ситуацию правовой неопределенности.

Для устранения выявленной коллизии предлагается внести изменение в ст. 3 Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации», заменив формулировку об обязательном использовании русского языка в судах субъектов РФ отсылочной нормой к Федеральному конституционному закону о судебной системе.

Формулировка поправки следующая: дополнить существующую норму указанием на то, что она применяется в соответствии с Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации».

Принятие данной поправки позволит устранить правовую коллизию, привести Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» в соответствие с Конституцией РФ и Федеральным конституционным законом, а также обеспечить правовую определенность для участников судопроизводства в республиках, установивших свои государственные языки.

Почему именно такой вариант решения? Во-первых, он не создает новых правовых конструкций и не требует пересмотра существующих норм. Во-вто-

рых, он сохраняет баланс между государственным единством и языковыми правами республик, заложенный в Конституции. В-третьих, он технически прост и не требует значительных законодательных усилий.

Альтернативные варианты решения проблемы представляются менее эффективными.

Если внести изменения в Федеральный конституционный закон, приведя его в соответствие с Законом о государственном языке, это означало бы ограничение прав республик на использование своих государственных языков в судопроизводстве. Такой шаг противоречил бы конституционному принципу равноправия народов.

Можно было бы также принять новый закон, регулирующий язык судопроизводства. Но это потребовало бы значительных законодательных усилий и создало бы дополнительный риск новых коллизий.

Предложенный вариант – внесение отсылочной нормы – является наиболее простым и юридически корректным. Как отмечают исследователи языковой политики, именно согласованность нормативных актов, а не создание новых институтов, обеспечивает эффективность правового регулирования.

Правовой статус русского языка – это не только вопрос юридической техники. Это вопрос государственного единства и межнационального согласия.

Проведенный анализ показал, что действующее законодательство содержит коллизию, затрагивающую одну из наиболее важных областей – судопроизводство. Формально она решается в пользу акта большей юридической силы, однако на практике порождает правовую неопределенность для граждан.

Предложенное решение позволяет устранить это противоречие без создания новых правовых конструкций. Она лишь приводит действующее регулирование в соответствие с Конституцией РФ и Федеральным конституционным законом о судебной системе.

Устранение коллизии – шаг к реальной правовой определенности в языковой сфере. А правовая определенность – это условие, при котором языковые права граждан перестают зависеть от усмотрения правоприменителя и становятся гарантированными государством.

Пристатейный список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 11.09.2026).
2. *Астахова, О. О.* Проблемы реализации и перспективы развития законодательства о государственном языке / О. О. Астахова. // Вестник науки. – 2023. – Т. 2, № 5 (62). – С. 208–214.

3. Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (с изм. и доп. от 28.02.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (с изм. и доп.). // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2014 № 6-П // СПС «КонсультантПлюс».
6. *Нечкин, А. В.* Совершенствование правовых механизмов укрепления статуса русского языка как языка государствообразующего народа / А. В. Нечкин, В. В. Руденко // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2025. – № 1 (45). – С. 26–30.
7. *Сараева, Н. В.* Инструменты языковой политики многонационального государства в конструировании национально-государственной идентичности / Н. В. Сараева, М. Н. Разомазова, Н. Н. Пачина // Современная наука и инновации. – 2026. – № 1. – С. 45–52.
8. *Черныш, М. Ф.* Языковой вопрос и языковая политика в современном обществе / М. Ф. Черныш // Мир России. – 2024. – № 2. – С. 78–95.
9. *Александрова, Ж. П.* Сохранение языков народов России как условие единства страны: проблемы и перспективы билингвального образования / Ж. П. Александрова, А. Д. Полякова // Relevant problems of modern science and education : сборник статей. – Чебоксары : Sreda, 2026. – С. 12–15.
10. Указ Президента Российской Федерации от 11.07.2025 № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.09.2026).

УДК 81

Владимир Николаевич Выхватень,
студент 1-го курса юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
vvn02102008@mail.ru

Научный руководитель:
Дарья Борисовна Милованова,
кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики
и культуры речи ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
avdasha@yandex.ru

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ЯМАЛО-НЕНЕЦКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ

Аннотация. В статье рассматривается современная языковая ситуация в Ямало-Ненецком автономной округе (далее – ЯНАО). Особое внимание уделено функционированию языков малочисленных народов Севера: ненецкого, хантыйского и селькупского – и их взаимодействию с русским языком, занимающим доминирующее положение. Актуальность исследования определяется необходимостью сохранения языкового многообразия ЯНАО в меняющихся социально-языковых условиях. На основе статистических данных и работ современных исследователей дается характеристика современной языковой ситуации и анализируются факторы, оказывающие влияние на функционирование языков. В заключении делается вывод о необходимости не только формального сохранения языков, но и создания реальных условий для использования языков в повседневной жизни.

Ключевые слова: Ямало-Ненецкий автономный округ; языковая ситуация; коренные малочисленные народы Севера; русский язык; ненецкий язык; языковая политика.

Одним из показателей социального и культурного уровня развития народа на определенной территории является языковая ситуация, так как язык

обеспечивает не только коммуникацию, но и связь с исторической памятью народа, культурной идентичностью, традициями, верованиями, передающимися от поколения к поколению. Для регионов эта проблема особенно актуальна, так как наряду с государственным языком Российской Федерации – русским – сохраняются языки коренных народов.

На сегодняшний день Ямало-Ненецкий автономный округ одновременно является крупным промышленным регионом и территорией с проживающими на ней традиционными народами – ненцами, хантами и селькупами. Активная урбанизация на фоне сохранения традиционного быта малочисленных народов Севера создают уникальную социально-языковую ситуацию.

По данным Федеральной службы государственной статистики, численность населения ЯНАО на 1 января 2025 года составила около 523 тысяч человек [1]. Согласно Всероссийской переписи населения, в 2021году в округе проживало 35 917 ненцев, 9 985 хантов, 3 458 селькупов, при этом каждый третий вел традиционный образ жизни [2].

Необходимо отметить, что не всегда численность народа влияет на сохранение родного языка. Сам факт существования какой-либо этнической группы не означает, что язык данной группы является основным средством общения. Несмотря на сохранение определенной численности коренных народов Севера и их культурное и языковое разнообразие, в регионе доминирует русский язык. Он используется в государственном управлении, официальной и профессиональной сферах общения, образовании, средствах массовой информации, цифровой коммуникации и повседневном общении. Ненецкий, хантыйский и селькупский языки также используются в некоторых социально-культурных сферах, но их применение значительно уже.

В 14 статье Устава (Основного закона) ЯНАО закреплен статус русского языка как государственного и основного средства межнационального общения населения автономного округа. В законе ЯНАО от 05.04.2010 № 48-ЗАО «О родных языках коренных малочисленных народов Севера на территории Ямало-Ненецкого автономного округа» сказано, что к основным родным языкам на территории Ямало-Ненецкого автономного округа относятся: ненецкий, хантыйский, селькупский. В нормативно-правовой базе Ямало-Ненецкого автономного округа предусмотрены специальные механизмы защиты родных языков коренных малочисленных народов севера. Закон закрепляет основы сохранения, изучения и использования языков [3]. В документе обозначены возможности применения родных языков наряду с русским, а также меры, обеспечивающие изучение языков и их развитие.

Однако законодательное закрепление определенного статуса языка и мер, направленных на его поддержку, не гарантирует сохранность языка в качестве языка повседневного общения. Для устойчивого функционирования языка в обществе необходимо, чтобы он был востребован в реальной повседневной коммуникации. Важным элементом сохранения языка является использование его в семейно-бытовом общении и передача языка от старшего поколения к младшему. Так, по данным за 2021 год из 35 917 ненцев в повседневной жиз-

ни его используют лишь 22 714, при этом установлено, что владеют ненецким языком 24 487 человек.

Одна из основных причин неиспользования ненцами языка в повседневном общении – это изменение традиционного образа жизни коренных народов. Исторически язык тесно связан с хозяйственной деятельностью, средой обитания и системой отношений в обществе. Так, большая часть лексики ненецкого языка связана с оленеводством, жизнью и ведением хозяйства в тундре. Родной язык необходим для выполнения повседневных дел и взаимодействия друг с другом. А изменение условий жизни – развитие промышленности и переход к оседлому образу жизни – приводит к расширению сфер, в которых используется русский язык.

На данный момент в этнических ненецких семьях распространен билингвизм, что само о себе не является угрозой существования языка, однако со временем может привести к вытеснению ненецкого языка русским. Если старшее поколение, владеющее языком, использует его для общения исключительно между собой, а с детьми, которые привыкли использовать русский язык, общается на русском, то со временем русский язык будет преобладать во всех сферах коммуникации. Дети могут понимать свою принадлежность к этносу, интересоваться культурой народа и ценить свой язык, но не владеть им в достаточной мере и не передавать его следующему поколению. В результате родной язык становится объектом культурного наследия, но не инструментом повседневной коммуникации.

Решением данной проблемы может стать межпоколенческая передача языка. Н. А. Сэротэтто в своем исследовании подтверждает влияние традиционного уклада, образования и современного образа жизни на язык. Автор отмечает проблему межпоколенческой передачи и предлагает использовать метод «языкового гнезда», разработанный для сохранения языков коренных народов в ряде стран. Основа метода заключается в погружении дошкольников в языковую среду, где общаются исключительно на родном языке. В данном случае взрослые носители языка являются активными участниками языковой передачи. Такой подход позволяет сформировать естественную языковую среду [4].

Вообще немаловажную роль в сохранении языков играет образование. Система образования позволяет обеспечивать постоянный контакт ребенка с языком, даже когда это сложно реализовать в семейной языковой среде. При этом важно, чтобы язык не был обособленным учебным предметом, а был включен в естественную языковую учебную среду. Например, может стать эффективным сочетание языкового обучения с изучением культуры, в процессе которого дети не отвлеченно изучают грамматику, а используют язык при изучении традиций, культуры, фольклора.

Инструментом сохранения языка может выступать цифровая среда. Большая часть современной коммуникации происходит через социальные сети, мессенджеры, интернет-платформы и другие цифровые ресурсы. В этой сфере русский язык преобладает и практически не ограничен,

в то время как малые языки представлены минимально. В результате, даже если ребенок знаком с родным языком семьи, основную часть информации он все равно получает на русском языке. Для сохранения родного языка могут создаваться электронные ресурсы, аудио и видеоматериалы, цифровые платформы и контенты, в том числе на повседневные темы, актуальные для молодежи.

Использование городской среды для сохранения языка в условиях урбанизации и переселения людей в города также может быть эффективным. Например, употребление ненецкого, хантыйского и селькупского языков в культурных центрах, образовательных учреждениях, общественных пространствах и локальных медиа наряду с русским языком может восприниматься как естественный элемент единого многоязычного пространства.

В исследовании А. М. Поликарпова и М. В. Дружининой описан проект по сохранению ненецкого языка. Особое внимание в работе уделено тому, что сохранение языка – это результат деятельности взаимосвязанных элементов одной системы. В эту систему входят и школы, и учреждения культуры, и научные организации, и представители коренных народов, и органы власти. Только благодаря слаженной и целенаправленной работе в комплексе можно достичь сохранения культуры и языка народа [5].

Языковая специфика ЯНАО определяется диалектным разнообразием. Положение трех языков – ненецкого, хантыйского и селькупского – не является одинаковым. Они имеют различную численность носителей языка (как было указано выше), различную территориальную распространенность и степень сохранности. Поэтому, с одной стороны, необходимо принимать единые региональные меры, направленные на сохранение языков, с другой стороны, применять дифференцированный подход. Если для ненецкого языка наиболее эффективным будет сохранение межпоколенческой передачи языка и расширение сфер его использования, то для хантыйского и селькупского целесообразным является документирование, фиксация речи носителей языка, создание цифровых архивов. Диалектное разнообразие ЯНАО нужно рассматривать как часть культурного и исторического наследия и учитывать при разработке образовательных программ и цифровых ресурсов.

В ЯНАО действует региональная программа «Сохранение устойчивого развития коренных многочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе» [6]. Она предусматривает принятие мер, направленных на поддержку и сохранение языков. Комплексный подход, нацеленный на сохранение семейной передачи языка, использование языка в образовании, деятельности учреждений культуры, расширение цифрового контента на языке народа, а также сохранение традиционного образа жизни позволит сохранить этническую и языковую идентичность народа.

Пристатейный список литературы

1. Всероссийская перепись населения // Федеральная служба государственной статистики : сайт. – URL: https://72.rosstat.gov.ru/perepis_nas2020 (дата обращения: 29.09.2026).
2. Арктика меняется. Государство и бизнес усиливают поддержку коренных народов. Как изменится традиционный уклад жизни на Севере? // Lenta.ru : сайт. – URL: https://lenta.ru/articles/2025/11/13/arktika-menyaetsya/?ysclid=mumsfay6vy309268321 (дата обращения: 29.09.2026).
3. Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 05.04.2010 № 48-ЗАО «О родных языках коренных малочисленных народов Севера на территории Ямало-Ненецкого автономного округа» (в ред. от 27.09.2022 № 59-ЗАО, от 22.11.2024 № 86-ЗАО). – URL: https://docs.cntd.ru/document/895250007 (дата обращения: 29.09.2026).
4. *Сэротэтто, Н. А.* Проблемы сохранения ненецкого языка в условиях быстрого социально-экономического и культурного преобразования в Ямало-Ненецком автономном округе / Н. А. Сэротэтто. // Молодой ученый. – 2026. – № 10 (613). – С. 195-198.
5. *Поликарпов, А. М., Дружинина, М. В., Поликарпова, Е. В.* Всероссийский научно-образовательный проект «Вместе сохраним ненецкий язык и культуру ненецкого народа»: опыт взаимодействия и перспективы реализации // Арктика и Север. – 2023. – № 52. – С. 246–269.
6. Государственная программа Ямало-Ненецкого автономного округа «Сохранение и устойчивое развитие коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе», утвержденная постановлением Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 09.12.2021 № 1109-П, с последующими изменениями. URL: https://docs.cntd.ru/document/577992239 (дата обращения 29.09.2026).

УДК 331

Аделина Радиковна Гильфанова,
студентка 1-го курса факультета высшего образования
Казанского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Казань, Россия
gilfanovaadelina47@mail.ru

Научный руководитель:
Елена Алексеевна Кукушкина,
кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой гуманитарных и специальных дисциплин
Казанского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Казань, Россия
helena_kuk@mail.ru

ЯЗЫК КАК РЕСУРС ДЛЯ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ: РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В ФОРМИРОВАНИИ ЧУВСТВА ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К ОБЩЕМУ СООБЩЕСТВУ

Аннотация. В статье рассматривается русский язык как многоаспектный ресурс интеграции мигрантов в российское общество. Актуальность обусловлена ростом миграционных потоков и сохраняющимся языковым барьером. Проанализированы инструментальный, социокультурный и идентификационный аспекты. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода, включающего законодательное закрепление адаптационных курсов и развитие инфраструктуры.

Ключевые слова: русский язык; интеграция; национальная идентичность; мигранты; адаптация; иностранный язык; государственная миграционная политика; Российская Федерация.

В настоящее время Российская Федерация занимает одно из ключевых мест привлекательности для переезда иностранным гражданам. В соответствии со статистическими данными Федеральной службы государственной статистики (далее – Росстат) в 2024–2025 годах констатируется увеличение числа мигрантов-трудящихся, который составил 568,5 тыс. чел. В последние годы сохраняется тенденция переезда в Российскую Федерацию иностранных граждан – представителей стран бывшего Советского Союза, например, из Таджикистана – это 128 000 чел., из Узбекистана – 107 000 чел. и др. [7, с. 4].

Изменение миграционной политики Российской Федерации связано с тем, что увеличение количество прибывших иностранных граждан из стран бывшего Советского Союза само по себе не делает их российскими жителями, соблюдающими обычаи и традиции, сложившиеся в Российской Федерации. Одним из препятствий для полной интеграции иностранных граждан является незнание русского языка в должной степени (который признается одним из сложных языков для изучения иностранцами).

Такая ситуация выявляет необходимость детального изучения какую роль играет русский язык в процессе интеграции иностранных граждан в российское общество. Отметим, что на наш взгляд, роль русского языка в интеграционных процессах включает в себя три основных аспекта: устранение коммуникативных барьеров; упрощение процесса адаптации для иностранных граждан и формирование у иностранных граждан чувства национальной принадлежности к российскому обществу.

Обратим внимание, что любой иностранный гражданин при переезде в другую сторону сталкивается с языковым барьером, чаще всего, базовых знаний, например, русского языка недостаточно для построения устойчивых социальных связей (в частности, при обращении за медицинской или юридической помощью). Как показывают социологические исследования, владение русским языком на хорошем уровне ослабляет зависимость иностранного гражданина от земляческих связей, значительно снижает риск для иностранного гражданина попасть в трудовую «кабалу» и т.п. [3, с. 26].

Отметим, что в последние годы после распада Советского Союза в государствах, которые ранее были союзными республиками, констатируется только базовое знание русского языка среди населения. Это не создает проблемы для граждан таких государств, но может стать значительным препятствием при переезде в Российскую Федерацию. Иностранный граждан – мигрант – владеющий русским языком на начальной стадии, будет в новом государстве искать своего земляка, который в достаточной степени владеет русским языком и поможет ему ассимилироваться на новом месте. Однако не всегда подобные контакты носят положительный характер, зачастую это приводит к формированию изолированных этнических сообществ, что может замедлить процесс адаптации мигранта в российское общество.

Сложившаяся ситуация в Российской Федерации привела к созданию новой системы языковой подготовки для иностранных граждан-мигрантов.

Так, в многофункциональных миграционных центрах по Российской Федерации есть возможность ежедневно сдать экзамен на знание русского языка, истории России и основ российского законодательства.

Многие исследователи сходятся во мнении, что без знания русского языка в должной степени невозможна полноценная адаптация мигрантов. Так, Р. Б. Булатов в своих трудах обращает внимание на то, что включение мигранта в российское общество невозможно без освоения русского языка; именно знание государственного языка открывает доступ к социальным институтам и закладывает фундамент для диалога между мигрантами и гражданами Российской Федерации [3, с. 27].

С. В. Рязанцев, в свою очередь, отмечает, что успешная интеграция иностранных граждан требует продвижение русского языка и за пределами России. Он отмечает, что это позволит снизить нагрузку на Россию и ускорить процесс адаптации иностранных граждан в России [5, с. 26].

Обратим внимание, что знание языка – это не только понимания набора слов и грамматических конструкций. Язык представляет собой инструмент, с помощью которого иностранный гражданин постигает российскую культуру, общественные нормы и традиции, сложившиеся в том или ином обществе. Изучая русский язык, мигрант имеет возможность приобщиться к культурному коду России, понять значение традиционных духовно-нравственных ценностей.

В 2025 году в рамках пилотного проекта Федерального агентства по делам национальностей была создана автономная некоммерческая организация «Центр социальной и культурной адаптации иностранных граждан РТ». Учредителем выступила Ассамблея народов Татарстана, куратором проекта является Кабинет Министров Республики Татарстан. Целью проекта является содействие адаптации граждан из стран ближнего зарубежья на территории Республики Татарстан, формирование конструктивного, бесконфликтного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом. Одним из направлений деятельности Центра является организация бесплатного обучения русскому языку для иностранцев. Помимо этого, Центр проводит выездные семинары на предприятиях: в Нижнекамске на базе ПАО «Сибур Холдинг» состоялось занятие для 35 иностранных специалистов; в Казани – обучающий семинар для коллектива ООО «Техмет» [1, с. 112]. В Центре отмечают, что знание русского языка – это главная защита мигранта.

Для детей мигрантов в Республике Татарстан была разработана ускоренная программа обучения русскому языку, которая реализуется в 54-х школах республики. Дополнительно открыты площадки в домах дружбы народов в Казани, Набережных Челнах и других; функционирует воскресная школа. Всего в школах Татарстана обучаются более 3 тыс. детей мигрантов.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации запустило образовательную программу «Русский для жизни и работы» – для граждан Узбекистана, Таджикистана, Индии, Китая, Турции и Вьетна-

ма. Второй ресурс – «На русском», созданный совместно с Томским государственным университетом, использует технологии искусственного интеллекта для адаптивного обучения; интерфейс доступен на узбекском, таджикском и английском языках.

В Республике Татарстан реализуется программа социокультурной и языковой адаптации детей-мигрантов «Мы вместе». В Уральском регионе разработан спецкурс «Культурно-речевая адаптация мигрантов». В Челябинской области созданы центры культурно-языковой адаптации и действует курс «Русский язык без границ».

Ю. А. Александрова отмечает, что языковая адаптация иностранных граждан стала элементом миграционной политики государства, однако нормативно-правовое регулирование в этой сфере остается фрагментарным и требует систематизации [2, с. 700].

М. Н. Конягина и соавторы подчеркивают, что социокультурная интеграция совершеннолетних иностранных граждан требует комплексного подхода, включающего не только языковое обучение, но и меры социальной поддержки, особенно в условиях мегаполиса [4, с.155].

Наиболее сложным и наименее изученным является идентификационное измерение. В соответствии с теорией социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тернера, осознание своей принадлежности к определенной группе влияет на самовосприятие человека. Исходя из этой теории, осознание у мигранта своей принадлежности к российским гражданам происходит через его свободное общение с местным населением на русском языке [6, с. 412].

Свободное пользование русским языком создает основу для включения мигранта в обычную жизнь российских граждан: мигрант получает возможность участвовать в жизни местного сообщества и устанавливать дружеские связи с местным населением. Исследования показывают, что 86% мигрантов говорят на русском языке на работе, а те, кто видит свое будущее в России стремятся изучать русский язык углубленно и получить высшее образования на русском языке [7, с. 4].

Обратим внимание, что в некоторых научных работах встречается такое понятие, как «многоязычие в условиях постсоветской миграции» [6, с. 408]. Данное понятие включает в себя следующее: иностранные граждане-мигранты первого поколения, прибывшие из бывших республик СССР, владеют русским языком свободно. Для них русский язык служит не только средством общения, но и языком, на котором говорят в их национальной общине. Таким образом, практическая значимость русского языка для данной группы мигрантов приравнивается к роли русского языка для советских граждан, проживавших на территориях союзных республик.

Модель аккультурации Дж. Берри устанавливает, что для иностранных граждан выделяется 5 этапов адаптации. Его модель объясняет, как мигранты адаптируются к новой культуре при переезде в иностранное государство, как выстраивают контакты с местным населением. Данная модель объясняет, что иностранный гражданин – мигрант при переезде в новое государство про-

ходит через процесс освоения новых культурных традиций, но в тоже время сохраняет ключевые элементы собственной культуры [4, с. 155]. Если говорить о языковом поведении, то иностранный гражданин-мигрант при переезде одновременно использует два языка: родной язык закрывает его потребность в сохранении своей этнической идентичности, а русский язык помогает в установлении взаимопонимания с новыми соседями и установлению новых социальных связей.

В рамках этноориентированного подхода к обучению русскому языку мигрантов делается акцент на том, что языковая подготовка выступает инструментом адаптации иностранного гражданина к новой культуре и новым для него традициям. Учет культурных особенностей обучающихся делает процесс освоения языка более результативным и снижает вероятность межкультурных конфликтов [1, с. 113].

Несмотря на наличие в России необходимых условий для освоения основ русского языка, мы можем выделить ряд проблем: во-первых, в настоящее время большинство курсов обучения русскому языку для иностранных граждан-мигрантов являются платными, что исключает возможность широкого охвата иностранных граждан, так как большинство трудовых мигрантов не обладают лишними денежными средствами для оплаты подобных курсов. Во-вторых, распределение мигрантов по субъектам Российской Федерации крайне неравномерно. В-третьих, при оформлении на курсы обучения русскому языку многие мигранты неохотно предоставляют свои персональные данные, опасаясь мошенничества. В-четвертых, в Российской Федерации поменялись ориентиры в миграционной политике, приоритет отдается, прежде всего, обеспечению национальной безопасности, а не интеграции мигрантов в российское общество [2, с. 701].

В заключении, мы можем сделать вывод, что русский язык следует рассматривать как многофункциональный ресурс, который помогает иностранному гражданину – мигранту пройти процесс адаптации максимально безболезненно и эффективно, сохранив свою национальную идентичность. Во-вторых, процесс интеграции с помощью обучения русскому языку – это обоюдный процесс, результат которого зависит не только от усилий самих мигрантов, но и от того, насколько принимающее общество готово к взаимодействию, насколько доступны образовательные программы и т.д. В-третьих, пилотный проект ФАДН, реализуемый в пяти регионах Российской Федерации, включая Республику Татарстан, подтверждает эффективность использования модели Центров адаптации.

Пристатейный список литературы

1. *Абдуалиева, Д. Р.* Этнокультурно-ориентированная методика преподавания русского языка трудовым мигрантам: международный подход // Экономика и социум. – 2025. – № 6 (133). – С. 111–116.

2. *Александрова, Ю. А.* Языковая адаптация иностранных граждан в российское общество как элемент миграционной политики государства: нормативно-правовой аспект / Ю. А. Александрова // Гуманитарные и юридические исследования. – 2025. – Т. 12, № 4. – С. 698–704.
3. *Булатов, Р. Б.* Культурная интеграция мигрантов в российское общество: проблемы и подходы к их решению / Р. Б. Булатов // Вестник Московского университета МВД России. – 2025. – № 3. – С. 25–29.
4. *Конягина, М. Н.* Адаптация и интеграция совершеннолетних иностранных граждан в российское общество в условиях мегаполиса: проблематика русского языка и социальной поддержки / М. Н. Конягина, М. Н. Капитонова, А. И. Самсонов, Г. А. Минина // Власть. – 2023. – Т. 31, № 4. – С. 151–162.
5. *Рязанцев, С. В.* О языковой интеграции мигрантов как новом ориентире миграционной политики России / С. В. Рязанцев // Социологические исследования. – 2014. – № 9. – С. 25–29.
6. *Хилханова, Э. В.* Невидимое многоязычие постсоветской миграции как вызов теории транслингвальности / Э. В. Хилханова, Д. Л. Хилханов // Полилингвиальность и транскультурные практики. – 2023. – Т. 20, № 3. – С. 407–425.
7. Социально-экономическое положение России : доклад Федеральной службы государственной статистики. – Москва : Росстат, 2025. – 4 с. – (Официальная статистическая информация о социально-экономическом положении России).

УДК 37.035.1:316.48

Екатерина Михайловна Клюгина,
студентка 3-го курса колледжа
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
E-mail: klyugina.ekaterina@gmail.com

Научный руководитель:
Елена Вячеславовна Федорченко,
преподаватель колледжа
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
E-mail: fedelena.fa@mail.ru

МЕТОДИКА «КУЛЬТУРНЫЙ КОД» КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА ОБУЧАЮЩИХСЯ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска эффективных педагогических инструментов для интериоризации ценностей многонационального единства в условиях возросшего когнитивного сопротивления подростков к директивным формам воспитания. Цель работы – описание дидактической модели интерактивной методики «Культурный код», адаптируемой для преподавания любых учебных дисциплин. Проанализированы психолого-возрастные особенности восприятия ценностных нарративов. Обоснована эффективность технологии «цифрового этно-исследования», трансформирующей обучающегося из пассивного реципиента в активного субъекта познания.

Ключевые слова: многонациональное единство; межпредметная интеграция; методика «Культурный код»; цифровой этно-сторителлинг; региональный компонент; субъект-субъектные отношения; ФГОС.

Реализация традиционных российских духовно-нравственных ценностей, среди которых Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 приоритизирует единство многонационального народа Российской Федерации [1], требует от современной школы поиска адекватных дидактических форматов. Педагогическая практика демонстрирует, что по мере взросления обучающихся возрастает их психологическое сопротивление императивному стилю трансляции знаний. Подростки и студенты, в силу рефлексивных новообразований возраста, нуждаются в диалоговом взаимодействии и самостоятельном конструировании смыслов, что делает традиционный лекционно-иллюстративный формат неэффективным.

Фундаментальный педагогический принцип гласит: ценностные ориентации не могут быть транслированы в готовом виде, они формируются исключительно через личный опыт и внутреннее открытие. В связи с этим формирование многонационального единства не должно сводиться к репродуктивному запоминанию этнографических фактов. Главная проблема существующей практики – разрыв между общегосударственными ценностями и личным опытом обучающегося. Абстрактные понятия воспринимаются подростками отстраненно, поскольку не находят опоры в личном опыте, что нивелирует воспитательный потенциал образовательного процесса и актуализирует необходимость поиска дидактических средств, обеспечивающих локализацию содержания и его связь с индивидуальным пространством обучающегося.

Предлагаемая методика «Культурный код» устраняет данный разрыв за счет принципов локализации содержания и цифрового этно-сторителлинга. Ее главное дидактическое преимущество – универсальность: технология может быть органично интегрирована в занятия по любым предметам (гуманитарным, естественным, точным), если педагог корректно адаптирует краеведческий и многонациональный компонент под конкретные цели занятия.

Структурно занятие, реализуемое по данной методике, представляет собой мини-исследовательский проект, временные рамки которого распределяются в четком долевом соотношении и включают три последовательных этапа.

Первый этап – мотивационно-проблематизирующий (1/4 времени занятия). Вместо стандартного организационного момента и сообщения темы, педагог создает ситуацию когнитивного диссонанса. На экран проецируется визуальный артефакт, связанный с темой занятия и локальной историей (фотография архитектурного объекта, статистический график, фрагмент литературного текста, химическая формула вещества, открытого в регионе). Формулируется наводящий вопрос: «Какой этнос внес определяющий вклад в появление этого объекта/явления в нашем регионе?». Данный прием актуализирует личный опыт обучающихся, ломает стереотипные представления и формирует устойчивую внутреннюю мотивацию. Как отмечает Л. И. Божович, именно разрешение познавательного конфликта выступает главным драйвером учебной деятельности подростка [2, с. 114].

Второй этап – цифровой этно-поиск и краеведческая локализация (1/2 времени занятия). Ядро методики, где класс делится на малые группы.

Каждая группа получает дифференцированное задание, требующее не репродуктивного воспроизведения материала, а поиска цифрового следа конкретного народа в истории региона. Обучающиеся используют мобильные устройства и ресурсы сети «Интернет» для работы с оцифрованными архивами, базами данных, историческими картами и интервью.

Примеры междисциплинарной адаптации методики показывают, что она легко встраивается в занятия по самым разным предметам и дисциплинам, на разных уровнях образования. На занятиях по обществознанию обучающиеся исследуют формирование местных органов самоуправления с участием представителей разных народов; на занятиях по истории России – восстанавливают факты о совместном труде эвакуированных и местных жителей в годы войны; на занятиях по географии – анализируют влияние расселения этносов на хозяйственный уклад региона. В колледжах и вузах методика ложится на профессиональные дисциплины: на занятиях по праву – студенты разбирают отражение норм обычного права в региональном законодательстве, на занятиях по информатике – оцифровывают материалы краеведческих архивов. В вузах технология применяется также на занятиях по социологии, культурологии, педагогике.

Подобная гибкость показывает, что методика «Культурный код» – это сквозная образовательная технология, работающая на любом уровне: от школы до университета. Роль педагога трансформируется: он выступает в роли навигатора, организующего самостоятельную исследовательскую деятельность обучающихся в цифровом образовательном пространстве.

Третий этап – нарративная актуализация и рефлексия (1/4 времени занятия). Группы презентуют результаты исследования в формате коротких цифровых нарративов (презентаций, устных докладов). Задача – не просто констатировать факты, а выстроить логическую цепочку их влияния на современность. Завершается занятие рефлексивным упражнением «незаконченное предложение» концептуального характера: «Сегодня я доказал, что многонациональное единство нашего региона проявляется в...».

Психологический механизм данного этапа обеспечивает глубокую интериоризацию: обучающийся соотносит добытые личным трудом данные с собственной идентичностью. Знания перестают быть внешними и становятся частью его личностного мировоззрения.

Эффективность методики «Культурный код моей школы» для любых учебных дисциплин обусловлена несколькими факторами. Во-первых, она легитимизирует использование средств информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), переводя гаджеты из категории деструктивных факторов в разряд инструментов научного познания. Во-вторых, она реализует принцип субъект-субъектных отношений, наделяя обучающегося функцией исследователя. В-третьих, технология опирается на региональный компонент, что в полной мере соответствует требованиям Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС) в части формирования российской гражданской идентичности [3].

Таким образом, методика «Культурный код» является действенным инструментом формирования многонационального единства, интегрируемым в любую предметную область. Технология доказывает, что самостоятельное обнаружение обучающимся историко-культурных связей своего края трансформирует абстрактный государственный императив в личностно значимую, эмоционально окрашенную ценность. Именно через исследовательский интерес и субъектную активность закладывается фундамент подлинного уважения к многонациональным традициям Российской Федерации.

Пристатейный список литературы

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 46. – Ст. 7672.
2. *Божович, Л. И.* Личность и ее формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. – Санкт-Петербург : Питер, 2023. – 400 с.
3. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования : утв. приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 31.05.2021 № 287 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107050073 (дата обращения: 29.09.2026).
4. *Выготский, Л. С.* Педагогическая психология / Л. С. Выготский; под ред. В. В. Давыдова. – Москва : АСТ; Астрель, 2023. – 671 с.
5. *Сластенин, В. А.* Педагогика: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов. – Москва : Академия, 2002. – 576 с.

УДК 340

Софья Сергеевна Куракина,
Чимназ Васифовна Рашидова,
студентки 3-го курса юридического факультета
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
sonia.kurakina@gmail.com
rashidovachimnaz@mail.ru

Научный руководитель:
Дарья Борисовна Милованова,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингвистики и культуры речи
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Москва, Россия
avdasha@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРИЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ СОСТАВЛЕНИЯ АКТОВ ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА (НА ПРИМЕРЕ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА)

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению некоторых приемов юридической техники в текстах постановлений Пленума Верховного Суда. Актуальность данной темы обусловлена тем, что правила юридической техники комплексно анализируются на примере текстов официального толкования права: рассматриваются содержательные, логические, структурные и языковые требования. В статье приводятся примеры из Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Ключевые слова: юридическая техника; инструменты юридической техники; акты толкования права; постановления Пленума Верховного Суда; содержательные правила; логические правила; структурные правила; языковые требования.

Значение юридической техники как одой из сторон юридической деятельности в работах последних лет возросло, а вместе с тем расширилось само понятие юридической техники и ее предмета. В теории права юридическая техника изначально рассматривалась как техника правотворческая, или законодательная, т.е. направленная на создание и подготовку исключительно нормативно-правовых актов. Однако постепенно выработался подход, согласно которому под юридической техникой следует понимать технику составления любых юридических документов, исходящих как от государства, так и от негосударственных организаций и граждан. Следовательно, сфера применения юридической техники значительно расширилась и в современной юридической практике охватывает не только правотворчество, но и толкование права, правоприменение и реализацию права [1, с. 36, 51].

В арсенале юридической техники выделяется множество инструментов, использующихся для составления правовых документов и позволяющих эффективно достигать целей юридической деятельности. Среди них отмечают такие разноплановые явления, как принципы, понятия, дефиниции, термины, юридические конструкции, классификации, перечни, правовые нормы, правовые предписания, цели, факты, презумпции, фикции, отсылки, оговорки, примечания, преамбулы и другие. Неотъемлемой частью юридической техники является язык: слова, словосочетания, предложения, тексты, с помощью которых осуществляется юридическое мышление и воплощается юридическая мысль.

В условиях развития современного российского законодательства особое значение приобретает обеспечение единообразного применения правовых норм. Наличие большого количества нормативных правовых актов, разнообразие общественных отношений и возникновение сложных правоприменительных ситуаций требуют не только качественного законодательного регулирования, но и правильного понимания содержания действующих правовых норм. В этой связи важную роль играют акты толкования права, позволяющие раскрыть смысл правовых предписаний и обеспечить их единообразное применение на практике [2].

Одним из наиболее значимых видов актов официального судебного толкования являются постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Их особенность заключается в том, что они принимаются высшей судебной инстанцией в целях обеспечения единообразного применения законодательства и содержат разъяснения по вопросам судебной практики. Конституция Российской Федерации в статье 126 закрепляет полномочие Верховного Суда Российской Федерации давать разъяснения по вопросам судебной практики, а Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» устанавливает соответствующие полномочия Пленума [3].

Качество акта толкования права зависит не только от правильности содержащихся в н ем правовых выводов, но и от особенностей их оформления и изложения. Содержательная точность, логическая последовательность

и продуманная структура позволяют сделать разъяснения более понятными и обеспечить их эффективное использование судами при рассмотрении конкретных дел. Кроме того, существенное значение имеет язык юридического документа: употребление специальных терминов, устойчивых конструкций и юридических формулировок должно способствовать однозначному пониманию правовых положений.

Правовые позиции являются важной содержательной основой актов Верховного Суда. Правовая позиция должна быть сформулирована четко, последовательно и определенно. Если разъяснение допускает несколько различных вариантов понимания, оно не в полной мере выполняет задачу обеспечения единообразия судебной практики. Поэтому при подготовке постановлений Пленума большое значение приобретают специальные юридико-технические средства: использование юридической терминологии, ссылки на конкретные нормы законодательства, логическая последовательность изложения, определение юридических понятий, указание условий применения нормы, разграничение сходных правовых ситуаций и конкретизация общих положений закона. В связи с этим особое значение имеет юридическая техника составления постановлений Пленума.

Под юридической техникой в данном случае следует понимать совокупность содержательных, логических, языковых и структурных средств [4], с помощью которых результат судебного толкования выражается в юридическом документе. Ее назначение состоит в том, чтобы обеспечить точность, ясность, последовательность и однозначность правовой позиции, изложенной в постановлении. Применительно к постановлениям Пленума юридическая техника включает несколько взаимосвязанных групп средств. Во-первых, содержательные средства связаны с определением предмета толкования, выявлением конкретной проблемы правоприменения и формулированием интерпретационного вывода. Пленум должен определить, какая норма вызывает вопросы, в чем заключается проблема ее применения и какое содержание необходимо раскрыть для ее правильного понимания. Во-вторых, логические средства обеспечивают последовательность и непротиворечивость рассуждения. Разъяснение должно строиться логично: от определения рассматриваемой правовой нормы и возникающей проблемы к ее толкованию и формулированию конкретного правила применения. В-третьих, языковые средства позволяют точно выразить правовую позицию. Поскольку постановление Пленума предназначено прежде всего для профессионального правоприменения, его формулировки должны обладать терминологической определенностью и единообразием. Один и тот же юридический термин должен использоваться в одинаковом значении, а терминология постановления должна соответствовать терминологии законодательства. Поэтому языковая точность является не просто формальным требованием к тексту, а необходимым условием достижения основной цели судебного толкования – единообразного применения права. В-четвертых, структурные средства обеспечивают последовательное расположение положений постановления, их деление на пункты и подпункты

и возможность точной ссылки на конкретное разъяснение. Структура постановления имеет самостоятельное юридико-техническое значение. Как правило, документ включает наименование, дату и номер, название постановления, вводную часть, основную часть с разъяснениями и заключительные положения. Такая структура позволяет последовательно изложить основания принятия документа, предмет толкования и непосредственно сформулированные правовые позиции.

В качестве примера рассмотрим Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [5].

В постановлении отражены все необходимые структурные элементы.

Так, вводная часть Постановления содержит три содержательных элемента: 1. цель принятия постановления и предмет последующего толкования («В целях обеспечения единства практики применения судами раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»…); 2. правовую основу принятия постановления («…руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации…»; 3. правовой акт-действие («Пленум Верховного Суда… постановляет дать следующие разъяснения»).

Основная часть Постановления организована по тематическим разделам. Первая часть, состоящая из 16 пунктов, содержит основные положения. Далее рассматриваются конкретные вопросы применения гражданского законодательства, они изложены в разделах, которые имеют названия: Физические лица; Юридические лица; Объекты гражданских прав. Защита нематериальных благ; Общие положения о сделках; Недействительность сделок; Решения собраний; Представительство. Доверенность.

Далее следуют заключительные положения о признании не подлежащими применению некоторых актов и частей актов в связи с принятием данного постановления.

Всего 133 пункта, нумерация сквозная. Каждый пункт представляет собой самостоятельную смысловую единицу и может состоять из одного или нескольких абзацев.

Рассмотрим первый пункт постановления, который начинается абзацем: «Положения Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), законов и иных актов, содержащих нормы гражданского права (статья 3 ГК РФ), подлежат истолкованию в системной взаимосвязи с основными началами гражданского законодательства, закрепленными в статье 1 ГК РФ». Он содержит общее правило и конкретную правовую позицию: нормы гражданского законодательства должны толковаться не изолированно, а во взаимосвязи с основными началами гражданского законодательства. Далее, в следующем абзаце пункта первого (тот же смысловой блок), Пленум конкретизирует положение п. 3 ст. 1 ГК РФ и раскрывает, что именно необходимо учитывать

при оценке добросовестности поведения сторон: «Согласно пункту 3 статьи 1 ГК РФ при установлении, осуществлении и защите гражданских прав... участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно». Затем разъясняется, как суд должен оценивать добросовестность: «Оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации». И далее следуют еще более конкретные положения, указывающие на основания и действия суда при оценке добросовестности / недобросовестности: «Поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения... Если будет установлено недобросовестное поведение одной из сторон, суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения отказывает в защите принадлежащего ей права полностью или частично». Последовательное изложение материала от общего к частному в первом пункте постановления можно изложить в виде схемы: общее правило (системное толкование норм ГК РФ) → конкретный принцип добросовестности → критерии оценки добросовестности → возможность суда самостоятельно оценить поведение сторон → положения, непосредственно ориентирующие суд на определенный способ применения нормы.

Таким образом, взаимосвязь содержательных, логических и структурных требований к составлению акта очевидна. Содержательные, логические и структурные правила не существуют изолированно друг от друга: они образуют взаимосвязанную систему юридической техники. Содержание определяет, какие вопросы должны быть раскрыты, логика обеспечивает последовательность рассуждений, а структура позволяет организовать материал в целостный документ.

Отдельного внимания заслуживают лингвистические средства юридической техники. Язык правового документа должен обеспечивать точность, определенность и однозначность понимания. Лингвистические средства постановлений Пленума ВС РФ включают специальную терминологию, устойчивые юридические конструкции, сочетание абстрактной и конкретной лексики, а также сложные синтаксические структуры, выражающие правовые условия, предписания (обязанности), запреты, последствия и другие значения. Их анализ позволяет выявить, каким образом язык документа способствует передаче правового смысла и формулированию разъяснений.

В Постановлении Пленума ВС РФ № 25 используется специальная терминология, связанная с правильным пониманием, толкованием и применением норм права: добросовестное / недобросовестное поведение, сделка, недействительная сделка, упущенная выгода, участник корпорации, участник хозяйственного товарищества и многие другие.

Для юридического языка характерно использование устойчивых конструкций, которые обеспечивают единообразие формулировок и позволяют выражать типовые правовые связи [6]. В выбранном постановлении можно отметить следующие конструкции: «в целях обеспечения...», «в силу...», «в соответствии с...», «при разрешении вопроса...», «следует исходить из...», «следует учитывать...», «подлежит применению...». Такие конструкции помогают организовать юридическое рассуждение. Например, конструкция «следует исходить из того, что...» вводит правовой вывод или критерий применения нормы, а конструкция «под решениями собраний понимаются...» вводит определение юридического понятия: «...под решениями собраний понимаются решения гражданско-правового сообщества, т.е. определенной группы лиц, наделенной полномочиями принимать на собраниях решения...» (п. 103).

Одной из особенностей юридического текста является сочетание абстрактной и конкретной лексики. Абстрактные понятия используются для обозначения общих правовых категорий, а конкретные формулировки – для приведения классификаций, описания условий, обстоятельств и действий, имеющих юридическое значение. Например, в п. 103 сначала дается общее определение понятия «решения собраний», а затем следует конкретизация: «В частности, к решениям собраний относятся решения коллегиальных органов управления юридического лица (собраний участников, советов директоров и т.д.), решения собраний кредиторов, а также комитета кредиторов при банкротстве, решения долевых собственников, в том числе решения собственников помещений в многоквартирном доме или нежилом здании, решения участников общей долевой собственности на земельный участок из земель сельскохозяйственного назначения».

Юридические документы часто содержат сложные и осложненные предложения, перечисления, условные конструкции и уточнения. Их использование связано с необходимостью отразить несколько юридически значимых обстоятельств в рамках одного положения. Не являются исключением рассматриваемое постановление: «Если суд на основании оценки доказательств, представленных налоговым органом и налогоплательщиком, придет к выводу о том, что налогоплательщик для целей налогообложения не учел операции либо учел операции не в соответствии с их действительным экономическим смыслом, суд определяет объем прав и обязанностей налогоплательщика, исходя из подлинного экономического содержания данной операции или совокупности операций в их взаимосвязи» (п. 77). При этом сложность синтаксической конструкции должна оцениваться с учетом ее юридической функции. Не всякое длинное предложение является недостатком: иногда оно необходимо для точного описания условий, содержания понятий и юридически значимых действий. Однако чрезмерная перегруженность предложения может затруднять восприятие, поэтому в юридической технике важно соблюдать баланс между полнотой и ясностью изложения.

Юридический язык является одним из основных инструментов оформления правовых положений. Его особенности обусловлены необходимостью

точного выражения юридического смысла, определения условий применения норм и обеспечения понятности документа для участников правоприменительной деятельности.

Таким образом, юридическая техника представляет собой комплекс взаимосвязанных требований к подготовке юридических документов. Применительно к актам толкования права эти требования направлены на обеспечение точности правовых разъяснений с использованием соответствующего юридического языка, полноты содержания, логической последовательности и продуманной структуры.

Пристатейный список литературы

1. *Давыдова, М. Л.* Юридическая техника. Общая часть : учебник / М. Л. Давыдова. – Москва, 2019.
2. *Долголенко, Т. Н.* Толкование как необходимое условие применения норм права // Вестник Самарского юридического института. – 2010. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tolkovanie-kak-neobhodimoe-uslovie-primeneniya-norm-prava
3. Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. *Кашанина, Т. В.* Юридическая техника : учебник. – Москва, 2022.
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
6. *Хижняк, С. П.* Основы юридической лингвистики : учебное пособие. – Саратов : Вузовское образование, 2016.

УДК 811.922

Екатерина Вячеславовна Курышова,
студентка 3-го курса факультета высшего образования
Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
kuryshovakate@mail.ru

Научный руководитель:
Оксана Владимировна Лазарева,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории,
истории государства и права, социально-экономических дисциплин
Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
lazarevatmgu_@mail.ru

ЭСПЕРАНТО: МОЖЕТ ЛИ ИСКУСТВЕННЫЙ ЯЗЫК СТАТЬ МИРОВЫМ?

Аннотация. В статье на примере языка эсперанто ставится и анализируется вопрос: может ли искусственно созданный язык стать мировым. В работе описывается история создания и распространения языка эсперанто, а также его особенности. Приводится история становления языка эсперанто на примере российской общественной жизни. Рассматривается, как идея введения эсперанто в международный оборот не увенчалась успехом и почему пошла на спад.

Ключевые слова: эсперанто; международный язык; искусственный язык; Людвик Лазарь Заменгоф; словообразование; грамматика.

Язык – это то, что складывается стихийно. История отдельно взятого языка неотделима от истории владеющего им народа. Ведь именно язык является сосредоточием опыта множества поколений, выражающим особое мировоззрение целого народа.

В век глобализация, когда происходит взаимопроникновение мировых культур и населения, язык начинает играть особую роль. Теперь язык вы-

ступает более широким средством коммуникации, чем ранее, используясь не только в рамках одной национальности или страны, а выступая международным инструментом общения. Важным объектом современного языкознания стали такие международные естественные языки, как английский, французский, испанский, арабский и другие [1, с. 528].

Но после десятка лет работы польский лингвист Людвик Лазарь Заменгоф опубликовал в 1887 году свою работу «Международный язык», в которой представил миру новый язык – эсперанто.

Название языка происходит от псевдонима автора, которым он представился в своем первом труде – «Доктор Эсперанто», что означает «врач, который надеется» [2, с. 1]. Затем оно было перенесено и на сам описываемый им язык. Само название «эсперанто» в переводе означает «надеющийся». Такое наименование объяснимо надеждой Людвика Заменгофа на то, что придуманный им язык со временем он станет основным для всех народов на Земле.

Эсперанто – это плановый язык, который был создан искусственным путем. Он не прошел стадии глоттогенеза, то есть при его формировании невозможно отследить исторический процесс происхождения, формирования и становления как человеческого языка отдельных этносов отличного от других систем знаков. Словосочетание «плановый язык» часто используют, чтобы избежать эпитета «искусственный язык», который имеет негативный окрас в понимании некоторых людей.

По изначальной задумке Заменгофа эсперанто должен был выступать в качестве языка межнационального общения, то есть второго языка – «койне». Койне с греческого переводится как «общий язык». Распространившийся в ходе завоеваний Александра Македонского общегреческий язык койне стал первым глобальным лингва франка. Сейчас под койне понимается функциональный тип языка, который используется как основное средство повседневного общения в условиях регулярных социальных контактов между носителями разных диалектов или языков.

Врач-окулист еврейского происхождения был воодушевлен идеей создать язык, который служил бы универсальным средством общения. А для того Людвик Заменгоф вознамерился сделать эсперанто нейтральным, простым и логичным.

Поскольку язык эсперанто задумывался как международный, Заменгоф заимствовал лексику для него из наиболее распространенных европейских языков.

Созданный на основе латинской графики, алфавит эсперанто состоит из 28 букв. Для того чтобы новый язык был нативно понятен представителям как можно большего числа этносов, Заменгоф использовал для него корни и даже отдельные слова из:

– романских языков (около 60 %): французский, итальянский, испанский, португальский, латинский;
– германских языков (около 30 %): английский, немецкий, идиш;
– славянских языков (около 10 %): русский, польский и другие [3, с. 45].

Также присутствуют заимствования из греческого и некоторых других языков.

Большая часть слов состоит из корней французского, английского, немецкого и итальянского языков. К тому эсперанто содержит в себе множество интернациональных слов, которые понятны для большинства и без перевода.

Для того чтобы облегчить применение языка для разных национальностей, произношение эсперанто варьируется. Люди могут произносить звуки так же, как и звуки своего родного языка. Однако, чтобы избегнуть разночтений, в эсперанто есть и фонологические нормы, допускающие лишь незначительные вариации. Здесь действует принцип «одна буква, один звук». Все звуки должны произноситься четко – гласные не сокращаются, а согласные на конце слова не оглушаются. Слова в эсперанто произносятся без особого акцента. Ударение статично, оно всегда падает на предпоследний слог.

При этом в данном языке всего два падежа, четыре времени и отсутствуют неправильные глаголы, потому грамматика проста, ведь содержит в себе всего шестнадцать правил. Он характеризуется предсказуемостью и логичностью, поскольку имеет место регулярность словоформ, когда окончания единообразны для существительных, прилагательных и глаголов, образование новых слов происходит из корней с помощью приставок и суффиксов.

А также другие правила, которые не имеют частного характера и исключений, а одинаковы для аналогичных случаев. Все это направлено на упрощение процессов изучения и применения языка эсперанто всеми жителями мира.

Примечательно, что эсперанто изначально использовали именно на территории Российской империи. Это связано с тем, что Заменгоф опубликовал первый учебник эсперанто в Варшаве, которая на момент 1887 года входила в состав Российской империи. Людвик увидел проблему недопонимания между жителями губерний Империи, ведь в них говорили на русском, польском белорусском, идише, французском. Именно поэтому известный по псевдониму Доктор Эсперанто замыслил создать универсальный язык для людей разных наций. Интеллигенция и научное сообщество Российской империи заинтересовались новым языком и активно стали его изучать, увидев в разработке Заменгофа способ изменить мир к лучшему интеллектуальным и научным путем. Первые эсперантисты изучали язык по учебнику Заменгофа самостоятельно. Но очень быстро они начали объединяться в кружки и общества. До 1917 года включительно в России выходило около 40 периодических изданий на эсперанто, появлялась оригинальная и переводная литература [4, с. 17].

Позднее он нашел свое распространение и в других странах, а к 1905 году его можно было услышать и прочитать в разных частях земного шара. С этого же года стали проходить всемирные конгрессы эсперантистов.

Все мировые языки в той или иной степени выражали гегемонию цивилизации-носителя данного языка над другими в какой-либо сфере. Геополитической, как в свое время латинский, древнегреческий, русский и наконец английский языки. А также религиозной (латынь и арабский), культурной (французский), научной (английский).

Однако Людвик Заменгоф, разрабатывая язык эсперанто, стремился к противоположной цели. Введением единой мировой языковой системы он стремился объединить население всего мира, облегчив их взаимодействия. Предложенная им языковая система была крайне простой и понятной многим.

В отличие от других мировых языков, в своей идее господствования одного языка Доктор Эсперанто исходил не из принципа подчинения и унифицирования, а из идеи всеобщего сплочения и созидательного сотрудничества.

Его идею поддержали большое количество лидеров мнений, таких как Лев Толстой, Максим Горький, Альберт Энштейн и многие другие.

Чаще всего эсперанто пользовались в личных переписках и на встречах, тексты на нем публиковали лишь особенно активные эсперантисты. Для них он действительно стал не только средством общения, но и идеологией. И даже возник проект превращения «нейтральной территории Морене» в «страну надеющихся».

В 1985 году на сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в Софии была принята резолюция, которая призывала государства-члены содействовать введению в школах и вузах учебной программы, посвященной языковым проблемам и эсперанто.

В СССР эта языковая система и вовсе получила государственную поддержку. Идея создания нейтрально человеческого народа из трудящихся всех стран была крайне близка для большевиков. Ведь ранний СССР можно рассматривать как место триумфа глобализма.

В первом учебнике от 26 июля 1887 года Заменгоф писал: «если бы все человечество говорило на общем языке, то у людей совпали бы идеалы, убеждения, цели – и все народы слились бы в единое целое» [1, с. 530]. Исходя из этого высказывания, не трудно предположить, что и большевики заинтересовались данным языком.

С их приходом к власти большевиков, эсперанто начали использовать в государственных интересах, тем самым он получил еще большее распространение в России.

Лев Троцкий считал эсперанто «языком мировой революции». В СССР эсперанто стал языком общения журналистов, на нем велось регулярное радиовещание на всесоюзной радиостанции имени Коминтерна, центральных радиостанциях Украины и Беларуси и даже делались надписи на конвертах.

Во всемирных газетах и переписках со стороны СССР с помощью языка эсперанто писались лишь положительные «результаты» социалистической политики, за то в ответ получались весьма ценные сведения. Такие как, к примеру, образцы, чертежи и технологии производства той или иной техники и материалов, присылаемые с немецких заводов рабочими-эсперантистами.

Существовал так называемый союз эсперантистов советских стран, издававший свои учебные пособия под названием «эсперанто на дому». Сеть кружков эсперантистов существовала на официальном уровне.

В 1918 году была создана специальная комиссия по эсперанто при народном комиссариате просвещения РСФСР где обсуждался вопрос замены в школах преподавания иностранных языков на уроки эсперанто [5].

За десяток лет отношение к эсперанто со стороны руководства СССР кардинально изменилось. В 1920-х годах его рассматривали как инструмент для достижения коммунистического общества, в котором люди всего мира будут общаться на едином языке. С этой целью солдат Красной армии обучали эсперанто, а по рекомендации наркома эсперанто начинает преподаваться в некоторых вузах. Курсы эсперанто получали государственные дотации.

Однако, как и многие прогрессивные проекты раннего СССР, все это было свернуто уже во второй половине 30-х годов. Эсперанто стали считать языком немецких шпионов, а распространявших интернациональные идеи активистов расстреливали или отправляли в концлагеря. Эрнест Дрезен – лидер движения эсперанто, впервые выступавший на нем по радио, был арестован за измену Родине, шпионаж и организацию террористических акций. Также арестовали некоторых лиц из числа руководства СЭСР, однако в феврале-марте 1938 года, когда начали забирать всех подряд. Преподавателей эсперанто обвиняли в вербовке. Так в СССР пытались сделать из эсперанто «новую латынь», но все закончилось репрессиями [8, с. 40].

После VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов 1957 года, на котором иностранцы свободно общались с москвичами, при Никите Хрущеве эсперанто снова разрешили, но масштабы его распространения были несопоставимы с прежними временами.

Как бы то ни было эсперанто – самый распространенный искусственный язык. Его создал мечтатель, который хотел подарить миру единство. Заменгоф создал нейтральный язык общения, легкий в освоении до хорошего разговорного уровня, и который никого не ставит в подчиненное положение.

И в наше время «язык надеющихся» не остается забытым. Даже в России создаются учебники эсперанто, которые доступны на любом маркетплейсе. А немалое количество отзывов свидетельствует о том, что эта тема все еще актуальна.

Сейчас в мире издается 120 журналов на эсперанто. Все основные интернет-поисковые системы распознают и работают с эсперанто. В опубликованном Европейским парламентом в 2022 году документе «Подходы к многоязычию в коммуникативной политике Европейского Союза» эсперанто был назван «логичным, живым языком» [1, с. 531]. Эсперанто поддерживает католическая церковь, Европейский Союз, ООН и ЮНЕСКО, хотя они даже не знают число носителей эсперанто. В 1996 году финский лингвист Йоко Линдстедт привел такие цифры: тысяча человек считает эсперанто родным, сто тысяч на нем более-менее разговаривают, а остальные миллионы, которые приведены в англоязычной Википедии, – это те люди, которые знают лишь отдельные слова на языке эсперанто.

На примере эсперанто можно проследить как первоначально искусственный язык постепенно превращается в естественный, хоть и условно. Ведь став контактным, благодаря своим носителям язык эсперанто начал обогащаться новыми грамматическими формами, также активно развивается и его лексика. Тем самым, как бы это ни было парадоксально, искусственно созданный

язык эсперанто не перестает эволюционировать естественным путем под воздействием сложившегося вокруг него языкового коллектива. Однако, несмотря на отличие от первоначальной версии 1887 года, эсперанто и по сей день прост для изучения.

Несмотря на поддержку ЮНЕСКО, масштабного внедрения эсперанто в образовательные системы стран-членов организации не произошло. Язык продолжает использоваться преимущественно в рамках эсперанто-движения и отдельных инициатив, но не стал широко распространенным в государственных образовательных программах.

Стоит также отметить, что поскольку эсперанто по большей части основан на латино-романской лексике, его изучение оказывается затруднительным для носителей языков других языковых семей и групп.

В наши дни за счет своей наибольшей универсальности эсперанто является самым популярным и употребляемым из искусственных языков. Однако даже при этом на практике эсперанто так и не достиг статуса ведущего языка международного общения. Такой исход можно обосновать, прежде всего, тем, что на роль универсального для всего мира языка могут претендовать только языки, носители которых обладают гегемонией в какой-либо значимой на мировой арене сфере. В первую очередь речь идет о сверхдержавах и колониальных империях, которые обладают идеологическим, географическим или денежным господством, а потому в силе, в какой бы то ни было форме, навязать свой национальный язык подчиненным их влиянию людям. Будь то народ, проживающий на зависимых от них территориях, или менее авторитетные партнеры.

Так, чтобы побудить других общаться на своем языке, требуется множество ресурсов, которыми в основном обладают лишь могущественные страны. К сожалению, чтобы в действительности претендовать на мировое преобладание недостаточно лишь энтузиазма. Потому у ученых и общественных деятелей, фактически лишенных политического влияния, не удалось ввести язык эсперанто в международный оборот на мировом уровне. Не получая финансовой помощи со стороны государств, средства эсперанто-организаций, складывающиеся по большей части из пожертвований, недостаточны для ведения широкой рекламной кампании и популяризации изучения эсперанто. А при глобализации и торжестве медиа информированность общества играет ключевую роль в популярности чего бы то ни было.

Все же наиболее эффективными причинами для освоения языка являются: необходимость в коммуникации для взаимодействия (лингва франка), изучение священных текстов (латынь и арабский), желание быть частью доминирующей культуры (английский и французский).

На данный момент язык эсперанто представляет собой только лишь хобби, в то время как настоящим языком международного общения продолжает оставаться английский.

Таким образом, язык эсперанто – это плод сознательной деятельности человека, а не процесс эволюции общества. В отличие от языков народов

он не сложился естественным путем. Потому эсперанто не смог стать общеупотребительным, ведь язык, как и другие культурные атрибуты, жив только тогда, когда продолжает существовать среда его повседневного употребления.

Эсперанто – это пример того как порождения настоящей жизни являются более долговечными, чем какие бы ни было красивые и изящные, но полностью искусственные идеи и концепции.

Отдельно взятая личность может мечтать о том, чтобы перевести все человечество на единый идеальный язык. Однако одной из основных проблем при осуществлении подобной идеи является то, что большинство людей не готово учить новый язык лишь из интереса. Эсперанто, имея под собой лишь идейное основание, не вызывает стойкого желания к его изучению и применению, особенно в современных реалиях.

Язык по своей сущности выражает жизнь и культуру его носителей, однако эсперанто – это, искусственно созданная языковая система. Еще советский революционер и государственный деятель Надежда Крупская говорила о том, что эсперанто представляет собой мертворожденный язык, потому что живой язык состоит из оборотов, глубинной и богатой речи, разнообразия семантических полей, ассоциаций и исторической основы, а не из упрощенных и примитивных конструкций.

Пристатейный список литературы

1. *Микаллеф, Л. О.* Развитие и функционирование современных естественных и искусственных международных языков на примере английского и эсперанто / Л. О. Микаллеф // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 4 (107). – С. 528–532.
2. Как устроен язык эсперанто // Яндекс Образование. 2023. – URL: https://education.yandex.ru/journal/esperanto (дата обращения: 13.04.2026).
3. *Ионесов, В. И.* Культура эсперанто в разобщенном мире: исторические вехи и современные императивы / В. И. Ионесов // Сфера культуры. – 2025. – № 3 (21). – С. 36–48.
4. *Иоффе, Э. Г.* Создатель эсперанто / Э. Г. Иоффе // Мишпоха. – 2014. – № 33. – С. 17–20.
5. *Журавлев, Ф.* Эсперанто – орудие пролетариата / Ф. Журавлев // Нож : сайт. – 2022. – URL: https://knife.media/esperanto-ussr/ (дата обращения: 15.04.2026).
6. *Ионесов, В. И.* Культура эсперанто в разобщенном мире: исторические вехи и современные императивы / В. И. Ионесов // Сфера культуры. – 2025. – № 3 (21). – С. 36–48.

УДК 930

Сергей Станиславович Мешалкин,
студент 2-го курса факультета высшего образования
Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия
meshalkin08@mail.ru

Научный руководитель:
Наталья Александровна Милешина,
доктор исторических наук, профессор кафедры теории,
истории государства и права и социально-экономических дисциплин
Средне-Волжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Саранск, Россия

КАК ОТЛИЧИТЬ ИСТОРИЧЕСКУЮ ПРАВДУ ОТ ВЫМЫСЛОВ И ФАЛЬСИФИКАЦИЙ

Аннотация. Актуальность статьи определяется необходимостью разграничения достоверных исторических фактов и фальсификаций в современных напряженных геополитических условиях, когда попытки переписать историю и исказить героическое прошлое России приобретают повсеместный характер. Цель исследования заключается в разработке алгоритма определения достоверности информации исторического характера. Алгоритм разработан на основе систематизации опыта студенческой мастерской исследовательских решений «Русская Правда», главным направлением деятельности которого является историческое просвещение молодежи. В результате исследования, на основе апробации алгоритма автором сделан вывод о том, что искажение исторической правды является одним из инструментов современной информационной войны, которой нужно уметь противостоять.

Ключевые слова: историческая память; фальсификация истории; исторические фейки; алгоритм; просвещение.

Историческая правда является одним из важнейших критериев объективности и справедливости. Ее научная ценность состоит в возможности давать реальную оценку историческим событиям и делать соответствующие выводы. Стремления к искажению истории активно набирают обороны в последнее время. Западный мир посредством намеренного, целенаправленного фальсифицирования исторических фактов стремится подчеркнуть свое превосходство и особую роль в значимых исторических событиях, очерняя при этом Россию. Распространение исторических фейков приобрело регулярный характер как среди СМИ, так и в научном сообществе отдельных зарубежных стран.

Курс России на проведение политики «собственной исторической памяти» объясняется многочисленными искажениями российской истории со стороны стран Запада. Большинство попыток фальсификаций связано с ролью СССР во Второй Мировой войне и предвоенным периодом [1, с. 88]. Это особенно болезненно воспринимается российскими гражданами, предки которых героически сопротивлялись фашистской агрессии и отдали свои жизни за Великую Победу. Однако стремление иностранных держав к формированию негативного образа России имеет давнюю историю и началось еще в имперский и советский период.

На сегодняшний день уже проделана большая работа по защите исторической правды в правовом поле. В 2020 году в Конституции РФ появилась статья 67.1, которая закрепляет защиту исторической правды государством [2]. Была введена уголовная ответственность за отрицание геноцида советского народа [3]. При этом важное внимание уделяется просветительской работе среди молодежи, поскольку исторические фейки сегодня распространены в информационной среде. С целью сохранения исторической правды в 2025 году студентами факультета высшего образования Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России) была создана мастерская исследовательских решений «Русская правда». Через короткометражные исследовательские фильмы, исторические стихотворения и песни, правовые басни мы стремимся транслировать в молодежную среду традиционные российские ценности, популяризировать достоверные исторические факты и научить школьников, студентов колледжей и техникумов распознавать историческую правду.

Для разоблачения вымыслов и выявления исторической правды наша мастерская разработала алгоритм, с помощью которого можно определить достоверность исторической информации. Чтобы отличить реальные исторические факты от недостоверных, необходимо изучить комплекс источников соответствующего периода (нормативные акты, мемуары, эпистолярные источники, публицистику и т. д.), которые смогут отразить те или иные факты в полном объеме. Полезно использовать «взгляд со стороны», поскольку записки иностранцев позволяют подмечать те исторические детали, которые привычны и незаметны для русского человека. Далее проводим сравнительный анализ тех данных, которые мы обнаружили. Сведения, содержащие любые факто-

логические, хронологические и иные противоречия, исключаются из источниковой базы. Конечный вывод должен быть тщательно продуман и основан только на тех исторических фактах, которые находят подтверждение сразу в нескольких источниках.

Попробуем апробировать наш алгоритм, используя ряд распространенных в исторической литературе стереотипов. Так, еще Россия XIX века нередко представляется иностранными историками как «отсталая страна под управлением тиранов». Однако, масштабные либеральные реформы Александра I и Александра II и их прогрессивный характер, отмена крепостного права, развитие элементов рыночных отношений в экономике, промышленный переворот 1830–1880-х годов, расцвет российской культуры опровергают об утверждения об отсталости и тирании в России.

Историческим вымыслом является и утверждение, что нацистская Германия официально объявила войну СССР, а вторжение было не вероломное. В частности, на сайте Википедии мы видим информацию, преподносящую воспоминания Жукова о том, что нарком Молотов официально заявил об объявлении войны со стороны Германии [4]. Однако это очевидное, насыщенное противоречиями хронологического характера, искажение исторических фактов.

Так, в ночь на 22 июня 1941 года посол Германии в СССР Ф. В. фон дер Шулленбург получил из Берлина телеграмму с текстом ноты об объявлении войны Советскому Союзу. Отметим, что в этом документе нападение Германии названо «военными контрмерами», но не началом военных действий [5].

В половине шестого утра, через два часа после первых бомбардировок Германией советской территории, Ф. В. фон дер Шулленбург был принят в Кремле и вручил ноту В. М. Молотову [5].

Беседа Ф. В. фон дер Шулленбурга и В. М. Молотова состоялась в 5:30 утра по московскому времени. Однако уже в 3:40 утра немецкие пикирующие бомбардировщики совершили первый налет на советские города. В 04:15 началась переправа через Буг. В 04:12 немецкие бомбардировщики атаковали Севастополь, одновременно начался штурм Брестской крепости. Таким образом, попытки оспорить официальную историографию выглядят неубедительно и противоречат хронологии событий начала Великой Отечественной войны. Более того, формулировка о нападении на СССР без объявления войны содержится и в немецких исторических документах, а также в учебных и образовательных пособиях.

Еще одна фальсификация, появившаяся относительно недавно, связана с именем японского историка Тэцуо Арима. Он опубликовал в соцсети «X» пост, в котором возложил вину за американские атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки 1945 года на СССР и его правопреемницу Российскую Федерацию [6].

По версии японца, трагедии можно было бы избежать, если бы не внешняя политика Москвы и расширение влияния СССР в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Между тем, нет никаких оснований полагать, что приказ о бомбардировке отдал не президент США Гари Трумэн [7]. Несомненно, данная атака позволила ускорить капитуляцию Японии. Также одной из причин принятого решения было стремление продемонстрировать новое разрушительное оружие перед СССР с целью его устрашения.

Исторические факты свидетельствует о непричастности СССР к атомной бомбардировке по следующим причинам. Как следует из архивных данных, решение о бомбардировке было принято 25 июля 1945 года, первая атака состоялась 6 августа. Между тем СССР вступил в войну 9 августа, выполняя условия Ялтинских соглашений. Причинно-следственной связи между этими фактами, подтверждающие виновность СССР, отсутствуют. Напротив, сопоставив исторические события, архивные данные, мы можем прийти к выводу о том, что решение о бомбардировке принималось исключительно руководством США.

В целом, искажение исторической правды о нашем государстве является одним из инструментов современной информационной войны. Мастерская исследовательских решений «Русская Правда» призвана сохранять достоверность исторической информации, чтить память об уникальном прошлом России и распространять эти ценности в молодежной среде. Подобные практики могут использоваться и другими студенческими объединениями, нацеленными на повышение исторической грамотности молодежи и предупреждающими внедрение в сознание школьников, учащихся средних специальных учебных заведений заведомо ложных исторических стереотипов, искажающих героическую историю нашего Отечества.

Пристатейный список литературы

1. *Нефедьев, А. В.* Политика памяти в современной России / А. В. Нефедьев, А. Ю. Соклаков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2022. – № 4. – С. 87–93.
2. Конституция Российской Федерации с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Российская газета. – 2020. – 4 июля.
3. Федеральный закон от 09.04.2026 № 100-ФЗ «О внесении изменений в статьи 243.4 и 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2026. – № 15. – Ст. 1867.
4. Меморандум Германии об объявлении войны СССР (1941) // Википедия : сайт. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%83%D0%BC_%D0%93%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8_%D0%BE%D0%B1_%D0%BE%D0%B1%D1%8A%D1%8F%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B8_%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D1%8B_%D0%A1%D0%A1%D0%A1%D0%A0_(1941)?ysclid=muohjh19s4364551475 (дата обращения: 28.09.2026).

5. 22 июня 1941 года. Хроника дня в документах Архива внешней политики Российской Федерации // Историко-документальный департамент МИД России : сайт. – URL: https://idd.mid.ru/exhibition_materials_idd/22-iyunya-1941-goda-khronika-dnya-v-dokumentakh-arkhiva-vneshney-politiki-rossiyskoy-federatsii/?ysclid=muofvjgecy398740753 (дата обращения: 28.09.2026).
6. «В атомной бомбардировке Японии виноват СССР»: японский профессор Арима поставил рекорд клеветы // Комсомольская правда : сайт. – URL: https://www.kp.ru/daily/277813/5299690/ (дата обращения: 28.09.2026).
7. Decision to Drop the Bomb // Harry S. Truman Library & Museum : сайт. – URL: https://www.trumanlibrary.gov/museum/presidential-years/decision-to-drop-the-bomb (дата обращения: 28.09.2026).

УДК 347.4

Екатерина Николаевна Потапова,
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Калужского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Калуга, Россия
katrin.klg@yandex.ru

ЯЗЫКОВОЙ БАРЬЕР ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ ИНОСТРАННЫМ ГРАЖДАНАМ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И КИТАЙСКИЙ ОПЫТ НОТАРИАЛЬНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ

Аннотация. Языковой барьер остается одним из главных препятствий при получении медицинских услуг иностранными гражданами. В статье исследуется рассматриваемая проблема с позиции возможных способов ее преодоления путем применения лингвистических и юридико-технических средств. В частности, рассматриваются возможные подходы к решению проблемы посредством нотариального сопровождения. На примере опыта Китая исследуются правовые и организационные механизмы: схема «нотариат + перевод», нотариальное удостоверение медицинских решений (договорное опекунство, специальная медицинская доверенность, предварительное распоряжение), использование блокчейн-платформ для депонирования медицинских данных. Опыт провинции Гуандун демонстрирует, как нотариат гарантирует юридическую достоверность перевода и неизменность документов, что напрямую влияет на защиту прав иностранных пациентов. Автор обосновывает возможность частичного заимствования китайского опыта в России и предлагает меры по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: языковой барьер; медицинские услуги; иностранные граждане; нотариальные действия; перевод.

На сегодняшний день законодательство в сфере правового регулирования отношений по оказанию медицинских услуг в большинстве государств находится в процессе преобразования. Это связано, прежде всего, с растущим прогрессом во всех областях медицинской деятельности, в возрастании роли частной медицины, заинтересованности в ней граждан. Поэтому большое значение начинает приобретать гражданское законодательство в части оказания медицинских услуг, направленное на их специфическую регламентацию и защиту прав субъектов-участников.

Одной из основных составляющих качественного оказания медицинских услуг иностранным гражданам является успешное преодоление языкового барьера, с которым в данной ситуации встречаются участники правоотношений, возникающих в связи с возмездным оказанием медицинских услуг. Преодоление данных препятствий способствует развитию коммуникации между участниками отношений, повышению качества оказания услуг, а также позволяет учесть максимально точно индивидуальные предпочтения пациента [1, с. 296]. Кроме того, данные обстоятельства способствуют достижению справедливых и высококачественных результатов лечения, что принесет пользу как пациентам, так и медицинским организациям.

В этой связи исполнителю крайне важно формулировать предмет договора с учетом языковых особенностей оказания медицинских услуг иностранцам.

Рассматриваемая деятельность, не адаптированная для иностранного пациента, приводит к более длительному периоду лечения и восстановления, а также более инвазивным диагностическим процедурам, оказывает значительное влияние на стоимость и качество медицинского обслуживания. В частности, проводимые исследования показывают, что языковые барьеры могут привести к недопониманию медицинскими работниками ситуации, возникшей у пациентов, что приводит к задержкам в назначении необходимого лечения или постановке ошибочных диагнозов [2].

В то же время при данных обстоятельствах исполнитель обязан «предоставить высококачественные медицинские услуги, соответствующие принципам соблюдения прав человека и равенства по отношению ко всем своим пациентам» [3].

Таким образом в рамках гражданско-правового регулирования возмездного оказания медицинских услуг иностранцам, чтобы преодолеть языковой барьер, медицинские организации предоставляют услуги переводчиков, однако это сопряжено с серьезными проблемами, связанными с доступностью и финансовой нагрузкой.

Использование услуг переводчиков способствует повышению удовлетворенности пациентов и улучшению качества медицинского обслуживания для пациентов, испытывающих проблемы в рассматриваемой области [4, с. 23]. Данные услуги тесно связаны с увеличением количества визитов к врачу, назначением лекарственных препаратов и получением профилактических услуг [5, с. 431]. Однако их предоставление также увеличивает продолжительность и стоимость приема у врача, что зачастую не всегда удобно заказчику (пациенту).

Так, проводимые исследования показывают, что участники прибегали к различным вариантам решения данной проблемы: записывали вопросы перед посещением врача, обращались к профессиональным переводчикам, нанимали двуязычный медицинский персонал для процедур ухода [6, с. 122]. Однако даже при таких обстоятельствах иностранные пациенты считали, что информирование о медицинских услугах проводилось неполностью и они не могут эту информацию донести до врача. В частности, следует выделить проблемы с коммуникацией. Недопонимание между врачом и пациентом могут привести к ошибкам в отношении диагностики, вариантов лечения и инструкций по послеоперационному уходу. Кроме того, пациенты могут испытывать трудности с доступом к информации о своем заболевании, методах лечения и потенциальных рисках, что, в свою очередь, способствует нарастании неуверенности заказчика в качестве оказанных медицинских услуг.

Как показывают исследования пациенты, сталкивающиеся с языковыми барьерами, чаще обращаются за дополнительными медицинскими услугами [7, с. 248] и чаще сталкиваются с неблагоприятными последствиями лечения [8, с. 577]. Вследствие недостаточной коммуникации повышается риск медицинских ошибок (ошибочный диагноз, неправильная дозировка лекарственных препаратов), которые могут иметь серьезные негативные последствия для безопасности пациента и результатов лечения [9, с. 34].

При этом данное коммуникативное препятствие не исчерпывается только лингвистическим фактором. Особое значение для иностранного пациента имеет правовая составляющая. В частности, преодолевая языковой барьер в отношениях по оказанию медицинских услуг, иностранному пациенту необходимо позаботиться о гарантиях достоверности перевода всей необходимой медицинской документации, воспользовавшись возможностями, предоставляемыми в зарубежных государствах. Тем более что рынок трансграничных медицинских услуг в современном мире растет и развивается.

Так, в Китае в марте 2026 года провинция Гуандун официально объявила о создании первой партии 25 пилотных больниц для оказания трансграничных медицинских услуг, что ознаменовало новый этап стандартизации и масштабного развития международных медицинских услуг в провинции [10].

Вместе с тем модернизация рассматриваемых отношений обусловила потребность иностранных пациентов в подтверждении действительности медицинских документов (медицинских карт, заключений, рекомендаций, планов реабилитации и ухода) для дальнейшего лечения в государстве гражданства (постоянного проживания) либо при разрешении спорных вопросов в целях защиты своих прав. Такие документы требуют нотариального или консульского заверения, а в ряде случаев – легализации или апостилирования для придания им юридической силы.

Для решения проблемы языкового барьера по всем направлениям (лингвистические, правовые, технические) в пилотной зоне (Гуандун) активно применяются гибридные системы реагирования, где в качестве гаранта достоверности перевода выступает нотариус, а блокчейн – гарантом неизменности

самого документа. Такая схема создает «определенную зону доверия вокруг иностранного пациента, позволяя ему получать медицинские услуги, не опасаясь, что недопонимание или неверный перевод приведут к негативным юридическим последствиям» [11, с. 3].

Кроме того, имеющийся китайский опыт оказания медицинских услуг иностранным гражданам позволил обобщить ситуации, возникающие при оказании экстренной помощи пациенту, предполагающей одобрение соответствующих медицинских вмешательств самим пациентом или его представителем (ст. 1219 ГК КНР) [12]. При этом в случае потери сознания (впадение в кому) медицинское учреждение может непосредственно проводить диагностику и лечение после одобрения соответствующих действий представителем (ст. 1220 ГК КНР). Однако клинические сценарии довольно сложны и разнообразны. Иностранные пациенты зачастую приезжают одни, соответствующее лечение проходят без сопровождения близких родственников. В связи с этим представители не могут вовремя связаться с медиками. Кроме того, встречаются случаи, когда представителей много и они расходятся во мнениях.

Данный законодательный подход и его практическая реализация позволяют сделать вывод, что даже если медицинская организация оказывает медицинские услуги в соответствии со всеми правилами, впоследствии родственники могут воспользоваться сложившейся ситуацией и обратиться в суд за защитой своих прав вследствие «недостаточного уведомления и информированного согласия», оставляя тем самым, исполнителя пассивным к защите.

В этой связи нотариальная практика дает возможность иностранным гражданам оформить так называемые «доврачебные инструкции» (прижизненные завещания)[1]. Заинтересованные стороны могут посредством нотариально заверенной письменной формы решить вопрос о различных мерах по поддержанию жизни, которые могут быть применимы или неприменимы к гражданину в случае потери им способности принимать соответствующие решения (тяжелая форма слабоумия, потеря сознания, кома). Таким образом, нотариус может заверить волю иностранного пациента в отношении применения к нему соответствующего вмешательства, предполагаемое представительство (назначение доверенного лица) для осуществления всех последующих полномочий по принятию «медицинских решений» от имени гражданина во избежание конфликтных ситуаций.

В целом следует отметить, что трансграничное направление развития отношений по оказанию медицинских услуг иностранным гражданам в Китае открывает новые возможности для участников рассматриваемых правоотношений, вовлекая в процесс новые способы взаимодействия для нотариусов, спрос на услуги которых продолжает расти.

---

[1] Данные речевые обороты употребляются на официальном сайте Южной нотариальной конторы с учетом особенностей перевода с китайского на русский язык (https://news.southcn.com/node_54a44f01a2/223fddea55.shtml#1).

Следующим этапом взаимодействия для Южной нотариальной конторы является оптимизация таких моделей обслуживания как «зеленый канал», дистанционное нотариальное заверение соответствующих действий, хранение сертификатов на блокчейне и др. Реализуя функцию нотариального заверения медицинской документации иностранного гражданина, нотариусы обеспечивают профилактику медицинских рисков, фиксацию доказательств в споре и продолжают внедрять возможности нотариального заверения в стабильную и стандартизированную работу международной системы медицинского обслуживания.

Таким образом, языковой барьер в медицинских услугах для иностранцев – это не только коммуникативная трудность. От понимания пациентом информации о диагнозе, лечении и рисках зависит действительность его информированного согласия, а значит, и правовая защищенность обеих сторон. Китайский опыт нотариального сопровождения предлагает решать эту проблему правовыми средствами. Нотариус здесь не ограничивается переводом: он удостоверяет медицинские решения (договорное опекунство, специальную медицинскую доверенность, предварительное распоряжение), а блокчейн-платформы обеспечивают неизменность депонированных документов. В результате формируется доказательственная база, которая снижает риск споров о качестве перевода или подлинности соответствующих медицинских документов.

Для России полноценная реализация данного порядка вряд ли возможна, но отдельные элементы заслуживают внимания – например, закрепление требований к нотариальному переводу информированного согласия или создание отечественной платформы для хранения нотариально заверенных медицинских документов. Предложенные меры могут быть конкретизированы при сопоставлении с практикой других стран БРИКС, что указывает на перспективу дальнейшего исследования заявленной темы.

Пристатейный список литературы

1. *Betancourt, J. R., Green, A. R., Carrillo, J. E.* Anan-Ephirempong O. I. II. Defining Cultural Competence: A Practical Framework for Addressing Racial/Ethnic Disparities in Health and Health Care // Public Health Rep. – 2003. – № 4. – P. 293–302.
2. *de Moissac D, Bowen, S*. Impact of language barriers on quality of care and patient safety for official language minority francophones in Canada // J Patient Exp. – 2019. – № 6 (1). – P. 24–32; Karliner, LS, Kim, SE, Meltzer, DO, Auerbach, AD, The impact of language barriers on the outcomes of inpatient treatment for patients with therapeutic conditions. // J Hosp Med – 2010. – № 5 (5). – P. 276–282.
3. Лиссабонская декларация прав пациентов (1981/2005). Принцип 1; Права человека и здоровье: информационный бюллетень ВОЗ. 2023. –

URL: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/human-rights-and-health (дата обращения 20.09.2026.).
4. *Squires, A.* Strategies for overcoming language barriers in healthcare // Nurs Manage. – 2018. – № 49 (4). – P. 20–27.
5. *Brach, C., Fraser, I., Paez, K.* Crossing the language chasm // Health Aff (Millwood). – 2005. – № 24 (2). – P. 424–434.
6. *Al-Shamsi, H., Almutairi, AG., Al-Mashrafi, S, Al-Kalbani, T.* Impact of language barriers on healthcare: a systematic review // Oman Med J. – 2020. – № 30. – P. 122.
7. *Bischoff, A., Denhaerynck, K.* What do language barriers cost? An exploratory study among asylum seekers in Switzerland // BMC Health Serv Res. – 2010. – № 10 (1). – P. 248.
8. *Cohen, AL., Rivara, F., Marcuse, EK., McPhillips, H., Davis, R.* Are language barriers associated with serious medical events in hospitalized pediatric patients? // Pediatrics 2005. – № 116 (3). – P. 575–579.
9. *Squires, A.* Evidence-based approaches to overcoming language barriers // Nursing. – 2019. – № 9. – P. 34–40.
10. 广东公布首批25家国际医疗服务试点医院打造大湾区国际医疗服务高地. – URL: https://wsjkw.gd.gov.cn/gkmlpt/content/4/4877/mpost_4877003.html#2569 (дата обращения: 19.09.2026).
11. *Zhu, Q.* Application Limitations and Legal Adaptation Strategies of Blockchain Technology in Medical Data Notarization // Proceedings of … Wuhan, 2025. P. 1–10.
12. 广东公布首批25家国际医疗服务试点医院打造大湾区国际医疗服务高地. – URL: https://wsjkw.gd.gov.cn/gkmlpt/content/4/4877/mpost_4877003.html#2569 (дата обращения: 19.09.2026).

УДК 347.965

Игорь Леонидович Степанов,
адвокат, Адвокатская палата Московской области,
Некоммерческая организация «Коллегия адвокатов
«Содействие», г. Москва, Россия
11234@apmo.ru

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РОЛИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ПРАКТИКЕ АДВОКАТОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ АСИММЕТРИЧНОГО ДВУЯЗЫЧИЯ

Аннотация. Следует отметить, что предшественниками не предпринималось попыток проанализировать влияние предписаний нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность белорусских адвокатов, на становление роли русского языка как языка оказания юридической помощи в Республике Беларусь. В статье проведен анализ положений ряда нормативных правовых актов, повлиявших на развитие доминирующего положения русского языка в сфере оказания юридической помощи в Беларуси, систематизированы факторы, оказавшие влияние в данной сфере, внесены предложения по корректировке законодательства Республики Беларусь.

Ключевые слова: адвокат; адвокатура; юридическая помощь; русский язык; белорусский язык; двуязычие.

В начале 90-х годов XX столетия языковая политика в Республике Беларусь базировалась на волне подъема национальной самоидентификации населения. Вместе с тем, указанные процессы, в отличие от ряда бывших советских республик, в Беларуси не привели к вытеснению русского языка как из общественного обихода, так и из политической жизни.

Официальный статус одного из государственных языков в Беларуси русский язык обрел в 1995 году, после проведения референдума, на котором абсолютное большинство граждан, принявших участие в голосовании (83,3%)

высказались за придание русскому языку статуса одного из двух государственных.

Как справедливо отмечает И. С. Ровдо, «людей, в равной степени хорошо владеющих белорусским и русским языками, не так много. В основном это представители сферы образования, науки, культуры, некоторые студенты» [1, с. 565].

Такое положение явилось определяющим для дальнейшего развития нормотворчества в Республике Беларусь. В 90-е годы в Беларуси происходило стремительное формирование нормативной базы независимого государства. В абсолютном большинстве случаев официальные тексты ключевых нормативных правовых актов принимались на русском языке без их дублирования на белорусский. Официальный текст на белорусском имела лишь Конституция и некоторые акты Министерства Культуры, Академии наук, местных органов управления и самоуправления. Следует отметить, что в последнее десятилетие в Беларуси ведется активная работа по переводу кодексов и ключевых законов на белорусский язык. Эта работа явилась следствием поручения Президента Республики Беларусь данного 1 марта 2019 г. во время «Большого разговора с Президентом», в результате чего при Национальном центре правовой информации в 2019 году был создан экспертный совет по вопросам перевода законодательных актов на белорусский язык [2]. Вместе с тем основными целями такой работы являются не перевод правоприменительной практики в белорусскоязычный формат, а сохранение белорусского языка, разработка белорусской юридической терминологии, повышение правовой культуры в обществе.

В Республике Беларусь адвокатура является правовым институтом, призванным оказывать в соответствии с Конституцией Республики Беларусь на профессиональной основе юридическую помощь в целях осуществления и защиты прав, свобод и интересов физических и юридических лиц.

Закон Республики Беларусь «О языках в Республике Беларусь» в ст. 18 устанавливает, что юридическая помощь гражданам и организациям оказывается на белорусском или русском языке, или на приемлемом для сторон языке [3, ст. 18].

В то же время закон «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» не устанавливает для адвокатов специальных требований в части владения каким-либо государственным языком.

Иная ситуация наблюдается в судейском корпусе. Так, ст. 73 и 76 Кодекса Республики Беларусь «О судоустройстве и статусе судей» закрепляют соответственно для судей Конституционного Суда и судов общей юрисдикции императивное требование об обязательном владении как русским, так и белорусским языками, в свою очередь ст. 13 того же Кодекса устанавливает, что судопроизводство и делопроизводство в судах Республики Беларусь ведется на белорусском и (или) русском языке [4].

Закон Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» в ст. 26 закрепляет виды юридической помощи, оказываемой адвокатами [5, ст. 26]. Можно выделить основные виды юридиче-

ской помощи: дача устных и письменных консультаций по законодательству, судебное представительство, участие в качестве защитника в уголовном процессе, составление заявлений, жалоб, запросов и других документов правового характера.

На первый взгляд – выбор языка оказания юридической помощи обусловлен согласованной волей адвоката и клиента, однако как усматривается из приведенных норм белорусского законодательства, этот выбор в значительной мере зависим от ряда факторов, к которым на наш взгляд необходимо отнести следующие:

Во-первых, свободное владение адвокатом и клиентом языком оказания юридической помощи, поскольку как клиенту необходимо в максимально доступной форме сформировать запрос, направленный к адвокату, так и адвокату в свою очередь, необходимо предоставить клиенту исчерпывающую информацию по его проблеме, в свободной и доступной форме довести до клиента возможную перспективу исхода дела.

Во-вторых, язык официального текста нормативных актов, регламентирующих правовое регулирование той сферы общественных отношений, в плоскости которой находится запрос клиента. Представляется недопустимым перевод (интерпретация) содержания правовой нормы на иной язык, поскольку при таком переводе (особенно – неквалифицированном) может быть утрачен смысл заложенной в норму права воли законодателя.

В-третьих, язык, на котором ведется судопроизводство. Право определять язык судопроизводства принадлежит суду. С учетом отсутствия официальных текстов нормативных актов на белорусском языке, суды априори избирают языком судопроизводства русский. Участникам процесса, не владеющим в достаточной мере языком судопроизводства как в цивилистическом, так и в уголовном процессе, обеспечивается участие переводчика.

Таким образом, с учетом приведенных факторов можно прийти к выводу о том, что русский язык занимает ведущую роль при оказании белорусскими адвокатами юридической помощи клиентам. Данное положение обусловлено также тем обстоятельством, при котором в современной Республике Беларусь сложилось устойчивое русско-белорусское двуязычие, при этом большая часть населения использует русский язык в повседневной сфере, деловой жизни, документообороте, образовании и иных сферах.

Некоторые вопросы в правоприменительной практике возникают при оказании адвокатами такой формы юридической помощи, как направление адвокатами от имени и в интересах клиентов запросов и обращений в различные органы и организации.

Белорусский законодатель в ст. 12 Закона Республики Беларусь «Об обращениях граждан и юридических лиц» закрепил право излагать обращения на русском или белорусском языке. Однако данному праву корреспондирует закрепленная ст. 18 того же закона обязанность адресата обращения излагать ответ исключительно на языке обращения, не оставляя ему право на выбор одного из двух государственных языков для ответа [6].

Такое положение на наш взгляд не обеспечивает в полном объеме равенство официального статуса белорусского и русского языков с учетом преимущественного использования русского языка в нормотворческой и юридической деятельности. Будучи в известной степени связанным волей клиента, адвокат, зачастую может испытывать затруднения при формировании запроса и (или) обращения на белорусском языке ввиду недостаточного владения последним, либо отсутствия специальной терминологии. В свою очередь, адресат запроса, вынужденный отвечать на языке, на котором данный запрос сформирован, сталкивается с аналогичными трудностями.

В связи с изложенным, нельзя не согласиться с мнением Д. С. Судниченко о том, что «В области языковой практики населения республики также наблюдается преимущественное применение русского языка» [7, с. 92].

С учетом того, что русский и белорусский языки принадлежат к одной восточнославянской группе, имеют глубокую генетическую и лексическую близость, происходят из единого прославянского источника предполагается целесообразным внести изменения в ст. 18 Закона Республики Беларусь «Об обращениях граждан и юридических лиц», обеспечив право адресата обращения предоставлять заявителю ответ на одном из двух государственных языков по его выбору. Такое положение на взгляд автора обеспечит устранение указанного дисбаланса, приведет к повышению эффективности деятельности государственных органов и юридических лиц. Указанное положение также обеспечит строгое соблюдение права адвоката на выбор языка обращения (запроса), направляемого от имени клиента, исключив повод для необоснованных жалоб на адвокатов со стороны доверителей.

Являясь суверенным государством, Республика Беларусь обеспечивает всестороннее развитие как русского, так и белорусского языков во всех сферах общественной жизни. Вместе с тем в практический деятельности адвокатов при формально-юридическом равноправии двух государственных языков отмечается значительный дисбаланс их использования с явным уклоном в сторону русского языка.

Пристатейный список литературы

1. *Ровдо И. С.* Особенности русско-белорусского двуязычия в Беларуси // Мир русского слова и русское слово в Мире : материалы XI конгресса МАПРЯЛ. – Т. 4. – София : Heron Press, 2007.
2. 11 кодексов переведено на белорусский язык // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь : сайт. – URL: https://pravo.by/novosti/analitika/2021/november/67463/ (дата обращения: 15.09.2026).
3. Закон Республики Беларусь от 26 января 1990 г. № 3094-XI // Собрание законов Белорусской ССР, указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, постановлений Совета Министров Белорусской ССР. – 1990. – № 4. – Ст. 46.

4. Кодекс Республики Беларусь «О судоустройстве и статусе судей» от 29 июня 2006 г. № 139-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2006. – № 107. – С. 4–16.
5. Закон Республики Беларусь от 30 декабря 2011 г. № 334-З «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2012. – № 2.
6. Закон Республики Беларусь, 18 июля 2011 г. № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2011. – № 83.
7. *Судниченко, Д. С.* Языковая ситуация в Республике Беларусь на современном этапе // Электронная библиотека БГУ : сайт. – URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/245086/1/sudnichenko_sbornik24.pdf. (дата обращения: 15.09.2026).

Научное издание

XIX МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДЕРЖАВИНСКИЕ ЧТЕНИЯ»

(Тула – Москва, 26–30 октября 2026 года)

Сборник статей

Выпускающий редактор
Кирсанова Екатерина Васильевна

Корректор
Соболева Ольга Васильевна

Верстка
Лопушанская Ольга Сергеевна

ISBN 978-5-00220-597-4

9 785002 205974 >

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВСЕРОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ЮСТИЦИИ
(РПА МИНЮСТА РОССИИ)»
ВГУЮ (РПА МИНЮСТА РОССИИ)

117638 г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1
Тираж 500 экз. Объем 6 Мб.
Подписано к использованию 23.10.2026